Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 7

(Вторая половина XV века)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – 581 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Послание на Угру Вассиана Рыло *(Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод О. П. Лихачевой, комментарии Я. С. Лурье)*

Независимый летописный свод 80-х годов XV века *(Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье и Н. И. Милютенко, перевод Н. И. Милютенко)*

"Лаодикийское послание" Федора Курицына *(Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье)*

Послание Геннадия Иоасафу *(Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье)*

Сказание о Дракуле *(Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод О. В. Творогова)*

Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле *(Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова)*

Слово о злых женах *(Подготовка текста, перевод и комментарии А. Г. Боброва)*

Слово о Хмеле *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)*

Вступление

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ИСТОРИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Определение, вынесенное в заглавие этой статьи, посвященной литературе второй половины XV века, может показаться странным. В самом деле, какая литература не «размышляет», не оценивает, не озабочена будущим своей страны? Да, действительно, литература «думает», но в каждую из эпох она думает о своем, о том, что ей особенно нужно, что волнует народ, что подсказано историческими обстоятельствами.

Во времена Владимира I Святославича и Ярослава Мудрого литература была озабочена будущими судьбами Русской земли, ее предназначением в мировой истории. Были созданы «Слово о Законе и Благодати» и «Начальная русская летопись». Во второй половине XV века, накануне окончательного освобождения от иноземного ига, эти думы об исторических судьбах снова посетили русскую литературу, овладели умами читателей, но при этом в своих более разнообразных и широких аспектах.

Что такое государственная власть, какие на нее накладываются обязанности перед народом? Почему некоторые из мировых держав сходят с исторической сцены, подпадают под чужеземное иго и как сохранить свою национальную независимость? Кому, какому княжеству принадлежит право возглавить всю Русскую землю? До каких пределов простирается власть государя над своими подданными и в какой мере государь отвечает за их нравы и грехи перед Богом?

Еще московский государь не обрел всей полноты власти и независимости в исторической действительности, но литература уже готовилась ответить на вопросы будущего устроения Русского государства. И, может быть, потому, что ответы на эти вопросы были излишне категоричны, — литература оказалась в какой-то мере ответственной, как мы увидим в дальнейшем, не только за все положительные, но и за отрицательные деяния и Ивана III, и Василия III, и Ивана IV.

Особый интерес появляется к загадочным предсказаниям исторических катастроф (видение пономаря Тарасия, видение Зосимы на пиру у

Марфы Борецкой, предсказывающее падение Новгорода, и т. п.) и к не менее загадочным возвышениям властителей, обретению престола, царственных регалий и т. д.

*

Вторая половина XV века — это время, когда Русь становится одним из сильнейших государств Восточной Европы. Москва завершает объединение великорусских земель и выходит на европейскую политическую арену. Исто-рики часто повторяют рассказ о том, как в 1487 году на рейхстаге в Нюрнберге император Фридрих III и князья Священной Римской империи с удивлением узнали о существовании Московии и слушали рассказ о ней своего посла рыцаря Поппеля. Но Московию не надо было открывать. К ней и в предшест-вующие века постоянно обращались за помощью и греки, и балканские славяне. В Русской земле уже в XIV веке начинали видеть будущую опору на Востоке и юге Европы от надвигающейся османской опасности.

Падение трехсотлетнего ордынского ига на Руси совершилось без генерального сражения — простым «стоянием на Угре» в 1480 году двух войск — московского и ордынского, в результате которого войско хана Ахмата отказалось от попытки перейти небольшую мелководную реку Угру и повернуло назад. Это совершилось ровно через сто лет после Куликовской победы, а перед тем Москва военной силой покорила последнего своего опасного соперника — Новгород Великий. Два новгородских похода Ивана III в 1471 и 1478 годах решили судьбу не только Новгорода, но и всей русской страны.

Образование мощного единого национального государства поставило перед русским народом целый ряд политических, исторических и нравственных проблем, разрешать которые должна была в первую очередь общественная мысль и литература.

Что представляла собой русская литература в этот знаменательный период? Несомненно: русская литература развивалась своим путем, но путь этот на всем его протяжении постоянно перекрещивался с путями литератур других европейских стран — Византии, Болгарии, Сербии, Молдаво-Валахии; в меньшей мере, но все же достаточно ощутимо — Моравии, Чехии и Польши. Русская литература вплоть до XVI века не знала строгих границ, а в то время, к которому мы обращаемся сейчас в нашем очерке, не было ощутимых границ ни с Украиной, ни с Белоруссией в составе Польско-Литовского государства. Три восточно-славянских народа имели общий литературный язык — в основе своей болгарский по происхождению и мало различавшийся по своим разговорно-национальным и диалектным особенностям во всех восточно- и южно-славянских странах.

При всем своеобразии пути русской литературы — своеобразии, определившемся уже в первый век ее возникновения, — русская литература развивалась рядом с европейской. Она имела многие сходные черты со средневековыми литературами Запада, много общих памятников, общие эстетические нормы, сходное (христианское)

мировоззрение и сходные общественные проблемы, возникавшие в результате того, что феодализм во всех странах при всем различии в проявлениях был в существе своем именно феодализмом и в общественном строе этих стран не было принципиальных различий.

Вторая половина XV века на Западе — это период Ренессанса в культуре. Чтобы выяснить сходства и различия русской литературы с западноевропейской, необходимо прежде всего дать четкий ответ на вопрос о том — был или не был Ренессанс в России, а если не было его как культурной формации, то коснулись ли России проблемы, поднятые Ренессансом в европейской культуре?

Наряду с итальянским Ренессансом, который считается обычно наиболее идеальным проявлением ренессансных явлений вообще, как известно, существовал Северный Ренессанс — Ренессанс стран к северу от Альп — Франции, Германии, Нидерландов, Англии, скандинавских стран. Существовали, кроме того, чешский и польский варианты Ренессанса. Ренессансы отдельных стран далеко не равноценны. Но ведь оценки и не столь существенны: Ренессанс — это не оценочная категория, а историческая. Так называют эпоху, переходную к культуре Нового времени. Новое время в России вступило в свои права значительно позднее — на переломе от XVII века к XVIII. И с этой точки зрения в России Ренессанса в XV и XVI веках не было, но тем не менее не могли не быть отдельные ренессансные явления в общественной мысли, в изобразительном искусстве, в зодчестве и в литературе, вызванные к жизни развитием ремесел, городской жизни, влиянием ренессансного окружения.

В стране классического Ренессанса, Италии, процесс шел путем развития элементов светского гуманистического мировоззрения. В странах севернее Альп — путем развития идей религиозного «обновления». Своеобразие Северного Ренессанса заключалось во внимании к религиозной морали, к попыткам обновления старых норм религиозной и церковной жизни. Элементы русского Ренессанса связаны с попытками исторического осмысления нравственного долга страны и личности в жизни страны, роли личности в государстве. В России ренессансные явления сказывались главным образом в попытках эмансипации искусств, в развитии литературы как искусства и потребностях увидеть в человеке самостоятельную ценность, осмыслить роль и значение человека в истории. Процесс занял длительное время. Вторая половина XV века была только одним из его периодов. Процесс шел незаметно и подспудно. Он не был поэтому резко и определенно выражен.

Русские города, в первую очередь Новгород и Псков, пытались выйти из феодального окружения, развить в себе элементы капитализма и буржуазных отношений, но уже на грани двух веков были подчинены единому русскому централизованному государству.

Точка зрения Хейзинги, рассматривающего Ренессанс как «закат Средневековья» (J. Huizinga. Das Problem der Renaissanse. - Wege der Kulturgeschichte. Munich, 1930) и стремящегося найти элементы

Ренессанса в позднем Средневековье, вполне применима и к русским культурным явлениям XV и XVI веков, обладающим еще более ярко выраженной особенностью — отсутствием строгих границ между отдельными эпохами.

Итак, в России Ренессанс не вступил в свои права, но веяния Ренессанса оставили след в русской литературе, изобразительном искусстве, зодчестве, общественной мысли. Они были ослаблены тем, что церковь не только не уступила своих позиций, но в силу ряда причин усилила их. Поэтому крайне замедлилось и усложнилось главное явление Ренессанса — секуляризация жизни. Усилившийся интерес к личности человека, к его внутренней жизни, как мы можем отметить и для XVI века, продолжал осуществляться в пределах церковного мировоззрения.

При этом светское гуманистическое мировоззрение Ренессанса даже в своих очень незначительных формах проникало на Русь не через изобразительное искусство и не через философию, а главным образом через литературу. Одним из признаков этого проникновения было обращение литературы к проблемам светской жизни и освобождение литературы и литературных жанров от задач церковно-воспитательных, усиление развлекательности, а с другой стороны, — в связи с тем, что вопросы государственного строительства заняли на Руси первостепенное место в эпоху образования централизованного государства, — в литературе стали обсуждаться также и вопросы взаимоотношения личности и государства.

Секуляризация совершалась как бы косвенно. Парадоксальным образом в искусство всех видов входили результаты обмирщения, его последствия, но не само обмирщение, — явления вторичные раньше, чем первичные.

Одним из таких интереснейших явлений в литературе было стремление к созданию в произведении загадок, к сюжетности повествования, к почти фольклорной ответно-вопросной форме и т. д.

Наряду с большими историческими произведениями все большее место в исторической литературе начинают занимать повествования, посвященные только одному событию, одной исторической личности, одному явлению, причем эти события, явления и личности составляют как бы повод для размышлений о смысле происходящего. Собственно, этот процесс начался ранее, что сказалось в появлении произведений, посвященных Куликовской битве, Дмитрию Донскому, тому или иному вражескому нашествию.

*

Вторая половина XV века — время удивительного разнообразия, разнообразия мировых тем и пятисотлетних (полутысячелетних) традиций — перевернутых, поставленных вверх дном, переиначенных, обмененных местами внутри жанров и традиций, примененных заново — к новому содержанию.

Это явление тем более поразительно, что в целом традиционность средневековой литературы — выражение ее творческой силы. Эта традиционность совсем не похожа на традиционность Нового времени. В средневековой традиционности — не вялость творчества, а напротив — стремление облечь резкую и отчетливую мысль в жесткие, прочные формы, причем иногда формы разнообразные, резко несхожие, готовые пронзить воображение какой-то исступленной нереальностью.

Этикетные формулы, традиционные образы ложатся почти спаянными, соединены друг с другом намертво, и чем больше текст переписывается и соответственно меняется, тем больше они объединяются между собой ритмом — ритмом, за которым следят и переписчики, и читатели, нередко читающие произведения вслух, — то для себя, то для многих слушателей одновременно.

По тексту древнерусских произведений как бы плывут голоса их многочисленных читателей, и этим сглаживаются все шероховатости, вбивается в текст каждое слово, подгоняются его грамматические формы, а иногда заменяются отдельные слова и целые блоки слов, чтобы они плотнее ложились друг к другу.

Литературных традиций в древнерусской литературе — не одна и не две. Их много, они живут рядом — совсем несхожие, контрастируя друг с другом, заставляя читателей перестраиваться каждый раз на новый лад, даже на новую напевную манеру чтения вслух.

Новое потому так легко создается в Средневековье, что оно не отменяет старое, а только по-новому его организует. Новый стиль — либо переделывает, либо переносит жанровые границы, переставляет стиль из одних жанровых рамок в другие, создает, как мы увидим в дальнейшем, некие антистили и антижанры.

Представляя себе древнюю русскую литературу как литературу малоподвижную и однообразную, мы просто не видим ее, имеем дело с собственными о ней представлениями, из которых часто бессильны вырваться, привыкнув к традициям новой литературы и литературным вкусам Нового времени.

Создавая новый стиль, древнерусские авторы не разрушают прежние традиции, а творят как бы основу для новой традиции на основе старых и создают ее не свободной, а снова жесткой и упрямой, сильно ритмизованной и как бы готовой существовать вечно. Готовность к вечному существованию — это готовность не только выкованной формы, но и закованного в нее громадного содержания — содержания, которое сразу и жестко себя выражает и посвящает себя самому важному в жизни не только отдельного человека, но и народа, страны.

Два явления, на первый взгляд противоположных, характерны для литературы второй половины XV века: усиление в ней чисто литературной занимательности, перестройка традиций именно в этом направлении и усиление интереса к историческим судьбам народов, к историософским проблемам. И то развитие, которое происходит в

области формы, соответствует расширению содержания. Новые проблемы могли решаться только в условиях новой, более широкой формы.

*

Обратимся к памятникам.

Если сравнить две повести о взятиях Константинополя — одну начала XIII века о взятии его крестоносцами в 1204 году и другую конца XV века о захвате его турками в 1453 году, то сразу становится заметным их принципиальное различие по своим повествовательным приемам. Первая, начала XIII века, о взятии Константинополя крестоносцами стремится достоверно передавать события в их реальной последовательности, ее интерес — в ее документальности. Вторая — конца XV века о взятии Константинополя турками — построена на единой эмоциональной волне и держит читателя в ожидании рокового конца. Героизм защитников и ожесточенность нападающих в этой последней повести введены в рамки исторической предопределенности падения Константинополя. Читатель постепенно входит в курс событий и их значение.

«Повесть о взятии Царьграда турками» построена как сюжетное повествование, в котором главное внимание уделялось боевой деятельности обоих войск — нападавших и защитников, — длившейся около полугода.

Штурм сменяется штурмом с нарастающим ожесточением нападающих и нарастающим ощущением безнадежности положения защитников. Штурмующие применяют все новые и новые средства, вводят в действие невиданной величины пушку, а осажденные продолжают сражаться с прежним ожесточением.

С самого начала повести читатель догадывается, что защитники города обречены. Рок навис над городом. После четвертого штурма, окончившегося победой защитников, в то время когда турки готовят пятый штурм, из храма Софии исходит пламя и подымается к небесам. Казалось бы, все указывает на предстоящую гибель, но защитники, вопреки указаниям судьбы, сражаются со все болыиим и большим упорством. Один из главных героев повести — военачальник Зустунея сбит ударом каменного ядра в грудь, но, несмотря ни на что, встает все же на ноги и нечеловеческим усилием воли продолжает руководить защитой. Когда Зустунея вторично выведен из строя, сам царь Константин бросается в бой и выбивает турок из города. Но кровавый дождь вновь свидетельствует о неминуемой гибели Царьграда. В день падения Царьграда Константин сражается с турками на улицах города и погибает под мечами нападающих. Сбывается древнее пророчество о том, что Константин создал Царьград и при Константине же Царьград погибнет.

Рок, судьба, историческое предопределение не только доминируют в рассказе, но определяют и его острую сюжетную завязку, и трагическую развязку.

Характерно увеличение в рассказе литературной занимательности и рост ощущения роковой предопределенности исторических событий вообще. И то и другое — типичные явления исторического повествования и восприятия истории, как таковой, — даже вне письменных произведений. Может быть, этому способствовало ожидание в XV веке конца мира.

Слово похвальное инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу по существу представляет собой три раздельных произведения, возможно и одного автора (инока Фомы), но написанных в различной манере. Эти три произведения знаменуют собой появление идеологии и психологии абсолютизма еще до реального возникновения его в русской жизни — его как бы «идейную подготовку». Все три произведения восхваляют тверского великого князя как абсолютного и безупречного во всей своей политике монарха. Первое произведение — «Смиренного инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» восхваляет Бориса в традициях похвальных слов святым. Во втором произведении — «О том же великом князе Борисе Александровиче» — найдены уже, помимо житийных, какие-то особые светские приемы восхваления. Третье произведение — «Слово о том же великом князе Борисе Александровиче» представляет собой не просто похвальное слово, а «похвальную историю» его царствования, в которой явственно проступают черты будущей «Степенной книги» и «Летописца начала царства» XVI века. Поиски новых жанровых форм неизбежно были связаны с тем, что в поле зрения авторов попадали такие стороны жизни, которые оказывались вне его при использовании иных жанров.

Сохранившиеся в единственной рукописи произведения Фомы или нескольких авторов, если они принадлежат различным лицам, — единственный в своем роде триптих не только литературного, но и чисто источниковедческого характера. Описание строительства городов во втором произведении носит исключительно интересный характер, особенно для историков русской архитектуры.

Опытному глазу заметны и некоторые общие сдвиги в самом летописном повествовании: большее внимание к простым людям, непосредственно принимавшим участие в событиях, более реальный взгляд на ход событий и большее место, уделяемое истолкованию значения событий в ходе исторического процесса.

События мировой истории соединялись в сознании русских людей с русскими событиями.

Когда огромное войско хана Ахмата в ответ на отказ Ивана III платить ему дань подошло к реке Угре, а с другой стороны к той же реке подошло русское войско, и стояли оба войска друг против друга сорок дней, не решаясь начать битву, — стало ясно, что наступили решающие

дни: быть или не быть Руси в иноземной зависимости. Может, именно этим — значительностью и судьбоносностью события — и объяснялось то, что прежде столь решительные противники теперь стояли и не начинали битвы, и в конце концов Ахмат ушел без боя, придя к решению, что попытка принудить Русь к прежней зависимости ни к чему не приведет.

Но пока оба войска стояли друг против друга, напряжение с обеих сторон достигло крайних пределов. Московский митрополит Вассиан Рыло (прозвание «Рыло» происходит от глагола «рыть» и подчеркивает в Вассиане его строительную деятельность — главным образом по устройству запруд и прудов) от имени всего русского народа и всей русской церкви ободрял Ивана III, побуждая к активным действиям, напоминая ему всеми примерами мировой истории и решимостью пращура его Дмитрия Донского о необходимости сбросить чужеземную зависимость. Когда в конце концов войско Ахмата ушло, значение совершившегося не было все еще достаточно осознано. Казалось, что окончание зависимости от Орды могло бы явиться только результатом решительного сражения. Уход ордынского войска представлялся еще только временной передышкой, и поэтому составленная вскоре же после события «стояния на Угре» повесть продолжала решительно призывать Ивана III и всех его воевод к свержению ига. Как это иногда бывает в истории, современники не во всем и не до конца осознают значение совершившегося. Поэтому «Повесть о стоянии на Угре» завершалась энергичным призывом не только к современникам, но и ко всем потомкам современников сохранить Русскую землю от иноземного ига: «О храбри мужствении сынове рустии! Подщитеся свое отечество, Рускую землю от поганых сохранити, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, якоже пострадаша инии велицыи славнии земли от турков».

И в самом деле: в призывах Вассиана Рыло и автора «Повести о стоянии на Угре» была своя доля правды, хотя в обоих произведениях не было еще осознано, что столь давно ожидаемое освобождение Руси уже совершилось. Но была осознана ценность национальной свободы, государственной независимости, и в этом главным образом и заключалось значение обоих произведений. Неверие в совершившееся в силу особой веры в грандиозное, невероятное его значение! Хотелось еще и еще утвердить великого князя в необходимости продолжать борьбу, когда борьба по существу была уже окончена без особых усилий и когда великий князь уже «перестоял» без боя хана Ахмата! В истории есть события, наступление которых неизбежно. Именно таким неизбежным было столетиями ожидаемое национальное освобождение Руси. Может быть, именно поэтому, в силу осознания неизбежности конца ордынского господства, ушел от берегов Угры и хан Ахмат?

Историческое повествование смешивается в историко-литературном процессе XV века с баснословием и исторической легендой. То и другое заключает в себе как бы предчувствие будущего абсолютизма с его жестокостью и произволом.

В повести о валашском деспоте Дракуле, возникшей как запись народных рассказов об этом румынском тиране, основная проблема — это проблема жестокости и произвола главы тиранического государства. Нет никакого сомнения в том, что образ тирана в «Повести о Дракуле» однозначный — это только отрицательное действующее лицо, поражающее читателей изобретательностью своих казней. В нем нет положительных качеств. И не случайно в начале повести он назван дьяволом. Как дьявол, мучитель, изверг он и изображается в повести.

Каждую свою жестокость Дракула сопровождает ироническим нравоучением. Это не восстановление справедливости, как думают некоторые современные читатели повести; это — насмешка, издевательство над жертвой или жертвами, глумление над ними, отрицание самого принципа нравственной нормы, ради которой якобы они — эти мучения — производятся. Было бы совершенно неправильно видеть в этих насмешках Дракулы какое-либо оправдание автором его поступков. «Шутки» Дракулы подчеркивают полную бесчувственность мучителя по отношению к своим жертвам. Дракула как бы возлагает вину за мучения на самих жертв. Не сняли послы перед ним шляп — «утвердил» этот обычай — приколотил шляпы к головам послов гвоздями. Захотели нищие избавиться от нищеты — запер их в доме и сжег: избавил и их, и страну от бедности. Сказали монахи Дракуле, что люди его, которых он сажал на кол, мученики, — посадил и их на кол, — причислил к мученикам. Так же точно поступал позднее и другой тиран средневековья — Иван Грозный. Когда Грозный приказал казнить игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, он якобы сказал, что Корнилий — ангел и следует его послать к ангелам на небо.

Казни, которым подвергает Дракула свои жертвы, напоминали, кроме того, об особом характере средневекового законодательства, в котором очень часто характер наказания соответствовал характеру преступления. Дракула глумился над своими жертвами, пародируя нормы средневекового законодательства. Но в описании «шуток» Дракулы нет и тени оправдания его жестокостей; есть только ужас перед всесилием тирана. Впрочем, в жестокостях Дракулы есть элемент занимательности. О них не без интереса должен был читать средневековый читатель. В жестокости средневековые люди видели элемент рока, какой-то непонятной высшей предопределенности. К тому же столь распространенная в средние века вопросно-ответная форма эпизодов повести заставляла задумываться, ставила перед читателем как бы загадки. «Повесть о Дракуле» казалась средневековым читателям историческим повествованием и заставляла читателей задумываться над смыслом трагических судеб людей в истории.

Элемент загадочности, вопросно-ответной формы дает себя знать и в другой повести XV века — «Повести о купце Дмитрии Басарге и сыне Борзосмысле». Но в «Повести о Дмитрии Басарге» есть еще и своеобразное преодоление излюбленной средневековой вопросно-ответной формы. Царь-язычник в некоем царстве, где живут христиане, загадывает купцу, а вернее его малолетнему сыну, загадки. Но только на две из них дает ответ малолетний сын. Третью же загадку он как бы

опережает, воспользовавшись доверием к нему царя-язычника. Малолетний сын обманом овладевает престолом доверившегося ему царя, а затем совершает все свои добрые дела: освобождает народ, выпускает из темниц иноземных купцов и патриарха той страны, а затем утверждает свое царство, получив поставление на престол от освобожденного им патриарха и женившись на принявшей христианство дочери свергнутого и убитого им царя-язычника.

Русские читатели с особым интересом читали повесть о Басарге, видя в ней как бы доказательство легкой возможности избавления от тирании.

Сквозь все произведения второй половины XV века как бы брезжит надежда на лучшее будущее страны.

Прием, по которому повествование начинается не с начала событий, а с их середины и уже одним этим ставит перед читателями как бы загадки, распространяется на все повествовательные жанры. Собственно, неожиданные начала повествований появились уже в середине XV века. В середину событий вводили жития новгородских святых, написанные при архиепископе Евфимии II, отдельные летописные повести, повести о смерти того или иного исторического лица и т. д. Повествовательные жанры тем самым как бы эмансипируются от реального хода событий и приобретают собственные внутренние закономерности развития сюжета. Характерно, что то же самое появляется и в агиографии. Правда, необходимо заранее сказать, что этот прием отразился лишь в некоторых произведениях, большинство же «средних» агиографических произведений пишется еще по старым классическим канонам агиографических жанров. Однако частичное нарушение канонов жанра было уже чрезвычайно знаменательно.

Необычно в жанровом отношении «Житие Михаила Клопского». Житие начинается не со сведений о родителях святого и его детстве, а прямо с таинственного появлення святого в монастыре в ночь на Ивана Купалу.

Вчитайтесь внимательно в «Житие Михаила Клопского». Разве не нарушены в нем основные каноны житийного жанра? Оно начинается так, как никогда не начиналось и не могло начинаться житие святого. С самого начала оно открывается загадкой: появлением в монастыре неизвестного лица — не то человека, не то духа.

Таинственно попав в монастырь, Михаил продолжает себя вести в нем не менее таинственно: не отвечает, кто он, лишь повторяя обращенные к нему вопросы. Старцы монастыря примиряются с его присутствием только тогда, когда убеждаются, что он не бес. Только после того как в монастыре побывал сын Дмитрия Донского, князь Константин Дмитриевич, узнавший в таинственном пришельце своего «своитина», стало известно его имя — Михаил. Благодаря исследованиям В. Л. Янина выяснилось, что Михаил Клопский действительно был «своитином» московских князей — он был родственником воеводы Дмитрия Донского, Дмитрия Боброка, женатого на сестре Дмитрия Донского Анне.

Все это совсем не похоже на житийные этикетные каноны, но во всем поведении Михаила есть многое от других канонов — фольклорных. В частности, вопросно-ответная форма диалога и мудрые, вернее, мудреные ответы, которые заставляют задуматься не только присутствующих при этой сцене в повествовании, но и самих читателей. Читатель следит за разгадкой появления таинственного незнакомца с таким же любопытством и заинтересованностью, как и сами монахи, в монастырь которых попал Михаил.

«Чудеса», которые производит Михаил Клопский, тоже не очень «агиографические» по своему характеру. Они напоминают собой скорее действия колдуна, чем святого. Он не исцеляет, а наказывает, «напускает порчу».

Все это говорит о том, что «Житие Михаила Клопского» прошло через народную трансформацию. Уйдя от литературного канона, оно обратилось к каким-то мало для нас ясным фольклорным канонам XV века. (Фольклорные каноны, хотя и медленно, но меняются так же, как меняются и каноны литературные).

Таким же необычным с точки зрения агиографического жанра представляется и «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского» Иннокентия. Смерть святого, изолированно от всего остального его жития, описывалась в средневековой литературе только в мартириях — произведениях, посвященных страданиям святых за веру. Но Пафнутий — не мученик, и описание его тихой и скромной смерти отнюдь не мартирий. Однако построено это описание смерти отдельно от всей его остальной жизни, ведется так, что читатель ждет развития событий с захватывающим интересом.

«Рассказ о смерти Пафнутия Боровского» совсем не так безыскусствен и прост, как это обычно считается. Это вовсе не простая запись событий, случившихся в последние дни жизни Пафнутия. Напротив, это очень искусное литературное произведение, в котором литературность круто замешана на бытовом материале, введена в ткань повествования и сказывается во множестве мелочей. И любопытно: чудо также стало материалом литературной интриги, предсказание вызывает не столько религиозное благоговение, сколько литературную заинтересованность в чтении.

Поведение Пафнутия Боровского с самого начала повествования загадочно. Его слова непонятны его келейнику — Иннокентию. Только потом выясняется, что Пафнутий предчувствует свою кончину. Повествование Иннокентия поразительно именно с точки зрения литературного умения, а вовсе не безыскусственной простоты записей о последних днях жизни святого. Впервые в русской литературе предстает перед читателем образ рассказчика, как бы не понимающего того, что происходит, как бы «не догадывающегося» о значении слов святого, намекающего на свою предстоящую кончину. Пафнутий говорит не прямо, а как бы не договаривая или прибегая к загадкам. Когда Иннокентий просит Пафнутия поучить его с братией, как предотвратить размыв плотины, Пафнутий отвечает: «Нѣсть ми на се

упражнения, понеже ино дѣло имамъ неотложно...» По существу с этого ответа и начинается повествование. Перед читателем встает вопрос: какое же дело может быть более неотложно, чем начавшийся размыв плотины, грозивший погубить мельницу? Ответ на этот вопрос следует вскоре. Пафнутий зовет к себе Иннокентия и объясняет ему свое «неотложное дело», но объясняет опять-таки иносказательно, не прямо: «Нужу имам, ты не вѣси, понеже съуз хощеть раздрѣшитися». Каким же узам надлежит порваться? Снова не понимает его Иннокентий, и снова один за другим следуют «необычные глаголы» Пафнутия и непонимание их значения Иннокентием.

Пафнутий делает вид, что вкушает пищу, даже хвалит ее, чтобы не заставлять братью по его примеру отказываться от еды: «Ядите, а я со вами, понеже добра (хороша. — *Д. Л.*) суть». Как разъясняет Иннокентий: «...видящим... чрѣвообьястна себе показоваше». В этом уже какое-то небольшое проявление юродства: не только скрывать свои подвиги христианского аскетизма, но и показывать обратное, скрывать свое благочестие, даже прибегая к обману.

В поучениях Пафнутия звучат новые идеалы: не брать на себя больше своих возможностей, — это не только не на пользу, но и во вред душе, не возноситься над немощными братьями — ни в мыслях, ни в поступках, быть милосердным к ним, как и к собственной плоти своей. Но прежде всего — спешить делать добро. Не просто делать добро, но спешить, не откладывать.

Только постепенно перед читателем начинает раскрываться загадка всего поведения Пафнутия. Интерес читателя постепенно переходит в ожидание столь торжественно, длительно и значительно подготовляемой Пафнутием своей кончины. Перед нами своеобразный церемониал: церемониал в жизни и церемониал в литературном изображении. Все земное и суетное отходит в сторону. Самое важное отстраняет от себя Пафнутий, не принимает посланцев князя и самого князя, не вкушает пищи и питья.

В этом отвержении старцем всех сует мира сего постепенно раскрывается перед читателем вся его мудрость. И если в начале повествования старец Пафнутий предстает перед нами как простой человек в окружении скромного монастырского быта, то под конец, когда он умирает, читатель ясно видит, каким великим он был. Весь град, «не точью игумени, и съвященници, и мниси, но и содержащии того града намѣстници и прочий общий народъ» при известии о смерти старца направляются в монастырь поклониться его гробу.

Иннокентий знает в тот момент, когда пишет свою «Записку», что означают все слова Пафнутия и что вообще означает его поведение, но он не сообщает раньше времени об этом читателю, возбуждая его интерес и доводя до предельного напряжения свое повествование.

Мистическое предчувствие используется Иннокентием как главный стержень литературной занимательности повествования. Повествователь знает, но не говорит раньше времени, изображая себя

наивным и недоумевающим. Это прием литературы Нового времени, как бы проникший раньше времени в литературу древнюю.

Появление в литературе внешней занимательности — это факт чрезвычайной важности в литературном развитии. Это один из самых значительных признаков начавшейся литературной эмансипации от ее подчинения дидактическим и «сообщающим» задачам.

Иннокентий пишет: «Отцы и братья! Пусть никто не осудит меня за то, что часто себя называю. Увы моему окаянству! Но если про себя умолчу, то ложь напишу». Последние слова замечательны: правда стала ощущаться по-новому. Если прежде правда была некиим идеальным осмыслением действительности, то теперь она стала слепком с действительности, из которой ничто не могло быть исключено — в том числе и сам автор, и даже — автор по преимуществу.

Тема смерти чрезвычайно характерна для всего европейского искусства XV века. Но именно на ней, на теме смерти, на том, как она предстает перед людьми этого времени, наиболее ярко может быть представлено различие между русским и западноевропейским «видением» мира и жизни.

Если в позднеготической или, скорее, раннеренессансной книге, изданной в Нидерландах в 1460 году, которая учила людей счастливо умирать, на гравюре изображена явившаяся к постели умирающего мужчины толпа посетителей, среди которых и души умерших, и ангелы, задача которых оградить умирающего от демонов, стремящихся унести душу умирающего в ад (*Отто Бенеш*. Искусство Северного Возрождения. Его связь с современными духовными и интеллектуальными движениями. М., 1973, с. 58), то смерть русских праведников совершается в тиши уединения. Пафнутий всячески стремится отдалить от себя людей, уединиться, скрыться от людей, желающих принять от него благословение. Пафнутий умирает, зная о приближающейся смерти, иногда намекая на готовящееся событие окружающим, но только для того, чтобы ему не докучали с мирскими заботами, оставили его спокойно приготовиться к смерти.

Смерть в русских житиях святых вовсе не страшное событие, а скорее радостное.

*

«Хождение за три моря» как будто принадлежит к жанру хождений: и в хождениях в Святую землю, и в хождении в не названную в заглавии страну «за три моря» (в некую неизвестность) одинаковым образом описываются достопримечательности, расстояния между ними и пути к ним, но «достопримечательности» эти диаметрально противоположны: в хождениях в Святую землю — это святыни, в хождении в языческую страну — это в основном то, что может интересовать «грешного» купца, — товары и условия путешествия. И если в хождениях в Святую землю укреплялась вера, то в «Хождении» Афанасий Никитин с горечью пишет: «Ино, братии рустии християня, кто хощет поити в Индѣйскую

земли, и ти остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю».

Не случайно Афанасий Никитин называет свое хождение — «грешным хождением». Соблазны подстерегают его на каждом шагу. И самый главный из соблазнов — соблазн необычной для средневекового сознания религиозной терпимости. Пример этой терпимости подали Афанасию сами индусы, и такой, что он не мог не оценить его в полной мере. Индийцы неоднократно предлагали Никитину перейти в свою веру, но был и такой эпизод, когда Афанасий открыл им свою веру, — они доверились ему, не стали от него ничего скрывать — ни о еде своей, ни о торговле, ни о своих молитвах, ни о вере. Доверие настолько установилось, что и жен своих индийцы перестали от него прятать.

В своем длительном хождении Афанасий Никитин запутался в церковном календаре. Он забыл, когда Пасха, когда пост, и стал поститься вместе с местными жителями. Иными словами, он частично признал их веру. Он даже молился на их языке и в своих записках священные слова молитв пишет на тюркских наречиях. Это воистину своеобразное «антихождение» — «хождение наоборот» и Святая земля «навыворот». Парват в Индии — все равно, что Иерусалим для русских, пишет он, а для магометан — Мекка. Статую бута он сравнивает со статуей Юстиниана Великого в Константинополе, которую знает, очевидно, по описанию ее в хождении Стефана Новгородца. Он проводит аналогии между религиями и приходит к заключению: «...а правую веру один Бог знает».

Составляя свое произведение как «грешное хождение» — хождение по смыслу своему прямо противоположное хождениям в Святую землю, Афанасий чувствовал себя вполне свободным от литературного этикета церковных хождений. Он пишет как думает: записывает, очевидно, во время самого путешествия, записывает для себя и для своих товарищей, кто вздумает последовать его примеру и отправиться «за три моря». Брал он, по-видимому, товары с родины в долг и первое время описывал свои злоключения, чтобы оправдаться по возвращении перед своими заимодавцами, не очень доверяя своей памяти, а потому записывая имена и названия, потом становится заметно его стремление собрать полезные сведения для своих купцов-товарищей, а под конец он пишет и для себя — только для себя, а потому на тюркских наречиях, чтобы никто не смог прочесть на родине то, что он записал.

Его записки поражают поэтому своей простотой и безыскусственностью, но они и искусны, ибо пишет он, хоть и не следуя традиции, но все же отталкиваясь от нее.

Одно из самых «продвинутых» в историко-литературном отношении произведений конца XV века — «Повесть о Хмеле». Это своеобразное литературное «предчувствие» сходного произведения конца XVII века — «Повести о Горе-Злочастии». И тут и там рок персонифицируется, пьянство или горе становятся двойниками человека, преследующими его и доводящими до гибели.

«Повесть о Хмеле» — одна из первых персонификаций отвлеченного начала в русской литературе, благодаря которой в литературу властно входит фантазия.

«Повесть о Хмеле» очеловечивает Хмель. Хмелю предоставляется авторское слово. Хмель говорит похвальное слово самому себе, подчеркивая свое могущество, первенство, славу — и ничтожество тех, кто в его власти. Хмель красуется и играет перед читателем или слушателем.

«Тако глаголеть Хмель ко всякому человеку, и ко священническому чину, и ко князем и боляром, и ко слугам и купцемь, и богатым и убогым, и к женамъ такоже глаголеть…».

Ритмическая организация речи переходит в стихи. Это нечто среднее между высокой литературой, повернутой иронически на низкую тему, и скоморошьим раешником.

*

Литература не стоит на месте. Развивается ее содержание, система жанров, стили, язык. Самые пути ее развития — и те также меняются в зависимости от исторической обстановки, социального расклада сил и культурной ситуации. Следовательно, каждая эпоха в той или иной степени является переходной. Переходной являлась и литература второй половины XV века. У каждого переходного периода есть свое «будущее». Было это будущее и для литературы XV века. Чтобы понять до конца литературу любого периода, необходимо знать ее будущее — «будущее» своего времени. Но к будущему той или иной эпохи принадлежит только то, что является закономерным, что продолжает наметившиеся в предшествующий период тенденции. Но случайности тоже играют свою роль в развитии литературы. Появление талантов с ярко выраженной индивидуальностью может быть своего рода общественной закономерностью. Может быть закономерным и направленность талантов, их характер. Однако все же создание того или иного произведения, даже его сохранность, отдельные темы — часто обусловлены причинами случайными.

Кратко остановимся только на тех явлениях первой половины XVI века, которые были продиктованы всем развитием литературы второй половины XV века и не явились простой случайностью.

XVI век в литературе продолжил ту линию развития, которая сформировалась в XV веке. Все больше и больше начинает в литературе проявляться государственная тема и светские заботы, огромную силу набирает публицистика, вера в возможность разумными мерами преобразовать страну, создать общество на основах рационального распределения обязанностей среди всех слоев населения. У публицистов XVI века формируется стремление найти «вечные», разумные, логические, незыблемые основания для новой социальной справедливости. Публицистическая мысль наполняет собой произведения любых традиционных литературных жанров этого

периода, а вместе с тем продолжается и процесс жанрообразования на основе «деловых» видов документов — челобитных, писем, постановлений церковного собора, статейных списков и т. п. Публицистический задор заставляет в XVI веке браться за перо рядового монаха и митрополита, холопа и боярина, мелкого служилого дворянина и самого царя. Значение литературы настолько возрастает, что появляется стрем-ление в письменном виде обобщить весь предшествующий литературный опыт и все предшествующие литературные произведения: исторические — в Степенной книге царского родословия и в Лицевом своде, ежедневное чтение — в Великих Четьих-Минеях, где каждому дню года соответствовал бы свой подбор произведений, и притом немалый, все наставления к повседневной жизни — в Домострое, все церковные наставления — в Стоглаве и т. д. и т. п.

Под огромным небом русской действительности литература все растет в своем общественном значении, все больше занимает места в жизни страны, становится одной из влиятельнейших сил в государстве.

Д. С. Лихачев

ПОВЕСТЬ О ПОСАДНИКЕ ДОБРЫНЕ

(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева)

ВСТУПЛЕНИЕ

Повесть эта входит в число тех памятников новгородской литературы, в основе которых лежат устные легенды местного происхождения. В произведении ярко отразились особенности новгородского средневекового быта, обусловленные тесными торговыми связями Новгорода со странами Западной Европы. Торговые интересы новгородских купцов заставляют новгородцев согласиться с постройкой в городе неправославного храма; но сторонникам чистоты православия трудно примириться с этим, и вот создается легенда, согласно которой посадник Добрыня, за взятку потворствовавший немцам и отведший под их божницу то место, где раньше стояла православная церковь, жестоко наказан. Римско-католическая церковь действительно существовала в Новгороде и была основана там очень рано (в летописных записях упоминается уже в XII в.). Посадник Добрыня — историческое лицо, он был посадником в начале XII столетия (ум. в 1117 г.). В. Л. Янин считает, что «существуют заметные признаки достоверности этой легенды» (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 88, примеч. 173). Сама легенда, по-видимому, возникла очень рано, не позже XII в., но «Повесть» была написана значительно позже. В тексте ее названы игумен Островского монастыря Сергий и игумен Хутынского монастыря Закхей. С. О. Шмидт («Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты». — Историко-археографический сборник. Изд. МГУ, 1962, с. 319—325) обратил внимание на то, что имя

игумена Островского Никольского монастыря Сергия названо в новгородских грамотах начала второй половины XV в. Е. А. Рыбина («Повесть о новгородском посаднике Добрыне». — Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с. 79—85) отметила, что хутынский игумен Закхей назван в грамоте, датируемой 1477/78 г. Следовательно, Повесть не могла быть написана ранее второй половины 70-х гг. XV в. Ярко выраженная антибоярская направленность Повести, слова в начале ее о новгородской независимости, явно ощущаемое в Повести осуждение новгородских обычаев, — все это говорит о том, что она была написана уже после утраты Новгородом самостоятельности, т. е. опять-таки не ранее конца 70-х гг. XV в.

Мы не можем сказать, какова была направленность первоначальной легенды о Добрыне, но характер Повести свидетельствует, что произведение это было создано в демократической среде и в Повести на первый план выступают уже не религиозные мотивы, а антибоярские: обличается продажность посадника, его готовность посягнуть за взятку на самое святое для новгородцев.

Повесть публикуется по списку первой половины XVI в.: РГБ, Волоколамское собр., № 659, лл. 352—354.

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТИ ДРЕВНИХ ЛѢТЪ, ЯЖЕ СЪДѢЯШАСЯ В ВЕЛИКОМЪ НОВѢГОРОДѢ

О посадникѣ Добрынѣ. Въ лѣта благочестивых великих князей наших русскыхъ живущимъ новогородцемъ в своей свободѣ и со всѣми землями в мѣре и совокуплении, прислаша нѣмцы от всѣх седмидесяти городов посла своего. Биша челомъ архиепископу новогородцкому, и посадником, и тысяцкимъ,[1] и всему Великому Новугороду, глаголюще: «Милыи наши съсѣды! Дайте намъ мѣсто у себе, посредѣ Великого Новагорода, гдѣ поставити божница[2] по нашей вѣре и обычаю». И новгородцы отмолвиша им, рекуще: «Милостию Божиею и его пречистыя Богоматери и отца нашего господина архиепископа благословением и молитвою у нас, в вотчинѣ господ наших великих князей русских, в Великом Новѣгородѣ, стоят всѣ церкви православныя, нашей вѣры христианьскиа. Ино кое причастие свѣту къ тмѣ? Так же и вашей божницы быти как в нашем градѣ?»

Бѣ же тогда посадник степенный[3] Добрыня именемъ. И нѣмцы, слышавше жестокий отвѣтъ от архиепископа и от всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ и даша ему посул великъ. О семъ бо и Соломонъ рече: «Всѣ послушают злата». Посадник же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повели немцом говорити старостам купецкимъ и купцомъ новгородцкимъ: «Толко нашей божницѣ — храму святых верховных апостолъ Петра и Павла — не быти

у вас въ Великомъ Новѣгородѣ, ино вашимъ церквамъ у нас, по нашим городомъ, не быти же».

И, то слышавше, старосты купецкие и всѣ гости новогородцкие начаша бити челомъ господину своему отцу архиепископу, имя рек, и всему Великому Новугороду, рекуще: «Пожалуйте, поволите нѣмцомъ поставити ропату[4] по их обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте, гдѣ полюбят, занеже не будет их божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ у ихъ не быти». Таже и посадникъ Добрыня за старость и за гости начат говорити: «Толко не будет наших церквей по немецкимъ городомъ, ино нашим гостем новгородцкимъ велми будет нужно». И архиепископъ и новгородцы, послушав посаднича совѣта и гостей своих челобитья, поволиша немцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажет посадникъ, гдѣ будет прилично. И нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града, в торгу, гдѣ стоит церковь деревяна святаго Иоанна Предотечи.[5]

Посадникъ же Добрыня, ослѣплен мздою и наученъ диаволомъ, повелѣлъ церковь святаго Предотечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцом. Предотеча же Господень не терпя вражия навѣта и его злаго совѣтника, что испоругалъ святый его храмъ мзды ради. В нощи убо той услыша понамарь тоя церкви Предотечевы глас, глаголющь ему: «Заутра на третьемъ часу дневномъ иди на Великий мостъ[6] и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посаднича чюда». И понамарь заутра възвѣсти новгородцомъ, якоже слыша. И абие стекошася множество народа на Великий мостъ видѣти — что хощет быти?

И како же поѣха посадник Добрыня с вѣча къ своей улицы чрез Волхово въ насадѣ[7] с людми своими, и внезапу прииде вихръ и, веземъ насад, възнесе на высоту яко боле дву саженей[8] и удари о воду. И ту потопе посадникъ Добрыня къ дну, а прочих всѣх переимаша в судех в малыхъ перевозники. И тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлещи тѣло его из рѣки. За свое же лукавьство не получи и погребениа, яже есть обычай православнымъ.

Сия ми повѣда игумен Сергий Островьского манастыря[9] от святого Николы, отець Закхиевъ, нынѣшнего игумена Хутиньского.[10]

О той же ропатѣ. И якоже совръшиша нѣмцы ропату свою, и наяша иконников новгородцких и повелѣша имъ написати образ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ в верху, на прелесть христианом и на соблазнъ. И якоже написаша иконописцы образ Спасовъ на ропатѣ,

а архиепископа не доложа, и открыша покровъ, и абие въскорѣ томъ часѣ прииде туча з дождемъ и з градом, и выбило градом и мѣсто то, идеже былъ написан образ Спасовъ, и левкас[11] смыло дождемъ, якоже не явитися ни знамению писаниа.

Сиа же до зде.

---

[1] *…и посадником, и тысяцкимъ…* — Посадник — высшая государственная должность в Новгороде и Пскове. Посадник избирался на вече из числа наиболее богатых и знатных бояр. С 1354 г. вместо одного стали избираться шесть посадников, а с 1417 г. — восемнадцать. После подчинения Новгорода Москве, с 1478 г. институт посадников в Новгороде был упразднен. Тысяцкий — военачальник, возглавлявший городское ополчение — «тысячу». В Новгороде тысяцкий избирался из числа бояр на вече на определенный срок и являлся помощником посадника.

[2] *Божница* — так назывались как православные, так и неправославные церкви.

[3] *…посадник, степенный…* — Сначала из числа шести, а затем из восемнадцати посадников избирался сроком на год старший среди них — степенный посадник.

[4] *Ропата* — неправославная, иноверческая церковь.

[5] *…церковь… святаго Иоанна Предотечи…* — В. Л. Янин считает, что имеется в виду церковь Ивана на Опоках, на Торговой стороне.

[6] *Великий мост* — мост в Новгороде через Волхов с Софийской на Торговую сторону. Казнь в Новгороде совершалась на Великом мосту — осужденных сбрасывали с моста в Волхов. Поэтому новгородцы смотрят с Великого моста, как свершается Божий суд над Добрыней.

[7] *Насад* — ладья с «насаженными» бортами (цельное большое дерево, выдолбленное в форме ладьи и надшитое досками с бортов), палубным перекрытием, с приподнятой носовой частью.

[8] *Сажень* — мера длины, равная 152 см.

[9] *Островский монастырь* — Никольский Островский монастырь в семи верстах от Новгорода. Основан в конце XII в., в XVIII в. был упразднен.

[10] *…игумена Хутиньского.* — Спасо-Хутынский монастырь в десяти верстах к северу от Новгорода на Волхове. Основан в конце XII в. Варлаамом Хутынским.

[11] *Левкас* — смесь алебастра, или мела с клеем, которой грунтуется поверхность под живопись.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

О посаднике Добрыне. В годы правления наших благочестивых великих князей русских, когда жили новгородцы по своей воле и со всеми землями были в мире и союзе, прислали немцы от всех семидесяти городов послов своих. И били они челом архиепископу новгородскому, и посадникам, и тысяцким, и всему Великому Новгороду, говоря так: «Милые наши соседи! Дайте нам место у себя, посередине Великого Новгорода, где мы могли бы поставить божницу по нашей вере и нашему обычаю». И новгородцы ответили им, говоря так: «Милостью Божьей и его пречистой Богоматери и благословением и молитвой отца нашего господина архиепископа у нас, в вотчине государей наших, великих князей русских, в Великом Новгороде, стоят только церкви православные, нашей веры христианской. Разве может свет со тьмой соединиться? Так и ваша божница как может стоять в нашем городе?»

Степенным же посадником был тогда Добрыня. И немцы, услышав непреклонный ответ архиепископа и всего народа, по своему лукавству били челом посаднику Добрыне и дали ему посул великий. Об этом ведь и Соломон сказал: «Золота все послушаются». Посадник же Добрыня, вместе с злыми своими сообщниками, велел немцам вот что сказать старостам купеческим и купцам новгородским: «Если нашей божницы — храма святых верховных апостолов Петра и Павла — не будет у вас в Великом Новгороде, то и вашим церквам у нас, в наших городах, тоже не бывать».

И, услышав это, купеческие старосты и все купцы новгородские начали бить челом господину своему отцу архиепископу и всему Великому Новгороду, так говоря: «Окажите милость, разрешите немцам поставить свою ропату по их обычаю и вере, и место им отведите, где они захотят, потому что если не будет их божницы здесь, то и нашим церквам у них не быть». Тогда же и посадник Добрыня в поддержку старост и купцов начал говорить: «Если не будет наших церквей по

немецким городам, тогда и нашим купцам новгородским очень будет плохо». И архиепископ, и новгородцы, вняв совету посадника и челобитью своих купцов, разрешили немцам поставить свою ропату, а место им укажет посадник, где подойдет. И немцы выбрали себе место посередине города, на торгу, где стоит деревянная церковь святого Иоанна Предтечи.

Посадник же Добрыня, ослепленный мздой и подстрекаемый дьяволом, велел церковь святого Предтечи перенести в другое место, а то место отвел немцам. Предтеча же Господень не стерпел навета дьявола и козней его злого сообщника, который надругался над святым его храмом за мзду. В ту же ночь услыхал пономарь той церкви Предтечевой голос, сказавший ему: «Завтра, когда наступит третий час дня, иди на Великий мост и вели новгородцам смотреть на чудо, которое свершится с Добрыней-посадником». И пономарь назавтра возвестил новгородцам об услышанном им. И сразу стеклось множество народа на Великий мост смотреть — что же произойдет?

И вот когда посадник Добрыня с людьми своими поехал с веча на свою улицу в насаде через Волхов, то внезапно налетел вихрь и, подхватив насад, поднял его на высоту более двух саженей, и ударил им о воду. И тут пошел посадник Добрыня ко дну и утонул, а остальных всех выловили перевозчики на малых судах. А тело Добрыни неводами, сетями и веревками едва смогли извлечь из реки. За свое лукавство не удостоился он погребения, какое свершается по православному обычаю.

Это рассказал мне Сергий, игумен Островского монастыря святого Николы, (духовный) отец нынешнего игумена Хутынского монастыря Закхея.

О той же ропате. Когда немцы построили ропату свою, то наняли новгородских иконописцев и велели им написать образ Спасов на ее стене, на южной стороне вверху, чтобы прельщать и соблазнять христиан. И вот когда написали иконописцы Спасов образ на ропате, не сообщив об этом архиепископу, и сняли покров, то сразу в тот же час нашла туча с дождем и с градом, и выбило градом то место, где был написан образ Спасов, и левкас смыло дождем, так что и следа не осталось от того, что было изображено.

На этом закончим.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ В 1453 году

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

29 мая 1453 года, после двухмесячной осады, турецкая армия, предводительствуемая султаном Мехмедом II Фатихом («Завоевателем»), штурмом взяла столицу некогда могущественнейшей Византийской империи — Константинополь. Судьба страны давно была предрешена. К началу XV в. турки-османы существенно расширили свои владения на Балканах и в Малой Азии, Византия удерживала лишь небольшую территорию вокруг столицы и на юго-западном берегу Черного моря, а также полуостров Пелопоннес (Морею). И тем не менее падение Константинополя произвело огромное впечатление на все европейские народы. Среди многочисленных литературных откликов на это событие особо значительное место занимает древнерусская историческая «Повесть о взятии Константинополя», являющаяся не только талантливым произведением, но и важным историческим источником, находящимся в одном ряду с описаниями взятия Константинополя, принадлежашими грекам: Дуке, Георгию Сфрандзи и Лаонику Халкокондилу.

Мнения ученых об авторе Повести расходятся. Одни склонны доверять послесловию, читающемуся в одном из списков Повести, из которого следует, что автором произведения был Нестор Искандер — славянин, «измлада» попавший в плен к туркам, очевидец и участник осады Константинополя. Однако многих исследователей смущает то обстоятельство, что турецкий пленник, на многие годы оторванный от национальной культуры, смог создать произведение, отмеченное таким литературным мастерством, столь естественно следовать правилам литературного этикета, употребляя традиционные обороты речи, создавая (нередко вопреки действительному течению событий) подобающие в том или ином случае сюжетные коллизии. Все это требовало не только литературного таланта, но и определенной писательской выучки и по крайней мере широкой начитанности. Поэтому вопрос о доле участия в создании Повести Нестора Искандера (если вообще это лицо не литературная мистификация для придания Повести большей авторитетности) остается пока открытым. Но несомненно, что перед нами произведение выдаюшегося русского писателя XV в., прекрасно осведомленного об обстоятельствах гибели Константинополя.

Повесть известна в двух редакциях, текстуально весьма близких и восходящих, как полагают, к общему оригиналу: «искандеровской», известной лишь в Троицком списке XVI в. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 773), сохранившем приписку об авторе, и

«хронографической», названной так потому, что Повесть в этой редакции чаще всего является заключительной главой Русского хронографа редакции 1512 г.

В настоящем издании публикуется Троицкий список. В издании его архимандритом Леонидом (в 1886 г.) было допущено много отклонений от оригинала, так как публикатор, не оговаривая, исправлял и унифицировал весьма своеобразную и нетрадиционную орфографию списка.

Исправления, внесенные в публикацию на основании списка РНБ, собр. Вяземского, F. № 97, «хронографической» редакции, и дополнения, внесенные другим (поздним) почерком в текст Троицкого списка, выделены курсивом.

ОРИГИНАЛ

В лѣто 5803 царствующу в Риму богосодѣтельному великому Костянтину Флавию,[1] со тщанием великим отвсюду собрав *оземствованных*, христиан, начат укрепляти и разширяти вѣру христьянскую, церкви Божиа украшати, а ины преславны вздвизати, а идолы сокрушати и домы их в славу Богу превращати. И к тому законы многы устави, яко идолская капища святителем Христовым и христьяном точию владѣти и рядити. В среду же и в пяток поститися страстѣй ради Христовых, а недѣлю празновати въскресения ради Христова. Жидом же отинуд жертвы не творити, и на распятие не осуждати никогоже, нечестия ради креста Христова. И раб имъ не покупати никомуже. И на златнице образ его написати. И бысть радость велия повсюду христьяномъ.

Въ 13 же лѣто царства его, совѣтом Божиим подвизаем, въсхотѣ град создати въ имя свое[2] и посла мужей достойных в Асию и в Ливию и в Европию на взыскание и изобрание преславна и нарочита мѣста на создание таковаго града. Онѣм же возвращающемся, сказаваху цесарю различныя мѣста преславная, а наипаче похвалиша ему Макидонию и Визандию. Он же болма прилежааше мыслию на Трояду, идѣже и всемирная побѣда бысть греком на фряги.[3] И сице умышляюще царю въ дни и в нощи, слыша в снѣ глас: «Въ Визандию подобаеть Костянтину-граду създатися». И абие цесарь, възбудився от сна, вскорѣ посылаеть в Визандию магыстров[4] и градцкых *дѣлателей* готовити мѣсто. Сам же цесарь, оставив в Риму кесари два сына,[5] Консту и Констянтина, а сыновца своего Адаманта — в Вретанию, поидѣ с материю своею Елѣною въ Вѣзандию, с нею же взят и жену свою Максимину, дщерь Диоклитияна царя, и сына своего Констянтина[6]... и Ликиния, зятя своего,[7] и два брата своих — Далмата и Констяндиона, и Долматова сына — Далмата же, и Констяноновых два сына — Галу и Улияна.[8] И пришед в Византию, виде на том месте семь гор и глушиц морских много. И повелѣ горы рыти и нижняя мѣста

наполняти, и на глушицах столпы каменые ставити и на них своды сводити и ровняти место, а сам цесарь пребывааше в Византию. Егда же уготовиша мѣсто, събра цесарь велмож и мегистан[9] и магистровъ, и начат умышляти, како быти стенам и стрелницам и вратам градцким, и повелѣ размерити место на три углы, на все стороны по семи вѣрстъ, тако бо бѣ место то межи дву морь — Чернаго и Бѣлаго.[10]

И се змий внезапу вышед из норы, потече по мѣсту, и абие свыше орел, спад, змия похвати и полетѣ на высоту, а змий начат укреплятися вкруг орла. Цесарь же и вси людие бяху зряще на орла и на змию. Орѣл же, възлетев изъ очью на долгь час, и пакы явися низлетающь и паде съ змием на то же мѣсто, понеже одоленъ бысть от змия. Людие же, текше, змия убиша, а орла изымаше. И бысть цесарь во ужасе велицем и, созвав книжники и мудреци, сказа им знамение. Они же, поразсудив, сказаша цесарю: «Се место Седмохолмы наречется и прославиться и возвеличиться в всѣй вселеннѣй паче иных градов, но понеже станеть межи дву морь и бьем будеть волнами морьскими — поколебимъ будеть. А орел — знамение крестьянское, а змий — знамение бесерманское. И понеже змий одолѣ орла, являеть, яко бесерменство одолеет христьянства. А понеже крестьяне змиа убиша, а орла изымаша, являет, яко напоследок пакы христьянство одолеет бесерменства и Седмохолмаго *приимут* и в нем въцесаряться».

Великий же Констянтин о сем возмутися зѣло, но обаче словеса их повеле написати, а *магистры* и градцкые дѣлатели раздѣли надвое, ибо единой странѣ повелѣ размерити градцкие стѣны и стрелници и начати град дѣлати, а другой странѣ повелѣ размерити улици и площади на римской обычай. И тако начати дѣлати церкви Божиа, и двор царский, и иные домы славны велможам и мегистаном и всем сановником и воды сладкие приводити. В седмое же лѣто видѣ цесарь мало живущих въ градѣ, зане велик бо бѣ зело, и тако сотвори: послав из Рима и от иных стран, събрав достославных велмож и мегистан, рекша сановник, съ множеством людей ихъ ту приведе и, домы велиа создав, дасть им жити в градѣ со устроением великим и царскыми чины, яко и своя домы и отчьства им забыти. Създа же цесарь и полату великую, иподрому предивную и двѣ *импол*ѣ[11] устрои, рекша улицы покровены на торгование. И назва град Новый Рим.[12]

Потом же созда церкви преславные: Софею Великую, Святыхъ апостолъ, и Святыа Ирины, и Святаго Мокия, и Архангела Михаила.[13] Постави же и пречюдный он столпъ багряный,[14] егоже изъ Рима принесе морем трею лѣты до Царяграда, зане велик бе зѣло и тяжек; от моря же до торгу лѣтом единым привезен бысть, цесарю часто приходящу и злато много дающу людем брежения ради. И положи в основаниа 12 кош, ихже благослови Христос,[15] и от дрѣва честнаго[16] и святых мощей на утвѣржение и сохранение предивнаго и

единокаменнаго оного столпа. И постави на нем кумир, еже принесе от Солнечнаго града фругийскаго, имущаго на главѣ семь лучь. Такоже и ины вѣщи предивны и достохвалны принесе изъ многых стран и градов. И преукрасив град, възда ему честь велию обновлением, и праздникы и торжествы великими на многые дни. И так устави, да ся зовет град той Цесарьградом. И бысть радость велиа во всѣх людѣх.

Днем же минувшим, пакы цесарь с патриархом и съ святители, събрав всь священнический чин, также и весь синглит цесарьскый и множество народа, сътвориша литию и молбы, молением дающе хвалу и благодарение всемогущей и живоначалной Троици, Отцу и Сыну и Святому Духу, и пречистые Богоматери. И предаша град и всяк чин людцкый въ руце всесвятей Богородици и Одигитрие,[17] глаголюще: «Ты убо, всенепорочная владычица и Богородица, человѣколюбивая естьствомъ сущи, не остави град сей достоания твоего, но яко мати крестьянскому роду заступи и съхрани и помилуй его, наставляа и научая в вся времена, яко человѣколюбивая и милостивая мати, яко да и в нем прославиться и возвеличиться имя великолепиа твоего в вѣкы». И вси людие рекоша: «Аминь!» И благодариша цесаря и похвалиша добрый его разум и еже къ Богу желание.

Цесарь же понужaаше стратиг[18] и градцких и наказателей храмы святыхъ и домы мирскиа съзидати на исполнения града. Велможам же и мегистаном и всем нарочитым людем *тако* заповѣда: аще кто сподобится коей степѣни царскаго чина, да сотворит собѣ память достойну, дом да воздвигнет или обитель славну или ино здание дивно, яко да населиться град преславными дѣлесы. Такоже и по нем царствующеи цесари и цесарици, кыиждо въ свое время подвизаашеся вещь преславну сотворити: овыи бо на взыскание и собрание страстей Господних и пречистые Богоматере ризы и пояса, и святыхъ мощей, и божествѣных икон, но и того самого богомужнаго нерукотвореннаго образа, иже от Едеса;[19] овыи же на прибавлѣние града и домов великых, ины пакы на воздвижение святыхъ обителей и храмов Божиих, якоже великий Иустиниян цесарь и Феодосий Великий и цесарица Евдокия[20] и ины мнози. И тако наполниша град преславными и дивными вещми, имиже и блаженный Андрѣй Критцкий,[21] удивився, рече: «Воистинну град сей выше слова и разума есть». К сим же и пренепорочная владычице, мати Христа, Бога нашого, во вся времена бяше цесарьствующий град сохраняюще и покрывающе, и от бѣд спасающе, и от неисцелных напастей премѣняюще. Такыми убо великими и неизреченными благодѣянми и дарованми пресвятыа Богородица сподобися град сей, яко и всему миру, мню, недостойну быти тому. Но убо понеже естьство наше тяжкосердно и нерадиво, и яко неистовы, еже на нас милость Божью и щедрот отвращаемся и на злодѣяния и бѣзакония обращаемся, имиже Бога и пречистую его матерь разгнѣваемъ и славы своеа и чьти отпадаем, якоже есть писано: «Злодѣяниа и безакониа *превратят* престолы силных», и паки: «Расточи грьдыя мысли сердца их, и низложи силныя съ престолъ»,[22] — такоже

и сий царствующий град неисчетными согрѣшенми и безаконми от толиких щедрот и благодѣяний пречистые Богоматери отпадшеся, тмочислеными бѣдами и различными напастьми много лѣта пострада.

Такоже и нынѣ, въ послѣдняя времена, грѣх ради наших, овогда нахождением неврьных, овогда гладом и повѣтреи частыми, овогда же межуусобными бранми, имиже оскудѣша силнии и обнищаша людие, и преуничижеся град, и смирися дозѣла, и «бысть яко сѣнь въ виноградѣ и яко овощное хранилище в вѣртоградѣ».[23]

Сия убо вся увѣдев, тогда властвующей туркы безбожный Магумет, Амуратов сынъ,[24] в миру и в докончанье сый съ цесаремъ Костянтином,[25] абие збираеть воя многа землею и морем, и, пришед внезаапу, град обьступи со многою силою. Цесарь же съ прилучившимися велможами и вси людие града не вѣдяаху, что сотворити, понеже людцкаго собрания не бѣ и братиям цесаревым не сущимъ.[26] И послаша къ Магумету салтану посланники, хотя увѣдати бывшее и о миру глаголати. Он же, безвѣрен сый *и лукавъ*, посланникы *отосла*, а град повелѣ бити пушками и пищалми,[27] а ины стѣнобьеные хитрости нарежати и приступы градцкые уготовляти. Сущие же людие в градѣ, грекы и фрягове, выеждая из града, бьяхуся с турки, не дающе им стѣнобьеныя хитрости нарежати, но убо силе велице и тяжце сущи, не возмогоша им никоея пакости сотворити, зане един бьяшеся с тысящею, а два — съ тмою.[28]

Сие же видѣв, цесарь повеле велможам и мегистаном раздѣлити воином градцкия стѣны, и овны, и врата, также и всих людей, и клаколы ратные на всѣх странах изъставити, да коиждо их вѣсть и хранит свою страну, и вся яже на бранную потребу устраяеть, и да бьеться с турки съ стѣны, а из града не выежчати. Такоже и пушки и пищали уставити по приступным мѣстам на обранение стѣнам.

А сам цесарь съ патрнархом и съ святители и всь священный собор, и множество жен и дѣтей хожаху по церквам Божьим, и молбы и моления дѣюще, плачуще и рыдающе, и глаголюще: «Господи, Господи, страшное естьство и неисповедимая сила, юже дрѣвле горы, видѣвше, взтрепѣташа и тварь потрясеся, солнце же и луна, ужасшеся блистанием их, погибѣ, и звѣзды небесныа спадоша. Мы же, окаянныи, тая вся презрѣв, сългрѣшихом и бѣзаконовахом, Господи, пред тобою… и тмократне разгнѣвахом и озлобихом твоего божества, забывающи твоих великых дарований и препирающе твоих повелений, и яко неистови, еже на нас милости и щедрот твоих отвратихомся и на злодѣяние и бѣзаконие обратихомся, имиже далече от тебѣ отступихом. Вся сиа, иже наведѣ на ны и на град твой святый, праведным и истинным судом

сътворил еси грѣх ради наших, и нѣсть нам отврьсти усты что глаголати. Но убо всепѣтый и преблагословеный Господи, създание и творение есмя твое и дѣло рук твоих — не предай же нас до конца врагом твоим, и не разори достояния твоего и не *отстави* милость твою от нас, и ослаби нам в врѣмя се, в еже обратитися нам и покаятися твоему благоутробию. Сам бо, Владыка, реклъ есть: “Не приидох праведных спасти, но грѣшным на покояние, в еже обратитися им и живым быти”. Ей, Господи, цесарю небесный, ослаби, ослаби нынѣ пречистыа ради Богоматере твоеа и святых патреархъ и цесарей, преже угодивших твоему Божеству въ градѣ сем». Сия вся и ина многа изрекшим, тако же и пренепорочнѣй Богородице от среды сердца стонанием и рыданием по вся дни моляхуся.

Цесарь же объеждааше вкруг града почасту, укрѣпляя стратигъ и воин, такоже и всѣх людий, да не отпадут надѣжею, ни ослабляют съпротивлением на врагы, но да уповають на Господа всѣдрьжителя — той бо нашь помощник и *защититель* есть; и пакы обращашеся на молитву.

Турки же по вся места бьяхуся без опочиванья день и нощь, пременяющеся, не дающе нимала опочити градцкиим, но да ся утрудят, понеже уготовляхуся къ приступу; и так творяху отбои до 13 ден. В 14-й же день турки, откликнувше свою безбожную молитву, начаша сурны играти и в варганы и накры бити[29] и, прикативши пушкы и пищали многие, начаша бити град, такоже стрѣляти и из ручных и из луков тмочисленых. Гражане же от бесчисленнаго стреляния не можаху стоати на стѣнахъ, но, западше, ждаху приступу, а инии стрѣляху ис пушек, ис пищалей, елико можаху, и многы туркы убиша. Патриархъ же и святители и весь священнический чин бяху непрестанно молящеся о милости Божии и о избавлении града. Егда же туркы начааху — уже всих людий съ стен збиша, абие вскрычавши все воинство и нападоша на град вкупѣ со всѣх стран, кличюще и вопиюще, овыи со огни различными, овыи с лѣствицами, овыи съ стѣнобитными хитростьми, и ины многы козни на взятие града. Градцкие же люди такоже вопияху и кричаху на них, бьющеся с ними крѣпко. Цесарь же объежаше по всему граду, понужая люди свои, дающе им надѣжу Божию, и повелѣ звонити по всему граду *на* созвание людем. Турки же паки, услышавше звон велий, пустиша сурныа и трубныя гласы и тумбан[30] тмочисленых. И бысть сеча велиа и преужасна: от пушечного бо и пищалного стуку, и от зуку звонного, и от гласа вопли и кричаниа от обоих людей, и от трескоты оружия — яко молния бо блистааху от обоих оружия — также и от плача и рыданиа градцкых людей, и жон, и дѣтей, мняашеся небу и земли совокупитися и обоим колѣбатися, и не бѣ слышати друг друга что глаголеть: совокупиша бо ся *вопли, и крычаниа, и плач, и рыданиа людей, и стук пищалный и звонъ клаколный* в един зук, и бысть яко гром велий. И паки от множества огнѣй и стреляниа пушек и пищалей обоих стран дымное курение згустився, покрыло бяше градъ и войско все, яко не видѣти друг друга съ кѣм ся бьет, и от зелейнаго духу

многим умрети. И так сѣчахуся имаяся *за руки* на всѣх стенах, дондеже нощная тьма их раздѣли: туркы убо отыдоша въ свои станы и мертвыа своя позабывше, а градцкие людие падоша от труда яко мертвы, токмо страж единыхъ оставиша по стѣнам. Наутрия же повеле цесарь собрати трупиа, и не обрѣтоша людей: вся бо бяху спяща утрудився. И посла цесарь къ патриарху, да повелит священником и дьяконом собрати мертвыа и погрѣсти я. И абие собрашася множество священник и дьяконов и взяша мертвыя и погрѣбоша их. Бяху же числом грѣков 1740, а фряг и армен 700. Цесарь же, взем боляр, поидѣ по стенам града, хотяще видѣти ратных, понеже не бѣ от них ни гласа, ни послушаниа, вси бо бяху опочивающе. И видѣша полны рвы трупиа, а ины в потоцѣх и на брѣзех; и помѣтиша всѣх убьенных до 18 тысячь и стенобитныа сусуды мнози, ихже повелѣ цесарь пожещи. И тако поидѣ съ патриархом и съ святители и со всеми съборы в святую великую церковь молбы и благодарение вздаяти всесилному Богу и пречистые Богоматере, чаяху бо уже отступити безбожному, толико падѣние видѣв своим.

Он же, бѣзвѣрный, не тако помышляаше, но в 2 день посла видѣти мертвыя своя, и яко сказаша ему много мертвых, вскоре посла мнози полкы взяти трупиа своя. Цесарь же заповѣда, да не дѣют их никоторою бранью, яко да очистят рвы и потоци. И тако взяша своя трупы безбранно и пожгоша и́. Видѣв же безбожный туркъ, яко не успѣ ничтоже, но паче своих погуби, и повелѣ магистром вскорѣ прибавити пушки и пищали мнози на битье града и ины стенобитныя козни готовити. И в сѣдмый же день паки безвѣрный повеле ити войску къ граду и тако ся бити, якоже и первие, без опочивания.

Цесарь же Костянтин посылаше по морю и посуху въ Аморею къ братии своей, и въ Венецѣю и въ Зиновию о помощи. И братия его не успѣша, понеже распря велия бѣ межу ими, и с арбанаши ратовахуся. И фрягови не восхотѣша помощи, но глаголаху в себѣ: «Не дѣйте, но да возмутъ й туркы, а у нихъ мы возмемъ Царьградъ». И тако не бысть ниоткуду помощи. Един токмо зиновьянин князь, именем Зустунѣя,[31] приидѣ царю на помощь на дву карабляях и на дву катаргах[32] воруженных, имѣа съ собою 600 храбрых. И проидѣ *сквозе все* рати морскиа турского и доидѣ до стены Цесаряграда. Его же видѣв, цесарь обрадовася зѣло, дающе ему честь велию, понеже вѣдом бяше цесарю. И тако испроси у цесаря хужшее мѣсто града, идѣже болши приступают турковe. И придадѣ ему цесарь людий своих на исполнение двою тысящь, и бьяшася съ туркы толма храбро и мужествене, яко отступити от того мѣста всѣмъ *туркомъ* и к тому не приходити на то мѣсто. Зустунѣя же не токмо свое мѣсто снабдяше, но и по стѣнам града обхожаше и укрѣпляше и наставляа люди, да не отпадутъ надежда, и на Бога упование неподвижно дрьжати, и не ослабляти въ дѣлехъ, от всеа душа и от всего сердца братися съ невѣрными, и — «Господь Бог поможетъ ны». Таковыми убо словесы многыми уча люди и наставляа их, яко

изнаказан бѣ дозѣла ратному дѣлу, и возлюбиша его вси людие и послушаху его во всѣм.

Туркы же бьяшеся по всем мѣстом, якоже преди рекохом, без опочиваниа, премѣняющеся, занеже множество тѣмъ бяху их. В 30-й же день по прьвом приступѣ паки прикатиша пушкы и пищали и ины стѣнобитныя сосуды, и им же не бѣ числа всеми силами. В них же пушкы бяху 2 велице,[33] иже ту сольяны: единой ядро в колѣно, а другой в пояс. И начаша бити град непрестанно со всѣе стороны полные,[34] а противу Зустонѣя навадиша пушку болшую, зане на том месте бѣ стена градцкая и ниже и хуже. И яко удариша по тому месту, начат стена колѣбатися, а в другые удариша — и сбиша стены с вѣрху акы саженей пять, в третеи же не успѣша, зане ночь успѣ. Зустунея же то мѣсто ночью задѣла и другою стѣною дрѣвяною съ землею снутри подкрѣпи. Но что мочно бѣ учинити против такые силы? Наутрия же пакы начаша бити то же мѣсто из многых пушак и пищалей. И яко утрудиша стѣну, навадив, стрѣлиша из болшие пушкы, уже чаяху разорити стѣну. И Божиим велением *поиде* ядро выше стены, токмо семь зубов захвати. И ударися ядро по церковной стѣне и распадѣся яко прах. И видѣвше ту сущие людие благодариша Бога. И яко уже о полудне — навадиша в другые. Зустунея же, навадив пушку свою, удари в тое пушку, и разсѣдеся у ней зелейник.[35] Се же видѣв, безвѣрный Магмет взьярися дозѣла и возопи велицим гласом: «Ягма, ягма![36]» — сиречь на разграбление града. Абие вскрича воинство все, приступиша къ граду всеми силами, по землѣ же и по морю всякими дѣлы и хитростьми на взятие града. Градцкые же люди, вшед на стѣнах от мала и до велика, но и жены мнози противляхуся им и бьяхуся крѣпце, яко патриарху и святителем и всему священническому чину токмо остатися по церквам Божьим и молитися с рыданием и стонанием.

Цесарь же паки объежaаше по всѣму граду, плачуще и рыдающе, моля стратиг и всих людей, глаголюще: «Господа и братия, малы и велици, днесь приидѣ час прославити Бога и пречистую его матерь и нашу вѣру христьянскую! Мужайтеся и крѣпитеся, и не ослабляйте в трудѣх, ни отпадайте надѣжею, кладающе главы своа за праваславную вѣру и за церкви Божиа, яко да и нас прославит всещедрый Богъ!» Сия и иная многа вопиюще цесарю к людем, и повелѣ звонити по всему граду; такоже и Зустунѣй, рыщуще по стѣнам, укрѣпляше и понужaаше люди. И яко слышаша люди звон церквѣй Божьнх, абие укрѣпишася и охрабришася вси и бьяхуся съ туркы крѣпчае *перваго*, глаголюще друг другу: «Днесь да умрем за вѣру христьянскую». И якоже прѣди писахом: кый язык может исповѣдати или изрещи тоа бѣды и страсти — падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы, съ забрал, и кровь их тѣчaаше, яко рѣкы, по стѣнам. От вопля же и крычания людцкаго обоих, и от плача и рыдания градцкаго, и от зуку клаколнаго, и от стуку оружиа и блистаниа мняшеся всему граду от основаниа превратитися. И наполнишася рвы трупиа человѣча довѣрху, яко чрес них ходити турком, акы по стѣпенемъ, и битися: мрьтвыа бо имъ бяху мостъ и

лесница къ граду. Тако и потоци вси наполнишася и брѣгы вкруг града трупиа, и кровй их, акы потоком силным, тѣщи, и пажушинѣ Галатцкой, [37] сиречь *Лименю* ***[38]*** всему, кроваву быти. И облизу рвов по долиам наполнитися крови, тако силнѣ и нещаднѣ сечахуся. И аще не бы Господь прекратил день той — конѣчная бо уже бѣ погибель граду, понеже гражане вси уже бяху изнемогъше.

Нощи же наставши, туркы отступиша къ станом своим, акы уставше, а градцкие люди падоша, къй же и гдѣ успѣ от труда. И не бѣ тоя нощи слышати ничтоже, развѣе стонание и вопль сеченых людей, кои еще живи бяху. Наутрия же цесарь повелѣ священником и дьяконом такоже собрати трупия и погрѣсти а, а иже еще бяху живы раздати врачем. И собраша мрьтвых грѣков и фряг и армен и иных пришлых людей 5700. Зустунѣя же и вси вельможи поидоша по стенам града, смотряще стен и трупия неврьных, и тако сказааше цесарю и патриарху до 35000 убьеных. Цесарь же бѣ плача и рыдая не престааше, видяще падѣние своих людей, а помощи ниоткуду чающе, и неотступное дѣло неврьных. Патрнархъ же и всь клирик, тако и всь синклит цесарьский, взяша цесаря и поидоша, утѣшающе его, к Вѣликой церкве на молитву и благодарение всемилостивному Богу, такоже и множество благородных жен и дѣтей съ царицею, понеже вси людие бяху еще опочивающе от безмерныя и неприемныя истомы. И повелѣ патриархъ позвонити по всему граду, заповѣдая всѣм людем, иже не бяхуть на брани, и женам, и дѣтям, къиждо их, да поидуть къ своему приходу, молящеся и благодаряще Бога и всенепорочную его матерь, владычицю нашу Богородицу и приснодѣву Марию. И бяше видѣти во всемъ градѣ всѣмъ людѣм и женам притичющим къ Божиим церквам со слѣзами, хваляще и благодаряще Бога и пречистую Богоматерь. И тако проводиша день тъй и всенощное пѣние.

Безвѣрный же трупиа своих людей не восхотѣ взяти, помышляаше мѣтати их пороки в град, да согниют и усмердят град. Неции же в них, знающе град, сказоваахху им величество града и пространства и яко не коснѣться им смрад. И абие, пришед со многою силою, взяша их и пожгоша. Крови же, оставшей в рвѣхъ и в потоцѣх, згнившеся, смрад приношааше велий, но обаче граду не поврѣди, вѣтру относящу. И сим тако бывающим, никако не ужасеся безбожный, но в 9-й день паки повелѣ всему воинству приступити къ граду и брань творити по вся дни, а пушку ону велию паки повѣле предѣлати того крѣпчае.

Сия же увѣдав велможи и Зустунѣя, собрався вкупѣ с патриархом, начаша увѣщавати цесаря, глаголюще: «Видим, цесарю, яко сей бѣзвѣрный не ослабѣет дѣлом, но паче готовиться на болшее дѣло. И что сотворим, помощи ниоткуду чающе? Но подобает тобѣ, цесарю, изыти из града на подобное мѣсто, и услышавше, людие твои и братия твоа к тебѣ приидутъ на помочь, но и *арбанаша*, убоявся, приидут к сим

же, еда како и он, безбожный, устрашився, отступить от града?» Сия и ина многая изрѣкше цесарю и кърабли и катаргы даяхут ему Зустунѣевы. Цесарь же на долгь час умльча, испущая слезы, и тако рече им: «Хвалю и благодарю съвѣт ваш и вѣм, яко на ползу ми есть сия вся, понеже могут сия тако быти. Но како аз се сътворю и оставлю священъство, церкви Божия и цесарство и всих людей? И что ми сърчеть вселѣнная, молю вы, рцетѣ ми. Ни, господини мои, ни, но да умру здѣ с вами». И, падъ, поклонися им, плачуще горко. Патриархъ же и вси ту сущии людии въсплакаша и превратиша рѣчи, да не паче мльва будет в людѣх. И послаша паки въ Амморѣю, и во всѣ острови, и в фрязех о помощи.

Гражане же в день бьяхуся с туркы, а ночи влазяаху в рвы, и пробиваху стѣны ровныя от поля, и изныряху землю по застенью въ многые мѣста, задѣлающе многы съсуды зъ зелием с пушечным; такоже на стѣнах уготовляаху многые съсуды, наполняюще смолья и сѣры горючее съ смолою и съ посканию, и с зелием с пушечным. Днем же минувшим 25, тако бьющеся по вся дни, паки безбожный повелѣ прикатити ону пушку велию, бѣ бо увязана обручи желѣзными, чаяху укрѣпити ю. И яко пустиша ю впервие, абие разсядѣся на многыя части. Он же, безвѣрный, мняшеся поруган быти и вскоре заповѣда туры[39] прикатити къ граду всеми силами, иже бяху велици и покровѣнны. И егда уставиша туры по всему брѣгу рва, хотяаху, наполнивше рвы дрѣвесы и хврастием и землею, придвинути и приклонити туры къ граду и тако подкопати стену в многые мѣста и извѣрнути на землю. И яко приступиша множество людей рвы засыпати, абие *гражане* зажгоша сосуды зелѣйныя, иже бяху задѣланы вне рва, и внезаапу взгрѣме земля, акы гром велий, и подъяся с турами и с людми, яко буря силная, до облакы, и бѣ слышати трескот, и сътрение тур, и вопль и стонание людцкых страшно, яко обоим бѣжати: гражане убо съ стен во град, а туркы от града далеча. И падааху с высоты людие и дрѣвеса: ины в град, а ины *в рати*, и наполнишася рвы туркы. И яко взыдоша паки гражане на стѣну и видѣша во рвѣ множество туркъ, абие зажигааху бочкы съ смолою и пущааху на них, и погорѣша вси. И тако Божиим промыслом в той день избавися град от бѣзбожных турокъ. Злонравный же Магумет со множеством воин своих издалѣча бяше смотря бывшее и помышляюще, что сотворити. Такоже и ратные вси, убоявшеся, отступиша отъ града. Грѣки же, вышед из града, побивааху во рвѣх туркы, кои еще живи бяху, и, собравше ихъ въ многые кучи, съжигахут их вкупѣ со оставшими турами.

Цесарь же с патриархом и всь священный клирик бяху по всѣм церквам молящеся и благодаряше Бога, чающе уже конец бранемъ. Такоже и тьй зловрьный Магумет многа дни совѣтовавше, преложиша отступити въсвояси, зане уже и морскый путь приспе, и чааху отвсюду помочь граду. Но убо понеже беззакония наша превзыдоша главы наша, и грѣхы наша отяготѣша сердца наша, въ еже заповѣдей Божиих не послушати *и въ путѣхъ его не ходити*, гнѣва его камо убѣжимъ? Цесарю

убо во градѣ с патриархом тако и вси людие совѣт съвѣщааша не благъ, глаголюще: «Понѣже он, зловѣрный, тако многа дни стоит безбранно, паки готовиться, но да пошлем к нему о миру»; еже и сотвориша. Он же, лукавый, се слышав, порадовася в сердци своем, чающе, нужа некая приидѣ граду, и, отложше свое отступление, нача съвѣщевати о миру. И тако отвѣща посланником: «Понеже цесарь тако благо съвѣща и просит мир, и азъ се сотворю, но да изыдеть цесарь изъ града въ Амморѣю, такоже и патриархъ и вси людие, иже въсхотят, без врѣда, оставивше мнѣ град пустъ, и азъ мир вѣчный сътворю, да не вступлюся въ Амморѣю, ниже въ островѣх его ни которою хитростию в вѣкы. А иже не всхотят изыти из града, да будут во имени моем без врѣда и безъ пѣчали».

Сия вся слышавше, цесарь и патриархъ и вси людие, абие встенавше от среды сердца и руце на небо воздвигше, глаголаху: «Заступниче наш, Господи, призри от высоты славы твоеа, низложи грьдыню сквѣрнаго сего и избави град достояниа твоего, ибо людие есмя владычества твоего и овча пажити твоеа, живущеи в дворѣ твоем въ единое стадо, и камо изыдем, оставивше пастыря и наставника своего? Ни, господи цесарю, ни, но да умрем вси здѣ въ святѣм дворѣ твоем и в славу величествиа твоего». Сия вся изрѣкшим, паки уготовляхуся на брань, кающеися о послании къ *Могамѣту*, зане тѣм удрьжаху его.

Днем же трием минувшим, сказаша окаянному турку, яко пушка она велия слияся добрѣ, и тако съвѣщевааше еще поискусити ю, и повелѣ паки воинству всему поити къ граду и брань творити по вся дни. Се же бысть за наши грѣхы Божие попущение, *яко* да збудуться вся прежереченная о градѣ сем при Костянтинѣ Велицѣм цесарѣ и Лвѣ Премудрѣм и Мефодием Паторомским.[40] Убо в 6-й день маиа мѣсяца паки безвѣрному повелевшу бити града въ то же мѣсто, идѣже и прьвѣе бьяхут и изо многыхъ пушекъ по три дни. И яко утрудиша стѣну и удариша из болшие пушкы, и спаде камение много. В другие удариша, и распадеся стѣны великое мѣсто, но уже вечеру наставшу, туркы начаша стрѣляти изо многых пушек в то же мѣсто, тако и чрез всю нощь, не дающе гражаном задѣлывати того мѣста. Грѣкы же тоя ночи уготовиша башту[41] велию против того всего мѣста. Наутрия же пакы туркы удариша из большие пушкы пониже того мѣста и вывалиша стѣны много, и тако в другие и в третьи. И яко уже учиниша мѣсто велико, абие вскрычав, множество людий вскочиша на то место, друг друга топчюще, такоже и грѣкы из града, и сечахуся лицем к лицу, рыкающе, акы дивии звѣри. И бѣ страшно видѣти обоих и дрьзости и крѣпости. Зустунѣя же пакы собра многые люди, вскрычав, нападѣ на туркы тако мужественѣ, яко въ мъгновении ока съби их *с* стены и наполни ров мертвых. Амурат же некый янычанин,[42] крѣпок сый тѣлом, смѣшався з грѣкы, доидѣ Зустунѣя и начат сѣщи его лютѣ. Грѣчин же некый, скочив *с* стѣны, отсѣче ему ногу секирою и тако избави Зустунѣя от смерти. Флабурар[43] же паки западный, Амар-бей съ своими полкы нападѣ на грѣкы, и бысть сѣча велия. Такоже из града Рахкавѣю

стратигу[44] со многими людми преспѣвшу на помочь грѣком, бьяшеся крѣпко с туркы, и прогна их даже до самого Амар-бѣа. Он же, видѣв Рахкавѣя лютѣ секуща турокъ, обнажив мечь, нападѣ на нь, и сѣчахуся обои лютѣ. Рахкавѣй же, наступив на камень, удари его мечем по плѣчю обѣруч и разсече его надвое: силу бо имяше велию в руках. Турки же, вскрычавше злостию, окружиша тмочислѣне и сечаху его. Грѣки же *нужахутся* крѣпко отъяти его и не возмогоша, но и падоша мнози, и разсѣкоша *турци Рахкавея* на части и тако прогнаша грѣков в град. И бысть грѣком плач и ужасть велиа о Рахкавѣе, понеже ратник бѣ велий и мужествѣн и цесарю любим. И уже ночи наставши, преста сеча и разидошася обои. И туркы убо начаша пакы стрѣляти из пушек на разрушенное мѣсто, а гражане начаша башту ширити и дѣлати крѣпко о всѣй прогалинѣ и навадиша в ню пушкы многие тайнѣ, зане башта бѣ изнутри града. Наутрия же яко видѣша туркы стѣну не задѣлану, вскорѣ наскачиша и бьяхуся з грѣки. Греки же, бьющеся с ними, побѣгааху от них, а турки вскрычааху на них, и вскоре нападоше множество их, чающе уже одолѣвше. *Съгустившимъ же ся* многим турком, грѣки же разбѣгоша и пустиша на них пушкы и побиша много туркъ. И яко испустиша пушкы, внѣзаапу нападѣ на них из града Палеолог, стратиг сингурла,[45] со многыми людми и бьяше их крѣпко. Въсточный же флабурар Мустафа вскорѣ наидѣ на грѣкы со многою силою, и сечааше их сурово, и прогна их в градъ, и уже хотяху стѣну отъяти. Феодор же тисячник, совокупився съ Зустунѣем, поскориша на помощь, и бысть сѣча велия, но убо туркы усиловахут ихъ. Цесарь же бяше въ притворе великия церкви со всеми боляры и стратиги, съвѣтуя о устремлении безбожнаго, глаголюще: «Се уже по вся дни непременно сѣкущеся с туркы, колико тысящь погибѣ нашого люду, и аще вперѣд такоже будет — всѣх нас погубят и град въсприимут. Но собравшеся съ избранными и назнаменавшеся, изыдѣм из града ночию в подобное врѣмя и, Богу помогающу, нападѣм на них, якоже иногда Гедеон на мадиямлян,[46] или да помрем за Божиа церкви, или да избавление получим». Тако убо съвѣтующе, мнози на то укланяхуся, надѣяху бо ся на цесаря, зане вѣдяаху храбрости и силу его, велик бо бѣ зѣло и исполин силою. Кир Лука же и архидуксъ[47] и Николай епархъ[48] умльчаша на долгъ час и тако рекоша: «Се уже пять мѣсяць прошли, отнелиже начахом братися с туркы, просяще милость Божию, и аще будеть воля его, еще можем и ины пять мѣсяць братися с ними. Аще ли же не будет Божией помощи, и тако сотворим — единым часом вси погыбнем и град погубим». Великий же доместик[49] и с ним логофет[50] и ини мнози велможи съвѣщааху, да изыдеть цесарь из града, взем съ собою избранных колико мочно, на отсѣку града, не дающе турком толико дрьзостнѣ приступати къ граду, и издалѣча потрѣбная провадити; и паки: да услышав, христьяне збѣруться к нѣму многыe люди. И так умышляющим им, сказаша цесарю, яко уже турки взыдоша на стѣну и одолѣвают гражан. Цесарю же погнавшу напрасно и всѣм велможам и стратигом, и, минувше цесаря и велмож, стратиги поскориша на помощь и срѣтоша народ мног бѣгающе, и бья, возвращаху их. Зустунѣя же съ инѣми стратиги бьяхуся с турки уже въ градѣ, овогда побѣгающе прѣд туркы, овогда окрѣпльшеся, возвращахуся и боряхуся с ними. А ини турки, мнози мосты сотворше, на конях въѣжяху. Стратигом же всѣм, сънѣмшимся съ Зустунѣемъ, нападаху на турки сурово и *взвратиша ихъ* до стѣны. Но убо туркомъ многым, вшедшим въ град,

конным и пѣшцем, возвратиша паки стратиг и бьяху их нещаднѣ, съваху бо ся на них, аки дивии звѣри. И аще не бы ускорил цесарь к ним, конечная уже бѣ погыбѣль граду. Достигшу же цесарю, вопияше на своих, укрѣпляя ихъ, и, возрыкав яко лѣв, нападѣ на турки со избранными своими *пѣщци* и конникы, и сѣчаше ихъ крѣпко: ихже бо достижаше, разсѣкаше их надвое, а иных пресѣкая на полы, не удрьжаваше бо ся мечь его ни о чем. Турки же скликахуся против крѣпости его, и друг друга понюкаше на нь, и всякым оружием суляху его, и стрѣлы безчислены пущаху на нь, но убо, якоже речеся, бранныа побѣды и цесарское падѣние Божиим промыслом бывает: оружия бо вся и стрѣлы суетно падаху и, мимо его лѣтающе, не улучахут его. Он же, един имѣя мѣч в руцѣ, сечаше их и, на нихъ возвращашеся, бежаху от него и путь ему даяху. И погна ихъ къ разрушенному мѣсту, и ту, затеснившимся, побиша их много, а иныхъ збиша из града и за рвы. И тако Божиею помощью в той день цесарь избави град, и уже вечеру бывшу, турки отступиша.

Наутрия же епархъ Николай повѣле гражаномъ избьенных туркъ выметати из града и за рвы на показание безбожному, и бысть их числом, якоже рѣкоша, до 16000. И по совѣщанию взяша их туркы и пожгоша. Епарху же паки повелѣ разрушеное мѣсто все заставити дрѣвом и башту дѣлати, чающе има уже отступити, окааным. Безбожный же Магумет не тако съвѣща, но по три дни събрав баши свои и санчакбиев,[51] тако рече имъ: «Видим убо, яко гауровѣ[52] охрабришася на нас, и тако браняще с ними не одолѣем ихъ, понеже о единем мѣсте токмо братися, о разрушимѣм, многыми людми невмѣстно, а малыми людми — премогают нас и тако одолѣют нас. Но да сътворим пакы ягму, якоже и первие, придвинувше туры и лѣсница къ стѣнам града на многые мѣста, и, раздѣлившимся гражаном по всѣм мѣстам на сопротивление, абие приступим крѣпко къ разрушимому мѣсту». И еже съвѣща окаанный Божиим попущением тако и сотвори: туры убо и лѣсници и ины козни многы приступные повелѣ уготовляти, а воином паки повелѣ братися съ гражаны. И тако бьяхуся по вся дни, не дающе гражаном опочивания.

В 20 же первый день маиа, грѣх ради наших, бысть знамение страшно в градѣ: нощи убо против пятка *освѣтися* град всь, и видѣвше стражи тѣчаху видѣти бывшее, чааху бо — туркы зажгоша градъ; и вскликаше велием гласом. Собравшим же ся людѣм мнозем, видѣша у великие церкви Премудрости Божиа[53] у вѣрха из вокон пламеню огнѣну велику изшедшу и окружившу всю шею церковную на длъгъ часъ. И собрався пламень въедино, пременися пламень и бысть, яко свѣт неизреченный, и абие взятся на небо. Онѣм же зрящим, начаша плакати грько, впиюще: «Господи помилуй!» Свѣту же оному достигшу до небесъ, *отврьзошася* двѣри небесныя и, приявше свѣтъ, пакы затворишася. Наутрия же, шедше, сказааше патриарху.

Патриархъ же, собрав боляр и совѣтников всѣх, поиде къ цесарю, и начаше увѣщавати его, да изыдеть изъ града и съ царицею. И яко не послуша их цесарь, рече ему патриархъ: «Вѣси, о царю, вся прежереченная о градѣ сем. И се нынѣ пакы ино знамение страшно бысть: свѣт убо он неизрѣченный, иже бѣ съдѣйствуя въ вѣлицѣй церкви Божия Премудрости съ прежними свѣтилникы и архиерѣи вселенскими, такожe и ангелъ Божий, егоже укрѣпи Богъ при Устиянѣ цесари[54] на съхранение святыа великиа церкви и граду сему, въ сию бо нощь отъидоша на небо. И се знаменуеть, яко милость Божиа и щедроты его отъидоша от нас, и хощет Бог предати град нашь врагом нашим». И тако прѣдстави ему онѣх мужей, иже видѣша чюдо, и яко услыша цесарь глаголы их, падѣ на землю яко мертвъ и бысть безгласен на мног час, едва отольяше его араматными водами. Вставшу же ему, рече патриарху и всѣм боляром, да запрѣтят с клятвою онѣм людѣм, да не възгласят сия народом, яко да не отпадуть въ отчаяние и ослабѣют дѣлами. Патриархъ же паки начат крѣпко увѣщевати цесаря, да изыдет из града, также и боляре всѣ, глаголюще ему: «Тебѣ, цесарю, изшедшу из града съ елицыми всхощеши, паки, Богу помогающу, мочно есть и граду помощи, и ины грады и вся земля надѣжу имѣюще, тако вскорѣ не предадутся безвѣрным». Он же не уклонися на то, но отвѣщаваше им: «Аще Господь Богъ нашь изволи тако, камо избѣгнѣм гнѣва его». И паки: «Колико цесарей преже менѣ бывшеи, велицы и славны, тако пострадааша и за свое отечество помроша; аз ли пакы послѣдней сего не сътворю. Ни, господи мои, ни, но да умру здѣ с вами». И отступи от них. Зустунѣя же паки, пришедше со инѣми боляры, много увѣщевааху цесаря со слезами и рыданием, да изыдет из града. И не послуша ихъ.

В 2-й же день, егда услышаша людие отшествие Святаго Духа, абие растаяшася вси, и нападѣ на нихъ страх и трѣпет. Патриархъ же бяше укрѣпляа их и учаще не отпасти надѣжею. «Но *дерзайте* убо, чада, дрьзайте, — глаголаше, — и на Господа Бога спасениа нашего возложим и к нему руце и очи от всѣя душа возвѣдем, и той нас избавить от врагов наших и вся сущая на нас вражия совѣщания ражденеть». Сицѣвыими и ины многыми бяше укрѣпляа народа. И тако съ святители и всеми съборы, вземше священныа иконы, обхожааху по стѣнам града по вся дни, просяще милости Божию, со слѣзами глаголюще: «Господи Боже нашь, безсмертный и безначалный, съдѣтелю всѣя твари, видимыя и невидимыя, иже нас ради, неблагодарных и злонравных, сшед съ небесе, воплотився и кровь свою за ны пролья, призри убо и нынѣ, владыко и царю, от святаго жилища твоего на смерѣнныа рабы твоа, и приими грѣшное наше моление, и приклони ухо твое и услыши глаголы наша, конѣчне погыбающих. Согрѣшихом бо, Господи, согрѣшихом на небо прѣд тобою, и мерскими дѣлы и студными всячскы себѣ непотрѣбны сътворше небу и земли, и тоа самыя врѣменныя жизни, и нѣсмя достойны възрѣти на высоту славы твоеа, озлобихом бо твою благодать и разгнѣвахом твое Божество, преступающе и препирающи твоих заповедѣй и не послушающи твоих повелѣний. Но убо сам, цесарю и владыко, чловѣколюбец и незлобив сый, долготрьпѣлив же и многомилостивъ, пророком своим рек, яко “Хотѣнием не хощу смерти грѣшнику, но яко

еже обратитися и живу быти”,[55] и пакы: “Не приидох праведных призвати, но грѣшных на покаание”.[56] Не хощеши бо, владыко, создание твоих рук погубити, ниже благоволиши о погибели чловѣчестѣй, но хощеши всѣм спастися и в разум истинный приити. Тѣмже и мы, недостоинии, создание и творение твоего Божества быв, не отчаваемся своего спасениа, на твое же безчислѣнное благоутробие надѣяся, припадаем и вслѣдуем, всем сердцемъ *молим* и ищем милость твою. Пощади, Господи, пощади, ихже искупил еси животворною кровию своею, и не предай же нас врагом и суперником владычствиа твоего, и избави нас от обьстояниа днешняго и обышедших ны зол и напастѣй. Свободи по множеству милости твоеа, и изми нас по чюдесѣм твоим, и даждь славу имени твоему, да посрамяться врази твои и да постыдяться от всякыя силы, и крѣпость их да сокрушиться, да разумѣют, яко ты еси Богъ нашь, Господь Исус Христос, въ славу Богу Отцу».

Таковыми убо и иными многыми молебными глаголы по вся дни молящеся, чааху спасениа своего, тако и вси людие бяху притычюще къ святым Божиим церквам, плачуще и рыдающе, и руце на небо воздѣюще, *просяще* у Бога милость. Но убо елико преже благодатѣй и даров Божиих и пречистыа Богоматери благодѣяний сподоблени быхом, толико нынѣ, грѣх ради наших, помилованиа и щедротъ Божиих лишени быхом. «Егда бо, — рече, — простретѣ рукы ваша къ мнѣ — отовращу *очи* мои от вас, и аще придѣте явити ми ся — отоврацу лице свое от вас». И паки: «Елико сътвориши, елико дѣлаеши — ненавидит сия душа моа». Таковым убо отвѣтом и мы нынѣ, грѣх ради наших, уподобихомся, и молбы и молениа наша неприятна суть Богови.

Туркы же, якоже предирекохом, по вся дни брань творяще гражаном, не почивааху. А окаанный Магумет, собрав воин своих, раздѣли имъ мѣста къ приступу: убо карачбѣю[57] противу цесарскых полатъ и дрѣвяных врат и Калисариа, а бегиларбѣем — восточному — противу Пигии и Златаго мѣста, а западному — противу Хорсуни всѣя.[58] Сам же, безвѣрный, нарек себя посреди ихъ, противу врат святаго Романа и разрушеннаго мѣста. Столу же морскому Балтауглию и Загану[59] — обѣ стенѣ от моря, яко да окружат всь град и в едино врѣмя и в един час ударити бранию на град по земли же и по морю. И тако урядив сквѣрный.

В 26 день маия, проповѣдником их откликавше сквѣрную свою молитву, абие взкрычавше, всѣ воинство скакаху къ граду. И прикативше пушкы, и пищали, и туры, и лесница и грады древяные, и ины козни стѣнобитныя, имже не бѣ числа. Такоже и по морю придвинувше корабли и катарги многыа, и начаху бити град отвсюду, и мосты на рвѣх нарѣжати, и яко уже збиша съ стѣн всих гражан, въскорѣ придвинувше грады дрѣвяные и туры высокиа и лесница тмочисленыа, нужахутся

силою взойти на стѣну, и не даша им грѣкы, но сѣчаахуся с ними крѣпко. Баши же, и воини и нарадчики их, понужающе туркъ и бьюще их, въскликааху и вопиаху на них. Магумет же окаанный со всѣми чины врат своих, заиграв въ всѣ игры и в тумбаны, и вопли великими возшумѣша, аки буря силная, и приидѣ на полое мѣсто и таким суровством мняше бо внѣзаапу похитити град. Стратигом же многим преспѣвшим зъ Зустунѣею на помощь, бьяхуся с турки крѣпко, и бысть пагуба велиа гражаном. Но убо еще часу суда не приспѣвшу, премогахуся съ ними. Цесарь же и велможи с ними скакаху по всѣму граду, плачуще и рыдающе, молящеся боляром, и стратигом, и воином всим, тако и всему народу, да не отпадуть надѣжею ни да ослабѣют дѣлом, но *дѣрзостию* и вѣрою несумнено братися съ врагы, и Господь Богъ поможет ны. И повелѣ звонити по всему граду на *собрание* людѣм. И собравшеся всѣм людѣм по стѣнам, бьяхуся с туркы, и быть сѣча велия, яко страшно и жестоко видѣти обоих дрьзость и мужества.

Патриархъ же со всѣми съборы бяше въ святѣй Велицѣй церкви, и неотступнѣ моля Бога и пречистую его Богоматерь о поможении и укрѣпление на врагы. Егда же услыша звону, вземше божествѣныя иконы, изыдѣ прѣд церквою, и ста на молитву, осѣняюще крестом всь град, и рыдающе и глаголюще: «Вскресни, Господи Боже, и помози нам, конечне *погыбающим*, и не отрыни людий своих до конца, и не дай же достояниа твоего в поношение сыроядцем сим, да не рекут: “Гдѣ есть Богъ их?”, но да познают, яко ты еси Богъ наш, Господь Исус Христос, въ славу Богу-Отцу». Сицѣ и къ святей Богоматере возглашающе: «О всѣсвятаа владычицѣ, стани, руцѣ въздѣв къ сыну своему, Богу нашему, и утиши, владычицѣ, иже на нас гнѣв Божий и пагубу, уже бо, пресвятаа госпоже, при устѣх адовѣх есмя; поскори, о всемилостивая и человѣколюбивая мати, и измий нас, обьемше дѣсною ти рукою, преже даже не пожрет ны адъ, яко да и всѣм прославиться и возблагодарить все святое и великолѣпное имя твое».

Сице вопиюще и моляся не престааху, царю же преспѣвшу к полому мѣсту, и видѣвъ брань тяжчайшу, ста и сам ту и вси велможи, и яко сказаша ему безбожнаго устремленье, абие возопи к воином, плачюще: «О братиа и друзи! Нынѣ врѣмя обрѣсти славу вѣчную за церкви Божиа, за православную вѣру, и сотворити что мужьствѣное на память послѣдним». И ударивъ фарис, хотяше бо прескочити разрушеное мѣсто и доступити Магумѣта на отомщение крови христьянъские. И яша его велможи и оружникы пѣсца нужею, занѣ нѣвмѣстно бѣ дѣло, Магумѣтю безбожному в силѣ тяжьсцѣ сущу. Цесарь же, обнаживъ мѣчь, обратися на туркы, и якоже кого достигаше мечем по раму или по рѣбром — пресѣкаше ихъ, туркы же, ужасшися крѣпости царевы, бѣжаху и разлучахуся. Стратиги же и воины и вси людие, очютивше своего цесаря, охрабришася вси и скакаху на туркы акы дивии звѣри. И тако пробиша и́ за рва. Магумет же ста крѣпко и повелѣ туркъ, бьяше, возвращати на грѣкы, и бысть сѣча премрачна, зане стрелы их *помрачиша* свѣт. Грѣкы же пакы съ *обеих* стран стены мѣтаху на туркы

смолы горячие и смолья пучмы великыи зажигающе. И уже солнцу зашедшу и ночи наставши, сѣча же не преста, но огни безчислѣные безбожный сотворше, сам скакаше по всѣм мѣстом, крыча и вопиа, понужающе своих, чааше иже пожрети град. Но убо грѣки и прочие люди, сущеи на стѣнахъ, огражашеся дрьзостию, впияху друг другу: «Поскоримъ, братие, на осуженое мѣсто и помрем за святыа церкви». И тако сѣчахуся крѣпко с турки до полунощи и съгнаша их съ забрал и съ градовъ их на землю, и преста сеча. Но нѣ отступиша отъ града окаянныи, брѣгуще своих градов и иных кознѣй. Наутриа же греки возхотѣша зажещи в многих мѣстехъ козни их и грады дрѣвяные, и не даша им турки стрѣлянием многым из луков и из пищалей. Падение же обоих стран, а наипаче ранных — кто можеть исчести.

От дѣвятое же годины того дни паки безвѣрный повелѣ бити град возлѣ разрушеного мѣста изо многых пушек и пищалей. И навадивше пушку болшую, удариша в башту, тако въ другие, и в третьи, и разбиша башту, *и тако проиде той день*. Ночи же наставши, Зустунѣа паки съ всѣю дружиною и фряги всѣ начаша башту съзидати. Христьянское же согрѣшенье не возхотѣ се, но, прилѣтев ис пушки, ядро камѣнное на излетѣ и удари Зустунѣа по персѣм и разрази ему перси. И падѣ на землю, едва его отольяша и отнесоша и́ в дом его. Боляре же и вси людие и фряговѣ, иже бѣша с ним, растааху и не вѣдааху, что сотворити. Се же бысть изволѣнием Божиим на конѣчную погибѣль граду, понѣже полое оно мѣсто он храняше великою силою и мужеством, храбръ бо бѣ, и мудръ, и ратному дѣлу преискушен. Егда же сказаша цесарю, абие распадѣсе крѣпостию и истаяше мыслию, и скоро поидѣ к нѣму, такоже и патриархъ и вси велможи и врачевѣ, утѣшающе его, хотяху бо, аще бы мощно было, душа своа вдунути в него. Обьяше бо их скорбь и пѣчаль велиа о нем, занеже братом его имѣяше цесарь многыя ради вѣры его и бодрости. Врачевѣ же чрес всю ону нощь тружахуся о поможении его и едва исправиша ему грудь, вшибленое мѣсто от удара. И абие отдохнул отъ болезни. И даша ему мало брашна и питие, и тако опочи той нощи.

Оставшей же дружинѣ его у башты, съзидааху башту, но нѣ успеша ничтоже. Зустунѣя же пакы повелѣ сѣбя нести тамо и начат дѣлати башту съ усердием великим. Но дню уже преспѣвшу, егда видѣша туркы башту дѣлающих, вскорѣ пустиша на них изо многых пушек и не даша им дѣлати. Онѣм же *пострaнившимся* от пушек, вскорѣ наскачиша множество туркъ на полое мѣсто, такоже и грѣки против, и бысть брань велиа. Флабурар же некый со многыми срачины яростнѣ нападѣ на грѣки, в нихже бяху 5 *страшных* возрастом и взором, и бьяху гражан нещадно. Такоже из града протостратор[60] и сынъ его Андрѣй со многими людми поскориша на турки, и бысть сѣча ужасна. Видѣвша же съ стѣны три братеники пять мужей онѣхъ срачин, бьюще тако силнѣ гражан, скачиша съ стѣны, нападоша на них и сечахуся с ними лютѣ, яко удивитися турком и не дѣяти их, чающе убиеным быти от *них*. И убиша *гражане* дву срачин. Тако, въскричав, *нападоша* на них

множество туркъ, онѣм же, обраняющеся от них, уидоша в град. Бяху же трие ты инафтыи[61]: един грѣчин, а другый угрин, а третий арбонаш, О полом же мѣсте сеча не преста, но паче растяше, турком бо в велицѣй силѣ приступлше, сечахуся и погоняху гражан сурово. Стратиги же и велможи вкупѣ съ Зустунеем мужествоваху крѣпко, и падоша множество людий от обоих странъ. Но еже Богъ изволи, тому не преити: прилѣтевшу убо склопу,[62] и удари Зустунѣа и срази ему дѣсное плѣчо, и падѣ на землю аки мертвъ. И падоша над ним боляре его и людие, крыча и рыдая, и поношаше его прочь, тако и фряговѣ вси поидоша за ним.[63] Туркы же, слышав *рыдание* и смятѣние людцкаго, абие възкличав, напустиша всеми полкы и потопташа гражан и вългнаша их въ град, бья и сеча их. Видѣв же стратигы и вси гражанѣ болма прибывающих туркъ, начаша бѣжати, и егда постигахут их нужею, возвращахуся и боряхуся с ними. И погыбель конечная уже бѣ постигла град, аще бы не поскорилъ цесарь со избранными своими. Царю же приспѣвшу, срѣте Зустунѣа еще жива суща, и восплакася о немъ горко, и начаша возвращати фрягъ с молением и рыданием, и не послушаше его. И, пришед, *поношаше* своих *о* слабости их и *немужествѣ*, и абие возвращаше бѣгающих, а самъ нападѣ на турки и, понюкнувъ своим, внидѣ в ратных, бьяше ихъ мечемъ по плещу и по рѣбром; аще и по коню ударить — падаху подъ ними, и не удрьжеваше бо мечь его ни збруи, ни конская сила. Турки же искликахуся и другъ друга понюкаше на нь, сам же не смѣяше. Оружия же, иже мѣтаху на нь, якоже прѣди рѣкохомъ, вся суетно *падаху* и мимо его лѣтающе, *не* улучахуть его, еще убо часу не преспѣвшу. *Он* же на нихъ возвращашеся, бѣжаху от него, и разлучахуся, и даяхуть ему путь. И тако прогнаша турковъ к полому мѣсту, и *сгустившимся* ту *множеству* народу, побиша их гражане безчислено, закалаху бо их аки свинѣй, дондеже проидоша полое мѣсто, а иже бѣжаша на сторону по улицам — тамо побьени быша. И тако Божиим промыслом в той день избавися град: турки бо отъидоша от града, а гражане же падаху опочивати, и не бѣ тоя нощи ничесоже.

Цесарь же с патриархом и вси воини поидоша в Великую церковъ и возблагодариша Бога и пречистую его *матерь* и похваляху цесаря. И тако неции сказаша, яко и сам цесарь в сердци своем вознесеся, но и отшествие *поганых* чаяху, но вѣдаху бо Божие изволение. Магумет же, видѣвъ толикое падѣние своих и слышав цесареву храбрость, тоя ночи не спа, но совѣтъ велий сотвори: хотяше бо тоя ночи отступити, зане уже и *морский* путь преспѣ[64] и корабли многые придут на помощь граду. Но да збудеться Божие *изволение*, съвѣт той не съврьшися. И яко уже о семой године тоя ночи начат наступати над градом тма велиа: воздуху убо на аере огустившуся, нависеся надъ градом плачевным образом, ниспущаше, аки слѣзы, капли велицы, подобные величеством и взором буйвалному оку, червлѣны, и терпяху на земли на долгъ час, яко удивитися всем людем и в тузе велицей и во ужасе быти.

Патрияpхъ же Анастасие[65] вскоре собрав весь клирик и синклит, поидѣ къ цесарю и рече ему: «Свѣтлейший цесарю, вся прежереченная о градѣ сем добрѣ веси, тако и отшествие Святаго Духа видѣ. И се пакы нынѣ тварь проповѣдует погибели града сего. Молим тя: изыди изъ града, да не вси вмѣсте погинем. Бога ради изиди!» И повѣдаша ему много дѣяний прежних цесарей, сим подобна. Тако же и клирик весь и сунклит[66] много глаголаше ему, да изыдет из града. И не послушаше их, но отвѣщаваше им: «Воля Господня да будетъ!»

Магумет же окаанный, яко видѣ тму велию над градом, созва книжники и молнъ и вопроси их: «Что есть сия тма надъ градом?» И рекоша ему: «Знамение велико есть и граду пагуба». Он же, безбожный, повелѣ вскоре уготовити вся воя и пусти напред тмочисленыи оружникы пѣсца, и пушки, и пищали, и за ними всѣ войско. И, прикатив против полого мѣста, начаша бити о всем том мѣсте, и яко отступиша далѣче гражанѣ от полого мѣста, поскориша песца очистити путь ратным и рвы изровняти. И тако напустиша туркы всеми полкы и потопташа гражан, конником мало сущим. Стратигом же и мегистаном и всим конником приспѣвшим, покрѣпиша народ и боряхуся с турки. Цесарю же пригнавшу со всеми велможи и со избранными своими конники и песца оружники, и нападѣ на турки, уже многу суще войску внутри града, и смешався с ними, сечахуся тяжким и звѣрообразным рвением и прогнаша их к полому мѣсту. Бегиларбей же восточный, велику сущу и *мощну*, воскричав со всѣю силою восточною и нападѣ на грѣки, и размѣси полки их, и прогна их, и, взем копие, напусти на цесаря. Цесарь же, подав ему щит, отвѣде ему копие и, ударив его мечем въ главу, и разсече его до сѣдла. И абие возопиша турки многими гласы и, падши, отъяша его и отнесоша. Цесарь же, пригласив своих, со восклицанием многым внидоша во все полки их, и, бья их, прогнаша из града.

Но карачбѣю баше, собравшу множество войска, придѣ гуфою[67] и гордостию великою на полое мѣсто, и внидѣ в град, и прогна цесаря и всих гражанъ. Цесарь же, паки помолився стратигом и всим мѣгистаном и вельможам, тако и народу, укрѣпи их и, возвратився, нападоша на турки, уже *отложше* живота, и паки прогнаша их из града. Но аще бы горами подвизали, Божие изволение не премочи: «аще бо, — рече, — не Господъ созиждеть храм, всуе тружаемося жиждущеи».[68] Турком убо множеством много суще, пременяхуся на брань, гражаном же всѣгда единым; отъ многаго труда изнемогаху и падаху, аки пияни. Такоже и цесарю и всим воином ниоткуда же помочь чающе, разпадоша крѣпостию и истаяша мыслию, объяша бо их скорбь и печаль велия.

Магмет же окаанный, слышав восточнаго бегиларбеа убийство, плакаше много: любяше бо его мужества ради его и разума, и возъярився, поиде сам своими враты и со всеми силами, а на цесаря

повелѣ навадити пушки и пищали, бояше бо ся его, да не изыдет из града со всеми людьми и нападет напрасно на нь. И, пришед, безбожный ста против полого мѣста и повелѣ первое бити из пушек, из пищалей, да отступят гражане. Таче напусти Балтавулия башу со многыми полкы и три тысяща избранных[69] и заповѣда им, да улучат цесаря, аще и до смерти постражут, или ис пищали убьют его. Стратиги же и мегистаны и вси велможи, видев устрѣмление безвѣрнаго, пришедша в силѣ тяжше, и стрѣляния *зѣлнаго*, отвѣдоша цесаря, да не всуе умреть. Онъ же, плача *горько*, рече им: «Помните слово, еже рѣх вам и обѣт положих: не дѣйте менѣ, да умру здѣ с вами». Они же отвѣщаваху: «Мы вси умрем за церкви Божиа и за тебя». И, взем, отвѣдоша его от народа и много увѣщаху его, да изыдеть из града, и, дав ему конечное целованне, стоня и рыдая, возвратишася вси на реченное место.

Балтаулию же приспевшу со многою силою, стретоша его стратиги на полом мѣсте, но не возмогоша удержати его, вниде въ градъ всѣми полки и нападѣ на гражан. И бысть сеча крѣпчайшая всѣхъ прежних, и падоша стратиги и мегистаны и вси велможи, яко ото многых мало отъидоша на извѣщение цесарю, тако и гражан и турков, имже не бѣ числа. Тритысящники же рыстаху и совахуся на всѣ страны, аки дивии звѣри, ища себѣ лову цесаря. Магмет же окааный, паки вскорѣ урядив, разсылаше всю свою рать по всем улицам и по вратам цесаря бречи, а сам ся оста токмо сь яничаны, обрывся въ обозе, и пушки и пищали *уставив*, бояше бо ся цесаря. Цесарь же, яко слыша Божие изволение, поидѣ в Великую церковъ и паде на землю, прося милость Божию и прощенье согрѣшением, и простився с патриархом и со всеми клирикы и с цесарицею. И, поклонився на всѣ страны, поидѣ из церкви, и абие возопиша всь клирик и весь народ сущий ту, и жены и дѣти, имже не бѣ чила, рыданием и стонанием, яко мнѣтися церкви оной великой колѣбатися, и гласи ихъ, мню, до небесъ достигаху.

Идущу же цесарю из церкви, сей едино пререк: «Иже хощет пострадати за Божиа церкви и за православную вѣру, да поидет со мною!» И всѣд на фарис, поидѣ къ Златым вратам, чаяше бо стретити безбожнаго. Всѣхъ же воин *собрашася* с ним до трѣю тысящь, и обрѣте во *вратѣх* множество туркъ, стрѣгущи его, и побивше их всѣх, поидѣ во *врата*, но не можааше пройти от многаго трупиа. И паки срѣтоша их множество туркъ, и сечахуся съ ними и до нощи. И тако пострада благовѣрный царь Костянтин[70] за церкви Божия и за православную вѣру мѣсяца мая въ 29 день, убив своею рукою, якоже оставшеи сказаша, болма 600 турков. И збысться реченное: Костянтином създася и паки Костянтином и скончася. Зане согрѣшениемъ осуждение судом Божиим врѣменем бывают, злодѣяние бо, — рече, — и безаконие превратит престолы силныих.

О велика сила грѣховнаго жала! О, колико зла творит преступление! О, горѣ тобѣ, Седмохолмий, яко погании тобою обладают, ибо колико благодатѣй Божиих на тебѣ восияша, овогда прославляя и величая паче иных градов, овогда многообразне и многократнѣ наказая и наставляя благыми дѣлы и чюдесы преславными, овогда же на врагы побѣдами прославляя, не престааше бо поучая и къ спасению призывая и *житѣйским* изообилием утѣшая *и* украшая всяческы! Такоже и пренепорочная мати Христа Бога нашего *неизреченными* благодѣянии и неизчетными дарованми помиловаше и храняше во вся времена. Ты же, яко неистовен, еже на тебѣ милость Божию и щедрот отвращашеся и на злодѣяние и безаконие обращашеся. И се нынѣ *открыся* гнѣв Божий на тебѣ и предасть тебѣ въ руце врагом твоим. И кто о сем не восплачеться или не возрыдает! Но убо паки да придѣм къ предлѣжащому.

Царица же в он же *час* прия прощение от цесаря и иночство прия.[71] Оставшии же стратиги и боляре, взем царицю и благородных дѣвиц и младых жен многых, отпустиша в Зустунѣевы карабли и катарги во островы и в Аммарию къ племянам. Народи же по улицам и по двором не покаряхуся турком, но бьяхуся с ними, и падоша от них того дни много людий, и жен, и дѣтей, а иных полоняху. Такоже и в овнах сущеи воини не предаша овны, но бьяхуся з двоими турки — вне града сущими и внутри града. *И* в день *одолѣваеми* бѣжаху и скрывахуся в пропастех, а ночи вылазяху и побиваху турков. А инии люди, и жены, и дѣти метаху на них свѣрху полат керамиды и плиты и паки зажигаху кровли полатные древяные и мѣтаху на них со огни, и пакость им дѣяху велию.

И ужасахуся баши, сензякбѣи и не вѣдаху, что сотворити, но послаша къ салтану: «Аще не сам внидѣши во град, не одолен будет град». Он же взыскание сотвори велие о цари и о царици и не смѣяше в град ити, и бысть въ размышлении в великом. И позва боляр и стратиг, ихже поимаше на боех и ихже баши взяша на свои рукы, и вда им слово свое крѣпкое и дары, посла их с баши и санчакбѣи рещи гражаном по всем улицам и сущим в овнах слово салтаново с клятвою: «Да престанет брань без всякого страху и убийства и плѣнения, аще ли же ни — всих вас, и жены и дѣти ваши меч поясть».

И сему бывшу, преста брань, и вдашася вси боляром и стратигом и башам на руки! И се слышав, салтан возрадовася и посла град чистити, улици и поля. Въ 11 же день посла санчакбѣев по всем улицам съ многими людми бречити израды. А сам поидѣ со всеми чины врат своих[72] в врата святаго Романа къ Вѣликой церквѣ, в нюже бяху собраны патриархъ и всь клирикъ и народу безчислено, и жен и дѣтей. И пришед на полѣ у Великия церкви, слезе с коня и пад на землю лицем, взят персть и посыпа главу, благодаряще Бога. И почюдився оному великому зданию, тако рече: «Воистину людие сии быша и

проидоша, а ини по них сим подобни не будут». И поидѣ в церковь, и внидѣ мрьзость запустение в святилище Божие, и ста на мѣсте святѣм его. Патриархъ же и весь клирик и народ возопиша слезы и рыданми, и падоша прѣд ним. Он же, помаяв рукою, да престанут, и рече им: «Тобѣ глаголю, Анастасие, и всѣй дружинѣ твоей и всему народу: з днешняго дне *да* не убояться гнѣва моего, ни убийства, ни пленения». И, обратився, рече башам и санчакбѣем, да запретят всему войску и всякому чину моих врат, да не дѣють весь народ градцкий, и жен и дѣтей ни убийством, ни пленением, ни иною враждою никоторою. «Аще ли же кто преступит нашего повелѣния — смертию да умрет». И повѣлѣ выслати вон, да поидут коиждо въ свой дом, хотяше бо видѣти уряд и сокровища церковнаа, да сбудеться реченное: «И вложит руце своя въ святаа жрьтвеннаа и святая потребит, и дасть сыновом погибели».

Народу же идущу до дѣвятыа године, и еще многым сущем въ церквѣ, не дожда — изшед из церкве. Видѣ изшедших полно поле и во все улици идущих много, удивися толику народу от одноа храмины изшедчим, и поидѣ къ царскому двору. И ту срете его некый сербин, принесе ему цесареву главу. Онъ же возрадовался зѣло и вскоре позва боляр и стратиг и спроси их, да рекут ему истинну, аще то есть глава цесарева. Они же, страхом одержими, рекоша ему: «То есть сущаа глава цесарева». Он же облобыза ю и рече: «Явна тя Богъ миру уроди, паче же и цесаря, почто тако всуе погибѣ!» И посла еи къ патриарху, да *обложит* ю златом и сребром, и сохранит ю, якоже сам вѣсть. Патриархъ же, взем, положи ю в *ковчезецъ* сребрян и позлащен и... скры ю в Великой церкви под престолом. От иных же паки слышахом, яко оставшеи от сущиих съ цесаремъ у Златых врат, украдоша его тоа нощи, и отнесоша его в Галату, и сохраниша его.

О цесарици же бывшу велику испытанию, сказаша султану, яко великый дукас и великий домѣстик и анактос, и протостраторов сын Андрѣй и братанич его Асан Фома Палѣолог, и епархъ градцкий Николай отпустиша царицю въ карабли. И абие повѣле их, истязав, посещи.[73]

И сим сицѣ бываемым и тако съврьшаемым грѣх ради наших: беззаконный Магумет седѣ на престолѣ царствиа благороднѣйша суща всѣх иже под солнцем, и изообладаше владающих двѣма части вселѣнныя, и одолѣ одолевших гордаго *Артаксерксиа*,[74] невмѣстима пучинами морскими и воя водя ширя земля, и потреби потребивших Троию предивну и семьюдѣсятми и четырма крали обраняему.[75] Но убо да разумѣеши, окааннѣ, аще вся прежереченная Мѣфодием Патаромскым и Лвом Премудрым и знамения о градѣ сем съврьшишася, то и послѣдняа не преидут, но такоже съврьшитися имут. Пишет бо: «Русий же род съ прежде создателными всего Измаилта побѣдять и Седмохолмаго приимуть съ прежде законными его и в нем въцарятся и

судрьжат Седмохолмаго русы, язык шестый и пятый, и насадит въ нем зелье и снѣдят от него мнози в отмщение святым». И пакы въ последнем видѣнии Даниловѣ: «И востанет великый Филиппъ съ языкы осмьнадѣсят, и собѣруться в Седмохолмом, и сразиться бой, иже не бысть николиже, и потѣкутъ по удолием и по улицам Седмохолмаго, яко *реки*, крови человѣческыа, и *возмутиться* море от крови до Тѣснаго устия. Тогда Вовус возопиет, и Скеролаф восплачет, и Стафорин речет: “Станитѣ, станьте, мир вам и отомщение *на непослушных*. Изыдѣте на дѣсные страны Седмохолмаго и обрящете человѣка у двою столпов стояща, сединами праведными, и милостива, носяща нищаа, взором остра, разумом *же* кротка, средняго врьстою, имѣюща на дѣснѣй нозѣ посреди голѣни *бѣлег*. Возмите его и вѣнчайте *цесарем*.” И вземше четыри ангелы живоносны и ввѣдут его въ Святую Софиа, и вѣнчаютъ и́ цесаря, и дадят в дѣсную руку его оружие, глаголющи ему: “Мужайся и побѣжай врагы своя!” И восприем оружие от *тоа* аггела и поразить измаилты, и ефиопы, фругы, и татаре, и всяк род. И убо *измаилты* раздѣлить натрое: прьвую часть побѣдитъ оружием, вторую крестить, третью же отженет с великою яростию до Единадубнаго, И въ возвращение его открыються сокровища земная, и всѣ обогатѣють, и никтоже нищь будеть, и земля дасть плод свой седмѣрицею, оружия ратная сътворят серпове. И царствует лѣт 32, и по нем въстанет ин от него. И тако, поувидѣв *смерть* свою, идѣт въ Иерусалимъ, да предасть цесарство свое Богу, и оттолѣ вцаряться четыре сыновѣ его: прьвый в Римѣ, а вторый в Алѣксандрию, третий въ Седмохолмом, четвѣртый в Сѣлуни».[76]

Сия убо вся и ина многаа прорицаниа и знамениа писаниа съдрьжить о тебѣ, градѣ Божий, ихже всещедрый и всеблагый Богъ да соврьшить на премѣнение и на попрание сквѣрныя и на безбожныя сея вѣры атманскыя, и на обновление и укрѣпление всѣя православныя и непорочныя вѣры християнстѣй, нынѣ и присно, и в вѣкы вѣком. Аминь.

Списатель же сим азъ многогрѣшный и безаконный Нестор Искиндѣр.[77] Измлада взят быв и обрѣзан, много врѣмя пострадах в ратных хожениих, укрываяся семо и онамо, да не умру въ оканной сей вѣре. Тако и нынѣ в сѣм великом и страшном дѣле ухитряяся овогда болѣзнию, овогда скрыванием, овогда же совѣщанием приятѣлей своих, уловляа врѣмя дозрением и испытанием великым, писах в каждый день творимая дѣяниа вне града от турков. И пакы, егда попущением Божиим внидохом въ град, врѣмянем испытах и собрах от достоврьных и великих мужей вся творимая дѣяниа во градѣ противу безвѣрных и въкратце изложих и християномъ предах на въспоминание преужасному сему и предивному изволению Божию. Всѣмогущая же и животворящая Троица да мя приобщить пакы стаду своему и овцам пажити своеа, яко да и азъ препрославлю и возблагодарю великолѣпное и превысокое имя твое. Аминь.

---

[1] *...Костянтину Флавию...* — Флавий Валерий Константин (Великий) — римский император (306—337 гг.). Христианская историография изображала его ревностным поборником новой религии; в действительности же процесс превращения христианства из преследуемой религии в терпимую и наконец предпочитаемую происходил постепенно. Миланский эдикт 313 г., предоставивший христианам свободу вероисповедания, был издан соправителем Константина Лицинием (308—324 гг.), хотя подписан также и Константином.

[2] *...въсхотѣ град создати въ имя свое...* — Константинополь был построен на месте небольшого городка Византия. Торжества по случаю провозглашения столицы состоялись 11 мая 330 г. Упоминание Византии как области (наряду с Македонией) — анахронизм.

[3] *...на Трояду... греком на фряги.* — Троянская война, воспетая Гомером, рассматривается здесь как борьба греков с «фрягами», т. е. итальянцами. Возможно, троянцев отождествили с «фрягами» потому, что, согласно легендам, цари Рима ведут свой род от троянца Энея.

[4] *...магыстров...* — Магистр — титул высокопоставленного чиновника или военачальника.

[5] *...кесари два сына...* — При императоре Диоклетиане (284—305 гг.) Римская империя была разделена на четыре части, которыми управляли два августа — Диоклетиан и Максимиан (286—305 гг.) и два цезаря (кесаря) — Галерий (293—311 гг.) и Констанций Хлор — отец Константина (293—306 гг.). Титул цезаря в империи носили соправители императоров, а также члены императорской фамилии. После смерти Константина в Италии правил Констант (337—350 гг.), погибший в борьбе с восставшим против него Магнецием, а в Галлии — Константин II Младший (337—340 гг.). Кто такой Адамант — неясно.

[6] *...сына своего Константина...* — Констанция, после смерти отца правившего Востоком (337—361 гг.). В 351 или 352 г. он нанес поражение Магнецию и стал править всей империей.

[7] *...Ликиния, зятя своего...* — Соправитель Константина Лициний был женат на его сводной сестре.

[8] *...Далмата... Галу и Улияна.* — Братья Константина и его племянник Галл были убиты в 337 г. Констанцием. Юлиана Констанций женил на своей сестре, в 355 г. провозгласил кесарем, в 360 г. — августом. В 361—363 гг. Юлиан был римским императором, он погиб во время похода на персов.

[9] *...мегистан...* — вельмож.

[10] *...межи дву морь — Чернаго и Бѣлаго.* — Константинополь расположен на полуострове, омываемом с юга Мраморным морем, а с севера — Черным морем, но непосредственно городская граница на северо-востоке идет по берегу залива Золотой Рог.

[11] *...двѣ имполѣ...* — Так передано греческое слово «емболой» — крытая галерея, портик.

[12] *...Новый Рим.* — Византийские авторы свидетельствуют, что Константин назвал основанную им столицу «Новый Рим». Древнерусское именование «Царьград» — калька греческого названия («Басилевуса полис» — «царственный город»).

[13] *...Софею Великую... Архангела Михаила.* — Здесь перечисляются константинопольские храмы, построенные, однако, в различное время: церковь святой Ирины в 532 г., храм Святой Софии в 532—537 гг. Анфимием из Тралл и Исидором с Милета на месте деревянной базилики, храм Святых апостолов построен в конце IX—начале X в. и т. д.

[14] *...пречюдный он столпъ багряный...* — Колонна из розового порфира, привезенная из Рима. На ней находилось изваяние Аполлона, замененное в XII в. изображением креста.

[15] *...12 кош, ихже благослови Христос...* — Имеется в виду евангельский рассказ о том, как Христос пятью хлебами накормил пять тысяч человек; после этого осталось еще двенадцать коробов хлеба.

[16] *...от дрѣва честнаго...* — от креста, на котором был распят Христос.

[17] *...Одигитрие...* — Речь идет об особом типе иконы Богоматери («путеводительнице»), которая почиталась в Константинополе как патрональная икона — покровительница города.

[18] *Стратиг* — военачальник.

[19] *...богомужнаго нерукотвореннаго образа, иже от Едеса...* — Эдесса — в IV—VI вв. значительный центр христианства (ныне город Урфа в Турции). Нерукотворный образ — плащаница (полотно), на которой, согласно легенде, запечатлелся образ Христа.

[20] *...великий Иустиниян цесарь и Феодосий Великий и цесарица Евдокия...* — Упомянуты византийские императоры Юстиниан Великий (527—565 гг.), Феодосий Великий (379—395 гг.) и Евдокия, жена императора Феодосия II, правившего в 408—450 гг. При всех названных императорах в столице велось большое строительство.

[21] *...Андрѣй Критцкий...* — Андрей Критский, византийский церковный поэт, создатель «Великого канона» (ок. 660—ок. 740).

[22] *Расточи грьдыя мысли... съ престолъ* — Лк. 1, 51—52.

[23] *...и бысть яко сѣнь... в вѣртоградѣ.* — Ср. Ис. 1, 8.

[24] *...Магумет, Амуратов сынъ...* — Мехмед II, турецкий султан (1451—1481 гг.), сын султана Мурада II. Мехмед отличался неукротимой энергией, непомерным честолюбием, хитростью, изощренной жестокостью, сочетавшимися, однако, с недюжинным умом и блестящей образованностью.

[25] *...съ цесаремъ Костянтином...* — Последним императором Византии был Константин XI Палеолог (1449—1453 гг.), сын императора Мануила II и сербской принцессы Елены Драгаш.

[26] *...братиям цесаревым не сущимъ.* — Речь идет о Димитрии и Фоме, деспотах (правителях) Морейского деспотата — византийских владениях на полуострове Пелопоннесе, фактически не зависимых от императора.

[27] *...пищалми...* — Автор последовательно различает пушки и орудия меньшего калибра — пищали.

[28] *...зане един бьяшеся с тысящею, а два — съ тмою.* — Традиционный образ неравенства сил противников здесь употреблен совершенно уместно. Турецкая армия, осадившая Константинополь, насчитывала по современным оценкам около 150—200 тысяч воинов, тогда как в городе было около 5 тысяч воинов-греков и 2 тысячи наемников, преимущественно итальянцев (генуэзцев); в повести они именуются фрягами.

[29] *...начаша сурны играти и в варганы и в накры бити...* — Речь идет о музыкальных инструмеитах типа свирели, флейты и бубна.

[30] *...тумбан...* — Тимпан — ударный музыкальный инструмент, сходный с литаврами.

[31] *...зиновьянин князь, именем Зустунѣя...* — Генуэзец Джиованни (Иоанн) Джустиниани, по прозвищу Лонг — «длинный», предводитель отряда генуэзских наемников. Его роль в обороне города источники освещают по-разному, порой обвиняя его в пассивности и даже измене своему долгу. Русский автор, напротив, подчеркивает мужество Джустиниани и, в частности, оправдывает его уход с поля боя тяжестью ранения.

[32] *Катарга* — галера, приводимая в движение двумя-тремя сотнями весел.

[33] *В них же пушкы бяху 2 велице...* — Турецкая артиллерия была более мощной, чем византийская. Венгр Урбан, перешедший от греков на службу к туркам, отлил две огромные бомбарды, стрелявшие каменными ядрами. Дука так описывает их доставку к стенам Константинополя: «...и запрягли тридцать упряжек, и тащили ее позади себя 60 быков... А с боков бомбарды — по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравновешивали ее». Лаоник Халкокондил

пишет, что при полете выпущенного из нее ядра «стоял непереносимый гул и земля сотрясалась на 400 стадий вокруг».

[34] *...со всѣе стороны полные...* — Т. е. со стороны городской стены, пересекавшей полуостров от Золотого Рога до Мраморного моря.

[35] *Зелейник* — казенная часть пушки, куда насыпали порох («зелье»).

[36] *Ягма* — турецкое слово, обозначающее «грабеж»; здесь: как побудительный призыв к приступу.

[37] *...пажушинѣ Галатцкой...* — Имеется в виду, вероятно, пролив, соединяющий Золотой Рог с морем, между Константинополем и генуэзской крепостью Галата, находившейся на другом берегу залива.

[38] *...Лименю...* — В рукописи «илменю». Видимо, испорчено слово «лимень», употреблявшееся в древнерусском языке со значением «залив».

[39] *Туры* — осадные башни.

[40] *...збудуться вся прежереченная о градѣ сем... Мефодием Паторомским.* — Имеется в виду истолкование знамения при основании города, а также предсказания о его судьбе, приписываемые византийскому императору Льву Мудрому (886—911 гг.) и Мефодию Патарскому — епископу малоазийского города Патар, жившему в III—IV вв.

[41] *Башта* — башня, наскоро возводимая на месте разрушениой стены.

[42] *...янычанин...* — янычар. Янычары — гвардия турецких султанов, известная со времени Мурада II. Первоначально она насчитывала три тысячи воинов.

[43] *Флабурар* — от греч. «флампуриариос — знаменосец. Судя по тексту, речь идет о бейлербеях (далее они именуются в повести бегиларбеями), командующих войсками восточной, азиатской, части Турции (Анатолии) и западной, европейской (Румелии). Западным бейлербеем был Амар-бей, восточным — Мустафа.

[44] *...Рахкавѣю стратигу...* — Греческому военачальнику, принадлежавшему, вероятно, к знатному византийскому роду Рангаве.

[45] *...стратиг сингурла...* — Значение термина «сингурл» неясно.

[46] *...Гедеон на мадиямлян...* — В Библии рассказывается, как израильский предводитель Гедеон с помощью Бога одолел превосходящее по численности войско мадианитян.

[47] *Кир Лука же и архидуксъ...* — Кир — господин. Архидукс (или мегадука) Лука Нотара командовал византийским флотом. Автор хроники о падении Константинополя Дука считает Луку одним из

виновников гибели города. Враждебно относившийся к союзу православных греков с католиками («латинянами») Нотара будто бы сказал, что «лучше видеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару».

[48] *...Николай епархъ...* — Эпарх — высшее должностное лицо в Константинополе. Эпархом в описываемое время был Николай Гуделли.

[49] *Великий же доместик...* — Высшая военная должность в империи, главнокомандующий.

[50] *Логофет* — глава гражданского управления в Византии. Этот пост занимал в 1453 г. Георгий Сфрандзи — автор хроники о последних годах существования империи.

[51] *...събрав баши свои и санчакъбиев...* — Баша (паша) — высший гражданский и военный чин в Турции. Санджакбей — военачальник.

[52] *...гауровѣ...* — Так турки называли христиан; «гяур» значит «неверный», т. е. не мусульманин.

[53] *...у великие церкви Премудрости Божиа...* — Т. е. у храма святой Софии.

[54] *...ангелъ Божий, его же укрѣпи Богъ при Устиянѣ цесари...* — В легендах о постройке храма Софии при императоре Юстиниане рассказывалось о чудесной помощи ангела.

[55] *Хотѣнием не хощу... и живу быти.* — Иез. 33, 11.

[56] *Не приидох... на покаание.* — Лк. 5, 32.

[57] *...карачбѣю...* — Караджбей — титул приближенных султана.

[58] *...противу цесарскых палатъ... Хорсуни всѣя.* — В оборонительной крепостной стене Константинополя, обращенной к материку, было несколько ворот. В северной ее части, у берега залива Золотой Рог, находились Деревянные ворота, южнее их — Калигарийские (здесь — Калисария), к юго-востоку от соединяющей их стены располагался Влахернский дворец («цесарские полаты»); далее к югу находились Харисийские ворота (Хорсунь), ворота святого Романа, ворота Пиги и, наконец, у южной оконечности стены, у берега Мраморного моря — Золотые ворота («Золотое место»).

[59] *Столу же морскому Балтауглию и Загану...* — Т. е. адмиралам (турецкий титул — капудан-паша) — Балта-оглы и Заган-паше.

[60] *Протостратор* — придворный чин: вельможа, ведавший царской конюшней.

[61] *Бяху же трие ты инафтыи...* — Возможно прочтение *инафтыи*; существует догадка, что следовало бы писать *инфантыи*, в этом случае перед нами латинизм со значением «подростки».

[62] *...склопу...* — И. И. Срезневский видел в этом слове грецизм «сколопс» — заостренное оружие (стрела?).

[63] *...и поношаше его прочь, тако и фряговѣ вси поидоша за ним.* — Некоторые современники утверждали, что рана Джустиниани не была столь серьезной, и осуждали его уход с поля боя. Раненого Джустиниани перевезли в Галату, генуэзскую крепость на противоположном берегу залива Золотой Рог.

[64] *...морский путь преспѣ...* — Смысл этих слов неясен: почему именно теперь стало возможным достичь осажденного города морем?

[65] *Патриярхъ же Анастасие...* — Источники упоминают патриарха Афанасия, занимавшего престол в 1450 г. Во время осады патриарха в городе не было.

[66] *...сунклит...* — Так иненовался в Византии сенат.

[67] *...придѣ гуфою...* — Стремительно, неожиданно напав.

[68] *...аще бо... жиждущеи* — Пс. 126, 1.

[69] *...три тысяща избранных...* — Т. е. янычар.

[70] *И тако пострада благовѣрный царь Костянтин...* — О подробностях гибели императора и о том, как было обнаружено его тело, источники сообщают различно, однако во всех подчеркивается воинская доблесть и мужество Константина.

[71] *Царица... иночство прия.* — В момент падения города Константин был вдовцом. Здесь либо отражена устная легенда, либо перед нами домысел автора повести, изобразившего традиционную ситуацию — пострижение вдовы.

[72] *...со всеми чины врат своих...* — Т. е. со свитой, с приближенными. Турецкое слово «капи» значило «дверь» и «дворцовая гвардия».

[73] *...великый дукас... повѣле их, истязав, посещи.* — Лука Нотара был сначала благосклонно принят султаном. Мехмед посетил его дом, навестил больную жену дуки. Однако после того, как Нотара отказался передать евнуху султана своего двенадцатилетнего сына, Лука, его родственники и многие византийские вельможи были казнены. Анактос — грецизм со значением «правитель, властитель».

[74] *...одолѣ одолевших гордаго Артаксерксиа...* — Автор вспоминает о победе греков над Артаксерксом I, персидским царем (465—424 гг. до н. э.).

[75] *...потреби потребивших Троию... обраняему.* — Речь идет о победе греков в Троянской войне. Однако неясно, откуда взято число «семьдесят четыре короля», оборонявших Трою. А. С. Орлов видел здесь влияние «Троянской истории» Гвидо де Колумна, известной в русском переводе, но там нет соответствующего подсчета защитников Трои.

[76] *«И востанет великый Филиппъ... четвѣртый в Сѣлуни».* — Приводится обширная цитата из апокрифического видения пророка Даниила. С его именем в средневековье связывалось много предсказаний о будущем народов и судьбе мира. Имена, упоминаемые в пророчестве, не поддаются надежному отождествлению с теми или иными историческими лицами.

[77] *Искиндѣр* — турецкое произношение имени Александр.

ПЕРЕВОД

В году 5803 (295) воцарившийся в Риме поспешник Божий великий Константин Флавий, с великим тщанием собрав отовсюду пребывавших в изгнании христиан, стал укреплять и распространять веру христианскую, Божьи церкви украшать, а другие, преславные, созидать, а идолов сокрушать и храмы их перестраивать во славу Богу. К тому же не раз издавал он указы, что языческими храмами могут владеть и распоряжаться лишь святители Христовы и христиане. В среду же и пятницу повелел поститься, в память о муках Христовых, а в воскресение праздновать в память о его воскресении. Евреям же не разрешил жертвы приносить и запретил осуждать кого-либо на распятие, чтобы не осквернять память о кресте Христовом. И рабов не велел никому из них покупать. И на монетах велел образ свой чеканить. И была радость великая среди всех христиан.

На тринадцатый же год царствования своего, наставлением Божьим подвигнут, решил город создать во имя свое и послал вельмож именитых в Азию, и в Ливию, и в Европу, чтобы отыскали они и выбрали наилучшее и достойное место для строительства такого города. Вернувшись, рассказали они цесарю о различных местах преславных, а особенно расхваливали Македонию и Византию. Он же всего более склонялся мыслью к Трое, где греки одержали известную всему миру победу над фрягами. И когда раздумывал об этом царь дни и ночи, услышал он во сне голос: «В Византии подобает создать Константинград». И цесарь, воспрянув от сна, немедля послал в Византии магистров и градостроителей, чтобы они подготовили место. Сам же цесарь, оставив в Риме кесарями двух сыновей, Консту и Константина, а племянника своего Адаманта послав в Британию, отправился с матерью своей Еленой в Византии, взяв с собой и жену свою Максимину, дочь императора Диоклетиана, и сына своего Константина, и Лициния, зятя своего, и двух братьев своих — Долмация и Константина, и Долмациева сына, также Долмация, и двух сыновей

Константина — Галла и Юлиана. И, прибыв в Византии, увидел на месте том семь холмов и много заливов морских. Повелел холмы раскапывать, а низины засыпать, и в заливах столбы каменные ставить, и над ними возводить своды, и разравнивать землю. А сам цесарь находился в Византии. Когда же было подготовлено место, собрал цесарь вельмож, и мегистанов, и магистров и начал обсуждать, где стоять стенам, и башням, и воротам городским. И велел размерить место на три стороны, и каждая сторона длиною в семь верст, так как было то место между двумя морями — Черным и Белым.

И вдруг выползла из норы змея и поползла по земле, но тут ниспал с поднебесья орел, схватил змею и взмыл ввысь, а змея стала обвиваться вокруг орла. Цесарь же и все люди смотрели на орла и на змею. Орел же на недолгое время скрылся из глаз и, показавшись снова, стал снижаться и упал со змеей на то же самое место, ибо одолела его змея. Люди же, подбежав, змею убили, а орла у нее отняли. И был цесарь в великом страхе, и, созвав книгочеев и мудрецов, рассказал им об этом знамении. Они же, поразмыслив, объявили цесарю: «Это место “Седьмохолмый” назовется, и прославится, и возвеличится во всем мире больше всех городов, но поскольку встанет город между двух морей и будут бить его волны морские, то суждено ему поколебаться. А орел — символ христианский, а змея — символ мусульманский. И раз змея одолела орла, то этим возвещено, что мусульманство одолеет христианство. А так как христиане змею убили, а орла отняли, явлено этим, что напоследок снова христиане одолеют мусульман, и Седьмохолмым овладеют, и в нем воцарятся».

Великий же Константин был всем этим очень встревожен, однако велел записать предсказание. А магистров и градостроителей разделил на две группы: одним из них велел размерять место под городские стены и башни и начинать возводить укрепления, а другим наметить улицы и площади по римскому обычаю. И так начали строить церкви Божьи, и дворец царский, и другие прекрасные здания для вельмож, и мегистанов, и всех сановников, и свежую воду проводить. На седьмой же год увидел цесарь, что мало жителей в городе, ибо очень он велик, и вот что сделал: послал собрать из Рима и из иных земель славных вельмож и мегистанов, иначе говоря — сановников, и со множеством людей привел их сюда, и, построив богатые дворцы, поселил их в городе со всеми удобствами, и даровал им придворные чины, чтобы забыли они о своем прежнем доме и родине. Построил цесарь и дворец огромный, и дивный ипподром, две имполы построил, то есть крытые улицы, предназначенные для торговли. И назвал город Новым Римом.

Потом построил церкви преславные: Софию Великую, Святых апостолов, Святой Ирины, и Святого Мокия, и Архангела Михаила; установил и предивную розовую колонну, которую везли из Рима в

Царьград морем три года, ибо была она очень велика и тяжела, от моря же до торговой площади целый год ее везли; и цесарь постоянно приходил и одаривал людей золотом, чтобы они обращались с ней осторожно. И положил в основание двенадцать корзин, благословленных Христом., и части древа честного и святых мощей, чтобы вечно стояла крепко дивная та колонна из единого камня. И поставил на ней статую, привезенную из Солнечного города фригийского, на голове которой было семь лучей. Также и иные вещи дивные и достохвальные привез из разных земель и городов. И, украсив город, прославил его обновление праздниками и торжествами, длившимися много дней. И так установил, что будет именоваться город тот Царьградом. И обрадовались безмерно все люди.

Через несколько дней цесарь с патриархом и архиереями, снова собрав весь клир церковный, а также весь синклит царский и множество народа на богослужение, вознесли молитвы, славя и благодаря в них всемогущую и живоначальную Троицу — Отца и Сына, и Святого Духа, и пречистую Богоматерь. И предали город и весь народ в руки святой Богородицы Одигитрии, говоря: «Ты же, непорочнейшая владычица и Богородица, человеколюбивая по природе своей, не оставь город этот милостью своей, но как мать христианскому роду защити, и сохрани, и помилуй его, наставляя и поучая во все времена как человеколюбивая и милостивая мать, да прославится и в нем и возвеличится имя великое твое вовеки!» И все люди воскликнули: «Аминь!» И прославили цесаря, и восхвалили великую мудрость его и благочестие.

Цесарь же повелел стратигам и городским старейшинам сооружать храмы святым и мирские здания, застраивая город. Вельможам же, и мегистанам, и всем знатным людям так приказал: если кто из них удостоится какого-либо чина на службе царской, то пусть оставит по себе достойную память: воздвигнет дом, или обитель славную, или иное прекрасное здание, чтобы город исполнен был достойными творениями. Так же и цесари и цесарицы, царствовавшие после Константина, каждый во время свое стремились совершить какое-либо славное деяние: одни подвизались в отыскании и обретении страстей Господних или ризы и пояса пречистой Богоматери, и святых мощей, и божественных икон, и того самого богомужного нерукотворного образа из Эдессы; другие отличались в строительстве города и великих зданий, иные же, как цесарь Юстиниан Великий, и Феодосии Великий, и царица Евдокия, и многие другие, — в создании святых монастырей и храмов Божьих. И так наполнили город творениями преславными и дивными, которым и блаженный Андрей Критский подивился, сказав: «Поистине город этот непостижим ни слову, ни разуму». Поэтому и непорочная владычица, мать Христа, Бога нашего, во все времена царствующий град хранила, и берегла, и от бед спасала, и избавляла от тяжких напастей. Вот таких великих и неизреченных благодеяний и даров пресвятой Богородицы удостоился город сей, с которым, думаю, и весь мир не может сравниться. Но так как по природе своей мы грубы

сердцем и нерадивы, и, словно безумные, отворачиваемся от милости Бога и щедрот его к нам, и обращаемся на злодеяния и беззакония, которыми гневим Бога и пречистую его мать, и славы своей и чести лишаемся, как писано: «Злодеяния и беззакония разрушат престолы могучих», и еще: «Источат гордые мысли сердца их, и низвергнут могучих с престолов», — так и этот царствующий город бесчисленными согрешениями и беззакониями лишился стольких щедрот и благодеяний пречистой Богоматери и в течение многих лет страдал от неисчислимых бед и различных напастей.

Так вот и ныне, в последние времена, по грехам нашим, — то из-за нашествия неверных, то из-за голода и болезней, то в междоусобных распрях, — утратили могущество свое сильные, и обнищал народ, и в уничижение впал город, и ослабел безмерно, и «стал точно шалаш в саду и словно амбар посреди цветника».

Узнав обо всем этом, властвовавший тогда турками безбожный Магомет, Амуратов сын, который жил в мире и согласии с цесарем Константином, поспешно собрал множество воинов на суше и на море и, неожиданно приступив к городу, окружил его большими силами. Цесарь же с оказавшимися при нем вельможами и все жители города не знали, что предпринять, ибо воинов было мало и братьев цесаревых не было. И послали к Магомету-султану послов, чтобы узнать, что же произошло, и договориться о мире. Он же, коварный иноверец, послов не принял, а город повелел обстреливать из пушек и пищалей, и собирать различные стенобитные орудия, и готовиться к приступу. Находившиеся же в городе люди, греки и фряги, выезжая из города, бились с турками и не давали им устанавливать стенобитные орудия, но так как пришли враги в силе несметной, то они не смогли нанести им никакого урона, ибо один бился с тысячей, а два — с десятком тысяч.

Узнав об этом, приказал цесарь вельможам и мегистанам расставить воинов по всем городским стенам, и башням, и воротам, а также и всех горожан, и колокола воинские разместить на всех сторонах, чтобы каждый знал и оборонял свою сторону, и готовил бы все необходимое для боя, и бился бы с турками со стены, а из города бы не выезжал. И для обороны стен велел установить пушки и пищали на местах, где ожидался приступ.

А сам цесарь с патриархом и архиереями, и весь церковный клир, и толпы женщин и детей ходили по церквам Божьим и молитвы и мольбы возносили, плача, и рыдая, и возглашая: «Господи, Господи! Грозно естество твое и непостижима сила; древле и горы, познав силу ту, затряслись, и все сотворенное содрогнулось, солнце же и луна

ужаснулись, и блеск их померк, и звезды небесные ниспали. Мы же, несчастные, всем этим пренебрегли, согрешали и беззаконничали, Господи, перед тобой, и многократно гневили и озлобляли тебя, Боже, забывая твои великие благодеяния и попирая твои заветы, и, словно безумцы, отвернулись от милостей твоих к нам и щедрот, и предались злодеяниям и беззакониям, и тем далеко от тебя отступили. Все, что навел ты на нас и на город твой святой, по справедливому и истинному суду свершил ты за грехи наши, и не можем открыть мы уст своих, ибо нечего сказать. Но, всепрославленный и преблагословенный Господь, — мы создание твое и творение и дело рук твоих, — не предай же нас навеки врагам твоим, и не разори богатства твоего, и не лиши нас милости твоей, и пощади нас в час этот, в который должно нам одуматься и покаяться перед твоим милосердием. Ибо сам Владыка сказал: “Пришел я не праведников спасти, но для покаяния грешников, чтобы обратились они к Богу и остались живы”. О Господи, царь небесный, пощади, пощади ради пречистой Богоматери твоей и святых патриархов и цесарей, прежде угодивших тебе, Боже, в городе этом». Все это и многое другое возглашали, также и пренепорочной Богородице молились каждый день от всего сердца со стенаниями и рыданием.

Цесарь же часто объезжал город вдоль стен, воодушевляя военачальников и воинов, а также и всех людей, чтобы не теряли они надежды, не ослабляли бы сопротивление врагам, а уповали бы на Господа-вседержителя: он ведь наш помощник и защитник; и снова обращался цесарь к молитве.

Турки же нападали на город со всех сторон непрерывно, день и ночь, сменяя друг друга, не давая нисколько отдохнуть горожанам, чтобы те изнемогли, так как готовились к приступу; и так вели бои в течение тринадцати дней. На четырнадцатый же день турки, прокричав свою безбожную молитву, начали в зурны трубить, и в варганы, и в накры бить, и, подкатив множество пушек и пищалей, стали обстреливать город, а также стрелять из ручного оружия и из многочисленных луков. Горожане же из-за беспрерывной стрельбы не смогли находиться на стенах, но, попрятавшись, ждали приступа, а другие стреляли сколько могли из пушек и из пищалей и перебили много турок. Патриарх же, и святители, и весь причт церковный непрестанно молили о милосердии Божьем и избавлении города. Когда же турки пошли на приступ, вынудив всех людей покинуть стены, — возопили все воины и напали на город со всех сторон одновременно, с кликами и воплями, одни со всевозможными факелами, другие с лестницами, третьи со стенобитными машинами и другими ухищрениями для взятия города. Горожане же, так же с криками и воплями, ожесточенно бились с ними. Цесарь же объезжал весь город, ободряя людей своих, вселяя в них надежду на Бога, и велел звонить в колокола по всему городу, созывая людей. Турки же, услышав громкий звон, снова затрубили в зурны и трубы и стали бить в бесчисленные тимпаны. И была сеча яростна и

страшна: от грохота пушек и пищалей, и звона колокольного, и воплей и криков с обеих сторон, и треска оружия — словно молнии, блистало вооружение сражающихся, — а также от плача и рыдания горожан, и женщин, и детей казалось, что небо смешалось с землей, и оба они содрогаются, и не было слышно, что воины говорили друг другу, так слились вопли, и крики, и плач, и рыдания людей, и грохот пищалей, и звон колокольный в единый гул, подобный сильному грому. И тогда от множества огней и пальбы с обеих сторон из пушек и пищалей клубы густого дыма покрыли весь город и все войско так, что не видели друг друга сражающиеся и многие умирали от порохового смрада. И так бились врукопашную на всех стенах, пока ночная темнота их не разъединила; турки отошли в свои станы, забыв даже об убитых своих, а горожане попадали от усталости, словно мертвые, только стражей одних оставили на стенах. Наутро же цесарь приказал собрать трупы, и не нашли людей, ибо все спали, изнемогши в бою, и послал цесарь к патриарху, чтобы он повелел священникам и дьяконам собрать и похоронить мертвых. И тотчас же собралось множество священников и дьяконов, и собрали мертвых, и похоронили их: было же греков числом тысяча семьсот сорок, а фрягов и армян семьсот. Цесарь же, взяв с собою бояр, прошел по городским стенам, чтобы увидеть, где же воины, ибо ни их не было слышно, ни они ничего не слышали, а все спали. И увидел цесарь, что все рвы завалены трупами, а иные в воде и по берегам, и насчитали всех убитых до восемнадцати тысяч, и множество стенобитных орудий, которые цесарь приказал сжечь. И так пошел с патриархом, и со святителями, и со всем клиром в святую Великую церковь вознести молитвы и воздать благодарение всесильному Богу и пречистой Богоматери, ибо надеялись все, что теперь отступит безбожный, увидев, сколько воинов его перебито.

Он же, неправоверный, не так рассуждал, а на другой день послал посмотреть на погибших своих, и когда поведали ему о множестве убитых, тут же отправил много воинов собрать трупы своих. Цесарь же повелел не чинить им препятствий, пока не очистят рвы и потоки. И так они взяли трупы своих невозбранно и сожгли их. Увидел безбожный турок, что ничего не добился, только своих воинов погубил, и повелел воеводам немедля увеличить число пушек и пищалей для обстрела города и готовить другие стенобитные машины. И на седьмой день снова неправоверный приказал идти войску на приступ и сражаться, как и в первый раз, без отдыха.

Цесарь же Константин посылал по морю и по суше в Морею, к братьям своим, и в Венецию и Геную, прося помощи. Но братья его не поспели, ибо шли между ними большие распри, и с албанцами они воевали. И фряги не захотели помочь, но рассуждали меж собой так: «Не вмешивайтесь, но пусть одолеют их турки, а у них мы отнимем Царьград». И так не пришла ниоткуда помощь. Один только генуэзский князь, именем Зустунея, пришел на помощь к цесарю на двух кораблях и двух военных катаргах, имея с собой шестьсот воинов. И преодолел

сопротивление турок на море, и достиг стен Царьграда. Увидев его, очень обрадовался цесарь, оказал ему великие почести, ибо знал его и раньше. И тот попросил у цесаря самый опасный участок стены, где больше всего приступают турки. И цесарь отдал под его начало две тысячи своих людей, и бился он с турками столь храбро и мужественно, что от того места отступили все турки и уже более туда не приходили. Зустунея же не только свое место оборонял, но и обходил весь город по стенам и укреплял и наставлял людей, чтобы не теряли надежды и сохраняли непоколебимую веру в помощь Бога, и не уступали в деле, и всей душой и всем сердцем готовы были биться с неверными, «и Господь Бог поможет нам». Такими вот словами постоянно воодушевлял людей и наставлял их, ибо был весьма искусен в воинском деле, и полюбили его все люди, и слушались каждого его слова.

Турки же осаждали город со всех сторон, как мы и прежде говорили, не зная сна, сменяя друг друга, ибо было их множество тысяч. На тридцатый день после первого приступа снова, собрав все свои силы, подкатили пушки, и пищали, и всякие стенобитные машины, которым нет числа. Были у них две пушки огромных, тут же отлитых: у одной ядро высотой до колена, а у другой — до пояса. И начали стрелять по городу не переставая по всей стороне, выходящей на поле, а там, где был Зустунея, поставили большую пушку, ибо в том месте стена городская была и ниже и обветшала. И когда ударили по тому месту, стена зашаталась, ударили в другой раз и разрушили верх стены саженей на пять, в третий же раз выстрелить не успели, так как настала ночь. Зустунея же то место за ночь заделал, и укрепил другой, деревянной стеной, и земли насыпал между ними. Но что можно было противопоставить такой силе? Наутро снова начали стрелять в то же место из многих пушек и пищалей. И когда расшатали стену, прицелились и выстрелили из большой пушки, надеясь на этот раз ее разрушить. Но по Божьей воле прошло ядро выше стены, только семь зубцов захватило. И ударилось ядро в стену церкви, и рассыпалось в прах. И, увидев это, бывшие поблизости люди возблагодарили Бога. И уже к полудню навели пушку во второй раз. Зустунея же, наведя пушку свою, попал в ту пушку, и разорвало у нее зелейник. Увидев это, неправоверный Магомет страшно разъярился и возопил громким голосом: «Ягма, ягма!» — то есть: «На разграбление города!» Тут же возопили все его воины, приступили к стенам всеми силами, по земле и по воде, всякими способами и хитростями, чтобы захватить город. Горожане же все от мала до велика взошли на стены, даже женщины многие участвовали в бою и смело сражались, так что лишь патриарх, и святители, и клир церковный остались в церквах Божьих и молились с рыданием и стенанием.

Цесарь же, как и прежде, объезжал весь город, плача и рыдая, умоляя стратигов и всех людей, говоря им: «Господа и братья, простые и знатные, ныне пришел час прославить Бога и пречистую его мать и нашу веру христианскую! Мужайтесь и крепитесь и не поддавайтесь

слабости в деле своем, не теряйте надежды, слагая головы свои за православную веру и за Божьи церкви, и да прославит нас всещедрый Бог!» Такими и многими другими словами призывал цесарь людей и велел звонить в колокола по всему городу; так же и Зустунея, обходя все стены, укреплял и воодушевлял людей. И когда слышали люди звон колоколов в церквах Божьих, тотчас же все укреплялись духом, и наполнялись храбростью, и бились с турками яростнее, чем прежде, говоря друг другу: «Умрем ныне за веру христианскую!» И как прежде мы писали: какие слова могут поведать и рассказать о тех бедах и страданиях, ибо убитые с обеих сторон, словно снопы, падали с заборол, и кровь их ручьями стекала по стенам. От воплей же и криков сражающихся людей, и от плача и рыдания горожан, и от звона колоколов, и от стука оружия и сверкания его казалось, что весь город содрогается до основания. И наполнились рвы доверху трупами человеческими, так что через них карабкались турки, как по ступеням, и сражались, мертвецы же были для них как бы мост и лестница к стенам городским. И все ручьи окрест города были завалены трупами, и устланы ими берега их, и кровь, как сильный поток, текла, и залив Галатский, то есть Лиман, весь побагровел от крови. И рвы, и низины наполнились кровью, настолько ожесточенно и яростно бились. И если бы по Божьей воле не окончился тот день, окончательно погиб бы город, ибо совсем изнемогли горожане.

Когда же наступила ночь, турки в изнеможении отступили к своим станам, а горожане падали с ног от усталости и засыпали кто где мог. И не было слышно в ту ночь ни звука, только стоны и вопли раненых воинов, которые были еще живы. Наутро же цесарь приказал священникам и дьяконам собрать трупы и похоронить их, а тех, кто был еще жив, передать врачам. И подобрали убитых греков, и фрягов, и армян, и иных пришлых людей пять тысяч семьсот. Зустунея же и все вельможи прошли по городским стенам, осматривая их и считая трупы неверных, и назвали цесарю и патриарху число убитых — до тридцати пяти тысяч. Цесарь же беспрестанно плакал и рыдал, видя гибель своих людей и упорство неверных и ниоткуда не ожидая помощи. Патриарх же и весь клир, а также и весь синклит царский окружили цесаря и, утешая его, направились в Великую церковь помолиться и возблагодарить всемилостивого Бога, а с ними и множество благородных женщин и детей с царицей, ибо все остальные люди еще спали от безмерной и невыносимой усталости. И повелел патриарх звонить в колокола по всему городу, призывая всех людей, не участвовавших в бою, и женщин и детей отправиться по своим приходам, молиться и благодарить Бога и всенепорочную его мать, владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию. И было видно повсюду в городе, как все мужчины и женщины устремились к Божьим церквам, со слезами славя и благодаря Бога и пречистую Богоматерь. И так проводили тот день и ночь в молитвах.

Неверный же не хотел убирать трупы своих воинов, задумав метать их катапультами в город, чтобы разлагались там и смердели. Но те из людей его, которые знали город, рассказали ему о его величине и размерах и о том, что не повредит им смрад. И тогда сошлось множество турок, собрали они трупы и сожгли их. Кровь же, оставшаяся во рвах и потоках, разлагаясь, издавала сильный смрад, но, однако, не повредило это городу, ибо относило его ветром. И никак не устрашило безбожного произошедшее, но на девятый день снова он приказал всему войску подойти к стенам города и биться не переставая день за днем, а пушку ту огромную приказал заново перелить крепче прежнего.

Узнали об этом вельможи и Зустунея и вместе с патриархом стали уговаривать цесаря, так говоря: «Видим, о цесарь, что этот безверный не откажется от своего замысла, но снова готовится к большему приступу. И что сделаем, ниоткуда не ожидая помощи? Однако следует тебе, цесарь, уехать из города, куда сочтешь нужным, и, услышав об этом, единоплеменники твои и братья твои придут к тебе на помощь, и даже албанцы, устрашившись, придут с ними: вдруг тогда он, безбожный, испугается и отступит от города?» Это и многое другое говорили цесарю и предлагали ему корабли и катарги Зустунеевы. Цесарь же долго молчал, обливаясь слезами, и так им ответил: «Хвалю и ценю совет ваш и знаю, что дан он мне на мое же благо, ибо может все так и случиться. Но как же я поступлю таким образом и покину священнослужителей, и церкви Божьи, и царство, и всех людей? И что обо мне скажет весь мир, молю вас — ответьте мне? Нет, господа мои, нет, но да умру здесь с вами». И, пав, поклонился им, горько плача. Патриарх же и все находившиеся тут люди заплакали и прекратили уговоры, чтобы слух о том не дошел до людей. И снова послали в Морею, и на все острова, и к фрягам, прося помощи.

Горожане же днем бились с турками, а ночью спускались во рвы и делали подкопы в откосах рва в сторону поля, и прокопали землю за стенами во многих местах, закапывая множество сосудов с пушечным порохом; также и на стенах приготовляли множество сосудов, наполняя их смолой, и серой с коноплей, и пушечным порохом. Когда в таких ежедневных боях прошло двадцать пять дней, безбожный приказал снова прикатить ту огромную пушку, ибо, надеясь скрепить, ее стянули железными обручами. И когда выстрелили из нее, тотчас же разлетелась пушка на множество частей. Он же, безверный, увидев, что постигла его неудача, вскоре приказал, собравшись всей силой, подкатить к стенам огромные крытые туры. И когда установили туры по всему краю рва, хотели, заполнив рвы бревнами, хворостом и землей, придвинуть и прислонить туры к стене и так, подкопавшись под стену во многих местах, обрушить ее на землю. И когда люди, приступив во множестве к стенам, стали засыпать рвы, горожане зажгли сосуды с порохом, закопанные по ту сторону рва, и внезапно загремела земля, словно гром великий, и поднялась вверх с турами и с людьми, как от

бури сильной, до самых облаков, и был так страшен треск рушащихся тур и вопли и стоны людские, что побежали и те и другие: горожане со стен — в город, а турки — подальше от стен. И падали с высоты люди и бревна: одни в город, а другие на войско, и рвы наполнились трупами турок. И когда взошли снова горожане на стену и увидели во рве множество турок, тотчас же зажгли бочки со смолой и побросали на них, и те все сгорели. И так с Божьей помощью избавился город в тот день от безбожных турок. Злонравный же Магомет со множеством воинов своих смотрел издали на случившееся и думал, что же предпринять. Так и враги все, испугавшись, отступили от городских стен. Греки же, выйдя из города, перебили во рвах еще оставшихся в живых турок и, собрав их в несколько куч, сожгли вместе с уцелевшими турами.

Цесарь же с патриархом и весь священный клир молились во всех церквах и благодарили Бога, надеясь, что уже настал конец войне. Также и тот зловерный Магомет, много дней просовещавшись, решил уже отступить восвояси, ибо уже открылся морской путь и ожидалась отовсюду помощь городу. Но так как беззакония наши поднялись выше глав наших, и от грехов наших отяжелели сердца наши, и не слушаем мы заповедей Божьих и по путям его не ходим, то куда скроемся от его гнева? В городе цесарю и патриарху дали люди плохой совет, говоря так: «Поскольку он, зловерный, столько дней стоит под городом не воюя и снова готовится, пошлем к нему с предложением мира», — что и сделали. Тот же, коварный, услышав об этом, возрадовался в сердце своем, решив, что какие-то тяготы претерпевает город, и, раздумав отступить, начал переговоры о мире. И так ответил послам: «Раз цесарь решил так мудро и просит мира, и я так же поступлю; но пусть уйдет цесарь из города в Морею, а также — без помех — патриарх и все люди, которые того захотят, оставив мне город пустым, и я заключу мир навеки, и не возымею коварных умыслов, и не нападу ни на Морею, ни на острова его. А те, кто не захочет покинуть город, пусть будут под властью моей без опасности для себя и без печали».

Услышав все это, цесарь и патриарх и все люди восстонали из глубины души и, простирая руки к небу, восклицали: «Заступник наш, Господь, призри с высоты славы своей, низложи гордыню нечестивца этого и избавь город свой, ибо мы люди твои и овцы пажити твоей, живущие во дворе твоем единым стадом, и куда мы уйдем, оставив пастыря и наставника своего? Нет, господин наш и царь, нет, но да умрем все здесь на святом дворе твоем и во славу величия твоего». И, сказав так, снова приготовились к боям, сетуя о посольстве своем к Магомету, ибо этим удержали его.

Через три дня доложили окаянному турку, что ту пушку огромную отлили на славу, и так порешили еще раз испробовать ее, и приказал он

войску своему снова приступить к городу и биться не переставая. Это все за грехи наши Бог допустил, чтобы сбылось все предсказанное о городе этом еще при Константине Великом цесаре и Льве Премудром, и возвещенное Мефодием Патарским. В шестой день мая месяца снова безверный повелел стрелять по тому же месту стены, по которому били из многих пушек уже три дня. И когда расшатали стену, ударили из большой пушки, и рухнуло много каменьев. Еще раз ударили, и обвалилась большая часть стены, и хотя уже настал вечер, турки стреляли из многих пушек в то же место, и так всю ночь, не давая горожанам заделывать брешь. Греки же в ту ночь построили большую башту напротив пролома. Наутро же турки снова ударили из большой пушки пониже разрушенного места, и вывалилась большая часть стены, и так во второй раз, и в третий. И когда образовался большой пролом, множество людей с боевым кликом бросилось к тому месту, толкая друг друга, туда же устремились и греки из города, и стали рубиться, встретившись лицом к лицу, рыкая, словно дикие звери. И было страшно видеть дерзость и крепость сражающихся. Зустунея же снова собрал много воинов и с кличем напал на турок столь смело, что в мгновение ока сбросил их со стены и наполнил ров трупами. Амурат же некий, янычар, могучий телом, смешавшись с греками, пробился к Зустунее и начал яростно с ним рубиться. Тогда один грек, соскочив со стены, отсек ему ногу секирой и так избавил Зустунею от смерти. Флабурар же западный Амар-бей со своим полком напал на греков, и разгорелась жестокая битва. Тогда из города подоспел на помощь грекам стратиг Рахкавей со многими людьми и в яростной схватке с турками отогнал их до того места, где находился Амар-бей. Тот же, увидев, как Рахкавей беспощадно рубит турок, обнажил меч и напал на него, и оба ожесточенно рубились. Рахкавей же, встав на камень и взяв меч в обе руки, ударил противника по плечу и рассек его надвое, ибо имел в руках великую силу. Множество турок с яростными криками окружили его и рубили. Греки же всеми силами пытались его отбить, но не смогли, хотя многие из них пали; и рассекли турки Рахкавея на части, и прогнали греков в город. И зарыдали греки и пришли в отчаяние от гибели Рахкавея, ибо был он доблестный и мужественный воин и любим был цесарем. И уже когда наступила ночь, прекратилась сеча и разошлись оба войска. И турки начали снова стрелять из пушек по разрушенному месту, а горожане начали расширять башту и возводить ее по всей ширине пролома, и поместили в ней многие пушки скрытно, ибо та башта была в пределах города. Наутро же турки, увидев незаделанный пролом в стене, тотчас же ворвались и напали на греков. Греки же, обороняясь, отступили перед ними, а турки издали боевой клич и напали в великом множестве, рассчитывая, что уже одержали победу. Когда же сгрудилось много турок, греки расступились, и ударили по ним из пушек, и многих убили. И когда отстреляли пушки, внезапно напал на врагов из города Палеолог, стратиг сингурла, со множеством людей и бился с ними жестоко. Восточный же флабурар Мустафа стремительно напал на греков с большими силами, и яростно рубился с ними, и прогнал их в город, и уже хотел овладеть стеной. Однако тысячник Федор, соединившись с Зустунеей, поспешил на помощь, и разгорелась ожесточенная схватка, но все же турки одолели их. Цесарь же был в притворе великой церкви со всеми боярами и стратигами, обсуждая намерения безбожного и говоря так: «Вот уже

который день без устали рубимся с турками, столько тысяч наших людей погибло, и если и дальше так будет — всех нас перебьют и город возьмут; собравшись с избранными своими, выйдем из города ночью в удобное время и, с Божьей помощью, нападем на них, как прежде Гедеон на мадианитян — или умрем за Божьи церкви, или добьемся избавления». Так советовал он, и многие к тому же склонялись, ибо знали храбрость и силу его; был он могуч телом и силой подобен исполину. Кир Лука архидука и епарх Николай долго молчали и сказали так: «Вот уже пять месяцев прошло с той поры, как начали воевать с турками, моля о милости Божьей, и если будет воля его, то можем и еще пять месяцев сражаться с ними. Если же не будет Божьей помощи и так поступим — в один час все погибнем и город погубим». Великий же доместик и с ним логофет и многие другие вельможи советовали, чтобы вышел цесарь из города, взяв с собой отборных воинов сколько можно, чтобы снять осаду и не давать туркам так дерзко приступать к городу, и со стороны получить необходимое; и еще — услышав об этом, соберутся к нему многие христиане. И пока так размышляли, донесли цесарю, что турки уже взошли на стену и одолевают горожан. Цесарь же и все вельможи и стратиги вскочили на коней, и, обогнав цесаря и вельмож, стратиги поспешили на помощь, и встретили множество бегущих людей, и с побоями возвратили их. Зустунея же с другими стратигами бился с турками уже в городе, то отступая перед врагами, то, получив подмогу, возвращался и сражался с ними. А другие турки, соорудив несколько помостов, въезжали в город на конях. Стратиги же все, объединившись с Зустунеей, напали яростно на турок и оттеснили их до стен. Однако многие турки, ворвавшись в город, конные и пешие, снова заставили стратигов отступить и ожесточенно бились с ними, набрасываясь на них, словно дикие звери. И если бы не поспешил к ним цесарь, пришел бы конец городу. Но цесарь, подоспев, кликнул, ободряя своих, и рыкнув, словно лев, напал на турок с отборными своими пехотинцами и конниками, и рубил их беспощадно: кого настигал — рассекал надвое, а иных разрубал пополам, ибо ничто не могло удержать его меч. Турки же призывали друг друга воспротивиться силе его и напасть на него, и всякое оружие метали в него, и стрелы бесчисленные в него пускали, но, как говорится, победа в бою и поражение царское по Божьему промыслу свершается: оружие все и стрелы попусту падали и, пролетая мимо, не задевали его. Он же, имея лишь меч в руке, рубил их, и те, на кого он нападал, обращались в бегство и расступались перед ним. И погнал их к разрушенному месту, и здесь их, стеснившихся в узком проломе, перебили множество, а иных вытеснили из города и за рвы. И так с Божьей помощью в тот день цесарь избавил город, и когда наступил вечер, турки отступили.

Наутро же эпарх Николай приказал горожанам выбросить за стены и за рвы убитых турок, чтобы увидел их безбожный, и было числом их, как говорят, около шестнадцати тысяч. И, посовещавшись, собрали турки трупы и сожгли. Эпарху же цесарь снова повелел заделать бревнами разрушенное место и построить башту, надеясь, что уже отступят они, окаянные. Безбожный же Магомет не так думал, но три дня спустя,

собрав башей своих и санчакбеев, сказал им: «Видим, что гяуры набрались храбрости, и так, сражаясь с ними, не одолеем их, ибо в одном-единственном месте — в проломе — трудно сражаться множеству людей, а если в небольшом числе выходим, то превосходят нас силой и одолевают. Но снова пойдем на приступ, как и в первый раз, придвинув туры и лестницы к городским стенам во многих местах, и, когда разойдутся горожане по всей стене, чтобы воспротивиться нам, снова приступим всей силой к разрушенному месту». И как решил окаянный, так и сделал по Божьему попущению: приказал готовить туры и лестницы и другие осадные орудия, а воинам приказал снова биться с горожанами. И так бились день за днем, не давая горожанам отдыха.

В двадцать первый же день мая за грехи наши явилось страшное знамение в городе: в ночь на пятницу озарился весь город светом, и, видя это, стражи побежали посмотреть, что случилось, думая, что турки подожгли город, и вскричали громко. Когда же собралось множество людей, то увидели, что в куполе великой церкви Премудрости Божьей из окон взметнулось огромное пламя, и долгое время объят был огнем купол церковный. И собралось все пламя воедино, и воссиял свет неизреченный, и поднялся к небу. Люди же, видя это, начали горько плакать, взывая: «Господи помилуй!» Когда же огонь этот достиг небес, отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились. Наутро же пошли и рассказали обо всем патриарху.

Патриарх же, собрав бояр и всех советников, пошел к цесарю и стал уговаривать его покинуть город вместе с царицей. И когда не внял ему цесарь, сказал патриарх: «Знаешь, о цесарь, обо всем предсказанном городу этому. И вот ныне опять иное страшное знамение было: свет неизреченный, который в великой церкви Божьей Премудрости сопричастен был прежним святителям и архиереям вселенским, а также ангел Божий, которого ниспослал, укрепляя нас, Бог при Юстиниане-цесаре для сохранения святой великой церкви и города этого, в эту ночь отошли на небо. И это знаменует, что милость Божья и щедроты его покинули нас, и хочет Бог отдать город наш врагам нашим». И тут представил ему тех мужей, которые видели чудо, и когда услышал цесарь их рассказ, пал на землю, словно мертвый, и пролежал безгласный долгое время, едва привели его в чувство ароматными водами. Когда же встал он, то сказал патриарху и всем вельможам, чтобы запретили под клятвой тем людям рассказывать обо всем народу, чтобы не впали люди в отчаяние и не ослабели в деяниях своих. Патриарх же снова начал настойчиво уговаривать цесаря, чтобы он покинул город, и все вельможи также говорили ему: «Ты, цесарь, когда уйдешь из города с теми, с кем захочешь, с Божьей помощью сможешь и городу помочь, и другие города и вся земля обретут надежду и в скором времени не отдадутся неверным». Он же не согласился на это, но отвечал им: «Если Господь Бог наш соизволил так, где скроемся от гнева его?» И еще: «Сколько цесарей, бывших до меня, великих и

славных, также пострадали и погибли за свое отечество, неужели я, последний, не сделаю этого? Нет, господа мои, нет, но да умру здесь с вами». И отошел от них. Зустунея же снова, придя с несколькими вельможами, долго уговаривал цесаря, со слезами и рыданием, уйти из города. И не послушался он их.

На другой же день, когда услышали люди, что покинул их Святой Дух, растерялись все, и охватил их страх и трепет. Патриарх же укреплял их дух и убеждал не оставлять надежды. «Исполнитесь решимости, чада, дерзайте, — говорил, — и на Господа Бога возложим надежду на избавление наше, и к нему простpем руки и устремим взоры от всего сердца, и он избавит нас от врагов наших и все вражеские умыслы разрушит». Такими и иными подобными словами укреплял он дух народа. И так со святителями и со всем причтом, взяв священные иконы, ежедневно обходил весь город по стенам, взывая к милости Божьей, со слезами возглашая: «Господи Боже наш, бессмертный и безначальный, создатель всего живого, зримого и невидимого, который нас ради, неблагодарных и злонравных, сойдя с небес, воплотился и кровь свою за нас пролил, — воззри на нас и ныне, владыка и царь, из святого жилища твоего, на смиренных рабов твоих, и не отвергни грешных наших молений, и склони ухо свое и услышь нас, находящихся на краю гибели. Ибо согрешили мы, Господи, согрешили перед небом и перед тобой, и мерзкими делами и бесстыдными всячески себя осквернили перед небом и землей в этой преходящей нашей жизни, и недостойны воззреть на высоту славы твоей, ибо ожесточили твое благоволение и разгневали твое Божество, и презрели твои заветы и не послушали твоих велений. Но ты же сам, цесарь и владыка, человеколюбец, незлобивый, долготерпеливый и многомилостивый, возвестил через пророка своего: “Не хочу по воле своей смерти грешнику, но если обратится ко мне, да будет жив”, — и другое: “Не пришел я праведников призвать, но привести к покаянию грешников”. Ведь не хочешь ты, владыка, погубить творение рук твоих и не жаждешь погибели людской, но хочешь, чтобы все спаслись и обратились к истине. Поэтому-то и мы, недостойные, будучи созданием и творением твоего Божества, не теряем надежды на свое спасение, и, уповая на твое беспредельное милосердие, припадаем к тебе, и следуем за тобой, всем сердцем молим и жаждем милости твоей. Пощади, Господи, пощади тех, кого искупил ты животворной кровью своей, и не предай нас врагам и супостатам владычества твоего, и избавь нас от осады этой и окруживших нас зол и напастей. Освободи, по великой милости своей, и спаси нас чудесами твоими, и прославь имя свое, да будут посрамлены враги твои и примут позор от всякой силы, и могущество их да сокрушится, да уразумеют, что ты — Бог наш, Господь Иисус Христос, во славу Богу-Отцу».

Вот такими и многими другими молитвенными словами день за днем молились, надеясь на спасение свое. Также и все люди стекались к святым церквам Божьим, плача и рыдая и руки к небу простирая, моля

у Бога милости. Но если прежде стольких благодатей и дарований Божьих и пречистой Богоматери благодеяний сподобились, то теперь, грехов ради наших, милости и щедрот Божиих лишились. «Когда же, — говорит, — простреете руки ваши ко мне, то отведу глаза свои от вас, а если и придете предстать передо мной — отверну лицо свое от вас». И другое: «Что ни сотворишь, что ни сделаешь — все ненавистно душе моей». Вот такого же ответа и мы заслужили грехов ради наших, и мольбы наши и молитвы чуждыми остались Богу.

Турки же, как было сказано раньше, ежедневно бились с горожанами, не зная сна. А окаянный Магомет, собрав воинов своих, распределил среди них места для приступа: карачбею напротив императорского дворца и деревянных ворот и Калисария, а бегиларбеям — восточному — против Лиги и Золотого места, а западному — напротив всей Хорсуни. Сам же безверный объявил, что станет посередине — напротив ворот святого Романа и разрушенной стены. Столу же морскому Балтауглию и Загану — обе стены со стороны моря, чтобы окружить весь город и в одно и то же время, в один и тот же час ударить по городу и с суши, и с моря. И так назначил нечестивый.

В двадцать шестой день мая, едва муллы их откричали скверные свои молитвы, тотчас же, возопив, с боевым кличем ринулось все войско на город. И подкатили пушки, и пищали, и туры, и лестницы, и деревянные башни, и иные орудия стенобитные — всему этому нет числа. Также и с моря приблизились корабли и многие катарги, и начали обстреливать город отовсюду, и возводить мосты через рвы, и как только вынудили горожан отступить со стен, тут же придвинули деревянные башни и туры высокие и бесчисленные лестницы, пытаясь силой взобраться на стены, и не дали им греки, но яростно бились с ними. Ваши же, и воины, и начальники их силою гнали турок, избивая их, призывая и угрожая. Магомет же окаянный со всеми чинами врат своих, под звуки всех музыкальных инструментов и тимпанов, с громкими кликами, подобными реву бури, приступил к разрушенному месту стены и в такой грозной силе рассчитывал быстро захватить город. Но многие стратиги с Зустунеей подоспели на помощь, мужественно бились с турками, и немалая тягота была горожанам. Но еще не настал судный час, и еще могли сопротивляться врагам. Цесарь же в окружении вельмож объезжал весь город, с плачем и рыданием моля вельмож, и стратигов, и всех воинов, и весь народ, чтобы не теряли надежды, не поддавались слабости в деле своем, но с отвагой и непоколебимой верой боролись бы с врагами, и поможет им Господь Бог. И повелел звонить в колокола по всему городу, сзывая людей. И собрались все люди на стены, сражаясь с турками, и разгорелась яростная битва, так что страшно было видеть дерзость и мужество сражающихся.

Патриарх же со всем причтом находился в святой Великой церкви и неустанно молил Бога и пречистую его Богоматерь о помощи и даровании силы против врагов. Когда же услышал звон, то, взяв божественные иконы, вышел перед церковью и стал на молитву, осеняя крестом весь город и с рыданиями возглашая: «Воскресни, Господи Боже мой, и помоги нам, совсем уже погибающим, и не отвергни людей своих до конца, и не дай на поношение сыроядцам этим достояния своего, да не спросят они: “Где же Бог их?” — но да узнают, что ты — Бог наш, Господь Иисус Христос, во славу Богу-Отцу». Также и к святой Богоматери обратился: «О всесвятая владычица, стань, руки воздев к сыну своему, Богу нашему, и укроти, владычица, Божий гнев на нас и отведи погибель, — уже ведь, пресвятая госпожа, мы в пасти адской; поспеши, о всемилостивая и человеколюбивая мать наша, и спаси нас, обняв правой своей рукой, прежде чем поглотит нас ад, чтобы перед всеми прославлено было и возблагодарено святое и прекрасное имя твое».

Пока так взывали и молились не переставая, цесарь подоспел к разрушенному месту и, видев ожесточенную битву, остался здесь сам со всеми вельможами своими, и когда поведали ему о натиске безбожного, с плачем воззвал он к воинам: «О братья мои и друзья! Ныне настало время обрести славу вечную за церкви Божьи, за православную веру, и явить мужество перед лицом потомков». И, пришпорив коня, хотел пробиться через разрушенное место и добраться до Магомета, отомстить ему за кровь христианскую. Но силой удержали его вельможи и пешие воины, ибо немыслимо было это дело, так как Магомет безбожный был с несметной силой. Цесарь же, обнажив меч, напал на турок и кого ударял мечом по плечу или по груди, того рассекал пополам; турки же, в ужасе перед силой цесаря, бежали врассыпную. А стратиги, и воины, и весь народ, видя своего цесаря, исполнились храбрости и бросались на турок, словно дикие звери. И так прогнали их за ров. Магомет же стал недвижимо и приказал побоями возвращать турок на греков, и шла битва в сумраке, ибо стрелы затмевали свет. Греки же снова по обе стороны стены лили на турок горячую смолу и бросали горящие вязанки смолистого хвороста. И даже когда зашло солнце и настала ночь, битва не прекращалась, так как приказал безбожный зажечь бесчисленные факелы и сам скакал повсюду, крича и взывая, понукая своих, рассчитывая поглотить город. Однако греки и остальные люди, находившиеся на стенах, огражденные доблестью, кричали друг другу: «Поспешим, братья, на суженое место и умрем за святые церкви». И так бились крепко с турками до полуночи и сбросили их с забрал и со стен на землю, и прекратилась битва. Но не отступили от города окаянные, охраняя свои осадные башни и иные орудия. Наутро же греки попытались во многих местах подожечь осадные орудия их и башни деревянные, и не дали им этого сделать турки, непрестанно обстреливая из луков и пищалей. Убитых же с обеих сторон, а тем более раненых никто не смог бы сосчитать.

В девятом часу того дня безверный снова приказал обстреливать стену вокруг разрушенного места из многих пушек и пищалей. И изготовили пушку большую, ударили в башту, также и второй раз, и третий, и разрушили башту. И так прошел этот день. Когда же настала ночь, Зустунея снова со всей дружиной и с фрягами начал возводить башту. Но по грехам христианским не удалось это: ибо прилетело каменное ядро из пушки, на излете ударило Зустунею в грудь и разбило ему грудь. И упал на землю, едва его отлили водой и перенесли в дом его. Бояре же, и все люди, и фряги, бывшие подле него, растерялись и не знали, что же делать. Это случилось по изволению Божьему на полную погибель городу, ибо это разрушенное место он оборонял благодаря великой силе своей и мужеству, ибо храбр был, и умен, и искушен в ратном деле. Когда же сказали о том цесарю, покинула сила его и смешались мысли, и поспешно отправился к нему, а также патриарх, и все вельможи, и врачи; и утешали Зустунею, и готовы были, если бы было можно, свою душу вдунуть в его тело. Ибо охватила их скорбь и печаль великая о нем, так как цесарь почитал его как брата за его верность и твердость духа. Врачи же всю ночь протрудились, помогая ему, и немного подлечили ему грудь, пострадавшую от ушиба. И тогда отпустила его боль. И дали ему немного поесть и попить, и так заснул он в ту ночь.

Соратники же его, оставшиеся возводить башту, мало что успели. Зустунея же снова приказал отнести себя туда, и начали строить башту с великим усердием. Но уже настал день, и когда турки увидели возводящих башту, тут же обстреляли их из многих пушек и не дали им строить. Когда же попрятались греки от пушечного огня, тут же бросилось множество турок к разрушенному месту, а греки — им навстречу, и завязалась ожесточенная битва. Флабурар же некий с многими сарацинами яростно напал на греков, и было среди них пятеро огромных ростом и страшных с виду, и рубили они горожан беспощадно. Из города же выступили поспешно против турок протостратор и сын его Андрей со многими людьми, и началась яростная сеча. Тогда три воина-побратима, увидев со стены, что сарацины истребляют горожан, сбежали оттуда, напали на турок и яростно схватились с ними, а те, ошеломленные, не сопротивлялись им, страшась быть убитыми. И сразили горожане двух сарацинов. Тогда с боевым кличем набросилось на них множество турок, они же, защищаясь от них, отступили в город. Были же те трое: один — грек, другой — венгр, а третий — албанец. Но не прекратилось сражение у разрушенного места, а все разгоралось, ибо турки пришли в великом множестве, рубились и упорно теснили горожан. Стратиги же и вельможи вместе с Зустунеей доблестно мужествовали, и пало немало людей с обеих сторон. Но что изволил Бог, тому не миновать: метнули копьем и попали в Зустунею, и ранили его в правое плечо, и упал тот на землю, словно мертвый. И склонились к нему бояре его и все люди, стеня и рыдая, и унесли его оттуда, и все фряги пошли вслед за ними. Турки же, услышав рыдание и увидев смятение среди людей, снова с кликом напали всеми силами, и расстроили ряды горожан, и оттеснили их в город, сражая их и рубя. Увидели стратиги и все горожане, что все

прибывает число турок, и обратились в бегство, когда же силой удерживали греков, то возвращались они и вступали в бой. И уже настал бы час погибели городу, если бы не поспешил цесарь с отборными воинами. Подоспев, цесарь застал Зустунею еще живого и горько оплакивал его, и начал возвращать фрягов с мольбами и рыданием, и не послушали его. И своих попрекал он слабостью и отсутствием мужества, и снова возвратил отступивших, а сам напал на турок и, криком ободрив своих, ворвался в ряды врагов, нанося им удары по плечам и по груди; если же и коня поражал — падал тот перед ним, и не удерживали меч цесарев ни конские доспехи, ни сила конская. Турки же, перекликаясь, побуждали друг друга напасть на него, а сами не решались. Оружие же, которое метали в него, как мы уже говорили ранее, все падало всуе и мимо него пролетало, не задевая, ибо не настал еще его час. Он же устремился на них, и побежали от него турки во все стороны, расступаясь перед ним. И так отогнали турок от разрушенного места, и столпилось там множество врагов, и без числа перебили их горожане, закалывая, точно свиней, пока они проталкивались через пролом, а те, которые побежали в разные стороны по улицам,— там были перебиты. И так по божественному промыслу в тот день избавился город: турки отступили от стен, а горожане, падая на землю, тут же засыпали, и не произошло ничего в ту ночь.

Цесарь же с патриархом и все воины собрались в Великой церкви, и возблагодарили Бога и пречистую его мать, и прославили цесаря. И некоторые говорили, будто бы и сам цесарь воспрянул духом, и даже понадеялись на отступление поганых, не ведая божественной воли. Магомет же, видя, что столько его воинов пало, и прослышав о храбрости цесаря, не спал в ту ночь, но собрал большой совет: хотел уже в ту ночь отступить, ибо и морской путь открылся, и много кораблей могло прийти на помощь городу. Но чтобы свершилась воля Божья — не суждено было тому сбыться. Когда наступил седьмой час ночи, разлился над городом глубокий мрак: воздух в высоте сгустился, навис над городом, словно оплакивая его и роняя, как слезы, крупные красные капли, подобные по величине и по виду буйволовым глазам, и оставались они на земле долгое время, так что дивились все люди и пришли в отчаяние великое и ужас.

Патриарх же Анастасий, тотчас же собрав весь клир и синклит, пошел к цесарю и сказал ему: «Светлейший цесарь, все прежде возвещенное о городе этом ты хорошо знаешь, также и отшествие Святого Духа видел. И вот сейчас стихии возвещают гибель города сего. Молим тебя: покинь город, да не погибнем все вместе. Бога ради — уходи!» И напомнили ему много подобных же поступков прежних царей. Так же и клир весь и синклит долго убеждали его, чтобы он покинул город. И не послушал их, но отвечал: «Да будет воля Господня».

Магомет же окаянный, увидев тьму великую над городом, призвал к себе мудрецов и мулл и вопросил их: «Что предвещает этот мрак над городом?» И ответили ему: «Знамение предивное это — городу погибель». Он же, безбожный, приказал немедленно изготовить всех воинов к бою и пустил впереди бесчисленных вооруженных пехотинцев, и пушки, и пищали, а следом и все остальное войско. И, прикатив и поставив пушки напротив разрушенной стены, начали обстреливать все то же место, и когда отступили горожане далеко от пролома, поспешили воины пешие расчистить путь войску и засыпать рвы. И так надвинулись турки всеми полками и рассеяли горожан, ибо было среди тех мало конных. Стратиги же, и мегистаны, и все конники подоспели, поддержали сражающихся и вступили в бой с турками. Сюда поспешил и цесарь со всеми вельможами, и с избранными своими конниками, и с пешими воинами, и напал на турок, когда уже много врагов прорвалось внутрь города, и, смешавшись с ними, отчаянно рубился, яростью уподобляясь зверю, и отогнали их к разрушенному месту. Бегиларбей же восточный, — а был он огромного роста и могуч, — издав клич, со всеми силами восточными напал на греков, и расстроил полки их, и отогнал их, и с копьем в руке напал на цесаря. Цесарь же щитом отвел его копье и, ударив его мечом по голове, рассек до седла. И тут возопили турки в один голос, и, склонившись над ним, отбили его у греков, и унесли. Цесарь же, созвав своих, с кликами врезался в ряды врагов и, избивая их, прогнал из города.

Но карачбей баша, собрав множество воинов, устремился со своим полком к разрушенному месту и, вступив в город, оттеснил цесаря и всех горожан. Цесарь же, снова обратившись ко всем стратигам, и всем мегистанам, и к вельможам, и к народу всему, вооружил их, и, вернувшись, напал на турок, не щадя жизни, и снова выбил их из города. Но если бы и горами могли двигать, все равно Божью волю не превозмочь. «Если же, — говорится, — не Господь воздвигает храм, то всуе трудятся строящие его». Турок же было многое множество, а горожане — изо дня в день все те же — от великой усталости изнемогли и падали, словно пьяные. К тому же и цесарь, и все воины ниоткуда не ждали помощи, оставили их силы и ослабела воля, охватили их скорбь и печаль великая.

Магомет же окаянный, услышав, что убит бегиларбей восточный, долго его оплакивал, ибо любил его за мужество его и разум, и, разъярившись, пошел сам со своими вратами и со всеми силами, а на цесаря приказал нацелить пушки и пищали, страшась, как бы не вышел он из города со всеми людьми и не напал бы внезапно на него. И пришел безбожный, стал против разрушенного места и приказал прежде всего стрелять из пушек и пищалей, чтобы отступили горожане. Затем послал Балтаулия-башу с многими полками и три тысячи отборных воинов своих и приказал им, чтобы разыскали цесаря, хотя бы ценой жизни, или из пищали бы убили его. Стратиги же, и мегистаны, и все вельможи, догадавшись о замысле безверного, устремившегося в

такой силе великой, и видя яростную пальбу, увели цесаря, дабы не погиб он понапрасну. Он же, горько сетуя, говорил им: «Вспомните, что я сказал вам и какой зарок положил: не удерживайте меня, да умру здесь с вами». Они же отвечали: «Мы все умрем за церкви Божий и за тебя». И насильно увели его от воинов и долго убеждали, чтобы он уехал из города, и, отдав ему последнее прощание со стонами и рыданием, возвратились все на свои места.

Когда же подоспел Балтаулий с большими силами, то встретили его стратиги у разрушенного места, но не смогли сдержать его, и пробился он в город со всеми своими полками, и напал на горожан. И завязалась битва еще более ожесточенная, чем прежде, и погибли в ней стратиги, и мегистаны, и вельможи все, так что из многих мало кто смог потом принести весть цесарю, а погибших горожан и турок не счесть. Тритысячники же рыскали и разъезжали повсюду, словно дикие звери, охотясь за цесарем. Окаянный же Магомет, снова собрав свои полки, послал их по всем улицам и ко всем воротам в поисках цесаря, а сам остался только с янычарами, окопавшись в лагере своем, расставив пушки и пищали, ибо страшился цесаря. Цесарь же, словно услышав веление Божье, отправился в Великую церковь и пал на землю, прося Бога о милости и прощении за грехи, и попрощался с патриархом, и со всем причтом, и с царицей. И, поклонившись на все стороны, вышел из церкви, и снова раздались вопли всего клира и находившегося тут народа, жен и детей, которых было не счесть, — все рыдали и стонали, так что казалось, что эта огромная церковь зашаталась, и голоса их, думается мне, достигли до небес.

Цесарь же, выходя из церкви, одно только промолвил: «Кто хочет пострадать за Божьи церкви и за православную веру, пусть пойдет со мной!» И, сев на коня, поскакал к Золотым воротам, рассчитывая там встретить безбожного. Всех же воинов собралось с ним до трех тысяч, и увидел он в воротах множество турок, подстерегавших его, и, перебив их всех, устремился в ворота, но не смог проехать из-за множества трупов. И снова двинулись им навстречу турки в бесчисленном множестве, и бились с ними до самой ночи. И так пострадал благоверный царь Константин за Божьи церкви и за православную веру месяца мая в 29-й день, убив своей рукой, как сказали уцелевшие, более шестисот турок. И свершилось предсказанное: Константином создан город и при Константине погиб. Ибо за согрешения время от времени бывает возмездие судом Божьим, злодеяния ведь, говорится, и беззакония низвергнут престолы могучих.

О великая сила жала греховного! О, сколько зла рождает преступление! О, горе тебе, Седьмохолмый, что поганые тобой обладают, ибо сколько благодатей Божьих в тебе просияло, порой прославляя тебя и возвеличивая более всех иных городов, иногда самым различным

образом и многократно наказуя и наставляя дивными деяниями и чудесами преславными, порой прославляя победами над врагами, и беспрестанно поучая и к спасению призывая, и жизненным обилием радуя и украшая всячески! Так же и пренепорочная мать Христа, Бога нашего, неизреченными благодеяниями и неисчислимыми дарованиями миловала и оберегала тебя во все времена. Ты же, словно безумный, отворачивался от божественной милости к тебе и щедрот и тянулся к злодеяниям и беззаконию. И вот теперь явил Бог свой гнев на тебя и предал тебя в руки врагам твоим. И кто об этом не восплачет или не зарыдает! Но вернемся снова к описываемому.

Царица в тот же час, попрощавшись с цесарем, постриглась в монахини. Оставшиеся стратиги и бояре, взяв царицу, и благородных девиц, и многих молодых женщин, отправили на кораблях и катаргах Зустунеевых на острова и в Морею к единоплеменникам. Народ же на улицах и в домах не сдавался туркам, но сопротивлялся им, и погибло в тот день множество людей, и женщин, и детей, и других захватили в плен. Точно так же и воины, находившиеся в башнях, не сдались, но бились с турками на обе стороны — с находившимися за пределами стены и внутри ее. И днем, одолеваемы, бежали и скрывались в пропастях, а ночью выходили и нападали на турок. А иные люди, и жены, и дети швыряли на них с крыш домов черепицу и плитки, а то еще зажигали деревянные крыши домов и бросали в них горящими предметами, причиняя им немало вреда.

И ужасались баши и санчакбеи и не знали, что сотворить, но послали к султану: «Если сам не войдешь в город, не будет город усмирен». Он же подробно расспрашивал о цесаре и царице, и не решался войти в город, и находился в полном замешательстве. И призвал бояр и стратигов, которых захватили в бою и которых пленили баши, и дал им свое поручительство, и одарил их, и послал их с башами и с санчакбеями объявить горожанам по всем улицам и тем, кто находится в башнях, верное слово султаново: «Пусть прекратится битва и не опасаются ни убийства, ни плена, если же нет — то все вы, и жены, и дети ваши будете преданы мечу».

И после этого прекратилось сопротивление, и сдались все боярам и стратигам и башам. И услышав об этом, обрадовался султан, и послал очищать город, улицы и площади. В одиннадцатый же день послал санчакбеев по всем улицам с многими людьми, чтобы предотвратить внезапное нападение. А сам двинулся со всеми чинами врат своих в ворота святого Романа к Великой церкви, в которой собрались патриарх, и весь клир, и народу множество, и жен, и детей. И, придя на площадь у Великой церкви, сошел с коня, и пал ниц на землю, взял горсть земли и посыпал голову, благодаря Бога. И подивился этому огромному зданию, так сказав: «Воистину люди эти были и ушли, а

иных после них, им подобных, не будет». И направился в церковь, и вошло запустение в святилище Божье, встал (султан) на месте святом. Патриарх же, и весь клир, и народ возопили со слезами и рыданиями и пали ниц перед ним. Он же, дав знак рукой, чтобы перестали, обратился к ним: «Тебе говорю я, Анастасий, и всем окружающим тебя, и всему народу: с этого дня да не убоятся гнева моего, ни смерти, ни плена». И, обернувшись, повелел башам и санчакбеям, чтобы запретили всем воинам и всем чинам врат его притеснять народ городской, и жен, и детей, ни убийством, ни пленением, ни каким-либо иным злом. «Если же кто нарушит наше повеление — да будет наказан смертью». И приказал всем разойтись, чтобы каждый отправился в свой дом, ибо хотел увидеть красоту церковную и сокровища, чтобы сбылось предсказанное: «И возложит руки свои на святыни жертвенные и святыни погубит и отдаст сынам гибели».

Народ еще выходил из церкви вплоть до девятого часа, а многие еще оставались в ней, когда он, не дождавшись, вышел из храма. И, видя вышедших полную площадь и множество идущих по всем улицам, поразился, что столько людей вместило одно здание, и направился к царскому дворцу. И тут вышел ему навстречу некий серб, и принес голову цесаря. Он же очень обрадовался, и тут же призвал к себе бояр и стратигов, и спросил их, правда ли, что это голова цесарева? Они же, охваченные страхом, отвечали ему: «Это действительно голова цесаря». Он же поцеловал ее и сказал: «Явил тебя Бог всему миру, истинного цесаря, что же так понапрасну погиб!» И послал голову патриарху, чтобы, украсив ее золотом и серебром, сохранил ее, как сам знает. Патриарх же, взяв ее, положил в серебряный позолоченный ларец и спрятал под престолом в Великой церкви. От других же слышали мы, что оставшиеся с цесарем у Золотых ворот скрыли тело его в ту ночь, переправили в Галату и похоронили его.

Когда же стал настойчиво расспрашивать о царице, то сказали султану, что великий дука, и великий доместик, и анактос, и сын протостраторов Андрей, и племянник его Асан Фома Палеолог, и епарх городской Николай посадили царицу в корабль. И султан тут же приказал их, допросив, убить.

И так случилось и свершилось по грехам нашим: беззаконный Магомет воссел на престоле царства, благороднейшего среди всех существующих под солнцем, и стал повелевать владевшими двумя частями вселенной, и одолел одолевших гордого Артаксеркса, чьих кораблей не вмещали просторы морские и чьи войска занимали всю ширь земли, и победил победивших Трою дивную, семьюдесятью четырьмя королями обороняемую. Но да познай, о несчастный, что если свершилось все, предвещанное Мефодием Патарским и Львом Премудрым и знамениями о городе этом, то и последующее не минует,

но также совершится. Пишется ведь: «Русый же род с прежде создавшими город этот всех измаилтян победят и Седьмохолмый приимут с теми, кому принадлежит он искони по закону, и в нем воцарятся, и удержат Седьмохолмый русы, язык шестой и пятый, и посадят в нем плоды, и вкусят от них досыта, и отомстят за святыни». И также в последнем видении Даниила: «И поднимется великий Филипп с восемнадцатью народами, и соберутся в Седьмохолмом, и разразится бой, какого не было никогда, и потечет кровь человеческая, подобно рекам, по ложбинам и по улицам Седьмохолмого, и замутится море от крови до Тесного устья. Тогда Вовус возопит, и Скеролаф возрыдает, и Стафорин возгласит: “Встаньте, встаньте, мир вам и отомщение супостатам. Выйдите на правую сторону Седьмохолмого и увидите человека, стоящего у двух столпов, украшенного сединами, милосердного, одетого нищенски, взглядом острого, умом же кроткого, среднего роста, имеющего на правой ноге на голени знак. Приведите его и венчайте цесарем на царство”. И, взяв его, четыре ангела живоносных введут его в Святую Софию, и венчают его на царство, и дадут ему в десницу оружие, говоря ему: “Мужайся и побеждай врагов своих!” И, взяв оружие у тех ангелов, поразит он измаилтян, и эфиопов, фрягов, и татар, и всякий народ. А измаилтян же разделит на три части: одних победит оружием, других — крестит, третьих же прогонит с великой яростью до Единодубного. И когда возвратится он, откроются людям сокровища земные, и все разбогатеют, и никто не будет нищим, и земля принесет плоды сам-семь, а из оружия воинского сделают серпы. И процарствует он тридцать два года, и после него станет другой от рода его. И затем, предвидя смерть свою, отправится в Иерусалим, чтобы предать царство свое Богу, и с той поры воцарятся четыре сына его: первый в Риме, второй в Александрии, третий в Седьмохолмом, четвертый в Солуни».

Эти вот и иные многие прорицания и знамения записаны о тебе, град Божий, их же всещедрый и всеблагой Бог претворит на сокрушение и на попрание скверной и безбожной этой веры оттоманской и на обновление и укрепление всей православной и непорочной веры христианской ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Написал же все это я, многогрешный и беззаконный Нестор Искандер. Измлада пленен был и обрезан, долгое время страдал в ратных походах, спасаясь так или иначе, чтобы не умереть в окаянной этой вере. Так вот и ныне в этом великом и страшном деле ухитрялся я, когда под видом болезни, когда скрываясь, когда с помощью приятелей своих, изыскивать время все рассмотреть и все обо всем разузнать, подробно записывал день за днем обо всем, что совершалось вне града у турок. И затем, когда попущением Божьим вошли мы в город, со временем разузнал и собрал от надежных и великих мужей сведения о том, что делалось в граде в борьбе с безбожными, и вкратце изложил и христианам передал на память о преужасном этом и предивном произволении Божьем. Всемогущая же и животворящая Троица да

приобщит меня снова к стаду своему и к овцам пажити своей, чтобы и я прославил и возблагодарил великолепное и превысокое имя ее. Аминь.

ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии Н. В. Понырко и Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

«Смиренного инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» — похвала величию и могуществу тверского князя Бориса Александровича (1425—1461 гг.), а также тверскому княжеству. Произведение это разделяется заглавиями на четыре части, самостоятельных композиционно и тематически, но объединенных единой идеей и стилем. Слово было сочинено около 1453 г. Об авторе его, иноке Фоме, ничего не известно. Опираясь на текст самого Слова, можно только сказать, что это было лицо, близкое к князю Борису Александровичу, хорошо знакомое с его двором; из характеристики, данной автором себе самому, видно, что он был профессиональным придворным писателем. Для исследователей остается загадкой, был ли Фома, тверской посол на упоминаемом в первой части Слова Ферраро-Флорентийском соборе, одним лицом с иноком Фомой, или это были два разных лица.

Слово отражает время возвышения тверского княжества, когда Москва, раздираемая усобицами, находилась в состоянии упадка. Основная мысль этого произведения — прославление тверского князя Бориса Александровича как «самодержавного государя», достойного встать во главе всей Русской земли. Вторая часть XV в. была эпохой последнего возвышения Твери. Очень скоро (к последней четверти XV в.) Тверь утратит свое первенствующее значение и окончательно уступит его Москве. Но пока, в середине XV в., инок Фома именует великого князя тверского царем и самодержцем и рассказывает, как он является своим подданным, увенчанным царским венцом; пока именно тверской посол, боярин великого князя, выступает как единственный светский представитель Руси на Ферраро-Флорентийском соборе; пока именно тверской великий князь Борис Александрович покровительствует великому князю московскому Василию Темному, поддерживая его в долгой борьбе с Дмитрием Шемякой и первенствуя в союзе с Москвой.

«Слово инока Фомы» дошло до нас в списке второй половины XVI в., по которому и печатается, — ФИРИ, собр. Н. П. Лихачева, № 689, л. 212—315 (издано Н. П. Лихачевым: «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Сообщение Н. П. Лихачева. Изд. ОЛДП, 1908). Список имеет много дефектов, обрывается на полуфразе, плохо переписан, со множеством ошибок; исправления делаются по смыслу и набраны курсивом.

ОРИГИНАЛ

СМИРЕННАГО ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛНОЕ[1] О БЛАГОВѢРНОМ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗИ БОРИСѢ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Елма преподобному и похваляему възвеселяться людие,[2] и якоже рече Соломан, паче же и нами видимый и иже посреди нас не невидомо свѣтило великое — великий князь Борис Александровичь, и иже хвалимый и прославляемый от востока да и же и до запада; и како же мы и не возвеселимься, и иже толику радость даровалъ Богъ Тверской земли. И иже по благодати Божии и даннаго Богомъ на утвержение Тверской земли и на крѣпость человѣческому роду да въсхвалимъ и почтем благороднаго и благовѣрнаго и иже от чрева матерня Богомъ обѣтованнаго, и иже быти ему земному оку, и иже всѣм вкупѣ радость и веселие и безс печали житие. И якоже рече Иван Дамаскын,[3] идѣже нѣсть печали, и ту радость и веселие.

И егда же хто х кому любовъ имѣя, и другому же тому похваляющи, и слышащему же о друзѣ и его добрая похваления, то и велика радость бываетъ слышащему. Или како же мы не възвеселимься *и* от всѣх земль славимому и похваляемому государю нашему и защитнику Тверской земли, великому князю Борису Александровичю, въ всѣх странахъ и языцех. И понеже бо самодобродительна и такова государя являет Богъ и иже от Владимера, добрѣ да ублажим[4] Богомъ преблагословеннаго.

И княжение его в мирѣ сем велелѣпотно от чюдес Божиих. И како сбыстся Писание пророком Давыдом, глаголющимъ: «И иже въ отець твоихъ быша сынове твои»,[5] и сий бо великий князь Борисъ Александрович, на отчии престолѣ Богом утвержаемъ, и преспѣваем въ всяку благодать добродители, и всим добропреступенъ, и руцѣ имѣя по многу щедры, и богочтець, и священнолюбець, и всим вкупѣ сладокъ и вжелиненъ, и далечих сущих близ себе сотворяет, и всих душа и сердце теплою любовию к себе привлачитъ.

И всим о всем по Бозѣ на него упование имущим, и радовашеся вся земля Тверская, и яко дарова имъ Богъ такова государя, и пастыря, и истиннаго христолюбца, и богоутвержаема на отчимъ престолѣ. И овии же Моисея того именуют, и роководством Божиимъ новаго Израиля, Богомъ спасенный град Тверь, добрѣ правящи,[6] и инии же втораго Констянтина[7] за великое его человѣколюбие. И хто убо хощет изглаголати всея вселенныя похвалы о великом томъ самодрьжци? Но яже въ пророцѣхъ слышанная но здѣ убо дѣлом съвершаеться. И, якоже рече, юноша, и девы, и старци со юнотами,[8] вси вкупѣ единодушно и радостно въпиаху и глаголющи: «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла

твоя».[9] И кто възглаголеть силы твоя, Господи, яко даровалъ еси нам новаго Ярослава,[10] сего самодержавнаго великаго князя Бориса Александровичя.

И понеже увеличися власть его и възвысися слава имени его въ страны далечиа, и о сем бо государѣ слышавше мнози людие в далних землях и въ царствиих, и абне радостно прихожаху, видити его хотя*щ*е, многорадостное то и свѣтловидное лице, ркуще в себѣ: «Благословенъ Господь, устроивый бес печали житие въ славней земли, глаголемей Твери, и въ крѣпкой державнѣй власти великаго князя Бориса Александровича». И пакы: «О сем рече Иевъ, иже око бѣ слепым и вож хромымъ».[11] Въ истинну рку: око и вожь. И нѣсть бо такова въ человѣцѣхъ, и иже бы видивь лице его, а не възвеселился, великого князя Бориса Александровича. И о сем бо рече Иаковъ целомудрому Иосифу: «Наипаче царскыя славы обьятъ мя лице твое».[12] Азъ же мня: лице великого князя Бориса Александровича, свѣтящеся паче камени сапфира и тѣмпазиа. И кождо нас на него зряще и всякого веселиа исполнитися. И инии же мнозии человеци прихожаху с великимъ тщаниемъ, токмо желая слышати и многосладъкую гласну и мудростную его рѣчь. Но о сем же ми мниться рече пророкъ Даввыдъ: «Сладка есть словеса твоя паче меда устом моимъ».[13] И азъ же мню, тако есть уста великаго князя Бориса Александровича, сладъше меду и сота всѣм человѣкомъ. И того бо ради славимо имя его от востока и до запада, и до самого царствующаго града, рку же и до Рима.

И в которая бо бяше времена бывшу стязанию о православной вѣре христианомъ с римляне,[14] царю же цариградскому Иоанну *възвѣстившу в послании*: «И здравьствуй, възлюбленный брате о Христе». И приимъ же царская посланиа *великий князь Борис Александрович*,[15] и сихъ прочетъ предъ всим народомъ, и многыя радости душею и тѣлом исполнися, из глубины сердца въздыхая, и велми благодаря Бога, и глаголя: «Боже великий, сподоби мя приобѣщнику быти святому сему и Вселеньскому собору и еще же и по отеческой вирѣ поборнику быти».

И того ради сътворяет праздникъ свѣтел и призываетъ на трапѣзу своего отца, боголюбиваго и епископа Илию,[16] и все священное славословие, и вси свои помѣстнии, и князи, и велможии. И такоже многочествовавъ посланныхъ царскыхъ и многы дары давъ имъ, и отпусти ихъ ко своему царю. И скоро своего посла устрояетъ ко Вселеньскому собору, именем Фому,[17] и повели ему прилѣжно смотрити, и аще ли что от Седмаго собора приимутъ или приложат, «того слышати и не хотим». Сицевое же имущи с Фомою писание, еже къ царю:

«Кало Иоанну царю! Преславнейшему, и свѣтлийшему, и Богом вѣнчанному самодрьжцу Греческиа земли, царю Иоанну — князь великий, Борисъ Александровичь, всея державы Тверьскиа земля. О Христѣ радоватися намъ со честною державою царьствиа твоего!

Писаниа же твоя, еже ми еси прислал к намъ, и азъ сиа любовно приахъ, и в немъ же добрѣ вимы, что же писано о соединении святыя Божиа Христовы церкви, но яко да будетъ святый Вселеньский соборъ по первому преданию святыих правилъ и по чину святыхъ седми соборъ. Мы же о сем добрѣ радуемься, и колика сила, потолику чтнмься поборати по христианьской вирѣ. И того ради послахомъ, яко свое лице, ко святому Вселеньскому собору и къ честнѣй державѣ твоей. И прочее все и извѣститися от наших посланныхъ и о всемъ. Да здравьствуетъ святое ти царствие».

Фома же, посолъ великаго князя Бориса Алексанъдровича, приимъ таковая писаниа и поиде от Твери на Новгородцкую землю, и оттоле на Пьсковьскую землю, а оттоле на Немецкую земълю,[18] и оттоле на Курвскую землю,[19] а оттоле на Жмотьскую земьлю,[20] и оттоле на Прускую землю,[21] а оттоле на Словенъскую землю,[22] и оттоле на Любутскую землю,[23] а оттолѣ на Морьскую землю,[24] и оттоле на Жуньскую землю,[25] а оттоле на Свѣйскую земьлю,[26] и оттоле на Флореньзу.

И ту наехалъ есми папу римьскаго Евгениа,[27] и святаго царя цариградскаго Иоанна, и вселеньскаго патриарха Иосифа,[28] и весь святый Вселеньский съборъ. А с патриархом было митрополитовъ 22. И Фома же, посолъ великаго князя Бориса Александровичя, подаде царю писание, и еже име в руцѣ своей. И царь же повели чести е предо всим народомъ, и иже сущим окрестъ его.

И егда же прочтеться писание, еже от великаго князя Бориса Алексанъдровичя ко царю о православной вирѣ извѣстуе укрѣпление, и вси убо ту удивишася о величествие дара Божиа, и иже тому от Бога даровася. Царь же въздохнувъ из глубины сердца и рече: «И да хвалимъ убо и прославляемъ хвалимаго от ангелъ беспрестани Бога и поклонимься ему, и емуже кланяються херувими и серафими беспрестани, и яко такова князя даровалъ есть Богъ Руской земли и намъ пособника по вирѣ крестьяньстей». И вселеньский же патриархъ Иосифъ рече: «Ветхаи мимо идоша, и новая вамъ възвѣщаю: вира благодатная от нашея земли Греческыя да и до Рускыя земли простреся, евангельский же источникъ наводънившеся, и лѣпо и намъ с великымъ княземъ Борисомъ славити святую Троицу. И яко такова

князя в Руси николиже слышахомъ». И по сем вси митрополиты начаша ублажати великого князя Бориса, и единъ по единому кождо ихъ.

Ираклийский митрополитъ Антоней рече:[29] «И азъ по силѣ своей хощу дати хвалу Богу и великому князю Борису, и якоже есми его видил, и яже о немъ слышю: от дѣтскиа младости и паче всего Христа възлюбивъ, и възмуживъ же, и крѣпостию съвершаяся, а мужство...[30] сти же и силѣ. И каково ти благодарение въздамъ, и яко толико святителие о твоей добродители повѣстують».

Трапезоньский же митрополитъ Дорофий рече: «Писано бо есть, яко от двою или триехъ свѣдителей станетъ всякъ глаголъ истиненъ.[31] Не токмо бо единымъ кымъ хвалимо имя его, великаго князя Бориса Александровича, но того бо ради бысть славимо имя его, от конець земли исходяще и в море».

Кизицкий же митрополитъ Митрофанъ рече: «Что тя нареку, христолюбче, великий князь Борисе! Но воистинну еси другъ правдѣ, а смыслу мѣсто, и милостыни гнѣздо».

Никийский же митрополитъ Висарионъ рече: «И аще бы сей здѣ былъ самъ великий князь Борисъ Александровичъ, и то быхъ въспросилъ его, какъ вниде в него страхъ Божий и како разгорися в немъ любовъ Христова, и како възлюби Христа выше земных мудрець. И есть бо мнозии велицеи князи на Руси, но не доспѣша таковаго тщаниа и труда, еже послати и видѣти святый сей соборъ, и якоже сей великий князь Борис.

Никомидѣйский же митрополитъ Макарей рече: «Брате Висарионе, и аще и нѣсть здѣ самого великаго князя Бориса, и с кымъ бы намъ побесѣдовати о его мужествѣ и смысле, и мы въспросимъ посла великаго князя Бориса». И рече: «Повижь нам, Фомо, после великаго самодержавнаго, откуду се припахну благоухание на великаго князя Бориса, и откуду сий испи памяти жизнь сладкую чашу, и толикии труды показа, и ихъже инъ никтоже показа в Руси».

Лакомидѣйский митрополитъ Мефедей рече: «Но кто исповѣсть великаго князя Бориса Александровичя многыя нощныя милостыня и дневныя щедроты и ко всѣм требующимъ милость и якоже о немъ слышахомъ».

Терновский же митрополитъ Игнатей рече: «Созываетъ нас обычное слово к похвалѣ великаго князя Бориса. Но подобаетъ вамъ и еще приложити ему похвалу, и да не оскудно слово ваше будет».

Амасийский же митрополитъ Иасафъ рече: «От нивы жатва, а от винограда плоды снѣдныя. Иже нива пожата будет, исщиститься, а лоза, егда обѣзана будет, тои и смириться. А слава великого князя Бориса, иже на всякъ день повсюду слышана, не оскудиваетъ».

Молодовский же митрополитъ Димианъ рече: «Чюдна есть святыхъ отець и похваления о великомъ князи Борисе, и свѣтло есть его благочестие простреся по всей земли».

Ставропольский же митрополитъ Исаиа рече: «И азъ же слышю великаго князя Бориса житие его аки блаженнаго Иакова, а незлобие же Моисиово, и благоговиние целомудреннаго Иосифа».

Родоский же митрополитъ Нафанаилъ рече: «Есть ми мала нужа днесь к вашей любви и совѣщати множеству глаголемыхъ, и не слышимъ бо иного князя таковаго в Руси, и якоже великий князь Борисъ».

Милитинский же митрополитъ рече: «Милостыни же и щедроты великого князя Бориса по всимъ землямъ поминаеми суть».

Драмаский же митрополитъ Дорофий рече: «Но много деръзновениа имѣетъ к Богу великий князь Борисъ. И помагаетъ ми слово написанное: “И милость на судии хвалиться”;[32] “Блажени милостиви, яко ти помиловани будутъ”.[33] Тако же и великаго князя Бориса милостыни и щедроты, не токъмо в Руской земли творимая, но и до Царствующаго града и до Святыя горы,[34] реку же, и до самого Иеросалима дотече, и якоже нѣкая денница».

Мелетиньский же митрополитъ Матфѣй рече: «Кый убо есть разумъ или кый умъ постигнути можетъ повестование о великомъ князи Борисѣ, и якоже какъ о немъ слышимъ».

Тритриасийский митрополитъ Калистъ рече: «Аще ли есть вѣра права, то и дѣла благочестиваго великаго князя Бориса, якоже о немъ повестуетъ святый соборъ».

Ганский же митрополитъ Генадий рече: «Изъ Христова послушества приведу всѣмъ вамъ: “И аще ли кто напоитъ чашу воды въ имя ученика, и той мъзду прииметь”.[35] И князь же великий Борис не единого напиталъ, ни дву, ни 10, ни градъ, но многы грады и области припиталъ во своей отчинѣ».

Афилонский же митрополитъ Софроний рече: «И есть же сладостенъ убо райский цвѣт, и сладъчае того слышати великого князя Бориса».

Иверский же митрополитъ Иона рече: «И азъ мню великаго князя Бориса, подобенъ есть великому царю Констянтину. Онъ бо съ святыми отци на *1*-м съборѣ былъ.[36] А великий князь Борисъ с нынѣшними отци въ Ферарѣ, присла своего боярина, а самому бо ему не бывше за то долготы и ради путныя».

Сардийский же митрополитъ Дионисий рече: «Добро есть всѣмъ намъ возопити вѣровавъшимъ святописцу Давыду: “Сий день, иже сътвори Господь! Възрадуемся и възвеселимься во нъ!”[37] Но воистинну възрадоватися намъ подобаетъ, слышащи такова государя. И егоже желахом, того и увидѣхомъ, и егоже чаяхомъ, и того и усмотрихом, и якоже великъ намъ пособникъ по вѣрѣ христианской князь великий Борисъ. И нынѣ же в немъ и в насъ единa вѣра, и едино крещение, и едино поклоняние святыя Троици, Отца, и Сына, и Святаго Духа».

И сиа же похвала святыхъ отець о великомъ князѣ Борисѣ и слышавъ же Фома, посолъ тфѣрский. И егда онемъ святымъ отцемъ глаголящимъ еденъ по единому, и тогда онъ вся глаголы повелѣ писати, и принесе на Русь. И мы же почтохомъ такова писаниа и удивихомься,[38] и якоже они ни видѣша, ни знаша великого государя, токмо слышаша, и написаша таковая похваления. А мы же повсегда трапезе его съпричастници быхомъ и его здравиемъ в велицей тишинѣ пребываемъ, и какъ умолчимъ изрядныя его добродители. Писано бо есть: «И аще ли кто близъ златаря приидетъ и аще бо от злата того прииметь нѣкую лучю; или кто на высокое мѣсто взыдет, и аще ли будетъ и велми малъ, но далече видитъ». Тако же и азъ, почетшу *онѣхъ* отець похваления о

великомъ князѣ Борнсѣ, и да приведу посреди тоя похвалы и азъ похвалу великому князю Борису Александровичю.

Но весь умъ изступаю, помышляя онѣхъ высокое похваление. Но приведу к симъ Давыда Господь глаголя: «Обрѣтох мужа по сердцу моему и посажю его на престолѣ моемъ до вѣка».[39] И азъ же сего самодержавнаго государя, великого князя Бориса Александровичя, новаго Давыда нареку, не токмо бо единъ Господь обрете его по сердцу его и по совѣту, но и вси богоименитии людие рекоша в себѣ: «Обрѣтохомъ по сердцу и душамъ нашимъ утѣшение». И азъ о немъ рку: «Въистинну утѣшитель словом, и видѣниемъ, и дааниемъ». Пишетъ бо в Бытии но рече: «Благословенъ Богъ Симовъ».[40] И азъ рку: «Благословенъ Богъ великого князя Бориса Александровича, и иже от толикаго и великаго събора таковая похваления о немъ изыдоша». И паки но рече: «Распространитъ Господь Афета, и вселиться села Симова».[41] И азъ же о семъ рку: «Распространилъ Богъ языцы людийстии на земли, и вселишася в села великого князя Бориса Александровича». И аще бы возьможно, то весь бы миръ былъ Богом въ обѣтованной той земли. Но елико приходящихъ в села великого князя Бориса Алексайдровича! Въистину по Евангелию глаголеть: «И ничтоже ихъ не вредитъ». И того ради и от князей, и от велможь, и даже и до простыхъ людий желаютъ въ господарствѣ томъ быти.

Но аще кто иметъ мнѣти, что же сиа написахъ по дару или по страсти, и той почти онѣхъ святыхъ отець похваления, и какъ почтиша великого князя Бориса. И то и кто онѣхъ научи? И кто ли сихъ подвиже таковѣмь образомъ того хвалити? Или кто упремудри ихъ в таковое съгласное, и иже от разлѣчныхъ мѣстъ святители събрани, и ни единъ ни единому знаемъ, но и вси единогласно благоподобными хвалами величали великого князя Бориса? И азъ же, яко онѣхъ великаго похваления, от многаго нѣчто мало рку о своем государѣ великомъ князи Борисѣ Александрович*е*.

И что нареку азъ великого князя Бориса Александровичя? Но нареку его Съломоний. Нъсть ли чли, и иже слыша южескаа царици премудрость Соломоню и прииде от конець земли, и слышати хотя премудрость Соломоню?[42] И мнѣ же мнѣть, дивние Соломона здѣ: слышаша велиции рустии князи и велможии премудрость и крѣпость великаго князя Бориса Александровича, въ Богомъ обѣтованной той земли царствующа, и приидоша от конець земли не токмо премудрости слышати, но и видѣти славнаго того государя и питатися от царскыя тоя и сладкоядныя тоя трапезы.

И что же нареку тя, великого кьнязя Бориса Алексанъдровича? И нарку его Тивириа кесара Правосудна. Но Тивирий не повели людемъ своимъ въ красныхъ ризахъ и въ златыхъ блистаниихъ предъ собою ходити.[43] И сий же самодержавный государь, великий князь Борисъ Александровичь, не такъ, но бесчисльно даа людемъ своимъ, и повелевая въ своей полате въ красныхъ блистаниихъ пред собою ходити, а самъ же царскымъ вѣнцемъ увязеся. Воистину, въ древнихъ царехъ нѣсть таковаго слыхати, красна лицемъ, и ризами, и наипаче же и добродительми, и якоже великий князь Борисъ Алексанъдровичь.

И понеже не могу изообрести честнаго его хождениа, и ризнаго его украшениа, и красоты лица его, и старческаго его мудрованиа въ юностнѣмъ тѣлѣ, и обычай сладкый, с кротостию смѣшенъ, и то и же нареку его, самодержавнаго и братолюбиваго, наипаче же и боголюбиваго великого князя Бориса Александровича, и нареку его Премудраго Лва,[44] и иже столпы красны несказанныи созидаа. Великий князъ Борисъ Александровичь той не столпы бо созидая, но великии ограды съоружая, и в нихъ церкви Божии поставляя, и събирая преподобныя мнѣхи и святолѣпныя старца, и яко столпи красновѣдныя, и имиже бы рѣщи утвержати и просвѣщати всю поднебесную.

Но мнит ми ся, и Лва премудрие великий князь Борисъ Александровичь. И о чем бо столпы ставя? И никийже успѣхъ человѣкомъ, но токмо на видѣние. А князъ великий Борисъ Александровичь многы церкви постави, и иже просвѣщаютъ и освѣщаютъ всякого человѣка, грядущаго в миръ.[45]

И Августа его нареку, и при неможе имена человечьская напишася[46] и вѣроваша. Но зрит ми ся, и сего изященнѣе. При ономъ бо человѣчьская имена написашася, сего же самого великого князя Бориса Александровича, имя написася и прославися въ всѣхъ языцехъ. И о семь же азъ рку споводъ в Давыдово: «Велиций же князь Борис Александровичь, възлюбилъ еси правьду и възненавидѣлъ еси безаконие. И сего ради помаза тя Богъ паче причастникъ твоихъ и прославил тя есть паче всѣхъ великихъ князей рускыхъ».

Но что нареку сего самодержавнаго и любимийшаго ми государя, великого князя Бориса Александровича? Но Семиона ли его нареку златоструйнаго и любокьнижнаго или Птоломию Книголюбца?[47] Но воистинну се новы Птоломию великий князь Борисъ Александровичь, но повсюду събирая святыя книгы и поучашася ими, еже ко спасению.

Но почто много глаголю! Но Констянтина ли царя его нареку, или Устиана царя, или Феодосѣя, царя благочестиваго, иже и соборы утвердиша православна ихъ крестианства?[48] Но понеже правовѣрный царь Констянтинъ первый по Христе приятъ благочестие, а сей доброчестивый великий князь Борисъ Александровичь *1-й* по Владимерѣ приатъ такую великославную честь,[49] и похвалу, и доброславие, и инъ же никтоже в Руси; не токмо самъ в вѣрѣ утверьдися, но и огради все свое державство божественными добродительми.

Или Моисѣя великого нареку его, иже ветхаго законодавца, еже проведе израиля немокреными стопами сквозѣ Черьмное море?[50] Великий же кнзь Борисъ Александровичь новый есть Моисѣй человѣколюбивый, но и когождо насъ преводя от убожества и от скорбнаго житиа въ свое радостное и Богомъ обѣтованное царство.

Или Иосифа его нареку, и егоже постави Богъ господина надо всѣмъ Егыптомъ? Но той толико пшеницею препиталъ градъ Египет,[51] и елико си новый намъ Иосифъ, великий князь Борисъ Александровичь но препиталъ есть многыя области и веси.

Но и что тя нареку, великий князь Борисе Александрович и христолюбче! Но, воистину, еси другъ правдѣ и мыслу мѣсто, а милостыни гнѣздо. Шестословенъ еси именемъ, а седмотысещенъ еси смысломъ. Хвала еси и слава въ всѣхъ языцех седмьдесятых, еже на земли.

И искахъ много и в толъкованныхъ и въ царствиихъ, не обрѣтохъ таковаго ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, но якоже сего великого князя Бориса Александровича.

Но и что же реку, но не довлѣет ми вся лѣта живота моего тоя похвалы писати. Но занеже поучаетъ мя Григорей *Богослов*[52] глаголя: «Но никоеже добро можетъ величати человѣка, якоже любиваго доброта». Но еще же Иаковъ, братъ Божий,[53] учит ны: и иже кто слыша честь государя своего веселиться, тъй съвершенъ есть. Но, воистину, подобаетъ намъ веселитися, видѣвъ его честное княжение, великого князя Бориса Александровича, и много бо показуеться самовластно, покоривым бо от него честь, а непокоривым казнь.

И мнози бо преже нас бывшю но желааху видѣти таковаго государя и яже мы видимъ, но не видѣша, но и слышати не сподобишася.

Но о Христе самодержавный государь, милосердуй о всѣх по обычаю доброму, и нашеа худости писаниа приими, но якоже оноя вдовици двѣ лѣпте,[54] на похваление твоея добродители. Но понеже, господине, от дѣлъ твоихъ притчу приведох ти. Но от днесь бо мнози боголюбци, сынове твѣрскии, въ слѣдъ тебе текутъ, но обретъше тя проводника, и якоже Моисий новыя израиль. Но и отселе ти пою пѣснь побѣдную, якоже и Мариамъ древле,[55] но и отвсюду себѣ честь и веселие привлачающи твоимъ здравиемъ. И еще же, господине и присный нашь государю, но надѣемься и мы не забытнии познани тобою быти, и жаждуще от тебе милости, и якоже и еленъ воды. Но и Богъ милости, и Отець щедроты, и любы единороднаго его Сына и пресвятого его и животворящаго Духа, и пречистии его Богоматери и да будетъ с великимъ ти господствомъ но вкупѣ и с любящими тя и с любимыми тобою, но буди покрываемъ и съхраняемъ от вышняго рукы нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.[56]

Иже по благодати Божии даннаго намъ Исус Христомъ на утверждение земъли, и на крѣпость, и на устроение человѣчьскому роду, и якоже боголюбивымъ и богоугоднымъ, хощу вамъ внести Слово. Но и молю вы, да протягнете ми своя слухы и способьствуйте ми истиннѣ. Но понеже бо велику радость дарова Богъ человѣчьскому роду, и якоже бо неизмѣримая глубина точимъ беззавистии источникы воды, и источници пакы пущаютъ неудержимыя, и рѣкы проливающеся и всю землю напаяютъ. И земля творитъ плоды. Писано бо есть: «Глаголи въ уши слышащимъ».

Но хощу вам повѣдати повѣсть дивну о великомъ князѣ Борисе Александровиче, но и всяко бисера честнѣйши. Но и сотворите убо себѣ достойны бисеру приатиа, но послушайте истины. И нѣсть бо се, еже вамъ невѣдомо, но посреди вас преддержана стоитъ.

И сий убо славноименитый, иже въ Христа благочестивый, и благородный, и Богомъ вѣнчаный, самодержавный и Богомъ възлюбленный и великий князь Борисъ Александровичь но всея державы тфѣрьскыя и еще сый из млада и добрѣ наказанъ бысть родители страху Божию, и Святая Писаниа добрѣ вѣдый, и имиже на всякъ день поучашеся и праотеческымъ тщаниемъ путемъ шествовати. Но понеже бо Царскый градъ Констянтиномъ хвалиться, а Кыевъ же Владимеромъ, а Тфѣрьская же земля, тѣхъ ублажающе, Михаилом хвалящеся,[57] но того бо ради Богъ не инъ коренъ въстави, но Михаиловъ, великого князя Бориса Александровича. Но и мнѣт ми ся,

Богъ тамо преводя оного, а здѣ се предводитъ плодъ его. Но князь же великий Борисъ Александровичь, стяжая Констянтинову доблесть, а Владимерову вѣру, и Ярославово мужество, а Михаиловъ разумъ, и о человечьскои богобоязнество, но и надо всими же си миръ и святыню гоняще. И миръ убо реку, еже ко странамъ и в мирная всегда готовляяшеся, а святыню же, еже преже всего церкви Божии любляяше и о тыхъ попечениемъ сердце свое боляяше всегда. И еще же и всѣмъ доброприступенъ и от далече сущихъ близъ себе сътворяетъ.

Но понеже въ дни Августа царя рожешуся Господу нашему Исусу Христу. И въ днии же благочестиваго великого князя Бориса Александровича многы церкви поставлены бысть и въ имя Господа нашего Исуса Христа, и иже просвѣщают всякого человека, грядущаго в миръ.[58] Августу бо власть приимъшу, но мъногыя власти престаша. А князю же великому Борису Александровичу власть приимше тфѣрскаго чиноначальства, гордыя съ власти сверже, а смиренныя на престолѣ со собою посади,[59] но и еще же и иныя власти, не покоряящаяся ему, но покорны сътвори.

Но якоже бысть въ дни Авраама, егда бѣ пленень бысть Лотъ, сынъ брата его, и погна Авраамъ въ слѣд ихъ до Дана с треми сты и 18, и порази ихъ, и отъятъ вся стада ихъ, и възврати сыновца своего.[60] И тако же бысть и въ дни великаго князя Бориса Александровича. И нѣкто от предѣлъ московскихъ, именемъ Колычевъ, и тъй приидe в силѣ тяжцѣ, хотя пленити сына брата его, князя Юрия Александровичя.[61] И сие же слышавъ князь великий Борисъ Александровичь, но якоже пленитъ Колычевъ сына брата его, и посла своихъ воеводъ крѣпчайшихъ. И биаша ихъ, и гнаша ихъ до Сижешкы, и еже есть ошуюю Ржевы.[62] И якоже бо онъ побѣди ошую у Дамаска, но тако же великий князь Борисъ Александровичь побѣди москвичь ошуюю Ржевы. И възврати вся стада ихъ и вся имениа ихъ обо с треми сты и 18, а воеводы же великого князя Бориса Александровичя — съ единымъ стомъ. И приведоша к великому князю Борису Алексанъдровичю боле 500 человѣкъ, кроме мертвыхъ и язвенныхъ. И иная же его мужества кто изочтетъ.

Но еще же созидаетъ церкви, и смышляетъ грады, и ихъже не лет хитрости ихъ никомуже глаголати, и веси строитъ. Но аще кто обиленъ будетъ человѣчьскою мудростию и ограждену имат душу мысльми человѣчьскыми, а чти и славы великого государя не повѣдаетъ, тъ ни въ чтоже вмѣниться мудрость его.

Но и мнози у цвѣти разлѣчны, но единъ же держай цвѣты. Но и мнозии убо есть велицни князи, но не сутъ таци, но якоже государь нашь

великий князь Борисъ Александровичь. И сей бо есть по Бозѣ нашему граду держава и утвержение.

Но аще ли кто речетъ, но что же сиа лаская написахъ, то неси ли слышали прежних литописцевъ, но да коиждо ихъ величал своего царя? И тъ колми паче и мы должнии величати своего государя, великого князя Бориса Александровича, но сей бо есть нашего града похвала. И нѣсть ли чли писаннаго, и еже рече: «Бога бойтеся, а князя чтите»? И азъ же иного не имамъ чимъ чтити его, но развѣе пишу добрая его дѣяния. Но понеже обличает мя нѣкий ратай. И никогда бо Дионисию царю гонящю путемъ, и видѣв его ратай, и не имѣя чимъ царя почтити, но въскочивъ в рѣку, и почерпе воды обѣма рукама, и принесе царю. И царь же приа, и разсмѣяся, и въ честь ему вмѣни. Но и сами вѣсте, не мощно есть, рукама почерпши воды, даръ принести самодерьцю. Но царь приа за бодрость принесшаго и. И нѣсть ли слышали Павла, глаголюща: «И никтоже бо своего ищетъ, но дружняго».[63] Но аще ли другу си велитъ честь творити, но тои колма паче дожнии есмы государевы чести искатъ.

Но дивлюся вашей любьви! Тъи почто не писасте преже мене о таковомъ государи, но съй бо есть земъли вашей честь? Но и о томъ не творю вас виноватыхъ, ни укоряю вас и еже вы не писасте. Но понеже бо коиждо васъ жену иматъ, а инъ дѣти питаетъ, и инъ о дому печеться, а инии въ въинствѣ ходятъ, но и коижедо вас на поручную службу отходитъ. Но и о семь не хулны естѣ, но хвалими. Но понеже бо мы ни дѣтей имѣемъ, ни домовъ, ни полат, но то есть наше дѣло, иже писати честь государя нашего великого князя Бориса Александровича. И того бо ради почтени быхомъ от него, и якоже хотимъ слово имѣти и слова желати. И иже аще ли человѣкъ слова не желаетъ, но тъи паче безсловеснаго скота.

Но должникъ бо есмь, тъ сладцѣ отдаю долгъ, ни бо нищету приносит, но богатство ми приноситъ. Но понеже словесное убожество то богатство ражаетъ. Но и слово аще ли отдамъ, и тои вси имате его, и съ всѣми вами плодъ принесутъ.

И сия же азъ написахъ не к вамъ, но вы бо добрѣ вѣдаете его и извѣстно знаете его, таковаго государя, и иже в земляхъ пресловущаго. Но вы бо моего писаниа не требуете, но понеже бо есте всегда с нимъ. Но написахъ сиа новорожнымъ младенцемъ, но да и тии нѣкогда възрастутъ, и възмужаютъ, и доидутъ в мѣру мужъства своего, и достигнут в разумъ свершенъ, и другъ другу почетше наше писание, и възвѣстятъ княжение великого князя Бориса Александровича. Но

якоже и въ Писании речеся: «Въспроси отца своего, и възвѣстит ти, и старци твои рекут тебѣ, елико видѣша и слышаша».[64]

О ТОМЪ ЖЕ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ БОРИСѢ АЛЕКСАНЪДРОВИЧЕ

Милость Божию, и человѣколюбиемъ Господа нашего Исуса Христа, и благодать Святого Духа, дарованную обилно, сказаю вамъ, братие, сынове рода тферскаго, и причастници трапезе великого князя Бориса Александровича, велико и ветхо съкровище и неудобъ знаемо человѣкы, но обаче дивъству и радости откровение, добро и силно богатство, но еще же и неоскудѣваему, ближнимъ и далнымъ велици дарове даеми. Но славенъ зѣло и честенъ и истинный строитель Богомъ спасенаго града Тфѣри самодержавный государь великий князь Борисъ Александровичь. Но, воистинну, царьскаа ядь, и от негоже мнози препитаеми бываютъ. И понеже не от своего произволениа хотимъ сказати, но от многа мало нѣчто о великомъ томъ государѣ и от дѣлъ того государя. Якоже бо ритори и философи, си рече и лѣтописци но велми прикланяютъ своя слухи *о* бывшихъ межи царей ратий ополчениа и вельми слушаютъ, но и да кождо възвеличитъ своего государя, мужесътвовавша крѣпко, но и колми паче есть намъ лѣпно похвалити своего государя, великого князя Бориса Александровича. Но понеже вдохну в него Богъ мысль благу, и еже наполняти миру отець своихъ. Но не токмо наполни, но и усугуби, но ревнуя по своемъ праотцѣ, великомъ князе Борисе Александровиче.[65] Но си бо преже его благодатию Божиею но вся благая о Бозѣ дѣлааше. Но тако же и сий великий, естественый, изрядный в добродѣтелѣхъ великий князь Борисъ Александровичь но тая же дѣла дѣлааше, еже о Бозѣ. И въ Книгахъ писано есть, и иже сынъ не можетъ творити, и аще ли не видитъ отца творяща. Но сий же великий князь Борисъ, и еже что видѣ у праотець своихъ, и то все творяше, но еще и напольняяше, но пребываетъ выше власти.

Но кто ли его исповѣдати можетъ строениа! Но смышляетъ грады, и строитъ монастыри, а дѣлаетъ веси, но всяко художьство и хитрость управляетъ. Но еще же чресъ предѣлы и книгами гораздъ и х комуже хощетъ, к тому бесѣдуетъ, и никтоже отвѣщати ему можетъ, но всѣми владѣетъ. И всѣх питаетъ, но и всѣхъ даруетъ, и от всѣхъ дары приемлетъ. Но того бо ради сугуба радость бываетъ всѣмъ крестианомъ и веселие неизреченное. Но и вси людие радостию ликоствуютъ, видяще Богомъ спасеный градъ Тфѣрь добрѣ стоитъ и красящеся великимъ княземь Борисомъ Александровичемъ.

И ни что же о немъ начнемъ глаголати, от ниска но и до высока доидемъ. И понеже от праотечества его начати, но даже до днесь. Но

праотци бо великого князя Бориса Александровича преже его великиа манастыри съградиша и множество мниховъ совокупиша, но и, еще же и выши того, грады содѣяша нѣкиа.

Но отселе же начнемъ глаголати строение великого князя Ивана Михайловича.[66] И съй убо устрои манастырь близу Богомъ спасенаго града Тфѣри на рѣцѣ Тмацѣ и нарѣкова церковъ 3-ю святители,[67] молебници Спасу, но якоже столпи твердии и непоколебими моляться неотступно Христу за православныи князи и за все християнство. А князь же великий Александръ Ивановичь[68] и иный манастырь устрои на рѣцѣ Перемере и нарече Благовещение пресвятыя Богородици,[69] но еже есть начатокъ спасению.

А князь же великий Борисъ Александровичь, ревнуя праотцемъ своимъ, и устрои манастырь на рѣцѣ Вързщинѣ и нарѣковахъ церковь самого творьца, начатку тому спасеному, Господа нашего Исуса Христа, но и еже ему на небеса Възнесению.[70] Но и от сего же разумѣйтѣ, яко от ниска начахом и до высока доидохомъ. Но понеже князь великий Иванъ Михайловичь устроилъ церковь молебници, ходатайци о нашемъ спасении, а князь же великий Борис Александровичь но вышша того устрои церковь избавление и оцѣщение еже от грѣхъ и *на* небеса въсшествие, но радость, и утѣшение, и обѣщание о послании Святого Духа, еже и бысть. Но късто сихъ премудрие явиться! Онъ бо устрои мание, а другий же начаток спасению, а съи иже въ совершение дѣла приидеть, но устрои церьковь избавление от грѣхъ и обѣщание о радости, еже и бысть.

Но понеже бо аще кто слугу царева почтитъ, но той от царя честь приметь. Но и аще ли кто самого царя почтитъ, но и болма той велицей чести и даромъ достоинъ есть. А князь же великий Борисъ Александровичь но и самого царя велико чтяаше Христа, но тако же и слугы его. Но и инъ храмъ устрои самому царю Христу на вратѣхъ Богомъ спасенаго града Тфѣри. И нарекова же имя храму тому еже «Вход въ Иеросалимь». Но тамо бо входъ Господу нашему Исусу Христу въ градъ Иерусалимь, и от дѣтей еврейскыхъ велику почесть приимъ, но яко царемъ израилевымъ звахутъ его и «осанна в вышнихъ» вопиахуть ему, и понеже еще мнози не вѣровахутъ в него, и симъ же и ризи свои постилахутъ под ногами его по пути.[71] А здѣ же въсквозѣ той пречестнѣйший храмъ входъ сотворенъ въ богоспасеный градъ Тфѣрь, но да всяк человѣкъ входяще и исходяще поклоняеться, но почесть велику и възмѣздие от Бога приимаше, и вмѣсто ризнаго постиланиа но главы своя постилааше пред честнѣйшимъ тѣмъ храмомъ и велегласно, яко единеми усты, въпиющимъ имъ и глаголющимъ: «Многа лѣта ти, великий князь Борисъ Александрович, но якоже таковый входъ устроилъ еси въ богоспасеный градъ Тфѣрь! Но и великое спасение тобою приобрѣтаемъ».

Но и слуги же почти царя Христа, святыхъ великихъ мученикъ, тезоименита же себѣ Бориса и брата его Глѣба. И устрои имъ храмъ среди своего двора от камени бѣлаго[72] и украси в немъ иконами, и златом, и жемъчюгомъ, и камениемъ драгымъ, и паникадилами, и свѣщьми, но и якоже было и при Соломонѣ въ Святая Святыхъ.[73] Ни умъ человечьи не дотечетъ, ни языкъ извѣстовати тоя красоты не можетъ; но понеже земънымъ человѣкомъ в томъ храмѣ стояти, якоже и на небеси мнѣтнся. Но и иная же премудрости и строениа великого князя Бориса Александровича,но кто изочтетъ, якоже и послѣдняя скажемъ.

Но якоже изъмлада святая Писаниа добрѣ вѣдый, понеже бо и Господь, запрещая, глаголаше: «Пытайте Писаний, но якоже в тѣхъ жизнь вѣчную имате»,[74] но того бо ради великий князь Борисъ Александровичь всѣмъ сердцемъ пытаетъ Святого Писаниа. И въ строениихъ бо смысленый и славнѣйший въ всѣхъ земляхъ великий князь Борисъ Александровичь, но вдохновенъ же бысть милостию Спасителя Бога, и нача собѣ помышляти, и да бы гдѣ градъ создалъ, но собѣ памети достоинъ, но якоже и праотци его. И нача смотрити мѣста, но якоже бы граду приходно быть. И усмотри же мѣсто близ града Тфѣри на устие на Тмацкомъ. Есть храмъ святого Христова мученика Феодора.[75] Но тол бо дивно мѣсто тое, но, въистинну, по желанию сердца великого князя Бориса Александровича. И далъ ему Богъ мѣсто таково, но никимъже ни копанно, ни сыпано. Но съ проста реку: но Богомъ сдѣланно, и якоже бы искони приходно граду быти, но не прѣспѣ ему время. И нынѣ же помощию Божиею и мыслию великого князя Бориса Александровича и съвѣтомъ всѣхъ людей и нача великий князь Борисъ Александровичь велми любити мѣсто тое, и наипаче же видя толь пресловущь храмъ великого Христова мученика Феодора внѣ града стояща. И о томъ велико попечение имѣя, и да бы такий храмъ не внѣ града былъ, но въ градѣ. И того ради великий князь Борисъ Александровичь призываютъ ту суща святителя своего и вси свои помѣстнии князи и боляре, еще же и аръхымандриты и игумены. И повелѣ всѣмъ быти въ храмѣ великого Христова мученика и воина Феодора. И ту повелѣ служити Божественую литоргию. Егда же свершену бывшю Божественому и великому дѣлу, и тогда повели великий князь Борисъ Александровичь всѣмъ изыти на мѣсто тое, идѣже хощетъ основати градъ. Но онѣмь же изсшедъшимъ съ кресты, и с свѣщами, и с кандилы, а князю же великому Борису Александровичю по нихъ идущу, и ту народу сущу многу. И егда же приидоша на мъсто то, и идѣже хощетъ основатися градъ, и князь же великий Борисъ Алексанъдровичь въздвигнувый гласъ свой и велегласно нача глаголати ту сущему народу: «Мужи и братие, сынове рода тфѣрскаго, но вамъ слово рку: како ми поручи Богъ престолъ отца моего, великого княжениа тфѣрскаго, но оттолѣ и до и нынѣ велми въжелахъ и да бы гдѣ градъ създалъ, но якоже и праотци наши съставиша грады собѣ памяти достойны. Но не приспѣ ми время. И нынѣ же помощию Божиею и помощию святого великого мученика Христова Феодора и излюби ми ся

сие мѣсто, и на семъ мѣсте хощу основати градъ. Но хощу того якоже съвѣти мои, такоже и съвѣти ваши — утверждение вашему великому граду Тфѣри».

«И нынѣ же Богъ мира и молитвами святого Христова мученика Феодора и да уединитъ мысль твою съвершити град сий», — и егда же народу сие изрекшим, и тогда великий князь Борисъ Александрович повели святителю молитву сътворити на основание града. И егда же наченъшу святителю молитву, и кьнязь великий Борисъ Александровичь въздыхая из глубины сердца своего и нача в собѣ молитву творити, глаголя: «Господи, Владыко превѣчный, Христе царю, но сотворивый небо и землю, и бес тебе бо ничтоже не съвершаеться, ни дѣло, ни слово! Но и нынѣ молитвою святого твоего мученика Феодора призри на мене, раба своего, и на новое се мѣсто. И дай же ми, Господи, совершити градъ сий. Но понеже ты и веси си вся, совеси, и якоже мнѣвъ и въжделѣхъ оградити святого мученика твоего Феодора. И утверди мя, Господи, праведнѣ и *несъвратънѣ* молитвою его. Но помози ми, Господи, съвершити градъ сий». И сиа изрекъ но повелѣ рубити. И святитель же преже самъ нача рубити.

И посемь же великий князь Борисъ Александровичь призва мужи хитры и изообрете ихъ, якоже и Моисѣй новаго Веселеила,[76] и пристави ихъ къ съвершенню таковаго дѣла в лѣтъ 6955, месяца априля 23.

А самъ же великий князь Борисъ Александровичь поиде на свой дворъ в новоосованной той градъ и сътвори пиръ веселъ, и не токмо на то позванънымъ, но и прилучившимься.

И такъ по томъ дѣлатели начаша дѣлати. Богъ же невѣдомо помогаше имъ о дѣле томъ молитвою святого мученика Феодора, но яко дивитися всѣмъ зрящимъ борзейшему тому дѣлу. И от сего разумѣваху мнози, яко приятъно есть дѣло то Богу и святому его мученику Феодору; и егда же кто кого видя иныя грады съзидая, и то городню[77] двѣма или тремя недѣльма съзидаютъ, а сего же града городню двѣма или трема деньма созидааху.

Князь же великий Борисъ Александровичь, видя еже от Бога поможение и поспешение великого Христова мученика Феодора ко трудолюбному его дѣлу, и часто нача приижати в той новоснованный градъ и ко святому Христову мученику Феодору. И нѣкогда бо ему веселящуся у святого Христова мученика Феодора, и бывъ въ своемъ веселии глаголяще, како именовати градъ. И нѣкто же бо от

премудрыхъ, и разумныхъ, и великыхъ старець, и сѣдиною процвете, и наипаче же и добродѣтельми, и той рече: «Феодоровъ градъ наречеться». И князь же великий Борисъ Александровичь упремудри старца. И град*у* же по старческому словеси любественое имя сотваряетъ, но понеже любовъ имѣя к великому мученику Феодору, и по той великой любвѣ, еже к великому мученику Христову Феодору великого князя Бориса Александровича и нарече градъ Любълинъ, рекше любовъ имѣя к великому Христову мученику Феодору. И потому градъ нарече любовенъ.

И еще же и иная сътроениа великого князя Бориса Александровича, и кто ихъ изъчтетъ! И не токмо съй единъ градъ Любовенъ постави себѣ во утѣшение, но и иныи многы грады созда. Но създа великий градъ запустѣвший именемъ Кашинъ.[78] И толико бо лѣтъ запустѣвъ, яко не удобь памяти человѣческой достигнутъ, и ни основанию градъскому знатися. И князь же великий Борисъ Александровичь тъй градъ, запустивший от многыхъ лѣтъ, но единымъ лѣтомъ въздвигнувый его. И еще же и иный градъ въ области Клинской въздвигнувый, тако же за многыя лѣта запустѣвший.[79] Праоческый же и оческия грады вся понови.

И кто бо таковый пастырь и сътроитель обретеся, но якоже великий князь Борисъ Александровичь! Остеняетъ бо многы грады, и остененяетъ же и самого его Христосъ. И нѣсть бо слово дѣяниа премудрейше. О, глубина мудрости и строениа великого князя Бориса Александровича, якоже несказанно и неизреченно строение его бысть! Но о семъ бо великому Иоанну Златаусту[80] въ своей ейпистолии къ ринфомъ пишетъ, рекый: «Есть хитрость создателная, и есть хитрость зажительная, и есть хитрость дѣлателная». Но князь же великий Борисъ Александровичь всякиа хитрости навыкъ, якоже инъ никтоже: задалную хитрость, и еже церкви Божии многы създаша; зижителную, еже преже всего запустѣвшиа грады созидаше; дѣятелную, еже села и веси добрѣ строяше, понеже человѣческая вся от Бога строима есть.

И да не рекутъ намъ ненаказании, и от кыхъ книгъ пишемъ о великомъ князе Борисѣ Александровиче. Но и о въсемъ велии от апостольскыхъ заповѣдѣй научимься. И аще ли хощеши почести душиспасителныи книги, и тъ почти святыхъ отець житиа ихъ; и аще ли хощеши посланий чести, то апостольскыи книги имаши;[81] и аще ли хощеши повѣстныхъ книгъ, то почти Царства.[82] Но зри иже и сего — отложно ли есть чести Царства? И аще ли отложно тои писати о прежнихъ царехъ, но нѣсть ли писано, и котораго какова суть дѣяниа и въинства или строениа? Но и мы же о прежних царехъ слышимъ, и тъ отверзеныима ушима слышимъ. И нынѣ же нынѣшняго царя, государя великого князя Бориса Александровича не слышимъ, но и видимъ и до святого Спаса добрѣ строаща. И то и како о немъ пытаемъ или от кыхъ книгъ сиа

пишемъ, и якоже пред рекохомъ: не от кънигъ бо, но от строениа самого того государя. Якоже есть писано: «Всяко бо древо от плода познано будетъ».[83] Но и того ради словеси потребу далъ есть намъ Богъ, и яко да совѣты сердечныя друг другу открываемъ. И азъ прииму слово святого Дионисиа Арепагита,[84] но якоже полѣзно есть всяко здание градское человекомъ. Но князь же великий Борисъ Александровичь не собѣ грады съзидааше единому в потѣшение, но и всѣмъ человѣкомъ во великое прибѣжище и во упокоение, а собѣ же на великую память творяаше, но понеже писано есть: «В память вѣчную будетъ праведникъ».[85] Но, воистинну, реку, в память. Отеческыя же грады поновляаше, но и еще же и новыя примышляяше. От благаго корени то и вѣтвь прцвете блага. Но понеже строение великого князя Бориса Александровича облиставаетъ, и якоже нѣкаа денница или яко нѣкай венець благолѣпенъ. Но, въистинну, достоинъ есть великий князь Борисъ Александровичь вѣнцу царьскому. Но сматряю же и ужасаюся! Но мню вѣра есть велика оного отца, великого князя Олександра Ивановича, но иже от благаго корени прозябшаго, и Богъ тамо предвод*и*т оного, а здѣсе предводитъ и плодъ.

И но да не мнитъ кто в васъ ласканиа быти словеса моя сиа, но да исъстинныя вещи посреди васъ предъстоятъ. Но «память праведнаго с похвалами»,[86] и рече премудрый Соломонъ. Но да аще есть убо всѣхъ праведныхъ память с похвалами, и кто ли не принесетъ похвалы великому князю Борису Александровичю, и кто ли не прославитъ его! И тъ и не требоуетъ бо и самъ от насъ похвалы. Но точию мы убоимься притчи лениваго оного раба, съкрывъшаго таланътъ государя своего и имъ прикуп *не* сътворшаго.[87] Но что не бо дивние и преславнъе, еже похвалити истиннаго строителя и пастыря, великого князя Бориса Александровича!

Но аще ли речемъ, по достоянию похвалити его не можемъ. Но не мощно бо, реку вамъ, иже рукама почерпше воды, и да принести самодержцу. Но еже имамъ, то и принесемъ. От многа мало нѣчто о немъ рцемъ, но боязнию съпрятуяся и в лѣпоту украшая его. И честною багряницею его украшаема видящи, и нищетою усердиа не спокрываемься. Но той бо от нашихъ не требуетъ ничтоже, но точию бо о немъ благомыслие. Но слава бо послѣдовати вѣсть благовѣрнымъ и похвалити премудрыхъ. А мнѣ же цвететъ сердце и точитъ умъ, но язык ми косенъ и худословесен и толикое величество исповѣдати. И да вы отверзите уста своя и способьствуйте ми истиннѣ. Но вижте благолѣпное церьковное устроение великого князя Бориса Александровича, и вижьте градъ его зданиа, и вижте чюдныхъ весей дѣлание. Но понеже бо есть на небѣсехъ дѣло ангельское Бога славити, а на земли же человѣкомъ Бога въсхваля*ти*, въспѣвати, а князя чтити. Но приведемъ к сему и Давыда царя, но еже рече: «Пасый Иизраиля».[88] Но рци ми яснѣе, кому то рече? И азъ же реку: въистинну, пастырь бѣ великий князь Борисъ Александровичь, еже пасы и строа новый Иизраиль, Богомъ спасеный градъ Тферь. Но преже бо его мнози

пастыри быша. Великий князь Иван пастырь бѣ, и великий князь Александро пастырь же бѣ, но не устъроиша тако Богомъ спасенаго града Тфѣри, но якоже великий князь Борисъ. Но не похуляю тихъ, но другаго строение похваляю. «Упасе бо, — рече Давыд, — люди своя рукою Мисѣовою и Ааронею».[89] И князь же великий Борисъ Александровичь пася и строя Богомъ спасеный градъ Тфѣрь благословениемь же Ивановым и Александровым и избра Давыда, раба своего, пасти Иисраиля в достояние себѣ. Но воистинну бо реку: новы есть Давыдъ великий князь Борисъ Александровичь, пасы и строя достояние праотець своихъ. Но что убо еще ли не разумѣете достоинства! И изьявлю вамъ истинну. Но видѣте ли, какъ царскому и праоческому престолу достоинъ есть великий князь Борисъ Александровичь.[90] Но речемь же ему вси, яко единеми усты: «Благословенъ великий князь Борисъ Александровичь, якоже храняй законъ Господень! Благословенъ и въ градѣ, благословенъ и на селѣ, и благословенъ во всякомъ своемъ строении, благословенъ и на всякомъ мѣстѣ и нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣкомъ».

СЛОВО О ТОМЪ ЖЕ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНЪДРОВИЧЕ

Благоволение убо моего сердца и молитва еже к Богу, и свѣдител ми есть о семъ Богъ, якоже не лжу, но хощу вамъ повѣдати истинныя вещи, и иже вами не невѣдомы, но посреди васъ предстоа и тъ есть. Но понеже бо древнии философи повести пишуще, ово от прежнихъ писаннаго почли суть, а другое сами слышавъ, а иное видевъ. Но и мнози же писаша лѣтописци, а ничтоже сами видевъ, но токъмо слышавъ, но понеже бо много сотворялося в далнихъ мѣсьтехъ, въ Аравехъ, и въ Персехъ, и в Мидѣнехъ, и в Риму. И то вся си писана сутъ, а ничтоже видѣвъ, но точию слышавъ. И еще же и ветхыя Книги писана сутъ Царства, но понеже бо когожедо си полагалъ на сердци котораго ихъ, каковъ былъ царь, или правосуд, или въинъ, или доброзраченъ, и да коиждо величали своего си царя, и иже по тѣхъ родове будут но да и прочитаютъ на воспоминание онѣхъ царевъ. Но азъ же самовидець сый и святому тому дѣлу, но еже хощу вамъ повѣдати, не от инѣхъ слышавъ, но самъ сый вся си видѣвъ. Понеже бо царскый венець кто хощет составити, и да сбираетъ драгое камение бесцѣнное, и да не примеситъ къ свѣтлому тому камению темнаго камениа, ни иного ничегоже. И аще ли примѣситъ, но да безс красоты сотворитъ лщение то свѣтлое и да всю лѣпоту вѣнца того без лѣпоты сотворитъ. Но мы же то все познавъ и посмотривъ, и помыслихомъ в себѣ и рѣхомъ, но яко ти и они мужии писаша о прежнихъ царех, надѣяшеся от нѣхъ никаку честь приати, а от рода в родъ память, но недостойно есть, реку, и намъ в забытии положити благочестие великого князя Бориса Александровича. Но сплетемъ ему яко злату пленицю, и ничтоже от себе приносяще, но от добраго того произволениа. И аще ли и велми худо наше плетение противу оного великого того государьства, но и нѣчто от многа мало подадимъ ему, но якоже оноя вдовици двѣ лѣпте бысть.

Ибо къняжащу ему во своей отчинѣ, въ Богомъ спасеномъ градѣ Тфѣри, и бысть же княжение его тихо и безмятежно, но и увеличися власть его, на отчим престолѣ Богомъ утвержаемъ и преспѣваемъ, въ всякомъ дѣле совершенъ, но якоже и во многыхъ странахъ со завистию имъ глаголати о преспевании его. И кьнязь же великий Борисъ Александровичь полагая себѣ на сердци Святое писание и еже рече: «Богатство аще ли спѣетъ, то не *прилагайте* сердца».[91] И колико ему время спѣетъ, и той болма въ смирении пребываетъ, и ко всѣмъ земълямъ в мирная всегда готовляшеся и хвалу въздая Богу, рекы: «Боже, насытил мя еси земныхъ благъ, и не лиши мя еще небеснаго царствиа».

И всеблагый же Богъ хотя бес печали и свою милость удивити на любящихъ, и егоже бо отець сына биетъ, того и милуетъ,[92] и хотяше бо болма прославити его и искусити, яко злато в горнилѣ, и обрѣсти его достойна себѣ, и еще же — да бы не возносилъся, но во вся бо лѣта княжениа его и ничтоже зла приатъ, но и от всѣхъ земль честь велику и дары многы приимаше. И о семъ бо рече, моляся, великий Павелъ: «И да даст ми ся томитель, да ся не превозношу, да сосуд буду избранъ Богу».[93] Да то какъ глаголаше? Но понеже бо взятъ бѣ высоко, но никакоже тѣмъ хотяше ся превознести, но наипаче смѣряшеся.

Но любяй же Богъ великого князя Бориса Александровича, и попусти на него скорьбь, и да бы ся не превозносилъ, но понеже увеличися власть его и възвысися слава имени его въ страны далечиа. И понеже бо таковая скорбь от многыхъ лѣтъ на мнозѣхъ градѣхъ не бывала, но на великаго же мужа, и искуси великыи, рку.

И якоже пишетъ въ царскых лѣтъписцехъ, при великомъ цари Устианѣ и при великомъ цари Феодосии таковыя и незабвеныя пожары быша. Но тако же и при семъ великомъ князѣ Борисе Александровиче но великий незабвеный пожаръ бысть на великом градѣ Тфѣри, но якоже ни основанию градскому остатися. И сей же бысть пожаръ в лѣтъ 6957.[94] Но учинися таковая наказаниа Владыкы Христа.

И князь великий Борисъ Александровичь но по великомъ томъ пожарѣ и иде в той бывший градъ кь Святому Спасу. И видѣ многы церкви погорѣвша и многы домы с товаромъ. И очеса бо бяше ему слез исполнени, и из глубина сердца въздыхая, и рече: «Владыко превѣчный, Христе царю, помилуй мя пречистыя твоея матере молитвами! И не остави мя въ унынии семъ быти! Бес тебе бо ничтоже съверъшаеться, ни дѣло, ни слово. Но повелѣниа полагаеши, и не мимо идутъ.[95] Но обаче воля твоя да буди! Но якоже ти угодно, тако и буди. Имя твое

благословено отнынѣ во вѣкы!» И пришедшу же ту сущаго града епископу его, и поучаше его от Божественыхъ Писаний, и яко не скорбѣти о прилучшихъся ему скорбѣй. И въспоминаа ему о прежнихъ царехъ и о пожарѣхъ, но таковаа на нихъ милованиа Владычня и каковая о нѣхъ Владычня терьпѣниа. И еще же и пророка Давыда, глаголюща, приводя ему: «Многы скорби праведнымъ, но и отъ всѣхъ ихъ избавить Господь»,[96] и: «Без наказаниа не сутъ сынове», и пакы: «Аще ли наказание терпите, и якоже сыновемъ вамъ обрѣтаеться Богъ».[97] И князь же великий Борисъ Александровичь испущаше от очию слезы, яко источникъ, и утѣшашеся святительскыми глаголы. И самь же ему с великымъ смирениемъ отвѣщааше: «Но сиа вся грѣх ради нашихъ». И поминаа ему того же Давыда, глаголюще: «Многы раны грѣшному. И мню же, яко упова на Господа обрящетъ милость».[98]

И мы же все того дѣлъма воспоминаемъ вамъ, но понеже и на среду хощемъ привести великое его смирение, и великий его разумъ, и обычай его, с кротостию смешенъ. Но якоже князь бѣ и воевода, но, реку же, пастырь овцам. Но понеже бо когда его вижду за домъ Святого Спаса[99] добрѣ стояща, и то княземъ его и воеводою *зову*. А его же когда вижу о людехъ пекущася, и тъ пастыря его нарицаю. А егдаже его вижу ко церкви Божии прилѣжаща, и тогда истинное овча нарицаю его стада Христова.

И по скорбии же дний тѣхъ, минувшимъ днемъ двѣма или трема, прииде вѣсть таковая, якоже и не хотѣхомъ и слышати, но что же король великопольский и краковьский и великий князь литовъский Казимиръ[100] съ всѣми силами, и еще же и многыхъ земль с нимъ люди, идетъ на домъ Святого Спаса но и на великого князя Бориса Александровича.

И тогда бо сущу в Новѣгородѣ недругъ бысть великому князю Борису и князю Дмитрею, зовомому Шемяцѣ.[101] И в тая же времена и тъй хотяаше нѣгдѣ украину взяти великого князя Бориса Александровича. Но бяше бо и та земъля многонародна. И егъда же сие слышавше людие невеселыя тѣя вѣсти, и они бо во иныя грады помышляяху ити, а инии на бѣгъство готовляхуся. Но и прихожааху к великому князю Борису Александровичю и помышляяху ему, но да бы во инъ градъ шелъ, и глаголюще ему: «Но есть обычай многымъ государемъ, и егда же какому пожару бывшю, и тогда во иныи грады преходятъ и пребываютъ. И нынѣ на тебе толикиа и великиа силы подвигнушася, но и ты же здѣсе хощеши пребывати без града». Но и князь же великий Борисъ ни слышати того не хотяаше, но рекы: «Не буди мнѣ тако, но что же оставя ми домъ Святого Спаса, да поити во иный градъ. И кую хвалу азъ приобрящу? Но Богъ нам прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтших ны зѣло.[102] На Господа уповая и не изнеможемъ. И нѣсте ли чли Писаниа: “Надѣющейся на Господа, яко гора Сионъ, не

подвижиться въ вѣкы”.[103] И на Господа упование кто стяжа, но выше всѣхъ скорбящихъ. И нѣсте ль слышали великого мученика Христова Дмитриа, и какъ о своихъ си людехъ глаголаше:[104] “Но, Господи, аще ли погубиши ихъ, то и азъ с ними погибну”. Но и мы же поревнуимъ Христову мученику Дмитрию и на помощь призываемъ его. Но аще ли ми лучится и глава своя положити за домъ Святого Спаса и за вся люди, но велми благодарю Бога и его пречистую матерь. А не буди ми въ градѣ сидѣти, а людемъ моимъ въ пленъ веденымъ быти. И вы же себѣ сотворите градъ, и азъ же вамъ оставлю въ градѣ святител и свою княгиню. А самъ сяду на конь, но еже хощетъ Богъ, тъ сътворитъ». И нача въоружатися, и посла по всѣ свои князи и боляре, но и еще же посла по брата по своего по молодшаго, по князя Ивана Андрѣевича. [105] И той к нему прииде въборзѣ со многыми людми.

И слышавъ же сие король литовский Казимиръ, но якоже грядетъ к нему великий князь Борисъ въ сретение, но нѣ боящеся markup кознѣй его ни лааниа, но хотяй гордыню его попрати милостию и его пречистыя матере молитвами. И король же повели воеводамъ своимъ порубежнымъ с воеводами великого князя Бориса Александровича мирствовати, и воеводы же великого князя Бориса с воеводами литовскыми начаша миръ соеждати. И доиде слово то и до великого князя Бориса, но якоже воеводы литовские со его воеводами миру хотяаше, и онъ же не токмо повели воеводамъ миръ взяти межи себя, но и еще и х королю посла свои послы; и король же с великою радостию миръ взя, и разидошася кыждо во своя си. Милостию Божиею и молитвами пречистыя Богоматери и здравиемъ государя нашего великого князя Бориса Александровича съблюдена бысть Тфѣрская земля от нахожениа онихъ.

И мы же сице возопиемъ: «О, великий уме, о, промыслу людьскый! О, дивная и преславная дѣла: пастухъ молчитъ, а овци волковъ одолѣваютъ!» Но князь же великий Борисъ Александровичь против въоружашеся, а воеводы миръ взяша. Ни оружиемь бо прогнани волци, ни стрѣляны, и въ свояси возвратишася. Но сами заратишася и сами же вспять поидоша. Ни человѣческый глас на нихъ не глагола, но своя ихъ совѣсть обличaаше. И воскорѣ яко паучина преторжеся. А князь же великий Борисъ Александровичь акы жестокы камыкъ стояше неподвижно в дому Святого Спаса и въ своей отчине, в великомъ княжении Тфѣрскомъ.

И мы же ему сице рцемъ: «Радуйся, новый страстотерпче, таковы бѣды подъя, ниже инъ никтоже! Радуйся, въинѣ, иже онии волкы отгнавъ ни оружиемъ, ни стрѣлами, но великымъ своимъ разумомъ!»

Но князь же великий Борисъ Александровичь хвалу въздая Богови и его пречистой матери и нача съвѣт съвѣщевати со своемъ епископомъ и со своими князьми и боляры, и да бы изгыбший градъ въставити. И вси иже людии с радостию совѣщашася. Но и малыми деньми той великий градъ поставленъ бысть, но и въси людие радостно ликоствуют, и глаголюще: «Многаа лѣта ти, великий князь Борисъ Александровичь! Но якоже остѣняеши грады, и остѣняетъ же тя самого Господь Исус Христосъ. Но понеже бо не видѣхомъ и в первая лѣта тако устроенна и украшенна великого града Тфѣри, но якоже и нынѣ мы видимъ».

Но мню вѣра оного отца, великого князя Олександра, Богъ тамо предводитъ, и плодъ его въ всю бо землю изыде. Рече: «Боголюбна держава твоя и в конець вселенныя христолюбивая твоя дѣла, но въ всю землю и в конци ея».

Но и от всѣхъ же земль прихожааху къ нему и великиа дары приношааху к нему. Но ово от царствующихъ мѣстъ, а ово от Рима. И не токмо же от вѣрныхъ царей честь велику и даръве приимааху, но и от невѣрныхъ царей. Но не от инѣхъ слышахъ сиа, но самовидѣць есми тому, ино еже приидоша послѣ от далекиа земли, от Шаврукова царьства,[106] и ихъже нѣсть просто слыхано в нашей земли. Таковое имя тъй ордѣ, но понеже бо неудобъ входима нашими устами за долгость пути. И принесоша к великому князю Борису Александровичю многыя дары: камъкы драгия и отласы чюдныя. Но азъ же есмь грубый невѣжа но не доидох тамо, и идѣже ми ихъ было число видѣти. Но и токмо видѣхъ многы бремена, носима человѣкы. Овии глаголютъ двадевять камок, а инии же глаголютъ 3—9. Но не видѣ числа, но токъмо видѣ: много. Но еще же и иныя многы дары княземъ и боляромъ даша. И князь же великий Борисъ честь великую подаваше имъ противу, но не токмо за дары, но и за великиа труды ихъ, но понеже бо от толь далекиа земли, а с толик*им*и многыми дарми, и идоша бо 9 месяць от своея си земли до великого князя Бориса Александровича.

Но способствуйте же ми и вы. Истиннѣ но вижете славу и честь великого князя Бориса Александровича. Но отколѣ славы и чти собѣ не приобрѣте! И вижте же и чюдныхъ его весей дѣлание, но градная его зданиа, пасый же и строя Богомъ покрываемый градъ Тфѣрь благословениемъ Ивановымъ и Александровымъ, но якоже рукою Моисѣовою и Аронею. И всеблагый же во Троици Богъ славимый и да умножитъ лѣта лѣтомъ великому князю Борису Александровичю, но княжение его въ тишинѣ да устроитъ, но яко да и мы въ его государствѣ тихо и безмятежно поживемъ нынѣ и всегда и в вѣкы вѣкомъ.

О ТОМЪ ЖЕ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ БОРИСѢ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЛОВО ОТ ЛѢТОПИСЦА ВКРАТЦѢ[107]

Лѣта 6953. Нѣкто от прирожениа великыхъ князей московъскыхъ, зовомый князь Дмитрей, а прозваны от людий Шемяка, сынъ князя Юриа Дмитреевича, и той бѣ в докончание с великымъ княземъ Василиемъ Московьскымъ, но, реку же, и с велимъ княземъ Борисомъ с Тфѣрскымъ. Но честь велику и дары многы от нихъ взимати. Но понеже бо ни помяну о томъ и еже нихъ к нему любы, но якы нѣкая ехидна гнѣвомъ дыша, и хотя убити брата своего старийшаго великого князя Василиа,[108] но еже и сотвори. Но прииде от града Углеча, и градъ Москву изгониша безвѣстно, и възяша его. А с нимъ братъ его, князь Иванъ Можайский. А великому же князю Василию тогда бывшю в монастыре Святыя Троица, еже зоветься Маковець,[109] въ обители старца Сергиа. И князь же Дмитрей ни крестного цѣлованиа убояся, ни любвѣ великого князя Василиа к себѣ не воспомяну, но посла тамо брата своего, князя Ивана, и повели его изымати. А преже того таковымъ крестнымъ цѣлованиемъ укрѣпишася, но яко и грамоту проклятую межи собя написаша, но и старца Сергиа в поруку вписаша, [110] якоже не помыслити никоегоже зла брату на брата. Но князь же Дмитрей крестное цѣлование забылъ и順 поручника старца Сергиа выдал. И изымавъ великого князя Василиа без вины, и приведе его на Москву, и ослепи, и посла его в заточение, иже в прежереченый градъ Угличе и сь его великою княгинею Мариею, а самъ сѣдилъ на велкомъ княжение. А не помянух пророческого словеси: «Но что ся, о злобе силъный, умыслилъ еси неправду. И сего ради разрушит тя Богъ, и въсторгнет тя от села твоего и коренъ твой от земля живущихъ».[111] И еже и бысть. Но тое же зимы княгиню великую Софию послалъ въ Галичь,[112] а дѣти же великого Василиа, князь Иванъ да князь Юрий, побѣгоша в Муромъ, а с ними же князей и боляръ много, и сѣдоша в Муромѣ.

Но той же зимы побѣже князь Василей Ярославичь, шуринъ князя великаго Василиа, в Литву, но бояше бо ся и той того же убийства.

Но той же зимы по малѣхъ днехъ посла князь Дмитрей владыку рязанского Иону да коломенского владыку Варламиа[113] в Муромъ к дѣтемъ великого князя Василиа, но зовы ихъ на Москву, а ркучи: «Поидите на Москву къ своеу отцу. А что ся стало, ино того уж не воротить. А азъ отца вашего хощу жаловать, а вамъ удѣлы подаю по вашей волѣ; а в томъ въ всемъ вамъ имаються владыкы, и ихъже есми к вамъ послалъ». И они же подумавъ и вѣру имше его словесемъ, но наипаче же святительскым, и рекоша в собѣ: «Но и аще ли си единъ въсхощет княжити, но и приложитъ зло ко злу, но и аще ли и нас побиет, то воля Господня да буди». И поидоша на Москву по крестному его к нимъ целованию и надѣющеся от него обѣщаное имъ приати. А онъ же ни во умъ сего приа таковаго обѣщаниа, и ни крестнаго

целованиа убояся, и ни святительскыхъ глаголъ усрамися, ни писаннаго въспомяну: «Но аще ли весь мир приобрѣсти, а душу погубити, кака есть полза».[114] И егда же тѣ дѣти великого князя Василиа приидоша, но онъ же поимавъ их, и яко незлобивыхъ младенець, и пославъ и в той же прежереченый град Углече в заточение. Но и въсхотѣ быти единъ самодерьжець, а не веды, кому же Богъ хощеть власть дати, тому и дастъ.

Но Богу же о нѣхъ нѣчто лучшее прозрѣвъ.

В лѣто 6954 и взяша князя великого Василиа ис прежереченнаго града Углеча и сь его княгинею и з дѣтми и послаша его в болшее заточение, и неудобь входимо всѣми человѣкы, но еже градъ Вологда, и предъстоящи ему близъ Студенаго моря. Но и тамо ему повелѣша жити.

Но той же зимы князь Дмитрей послал посла своего к великому князю Борису Александровичю,[115] а ркучи такъ: «И сталося, брате, в нашей земли, но что же братъ нашь, князь великий Василей, целовал тотаромъ, но что же твою отчину, великое княжение тферьское, да и наши отчины хощет предати тотаромъ.[116] Но и мы же то одумавъ со своею братиею и со всею землею, но великого же князя Василиа поимали. И того ради и тобѣ възвѣщаемъ, но да и ты бы еси намъ способьствовалъ по христианствѣ, но и еще же и по своей отчинѣ».

И князь же великий Борисъ Александровичь в той час посла своего воеводу князя Ондрѣя Дмитреевича,[117] а веля ему извѣстно опытать о великомъ князѣ Василии, но и от очию же слезы испущаше. И вдохновенъ бысть милостию Спасителя Бога и въсхотѣ же стати по своемъ братѣ по великомъ князѣ Василии, но якоже Ярославъ[118] такоже и сотвори.

И той же зимы послал князь великий Борисъ на Вологду намѣстника своего кашинскаго, князя Феодора Шуйскаго,[119] по своего брата, по великого князя по Василиа. А слово же свое рекъ въ слухъ всѣмъ человѣкомъ: «Но буди вамъ вѣдомо, оже нам Богъ даст, но хощемъ быти за един, Борис — Василей, а Василей и Борис». И промчися слово то и до Московскиа земли, но слышав же людие, князѣ и боляре, от великихъ да же и до простых, но иже сих два воеводы но совокупляються, и полѣтеша же яко высокопарнии орли или яко пчелы на собрание цвѣтовно. От всѣхъ странъ стицахутья людие в дом Святого Спаса и к великому князю Борису Александровичю, но и онъ же приимаа их, и упокоиваа ихъ, и утѣшая ихъ, и подмагаше ихъ иже кто

чимъ скуденъ, но и писано бо есть: «Ваш избыток во онѣх недостатокъ будет».[120] Но и всѣх ихъ отпущаще ко своему брату, к великому князю Василию.

Но и мы же на преднее взыдемъ. Князь же Феодоръ прежереченый Шуйский прииде на Вологду к великому князю Василию, рекый: «Брат твой, князь великий Борисъ Александровичь, повѣствуетъ: “Брате, князь великий Василей, сталося в нашей земли таково но паче же над тобою, над нашимъ братомъ, но что же и от статиа вѣка и донынѣ такова бѣда не бывала. Но и нынѣ милостию Божиею и твоею любовию ко мънѣ, моего брата, но послахомъ к тобѣ, яко свое лице, но чтобы еси шелъ в домъ Святого Спаса и в мою отчину. Имыже помощию Божиею но какова сила, по толику потщимъся по тобѣ поборствовати”». Но и сие слышав князь великий Василей и въздохнувъ из глубины сердца своего, и прослезися, и рече: «Похвалю убо всещедраго и милостиваго Бога и его пречистую матерь от добродители своего брата, великого князя Бориса, и яко не остави мене въ скорби сей пребывати. Но понеже бо нѣкогда пришедшу на меня дядѣ моему, князю Юрию, с тымъ же съ своимъ сыном, со княземъ съ Дмитреемъ, изгонивъ мене со стола моего и отечества, и азъ же не обрѣтохъ обителища ни у когоже, но развѣе в дому у Святого Спаса и у съвоего брата, у великого князя Бориса Александровича.[121] И онъ же преупокоил мя».

Князь же великий Борисъ плакашеся о своемъ брате, о великомъ князѣ Василии, и о отпадении государства его. И князь же великий Василий плакащеся о милосердии и о любвѣ брата своего, великого князя Бориса и еже к нему. И князь же великий Борис плакаше, но преже бо видѣша брата своего великого князя Василиа добролѣпна, и добровидна, и господскым саномъ почтена, и нынѣ же уничижиина и нищевидна,[122] но от своей братии поруганна. Но князь же великий Василей ко лезамъ слезы прикладаше, но поминая же от своей братии ему поругание, и от государьства своего отпадение, и еже и великого князя Бориса к нему любественое. И плакастася оба на многочасии.

Тако же и великии княгини Настасиа с великою княгинею Мариею[123] обымастася, и ти плакастася неутѣшно. Но яко и многимъ чловѣкомъ, зрящимъ таких государей плачющеся, и от очию источникы слез ронящу. И плакавшеся им на долъзѣ, и поимастася оба по руцѣ и поидоста вечеряти. И тако же и великая княгиня Настасиа с великою княгинею Мариею, имьшеся и ти по руцѣ, и поидоста на ту же трапезу вечеряти, и сѣдоста ясти. И егда же имъ было ясти, или пити, или веселитися, и тогда онѣ въвеселиа мѣсто плачь предлагаше. И великий же князь Борисъ обыимься со своимъ братомъ, с великим князем Василиемъ, и плакастася. Тако же и великия княгиня Настасиа обымъшеся со своею снохою, великою княгинею Мариею, и ти

плакастася; но и нѣсть иже утѣшающаго ихъ, но развѣе рече пророкъ Давыдъ: «Обратилъ еси плачь мой в радость мнѣ».[124]

Той же зымы послал князь великий Борис своего посла Ивана Давыдовичя на Москву, ко князю Дмитрею, а веля ему отступити великого княжениа и великому князю Василию отдати да и сыну его, князю Ивану, а великую княгиню Софию веля ему выпустити и казнь отдати. И князь же Дмитрей княгиню великую хотя выпустити и казнь отдати, а великого княжениа отпуститися не хотя.

Но той же зимы по малехъ днех князь Дмитрей Юриевичь, зовомы Шемяка, собрав въя своя многии, поиде с Москвы на Волокъ, а ркучи тако людемъ: «Иду на великого князя Василиа. И аще ли станет за него князь Борис, то и на Бориса иду». Но кто сему велерѣчию не удивиться, но и единому не одолѣвъ, а на другаго хвалиться? А княгиню же свою посла в Галичь, а Москву осадилъ.

Но той же зимы послал князь великий Борисъ на Волокъ ко князю Дмитрею посла своего Александра Садыка,[125] а ркучи таково: «Повествует князь великий Борис: “Но что стоишь въ отчинѣ брата моего великого князя Василиа, а мою пустошишь?! Но и ты бы пошел въ свою отчину и да оттоле билъ челомъ брату моему. А не поидешь прочь, ино азъ готов со своимъ братомъ на тобя”»; а срок ему положил в неделю.

И онъ же и срока не ждалъ, и побеже неготовыми дорогами. А посла князя великого Бориса со собою взял и послѣди же отпусти его с честию и с челобитиемъ к великому князю, чтобы самъ пожаловал а у брата бы ся печаловал.

Но той же зимы по малых же днехъ послалъ князь великий Борис воеводу своего Лва,[126] а князь великий Василей своего воеводу Плещеева к Москвѣ. И толь бо дивно: с града изгониша в малѣ 90 или во 100 человѣкъ, и намѣстника изымаша, и град засѣдоша. А во градѣ том николико тем человѣкъ сѣдило. Но кто же *смеяше* руки подняти противу такых двух государей!

Но той же зимы за малы дни поиде князь великий Борисъ за княземъ Дьмитреемъ, собрав въя своя многа. А с ним брат его князь великий Василей выиде от славнаго града Тфѣри. За 30 поприщь до градака,

зовомаго Редена,[127] и прииде вѣсть, что, де, и князь Дмитрей побеже в далняя части земля. И князь же великий Василей нача молити великого князя Бориса, да бы ся възъвратил, но понеже князь Дмитрей показа плещи свои, а очи свои възвратил воспятъ и побеже. Но князь же великий Борис и умерети обѣщашеся с великим князем Василиемъ. И когда же умолим бысть от него, и тогда подаде брату своему честь велику, великому князю Василию, и дары многы, и отпусти его на первое его государство.[128]

И князь же великий Василей восхотѣ поити ко граду Углечю, и идѣже было княжение Дмитреево жилище, а его узилище. И князь же великий Борис отпусти с нимъ силных своихъ и крѣпчайшихъ воеводъ, Бориса Захариинича да брата его Семена Захариинича[129] и с ними множество, а преидоша малыми деньми. И приидоша под град прежереченый град Углече, и гражане же не восхотѣша града отворити. И князь же великий Василий посла к великому князю Борису, а рекый: «Бес тебе, брате, и малый град не отвориться мнѣ». И князь же великий Борисъ посла к нему своего сына боярского и с нимъ пушечника с пушками, именем Микулу Кречетникова. Но таковъ бѣяше той мастеръ, но яко и среди нѣмець не обрѣсти такова. И егда же привезоша пушкы, и тогда въеводы великого князя Бориса Александровича, Борисъ да Семенъ, яко добрии и храбрии въини служаху государю своему, великому князю Борису Александровичю, и начаша вооружатися в мѣстныа браня, а пушкы же поставиша под самым градомъ и повелѣша бити, а сами начаша приступати, но яко всѣмъ москвичамъ дивитися храборьству ихъ, и дерзности их, и великому ихъ умѣнию. И гражане же видьвше дерзность сыновъ тфѣрскых и великого князя Василиа крѣпость, и убояшася, и град отвориша.[130] И князь же великий Василей ничтоже зла граду тому не сотвориша, и омири их и град осади. И поиде за своим недругом, за княземъ Дмитреем, къ Ярославу,[131] и с ним великого князя Бориса Александровича Борис Захариинич да Семенъ.

Но той же зимы государь нашь князь великий Борисъ Александрович восхотѣ поискати изгыбшей драгмы,[132] и собрать расточенныя, и совокупити во едино стадо, и да будет един пастырь, но еже восхотѣ поити ко граду Ржевѣ. И бысть тако. И посла преже себе своихъ воевод, князя Дмитрея Феодоровича[133] да Григориа Никитича.[134] Гражане же ржевичени како же не восхотѣша отворити, но и еще же, показующе мужество свое, выхожааху изь града и биахуся с воеводами великого князя Бориса. И воеводы же великого князя Бориса овии биаху, а иныхъ руками имааху и присылаху к великому князю Борису Александровичю, а веля ему самому государю подступати под град, понеже князь великий Борис не восхотѣ сам поити под той мал град. Но градок той аще ли мал, но твердъ, и велми приправы градскые на нем велми много.

Князь же великий Борис Александровичь и восхотѣ на свою утѣху поехати ниже есть лѣтнее обиходище якоже и преже и во свой град, еже зовомый Опокы.[135] Но предстояшу же ему близ того града прежереченаго Ржевы, но якоже бысть зрѣимо, и посла ко ржевичем своего болярина Констянтина Констянтиновича, а веля им град отворити, а рекый: «Прадѣдина есть наша, а коими се было дѣлы досягли были наши братиа, великие князи московские. А нынѣча милостию Божиею нашего ся намъ отступают. Но вы на кого держите град сий?» Они же смердове, акы аспиди глухии, затыкающе ушеса свои и не хотяаше слушати речей государевых, но наипаче град постраиваше и себя укрѣпляаше. И начаше посады зажигати сами.

И слышав же сие князь великий Борис Александрович и посла своихъ воевод, Данила Григориевича да Карпа Феодоровича,[136] и иных многых воевод, а веля имъ гасити посады, а гражаномъ претити. И они же пришед, сташа под градомъ. И к тому же не смѣяше никто из града исходити.

А наутрие же князь великий Борис въсхотѣ посмотрити града. И поехал в малѣ под град, а мня ся утаити, да бы не познан был гражаны того града, и поехааше в тайнѣ. И егда же таяшеся, и тогда наипаче являемъ бывааше, и яко денница пред солнцем или яко заря пред свѣтомъ. И мнози бо человѣци видѣвъ государя, но овии в борзе совгоняхут противу его, а инии с коней метахуся. Но и елма ихъ отривааше, но тои болма ихъ пребывааше. Князь же великий Борис Александрович но яко солнце свѣтящеся посреди всѣхъ человѣкъ. Но понеже бо и писано есть: «Не может град укрытися, верху горы стоя».[137] И тако же и сей славный государь, великий князь Борисъ Александрович, не может утаитися в такой велицей силѣ. Но якоже луна в нощи, тако и онъ свѣтяся посреди всѣхъ человѣкъ.

И озрѣвъ той град прежереченый Опокы, и на утрии же день в понеделничной выступи князь великий Борисъ Александрович сам и с нимъ князей и боляръ множество, и поиде ко граду Ржеве. Но тольми бо видѣти дивно, якоже всѣмъ человѣкомъ дивитися премудрости и храбрости славнаго того государя, но како уставляше полкы, но якоже бысть кому *от* ногот учився такой хитрости, но не мощи навыкнути, но тако великий князь Борис розряди полкы; и видѣти же гражаном, но якоже бысть нѣкая великая рѣка лиющися и пакы море колыблющеся и так блещахуся, яко нѣкии свѣтилници горяще идалеча зрѣти. И бысть гроза силна, како исполчишася ко граду. Но и бысть дивъству достойно зрѣние, но таци бо суть храбрии у великого князя Бориса Александровича, овѣх двѣ или три за единою дскою вратною под град приидоша, а иныи за щиты нолны до самы стены прискакааху. Но съ града же биаху овии пушками, а инии пращами, а друзии камение

метааху, а овии стрѣлами, якоже дождем пущаху. Но милостию Божиею но ничимъже невреженѣ вои великаго князя Бориса Александровича.

И на утрии же день суботный повелѣ князь великий Борисъ пушками бити град, и тол бо грозно, но якоже от великого того грому многым человѣком падати. А инии начаша туры[138] рядити и повезоша под град, а инии воду отъаша у града.

И бысть туга во градѣ немала; но и толь бо дивно видѣти, но якоже и град содѣла турами противу града и пушкы поставиша; но и ржевичи же видѣвъше храбрость и умѣние великого князя Бориса Александровича и дерзость сыновъ тфѣрскых, и убояшася. И начаша присылати и бити челом славному государю, великому князю Борису Александровичю, но да бы сотворил милость над градом; и князь же великий Борисъ обѣщася помиловати их. И въи же великого князя Бориса глаголюще: «Но повели намъ приступати ко граду и да предадим мы град огню!». И князь же великий Борис не повели прошению их быти, но хотяаше милость сотворити на градѣ. Но вои же великого князя Бориса устраивахуся ко граду. И гражане же беспрестани присылааху и биючи челомъ велкому князю Борису Александровичю, и да бы их помиловал.

И князь же великий Борис пожаловал ихъ и сотвори над ними милость. И граждане же с радостию отвориша град в той же день, в который день приступил князь великий Борнс Александрович под град, и в той день и отвориша.

И князь же великий Борис не восхотѣ вьехати во град того дни. Но поехал во свой град прежереченый Опокы. И егда же въихалъ въ град Опокы, и тогда того же дни прииде к нему посолъ от его брата, от велкого князя Казимира королевича, именем Давъкши, и принесе ему дары велиции от злата, и от камок драгых, и от сосудов златых, и от оружиа, и от коней борзых и иноходых. И егда же подаваше великому князю Борису злато или камкы, и онъ повелѣвая своим приимати, а самъ ни о чемъже о томъ не брегоша. Но егда же подаде ему меч, а молвячи от него ему брата, но веля ему тѣмъ мечемъ непокорящаяся ему казнити, а покорящаяся ему честь им въздаяти, и тогда князь великий Борис своима рукама приимъ меч той. И ржевичи же видѣвъ той промыслъ и храбрость славнаго государя, но велми устрашишася, и ркущи в собѣ: «Но храбръ съй князь. Но ни о чемъже не обрежет, а меч любит».[139]

Но князь же великий Борис восхотѣ поехати ко граду Ржеве в день въскресениа. И полѣтѣ, якоже высокопарний орлъ на свой ловъ. И ржевичи же срѣтоша его на полѣ, и архимандриты же, и игумены, и попове, и прочии людие вси града того сретоша со кресты великого князя Бориса Александровича. И бысть радость велика во градѣ том, но яко дарова им Богъ государя, и пастыря, и истиннаго христолюбьца, и защитника земли ихъ.

Но князь же великий Борис слушав Божественыи литоргии въ храми пресвятыя Богородици, но и оттолѣ поиде на свой дворъ. И позвавъ пировати своих князей и воевод и тъ земцевъ сущих и подаде имъ честь великую. И пребыв во градѣ том два дни, а на третей день поѣхал во свояси.

Но той же зимы на Федоровѣ недели[140] приидоша воеводы великого князя Бориса, Борис Захарииничь да Семен, со всѣмъ войском добри здрави.

И той же зимы князь Дмитрей выпусти великую княгиню Софью из нятиа.

Но той же зимы приидоша посли от Великого Новагорода[141] и добиша челом великому князю Борису Александровичю на всей волѣ, но как положи Богъ по сердцу великому князю Борису Александровичю, как и пожаловати. И тако они челомъ добили и поруб тфѣрской весь отдаша; а что воеводы тфѣрскиа ходив повоевали землю ихъ и что иное у них поимали, и тому всему погреб.

Но той же зимы послал князь великий Василей на князя на Дмитрея да на князя на Ивана на Ондрѣевича на Кострому дву царевичъ, Трегуба да Агуба,[142] а с ними брата своего князя Михаила Андрѣевича и множество войска.

Но той же зимы князь великий Василей обручал дщерь у великого князя Бориса, княжну великую Марию за своего сына, за князя Ивана. И был на обруение томъ боголюбивый епископъ тфѣрскый Илиа и вси князи и велможии, и елико их под областию великого князя Бориса; а з другиа страны — самъ князь великий Василей, а с ним князей и боаръ множество. Но таковѣй бо тѣснотѣ сущи, но якоже ни граду их не вместити. И бысть радость велиа. Но якоже и преди рекохомъ, но

обратил Богь плач на радость. И москвичи же радовашеся, яко учинися Москва Тфѣрь, а тфѣричи радовашеся, якоже Тьфѣрь Москва бысть, но два государя *воедино* совокупишася.

Но той же зимы прииде князь Василей со Тфѣри на Москву и седе на великое княжение владимерское[143] поможениемъ и любовию брата своего великого князя Бориса.

Но той же зимы послал князь великий Василей к великому князю Борису помыслы свои постраивати мира, но наипаче же собѣ взяти любовъ сердечную.

И ей, сбыстся. В лѣто 6956 прииде литва нѣкъто воеводка, именем Ярославко, князя Ивана Бѣлскаго[144] и засѣде Ржеву крамолою и совѣтом ржевскым. И того же лѣта послал князь великий Борис свою силу ко Ржевѣ. И онѣ же стоаше и волости повоевали, а града же не взяша и отступиша.

И той же осени король великополский, краковские и великий князь литовский Казимиръ собра воя свои многи и восхотѣ поити ко Тфѣри на великого князя Бориса. И слышав же сие князь великий Борис, и поиде противу, и събра своя силы многы, и еще же прииде к нему на помощь князь Иван Ондрѣевич Можайский. И слышавъ же сие король, но яко князь великий Борис грядет противу со многою силою, и начаста межи себя послы ссылати, и в той час взяста межи себе миръ и възвратистася коиждо во своячи. А Ржевы отступися король великому князю Борису.

В лѣто 6957. Князь великий Борис Александрович посла свои намѣстникы опять на Ржеву.

В лѣто 6960. Женися у великого князя Бориса сынъ князя великого Василиа, князь великий Иван, и поя за себе княжну великую Марию. И того же лѣта поча князь великий Борис ставити церковъ каменную на своемъ дворѣ Святого Михаила[145] на сънѣх. И того же лѣта князь великий Борис повелѣ около Тфѣри ровъ копати.

В лѣто 6961. Приходил князь Дмитрей Шемяка под град Кашинъ. Но прииде бо не яко есть обычай есть князем или воеводам мужествовати

явѣ, но, яко есть хищникъ, тайно прииде и никомуже его вѣдущи; но не бѣ бо сынъ свѣту, не ходитъ въ дне, но прииде в нощи до звону заутреняго. И людемь же тогда всѣмъ по Божественым церквам молитву творящим, но бяше день неделный. Нача же и посады зажигати. А людей же въ граде велми мало, но понеже бо никому невѣдомо; а намѣстници же тогды на Кашине были: Иванъ Яковлич,[146] да Констянтин Феодоровичь, да братъ его Феодоръ Феодоровичь. И начаша совѣщеватися с тысящникы земьскыми и с боляры, и ркуще в собѣ: «И аще ли нас мало, но поидем противу ихъ. Но силенъ бо есть Богъ милостию своею. Но аще ли восхощет Богъ, то и малыми великая побѣдит. И нѣсте ли слышали писаннаго: но единъ тысящу побѣдит, а два тму, и аще ли Богь повелит». И поидоста противу, и ркуще: «Господи, услыши молитву нашю! И на тя, Господи, уповах, спаси нас! Не на лук бо нашь уповаемъ! Ни оружие соблюдает нас, но яко ты еси самъ царь Богъ нашь, но аще ли восхощеши, но та вся возможна тебѣ. Но и мы же о тебѣ похвалимься весь день, и о имени твоем уничижим вся въстающая на ны. И ненавидящая ны потребѣ, Господи. Но и нынѣ, Господи, самъ видиши князя Дмитрея церкви Божии огневи предающа. И о сем не премлъчи, Боже. И аще ли бы ны враг пришел, рекъше тотаринъ, но претерпѣли бы быхом от него. Но сей же единово крещениа христианства с нами, а дѣла тотарьская творит, но еже образовъ Божиих не пощадил. И уста его умножишася злобы, и сердце его собра безаконие собѣ. Но ты же, Господи, не предай же нас до конца в руцѣ врагу церквам Божиимъ, но и о семъ познаим, яко не възрадуеться о нас враг, и в поношение безумному не дай же нас!». И в той час поидоста изъ града противу ратным. И помощиею же Божиею и частиюм государя нашего, великого князя Бориса Александровича, но овѣх бѣша, а овѣх живых поимааше, а инии язвленнии злѣ живот свой скончаша.

И князь же Дмитрей, видѣвъ помощь Божию воеводам великого князя Бориса, но побѣже, и прииде на мѣсто, глаголемое Киасово. И всхотѣ стати от труда почити, но и видѣ свое войско безсчислено умирающи, иже суть язвлении. Не токмо ти умирающи злѣ, но и еще и здравыхъ болши 500 человѣкъ отступиша от него. Но ведущи, яко надежда его обетшевает и съвѣты его Богъ разссыпает, и оттолѣ побѣже. И никтоже его не вѣсть, гдѣ бѣ, но взыскахом бо его и не обрѣтохомъ и мѣста его. Мнози бо глаголют: се здѣ или ондѣ, но и никтоже его не вѣсть. Но мню, послѣдняя его зрит в погибель.

И той же осенѣ посла князь великий Борис за тым же князем Дмитреемъ воеводу своего, князя Андрѣя Дмитреевича да князя Михаила Дмитреевича же,[147] и иных многих. Но и они же за ним хожаше много и не нашедше его, но понеже крыяшеся в пустых и непроходимых мѣстех; и воеводы же великого князя Бориса приидоша добри здрави.

Но той же осенѣ послал князь великий Борис посла своего Ивана Давыдовича в Суздаль обручати за себя княжну, дщерь княжу Александрову Суздальскаго. Той же зимы, за неделю до мяснаго заговѣниа, приведена бысть княжна Настасиа[148] за великого князя Бориса. И вѣнча их Илиа, владыка тфѣрский въ Святом Спасѣ; и народу же ту сущи многу, не токмо ихъ церкви не мѣстити, но ни граду. Но бысть радость и веселие велие, но не токмо, но и на многы дни.

Но той же зимы заложи князь великий Борис город среди езера и нарекы имя ему Троки.[149] И съверъши его во едину неделю.

Но хвалимъ убо преблагаго Бога, и подавшаго нам государя таковаго и земли Тфѣрской строителя; но сиает бо яко солнце, и златыи луча испущающи. Но о сем бо и Павелъ апостолъ учит ны, якоже добрыми словесы почитайте государя своего. Но понеже бо и земля напааема, но что всѣяно в ню сѣмена, и то с прибытком възрастит.

И хотя бо кто добрая словеса изглаголати о своемъ государи, и да просит у Бога слова на отверзение устомъ, и аще ли человѣкъ ища разума, той долженъ есть навыкнути слову. Но якоже рече Исаиа пророкъ, рече: «Господь даст ми языкъ».[150] И Приточникъ[151] же рече: «Сотове медвении словеса добраа, и сласть же ихъ — исцеление души»,[152] и: «По воздании же устъ его въздасть ему».[153] Понеже бо и Павелъ апостолъ к римляномъ рече: «Но возлюбихъ бо вы, да нѣкое слово подах вы».[154] Но да възлюбите и вы уста глаголюща добро о великомъ князи Борисѣ.

И сей благовѣрный и благородный и христолюбивые великий князь Борис Александровичь но ун сый оста отца своего великого кънязя Александра Ивановича, но и прият скыпетры тфѣрскаго чиноначалиа; брат его старѣйший князь великий Юрий…[155]

---

[1] *…инока Фомы слово похвалное…* — Инок Фома упоминается как автор только в первой из шести частей, на которые распадается комментируемый памятник, в связи с этим высказывалось предположение, что имя его как автора было вставлено переписчиком по догадке; однако большинство исследователей считают его автором всего Слова в целом.

[2] *Елма... възвеселяться людие...* — Ср. Притч. 29, 2.

[3] *...Иван Дамаскын...* — Иоанн Дамаскин (673—777 гг.) — один из отцов церкви, богослов, писатель, гимнограф.

[4] *...иже от Владимера, добрѣ да ублажим...* — Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.), князь киевский, креститель Русской земли.

[5] *...«И иже въ отець... сынове твои»...* — Пс. 44, 17.

[6] *...Моисея того именуют... новаго Израиля... добрѣ правящи.* — Моисей — пророк, освободитель и законодатель еврейского народа.

[7] *...втораго Констянтина...* — Константин Великий.

[8] *...юноша, и девы, и старци со юнотами...* — Пс. 148, 13.

[9] *...«Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя».* — Ср. От. 15, 3.

[10] *...новаго Ярослава...* — Киевский князь Ярослав Владимирович Мудрый (ум. в 1054 г.), сын Владимира I Святославича, крестителя Руси.

[11] *...око бѣ слепым и вож хромымъ...* — Иов. 29, 15.

[12] *...«Наипаче царскыя славы обьятъ мя лице твое».* — Ср. Быт. 46, 30.

[13] *...«Сладка есть словеса твоя... устом моимъ».* — Ср. Пс. 118, 103.

[14] *...бывшу стязанию о православной вѣре христианомъ с римляне.* — Речь идет о Ферраро-Флорентийском церковном соборе (1438—1439 гг.), ставившем своей целью соединение западной и восточной церквей (см.: «Хождение на Флорентийский собор» в т. 6 наст. изд.).

[15] *...царю же цариградскому Иоанну възвѣстивщу в послании... И приимъ же царская послания великий князь Борис Александрович...* — Византийский император Иоанн VIII Палеолог (1425—1448 гг.), инициатор и участник Ферраро-Флорентийского собора. Текст неясен и исправлен предположительно по смыслу. В рукописи: «возѣстиша» переправлено из «въвѣстити наши послании», и далее: «царская послания великаго князя Бориса Александровича». Если бы это чтение было верным, то следовало бы предполагать, что еще до приглашения принять участие в соборе Борис отправил со своими посланцами «царская послания» императору (послания тверского великого князя могли именоваться «царскими», так как и далее автор именует Бориса «царем»); император принял их с радостью. Но текст приходится считать дефектным, так как далее идет речь не о том, как поступил император, получив послание Бориса, а о том, как Борис чествовал императорских послов и готовил своего посла.

[16] *...епископа Илию...* — Илья, епископ тверской (упом. в 1437, 1438, 1451 гг.).

[17] *...посла... именем Фому...* — Фома, тверской посол на Флорентийском соборе, упоминается и в других памятниках, в том числе и западных (в одном случае как «Фома Матвеевич»).

[18] *...на Немецкую земълю...* — Очевидно, земли немецкого Ливонского ордена, с которыми граничила Псковская земля.

[19] *...Курвскую землю...* — Курляндия, часть Ливонии.

[20] *...Жмотьскую земьлю...* — Жмудская земля, часть Литвы.

[21] *...Прускую землю...* — Земли немецкого Прусского (Тевтонского) ордена.

[22] *...Словенъскую землю...* — Название непонятно, может быть, речь идет о земле лужицких сербов.

[23] *...Любутскую землю...* — Название не совсем понятно: если речь идет о ганзейском городе Любеке, то это противоречит дальнейшему изложению, где речь идет, очевидно, о более близких к началу маршрута германских землях.

[24] *...Морьскую землю...* — Возможно, что речь идет о северо-восточной немецкой земле — Померании.

[25] *...Жуньскую землю...* — Очевидно, «Зундскую землю»; возможно, речь идет о немецком прибалтийском городе Штральзунде.

[26] *...Свѣйскую земьлю...* — Это указание особенно усложняет описание маршрута тверских послов. Едва ли русские послы могли ехать через Швецию (и сразу из нее попасть во Флоренцию); судя по другим описаниям путешествия во Флоренцию, из Германии русские послы ехали через Тироль и Триент (Тридент); поэтому если «Свейская земля» означает Швейцарию, то это указание также неточно.

[27] *...ту наехалъ есми папу римьскаго Евгениа...* — Папа Евгений IV (1431—1447 гг.); если первое лицо («есми») в этой фразе не является ошибкой в рукописи, то автор может считаться участником посольства во Флоренцию.

[28] *...и вселеньскаго патриарха Иосифа...* — Константинопольский патриарх Иосиф II (1416—1439 гг.).

[29] *Ираклийский митрополитъ Антоней рече...* — Здесь начинаются явно легендарные речи в честь тверского князя двадцати двух митрополитов православных церквей (византийской, русской, болгарской, молдавской, грузинской), участвовавших в работе Ферраро-Флорентийского собора.

[30] *...и крѣпостию съвершаяся, а мужство...* — Окончание речи ираклийского митрополита Антония утрачено, так как далее в рукописи вырван лист, на котором, вероятно, были также записаны речи

митрополитов: Марка Эфесского, Исидора Русского и Досифея Монемвасийского.

[31] *...от двою или триехъ свѣдителей станетъ всякъ глаголъ истиненъ.* — Ср. Вт. 19, 15; 2 Кор. 13, 1.

[32] *...милость на судии хвалиться...* — Иак. 2, 13.

[33] *...Блажени милостиви... будутъ...* — Мф. 5, 7.

[34] *...но и до Царствующаго града и до Святыя горы...* — Имеются в виду Константинополь (Царьград) и колония православных монастырей на полуострове Афон.

[35] *...И аще ли кто напоитъ чашу... мъзду прииметь».* — Ср. Мф. 10, 42; Мр. 9, 41.

[36] *...подобенъ есть великому царю Констянтину. Онъ бо съ святыми отци на 1-м съборѣ былъ.* — Византийский император Константин Великий участвовал в Первом вселенском церковном соборе (325 г.). В рукописи ошибочно: «7-съборѣ».

[37] *...«Сий день, иже сътвори Господь... възвеселимься во нъ!»* — Пс. 117, 24.

[38] *И мы же почтохомъ такова писаниа и удивихомься...* — Это замечание и заставляет сомневаться в том, что Фома, автор Слова, читавший «похвалу святыхъ отець о великомъ князѣ Борисѣ», записанную по приказу посла Фомы, идентичен этому послу.

[39] *...«Обрѣтох мужа по сердцу моему... до вѣка».* — Ср. Пс. 88, 21—30.

[40] *...«Благословенъ Богъ Симовъ».* — Быт. 9, 26.

[41] *...Распространитъ Господь Афета ...села Симова».* — Быт. 9, 27.

[42] *...слыша южескаа царици премудрость Соломоню и прииде от конець земли, и слышати хотя премудрость Соломоню?* — В Библии повествуется, что царица Савская (из южной части Аравии), наслышавшись о необычайной мудрости еврейского царя Соломона, решила лично убедиться в достоверности слухов и совершила поездку в столицу Соломона. См. 3 Цар. 10, 1—2.

[43] *...нареку его Тивириа кесара Правосудна. Но Тиверий не повели людемъ своимъ въ красныхъ ризахъ и въ златыхъ блистаниихъ предъ собою ходити.* — О Тиберии, римском императоре (14—37 гг.), писали, что он жил в простоте, собственным примером борясь против роскоши общества.

[44] *...нареку его Премудраго Лва...* — Лев VI Мудрый (886—911 гг.), византийский император.

[45] *...иже просвѣщаютъ... человека, грядущаго в миръ.* — Ср. заключительную молитву службы Первого часа в Часослове.

[46] *И Августа его нареку, и при неможе имена человечьская напишася...* — Август — римский император (27 до н. э. — 14 н. э. гг.); при нем была произведена очень тщательная перепись населения. Эта перепись упоминается в Евангелии от Луки в связи с рассказом о рождении Иисуса Христа.

[47] *...Семиона ли его нареку златоструйнаго и любокьнижнаго или Птоломию Книголюбца?* — Речь идет о болгарском царе Симеоне (893—927 гг.), покровителе литературы и книжности, которого сравнивали с другим книголюбцем древности, царем Птолемеем Египетским (ум. в 283 г. до н. э.), создателем публичной библиотеки в Александрии.

[48] *...Констянтина ли царя его нареку, или Устиана царя, или Феодосѣя, царя благочестиваго, иже и соборы утвердиша православна ихъ крестианства?* — Имеются в виду византийские императоры, принимавшие деятельное участие во вселенских соборах христианской церкви: Константин Великий, участвовавший в 325 г. в Никейском первом соборе; Феодосий Великий, участвовавший в 381г. в Константинопольском первом соборе; и Юстиниан Великий, созвавший в 553 г. Константинопольский второй собор.

[49] *...по Владимерѣ приатъ такую великославную честь...* — Имеется в виду Владимир I Святославич, креститель Руси.

[50] *...Моисѣя великого нареку его... еже проведе израиля немокреными стопами сквозѣ Черьмное море?* — Согласно Библии, Моисей, выводя еврейский народ из египетского плена, чудесно провел его через Красное море. См. Исх. 14, 1—32.

[51] *...Иосифа... егоже постави Богъ господина надо всѣмъ Егыптомъ? Но той толико пшеницею препиталъ градъ Егыпет...* — В Библии повествуется, что Иосиф сделался верховным правителем Египта и спас народ от голода, прокормив его сбереженной в урожайные годы пшеницей. См. Быт. 41, 1—57.

[52] *...Григорей Богослов...* — Григорий Богослов (IV в.) — один из отцов церкви, богослов, писатель, поэт.

[53] *...Иаковъ, братъ Божий...* — Иаков — один из апостолов, именуется в христианской традиции братом Иисуса Христа, согласно одной версии — потому, что был сыном Иосифа Обручника от первой жены, согласно другой — потому, что принадлежал к числу двоюродных братьев Иисуса Христа; ему принадлежит одна из книг Нового завета «Соборное послание святого апостола Иакова».

[54] *...якоже оноя вдовици двѣ лѣпте...* — В Евангелии повествуется о бедной вдове, пожертвовавшей в иерусалимский храм две лепты (лепта — денежная единица) «от скудости своей» и тем превзошедшей всех, жертвовавших много, но «от избытка своего». См. Мр. 12, 42; Лк. 21, 2.

[55] *...пою пѣснь побѣдную, якоже и Мариамъ древле...* — Согласно Библии, сестра Аарона Мариам воспела восторженную песнь Богу в честь перехода евреев через Красное море. См. Исх. 15, 20—22.

[56] *Аминь.* — Эта концовка, возможно, обозначает окончание первой части памятника, посвященной Флорентийскому собору, и переход к другой — теме войны с Москвой.

[57] *...Тфѣрьская же земля... Михаилом хвалящеся...* — Имеется в виду Михаил Ярославич, великий князь владимирский и тверской (1304—1318 гг.), убитый в Орде, или Михаил Александрович, великий князь тверской (1368—1399 гг.), претендовавший в 1375 г. на великое княжение владимирское.

[58] *...иже просвѣщают... человека, грядущаго в миръ.* — См. выше.

[59] *...гордыя съ власти сверже, а смиренныя на престолѣ со собою посади...* — Начало княжения Бориса Александровича было ознаменовано борьбой с удельными князьями. После смерти его деда Ивана Михайловича и кратковременного правления отца Александра Ивановича и старшего брата Юрия Александровича в 1425 г. престол занял Борис. Но у Юрия был сын, Иван Юрьевич, который мог считаться прямым наследником престола; однако Борис не допустил его к власти, дав ему небольшой удел — Зубцов. В том же 1425 г. Борис лишил престола и заточил старого соперника своего деда — Василия Михайловича Кашинского.

[60] *...въ дни Авраама, егда бѣ пленень бысть Лотъ.... и възврати сыновца своего.* — О возвращении Лота из плена Авраамом см. Быт. 14, 14—16.

[61] *...нѣкто от предѣлъ московскихъ, именемъ Колычевъ, и тъй прииде в силѣ тяжцѣ, хотя пленити сына брата его, князя Юрия Александровича.* — Иван Юрьевич, князь зубцовский, племянник Бориса; Колычев, нападавший на тверские земли, был, очевидно, одним из сыновей Федора Колыча, родоначальника Колычевых. Андрей Федорович Колычев погиб в 1445 г. в бою с татарами под Суздалем.

[62] *...и гнаша ихъ до Сижешкы, и еже есть ошуюю Ржевы.* — Ржева, Ржев — город на границе между Тверским и Московским княжествами и Литвой; был постоянно предметом спора между этими землями. Река Сижешка, по-видимому, идентична реке Сишке вблизи Ржева или Гастижке вблизи Зубцова. Нападение москвичей на тверские земли происходило, очевидно, перед 1439 г., так как в этом году был заключен договор, упоминающий пленных, захваченных во время столкновения между княжествами.

[63] *...«И никтоже бы своего ищетъ, но дружняго».* — 1 Кор. 10, 24.

[64] *...«Въспроси отца своего... елико видѣша и слышаша».* — Вт. 32, 7.

[65] *...ревнуя по своемъ праотцѣ, великомъ князе Борисе Александровиче.* — Текст явно испорчен. Среди предков Бориса не было князя Бориса Александровича; речь идет, вероятнее всего, о Михаиле Александровиче Тверском.

[66] *...великого князя Ивана Михайловича.* — Дед Бориса Александровича Иван Михайлович, великий князь тверской (1399—1425 гг).

[67] *...манастырь близу... града Тфѣри на рѣцѣ Тмацѣ и нарѣкова церковъ 3-ю святители...* — Н. П. Лихачев считал, что речь идет о монастыре Святых отец, «иже в Никеи», который был разрушен литовцами в начале XVII в.

[68] *...князь же великий Александръ Ивановичь...* — Отец Бориса, бывший великим князем пять месяцев в 1425 г.

[69] *...манастырь устрои на рѣцѣ Перемере и нарече Благовещение пресвятыя Богородици...* — Благовещенский монастырь при впадении речки Перемерки в Волгу.

[70] *...манастырь на рѣцѣ Въръщинѣ и нарѣковахъ церковь самого творьца... еже ему на небеса Възнесению.* — Очевидно, здесь имеется в виду Вознесенский Оршинский монастырь, находившийся при впадении речки Орши в Волгу. Реки Ворщины в тверских пределах нет.

[71] *...входъ Господу нашему Исусу Христу въ градъ Иерусалимь, и от дѣтей еврейскыхъ велику почесть приимъ... «...осанна в вышнихъ» вопиахуть ему... и ризи свои постилахутъ... по пути.* — Согласно Евангелию, Иисус Христос при входе в Иерусалим с почестями был встречен народом, многие устилали его путь своими одеждами. См. Мф. 21, 8—10; Мр. 11, 8—10; Иоан. 12, 12—13.

[72] *Но и слуги же почти царя Христа, святыхъ великихъ мученикъ... Бориса и брата его Глѣба. И устрои имъ храмъ среди своего двора от камени бѣлаго...* — Борис и Глеб — сыновья киевского князя Владимира I Святославича, убитые по приказанию брата, Святополка Окаянного, первые святые, канонизированные в русской церкви. О создании церкви в честь Бориса и Глеба в Тверской летописи упоминается под 1438 г. Писцовая книга XVI в. сообщает, что храм стоял «на сенях», т. е. был связан с княжеским дворцом. В 1612 г. в нем произошел пожар, а к 1626 г. храм уже «завалился».

[73] *...при Соломонѣ въ Святая Святыхъ.* — Согласно Библии, царем Соломоном был воздвигнут храм Богу, Святая Святых, чудесно и богато украшенный.

[74] *...«Пытайте Писаний... жизнь вѣчную имате»...* — Ср. Иоан. 5, 39.

[75] *...святого Христова мученика Феодора.* — Имеется в виду византийский святой Феодор Тирон (сожжен на костре в 306 г.). В Тверской летописи строительство «града» (крепости) на месте

прежнего монастыря Феодора Тирона упоминается не под 6955 (1447), а под 6954 г., и говорится в связи с этим, что Борис «разорилъ манастырь... Феодора Тирона, а поставил город, архимандритию перевелъ къ святому Григорию Богослову и церковь поставил святаго Феодора». По мнению исследователя древнерусского зодчества Н. Н. Воронина, укрепление монастыря было лишь формой, в которую было облечено сооружение на острове княжеского замка с особым княжеским двором.

[76] *...якоже и Моисѣй новаго Веселеила...* — Согласно Библии, Веселиил был художником и строителем скинии, походного храма евреев. См. Исх. 31, 2.

[77] *...городню...* — Городня — сруб стены, засыпаемый изнутри землей.

[78] *Кашин* — крупнейший после Твери центр Тверского княжества; «запустение» Кашина было, вероятно, связано с уничтожением удельного княжества Кашинского в начале правления Бориса или с нападением Дмитрия Шемяки, сжегшего в 1453 г. посады Кашина.

[79] *...градъ въ области Клинской... тако же за многыя лѣта запустѣвший.* — Город Клин в Тверском княжестве был разорен татарами во время нашествия Едигея в декабре 1408 г. По мнению Н. Н. Воронина, «город в области Клинской» — это Городня, где, по сведениям дозорной книги 1614 г., находилась церковь Рождества Богородицы «строенья великого князя Бориса Александровича Тверского».

[80] *...Иоанну Златаусту...* — Иоанн Златоуст (ок. 350—407 гг.) — один из отцов церкви, знаменитый своими проповедями.

[81] *...апостольскыи книги имаши...* — Имеются в виду книги Нового завета: апостольские послания.

[82] *...почти Царства.* — Имеются в виду библейские Книги Царств, посвященные истории иудейского и израильского царств.

[83] *...«Всяко бо древо... познано будетъ».* — Мф. 12, 33.

[84] *...Дионисиа Арепагита...* — Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла, упоминается в новозаветной книге Деяния апостолов (см. Деян. 17, 34). Христианская традиция приписывает Дионисию Ареопагиту ряд богословских и христологических сочинений (Избр. соч. Ареопагита см. в т. 8 наст. изд.).

[85] *...«В память вѣчную будетъ праведникъ».* — Пс. 111,6.

[86] *...«память праведнаго с похвалами».* — Пр. 10, 7.

[87] *...убоимься притчи лениваго оного раба, съкрывъшаго таланътъ государя своего... прикуп не сътворшаго.* — Имеется в виду евангельская притча о человеке, отправившемся в чужую страну и

поручившем свои деныи (талант — денежная единица) своим рабам. Двое рабов пустили деньги в оборот и получили на них прибыль для господина. Ленивый же раб закопал порученный ему талант в землю и не получил прибыли. См. Мф. 25, 14.

[88] *...«Пасый Иизраиля»*. — Ср. Пс. 77, 71, 72.

[89] *«Упасе бо люди своя рукою... Ааронею»* — Ср. Пс. 76, 21.

[90] *...какъ царскому и праоческому престолу достоинъ есть великий князь Борисъ Александровичь.* — Упоминания о «царском престоле» Бориса Александровича, встречающиеся в Слове неоднократно, связаны, очевидно, с далеко идущими политическими претензиями тверского князя. Претензии эти получили отражение в памятнике начала XVI в. «Послание о Мономаховом венце», автор которого Спиридон-Савва, тверской монах, претендовавший на митрополичий престол, повествуя о переходе римско-византийских царских регалий на Русь, заканчивал изложение родословием тверских князей — потомков Владимира Мономаха.

[91] *...«Богатство аще ли спѣетъ, то не прилагайте сердца»*. — Пс. 61, 11.

[92] *...егоже бо отець сына биетъ, того и милуетъ...* — Ср. Евр. 12, 7—8.

[93] *...«И да даст ми ся томитель... сосуд буду избранъ Богу»*. — Ср. 2 Кор. 12, 7.

[94] *...И сей же бысть пожаръ в лѣтъ 6957.* — В Тверской летописи упоминаются виновники пожара 1449 г. — «Ростопчины дѣти, Иванко да Степуря», казненные по приказу Бориса Александровича.

[95] *...повелѣниа полагаеши, и не мимо идутъ.* — Ср. Пс. 148, 7.

[96] *...«Многы скорби праведнымъ... избавить Господь»*. — Пс. 33, 20.

[97] *...«Аще ли наказание терпите... обрѣтаеться Богъ»*. — Евр. 12, 7.

[98] *...«Многы раны грѣшному... обрящетъ милость»*. — Ср. Пс. 31, 10.

[99] *...домъ Святого Спаса...* — Речь идет о Спасо-Преображенском соборе, патрональном храме Твери, по которому и само Тверское княжество именовалось «домом Святого Спаса».

[100] *...король великопольский и краковьский и великий князь литовъский Казимиръ...* — Казимир Ягеллон, литовский великий князь с 1440 по 1492 г; в 1447 г. был избран польским королем (Казимир IV).

[101] *...недругъ бысть великому князю Борису и князю Дмитрею, зовомому Шемяцѣ.* — Дмитрий Юрьевич Шемяка, удельный князь галицкий, занимавший в 1446—1447 гг. московский великокняжеский престол.

[102] *Бог нам прибѣжище и сила... обрѣтших ны зѣло.* — Пс. 45, 2.

[103] *...«Надѣющейся на Господа... не подвижиться въ вѣкы».* — Пс. 124, 1.

[104] *...мученика Христова Дмитриа, и какъ о своихъ си людехъ глаголаше...* — Речь идет о византийском святом Димитрии Солунском; согласно житию, Димитрий Солунский, встав из гроба, отказался покинуть город Солунь (соврем. Солоники), где находились его мощи, и оставить без зашиты жителей, которым грозило нападение врагов.

[105] *...брата по своего по молодшаго, по князя Ивана Андрѣевича.* — Удельный князь Иван Андреевич Можайский, активный участник войны 1446—1447 гг. между Дмитрием Шемякой и Василием II, в июле 1447 г. заключил перемирие, а в сентябре — «докончание» с Василием Темным, в котором признавал себя «братом молодшим» московского великого князя; Борис Александрович выступил с Василием Темным «за один человек». Именование Ивана Андреевича «братом молодшим» Бориса связано, возможно, и с тем, что в сентябре 1447 г. Ивану Андреевичу был передан Бежецкий Верх, примыкавший к владениям тверского князя.

[106] *...от Шаврукова царьства...* — Царство Шахруха, сына Тимура, бывшего с 1409 по 1447 г. номинальным властителем всей территории, находившейся под властью Тимура перед его смертью. Столицей этого обширного царства (включавшего Среднюю Азию, Афганистан, Иран и Пенджаб) был Герат.

[107] *...от лѣтописца вкратцѣ...* — Летопись, используемая далее в Слове, не совпадает с так называемой Тверской летописью или Тверским сборником (ПСРЛ, т. XV) и во многом расходится с нею.

[108] *...хотя убити брата своего старийшаго великого князя Василиа...* — Подробный рассказ об этих событиях содержится в «Повести об ослеплении Василия II» (см.: т. 6 наст. изд., а также известия Севернорусского летописного свода 1472 года в наст. т.).

[109] *...еже зоветься Маковець...* — Название «Маковец» носит гора, на которой Сергий Радонежский основал Троицкий монастырь.

[110] *...старца Сергиа в поруку вписаша...* — Сергий Радонежский (ок. 1321—1391 гг.), основатель и игумен Троицкого монастыря, был свидетелем при составлении в 1389 г. завешания Дмитрия Донского (вокруг которого велись споры между его внуками), но в договоре Василия II с Дмитрием 1441 г., предшествующем феодальной войне, он упоминаться как свидетель, естественно, не мог. Однако в «Повести об ослеплении Василия II» Василий также упоминает Сергия: «...цѣловали есмя животворящий крестъ и сию икону... у сего же чюдотворцева гроба Сергиева».

[111] *...«Но что ся о злобе сильный... от земля живущихъ».* — Ср. Пс. 51, 3—4, 7.

[112] *...княгиню великую Софию посланъ въ Галичь...* — Согласно великокняжеской летописи, мать Василия II была сослана в Чухлому.

[113] *...коломенского владыку Варламиа...* — Участие коломенского владыки Варлаама вместе с будущим митрополитом Ионой в «поимании» Шемякой детей Василия Темного в других летописях не упоминается.

[114] *...«Но аще ли весь мир приобрѣсти... кака есть полза».* — Ср. Лк. 9, 25.

[115] *...князь Дмитрей послал посла своего к великому князю Борису Александровичю...* — В отличие от комментируемого летописца общерусские летописи (как и Новгородская четвертая) утверждают, что Борис Александрович уже с начала заговора Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского знал о нем и был его соучастником.

[116] *...твою отчину... да и наши отчины хощет предати тотаромъ.* — Об обвинении Василия II в пособничестве татарам, выдвинутом Шемякой, упоминается и в «Повести об ослеплении Василия II», и в Севернорусском летописном своде 1472 года.

[117] *...князя Ондрѣя Дмитреевича...* — Вероятно, Андрей Дмитриевич Дорогобужский, представитель княжеского рода, служившего в первой половине XV в. тверским великим князьям, а затем перешедшего на московскую службу.

[118] *...якоже Ярославъ...* — Очевидно, имеется в виду киевский князь Ярослав Мудрый, отомстивший Святополку Окаянному за убийство братьев Бориса и Глеба.

[119] *...намѣстника своего кашинскаго, князя Феодора Шуйскаго...* — Видимо, Федор Юрьевич Шуйский, внук великого князя суздальско-нижегородского Василия Дмитриевича. С XV в. потомки суздальских князей Шуйские превращаются в служилых князей при московском и, как мы видим из Слова Фомы, тверском дворе.

[120] *...«Ваш избыток... недостатокъ будет».* — 2 Кор. 8, 14.

[121] *...нѣкогда пришедшу на меня дядѣ моему, князю Юрию... не обрѣтохъ обителища ни у когоже, но развѣе... у великого князя Бориса Александровича.* — Василий II впервые нашел убежище в Твери в 1433 г. после победы над ним его дяди князя Юрия Дмитриевича (отца Шемяки).

[122] *...преже бо видѣша брата своего великого князя Василиа добролѣпна... и нынѣ же уничижиина и нищевидна...* — Здесь повествуется уже, очевидно, о личном свидании обоих князей после бегства Василия в 1466 г. в Тверь. В предшествующем тексте, однако, ничего не говорится об этом бегстве (речь идет только о приглашении, переданном через Шуйского) — возможно, что здесь какой-то пробел в тексте Слова.

[123] *...великии княгини, Настасиа с великою княгинею Мариею...* — Первая жена Бориса Александровича — княгиня Анастасия Андреевна, сестра князя Ивана Андреевича Можайского; жена Василия II — Мария Ярославна (сестра князя Василия Ярославича Серпуховского).

[124] *...«Обратилъ еси плачь мой в радость мнѣ»*. — Пс. 29, 12.

[125] *Александр Садык* — по-видимому, представитель тверского служилого рода Садыковых-Шетневых.

[126] *...воеводу своего Лва...* — По-видимому, Льва Измайлова, упоминающегося в Тверской летописи (ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, с. 493). В великокняжеском летописании здесь назван только московский воевода Плещеев.

[127] *...до градака, зовомаго Редена...* — Возможно, Редын (Редынь), в Дорогобужской «волости», в южной части великого княжества Тверского.

[128] *...когда же умолим бысть от него... и отпусти его на первое его государство*. — Составитель Слова подчеркивает полную зависимость «нищевидного» Василия Темного; ему приходится «молити» Бориса возвратить ему Москву.

[129] *...Бориса Захариинича да брата его Семена Захариинича...* — Представители рода Бороздиных, перешедших впоследствии на московскую службу.

[130] *...и град отвориша*. — Об участии тверских сил (пушек) в осаде Углича упоминается и в Тверском сборнике; но великокняжеская летопись об этом умалчивает.

[131] *...къ Ярославу...* — К Ярославлю, находящемуся к востоку от Углича.

[132] *...восхотѣ поискати изгыбшей драгмы...* — Драхма — древнегреческая монета; здесь в смысле — вернуть утерянное. В Тверском сборнике присоединение Ржевы (Ржева) объясняется тем, что Василий Темный дал ее Борису; в Слове далее также упоминается, что московские князья «отступают» ее Твери; в великокняжеском летописании о переходе Ржева к Тверскому княжеству ничего не говорилось.

[133] *...князя Дмитрея Феодоровича...* — Неясно, о ком идет речь. Среди тверских служилых князей (Дорогобужские, Холмские и Микулинские) это имя не встречается.

[134] *...Григориа Никитича*. — Очевидно, Григория Никитича Бороздина, двоюродного брата Бориса и Семена Захарьиничей.

[135] *Опоки* — город (ныне село) Опоки на Волге между Зубцовом и Ржевом.

[136] *Карп Феодорович* — сын московского служилого боярина Федора Коробьина, отъехавшего в первой четверти XV в. в Тверь; его потомки (вновь отъехавшие в Москву) именовались Карповыми-Долматовыми.

[137] *...«Не может град укрытися... стоя»*. — Мф. 5, 14.

[138] *Туры* — осадные передвижные укрепления.

[139] *...ни о чемъже не обрежет, а меч любит*. — Традиционный сюжет о князе, отвергающем дорогие подарки и предпочитающем меч, встречается в древнерусской литературе в Повести временных лет (рассказ о Святославе) и в Сербской Александрии.

[140] *...на Федоровѣ недели...* — В первую неделю Великого поста.

[141] *...посли от Великого Новагорода...* — Столкновение между Тверью и Новгородом произошло, судя по Новгородской первой летописи, в августе 1445 г., когда тверские воеводы напали на Торжок. Сохранился новгородский проект договора о мире с Тверью 1446—1447 гг.

[142] *...дву царевичъ, Трегуба да Агуба...* — Речь идет о двух сыновьях Улу-Мухаммеда, Ягупе и Касыме, чья помощь Василию II в 1446—1447 гг. отмечалась и в «Повести об ослеплении Василия II». Прозвище Касыма «Трегуб» упоминается и в Севернорусском летописном своде 1472 года; впоследствии он стал царем вассального по отношению к Руси Касимовского царства.

[143] *...прииде князь Василей со Тфѣри на Москву и седе на великое княжение владимерское...* — В великокняжеском летописании и других летописях пребывание Василия Темного в Твери относится лишь ко времени до взятия Москвы и сражений под Угличем и Костромой. В Слове о возвращении Василия в Москву сообщается дважды.

[144] *...князя Ивана Бѣлскаго...* — Иван Владимирович Бельский, внук великого князя литовского Ольгерда, сын киевского князя Владимира Ольгердовича, двоюродный брат короля Казимира. О военных действиях под Ржевом в Слове сообщается дважды (см. выше). В Тверском сборнике об отвоевании Ржева тверичами не упоминается; говорится лишь, что «князь великий Борис Александрович со княгинею убежал в Опоки».

[145] *...церковъ каменную... Святого Михаила...* — О строительстве церкви «архистратига Михаила» в 1452 г. сообщается и в Тверском сборнике.

[146] *...Иван Яковлич...* — В Тверском сборнике, где тоже сообщается о нападении Шемяки на Кашин в 1453 г., дано прозвище этого воеводы — «Киндирь»; Иван Яковлевич Киндырь был родоначальником Киндыревых.

[147] *...князя Андрѣя Дмитреевича да князя Михаила Дмитреевича же.* — Очевидно, князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского и князя Михаила Дмитриевича Холмского.

[148] *...княжна Настасиа...* — Вторая жена Бориса Александровича Анастасия Александровна, дочь суздальского князя.

[149] *...город среди езера и нарекы имя ему Троки.* — Название этого тверского города (крепости) было дано, вероятно, в подражание известной литовской крепости Троки (Трокай)— резиденции литовских королей, также находившейся среди озера.

[150] *...«Господь даст ми языкъ».* — Ср. Ис. 50, 4.

[151] *Приточник* — царь Соломон, автор библейской книги Притч Соломоних.

[152] *...«Сотове медвении словеса добраа... души»...* — Пр. 16,24.

[153] *...«По воздании же устъ его въздасть ему».* — Ср. Пр. 29, 17.

[154] *...«Но возлюбихъ бо вы, да нѣкое слово подах вы».* — Ср. Римл. 1,11.

[155] *И сей благовѣрный... брат его старѣйший князь великий Юрий...* — Настоящий раздел «Похвального слова» явно оборван; возможно, что раздел, следуюший после сообшения об основании тверских Трок, представляет собой начало еще одного, незаконченного Слова.

ПЕРЕВОД

СМИРЕННОГО ИНОКА ФОМЫ СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ О БЛАГОВЕРНОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Если, как сказал Соломон, когда прославляют праведника, приходят в радость люди, то как же нам не возрадоваться, когда среди нас (находится) нами видимый и нам не безвестный, светило великое, великий князь Борис Александрович, хвалимый и прославляемый от востока и до запада; и как же нам не возвеселиться, когда даровал Бог таковую радость Тверской земле. Восхвалим же и почтим того благородного и благоверного, кто Божией благодатью дан на утверждение Тверской земле и на укрепление человеческого рода, — того, кому от материнской утробы было Богом предназначено стать земным властителем на всеобщую радость, и веселие, и на беспечальное житие. Как сказал Иоанн Дамаскин, где нет печали, там радость и веселие.

Когда кто-либо питает к кому-нибудь любовь, а (в это время) другой (человек) любимого им хвалит, то тому, кто слышит о друге его добрые слова, бывает великая радость. Неужто же мы не возрадуемся, в то время как государь наш и защитник Тверской земли, великий князь Борис Александрович, прославляется и восхваляется во всех концах земли и народах. И так как столь добродетельного государя от рода Владимирова являет нам Бог, то достойно прославим (его), прославленного Богом.

И княжение его в сем мире приукрашено чудесами Божиими. И как сбылись слова пророка Давыда в Писании (о том, что) «вместо отцов твоих стали сыновья твои», так и сей великий князь Борис Александрович на отеческом престоле Богом утверждается и преуспевает во всяческих благих добродетелях, доступен всем и щедр на руку, почитатель Бога и ревнитель всего священного, и всем вокруг дорог и желанен, сотворяет дальних ближними себе и теплою любовью привлекает к себе души всех и сердца.

И когда все обо всем после Бога на него возымели упование, возрадовалась вся земля Тверская, что даровал им Бог такого государя, и пастыря, и истинного христолюбца, утвержденного Богом на отеческом престоле. И одни Моисеем его именуют, с Божией помощью мудро правящим новым Израилем — Богом спасаемым городом Тверью, другие же — вторым Константином, за великое его человеколюбие. И кто вознесет похвалы всей вселенной великому тому самодержцу? Ведь то, о чем мы слышали от пророков, теперь здесь на деле совершается. Ведь, как сказано, юноши, и девы, и старцы с младенцами, — все вкупе единодушно и радостно возглашают и говорят: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои». И кто опишет силу твою, Господи, ибо даровал ты нам нового Ярослава — сего самодержавного великого князя Бориса Александровича.

И поскольку расширилась власть его и возвысилась слава имени его далеко по странам, то многие люди в дальних землях и царствах, услыхав об этом государе, с радостью спешили прийти, желая увидеть его многорадостное и исполненное светом лицо, говоря про себя: «Благословен Господь, устроивший беспечальную жизнь в славной земле, называемой Тверью, в крепкой державе великого князя Бориса Александровича». И еще: «О таком сказал Иов, что он око был слепым и опора хромым». Воистину скажу: око и опора. И нет никого среди людей, кто бы не возрадовался, увидав лицо великого князя Бориса Александровича. О таком сказал Иаков целомудренному Иосифу: «Сильнее царской славы покорило меня лицо твое». Я же подразумеваю лицо великого князя Бориса Александровича, светящееся ярче каменьев сапфира и топаза. Всякий из нас, кто посмотрит на него, исполняется многого веселья. И другие многие люди приходили с

великим рвением, желая единственно слышать его сладкогласную и исполненную мудрости речь. Мне даже мнится, что это о нем сказал пророк Давыд: «Слаще меда устам моим слова твои». Я знаю: таковы уста великого князя Бориса Александровича, слаще меда они и сота всем людям. И потому прославляется имя его от востока и до запада, и до самого царствующего града, то есть и до Рима.

В некие же времена, когда препирались о православной вере христиане с римлянами, царь цареградский Иоанн возвестил в послании: «Здравствуй, возлюбленный брат во Христе». И принял царские послания великий князь Борис Александрович, и прочитал их пред всем народом, и многой радости, душевной и телесной, исполнился, из глубины сердца воздыхая, и крепко благодаря Бога, и говоря: «Боже великий, сподоби меня быть причастным сему святому и Вселенскому собору, еще же и поборником стать за отеческую веру».

И по причине этой устраивает праздник светел и зовет на трапезу своего отца, боголюбивого епископа Илию, и все славное духовное сословие, и всех своих подданных, князей и вельмож. И, чествовав много посланников царских и одарив их многими дарами, отпустил он их к своему царю. И вскоре снаряжает на Вселенский собор своего посла именем Фому, и повелевает ему прилежно следить, чтобы если что отнимут или прибавят к Седьмому собору, то «того и слышать не желаем». И такое с Фомою отправляет послание к царю:

«Благому царю Иоанну! Преславнейшему, и светлейшему, и Богом венчанному самодержцу Греческой земли, царю Иоанну — князь великий, Борис Александрович, всей державы Тверской земли. Во Христе радоваться нам с честной державой царствия твоего!

Что до послания твоего, которое ты прислал к нам, то я его принял с любовью, и в нем одобряю, что писано о соединении святой Божией Христовой церкви, и что будет святой Вселенский собор по первому преданию святых правил и по чину семи святых (Вселенских) соборов. Мы крепко радуемся этому и стремимся, сколько есть силы, ратовать за христианскую веру. И для того мы послали представителями своими (своих послов) на святой Вселенский собор и к честной твоей державе. Обо всем прочем получишь известие от наших посланных. Пусть здравствует твое святое царствие».

И Фома, посол великого князя Бориса Александровича, взял это послание и отправился из Твери в Новгородскую землю, и оттуда в

Псковскую землю, а оттуда в Немецкую землю, и оттуда в Курляндскую землю, а оттуда в Жмудскую землю, и оттуда в Прусскую землю, а оттуда в Словенскую землю, и оттуда в Любекскую землю, а оттуда в Морьскую землю, и оттуда в Жуньскую землю, а оттуда в Шведскую землю, и оттуда во Флоренцию.

И здесь встретил я папу римского Евгения, и святого царя цареградского Иоанна, и вселенского патриарха Иосифа, и весь святой Вселенский собор. А с патриархом было двадцать два митрополита. И тот Фома, посол великого князя Бориса Александровича, подал царю послание, которое было у него в руках. И царь повелел читать его пред всеми людьми, бывшими окрест него.

И когда было прочтено послание, извещающее царя о крепости в православной вере великого князя Бориса Александровича, тогда все, бывшие там, удивились величию дара Божия, дарованного (князю) от Господа. Царь же, вздохнув из глубины сердца, изрек: «Восхвалим и прославим Бога, беспрестанно славимого ангелами, и поклонимся тому, кому непрестанно кланяются херувимы и серафимы, за то, что такового князя даровал Бог Русской земле, а нам пособника в вере христианской». А вселенский патриарх Иосиф сказал: «Старое миновало, новое же вам возвещаю: вера благодатная распространилась от нашей Греческой земли вплоть до Русской земли, евангельский источник исполнился вод, и хорошо нам вместе с великим князем Борисом славить святую Троицу. А подобного князя на Руси мы никогда не знавали». И затем все митрополиты стали восхвалять великого князя Бориса, один за другим каждый из них.

Гераклитский митрополит Антоний сказал: «И я в меру силы моей хочу воздать хвалу Богу и великому князю Борису, насколько (смог) я узнать о нем, и что о нем слышу: с детских лет больше всего Христа возлюбив, и возмужав, и приближаясь к зрелости, и мужство... И как возблагодарю тебя, когда столь много повествуют святители о твоей добродетели».

А трапезундский митрополит Дорофей сказал: «В Писании сказано, что (присутствием) двух или трех свидетелей подтверждается истинность всякого слова. А имя великого князя Бориса Александровича не только кем-то одним восхваляется, но прославляется имя его от края земли и до моря».

А кизикский митрополит Митрофан сказал: «Как нареку тебя, христолюбец, великий князь Борис! Воистину ты друг правды, вместилище мудрости, гнездо милосердия».

А никейский митрополит Виссарион сказал: «Если бы был здесь сам великий князь Борис Александрович, то я бы вопросил его, как вошел в него страх Божий, как разгорелась в нем любовь Христова и как возлюбил Христа больше земных мудрецов. Ибо хоть и много есть великих князей на Руси, но никто не возымел такой заботы и труда, чтобы направить послов и знать об этом святом соборе, как сей великий князь Борис».

А никомидийский митрополит Макарий сказал: «Брат Виссарион, хоть и нет здесь самого великого князя Бориса, с кем бы нам следовало побеседовать о его мужестве и мудрости, но мы расспросим посла великого князя Бориса». И сказал: «Поведай нам, Фома, посол великого самодержца, откуда припахнуло благоухание на великого князя Бориса и как смог он испить сладкую чашу смысла жизни, и явить таковые труды, каких никто не являл на Руси».

Лакедемонский митрополит Мефодий сказал: «Кто возвестит многие милостыни великого князя Бориса Александровича, (подаваемые) ночью, и щедроты, (изливаемые) днем, ко всем нуждающимся в милосердии, о которых мы слышали!»

А тырновский митрополит Игнатий сказал: «Созывает нас обычай на похвальное слово великому князю Борису. Но подобает вам умножить похвалу ему, и да не оскудевает слово ваше».

Амасийский же митрополит Иоасаф сказал: «От нивы — урожай, а от виноградной лозы — плоды. Нива, когда пожнут ее, опустеет, а лоза, когда ее срежут, захиреет. Слава же великого князя Бориса, которая разносится всякий день повсюду, не оскудевает».

А молдавский митрополит Дамиан сказал: «Дивны похвалы святых отцов великому князю Борису, и светло простерлась (весть) о его благочестии по всей земле».

А ставропольский митрополит Исайя сказал: «И я слышу о великом князе Борисе, что житие его — как у блаженного Иакова, а незлобивость — Моисеева, а благочестие — целомудренного Иосифа».

А родосский митрополит Нафанаил сказал: «Следует мне ныне присоединиться ко множеству того, что сказано здесь вашей любовью, ибо не знаем другого такого князя на Руси, каков великий князь Борис».

А мителенский митрополит сказал: «О милостях и щедротах великого князя Бориса говорят во всех землях».

А драмасский митрополит Дорофей сказал: «Имеет большое дерзновение пред Богом великий князь Борис. Да поможет мне (это сказать) слово Писания: "Судия славен милосердием"; "Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут". Так вот и великого князя Бориса милостыни и щедроты творятся не только в Русской земле, но, как свет зари, разлились до самого Царьграда, и до Святой горы, и даже скажу — до самого Иерусалима».

А меленикский митрополит Матфей сказал: «Чья мысль и чей разум может постигнуть повествуемое о великом князе Борисе, то, что о нем мы слышим».

Титриасийский митрополит Каллист сказал: «Как праведна вера, так (праведны) и дела благочестивого великого князя Бориса, как повествует о нем святой собор».

А ганский митрополит Геннадий сказал: «Из Христова поучения напомню вам всем: "Кто напоит чашею воды во имя ученика, получит награду". А великий князь Борис напоил не одного, не двоих, не десятерых, не один-единственный город, но многие города и земли в своем отечестве накормил он».

Афилонский же митрополит Софроний сказал: «Сладостен райский плод, но слаще того слышать великого князя Бориса».

А иверский митрополит Иона сказал: «Я мыслю великого князя Бориса подобным великому царю Константину. Ибо тот со святыми отцами на Первом соборе был. А великий князь Борис — с нынешними отцами в Ферраре, прислал своего боярина, а сам не прибыл (только) из-за долготы пути».

А сардийский митрополит Дионисий сказал: «Подобает нам всем, верующим святому псалмописцу Давыду, возопить: “Вот день, который сотворил Господь! Возрадуемся и возвеселимся ныне!” И воистину возрадоваться нам подобает, слыша о таком государе. Ведь чего мы желали, то и увидели, и чего чаяли, то и усмотрели — что великий нам пособник в вере христианской великий князь Борис. Ведь ныне у него и у нас одна вера, одно крещение, одно исповедание святой Троицы — Отца, и Сына, и Святого Духа».

И таковую похвалу святых отцов великому князю Борису слышал Фома, посол тверской. И в то время как эти святые отцы один за другим говорили, он повелел записывать все их слова и принес на Русь. Мы же прочли записанное и подивились тому, как они, не видевши, не зная великого государя, только слышав о нем, смогли написать такие похвалы. А мы, постоянно бываем сопричастниками его трапезы и в великой тишине пребываем его заботами, — как мы умолчим о необычайной его добродетели? Ибо писано: «Если кто приблизится к золотых дел мастеру, не приимет ли тот от золота хоть один луч, или тот, кто взойдет на возвышенное место, не будет ли видеть далеко, хотя бы был и весьма мал?» Так вот, прочитав этих отцов восхваления великому князю Борису, приведу же и я среди тех похвал (свою) похвалу великому князю Борису Александровичу.

Но прихожу в исступление ума, помышляя о совершенстве их похвалы. Впрочем, приведу к этому — как говорит Господь о Давыде: «Нашел мужа по сердцу себе и посажу его на престоле моем до (конца) веков». И я сего самодержавного государя, великого князя Бориса Александровича, назову новым Давыдом, ибо не одному только Господу пришелся он по сердцу и по разуму, но и все боголюбивые люди сказали себе (о нем): «Обрели утешение сердцам и душам нашим». И я о нем скажу: «Воистину он утешитель словом, ведением и подаянием». Ибо написано в Бытии, что сказано: «Благословен Бог Симов!» А я скажу: «Благословен Бог великого князя Бориса Александровича, что от такого великого собора таковые похвалы ему принесены». И еще сказано: «Распространит Господь (потомков) Иафета, и населят землю Симову». А я об этом скажу: «Распространил Бог народ человеческий по земле, и населил он селения великого князя Бориса Александровича». И если бы то было возможно, то весь бы мир был в той Богом обетованной земле. И сколько приходит (народу) в селения великого князя Бориса Александровича! Воистину можно сказать по

Евангелию: «И ничто им не вредит». И потому все, и из князей, и из вельмож, вплоть до простых людей, желают пребывать в том государстве.

Но, может быть, кто-нибудь подумает, что это я написал за вознаграждение или из страха, — пусть тогда он прочтет похвалы сих святых отцов, как прославили они великого князя Бориса. Кто же их научил (этому)? И кто подвигнул их восхвалять его таковым образом? И кто надоумил их на таковое согласие, что, будучи собранными из различных мест, не зная друг друга, святители все единогласно величали благими похвалами великого князя Бориса? И я, подобно их великой похвале, из многого малое нечто скажу о своем государе, великом князе Борисе Александровиче.

Кому уподоблю я великого князя Бориса Александровича? Назову его Соломоном. Не читали ли вы, как южская царица, прослышав о премудрости Соломона, пришла с края земли, желая убедиться в премудрости Соломона? Здесь же, мнится мне, удивительнее Соломона: узнали великие русские князья и вельможи о премудрости и могуществе великого князя Бориса Александровича, царствующего в Богом обетованной той земле, и пришли с разных концов земли не только премудрости наслышаться, но и лицезреть славного того государя и насыщаться от царской и сладкой этой трапезы.

И как еще назову тебя, великого князя Бориса Александровича? Уподоблю его кесарю Тиберию Справедливому. Но Тиберий не разрешил своим подданным ходить пред собою в прекрасных одеяниях и в блистании злата. А сей самодержавный государь, великий князь Борис Александрович, напротив, бесчисленно одаривая своих людей, повелевает им в своей палате предстоять пред собой в великолепном блеске, увенчавшись сам царским венцом. Воистину не слыхано, чтобы среди прежних царей кто-либо был так прекрасен лицом и одеждами, наиболее же всего — добродетелями, как великий князь Борис Александрович.

И так как не могу я найти слов, чтобы описать его величественную походку, прекрасные его одеяния, красоту лица его, мудрость старца, (таящуюся) в молодом теле, добрый нрав, соединенный с кротостью, то и назову его, самодержавного и братолюбивого, наиболее же всего — боголюбивого великого князя Бориса Александровича, назову его Львом Премудрым, который созидал несказанно прекрасные столпы. А великий князь Борис Александрович, — тот не столпы созидал, но сооружал великие ограды, и воздвигал в них церкви Божий, и собирал преподобных монахов и святолепных старцев, подобно прекрасным

столпам, о которых следовало бы сказать, что на них утверждается и ими просвещается вся поднебесная.

Но мнится мне, что и Льва мудрее великий князь Борис Александрович. Ибо зачем тот столпы ставил? Никакого {в том) прибытка людям, только на обозрение. А великий князь Борис Александрович многие церкви поставил, которые просвещают и освящают всякого человека, грядущего в мир.

И Августу его уподоблю, при котором была перепись людям и люди начали веровать. Но видится мне, что и того он лучше. При том люди были переписаны, этого же, великого князя Бориса Александровича, самого имя записано и прославлено во всех народах. И о сем же я скажу в согласии со словом Давыдовым: «О, великий князь Борис Александрович! Возлюбил ты правду и возненавидел беззаконие. И сего ради возвысил тебя Бог больше других, подобных тебе, и прославил тебя больше всех великих князей русских».

Но кому все-таки уподоблю сего самодержавного и любезного мне государя, великого князя Бориса Александровича? Не Симеону ли златострунному и книголюбивому, не Птоломею ли Книголюбцу? И воистину он — новый Птолемей, великий князь Борис Александрович, собирающий повсюду святые книги и учащийся по ним тому, что ведет к спасению (души).

Но что много рассуждаю! Может быть, уподоблю его царю Константину, или царю Юстиниану, или Феодосию, царю благочестивому, укрепившим соборами православное христианство? Тот правоверный царь Константин первый принял христианское благочестие, а сей благочестивый великий князь Борис Александрович первый после Владимира принял таковую же великославную честь, и хвалу, и доброславие, как никто другой на Руси; не только сам утвердился в вере, но и укрепил всю свою державу добрыми делами во имя Бога.

Или уподоблю его великому Моисею, законодателю древних, проведшему народ израильский неомоченными стопами чрез Красное море? Великий же князь Борис Александрович, новый Моисей человеколюбивый, каждого из нас привел от ничтожества и многотрудной жизни в свое радостное и Богом обетованное царство.

Или уподоблю его Иосифу, которого поставил Бог властителем над всем Египтом? Но тот пшеницею напитал так город Египет, как сей новый наш Иосиф, великий князь Борис Александрович, напитал многие местности и села.

Кому же тебя уподоблю, великий князь Борис Александрович, христолюбец! Воистину ты — друг правды, вместилище разума, гнездо милосердия. В твоем имени только шесть букв, но семь тысяч раз велик твой разум. Хвала и слава ты среди всех семидесяти языков, сущих на земле.

Много искал я в премудрых книгах и среди царств, но не нашел ни среди царей царя, ни среди князей князя, кто бы был подобен сему великому князю Борису Александровичу.

И что бы я ни сказал, не хватит мне всей моей жизни, чтобы написать все похвалы; но поучает меня Григорий Богослов, говоря: «Никто не может так восхвалить человека, как любящий его». Еще же и Иаков, брат Божий, учит нас, говоря, что тот совершенен, кто радуется славе господина своего. И воистину подобает нам радоваться, видя его, великого князя Бориса Александровича, славное княжение, исполненное многого самовластия, ибо покоряющимся — от него честь, а непокоряющимся — казнь.

Многие, жившие прежде нас, желали видеть такого государя и все, что мы видим, но не увидели, и даже слышать не сподобились.

О ты, самодержствующий во Христе государь, пекись обо всех по обычаю доброму, прими от нашего смирения писание, подобно двум лептам той вдовицы, на похвалу твоей добродетели. Ибо привел я, господин, здесь примеры дел твоих. Но теперь многие боголюбцы, сыновья тверской земли, идут вслед за тобой, видя в тебе праведника, как новый Израиль за Моисеем. И за это я, как в древности Мариам, пою тебе песнь победную, приобретая себе твоими заботами отовсюду честь и веселие. И еще, господин наш и государь наш навеки, имеем мы надежду не быть тобою забытыми, а быть приближенными к тебе, и жаждем твоей милости, как олень воды. И пусть Бог милости и Отец щедрот и любовь единородного его Сына, и пресвятого его животворящего Духа, и пречистой его Богоматери пребудет с великой твоей властью в соединении с любящими тебя и любимыми тобою, да будешь сохраняем и покрываем рукою всевышнего ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О том, кто Божией благодатью дан нам Исусом Христом на укрепление (нашей) земли и на укрепление и на устроение человеческого рода, вам, как боголюбивым и богоугодным (христианам), хочу предложить я Слово. Однако прошу вас, приклоните уши ваши ко мне и чистосердечно помогите. Ибо великую радость даровал Бог человеческому роду, источая, как неизмеримая глубина, свободные источники вод, а источники сами испускают неудержимые (потоки), и реки, проливаясь, землю всю напояют. И земля родит плоды. Сказано: «Говори в уши слышащим».

Хочу вам поведать я дивную повесть о великом князе Борисе Александровиче, более драгоценную, чем всякий жемчуг. Но сотворите и себя достойными воспринять жемчуг и узнайте истину. Речь ведь пойдет не о том, что вам неведомо, но о том, что среди вас возвышается.

Сей славноименитый, по-христиански благочестивый, благородный, Богом возлюбленный и Богом венчанный самодержавный великий князь всей тверской державы Борис Александрович еще измлада был хорошо воспитан родителями в страхе Божием и хорошо знал Святые Книги, по которым всякий день поучался шествовать путем праотеческого благочестия. И так как Царьград славен Константином, Киев — Владимиром, а Тверская земля, почитающая их обоих, Михаилом прославлена, то поэтому Бог вывел великого князя Бориса Александровича не от какого-то другого корня, но от Михайлова. И мнится мне, что Бог, направляя в том мире одного, направляет в этом мире и потомка его. Ибо великий князь Борис Александрович стяжал Константинову доблесть и Владимирову веру, Ярославово мужество и Михаилов разум, и еще, как всякий человек, — богобоязненность, но выше всего этого поставил мир и святость. Мир, говорю, потому что всегда стремился к миру со странами, а святость, потому что прежде всего любил церкви Божий и о них всегда болел сердцем своим. И еще — всем он доступен и издалека пришедших к себе приближает.

Во времена царя Августа родился Господь наш Исус Христос. А во времена благочестивого великого князя Бориса Александровича поставлено было множество церквей во имя Господа нашего Исуса Христа, просвещающих всякого человека, грядущего в мир. И когда Август стал править, прекратилось правление многих других властителей. Так же и когда великий князь Борис Александрович принял правление над Тверью, отторг он гордых от правления, а смиренных посадил с собою рядом на престоле, а иных непокорных властителей покорными себе сотворил.

И как было во дни Авраама, когда пленен был Лот, сын брата его, и преследовал Авраам (пленивших Лота) до Дана с тремястами восемнадцатью (своими воинами), и победил их, и отнял все стада их, и вернул племянника своего, — так же было и во дни великого князя Бориса Александровича. Некто из московских пределов, именем Колычев, пришел в силе тяжкой, желая пленить сына брата его, князя Юрия Александровича. Услышав о том, что пленил Колычев сына брата его, великий князь Борис Александрович послал своих сильнейших воевод. И побили они (москвичей), и преследовали их до Сижешки, что находится слева у Ржева. И как тот победил слева у Дамаска, так и великий князь Борис Александрович победил москвичей слева у Ржева. И (тот) возвратил все стада их и имение с тремястами и восемнадцатью (воинами), а воеводы великого князя Бориса Александровича — с одной сотней. И привели к великому князю Борису Александровичу больше пятисот человек, не считая убитых и раненых. А прочие его мужественные деяния кто перечислит?

И еще он созидает церкви и основывает города, мудрого устройства которых ни у кого нет слов описать, и строит села. И какою бы кто ни был преисполнен человеческою мудростью и какую бы ни имел душу, укрепленную человеческим разумом, но если он не постигнет чести и славы великого государя, то ни к чему будет мудрость его.

Много есть цветов различных, но один среди них державный. Много есть великих князей, но нет такого, как государь наш великий князь Борис Александрович. И сей по милости Божией есть держава и опора нашему городу.

И если кто из вас скажет, что все это написал я из лести, то разве не слыхали вы о летописцах прежних времен, как каждый из них возвеличивал своего царя? Но сколь же более должны мы возвеличивать своего государя, великого князя Бориса Александровича, ведь он — слава нашего города. И разве не читали вы, что сказано: «Бога бойтесь, а князя чтите»? А я не имею ничего другого, чем бы мог почтить его, кроме как описанием добрых его деяний. Так служит мне укором некий землепашец. Ибо в некие времена, когда царь Дионисий шествовал путем своим, увидал его один землепашец, и не имея ничего, чем бы можно было почтить царя, бросился в реку, почерпнул обеими руками воды и принес царю. И царь принял, и улыбнулся, и поставил ему это в заслугу. Сами понимаете, — нельзя, почерпнув руками воды, дар принести самодержцу. Но царь принял дар ради усердия того, кто принес его. И разве не слыхали вы, как Павел говорит: «Никто не ищи своего, но каждый пользы

ближнего»? И если ближнему полагается честь творить, то сколь более нам полагается искать, чем почтить государя своего.

И дивлюсь любви вашей! Почему до меня не писали о таковом государе, что является славой вашей земли? Впрочем, в том не виню вас, не укоряю, что не писали. Ибо каждый из вас имеет жену, а кто и детей воспитывает, один о хозяйстве печется, а другие в воинстве ходят, и всякий из вас отправляется на порученную ему службу. И за то не хула вам, а хвала. Ну, а мы ни детей не имеем, ни домов, ни палат, и потому это наше дело — писать о славе государя нашего, великого князя Бориса Александровича. Потому и в чести ходим у него, что печемся о слове. Ибо тот человек, который не печется о слове, хуже бессловесного скота.

И так как я — должник, то с радостью отдаю долг, не нищету мне это приносит, но богатство. Ведь отданное слово рождает это богатство. Ибо если я отдам слово, то оно будет принадлежать всем вам, и все вместе мы обретем прибыток.

Но все это написал я не для вас, ибо вы хорошо знаете его и ведаете, что он — государь, знаменитый в разных странах. И вам не требуется мое писание, ибо вы всегда находитесь с ним рядом. Я написал это для новорожденных младенцев, чтобы и те, когда повзрослеют, и возмужают, и достигнут зрелости, и обретут совершенный разум, прочли друг другу наше писание и рассказали о княжении великого князя Бориса Александровича. Ведь как сказано в Писании: «Вопроси отца своего, и возвестит тебе, и старцы твои рекут тебе, что видели и слышали».

О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Милость Божию, и человеколюбие Господа нашего Исуса Христа, и благодать Святого Духа, дарованную обильно, поведаю вам, братья, сыновья рода тверского и причастники трапезы великого князя Бориса Александровича, великое и старинное сокровище, недоступное пониманию людей, но удивляющее и радующее (их) откровение, обильное, знатное и неоскудевающее богатство, подающее ближним и дальним великие дары. Достоин славы и чести истинный правитель Богом спасаемого города Твери самодержавный государь, великий князь Борис Александрович. Воистину, он сам — царская трапеза, от которого насыщаются многие. И мы будем говорить не свои измышления, но из многого малое скажем о великом том государе и его

делах. Ибо если риторы и философы, а также и летописцы весьма усердно приклоняют слух (к известиям) о бывших между царями битвах и весьма (усердно) слушают, чтобы каждому возвеличить своего государя, смело сражавшегося, то сколь более достойно нам прославить своего государя, великого князя Бориса Александровича. Ибо вдохнул в него Бог мысль благую — исполнить меру отцов своих. И не только исполнил, но и усугубил ее, ревнуя своему праотцу, великому князю Борису Александровичу. Сей прежде него благодатью Божией творил всяческие благие дела по милости Божией. Так же и сей великий, и изрядный в добродетелях прирожденный великий князь Борис Александрович такие же дела творил по милости Божией. Ведь и в Книгах записано, что сын не может делать (того), (чего) не видит делающим отца. А сей великий князь Борис, что видел у праотцев своих, то все делал, да еще с избытком, превосходя могущество (предков своих).

И кто может описать его дела! Замышляет строительство городов и строит монастыри, возводит деревни и руководит всяким ремеслом и художеством. И при этом беспредельно сведущ в книгах и с кем захочет — с каждым может вести беседу, и никто не может с ним спорить, но всех переубеждает. И всех насыщает, и всех одаряет, и от всех дары приемлет. И через все это бывает сугубая радость и веселье несказанное всем христианам. И все люди радостно ликуют, видя, как славно стоит и красуется великим князем Борисом Александровичем богоспасаемый город Тверь.

И что бы мы ни стали о нем говорить, (всегда), начав с малого, дойдем до великого. Ибо, если с праотцев его начнем, (все равно дойдем) до нынешних дней. Ведь праотцы великого князя Бориса Александровича раньше него создали великие монастыри и собрали множество монахов и, больше того, построили разные города.

Отсюда начнем говорить о строительстве великого князя Ивана Михайловича. Сей устроил монастырь близ Богом спасаемого города Твери на реке Тьмаке и назвал церковь в честь Трех святителей, спасителевых богомольцев, твердых и непоколебимых столпов, которые неотступно молятся Христу за православных князей и за все христианство. А великий князь Александр Иванович другой монастырь создал, на реке Перемере, и назвал (в честь) Благовещения пресвятой Богородицы, которое есть начало спасению.

Великий же князь Борис Александрович, соревнуясь со своими праотцами, устроил монастырь на реке Ворщине и назвал церковь в честь самого творца и совершителя того спасения, Господа нашего

Исуса Христа, в честь его на небеса Вознесения. И по сему убедитесь, что, начав с малого, дошли мы до великого. Ведь великий князь Иван Михайлович создал церковь в честь богомольцев и ходатаев о нашем спасении, а великий князь Борис Александрович — больше того: создал церковь в честь избавления и очищения от грехов и на небеса восшествия, в честь радости и утешения, и обещания о ниспослании Святого Духа, что и сбылось. Кто же из них более премудр? Один устроил предвестие спасения, другой — начало спасения, а сей завершил дело, построив церковь в честь избавления от грехов и обетования (совершенной) радости, что и сбылось.

Тот, кто воздаст честь царскому слуге, достоин царской чести. Но тот, кто воздаст честь самому царю, достоин почестей и даров еще больших. А великий князь Борис Александрович воздал честь самому царю великому Христу, а также и слугам его. И другой храм он поставил самому царю Христу, на вратах Богом спасаемого города Твери. И дал имя храму тому «Вход в Иерусалим». Тогда, при входе Господа нашего Исуса в город Иерусалим, он от детей еврейских великие почести принял, называли они его царем израильским и восклицали ему: «осанна в вышних», и в то время, как многие еще не веровали в него, они устилали одеждами своими путь под ногами его. А теперь сквозь сей пречестнейший храм вход сотворен в богоспасаемый град Тверь, дабы всякий человек, входя и выходя, поклонялся, принимая великие почести и воздаяние от Бога, и, вместо постилания одежд, простирая свою голову перед честнейшим тем храмом и вместе со всеми в один голос громогласно восклицая: «Многая лета тебе, великий князь Борис Александрович, за то, что вход такой устроил в богоспасаемый город Тверь! Великое спасение получим мы твоими (заботами)».

Также воздал он честь и слугам Христа, святым великим мученикам, тезоименному себе Борису и брату его Глебу. Создал им храм из белого камня посреди своего двора и украсил его иконами, и золотом, и жемчугом, и каменьями дорогими, и паникадилами, и свечами, как было при Соломоне в Святая Святых. Ни умом помыслить, ни языком описать той красоты; когда смертный человек в том храме стоит, кажется ему, что он на небесах. Прочих же премудрых замыслов и строений великого князя Бориса Александровича не счесть. И потому последнее скажем.

Смолоду хорошо изучивши Святое Писание, — ибо Господь, грозя, учил: «Испытайте Писание, ибо через него получите жизнь вечную», и потому великий князь Борис Александрович проникает всем сердцем в Святое Писание. И искусный в строительстве, прославившийся по всем землям великий князь Борис Александрович, будучи вдохновлен милостью Спасителя Бога, стал помышлять, где бы город поставить, достойный памяти о себе, как то и предки его (делали). И стал

присматривать место, где бы град удобно поставить. И усмотрел место близ города Твери на устье Тьмаки. Есть (там) храм святого Христова мученика Феодора. И так дивно место то, воистину, как желало сердце великого князя Бориса Александровича. И дал ему Бог место такое, никем не рытое, не насыпанное. Просто скажу: Богом сделанное и как бы искони уготованное для города, но не (сразу) настало для того время. Теперь же помощью Божией, и по замышлению своему, и по совету всех людей великий князь Борис Александрович крепко возлюбил место то, а больше всего из-за того, что увидел столь преславный храм великого мученика Христова Феодора вне града стоящим. И возымел великую заботу о том, чтобы таковой храм находился не вне города, но внутри него. И для того призывает великий князь Борис Александрович бывшего там своего святителя и всех своих поместных князей и бояр, а также архимандритов и игуменов. И повелел всем прийти в храм великого Христова мученика и воина Феодора. И здесь повелел служить Божественную литургию. И когда было совершено Божественное и великое дело, тогда великий князь Борис Александрович повелел всем пойти на место то, где он желал основать город. И вышли все с крестами, свечами и светильниками, а великий князь Борис Александрович шел последним, и много было там народу. И когда пришли на то место, где предстояло быть основанным городу, великий князь Борис Александрович, возвысив голос свой, стал громкогласно говорить бывшему тут народу: «Мужи и братья, сыновья рода тверского, к вам мое слово: когда вручил мне Бог престол отца моего, великое княжение тверское, с тех пор и доныне очень желал я создать где-то город, ибо и предки наши возводили города, достойные своей памяти. Но не приспело время мне (строить). Ныне же помощью Божией и святого великомученика Христова Феодора полюбилось мне это место, и на месте сем хочу основать город. Но хочу не только по мыслям моим, но и по вашим советам (утвердиться в решении) об укреплении вашего великого города Твери».

«Бог всего мира и молитвы святого мученика Христова Феодора да направят мысль твою ныне на создание этого города», — и когда народ сказал это, тогда повелел великий князь Борис Александрович святителю сотворить молитву на основание города. И когда начал святитель молитву, тогда стал великий князь Борис Александрович, вздыхая из глубины сердца, творить про себя молитву, говоря: «Господи, Владыко превечный, Христе царю, сотворивший небо и землю! Ничто не свершается без тебя, ни дело, ни слово! И ныне молитвами святого мученика твоего Феодора воззри на меня, раба твоего, и на новое место это. И дай мне, Господи, возвести город сей. Ибо ты ведаешь все, ведаешь и о том, как я стремился и мечтал обнести городской стеной храм святого мученика твоего Феодора. Утверди меня, Господи, праведно и непоколебимо молитвою его. И помоги мне, Господи, довести до конца создание города сего». И, сказав это, повелел рубить (город). Святитель же прежде сам рубить начал.

Потом великий князь Борис Александрович призвал искусных мужей, выискал их, как Моисей нового Веселеила, и приставил их к исполнению такового дела, в 6955 (1447) году, в апреле месяце, в 23-й день.

А сам великий князь Борис Александрович вернулся на свой двор в новооснованном том городе и задал веселый пир не только для тех, кто был зван, но и для тех, кто оказался там случайно.

И так после того строители начали строить. А Бог в том деле невидимо помогал им молитвами святого мученика Феодора, так что дивились все наблюдавшие на быстроту того дела. И благодаря этому уразумевали многие, что дело то приятно Богу и святому его мученику Феодору; ведь когда бы ни видел кто, как созидают другие города, всегда возводили городню в течение двух или трех недель, а городню этого города возводили два или три дня.

И великий князь Борис Александрович, убедившись в Божией помощи и содействии великого мученика Христова Феодора многотрудному его делу, стал часто наезжать в тот новооснованный город, ко храму святого мученика Христова Феодора. И однажды, когда радовался он (духом) в храме святого мученика Христова Феодора, спросил он в своей духовной радости, как назвать город. И некто из премудрых, разумных и великих старцев, украшенный сединами, а больше того — добродетелью, ответил: «Надо назвать Феодоровым городом». Но великий князь Борис Александрович превзошел в мудрости старца. И, по слову старца, дал городу полюбившееся имя, но так как великий князь Борис Александрович питал любовь к великому мученику Феодору, то по той великой любви к великому мученику Христову Феодору нарек он город Люблин, что значит любовь к великому мученику Христову Феодору. И потому назвал город любимым.

Есть и другие деяния у великого князя Бориса Александровича, кто их сочтет! Не один только город Люблин поставил он себе в утешение, но создал и многие другие города. (Заново) возвел великий запустевший город по имени Кашин. Столько лет находился тот в запустении, что невозможно было постигнуть того человеческой памятью, невозможно было найти и основания городских стен. А великий князь Борис Александрович за один год восстановил этот запустевший с давних лет город. Также восстановил он и другой город, в Клинской области, подобным же образом находившийся много лет в запустении. И праотеческий, и отеческие города он обновил все.

И где еще найдется такой пастырь и строитель, как великий князь Борис Александрович! Он ограждает стенами многие города, а его самого ограждает Христос. Но не мудрее слово деяния. О, глубина мудрости и дел великого князя Бориса Александровича, — ни пересказать, ни описать его деяний! Об этом пишет великий Иоанн Златоуст в своем послании к раифянам: «Есть искусство творить, и есть искусство созидать, и есть искусство делать». А великий князь Борис Александрович владеет всеми искусствами, как никто другой: искусством творить, так как сотворил много церквей Божиих; искусством созидать, так как воссоздал заново находившиеся прежде в запустении города; искусством делать, так как построил много сел и деревень; ибо все в людях строится Богом.

Пусть не спрашивают нас невежды, из каких книг пишем мы о великом князе Борисе Александровиче. Всему великому научаемся мы из апостольских заповедей. Если хочешь читать душеспасительные книги, то читай жития святых отцов; если хочешь послания читать, то возьми апостольские книги; если хочешь повествований, то читай Книги Царств. И обрати внимание, разве запрещено читать Книги Царств? И если бы даже и запрещено было писать о прежних царях, то не написано ли (все-таки) о том, каковы поступки, и войны, и деяния каждого. И сами мы слушаем о прежних царях, и слушаем отверстыми ушами. Ныне же, о нынешнем царе, государе и великом князе Борисе Александровиче не только слышим, но и видим его добрые дела ради святого Спасителя. А откуда о нем узнаем и из каких книг о нем пишем, это я уже прежде сказал: не по книгам, но по делам самого того государя. Как сказано: «Всякое древо по плоду его познано будет». Для того и дал Бог нам дар слова, чтобы мы открывали друг другу свои сердечные помыслы. И я воспользуюсь словом святого Дионисия Ареопагита, что полезно людям всякое городское строение. Великий же князь Борис Александрович созидал города не одному себе на радость, но делал это для надежной защиты и успокоения всем людям, а себе — на долгую память, ибо сказано: «Память вечная будет праведнику». Воистину скажу, вечная память. Он обновлял города отцов и еще замышлял и новые. От благого корня и ветвь процвела благая. Потому и сияет все, что построено великим князем Борисом Александровичем, как некая заря или как некий прекрасный венец. Воистину достоин царского венца великий князь Борис Александрович. Смотрю и трепещу! Думаю: велика вера отца его, великого князя Александра Ивановича, от благого корня порожденного, и Бог в том мире печется о нем, а здесь печется и о сыне его.

И пусть никто из вас не считает эти слова мои лестью, пусть предстанут перед вами подлинные дела. «Память праведника с похвалами», — сказал премудрый Соломон. Но если воспоминание о всех праведниках следует окружать похвалами, то кто же не воздаст хвалы великому князю Борису Александровичу и кто не прославит его! Сам он не требует от нас похвал. Но только нам самим следует убояться,

(вспомнив) притчу о том ленивом рабе, который утаил талант своего господина и не получил на него прибыли. Что есть более дивно и славно, как не прославление истинного попечителя и пастыря, великого князя Бориса Александровича!

Но что бы мы ни сказали, не сможем по достоинству похвалить его. Ибо нельзя, говорю вам, зачерпнув руками воды, принести ее самодержцу. Но что имеем, то и принесем. Из многого хотя бы нечто малое о нем скажем, сами одевшись страхом и в красоту облекая его. И видя его украшенным славной багряницей, не постыдимся своего убогого усердия. Ему ведь от нас ничего не нужно, только добрых о себе мыслей. Достойно возвещать о благоверных и воздавать хвалу премудрым. Но хоть горит мое сердце и жаждет этого ум, но язык мой косен и худословесен для того, чтобы поведать о таком величии. Откройте же и вы уста свои и способствуйте мне истинно. Посмотрите на благолепное устроение церквей великим князем Борисом Александровичем, посмотрите на созидание им городов, посмотрите на постройку чудесных сел. Дело ангельское — на небесах Бога славить, а на земле дело человеческое — Бога восхвалять и воспевать, а князя чтить. Приведем к этому и слова царя Давыда, сказавшего: «Пасущий Израиля». Но скажи мне яснее, о ком это сказано? И я скажу: воистину пастырь — это великий князь Борис Александрович, пасущий и устрояющий новый Израиль, Богом спасаемый город Тверь. И прежде него было много пастырей. Великий князь Иван был пастырем, и великий князь Александр тоже был пастырем, но не устроил так Богом спасенного города Твери, как великий князь Борис. Не похуляю их, но другого дела прославляю. «Упас, — сказал Давыд, — людей своих рукою Моисеевой и Аароновой». Великий же князь Борис Александрович упас и устроил богоспасаемый город Тверь по Иванову и Александрову благословению, избрал Давыда, раба своего, пасти народ Израильский в достояние себе. Воистину скажу: новый Давыд — великий князь Борис Александрович, пасущий и устрояющий достояние своих праотцев. Ужели еще не постигаете его достоинства! Истину вам объявляю. Видите, как достоин царского и праотеческого престола великий князь Борис Александрович. Скажем же ему все в один голос: «Благословен великий князь Борис Александрович, хранящий закон Господень! Благословен в городах, благословен и в селах, благословен во всяком своем деле и на всяком месте ныне, и присно, и во веки веком».

СЛОВО О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Желает мое сердце, и о том молитва моя к Богу, — Бог тому свидетель, что я не лгу, — хочу вам поведать истинные вещи, не неведомые вам, но хорошо вам известные. Ведь древние мудрецы, сочиняя повести, одно вычитали из того, что было еще до них написано, другое сами слышали, а иное и видели. Также и многие летописцы писали о том, чего они

сами не видели, а только слышали (об этом), ибо многое происходило в дальних краях — в Аравии, в Персии, в Мидии, в Риме. И это все описано, не будучи увидено, только услышано. Так же написаны и древние Книги Царств, как кому Бог на сердце положил о том, каков был каждый из царей — справедливый, или воинственный, или благообразный, — чтобы каждый народ, сколько будет в нем поколений, величал своего царя и чтоб вспоминал о тех царях, читая о них. А я — очевидец святому тому делу, о котором хочу вам поведать, не от других услышав о нем, но сам все видев. Тому, кто желает создать царский венец, следует сбирать драгоценные каменья, и нельзя ему смешивать светлых тех камней с темными камнями или с чем-нибудь другим. Если же смешает, то лишит красоты то светлое сияние и обезобразит всю красоту венца того. И узнав и рассмотрев все это, мы помыслили в себе и сказали: раз те мужи писали о прежних царях, надеясь получить от них какую бы то ни было честь, и ради памяти из рода в род, то не подобает, скажу, и нам предавать забвению благочестие великого князя Бориса Александровича. Сплетем же ему как бы золотой венок, не привнося ничего от себя, а только из добрых его деяний. Если и весьма худо будет наше плетение по сравнению с величием его княжения, то хотя бы подадим ему от многого малое, как той вдовицы две лепты.

Ибо княжит он в своей отчине, в богоспасаемом городе Твери, и княжение его тихо и безмятежно, и увеличилась власть его, и Бог укрепляет его и споспешествует ему на отеческом престоле, и преуспевает он во всяком деле, так что и во многих государствах с завистью говорят о его преуспеянии. Но великий князь Борис Александрович запечатлел в своем сердце слова Священного писания, гласящие: «Богатство если возрастает, — не прикипайте сердцем (к нему)». И чем больше стекается к нему счастья, тем больше пребывает он в смирении и, стремясь к миру со всеми странами, воздает хвалу Богу, говоря: «Боже, ты насытил меня земными благами, не лиши меня и небесного царствия».

Всеблагой же Бог, не желая зла, но желая показать свою милость к любящим его (ибо которого сына отец бьет, того и милует), восхотел еще больше прославить его и испытать, как золото в горне, (для того, чтобы) обрести его достойным себя, и еще — для того, чтобы не возносился, а то за все годы княжения своего не испытал он никакого зла, только принимал от всех земель великую честь и многие дары. Об этом сказал, молясь, великий Павел: «Да дастся мне мучитель, чтобы не превозносился я, да сделаюсь сосудом избранным Бога». Почему сказал так? Потому, что поставлен был высоко, но никак не хотел этим превозноситься, а еще больше смирился.

И Бог, любя великого князя Бориса Александровича, послал на него беду, дабы не превозносился он тем, что возросла власть его и

простерлась слава имени его до дальних стран. Ибо, скажу я, не случалась такая беда уже много лет ни в одном из многих городов, но пришла к великому мужу и искусила великого.

И, как сказано в царских летописцах, подобные незабываемые пожары бывали при царе Юстиниане Великом и при царе Феодосии Великом. И так же при великом этом князе Борисе Александровиче такой великий и незабываемый пожар случился в великом городе Твери, что не уцелело даже основание городских стен. И этот пожар случился в 6957 (1449) году. Учинилось таковое наказание от Владыки Христа.

И великий князь Борис Александрович пошел после того великого пожара в тот бывший город ко Святому Спасу. И увидел погоревшими многие церкви и многие дома с товарами. И наполнились очи его слезами, и он, воздыхая из глубины сердца, сказал: «Владыко предвечный, Христе царю, помилуй меня пречистой твоей матери молитвами! Не дай мне пребывать в унынии! Ибо ничто не совершается без тебя, ни дело, ни слово. Полагаешь уставы, и они не прейдут. И пусть будет воля твоя! Как тебе угодно, так пусть и будет. Благословенно имя твое ныне и вовеки». И пришел в то время епископ того города, и стал поучать его словами из Божественного Писания, что не следует сокрушаться о случившихся с ним несчастьях. И напоминал ему о прежних царях и пожарах: какова была к ним милость Владыки, и каково было к ним Владычнее терпение. Также и слова пророка Давыда приводил ему: «Многие скорби праведным, но от всех избавит их Господь», и еще: «Ненаказанные, вы — не сыновья», и еще: «Если претерпеваете наказание, то как сыновья становитесь Богу». И великий князь Борис Александрович проливал из очей потоки слез, словно воду из источника, и утешался святительскими словами. И сам отвечал ему с великим смирением: «Все это за грехи наши». И поминал ему того же Давыда, говоря: «Многие раны грешному. Но знаю, что уповающий на Господа обрящет милость».

Мы же все это ради того напоминаем вам, что хотим показать великое его смирение, и разум его великий, и нрав его, полный кротости. Был он как князем и воеводой, так и пастырем овцам, скажу я вам. Ибо когда вижу его твердо стоящим за дом Святого Спаса, тогда зову его князем и военачальником. А когда вижу его о людях пекущимся, тогда пастырем его именую. Когда же вижу его радеющим церкви Божией, тогда именую его истинной овцой стада Христова.

И спустя два или три дня после скорбных событий тех дней, пришло такое известие, что не хотелось даже и слышать, — о том, что король великопольский и краковский и великий князь литовский Казимир со

всею силою и со множеством людей из разных земель идет на дом Святого Спаса и на великого князя Бориса Александровича.

Тогда княжил в Новгороде недруг великого князя Бориса, князь Дмитрий, именуемый Шемяка. И в это же самое время захотел и он отнять часть порубежной земли великого князя Бориса Александровича. А была та земля многонаселенной. И когда услышали люди невеселые те вести, то одни стали помышлять об уходе в другие города, а кое-кто и к бегству готовиться. И стали приходить люди к великому князю Борису Александровичу и советовать ему, чтобы шел он в другой город, говоря ему: «Есть обычай у многих государей, — когда случится какой-либо пожар, переходить в другие города и пребывать там. Ныне же поднялись на тебя столь великие силы, а ты хочешь остаться здесь, без городских стен». Но великий князь Борис и слышать о том не хотел, а сказал: «Не будет того, чтобы я, оставив дом Святого Спаса, пошел в другой город. Какую славу приобрету я тем? Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбях, обступивших нас сильно. Будем уповать на Господа и не ослабнем. Разве не читали вы в Писании: “Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется вовеки”? Кто возымел упование на Господа, тот достойнее всех скорбящих. И разве не слыхали вы о великом мученике Христове Дмитрии, как говорил он о своих людях: „Господи, если ты погубишь их, то и я с ними погибну"? Будем же и мы подражать мученику Христову Димитрию и призовем его на помощь. Если и случится мне положить свою голову за дом Святого Спаса и за всех людей, то радостно возблагодарю Бога и пречистую его матерь. Но не будет того, чтобы я отсиживался в городе, а люди бы мои были в плен ведомы. Выберите себе город, и я оставлю вам в нем святителя и свою княгиню. А сам сяду на коня, и что Богу угодно, то и будет». И стал вооружаться, и послал за всеми своими князьями и боярами, и также послал за братом своим младшим, за князем Иваном Андреевичем. И тот скоро пришел к нему со многими людьми.

И услышал о том литовский король Казимир, что идет ему навстречу великий князь Борис, не боясь его козней и бранных речей, желая попрать его гордыню милостью Божией и молитвами пречистой его матери. И повелел король своим порубежным воеводам замириться с воеводами великого князя Бориса Александровича, и стали воеводы великого князя Бориса Александровича обсуждать условия мира с литовскими воеводами. И дошла та весть до великого князя Бориса, что литовские воеводы хотят мира с его воеводами, и он не только повелел воеводам замириться между собой, но еще послал и к королю своих послов; и король с великою радостью принял мир, и разошлись каждый восвояси. Милостию Божией, и молитвами пречистой Богоматери, и здравием государя нашего великого князя Бориса Александровича была спасена Тверская земля от их нашествия.

И подобает нам так воскликнуть: «О, великий ум, о, промысел человеческий! О, дивные и славные дела: пастух молчит, а овцы волков одолевают!» Вооружался на врагов великий князь Борис Александрович, а воеводы мир заключили. Не оружием прогнаны волки, никем не стрелянные, а возвратились восвояси. Сами начали войну и сами вспять повернули. Не повелел им того человеческий голос, но собственная совесть изобличила. И вскоре, как паутина, распались. А великий князь Борис Александрович остался, как твердый камень, неподвижно стоять в доме Святого Спаса и в своей отчине, в великом княжестве Тверском.

И мы скажем ему так: «Радуйся, новый страстотерпец, таковые беды принявший, как никто иной! Радуйся, воин, прогнавший таких волков не оружием, не стрелами, а великим своим разумом!»

И великий князь Борис Александрович, воздав хвалу Богу и пречистой его матери, стал держать совет со своим епископом и со своими князьями и боярами о том, чтобы восстановить разрушенный город. И все, что ни есть, люди радостно с этим согласились. И в короткий срок был поставлен тот город заново, и все люди радостно ликуют, говоря: «Многая лета тебе, великий князь Борис Александрович! Ты ограждаешь стенами города, и тебя самого ограждает Господь Исус Христос. Ибо и в прежние годы не видели мы так устроенного и украшенного великого города Твери, каким видим его ныне».

Но помышляю о силе веры отца его, великого князя Александра, Бог направляет его в том мире, и наследие его наполняет всю землю. Сказано: «Излюблена Богом держава твоя, и распространилась слава о христолюбивых делах твоих по всей вселенной, и по всей земле, и во все ее концы».

И со всех земель приходили к нему и великие дары приносили к нему. То из столичных городов, а то и из Рима. И не только от правоверных царей великую честь и великие дары принимали, но и от неверных царей. И об этом я не от другого кого слышал, но сам был очевидцем того, как пришли послы из далекой земли, из Шаврукова царства, о которых даже и не слыхано в нашей земле. Такое имя у той орды, что нашим устам и не произнести его из-за большой его длины. И принесли многие дары к великому князю Борису Александровичу: дорогие камчатные ткани и чудные атласы. Я же, грубый невежда, не дошел до того места, где можно бы было узнать их число. Только видел много тюков, перетаскиваемых людьми. Одни говорят, что восемнадцать камчатных тканей, а другие, — что двадцать семь. Но я не узнал, каково их число, только узнал: много. И еще дали многие дары князьям и

боярам. И великий князь Борис воздавал им в ответ великую честь не только за дары, но и за великие их труды, ибо пришли из столь далекой земли и со столь многими дарами, и шли из своей земли до великого князя Бориса Александровича девять месяцев.

Помогайте же и вы мне. Истинно знаете о чести и славе великого князя Бориса Александровича. Чем только не стяжал он себе чести и славы! Знаете, как строит он прекрасные села, созидает города, пасет и оберегает благословением Ивана и Александра, как рукою Моисеевою и Аароновою, Богом покрываемый город Тверь. И да умножит всеблагой, в Троице славимый Бог годы жизни великого князя Бориса Александровича и пошлет тишину его правлению, чтобы и мы в его государстве жили тихо и безмятежно ныне, и всегда, и во веки веком.

О ТОМ ЖЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ БОРИСЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЛОВО ИЗ ЛЕТОПИСЦА ВКРАТЦЕ

В год 6953 (1445). Был некто из рода великих князей московских, по имени князь Дмитрий, прозванный людьми Шемякой, сын князя Юрия Дмитриевича. И держал он мир с великим князем Василием Московским, а также, надо сказать, и с великим князем Борисом Тверским. И получал от них честь великую и многие дары. И не помня любовь их к себе, дыша, как ехидна, гневом, захотел он погубить старшего своего брата, великого князя Василия, что и сотворил. Пришел из города Углича и напал без предупреждения на город Москву, и взял его. И с ним брат его, князь Иван Можайский. А великий князь Василий был тогда в монастыре Святой Троицы, что зовется Маковец, в обители старца Сергия. И князь Дмитрий, не убоявшись крестного целования и не вспомянув о любви к себе великого князя Василия, послал туда своего брата, князя Ивана, и повелел взять его. А перед тем подтвердили они с крестным целованием и грамоту с клятвой подписали между собой, вписав старца Сергия поручителем, что никакого зла не будет замышлять брат на брата. Но князь Дмитрий крестное целование забыл и поручителя, старца Сергия, предал. И, схватив без вины великого князя Василия, привел его на Москву, и ослепил, и послал его в заточение в упоминавшийся прежде город Углич, с великою княгинею его Мариею, а сам сел на великое княжение. А не вспомнил пророческих слов: «Что, сильный в злобе, замыслил неправду! Накажет тебя за это Бог, отторгнет тебя от селения твоего и корень твой от земли живущих!» Что и сбылось. И в ту же зиму послал он в Галич великую княгиню Софью; а дети великого князя Василия, князь Иван и князь Юрий, побежали в Муром, и с ними много князей и бояр, и остались в Муроме.

И в ту же зиму бежал в Литву князь Василий Ярославич, шурин великого князя Василия, ибо стал бояться и он такого же убийства.

И в ту же зиму, по прошествии немногих дней, послал князь Дмитрий рязанского владыку Иону и коломенского владыку Варлаамия в Муром, к детям великого князя Василия, зовя их в Москву и говоря: «Приходите на Москву, к своему отцу. А что случилось, того уж не воротишь. А отца вашего я хочу жаловать, а вам уделы вручу, какие захотите; а порукой вам во всем том владыки, коих послал к вам». И они, подумав и поверив его словам, а еще больше словам святителей, сказали про себя: «Если сей пожелает один княжить, то прибавит тем зло ко злу, если же и нас захочет убить, то пусть будет воля Господня». И пошли к Москве, полагаясь на крестное его целование и надеясь получить от него обещанное им. А он и в уме не держал такого обещания, и не убоялся крестного целования, и не устыдился святительских слов, и не вспомянул сказанного: «Что за польза в том, чтобы приобрести весь мир, погубив (при этом) душу». И когда те дети великого князя Василия пришли (к нему), то он, схватив их, как незлобивых младенцев, послал в тот же преждеупомянутый город Углич в заточение. И возжелал быть один самодержцем, не ведая того, что Бог кому хочет дать власть, тому и дает.

А Бог им и нечто лучшее уготовал.

В 6954 (1446) году схватили и послали великого князя Василия вместе с княгинею и детьми из прежденазванного города Углича в еще худшее заточение, губительное для всех людей, а именно — в город Вологду, стоящий неподалеку от Студеного моря. И там ему повелели жить.

И в ту же зиму князь Дмитрий послал посла своего к великому князю Борису Александровичу, говоря так: «Случилось, брат, в нашей земле, что брат наш, великий князь Василий, принес татарам целование, что отдаст им твою отчину, великое княжение тверское, и наши отчины тоже. И мы, обсудив это со своими братьями и со всей землею, схватили великого князя Василия. И о том возвещаем тебе, чтобы и ты помогал нам защищать христиан, а также и свою отчину».

И великий князь Борис Александрович тотчас же послал своего воеводу князя Андрея Дмитриевича, наказав ему разузнать истину о великом князе Василии, а сам проливал слезы. И, вдохновлен милостью Спасителя Бога, пожелал вступиться за своего брата, великого князя Василия, и поступил так, как (некогда) Ярослав.

И в ту же зиму послал великий князь Борис в Вологду наместника своего кашинского, князя Феодора Шуйского, за своим братом, за великим князем Василием. И сказал свое слово вслух, обращаясь ко всем людям: «Да будет вам ведомо, на то, конечно, воля Божия, но хотим мы в единстве быть: Борис и Василий, Василий и Борис». И донеслось то слово и до Московской земли, и все люди, князья и бояре, от знатных до простых, узнав, что объединяются оба этих военачальника, воспарили, как орлы, и, как пчелы на скопление цветочное, полетели. Со всех сторон стали стекаться люди в дом Святого Спаса к великому князю Борису Александровичу, и он принимал их, и упокоивал их, и утешал их, и помогал им, кто в чем оскудел, ибо написано: «Ваш избыток в восполнение чьего-то недостатка будет». И отпускал их всех к своему брату, великому князю Василию.

Мы же к прежнему возвратимся. Упомянутый прежде князь Феодор Шуйский, придя на Вологду к великому князю Василию, возвестил: «Брат твой, великий князь Борис Александрович, передает: “О, брат, великий князь Василий, сотворилась в нашей земле такая беда, и больше всего над тобой, над нашим братом, какой от начала века и доныне никогда еще не бывало. Ныне милостью Божией по твоей, моего брата, любви ко мне послали мы к тебе, как себя самого, посла нашего, чтобы шел ты в дом Святого Спаса и в мою отчину. А мы с Божией помощью, сколько станет сил, будем защищать тебя”». И, услышав это, великий князь Василий вздохнул из глубины сердца своего, прослезился и сказал: «Воздам хвалу всещедрому и милостивому Богу и его пречистой матери за добродетель моего брата, великого князя Бориса, что не оставил меня пребывать в скорби сей. Ведь и раньше, когда приходил на меня дядя мой, князь Юрий, со своим сыном, с тем же князем Дмитрием, и изгнал меня из моей отчины, со стола моего, ни у кого не нашел я прибежища, кроме как в дому Святого Спаса, у брата своего, великого князя Бориса Александровича. И он упокоил меня».

Великий же князь Борис плакал о своем брате, великом князе Василии, и об утрате власти его. А великий князь Василий плакал от любви и милосердия к нему брата его, великого князя Бориса. Великий же князь Борис плакал о том, что прежде видел брата своего великого князя Василия красивым и благообразным, украшенным властительским саном, а ныне — уничиженным и обнищавшим, поруганным своими же братьями. И великий князь Василий снова и снова проливал слезы, вспоминая надругательство над собою братьев своих, потерю своей власти и любовь к себе великого князя Бориса. И плакали оба долгое время.

Так же и великая княгиня Анастасия с великою княгиней Марией обнимались друг с другом и плакали неутешно. Так что и многие люди, видя таких государей плачущими, проливали из очей потоки слез. И проплакав долго, взяли оба князя друг друга за руки и пошли к вечерней трапезе. Так же и великая княгиня Анастасия с великою княгинею Марией, взявшись тоже за руки, пошли к той же трапезе и сели есть. Но в то время, когда следовало им есть и пить и веселиться, тогда они вместо веселья слезы проливали. Великий князь Борис плакал, обнявшись со своим братом, великим князем Василием. Так же и великая княгиня Анастасия, обнявшись со своею снохою, великою княгинею Мариею, плакали обе; и не было им утешения, только слова пророка Давыда: «Претворил плач мой на радость».

В ту же зиму послал великий князь Борис посла своего Ивана Давыдовича в Москву, ко князю Дмитрию, повелевая ему отступиться от великого княжения и отдать его великому князю Василию и сыну его, князю Ивану, и великую княгиню Софью веля ему отпустить и от наказания избавить. И князь Дмитрий был готов отпустить великую княгиню и от наказания избавить, но отступиться от великого княжения он не желал.

И в ту же зиму, не по многих днях, пошел князь Дмитрий Юрьевич, именуемый Шемякой, собравши все свое воинство, от Москвы на Волок, сказав людям так: «Иду на великого князя Василия. А ежели станет за него князь Борис, то и на Бориса пойду». И кто не подивится такому велеречию: еще и одного не одолев, уже о втором похваляться. А княгиню свою послал в Галич и Москву осадил.

И в ту же зиму послал великий князь Борис на Волок ко князю Дмитрию посла своего Александра Садыка, возвещая следующее: «Так говорит великий князь Борис: “Что захватил отчину брата моего великого князя Василия, а мою опустошаешь?! Следует тебе идти в свою отчину и оттуда бить челом брату моему. А не пойдешь прочь, тогда я пойду со своим братом на тебя”»; и дал ему срок неделю.

Он же и срока не выждал, и бросился в бегство неприготовленными дорогами. А посланца великого князя Бориса взял с собою, потом же отпустил его с почестями и с челобитьем к великому князю, прося у него самого прощения и ходатайства за себя перед братом.

И в ту же зиму, не по многих днях, послали: великий князь Борис — своего воеводу Льва, а великий князь Василий — своего воеводу

Плещеева к Москве. И дивно: небольшим числом, в девяносто или сто человек, освободили город, и захватили наместника, и овладели городом. А ведь в городе том находилось несколько десятков тысяч человек. Но кто же смел руки поднять на таковых государей!

И в ту же зиму, через несколько дней, пошел великий князь Борис, собрав все свое воинство, на князя Дмитрия. А с ним брат его великий князь Василий вышел из славного города Твери. И за тридцать поприщ до городка под названием Редына пришла весть о том, что, де, князь Дмитрий побежал в дальнюю часть страны. И великий князь Василий стал уговаривать великого князя Бориса возвратиться, поскольку князь Дмитрий уже повернул вспять и ' бросился в бегство. Но великий князь Борис обещался стоять до смерти с великим князем Василием. И когда все же умолен он был им, тогда воздал ему, брату своему, великому князю Василию, великую честь и многие дары и отпустил его на исконное его княжение.

И пожелал великий князь Василий пойти к городу Угличу, бывшему местом княжения Дмитрия, а его — узилищем. И великий князь Борис отпустил с ним сильных и крепчайших своих воевод, Бориса Захарьинича с братом его Семеном Захарьиничем, и с ними множество воинов, и совершили они переход за немного дней. И подошли они под преждеупомянутый город Углич, и не захотели горожане отворить города. И великий князь Василий послал сказать великому князю Борису: «Без тебя, брат, не отворится мне и малый город». И великий князь Борис послал к нему своего сына боярского и вместе с ним пушечника с пушками, по имени Микула Кречетников. Таков был этот мастер, что не найти подобного и среди немцев. И когда привезли пушки, тогда воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис и Семен, служащие как добрые и храбрые воины государю своему, великому князю Борису Александровичу, стали готовиться к предстоящей брани, а пушки поставили у самой городской стены и приказали стрелять; сами же двинулись на приступ, так что все москвичи дивились их отваге, и дерзости, и великому их ратному искусству. И горожане, увидав отвагу сынов тверских и твердость великого князя Василия, исполнились страха и отворили город. И великий князь Василий не сотворил никакого зла тому городу, умиротворил их и занял город. И пошел за своим недругом, князем Дмитрием, к Ярославлю, и вместе с ним воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис Захарьинич и Семен.

В ту же зиму задумал государь наш, великий князь Борис Александрович, вернуть потерянную драхму, собрать тех, кто был рассеян, и соединить их в единое стадо, чтобы был один пастырь, иными словами, пожелал пойти к городу Ржеву. И так и сталось. И послал впереди себя своих воевод, князя Дмитрия Федоровича и

Григория Никитича. Жители же Ржева не только не захотели отворить (городских ворот), но даже стали, показывая свою смелость, выходить из города и биться с воеводами великого князя Бориса. И воеводы великого князя Бориса одних из них побивали, а других просто ловили и отсылали к великому князю Борису Александровичу, прося самого его, государя, подступить к городу, так как великий князь Борис сам не пожелал пойти к тому малому городу. Но городок тот хотя и мал, но крепок, и множество укрепительных сооружений у него.

Великий же князь Борис Александрович решил поехать себе на потеху в обычное, как и прежде бывало, ежегодное свое путешествие в свой город, называемый Опоки. И проходя неподалеку от того города Ржева, о котором прежде шла речь, так, что виден был город, послал он своего боярина Константина Константиновича ко ржевичам, повелевая им отворить город, сказав (при этом): «Прадедина это наша, и каким-то образом завладели ею наши братья, великие князья московские. Нынче же милостью Божией наше нам отдают. А вы для кого удерживаете город сей?» Эти же смерды, как глухие аспиды, затыкали уши свои, не желая слышать речей государевых, и все больше укрепляли город свой и самих себя. И стали сами жечь (свои) посады.

И узнав об этом, великий князь Борис Александрович послал своих воевод, Данилу Григорьевича, и Карпа Феодоровича, и многих других воевод, веля им тушить пожары в посадах и останавливать горожан. И они, подойдя, стали под городскими стенами. И больше уже никто не смел выйти из города.

А поутру пожелал великий князь Борис посмотреть на город. И поехал к городской стене с немногими людьми, и, не желая быть узнанным жителями того города, поехал тайно. И, скрываясь, обнаружил себя еще сильнее, как луч перед солнцем, как заря пред рассветом. Ибо, увидав государя, многие из людей сбежались к нему, а некоторые из них бросались ниц с коней. И сколько ни отгоняли их, еще больше их сбегалось. Великий же князь Борис Александрович, как солнце, сиял посреди других людей. Ведь написано: «Не может город укрыться, наверху горы стоя». Так же и сей прославленный государь, великий князь Борис Александрович, не может утаиться при таком великом могуществе. Как луна в ночи, так же и он светится посреди людей.

И, осмотрев тот упомянутый прежде город Опоки, в понедельник утром выступил сам великий князь Борис Александрович со множеством князей и бояр на город Ржев. И столь было чудно зрелище, что все люди дивились премудрости и храбрости славного того государя: так снарядил он полки, что и тот, кто с младых ногтей был обучен таковому

искусству, не смог бы устроить так, как снарядил полки великий князь Борис; (они) представлялись горожанам как некая великая река текущая или даже как море волнующееся и так блистали, что издалека казалось, будто видны зажженные светильники. И был грозен приход их, как подступили они к городу. И дивно было видеть, какие храбрые воины у великого князя Бориса Александровича, — кто вдвоем или втроем, под прикрытием одной только доски от ворот, подступали к городской стене, а иные с одними только щитами до самой стены добирались. А ведь с городской стены били, — одни из пушек, другие из пращей, кто метал каменья, а кто пускал стрелы как дождь. Но милостью Божией ничто не повредило воинам великого князя Бориса Александровича.

И на следующий день в субботу приказал великий князь Борис бить по городу из пушек. И так было то страшно, что многие люди падали от (одного) того великого грохота. И стали одни снаряжать туры и подводить их к городской стене, а другие лишили город воды.

И была в городе скорбь немалая, и страшно было им видеть, как сделали новую стену из туров напротив городской стены и поставили пушки; и ржевичи испугались, увидев храбрость и умение великого князя Бориса Александровича и отвагу тверичей. И стали присылать челобитчиков к славному государю, великому князю Борису Александровичу, прося смилостивиться над городом; и князь великий Борис обещал помиловать их. А воины великого князя Бориса взывали: «Прикажи нам приступить к городу, чтобы предать его огню!» Но великий князь Борис не повелел быть по их просьбе, желая оказать городу милость. Воины же великого князя Бориса подступали к городской стене. А горожане беспрестанно слали челобитчиков к великому князю Борису, прося помиловать их.

И великий князь Борис пожаловал их, сотворил им милость. И горожане с радостью отворили город; в который день подступил великий князь Борис Александрович к городу, в тот день и открыли.

Но великий князь Борис не пожелал в этот день войти в город. Он поехал в свой упоминавшийся уже прежде город Опоки. И когда въехал он в город Опоки, пришел к нему в тот же день посол от его брата, великого князя королевича Казимира, по имени Давкши, и принес ему великие дары, — золотом, и дорогими камчатными тканями, и золотыми сосудами, и оружием, и борзыми конями и иноходцами. И когда подносили великому князю Борису золото или камчатные ткани, то он, веля все это своим принимать, сам не радел ни о чем из того. Но когда поднесли ему меч со словами его брата, чтобы он тем мечом

непокоряющихся ему казнил, а покоряющимся честь воздавал, то великий князь Борис собственными руками принял тот меч. И ржевичи, увидав это предначертание и храбрость славного государя, сильно устрашились, говоря себе: «Да, храбр сей князь. Ни о чем не печется, а меч любит».

И великий князь Борис пожелал поехать к городу Ржеву в воскресный день. И полетел, как высокопарящий орел на лов свой. И ржевичи встретили его в поле, и архимандриты, и игумены, и попы, и все другие люди того города встретили со крестами великого князя Бориса Александровича. И была великая радость городу тому, что даровал им Бог государя, и пастыря, и истинного христолюбца, и защитника их земле.

И великий князь Борис, слушав Божественную литургию в храме пресвятой Богородицы, пошел оттуда к своему двору. И позвал пировать своих князей, и воевод, и местных жителей, там бывших, и воздал им великую честь. И оставался в городе два дня, а на третий день поехал восвояси.

И в ту же зиму на Федоровой неделе вернулись воеводы великого князя Бориса, Борис Захарьинич и Семен со всем войском, живы и здоровы.

И в ту же зиму князь Дмитрий освободил из плена великую княгиню Софью.

И в ту же зиму пришли послы из Великого Новгорода и били челом великому князю Борису Александровичу, чтобы пожаловать ему их по своей воле, как положит Бог на сердце великому князю Борису Александровичу. И так били они челом, и все, что было награблено в Тверской земле, отдали; а что тверские воеводы завоевали из их земель и прочее, что у них захватили, то все забыть.

И в ту же зиму послал великий князь Василий на князя Дмитрия и на князя Ивана Андреевича в Кострому двух царевичей, Трегуба и Агуба, и вместе с ними брата своего, князя Михаила Андреевича, и множество войска.

И в ту же зиму обручил великий князь Василий сына своего, князя Ивана, с дочерью великого князя Бориса, великой княжной Марией. И был при том обручении боголюбивый епископ тверской Илия и все князья и вельможи, сколько их ни есть под властью великого князя Бориса; а от другой стороны — сам великий князь Василий и с ним множество князей и бояр. Так было там многолюдно, что город не мог всех вместить. И была радость великая. Как и сказали мы раньше, обратил Бог плач на радость. И москвичи радовались, что учинилась Москва Тверью, а тверичи радовались, что Тверь стала Москвой, два государя соединились в одно.

И в ту же зиму пришел князь Василий из Твери в Москву и сел на великое княжение владимирское благодаря помощи и любви брата своего, великого князя Бориса.

И в ту же зиму послал великий князь Василий к великому князю Борису известить о намерениях своих не только мир держать, но и более того — держать между собой любовь сердечную.

И ей, ей, случилось. **В 6956 (1448) году** пришел из Литвы некий воевода князя Ивана Бельского по имени Ярославко и захватил Ржев благодаря измене и заговору ржевичей. И в том же году послал великий князь Борис свое войско ко Ржеву. И они город осадили, и принадлежащие ему земли завоевали, но города не взяли и отступили.

И в ту же осень Казимир краковский, король великопольский и великий князь литовский, собрал множество своего войска и возжелал пойти на Тверь, на великого князя Бориса. И, узнав об этом, великий князь Борис выступил ему навстречу, собрав множество своих сил, да еще пришел к нему на помощь князь Иван Андреевич Можайский. И король, услыхав, что великий князь Борис идет на него со многими силами, стал обмениваться с ним послами, и в тот час заключили между собой мир, и каждый возвратился восвояси. А Ржев король уступил великому князю Борису.

В 6957 (1449) год. Великий князь Борис Александрович послал опять своих наместников во Ржев.

В 6960 (1452) год. Женился сын великого князя Василия, великий князь Иван, и взял за себя дочь великого князя Бориса, великую

княжну Марию. И в том же году начал великий князь Борис строить на своем дворе церковь каменную (во имя) Святого Михаила, на сенях. И в том году повелел великий князь Василий вокруг Твери ров копать.

В 6961 (1453) год. Приходил князь Дмитрий Шемяка под город Кашин. И пришел не так, как это в обычае у князей и воевод — мужествовать явно, — но тайно, как хищник, пришел, когда никто об нем не ведал; не будучи сыном света, не пришел днем, а пришел в ночи до звона заутреннего. В то время все жители молились в церквах Божиих, ибо день был воскресный. И начал жечь посады. А людей в городе было очень мало, так как никто не подозревал (о нападении); а наместниками тогда в Кашине были: Иван Яковлевич, да Константин Федорович, да брат его Федор Федорович. И стали они совещаться с земскими тысяцкими и боярами, говоря себе: «Хоть и мало нас, но пойдем на них. Ибо силен Бог в милости своей. Если Бог захочет, он и малыми победит великих. Разве не знаем мы, что написано: “Один одолеет тысячу, а двое — десять тысяч, если Бог повелит”». И выступили против врагов, говоря: «Господи, услышь молитву нашу! На тебя уповаем, Господи, спаси нас! Не на луки наши уповаем! Не оружие оберегает нас, но ты один, царь и Бог наш; что ты пожелаешь, все возможно тебе. И мы по твоей милости всегда радуемся и именем твоим победим всех, восстающих на нас. Уничтожь ненавидящих нас, Господи. Видишь сам ныне, Господи, как князь Дмитрий предает огню церкви Божий. Не оставь того без наказания, Господи! Если бы враг на нас пришел, например, татарин, тогда бы еще стерпели это от него. Но этот — одного с нами крещения, христианин, а дела татарские творит, не щадит икон Божиих. Исполнились злобы уста его, и сердце его стяжало беззаконие. Но ты, Господи, не предай нас до конца в руки врага церквам Божиим, да убедимся мы, что не восторжествует над нами враг, и не выдай нас на поношение безумцу!» И в тот же час выступили из города навстречу войску. И с Божией помощью и благодаря счастью государя нашего, великого князя Бориса Александровича, одних побили, других живыми взяли в плен, третьи же, получив раны, сами бесславно испустили дух свой.

И князь Дмитрий, увидав Божию помощь воеводам великого князя Бориса, обратился в бегство, и пришел на место, называемое Киасово. И захотел остановиться здесь, чтобы оправиться от потерь, видя в своем войске бесчисленное число людей, умирающих от ран. И не только погибали раненые, но еще и здоровые, больше пятисот человек, покинули его. И поняв, что ему не остается надежды, что разрушает Бог его замыслы, бросился и оттуда (князь Дмитрий) снова в бегство. И никто не знает, где он, ибо искали его и не нашли даже следа его. Многие говорят о нем, будто находится он тут или там, но никто не знает, где он. Я думаю, что ждет его окончательная погибель.

В ту же осень послал великий князь Борис за тем князем Дмитрием своего воеводу, князя Андрея Дмитриевича, и князя Михаила Дмитриевича, и многих других. Но и они искали его долго и не нашли, ибо он скрывался в пустынных и непроходимых местах; и воеводы великого князя Бориса вернулись живы и здоровы.

В ту же осень послал великий князь Борис своего посла Ивана Давыдовича в Суздаль сватать за себя княжну, дочь князя Александра Суздальского. И в ту же зиму, за неделю до мясного заговенья, приведена была княжна Анастасия за великого князя Бориса. И венчал их Илия, владыка тверской, в храме Святого Спаса; и было так много народу, что не только в церкви все не вмещались, но даже и в городе. И были радость и веселье великое не только (в этот день), но многие дни.

И в ту же зиму заложил великий князь Борис город посреди озера и нарек имя ему Троки. И возвел его за одну неделю.

Так восхвалим преблагого Бога, даровавшего нам такого государя и попечителя о Тверской земле; ибо сияет он как солнце и излучает золотые лучи. Тому учит нас и апостол Павел, чтобы добрыми словесами воздавали честь государю своему. Ведь увлажняемая земля с избытком взрастит семена, что посеяны в нее.

Тому же, кто хочет сказать добрые слова о своем государе, следует просить у Бога слова в отверзение уст своих, и человеку, ищущему разума, следует владеть словом. Ибо как сказал пророк Исайя: «Господь даст мне язык». И Приточник сказал: «Медвяные соты — слова добрые, сладость их исцеляет душу»; и «Воздается ему по словам его». Ибо и апостол Павел сказал римлянам: «Ибо возлюбил вас и подал вам слово некое». Так возлюбите же и вы уста, говорящие добро о великом князе Борисе.

Сей благоверный, и благородный, и христолюбивый великий князь Борис Александрович в юном возрасте остался без отца своего, великого князя Александра Ивановича, и принял скипетр тверского владычества; брат его старший, великий князь Юрий...

ЖИТИЕ КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО

Подготовка текста Е. Г. Водолазкина, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина и Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

Кирилл Белозерский — основатель монастыря Успения Богородицы в Белозерской земле, прославившегося как Кирилло-Белозерский.

В миру Козьма, Кирилл родился около 1337 г. в Москве; родители его умерли, когда он еще нуждался в заботах старших; перед смертью они поручили его своему «сроднику» Тимофею Васильевичу Вельяминову, окольничему московского великого князя, одному из самых знатных и богатых людей в Москве.

В доме Тимофея Вельяминова Козьма вырос и со временем стал управляющим его хозяйством. Уже немолодым человеком, имея не менее тридцати трех лет от роду, он сумел — вопреки воле своего опекуна — осуществить свою давнюю мечту — постричься в монахи.

Козьма стал иноком Кириллом в московском Симоновом монастыре, игуменом которого был племянник Сергия Радонежского Феодор, и прошел там выучку в разных службах, начиная с работ в пекарне и поварне и кончая руководством обителью. В начале этого пути, чтобы сознательно утяжелить свою жизнь, Кирилл принимался юродствовать, напрашиваясь на наказания. Он был замечен и правильно оценен Сергием Радонежским; приходя в монастырь племянника, тот подолгу беседовал с работавшим в хлебне Кириллом.

В 1397 г., когда Кириллу было уже шестьдесят лет, он со своим другом-иноком Ферапонтом, покинув Симонов монастырь, ушел в Белозерские земли и создал там свой монастырь, в честь Успения Божией Матери. Обитель Кирилла быстро проделала обычную для того времени эволюцию: по мере прихода к отшельнику людей, желавших следовать его правилам, убежище безмолвника обращалось сначала в скит, а потом в монашеское общежитие, киновию. В год смерти Кирилла (1427) братия его общежития насчитывала пятьдесят три человека.

За тридцать лет трудов в своей обители Кирилл сумел создать из нее один из наиболее мощных духовных, книжно-культурных и хозяйственных центров Великой Руси. Сыновья Дмитрия Донского Василий, Юрий и Андрей переписывались с Кириллом; его ответные им послания сохранились. Сохранилась также, причем в подлиннике, Духовная грамота, завещание Кирилла Белозерского, где он просит князя Андрея Дмитриевича и после его, Кирилла, смерти продолжать оказывать монастырю покровительство. (Три послания и Духовная грамота Кирилла Белозерского напечатаны в т. 6 наст. изд.).

Кирилло-Белозерский монастырь сохранял свое значение крупнейшего духовного, культурного, хозяйственного, а затем также и военного центра Московской Руси по самый ее конец, по крайней мере по конец XVII в.

Житие преподобного Кирилла Белозерского — важнейший источник наших сведений о нем. Оно было написано в начале второй половины XV в. Пахомием Сербом.

Пахомий Серб был выходцем с Афона. В тридцатых годах XV в., еще молодым (но не моложе тридцати лет), в звании иеромонаха он прибыл на Русь, сначала — в Новгород. Затем, в начале сороковых годов, переехал в Троице-Сергиеву лавру и после этого жил главным образом там, хотя неоднократно возвращался в Новгород. И в Москве, и в Новгороде он выполнял литературные заказы высокого начальства — архиепископов, великих князей. Всего им написано на Руси десять или одиннадцать житий (Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского, Никона Радонежского, митрополита Алексея, Кирилла Белозерского, Михаила Черниговского и боярина Феодора, Саввы Вишерского, новгородских архиепископов Евфимия II, Моисея и, возможно, Иоанна и Ионы, причем некоторые из них не в одной редакции), ряд похвальных слов и сказаний (на обретение мощей митрополита Алексея, на перенесение мощей митрополита Петра, на Покров Богородицы, празднику Знамения Богородицы в Новгороде, Варлааму Хутынскому, Сергию Радонежскому, Клименту Римскому, о гибели Батыя), четырнадцать служб и двадцать один канон (в основном тем же лицам и праздникам). Пахомий — один из плодовитейших писателей Древней Руси. Притом это — редкий в Древней Руси случай писателя-профессионала, работавшего на заказ и получавшего за труд хорошие гонорары (об этом он с гордостью пишет сам).

Составляя по заказу жития, слова и службы с канонами, Пахомий имел в виду главным образом практические — церковно-служебные цели. Он хорошо владел стилем славянской богослужебной литературы и не видел ничего предосудительного в заимствованиях из чужих произведений (как то: Слово на обновление храма великомученика Георгия Аркадия Критского, Похвальное слово Клименту Римскому епископа Климента, жития Афанасия и Петра Афонских, сочинения Григория Цамблака и митрополита Киприана), в повторениях самого себя (во вступлениях к ряду житий), в создании своих редакций — путем небольшой переработки текста (сокращения одних мест и распространения других), мозаичного соединения и просто дополнения предисловием и послесловием чужих произведений. Но при этом он пользовался и устными источниками, и некоторые его жития — в первую очередь интересующее нас сейчас Житие Кирилла Белозерского — созданы почти исключительно на основании слышанных им рассказов современников-очевидцев.

Прозаические произведения Пахомия — и Житие Кирилла тут не исключение — строятся обычно по четкой схеме: предисловие, основная часть и заключение. В предисловиях говорится о важности прославления праздников или святых, о трудности для человека этого дела и об извиняющих автора в этом непосильном начинании обстоятельствах. В риторических вступлениях, отступлениях, похвалах и т. п. язык Пахомия искусственно усложнен, витиеват и приближается к стилю гимнографической литературы — стихир, канонов и акафистов (с акафистами, в частности, его роднят многочисленные хайретизмы,

т. е. обращения к прославляемым лицам, начинающиеся словом «радуйся»). Основная часть членится на ряд эпизодов. В житиях речь начинается, как правило, с родителей святого, прерывается разговорами и размышлениями действующих лиц, наставительными авторскими замечаниями и похвальными восклицаниями, иногда довольно пространными, и завершается цепочкой рассказов о чудесах. В повествованиях о событиях язык Пахомия прост, ясен и деловит. Опираясь на большое количество устных преданий и предшествующих письменных произведений, иногда документов, жития Пахомия Серба богаты историко-литературным и историческим материалом и потому интересны как для историков литературы, так и для собственно историков.

В конце 1461 — начале 1462 г. Пахомий Серб в очередной раз ушел из Новгорода в Москву, откуда скоро, по поручению великого князя Василия II Васильевича (ум. в 1462 г.) и митрополита Феодосия (1461—1464 гг.), отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы собрать там материалы для заказанного ему Жития основателя этого монастыря. Заказ объяснялся благодарностью великого князя монастырю за ту поддержку, которую он получил там в сороковых годах, когда был лишен Дмитрием Шемякой великого княжения и сослан в Вологду. Закончил Пахомий Серб Житие Кирилла после марта 1462 г. (смерть великого князя Василия II Васильевича) и до 13 мая того же года (рукоположение в Ростовского архиепископа третьего преемника Кирилла игумена Трифона), возможно, уже по возвращении в Троице-Сергиеву лавру. (Подробнее о Пахомии Сербе см. статью о нем в «Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Часть 2. Л—Я». Л., 1989, с. 167—177).

По всей видимости, под пером самого Пахомия, действовавшего в литургических целях, около 1464—1465 гг. появилась вторая редакция Жития, представляющая собой механическое сокращение первой. Кроме того, известно краткое проложное Житие Кирилла, составленное на основании первой, пространной редакции вскоре после ее появления, но имеющее некоторые черты оригинальности. В 1615 г. на основании Пахомиева Жития преподобного Кирилла была создана Иоасафом еще одна его редакция.

Житие Кирилла Белозерского — один из немногих рассказов о святых, написанных Пахомием впервые, по словам «самовидцев», а не путем редактирования или дополнения чужих произведений. Единственным письменным источником послужила ему в данном случае Духовная грамота Кирилла, включенная им в Житие с некоторыми пропусками и поправками.

Главными информаторами автора в Кирилло-Белозерском монастыре были ученики Кирилла: тогдашний игумен монастыря Кассиан (1448—1465 и 1466—1470 гг.) и Мартиниан Белозерский. Мартиниана Пахомий отмечает как наиболее полно и связно рассказавшего ему о своем учителе. Так что достоинства Жития Кирилла, его содержательность и занимательность, в большой мере — заслуга Мартиниана, «с юного возраста жившего с Кириллом и хорошо знавшего о святом».

Состоя из более чем сорока рассказов, Житие Кирилла представляет собой самое большое из произведений Пахомия и — несмотря на неизбежную для этого жанра стилизацию и типизацию лиц и событий — самое насыщенное конкретными историческими сведениями, обстоятельствами и именами. Здесь гораздо подробнее, чем в других житиях, говорится о молодости святого, о периодах его жизни, об окружавших его людях — его родственнике-воспитателе Тимофее Васильевиче, жене того Ирине, игумене Стефане Махрищском, преподобном Сергии Радонежском, племяннике того Феодоре Симоновском, Михаиле Смоленском, Ферапонте Белозерском и других.

Похоже, что ученики Кирилла, в том числе Мартиниан, совсем немного знали о светском периоде жизни своего учителя. Возможно, Кирилл не любил в старости рассказывать о своей молодости. Но, может быть, агиограф Пахомий остерегался, как бы конкретные подробности житейско-исторического плана не повредили чистоте жанра жития, призванного повествовать о вечном, надприродном в жизни человека, а не о превратностях его бытия. Как бы то ни было, в Житии оказалось очень мало сведений о первой половине долгой жизни Кирилла.

Текст жития преподобного Кирилла Белозерского печатается по рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 18/1095, 30—60-е гг. XVI в., происходящей из Кириллова монастыря. Все исправления и добавления (они выделены курсивом) сделаны по изданному В. Яблонским в книге «Пахомий Серб и его агиографические писания» (СПб., 1908, с. I—LXIII) тексту рукописи РГБ, МДА,№ 13(208), XV в.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА ИЮНИЯ ВЪ 9 *ДЕНЬ*. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ИГУМЕНА КИРИЛА, ИЖЕ НА БѢЛѢЕЗЕРѢ ПРЕЧЕСТЕНЪ МАНАСТЫРЬ ПОСТАВЛЬШАГО ПРЕЧИСТЫА ВЛАДЫЧИЦА НАШЕА БОГОРОДИЦА, ЧЕСТНА*ГО* ЕЯ УСПЕНИА, И В НЕМ ОБЩЕЖИТИЕ[1] СЪСТАВЛЬШАГО, СПИСА ЖЕ СЕ ИЕРОМОНАХ ПАХОМИЕ СВЯТЫА ГОРЫ

Благослови, отче![2]

Понеже убо онѣм великым божественымъ мужем, иже въ постѣ и подвизѣ просиавшим, иже потолику велику побѣду на враги мужескы показавше и мира сего вся красная и суетная, иже вмалѣ услажаемая, преобидѣвъша, проразумѣвъше, яко *вся* суть временъная, потом без вѣсти бываемая — аще велика, аще мала — подобна сѣни и сну преходяща или цвѣту утренему, *иже* при вечери усыхающу и отпадающу — техъ убо святых житиа же и повѣсти и древним онѣм списателемъ нужна бяху и неудобна яже о нихъ подробну написати ради тѣх высокого житиа и любви еже къ Богу, нынѣ же послѣдняго

рода нашего кто житие тѣх изрещи възможеть или по достоинъству похвалити, ихже житию и сами аггели удивишася и похвалиша, ихже имена написана быша на небесехъ — иже Пресвятаго Духа силою крестъ на рамо вземше и многокозненаго и прегръдаго змиа своими ногами, посрамивше, низложиша *и конечному безъвестию предашя*, и сего ради Царствиа Небеснаго сподобишася, и тѣм райскиа двери отвръзени быша, и внидоша, радующеся, в радость Господа своего?

Но понеже не тако просто святым похваляемым, яко от нас похвалъ требующе, но яко похвала святыхъ обыче на Самого Бога въсходити и превъзноситися — и в лѣпоту, Спасъ бо Сам рече: «Приемляй вас Мене приемлет»,[3] «Слушаяй вас Мене слушаеть».[4] Не бо о единѣх апостолѣхъ сие речеся, но и о всѣх святых, иже вѣрою работавших Ему.

Иное же похваляем святых, яко инѣх въздвигнути хотяще къ зѣлному тѣх преизящьству и любве еже къ Богу. Сихъ бо похвалъ послушающим и Богови вниманиемъ тѣх внимающих и отсюду приходящим боголюбезных и в самѣхъ тѣх повѣстей произволяющим пребытокъ обилный и много мздовъздание, паче же помышляюще: «Такови они человѣци бѣху, якоже и мы, и подобострастни прочим человѣком, но не бяше тѣх произволение, якоже прочим человѣком». Но вмѣсто телеснаго покоя изволиша зѣлныя труды и болѣзни, и вмѣсто сна всенощное стоание, и вмѣсто веселиа радостнотворный плачь, и вместо человѣчьскых молвъ выину съ Богомъ бесѣдование. И к Нему, якоже по нѣкыих степенех, дьнь от дьне приближающеся, и глас всегда тѣх бяше: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!».[5] Не бо ти уклониша сердце свое въ словеса лукавствиа, ниже елей грѣшникъ тѣхъ помаза главы, но бяху ревнующи онѣм древним Богу угодившим мужем, ходивъшим въ овчинах и козияхъ кожах, по вся дьни лишаеми, скорбяще, злостражюще, в пустынях скитающеся, въ горах и вертьпах, в пропастех земных Господеви работающе и въ своихъ удѣхъ Господа прославляюще. Тѣмже и Богъ тѣх прослави, якоже пишет: «Прославляющаа Мя прославлю».[6]

Отнуду же иже въистинну нынѣ похваляемый нами всесвѣтлую вину настоащаго слова предлежить. Днесь основанию начало приати хощетъ — иже сихъ ревнитель достохвалный Кирииль да глаголеться.

Помыслит же кто, яко иныя *ми* земли суща и не вѣдяще опасно яже о святѣм. И въправду, не бо своима очима видѣхъ того блаженнаго, ниже пакы что таковых бываемое, но, еще ми сущу далече, слушах о святѣм, колика чюдеса творить Богъ его ради, — зѣло удивихся. И сего ради, ово*гда* повелѣнъ бывъ тогда самодръжцем великым княземъ Василием Василиевичем[7] и благословениемъ же Феодосиа митрополита всеа

Руси[8] приити въ обитель святаго и тамо своими ушесы слышати бывшая и бывающая чюдеса от богоноснаго отца, тѣмьже и великъ труд подъемъ далечяйшаго ради растоаниа мѣстом. Но понеже усердиемъ и любовию еже къ святому, якоже нѣкыим ужемъ длъгымъ, влеком, путь преидох и обитель святаго достигъ.

Видѣхом тамо настоателя тоя обители Касиана именем,[9] достойна игуменом глаголатися, мужа, от многых лѣт въ трудѣх постничьскых състарѣвшася. Сей убо множае начат ми глаголати нѣчто о святем написати, бяше бо велию вѣру имѣя къ блаженному Кирилу, иже самовидець бяше блаженаго и многым его чюдесем сказатель ми истинный бысть. Обрѣтох же тамо и иных многыхъ от ученикъ его. Яко столпи непоколѣбимии въистинну пребывающе, иже многа лѣта живше съ святым, въ всем ревнующе учителю своему, якоже научени бывше отъ него. И ничтоже предѣла отечьскаго не разорися от них, но тако пребывающе бяху благодатию Христовою в постѣх и в молитвах и бдѣниихъ, безмолствующе: якоже видяше отца творяща сиа, тщахуся собою и дѣлы исправити, *якоже бы рещи*: «Сии — род ищущих Господа и ищущих лице Бога Иаковля».[10] Паче подобно глаголати: «Сии — древеса доброплодна, ихже насади Господь Богъ нашь».[11] И бяше видѣти образъ тѣхъ житиа доволенъ и кромѣ писаниа къ извѣщению тѣх добродѣтелей.

Ихже азъ въпросивъ о святѣм, начаша бесѣдовати ко мнѣ о житии святаго и о чюдесѣх, бывающих от него: овъ — сиа, ини же — подобна тѣм. И на многы различны части глаголанна бѣ святаго дѣйствиа. Елма же азъ слышавъ от самовидца того житиа паче же достовѣрнѣйшая отъ самого того ученика Мартиниана именем,[12] бывшаго игумена тезоименитнаго манастыря, Сергиева зовома, иже от малаго възраста живша съ святым Кирилом, иже вѣдый извѣстно о святѣм. Съй по ряду сказаше мнѣ о нем, ихже слышавъ, зѣло удивихся.

Тѣмьже желаниемъ и любовию еже къ святому множае огня разждигаем, аще и грубъ сый, не наученъ внѣшней мудрости, но *понеже* понуженъ бывъ и разсудивъ, яко неподобно святаго чюдесем по разньству глаголатися, и сиа вся, елика слышах, въедино събравъ и помощи убо Божиа прося, святаго же и приснопамятного отца боговѣщателных молитвъ надѣяся, по достижному къ иже по Бозѣ живущим истинѣ дателем опасним, руку простроx къ повѣсти, яко да не умолчано будет праведное и да не забвению глубинѣ предано будет иже пред многыми лѣты бывшее, но на общую всѣм преложится ползу хотящим слышати, якоже явить и нынѣ.

О РОЖДЕНИИ СВЯТАГО

Съй убо преподобный отець нашь Кириилъ родися от благочестиву и христиану родителю. Крестиша и во имя Отца и Сына и Святаго Духа и нарекоша имя ему въ святемь крещении Козма. Устрабившу же ся отроку и божественому Писанию извыкшу, прочее растущу ему въ всяком благовѣинъствѣ и чистотѣ и просвѣщеном разумѣ, и сего ради от всѣх любим бывает и почитаем. Таже иже посреде время преиде, и родителя его, земная оставльше, к Господу отходят, того же предиреченнаго Козму, сына своего, предавше сроднику своему Тимофѣю именем.[13] Бяше бо тъй предиреченный Тимофей околничий у великого князя Дмитреа, богатьствомъ и честию паче инѣх превосходя тогда, Сему бо яко сроднику своему вручает сына своего, еже пещися и промышляти яже о нем. Богъ же, иже сирым отець и скорбящим утѣха, свыше зряше, провѣдый же напослѣдокъ хотящаа быти от него и яже имяше въ серци добродѣтель.

Прежереченный же Козма, о немже нам слово, яко видѣ родителя своа къ Господу отшедша, въ мнозѣ размыслѣ бяше и недоумѣяшеся, что сътворити. Желаше же и въ иноческая одѣатися, но никтоже смѣаше руковъзложение сътворити о нем ради велможа оного. И тако бяше прилѣжа къ церкви Божии, постомъ же и молитвами преспѣвая. Видѣв же предиреченный Тимофѣй тако въ благых преуспѣвающа, множае паче начатъ любити его за бывающую в нем добродѣтель, тѣмже и зѣло радовашеся о немъ. Елма же доспѣвшу ему в муж съвръшенъ, сподобляет и сѣданиа на трапезѣ с собою, по малѣ же и на казначий бывает его имѣнию.

Но онъ тако в мысли своей дръжаше, якоже и прьвѣе: како бы възмоглъ быти инокъ, — *рачением же симъ и любовию къ Богу*, якоже нѣкым огнем распалаем. И сего ради в печали мнозѣ бяше о сем и никомуже тайну свою повѣдати смѣаше, но тако въ умѣ си дръжаше и по манастыремъ отходя, гдѣ бы моглъ улучити желаемое ему иночьское пребывание. Но не мощно ему бяше от преждереченнаго велможа. Что же онъ? Аще и мирьская ношаше, но вся иноческая дѣла тому бяху; глаголю же *постъ* и *молитва,* и *милостыня*, и прьвѣе всѣх къ церкви хожение, конечное же и выше всѣх телесная чистота и незлобие, с неюже всякъ *узрит* Господа. Поминаше же слово, глаголющее: «Блажени чисти серцем, яко тѣ Бога узрят».[14] Тѣмьже и всѣм тогда и преже иночьскаго житиа инок познавашеся. Что же по сих?

Богъ, хотя желание оного Козмы исполнити, споспѣшьствова ему таковым смотрениемъ сице скончати ему иже от многых лѣт иноческаго образа желаниемъ образом сицевым.

О ПОСТРИЖЕНИИ СВЯТАГО

Случися убо приити Махрищьскому игумену Стефану,[15] мужу сущу в добродѣтели съвръшену, всѣм знаем великаго ради житиа. Сего пришествие увѣдѣвъ, Козма течеть убо с радостию к нему, много бо время преиде, отнелиже ожидааше его. И припадаеть къ честным того ногам, слезы от очию проливая, и мысль свою сказуеть ему, вкупѣ же и молить его еже възложити на нь иночьскый образъ. «Тебѣ, — рече, — о священная главо, от многа времени желах, но нынѣ сподоби мя Богъ видѣти честную святыню твою. Но молюся: Господа ради не отрини мене грѣшнаго и непотребнаго, подражавъ своего Владыку: Он бо не отрину, но приимаше грѣшникы — мытаря же и блудника. Тѣмьже убо и ты мене приими грѣшнаго, якоже Онъ тѣх приалъ есть. Твоа бо, — рече, — и твоеа святыни дѣло се, аще въсхощеши». Сиа же и ина многа глаголющу и молящуся ему, и понеже игуменъ Стефан умилися о словесѣх его, видѣвъ толико усердие и плач, и от сего разумѣвше, яко съсудъ хощет быти Святому Духу, еже и бысть послѣди. Сиа же бяше Божиа смотрениа бываемое, но паче Оного промышлениа бяше дѣло.

Тѣмьже и от слезъ велит ему престати, глаголя: «Престани, чадо. Якоже изволится Богови, тако и будет». И тако помышляше, како и коим образом възложити на нь иночьский святый образ и сътворити его инока. «Аще, — рече, — възвѣстим вышереченному Тимофѣю, но не попустит сему быти. Аще ли пакы и молим его, но не послушает нас». Умысли же и таковое, еже просто тако и несъвръшено възложити на нь иночьская, еже и сътвори.

И възложив бо на нь иночьское одѣание, и нарече имя ему Кирил, прочее же на Божии воли остави. И тако сему бывающу, приходит предреченный Стефанъ к Тимофѣю оному, тому же от мирскых молвъ опочинути хотящу в полудне. Пришедшу же Стефану къ дверем и тлъкнувшу, възвѣщено бысть Тимофѣю приход Стефановъ. Имяше же велию вѣру къ Стефану игумену, и яко прииде Стефан, въставъ Тимофѣй и поклонися ему, благословениа прося. Елма же к сим игуменъ Стефан: «Богомолець вашь Кириилъ благословляет», — рече, оному же въпросившу от именованиа, и «Кто есть Кириил?» — глаголаше. Игуменъ же отвѣща: «Козма, — рече, — бывший слуга вашь. Нынѣ же ему изволися быти иноку, Господеви работати и о вас молити». Онъ же, яко услыша, тяжко си внят слово, вкупѣ же и скорби исполнився и нѣкая досадителная изрекъ словеса Стефану. Стефанъ же игуменъ, стоя, рече: «Повелѣно ны есть от Спаса Христа: “*Идеже аще приемлютъ вас и послушают, ту пребывайте, а* идѣже не приемлют вас ниже послушають, исходяще оттуду, и прахъ ихъ прилѣпший от ногъ ваших отрясайте пред ними въ свѣдѣтельство им”».[16] И тако Стефанъ прочее отиде, ничтоже ино глаголавъ.

Жена же того Тимофѣя, Ирина именем, благочестива и боящися Бога, тяжко си внят Стефаново, паче же Христово, слово. Начят мужа своего увѣщавати, яко такова мужа оскорби, паче же поминаше реченное тѣм слово. Мужь же ея раскаявся о словесѣх, глаголанных къ Стефану, вѣдый его мужа свята. Тѣмже и въскорѣ посылаеть възвратитися к нему. Тому же пришедшу, Тимофѣй прощениа прошаше, *вкупѣ же и Стефанъ прощение приносяше*. И сему тако бывающу, и Козму, нареченнаго Кириила, остави на своей воли быти ему, якоже хощеть. И тако Стефанъ отиде, радуяся, яко приобрѣт брата.

Пришедшу же ему, възвѣщает Кириилу вся, елика сътвори Богъ о нем. Тогда Кириилъ свобод от всѣх бывъ, радуяся бяше, хвалениа велия Богу исповѣдуеть и Пречистѣй Его Богоматери, отнудуже и Стефану благодарение велие въздааше. Тѣмже и вся, елико имѣаше, расточи и дасть убогым и ничтоже себѣ остави ради телесныа нужда. Не помянувъ ктому ни старости, ни продлъженых лѣт живота, но от всѣх нагъ бывъ, никоеяже споны имѣя, *ниже* попечение, по Глаголющему: «Не пецитеся о утренем».[17]

О ПРИШЕСТВИИ СВЯТАГО НА СИМО*НО*ВО[18]

И сему тако бывающу, отходит игуменъ Стефанъ в монастырь Пречистыя Успению на Симоновъ нарицаемо, поим съ собою Кириила. И тако предасть его въ руцѣ архимандриту тоя обители Феодору именем,[19] мужу велику въ добродѣтели и в разумѣ. И ту абие Феодоръ приемлет его с радостию и тако постризает его съвръшено и дасть ему то же наименование Кириилъ.

Бяше же тогда имѣа житие в монастыри том нѣкто Михаилъ,[20] иже послѣди бысть Смоленьску епископъ, мужь велико житие по Бозѣ преходя въ молитвах и въ постѣ и бдѣниихъ и въ всяком въздержании. Сему бо Кириил ученикъ Феодором врученъ бывает. Сего видѣвъ, Кириилъ възревнова добродѣтелному его житию и всѣм умом повиновашеся ему. И опасно зряше того в молитвахъ протяжное, безъгнѣвное же и въ трудѣх любомудрое *житие*, видѣвъ же того безмѣрныа труды, тщашеся собою вся та исправити. И тако бяше старцю повинуяся въ всемъ, и сице с постом вмѣняше наслаждение, и въ зимное время наготу вмѣняше теплоту, и тако великым въздръжаниемъ всякым томяше плоть свою, по реченному: «Плоть изнуряа, душю же просвѣщаа». Сна же мало *нѣчто* приимаше, *и сиа тому сѣдящу*. Моляше же и старца чрез два или три дни ясти, но не попусти ему старець, но повелѣ ему съ братиами хлѣбъ ясти, и сиа не до

сытости. Егда же старець в нощи Псалтырь чтяше, сему повелеваше поклоны творити, и сие многажды бываше до времени клепанию.[21] В соборѣ же тщашеся прьвѣе всех обрѣстися на пѣнии.

Глаголють и сии, яко внегда стояти оному Михаилу нощию на своемъ обычнѣм правилѣ, с нимъ же и святому Кириилу стоащу. И егда случашеся старцю Михаилу ис кѣлии изыти, тогда многыми виды преобразующася диавола видяше Кириилъ, странными нѣкими и страшными образы хотяще святаго устрашити. Но Исусовымъ званиемъ сии без вѣсти бываху. А иногда же Михаилу сущу съ ним в кѣлии на правилѣ, слышашеся отвнѣ тутьны нѣкиа и толкание въ стѣну. Но обаче силою крестною по молитвѣ без вѣсти бывааху.

Бысть же у великого того подвижника время немало, никоея же своеа воля имый, токмо неразсуднаго послушания. По сем же повелѣниемъ архимандрита Феодора отходит въ хлѣбню и тамо болми начят въздержатися, воду нося и дрова сѣкый и хлѣбы тепьлыя братиамъ принося, тѣмже и теплыя молитвы от них приимаше. И понеже много спѣшение еже въ службѣ показаше — толико бо стоаше на молитвѣ, яко иногда всю нощь без сна пребывати, и се многажды творяще — тѣмьже и от всѣх чюдимъ и похваляем бѣаше. Ядь же его бяше толико егда *отъ глада* не пастися ему, иногда же тако ядяше, яко да токмо братии не познано будеть его въздержание. Питие же ничтоже ино не бяше кромѣ единоа воды, и тъ въ жажду — и сице убо многыми времены. Плоти своей врагъ немилостивый бываше, поминая апостольское слово: «Егда тѣлом немощьствую, тогда духом силенъ есмь».[22]

Егда же по нѣкоему времени случашеся святому Сергию приити в монастырь Владычица нашеа Богородица ради посѣщениа братинича своего, архимандрита Феодора, и прочихъ иже тамо братий, прьвѣе всѣх прихождаше въ хлѣбню къ святому Кириилу и наединѣ на многь часъ бесѣдующе бѣаху о ползѣ душевнѣй. Якоже рещи, обою душевную бразду дѣлающи: овъ сѣа сѣмена добродѣтели, ов же напоая слезами, «Сѣюще бо съ слезами, радостию пожнуть».[23] И сим тако бесѣдующим час или множае, тогда увѣдѣвъ архимандритъ Феодоръ пришествие блаженаго Сергиа, абие съ братиами прихождаше к нему и любовьное о Христѣ цѣлование приимаху. И отсюду бо удивление бяше всѣм, яко всѣх оставль, и самого архимандрита Феодора, к тому единому Кириилу прихождааше. *Тѣмже* отъ всѣхъ чюдим бяше и хвалим. Тъй же, утаитися хотя, подобно оному страдаше, иже въ тмѣ светило посреди стъкла утаити хотящему. Сътвори же въ хлѣбни *время* немало.

Таже посылаем бывает въ магерницу, сиречь в поварню, и тамо болми въздержашеся, в памяти всегда имѣа огня неугасимаго и вѣчнаго

мучениа, ядовитаго червиа. И на огнь часто взирая, глаголаше к себѣ: «Терпи, Кирииле, огнь съй, да сим огнем тамошняго възможеши избѣжати». И оттого толико умиление дарова ему Богъ, яко ни самого того хлѣба могущу ему без слезъ вкусити или слова проглаголати. Тѣмже вси, видяще его толико труды и смирение, не яко человѣка, но яко аггела Божиа посреди себе имѣаху. Он же, утаити хотя зрящим добродѣтель, юже имѣаше, урод мняшеся быти притворениемъ, яко да не познан будет подвигомъ дѣлатель.

Тѣмже начат нѣкая подобна глумлениа и смѣху творити, егоже видѣ настоатель запрещение тому даяше, рекше епитемию, о хлѣбе и водѣ дний 40 или множае. Он же с радостию сиа приемляше и усердиемъ пощашеся, и пришедшимъ уреченым от отца поста днемъ, и Кириилъ пакы иное уродство творяше, яко да множайшее запрещение прииметь от настоателя, еже и бываше. Иногда бо и въ шестих месяцѣхъ повелѣнъ быв настоателем ничто же ино вкушати, токмо хлѣба и воды. Тъй же блаженый Христа ради урод, егда запрещение приимаше, много радовашеся, яко свобод бывъ поститися, рекше, яко да *рекуть*, зряще тако постящеся: «Запрещениа ради *постится*, а не по своей ему воли». Якоже горделивый славам и честем радуется, тако смиреномудрый о своем бесчестии и уничижению радуется. И понеже сиа, якоже рекохом, многажды творяше запрещениа ради, дондеже *увѣдѣ настоатель*, яко смирениа ради тако притворяет уродство, и тако прочее, аще творяше смѣху подобно, но запрещение не даяшеся ему. Вѣдяху бо вся, яко Бога ради сиа творить, утаити хотя своего смирениа любомудрие.

И прииде же ему по сих помыслъ еже изыти от поварни въ келию — не покоя ради, но яко да от безмолвиа болше умиление стяжати в келии. И сиа не на своей воли имяше, ниже настоателю глаголаше, но вся на Пречистую възлагаше, *глаголя*: «Аще Пречистая сама всхощеть, вѣсть бо еже ми будеть на ползу сиа творить». И абие помолившуся ему, помысли архимандрит нѣкую книгу писати и сего ради блаженому Кириилу повелѣвает изыти от поварни в келию и *тамо* книгу писати. Яко услыша Кирилъ, отиде в келию, разсудивъ, яко Пречистая его не презрѣ, но прошение его приатъ.

И тамо тако подвизашеся въ писаниих и молитвах, нощьных колѣнопреклонениих. Но не *толико ему бяше умиление*, елико въ поварни бяше, тѣмже Пречистую моляше даровати ему умиление, еже прежде имяше.

Помалѣ же убо настоатель пакы и в поварню посылаеть его братиамъ службу съвръшати. Кириилъ же рад бысть, яко сие услыша, и иде

прочее въ поварню, и пакы множайших подвигъ касашеся, и множае оттуду умиление стяжа. Пребысть же святый в той службѣ 9 лѣт въ всяком въздержании и злостраданиихъ, въ дни отъ огня угараем, в нощи же студению померзаемъ. Не бо в тѣхъ лѣтех взыде овчяа кожа на тѣло его, но тако страданми удручаше тѣло свое.

Посемъ же повелѣниемъ настоателя и священьству сподобляется. И служаше по недѣлям, якоже и прочии священници. И егда простъ бываше чредина своего, пакы в поварню отхождаше и службу съвръшаше, якоже и прежде. И тако многа времяна бяше тружаяся.

Потомъ же в келии безмолъствовати начатъ. Но повелѣниемъ великаго князя и благословением митрополита и всего церковнаго събора избранъ бывает архимандритъ Феодоръ на Ростовьское архиепископство, блаженаго же Кириила поставиша вмѣсто Феодора архимандритом. Тѣмже отсюду болшим трудом касаашеся, труды къ трудом прилагаше. «Емуже, — рече, — много дано будеть, множае и взыщется отъ него».[24] И пакы: «Тако да просвѣтится свѣт вашь пред человѣкы, яко да видят ваша дѣла добрая и прославят Отца вашего, иже есть на небесѣх».[25] Тѣмже тако бывающу и манастырьская добрѣ правяхуся. Николиже бо вънесеся мыслию сана ради высоты или что от въздержаниа остави, но тако пребываше, въ всем съблюдая свое смирениа любомудрие. Къ всѣмъ бо — великым и малым — нелицемѣрну любовь имяше и всѣх радостию купно творяше: приимаше старых убо яко братию, юных же яко чада. Тѣмьже от всѣх славим бяше и почитаем.

Мнози отвсюду князи и велможи прихождаху к нему ползы ради и того безмолвие пресѣцаху, тѣмже помысли оставити начальство и в келии безмолъствовати, еже и сътвори, оставль бо настоательство и в келию свою отиде. Братиамъ много молившим его же *не* отлагати настоательства санъ, но тъй никакоже послушаше их и тако прочее въ тризнище подвига болшаго вшед — безмолъствовати начятъ, никоеже ими попечение от внѣшних.

Елма же убо сим тако бывающим, понеже не мощно бяше обители без настоятеля быти, възведоша на архимандрию нѣкоего Сергиа Азакова — *последи же бысть и епископомъ на Резани* — вмѣсто блаженаго Кириила. И Кириилу безмолъствующу; но не мощно бяше граду укрытися, верху горы стоащу. Елико бо онъ славы человѣческиа бѣгает бяше, толико убо Богъ множае прославляше его. Тѣмже вси прихождаху к нему от различныхъ странъ и градовъ ползы ради. Бяше бо и слово его «солию растворено»,[26] и вси въсласть послушаху его. Видѣв же иже въ него мѣсто поставленъ архимандритъ Сергий Азаковъ, яко мнози

отвсюду приходят къ блаженному Кириилу, себе же яко презираема зря, начат зѣло негодовати на блаженнаго. *Послѣдоваша* бо ему реченное премудрым: «Не вѣсть злоба предпочитати полезное, ниже зависть оставляеть познати истинну».[27]

Но что убо блаженный Кириилъ творить по сих, яко позна убо зависть от Серьгиа, бывающу на нь? Не оскорбися, ни же тому пререкова, *ни* гнѣву мѣсто даеть. Отходит оттуду въ древний монастырь Рожества Пречистыя и тамо безмолъствуеть бяше. Помышляше же се еже нѣгде далече от мира уединитися и тамо безмолствовати. Много с таковым помыслом боряшеся, выну моляся Богу и Пречистѣй Его Матери, глаголя: «Пречистая Мати Христа Бога моего! Ты вѣси, яко всю мою надежю по Бозѣ на тебе възложихъ от юности моея. Ты убо, якоже сама вѣси, настави мя на путь, в немже възмогу спастися». И тако ему многащи молящуся.

О ЯВЛЕНИИ ПРЕЧИСТЫА БОГОРОДИЦА, ЕГДА ЯВИСЯ СВЯТОМУ КИРИЛУ И ПОВЕЛѢ ЕМУ ОТИТИ НА БѢЛОЕЗЕРО[28]

Бяше же обычай святаго по многом своем правилѣ и славословениих въ глубокий вечеръ, егда хотяше нѣчто мало сна вкусити, и абие послѣди Акафисто Пречистыя[29] пояше. Тако бо всегда творяше. Случи же ся ему въ едину от нощий молящуся, вечеру глубоку сущу, и Акафисто Пречистѣй по обычею поющу пред образом ея, и егда доиде мѣста, писаннаго въ икосѣ,[30] «Странно рожество видяще, устранимся мира и умъ на небо преложимъ», абие слышит гласъ глаголющь: «Кирииле, изыде отсюду и иди на Бѣлоезеро, тамо бо уготовах ти мѣсто, в немже можеши спастися». И абие съ гласом онѣм свѣт велий явися тогда. Отворив же оконце кѣлии, видит свѣт, сиающь *къ полунощнымъ* странамъ Бѣлаго езера. И гласом онѣм, яко перстом, показаше мѣсто то, идѣже и нынѣ монастырь стоит. Тѣмже святый Кириилъ от гласа оного и видѣниа радости многы исполнився. Разумѣ *бо* отъ самого того гласа святаго и видѣниа, яко не презрѣ Пречистая прошениа его, и всю нощь бяше дивяся бывшему съ гласом видѣнию, и не бяше ему она нощь яко нощь, но яко день пресвѣтлый.

И понеже убо сим тако бывающим, по малѣ времени прииде Ферапонтъ[31] от Бѣлаезера, едино пострижение имый съ святым. Начат же его блаженый Кириилъ въпрашати, есть ли мѣста тамо на Бѣлѣезере, идѣже мощно безмолъствовати иноку. Ферапонтъ: «Ей, зѣло, — рече, — суть многа мѣста къ уединению». Блаженый же *видѣниа* ему не повѣда, но тако просто въпрашаше его. Таже по времени, съгласившеся, оба изыдоша отъ монастыря, идѣже святый жилище имяше.

И тако, Богу поспѣшьствующу им, пути касаются и многы дни шествие творяще, и приидоша на Бѣлоезеро. И тако обхожаху многа мѣста, но нигдѣже святый не възлюби мѣста к житию, но искаше указанного ему мѣста, на неже Пречистою преже, еще си в древней обители, званъ бяше.

О ПРИШЕСТВИИ СВЯТАГО НА БѢЛОЕЗЕРО

По обхождении же многых мѣстъ, послѣди приидоша на мѣсто, идѣже нынѣ манастырь стоит. И абие позна святый прежде указанное ему мѣсто и взълюби его зѣло. И сътворивъ молитву, и рече: «Се покой мой въ вѣкы вѣка.Здѣ вселюся, яко Пречистая изволи его. Благословенъ Господь Богь отнынѣ и до вѣка, иже услыша моление мое». И тако крестъ вѣдрузивше на мѣстѣ, и благодарный канонъ отпѣвше в похвалу Пречистые Владычице нашея Богородици и Приснодѣвыа Мариа. Тогда убо блаженый Кириилъ вся явленна сътворяеть спутнику своему Ферапонту, — како Пречистая явися ему еже въ древней обители и глас, бывший къ нему, еже изыти отъ древняа обители и в сиа мѣста приити. «Еже и не погрѣшихъ, — рече, — помощию наставляем Пречистыа Богородица». Ферапонтъ же услыша, и оба прославиша Бога и Пречистую Его Матерь.

И тако нача копати келию въ земли, а прьвѣе сѣнь потыкше. И тако сему бывающу, и время нѣкое препроводивше вкупѣ. Но не съгласни бяше обычаи в них: Кириилъ бо тѣсное и жестъкое хотяше, Ферапонтъ же пространное и гладкое, и сего ради другъ от друга разлучашеся: блаженый же Кириилъ остася на мѣстѣ том, Ферапонтъ же отиде прочее оттуду — не далече, но яко 15 поприщь или нѣчто мало множае, и обрѣтъ мѣсто тамо близъ езера Паское зовомо, и ту вселися, и церковь създа тамо во имя Пречистыа Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Мариа, честнаго ея Рожества. Събраша же ся и братиа к нему. Есть же монастырь на мѣстѣ том зѣло красенъ, много имуще братий, Господеви работающихъ, даже и до сего дне. Тѣмже и монастырь онъ прозвася Ферапонтовъ даже и доднесь.

Мѣсто же оно, идѣже святый Кириилъ вселися, боръ бяше велий, чаща, и никому же ту отъ человѣкъ живущу. Мѣсто убо мало и кругло, но зѣло красно, всюду, яко стѣною, окруженно водами. *Глаголють же* тако, *яко тамо* живша земледѣлца нѣкоего Исайю именемъ близ мѣста того, идѣже нынѣ манастырь есть Пречистыя. Пред многыми лѣты *пришествиа* святаго Кириила звонъ велий слышашеся от мѣста того. Пред пришествием же святаго не токмо звонъ слышашеся от мѣста

того, но яко и пѣвци поюще бяху. Сие же не единому Исайе звонни и гласи слышахуся, но и многим окрестъ мѣста того живущим. Тѣмже и прихождааху мнози *въ* время звона, хотяще извѣстно увѣдѣти, откуду звони и пѣсни. Но сиа ушесы слышаху, и очима же ничтоже можаху видѣти, но токмо дивляхуся и не просту быти вещь познаваху.

Святый же, якоже преже рѣхом, ископа келию в землю и в ней подвизашеся противу невидимаго врага кознем. И прихождаху к нему два християнина, въ окрестъных мѣстѣх святаго живуще: Авъксентие именемъ, прозванием же Вранъ нарицаем, другый же Матфей, *Кукосъ* нарицаем, иже послѣди бысть пономарь[32] тоя обители. Ходящу же святому по той пустыни, и тѣмъ двѣма человѣком с ним, ненавидяй же добра врагъ, вѣдый, яко оттуду изгнанъ быти хощеть святым, и сего ради на нь подвизается, наложи бо сонъ таковъ святому, яко и стоати от сна не могущу и хотяше мало възлещи. Рече же къ сущим с ним человѣкомъ: «Пождита вы ту, дондеже мало усну». Они же не оставляху его, глаголюще: «Иди въ келию свою и тамо покой приимеши». Он же, не могый братися, побѣжаем сном, но видѣвъ мѣсто таково къ упокоению сну, възлеже мало поспати. Уснувшу же ему толико, абие слышить глас, напрасно глаголющь: «Бѣжи, Кирииле!» Онъ же, отъ необычнаго гласа въспрянувъ, прочее от мѣста отскочи. И абие въ том часѣ вражиимъ навѣтомъ древо велие падеся и удари въпрекы мѣсто, на немже святый лежаше. Разумѣвъ же святый диавольское навѣтование быти, тѣмже яко добръ и съвръшенъ подвижникъ истиннѣ моляше Господа и Пречистую Его Матерь еже отъяти сонъ от него, еже и бысть, многащи бо день и нощь без сна пребывая, яко мощи до конца побѣдити безсониемъ съпротивным. Диаволъ же видѣ, яко ничтоже възмогоша ухищрениа его, сего ради яко посрамленъ прочее отиде множае побѣженъ, нежели побѣдивъ. Сиа убо о сем тако.

По семъ же святому лѣсъ посѣкшу и мѣсто отребившю и въ едино събравши хврастие оно, мысляше бо зелие нѣкое насѣяти, заеже быти скудно мѣсто бяше и *пусто*. И тако хврастие оно зажегшу, но и тако диаволъ не преста, ратуя на святаго: вѣтру велию бывшу, и дыму съ пламенем отвсюду святаго окружившу, и от дыму не вѣдущу, камо бѣжати. И абие видит нѣкоего человѣка въ образѣ предреченнаго Матфѣя Кукоса, имша за руку, глаголюща ему: «Иди вѣслѣд мене!» И абие изыде ничимже не врежен бывъ, но съхраненъ помощию Владычица нашеа Богородица.

Мало же время иже по сих преиде, приидоша два брата къ святому от Симонова, любима ему, паче же и единомыслена ему, имя единому Зеведей, и другому же Дионисие. Ихже видѣвъ святый и зѣло възрадовася, и приатъ их с великою любовию, и сице бяху тому съжительствующу. И бяху Зеведей и Дионисие съ святым живуще, вся, елика видяху от него, тщахуся таковая и дѣлом исправити, еже и

бываше по силѣ тѣмъ. Таже по сих начаша приходити къ святому мнози отвсюду, овы ползы ради, инии же хотяще съжительствовати с ним. Моляху его еже сподобити ихъ иночьскому образу, он же по мнозѣмъ прошении приимаше тѣхъ и сподобляше ихъ аггельскаго образа. И прииде же к нему Нафанаилъ нѣкто, иже послѣди бысть келарь[33] тоа обители, и инии нѣции от братиа приидоша к нему.

О ЧЕЛОВѢЦѢ, ИЖЕ ХОТЯШЕ ОГНЕМ СВЯТОМУ ПАКОСТЬ СЪТВОРИТИ

Нѣкый же человѣкъ, Андрѣй именемъ, близъ обители святаго живяше. Ненавидѣти начат святаго, заеже ту вселися святый. Съ убо Андрѣй, диаволом наученъ бывъ, помысли еже съжещи святаго. И единою нощию ему пришедшю, страх велий нападе на нь, и сего ради прочее от страха побѣже. А иногда же ему пришедшу глубоко в нощи, и, огнь къ стѣнѣ приложивъ, прочь бѣжаше, да не увѣдѣнъ будеть злым дѣлатель. И отшед нѣгдь далече, стоаше, зря, когда кѣлиа сгорить съ святым. Но ничтоже бяше видѣти: он бо толико отхожаше, и огнь угасаше. Сиа же многажды творяше, но паче бездѣлен или, якоже бы реши, посрамленъ отхождаше помощию Пресвятыа Богородица. И огню тогда святаго устыдѣвшюся, еже горѣти паче погасаше. Видѣв же преждереченный Андрѣй и убояся. Ово страху нападающу на нь, овогда же и огню не могущу горѣти.

Абие же въ чювъство прииде, познавъ свое съгрѣшение. Приходить къ блаженному и, свой грехъ обнаживъ, начат каятися, исповѣдуя святому, како хотяше съжещи его, и *како* огнь угасаше, и како страх нападаше на нь, егда хотяше пакость сътворити святому. Святый же, наказавъ человѣка того не послушати того лукаваго съвѣты, прочее *отпусти* его. Сам же начят пѣти канонъ благодарениа Богородици, святым своим покровомъ его покрывающи.

По малѣ же пакы тъ Андрѣй приходить къ святому, святый же иночьскому образу сподобляет его. И тако прочее пребываше в послушании блаженаго Кириила, дондеже къ Господу отиде. Сиа убо самъ всѣм братиамъ, каася, повѣдаше.

О ПОСТАВЛЕНИИ ЦЕРКВИ ПРЕСВЯТЫА ВЛАДЫЧИЦА НАШЕА БОГОРОДИЦА, ЧЕСТНАГО ЕА УСПЕНИА

Но понеже убо братиамъ тогда съ святым суще, нужда бысть церковь въздвигнути ради общаго събраниа. И помолиша блаженаго о создании церковнѣм. Но понеже мѣсто оно далече человѣчьскых жилищь отстоаше, и древодѣли не бяше, и сего ради вся братиа нужно си имяху. Святый же Кириилъ, якоже обычай ему бяше испервa, вся, еже аще требоваше, на воли Пречистѣй възлагаше быти, иже никогдаже прошениа не погрѣшаше. И тако молитвовавъ къ Пречистѣй, и древодѣлники, *никымь же* позвани быша, приидоша. И тако церковь поставлена бысть во имя Пресвятыа Владычица нашеа Богородица и Приснодѣвы Мариа, честнаго еа Успениа.

Слышано же бысть иже въ странах тѣх живущим, яко церковь поставлена бысть, и *обитель хощеть умножитися*, и удивляхуся убо, паче же и помышляху, яко Кириилъ многа имѣниа принося с собою, и паче еже слышавше, яко архимандритъ бяше Симоновъской обители былъ, и оттуду стяжаниа велика привнидоша ему.

О БОЛЯРИНѢ ФЕОДОРѢ, ИЖЕ ХОТЯШЕ ПАКОСТЬ СЪТВОРИТИ СВЯТОМУ

Тѣмже нѣкий бояринъ Феодоръ именем, и наученъ бывъ диаволом, мняше бо, яко многа богатства приидоша съ святымъ, тѣмъже посылаеть нощию разбойникы, и да, пришедше на нь, възмут стяжаниа его и пакость ему сътворят. Яко приидоша разбойници и близ манастыря святаго бывше, видят убо множество человѣкъ кругъ манастыря блаженаго: овы лукы стрѣляюще, инии же иная дѣлающе. И сташа далече нѣгдѣ, зряще таковая и помышляюще, аще прочее отидут, и приидуть на святаго. И мног час стоавше разбойници, но сии от манастыря прочее отити *не* хотяху. И тако разбойници отидоша бездѣлни, ничтоже зла не възмогше сътворити святому.

Въ грядущую же нощь пакы послании разбойници приидоша и пакы по тому же образу видѣша человѣкы иныя, множае прьваго. Такоже и тыя, яко нѣкыа вои, стрѣлююще. И сего ради убоявшеся паче и отидоша и възвестиша болярину своему, како прьвое и второе прихождаху на святаго и како много вои видѣша стрѣляющих.

Феодоръ же, яко услыша, дивляшеся, помышляше же, яко нѣкий от велмож прииде къ святому молитвы ради, и посла в монастырь блаженаго Кириила, хотя извѣстно увѣдѣти, кто суть бывшии в монастыри вчера и третиемъ дни. И якоже увѣдѣша, яко никтоже есть бывъ множае недѣли в манастыри том, и възвѣстиша Феодору. Слышав

же сиа, Феодоръ в чювство прииде и раскаася о съгрѣшении. Разумѣ бо святаго человѣка Божиа суща его быти, и яко Пречистая покрывает его от находящих золъ, и сего ради бояся, да не паче месть приимет от Бога, заеже такова мужа хотяше оскорбити. Тѣмъже скоро течет къ святому, каяся съ слезами о съгрѣшениих и исповѣдуа ему бывшее: како послалъ бяше разбойникы на нь, и видѣние, иже видѣша, прьвое и второе. Блаженый же Кирииль утѣшивъ его, еже не стужитиси о сем, рекъ ему: «Вѣруй ми, чадо Феодоре, яко ничто ино не имѣю в жизни сей, развѣ ризы сие, яже на мнѣ видиши, и мало книжиць».

Феодоръ же удивися простотѣ *мужа* и безъимѣнию, паче же помощи Божии, бывшей на немъ. Отиде прочее в дом свой, глаголя: «Благодарю тя, Господи Человѣколюбче, яко не остави мене грѣшнаго врагом уловлену быти и не попусти мнѣ оскорбити твоего угодника!» Оттолѣ же предреченный Феодоръ стяжа велию вѣру къ святому, и не яко человѣка имяше его, но паче яко аггела Божиа.

Тѣмъже егда хотяше къ святому ити благословениа ради, паче же празднику приходящу, тогда меташе мрежа в ловитву, глаголя: «Боже, во имя Твоего угодника Кирила *даждь намъ ловъ*», — вѣру бо имяше къ святому несуменну. Николиже без рыбъ не бяше: иногда осетръ или два уловивъ, къ блаженному приношаше. И тако многа времена творяше, и николиже къ святому тщама руками прихожаху.

Елмаже убо сим тако бывающимъ, и происхождааше слава повсюду о блаженнѣмъ Кирилѣ, и *Кириилово* имя, яко освящение нѣкое, на всѣх языцѣхъ обношаашеся, и добродѣтель яко прьстом показоваше того, овѣм смирение мужа хвалящим, овѣм же еже въздръжателное и въ словесехъ полезное сказующим, овѣм же нищету и простоту другъ другу повѣдающим. Тѣмже и мнози, мирьская презирающе, иноци бывааху.

Тогда же прииде и Игнатие нѣкый, мужь съвръшенъ и великъ в добродѣтели, молчалных чинъ имуща. И толико *жестоко* житие проходааше, аще инъ никтоже таковых, яко и образъ по блаженѣм Кириилѣ всѣм быти братиамъ. Глаголет же ся о нем таково, яко по многом своем въздръжании и колѣнопреклонениих въ всѣх тридесяти лѣтех пребысть не лежа на ребрѣх, но тако стоя просто мало сна вкушаше или мало присѣде. Нищету же его, юже възлюби, нестяжателное — нѣсть что глаголати. Иже в том чину много поживъ, къ Господу отиде.

И много отвсюду къ блаженому приходяще бяху, и в малѣ времени братии множае бывше.

Бяше же уставъ блаженаго Кириила: въ церкви никомуже съ инѣми не бесѣдовати, ни же внѣ изъ церкви исходити преже кончаниа, но всѣмъ комуждо въ своем уставленом чину и славословлениихъ пребывати. Тако и къ Еуангелию и святыхъ иконъ поклонению уставъ по старчеству съблюдаху, да не нѣкое другое размѣшение будет в нихъ. Сам же блаженый Кириилъ николиже, въ церкви стоя, къ стѣнѣ преклонися или без времене посѣди, но нозѣ его бяху яко и столпие. Такоже и къ трапезѣ идуще, по старчеству мѣсте исхожааху. На трапезѣ же, кождо ихъ по своих мѣстѣхъ сѣдяще, молчаху, и никогоже бяше слышати, но токмо четца единаго.

Братиам же всегда трои снѣди бывааху, развѣ постныхъ дний, в нихже есть Аллилуйа.[34] Сам же блаженый от двоихъ снѣдей приимаше, и сиа тому не до сытости. Питие же его ино ничто же не бяше, развѣ единоа воды. Въстающе же от трапезы, отхождааху в келиа своя, молчаниемъ благодаряще Бога, не уклоняющеся на нѣкиа бесѣды или, от трапезы идуще, ко иному нѣкоему брату приходити, кромѣ великыя нужда.

Единою же случися нѣкоему от ученикъ его, Мартиниану именемъ, от трапезы ити к нѣкоему брату нѣкиа ради потребы. Егоже видѣвъ святый къ иной келии уклоншася, призывает его к себѣ и въспросивъ его: «Камо идеши?» Он же рече, яко: «Нѣчто тамо *до брата* имѣх орудие и сего ради хотѣх ити къ нему». Святый же, яко поношая, ему глаголаше: «Тако ли съхраняеши чинъ манастырьскый? Не можеши ли ити прьвое в келию свою и длъжное молитвовати, таже, аще нужно ти бяше, къ брату ити?» Он же, яко осклабився, рече, яко: «Пришедшу ми в келию, ктому не могу изыти». Святый же рече ему: «Сице твори всегда: прьвое в келию иди, и келия всему научит тя».

Бяше же о семъ обычай таковъ яко: аще кто к нѣкоему брату принесет грамоту или поминокъ, грамоту, не распечатавъ, приношааше къ святому, такоже и поминокъ. Такоже, аще кто хотяше внѣ послати от манастыря послание, не написати без отча повелѣниа никтоже не смѣяше, послати.

В манастыри же и в келии ничтоже не веляше имѣти, ниже своимъ звати, но вся общая, по апостолу, имѣти,[35] яко да сего ради не раби будем тѣмъ, ихже нарицаемъ. Сребряно же или златое весма отинуд не именовашеся в братии, кромѣ манастырьскыя ксенодохиа, сирѣчь

казны. Оттуду вся к потребѣ братиамъ имяху. Жаждею же кто одръжим биваше, в трапезу идяху и тамо съ благословениемъ жажду устужаху. Хлѣбъ же и вода или ино что таково в келии никакоже обрѣташеся, ничтоже бяше в келии видѣти развѣ иконы. Но тако попечение токмо имуще — еже другъ друга смирением и любовию превъсходити и первѣе на пѣние въ церкви обрѣстися. Тако и на дѣло манастырьское, идѣже аще прилучаашеся, съ страхом Божиим отхождааху и бяху работающе не яко человѣком, но Богови, или пред Богом стояще. Не бяше в них никоего празднословиа или мирьская пытати или глаголати, но яко кождо ихъ молча съблюдааше свое любомудрие. Аще же кто и глаголати хотяше, но ничто ино, развѣ от Писаниа, на ползу прочиимъ братиам, паче же иже Писаниа не вѣдущим.

Много же бяше различие и устроениа тѣх житиа, комуждо бо от братии образъ же и мѣру правилом блаженый даяше. Умѣше рукодѣлие дѣлаху, в казну относшаху. Себѣ же ничтоже без благословениа не дѣлаше. Вся бо от казны, якоже и преже рѣхом, имяху — одѣаниа же и обуща, и прочая же к телеснѣй потребѣ. Сам же святый отинуд ненавидяше видѣти на себѣ нѣкую лѣпоту ризную, но тако просто хождааше в ризѣ раздраннѣй и многошвенѣ.

И моляше же всѣх и запрещааше не имѣти отинуд свое мудрование и готовым быти ко всякому послушанию, да тако плод Богови приносится, а не своей воли.

Бяше же се обычай блаженаго Кирила: по отпѣнии заутреняго славословиа и по своем обычнѣм правилѣ приходити в поварню видѣти, кое братиам будет утѣшение. Моляше же и служителя блаженый, да елико мощно дѣлати къ братскому упокоению. Иногда бо и сам способъствоваше имъ своима рукама к тѣх учрежению и тако всякыми виды упокоение братиамъ готовляше. Мед же или ино питие, елика пианства имут, никакоже в манастыри обрѣтатися повелѣ. И тако блаженый симъ уставом змиеву главу пианства отрѣза и корень его прочее исторже. *Устави* же не токмо же при своем животѣ меду и иному, елика пианства имуть, не быти, но паче и по своем преставлении таковым не обрѣтатися заповѣдавъ.

И се убо бяше блаженаго удивленна достойно Божие дарование, яко николиже от усердиа можаше слез удръжати, егда служаше божественую литоргию, тако и въ чтениихъ, егда чтяху или сам чтяше, наипаче же въ своем келейном правилѣ. От сего убо бяше познати, колико усердие и вѣру имяше къ Богу.

Бяше же таково, егда нѣции недостатки случаашесе в монастыри, братиа понуждаху послати святаго к нѣкыим христолюбцем еже просити у нихъ на потребу братиам. Он же никако сему не веляше быти, глаголя: «Аще Богь и Пречистая забудеть нас на мѣстѣ сем, въскую есмы в жизни сей?» И тако братию утѣшааше и учаше еже у мирьскых не просити милостыня.

Бяше нѣкто святаго ученикъ, Антоние именем, великъ сый по Бозѣ житием и разсужение имѣя въ иночьскых и въ мирскых. Сего убо блаженый Кирилъ единою лѣтом посылаше купити еже к телѣсней потребѣ братиам — рекше одеждю и обущу, масло же и прочая. Ктому же из монастыря не исхождаху, аще не нѣкая нужда прилучашеся. Аще кто от мирскых присылаше милостыню, яко от Бога та посланая приимаху, благодаряще Бога и Пречистую Его Матерь.

Прииде же княгини благочестиваго князя Андрѣя,[36] *егоже* и отечьство бяше мѣсто то, Агрепина именем.[37] И та благочестива и милостива зѣло, вѣру имяще къ иноческому образу, паче же къ блаженому Кирилу, и хотяше братию учредити рыбными снѣдьми. Но святый не повелѣ рыбы ясти в пост Великый. *Княгини же*, яко благочестива, и моляше его, яко да простит братию ясти рыбу. Он же никакоже попусти ей, глаголя: «Аще сице сътворю, то сам азъ уставу манастырьскому разорител буду по реченному: “Еже съзидаю, сиа самъ и разоряю”. Паче же имуть и по моем преставлении глаголати, яко Кирилъ повелѣ в пост рыбу ясти». И сиа убо святый творяше, да никакоже разорится манастырьскый обычай, паче же уставлено от святых отець. Княгини же, учредивъ братию постными снѣдми, и отиде прочее в домъ свой, и святаго крепкое в подвизѣ похваляа.

Нѣкый же братъ, Феодоръ именем, еже си живый далече растоаниа мѣстом обители святаго Кирила, елма же слышалъ бяше от многыхъ яже о святемъ, и прииде в монастырь, и молить святаго же съжительствовати ему. Святый же приатъ его и съ братиами причте, и живяше нѣкое время съ братиами. Ненавидяй же добра диаволъ сему брату Феодору възложи ненависть на святаго. Елико прьвѣе вѣру имяше къ блаженому, толико послѣди начат его ненавидѣти, елико не мощи поне видѣти его, ниже гласа его слышати. И тако онъ братъ мыслию побѣжаем, приходит къ предреченному старцю Игнатию и свою мысль ему сказуеть и ненависть, юже имяше къ святому, и яко: «Хощу, — рече, — от обители изыти». Старець же крѣпляше его, глаголя: «Терпи, брате, понеже от врага есть бываемое тебѣ». Брат же утѣшився, послуша старца и рече: «Се пожду едино лѣто, аще переменится старець къ мнѣ».

Прешедшу же единому лѣту, не престааше врагъ, ненависть нанося брату на святаго. Прочее же не могый с помысломъ братися, приходит къ святому, хотя ему исповѣдати свой помыслъ и ненависть, юже имяше к нему. И яко прииде в келию святаго и видѣвъ мужа, устыдѣвся святолѣпных его сѣдинъ и срама ради ничто же не рече, о немже прииде. И тако хотяше прочее от келии святаго изыти, святый же, яко прозорливый даръ имѣя, позна брата, яко утаи помыслъ и старцу не глагола, о немже прииде. И удръжа брата, и начятъ ему глаголати всю, елико имяше, ненависть на святаго, и коим помыслом прииде к нему. Брат позна, яко ничто же святаго не утаится. Срама вкупѣ и студа исполненъ, прощениа прошааше, о нихъже к нему съгрѣшаше невѣдѣниемъ. Святый же, утѣшая его, глаголаше: «Не скорби, брате Феодоре! Вси бо съблазнишася о мнѣ, ты же единъ истинъствова и позна мене грѣшника быти. Кто бо есмь азъ грѣшный и непотребный?»

Брат, видѣ святаго тако смиряющася, множае съкрушаше себе, вину исповѣдая, еже на святаго туне имяше. Святый же, яко видѣ брата кающася и съкрушающа себе, отпусти его прочее, рекъ: «Иди, брате, с миром в келию свою. Ктому не приидет на тя таковая брань». Оттолѣ же прииде брат в чювъство и каяся бяше о съгрѣшении и отсюду велию вѣру стяжа къ святому. Жив же брат в том манастыри прочаа лѣта живота своего въ всяком цѣломудрии, донелѣже и къ Господу отиде.

Елма убо *и* се немало дарование блаженому бяше от Бога. Егда прихождаше кто странных въ обитель ону, мнози бо тогда от различных странъ и градовъ прихождаху къ святому, ови хотяще видѣти святаго и ползоватися от него, инии же изволяюще съжительствовати ему, святый же, яко прозорливъ даръ имѣя, еще тѣм входящим в монастырь, и прозорливым окомъ разсмотряше их и братии, ту прилучившимся, повѣдаше, яко: «Съй братъ с нами хощеть съжительствовати, съй же хощеть прочь отити». Тѣмже обои събывахуся по пророчьству святаго.

Брат преждереченный Зеведей прииде нѣкогда къ святому благословитися. Святый же оконца келии открывъ и видить лице Зеведея оного черлено суще. И рече ему: «Что, брате, случися, тебѣ быти?» Он же вину въпрашаше. Святый же рече ему: «Вижу тебѣ, брате, не постничьское лице имуща, но мирьское и паче упитовающихся». Устыдѣ же ся тъй Зеведей, начатъ въздержатися, яко да не ктому будеть поношенъ святым.

О БЕСНУЮЩЕМСЯ

Приведоша человѣка нѣкоего къ святому, Феодора именемъ, злѣ стражуща от нечистаго бѣса. Святый же начят Бога молити и Пречистую Его Матерь о злостражущем Феодоре. Готовый же къ услышанию молящихся Богъ и Пречистая Непорочная Мати Его не презрѣ молениа святаго своего угодника Кирила. Тѣмже исцѣление получивъ, тотъ Феодоръ ктому не хотяше из манастыря прочь изыти, да не ктому тажде пostражеть от лютаго беса. Тѣмже и молит святаго еже пострищи его въ иночьскый образъ. Святый же, видѣвъ его усердие и приатъ его, и въ иночьскаа одѣваеть его, и с прочими братиами причте, и нарече имя ему Феофанъ. Пребысть же въ обители блаженаго Кирила в цѣломудрии и послушании и въ всяком смиреномудрии множае 10 лѣт, дондеже къ Господу отиде.

ЧЮДО СВЯТАГО О ЦЕРКОВНОМ ВИНѢ

Нѣкогда же вина недоставшу къ церковнѣй службѣ, и нужда бяше литоргии быти. Тѣмже священникъ приходить, възвещает преподобному, яко вина не имуть. Святый же призывает еклисиарха Нифонта и въпросив его, аще вина не имут. Онъ же сказа ему, яко не имуть вина. Повелѣ ему святый принести съсуд, в немже бяше обычно вину быти. И отыде же Нифонтъ принести съсуд, якоже повелѣ святый, и обрѣте съсуд онъ исполненъ вина и паче преизъобилующь, и текущь прочее. И о сем въ удивлении быша вси, вѣдяху бо, яко *вина* не бяше: токмо единъ съсуд и тъй сухъ. Тѣмже вси прославиша Бога и Пречнстую Его Богоматерь, тѣмже съсуд тъй с вином на время много къ церковной службѣ не умалися, но паче изъобиловаше, дондеже иное вино принесено бысть.

По нѣколицѣх же лѣтех бывшу гладу в людех немалу. И таковаго ради утѣснениа и нужды мнози от неимущих прихождааху въ обитель святаго. Нужди ради глада святый же повелѣвааше даати хлѣбы просящим к тѣх насыщению. И тако дааху по вся дни нищим хлѣба доволно. Не *бяху* бо тогда села, отнудуже хлѣбъ приимаху, но нѣчто мало имяху от приномисыя тѣм милостыня — брашна, елико довлѣти братиамъ токмо. Но якоже слышавше окрестъ тоя обители живуще человѣци, яко питають приходящих глада ради, и сего ради множайши начаша приходити и тамо насыщатися. Но елико брашна взимаху оттуду, толико паче множахуся и преизобиловаху. Видѣвше же хлѣбники бывающее, *глаголаху*: «Якоже прежде вино умножив, не сущу ему, то паче может и брашна умножити». И тако малыми брашны препиташася людие мнози, изобилова помощию Владычица нашеа Богородица и Приснодѣвы Мариа и молитвами святаго Кирила, даже и до новаго хлѣба сиа быти тако. Възвѣстиша же святому чюдо бывшее сама та братиа, иже своима рукама брашно емлющихъ: «Елико бо, — рекоша, — приходяще, взимахом брашна, толико паче множае

обрѣтохом исполнену бывающу и не суть *умаляемѣ* мучницы». Святый же благодать въздааше Богови, творящему дивная и преславьная.

По сем же, аще нѣкогда недостатци нѣкако бываху въ обители, но братиа ничтоже смѣаху глаголати святому о семъ, видяще вси: еже просит у Бога и изъобилно приемлеть.

Иногда же келиам загорѣвшимся в монастыри том, братиамъ не могущим утолити, пламени възвышающуся и превъзношаашеся *и вся* купно обьяти. Святый же, взем честный крестъ, течяше тамо, идѣже келиа горяше. И бяше ту нѣкий мирянин, из града пришедше, иже видѣвъ святаго, скоро с честным крестом грядуща, яко посмияваяся святому бяше. Видяше, яко неутолимо все огнь обьятъ и угасити немощно. Святому же пришедшу и противу пламени с честным крестом ставшу и Бога молящу, и абие в том часѣ огнь, устыдився молитвы святаго, угасающи. Понашающа мирянина гнѣвъ Божий постиже: вси бо уди тѣла его разслабѣшася. Познавше мирянинъ тъй свое съгрѣшение, — заеже святому поноси и сего ради пострада, и начатъ святаго съ слезами молити, прося от него прощениа. Святый же помолився о нем и честным крестомъ знаменавъ его, и прочее здрава сътвори, иже, повсюду проходя, и проповѣдаше святаго чюдеса.

Слышана же быша святаго преславная чюдеса не токмо въ окрестных мѣстех монастыря святаго, но и далече суща, въ туждиихъ странах. Приидоша же и до князя Михаила Бѣлевскаго. Князь бо Михаилъ пребысть съ княгинею своею, Марию именемъ, 8 лѣт, чада не имуще, и сего ради в печали велицѣ бяху о своем безчадствѣ. Слышавше же о святемъ Кирилѣ, яко вся, елика аще просить у Бога, приемлеть, тѣмъже посылаеть нѣкая два от боляръ своих ити къ святому и молити его, яко да помолить Бога и разрѣшить их неплодства. Святому же яко прозорливу и се паче не утаися. Яко приидоша от князя Михаила посланнии, и не поспѣвшимъ им от князя посланиа вдати, и рече имъ блаженый: «Понеже, чада, велик путь преидосте, трудившеся, но вѣрую Богови и Пречистѣй Его Матере, яко труд вашь не вътще будеть. Князю же вашему дасть Богъ плод дѣтородиа». Они же начаша дивитися, како се увѣдѣ, о немже они приидоша суть, но понеже познаша человѣка того Божиа быти, и посланиа давше от князя святому. Святый же повелѣ упокоити их от пути.

Тоя же нощи видить предреченный князь Михаилъ въ снѣ старца нѣкоего свѣтлоносна сѣдинами украшена, три съсуды нѣкыя дръжаща в руцѣ своей и глаголюща къ князю: «Приими, еже просилъ еси от мене». Такоже тоя нощи и княгинѣ Марии явися тѣм же образом, такоже и три съсуды нѣкыя дасть ей. И възбнувъ же князь Михаилъ от сна своего, и

размышляше от видѣниа сна своего, паче же о старцѣ, явльшемся ему. И начат видѣние повѣдати княгинѣ своей Марии, она же изъ устъ его слово въсхитивъ и рече, яко: «Мнѣ таков же старецъ явися и три съсуды нѣкыа дасть ми, и рекъ: “Приими сие, еже просила еси от мене”». И видѣвше же, яко съгласна видѣниа обоихъ быша, и назнаменаша день, в онже сиа обои видѣша.

И сему убо тако бывающу, и триемъ днемъ уже минувшимъ, блаженый же Кирилъ отпущает посланныхъ боляръ от князя Михаила. Повелѣ же келарю дати тѣм полъдругаго хлѣба на путь. Бяше бо мужей 8 пришедшихъ от князя Михаила. Рече же нмъ святый: «Идѣте с миром к пославшему вас князю и от нас благословение и благодарение въздадите. Рцѣте же ему се: еже просили есте, дасть вам Богъ. Прочее же не скорбите». Рекоша же они: «Отче, повели, да дадут нам хлѣбы и рыбу на путь, яко далече имамы путь шествовати, и мѣста суть пуста, и не будеть намъ гдѣ купити хлѣбы». Святый же рече, яко: «Послах вам хлѣбъ дати на путь». Они же рѣша, яко: «Даша нам полъдругаго хлѣба и мало рыбиць». Святый же рече: «Идѣте с миром, яко сиа доволна будеть вам, даже и до дому вашего изъобилуеть». И тако отидоша прочее, размышляюще о хлѣбѣ, гдѣ купят, путь бо ихъ бяше яко 20-мъ днем шествие или множае. Хлѣба же, иже бѣ с ними, помышляху единаго дни имѣти пищу.

Прешедшимъ же им до прьваго обиталища, начаша варити нѣчто мало от рыбъ, иже святый дасть имъ. То егда бысть варено, тогда много бысть видѣти рыбъ. Сѣдшим же им ясти, взяша полъхлѣба оного и начаша ясти, ядоша и насытишася, и полъхлѣба единаче бяше видѣти цѣла сущи. Такоже от рыбъ мало бяше варено, но святаго молитвами много паче изобиловаше. И тогда познаша истинну, реченную святымъ, и ктому бес печали бяху о пищи. И преидоша же многым днем путь шествиа дому своего, токмо едином полухлѣбъ изъядше, другый же цѣлъ с собою имяху.

Яко приидоша къ князю и сказаша ему святаго словеса, пророчьскы реченная к ним, о немже пришли суть, яко: «Нам — рече, — не поспѣшившим вдати от вас послaниа, и рече к намъ святый: “Понеже, чада, великъ путь преидосте, трудившеся, но вѣрую Богови и Пречистѣй Его Матери, яко дасть князю вашему плод дѣтородия”». Сказаша же чюдо о хлѣбѣ, яко: «Полъдругаго хлѣба повелѣ нам дати на путь и рече, яко: “Доволна вам сиа будуть, даже и до дому вашего изобилуеть”. И се убо единаго полъхлѣба доволна быша в весь путь нами, другый же цѣлъ имамы с собою. Рече же нам: “Идѣте къ князю вашему съ миром и рцѣте ему: еже просили есте у Бога, даруеть вам Богъ. Прочее не скорбите”».

Възрадова же ся радостию великою князь тако и съ княгинею своею и дарми почте пришедшихъ от святаго. И повелѣ же им хлѣбъ принести, иже от святаго принесше. И тако убо хлѣбу принесену бывшу, князь Михаилъ въставъ и принесеный хлѣбъ от святаго с вѣрою великою, яко священие нѣкое, приемлет. И причастися от него и съ княгинею своею, и всѣмъ иже в дому его даша вкусити от хлѣба того. И елици бяху тогда студеною болѣзнию одръжими, сирѣчь трясавицею, или инѣми нѣкыми недугы, и вси исцѣлѣша благодатию Христовою и помощию Владычица нашея Богородица, споспѣшествующе молитвы святаго Кирила и от него принесеннаго хлѣба вкушениемъ.

Въпроси же ихъ князь: «Который день бяше, в онже къ святому приидоша?» Они же сказающе ему, и разумѣша, яко тъй день бяше, в онже видѣниа видѣша, тѣмже величааху и славляаху Бога, творящаго дивная чюдеса святым своимъ угодникомъ Кирилом. От тогоже дни родишася у князя Михаила два сына и дщерь едина, — яко видѣша въ снѣ три съсуды приемша, и рекше трех чадъ прижитие. Оттолѣ же предреченный князь Михаилъ велику вѣру стяжа къ святому. Многу милостыню посылаху в монастырь святаго тако и съ княгинею своею Марьею, молящеся о них *молити*.

Сиа убо сама та княгини Марья исповѣда единому от инокъ обители тоя достовѣрну Игнатию именем. Сей же мнѣ сказавъ, азъ же слышах от него достовѣрну быти, писанию предах, яко да не забвена будуть святаго чюдеса.

ЧЮДО О ВЛАСТЕЛИНѢ АФАНАСИИ

Некый же человѣкъ, Афанасий именем, властелинъ сый власти Сямы[38] нарицаемыа, — сему Афанасию случися болѣзнию великою одръжиму ему быти: вси бо уди тѣла его разслабншася, и не можаше отинуд двигнутися. Бѣ же ту нѣкый человѣкъ, Мартинъ именем, начат Афанасию сказывати о святемъ Кирилѣ — колика исцѣлениа даруеть Богъ всѣм приходящим его ради. «Но послушай мене, — рече, — благъ съвѣт тебѣ съвѣтующа: аще възможеши ити къ блаженому Кирилу, и *всяко* надежю не погрѣшиши; аще ли ни, поне посли к нему и моли его, яко да поне помолится о тебѣ. Никто же бо не бысть тощь надежди, о немъже онъ помолися». Вѣровавъ же Афанасий Мартину тому, бяше бо от *иних* многа чюдеса слышалъ, яже творяше Богъ святымъ Кириилом.

Тѣмъже надеждею и вѣрою посылает къ святому и молит его, яко да помолится о немъ. Святый же помолився о нем и священную воду

посылает к нему. И абие помощию Божиею и Пречистыя Его Матере чисто воды священныа, от святаго принесеной, вкусивъ и от нея покропився по всему тѣлу, исцѣление получи и бысть здравъ молитвами преподобнаго Кирила.

ЧЮДО СВЯТАГО КИРИЛА

Ниже се да умолчано будеть, бывшее блаженым отцемъ Кириломъ. Нѣкогда пославшу святому на езеро рыбы ловити, и тѣмъ ловцемъ отплувшем, посреди езера бывшим, бысть буря велиа въ езерѣ, и волны паче превъсхождаху и възвышахуся, и смертию прѣтяще. Тѣмьже, злостражуще от волнъ, не можаху къ брегу приити, и уже живота отчаявшимся, смерть предочима имуще. Нѣкый же человѣкъ, Флоръ именемъ, стоя тогда на брегу езера, зря бѣду и погыбелъ ловцемъ, скоро притече къ святому и сказуеть ему бѣду, яко: «Ловци, — рече, — въ езерѣ утопают!» Святый же слыша, скоро въста и, крестъ в руцѣ വземъ, течаше и на брезѣ езера бывъ. И знамение крестное сътвори крестом, егоже ношааше, и абие в той час преста езеро от волнениа своего и в тишину велию преложися. И ловци от истоплениа избывше и на сухо приставше, глаголаху къ святому, яко: «В велицѣ бедѣ быхом, аще не бы ты предварилъ молитвою своею къ Богу». И того дни ловци тии яшя множество рыбъ паче прьвых дний.

По сих же временехъ принесенъ бысть нѣкый человѣкъ в манастырь святаго, зѣло болѣзнию одержим, и молит святаго еже пострищи его въ иночьская. И понеже прошениа его святый не презрѣ, одѣвает его въ святый иночьскый образ и нарече имя ему Долмат. И болѣвшу ему дни нѣкыя, и уже къ концю приближашеся, и священных таинъ Христовыхъ требоваше. Священнику же помедлѣвшу священиа ради службы. Пришедшу же священнику, святых таинъ хотяща причастити, и обрѣте брата умерша. Прочее шед священикъ тъй възвѣстити преподобному о вещи тъй, яко брат преставися и не поспѣ причаститися святых таинъ. Святый же, яко услыша, зѣло оскорбися и скоро оконце келии затвори, и прочее с плачем обратися къ Богу на молбу.

Помалѣ же прииде братъ, служай предреченному Долмату, и толкнувъ оконце у келии преподобнаго, и възвѣсти блаженому Кирилу, яко Долматъ живъ есть и еще святых таинъ требуеть причаститися. Святый же призвавъ священника и посылаеть его святых таинъ причастити брата. Священникъ же тъй не хотѣ *пререковати* святому, видѣвше, яко брат умерлъ бяше, но иде тамо, святые тайны имѣя с собою. И обрѣте Долмата жива сѣдяща. И тако священникъ тъй въ удивлении велицѣ бывъ и славу въсылаа Богу. И святыхъ таинъ братъ причастився и съ всѣми братиами простився, мирно и тихо къ Господу отходить.

ИНО ЧЮДО

Прииде же княгини Иванова Карголомьская[39] слѣпа и не видящи на много время и молить святаго еже помолитися о ней. Святый же елико мощно помолися о ней и священною водою покропи тоя очи. И абие прозрѣ и бысть здрава, якоже и прьвѣе, славу въздая Богови и того угоднику блаженому Кирилу.

ИНО ЧЮДО

Бояринъ же нѣкто Ромонъ именем, Александрович, далече от обители святаго жилище имѣя, а святаго не видалъ бяше своима очима, но токмо слышалъ бяше великая о нем. Сему убо Роману в болѣзнь велию впадшу и зѣло изнемогающу, начат молити Пречистую Богоматерь, да облегчит ему болѣзнь. И тако молящуся, в сонъ тонок сведенъ бысть. Видит въ снѣ свѣтоносную нѣкую жену, явльшуся, и старца нѣкоего свѣтолѣпна за руку держаща и глаголюща Роману: «К сему, — рече, — посли, и воду священную да прислет к тебѣ, и тако исцѣлѣеши. Кирилъ имя мужеви», — рече.

Въспрянув же человѣкъ от сна и повѣда всѣм явление бывшее. Тѣмъже скоро посылает къ святому в манастырь и молит его, яко да помолится о нем. Святый же помолився о нем и священную воду посылает к нему. И водѣ же святой принесеной бывше, и абие иже болѣзнию одръжимый приемлет воду, съ всякою вѣрою и усердиемъ вкушает от нея, и абие от болѣзни пременися и бысть здравъ помощию истиннаго Бога и Пречистѣй Его Матери и молитвами святаго Кирила. И егда устрабися от болѣзни, въставъ и иде къ святому и съ женою своею и дѣтми. И якоже прииде въ обитель святаго, токмо от видѣниа, явльшися ему въ снѣ, святаго позна и пад пред ногама его и поклонися, избавителя его своему недугу нарицаше. Нача же ему *подробна* сказовати, како Пречистѣй моляшеся, и явление, ему бывшее, вся по ряду сказаше пред всѣми братиами. Тѣмже съгласно славляху вси и благодаряху Бога и Того Пречистую Матерь, яко вездѣ призываема помогает.

Таже Романъ тъй молит святаго еже освятити воду, да погрузится в ней. Святый же молениа его не презрѣ, но идеть на реку и воду освятивъ. Мразъ же зѣлный тогда бяше, и сего ради предреченный бояринъ не смѣяше внити в воду. Святый же рече: «Не бойся, но дрързай!» И абие вшедшу ему в воду, и вода на теплоту преложися молитвами святаго. И

изшедшу же ему от воды, и всѣм бывшее чюдо сказоваше, яко: «Токмо, — рече, — снидох в воду, мнѣхся, яко въ укропѣ стояти!» Оттуду же тъй Романъ стяжа велию вѣру къ святому и, милостыню многу давъ манастырю, прочее отиде в дом свой, благодать въздая Богу н Пречистѣй Его Матери, творящему преславная святым Своим угодником.

ИНО ЧЮДО

Инъ же боляринъ именем Романъ Ивановичъ, съй велию вѣру имый къ Пречистѣй Богоматери и ея угоднику блаженому Кирилу, даяше на всяко лѣто по 50 мѣръ жита, иногда же множае. Изволи же ся тому предреченному болярину предати оно село съ всѣм дому Пречистѣй, Кириловѣ оградѣ. И посылаеть грамоту къ святому на та села. Святый же, яко приатъ посланую грамоту, и начят размышляти в себѣ: «Аще села въсхощемъ видѣти и дръжати, болми будеть в нас попечение, могуще братиамъ *безмлъвие* пресѣцати, и от нас будут поселскиа и рядникы. Но паче лучши есть жити намъ без селъ, луче убо есть единого от братии душа паче всякого имѣниа» . И тако убо любомудрая душа попечение духовно имѣяше братии! И тѣмже пакы отсылаеть ту грамоту к тому къ предреченному болярину и другую грамоту написа, глаголя: «Аще изволися тебѣ, человѣче Божий, дати село к манастырю, дому Пречистыя, в препитѣние братии, се убо даеши по 50 мѣръ жита, даи же убо, аще хощеши, по 100 мѣръ братиамъ, и сими убо доволни будем. Села же своя самъ имѣй, не бо суть намъ потребна и полезна братии». И тако села святый не въсхотѣ приимати. Боляринъ же тъй сътвори по глаголу старца и даяше манастырю по 100 мѣръ жита, иногда же и множае. По преставлении же блаженаго Кирила пакы тая весь приложена бысть манастырю Пречистыя, иже есть и донынѣ в память его.

ЧЮДО О КНЯЗИ ПЕТРѢ ДМИТРИЕВИЧИ И ЕГО КНЯГИНѢ[40]

Ни же се да умолчано будеть бывшее чюдо блаженаго Кирила, яже от неложных устъ повѣдаемое бывшее.

Бяше убо благочестивый князь Петръ, сынъ великаго князя Димитрея Ивановичя, бяше же у него княгини Евфросиниа именем. Бяху живуще въ всякомъ благочестии и любве, но чад не имѣяху лет 11 и месяць 6 и сего ради обои в печяли бяху, ради тѣх неплодствий. Имяху же велику вѣру къ святому и достословущему тогда блаженому Кирилу игумену. Помысли благочестивый князь Петръ Дмитриевичь послати къ святому

Кирилу, яко да помолить Бога и Пречистую Его Матерь, яко да разрѣшить тѣх неплодство и дарует тѣм плод дѣтородиа. И понеже сим тако бывающим, тогда случися по нѣкоем лѣтѣ смертоносие велие в людех бывшее, бяше же в самом томъ отечьствѣ градѣ Дмитровѣ благочестиваго князя Петра. И сего ради забывше печали, яже о неплодствии бывающе, болми сами о себѣ множае в печали бяху, зряще по вся дни смертоносным серпом отечьство свое, паче же град, пожинаем, тѣмже и самѣмъ такоже, яко и прочим, смерти надѣющимъся.

И сего ради, таковаго нашедшаго Божиа прещениа ради, скоро на Бѣлоезеро посылаютъ предпомянутому блаженому Кирилу болярина нѣкоего, Козму именемъ, яко да помолить Бога и раздрѣшить тогда нашедшее прещение в людехъ, паче же и о нѣхъ молитися. Идущу же тому Козмѣ и обитель святаго достигше и преподобнаго отца Кирила видѣвши, и хотящу тому послание дати от князя, тъй самъ блаженый Кирилъ, яко прозорливъ даръ имѣя, самъ позна о немъже. Съ братиею елико мощно молитвовавше о них и воду священную и просфиру посылаеть к ним, и повелѣвает, нѣколико дний постившеся, тако и съ княгинею священной водѣ и просьфирѣ причаститися, причастившеся — окропитися. Назнамена же блаженный Кирилъ писаниемъ милостивное о людех быти от Бога и неплодству тѣх разрѣшитися, еже послѣди обои бывше молитвами святаго Кирила.

Пришедши же предпомянутому Козмѣ и просфиру и священную воду принесшу и писание вдавшу, и богочестивый князь Петръ радости исполнися и приатъ с великою вѣрою и сътвори вся, яже повелѣ ему святый. И постившеся нѣколико дний тако съ княгинею своею и с людми, в то же время животворящему кресту принесену бывшу от града Владимера к нему ради тогда належащаго смертоносиа, тѣмже благочестивый князь Петръ отходит въ град Дмитровъ и молебная съвершают, около града ходяще, град же и люди принесеною водою от святаго кропяще. И тако сим бывающим и нощи приходяще, благочестивый князь Петръ яко в сонъ тонокъ сведенъ бысть. Видѣ нѣкоего свѣтоносна старца явльшися и двѣ свѣщи в руку дръжаща и глаголюща тому: «Се еже просилъ еси, и даруеть ти Богъ сына». Възбнувъ благочестивый князь Петръ Дмитриевичь от сна и от видѣния позна святаго Кирила явление быти, тѣмъже и радости велиа исполнися. В то же время благочестивая княгини Евфросиниа зачатъ сына. Помалѣ же благодатию Христовою недугъ преста в людех.

По семъ же времени 9 месяцемъ прешедшим, случися приити Тимофѣю, слузѣ благочестиваго князя Петра Димитриевича, въ обитель святаго Кирила. Егоже видѣвъ, блаженый Кирилъ рече: «Нынѣ вам есть подобно радоватися, понеже княгини ваша родила есть сына, князя Ивана». Той же Тимофѣй подивися глаголомъ святаго Кирила и назнамена день же и

час, въ ньже святый изрече, бяше бо того дни память святаго Пантелѣимона. По семъ же единой недѣли прошедши, и прииде слуга от князя къ святому благодарение въздати тому, яко его ради молитвы дарова ему Богъ сына. По сем же Тимофѣй приходить къ князю и сказует прочее пророчение святаго Кирила, — яко в самый день тъй, въ ньже княгини роди сына, на Бѣлѣезерѣ Кирилъ блаженый увѣдѣ и всѣм сказаша. От того же лѣта благочестивый князь Петръ Дмитриевич стяжа велию вѣру къ блаженому Кирилу, тако и съ княгинею своею благодарение велие Богу исповѣдаше, творящему преславная чюдеса угодникомъ своим Кирилом. По сих же и княгини благочестивая Ефросиниа роди дщерь, якоже и преже явися святый, двѣ свѣщи в руцѣ имѣя, якоже бы рещи и двоихъ чад прижитиа.

ИНО ЧЮДО

Нѣкогда же празднику приспѣвшу святых Богоявлений, принесоша человѣка нѣкоего, болѣзнию одръжима. Не поспѣвшу же ему, егда вода освящашеся, яко погрузится въ иордани,[41] но прииде в монастырь, святому идущу къ церкви пѣти божественую литоргию. Человѣкъ же тъй опечалився, въ скорби велицѣ бяше, заеже не поспѣ к подобному времени. Възвѣстиша же блаженому о человѣцѣ томъ, святый же рече: «Рците человѣку тому, да внидеть в воду без сумнѣниа. Вѣрую бо Богови и Пречистѣй Его Матери, яко исцѣлѣеть». Вѣровавъ же человѣкъ тъй словесем святаго Кирила и погрузися въ иордани трищи, и оттолѣ бысть здравъ благодатию Христовою и Пречистѣй Его Матери и молитвами святаго Кирила. И тако отиде в дом свой, радуяся.

ЧЮДО О СЛѢПОЙ ЖЕНѢ

По сихъ же приведена бысть жена слѣпа къ святому Кирилу, 3 лѣта ничтоже видящи. И моляше святаго, да помолится о ней и священною водою помазати тоя очи. Хотяше же святый искусити, аще помилова ю Богъ. Рече же к ней святый: «Аще что видиши?» Она же рече: «Вижю книгу, юже в руцѣ имѣеши», бяше же святый тогда книгу имѣа в руцѣ своей. Таже по сих рече: «Вижю езеро и люди ходяще». И тако вся просто начатъ видѣти и бысть здрава молитвами святаго Кирила, Святый же видѣ, яко помилова ю Богъ, и прозрѣ, велию благодать Богу въздааше и Пречистѣй Его Матери.

Много же иных слѣпых приводяху къ святому. Святый же, приемъ вино токмо с водою, и помазаше тѣх очи во имя Христово, и тако прозираху и

отхождаху в домы своя, и славяще и благодаряще Бога и Его угодника Кирила, творящаго таковая чюдеса.

ИНО ЧЮДО СВЯТАГО

Бяше же Германъ, ученикъ святаго Кирила. И егда посылаше его святый рыбы ловити ко утѣшению братиамъ, и которую рыбу повелѣваше блаженый ловити, глаголя Герману: «Понеже, чадо, сию или ону рыбу братиа требують». Отходя же Германъ ловити, и Богъ тому Герману поспѣшьствоваше благословениемъ святаго, и тую рыбу уловляше, юже святый повелѣваше ему, — ничимъ же инѣмъ, токмо удицею. И от сея доволно бяше всѣм братиамъ къ утѣшению. Тогда бо неводом не ловляху, точию егда праздникъ Успениа Пречистыя прихождаше.

Съй убо Германъ, егоже выше помянухом, много лѣт пожи в манастыри том въ всякомъ послушании и цѣломудрии, яко и мнозѣмъ, видѣвшим тогда безмѣрное смирение того и труды, дивитися и похвалити. Въ дне бо тружаяся бяше же, попечение имѣя о ловитвѣ, молитва же его никогдаже изъ устъ не исхожааше, в нощи же въ бдѣниихъ и колѣнопреклонениихъ, въ церкви же на пѣнии стоа, никакоже къ стѣнѣ приклонися.

Имяше же духовную любовь к нѣкоему Димитрею, ученику Христофорову,[42] иже послѣди бывшаго игумена тоя обители. Иже тъй Димитрей велико житие имяше по Бозѣ. В недугь же впадшу тому, часто прихождаше к нему духовный ему другъ Димитрие и посѣщая болѣзнь его. Но понеже времени пришедшу, и Герман мирно преходить къ Господу въ онъ некончаемый вѣкъ. По преставлении же Германовѣ времени нѣкоему прешедшу, случися предреченному Димитрию в недугь телесный впасти. И тако ему недугомъ одръжиму, явися ему предреченный Германъ, глаголя: «Не скорби, брате Димитрие! По друзѣмъ бо дни, еже есть понедѣлникъ, к нам преидеши». Тогда тъй Димитрие радости великыя исполнися посѣщениемъ любимаго ему и духовнаго брата Германа. Повѣдаше же тъй Димитрие иже ту прилучившимся братиамъ явление того духовнаго ему брата, блаженаго Германа. Пришедшу же дни тому, реченному Германом, и Димитрие с надеждею к Господу к вѣчным обителемъ преходит, память добродѣтелий своихъ труд оставил.

Ученикъ же блаженаго *Христофор*, о немже преже мало сего въспомянухомъ, имѣаше брата по плоти Съсипатра именем. Сему убо

Съсипатру случися в недугь великъ впасти. Братъ же его Христофоръ, видѣвъ брата изнемогающа, сжалиси и, шед, възвѣсти преподобному Кирилу о брате, яко зѣло болить и хощеть уже умрети. Святый же, яко осклабився, рече: «Вѣруй ми, чадо Христофоре, яко ни единъ вас *перъвие мене* умрет. По моем же преставлении мнози от вас отидуть тамо съ мною», еже и бысть помалѣ тако, якоже прорече святый. Тогда бо бяше смертоносие велие въ окрестных мѣстѣх манастыря. В манастыри же тогда никтоже от братиа болѣ. Братъ же онъ Съсипатръ, аще и много поболѣ, но послѣди премѣнися от недуга и бысть здравъ.

ЧЮДО СВЯТАГО

Прииде же нѣкый человѣкъ, живый в окрестных мѣстѣх обители святаго, Павелъ именемъ, моляше святаго о человѣцѣ нѣкоем, глаголя, яко: «Болѣзнь люту имат, но помолися о нем, яко да болѣзнь премѣнится». Святый же не токмо *не* послуша того Павла, но паче не повелѣ оному человѣку болящему ни в манастырь принестися. И тако болящему внѣ манастыря лежащу, изъ устъ бо его и ноздрей кровавая пѣна течаше. Егоже видѣвъ, инъ человѣкъ, ужикъ си ему, любимъ святому, часто бо к нему прихождааше, зѣло о человѣцѣ сжалиси. И приходить къ святому, и възвѣщаеть о человѣцѣ, вкупѣ же и молит его, да помолится о нем. Преподобный же отвѣща: «Вѣруй ми, чадо, яко та болѣзнь не от прилучая прииде ему, но заеже прелюбодѣйствова сиа стражеть. Но аще обѣщается престати от грѣха, вѣрую Богови и Пречистѣй Его Матери, яко исцѣлѣеть. Аще ли же не тако, и горшая сихъ постражеть». Шед же человѣкъ онъ, възвѣсти Иакову — тако бо бяше имя его — глаголанная святымъ. И абие познавъ человѣкъ тъй свое съгрѣшение и паче устрашився, яже бо въ тмѣ бывшая въ свѣтѣ услыша. И якоже обѣщася, и, милосердовавъ святый, иде къ человѣку болящему. Человѣкъ тъй съ слезами начат молити святаго и своа съгрѣшениа исповѣдати от сердца, иже и самому блаженому не утаено бяше. Тѣмже святый помолився о нем. Прочее человѣкъ тъй здравъ бысть от болѣзни своея. Святый же епитемью[43] дасть ему еже о грѣсѣх. Дасть же человѣкъ тъй нѣчто елико по силѣ милостыню святому и манастырю. Святый же повелѣ братиам по силѣ молитвовати о немъ, яко да простить ему грѣх. И *отиде* же человѣкъ здравъ въ домъ свой, поя и славя Бога и Пречистую Его Матерь и святому Кирилу велие благодарение въздая, яко его ради исцѣление получи не токмо в телесных, но и въ душевных.

Такова убо дарованиа святому даровашеся ради великаго его усрьдиа и любве еже къ Богу, понеже Спасово есть *слово* глаголющее: «Просите и приимѣте»[44] и пакы: «Без мене не можете творити ничесоже».[45] Не бо единѣмъ учеником сиа глаголаше, но и всѣмъ вѣрующим. Тѣмже блаженый Кирилъ не нѣкоем повелѣниемъ, но Христа призываниемъ и Пречистѣй Его Матери. Кирилово же бяше молитвеное токмо и

человѣколюбное страстей человѣчьскых. «Туне бо, — рече, — приасте, туне и дадите».[46]

И понеже убо блаженый Кирилъ видѣ себе от старости изнемогша, и различныя и чястыа болѣзни на нъ находящая и ничтоже ино възвѣстити могуще, развѣ смертный приход, помысли же написати благочестивому князю Андрѣю Димитриевичу послѣднее свое писание множайшаго ради потвержения общаго житиа. Много бо желаше и печашеся, да ничтоже не разорится общаго *житиа*, но елико при того животѣ, но паче множае и по смерти. «Умершу бо, — рече, — праведнику, оставить пекущагося». Написа писание, имущее сицевъ разумъ:

НАКАЗАНИЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛА ИЖЕ СУЩИМ БРАТИИ ВЪ ОБИТЕЛИ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА, ЧЕСТНАГО ЕЯ УСПЕНИА, СИРѢЧЬ ДУХОВНАЯ ГРАМОТА

«Во имя Святыя и Живоначалныя Троица, — Отца, глаголю, и Сына и Святаго Духа, *Имже* всяческая быша, и мы Тѣмъ.

Се азъ, грѣшный и смиренный игуменъ Кирилъ, вижю убо, яко постиже мя старость. Впадохъ в частыя и различьныя болѣзни, имиже нынѣ съдръжимъ есмь, — человѣколюбие, от Бога бываемое, якоже и нынѣ вижю и *познаваю*, ничтоже ино възвѣщающе ми, разве смерть и судъ Страшный Спасовъ будущаго вѣка. И сего ради въ мнѣ смутися сердце мое, грознаго ради исхода, и страх смертный нападе на мя. Боязнь и трепет Страшнаго судища прииде на мя, и покры мя тма недоумѣниа. Но что сътворити, не свѣмъ. Но възвѣргу, по пророку, печаль свою на Господа,[47] да Тъй сътворить о мнѣ якоже хощеть, хощет бо всѣмъ человѣкомъ спастися и в разумъ истинный приити.

Тѣмъже симъ моим послѣдним писанием предаю манастырь, труд своих и своея братиа, Господу Богу Вседръжителю, и Пречистѣй Его Матери, и господину духовному ми сыну, благочестивому князю Ондрѣю Димитриевичю еже пещися и промышляти о манастыри и Пречистыя дому.

Духовнаго же ми сына священноинока Инокентиа[48] благословляю в мое мѣсто игуменом быти.

Сего ради, господине князь Андрѣй, Бога ради, и Пречистѣй Его Матери, и своего ради спасениа, и мене ради, нищаго своего богомольца, какую еси любовь имѣлъ и доселѣ къ Пречистѣй Богоматери и к нашей нищетѣ, при моем животѣ, тако бы еси и по моем животѣ имѣлъ любовь и вѣру к манастырю Пречистыя и свой привѣт сыну моему Инокентию и къ всей моей братии, котории имуть по моему преданию жити, игумену повиновение имѣти.

А иже не въсхощет по моему убогому житию жити в манастыри том, имат нѣчто от общаго житиа чина разорити и игумену не повиноватися, о семъ убо тебе, своего господина и духовнаго ми сына, благословляю и съ слезами молю: да не попустиши сему тако быти, но паче ропотникы и расколникы, иже не хотяще игумену повиноватися и по моему убогому житеицю жити, прочее из манастыря изгонити, яко да и прочая братия страх имуть.

Милость же Божиа и Пречистыа Его Матере да есть всегда с тобою и съ твоею благочестивою княгинею и съ благородными чады».

И от сего благочестивый князь Андрѣй много печяшесе о семъ, яко ни единому от словесъ, реченному святымъ Кириломъ, не оставлену быти еже не исправитися. Велику бо вѣру и любовь имяше к дому Пречистыя Кирилова манастыря. Не токмо домы великыя и езера приложи к той обители и, елико мощно, толико, тщашеся всяческыми доволы и красотами церковь Пречистыа удовлѣти и украсити. Книгы же, много написавъ, церкви приложи и иными многами добротами исполнивъ, иже суть и доселѣ многы виды того великаго дааниа.

О ПРЕСТАВЛЕНИИ СВЯТАГО КИРИЛА

И понеже, якоже преже рѣхом, блаженный Кирил видѣвъ себе от старости изнемогша и к концю приближающася, призывает весь ликъ тоя обители — бяше бо их тогда 53 братий, иже с ним Господеви работающих противу силѣ своей — и пред всѣми единому от ученикъ своих, Инокентию именемъ, сему вручает манастырьское строение, игумена того нарицает, аще и тому не хотящу. К сим свѣдѣтеля Бога предлагая, яко да ничтоже разорится от чина манастырскаго: якоже видѣ от него, сия и творити веляше. Сам же крайнее безмлъвие любомудрьствовати хотяше.

Елма бо от великаго въздержаниа и стояниа и нозѣ его не можаху въ стоянии служити, но тако сѣдя н свое правило дръжаше и николиже молитва изъ устъ его не исхожаше, паче же Исусова. Аще бо и телесною силою слабяше, но ничтоже от подвига правила своего не оставляше. Немощенъ же бысть пакы къ церкви на своихъ ногах ходити, но токмо — егда хотяше божественую литоргию служити. Никогдаже бо не оставляше еже по праздником службы съвръшати, и от ученикъ же того немощьныя уды рукама подкрѣпляеми и к церкви приносими. Пребысть же в таковой болѣзни, подвизаяся, ничтоже от правила своего оставити, время немало, тѣмже и телесной крѣпости изнемогши, и уже хотяше к Господу отити. И Пятидесятной же недѣли пришедши, в нюже исшествие Святаго Духа, на апостолы бывшее, празднуется, и тогда убо божественую литоргию съвръшив и святых таинъ причастився. Наутриа же в *понедѣлникъ* той же недѣли, на память святаго Кирила Александръскаго,[49] тѣломъ начятъ изнемогати иже душею крѣпкый. Прихождаху к нему братиа вся тоя обители, видяще его изнемогающа и къ Господу хотяща отнти, скорбяще, рыдаху, аще бы им мощно от великаго усердиа и любве, иже к нему имуще, съумрети с ним.

Тогда глаголаху нѣции от ученикъ его, плачющеся: «Понеже, отче, нас оставляеши и къ Господу отходиши, и, тебѣ не сущу с нами, мѣсто оскудѣеть, мнози преселници будем от манастыря сего». Святый же рече им: «Не скорбите о семъ, но паче по сему образу разумѣите: аще получю нѣкое дръзновение къ Богу и Пречистѣй Его Матери, и дѣлание мое угодно Богови будеть, не токмо не оскудѣеть святое сие мѣсто, но и болма распространится по моимъ отшествии. Токмо любовь имѣте межу собою!»

Сиа братиа слышаще, от рыданиа не можаху престати. Святый же утѣшаше ихъ, глаголаше: «Не скръбите въ день покоа моего. Уже бо мнѣ час есть почити о Господѣ. Предаю же вас Богови и Того Пречистѣй Матери. Тъй да съхранить вас от всѣх искушений лукаваго. И сынъ мой Инокентий съй да будет с вами игуменъ в мое мѣсто, и сего имѣите, яко и мене, и съй ваши *недостатъкы* исполнит». Сиа и на многа, утѣшая их, глаголаше, и бяше тако радуяся и веселяся, якоже нѣкто от далних и туждиихъ странъ въ свое отечьство приходяще. И никоея же печяли имяше, но паче надеждею будущих веселяшеся. О единомъ бо точию попечие имяше и моляшеся: да ннчтоже от общаго житиа не разорити и да не будуть в нихъ раздоры или свары. О семъ бо паче и здравъ печяшеся.

И таже часу отхождениа его къ Господу приближающися, вся братиа к нему прихождаху и цѣловаху его съ слезами, послѣдняго благословениа просяща. Тъй же, яко чадолюбивый отець, всѣх облобызаше, всѣхъ

миловаше и всѣмъ послѣднее благословение оставляше, и от всѣхъ же прощениа и самъ прошаше. И в самый убо тъй час, вънже хотяше телеснаго съуза разручитися, святый пречистых и животворящих таинъ Христа Бога нашего причастився и пречистую свою трудолюбную душу мирно и тихо к Господу отдасть, еще молитвѣ въ устѣхъ его сущи. Отсуду же бяше благоюхание нѣкое всѣмъ слышатися.

Братиа же тогда что не хотяху от скорби сътворити, лишение отца умилно зряще. Врачя отщетившеся, не тръпяху; учителя отъяти, рыдаху; кормнику не сущу, недоумѣвахуся; вся болѣзненая тогда предлежаху. Таже и лице его просвѣтися и бяше свѣтло множае паче, егда в жизни бяше; и не бяше на лици его никоеяже черности, ни смяглости, якоже обычай есть умершимъ бывати.

Тѣмже на одрѣ положивше честно и на своих главахъ къ церкви того священныя мощи принесоша съ всякою подобающею честию и псалмопѣниемъ, яко отца провождаху.

Предреченный же слуга его Авксентие на селѣ тогда трясавицею боляще и зѣло стражющу и от тоа болѣзни яко въ иступлении ума бывшу, видит блаженаго Кирила пришедша и крестъ в руцѣ своей дръжаща и иного священника, Флора, велико житие по Бозѣ имѣя, И тако Кирилъ знаменавъ честным крестомъ Авксентиа, и абие в той час исцѣление получи и бысть здравъ. Въспрянув же человѣкъ тъй, обрѣте себе здрава и абие скоро с радостию тече къ блаженому Кирилу, хотя ему исповѣдати, яко да того явлениемъ исцѣление приимша. Не вѣдяше же, яко святый преставился есть. Пришедшу же ему в монастырь, и обрѣте святаго уже къ Господу отшедша и от ученикъ надгробными пѣсньми провождаема, притекъ же къ святымъ того мощемъ, съ слезами облобызаше, вкупѣ же и чюдо святаго всѣм исповѣдаше, како явися ему святый и исцѣление дарова ему. Тѣмже братия яко мало нѣчто от печяли премѣнившеся.

Надгробное пѣние съ многою честию скончавше и съ многою свѣтлостию землею покрыша многострадалное и трудолюбное тѣло и съсуд Пресвятаго Духа в лѣто 6935-го, мѣсяца иуниа в 9.

Добрѣ упас врученную ему паству и на пажити животныа наставивъ. Таковы подвигы блаженаго Кирила, такова исправлениа, такова чюдеса, дарованиа, такова того исцѣлениа.

Бяше блаженый Кирилъ, егда прииде на мѣсто то, лѣтомъ шестимдесятим, пребысть же на мѣстѣ том лѣт 30, яко всѣх лѣтъ житиа его девятдесятъ.

Множайша же и ина чюдеса, при животѣ бывшая блаженаго Кирила, и множества ради, и паче же и пред многыми лѣты бывшее, писанию не предашеся. Сиа же нѣчто мало, отчасти быша написано токмо, да не вконець умолчана будуть святаго повѣсти.

Сему же тогда тако бывающю, и стаду осирѣвшю от богоноснаго отца, Инокентие бывает игуменъ тоа обители, якоже блаженый Кирилъ *повелѣ* еще си живъ. Тѣмже тщашеся вся, елико видѣ от отца, собою дѣлы исправити. Подобно же есть рещи о игуменѣ Инокентии: не тако просто, ни яко прилучися блаженый Кирилъ тому манастырьское строение вручаеть, но вѣдый его издѣтска житие велико имуща. О чистотѣ же телеснѣй нѣсть что глаголати! И бывша в послушании у Игнатия, мужа велика пред Богомъ, 11 лѣт, и никояже своеа воля имый.

И симъ тако бывающим, по преставлении же блаженаго Кирила единому лѣту токмо прешедшу и осени наставшей, братия тоя обители, яко едино съгласившеся съ блаженым Кириломъ, от сего житиа к Господу изыдошя числомъ множае 30 братий, по проречению блаженаго Кирила, иже рече къ ученику своему Христофору: «Вѣруй ми, чадо, яко ни единъ вас прьвѣе мене от житиа сего не изыдеть. По моемъ же преставлении мнози от вас приидуть въслѣд мене», — еже и бысть. Послѣди же всѣх тѣх братий и игуменъ Инокентий к Господу отходит.

По преставлении же игумена Инокентиа бысть в него мѣсто вышепомянутый Христофоръ игуменъ тоя обители. Съй убо Христофоръ много книгъ написа святому манастырю своею рукою. И никакоже възнесеся мыслию, заеже таковой обители игуменъ бывъ, но тако бяше въ всяком благочинии и смирении, съблюдая своего житиа любомудрие, яко да ничтоже останет дѣлы неисправлено, елико видѣ блаженаго Кирила творяща. Толику же нищету ризную възлюби, елико *промежю* старець не знати его, яко игуменъ есть.

И понеже попущениемъ Божиимъ и междусобным ратем тогда бывающим,[50] тъй игуменъ Христофоръ, многыхъ от плененых искупивъ, и на своих мѣстѣх пакы насадивъ.

Посла же нѣкогда князь Егоргий Дмитриевичь[51] к нему, яко да приидет и видить его. «Имамъ к тебѣ, — рече, — духовная словеса глаголати». Он же отвъща, яко: «Николи же обыкохъ исходити внѣ от манастыря, и сего ради не могу чинъ манастырьскый разорити». Посла же князь Егоргий второе и третие, моляше его приити, обаче к сему не преклонися. Видѣвъ же князь Егоргий, яко не прииде, подивися крѣпости его и сего ради весь плѣнъ, елико плененыхъ, отпусти, к симъ же и многу милостыню манастырю дасть.

И понеже искони обыче Богу прославляющих Его прославити не елико при животѣ, но и по преставлении, не оставляет бо Богъ Своего угодника Кирила прославити его чюдесы и по преставлении, якоже и при животѣ случися того.

ЧЮДО ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛА

Приведоша человѣка нѣкоего, Феодора именемъ, бѣсом мучима лютѣ, в манастырь блаженаго Кирила. Съй убо Феодоръ бяше человѣкъ нѣкоего властелина именем Василиа, иже за премногое его таковое мучение, зря всегда в дому своем того Феодора, бѣсомъ съкрушаема, прочее от дому своего того отсла. Страдаше бо тако 11 лѣт бѣсомъ мучим. И яко приведоша къ гробу блаженаго Кирила, и абие исцѣление получи и бысть здравъ помощию Владычица нашея Богородица и молитвами святаго Кирила.

Заповѣдь же приатъ тъй Феодоръ от настоателя еже мяса никакоже не ясти. Бывшу же тогда тому Феодору съ инѣми сѣно косити, и всѣмъ мясо ядущимъ, начат и тъй Феодоръ мясо ясти, забыв заповѣдь, данную ему, еже мяса никакоже ясти. Сему же тако бывающу, и по ядении мяса пакы бѣс нападе на нь и нача его мучити паче прьваго. И прииде же по семъ в чювство и свой грѣх позна, заеже преступити данную ему заповѣдь сиа стражеть. И пакы прибѣгаеть в манастырь блаженаго Кирила и чюдотворивому гробу притекъ и съ слезами прощениа прошаше, иже и получи благодатию Христовою и молитвами преподобнаго Кирила. И тако пребываше многая лѣта, служа той обители въ всякомъ послушании, егоже и азъ видѣхъ тамо.

ИНО ЧЮДО

Бысть же таково преже преставлениа блаженаго Кирила. Болярин нѣкто, именемъ Даниилъ Андрѣевичь, имѣя велию вѣру къ Пречистѣй Матери Божии и къ блаженому Кирилу. Сему Данилу изволися по своемъ преставлении село предати Пречистыя манастырю. И пришед нѣкый брат тоа обители, Феодосие именем, възвѣщаеть святому, яко: «Данилъ Андрѣевичь по преставлении своемъ предасть село монастырю нашему, но, аще хощеши, посли, да видѣна будуть, елика суть в селѣ томъ». Святый же села не въсхотѣ приати и рече, яко: «Аз не требую селъ при моемъ животѣ. По моемъ же отшествии еже от васъ, якоже хощете, тако творите». Брат же, яко поносимъ бысть от святаго, и оскръбѣ на блаженаго, заеже не послуша его и села не въсхотѣ приати.

По преставлении же блаженаго Кирила предреченный брат Феодосие видѣвъ чюдеса, бываема от гроба святаго, яко тако и по преставлении того прослави Богъ. И прииде ему въ умъ, яко оскорби блаженаго Кирила, пререкова ему о селѣ. И многы дни тако скорбяше и печялию съкрушаше себе. По нѣкоем же времени, тако Феодосию мятущуся мыслию, и блаженый Кирилъ явися в видѣнии нѣкоему от ученикъ своихъ, Мартиниану именем, и рече ему: «Рци брату Феодосию, да не скорбит, ниже стужает ми, яко ничтоже имѣю на нь». Сказа же предреченный Мартинианъ видѣние се брату предпомянутому Феодосию. Феодосие же яко прощение приать, утѣшися и славу всылаше Богу, творящему преславная святым Своим угодникомъ Кириломъ. По сем же приведоша в манастырь блаженаго нѣкую болярыню, Феодосию именемъ, бѣсомъ мучиму, и моляше игумена Христофора, яко да помолится съ братиею о ней. Игуменъ же молитвовавъ по силѣ о ней, к сим же повелѣваеть и священнику Евангелие чести над главою ея. И абие помалѣ бѣс из неа изыде и свободна бывши от нечистаго бѣса, и отыде здрава в дом свой, хваля и благодаря Бога и Пречистую Его Матерь и святаго Кирила.

И тако симъ бывающимъ, и игуменъ Христофоръ от житиа исходить, державъ настоятельство того манастыря лѣт 6. Ничтоже остави еже не сътворити, яже видѣ от блаженаго Кирила творимая. Никоеяже сладости кромѣ братиа усладився, ниже коему пристрастию себе остави обладану быти, но тако въ всякомъ въздержании и добромъ исповѣдании духъ свой Господеви предасть. И в него мѣсто бысть игуменъ тоя обители Трифанъ именемъ,[52] иже ради добродѣтели его послѣди бысть архиепископъ града Ростова, мужь разсудливъ въ иночьскых же и мирскых. Иже и тъй тщашеся всячьскы и елико мощно, да ничтоже общаго житиа *и* обычея манастырскаго разорится и да ничимъже повредится. Елма же и братьство немало бяше, церкви же мала, к тому же и ветха, юже самъ Кирилъ поставилъ бяше, и помышляше же игумен Трифанъ съ братиею иную церковь вмѣсто тоя, болшую, въздвигнути, иже Богу помагающу и Пречистѣй Его Матери и молитвѣ святаго Кирила поспѣшьствующу.

И тако сицевымъ образомъ пришед убо единъ от велмож, Захариа именемъ, въ обитель Пречистыя Кириловы ограды. И видѣвъ житие тѣх велико по Бозѣ, зѣло ползевася и помысли, аще мощно, в той обители въ иночьскиа одѣатися. Но не случися тому тако быти. Тѣмже, яко от Бога наученъ, дасть сребра много игумену и братии къ церковному зданию. Прием же сиа игуменъ, тщашеся въскорѣ еже от многа времени желаемое ему о церковнемъ здании, елма же Богу поспѣшьствующу, и церковь велика основана бысть. И понеже таковому великому дѣлу наченшуся, и много дѣлатель требоваху, имъже и събранымъ бывшим, дѣло въскорѣ спѣшаху.

Но понеже глад велий тогда в людехъ, иже въ окрестныхъ манастыря живущеи бяше, и начяша мнози приходити в манастырь глада ради хлѣбнаго. И вси приходящеи, кождо ихъ, насытився, отхождааше. Всѣм бо требующимъ и даяху, паче же убожайших чадѣ. Но понеже келарь тоя обители, яко видѣвъ многыхъ събравшихся къ церковному зданию, паче же и иныхъ множество, глада ради хлѣбнаго приходящихъ в монастырь, и яко умаленъ быв вѣрою и помышляше в себѣ, егда како не достануть брашна толико множьству. И сего ради умали паче даати хлѣбъ приходящимъ в манастырь глада ради. Тогда и брашна в мучници множае оскудѣваху и маляхуся. Егда же обилно всѣм требующим даяху, тогда и брашенъ множае исполньшеся. Видѣвше же таковое чюдо хлѣбникы манастыря того, иже своими руками брашно емлюще бяху, — яко егда множае даяху приходящимъ глада ради, тогда множае умножахуся брашна и изобиловаху, а егда оставиша даяти хлѣбъ убогымъ, тогда паче мѣры начинаху брашна скудѣти, — тѣмже и възвѣстиша нѣкым великым от старець тоя обители о вещи. Они же, яко услышаша о семъ, паче и ти удивишася, възвѣстиша игумену о таковом. И повелѣ игумен даяти и кормити всѣх *требующих*. И симъ тако бывающимъ, и брашна умножахуся и преизобиловаху. Бяху же ядущи тогда хлѣбъ в манастырѣ томъ на всякъ день яко шестьсот душь или множае. И тако сиа быша и до новаго хлѣба.

Тѣмже помощию Божиею и церковь прекрасна въздвижена бысть въ славу и хваление истинныа Матери Бога нашего, честнаго ея Успениа. По сих же иконами и инѣми красотами, иже церквам подобна, украшена бысть, — есть даже и до сего дне. Аще и не глаголомъ, вещми же паче проповѣдуеть и свое благолѣпие всѣмъ зрящим являет. Якоже бы рещи: «Свята церкви Твоа дивна вправду».[53]

Таже по сих и трапеза велика и красна поставлена бысть. Тѣмже и манастырь тогда болшими распространити тщахуся. Тогда бо, при блаженомъ Кирилѣ, тѣсно бяше обьято мѣсто оно, заеже братьства тогда не много бяше. Егда же въсхотѣ Богь болшими дарованми и чюдесы прославити Своего угодника, тогда множае братство умножаашеся. Сего ради и величайшаго мѣста требоваше к

манастырьскому строению, якоже бы рещи: «Ветхая мимоидоша, и се быша нова»[54] — кромѣ обычая и устава, яже блаженый Кирилъ уставилъ бяше, общаго житиа правило, иже есть даже и донынѣ недвижно молитвами и укрѣплениемъ богоноснаго отца.

Нѣкоимъ же временемъ минувшим, нѣкоего попа сынъ, Иванъ именемъ, съй убо от лютаго бѣса мучимъ бяше лютѣ, связанъ руками же и ногами. Толико же бяше бѣшение и злое мучение того Ивана, елико и очи завязавше привести его великою нуждею в манастырь. Очи же его бяху кровавы, устрашающе всѣхъ, гласы же нѣкыа неподобныа испущая: овогда рыкая, яко скот, иногда же пятловым гласом страшно и грозно поаше. И сего ради страненъ и страшенъ позоръ являшеся. Всѣх бо биаше, всѣм лаяше. Но что много глаголю: и на самого того Бога хулу глаголаше, — не тъй бо глаголаше, но живый в немъ бѣсъ усты его глаголаше. Игуменъ же съ братиею молбу простираху къ Богу и святого Кирила приводяще въ молитву о стражущомъ. Тѣмже благодатию Христовою и помощию Владычица нашеа Богородица и Приснодѣвыа Мариа и молитвами блаженаго Кирила помалѣ престааше болѣзнь человѣка того, и бысть кротокъ, и в чювство прииде, и бысть здравъ, якоже и прьвѣе. Отиде в домъ свой, славя и благодаря Бога и преподобнаго его угодника Кирила.

ИНО ЧЮДО СВЯТАГО

По сем же времени приведоша иного человѣка, Симеона именемъ. И тъй бяше бѣсомъ мучим. Якоже предреченный Иванъ, связанъ юзами желѣзными по руку и по ногу. Уже яко злодѣя водима и биема, яко да възможеть молчати, но убо елико биаху его, толико множае неистовяшеся. И тако привязаше его къ средѣ, чающе помощи преподобнаго Кирила. И пребысть ту, не ядый, ни пиа, недѣлю, но, тако мучимъ, страдаше. Таже благодатию Христовою и молитвами блаженаго Кирила бѣсу изшедшу от него, и бысть здравъ и смыслен. Отиде в домъ свой, радуяся, и ктому въ вся дни живота его бѣсъ не възможе никоеаже пакости сътворити ему.

ИНО ЧЮДО

Прииде же нѣкоа болярыни, едина от *славных*, Ксениа именемъ, ради поклонениа гробу блаженаго Кирила. С неюже бяше пришедшихъ человѣкъ много. Едина же нѣкая жена от служащихъ ей, кормилица сыну еа, едино око слѣпо имущи и ничтоже тѣмъ окомъ в шести лѣтех видящи, бяше бо бѣлмо, якоже сказуеть, о всемъ оцѣ ея. Яко прииде в

манастырь жена, яже око слѣпо имуще, всѣх утаився по заутрени, и приходить въ гробницю, идѣже есть гробъ святаго Кирила, и начят съ слезами молитися. И абие по нѣкоемъ часѣ молитвѣ слышить, яко грому велию изшедшу от гроба блаженаго Кирила, яко мнѣти тъй, сквозѣ уши ея прошедшу и къ слѣпому оку ея коснувшуся. Иже от страха того и грома, яко мертва, на землю падши, и надолзѣ лежаше от прилучившемся. И рукою своею слѣпаго ока касаашеся, и понеже, здравое око рукою закрывши, искушааше, аще что иже преже слѣпым окомъ видит. Увидѣвши же сама, яко помилова ю Богъ молитвами святаго Кирила, радовашеся. Тѣмже не утаено бысть, но паче явлено святаго преславное чюдо, тѣмже вси хвалу Богови въздаша и Пречистѣй Его Матери. Болярыни же Ксѣниа, кормивъ братию и многу милостыню давши, и възвратися в дом свой, славяще и хваляще Бога и блаженаго Кирила.

ИНО ЧЮДО СВЯТАГО

Принесоша же в манастырь святаго человѣка нѣкоего, Констянтина именемъ, зѣло болѣзнию одръжима. И тако ему от болѣзни изнемогающи и к концю живота приближающася ему, своя съгрѣшениа исповѣдуеть игумену, и тако игуменъ святых таинъ причащаеть и. Пришедши же нощи, видит нѣкый от старець тоя обители человѣка свѣтоносна, идуща к келии, идѣже Констянтинъ тъй лежаше. Мало иже посреди видить нѣкиа человѣкы, зѣло странно видѣние имущихъ и грядущихъ въслѣд предпрошедшаго мужа. Яко приидоша тамо, идѣже Констянтинъ лежаше, болѣзнию одръжимъ, и начаша съваритися съ преже пришедшимъ мужемъ, что яко: «Прииде, ничтоже не имѣя здѣ в немъ. Нашь бо есть и намъ повинулся есть». Другый же глагола, яко: «Нашь есть и к намъ прибѣже». Сим же тако спирающимся, видит тъй братъ игумена тоя обители съ братиею пришедшихъ и сварящимся о Констянтинѣ. И симъ тако бывающимъ, видить блаженаго Кирила пришедша и глаголюща къ братии, что яко: «Молвите, аще здѣ умреть и погребенъ будетъ, то и Пречистые есть и нашь. Аще ли проче отидет, то не нашь есть».

Пришедшу же дню, видѣвый видѣние брат сказаше игумену и братии видѣние, еже видѣ. Вѣдяху бо вси, яко тъй Констянтинъ лукавое житие прохождаше. Того дни и преставися тъй Константинъ и погребенъ бысть в монастыри том. Тѣмже вси слышавше и прославиша Бога и Пречистую Его Матерь и преподобнаго Кирила.

ИНО ЧЮДО

Петра же нѣкоего болярина сынъ, Василие именемъ, бѣсомъ обладанъ бывъ, и сего ради ума своего иступилъ бяше. И бѣсы многыми явленми странными и страшными являхуся ему и смертию прѣтяще. Пришедшу же ему в манастырь блаженаго Кирила и у гроба святаго Кирила бывшу, нощи же пришедши, прииде и тъй въ трапезу, нѣчто от золъ отраду надѣяся тамо приати. Такоже и тамо многа зла пострадавъ от бѣсов: многыми различными страшными видѣнии являхуся ему. Иже тому посреди таковых злѣ стражющю, яко в тонокъ сонъ сведенъ бысть, и видит блаженаго Кирила въ свѣтлых ризах, яко жива, пришедша. И токмо от видѣниа святаго и абие бѣси без вѣсти быша. Въставшу же Василию от видѣниа, и позна себе здрава, яко ничтоже пострадавъ бяше, радуяся. И оттолѣ здравъ и смысленъ бысть, якоже и прежде. И отиде прочее в домъ свой, и благодарность Богу исповѣдуя и того угоднику, блаженному Кирилу.

ИНО ЧЮДО СВЯТАГО КИРИЛА

Нѣкый же князь, Давыдъ именемъ, Семеновичь, в болѣзнь велию впаде и не могаше нимало двигнутися, вси бо уди тѣла его разслабишася. И тако ему стражющу, и прочее живота отчаятися мняши, и велить себе нести в манастырь Пречистые, яко да тамо помолитися. И тако ему принесену бывшу близ манастыря, — и тако 4 мужи ношаху его на постели, и пред враты манастыря бывшимъ, повелѣ себе поставити ту. И начат съ слезами молитися, и по молитвѣ ощути мало болѣзни своеа пременѣние. Въстав же на своихъ ногахъ, двѣма человѣкома подкрѣпляемъ, и, в церкви бывъ, моляшеся. Такоже и богоноснаго отца Кирила гробу пришед, и много съ слезами помолився, яко да облегчить ему святый болѣзненое его. И бысть день ту в манастыри, моляся. И пришедши нощи, и яко въ *иступлени* бывшу, видит блаженаго Кирила в церкви, съ инѣми священникы в ризах стояща и крестъ в руцѣ дръжаща. «Яко видѣвшу ми, — рече, — святаго, и начах съ слезами молитися ему: “Избави мя от належащая ми болѣзни!”» Святый же знаменавъ его честным крестомъ, егоже имяше в руцѣ своей, и рече: «Не скорби прочее, аз бо помолю Бога и Пречистую Его Матерь, яко да исцѣлѣеши. Но не забуди обита своего, еже обѣщался еси». Възбнувъ же от видѣниа князъ Давыдъ и разумѣ болѣзнь облегчившуся ему, и, отраду приемъ, радовашеся. Наутриа же въста на ногах своихъ и иде въ церковь здравъ молитвами и явлениемъ блаженаго Кирила.

Начят же повѣдати всѣмъ явление святаго, и *како* явлениемъ того исцѣление получи, к симъ достовѣрна свѣдѣтеля имѣя всѣмъ пребывшее ему здравие явлениемъ святаго. Слышавше же игуменъ и братиа бывшее на немъ посѣщение блаженаго Кирила, паче же и видяще его вси здрава ходяща, и прославиша Бога и Того Пречистую Матерь и чюдотворца Кирила. Князь же Давыдъ, братию учредивъ и милостыню

давъ, отиде здравъ в домъ свой. По исцѣлении том стяжа велию вѣру к манастырю Пречистые и чюдотворцю Кирилу.

ЧЮДО СВЯТАГО КИРИЛА

По сих же благочестиваго князя Михаила Андрѣевича,[55] сродника великаго князя, княгини, Елена именем, и та благочестива сущи, прилучися ей ногама болѣти. И недугу тому немало время прилежащю, и тая тако в болѣзни стражющи, и помысли благочестивый князь Михаилъ ити въ свое отечьство, на Бѣлоезеро, и тамо Пречистѣй Матери Божий поклонитися и чюдотворному Кирилову гробу. Елма же таковым конець приимаше, и князю Михаилу тако съ княгинею на Бѣлоезеро идущу, еще же ему далече сущу, и много растоаниа мѣстомъ имущу, старець нѣкый в манастыри святаго Кирила видить видѣние нощию. Не съвершено спящу, ниже пакы бдящу, и видит себе у гроба блаженаго Кирила, иже гробъ абие о себѣ отверъзеся, изъшед же оттуду святый, яко живъ. И на своемъ гробѣ сѣдя, рече блаженый къ старцю, сподобившемуся видѣние видѣти: «Понеже, чадо, гости немалы хотят приити, в скорби суть велицѣ, но подобает намъ помолитися о нихъ, яко да избавить их Господь таковыя скорби, понеже они наши кормителие суть». И тако глаголавый святый, мало посѣдѣвъ, и пакы въ своемъ гробѣ възлеже, самому гробу о себѣ затворившуся о нем.

Възбнувъ же старець от видѣниа и, в себѣ бывъ, дивляшеся. Утру же бывшу, възвѣщаеть видѣние нѣкоему духовному брату, не тако бо просто, ни якоже случается въ снѣ видѣти, но яко жива и наявѣ видѣ святаго. Бысть же по семъ пятим днемъ изшедшимъ, и благочестивая княгини Елена прииде, послѣди же и самъ благочестивый князь Михаилъ приходить в манастырь Пречистыя и, у чюднаго гроба бывше, доволно молящеся.

ИНО ЧЮДО СВЯТАГО КИРИЛА

И симъ убо в таковыхъ упражняющимся, приведоша нѣкоего человѣка, близ манастыря жилище имѣя. Человѣкъ же тъ бяше бѣсомъ мучимъ лютѣ. Связанъ ужема по руку и по ногу и едва от многыхъ удержимъ бываше, гласы бо нѣкыя странныа и страшныя испущаше, яко скот, лааше, устремляет же ся на человѣкы, яко звѣрь, и тако всѣмъ страненъ позоръ бяше. И понеже биаху его, яко злодѣя, да молчить, и елико они биюще его еже молчати, толико онъ, множае неистовяся, въпиаше, злыя гласы испущаа, тѣмже и всѣхъ страхование обдержаше. Таже

помощию Божиею помалѣ начатъ тишети и кротѣти и вмалѣ преста от бѣсованиа своего и бысть здравъ и смысленъ, якоже и преже.

Потом же въпрашаху его, что яко тогда тако въпиаше, он же глаголаше: «Понеже вы биасте мя еже молчати, они же множае биаху мя, въпити глаголяще. Мнѣ же не вѣдущу, кого от обоих вас послушати, обои бо немилостивно биасте мя, сего ради въпиах». Сие же чудо вси видѣвше, и прославиша Бога и Пречистую Его Матерь и блаженаго Кирила, глаголяще: «Въистину, дивенъ Богъ въ святых Своихъ!»[56]

По сих же временехъ благочестивая княгини Михаилова Елена, исцѣление получивши своему недугу, и бысть здрава. Видѣв же благочестивый князь Михаилъ прславное сие бывшее чюдо, прослави Бога и Того Пречистую Матерь и преподобнаго отца Кирила. И тако братию доволно учредивъ, и многу милостыню дасть манастырю, прочее отиде въсвояси.

По сихъ же нѣкоему времени минувшу, князь Михаилъ начатъ болѣти. И тако ему в болѣзни сущу, и — якоже преже рѣхомъ, велию вѣру имѣя к манастырю Пречистыя обители Кириловы — посылаеть с молением къ игумену того манастыря, Касиану именем, яко да помолится съ братиею о немъ. Священную воду тому посылают. Прием же благочестивый князь Михаилъ с великою вѣрою принесеную воду от манастыря блаженаго Кирила, и, благодатию Христовою и Того Пречистыа Матере, токмо воды тоя вкушениемъ исцѣление получи и бысть здравъ, благодаряше Бога и Того угодника Кирила.

Нѣкогда бо, времени нѣкоему минувшу, княгини благочестиваго князя Михаила, непраздна суща и въ утробѣ имуща отроча, и прежде уставленаго Богомъ дне, рекше прежде шестихъ недѣль рождениа, отроча въ чревѣ матерни умерша *познавашеся*. И понеже времени наставшу рождениа, и мертвое отроча не можаше от чрева матерня произыти, тѣмже и княгини в болѣзни велицѣй бывше, недоумѣяшеся, что сътворити, обаче уже и живота отчаявшеся и ничтоже ино, токмо смерть пред очима имущи. Благочестивый же князь Михаилъ, зря супружницю свою тако стражющу, печалию съкрушашеся, но не имѣаше что сътворити, токмо Бога моляше. Богъ же иже всѣмъ человѣком хотя спастися и в разумъ истинный приити. Прииде же въ умъ князю Михаилу, и въспомяну принесеную священную воду от манастыря блаженаго Кирила, еяже ради Богъ того помилова, и повелѣ принести оставшее от воды тоа. И велить болѣзненое чрево княгини священною водою помазати. И сему тако бывающу, и абие отроча мняшеся живо быти въ чревѣ матерни. И тѣмже мертво прочее родися, и княгини нечаемо от болѣзни премѣнися, и въ еже умрети бяше жити

сподобися и бысть здрава, хвалящи и благословящи Бога. Такоже и благочестивый князь Михаилъ възрадовася о здравии супружници своей, видѣвъ, яко помилова ю Богъ. Иже прежде мало сего мняше ю въ гробъ вселяему, нынѣ же живу и здраву видѣ, веселяшеся, тако и съ всѣми людми своими хвалу же и величие въздающе Богови и Пречистѣй Богоматери и блаженому отцю Кирилу.

Тѣмже благочестивый князь Михаилъ велию вѣру стяжа къ Пречистѣй Богоматери Кирилова манастыря и многая предасть тоя обители села же и езера. Не токмо тогда, но и всегда многа имѣниа непрестанно даяше, подобяся въ всемъ отцу своему, благородному князю Андрѣю Димитриевичю, и тъй бо благочестивый князь Андръй многа дасть и даяше манастырю Пречистыа, Кириловы обители. И аще о сем взыщеши, всюду обрящещи памятемъ достойна ему даяниа, иже суть и донынѣ всѣмъ знаемы и въ вѣчьную и некончаему всѣмъ бывшим родомъ память его.

ЧЮДО СВЯТАГО КИРИЛА

И ниже да умолчано будеть чюдо, бывшее блаженымъ Кириломъ, иже прежде сего мало бывшее. Купца нѣкоего Иоанна сынъ, Иванъ именемъ, съй бѣсом позавидѣнъ бывъ, и ума иступльшу, и нѣкыя страшныя и странныя гласы испущаще. И что много глаголати: и прочее всѣхъ человѣкъ мудрований оставленъ бывъ. Отець же его Иванъ, яко видѣ сына своего Ивана от благыхъ паче на горшая попущением Божиимъ и навѣтомъ того самого бѣса предуспѣвающа, *посылает* того на Бѣлоезеро в манастырь, идѣже блаженый Кирилъ лежаше. И тамо ему бывшу, и такоже начат бѣситися и нѣкая словеса странна и гнусная *глаголати* не токмо на человѣка, но и на самого Бога и святых Его.

И тако сему бывающю, и часто къ чюдотворному гробу овогда приводиму, овогда же самому приходящу, игумен же съ братиею молитвовавше о немъ. И едва по многыхъ днехъ възможе въ чювство приити, исцѣление получи и бысть здравъ и смысленъ, якоже и прежде, благодатию того истиннаго Господа нашего Исуса Христа и помощию Владычица нашеа Богороднца и молитвами святаго отца Кирила. Отиде же здравъ в дом свой, благодарность Богови въздая и святому. Тѣмже отецъ его и мати и ини мнози, егоже преже зряху тако стражюша и ума иступившу, послѣди же здрава и цѣломудрена видяще того, вси единодушно прославляху величиа Божиа и блаженаго отца Кирила.

Многа же иная изрядная чюдеса блаженаго Кирила быша и бывают даже и до сего дне — не точию егда бяше въ временнѣй сей жизни, но и по преставлении, — ова явлена, ова же неявлена. Богу же обоя вѣдома, ихже писанию не предашеся множества ради. Сие же нѣчто мало отчасти житиа блаженаго написашеся, — да увѣдят вси и увѣрятся, яко Господь нашь Исус Христос славящих его прославляеть и здѣ утаити хотяща благая своя дѣланиа всюду добродѣтели ради явлены и славны творить. Блаженый же Кирилъ в пустыни токмо живяше, слава же того и добродѣтель повсюду, яко нѣкиимъ легким крилом, происхождаше, «не бо мощно бяше граду укрытися, верху горы стоащу».[57]

Такова бяху Кирилова исправлением произволениа, такова блаженаго отца мира и яже в мирѣ отвръжение. Сицево житие взыскающихъ лице Бога Иаковля, таковый подвигъ спастися хотящимъ. Что бо честнѣйше, иже онъ стяжа в жизни сей? Глаголю же всѣхъ прьвѣе любы къ Богу, к симь же — чистоту телесную, и с нею же всякъ узрить Господа, худость ризную, безмѣрную простоту, любовь къ всѣм нелицемѣрную, постъ, молитву, въздержание, бдѣние, вѣру несумѣнну, слезы непрестанныи, съкрушение сердца и смирение, егоже ради, речеся: «Сердце съкрушено и смирено Богъ не уничижит».[58]

К симъ же и иная многа изрядная чюдеса бываху: лукавых бѣсовъ отогнаниа, недугом различнымъ исцѣление, слѣпымъ очесы прозрѣниа; лишенымъ разума цѣломудрию съ Богомъ податель, противящихся тихый увѣщатель, безъимѣнию учитель, общему житию съвръшитель. И всѣм всяко, по апостолу, бывъ, да всѣхъ приобрящет, да всѣхъ спасеть, да всѣх Богови приведеть, да съ дрьзновениемъ речет Владыцѣ своему: «Се азъ и дѣти, еже ми далъ еси».[59] Всѣхъ бо, яко отець, любляше, о всѣхъ печяшеся, о всѣхъ полезная промышляше и всѣхъ, яко свои уды, миловаше, всѣхъ душевьныа струпы обязааше, всѣхъ телесныхъ недугъ нсцѣляше, всѣх от злобъ сьгнитие очищая, всѣмъ любовный пластырь тѣхъ вредомъ прилагааше, всѣхъ масломъ милованиа помазаваше. Не бяше тогда скрьбяща или оскорбляема. Аще бо нѣкто и малодушенъ бяше или лѣнивъ, но тъй собою исправляше, собою образъ даяше. Иже на нь всуе гнѣвающемуся благоувѣтливъ бяше, и аще кто тому прерѣковаше, длъготрьпѣниемъ и млъчаниемъ того к любви привлачаше, и от сего познати бяше, Чий есть ученикъ и Кому подражатель бяше, — явѣ, яко рекшему: «Будете милостиви, яко Отець вашь небесный щедръ есть»,[60] — и да навыкнуть, на кого очи Господни призирают: «Точию кроткаго и смиренаго, и трепещущаго Моихъ словесъ».[61] Господне есть глаголющее, а не мое.

Сиа же азъ, послѣдний въ иноцѣхъ, не на разумъ свой *уповая* или яко имѣя что, дрьзнухъ еже паче моея силы — нѣчто о блаженемъ написати, вѣдый свою грубость и неразумие. Но понеже повелѣнъ бывъ от великаго князя Василиа Василиевичя, самодрьжца, и Феодосия,

митрополита всея Русии, и от настоателя тоа обители и всеа братии о Христѣ принуженъ бывъ, но еже и желаниемъ и любовию еже къ святому множае одръжимъ, нѣчто мало от житиа того написахъ, никое свое мудрование имый, но — елико слышахъ от повѣдавшихъ ми истинну, толико точию, елико да не вконець забвена будуть такова велика мужа житие, ниже да въ глубинѣ потоплена будуть нерадѣнием чюдеса, ихже Богь его ради творяше и творить не престае даже и до сего дне.

Святых бо чюдеса уподобишася нѣкыим воднымъ источникомъ, иже от земля исходяща и землю напояюще: сице же от святых телес Божиею помощию исходящая силы телесный недугь уврачюют человѣкомъ. Источници, елика истѣкають, толико паче не умаляются, и елико почерпают от него, толико паче свою мѣру исполняет и никое умаление приемлет от своего течениа. Сице же святыхъ исцѣление всѣмъ подаваема и николиже от вѣрныхъ оскудна бывають. Многащи же и врачеве, издавше своа врачебная былиа, иного требують, тѣмъ не сущу. Святый же не тако: точию вѣру требуеть, без неяже вся непотребна суть, якоже и учимы есмы: «Вѣра твоя спасеть тя»[62] и пакы: «По вѣрѣ твоей будет ти».[63] Вѣра бо всѣхъ спасаеть и всѣхъ избавляеть. Без вѣры бо и велика дѣланиа ничтоже възмогоша.

Но, о всечестный отче, на земли пустыни жителю, небесный гражданине, преподобнымъ съжителю, праведным единокровне, иже смирением высокый, нищетою богатый, иже нищимъ кормителю, скорбящим милостивное утѣшение, слѣпымъ вождь, плачющим радость, обидимымъ помощникъ, немощным врачь, обуреваемым въ грѣсѣхъ пристанище и скорый всѣмъ заступник, вѣси наше неможение, вѣси же и лукаваго еже на нас навѣта. Требуемъ твоея помощи и заступлениа, требуем же *молитвеное* къ Богу, требуемъ ходатайственое. К тебѣ припадающе, молимся и молити не престаемъ: молися съхранити стадо свое, еже многыми труды събралъ еси, ихъже от душа възлюбилъ еси, о нихже еще в жизни сей много трудися, яко да избавить от сѣти ловящихъ бѣсовъ, иже ищущихъ нашу погыбель, и от человѣкъ лукавых. Вѣси бо иже на нас козни лукаваго, вѣси бо нашу лѣность и уныние, вѣси естьство наше удобь поползаемо и къ злобѣ скоро текущее. Сего ради молим тя: да якоже, егда бяше в жизни сей с нами, много о нас печяшеся, промышляа намъ полезная, тако и нынѣ всѣм подаждь еже къ спасению прошения и животъ вѣчный. Благочестивымъ же князем нашимъ на врагы способьствуй, яко да и мы в тишинѣ ихъ тихо и безмолвно житие поживемъ. И всѣхъ, иже въ пречистый храмъ днесь приходящих и почитающих святое ти успение, съхрани и съблюди от всякых совѣт вражиихъ ненавитны. Болѣзни облегчи, волны утиши, скорби премени и всѣхъ нас помилуй. Прииди посреди нас невидимо, и наша молениа, иже тебе ради Богови всылаемая, приими, и сия приноси къ творцю и Богу нашему, яко да съгрѣшениемъ оставление приимем въ день Суда и вѣчныхъ благъ сподобимся о Христѣ Исусѣ, о Господѣ нашем, Емуже слава и *дръжава*, честь и покланяние съ

безначалнымъ Его Отцемъ, и с Пресвятымъ и благымъ и животворящим Ти Духом нынѣ и присно и в вѣкы вѣком. Аминь.

---

[1] *...общежитие.* — Существовало три основных вида монашеской жизни: особная, общежительная и отходная. Особное житие протекало без твердого устава, заключаясь в удалении от активной мирской деятельности. Жившие «особо» — по отдельности или небольшими колониями — зачастую объединялись для жития общего. Общежитием принято называть монашескую общину «с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией» (*Ключевский В. О.* Курс русской истории, т. 2. М., 1988, с. 245—246). Основателем общежительной (киновитской) формы монашества считается Пахомий Великий (ум. в 348 г.). Высшей степенью иноческой жизни было отходничество: полный уход от мира, молчание и пост. В середине XIV в. с исихастским движением Православного возрождения на Балканах началось, а оттуда распространилось на Русь возобновление в монастырях общежительных порядков, к тому времени в значительной мере утраченных, а также создание новых обителей с общежительным уставом. «Монашеская колонизация» русского Севера в XIV—XV вв. была осуществлена именно общежительными монастырями. Основными центрами, откуда выходили создатели новых общежитий, были Троицкий монастырь Сергия Радонежского, нижегородская пещерная обитель Дионисия Суздальского и Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере в Вологодской земле. Кирилло-Белозерский монастырь оказался одним из самых мощных общежитий, основанных на Руси в то время.

[2] *Благослови отче!* — Обращение, указывающее на то, что Житие предназначалось для чтения в церкви или за монашеской трапезой.

[3] *«Приемляй вас Мене приемлет».* — Мф. 10, 40.

[4] *«Слушаяй вас Мене слушает».* — Лк. 10, 16.

[5] *«Готово сердце мое... мое».* — Пс. 56, 3.

[6] *«Прославляющаа Мя прославлю».* — 1 Цар. 2, 30.

[7] *...самодръжцем великым княземъ Василием Василиевичем...* — Василий II Васильевич Темный (1425—1462 гг.), великий князь Московский и всея Руси. В 1446 г. в ходе борьбы за великое княжение был, по приказу Дмитрия Шемяки, схвачен в Троице-Сергиевом монастыре, привезен в Москву и ослеплен (отсюда его прозвище Темный). В качестве гарантий отказа от притязаний на Московский престол Шемяка взял у него так называемые «проклятые грамоты», в

которых Василий Темный призывал на себя проклятие в случае, если возобновит борьбу против него. Особое благоволение Василия Васильевича к Кирилло-Белозерскому монастырю объясняется тем, что игумен этого монастыря Трифон освободил его от этой клятвы. Это развязало Василию руки, и он в союзе с Борисом Александровичем Тверским, а также отрядами литовцев и татар, вернул себе московский великокняжеский престол.

[8] *...Феодосиа митрополита всеа Руси...* — Феодосий Бывальцев, митрополит московский и всея Руси, рукоположен 3 мая 1461 г. из архиепископов Ростовских, в 1464 г. удалился в Чудов монастырь, умер в Троице-Сергиевом монастыре в 1475 г.

[9] *...настоателя тоя обители, Касиана именем...* — Кассиан, настоятель Кирилло-Белозерского монастыря в 1443—1465 и 1466—1470 гг. Василий II и митрополит Иона дважды посылали его по вопросам церковного управления к патриарху в Царьград. Впоследствии был переведен как игумен в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере.

[10] *«Сии — род ищущих... Бога Иаковля».* — Пс. 23, 6.

[11] *«Сии — древеса... Богъ нашь».* — Чис. 24, 6.

[12] *...Мартиниана именемъ.* — Преподобный Мартиниан Белозерский, в миру — Михаил Стомонахов (1397—1483 гг.), основатель Вожеозерского монастыря (1427 г.), игумен Ферапонтова (1435—1447 гг.), затем Троице-Сергиева (1447—1455 гг.) монастырей. В 1455 г. он вернулся в Ферапонтов монастырь, где по 1480 г. оставался строителем. Пахомий Серб, собирая сведения о Кирилле, очевидно, посетил Ферапонтов монастырь, чтобы встретиться с Мартинианом.

[13] *...Тимофею именем.* — Тимофей Васильевич Вельяминов, окольничий великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Известен своим участием в сражении с татарами на р. Воже 11 августа 1378 г.

[14] *«Блажени чистые... узрят».* — Мф. 5, 8.

[15] *...игумену Стефану.* — Преподобный Стефан Махрищский, выходец из Киево-Печерской лавры, основатель, ок. 1358 г., Махрищского Троицкого монастыря, в 30 км от Троице-Сергиева, а затем, ок. 1370 г., Троицкой Авнежской пустыни в районе Тотьмы в Вологодской земле; был возвращен в Махрищскую обитель великим князем Дмитрием Ивановичем; умер 14 июля 1406 г., канонизирован в 1558 г.

[16] *«Идеже аще приемлютъ вас... въ свѣдѣтѣльство имъ».* — Мф. 10, 14; Мр. 6, 11; Лк. 9, 5.

[17] *«Не пецитеся о утренем».* — Мф. 6, 34.

[18] *...на Симоново.* — Московский Симонов монастырь Успения Богородицы, основанный ок. 1370 г. племянником Сергия Радонежского Феодором.

[19] *...Феодору именем...* — Феодор Симоновский (Ростовский) — племянник и воспитанник Сергия Радонежского, сын его брата Стефана, основатель и игумен, а затем архимандрит (до 1383 г.) московского Симонова монастыря, с 1390 г. епископ Ростовский. Умер в Ростове в 1395 г.

[20] *...нѣкто Михаилъ...* — В то время иеросхимонах Симонова монастыря, в епископы Смоленские Михаил был рукоположен в 1383 г., а в 1386 г. смещен и 7 октября 1397 г. прибыл в Москву. Умер в Троице-Сергиевом монастыре в 1402 г.

[21] *...до времени клепанию.* — Клепание — удары колотушкой в деревянную или металлическую доску, которыми созывали братию в церковь на молитву.

[22] *«Егда тѣлом немощьствую... силенъ есмь».* — 2 Кор. 12, 10.

[23] *«Сѣюще бо съ слезами, радостию пожнуть».* — Пс. 125, 5.

[24] *«Емуже много дано... взыщется отъ него».* — Лк. 12, 48.

[25] *«Тако да просвѣтится свѣт вашь... на небесѣх».* — Мф. 5, 16.

[26] *...«солию растворено»...* — Кол. 4, 6.

[27] *«Не вѣсть злоба ... познати истинну».* — Источник цитирования неясен.

[28] *О явлении Пречистыа... отити на Бѣлоезеро.* — В рукописи заголовок находится несколько ниже, между словами «...умъ на небо преложимъ...» и «...абие слышит глас, глаголющь...», разрывая фразу.

[29] *...Акафисто Пречистыя...* — Акафист Богородице — хвалебное, в оригинале греческое, песнопение в честь Богородицы, исполнявшееся стоя (греческое «акафистос» буквально означает «неседален»).

[30] *...писаннаго въ икосѣ...* — Икос — одна из чередующихся строф в Акафисте.

[31] *...прииде Ферапонтъ...* — Преподобный Ферапонт Белозерский, основатель и первый игумен Ферапонтова и Можайского монастырей Рождества Богородицы. См. его Житие в наст. томе.

[32] *...бысть пономарь.* — Пономарь — церковный служитель, в обязанности которого входило звонить в колокола и прислуживать в церкви во время богослужения. В современной русской православной церкви эта должность упразднена.

[33] *...бысть келарь...* — Келарь — лицо, ведавшее монастырским хозяйством и отвечавшее за чистоту и порядок в кельях.

[34] *Аллилуйа.* — В переводе с еврейского означает «хвалите Господа». Поется отдельно и как припев к другим песнопениям.

[35] *...но вся общая, по апостолу, имѣти...* — Ср. Деян. 2, 44.

[36] *...князя Андрѣя.* — Князь Андрей Дмитриевич Можайский (1382—1432 гг.), третий сын великого князя Дмитрия Ивановича Донского. В 1389 г., согласно духовному завещанию отца, получил в удел Можайск, Верею, Медынь, Калугу и Белозерск. Был верным союзником своего брата, великого князя Василия Васильевича Темного. Направлял послание Кириллу Белозерскому, где писал о чуде Богородицы, избавившей христианский народ от нашествия иноплеменных врагов (послание до нас не дошло), и получил на него ответ. Умер в Можайске, похоронен в Москве в Кремлевском Архангельском соборе.

[37] *...Агрепина именем.* — Агриппина, дочь князя Александра Патрикеевича Стародубского, в 1403 г. вышла замуж за князя Андрея Дмитриевича Можайского и имела от него троих детей: Ивана Можайского, Михаила Верейского и Белозерского и дочь Анастасию, бывшую замужем за тверским князем Борисом Александровичем.

[38] *...власти Сямы.* — Сяма — село на полпути от Вологды до Кириллова монастыря.

[39] *...княгини Иванова Карголомьская...* — Жена князя Ивана Васильевича Карголомского, сына Василия Романовича, князя Сугорского. Село Карголом, которым владел Иван Васильевич, находилось к востоку от Белозерска.

[40] *...о князи Петрѣ Дмитриевичи и его княгинѣ.* — Петр Дмитриевич (1385—1428 гг.), шестой из восьми сыновей, по духовному завещанию отца, Дмитрия Ивановича Донского, получил Дмитров, Углич и несколько сел. В 1406 г. во время нападения литовцев и немцев на Псков и Новгород был послан туда с войском, но о его непосредственном участии в боевых действиях источники не говорят. В том же году женился на Евфросинии Полиектовне, внучке последнего московского тысяцкого, Василия Васильевича Вельяминова. Насколько известно (см.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., т. 2, 1891, с. 345), брак их был бездетным. В 1408 г. князь Петр был оставлен великим князем для обороны Москвы от Едигея. В 1410 г. участвовал (неудачно) в борьбе у села Лысково со старавшимися вернуть Нижний Новгород сыновьями князя Бориса Константиновича. Начиная с 1426 г. в Пскове, Новгороде, Торжке, Твери, Волоке, Дмитрове и Москве свирепствовала моровая язва; о смерти Петра Дмитриевича сказано в Софийской I летописи после известия о море, но без связи с ним. Описание чуда с князем находится не во всех списках этой редакции Жития.

[41] *...погрузится въ иордани...* — Иордань — прорубь во льду для освящения воды в праздник Крещения Господня. Название связано с местом крещения Иисуса Христа Иоанном Крестителем, рекой Иордан в Палестине.

[42] *...ученику Христофорову...* — Христофор стал игуменом Кирилло-Белозерского монастыря в 1428 г. и пробыл им до своей смерти 14 мая 1434 г.

[43] *...епитемью.* — Епитимья — церковное наказание, налагаемое за прегрешения, постом, земными поклонами и т. п.

[44] *«Просите и приимѣте»* — Ин. 16, 24.

[45] *«Без Мене не можете... ничесоже»* — Ин. 15, 5.

[46] *«Туне бо... и дадите»* — Мф. 10, 8.

[47] *«Но възвѣргу... на Господа»* — Ср. Пс. 54, 23.

[48] *...священноинока Инокентиа...* — Иеромонах Иннокентий был игуменом Кириллова монастыря всего 5 месяцев до своей смерти в 1427 г.

[49] *...Кирила Александръскаго...* — Святой Кирилл, епископ Александрийский (ум. в 444 г.), один из отцов церкви, важной стороной деятельности которого была борьба с несторианской ересью. Им был разработан в связи с этим догматический вопрос боговоплощения.

[50] *...междусобным ратем тогда бывающим...* — Имеется в виду многолетняя борьба за великое княжение, начавшаяся в 1425 г. между Василием II и Юрием Галицким, а после смерти того — его сыном, Дмитрием Шемякой, длившаяся до 1447 г., когда Василий окончательно укрепился в Москве.

[51] *...князь Егоргий Дмитриевичь...* — Юрий (Георгий) Галицкий (1374—1434 гг.), сын Дмитрия Донского, крещенный Сергием Радонежским. Начиная с 1425 г., после смерти великого князя Василия Дмитриевича, оспаривал право на московский престол у своего племянника Василия Васильевича. В 1428 г. между ними был заключен договор, согласно которому Юрий Дмитриевич признавался «младшим братом» своего племянника. Не смирившись с этим и пытаясь в 1431 г. найти поддержку в Орде, получил там «обезчестие и истому велику». Но борьба между дядей и племянником продолжалась с переменным успехом до 1434 г., когда Юрий Дмитриевич скоропостижно умер.

[52] *...Трифанъ именем...* — Трифон был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря в 1435—1447 гг. В 1446 г. он снял с Василия Темного клятву Шемяке.

[53] *«Свята церкви твоа дивна вправду»*. — Ср. Пс. 64: 5—6.

[54] *«Ветхая мимоидоша, и се быша нова»*.— 1 Кор. 5, 17.

[55] *...князя Михаила Андрѣевича...* — Михаил Андреевич Верейский (ум. в 1486 г.), младший сын Андрея Дмитриевича Можайского-Верейского. В 1445 г. вместе с Василием II участвовал в неудачном бою с татарами под Суздалем, попал вместе с ним в плен, был выкуплен. Пользовался большим доверием великого князя и во всех междоусобицах неизменно принимал его сторону. Хорошие отношения установились у него и с новым великим князем, Иваном III Васильевичем. Однако же по договору с Иваном III он вынужден был завещать свои вотчины, в том числе Белоозеро, московскому великому князю.

[56] *«Въистину, дивенъ Богъ въ святых Своихъ!»* — Ср. 2 Фес. 1, 10.

[57] *«не бо мощно... верху горы стоящу»* — Мф. 5, 14.

[58] *«Сердце съкрушено... Богъ не уничижит»* — Пс. 50, 19.

[59] *«Се азъ и дѣти, еже ми далъ еси»* — Ис. 8, 18; Евр. 2, 13.

[60] *«Будете милостиви... щедръ есть»* — Ср.: Чис 14, 18; Пс. 102, 2; Пс. 110. 4.

[61] *«Точию краткаго и смиренаго... Моихъ словесъ»* — Ис. 66, 2.

[62] *«Вѣра твоя спасеть тя»* — Мф. 9, 22.

[63] *«По вѣрѣ твоей будет ти»* — Мф. 9, 29.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ИЮНЯ В 9 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ИГУМЕНА КИРИЛЛА, ПОСТАВИВШЕГО НА БЕЛООЗЕРЕ ПРЕСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ ПРЕЧИСТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ, СЛАВНОГО ЕЕ УСПЕНИЯ, И В НЕМ ОБЩЕЖИТИЕ СОСТАВИВШЕГО, НАПИСАЛ ЖЕ ЭТО ИЕРОМОНАХ ПАХОМИЙ СО СВЯТОЙ ГОРЫ

Благослови, отче!

Если уж тех великих святых божественных мужей жития, в посте и подвигах просиявших, столь великую победу над врагами мужественно одержавших, всю недолго услаждающую красоту и суетность этого мира отвергнувших, осознав, что все это временное, без следа исчезающее — большое ли, малое ли, — и подобно тени и сну преходящему или утреннему цветку, к вечеру усыхающему и

опадающему, — если даже древним писателям нелегко было, трудно было писать жития тех святых и повествования о них в подробностях по причине высоты их жизни и любви к Богу, то теперь, в нашем нынешнем роде, кто способен поведать житие и по достоинству восславить тех, чью жизнь сами ангелы, удивившись, похвалили, чьи имена написаны на небесах, кто силою Пресвятого Духа, взяв на плечо крест, своими ногами, посрамив, попрал и предал окончательному забвению многокозненного и прегордого змея и за это Царствия Небесного сподобился, кому райские двери открылись и кто вошел, радуясь, в радость Господа своего?

И не потому ведь, что они нуждаются в наших похвалах, восхваляем мы святых, а потому, что похвала святым восходит обычно и возносится, как и следует, к Самому Богу, ибо Сам Спаситель сказал: «Принимающий вас Меня принимает» и «Слушающий вас Меня слушает». Не об одних апостолах это сказано, но и обо всех святых, верою Ему послуживших.

Потому еще славим мы святых, что и других хотим возвести к их великой красоте и любви к Богу. Ведь слушающие эти похвалы и внимательно, как и те, внимающие Богу, благодаря им становятся Богу приятными, так что и от самих этих повестей получают обильную пользу и большой прибыток, особенно если думают: «Такими же, как и мы, были те люди и имели общие с прочими людьми страсти, но не такой, как у прочих людей, была их воля». Вместо телесного покоя предпочли они великие труды и страдания, вместо сна — всенощное стояние, вместо веселья — доставляющий радость плач и вместо людских разговоров — всегдашнюю беседу с Богом. И к Нему, словно по неким ступеням, день от дня приближаясь, всегда говорили они: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!» Ибо не обратили они сердец своих к словам лукавства, и елей грешников не помазал их головы, но подражали они тем древним Богу угодившим мужам, ходившим в овчинах и козьих шкурах, ежедневно испытывая лишения, скорбя, тяжко страдая, скитаясь в пустынях, горах и ущельях, в пропастях земных служа Господу и в своих членах Господа прославляя. За это и Бог их прославил, согласно написанному: «Прославляющих Меня прославлю».

Потому-то по праву ныне нами восхваляемый представляет собой всесветлую причину настоящего слова. И пора уже положить начало основанию — начать говорить о ревнителе этого, достохвальном Кирилле.

Кто-нибудь может подумать, что, поскольку я из иной земли, то и не знаю хорошо о святом. И правда, своими глазами ни этого блаженного, ни того, что вокруг него происходило, я ведь не видел, но и далеко находясь, я слышал о святом — сколько чудес творит Бог ради него — и очень удивлялся. И потому, когда мне было велено самодержцем, великим князем Василием Васильевичем, и благословен я был митрополитом всея Руси Феодосием пойти в обитель святого и там своими ушами услышать о бывших и происходящих чудесах богоносного отца, предпринял я великий труд, потому что расстояние до того места очень велико. Но усердием и любовью к святому, словно неким длинным арканом влекомый, путь я прошел и обители святого достиг.

Видел я там настоятеля той обители, Касьяна именем, по достоинству называющегося игуменом, мужа, состарившегося за многие годы постнических трудов. И он еще больше стал меня убеждать написать что-нибудь о святом, ибо великую веру имел он в святость Кирилла, сам блаженного видел и достоверно рассказывал мне о многих его чудесах. Нашел я там и иных многих из его учеников. Словно столпы воистину непоколебимые, пребывают они, многие годы прожившие со святым, во всем следуя своему учителю — тому, как были им научены. И ничто не нарушено ими в отеческих правилах, но так и проводили они жизнь благодатью Христовой в постах, в молитвах и в бдениях, безмолвствуя: что, видели они, делает отец, то и сами они стремились, делая, исполнять, так что можно сказать: «Они — род ищущих Господа и ищущих лица Бога Иаковлева». Надо больше сказать: «Они — деревья доброплодные, посаженные Господом Богом нашим». Достаточно было увидеть образ их жизни, чтобы и без описаний убедиться в их добродетелях.

И когда я спросил их о святом, они начали рассказывать мне о его жизни и о чудесах, происходящих от него: один — одно, другие — схожее с тем. И понемногу, отдельными историями, были рассказаны деяния святого. Самое же достоверное услышал я от свидетеля его жизни, от его ученика по имени Мартиниан, бывшего игуменом тезоименитого монастыря, называемого Сергеевым, жившего с малых лет со святым Кириллом и доподлинно знающего о святом. Он по порядку рассказывал мне о нем, а я, слушая его рассказ, очень удивлялся.

Оттого желанием и любовью к святому пуще огня разжигаемый, хоть и груб я и не обучен мирской мудрости, но, получив повеление и рассудив, что не подобает о чудесах святого рассказывать порознь, все, что слышал, я собрал воедино и, прося помощи Божией и надеясь на молитвы к Богу святого и вечнопамятного отца, по прибытии к живущим для Бога истинным подателям правды простер руку к повествованию, да не будет умолчано праведное и да не будет предано

пучине забвения происшедшее много лет назад, но да обратится на общую пользу всем желающим слушать, как это и будет ныне.

О РОЖДЕНИИ СВЯТОГО

Преподобный этот отец наш, Кирилл, родился от благочестивых родителей-христиан. Крестили его во имя Отца и Сына и Святого Духа и нарекли ему в святом крещении имя Козьма. Окрепнув и выучившись Божественному Писанию, отрок и далее рос во всяческом благоговении, чистоте и просвещенном разуме и за это был всеми любим и почитаем. Затем пришло время, и родители его, оставив земное, отходят к Господу, передав этого вышеназванного Козьму, своего сына, родственнику своему по имени Тимофей. Был этот Тимофей окольничим у великого князя Дмитрия и много превосходил тогда других богатством и честью. Как родственнику ему вручили они своего сына, чтобы он пекся о нем и заботился. Бог же, отец сиротам и утешение скорбящим, свыше созерцая, видел то, что с ним произойдет впоследствии, и добродетель, которую он имел в сердце.

Вышеназванный же Козьма, о котором наше слово, пережив отшествие к Господу своих родителей, погрузился в глубокие раздумья, не зная, что предпринять. Хотел он облачиться в иноческие одежды, но никто не смел совершить его рукоположение из-за того вельможи. И так он и жил, прилежно ходя в церковь Божию, преуспевая в посте и молитвах. Вышеупомянутый же Тимофей, видя, что тот так преуспевает в благом, еще больше начал любить его за свойственную ему добродетель и оттого очень за него радовался. Когда же Козьма достиг совершеннолетия, он удостоил его права сидеть рядом с собою на трапезе, а вскоре затем сделал его казначеем своего имения.

Козьма же держался тех же мыслей, что и прежде: как бы стать ему иноком и был этим влечением и любовью к Богу словно неким огнем разжигаем. И поэтому пребывал он в большой печали и, никому не смея рассказать свою тайну, держал ее в своем уме и ходил по монастырям, ища, где бы смог получить желанное ему иноческое состояние. Но невозможно это было из-за вышеупомянутого вельможи. Что же оставалось ему делать? Хоть и мирские одежды он носил, но все дела его были иноческими; я имею в виду пост, молитву, милостыню и что он первым в церковь приходил и, наконец и самое главное, телесную чистоту и беззлобие, с которыми всякий узрит Господа. Поминал он слово, гласящее: «Блаженны чистые сердцем, ибо,они Бога узрят». Потому-то еще тогда, прежде чем стал иноком, по всему был он иноком. Что же произошло затем?

Бог, желая исполнить волю Козьмы, Своим попечением помог ему достичь того, чего желал он многие годы, таким образом.

О ПОСТРИЖЕНИИ СВЯТОГО

Случилось как-то прийти в Москву Махрищскому игумену Стефану, мужу в добродетели совершенному, всем известному своей жизнью. Узнав о его приходе, с радостью побежал к нему Козьма, ибо в течение уже долгого времени он его ожидал. И припал он к его честным ногам, проливая из очей слезы, и сказал ему то, о чем думает, и умолял его возложить на него иноческий образ: «Тебя, священная голова, я давно ждал, а теперь сподобил меня Бог увидеть честную твою святость. Молю: Господа ради не отвергни меня, грешного и непотребного, подражая своему Владыке: Он ведь не отвергал, но принимал грешников — и мытаря, и блудника. Так и ты прими меня грешного, как Он тех принял. От тебя это зависит, — сказал он, — и во власти твоей святости это сделать, стоит лишь тебе захотеть». Это и многое другое говорил он и умолял, и умилился игумен Стефан его словам, видя такие усердие и плач, и понял по ним, что станет тот сосудом Святого Духа, что впоследствии и произошло. По Божьему усмотрению это происходило, или, скорее, было делом Его промысла.

Итак, повелевает ему Стефан перестать лить слезы и говорит: «Перестань, чадо. Как соизволит Бог, так и будет». И размышлял он, как, каким образом возложить на него святой иноческий образ и сделать его иноком. «Если, — сказал он, — мы сообщим об этом Тимофею, то он не допустит, чтобы это произошло. Даже если станем его умолять, он не послушает нас». И придумал Стефан вот что: просто так, не совершая пострига, облачить его как инока, что он и сделал.

И облачил он его в иноческое одеяние, и нарек ему имя Кирилл, а прочее предоставил Божьей воле. И, сделав это, пошел вышеупомянутый Стефан к тому Тимофею, когда собирался тот в полдень отдохнуть от мирских забот, поспав. Подошел Стефан к дверям и постучал. Тимофею сообщили о приходе Стефана. А тот имел большое доверие к игумену Стефану, и потому, когда Стефан вошел, Тимофей встал и поклонился ему, прося благословения. А когда игумен Стефан сказал: «Богомолец ваш Кирилл вас благословляет», — тот спросил, заинтересовавшись именем: «Какой такой Кирилл?» Игумен ответил: «Козьма, бывший ваш слуга. Ныне ему захотелось стать иноком, служить Господу и о вас молиться». Тот же, когда это услышал, он разгневался и, исполнившись горечи, высказал в некиих словах свою

досаду Стефану. Игумен же Стефан, там стоя, сказал: «Велено нам Христом Спасителем: „Где принимают вас и слушают, там пребывайте, а где не принимают и не слушают, уходите оттуда и прах их, приставший к ногам вашим, отрясайте перед ними во свидетельство им"». И с этими словами, ничего больше не добавив, ушел прочь.

Жена же того Тимофея, по имени Ирина, женщина благочестивая и богобоязненная, тяжело восприняла Стефановы, вернее же Христовы, слова. И начала она своего мужа укорять, что такого человека он оскорбил, тем более, вспоминая сказанные им слова. И муж ее, знавший Стефана как человека святого, раскаялся в сказанных тому словах. Так что вскоре же он послал за ним, чтобы тот возвратился. И когда тот пришел, Тимофей попросил у него прощения, и одновременно Стефан принес ему извинения. А после этого он предоставил Козьме, нареченному Кириллом, жить по своей воле, как тот хочет. С тем Стефан и ушел, радуясь, что приобрел брата.

Придя к Кириллу, Стефан сказал ему обо всем, что сотворил для него Бог. Освободившись тогда от всего, Кирилл обрадовался, воздал хвалу Господу и Пречистой Его Богоматери и великую благодарность за это Стефану. И потому все, что имел, разделил он и раздал нищим, ничего себе не оставив для телесных нужд. Не подумал он при этом ни про старость, ни про долгую жизнь впереди, но от всего освободился, никаких препятствий не сохранив, ни забот, следуя Сказавшему: «Не заботьтесь о дне завтрашнем».

О ПРИХОДЕ СВЯТОГО В СИМОНОВО

И когда это произошло, пошел игумен Стефан в монастырь Успения Пречистой, называемый Симонов, взяв с собой Кирилла. И там передал его в руки архимандрита той обители, Феодора именем, мужа великого в добродетели и разуме. Феодор сразу же с радостью принял его туда и постриг его по-настоящему и дал ему то же имя — Кирилл.

Жил тогда в том монастыре некто Михаил, ставший впоследствии епископом Смоленским, муж, ведший великую в Боге жизнь — в молитвах, в посте, в бдениях и во всяческом воздержании. Ему-то Феодор и вручил Кирилла как ученика. Глядя на него, Кирилл стал подражать его добродетельной жизни и всей душой повиновался ему. Прилежно наблюдая проходящую в длительных молитвах безгневную, исполненную трудами философскую его жизнь, видя его безмерные труды, он старался делать все то же и сам. И так повиновался он старцу

во всем, что пост почитал наслаждением, а наготу в зимнее время — теплой одеждой, и великим во всем воздержанием томил свою плоть, в соответствии со сказанным: «Плоть изнуряя, душу же просвещая». Спал он совсем немного, и то сидя. И просил он старца, чтобы тот разрешил ему есть лишь раз в два или три дня, но не позволил ему старец, а повелел есть ему хлеб с братьями, пусть не до сытости. Когда же старец ночью читал Псалтирь, ему повелевал он творить поклоны, и зачастую длилось это пока не начинали бить в било. В соборе же Кирилл старался оказаться на пении раньше всех.

Рассказывают и такое: когда Михаил ночью стоял, совершая свое обычное правило, с ним стоял и святой Кирилл. И если случалось старцу Михаилу выйти из кельи, тогда Кирилл видел дьявола, принимавшего разные обличья, чтобы устрашить святого всякими чудовищными и страшными образами. Но от призывания Иисуса они пропадали без вести. А иногда и Михаил, находясь с ним в келье на правиле, слышал какой-то грохот извне и стук в стену. Однако крестной силой по молитве все это пропадало.

Пробыл Кирилл у того великого подвижника немалое время, никакой своей воли не имея, в полном без рассуждений послушании. Затем по велению архимандрита Феодора он перешел в пекарню и там еще больше предался воздержанию, воду нося, дрова коля, теплые хлебы братьям нося и теплые молитвы за это от них принимая. И поскольку он выказывал большое прилежание к службе, столько на молитве стоя, что иногда проводил всю ночь без сна, и так поступал многократно, то все удивлялись ему и хвалили его. Ел же он только чтобы от голода не упасть и порой только затем, чтобы братьям не стало известно о его воздержании. И не пил он ничего другого, кроме одной воды, да и то в жажду, и так длилось долгое время. Был он немилостивым врагом своей плоти, помня апостольское слово: «Когда я телом немощен, тогда духом силен».

Когда же случалось время от времени святому Сергию приходить в монастырь Владычицы нашей Богородицы, чтобы посетить своего племянника, архимандрита Феодора, и прочих тамошних братьев, прежде всего приходил он в пекарню к святому Кириллу и наедине с ним проводил долгое время, беседуя о пользе душевной. Можно сказать, оба духовную борозду возделывали: один — сея семена добродетели, другой — поливая слезами. «Ибо засеяв со слезами, с радостью пожнут». И пока они так беседовали, час или больше, узнавал о приходе блаженного Сергия архимандрит Феодор и тотчас с братьями приходил к нему, и они с любовью о Христе целовали друг друга. И дивились все тогда, что, минуя всех, даже самого архимандрита Феодора, к одному тому Кириллу он приходил. Оттого все, удивляясь, хвалили Кирилла. А он, желая утаиться, преуспевал в этом так же, как

тот, кто захотел бы во тьме утаить светильник в стеклянном сосуде. И провел он в пекарне немалое время.

Затем послали его в магерницу, то есть в поварню; и там он еще больше воздерживался, всегда памятуя об огне негасимом, вечном мучении и ядовитых червях. И часто, глядя на огонь, говорил себе: «Терпи, Кирилл, этот огонь, чтобы с помощью этого огня смог ты избежать огня тамошнего». И за это такое умиление даровал ему Бог, что ни даже хлеба не мог он поесть без слез, ни слова произнести. Поэтому все, видевшие таковые его труды и смирение, не человеком, но ангелом Божиим между собою его почитали. Он же, желая утаить от зрителей добродетель, какую имел, задумал притворяться юродивым, чтобы не распознали в нем совершителя подвигов.

Для этого начал он выделывать что-то, вызывающее насмешки и смех, а настоятель, видя это, налагал на него запрещение, то есть епитемию, оставляя его на хлебе и воде дней на сорок или более. Кирилл же с радостью это принимал и усердно постился, а когда проходили установленные отцом дни поста, он иным образом вновь начинал юродствовать, чтобы принять от настоятеля еще большее запрещение, что и происходило. Случалось иногда, что настоятель повелевал ему по целых шесть месяцев не есть ничего;кроме хлеба и воды. Блаженный же этот Христа ради юродивый, принимая запрещение, очень радовался тому, что может свободно поститься, а видящие его постящимся должны будут говорить: «По запрету постится, а не по своей воле». Как человек с гордыней радуется славе и почестям, так и смиренномудрый радуется своему бесчестию и уничижению. И поскольку, как уже говорилось, многократно поступал он так, чтобы получить запрещение, понял настоятель, что из смирения, притворяясь юродивым, совершает он вызывающие смех поступки, и больше запретов на него не налагал. Все знали, что Бога ради он так поступает, желая утаить любимую им философию своего смирения.

После этого возникло у него желание уйти из поварни в келью — но не покоя ради, а чтобы в безмолвии в келье большее стяжать умиление. На свою волю он не полагался и настоятелю ничего не говорил, но все возлагал на Пречистую, думая: «Не захочет ли этого сама Пречистая, ведь она знает, будет ли мне это на пользу». И вскоре после его молитвы задумал архимандрит писать некую книгу и потому повелел блаженному Кириллу перейти из поварни в келью, чтобы там писать книгу. Услышав это, Кирилл перешел в келью, рассудив, что Пречистая не отвергла его, но приняла его прошение.

И там он также подвизался в писаниях, молитвах и ночных коленопреклонениях. Но не таким было там его умиление, каким было в поварне, и потому молил он Пречистую даровать ему то умиление, какое он имел прежде.

И вскоре настоятель вновь посылает его в поварню нести службу с братьями. И Кирилл был рад, это услышав, и тут же отправился в поварню и опять принялся за множество подвигов и таким образом обрел большее умиление. И провел святой, служа там, девять лет во всяческом воздержании и тяжелых страданиях, днем угорая от огня, ночью замерзая от стужи. Ни разу в те годы не покрыла его тело овчина, но так и мучил он страданиями свое тело.

Впоследствии, по повелению настоятеля, он был сподоблен священства. И служил в свои недели, как и другие священники. И когда бывал в свой черед свободен, снова шел в поварню и работал там, как и прежде. И так трудился он долгое время.

Потом он начал безмолвствовать в келье. А когда повелением великого князя и благословением митрополита и всего церковного собора архимандрит Феодор был избран на Ростовское архиепископство, блаженного Кирилла поставили вместо Феодора архимандритом. Так что с тех пор он принялся за еще больший труд, труды к трудам прилагая. «Кому, — говорил он, — много дано, больше с того и спросится». И еще: «Да просияет свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего, Который на небесах». Поскольку так оно и было, монастырь хорошо был им управляем. Никогда Кирилл не возносился из-за высоты своего сана и ничего в своем воздержании не изменял, но жил по-прежнему, во всем руководствуясь своей философией смирения. Ко всем, великим и малым, имел он нелицемерную любовь и всех с равной принимал радостью: старых — как братьев, а юных — как чад. Оттого все славили его и почитали.

Многие князья и вельможи отовсюду приходили к нему, надеясь получить пользу, и тем нарушали его безмолвие, и потому он решил оставить начальничество и безмолвствовать в келье, что и сделал, ибо оставил настоятельство и удалился в свою келью. Братия долго просила его не слагать сан настоятеля, но он не послушал их и тут же вступил на поприще большего подвига — начал безмолвствовать, не имея о внешнем мире никакого попечения.

Поскольку это произошло и так как обители нельзя было оставаться без настоятеля, возвели на архимандритию, на место блаженного Кирилла, некоего Сергия Азакова, который впоследствии стал епископом в Рязани. А Кирилл безмолвствовал; но невозможно было спрятать город, стоящий на вершине горы. Сколько ни избегал Кирилл славы человеческой, только еще больше Бог его прославлял. Потому приходили к нему люди из разных земель и городов, чтобы получить пользу. Ибо было слово его «приправлено солью», и все слушали его с наслаждением. А поставленный на его место архимандрит Сергий Азаков, видя, что много людей отовсюду приходит к блаженному Кириллу, и считая, что самим им пренебрегают, начал сильно негодовать на блаженного. Исполнилось на нем сказанное премудрым: «Не умеет злоба предпочитать полезное, а зависть не позволяет познать истину».

А что же сделал затем блаженный Кирилл, узнав о зависти Сергия, испытываемой к нему? Он не оскорбился, не сказал ничего вопреки ему, не разгневался. Он ушел оттуда в старый монастырь Рождества Пречистой и там продолжал безмолвствовать. Подумывал он и дальше еще куда-нибудь уединиться от мира ради безмолвия. И долго с таким помыслом боролся, постоянно молясь Богу и Пречистой Его Матери, говоря: «Пречистая Мать Христа Бога моего! Ты знаешь, что всю мою надежду о Боге с юности я возложил на тебя. Наставь меня ведомым тебе образом на путь, на котором я смогу спастись». И так он молился многократно.

О ЯВЛЕНИИ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ, КОГДА ОНА, ЯВИВШИСЬ СВЯТОМУ КИРИЛЛУ, ПОВЕЛЕЛА ЕМУ УЙТИ НА БЕЛООЗЕРО

Был же у святого обычай глубокой ночью после его большого правила и славословий, сразу же следом, перед тем как чуть-чуть вкусить сна, петь Акафист Пречистой. Так он делал всегда. И в одну из ночей, глубокой ночью, когда он молился и по обыкновению пел Акафист Пречистой перед ее образом, случилось, что, дойдя до места в икосе: «Чудесное рождество видя, отстранимся от мира и мысль обратим к небу», он услышал вдруг голос, говорящий: «Кирилл, уходи отсюда и иди на Белоозеро, ибо я приготовила там тебе место, на котором ты сможешь спастись». И тогда же, разом с этим голосом, засиял яркий свет. Отворив оконце кельи, Кирилл увидел свет, указывающий на север, в сторону Белоозера. И тем голосом, словно перстом, ему было показано то место, где ныне стоит монастырь. Святой Кирилл исполнился от этого голоса и видения великой радостью. Понял он по этому голосу и видению, что не отвергла Пречистая его прошения, и всю ночь удивлялся случившемуся видению и голосу, и была для него эта ночь не ночь, а словно пресветлый день.

А после этого вскоре пришел с Белоозера Ферапонт, постриженник того же монастыря, что и святой. И стал блаженный Кирилл спрашивать его, есть ли там, на Белоозере, места, где можно было бы иноку безмолвствовать. Ферапонт отвечал: «Конечно, есть; очень много там мест для уединения». Блаженный же о видении ему не рассказал, но будто так просто спрашивал его. Но затем, через некоторое время, договорившись, они вдвоем ушли из монастыря, где жил святой.

Итак, с Божьей помощью пустились они в путь и, пропутешествовав много дней, пришли на Белоозеро. Там они много ходили, но нигде святой не мог облюбовать себе место для жития: все искал он то, указанное ему, на которое еще в прежней обители был зван Пречистой.

О ПРИХОДЕ СВЯТОГО НА БЕЛООЗЕРО

Обойдя множество мест, они пришли, наконец, туда, где ныне стоит монастырь. И тотчас святой узнал прежде указанное ему место и очень его полюбил. И, сотворив молитву, он сказал: «Вот покой мой во веки веков. Здесь поселюсь, ибо выбрала это место Пречистая. Благословен Господь Бог отныне и вовеки за то, что услышал мое моление». И затем он водрузил крест на том месте и спел благодарственный канон в похвалу Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Тогда же блаженный Кирилл все открыл своему спутнику Ферапонту, — как Пречистая явилась ему в старой обители и как он услышал обращенный к нему голос, повелевший ему уйти из старой обители и прийти в эти места. «Что я и выполнил, — сказал он, — с помощью наставляющей меня Пречистой Богородицы». Ферапонт выслушал это, и они вдвоем прославили Бога и Пречистую Его Мать.

И начали они затем копать в земле келью и первым делом установили навес. И за этим делом некоторое время провели они вместе. Но не согласовались их обычаи: Кирилл хотел жить тесно и жестко, Ферапонт же пространно и гладко, и потому они расстались друг с другом: блаженный Кирилл остался на том месте, а Ферапонт ушел оттуда — не очень далеко, поприщ за пятнадцать или чуть больше, и, найдя там подходящее место близ озера, называемого Паское, поселился там и возвел церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, в честь славного ее Рождества. Собралась к нему и братия. И стоит по сей день на том месте очень красивый монастырь со многими братьями, работающими для Господа. Потому этот монастырь называется и поныне Ферапонтовым.

Место же, где поселился святой Кирилл, находилось в глухом бору, в чаще, и не жил там никто из людей. Это был небольшой, но очень красивый холм, со всех сторон, словно стеною, окруженный водами. Говорят, что близ того места, где ныне находится монастырь Пречистой, жил некий земледелец по имени Исайя. И за много лет до прихода святого Кирилла слышался с того места громкий звон. А перед приходом святого оттуда слышался не только звон, но будто и певчие пели. И не одному Исайе эти звоны и голоса слышались, но многим, живущим вокруг того места. И оттого, слыша звон, многие приходили туда, чтобы разузнать в точности, откуда идут эти звоны и пение. Но ушами они это слышали, а глазами ничего не могли увидеть и только удивлялись и понимали, что это неспроста.

Святой же, как мы прежде сказали, выкопал в земле келью и в ней боролся против козней невидимого врага. И приходили к нему из окрестных мест два христианина: один по имени Авксентий, а по прозвищу Ворон, а другой Матфей, прозываемый Кукос, который впоследствии стал пономарем той обители. Когда святой ходил по лесу, а эти два человека были с ним, ненавидящий же добро враг, зная, что он будет изгнан оттуда святым, ополчившись на него за это, напустил на него такой сон, что святой от желания спать не мог стоять и захотел ненадолго прилечь. И сказал он бывшим с ним людям: «Подождите здесь, пока я немного посплю». Они же не оставляли его, говоря: «Иди в свою келью и отдохни там». Но он, будучи не в силах бороться, побеждаемый сном, видя подходящее для отдыха место, лег там немного поспать. И только он уснул, как вдруг услышал голос, настойчиво говоривший: «Беги, Кирилл!» Проснувшись от необычного голоса, он отпрыгнул с этого места прочь. И тут же вражескими происками большое дерево упало и ударило прямо в то место, где только что лежал святой. Понял тогда святой, что это была дьявольская уловка, и как добросовестный и совершенный подвижник искренне молил потому Господа и Пречистую Его Мать отнять у него сон, что и сбылось, ибо день и ночь стал пребывать он без сна, чтобы бодрствованием смочь окончательно победить противников. Дьявол же, видя, что ничего не дали его ухищрения, этим посрамленный, ушел прочь скорее побежденный, нежели победивший. Это об этом вот так.

После того святой вырубил лес, очистил место и, собрав воедино хворост, решил посеять какие-нибудь травы, ибо было то место скудно и пусто. И вот он зажег хворост, но так как дьявол не перестал воевать со святым, то задул сильный ветер, и дым с пламенем окружил святого со всех сторон, и он от дыма не знал, куда бежать. И вдруг увидел он, как некий человек в облике вышеупомянутого Матфея Кукоса берет его за руку и говорит: «Иди за мной!» И тут же вышел он целым и невредимым, спасенный с помощью Владычицы нашей Богородицы.

Прошло немного времени, и явились к святому два брата из Симонова, любимые им, а главное, единомысленные с ним, — один по имени Зеведей, другой Дионисий. Увидев их, святой очень обрадовался и принял их с великой любовью, и они стали жить вместе. И, живя со святым, Зеведей и Дионисий все, что видели, делает он, старались и сами исполнять по мере своих сил. Потом, после них, многие начали приходить к святому отовсюду, одни пользы ради, другие, желая жить вместе с ним. Просили они его сподобить их иноческого образа, и он после многих просьб принимал их и сподоблял ангельского образа. И пришел к нему некто Нафанаил, ставший впоследствии келарем той обители, и некоторые другие из братии к нему пришли.

О ЧЕЛОВЕКЕ, ХОТЕВШЕМ ОГНЕМ ПРИЧИНИТЬ СВЯТОМУ ЗЛО

Один человек по имени Андрей жил поблизости от обители святого. Начал он ненавидеть святого за то, что тот там поселился. Наученный дьяволом, задумал этот Андрей сжечь святого. Но когда, один раз ночью, он пришел, напал на него большой страх, и от этого страха он убежал. А в другой раз, придя глубокой ночью и приложив к стене огонь, он убежал прочь, дабы не сделалось известным, кто злодей. И отойдя на какое-то расстояние, он стоял, ожидая, когда келья со святым сгорит. Но нечего было видеть, ибо как только он отходил, огонь угасал. Так делал он много раз, но уходил, не достигнув цели или, можно сказать, посрамленный с помощью Пресвятой Богородицы. Огонь, устыдившись святого, вместо того, чтобы гореть, быстро гас. Видя это, вышеупомянутый Андрей испугался. То страх на него нападал, то огонь не мог гореть.

Наконец он пришел в чувство и осознал свое прегрешение. Явившись к блаженному, он открыл ему свой грех и, начав каяться, рассказал святому, как хотел его сжечь, как огонь угасал и как нападал на него страх, когда он хотел причинить ему зло. Святой же, посоветовав тому человеку не слушать советов лукавого, отпустил его. Сам же начал петь канон благодарения Богородице, покрывающей его своим святым покровом.

По малом же времени тот Андрей вновь пришел к святому, и святой сподобил его иноческого образа. Так в дальнейшем и пребывал он у блаженного Кирилла в послушании — до тех пор, пока не отошел к Господу. Это он сам, каясь, рассказывал всем братьям.

О ПОСТАВЛЕНИИ ЦЕРКВИ ПРЕЧИСТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ, СЛАВНОГО ЕЕ УСПЕНИЯ

Поскольку со святым уже жили тогда братья, возникла нужда воздвигнуть церковь, где бы всем собираться. И они попросили блаженного построить церковь. Но в силу того, что место то находилось далеко от человеческих жилищ, а плотников не было, братии трудно было это осуществить. Святой же Кирилл, по изначальному своему обычаю, во всем, в чем нуждался, полагался на волю Пречистой и никогда, прося, не ошибался. И тут он помолился Пречистой, и, никем не будучи званы, пришли плотники. И таким образом была поставлена церковь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, славного ее Успения.

И прошел среди жителей тех земель слух, что в обители поставлена церковь, что означало, что обитель будет расти, и люди удивлялись и все больше считали, что Кирилл принес с собой большое состояние, тем более — услышав, что он был архимандритом Симоновской обители, откуда, думали они, ему досталось большое состояние.

О БОЯРИНЕ ФЕОДОРЕ, ХОТЕВШЕМ ПРИЧИНИТЬ СВЯТОМУ ЗЛО

Так, некий боярин по имени Феодор, наученный дьяволом, думал, что со святым появились здесь большие богатства, и потому послал ночью разбойников, чтобы те, придя к нему, отобрали у него сокровища и сделали ему зло. Но когда разбойники пошли к монастырю святого и были уже поблизости, они увидели множество людей вокруг монастыря блаженного: кто-то стрелял из лука, кто-то делал что-то иное. И разбойники, глядя на это, остановились поодаль и ожидали, когда те уйдут прочь, чтобы напасть на святого. Но долго стояли разбойники, а те от монастыря уходить не собирались. Так разбойники и ушли ни с чем, не сумев причинить святому никакого зла.

На следующую ночь вновь пришли подосланные разбойники и снова подобным же образом увидели каких-то людей в еще большем, чем в первый раз, количестве. Эти тоже, словно какие-то воины, стреляли. Поэтому разбойники испугались еще больше и возвратились и рассказали своему боярину, как они приходили к святому в первый и во второй раз и как видели множество стреляющих воинов.

Феодор же, услышав это, удивился и подумал, что кто-то из вельмож пришел к святому просить молитвы, и послал в монастырь блаженного Кирилла, желая разузнать наверняка, кто был в монастыре вчера и третьего дня. И посланцы, узнав, что более недели в том монастыре никого не было, сообщили это Феодору. Феодор же, услышав это, пришел в чувство и раскаялся в согрешении. Ибо понял он, что святой — настоящий человек Божий, что Пречистая укрывает его от зол, и потому испугался, как бы не получить от Бога большое возмездие за то, что хотел причинить скорбь такому человеку. Потому быстро побежал он к святому и, каясь со слезами в согрешениях, рассказал ему о происшедшем: как он посылал на него разбойников и какое видение видели они в первый и во второй раз. Блаженный же Кирилл, утешив его, чтобы тот из-за этого не горевал, сказал ему: «Верь мне, чадо Феодор, что ничего другого в этой жизни я не имею, кроме этой ризы, которую ты на мне видишь, и немногих книжек».

Феодор удивился его простоте и нестяжательности, а еще больше помощи ему Божией. Вернулся он к себе домой и сказал: «Благодарю тебя, Господь Человеколюбец, что не дал врагу уловить меня грешного и не попустил меня причинить скорбь твоему угоднику!» И с тех пор обрел этот Феодор великую веру в святого и почитал его не как человека, но скорее как ангела Божия.

И потому, когда собирался он идти к святому за благословением, особенно когда наступал праздник, тогда забрасывал он сеть со словами: «Боже, во имя твоего угодника Кирилла, дай нам улов», — ибо без сомнений верил он в святого. И никогда не оставался он без рыбы: то одного осетра, то двух поймав, приносил их к блаженному. И так бывало много раз и никогда не приходил он к святому с пустыми руками.

Так шло время, и слава о блаженном Кирилле распространялась повсюду, и имя Кирилла, как нечто освящающее, было у всех на устах, и добродетель словно перстом указывала на него, причем одни хвалили смирение этого мужа, другие говорили о его воздержании и пользе от его слов, третьи рассказывали друг другу о его нищете и простоте. Оттого многие, презрев мирское, становились монахами.

Тогда же пришел и некий Игнатий, муж совершенный и великий в добродетели, имевший чин молчальника. Такую суровую жизнь он вел, как никто другой, так что после блаженного Кирилла он был примером для всех братии. Рассказывают о нем, что при своем великом воздержании и коленопреклонениях тридцать лет провел он, не ложась на ребра, но так, стоя, или чуть присев, вкушал немного сна. О

возлюбленной же им нищете и нестяжательности нечего и говорить. Пожив в том чину много лет, он отошел к Господу.

И много людей отовсюду приходило к блаженному Кириллу, и за малое время братия сильно увеличилась.

Блаженный установил правило: в церкви никому ни с кем не беседовать и из церкви прежде окончания службы не выходить, но всем, каждому пребывать в установленном для него чине и славословиях. Также и подходя к Евангелию, и при поклонении святым иконам соблюдали они порядок старшинства, чтобы не было у них никакой сутолоки. Сам же блаженный Кирилл, в церкви стоя, никогда не прислонялся к стене и прежде времени не садился, и ноги его были словно столпы. И на трапезу выходили в порядке старшинства. На трапезе же, каждый на своем месте сидя, молчали, и никого не было слышно, кроме одного чтеца.

Братьям всегда давали три блюда, за исключением постных дней, когда поется «Аллилуйя». Сам же блаженный вкушал от двух блюд, и то не до сытости. Питьем его не было ничто другое, кроме одной воды. Вставая же после трапезы, все расходились по своим кельям, в молчании благодаря Бога, не уклоняясь на какие-либо беседы и не заходя по пути с трапезы к кому-то другому из братьев, разве что по большой необходимости.

Однажды же случилось одному из учеников святого, Мартиниану именем, пойти после трапезы к некоему брату по какой-то надобности. Увидев, что тот повернул к другой келье, святой подозвал его к себе и спросил: «Куда ты идешь?» Тот ответил: «У меня есть дело к живущему там брату, и потому я хотел зайти к нему». Святой же, как бы укоряя, сказал ему: «Так ли соблюдаешь ты монастырский чин? Разве ты не можешь пойти сначала в свою келью и прочесть там положенные молитвы, а затем, если тебе нужно, идти к брату?» И тот, чуть улыбнувшись, ответил: «Когда я прихожу в келью, выйти оттуда я уже не могу». Святой же сказал ему: «Так поступай всегда: первым делом иди в келью, и келья всему тебя научит».

Был и такой обычай: если кто-то принесет какому-либо брату письмо или подарок, то письмо, не распечатав, приносили к святому, также и подарок. Подобным же образом, если кто-то хотел послать письмо из монастыря, ни написать без отчего повеления никто не смел, ни послать.

В монастыре же и в кельях Кирилл повелел не держать ничего своего и своим ничего не называть, но все иметь, по апостолу, общим, чтобы не стать рабом того, что мы называем своим. Серебро или золото вовсе совершенно братией не упоминалось вне монастырской ксенодохии, то есть казны. Все потребное братья получали оттуда. Если же кто-то испытывал жажду, то шел в трапезную палату и там с благословением жажду утолял. Хлеба же и воды или иного чего-то подобного никогда в кельях не находилось, ничего нельзя было там увидеть, кроме икон. Одно только имели они попечение — превзойти друг друга смирением и любовью и оказаться первыми в церкви на службе. Так же и на работы монастырские, где бы они ни были, уходили они со страхом Божиим и работали не как для людей, но для Бога или перед Богом стоя. Не было у них никакого празднословия, ни вопросов, ни рассказов о мирском, но каждый молча соблюдал свое любомудрие. Если же кто-то хотел говорить, то не говорил ничего другого, как только из Писания, на пользу прочим братьям, особенно не знавшим Писания.

Существовало и большое различие в строе их жизни, ибо каждому из братии образ жития и меру правил давал сам блаженный. Те, кто умел, делали что-то руками и относили изделия в казну. Для себя же без благословения никто ничего не делал. Ибо, как мы уже сказали, все получали они из казны — и одежду, и обувь, и прочее, необходимое для тела. Сам же святой совершенно не мог видеть на себе какую-то красивую одежду и так и ходил в разорванной и многократно зашитой ризе.

И он просил всех и приказывал совершенно не иметь своих умствований и быть готовыми ко всякому послушанию, чтобы таким образом приносился плод Богу, а не своей воле.

Был у блаженного и такой обычай: отпев утреннее славословие и исполнив свое обычное правило, приходить в поварню посмотреть, какое будет братьям угощение. Блаженный просил служителя приготовлять братьям пищу, стараясь изо всех сил. А иногда и сам он своими руками помогал приготовить пищу и готовил братьям всевозможные блюда. Мед же и иные напитки, содержащие хмель, он повелел в монастыре ни в коем случае не держать. И так, этим запретом, отсек блаженный голову змию пьянства и самый корень его вырвал. Установил он не только при его жизни меда и иных хмельных напитков в монастыре не держать, но заповедал также не иметь их и по его преставлении.

И вот какое дарование блаженного достойно удивления: никогда, служа божественную литургию или во время чтения, когда читали другие или сам он читал, особенно же при своем келейном правиле, не мог он удержаться от слез, текущих от усердия. По этому можно понять, какие имел он усердие и веру в Бога.

Бывало так, что когда в монастыре чего-то недоставало, братья понуждали святого послать к каким-нибудь христолюбцам попросить у них для нужд братии. Он же этого никак не позволял, говоря: «Если Бог и Пречистая забудут нас на этом месте, то зачем и нужны мы в этой жизни?» И при этом утешал он братию и учил не просить милостыню у мирских людей.

Был у святого один ученик, Антоний именем, великий жизнью в Боге и имевший разум в делах как иноческих, так и мирских. Блаженный Кирилл посылал его раз в год купить потребное братьям для их тел — то есть одежду, обувь, масло и прочее. А сверх этого он из монастыря не выходил, если только не случалось какой-то необходимости. Когда же кто-то из мирских людей присылал милостыню, как от Бога то присланное принимали, благодаря Бога и Пречистую Его Мать.

Пришла однажды княгиня, жена благочестивого князя Андрея, чьей вотчиной была та земля, Агриппина по имени. Была она благочестива и очень милостива и имела веру в иноческий образ, особенно же в блаженного Кирилла, и хотела угостить братию рыбными блюдами. Но святой не позволил есть рыбу в Великий пост. Благочестивая княгиня попросила его разрешить братии есть рыбу. Но он никак не согласился с ней, сказав: «Если я так поступлю, то сам буду нарушителем монастырского устава, по сказанному: “Что созидаю, сам и разоряю”. И затем, стоит мне умереть, как начнут тогда говорить, что Кирилл повелел в пост есть рыбу». Так старался святой, чтобы ни в чем не был нарушен монастырский обычай, тем более — установленный святыми отцами. И княгиня, угостив братию постными блюдами, вернулась к себе домой, хваля твердость святого в подвиге.

Некий брат по имени Феодор, еще живя вдалеке от обители Кирилла, слышал о святом от многих и пришел в монастырь и молил святого принять его жительствовать с ним. Святой принял его и причислил к братьям, и тот жил здесь с братьями некоторое время. Ненавидящий же добро дьявол вложил в сердце Феодору ненависть к святому. И насколько прежде он верил святому, настолько после начал его ненавидеть, так что не мог уже ни видеть того, ни голоса его слышать. Будучи побеждаем этим чувством, приходит этот брат к вышеназванному старцу Игнатию и рассказывает ему о своем чувстве

ненависти, которое испытывал к святому, и говорит: «Я хочу уйти из обители». Старец же ободрял его словами: «Терпи, брат, потому что от врага происходящее с тобой». Брат, утешившись, послушался старца и сказал: «Ладно, подожду один год, может переменится ко мне старец».

По прошествии же года не перестал враг разжигать у брата ненависть к святому. Не в силах больше с этим чувством бороться, приходит он к святому, чтобы исповедать ему свои тайные мысли и какую он чувствует к нему ненависть. Но когда он пришел в келью святого и увидел его, устыдился он его святых прекрасных седин и от стыда ничего из того, ради чего он пришел, не сказал. И хотел он так и уйти из кельи святого, но святой старец, имея дар прозорливости, понял, что брат утаил свой помысел и не сказал старцу, зачем пришел. И удержал он брата, и начал рассказывать ему про всю ту ненависть, какую тот к нему питал, и с какими мыслями к нему пришел. И понял брат, что ничто от святого не утаится. Исполнившись срама и стыда, попросил он прощения за все, чем согрешил перед ним в неведении. Святой же, утешая его, сказал: «Не огорчайся, брат Феодор! Все ведь ошиблись во мне, один лишь ты был прав и понял, что я грешник. Ибо кто же я такой, как не грешный человек и непотребный?»

Видя святого в таком смирении, брат еще больше сокрушался, каясь в том, что понапрасну чувствовал против него. Святой же, увидев, что брат кается и сокрушается, отпустил его, сказав: «Иди, брат, с миром в свою келью. Больше не придет на тебя такая напасть». С той поры брат пришел в чувство и каялся в прегрешении и тем самым обрел великую веру в святого. Жил этот брат в том монастыре прочие годы своей жизни во всяческом целомудрии, пока не отошел к Господу.

У блаженного же Кирилла был и такой большой дар. Когда кто-нибудь из странников приходил в оную обитель, а многие тогда из различных земель и городов приходили к святому, одни желая видеть святого и получить от него какую-нибудь пользу, другие же — чтобы жить у него, святой, имея дар провидения, окидывал их прозорливым взглядом, когда они еще только входили в монастырь, и сообщал оказывавшимся поблизости братьям: «Этот брат будет жить с нами вместе, а этот уйдет прочь». И то, и другое сбывалось по пророчеству святого.

Упомянутый выше брат Зеведей пришел однажды к святому за благословением. Святой же, открыв оконце кельи, видит, что у Зеведея красное лицо. И он спросил его: «Что, брат, случилось с тобой?» Тот спросил, о чем идет речь. И святой сказал ему: «Вижу, брат, что не постническое у тебя лицо, а мирское, хуже, чем у объедающихся».

Устыдившись, начал Зеведей воздерживаться, чтобы больше не укорял его святой.

О БЕСНУЮЩЕМСЯ

Привели к святому одного человека по имени Феодор, тяжко страдающего от нечистого беса. И святой начал молить Бога и Пречистую Его Мать о тяжко страдающем Феодоре. Готовый же услышать молящихся Бог и Пречистая Непорочная Мать Его не отвергли моления святого угодника своего Кирилла. И поэтому, получив исцеление, этот Феодор не захотел больше выходить наружу из монастыря, чтобы вновь не пострадать так же от лютого беса. И потому молил он святого постричь его в иноческий образ. Святой же, увидев его усердие, принял его, облек в иноческие одежды, причислил к прочим братьям и нарек ему имя Феофан. Прожил тот в обители блаженного Кирилла в целомудрии, послушании и всяческом смиренномудрии более десяти лет, пока не отошел к Господу.

ЧУДО СВЯТОГО С ЦЕРКОВНЫМ ВИНОМ

Однажды не хватило вина для церковной службы, а надо было служить литургию. Потому пришел к преподобному священник и сообщил, что у них нет вина. Святой же позвал екклезиарха Нифонта и спросил его, есть ли у них вино. Тот ответил ему, что вина нет. Святой повелел ему принести сосуд, в котором обычно было вино. И Нифонт пошел за сосудом, как повелел ему святой, и нашел сосуд этот полным вина, да еще и переполненным, так что оно выливалось. Все были этим удивлены, ибо знали, что вина нет: был лишь один сосуд, да и тот сухой. И все прославили за это Бога и Пречистую Его Богоматерь, и долгое время с тех пор в том сосуде вино для церковной службы не убывало, но скорее преумножалось, пока не было принесено другое вино.

По прошествии нескольких лет был немалый голод среди людей. И по причине большой скудости и нужды многие из неимущих приходили в обитель святого. Ввиду тяжести голода святой повелел выдавать просящим хлеб, чтобы их насытить. И так каждый день раздавали нищим много хлеба. А тогда не было сел, откуда бы они могли получать хлеб, и имели они лишь некое небольшое количество приносимой к ним милостыни, хватавшей на еду только братьям. Но когда жившие вокруг обители люди услышали, что там кормят всех приходящих по причине голода, они начали приходить в еще большем числе и там насыщаться. Но сколько бы пищи они ни брали оттуда, настолько же вновь и даже

еще больше она умножалась. Видя, что происходит, пекари говорили: «Кто прежде умножил вино, когда его не стало, тем более может умножить и хлеб». И так малым количеством еды кормились многие люди, и с помощью Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и молитвами святого Кирилла такое изобилие продолжалось до самого нового урожая. О происшедшем чуде рассказали святому те самые братья, которые брали муку своими руками: «Сколько, — говорили они, — брали мы муки, приходя, на столько же находили ее вновь увеличившейся, и не уменьшалось ее в мучнице». И святой воздал благодарность Богу, творящему дивные и преславные дела.

Впоследствии, если и бывала когда нехватка чего-нибудь в обители, ничего не смели братья говорить об этом святому, поскольку все видели, что все, что он просит у Бога, в изобилии получает.

Как-то раз загорелись в том монастыре кельи, а братья не могли их потушить, и пламя, увеличиваясь и возносясь все выше, готово было все вообще охватить. Святой же, взяв честной крест, побежал туда, где горели кельи. А был там некий мирянин, пришедший из города, который, увидев святого, спешащего с честным крестом, вроде как смеялся над ним. Видел он, что огонь все охватил неутолимо, и погасить его, считал, невозможно. Святой же, прибежав и став с честным крестом против пламени, начал молить Бога, и огонь тут же, будто устыдившись молитвы святого, угас. Насмехавшегося же мирянина постиг Божий гнев: все члены тела его ослабели. Понял тогда мирянин тот свое согрешение, — что пострадал он за то, что поносил святого, и начал он со слезами умолять святого, прося у него прощения. И святой помолился о нем, знаменовал его честным крестом и сделал его вновь здоровым, и тот, ходя повсюду, рассказывал о совершенных святым чудесах.

О преславных чудесах святого стало известно не только в окрестностях его монастыря, но и далеко — в чужих землях. Дошли рассказы о них и до князя Михаила Белевского. А князь Михаил, прожив со своей княгиней по имени Мария восемь лет, не имел детей и по причине своей бездетности пребывал в великой печали. Услышав о святом Кирилле, — что тот получает у Бога все, что попросит, послал он некиих двух своих бояр, чтобы те пошли к святому и попросили его помолиться Богу о разрешении их бесплодия. От святого же как прозорливца и это ничуть не утаилось. Только пришли посланцы от князя Михаила, не успели они еще дать ему послание князя, как говорит им блаженный: «Поскольку, чада, вы потрудились пройти большой путь, верую Богу и Пречистой Его Матери, что труд ваш не напрасен будет. Даст Бог вашему князю плод детородия». Те стали удивляться, как узнал он то, зачем они пришли, но поняли, что он —

человек Божий, и передали святому послание от князя. Святой повелел дать им с дороги отдохнуть.

В ту же ночь князь Михаил увидел во сне некоего светоносного старца, украшенного сединами, державшего в своей руке три сосуда и сказавшего ему: «Прими то, что ты просил у меня». В ту же ночь старец того же вида явился также княгине Марии и тоже дал ей некие три сосуда. Пробудился князь Михаил от своего сна и размышлял о том, что ему приснилось, особенно же о явившемся ему старце. И начал он рассказывать о своем видении княгине Марии, а та, перехватив из его уст рассказ, сказала: «И мне такой же старец явился и тоже дал три неких сосуда и сказал: “Получи то, что ты просила у меня”». Поняв, что видения обоих совпадают, они запомнили день, в который оба это видели.

А после этого по прошествии трех дней блаженный Кирилл отпустил посланных князем Михаилом бояр. И повелел он келарю дать им в дорогу полтора хлеба. Всего же было пришедших от князя Михаила восемь человек. И сказал им святой: «Идите с миром к пославшему вас князю и передайте благословение и благодарность от нас. И скажите ему вот что: то, о чем вы просили, даст вам Бог. Впредь не печальтесь». Они же попросили: «Отец, повели, чтобы нам дали хлеба и рыбы в дорогу, потому что мы должны пройти большой путь, а места эти пустынны, и нам будет негде купить хлеба». Святой ответил им: «Я послал человека дать вам хлеба на дорогу». Те сказали: «Нам дали полтора хлеба и несколько рыбок». А святой сказал: «Идите с миром, и этого вам будет достаточно, до самого дома вашего будет в изобилии». С тем они и отправились в путь, размышляя о хлебе, где бы его купить, ибо путь их был около двадцати дней ходу или больше. Хлеба же, бывшего у них, думали они, хватит им поесть лишь на один день.

Дойдя до первого пристанища, стали они варить небольшое количество рыбы, данной им святым. А когда сварили, тогда увидели, что рыбы много. А сев есть, взяли половину того хлеба и начали есть, ели и насытились и увидели, что полхлеба по-прежнему остались целыми. Также и рыбы варено было мало, а молитвами святого оказывалось ее намного больше. И тогда поняли они смысл того, что сказал им святой, и о пище больше не заботились. И через много дней, пройдя весь путь до своего дома, только одну половину хлеба они съели, а другой хлеб принесли с собой целым.

Придя к князю, они передали ему слова святого, пророчески сказанные им о том, чего ради они пришли: «Мы, — сказали они, — не успели еще передать ему ваше послание, как говорит нам святой: “Поскольку, чада,

вы потрудились пройти большой путь, верую Богу и Пречистой Его Матери, что даст Бог вашему князю плод детородия”». Рассказали они и о чуде с хлебом: «Полтора хлеба повелел он нам дать в дорогу и сказал: “Хватит вам этого и до самого дома вашего будет в изобилии”. И вот, одной половины хлеба хватило нам на весь наш путь, а второй хлеб мы принесли с собой целым. Сказал он нам: “Идите к князю вашему с миром и скажите ему: то, что вы просили у Бога, дарует вам Бог. Впредь не печальтесь”».

Возрадовались великой радостью князь с княгиней и почтили дарами пришедших от святого. И повелел им князь принести хлеб, который они принесли от святого. И когда он был принесен, князь Михаил, встав, принял принесенный от святого хлеб с великой верой, как некую святыню. И вкусил он его вместе со своей княгиней и всем в своем доме дал отведать того хлеба. И кто был болен простудой, то есть лихорадкой, или страдал какими-нибудь иными недугами, все исцелились благодатью Христовой и с помощью Владычицы нашей Богородицы, при содействии молитв святого Кирилла и вкушением принесенного от него хлеба.

Спросил князь посланцев: «Какой был день, когда вы пришли к святому?» Они ответили ему, и он понял, что это был тот день, в который они видели сны, и потому все величали и славили Бога, творящего дивные чудеса через своего святого угодника Кирилла. И после того дня родились у князя Михаила два сына и одна дочь, — соответственно тому, как во сне они видели, что получили три сосуда, означавшие рождение трех детей. С тех пор князь Михаил обрел великую веру в святого. И многую милостыню посылали они с его княгиней Марией в монастырь святого, прося молить о них Бога.

Это рассказывала сама та княгиня Мария одному из иноков той обители, заслуживающему доверия, Игнатию именем. А он рассказал это мне, я же, услышав это от него как заслуживающее доверия, записал — да не будут забыты чудеса святого.

ЧУДО С ПРАВИТЕЛЕМ АФАНАСИЕМ

Некий человек по имени Афанасий был правителем волости, называемой Сяма, и случилось, что этот Афанасий заболел тяжелой болезнью: все члены тела его расслабились, и он совсем не мог шевельнуться. Был же там некий человек, Мартин именем, и он стал рассказывать Афанасию о святом Кирилле — какие исцеления дарует

ради него Бог всем приходящим. «Послушай меня, — сказал он, — хороший совет тебе дающего: если сможешь пойти к блаженному Кириллу, ни в коем случае не обманешься в надежде; если же нет, то хотя бы пошли к нему и попроси его, чтобы он помолился о тебе. Никто из тех, о ком он помолился, не обманулся в надежде». Поверил Афанасий тому Мартину, ибо и от других людей слышал о многих чудесах, которые Бог творит через святого Кирилла.

Потому с надеждой и верой посылает он к святому и просит его, чтобы тот помолился о нем. Святой же помолился о нем и послал ему освященную воду. И с помощью Бога и Пречистой Его Матери, как только вкусил он чистой освященной воды, принесенной от святого, и окропил ею все тело, тотчас получил исцеление и стал здоровым молитвами преподобного Кирилла.

ЧУДО СВЯТОГО КИРИЛЛА

Да не будет умолчано и о этом, сотворенном этим блаженным отцом. Однажды послал святой на озеро ловить рыбу, и когда рыболовы отплыли и были уже посреди озера, началась на озере большая буря, и волны поднимались и росли, угрожая им смертью. Будучи не в силах бороться с волнами, рыбаки не могли подплыть к берегу и, уже отчаявшись остаться в живых, видели перед собою смерть. Некий же человек, Флор по имени, стоявший тогда на берегу озера и видевший бедствие и погибель рыболовов, быстро прибежал к святому и сообщил ему о беде: «Рыбаки, — сказал он, — в озере тонут!» Святой же, услышав это, быстро встал и, взяв в руки крест, побежал и прибежал на берег озера. И сотворил он крестное знамение принесенным крестом, и тотчас же прекратило озеро волноваться и стало совершенно тихим. И рыбаки избежали потопления и, пристав к суше, говорили святому: «Великая беда постигла бы нас, если бы ты не упредил ее своей молитвой к Богу». В тот день рыболовы поймали множество рыбы, больше, чем в прежние дни.

После этого принесен был некий человек в монастырь святого, очень тяжело больной, и просил святого постричь его в иноки. И святой просьбы его не отверг, облек его в святой иноческий образ и нарек имя ему Далмат. И, проболев несколько дней, приближаясь уже к концу, попросил тот святых Христовых тайн. А священник помедлил из-за священной службы. И когда священник пришел, чтобы причастить его святых тайн, нашел он брата умершим. Тогда пошел священник и сообщил преподобному, что брат преставился, не успев причаститься святых тайн. Святой же, услышав об этом, очень опечалился и, спешно закрыв оконце келии, с плачем обратился к Богу с молитвой.

Вскоре пришел брат, служивший вышеупомянутому Далмату, и, постучав в оконце келии, сообщил блаженному Кириллу, что Далмат жив и опять просит причастить его святых тайн. И святой, позвав священника, послал его причастить брата святых тайн. Священник тот не захотел пререкаться со святым и хоть и видел, что брат умер, но пошел к нему, неся с собой святые тайны. И нашел он Далмата живым, сидящим. Был тот священник от этого в великом удивлении и воздал славу Богу. А Далмат, причастившись святых тайн и попрощавшись со всеми братьями, мирно и тихо отошел к Господу.

ИНОЕ ЧУДО

Пришла княгиня Ивана Карголомского, слепая, не видевшая долгое время, и попросила святого помолиться о ней. Святой помолился о ней как мог и окропил ее глаза освященной водой. И тотчас прозрела она и, став здоровой, как и прежде, воздавала славу Богу и Его угоднику, блаженному Кириллу.

ИНОЕ ЧУДО

Некий боярин по имени Роман Александрович, живший вдалеке от обители святого, своими глазами святого не видел, но только слышал о его великих делах. Заболев тяжелой болезнью и совсем ослабев, начал он молить Пречистую Богоматерь, чтобы она облегчила ему болезнь. И, так молясь, погрузился он в легкий сон. И видит во сне, как явилась ему некая светоносная жена, держа за руку некоего святолепного старца, и сказала ему: «К нему пошли, чтобы он прислал тебе освященную воду, и тогда ты выздоровеешь. Кирилл — имя этого человека», — добавила она.

Пробудился тот ото сна и поведал всем о бывшем ему явлении. Скоро затем посылает он к святому в монастырь и просит его помолиться о нем. И святой помолился о нем и послал ему освященную воду. И когда была принесена освященная вода и тот больной человек принял ее и с глубокой верой благоговейно ее попил, тут же болезнь оставила его, и он стал здоровым с помощью истинного Бога и Пречистой Его Матери молитвами святого Кирилла. А поправившись от болезни, он встал и пошел к святому со своей женой и детьми. И, придя в обитель святого, он узнал святого по тому видению как явившегося ему во сне и, пав ему в ноги, он поклонился ему, называя его своим избавителем от недуга. И

начал он подробно рассказывать ему, как молился он Пречистой, и о бывшем ему явлении все по порядку рассказал перед всеми братьями. И все согласно славили и благодарили Бога и Его Пречистую Мать, везде помогающую призывающим ее.

Затем этот Роман попросил святого освятить воду, чтобы ему в нее окунуться. Святой просьбы его не отверг, пошел на реку и освятил воду. А тогда был сильный мороз, и потому вышеупомянутый боярин не смел войти в воду. Святой же сказал: «Не бойся, дерзай!» И только вошел тот в воду, как вода молитвами святого сделалась теплой. И, выйдя из воды, боярин рассказывал всем о происшедшем чуде: «Как только, — сказал он, — вошел я в воду, показалось мне, что стою в теплой воде!» С той поры Роман обрел великую веру в святого и, дав монастырю большую милостыню, отправился затем к себе домой, воздавая благодарность Богу и Пречистой Его Матери, творящим через святого своего угодника необыкновенное.

ИНОЕ ЧУДО

Другой боярин, по имени Роман Иванович, имея великую веру в Пречистую Богоматерь и ее угодника, блаженного Кирилла, давал монастырю каждый год по пятьдесят мер зерна, а иногда и больше. И захотелось этому вышеупомянутому боярину передать дому Пречистой, Кирилловой обители, некое село со всем, что в нем. И послал он святому грамоту на то село. Святой же, получив посланную грамоту, начал размышлять про себя: «Если начнем мы наблюдать за селами и управлять ими, то будет у нас больше попечений, нарушающих братьям безмолвие, а некоторые из нас должны будут стать управителями поселков и подрядчиками. Так что гораздо лучше нам жить без сел, ибо душа одного из братии гораздо лучше всякого имущества». Такое духовное попечение о братии имела эта любомудрая душа! И отослал он эту грамоту назад, к тому упомянутому выше боярину, и написал ему другую грамоту, где сказал: «Если хочется тебе, человек Божий, передать монастырю, дому Пречистой, село для пропитания братии, то лучше давай братьям по пятьдесят мер зерна, а если хочешь, то давай и по сто мер, и этого нам будет достаточно. Селами же своими владей сам, ибо они нам не нужны и братии не полезны». И таким образом села святой принимать не захотел. И тот боярин сделал так, как сказал старец, и давал монастырю по сто мер зерна, а иногда и больше. По преставлении же блаженного Кирилла та земля вновь была дана монастырю Пречистой, как оно продолжает быть и доныне, в память о нем.

ЧУДО С КНЯЗЕМ ПЕТРОМ ДМИТРИЕВИЧЕМ И ЕГО КНЯГИНЕЙ

Да не будет сокрыто молчанием и это чудо блаженного Кирилла, о котором рассказывали нелживые уста.

Жил благочестивый князь Петр, сын великого князя Дмитрия Ивановича, и была у него княгиня, Евфросинья по имени. Жили они во всяческом благочестии и любви, но не было у них детей одиннадцать лет и шесть месяцев, и потому оба они пребывали в печали, из-за своего бесплодия. Имели же они великую веру в святого и широко уже тогда известного блаженного игумена Кирилла. Подумывал благочестивый князь Петр Дмитриевич послать к святому Кириллу, чтобы тот помолился Богу и Пречистой Его Матери о разрешении их бесплодия и даровании им плода детородия. Но пока то да се, случился тогда в некий год великий мор на людей, и был он в самом том отечестве благочестивого князя Петра, городе Дмитрове. И потому, забыв о своей печали по причине бесплодия, больше печалились они о самих себе, видя каждый день свое отечество, особенно город, пожинаемым смертоносным серпом, и оттого и сами так же, как и прочие, ждали смерти.

И из-за этого, из-за нашедшего на них наказания Божия, срочно посылают они на Белоозеро к блаженному Кириллу некоего боярина по имени Козьма, чтобы святой помолился Богу о избавлении людей от ниспосланного наказания, особенно же молился о них. Отправился тот Козьма и, достигнув обители святого и увидев преподобного отца Кирилла, хотел вручить тому послание от князя, но тот блаженный Кирилл, имея дар прозорливости, сам узнал о нем. С братией как мог помолившись о них, он посылает им освященную воду и просфору и повелевает, попостившись несколько дней, затем вместе с княгиней испить освященной воды и вкусить просфоры, а вкусив — окропиться. Предсказал блаженный Кирилл в послании, что будет к людям милость от Бога и что бесплодие их разрешится, как то и другое сбылось впоследствии молитвами святого Кирилла.

Когда же вернулся вышеупомянутый Козьма и принес просфору и освященную воду и передал послание, благочестивый князь Петр исполнился радости и принял это с великой верой, и сделал все, что повелел ему святой. И, попостившись несколько дней со своей княгиней и людьми, — а в то время из города Владимира был принесен к нему животворящий крест для помощи против опустошающего мора, — потом благочестивый князь Петр отправился в город Дмитров и совершил молебен, ходя вокруг города и окропляя город и людей принесенной от святого водой. И после этого с наступлением ночи благочестивый князь Петр погрузился как бы в легкий сон. И увидел он, как явился к нему некий светоносный старец, держа в руках две

свечи, и услышал, как тот сказал ему: «Вот то, что ты просил: дарует тебе Бог сына». Очнулся благочестивый князь Петр Дмитриевич от сна и понял, что в видении было ему явление святого Кирилла, и от этого исполнился большой радости. В то же время благочестивая княгиня Евфросинья зачала сына. Вскоре благодатью Христовой прекратился среди людей недуг.

Через девять месяцев после этого случилось Тимофею, слуге благочестивого князя Петра Дмитриевича, прийти в обитель святого Кирилла. Увидев его, блаженный Кирилл сказал: «Ныне подобает вам радоваться, потому что княгиня ваша родила сына, князя Ивана». Тимофей же тот удивился словам святого Кирилла и запомнил день и час, когда святой это сказал, ибо была тогда память святого Пантелеймона. После этого, по прошествии одной недели, пришел слуга от князя к святому поблагодарить за то, что по его молитвам даровал Бог князю сына. Потом Тимофей возвращается к князю и пересказывает ему проречение святого Кирилла, — что в тот самый день, когда княгиня родила сына, на Белоозере блаженный Кирилл об этом узнал и всем сказал. С того года благочестивый князь Петр Дмитриевич обрел великую веру в блаженного Кирилла и вместе со своей княгиней выразил великую благодарность Богу, творящему преславные чудеса через угодника своего Кирилла. Затем благочестивая княгиня Евфросинья родила дочь, — потому что явился ведь святой, держа в руке две свечи, — чтобы показать, что родятся два ребенка.

ИНОЕ ЧУДО

Однажды, с наступлением праздника святых Богоявлений, принесли в монастырь некоего одолеваемого болезнью человека. Не успели они прибыть к тому моменту, когда освящается вода, чтобы тот окунулся в иордань, но пришли, когда святой уже шел в церковь петь божественную литургию. И человек тот, опечалившись, был в великой скорби от того, что не успел к нужному времени. Сообщили об этом человеке блаженному, и святой сказал: «Скажите тому человеку, чтобы он без сомнений вошел в воду. Ибо верую я Богу и Пречистой Его Матери, что он выздоровеет». Поверил тот человек словам святого Кирилла и окунулся в иордань трижды, и с тех пор благодатью Христа и Пречистой Его Матери и молитвами святого Кирилла стал здоровым. И таким и ушел к себе домой, радуясь.

ЧУДО СО СЛЕПОЙ ЖЕНЩИНОЙ

А после этого была приведена к святому Кириллу слепая женщина, три года ничего не видевшая. И умолили святого, чтобы он помолился о ней и помазал освященной водой ее глаза. Святой же захотел проверить, помиловал ли ее Бог. Сказал ей святой: «Видишь ли что-нибудь?» Она ответила: «Вижу книгу, которую ты держишь в руке», — ибо святой держал тогда в своей руке книгу. Затем, после этого, она сказала: «Вижу озеро и ходящих людей». И так постепенно начала видеть все и стала здоровой молитвами святого Кирилла. Святой же, видя, что помиловал ее Бог и она прозрела, великую благодарность воздал Богу и Пречистой Его Матери.

Много и других слепых приводили к святому. Святой же, взяв только вино с водой, помазывал им глаза во имя Христово, и они прозревали и возвращались к себе домой, славя и благодаря Бога и его угодника Кирилла, творящего такие чудеса.

ИНОЕ ЧУДО СВЯТОГО

Был у святого Кирилла ученик Герман. И, посылая его ловить рыбу для пропитания братьев, святой говорил Герману, какую рыбу ему ловить, поясняя: «Потому, чадо, что ту или иную рыбу просят братья». И Герман уходил ловить, и при Божьей тому Герману помощи, благодаря благословению святого, ту рыбу он и ловил, какую святой повелевал ему, и ничем иным, как одной только удочкой. И этого оказывалось достаточно для пропитания всей братии. Тогда ведь неводом не ловили, только когда наступал праздник Успения Пречистой.

А этот Герман, которого мы выше упомянули, много лет прожил в том монастыре во всяческом послушании и целомудрии, так что многие, видя его безмерное смирение и труды, удивлялись и хвалили его. Дни проводил он в трудах, занимаясь ловлей рыбы, и молитва никогда не сходила с его уст, ночи же в бдениях и коленопреклонениях, в церкви же на пении стоя, никогда к стене не прислонялся.

Имел он духовную любовь к некоему Димитрию, ученику Христофора, который впоследствии был игуменом той обители. А тот Димитрий вел великую по Богу жизнь. И когда Герман занедужил, часто приходил к нему его духовный друг Димитрий, навещая его в болезни. Но пришло время, и Герман мирно отошел к Господу в тот нескончаемый век. По преставлении же Германа прошло какое-то время, и случилось упомянутому Димитрию впасть в телесный недуг. И когда был он так одолеваем недугом, вышеупомянутый Герман явился ему и сказал: «Не

скорби, брат Димитрий! Ибо по втором дне, каковой понедельник, ты к нам перейдешь». Тогда тот Димитрий исполнился великой радости от посещения любимого им духовного брата Германа. Поведал тот Димитрий оказавшимся там братьям о явлении своего духовного брата Германа. И когда пришел тот названный Германом день, Димитрий с надеждой перешел к Господу, к вечным обителям, оставив как память о своих добродетелях труд.

Ученик же блаженного Христофор, о котором мы чуть выше упомянули, имел брата по плоти именем Сосипатр. И этому Сосипатру случилось впасть в тяжелый недуг. Брат же его Христофор, видя брата изнемогающим, пожалел его и, пойдя, сообщил преподобному Кириллу о брате, — что брат очень болен и собирается уже умирать. Святой же, чуть улыбнувшись, сказал: «Поверь мне, чадо Христофор, что ни один из вас раньше меня не умрет. По моем же преставлении многие из вас отойдут со мною туда», — что и произошло спустя небольшое время точно так, как предсказал святой. Ибо тогда был в окрестностях монастыря сильный мор. Но в монастыре никто из братии тогда не болел. Брат же тот Сосипатр, хоть и долго болел, но впоследствии оправился от недуга и стал здоров.

ЧУДО СВЯТОГО

Пришел один человек, живший в окрестностях обители святого, по имени Павел, и попросил святого о другом человеке, сказав: «У него тяжелая болезнь, но ты помолись о нем, чтобы оставила его болезнь». Святой же не только не послушал этого Павла, но даже повелел не приносить того больного человека в монастырь. И когда больной лежал вне монастыря, из его уст и ноздрей текла кровавая пена. Видя это, другой человек, его родственник, любимый святым, ибо часто к нему приходил, очень пожалел этого человека. И приходит он к святому, и говорит ему о том человеке, а заодно и просит его помолиться о нем. Преподобный же отвечал: «Верь мне, чадо, что эта болезнь не случайно к нему пришла, но так страдает он за то, что прелюбодействовал. Если пообещает он избавиться от греха, верю Богу и Пречистой Его Матери, что исцелится. Если же нет, еще хуже пострадает». Человек тот, пойдя, сообщил Иакову — так ведь того звали — сказанное святым. И тотчас же осознал тот человек свое согрешение и еще больше испугался, оттого что услышал при свете о бывшем в темноте. И когда он дал обещание, святой, умилосердившись, пошел к больному. Человек же тот со слезами начал молить святого и от сердца исповедовать свои согрешения, которые и так не были тайной для блаженного. Потому святой помолился о нем. После этого тот человек выздоровел от своей болезни. Святой же дал ему епитимию за грехи. А человек тот что-то дал по мере сил как милостыню святому и монастырю. И святой повелел братьям, сколько в их силах, молиться о нем, чтобы простился

ему грех. И ушел тот человек здоровым в свой дом, поя и славя Бога и Пречистую Его Мать и воздавая великую благодарность святому Кириллу за то, что благодаря ему он получил исцеление не только телесных болезней, но и душевных.

Таковые дарования святому были дарованы за его великое усердие и любовь к Богу, поскольку сказано Спасителем: «Просите и получите», и еще: «Без Меня не можете делать ничего». Ибо не только ученикам Он это говорил, но всем верующим. Потому блаженный Кирилл помогал не некиим волшебством, но призывая Христа и Пречистую Его Мать. Собственными Кирилла были только молитва и человеколюбивое снисхождение к страстям человеческим. «Ибо даром, — сказано, — получили, даром и давайте».

И когда блаженный Кирилл увидел, что изнемогает от старости, и различные болезни часто на него нападают, ничего иного не предвещая, кроме прихода смерти, решил написать благочестивому князю Андрею Дмитриевичу свое последнее послание ради большего утверждения общего жития. Ибо сильно желал и беспокоился он, чтобы ничего не разорилось в общем житии, — как при его жизни, но так и гораздо больше после его смерти. Ибо сказано: «Когда умирает праведник, надо оставить пекущегося». И написал он грамоту такого содержания:

НАСТАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА БРАТИИ, ЖИВУЩЕЙ В ОБИТЕЛИ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, СЛАВНОГО ЕЕ УСПЕНИЯ, ИНЫМИ СЛОВАМИ, ДУХОВНАЯ ГРАМОТА

«Во имя Святой и Живоначальной Троицы, — Отца, говорю, и Сына и Святого Духа, Которой все создано, и мы тоже.

Я, грешный и смиренный игумен Кирилл, вижу, что постигла меня старость. Впал я в частые и различные болезни, которым и ныне подвержен, человеколюбиво Богом наказываемый, как то и ныне вижу, и понимаю, что ничего другого они мне не предвещают, кроме смерти и Страшного Спасова суда в будущем веке. И оттого во мне смутилось сердце мое по причине страшного исхода, и страх смертный напал на меня. Боязнь и трепет перед Страшным судищем пришли ко мне, и покрыла меня тьма недоумения. И что сделать, не знаю. Но возложу, как говорит пророк, печаль свою на Господа: пусть Он сделает со мной, как Он хочет, ибо хочет Он, чтобы все люди спаслись и в разум истинный пришли.

Этим же последним писанием передаю монастырь, труд свой и своей братии Господу Богу Вседержителю, и Пречистой Его Матери, и господину духовному моему сыну, благочестивому князю Андрею Дмитриевичу, чтобы он пекся и заботился о монастыре, доме Пречистой.

Духовного же моего сына священноинока Иннокентия благословляю на свое место быть игуменом.

Потому, господин князь Андрей, Бога ради и Пречистой Его Матери, и своего ради спасения, и меня ради, нищего своего богомольца, какую любовь имел до сих пор к Пречистой Богородице и к нашей нищете, при моей жизни, такую же и после моей жизни имел бы ты любовь и веру к монастырю Пречистой и доброе свое отношение к сыну моему Иннокентию и ко всей моей братии, кто будет по моему преданию жить и игумену повиноваться.

А кто не захочет по моему убогому образу жизни жить в монастыре том и вздумает что-либо из общежительного чина разорить и игумену не повиноваться, о том я тебя, своего господина и духовного моего сына, благословляю и со слезами молю: да не попустишь ты этому так быть, но ропщущих и раскольников, кто не захочет игумену повиноваться и по моему убогому образу жизни жить, прочь из монастыря изгоняй, чтобы остальная братия страх имела.

Милость же Божия и Пречистой Его Матери да будет всегда с тобой, и с твоею благочестивой княгиней и с благородными детьми».

И потому благочестивый князь Андрей много заботился о том, чтобы ни одно из слов, сказанных святым Кириллом, не осталось неисполненным. Ибо великую веру и любовь имел он к дому Пречистой Кириллова монастыря. Не только большие имения и озера передал он той обители, но по мере возможности старался всяческими ценностями и красотами снабдить и украсить церковь Пречистой. И много книг, переписав, вложил он в церковь, и иным многим добром наполнил ее, так что и до сих пор видно там много великих его даяний.

О ПРЕСТАВЛЕНИИ СВЯТОГО КИРИЛЛА

И поскольку, как мы прежде сказали, блаженный Кирилл увидел, что от старости он ослабел, и конец приближается, созывает он всех живших тогда в обители — а было их тогда пятьдесят три брата, вместе с ним Господу работавших у кого сколько было сил — и перед всеми вручает одному из своих учеников, по имени Иннокентий, управление монастырем и называет его игуменом, хотя тот этого и не хотел. И призывает он Бога в свидетели того, что ничего в монастырском чине нарушиться не должно: как — видели — делает он, так он повелел и им все делать. Сам же он решил предаться любимой им мудрости полного безмолвия.

Поскольку же от великого воздержания и стояния ноги его не могли ему служить стоя, то он исполнял свое правило сидя, и никогда молитва не покидала его уст, особенно Иисусова. Хоть и слабел он телесной силой, но ничего из правила своего подвига он не оставлял. Немощь не давала ему ходить в церковь, как прежде, на своих ногах, за исключением только случаев, когда он хотел служить божественную литургию. Ибо никогда не переставал он совершать службы по праздникам, а его ученики поддерживали его немощные члены руками и в церковь его приносили. Пробыл он в такой болезни, стараясь ничего из своего правила не оставить, время немалое, а затем телесные силы его покинули, и он уже готов был отойти к Господу. И когда наступила неделя Пятидесятницы, в которую празднуется сошествие Святаго Духа на апостолов, тогда, совершив божественную литургию, он причастился святых тайн. Наутро же в понедельник той же недели, на память святого Кирилла Александрийского, начал слабеть телом крепкий душой. Приходили к нему все братья той обители и, видя, что он слабеет и собирается отойти к Господу, скорбели, рыдали и, если бы возможно было, от великого усердия и любви, какую имели к нему, умерли бы вместе с ним.

Тогда некоторые из его учеников сказали, плача: «Поскольку ты, отец, оставляешь нас и отходишь к Господу, то, когда тебя не будет, место это оскудеет, и многие из нас переселятся из этого монастыря». Святой же сказал им: «Об этом не скорбите; вы больше уразумеете вот почему: если я получу некоторое дерзновение перед Богом и Пречистой Его Матерью и если дело мое окажется Богу угодным, то не только не оскудеет это святое место, но и больше распространится по моем уходе. Только имейте любовь между собой!»

Слыша это, братья не могли сдержать рыданий. Святой же утешал их, говоря: «Не скорбите в день моего упокоения. Уже ведь пришло время опочить мне в Господе. Передаю вас Богу и Его Пречистой Матери. Да сохранит Он вас от всех искушений лукавого. А этот сын мой,

Иннокентий, да будет у вас игуменом вместо меня, и относитесь к нему, как ко мне, а он недостающее вам наполнит». Это и многое другое, утешая их, говорил он, и так радовался при этом и веселился душой, словно человек, возвращающийся из дальних чужих стран в свое отечество. И никакой печали он не имел, но скорее веселился, надеясь на будущее. Об одном только имел он попечение и молился: да не будет ничто нарушено из правил общежития и да не возникнут среди братии раздоры или свары. О том же заботился он, и будучи здоров.

И затем, когда приблизился час отхода его к Господу, все братья приходили к нему и целовали его со слезами, прося последнего благословения. А он, как чадолюбивый отец, всех целовал, ко всем выказывал любовь, всем последнее благословение оставлял и сам у всех прощения просил. А в самый тот час, когда должен был святой от союза с телом освободиться, он причастился пречистых и животворящих тайн Христа Бога нашего и мирно и тихо отдал Господу свою пречистую трудолюбивую душу с молитвой на устах. И тут же все ощутили некое благоухание.

Братья чего только не готовы были сделать от горя, с болью видя, что лишились отца. Не могли они претерпеть потерю врача; рыдали об отнятом у них учителе; оставшись без кормчего, пребывали в недоумении; все причиняющее боль было с ними. Затем лицо его просветилось и стало гораздо светлее, чем было при жизни, и не было на лице его никакой черноты или смуглости, что обычно бывает у умерших.

Потом его священные мощи с честью положили на одр и на своих головах с подобающей почестью и псалмопением принесли в церковь, провожая как отца.

Вышеупомянутый же слуга его Авксентий болел тогда на селе лихорадкой и тяжело страдал и, будучи от той болезни как бы в исступлении ума, увидел он, как пришел к нему блаженный Кирилл, держа в руке крест, и иной священник, Флор, великое житие в Боге имевший. И Кирилл знаменовал тогда Авксентия честным крестом, и сразу же, тотчас получил тот исцеление и выздоровел. Проснувшись и обнаружив себя здоровым, человек тот с радостью побежал к блаженному Кириллу, чтобы рассказать ему, как с его явлением он получил исцеление. Он ведь не знал, что святой преставился. И когда пришел он в монастырь и увидел, что святой уже отошел к Господу и что ученики провожают его надгробным пением, подбежал он к его святым мощам, со слезами поцеловал их и при этом рассказал всем о

чуде, — как явился ему святой и исцеление ему даровал. Благодаря этому братья немного оправились от печали.

Завершив со многой честью надгробное пение, очень торжественно они покрыли землей многострадальное и трудолюбивое тело, сосуд Пресвятого Духа, в 6935 (1427) году, месяца июня в девятый день.

Хорошо пас он врученную ему паству, направив ее на пажити жизни. Таковы подвиги блаженного Кирилла, таковы его старания, таковы чудеса, дарования, таковы его исцеления.

Блаженный Кирилл, когда пришел на то место, был шестидесяти лет, прожил на том месте тридцать лет, а всех лет его жизни было девяносто.

Большое число и других чудес произошло при жизни блаженного Кирилла, но по причине их множества, а более оттого, что много лет с тех пор прошло, они остались незаписанными. Это — запись лишь некоей малой части, — чтобы не были окончательно забыты рассказы о святом.

Когда это произошло, и стадо, лишившись богоносного отца, осиротело, игуменом той обители сделался Иннокентий, как то повелел блаженный Кирилл еще при жизни. И старался тот все, как — видел он — делает отец, делать и сам. Надо сказать об игумене Иннокентии, что не так просто, не случайно блаженный Кирилл вручил ему управление монастырем, но потому что знал его как с детства ведущего великую жизнь. О телесной же его чистоте нечего и говорить! Пробыл он в послушании у Игнатия, человека великого перед Богом, одиннадцать лет, никакой своей воли не имея.

После этого, по прошествии только одного года после преставления блаженного Кирилла, когда настала осень, братия той обители, словно сговорившись с блаженным Кириллом, уходят из жизни к Господу числом более тридцати братии, по пророчеству блаженного Кирилла, сказанному его ученику Христофору: «Верь мне, чадо, что ни один из вас раньше меня из этой жизни не уйдет. По преставлении же моем многие из вас придут следом за мной», — что и сбылось. Последним из всех тех братии отходит к Господу игумен Иннокентий.

По преставлении же игумена Иннокентия был на его месте игуменом той обители вышеупомянутый Христофор. Этот Христофор много книг написал для святого монастыря своей рукой. И ничуть не вознесся он мыслью оттого, что стал игуменом такой обители, но по-прежнему пребывал в благочинии и смирении, блюдя любомудрие своей жизни, стараясь ничего из того, что — он видел — делает Кирилл, не оставить неисполненным на деле. Настолько полюбил он бедность одежды, что среди старцев невозможно было узнать, что он — игумен.

А поскольку, попущением Божиим, случились тогда и междоусобные рати, тот игумен Христофор, выкупив многих из пленных, возвратил их обратно на свои места.

Послал к нему однажды князь Георгий Дмитриевич, чтобы тот пришел к нему и он его повидал. «Должен я, — говорил он, — сказать тебе духовные слова». А тот отвечал: «Никогда такого не было, чтобы я выходил из монастыря, и потому не могу я нарушить монастырский порядок». Князь же Георгий посылал и во второй, и в третий раз, прося его прийти, но тот остался непреклонным. Увидев же, что он не придет, князь Георгий удивился его крепости и потому всех пленных, взятых им в плен, отпустил и сверх того дал большую милостыню монастырю.

И поскольку искони обычно для Бога прославляющих Его прославлять не только при жизни, но и по преставлении, не прекращает Бог прославлять Своего угодника Кирилла чудесами и по его преставлении, как то было и при его жизни.

ЧУДО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА

Привели некоего человека, Феодора именем, жестоко мучимого бесом, в монастырь блаженного Кирилла. Был этот Феодор человеком некоего властелина по имени Василий, каковой по причине многих мучений того, постоянно видя у себя дома, как этого Феодора сокрушает бес, отослал его прочь из своего дома. И страдал он так, мучимый бесом, одиннадцать лет. А как привели его ко гробу блаженного Кирилла, он тут же получил исцеление и выздоровел с помощью Владычицы нашей Богородицы молитвами святого Кирилла.

И получил тот Феодор от настоятеля заповедь никогда не есть мяса. Но случилось тому Феодору вместе с другими людьми косить сено, и, когда все стали есть мясо, начал и тот Феодор есть мясо, забыв данную ему заповедь никогда не есть мяса. И когда это произошло, когда он поел мяса, бес вновь напал на него и начал мучить его хуже прежнего. Но потом он пришел в чувство и, осознав свой грех, понял, что претерпевает это, преступив данную ему заповедь. И вновь прибежал он в монастырь блаженного Кирилла к чудотворному гробу и со слезами просил прощения, каковое и получил благодатью Христовой и молитвами преподобного Кирилла. И после этого в течение многих лет служил он в той обители во всяческом послушании, и я там его и видел.

ДРУГОЕ ЧУДО

Случилось это прежде преставления блаженного Кирилла. Некий боярин по имени Даниил Андреевич имел великую веру в Пречистую Матерь Божию и в блаженного Кирилла. Этому Даниилу захотелось по своем преставлении передать монастырю Пречистой село. И некий брат той обители, Феодосии именем, придя, сообщил святому: «Даниил Андреевич по преставлении своем передаст село нашему монастырю, и, если хочешь, пошли, чтобы посмотрели, что есть в том селе». Святой же не захотел принять село и сказал: «Я не нуждаюсь в селах при моей жизни. Но по моем уходе от вас, как хотите, так и делайте». Брат же, как бы порицаемый святым, обиделся на блаженного за то, что тот не послушал его и не захотел принять село.

По преставлении же блаженного Кирилла упомянутый выше брат Феодосии увидел по чудесам, происходящим у гроба святого, что и по преставлении его так прославил его Бог. И пришло ему на ум, что он оскорбил блаженного Кирилла, препираясь с ним из-за села. И много дней он от этого скорбел и печалью сокрушал себя. Спустя же некоторое время, когда Феодосии был в смятенных мыслях, блаженный Кирилл явился в видении одному из своих учеников, Мартиниану по имени, и сказал ему: «Скажи брату Феодосию, пусть не грустит и не беспокоит меня, потому что я не имею вовсе никакой обиды на него». Названный Мартиниан рассказал о своем видении тому вышеупомянутому брату Феодосию. Феодосии же словно прощение получил и утешился и славу воссылал Богу, творящему преславные вещи через Своего святого угодника Кирилла. После этого привели в монастырь блаженного некую боярыню, Феодосию именем, мучимую бесом, и просили игумена Христофора, чтобы он с братией помолился о ней. Игумен помолился по мере сил, а вдобавок велел священнику читать Евангелие над ее головой. И тогда понемногу бес вышел из нее, и она освободилась от нечистого беса и вернулась к себе домой здоровой, хваля и благодаря Бога, Пречистую Его Мать и святого Кирилла.

Со временем и игумен Христофор ушел из жизни, держав настоятельство того монастыря шесть лет. Ничего не перестал он делать из того, что — видел — делал блаженный Кирилл. Никакой сладостью помимо братии он не усладился, ни какому-либо пристрастию не позволял собой обладать, но так во всяческом воздержании и добром исповедании и предал дух свой Господу. А на его место встал игумен той обители по имени Трифон, который из-за своей добродетели впоследствии был архиепископом города Ростова, человек рассудительный и в иноческих делах, и в мирских. И он всячески старался, как только мог, чтобы ничего в общем житии и монастырском обычае не разорилось и ничем не повредилось. Поскольку же братство было немалым, а церковь мала, к тому же и ветха — ее сам Кирилл поставил, подумывал игумен Трифон с братией иную церковь вместо той, большую, воздвигнуть с Божьей и Пречистой Его Матери помощью при поддержке молитвы святого Кирилла.

И тут кстати пришел в обитель Пречистой Кирилловой ограды один вельможа по имени Захария. И увидев их жизнь великую для Бога, получил он большую пользу и подумал сам, если будет возможно, облечься в той обители в иноческие одежды. Но не случилось этому быть. Тогда, будто Богом наученный, он дал много серебра игумену и братии для создания церкви. Приняв это, игумен поспешил с церковным строительством, так давно желанным ему, и Божьим поспешением была основана большая церковь. И поскольку таковое дело началось, много работников потребовалось, каковые и были собраны, и дело закипело.

Но случился великий голод среди людей, живущих в окрестностях монастыря, и многие из-за голода стали приходить в монастырь за хлебом. И .все приходившие, каждый из них, насытившись, уходили. Ибо всем просившим давали, особенно самым бедным. Келарь же той обители, увидев, что много народа собралось для строительства церкви, а сверх того и иных множество, по причине голода приходивших в монастырь за хлебом, подумал по маловерию, что может не хватить пищи такому множеству. И потому с той поры стал меньше давать хлеба приходящим в монастырь из-за голода. Тогда и муки в мучнице значительно убавилось и стало недоставать. А когда обильно всем просящим давали, тогда она вновь наполнялась мукой. Увидев такое чудо, хлебники того монастыря, которые своими руками брали муку, — увидев, что, когда они больше давали приходившим из-за голода, тогда больше муки становилось и было в изобилии, а когда переставали давать хлеб убогим, тогда сверх всякой меры начинало муки недоставать, — возвестили об этом некоторым великим старцам той обители. Услышав об этом, и те удивились и сообщили об этом игумену. И повелел игумен давать и кормить всех просящих. И когда стали так делать, мука умножалась и была в изобилии. Было же евших тогда хлеб

в том монастыре каждый день около шестисот душ или больше. И так и происходило это до нового хлеба.

Тем временем с Божией помощью и церковь прекрасная была воздвигнута во славу и похвалу истинной Матери Бога нашего, в честь славного ее Успения. Затем она была украшена иконами и иными красотами, подобающими церкви, как то есть и до сего дня. Если не словом, то убранством более проповедует она, являя свое благолепие всем, кто видит. Можно сказать: «Святые церкви Твои поистине удивительны».

Затем, после этого, была поставлена трапезная, большая и красивая. При этом и монастырь старались тогда больше распространить. Раньше, при блаженном Кирилле, он занимал небольшое место, потому что братии тогда было немного. Когда же захотел Бог большими дарами и чудесами прославить Своего угодника, тогда братство значительно умножилось. Из-за этого и большее место потребовалось для монастырских строений, о чем можно сказать: «Старое ушло, и было все новое», — за исключением обычаев и устава, установленных блаженным Кириллом, — правила общего жития, каковое и поныне сохраняется непоколебимо молитвами и укреплением богоносного отца.

По прошествии же некоторого времени сын одного попа, по имени Иван, жестоко мучимый злым бесом, был связан по рукам и ногам. И так сильно бесился и жестоко мучился этот Иван, что и глаза ему завязали, чтобы насильно с трудом привести в монастырь. Глаза его были кровавы и всех пугали, и звуки он издавал непотребные: то рычал, как животное, то по-петушиному страшно и пугающе пел. И потому представлял он собой нелепое и устрашающее зрелище. Всех он бил, всех ругая. Да что много говорить: даже на самого Бога хулу он говорил, — не сам он говорил, но живший в нем бес его устами говорил. Игумен же с братией мольбы простирали к Богу и святого Кирилла призывали молиться о страждущем. Поэтому благодатью Христовой, с помощью Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и молитвами блаженного Кирилла понемногу оставила болезнь того человека, и стал он кроток и в чувство пришел и сделался здоровым, как прежде. И ушел он к себе домой, славя и благодаря Бога и преподобного угодника Его Кирилла.

ИНОЕ ЧУДО СВЯТОГО

После этого привели иного человека, Симеона именем. И тот был бесом мучим. Как и вышеупомянутый Иван, он был связан железными узами по рукам и ногам. Уже как злодея водили и били его, чтобы он замолчал, но чем больше били его, тем более он неистовствовал. Тогда привязали его на меже, надеясь на помощь преподобного Кирилла. И пребыл он там неделю, не ев, не пив, и, таким образом мучимый, страдал. Затем благодатью Христовой и молитвами блаженного Кирилла бес вышел из него, и он стал здрав и осмыслен. Ушел он к себе домой, радуясь, и больше в течение всей его жизни бес не мог сделать ему никакой пакости.

ИНОЕ ЧУДО

Пришла некая боярыня, одна из славных бояр, Ксения именем, чтобы поклониться гробу блаженного Кирилла. С нею пришло много людей. И у одной женщины из служивших ей, кормилицы ее сына, один глаз был слеп, и она шесть лет ничего этим глазом не видела, ибо, говорит, было у нее бельмо во весь глаз. Придя в монастырь, женщина, имевшая слепой глаз, от всех тайком по заутрени пошла в гробницу, где находится гроб святого Кирилла, и начала со слезами молиться. И спустя какое-то время в молитве вдруг слышит будто сильный гром, раздавшийся от гроба блаженного Кирилла, и ей показалось, что он прошел сквозь ее уши и коснулся ее слепого глаза. И она от страха и грома упала на землю, как мертвая, и долго лежала, потрясенная происшедшим. И своей рукой она трогала слепой глаз, и, закрыв рукой здоровый глаз, проверяла, видит ли что-нибудь слепым глазом. И увидев сама, что помиловал ее Бог молитвами святого Кирилла, обрадовалась. И поскольку не утаилось, но стало широко явлено преславное чудо святого, то все воздали хвалу Богу и Пречистой Его Матери. Боярыня же Ксения, накормив братию и дав большую милостыню, возвратилась к себе домой, славя и хваля Бога и блаженного Кирилла.

ИНОЕ ЧУДО СВЯТОГО

Принесли в монастырь святого некоего человека, Константина именем, очень тяжело больного. И там, от болезни слабея и приближаясь к смерти, он исповедал игумену свои согрешения, и игумен причастил его тогда святых тайн. С наступлением же ночи увидел один из старцев той обители светоносного человека, шедшего к келье, где лежал тот Константин. А немного позади него увидел он некиих людей очень странного вида, идущих следом за прошедшим впереди человеком. Когда они вошли туда, где лежал больной Константин, начали они спорить с прежде пришедшим человеком, говоря: «Пришел ты, ничего

здесь в нем не имея. Наш ведь он и нам он подчинился». И другой сказал: «Наш он к к нам прибежал». И пока те так препирались, увидел тот брат, что игумен этой обители с братией пришли и спорят о Константине. И тут видит он, что пришел блаженный Кирилл и говорит братии: «Скажите ему, что если он здесь умрет и будет погребен, то будет он — Пречистой и наш. Если же уйдет прочь, то он не наш».

Когда наступил день, видевший видение брат рассказал игумену и братии о видении, которое он видел. Все ведь знали, что тот Константин вел лукавую жизнь. В тот же день и преставился Константин и погребен был в том монастыре. Тогда все, слышавшие этот рассказ, прославили Бога, Пречистую Его Мать и преподобного Кирилла.

ИНОЕ ЧУДО

Сын некоего боярина Петра, по имени Василий, оказался во власти беса и потому сошел с ума. И во многих чудовищных и страшных видениях являлись ему бесы и стращали его смертью. Пришел он в монастырь блаженного Кирилла и побыл у гроба святого, а когда настала ночь, пошел и он в трапезную, надеясь там получить некоторое облегчение в страданиях. Но и там тоже много бед претерпел он от бесов: во многих различных страшных видениях они являлись ему. И тяжело от них страдая, погрузился он словно в легкий сон и как живого увидел блаженного Кирилла, пришедшего в светлых ризах. И от одного только вида святого бесы тут же пропали. Василий встал после видения и понял, что он здоров, как будто вовсе не болел, и обрадовался. И с тех пор стал он здоров и осмыслен, как и прежде. И ушел он оттуда к себе домой, выражая благодарность Богу и Его угоднику, блаженному Кириллу.

ИНОЕ ЧУДО СВЯТОГО КИРИЛЛА

Некий князь по имени Давыд Семенович впал в тяжелую болезнь и совсем не мог пошевелиться, ибо все члены тела его ослабели. И, так страдая и отчаявшись остаться в живых, велел он нести себя в монастырь Пречистой, чтобы там помолиться. И когда его принесли близко к монастырю, — четыре человека несли его на постели, и были они перед воротами монастыря, — повелел он поставить себя там. И начал он со слезами молиться и после молитвы почувствовал некоторое облегчение в своей болезни. Встав на свои ноги, двумя людьми поддерживаемый, он, будучи в церкви, молился. Также и ко гробу богоносного отца Кирилла придя, он долго со слезами молился, чтобы

облегчил ему святой его болезнь. И пробыл он там в монастыре день, молясь. А с приходом ночи, словно в исступление придя, увидел он блаженного Кирилла в церкви с иными священниками в ризах стоящим и крест в руках держащим. «И когда увидел я святого, — рассказывал он, — начал я в слезах молить его: „Избавь меня от одолевающей меня болезни!"» Святой же знаменовал его честным крестом, который держал в своей руке, и сказал: «Не горюй больше, ибо я помолюсь Богу и Пречистой Его Матери, чтобы ты выздоровел. Но не забудь обета своего, который ты дал». Очнувшись от видения, князь Давыд почувствовал, что болезнь отпустила его, и, получив облегчение, обрадовался. Наутро он встал на свои ноги и пошел в церковь здоровым благодаря молитвам и явлению блаженного Кирилла.

И начал он всем рассказывать о явлении святого и о том, как он с явлением его получил исцеление, представляя в качестве очевидного для всех доказательства вернувшееся к нему благодаря явлению святого здоровье. Игумен же и братия, услышав о происшедшем посещении его блаженным Кириллом, а тем более видя его ходящего здоровым, все прославили Бога, Его Пречистую Мать и чудотворца Кирилла. Князь же Давыд, накормив братию и милостыню подав, ушел здоровым к себе домой. После этого исцеления он обрел великую веру в монастырь Пречистой и в чудотворца Кирилла.

ЧУДО СВЯТОГО КИРИЛЛА

После этого случилось, что у княгини, жены благочестивого князя Михаила Андреевича, родственника великого князя, Елены по имени, тоже благочестивой, заболели ноги. Немалое время длился этот недуг, и она от болезни страдала, и решил благочестивый князь Михаил пойти в свое отечество, на Белоозеро, и там поклониться Пречистой Матери Божией и чудотворному гробу Кирилла. Когда же это стало осуществляться, и князь Михаил с княгиней шел на Белоозеро, и был еще далеко, на большом расстоянии от монастыря, некий старец в монастыре святого Кирилла увидел ночью видение. Не совсем во сне, но и не бодрствуя, увидел он себя у гроба блаженного Кирилла, каковой гроб вдруг сам собою открылся, и вышел оттуда святой, как живой. И, сидя на своем гробе, сказал блаженный старцу, сподобившемуся видеть видение: «Поскольку, чадо, непростые гости должны прийти в скорби великой, надо нам помолиться о них, чтобы избавил их Господь от этой беды: они ведь наши кормильцы». И сказав это, старец посидел немного и снова лег в свой гроб, и гроб сам собою закрылся над ним.

Очнулся старец от видения и, придя в себя, удивлялся. С наступлением же утра он сообщил о видении одному духовному брату, ибо видел он

святого не так просто, как случается во сне видеть, но как живого и будто наяву. По прошествии же пяти дней после этого пришла благочестивая княгиня Елена, а после и сам благочестивый князь Михаил пришел в монастырь Пречистой и побыл у чудного гроба, долго молясь.

ИНОЕ ЧУДО СВЯТОГО КИРИЛЛА

Когда это происходило, привели некоего человека, дом которого был поблизости от монастыря. Человек же тот был жестоко мучим бесом. Связанный узами по рукам и ногам и едва удерживаемый многими людьми, он издавал странные и страшные звуки, словно скот, лаял, бросался на людей, как зверь, и являл собой для всех неприглядное зрелище. И поскольку его били, как злодея, чтобы он замолчал, то, чем больше его били, чтобы он замолчал, тем больше он, впадая в неистовство, кричал, злым голосом вопия, так что всех охватывал ужас. Затем с Божией помощью он начал затихать, делаться кротким и вскоре прекратил бесноваться и стал здоров и осмыслен, как и прежде.

Потом спрашивали его, почему он тогда так вопил, и он сказал: «Поскольку вы били меня, чтобы я замолчал, они еще больше били меня, говоря, чтобы я кричал. А я не знал, кого из вас слушать, ибо и те и другие немилосердно били меня, и потому я кричал». Видя это чудо, все прославили Бога, Пречистую Его Мать и блаженного Кирилла, говоря: «Воистину дивен Бог во святых Своих!»

После этого в скором времени благочестивая княгиня Михайлова Елена получила избавление от своего недуга и стала здоровой. Увидев это преславное чудо, благочестивый князь Михаил прославил Бога, Его Пречистую Мать и преподобного отца Кирилла. И щедро угостив братию и большую милостыню дав монастырю, ушел оттуда к себе.

Но по прошествии некоторого времени князь Михаил начал болеть. И, болея, — а, как мы уже сказали, он имел большую веру в монастырь Пречистой, Кириллову обитель, — послал он просьбу к игумену того монастыря, Кассиану именем, чтобы тот помолился о нем. Ему послали освященную воду. Принял благочестивый князь Михаил с великой верой воду, принесенную из монастыря блаженного Кирилла, и благодатью Христовой и Его Пречистой Матери от одного только вкушения той воды получил он исцеление и, став здоров, благодарил Бога и Его угодника Кирилла.

А однажды, когда миновало некоторое время, княгиня благочестивого князя Михаила, будучи непраздна и имея в утробе ребенка, поняла, что прежде установленного Богом дня, за шесть недель до рождения, умер ребенок в ее чреве. И когда настало время рождения, мертвый ребенок не мог из чрева матери выйти, и потому княгиня была в тяжелой болезни, не зная, что предпринять, и уже отчаялась остаться в живых и ничего другого, кроме смерти, не ожидала. Благочестивый же князь Михаил, видя, что супруга его так страдает, сокрушался от печали, но не мог ничего поделать и только Бога молил. Бог ведь желает, чтобы все люди спаслись и в разум истинный пришли. Осенило ум князя Михаила, и вспомнил он освященную воду, принесенную из монастыря блаженного Кирилла, благодаря которой Бог его помиловал, и повелел он принести остаток этой воды. И велит он помазать болезненный живот княгини освященной водой. И когда это сделали, вдруг показалось, что дитя живо во чреве матери. И затем родилось мертвое дитя, и княгиня нежданно избавилась от болезни и вместо того, чтобы умереть, сподобилась жить и стала здоровой, хваля и благословляя Бога. Также и благочестивый князь Михаил возрадовался о здоровье своей супруги, увидев, что помиловал ее Бог. Видя ныне ту, о которой незадолго до этого думал, что она вселится в гроб, живой и здоровой, он веселился, воздавая со всеми своими людьми хвалу и величания Богу, Пречистой Богоматери и блаженному отцу Кириллу.

Потому благочестивый князь Михаил великую веру приобрел в Кириллов монастырь Пречистой Богородицы и передал той обители многие села и озера. Не только тогда, но всегда, непрестанно много имений давал он, уподобляясь во всем своему отцу, благородному князю Андрею Дмитриевичу, ибо и тот благочестивый князь Андрей много дал и давал монастырю Пречистой, Кирилловой обители. И если возьмешься это разыскивать, то повсюду найдешь его достопамятные даяния, каковые и поныне всем известны и пребывают в вечную нескончаемую память о нем всем родам.

ЧУДО СВЯТОГО КИРИЛЛА

Да не будет умолчано и о чуде блаженного Кирилла, которое произошло незадолго до того. Сыну некоего купца Иоанна по имени Иван позавидовал бес, и тот сошел с ума, и страшные и нелепые звуки издавал. И что тут много говорить: вообще всякого человеческого смысла был он лишен. Отец же его Иоанн, когда увидел, что сын его попущением Божиим и наветом этого преуспевающего беса сменил благое на худшее, послал того на Белоозеро в монастырь, где лежит блаженный Кирилл. И когда он там оказался, начал он так же беситься

и говорить некие нелепые и гнусные слова не только о людях, но и о Самом Боге и о Его святых.

И пока это происходило, его часто подводили ко гробу Чудотворца, и он сам подходил, а игумен с братией молились о нем. И с трудом после многих дней смог он прийти в чувство, получил исцеление и стал здоров и осмыслен, как и прежде, благодатью самого истинного Господа нашего Иисуса Христа и помощью Владычицы нашей Богородицы и молитвами святого отца Кирилла. И ушел он здоровым к себе домой, воздавая благодарность Богу и святому. Потому и отец его, и мать, и иные многие люди, видя того, кого прежде видели так страдающим и ума лишившимся, а затем здоровым и правильно мыслящим, все единодушно прославляли величие Божие и блаженного отца Кирилла.

Много и других необыкновенных чудес блаженного Кирилла происходило и происходит по сей день, — не только когда он пребывал в этой временной жизни, но и по его преставлении, — одни явно, другие же неявно. Богу же и те и другие известны, но записаны они не были по причине их множества. Только эта некая малая часть жития блаженного оказалась записанной, — чтобы увидели все и поверили, что Господь наш Иисус Христос славящих Его прославляет и желающих утаить здесь свои добрые дела делает за их добродетель повсюду известными и прославленными. Блаженный Кирилл жил ведь только в пустыни, а слава его добродетели повсюду, как на легких крыльях, пролетала, ибо «невозможно укрыться городу, стоящему на вершине горы».

Таково было стремление Кирилла к исправлению, таким было блаженного отца отвержение мира и того, что в мире. Таково житие взыскующих Бога Иаковлева, таков подвиг желающих спастись. Ибо что почетней того, что он стяжал в этой жизни? Назову прежде всего любовь к Богу, затем — чистоту телесную, с которой всякий увидит Господа, бедность одежды, безмерную простоту, любовь ко всем нелицемерную, пост, молитву, воздержание, бдение, веру без сомнений, слезы непрестанные, сокрушение сердца и смирение, ради которого сказано: «Сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит».

Помимо этих происходили и многие другие, из ряда вон выходящие чудеса: лукавых бесов изгнания, от различных недугов избавление, слепых очей прозрения; для лишенных разума святой здравого смысла с Богом податель, противящихся тихий увещеватель, нестяжания учитель, общему житию совершитель. И всем всячески, по апостолу, был, да всех приобретет, да всех спасет, да всех к Богу приведет, да с

дерзновением скажет Владыке своему: «Вот я и дети, которых Ты мне дал». Ибо всех он, как отец, любил, обо всех пекся, обо всем полезном заботился и всех, как свои члены, жалел, душевные струпы всем перевязывал, телесные недуги у всех исцелял, всех от гноя злобы очищая, всем пластырь любви к их ранам прикладывая, всех маслом помилования помазывая. Не было тогда скорбящего или оскорбляемого. Если же кто-нибудь оказывался малодушен или ленив, то он его собой исправлял, собою пример подавал. К тому, кто гневался на него понапрасну, он бывал приветлив, и если кто-то с ним пререкался, он долготерпением и молчанием привлекал того к любви, и по этому можно было узнать, Чей он ученик и Кому подражал, — ясно, что — Сказавшему: «Будьте милостивы, как Отец ваш небесный щедр», — чтобы поняли, на кого очи Господни призирают: «Только на кроткого и смиренного и трепещущего от Моих слов». Господни эти слова, а не мои.

Худший из иноков, не на разум свой надеясь или умение, дерзнул я на то, что выше моей силы, — написать нечто о блаженном, зная свою грубость и неразумие. Лишь поскольку получил я повеление от великого князя Василия Васильевича, самодержца, и Феодосия, митрополита всея Руси, и настоятелем той обители и всей братией во Христе будучи принужден, а также и сильными желанием и любовью к святому охваченный, кое-что, немногое из его жития, я написал, никакого своего мудрствования не имея, но — сколько слышал от рассказывавших мне истину, лишь столько и написал, сколько нужно, чтобы не до конца забыто было такого великого человека житие, не потоплены нерадением в глубине чудеса, которые Бог ради него творил и не перестает творить даже и по сей день.

Чудеса святых подобны ведь некоторым водным источникам, из земли исходящим и землю напояющим: так же силы, исходящие с Божией помощью от святых тел, врачуют телесные недуги людей. Источник, истекая, не только не умаляется, но чем больше вычерпывают из него, тем больше прибывает в нем и его меру восполняет, и никакого не происходит уменьшения в его истечении. Так же всем подаваемые святыми исцеления никогда не оскудевают оттого, что верные ими врачуются. Но врачи часто, давая свои врачебные снадобья, требуют взамен чего-то, чего нет. Святой же — не так: только веру требует он, без которой все бесполезно, о чем и учимы мы: «Вера твоя спасла тебя», и еще: «По вере твоей будет тебе». Ибо вера всех спасает и всех избавляет. Без веры ведь и великий труд безрезультатен.

О всечестной отец, на земле пустынножитель, небесный гражданин, сожитель преподобных, единокровник праведников, смирением высокий, нищетою богатый, нищих кормитель, скорбящих милостивое утешение, слепых поводырь, плачущих радость, обижаемых помощник,

немощных врач, грехами обуреваемых пристанище и скорый всех заступник, ты знаешь нашу немощь, знаешь и то, как лукавый на нас нападает. Мы нуждаемся в твоей помощи и заступничестве, нуждаемся в твоих молитвах, ходатайствах к Богу. Тебя, припадая, молим мы и молить не перестаем: молись о сохранении стада своего, которое многими трудами ты собрал, о людях, которых ты от души полюбил, для которых еще в этой жизни много трудился, чтобы избавить их от сети ловящих бесов, ищущих нашей погибели, и от людей лукавых. Ты ведь знаешь козни против нас лукавого, знаешь ведь нашу леность и уныние, знаешь, как природа наша легко поскальзывается и быстро устремляется ко злу. Потому мы молим тебя: как, когда ты был с нами в этой жизни, много о нас заботился, добиваясь полезного для нас, так и ныне подавай всем просимое для спасения и жизнь вечную. Благочестивым же нашим князьям способствуй бороться с врагами, да и мы в тишине их тихую и немятежную жизнь проживем. И всех, в пречистый храм сегодня приходящих и почитающих славное твое успение, сохрани и соблюди от всяких нападений вражеских невредимыми. Болезни облегчи, волны успокой, скорби прекрати и всех нас помилуй. Приди и стань среди нас невидимо и наши мольбы, через тебя Богу воссылаемые, прими и донеси их до творца и Бога нашего, чтобы мы получили прощение наших грехов в день Суда и вечных благ сподобились о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава, держава, честь и поклонение с безначальным Его Отцом и Пресвятым и благим и животворящим Его Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта повесть — памятник новгородской литературы конца 70-х гг. XV в. В основе произведения лежат местные предания о юродивом Михаиле, подвизавшемся в Клопском Троицком монастыре под Новгородом с 10-х по 50-е гг. XV в. Монастырь занимал особое место среди новгородских монастырей. Возник он поздно (в конце XIV — начале XV в.) и первоначально земельных владений не имел, что вело к столкновению монастыря с новгородскими боярами-землевладельцами в Шелонской пятине, на территории которой монастырь был расположен. Это определяло антибоярскую позицию монастыря, его связь с демократическими слоями новгородского населения. Характерно, что игумен монастыря Феодосий во время выступления народных масс Новгорода против бояр в 1421 г. был избран архиепископом Новгорода (через два года он был отстранен от архиепископства боярами). Антибоярская позиция монастыря особенно ярко проявилась во время

борьбы в 70-х гг. Москвы с Новгородом: монастырь выступал сторонником подчинения Новгорода великому князю московскому. Антибоярская направленность, промосковская ориентация отличают и «Житие Михаила Клопского»: в памятнике оправдываются все действия московского князя, направленные против новгородских бояр, резко осуждаются действия крамольников, восстающих против великого князя московского. В этом отношении «Житие Михаила Клопского» следует расценивать как одно из ярких проявлений идеологической борьбы конца 70-х гг. XV в. Не случайно «Повесть о житии» создается именно в эти годы как цельное произведение и в него включается рассказ о пророчестве святым событий 1470-х гг., т. е. тех событий, свидетелем которых Михаил уже не был, так как умер по крайней мере за двадцать лет до них. Популярный среди новгородских демократических слоев юродивый Михаил Клопский выступал в эпизодах жития обличителем бояр, поборником подчинения Новгорода Москве, гневно осуждал тех, кто поддерживал сепаратистские устремления новгородской боярской верхушки. Примечательно, что после присоединения Новгорода к Москве, когда земельные владения многих новгородских монастырей были конфискованы московским великим князем, Клопскому монастырю были пожалованы земельные наделы.

«Повесть о житии Михаила Клопского» — не столько житие святого, сколько собранные воедино краткие, увлекательные рассказы о достопримечательных случаях из его жизни. Динамичность, занимательность повествования усиливаются ярким, сочным языком, который и по строю своему, и по лексике близок к живой разговорной речи новгородцев той поры. В своем первоначальном виде «Житие», созданное в стенах Клопского монастыря, не соответствовало церковно-служебному, назидательному назначению житийного жанра. Поэтому уже вскоре после написания первой редакции «Жития», в 90-х гг. XV в., создается вторая редакция произведения, автор которой стремится придать этому памятнику более отвечаюший житийному канону вид. В этой редакции появляются цитаты из книг Священного писания, приводятся молитвы святого, язык произведения принимает более книжный характер. В 1537 г. боярским сыном Василием Михайловичем Тучковым создается третья редакция «Жития Михаила Клопского», уже полностью отвечающая всем требованиям житийного жанра. Живость и непосредственность языка первой редакции здесь полностью исчезают.

Первая редакция «Жития Михаила Клопского» дошла до нас в двух вариантах — А и Б. В варианте А есть несколько эпизодов, отсутствующих в варианте Б; в свою очередь в варианте Б есть эпизоды, которых нет в варианте А. Во второй редакции памятника имеются все эпизоды, вошедшие в варианты первой редакции. Поэтому у нас есть основание утверждать, что в первоначальном тексте первой редакции произведения имелись все эпизоды, а варианты А и Б первой редакции отражают уже более поздний этап литературной истории произведения. Мы публикуем текст «Повести о житии Михаила Клопского» по списку варианта А первой редакции — РГБ, собр. Волоколамское, № 659, первая половина XVI в. (л. 344—351 об.). В этом списке, в отличие от всех остальных списков варианта А, после

посмертного чуда Михаила (с купцом Михаилом Марковым) присоединены эпизоды, отсутствующие в других списках этого варианта и имеющиеся в варианте Б. Научное издание всех текстов «Повести о житии Михаила Клопского» см. в кн.: Повести о житии Михаила Клопского. Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. Издание реконструкции первоначального вида произведения см.: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 414—430 (реконструкция Л. А. Дмитриева).

ОРИГИНАЛ

Прихожение Михайлово. Чюдо 1-е, иже уродиваго Христа ради, еже есть на Клопско на Веряжи.

Прихожение Михайла, уродивого Христа ради, къ святѣй Троицѣ[1] на Клопско при Феодосии, нареченнѣмъ на владычество.[2]

Чюдо 1. А пришолъ канунъ дни честнаго Рожества Иоанна[3] в нощъ. И попъ Макарий, покадивъ церковь на 9-й пѣсни, да пошелъ в келью, ажь келья отомчена. Войде в келью, ажь старець сѣдитъ на стулѣ, а пред ним свѣща горитъ, а пише сѣдя Дѣаниа, святаго апостола Павла и плавание.[4] И попъ, уполошився, да пошолъ въ церковь да сказалъ Феодосию игумену и чернцамъ.

И игуменъ, вземъ кресть и кадило, и прииде х кельи и с чернцы, ажь сѣнцы заперты. И онъ посмотрѣлъ в окно в кѣлью, ажь старець сѣдя пише. И игуменъ сътвори молитву: «Господи Исусе Христе, сыне Божий, помилуй нас, грѣшных!» И онъ противъ сътворилъ молитву. И игуменъ трижды сътворилъ молитву, и он противъ игумена тако же 3-жды сътворилъ молитву.

И Феодосий молви ему: «Кто еси ты, человекъ ли еси или бѣсъ? Что тебѣ имя?» И онъ ему отвѣщаетъ тѣ же рѣчи: «Человекъ ли еси или бѣс? Что тебѣ имя?» И Феодосий спросить его второе и третьее. А онъ противъ 3-жды тѣ же рѣчи отвѣщаетъ.

И повелѣ Феодосий игуменъ у сѣнець верхъ содрати, а у кѣльи двери выломити. И вшед в кѣлью игуменъ да почалъ по кѣльи темьаном кадить да и старца кадить учялъ. И онъ от темьяна закрывается, а крестомъ знаменается. И игуменъ еще въспроси его Феодосий: «Какъ къ

нам пришелъ? Откуду еси? Что еси за человекъ? что ти имя твое?» И старець ему отвѣща тѣ же рѣчи: «Какъ еси к нам пришолъ? Откуду еси? Что твое имя?» И не могли ся у него допытати ту имени.

И Феодосий млъви старцам таково слово: «Не бойтеся, старци, Богъ намъ послалъ сего старца».

И потомъ позвонили обѣднюю и попъ Макариа къ церкви. И начали обѣднюю пѣть. И гдѣ пришло пѣть «Единородный»,[5] ажь старець иде въ церковь и онъ *почал* пѣть «Единородный», и «Блажено», и Апостолъ, и все обеденное пѣтье пѣл и до конца. И попъ, отпѣвъ обѣднюю, да Феодосию далъ проскуру,[6] и Феодосий далъ старцу, да молвитъ: «Пойди к намъ въ трапезу хлѣба ясть!» И онъ с нимъ в трапезу. И отъѣдши хлѣба, да Феодосий рече ему: «Буди у насъ, старче, живи с нами». Да самъ Феодосий ввелъ его в келию.

Чюдо 2-е, о разбойникѣх.[7] По малѣ по томъ времени вышелъ Феодосий игуменъ и старци из церкви от обѣдней, отпѣвъ обѣднюю, ажь явилися три мужи у церкви. И Феодосий игуменъ подастъ им проскуру, *ино два взяли проскуру*, а одинъ не взялъ. И рече старець Феодосию: «Зови их хлѣба ясть, занеже издалеча пришли».

Да сѣли за трапезою, да не ядять. И спроси их старець: «О чомъ, дѣтки, не ядите?» И оны ркуть: «Есть, господине, у нас товарищи». И онъ одного послалъ: «Позови товарищовъ». И онъ шед да позвалъ их. Ажь идутъ 12 человѣкъ со оружьемъ к тѣмъ трема. И понуди их старець хлѣба ясть, — ани не хотятъ хлѣба ясть. *Инии хлеба вкусиша*, а одинъ, старѣйшина от них, ни хлѣба не вкушал и нача сердцемъ стонати. И котории хлѣбъ яша, тии пошли прочь, а два от них разболѣлися. И единому прерѣкоша: «*Постригися* — здравъ будеши!», а другому рече: «Иди, молви своимъ другомъ: по ся мѣста не украдите, не разбиете, останите грѣховъ своих». А товарища ихъ постригоша и даша имя ему Дорофѣй.

Чюдо 3-е о Михайлѣ. Како позналъ князь Костянтинъ его.[8] По томъ времени приѣхал князь Костянтинъ Дмитреевичь съ княгинею своею причаститися и манастыря кормити на Преображение Господне.[9] И заставили его Книгу честь *Иева праведнаго*[10] *за обедом*. И князь, услышавъ голосъ его, да посмотрѣ въ очи и позна его. Да молви ему: «А се Михайло, Максимовъ сынъ». И онъ противъ молви князю: «Богъ знаетъ!» И Феодосий игуменъ ему молвит: «Чему, сынко, имени

своего намъ не скажешъ?» И онъ противъ молвит: «Бог знаетъ!» И с тѣх мѣстъ сказалъ свое имя — Михайло. И почали его звать Михайломъ.

И князь молвитъ игумену и старцамъ: «Поберегите его — намъ человекъ той своитинъ!»[11] И с тѣх мѣстъ почалъ беречи его игуменъ и братья.

Чюдо о кладязѣ. И тогды у Веряжи вся вода высохла. Пойде понамарь по водицу къ церкви, ажь Михайла пише на пѣску: «Чашю спасениа прииму, имя Господне призову. Ту будет кладяз неисчерпаемый». И какъ обѣднюю отпѣли и понамарь сказал игумену. И пойде игуменъ и Михайло на берегъ, и позри игуменъ, ажь писано на пѣску. И спроси игуменъ у Михайла: «Что, Михайло, писано на пѣску?» И Михайло глаголеть: «Чашу спасениа прииму, имя Господне призову. Ту будеть кладязь неисчерпаемый». И сътвори игуменъ и Михайло молитву. И покопа мало, и пойде вода опругомъ. И явися кладязь неисчерпаемый и до сего дни.

По времени же не малѣ прииде князь Костянтинъ Дмитреевичь[12] в монастырь къ Троицѣ святой на Клопско благословится у игумена Феодосиа и у Михайла ѣхать на Москву. И молвит князь таково слово: «Зовуть мя братья». И Михайла рече ему: «На Москву будешь у своей братьи. А устрой нынечя в домъ церковь каменную Святую Троицу при собѣ, а Богъ тебѣ, чядо, устроить на небесѣхъ каменыа полаты невидимо».

И рече князь Феодосию и Михайлу: «Ест ли у вас таковы мастеры?» И Феодосий рече ему: «Есть, княже». И посла игуменъ по мастеровъ, по Олександра, и по Ивана, и по Олисѣа. И рече князь мастерамъ: «Можете ли ми сего лѣта устроити церковь камену?» И рекоша мастеры: «Можемъ, господине, а в ту церковь святого Николу, что на Ляткѣ».[13]

И урядися князь с мастеры: и даст имъ задатка 30 рублевъ, а после имъ взяти 100 рублевъ да по однорядки.[14] И хлѣбъ им ясти в трапезѣ оприщно наймитовъ.

И заложиша церков на царя Костянтинов день.[15] И, свершиша церковь до раменъ, *и не сташа камени*. Нѣгде чего добыти стало — погодьее велико двѣ недели. И мастеры хотѣли прочь побѣжать. И князь

почалъ скорбѣти, что церковь не свѣршена — занеже ему на Москву ѣхать. И Михайло князю молвить: «Княже, не скорби! Богъ дастъ во утрѣ тишину». И бысть в утрѣ тишина. И послалъ по камение в лодьях. Ино имъ повѣтерие с каменьемъ и сѣм, и там. А свершиша Святую Троицу на Дмитреевъ день.[16]

И князь хоче к Москвѣ, и Михайло рече ему: «Жди до пути — будут по тебе, княже, честныи люди. А ты, княже, не забуди своего манастыря и нас, нищих. А мы, доколѣ свѣтъ стоит, а за тебе Бога молимъ». А поѣхалъ князь на Москву к братьи, и приняли его с честью.

А в то время немоглъ владыка Иванъ 3 года,[17] и взяша мужа честна у святого Спаса на Хутынѣ на владычество — Семиона.[18] И сведоша его *на сени*, и бысть три года не поставленъ, и постави его митрополитъ, и бысть три года, и потомъ сведоша его. И сведоша на сѣни Феодосиа, мужа честна, по прореченœю Михайлову и по жребию на владычьство. И поживъ на владычьствѣ три года, и потомъ сведоша его с сѣней, и бояри послаша его в монастырь. И поживе в манастырѣ два годы при Еуфимии:[19] и послѣ Феодосиа введоша мужа честна на сѣни Омельяна, нареченаго на владычьство Еуфимья.

Бысть налога на монастырѣ от посадника Григориа Кириловича.[20] Приде Григорей в манастырь на Великъ день[21] къ церкви, к обѣдней, Святѣй Троици. И игуменъ, отпѣвъ обѣднюю, да вышелъ из церкви. И посадникъ удръжа игумена и чернцовъ на манастырѣ. И рече посадникъ игумену таково слово: «Не пускай ни коней, ни коровъ на жары[22] — то земля моя. Ни по рѣки по Веряжи, ни по болотомъ, ни под дворомъ моимъ не ловити. А почнете ловити, и язъ ловцамъ вашим велю ноги и руки перебити».

И Михаилъ рече посаднику: «Будеши без рукъ и без ногъ, мало в водѣ не утонеши!»

И посла игуменъ и Михайло ловцевъ на рѣку ловити и на болота. И вышелъ посадникъ, ажь ловци тоню волокут. И онъ пошол к ним, к рѣки, да и в рѣку за ними сам сугнавъ, да ударилъ рукою, да хотѣлъ другой ряд, такъ мимо ударилъ да палъ в воду, мало не утонулъ. Люди подняли его, пришедъ, да повели его, ано у его ни рукъ, ни ногъ, по пророчьству Михайлову.

И привезли его в манастырь порану. И Михайло не велѣл на манастырь пускати, ни кануна[23] приимати, ни свѣщи, ни проскуры. И они поѣхали проч з грозбою: «Мы ся пожалуемъ владыцѣ да Великому Новугороду, что вы за посадника не хотите молебну пѣть да канону и проскуръ не приимаете». И пошли къ владыцѣ жаловатися и к Новугороду Яковъ Ондрѣановъ сынъ, Феофилат Захарьинъ сынъ, Иванъ Василъев.[24] И владыка послалъ своего протопопу да протодиакона к Михайлу и къ игумену: «Пойте за посадника молебенъ да обѣднюю». И Михайла рече протопопу и протодиакону: «Молимъ Бога о всем миру, не токмо о Григорьи. Поѣздишь по манастыремъ, попросишь у Бога милости!»

И поѣхал посадникъ по манастыремъ да почалъ давати милостыню, и по всѣмъ городцким манастырем ѣздилъ год да полтора месяца и нигдѣ себѣ милости не обрѣлъ от Бога, ни в коемъ монастыри. Приѣхавъ, послалъ ко владыцѣ: «Не обрѣлъ есми в монастырех собѣ помощи». И владыка рече ему: «Поѣдь нынеча в монастырь Святыа Троици да проси милости у Святыа Троици да у старца у Михайла».

И посла владыка своих поповъ да и посадника. И приѣхавъ да велѣлъ молебенъ пѣти да обѣднюю. Да внесли посадника на коврѣ в церковь и перекреститися не может. И начаша молебенъ пѣти Святыа Троици. И дойде до конца, и онъ почалъ рукою двигати, а годъ весь да полтора месяца ни рукою, ни ногою не двигивалъ. И пошли съ Евангелием на выход, и он прекрестился да сѣлъ. И дойде до переноса,[25] и он сталъ на ноги и стоялъ до скончания.

И, отпѣвъ обѣднюю, пошли в трапезу и поставя обѣд. И посадникъ рече: «Святаа братья, хлѣбъ, осподо, да соль!» И Михайла противъ того: «Еже уготова Богъ его любящимъ и заповѣди его хранящим, а зачинающимъ рать Богъ его погубить!»

И бысть от Михайла наученъ Посахне посадникъ, и бысть с тѣх мѣстъ добръ до Михайла и до манастыря.

Хватя старцы Михайла на Святой недѣли,[26] аже его в манастырѣ нѣт. И явися в городе у Святыа Софѣя в притвори.[27] И позна его Посахне Григорей Кириловичь. По заутренѣй да молвит: «Михаилъ, яжь хлѣба с нами в одномъ мѣстѣ». И онъ молвит: «Богъ знаетъ!» И пристави к нему человека. И хватя, ажь Михайла ни бывало. И пойде попъ ис церкви на Клопскѣ, ажь Михайла стоить в притворѣ у церкви. И мало хлѣба

отъѣли, аже Посахне человека прислалъ смотрѣти Михайла — есть ли в манастырѣ, ажь в манастырѣ.

Бысть брань о землѣ Олферью Ивановичу с Ываном с Семеновичемъ с Лошиньскимъ.[28] И прорече Михайло Олферью Ивановичу: «Будеши без рукъ и без ногъ и нѣмъ!» И пришедши Олферий к церкви Святѣй Богородици в Курецко[29] и молви: «Брате Иване, то земля моя!» Да по руки ударилъ, да рукавицею ударилъ в землю. Да по рукавицу наклонился, и уя у него рука и нога, и языкъ проч отнялся и не говоритъ.

В та же лѣта възвели владику Еуфимиа Другаго[30] на сѣни. И поживѣ 3 года нареченымъ, *а не поставленым*. И приѣде владыка на Клопско кормить манастыря. И сѣдячи владыка за столом да молвит: «Михайлушко, моли Бога о мнѣ, чтобы было свершение от князя великого!» И у владыкы в руках ширинка. И онъ ширинку дергъ из рукъ вонъ у владыкы да на главу владыкы: «Доѣдешъ в Смоленско, и поставят тя владыкою». И ѣздилъ владыка в Смоленско и сталъ владыкою. И приѣхавъ владыка опять к Михайлу, и рече Михайлу: «Богъ мене свершилъ и митрополитъ и зовуть мя на Москву». И Михайло рече владыкѣ: «На Москву тебѣ ехати и добиешь челомъ князю великому и митрополиту». И приѣхалъ владыка къ князю и добилъ челомъ митрополиту, по пророчеству Михайлову.

Приѣхалъ тогды князь Дмитрей Юрьевич[31] в Новъгород и приѣхалъ на Клопско у Михайла благословится. И рече: «Михайлушко, бѣгаю своей отчинѣ — збили мя с великого княженья!» И Михайла рече: «Всякая власть дается от Бога!» И князь вопроси: «Михайлушко, моли Бога, чтобы досягнути мнѣ своей отчинѣ — великого княжениа». И Михайла рече ему: «Княже, досягнеши трилакотнаго гроба!» И князь, того не рядячи, да поѣхалъ досягати великого княжениа. И Михайла рече: «Всуе тружаешися, княже, чего Богъ не дастъ». И не бысть Божия пособья князю.

И в то время спросили у Михайла: «Пособил Бог князю Дмитрею?» И Михайла рече: «Заблудили наши!» И они записали тотъ день. Аже так ся и было. И опять прибѣглъ в Великий Новъгород. И приѣхалъ опять князь на Клопско манастыря кормить и у Михайла благословится. Накормилъ и напоил старцовъ, и Михайлу далъ, с себе снемъ, шубу. И проводить почяли князя с манастыря, и Михайла за голову князя погладит да молвитъ: «Княже, земля вопиет!» И трижды молвитъ. Аже князь канунъ Ильина дни преставился.[32]

Погибе из манастыря олень, и Михайла с нимъ. И пребысть Михайло и олень 3 недѣли невѣдомо гдѣ. И преставися Феодосий канунъ Покрова дни.[33] И послаша ко владыкѣ Еуфимью проводить Феодосиа, и онъ не поѣхалъ. И три дни лѣжал не похороненъ. И люди добрыи скопяся из города, игумены честныи и попы и понесъ Феодосиа ко гробу хоронити; посмотря, аже иде Михаилъ, а олень за нимъ, а не привязанъ ничѣмъ: только у Михайла мошку въ руках, а онъ за мошком идет. И положиша Феодосиа въ гробѣ, и положиша честно его.

Разболися Михайло месяца декабря на Савинъ день,[34] ходя к церкви. А стоялъ на правой сторонѣ у церкви въ дворѣ, противъ Феодосиева гроба. И почалъ кто говорить ему игуменъ и старцы: «Чему, Михайло, не стоишъ въ церкви, а стоишъ на дворѣ?» И онъ им промолви: «Ту язъ хощю полежати!»

И до преставления его житья в монастырѣ 50 лѣтъ да 6 месяць. А не требовалъ ни постели, ничего, а келъю топиль наземомъ да коневым калом, а самъ на писку лежалъ.

А дары взялъ на Феодосиевъ день[35] на своихъ ногах и да взял с собою кандило и темъянъ, да пошел в келъю. И послал к нему игуменъ питъ и ѣсть от трапезы. И они пришли, ажно заперто. И они отперли, ажь темьанъ ся куритъ, а его в животи нѣть.

И почали искати мѣста, где его положити — земля меръзла. И спомянуша черньцы и игуменъ испытати того мѣста, где самь стоялъ Михайла. И онѣ того мѣста досмотрѣша, ажь земля тала. И они ту его погребоша честно.

Нѣхто христолюбивый купец, Михайло Марковъ, имѣя любовъ ко святому старцу Михайлу. Идущю ему торговати за море, и бывшю ему за моремъ год и возъвращуся ему взадъ, идущю по морю, и бысть буря велия, валы великы, и бьющуся кораблю о дно моря, и бысть бѣда велия. Нача купець плакати и призывати Бога на помощь и угодника его Михайла. Рече же купець Михайлу: «Гоподине Михайло, былъ еси мнѣ помощникъ при животи, нынѣ о мнѣ грѣшнем Богу помолися!» И явися купцу Михайла в той час на морѣ, а дръжи корабль за нос и невидим бысть. И бысть тишина велия. Избавльшуся кораблю от потопа.

И пришедшю купцю в домъ свой, прославиша Бога и угодника его Михайла. И обрекъся память творити до своего живота. И бысть тако.

Иное проречение — Микифору попу.[36] Панагѣю[37] украл, и онъ молвить, Михайло, Микифору попу: «Будеши похапъ!» И с техъ мѣстъ у попа ни ума и ни памети. И повелѣ Михайло горнъ раскопати, ажь панагѣя в горну.

Инное. Бысть налога на манастыръ от Еуфимия владыкы от Пръваго: захотѣлъ куны взяти. И взяша конъ воронъ изъ манастыря. И Михайло владыцѣ рече: «Мало поживеши, останется все!» И с тѣхъ мъсть разболися владыка и преставилъся.

Приѣхал посадникъ Иванъ Васильевич Немиръ[38] на манастыръ, а Михайла по манастырю ходит. И Михайло спросил посадника: «Что ѣздѣши?» И посадникь отвѣща ему: «Быль есмь у пратещи своей, у Ефросеньи, да приѣхалъ есмъ у тебя благословится». И Михайло рече ему: «Что твоя, чадо, за дума — ѣздишь думаешь ж жонъками?»[39] И посадникъ рече ему: «Будет у насъ князь велики на лѣто да хочет воевать землю, а у нас есть князь — Михайло Литовъской».[40]

И отвѣща ему Михайло: «То у вас не князь — грязь! Разошлите послы к великому князю, добивайте челом. И не уймете князя, будеть с силами к Новугороду, и не будеть вамъ Божия пособия. Станет князь великий в Бурегах и роспустить силу свою на Шолонѣ,[41] и попленить новгородцевъ многых: иных на Москву сведеть, а иных присѣчет, а иных на окупъ даст. И Михайло князь о вас не станет, помочи от него не буде. И послати вамъ преподобнаго отца владыку да посадникы,[42] да добивать челом ему, челобитье примать да и куны изъемлеть. Да по малѣ времени князь великый опять будетъ, да город возметь, да всю свою волю учинитъ, да Богъ дасть ему».

И събысся тако.

Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и въ вѣкы. Аминь.

[1] *...на Клопско, на Веряжи... къ святѣй Троицѣ...* — Клопский Троицкий монастырь основан в конце XIV — самом начале XV в., в двадцати км южнее Новгорода, на правом берегу реки Веряжи.

[2] *...при Феодосии, нареченнѣмъ на владычество.* — Игумен монастыря Феодосий, при котором Михаил пришел в монастырь, в 1421 г. был избран новгородским архиепископом, через два года отстранен от архиепископства новгородскими боярами, после чего снова вернулся в монастырь.

[3] *...канунъ дни честнаго Рожества Иоанна...* — Рождество Иоанна Предтечи, Иванов день, день Ивана Купалы праздновался 24 июня. По народным поверьям в ночь накануне Ивана Купалы цветет папоротник и совершаются всевозможные чудеса.

[4] *...Дѣаниа, сеятаго апостола Павла и плавание.* — Имеется в виду 27-я и 28-я главы Деяний святых апостолов. В них рассказывается о плавании Павла из Кесарии в Италию на суд в Рим к кесарю.

[5] *И гдѣ пришло пѣть «Единородный»...* — Имеется в виду церковное песнопение «Единородный сыне», совершаемое в начальной части литургии.

[6] *...далъ проскуру...* — Просфора (просвира), от греч. proujora — приношение. Круглый пшеничный хлебец особой выпечки с изображением наверху креста и слов, обозначающих победу Христа — іис:хс:ні:ка. В обряде причащения — приобщения верующих к Христу, которым завершалась литургия, — просфора играла важнейшую роль, символизируя собой тело Христа. Давая просфору незнакомому пришельцу в монастырь, игумен не только подтверждает этим свои слова, что «Богъ намъ посдалъ сего старца», но и приобщает тем самым Михаила к братии монастыря.

[7] *Чюдо 2-е, о разбойникѣх.* — В варианте *Б* первой редакции «Жития» чудо о разбойниках изложено с большими подробностями. Здесь сообщается, что до прихода разбойников Михаил говорит игумену: «Будут у нас гости». Когда «гости» приходят в монастырь (при этом сообщается, что они пришли «в доспесех со оружьи и з сулицами»), то Михаил говорит им: «Не збудетца ваше — почто есте пришли!», т. е. подразумевается намерение разбойников ограбить монастырь.

[8] *Чюдо 3-е о Михаилѣ. Како позналъ князь Костянтинъ его.* — Константин Дмитриевич, младший сын Дмитрия Донского, родившийся в 1389 г. за четыре дня до смерти отца; князь углицкий. Бывал в Новгороде неоднократно. В данном эпизоде имеется в виду пребывание князя Константина в Новгороде в 1413 г. (см.: *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского. — Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979, с. 52—61).

[9] *Преображение Господне.* — По евангельской легенде, перед Петром, Иаковом и Иоанном произошло изменение облика Иисуса Христа — «и просияло лицо его как солнце, одежды же его сделались белыми как свет» (Мф. 17, 2). Этот праздник отмечается церковью 6 августа по ст. ст.

[10] *...Книгу честь Иева праведнаго...* — Читать библейскую Книгу Иова. В этой Книге рассказывается о неколебимой вере Иова и его преданности Богу, несмотря на все испытания, которым он подвергся.

[11] *...намъ человекъ той своитинъ.* — В. Л. Янин (см. указ. выше его статью), исследуя вопрос о происхождении Михаила Клопского, пришел к убедительному заключению, что он был сыном героя Куликовской битвы 1380 г. Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка, воеводы великого князя московского, и Анны Ивановны, дочери великого князя Ивана Красного, сестры Дмитрия Донского.

[12] *По времени же не малѣ прииде князь Костянтинъ Дмитреевичь...* — В этом эпизоде имеется в виду пребывание Константина в Новгороде в 1419—1420 гг., когда он приехал туда из-за ссоры с братом, великим князем московским Василием Дмитриевичем. В самом начале 1421 г. Константин был уже в Москве, так как между братьями произошло примирение.

[13] *...а в ту церковь святого Николу, что на Ляткѣ.* — Николо-Лятский монастырь в окрестностях Новгорода, основан в XIV в., в XVIII в. упразднен.

[14] *Однорядка* — долгополый однобортный кафтан без ворота.

[15] *...на царя Костянтинов день.* — 21 мая.

[16] *А свершиша Святую Троицу на Дмитреевъ день.* — Вероятнее всего, 26 октября — день памяти святого Дмитрия Солунского. По летописным данным, каменная церковь в Клопском Троицком монастыре была построена как раз во время пребывания в Новгороде Константина Дмитриевича. Правда, в летописи сообщается, что она была сооружена за шестьдесят дней. Следует отметить, что в варианте Б первой редакции «Жития» названы иные дата и сроки постройки церкви и весь рассказ изобилует целым рядом подробностей.

[17] *...немоглъ владыка Иванъ 3 года...* — Новгородский архиепископ Иоанн II (с 1389 г.) в 1415 г. по болезни оставил архиепископскую кафедру, ум. в 1417 г.

[18] *...и взяша мужа честна у святого Спаса на Хутынѣ на владычество — Семиона.* — Спасо-Хутынский монастырь к северу от Новгорода на Волхове. Симеон был архиепископом новгородским с 1415 по 1421 г.

[19] *...при Еуфимии...* — Евфимий I Брадатый был новгородским архиепископом с 1423 по 1429 г., до избрания на архиепископство — инок Емельян Деревяницкого Воскресенского монастыря.

[20] *...от посадника Григориа Кириловича.* — Новгородский посадник Григорий Кириллович Посахно, крупный землевладелец, играл большую роль в политической жизни Новгорода в 30-х гг. XV в.

[21] *Великъ день* — пасхальное воскресение.

[22] *...на жары.* — Жар — пожня на болоте.

[23] *...ни кануна...* — Канун — ритуальное кушанье, приготовленное для поминок.

[24] *Яковъ Ондрѣановъ сынъ, Феофилат Захарьинъ сынъ, Иванъ Василъев.* — Имена новгородских бояр Феофилата Захарьина и Ивана Васильева известны и по документальным источникам.

[25] *И пошли съ Евангелием на выход... И дойде до переноса...* — Здесь имеются в виду различные части литургии. «Малый вход», совершаемый во второй части литургии («литургия оглашенных»), когда выносят из алтаря Евангелие. Перенос, иначе называемый «великий вход», — перенос священником святых даров с жертвенника на престол, совершаемый в начале третьей части литургии («литургия верных»).

[26] *...на Святой недѣли...* — Пасхальная неделя.

[27] *Притвор* — передняя часть церкви, следующая сразу после паперти (паперть — закрытая площадка перед входом в церковь).

[28] *...Олферью Иеановичу с Ываном с Семеновичемъ с Лошиньскимъ.* — Имена новгородских бояр-землевладельцев, известные и по документальным источникам.

[29] *Курецко* — погост вблизи Клопского монастыря.

[30] *...възвели владику Еуфимиа Другаго...* — Евфимий II Вяжицкий был архиепископом Новгорода с 1429 по 1459 г. До избрания в архиепископы был священноиноком в монастыре на Лисьей (Лисичей) горе в окрестностях Новгорода.

[31] *Приѣхалъ тогды князь Дмитрей Юрьевич...* — Имеется в виду бегство Дмитрия Юрьевича Шемяки в Новгород в 1450 г., после поражения в Угличе в борьбе с великим князем московским Василием Васильевичем Темным. В 1452 г. Шемяка предпринял новую попытку пойти на Василия Темного с целью захватить московский великокняжеский стол, потерпел поражение и снова бежал в Новгород, где умер в 1453 г.

[32] *...канунъ Ильина дни преставился.* — 19 июля (20 июля день Ильи-пророка). Некоторые летописи сообщают, что Дмитрий Шемяка был отравлен.

[33] *...канунъ Покрова дни.* — 30 сентября (день Покрова Богородицы — 1 октября).

[34] *...на Савинъ день...* — 5 декабря, день памяти Саввы Освященного.

[35] *А дары взялъ на Феодосиевъ день...* — Т. е. причастился (принял причастие); день памяти Феодосия Великого 11 января.

[36] *Иное прорецение — Микифору попу.* — Последние три пророчества Михаила, начиная с этого, в варианте *Б* первой редакции «Жития» идут в тексте до рассказа о смерти Михаила.

[37] *Панагия* — в монастырях так назывался особый ящичек (ковчежец), в котором переносилась часть от просфоры из церкви в трапезу. Так же называлась круглая или овальная небольшая икона, обычно украшенная драгоценностями, которую носили на груди архиереи и архимандриты некоторых ставропигиальных монастырей как знак их сана.

[38] *...Иванъ Васильевич Немиръ...* — При жизни Михаила Клопского в Новгороде было два посадника с именем Иван Васильевич. Имя Немира — Иван Афанасьевич. Он был избран на посадничество до 1459 г., в 1476 г. схвачен и увезен в Москву (см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962). Таким образом, именно Немир должен был принимать участие в событиях, которым посвящен данный эпизод «Жития», но Михаила Клопского в это время уже не было в живых. Здесь имеются в виду события 70-х гг. XV в., когда происходили походы на Новгород 1471, 1476 и 1478 гг. великого князя московского Ивана III Васильевича. После этих походов оппозиция новгородских бояр властями Москвы была разгромлена и Новгород был окончательно подчинен Москве. Данный эпизод «Жития» имеет важное значение для датировки памятника. В нем ничего не говорится о том, что новгородский владыка схвачен и отослан в заточение в Москву, что произошло в 1480 г. Вместе с тем завершающая фраза этого эпизода «Да по малѣ времени князь великый опять будетъ, да город возметь, да всю свою волю учинитъ» имеет в виду события 1478 г. Таким образом, «Житие» было написано между 1478—1480 гг.

[39] *«Что твоя, чадо, за дума — ѣздишь думаешь ж жонъками?»* — Хотя в эпизоде названа «пратеща» Немира, в виду, вероятнее всего, имелась Марфа Борецкая — вдова новгородского посадника Исаака Андреевича Борецкого, возглавлявшая вместе с сыновьями враждебную Москве партию новгородских бояр.

[40] *...Михайло Литовъской.* — Имеется в виду Михаил Олелькович, правнук великого князя литовского Ольгерда; он с конца 1470 г. находился в Новгороде. Согласно московской летописи, боярская группировка Марфы Борецкой вела переговоры с литовским великим князем Казимиром IV о подданстве Новгорода Литве и рассчитывала, что Михаил Олелькович возглавит борьбу Новгорода с Москвой.

[41] *Станет князь великий в Бурегах и роспустить силу свою на Шолонѣ...* — На реке Шелоне (Шелонь расположена на юг от Новгорода, течет с юго-запада на северо-восток и впадает в озеро Ильмень) произошло решительное столкновение сил великого князя московского с новгородцами во время похода 1471 г.

[42] *И послати вамъ преподобнаго отца владыку да посадникы...* — Имеется в виду посольство из Новгорода в Москву в марте 1476 г., когда новгородский архиепископ Феофил и посадники ездили в Москву с челобитьем об освобождении бояр, схваченных великим князем московским во время его похода «миром» в Новгород в 1475/76 г.

ПЕРЕВОД

Явление Михаилы. Чудо первое юродивого Христа ради из Клопска, что на реке Веряже.

Приход Михаилы, юродивого Христа ради, в монастырь святой Троицы на Клопске при Феодосии, избранном на владычество.

Чудо первое. А пришел ночью, в канун Иванова дня. Поп Макарий, покадив церковь на девятой песне, пошел в келью, а она открыта. Вошел поп в келью, а там сидит на стуле старец, а перед ним свеча горит, и переписывает он Деяния, святого апостола Павла плавание. И поп, переполошившись, вернулся в церковь да рассказал об этом Феодосию-игумену и чернецам.

И игумен, взяв крест и кадило, пришел с чернецами к келье, а сенцы в келью уже заперты. И посмотрел игумен в окно в келию, а там сидит старец и пишет. Тогда игумен сотворил молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас, грешных!» И старец в ответ тоже сотворил молитву. И игумен трижды творил эту молитву, и он в ответ игумену тоже трижды творил эту молитву.

И Феодосии говорит ему: «Кто ты есть — человек ли или бес? Как твое имя?» А он ему отвечает теми же словами: «Человек ли ты или бес? Как твое имя?» И Феодосии спросил его во второй и третий раз. А он в ответ трижды повторил те же слова.

И повелел игумен Феодосии в сенцах крышу содрать, а в келье дверь выломать. И, войдя в келью, начал игумен келью фимиамом кадить и

старца стал кадить. И тот от фимиама прикрывается, а сам осеняет себя крестным знамением. И еще спросил его игумен Феодосии: «Как ты пришел к нам? Откуда ты? Что ты за человек? Как имя твое?» И старец отвечал ему теми же словами: «Как ты к нам пришел? Откуда ты? Как имя твое?» И не могли допытаться у него о его имени.

И Феодосии молвил старцам такие слова: «Не бойтесь, старцы, Бог нам послал этого старца».

И потом позвонили к обедне, и поп Макарий пошел в церковь. И начали служить обедню. И когда пришло время петь «Единородный», то старец вошел в церковь и тоже начал петь «Единородный», пропел и «Блаженны», и Апостол, и всю обеденную службу пропел до конца. И поп, отслужив обедню, дал Феодосию просвиру, а Феодосии дал ее старцу и молвил: «Иди к нам в трапезную хлеб есть!» И он со всеми пошел в трапезную. И когда поели, то Феодосии, говорит ему: «Оставайся у нас, старец, живи с нами». И сам Феодосии ввел его в келью.

Чудо второе, о разбойниках. Спустя немного времени как-то Феодосий-игумен и старец, после того как окончилась обедня, вышли с обедни из церкви, а у церкви стоят трое неизвестных. И Феодосий-игумен дал им просвиру, и двое из них взяли просвиру, а один не взял. И старец говорит Феодосию: «Зови их хлеб есть, ведь они издалека пришли».

Сели в трапезной за стол, да не едят. Тогда спрашивает их старец: «Почему, детки, не едите?» А они говорят: «Есть, господин, у нас еще товарищи». И он одного послал: «Позови товарищей». И тот пошел и позвал их. А их идет, к тем троим, еще двенадцать человек с оружием. И стал старец понуждать их поесть хлеба — не хотели есть. И некоторые из них поели, а один, старший среди них, и хлеба не захотел попробовать, и охватил его сердечный недуг. И те, которые поели, пошли прочь, а двое из них разболелись. И одному из них старец сказал: «Постригись — тогда выздоровеешь!», — а другому сказал: «Иди, скажи своим друзьям: с этих пор больше не крадите, не разбойничайте, отступитесь от своих грехов». А товарища их постригли и дали ему имя Дорофей.

Чудо третье о Михаиле. Как узнал его князь Константин. Вскоре после этого, на Преображение Господне, приехал князь Константин Дмитриевич со своей княгиней, чтобы причаститься и монастырь

накормить. И за обедом заставили старца читать Книгу Иова праведного. И князь, услышав голос его, посмотрел ему в лицо и узнал его. И говорит ему: «А ведь это Михаила, Максимов сын». И он в ответ молвил князю: «Бог знает!» И Феодосий-игумен ему сказал: «Почему, сынок, имени своего нам не назовешь?» И он молвил в ответ: «Бог знает!» И с тех пор назвал свое имя — Михаила. И начали его звать Михаилом.

И князь сказал игумену и старцам: «Бережно относитесь к нему — этот человек наш свойственник!» С тех пор игумен и братья начали оберегать его.

Чудо об источнике. Как-то в Веряже вся вода высохла. Пошел пономарь за водой для церкви и увидел, что Михаила пишет на песке: «Чашу спасения приму, имя Господне призову. Тут будет источник неисчерпаемый». И как обедню отпели, пономарь сказал об этом игумену. И пошли игумен и Михаила на берег, и посмотрел игумен, что написано на песке. И спросил игумен у Михаилы: «Что, Михаила, написано на песке?» И Михаила говорит: «Чашу спасения приму, имя Господне призову. Тут будет источник неисчерпаемый». И сотворили игумен и Михаила молитву. И покопали немного, и истекла вода ключом. И забил источник неисчерпаемый, и течет до нынешнего дня.

По прошествии немалого времени пришел в Троицкий святой монастырь на Клопске князь Константин Дмитриевич, чтобы благословиться на поездку в Москву у игумена Феодосия и у Михаилы. И так говорит князь: «Зовут меня братья». И Михаила сказал ему: «Будешь в Москве у своих братьев. А нынче построй в монастыре, пока ты здесь, каменную церковь Святой Троицы, а Бог тебе, чадо, устроит за это каменные невидимые палаты на небесах».

И говорит князь Феодосию: «Есть ли у вас для этого мастера?» И Феодосии ответил ему: «Есть, княже». И послал игумен Феодосии за мастерами Александром, Иваном и Елисеем. И спросил князь у мастеров: «Можете ли мне в этом году построить церковь каменную?» И отвечали мастера: «Можем, господин, такую же, как церковь святого Николы на Лятке».

И договорился князь с мастерами: дал им в задаток тридцать рублей, а потом им получить сто рублей да по однорядке. А кормиться им, без работников, в монастырской трапезной.

И заложили церковь в день памяти царя Константина. И, когда возвели церковное строение в рост человека, окончился камень. И не было возможности нигде ничего достать — стояла непогода великая две недели. И мастера решили прочь уйти. А князь начал горевать, что церковь не достроена, а ему уже в Москву пора ехать. И Михаила говорит князю: «Князь, не тужи! Бог даст наутро тишину». И утром стало тихо. И послали за камнем в ладьях. И дул попутный ветер, когда и туда ехали и обратно с камнем. А завершили храм Святой Троицы на Дмитриев день.

И князь решил ехать в Москву, а Михаила говорит ему: «Жди подходящего времени — прибудут тебя звать, княже, честные люди. А ты, князь, не забудь свой монастырь и нас, нищих. А мы, доколе свет стоит, будем за тебя Бога молить». И поехал князь в Москву к братии, и приняли его с честью.

А в то время болел владыка Иван три года, и избрали на владычество честного мужа из Спасского Хутынского монастыря Симеона. Возвели его на владычный престол, и три года владычествовал без поставления, а потом поставил его митрополит, и владычествовал еще три года, и после этого свели его со владычества. И возвели на владычный престол, по пророчеству Михаилы и по жребию, Феодосия, мужа честна. И пробыл на владычестве три года, и потом свели его с владычного престола, и бояре отослали назад в монастырь. И после этого прожил он еще два года в монастыре при владыке Евфимии. После Феодосия на владычный престол возвели владыкой мужа честного Емельяна, нареченного на владычестве Евфимием.

Разгневался однажды на монастырь посадник Григорий Кириллович. Пришел Григорий в монастырь в Великий день на обедню в церковь Святой Троицы. И игумен, отпев обедню, вышел из церкви. А посадник удержал игумена и чернецов на монастырском дворе. И сказал посадник игумену такие слова: «Не пускай ни коней, ни коров на жары — то моя земля. И ни по реке Веряже, ни по болотам, ни около двора моего не ловите рыбы. А начнете ловить, — прикажу я рыболовам вашим руки и ноги переломать».

И Михаила сказал посаднику: «Сам будешь без рук и без ног, и в воде едва не утонешь!»

И послали игумен и Михаила рыболовов на реку и на болота ловить рыбу. И вышел посадник, а рыболовы тянут сети. И он пошел к ним, к реке, да и в реку сам за ними погнался, ударил кого-то рукою да хотел в другой раз ударить, но промахнулся да упал в воду и едва не утонул. Подоспевшие слуги подняли его да повели, а у него, по пророчеству Михаилы, руки и ноги отнялись.

И рано утром привезли его в монастырь. А Михаила не велел его в монастырь пускать, ни принимать от него ни кануна, ни свечей, ни просвир. И поехали они прочь с угрозами: «Мы пожалуемся владыке и Великому Новгороду, что вы не хотите за посадника молебен служить и ни просвир, ни кануна не принимаете». И пошли Яков Андреанов сын, Феофилат Захарьин сын, Иван Васильев жаловаться владыке и Новгороду. И послал владыка своего протопопа да протодьякона к Михаиле и к игумену: «Отслужите за посадника молебен и обедню». А Михаила говорит протопопу и протодьякону: «Молим мы Бога о всех людях, не только о Григории. Пусть поездит по монастырям, попросит у Бога милости!»

И поехал посадник по монастырям и начал давать милостыню, и целый год и полтора месяца ездил он по всем новгородским монастырям и нигде, ни в одном из монастырей, милости от Бога не обрел. Вернувшись домой, послал посадник сказать владыке: «Не обрел я себе помощи в монастырях». И владыка говорит ему: «Теперь поезжай в монастырь Святой Троицы да проси прощения у Святой Троицы да у старца у Михаилы».

И послал владыка в монастырь своих попов с посадником. И когда приехали, то велел Михаила молебен петь и обедню служить. Посадника внесли в церковь на ковре, а он и перекреститься не может. И начали петь молебен Святой Троице. И когда дошли до конца, — начал он рукой двигать, а ведь целый год и полтора месяца ни рукою, ни ногою не мог пошевелить. Когда пошли с Евангелием на выход, — он перекрестился да сел. А когда дошли до переноса, — он встал на ноги и стоял до конца службы.

И, отпев обедню, пошли в трапезную, где был приготовлен обед. И посадник сказал: «Святая братия, хлеб да соль вам, отцы!» А Михаила в ответ: «Что уготовил Бог любящим его и заповеди его соблюдающим, а того, кто зачинает рать, — Бог накажет!»

И был так посадник Посахно научен Михайлой и с тех пор стал добр и к Михаиле, и к монастырю.

Хватились раз старца Михаилы на Святой неделе, а его в монастыре не оказалось. Он же в это время появился в городе, у Святой Софии в притворе. И узнал его Посахно Григорий Кириллович. И говорит ему, как кончилась заутреня: «Разговейся вместе с нами». А он в ответ: «Бог знает!» И велел посадник своему человеку присмотреть за ним. Хватились, а Михаилы как не бывало. А в это время из церкви на Клопске пошел поп и видит — стоит Михаила в церковном притворе. И немного поели, а Посахно прислал человека узнать — не в монастыре ли Михаила, а он уже в монастыре.

Поспорили из-за земли Олферий Иванович с Иваном Семеновичем Лошинским. И предсказал Михаила Олферию Ивановичу: «Отнимутся у тебя руки и ноги, и онемеешь!» Вот пришел Олферий к церкви Святой Богородицы в Курецке и говорит: «Брат Иван, здесь моя земля!» Ударил он по рукам с Иваном Семеновичем Лошинским и рукавицею оземь. Наклонился поднять рукавицу, и отнялись у него рука и нога, и язык отнялся, так что и говорить не может.

В те же годы возвели на владычный престол владыку Евфимия Второго. И владычествовал он три года избранным, но не поставленным. Как-то приехал владыка в Клопский монастырь братию кормить. Вот, сидя за столом, владыка и говорит: «Михайлушка, моли Бога за меня, чтобы было от великого князя согласие на поставление». А в руках у владыки платок. И Михаила выхватил платок из рук владыки да возложил его на главу владыке: «Поедешь в Смоленск, и там тебя поставят во владыки». И ездил владыка в Смоленск и был поставлен владыкой. И приехал владыка опять к Михаиле и говорит ему: «Бог меня поставил и митрополит, и зовут меня в Москву». И Михаила сказал владыке: «В Москву тебе ехать и бить челом великому князю и митрополиту». И ездил владыка к князю и бил челом митрополиту, как предсказал Михаила.

Приехал в ту пору в Новгород князь Дмитрий Юрьевич и пришел в Клопский монастырь благословиться у Михаилы. И говорит он: «Михайлушка, скитаюсь вдали от своей вотчины — согнали меня с великого княжения!» А Михаила в ответ: «Всякая власть дается от Бога!» И князь попросил: «Михайлушка, моли Бога, чтобы мне добиться своей вотчины — великого княжения». И Михаила говорит ему: «Князь, добьешься трехлокотного гроба!» Князь же, не вняв этому, поехал добиваться великого княжения. И Михаила сказал: «Всуе стараешься,

князь, — не получишь, чего Бог не даст». И не было Божьей помощи князю.

И в то время спросили у Михаилы: «Пособил Бог князю Дмитрию?» И Михаила сказал: «Впустую проплутали наши!» Записали день, в который это было сказано. И так оно и оказалось. Опять прибежал князь в Великий Новгород. И опять приехал он в Клопский монастырь братию кормить и у Михаилы благословиться. Накормил и напоил старцев, а Михаиле дал шубу, с себя сняв. Когда стали князя провожать из монастыря, то Михаила погладил князя по голове да промолвил: «Князь, земля по тебе стонет!» И трижды повторил это. Так и случилось — накануне Ильина дня князь преставился.

Раз исчез из монастыря олень и Михаила с ним. И три недели неведомо где пропадали, и Михаила, и олень. А накануне Покрова дня преставился Феодосии. И послали за владыкой Евфимием, чтобы проводил Феодосия, а тот не поехал. И три дня лежал Феодосии непохороненным. И собрались люди добрые из города, игумены честные и попы и понесли Феодосия к могиле хоронить; смотрят, идет Михаила, а олень за ним, ничем не привязан: только у Михаилы клочок мха в руке, и олень за клочком мха идет. И положили Феодосия в могилу, и честно погребли его.

В декабре месяце на Саввин день разболелся Михаила, но в церковь не ходил. А стоял справа у церкви, на дворе, против могилы Феодосия. И стали спрашивать его игумен и старцы: «Почему, Михаила, не стоишь в церкви, а стоишь на дворе?» И он им ответил: «Тут я хочу полежать».

И до преставления своего прожил он в монастыре пятьдесят лет и шесть месяцев. А постели и ничего другого не требовал себе, а спал на песке, а келью топил мусором и конским навозом.

На Феодосиев день Михаила сам принял святые дары и, взяв с собою кадильницу и фимиам, пошел в келью. Послал игумен ему от трапезы еды и питья. И когда пришли к нему, то келья была закрыта. Открыли, и фимиам еще курился, а его уже не было в живых.

И стали искать место, где его положить, и везде земля была мерзлая. И надумали чернецы и игумен проверить то место, где стоял Михаила.

Попробовали они копать в этом месте, и оказалась земля тут талой. И погребли они его здесь честно.

Некий христолюбивый купец, Михаила Марков, глубоко чтил святого старца Михаилу. Когда однажды пошел он торговать за море и, пробыв за морем год, возвращался назад, то поднялась сильная буря, вздымались волны великие, било корабль о дно моря, наступила великая беда. Начал купец плакать и призывать Бога на помощь и его угодника Михаилу. Взывает купец к Михаиле: «Господин Михаила, был ты мне помощником при жизни своей, теперь о мне, грешном, Богу помолись!» И явился Михаила купцу без промедления на море, удерживая корабль за нос, и сразу исчез. И наступила полная тишина. Избавился корабль от потопления.

И когда вернулся купец в дом свой, то прославил Бога и угодника его Михаилу. И взял на себя обет чтить память святого до своей смерти. Так и было.

А вот другое пророчество Михаилы — Никифору-попу. Украл тот панагию, и он, Михаила, говорит Никифору-попу: «Ума лишишься!» И после этих слов у попа ни ума, ни памяти. И велел Михаила печь разобрать, а панагия в печи.

И еще. Стал владыка Евфимий Первый притеснять монастырь — захотел деньги с монастыря получить. И взял из монастыря коня вороного. И Михаила владыке говорит: «Мало тебе жить, останется все!» И с тех пор разболелся владыка и преставился.

Приехал посадник Иван Васильевич Немир в монастырь, а Михаила по монастырю ходит. И Михаила спросил посадника: «Что ездишь?» И посадник отвечает ему: «Был я у пратещи своей, у Ефросиний, да приехал к тебе благословиться». И Михаила сказал ему: «Что это, чадо, за совет у тебя такой — ездишь да с бабами совещаешься?» И посадник в ответ ему: «Летом придет на нас князь великий — хочет подчинить себе землю нашу, а у нас уже есть князь — Михаил Литовский».

И ответил ему Михаила: «То у вас не князь — грязь! Пошлите послов к великому князю и бейте ему челом. А не умолите князя, придет он со своим войском к Новгороду и не будет вам Божьей помощи. Станет князь великий в Бурегах, и пошлет силу свою по Шелоне, и попленит

новгородцев многих, иных в Москву уведет, а иных — казнит, а у иных выкуп потребует. А Михаил-князь за вас не встанет, помощи вам от него не будет. И придется посылать вам преподобного отца владыку да посадников да бить великому князю челом, и он челобитье ваше примет, и много денег с вас потребует. Да в скором времени после того князь великий опять придет и город возьмет да все по своей воле установит, и Бог поможет ему».

Так все и сбылось.

Богу нашему слава и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ ИОНЕ, АРХИЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о новгородском архиепископе Ионе» принадлежит к числу произведений, созданных в Новгороде на рубеже XV—XVI вв. с целью подчеркнуть значение местных новгородских святынь и утвердить начавшее рушиться в результате объединительной политики московского княжества независимое положение Новгорода. «Повесть» сохранилась в списках не ранее XVI в.

Бурные политические события конца XV в. (борьба Василия Темного с Дмитрием Шемякой, сложные отношения с Великим княжеством литовским и др.) отразились в новгородском и московском летописании.

«Повесть о новгородском архиепископе Ионе» входит в круг повестей агиографического характера о новгородских владыках, прославившихся не только своим благочестием и верным служением церкви, но и игравших весьма заметную роль в политической жизни города и княжества. Так, по словам «Повести», при посредничестве новгородского архиепископа Евфимия I (Емелиана Брадатого) удалось отвести угрозу разорения Новгорода литовским князем Витовтом, а

Иона выхлопотал у московского князя мир с Новгородом и независимость и поддержку своей обители.

Однако Я. С. Лурье в одной из последних его работ «Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода» (ТОДРЛ, т. 48. СПб., 1993) показал, что, судя по летописным источникам, отношения между архиепископом Ионой и Москвой не были столь благополучны и что летописные факты противоречат тому, что изложено в «Повести».

Жанр «Повести об Ионе» обусловил и выдержанные в агиографическом стиле сцены встречи Ионы с великим князем Василием и беседы с ним в московском Кремле, эпизод переписки архиепископа Ионы с Ионой митрополитом московским. На самом деле Новгород не признавал московского митрополита Иону, и отношение к нему новгородского архиепископа было не столь благодушным. Немаловажным сюжетным звеном явились в «Повести» пророчества-предсказания Михаила Клопского отроку Ионе, Ионы — будущему великому князю Ивану, которые вообще характерны для житийного повествования этого времени. «Повесть» в лице архиепископа Ионы дает нам агиографически просветленный образ мудрого пастыря, строгого наставника и советчика всех нуждающихся в нем, устроителя монастыря, заботящегося не только о материальном благополучии обители, но и об архитектурном и живописном убранстве построенных или обновленных им церквей (что, несомненно, представляет интерес для историков древнерусского искусства). Кроме того, Иона приглашает известного писателя того времени Пахомия Серба для увековечения памяти почитаемых им русских святых. Его жизнеописания многих выдающихся деятелей русской церкви являют собой образец особого, «украшенного» панегирического стиля. Таким образом, согласно «Повести», архиепископ Иона — благочестивый муж, стоящий во главе новгородской епископии, духовный просветитель христиан. Судя по заключительным фразам «Повести», можно думать, что она была создана вскоре после кончины архиепископа Ионы в 1471 г. Я. С. Лурье относит возникновение «Повести» ко времени «после 1480 г.», когда произошло освобождение Руси от «ординских царей». Написанная в традициях новгородской литературы, для которой было характерно внимание к общественным событиям и известная документальность, «Повесть об Ионе» представляет интерес не только как литературное произведение, но и как исторический источник, по-своему дополняющий летописные сведения, часто пристрастно и неточно, в целях обоснования «новгородской» позиции автора.

«Повесть об Ионе» издается по списку: РНБ, Софийское собр., № 1424, конец XVI — начало XVII в., сверенному с текстом, изданным в ПСРЛ, вып. IV, и в Великих Минеях-Четьих под 5 ноября.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА НОЕВРИА 5 ДЕНЬ.

ВЪСПОМИНАНИЕ О ЖИТИИ ЧЮДОДѢИСТВИ И О ПРЕСТАВЛЕНИИ О БЛАЖЕНЕМЪ ИОНѢ АРХИЕПИСКОПѢ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА, ИЖЕ БЫСТЬ ПО ВТОРЕМЪ АРХИЕПИСКОПѢ ЕУФИМИИ ЧЮДОТВОРЦИ, ИЖЕ НА ВЕЖИЩАХЪ,[1] В ЛѢТО 6976-Е ДО ЛѢТА 9-ГО

Вспомянути и блаженнаго нашего пастыря Иону добро по немалымъ словом. В чин же и зде приложися въспомянути его по преподобнемъ архиепископѣ нашемъ Еуфимии, иже въсиавшу пред очима нашима, и добродѣтелей его, и благодѣяний всѣ мы приимателе и свидѣтеле суще. Толико бо трудися за люди своя, паству свою добрѣ пасый, яко добрый пастырь — въистину Еуфимие![2] Въ время изнеможениа благодушьствуяй и предстоя стаду своему по Гоподню словеси: «Не оставляа стада и бѣгая наемническы, но душу свою полагая за пасомыа своя».[3]

Преже бо зѣло малѣх дней епископьства его въздвижеся Витовтъ, князь виленьский,[4] аки волкъ гладенъ человеком нападая плоти их, оружиемъ хапая иже полнъ и своеродных кровей. И со всѣм литовским множествомъ ходя на Великий Новъград оборити и попленити хотя. И Порховъ градъ уже аки в неводѣ обиатъ войска множествомъ, и борити той начинаше, и вся злая творити не умолчеваше. И от сего всему Великому Новуграду в подвизѣ велицѣ сущу и мнозѣ трудѣ, не многом бо преже с Нѣмци боришася, таже и гладом дручени быша, таже и от своего князя насиловани; тѣм же суровый волкъ яко время гладству своему обрѣте, на уставшая люди уже и много трудившаяся преже прииде пожрети мысля. Преступивъ мирныя клятвы безаконно и пагубно, обаче послѣди въздасть ему Господь ординьскими цари! Цари бо одриньстии с своими татары многое его литовьское воиньство излѣзшее на ня в поле, аки худы нѣкиа животны, иже от пещеръ изскачющая погубиша, и силныа коня его и комони отъяша, самому Витовту в малѣ полцѣ утекшу, и полскыя грады и великая села без заставы оставивъ, свое спасение токмо ища. Их же татарьстии руцѣ пусты ему вся положиша мнозѣмъ гнѣвом царя ихъ.

*Е*гда же борющу сему Витовту град Порховъ и Великому Новуграду злѣ прѣтящу, тогда блаженному Еуфимию с послы Великаго Новаграда от архиепископа Емелиана, иже Еуфимиемъ преименованнаго,[5] к ратнику сему о смирении ходившу. И много к нему трудися, всяко к лукавьству его тайная бо лсти Витовтова сердца прилѣжными къ Богу молитвами претворити на благо и преложити на истину мняшеся, видимую же его злобу множеством сребра укрощаваше. И толико трудися в молитвах к Богови и в дарох к ратнику, донелѣже того въ своя възвратитися сотвори преподобный, и, граду своему многу радость исходатаивъ, прииде.

Не по мнозѣ же Емелиану честному почившу, сий възведенъ бысть въ архиепископьство. В немже колико трудися, и въгнѣвѣх своего князя иже на град его, и ратною рукою въздвизающася на своя нелѣпотно двоицею. Ходатаиствуя посреди и тружаяся зело и ового дарми укротя и тяжестию сребра утоляа, овыя же благыми словесы утѣшая, мировати къ князю своему увѣщавая. Изрядндѣе же доброту показа на плененыа и блаженныи, якоже и въ споминаниих о нем сказася и блаженным Ионою, в повелѣном списании в лѣта яже архиепископьства его.[6]

Сего же самого приснопаметнаго преподобника и святителя Иону въспомянути приложися нынѣ к памети Еуфимиевы, по нем бо архиерѣиский престолъ Великаго Новаграда церкве украшаше и пастырьская исправляше достойно и праведно. Аще и в мало лѣт прилучися ему настояти, тридесяте бо лѣт точию пасе[7] Христово стадо, но многу и велику свѣтлость показавъ изрядинаго благопребываниа и добродѣяниа.

Съвершену бо ему сущу старостию помазание архиерѣйства приатъ, юностию же крѣпостию поощряемъ на благодѣиствиа. Прежде же архиерѣиства в пустыни рекомѣи Отни архимандрита Харитона[8] добродѣтелей подвигы прохожаше честный сей муж. В той бо пустыни Отни своих власовъ отъятие и мира отречение сътвори, ту и обѣты Господеви въздаде; тогда тои потребами велми скуднѣи еще. И понеже ту от многъ лѣтъ постяся бѣ и благожизнию дѣтелии и благодѣтию, и игуменьства тоя обители достоинъ бывъ, прозвитерства даръ имый.[9] Мнози же от гражанъ и честных немало пустыни тоя уединению чюдящеся и живущая в ней чтяху, наипаче же игумена ихъ, сего Иону, зело любяще, добрыми дѣлы яко свѣтящася мужа видяху и смирениемъ украшена, многым разсудителна же и незлобива, в простотѣ ходяща, по апостолу. Тѣм же и спомогаху ему от имѣний своих, той же приходящая ему имѣниа не собѣ сокровищьствует, но въ общину всѣм живущимъ ему полагает, имиже и обители помощь умышляет; потребная той пристраяет, и приходы искуповая, якоже и иныя обители стяжаша.

Сей блаженный Иона еще дѣтску ему сущу, произбранъ от Бога въ благое, пронареченъ бывъ въ святительство Великому Новуграду. Отрочищу еще ему сущу, осиротѣвшу ему от родителю своею, вдовица нѣкая, матерьски поболѣвьши о немъ, въспита й, приемъ того аки истовая родителница. Еюже вдану ему бывшу нѣкоему диакону наказатися священным книгам. Еще же и нищетѣ к сиротству присовокупившися ему, нездрава тѣлом творяшеть его, и чястое болѣзнемъ приложение худость ему придаяше. Кротостное обычая и тихое нрава по многу снабдѣвати обыче добрыи сей, радованию же и игранию дѣтей николи же приближатися изволи. И аще когда от учителя отхожаше съ множеством съученическим ему и улица граду кдому приходити бываше, всѣмъ яко дѣтемъ игранию радующимся, той

подале стояти отъ нихъ обычно имяше, егда и случашеся когда яко дѣтску позоровати.

*Е*диною же честному Михаилу, уродивому мирови,[10] Богови же премудрому, въ градѣ первое шествие творящу, дѣтищу же сему стоящу на мѣстѣ укромнѣ, и мнозѣмъ съученикомъ его играющим. И блаженнаго Михаила узрѣвше, уродствено грядуща по улицы, вси дѣтие игры своя оставльше, аки на чюдо к Михаилови притекоша, смѣющеся о нем и рукающеся ему, измѣтаемая из домовъ сметиа на главу безумнѣ възметаху и камение по ногах метаху ему, не знаему ему сущу тогда. Ибо преже вселениа его на Клопско и первое въ градѣ явившуся и ходящу в первый день пришествиа его в Великый Новъград, въ епископьство блаженнаго Иоанна, иже позлати верхъ Святѣи Софии.

И блаженный Михайло, ни единоже радение о безумии дѣтей творяше грядый, но устремися въ уголъ улицы, идѣже честное дѣтище се стояше в тихости своей. Дневному свѣту уже оскудѣвающу и вечеру бывающу, но обаче внутрениа пресвѣтлы очеса Михаилови бываху. Притекъ бо взятъ отрочища сего за власы, и подъемъ его вышши себе, въпиаше ему: «Иване, — тако бо от святаго крещениа имя дѣтищу — учи книгы прилѣжно, имаши бо великому граду сему архиепископъ быти». И, обиемъ его, отиде. Яко нѣкогда Господь нашь Исус Христос отрочя едино пречистыма си рукама обьемъ, учаше апостолы: «Иже, рече, не смирится, яко отроча се, не прииметь Царства Божиа.[11] И приемляй таково отрочя во имя мое, глаголаше Господь, мене приемлет». Тако и блаженный Михайло Иону сего дѣтска обьем, пророческимъ духомъ глаголаше ему внимати учению святых книгъ, именемъ нарицая, егоже николи не знааше, Иваномъ, тому приглашая. Духовныма бо очима яко настоящая смотря, по мнозѣх лѣтех хотящаа ему быти, увидѣвъ божественым откровением пронареченное ему от Бога святительство (якоже древле и къ Иеремию пророку реченое[12] от Бога): «Зрю, яко преже реченое зачятся свѣм тя, и преже даже не родися, святих тя». И на семъ Ионѣ, помыслить кто, Божие благословение тако же бываемо.

Преподобный Михайло от далняя земля новопришед и иного отчества сый странствуя прииде в незнаемъ град ему, аще и величества ради своего вселеннѣй всей отдавна вѣдомъ град и славенъ. Но той тогда первие *вниде* в сей Великий Новъград, никогдаже преже в нем бывавъ — како ли живущая в нем знаемы ему будуть, яже преже видѣны никогдаже тѣмъ? И тако скоро, яко отдавна ему знаему, и свое присно отроча приемъ, будущая ему възвѣщаваше, аки послану ему ко отрочати Иванови бывшу. И аки сего ради прииде, да благословение Божие подасть ему, не чаемое никогдаже, чисту сердцемъ преподобнику сему и Божиа яко зрящу по Божию словеси. «Блажени бо, — рече, — чистии сердцемъ, яко тѣи Бога узрять».[13] Тѣмъ же не сматряше телесныма очима сиротьства и убожества и худости

отрочищу, но яко съвѣт Господень разуменъ ему, и сердечныма очима зря лежащее на немъ благословение. Моляще его и повелѣваше прилѣжно учити книгы, яко хотящу епископьствовати, и подобаеть многое множество божествеными просвѣщати, яко всѣм на нь зрящимъ, да некако не внемлемъ священныхъ книгъ разума. Многому медление подасть препятие кое добрых желательству не по нелѣпотѣ сана. Тако тогда прорече и заповѣда Ионѣ дѣтищу и еще чюдный Михайло.

И лѣтомъ мнозѣмъ текущимъ и самому пророку почившу, и Иону старость преимаше, обаче слово Божиа человека не мимо хожаше и время прореченое надстояше. По успении бо честнаго Еуфимиа жребием и нарокомъ всѣх людий и изволениемъ всего собора Божие наречение архиепископьства прииде на Иону, и въ епископию възведоша его, радующися добродѣтели мужа и красящеся добронравиемъ того. Утѣшение приемше по добромъ своем пастыри Еуфимии Ионою к митрополитскому послы с ним абие послаша архиепископу и къ князю, молящеся желаемаго имъ пастыря рукоположити.

Тогда честному Ионѣ епископу рязаньскому[14] митропольскиа архиепископиа власть своими управися епископы, и той преподобный архиерей Иона митрополиа правя. Древле наречену бывшу ему в митрополию рускую, и благословение патриарше преже принесено ему о семъ, еще живу сущу митрополитскому архиепископу. Ради царей ординьских шатаниа и насилиа татарьская неудобенъ путь къ Царюграду. Еще же и бывшаго ради лукавьства Митяева изволиша общею волею благословение напред приимати,[15] поставленую произбираемымъ в митрополию и рукоположениемъ епископьства преже почтену бывшу донелѣ же живущу митрополиту. Умершу же тому тогда готову сущу нареченному и без труда многаго, епископу сущу, управят митрополию. Посему управися митрополиа честному Ионѣ епископу рязаньскому по Исидорѣ митрополитѣ. Сему же Исидору не по правилу пришедшу,[16] но насильствомъ наскочившу на престолъ, преже бо его пронареченъ на престолъ Иона. Сего ради епископьством усаненъ сей Иона митрополит. Сей же о нем епископъ честнаго собора архиепископа Великому Новуграду нашего Иону радостно подастъ. Доброта бо в нем честных дѣтелий свѣтяшеся и толико подвижеся добродѣтелми на престолѣ своемъ, яко мнѣти его самого Еуфимиа или иже преже преподобно епископьствовавших. Вся бо епископьская тщашеся доброчести исправити и вся на добру жизнь управитися учаше. Самъ первие воображашеся доброжизниемъ и очи свои положи на вдовыа, сироты и на убогыя града, яко сему Иевова приглаголати: «Уста вдовыа благословиша мя, бых сирым аки отець. Не помолчях смирити нечестива, ни увратих суда силнаго ради и много мстих на насильствующемъ, и зяхъ от руку грѣшничю смиренаго, изведох суд нищему».[17] Ако просвѣти жизни своея доброту, яко видѣвшим добрыа его дѣла и славити его ради Бога Отца по евангельскому гласу.

Изволи же ся честному отцѣ Ионѣ архиепископу нашему поновити обитель архимандрита Харитона Отню пустыню, в неиже древле постися, от приходящаго ему имѣниа, но не от церковнаго стяжаниа. От негоже церкви великая строение приемлеть, и епископи и причетницы удовляются, и нищии назирание приемлють. Тогда бо всею лѣпотою все исполнено в велицей церкви и вси урочнии причетницы удовляеми, не лишаеми же и нищии от сего, и невредимо имѣние то снабдимо бѣ. Тому же особъ приходящее имѣние избываемо, имже обнови великодарною десницею Отню пустыню. И лѣпу церковь камену Богови тамо въздвидже въ имя святых триех святитель: Василиа Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златаустаго;[18] многою лѣпотою украсивъ тую хитрых живописец, священныя иконы поставивъ в ней, ихже добрѣиши не обрѣтеся инъ живописецъ в то время и во дни наша. Такоже вся стѣны церкви и столпы нарочитыми живописцы подписа и весь олтарь, и пол мраморены плинфомъ[19] всюду помостивъ. Наипаче же священными книгами преисполнивъ тую: святая Еуангелиа съ златыми писмены и сребром позлащеном хитро покова с каменми честными. И священныа съсуды и от камене изборна и от сребра чиста положи, и священныя одежа свѣтлыи многы украшены с жемчюги съдѣла. К сим же и трапезницу камену созда, присовокупивъ ей и церковь во имя святаго Николы, упокоениа ради в зимныа мразы не могущим терпѣти. Еще же и славному Предтечи церковь созда, к паперти Трем святитель церкви приткнувь, возведе основаниа каменемъ и плинфомъ, да иже до комаръ, верхъ же тоя древесы покры, в неи бо гробъ себѣ ископа. Да не отяжгавъ каменный верхъ, и коею виною не могии поддержатися, и внутрь падшу когда повредить гробъ его и истнитъ гробная и вся яже во гробѣ — и тоя ради вины не камениемъ, *н*о древом покры церковь славнаго Предтечи. Многу бо вѣру имяше к великому и честному Предтечи, ибо и въ имя того наречено ему сущу, и честному празднику его родити матери его приспѣвши. Тѣм же и душу прилпену к нему имѣя яко тако и телеси своему в храмѣ его положитися хотяше, поручая съ душею и тѣло свое святому, неотторжену вѣру и любовь к нему извѣстуя блаженыи. Многая же села покупи обители и рыбная засѣданиа и въкупивъ и въ вся монастыря вѣчныя вклады за ню подавъ сребром да не достаточьная тои и оскудѣваемая, тии от своих преисполнени и утѣшают. Многу и велику тяжесть имѣниа ту истощи и малу сущу обитель велику сотвори, и скудну бывшу велми обогати сию. Толико же любочестенъ о Божиих угодницех и теплъ, яко вся своя особная имѣниа свѣтлости их ради истощевати. Многу же и свѣтлу о немъ добрдѣянию всюду обноситися и всѣм и любимъ и желаемъ, слышащим и видящим сладокъ, кротокъ бо и смиренъ по многу добродѣиственъ ко всѣм.

Тѣм же и московьстии князи много любяху его и с говѣниемъ почитаху, и писаниа множицею посылаху к нему, и от него въсписаниа желанно приимаху, бѣяше бо и разуменъ и в словех благъ. Множицею аки и пророчески вѣщати ему. Егда кои увѣщаваеми симъ къ смирению и не преклоняхуся на послушание, запрещениа кая тѣмъ наложити

възвѣщаваше, и словесемъ его не погрѣшати николиже, и кротцѣ ему на лукавыа отвѣщавающу. И сего ради вси велможи говѣние велико к нему имѣяху, елма самому ему зѣло благонравну и благодѣиву. И в толицѣ высости сановнѣи мужю древню и сединою многою украшену, гнѣва же и гордѣниа в немъ николи же имуща видяху, велику честь и боязнь к нему соблюдаху.

Прииде же московский князь в Великий Новъград Василей, сынъ Василиевъ, и с нимъ сынове его Георгий и Андрѣй мирно.[20] И архиепископа посѣщая и дани своя приемля. Преже бо двократы при блаженнемъ Еуфимии ратию приходивъ бѣяше, тогда же миром приде и часто съ архиепископомъ бесѣдоваше и вся по прошению его творяше князь, вѣдый великую его добродѣтель, и словесе устъ его непогрѣшателное. И любя зѣло, почиташе его князь, аки отца, и послушаше его въ всемъ. Тогда же и великое чюдо преподобнаго Варлама сотворися на постелници княжемъ Григории, иже рязаньских боляръ сынъ[21]: от смерти бо того паки жити възведе и от тяжкиа болѣзни нецелимыя вскорѣ здрава его показа. Сему чюдеси самовидци быша — все множество градское и москвичь, всѣх бывших тогда въ граде, и архиепископъ и князь самъ и сынове его, и иже о нем боляре и воеводы. И сие умысли архиепископъ Иона в вѣчныя памяти вписати на увидѣние послѣдним родовомъ, еже и сотвори. Пахомию тогда попу сербину, от Святыя Горы пришелцу[22] живущу у него, книжным слогням искусну. Сему повелѣвъ списати чюдо сие преподобнаго Варлама, одаривъ его множеством сребра, куны[23] же и соболми почтивъ зѣло Пахомиа. Повелѣ же и житие с похвалным словом и канонъ преподобному Варламу списати, еще же и великому Ануфрию такоже послѣдование бдѣнию списати повелѣ, яко храму его внутрь Отни пустыни сущу, еиже и ктиторъ[24] именовася блаженный. Повелѣ же каноны[25] и житиа списати и еще блаженныя княгини Олги началницы христианству в Рустѣи земли, иже въ святом крѣщении Елена наречена, и преподобному Савѣ, создавшему монастырь на Вѣшерѣ рѣкѣ,[26] и преже его бывшему архиепископу блаженному Еуфимию. Не пощадѣвъ имѣниа множество истощевати свѣтлости ради памятем Божиих угодникъ, аки к ним прильпнувъ кто бѣше и добродѣтели их яко любя, сего ради зѣло почиташеть я.

Бысть же зовому быти блаженному архиепископу нашему Ионѣ митрополитскымъ архиепископом Ионою и князьми Василиемъ и Иваном в Москву к себѣ ити.[27] Ионѣ же архиепископу нашему и старостию одерджиму яко труд великъ ему к толицѣ долготѣ путние, обаче жалость людей своих понуди его толикъ труд пути подъяти. Вѣдяше бо ковъ на люди своя и на град зависти око поощряемо, подвижеся со обычною своею простотою и смиренемъ помощи граду и людемъ — добрый воистину пастырь душу свою за овца своя готовъ положити! Бывшу же ему близ Москвы аки шестьдесят поприщь,[28] въспомянувъ Сергиа преподобнаго,[29] иже в Маковцѣ. Ту к нему завѣщание положи, любве юже отдавна имѣя и храмъ почести съ

избранными равно преподобнаго, не бяше бо и еще храма гдѣ въ имя преподобнаго Сергиа.

Егда же приближающю ся блаженному ко граду Москвѣ аки за три поприща, ту устрѣтоша его нѣции отъ боляръ княжих повелѣнием князеи и нѣколико честных игуменъ повелѣниемъ митрополита. И вшедшу ему въ град любезно приятъ бысть блаженным Ионою митрополитомъ и зѣло почтенъ. Приде же и къ князю, тако же любезно приятъ бысть и лѣпотною честию почтенъ усрѣтенми частыми свѣтлыми: внѣ двора княжа и внутрь боляры, на степенех же сынове княжи по чину своему усрѣтаху и под руцы водяще его, в преддверия же и самъ князь изыде въ срѣтение архиепископу и поддержа десницю его князь, вниде с нимъ в княжьская своя храмы. И елики тяжести даровъ принесены быша архиепископомъ радостно приятъ князь. Елико же пребысть время в Москвѣ, многою честию присно почитаемъ и от князя и митрополита и собирающеся церковная исправляху. Медлящу же князю отпустити архиепископа нашего Иону въ град свой, яко жалящу князю на град его, тѣм же и запиная от мнозѣ ему.[30] Та же и множицею посылаше нарѣчие князь архиепископу боляры своими ласкаше и жаля на гражаны его, аки не по нелѣпотѣ от них чтомъ, и аще посулит ему въздвигнути руку на град свой.

Нѣкогда же бывшема вкупѣ, князю Василию и сынове его князю Ивану и преподобныма архиепископома Ионѣ митрополиту и владыки нашему Ионѣ, велику жалость князь изложи предъ святители на Великий Новъград, аки презираемъ от него, а ему великого княжениа власть над князьми рускими предержащу и сего ради искаше подъяти руцѣ на Великий Новъград. Иона же владыка отвѣщаваше за град и многа утѣшителная словеса въ увѣщание князя предглаголаше. Елма же князь неутѣшиму жалость имѣя ярость приимаше помногу, тогда старець подвих ся духомъ, свидѣтеля полагая митрополита, паче же самого того иже священьства духа аки зря, и вѣщаше, аще не приведеть от града его зависти ока, не приложит на любовную дѣтель и презрѣ молящася его о градѣ, въздвигнеть руку на послушныя его люди и ничѣмже обидѣвшая его раздѣляти неправедно произыдет, — да вонмем и себѣ, — егда како и в чадех его зависти око узрит коеи раздѣлениа послѣди близ будеть. «Нынѣ же молитву мою услыши, — глаголаше, — и блажаишее въсприими, яко князь благочествъ паче же и над князи много благодѣяти мощну сущу. Неправды коея клевет ради нечестивых языкъ на правдивыя не подвигни и тихима очима своя повинныя сматряй и свободныя на работу приимати не начинай. Тебѣ самому дние приближаются, яко сынови же твоему Ивану хоругви рускиа съдержати, о семъ молитвы со всѣми своими къ всесилному Богови прилѣжно възносити потщуся. Наипаче же свободу сынови твоему от ординьских царей приати от Бога испрошу за свободу града моего, еже о тебѣ, еще же молитвую Господеви възвысити десницу сына Твоего над всѣми и покорити ему вся супостаты его, и больши прародителей прославитися властию и укрѣпитися княжению его в руку его и

простертися силы его на многы, и страны великиа приати ему точию аще благочестивѣ поживет, и тихима очима владомыя смотрѣти будеть».

О сем пророчествѣ святителя старца услади князь и возвеселися зѣло о обѣщании свбоды сынови своему отъ ординьских царей, вѣдый непогрѣшателное словесъ его. И внят о чадех любезных радостно, пред митрополитомъ обѣща архиепископу снабдѣти люди его, и всякъ гнѣвъ отложивъ, миръ Великому Новуграду дарова, утвердивъ смирение. Прошаше же князь у святителя тверду быти обѣщанию Ионину сынови его. Споспѣшествоваше же вси еи блаженныи митрополитъ, и тако уповавшу Господню обѣщанию, якоже въ святемъ Евангелии сказася: «Аще два отъ вас совѣщаетася о всякой вещи, еже аще просита, будеть вама отъ Отца моего Небеснаго, моляще же ся отпущаите аще что имате на кого».[31] Сице князь жалость и гнѣвъ остави граду. Святителя же тезоименная молитися совѣщаста о прошении князя, еже приати свободу отъ мучительства ординьских царей и татаръ и укрѣпитися в руку его руским хоругвам. По умолчании же всѣх прослезися всеосвященны старець и проплака. Князь и митрополит о семъ велми дивящеся желѣста увидѣти от него вину плачя его. Той же рече: «Кто озлобит людии моих толикое множество или кто смирить таковое величество града моего, аще не усобицы их смятуть их и разделение их низложить их, и лесть неправды расточить их, и лукавьство зависти развѣеть их. Обаче во дни моя да дасть Господь мир и тишину и благословение людемъ моимъ». Тогда же архиепископъ Иона прошение предложи у обою князю монастырю своему управити суди, да снабдимъ будеть от насила многых и от самѣх намѣстниковъ их и сами, и поселяне, и работницы монастырьстии всѣ да не судими будуть. Проувидѣ бо духомъ, яко людемъ его невозможно до конца содержати в свободѣ града своего продерзовающияся ради неправды в них и насилиа, сего ради взыска Отни пустыни свободу во вѣкы. Князи же таковое прошение радостно даруют, архиепископу грамоту списавше таковаго повелѣниа и печятавше обою князю въображениемъ надвою позлащеною печатию. Тогда же и самъ князь Василие вѣровавъ обѣщанным ему от святителя, духовную грамоту списа, уставляа сыномъ своим и женѣ своеи грады во власти и како дани подаяти тѣм великому их князю, вящшему сынови его Ивану. Егда и еще ординьстии цари шатающеся будуть и яко не даяти тѣм тѣмъ дани великому их князю внегда потребить Господь с лица руских князей.

И тако съ многою честию и говѣниемъ князи отпустиша архиепископа нашего Иону. И свѣтло провожение преподобному князь и сынове его и боляре их сотвориша. И блаженныи Иона митрополитъ многу любовь к нему имѣя, такоже и князи великою любовию обиаты зряще на немъ во смирении великъ разумъ и кротость благообычаиное нрава. Съ сими же и добродѣтелна старца помногу толика благодать от Бога даровася ему пред всѣми зрящими его и слышащими, никтоже возборашеть его, но

паче говѣяху к нему стыдящеся добродѣтелии его и вси боящеся непогрѣшателнаго словесе устъ его.

Пришедъ же отъ Москвы абие чюдесному Сергию отцу завѣщание исполняет: храмъ каменъ внутрь епископиа во имя его созда.[32] И всею лѣпотою утвори и образ его постави в ней, яко много любя преподобнаго, часто въ храмъ его приходя молитвы творяше священныя. Не по мнозѣ же посолъ борзоходный отъ митрополита Ионы прииде къ архиепископу Ионѣ, книги нося повѣдающая постигшую болѣхнь святителя и ожидание блаженныя кончины его. И того ради моляшеся насладитися видѣниа его и утѣшитися о семъ, еще же да произбереть достойнаго на высокий престолъ митрополии епископа, да нѣкое лукавьство предваритъ, вмѣсто достойнаго нетакова. Самого же честныма си рукама гробу предасть и рукуположит митрополии епископа. Сиа книги митрополича прочет архиепископъ, проплакавъ на мнозѣ, рече: «Великиа благоты отщетевается Москва нынѣ и с нею вся Руская, таковую доброту мирови скрывая под землю». Абие же Иона архиепископъ митрополиту Ионѣ вписа книги, повѣдующая окрочение и самому старостию, яко болѣзнени нозѣ имѣя. Обѣща же ся ему насладитися видѣниа его по отложении телесе на воскресение общее святыхъ: «Болши ми тогда срадоватися ему въсприимающи мзду трудов своих, от началника пастыремъ». О произведении же епископа в митрополию, его же духъ его произбереть и благословить, самъ того готовъ приати.

По успении же преподобнаго святителя митропольскаго Ионы архиепископъ Иона понудивше помяновеннаго Пахомиа иже от Святыя Горы мниха попа списати последование «памяти» его и службы канонъ священному Ионѣ митрополиту, вѣдяше бо его добродѣтели. Сего ради и память его каноны почте, равно со святыми. Много же понужаше Пахомиа Иона, утѣшая его и златомъ и соболми, да спишеть ему и еще канонъ преподобному Сергию, да уяснитъ память въ храмѣ его. Пахомие же не рачи послушати архиепископа, но готовяшеся самъ ити в Московскиа страны. Повнегда бо списати ему канонъ блаженному Ионѣ митрополиту, в немже и назнамена в краех тропарем[33] яко повелѣнием архиепископа Ионы списа каноны митрополиту Ионѣ. Самъ тои к тому невозможе его принудити писати или житиа или канонъ: ни Михаилу Клопскому, ни иному, ни единому же, емуже хотяше память уяснити архиепископъ. Излиха бо Божиим угодником теплъ бѣаше Иона, якоже и предварше сказахомъ.

По преставлении же великого князя Василиа сынъ его Иванъ княжениа хоругви приемъ, абие посылаеть ко блаженному Ионѣ архиепископу в Великий Новъград, моля его молитвовати за нь ко всесилному Богови, якоже преже обещася, въ еже утвердити княжение его и възвысити десницу его надъ врагы его и во всемъ поспешитися. Еще же и

освобожении и мучительства отъ ординских царей и татаръ. Архиепископъ же Иона възда ему нарѣчие, яко не погрѣшитъ надежа да помнить же несумнѣние отца своего, како вѣровавъ и в духовной своей вписа и заповѣда не истязати ему дани и по изведении Орды на братии его. И яко Господь не презрит скорбящихъ слезъ и молитвъ многых, и имѣ же вѣсть судбами, проженет Орду, точию самъ да честиво поживет и тихима очима власть свою правити. Прочее же и паки воспоминает о монастыри своемъ о Отни пустыни, да дарует и той грамоту свободную и суд свой утвердить по отца его грамотѣ монастырю, и печатию да утвердить. Таковое нарѣчие князь Иван от архиепископа слышавъ и прошение его внявъ с радостию, еже о монастыри его исполняетъ даровавъ имъ грамоту и свою по отца своего грамотѣ. И съ свободою суд свои утвердивъ имъ, якоже и преже в грамотѣ отца его князя Василиа. И изваянемъ позлащеномъ воображениемъ князя печать грамотѣ надставив да не колѣбимо в вѣкы повелѣние его пребудеть.

Не точию же московьстии князи велиции к сему преподобнику многою любовию упространишася, но и тверьстии, и литовьстии, и смоленьстии, и полотстии, и нѣмецстии, и вси, и вси округъ сѣдящии страны во вся лѣта епископьства его тверду любовь имѣяху к нему, и миръ великъ к Великому Новуграду имѣяху такоже и ко всѣмъ предѣломъ его. И глубоку тишину вся страна та приятъ и не бѣяше слышаниа рати во вся дни его.

И гражане любовъ зѣло между собою поучениемъ его имуще, никако же николиже усобныя брани воздвигоша между собою. Благоплодны же земля зѣло паче первых лѣтъ и гобизнено по всеи земли Ноугородцкои и Псковскои и плодовито всѣми овощми бысть зѣло.

Такова благослвениа обилна молитвами его Господь Богъ дарова граду нашему, и многоя благодаты вси насладишася, радость и веселие всѣмъ бѣяше, и не бяше вражды ни мятежа, но тихость и миръ и любы во вся лѣта епископьства его.

Единою при немъ нападе на град смертоносие. Той же утѣшаше люди отъ Златаустовѣх словесъ, яко: «Сего ради язвими бываемъ им же согрѣшивше к Богови, покаяниа не взыскахомъ о грѣсех своих. В тишинѣ и пространствѣ упитавшеся аки человецы отъ веселиа забвение страха Божиа приемше прегрѣшиша, и сего ради язву смертную граду наведе. Но и се многиа милости и человеколюбиа есть Его дѣло, не подвиже бо языки ни страны приведе на расплението и расхищение предая грѣх ради. Аще бо кто и азвенъ бысть, но обаче в дому своемъ есть, и вси свои изболѣзнующе ему суть. Аще и умрет кто, ближникъ своих руками съ священническами молитвами погребается, и

священными службами помяновенъ бывает, и покаянным грѣхом милость от Бога отлучает. И нынѣ к покаянию прибѣгше, милостива Господа Бога сотворите, унша дѣла своя творяще, и со здравиемъ спасение восприимете себѣ». Тогда же молитвовавше людие вси и храм въ имя святаго Сумеона в Зверинцах создаша.[34] И тако язвѣ смертнѣи погыбши, и Божиа милость паки людемъ многа бысть. И паки радости людие о Божиих дарованиих исполняхуся, безъ возмущениа и без скорби выну пребывающе, веселяхуся.

*Б*лаженный же архиепископъ Иона състарѣвся бѣяше, и нозѣ ему тяжестнѣ быша зѣло, и ко блаженнѣй кончинѣ зряше, завѣтъ своею рукою списа о монастыри своемъ, яко не насиловати ему, снабдѣти же братии своей, иже бывающим по нем архиепископом поручи самъ, якоже Иаковъ, прострѣ нозѣ свои на ложи своем[35] и скончася во блаженную кончину праведных.

Подобающая о немъ пѣниа сотворше, вложиша на то устроеных ему ковчегъ дубовъ, честное тѣло его покрывше дъскою в ковчезѣ, на нейже назнаменаша лѣто и месяць и день преставлениа его. Поставиша той въ гробѣ въ церкви славнаго Предтечы и крестителя Иоана, еюже самъ созда. Землею же того не посыпаша до четыредесяти дний, елико днии панахиды пѣвахуся. И понеже тѣло его и по четыредесятихъ днех не издасть воня, и по сихъ землею засыпати гроба его не произволиша, но верху гроба его дъсками древяными вышши лакти покрыша, аки вѣровавше добрѣй жизни его ради телеси его не смердѣти уповавше, якоже и прочим мертвецемъ. И второму лѣту уже исходящу по успении его и никтоже до днесь смрад обонявъ явися от гроба его. Въ церкви той присно людем поющим ту и у гроба его стоящим и мѣсту мокру сущу и водну и лѣтомъ теплым бывшимъ, обаче преподобнаго святителя тѣло не издастъ воня и до днесь. И многа исцѣлениа бываху от телеси святаго отца даже и до днесь, с вѣрою приходящим человекомъ яцѣмже недугомъ кто одержимъ бываше.

*С*иа ми воспомянушася о приснопамятнемъ семъ архиепископѣ Ионѣ, малая, иже инии оставиша иже болшая памети писавшеи, и елика ти оставиша аки мала и не вписаша к прочимъ своимъ писменомъ, мы приложихом воспомянути по блаженнем Еуфимии о священнемъ Ионѣ. Да дасть же Господь и нынѣ молитвами его благословение, якоже и при немъ: земли обилие и любов и тишину странамъ и миръ граду и людемъ его. Богу нашему слава нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

[1] *...по вторемъ архиепископѣ Еуфимии чюдотворци, иже на Вежищахъ.* — Новгородский архиепископ Евфимий II умер в 1459 г, канонизирован в 1549, назван Евфимием II в отличие от Евфимия I, похоронен в Вяжицком монастыре, основанном ок. 1411 г. Во время его архиепископства (с 1429 г.) усилилась борьба Новгорода с Москвой. Евфимий способствовал развитию местной новгородской литературы, всячески утверждая славу древних новгородских святынь, чтобы противопоставить Новгород Москве и тем самым идеологически обосновать политическую борьбу Новгорода за независимость.

[2] *...яко добрыи пастырь... въистину Еуфимие!* — Евфимий по-гречески означает «благочестивый». Автор хочет подчеркнуть значение имени архиепископа.

[3] *Не оставляа стада и бѣгая наемническы, но душу свою полагая за пасомыа своя.* — Ср. 1 Петр. 5, 2; Мф. 20, 28; Иоан. 15, 13 (заповедь о любви).

[4] *Преже бо зѣло малѣхъ днеи епископьства его въздвижеся Витовтъ, князь виленьскии...* — Великий князь литовский Витовт (1350—1430 гг.), сын князя Кейстута, соперничая с польским королем Ягайло, вел борьбу за политическую независимость Литвы. Дочь Витовта, Софья, была женой великого князя Василия I Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. Нарушая договор с великим князем, Витовт в 1404 г. захватил Смоленск, в 1426 г. ходил на Псков, а в 1428 г. на новгородские земли. В 1410 г. в Грюнвальдской битве Витовт в союзе с польскими и русскими полками одержал победу над Орденом. Летописец намекает на то, что ему «воздаст Господь через ордынских царей».

[5] *...тогда блаженному Еуфимию с послы великаго Новаграда отъ архиепископа Емелиана, иже Еуфимиемъ преименованнаго...* — Евфимий I (Емелиан Брадатый), с 1423 по 1429 г. — архиепископ новгородский и псковский. Как сообщают новгородские летописи, в 1426 г. псковичи просили его о помощи в защите от Витовта. В 1428 г. он с новгородскими послами приезжал в Порхов для вручения Витовту крупной денежной суммы серебром.

[6] *...якоже и въспоминаниих о нем сказася и блаженным Ионою, в повелѣном списании в лѣта яже архиепископьства его.* — Очевидно, имеется в виду жизнеописание Евфимия, написанное по повелению архиепископа Ионы Пахомием Сербом.

[7] *Аще и в мало лѣт прилучися ему настояти, тредесяте бо лѣт точию пасе...* — Явная ошибка: в действительности — три года. Непонятно, почему тридцать лет — может быть, имеется в виду все его подвижничество?

[8] *...в пустыни рекомѣи Отни архимандрита Харитона...* — Харитон — архимандрит киево-печерский, основатель в начале XV в. Отенского общежитийного монастыря, в 50 верстах от Новгорода.

[9] *...и игуменьства тоя обители достоинъ бывъ, прозвитерства даръ имыи.* — Пресвитер — священник. Обычно пресвитером становился человек, обладающий глубокими богословскими познаниями и мудростью.

[10] *...честному Михаилу, уродивому мирови...* — Имеется в виду Михаил Клопский. Повесть о житии Михаила Клопского см. в наст. т.

[11] *Иже, рече, не смирится, яко отроча се, не прииметь Царства Божиа.* — Ср. Мр. 10, 15, 16.

[12] *...якоже древле и къ Иеремию пророку реченое...* — Ср. Мф. 2, 17; 27, 9 (предсказание пророком Иеремией евангельских событий).

[13] *Блажени... чистии сердцемъ, яко тѣи Бога узрять.* — См. Мф. 5, 8.

[14] *Тогда честному Ионѣ, епископу рязаньскому...* — Иона, епископ рязанский, московский митрополит с 1448 по 1461 г. Был автором нескольких посланий.

[15] *Еще же и бывшаго ради лукавьства Митяева изволиша общего волею благословение напред приимати...* — Имеется в виду распря между претендентом в митрополиты, ставленником великого князя Дмитрия Ивановича, архимандритом новоспасским Михаилом (Митяем), с одной стороны, и митрополитом Киприаном — с другой. На пути в Константинополь за поставлением на митрополичью кафедру Митяй встретился в Орде с ханом Мамаем и получил от него ярлык. Не доехав до Константинополя, Митяй неожиданно умер и был похоронен в Галате.

[16] *...управися митрополиа честному Ионѣ епископу рязаньскому по Исидорѣ митрополитѣ. Сему же Исидору не по правилу пришедшу...* — Исидор, киевский митрополит, ездил в Рим на восьмой церковный собор, собиравшийся папой Евгением IV в Ферраре и во Флоренции (1439 г.), где «отступил» от православия. Обвинялся Ионой, митрополитом московским, в прокатолических симпатиях.

[17] *Уста вдовыа благословиша мя ... и зяхъ от руку грѣшничю смиренаго, изведох суд нищему.* — Ср. Иов. 29, 13, 16, 17.

[18] *...въ имя святых триех святитель: Василиа Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго...* — Три византийских писателя IV в., авторы литургий — главной церковной службы, многих «бесед», «слов» и «поучений». Считались в Древней Руси носителями богословской мудрости, для придания авторитетности их именами надписывались многие русские сочинения.

[19] *...и пол мрамореном плинфомъ...* — Плинфа — тонкий кирпич, применяемый в древнерусском зодчестве.

[20] *Прииде же московскии князь в Великий Новъград Василей, сынъ Василиевъ, и с нимъ сынове его Георгий и Андрѣй мирно.* — В 1460 г.

князь Василий Васильевич Темный с сыновьями прибыл в Новгород с мирными целями. Об этом сообщается потому, что незадолго до этого, в 1456 г., московский князь ходил на Новгород военным походом, окончившимся Яжелбицким миром. После него наступило временное спокойствие в отношениях между Москвой и Новгородом. Архиепископ Иона продолжил начатую его предшественником, Евфимием II, политику мирных отношений с Москвой.

[21] *Тогда же и великое чюдо преподобнаго Варлама сотворися на постелници княжемъ Григории, иже рязаньских боляръ сынъ...* — Во время пребывания великого князя в Новгороде возникла легенда о чудесном исцелении великокняжеского постельничего у гроба святого Варлаама Хутынского в Спасо-Варлаамовом Хутынском монастыре, основанном в 1192 г. в Новгороде. Эта легенда повышала авторитет новгородского святого и способствовала промосковской политике Ионы.

[22] *...Пахомию тогда попу сербину, от Святыя Горы пришелцу...* — Пахомий Серб, или Пахомий Логофет.

[23] *Куна* — денежная мера серебра, мелкая серебряная монета, а также куний мех.

[24] *Ктитор* — обычно основатель монастыря.

[25] *Канон* — церковное песнопение в похвалу святого или церковного праздника.

[26] *...и преподобному Савѣ, создавшему монастырь на Вешѣрѣ рѣкѣ...* — Вишерский Саввин монастырь расположен в окрестностях Новгорода. Он был основан Саввою в 1420 г.

[27] *Бысть же зовому... князьми Василиемъ и Иваном в Москву к себѣ ити.* — Имеются в виду великий князь Василий Васильевич Темный и его старший сын, будущий великий князь Иван III.

[28] *...шестьдесят поприщь...* — Поприще — мера пути, приблизительно 1066 м.

[29] *...въспомянувъ Сергиа преподобного...* — Сергий Радонежский активно участвовал в политических событиях своего времени, примирял враждующих князей, поддерживая и пропагандируя объединительную политику московского князя. В повестях о Куликовской битве говорится, что перед битвой великий князь Дмитрий Иванович получил благословение у Сергия.

[30] *Медлящу же князю ... тѣм же и запиная от мнозѣ ему.* — Имеется в виду давняя вражда Василия Темного с Новгородом.

[31] *Аще два отъ вас совѣщастася о всякои вещи ... аще что имате на кого.* — См. Мф. 18, 19.

[32] *...чюдесному Сергию отцу завѣщание исполняет: храмъ каменъ внутрь епископиа во имя его созда.* — Под 1463 г. летописная запись сообщает о поездке Ионы в Москву и о поставлении им в этом году церкви святого Сергия в новгородском детинце «при архиерейских палатах», между Часозвоней и Евфимиевским корпусом.

[33] *Тропарь* — краткое церковное песнопение в честь святого или важного священного события.

[34] *...и храм въ имя святаго Сумеона в Зверинцах создаша.* — Церковь Симеона в Зверинском монастыре (на месте бывшего зверинца, заповедного леса, в котором охотились новгородские князья) была возведена в 1467 г. на месте бывшей деревянной. Храм был «обетным», т. е. созданным по обету для усмирения эпидемии.

[35] *...якоже Иаковъ, прострѣ нозѣ свои на ложи своем...* — Имеется в виду библейский персонаж, один из сыновей патриарха Исаака. Ср.: «...ивозложивъ Иаковъ нозѣ свои на одр, умре...» (Быт. 49, 33).

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА НОЯБРЯ В ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЖИТИИ И ЧУДЕСАХ И О ПРЕСТАВЛЕНИИ БЛАЖЕННОГО ИОНЫ, АРХИЕПИСКОПА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА, КОТОРЫЙ БЫЛ ПОСЛЕ ВТОРОГО АРХИЕПИСКОПА ЕВФИМИЯ-ЧУДОТВОРЦА, ЧТО В ВЯЖИЩАХ, ОТ ГОДА 6976 (1468) ДО ГОДА 6979 (1471)

Теперь хорошо вспомнить и блаженного нашего пастыря Иону, хотя бы в кратком слове. Кстати вспомнить его здесь после преподобного архиепископа нашего Евфимия, что воссиял пред очами нашими и чью добродетель и благодеяния все мы испытали и были свидетелями им. Ведь так много потрудился он за людей своих, хорошо пася паству свою, как добрый пастырь — воистину Евфимий! Во время бедствий спокойно вел стадо свое, по Господнему слову: «Не оставляй стадо, бегая как наемник, но душу свою положи за подопечных своих».

Совсем незадолго до епископства его поднялся на новгородцев Витовт, князь виленский, подобно голодному волку нападая на людей, оружием поражая даже тех, в ком текла родная ему кровь. И со всей многочисленной литовской силой пошел он на Великий Новгород, покорить и пленить стремясь его. И город Порхов уже, словно неводом, объял множеством войск, и осаду его начал, не переставая совершать зло. И оттого весь Великий Новгород был в сильном изнеможении и военных заботах, так как незадолго до этого с немцами воевал, а также

голодом был истощен и насилиями собственного князя; и вот этот свирепый волк, словно одолеваемый голодом, напал на уставших и давно измученных людей, задумав пожрать их. Беззаконно и преступно нарушил он мирный договор, за что после воздаст ему Господь через ордынских царей! Ведь ордынские цари с татарским своим войском его многочисленное литовское войско, напавшее на них в поле, словно какие-то дикие звери, выскочившие из пещер, погубили и могучего коня его, и остальных коней захватили, а сам Витовт с небольшим полком бежал, оставив польские города и большие села без застав, думая лишь о своем спасении. И опустошили их татарские руки из-за сильного гнева их царя.

В то время, когда этот Витовт наступал на город Порхов и угрожал Великому Новгороду, блаженный Евфимий с послами Великого Новгорода от архиепископа Емелиана, который потом был Евфимием назван, ходил к воителю этому говорить о мире. И много потрудился он, стараясь лукавство и затаенное в сердце коварство Витовта усердными к Богу молитвами переменить на добро и справедливость, а явную его злобу множеством серебра укрощая. И до тех пор усердствовал преподобный в молитвах к Господу и в дарах к завоевателю, покуда тот не возвратился восвояси, а он, добившись большой радости для города своего, вернулся.

Когда вскоре после этого умер честной Емелиан, Евфимий был поставлен архиепископом. Много потрудился он, когда разгневался князь на город его и дважды поднимал неприязненно оружие на свой город. Усиленно посредничал Евфимий между горожанами и князем, одного укрощая дарами и утоляя тяжестью серебра, других же утешая добрым словом, уговаривая помириться с князем своим. Еще большую доброту проявил он к плененным и блаженным, как это видно по воспоминаниям о нем и в сказании, написанном по повелению блаженного Ионы в годы его архиепископства.

Самого же приснопамятного праведника и святителя Иону следует вспомнить, вспоминая о Евфимий, ибо после Евфимия архиерейский престол церкви Великого Новгорода украшал Иона и долг пастырский исполнял достойно и праведно. Хотя и недолго пришлось ему настоятельствовать — только тридцать лет пас он стадо Христово, — но успел проявить светлость многой доброты и благих дел.

Уже в старости пришлось ему принять помазание архиерейское, но с силой юношеской вдохновлялся он на благие дела. До архиерейства же прошел этот честной муж добродетельный путь подвижничества в Отенской пустыни архимандрита Харитона. В той Отенской пустыни

постригся он и отрекся от мира, там дал и обеты Господу; тогда монастырь этот был еще очень беден. И многие годы посвятил он тут постнической и добродетельной жизни и удостоился стать игуменом этой обители, имея дар пресвитерства. Многие же горожане и честные люди немало дивились уединению той пустыни и почитали ее обитателей, а особенно сильно любили игумена их, этого Иону, ибо видели, что сияет он добрыми делами и смирением украшен, во всем рассудителен и незлобив, и живет просто, по заповедям апостольским. Поэтому они помогали ему от имения своего, а он получаемое богатство не для себя копил, но отдавал в общественное имущество всех живущих с ним, принося этим помощь обители; устраивал, что нужно для нее, и приходы выкупал, так же как и другие обители.

Когда этот блаженный Иона был еще ребенком, Бог избрал его для благого пути и предназначил ему быть святителем в Великом Новгороде. Будучи еще отроком, потерял он родителей своих, и вдова некая, по-матерински пожалев его, взяла к себе и воспитала его как родная мать. Она же и отдала его одному дьякону для изучения священных книг. К тому же к сиротству его прибавилась и бедность, поэтому телесные болезни одолевали его, а частые хвори сделали его хилым. Привык добрый отрок этот к кроткому поведению и тихому нраву, и к весело играющим детям никогда не приближался он. А когда возвращался от учителя со многими учениками по городским улицам домой, и все по-детски весело играли, то он обычно стоял в стороне, иногда только, как ребенок, взирая на них.

Однажды, когда честной Михаил, юродивый в миру, но мудрый в Боге, шел в первый раз по городу, мальчик этот стоял в укромном уголке, а множество соучеников его в это время резвились. И, увидев блаженного Михаила, который, юродствуя, проходил по улице, все дети бросили игры свои и подбежали к Михаилу, словно к некоему чуду, и, насмехаясь и издеваясь над ним, стали, по глупости своей, кидать выбрасываемый из домов мусор ему на голову и бросать камни под ноги, ибо тогда еще никто не знал его. Ведь это было до того, как Михаил поселился в Клопском монастыре, и тогда он впервые появился в городе и ходил по нему в первый день своего прихода в Великий Новгород, во время епископства блаженного Иоанна, который покрыл золотом купол Святой Софии.

И блаженный Михаил проходил по улице, не обращая никакого внимания на безумие детей, но вдруг он устремился в конец улицы, где тихо стоял этот честной отрок. И хотя уже угасал дневной свет и наступал вечер, однако Михаил все видел светлым внутренним взором. Он подошел и, взяв отрока сего за волосы и приподняв его над собой, воскликнул: «Иван! — так назвали при крещении отрока, — изучай книги прилежно, так как быть тебе архиепископом сего великого

города». И, обняв его, отошел. И некогда Господь наш Иисус Христос одного отрока обнял пречистыми своими руками, поучая апостолов: «Если, — сказал, — не смиритесь, как отрок сей, не обрящете Царства Божия. А кто примет этого отрока во имя мое, — говорил Господь, — тот меня приимет». Так блаженный Михаил обнял отрока Иону, пророческим духом наказывая ему внимать учению Священного писания, и, никогда не зная прежде, назвал по имени — Иваном. Ведь духовными очами увидел как свершившееся то, что должно было произойти с Ионой через много лет, прозрев божественным откровением предназначенное тому от Бога святительство (так же и в древности Иеремии-пророку предсказано было Богом): «Знаю тебя до твоего зачатия и прежде твоего рождения святил тебя». И на том Ионе, если размыслить, было такое же Божие благословение.

Преподобный Михаил, из дальней земли пришелец и уроженец иной стороны, странствуя, пришел в незнакомый ему город, хотя своим величием всему свету давно уже известен город этот и славен. Но он тогда впервые пришел в сей Великий Новгород, никогда прежде не бывав в нем, — откуда же жители его известны ему, если он их раньше никогда не видел? И сразу, словно давно знал, — как своего, принял отрока, предсказав тому его будущее, словно послан был он ко отроку Ивану. И словно пришел он ради того, чтобы дать никак не ожидаемое Божие благословение ему, чистому сердцем преподобному, словно видящий божественное по Божьему слову. «Блаженны, — сказано, — чистые сердцем, так как они Бога узрят». Потому-то не взирал он телесными очами на сиротство и убожество и нищету отрока, но, поскольку свет Господень явлен был ему, сердечным взором видел он лежащее на отроке благословение. Молил он его и повелевал прилежно изучать книги, потому что тому, кто будет епископствовать, подобает многое множество народа просвещать божественным, и как бы не оказалось на глазах у всех, что он не понимает смысла священных книг. Это многое замедлит и послужит препятствием в добрых желаниях, а не то, что сан епископский нехорош. Так тогда предсказал и заповедал Ионе, еще ребенку, чудесный Михаил.

Прошло много лет, и сам пророк почил, и к Ионе старость подошла, однако слово Божие человека не миновало, и наступила предсказанная пора. Ведь после смерти честного Евфимия избранием и волей всех людей и решением всего собора Божие предназначение архиепископства Ионе сбылось, и возвели его на епископию, радуясь и любуясь его добродетелями и добронравием. После доброго своего пастыря Евфимия, утешаясь Ионой, тотчас послали послов с ним к митрополиту, и архиепископу, и к князю, прося рукоположить желанного им пастыря.

Тогда митрополичья архиепископская власть была вручена собором русских епископов честному Ионе, епископу рязанскому, и тот преподобный архиерей Иона правил митрополией. Уже давно был наречен он митрополитом русским, и было ему дано благословение патриаршее на это, еще при жизни его предшественника митрополита. По причине частых смен ордынских царей и насилия татарского труден был путь до Царьграда; из-за этого, а также из-за бывшего когда-то лукавства Митяева общею волею русских епископов решено было давать избираемому в митрополиты благословение на митрополитство заранее и рукопологать его до поставления в Царьграде, собором епископов, пока еще жив митрополит. И когда тот умрет, то будет вместо него уже нареченный митрополит и беспрепятственно, оставаясь в сане епископа, начнет управлять митрополией. Вот почему управлялась митрополия честным Ионой, епископом рязанским, после Исидора-митрополита. А Исидор этот не честным путем, но насильственно захватил престол, так как раньше него наречен был на престол Иона. Из-за этого и сан епископа имел митрополит Иона. Он же с радостью предложил честному собору нашего Иону в архиепископы Великого Новгорода. Ведь светился тот добротой и честностью и так возвысился добрыми делами на престоле своем, что можно было сравнить его с самим Евфимием или с прежними преподобными епископами. Все, что требовалось от епископа, он стремился честно исполнять и всех на праведный путь наставлял. Сам первый стал образцом благообразной жизни и обратил очи свои на вдовых, сирот и на убогих в городе, как о том сказано Иовом: «Благословили меня уста вдовых, и был я сирым, как отец. Не молчал, чтобы смирить нечестивого, судил я нелицемерно и перед лицом сильных, по заслугам наказывал притеснителей, спасал от грешных рук смиренного, суд судил нищему». Так Иона осветил жизнь свою добротой, и люди, видевшие его добрые дела, прославляли его во имя Бога Отца, по евангельскому слову.

Честной отец Иона, архиепископ наш, решил на собственные средства, а не из церковных доходов, обновить обитель архимандрита Харитона, Отенскую пустынь, в которой подвизался когда-то. И была им церковь большая перестроена, и епископы с причтом получили все необходимое, а нищие — присмотр и уход. Тогда ведь очень красиво все сделано было в большой церкви, все нанятые причетники достойно вознаграждались и нищих ничем не обошли, а монастырская казна — в целости. Отдельно поступающие к Ионе доходы он отдавал щедрою рукой на обновление Отенской пустыни. И прекрасную каменную церковь Богу поставил в ней во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста; украсил ее многими украшениями, сделанными искусными мастерами, и поместил в ней святые иконы, которые были написаны изографом, лучше которого не было тогда и не найти в наши дни. Также и все стены церковные, и столпы, и весь алтарь знаменитыми мастерами были расписаны, а пол всюду вымостили мраморной плинфой. Особенно же много вложил он в церковь священных книг: святые Евангелия с золотыми буквами, искусно окованные золоченым серебром и украшенные драгоценными

камнями. И священные сосуды из чистого серебра с лучшими камнями в церковь дал, и множество светлых священных одежд, обильно украшенных жемчугом, сделал. К тому же поставил и каменную трапезную, пристроив к ней церковь во имя святого Николы для тех, кто не мог выносить зимнего холода. Еще и во имя славного Предтечи построил он церковь впритык к паперти храма Трех святителей, возведя основание ее вплоть до закомар из камня и плинфы, верх же ее покрыл деревом, а внутри ее выкопал себе гробницу. И для того чтобы каменный свод, по какой-либо причине не удержавшись, не мог упасть внутрь и повредить гробницу его и разрушить гроб и все лежащее в нем, — Иона не камнем, но деревом перекрыл храм преславного Предтечи. Сильную веру имел он в великого и честного Предтечу, так как назван был во имя него — ведь его матери в его святой праздник случилось родить Иону. Поэтому и душа Ионы стремилась к нему, потому и тело свое хотел он в его храме положить, предавая вместе с душой и тело свое святому, свидетельствуя этим о неотторжимой вере и любви к нему. Блаженный купил для обители многие села и рыбные угодья, и во все монастыри вложил вклады серебром за обитель навечно, чтобы небогатые и оскудевающие монастыри пополнить своими приношениями и тем утешить их. Огромные и обильные средства истратил он и превратил малую обитель в большую, бывшую бедной — в богатую. А с какой любовью пекся Иона о Божьих угодниках, ведь все свое собственное имущество он истощил ради них. И вот всюду разнеслась весть о многочисленных прекрасных добрых его делах, и всеми был он любим, всем желанен, слышащим и видящим его — сладок, ибо кроток был и смиренен, ко всем безмерно доброжелателен.

Оттого-то и московские князья очень любили его и с благоговением почитали, и не раз посылали послания к нему, и от него охотно принимали ответные писания, ибо был он умен и в словах добр. Много раз случалось говорить ему пророчески. Когда же те, кого он призывал к смирению, не преклонялись к послушанию, он велел их наказывать, и его слов никогда не нарушали, а сам он кротостью на зло отвечал. Поэтому все знатные люди относились к нему с великим почтением, так как сам он был благонравен и совершал добрые дела. И занимающего столь высокое положение старца, украшенного сединами, никто не видел в гневе и гордыне, и все высоко чтили его и благоговели перед ним.

И вот пришел в Великий Новгород московский князь Василий, сын Василия, с миром, чтобы посетить архиепископа и дани свои забрать, а с ним его сыновья Георгий и Андрей. Раньше, при блаженном Евфимии, дважды приходил он с войной, а теперь с миром пришел, и часто беседовал с архиепископом, и все просьбы его исполнял князь, зная о его глубокой добродетели и о непогрешимости слов, исходящих из его уст. И, крепко возлюбя, князь почитал его, словно отца, и слушался его во всем. Тогда же и великое чудо преподобного Варлаама свершилось

над княжеским постельничим Григорием, который был сыном рязанских бояр: тогда ведь Варлаам из мертвых вернул его к жизни и от тяжелой неисцелимой болезни быстро вылечил. Очевидцами этого чуда было множество горожан, и все москвичи, случившиеся тогда в городе, и архиепископ, и сам князь, и сыновья его, и бывшие при нем бояре и воеводы. И задумал архиепископ Иона записать это для вечной памяти, чтобы знали об этом следующие поколения, что и было сделано. Тогда жил при нем поп Пахомий, серб, пришелец из Святой горы, мастер книжных сочинений. Ему-то и повелел он описать это чудо преподобного Варлаама, одарив Пахомия множеством серебра и наградив его щедро кунами и соболями. Повелел он составить и житие с похвальным словом, и канон преподобному Варлааму, а также и великому Онуфрию — службу по чину, поскольку в Отенской пустыни стоял его храм, ктитором которого был сам блаженный. Повелел Иона составить житие и каноны блаженной княгине Ольге, первой христианке в Русской земле, нареченной в святом крещении Еленой, и житие преподобного Саввы, основавшего монастырь на Вишере-реке, и житие бывшего до него архиепископом блаженного Евфимия. Не пожалел он многие богатства истратить ради светлой памяти Божьих угодников, которым предан был, любил их за добродетели и весьма чтил их.

И вот архиепископ митрополии Иона и князья Василий и Иван позвали блаженного архиепископа нашего Иону прийти к ним в Москву. И хотя архиепископу нашему Ионе из-за старости тяжко было это столь долгое путешествие, однако забота о людях своих понудила его пуститься в этот нелегкий путь. Знал ведь он, что строятся из зависти злые козни против людей его и города, поэтому-то с присущей ему простотой и смирением пришел он на помощь городу и людям, воистину — добрый пастырь, готовый душу свою положить за овец своих! Когда же он находился в шестидесяти поприщах от Москвы, то вспомнил преподобного Сергия, что в Маковце. И из любви, которую давно питал к нему, тут и дал обет возвести храм в честь преподобного наравне с другими избранными святыми, потому что нигде еще не было храма во имя преподобного Сергия.

Когда же блаженный подошел к городу Москве на расстояние трех поприщ, то по повелению князя и митрополита встретили его здесь княжеские бояре и досточтимые игумены. А когда вошел в город, то любезно и с большими почестями был принят блаженным Ионою-митрополитом. И когда пришел к князю, также любезно и с большой честью принят был им: вне княжеского двора и внутри него радостно встречали его бояре, на ступенях княжеские сыновья, каждый соответственно своему титулу, встретили Иону, ведя его под руки, а в дверях уже сам князь вышел навстречу архиепископу и, поддерживая его за правую руку, вместе с ним вошел в свои княжеские палаты. И с радостью принял князь все многие дары, что принес с собой архиепископ. Во все время пребывания Ионы в Москве много почестей

было ему оказано князем, и митрополитом, и собиравшимися на церковные службы. Князь медлил отпускать архиепископа нашего Иону в город его, ибо имел он обиду на этот город, потому и Иону всячески задерживал. Не раз оказывал князь милость архиепископу через бояр своих, но негодовал на жителей его города за то, что те не воздают ему подобающих почестей, и грозился поднять руку на город свой.

Как-то, когда собрались вместе князь Василий с сыном своим, князем Иваном, и преподобные архиепископы Иона-митрополит и владыка наш Иона, поведал князь святителям о своей глубокой обиде на Великий Новгород за то, что не почитает тот его, имеющего власть великого княжения над русскими, и потому решился он поднять руку на Великий Новгород. Иона же владыка отвечал за свой город и сказал князю в утешение много успокоительных слов. И так как князь был полон неостывающей обидой и великим гневом, то старец собрался с духом, и беря в свидетели митрополита, а скорее словно самого духа священства видя, сказал, что если не отведет князь от города его яростного ока, не сменит гнев на милость, и пренебрежет его мольбой о городе, и обрушит руку на послушных ему людей, и несправедливо будет судить ничем не обидевших его, тогда — вдумаемся в это — увидит и в детях его зависть, а вскоре за тем и раздоры. «Ныне же услышь мою просьбу, — говорил Иона, — и увещевания мои прими, как благочестивый князь и превосходящий других князей во многих добрых делах. Из-за какой-либо нечестивой клеветы не накажи невиновных, спокойно взирай на повинных и не отдавай в рабство свободных людей. Ведь для тебя самого приближаются дни, когда твой сын Иван возьмет в свои руки русские знамена, и об этом стремлюсь я вместе со всеми своими людьми усердно возносить молитвы к всесильному Богу. А больше всего прошу у Бога освобождения твоему сыну от ордынских царей за свободу моего города, а для тебя еще прошу, чтобы возвысил Господь десницу сына твоего надо всеми, и покорил он всех своих врагов, и чтобы прославился он больше предков своих, и чтобы княжеская власть укрепилась в его руках, и распространилась далеко, и чтобы сильные государства подчинились ему, если только будет жить он благочестиво и на подданных смотреть милостивым оком».

Этим пророчеством святителя старца усладился князь и обрадовался очень предсказанию освобождения сына его от власти ордынских царей, зная пророческую силу слов Ионы. И, с радостью восприняв слова о детях любимых, обещал архиепископу при митрополите охранять его людей и, уняв весь свой гнев, утвердив мир, его Великому Новгороду даровал. И просил князь у святителя твердого исполнения обещания Ионы сыну его. Помогал в этом и блаженный митрополит, и так они уповали на обещания Господа, ибо в святом Евангелии сказано: «Если двое вместе захотят просить о чем-либо, то чего бы ни попросили — даст вам Отец мой Небесный», и «когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого». Так и князь обиду и гнев на город оставил. А оба тезоименитых святителя стали молиться о прошении

князя, чтобы получил он свободу от мучений татар и ордынских царей и чтобы утвердились в его руках русские знамена. А когда все замолчали, прослезился пресвятой старец и заплакал. Князь и митрополит очень удивились этому, желая узнать от него причину плача его. Он же сказал: «Никто не обидит такое множество людей моих, никто не смирит величия города моего, если только не раздерут их усобицы, не погубят их раздоры, не разведет их коварный обман, не развеет их зависть и хитрость. Однако при моей жизни да пошлет Господь мир и тишину и благословение людям моим». Тогда же архиепископ Иона просил обоих князей дать право своему монастырю самому решать свои дела, чтобы оградить монастырь от всякого притеснения и от самих княжеских наместников и чтобы всех крестьян и работников монастырских не судили. Ибо видел он в душе, что его люди не смогут из-за лжи и насилия удержать свободным до конца город свой, и просил для Отенской пустыни независимости навсегда. И вот князья с радостью исполняют эту просьбу, составив о том грамоту архиепископу и скрепив ее двойной позолоченной печатью с изображением обоих князей. Тогда же и сам князь Василий, поверив в обещанное ему от святителя, духовную грамоту составил, указав своим сыновьям и жене города во владение и то, какую им дань давать будущему великому князю, старшему сыну Ивану. А если же ордынские цари будут подстрекать их, чтобы не давали дани великому князю, тогда прогонит их Господь от лица русских князей.

И так с большими почестями и благоговением отпустили князья архиепископа нашего Иону. Князь с сыновьями и их бояре устроили торжественные проводы преподобному. И блаженный Иона-митрополит глубокую любовь к нему питал, также и князья были полны любви, видя в смирении Ионы мудрость и кротость, благодушный нрав добродетельного старца. И столь глубокая благодать была дарована ему от Бога перед всеми видящими и слышащими его, что никто не оспоривал его, но еще сильнее преклонялись перед ним, устыдясь его добродетелей, и все боялись непогрешимых слов уст его.

Вернувшись из Москвы, он тотчас исполнил обет, данный чудотворцу отцу Сергию: построил в епископии каменный храм в честь его имени. Храм он всячески украсил и поставил его образ в нем, ибо очень любил преподобного и, часто приходя в храм, молился. Вскоре же быстроходный посол от митрополита Ионы прибыл к архиепископу Ионе с грамотами, в которых сообщалось о болезни святителя и об ожидании им блаженной кончины. Поэтому тот умолял Иону, чтобы он доставил ему радость увидеться с ним и успокоиться тем, что он укажет на епископа, достойного занять высокое место митрополита, да будет этим предупреждено возможное коварство и недостойный не займет этого места. Просил он, чтобы Иона сам, пречистыми своими руками, предал его земле и рукоположил епископа митрополии. Архиепископ прочел это послание митрополита и, горько заплакав, сказал: «Большой благодати лишается ныне Москва и с нею вся Русская земля, хороня

такую доброту мира». Тотчас же архиепископ Иона написал митрополиту Ионе послание, поведав о том, что сам он объят старостью, к тому же и ноги больные. И обещал Иона, что порадуется встрече с ним после смерти, в день всеобщего воскресения святых: «Еще больше я порадуюсь с ним, получая награду от начальника пастырей». О поставлении же епископа на митрополию писал, что, кого Иона в душе изберет и благословит, того и он готов принять.

После смерти преподобного святителя, митрополита Ионы, архиепископ Иона просил упомянутого попа Пахомия, монаха из Святой горы, составить «память» и канон службы священному Ионе-митрополиту, зная о его добродетелях, и память о нем он почтил канонами, наравне со святыми. Много уговаривал Пахомия Иона, соблазняя его золотом и соболями, чтобы написал он для него еще и канон преподобному Сергию, дабы сохранилась память о нем в храме его. Пахомий же не очень внимал архиепископу, готовясь сам идти в московские пределы. Но пришлось ему составить канон блаженному митрополиту Ионе, а в нем указать в конце тропарей, что по повелению архиепископа Ионы написал он каноны митрополиту Ионе. Но не смог Иона заставить его написать ни жития, ни канона Михаилу Клопскому и никому другому, ни одному из тех святых, чью память хотел бы отметить архиепископ, Иона ведь очень заботился о Божьих угодниках, как уже говорилось прежде.

После смерти великого князя Василия сын его Иван принял княжеское знамя и сразу же отослал послов к блаженному Ионе-архиепископу в Великий Новгород, прося молиться за него всесильному Богу, как обещал раньше, чтобы утвердить его княжескую власть, и покорились бы враги под его руку, и все бы удавалось ему. Еще просил он молиться об освобождении от мучительств ордынских царей и татар. Архиепископ же Иона наказал ему, — чтобы не обмануться в надежде, — помнить, как твердо обещал его отец и в духовной своей записал и завещал: не мучить данью братию свою и после уничтожения Орды. И так как Господь Бог не оставит без ответа слезы скорбящих и моления многих, то как вершащий судьбами мира изведет он Орду, только сам князь пусть живет честно и спокойно правит своей вотчиной. И пусть в будущем также помнит князь о монастыре своем — об Отенской пустыни, и дарует ей грамоту свободную, и суд свой установит по грамоте, данной монастырю его отцом, и печатью скрепит. Услышав такое наказание от архиепископа и вняв с радостью его просьбе о монастыре, князь Иван исполняет ее, даруя и собственную грамоту монастырю вслед за грамотой отца. Утвердил он свободу и суд свой монастырю, как и прежде в грамоте отца его, князя Василия, было. И скрепили грамоту позолоченною печатью с изображением князя, дабы повеление его было непоколебимо.

И не только московские великие князья питали сильную любовь к этому преподобному, но и тверские, и литовские, и смоленские, и полоцкие, и немецкие, и другие все, и все соседние земли во все время его епископства крепко любили его, и в мире жили с Великим Новгородом и со всеми его пределами. А земля Новгородская пребывала в полной тишине, и не слышно было войн во все дни архиепископства его.

И новгородцы по наставлению Ионы жили в любви между собой, никогда не затевали междоусобных распрей друг с другом. А земля плодоносила больше, чем в другие годы, и во всех новгородских и псковских пределах было изобилие всяких плодов.

Таково было благословение, дарованное Господом Богом городу нашему по его молитвам, и все наслаждались многочисленными благами, веселье и радость настали всюду, и не было ни вражды, ни мятежа, но тишина, мир и любовь — во все годы епископства его.

Однажды при нем охватила город моровая язва. Он же утешал людей словами Златоуста: «Потому наказывает нас Бог, что согрешили против него, не покаялись в грехах своих. В мире и покое, насытившись всем, согрешили мы, как люди, забывшие за весельем о страхе Божием, и за это Бог навел на город наш смертоносную язву. Но и так много милости и человеколюбия оказывает он, не пустив за грехи наши другие народы и страны пленить и разорить нас. Если кто и заболел, то ведь в доме своем, и все родные ухаживают за ним. Если же кто и умрет, то руками своих близких, с молитвами священника будет погребен и поминают его во время церковной службы, и с покаянием получает он милость от Бога. И теперь, к покаянию прибегнув, умилостивите Господа Бога, делайте свои дела лучше и, выздоровев, получите спасение свое». Тогда все начали молиться и поставили храм во имя святого Симеона в Зверинцах. Так утихла смертоносная язва, и снова была дарована людям Божья милость. И снова радовались люди Божьим дарам, без тревог и печалей жили, веселясь.

Блаженный же архиепископ Иона состарился, тяжко заболели ноги его, и, предвидя блаженную кончину, своей рукой он составил завещание о монастыре своем, чтобы не притесняли его, а охранять братию свою поручил он архиепископам, что будут после него, и, словно Иаков, вытянул ноги на ложе своем и скончался блаженной смертью преподобных.

Сотворили подобающее пение над ним, положили честное тело его в устроенный для этого дубовый ковчег, покрыли доскою в ковчеге, а на ней отметили год, месяц и день кончины его. Поставили этот ковчег в гробнице, в церкви преславного Предтечи и крестителя Иоанна, которую Иона сам построил. Землею его не засыпали сорок дней, пока совершались панихиды. А поскольку тело его и после сорока дней не издавало запаха, то решили и тогда не засыпать его гробницу, но верх гроба его покрыли деревянными досками на высоту в локоть, так как верили в его добрую жизнь, надеялись, что не будет смрада от тела его, как бывает с другими мертвецами. И вот уже прошел второй год после успения его, а до сих пор никто в этой церкви не почувствовал запаха тления на его гробнице. В церкви этой всегда стояли поющие над гробом его, а место мокрое, и водное, и летом теплое, однако тело преподобного святителя не издает запаха до сих пор. И от тела святого отца совершалось и до сих пор совершается много исцелений людей, страдающих каким-либо недугом и с верой приходящих сюда.

Все это вспомнилось мне о приснопамятном этом архиепископе Ионе, малое, потому что другие о нем не писали, писавшие большие воспоминания, и поскольку те пренебрегли им как чем-то малым и ничего не сказали о нем в прочих своих писаниях, мы постарались вспомнить после блаженного Евфимия о святом Ионе. Да подаст же Господь и ныне по молитвам его благословение — как и при жизни его: земле обилие, и любовь и тишину странам, и мир городу и людям его. Богу нашему слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

РАССКАЗ О СМЕРТИ ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

Рассказ о смерти Пафнутия, основателя и первого игумена Пафнутиева Боровского монастыря, написан учеником Пафнутия, иноком Иннокентием. Основанный Пафнутием в 1444 г. в трех верстах от города Боровска монастырь стал одним из крупнейших русских монастырей. Пафнутию и основанному им монастырю покровительствовал великий князь московский Иван III Васильевич, вкладчиками монастыря были многие князья и бояре, постриженниками Пафнутия были такие известные идеологические деятели XVI в., как волоцкий игумен Иосиф Санин и его брат Вассиан — архиепископ ростовский. Однако рассказ Иннокентия замечателен не только тем, что он посвящен столь известному и ннтересному человеку, как Пафнутий Боровский, но и характером этого рассказа, тем, что это живая, непосредственная хроника последних семи дней его жизни,

написанная близким к нему человеком. Иннокентий написал свой рассказ вскоре после описываемого события, но это были не дневниковые, непосредственно составляемые в те дни записи — он имеет в виду и то, что произошло через определенное время уже после смерти Пафнутия; таким образом, рассказ этот писался в 1477—1478 гг.

В первом десятилетии XVI в. Вассиан напишет «Житие Пафнутия Боровского», и рассказ Иннокентия о смерти Пафнутия будет в числе его источников. Характерно, однако, что источник этот был использован Вассианом в очень незначительной степени. И это не случайно — рассказ Иннокентия резко расходился с требованиями житийного жанра. Перед нами рассказ не о чудесной кончине святого, а о смерти человека, постигшего в свои последние дни всю суетность уходящей жизни, и рассказ этот замечателен не только живой и глубокой передачей душевного состояния умирающего человека, его поступков час за часом в эти дни, но и той живостью и непосредственностью, с которыми Иннокентий описывает жизнь монастыря, свои собственные чувства и мысли, поведение монастырской братии и всех, кто побывал в это время в монастыре. Д. С. Лихачев пишет, что это произведение «своеобразное литературное “чудо” XV в.: «...налицо такие явления литературного ряда, которые осознанно вступают в литературу значительно позднее. Перед нами как бы бессознательный, стихийный средневековый натурализм. Раньше, чем характер человека был открыт в литературе, здесь перед нами выступает вполне четко обрисованная индивидуальность: волевой, очень решительный человек, необыкновенно сильный и властный, старчески раздражительный и упрямый» (*Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 129).

Текст рассказа Иннокентия публикуется по списку — РГБ, ф. 113, собр. Волоколамского монастыря, № 515, сборник XVI в., л. 395—419.

ОРИГИНАЛ

О Господи, спаси же! О Господи, поспѣши же!

Молитва: Владыко мой, Господи Вседръжителю, благымъ подателю, отче Господа нашего Иисуса Христа! Прииде на помощь мнѣ и просвети сердце мое на разумѣние заповѣдий твоих и отверзи устнѣ мои на исповѣдание чюдес твоихъ и на похваление угодника твоего. Да прославится имя твое святое, яко ты еси помощник всѣм, уповающимъ на тя. В вѣкы аминь.

Възмагающу мя Господу Иисусу Христу и того свѣту, всенепорочнѣй Матери и угодника ея, о нем же мнѣ нынѣ слово. Аз же, окаанный, что имам рещи? Невѣжда сый и грубъ, паче грѣховъ исполненъ.

Исповѣдати хощу о тацѣм свѣтилѣ, святѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Пафнутии,[1] аще и не достоинъ есмь отъ начала житиа его споводати, ниже пакы онъ требуаше сия отъ мене, понеже Божий человекъ выше нашея похвалы; но души своей на въспоминание, паче же — на обличение, да не реку — на осужение. Не вѣмъ, како получивши сожительство такова мужа, и многым лѣтом единокровенъ быти, и толика учения его насладитися, и любви его со мъногымъ изообильством восприяти, аще и дерзостно ми есть рещи, якоже ин никтоже.

Въ лѣто 6985, и индикта 10,[2] по святом же и честнѣмъ праздницѣ Пасхы, въ четверг 3 недели, назавтрее Георгеева дни,[3] в 3 час дни,[4] позва мя старець походити за манастырь. Егда же изыдохом, тогда начатъ шествовати кь пруду, егоже създа многым трудомъ своимъ. Егда же приидохом на заплот, узрѣ поток водный, явльшийся под мостъ, и начат мя учити, како заградити путь водѣ. Мнѣ же о сем рекшу: «Азъ иду съ братьями, а ты нам указывай», — ему же рекшу: «Нѣсть ми на се упражнения, понеже ино дѣло имамъ неотложно, по обѣде имам нужнѣе дѣло». Пакы старець възвъратися в монастырь, у же время литургии. Егда же свершися божественая служба, тогда с братьями в трапезу по обычаю шествоваше и пищи причастися.

Егда же 6-му часу скончавшюся, тогда прииде ко мнѣ ученикъ старцев юнный Варсануфье и рече ми: «Старець Пафнотей посла къ тебѣ, поиди, идѣже ти сам повелѣхъ».

Мнѣ же смутившуся о семъ, скоро вьстах и идох къ старцу, и отворивъ дверь, и видѣхъ старца сѣдяща въ сѣнехъ у дверей на одрѣ въ велицѣ устроении, ничтоже глаголюща ко мнѣ. Аз же рѣх ему: «Что ради не изыдеши самъ? Нужи не имаши?» Блаженый же рече ми: «Нужу имам, ты не вѣси, понеже съуз хощеть раздрѣшитися». Мнѣ же недоумѣющуся и понеже страхом обьят бых о необычных его глаголѣхъ, не смѣях ничтоже рещи, и изыдох на неже мя дѣло посла.

Поях с собою братию, их же ми повелѣ, и преже со старцемъ бывшая ученика его Варсанофья, Зосиму и Малха. И мало тружьшиемся възвратихомся в монастырь, ничтоже усьпѣвше, понеже мног мятежь в душах имѣюще. И обрѣтох старца в кѣльи сѣдяща. Тогда глагола ми: «Скоро пошли ко князю Михаилу,[5] чтобы ко мнѣ сам не ѣхал, ни присылал никого ни о чем, понеже ино ми дѣло прииде».

Егда же приспѣ вечерни время, тогда не возможе нти с братиями на вечернее правило.[6] По отпущении же вечерни братиа приидоша къ кѣлии старца увѣдѣти, что ради не приде в собор. Старець ни единому не повелѣ внити к себѣ, рекъ: «Въутрений день да сберутся вся братия». Такоже и на павечернее правило не возможе изыти. Мнѣ же не отступающу его, рече бо ми: «В сий же день четверток имам премѣнитися немощи моея».

Мнѣ же дивяшуся о необычных глаголѣхъ. Таже повелѣ ми павечерницу проглаголати,[7] таже отпусти мя ити в кѣлию мою. Мнѣ же не хотящу, едва изыдох. Тогда не обрѣтох покоя всю нощь, но без сна пребывах, множицею и к кѣлии старца прихождахъ в нощи и не смѣях внити, понеже слышах его не спяща, но молящася. Ученику же его, юну сущу, ничтоже от сих вѣдящу, точию сну прилежащу.

Егда же бысть час утрени, тогда вжегъ свѣщу, поидох, понеже заповѣдь имам от старца преже многых лѣтъ во время пѣниа приходити и часом времена являти. Повелѣ братии поити на утренее славословие, мнѣ же повелѣ у себе полунощницу и завтреню проговорити,[8] сам же въставъ сѣдѣше, дондеже скончах.

Егда же бысть день, пятку сущу, тогда по молебном правилѣ священници и вся братиа приидоша благословитися и видѣти старца. Старець же повелѣ всѣм безъ возбранениа входити и начатъ съ братиею пращатися, старець же, въставъ, сѣдѣше.

Прилучи же ся в то время старець Кирилова монастыря,[9] ему же имя Дионисие, художествомъ часовникъ. Тогда и тьй влѣзе съ братьею прощение прияти. Дионисию же много молящуся, дабы его благословилъ рукою старець, ему же и слышати не хотящу. Много же стужаще о сем. Тогда, оскръбився, рече старец: «Что от мене, господине старець, отъ грѣшна человѣка ищеши благословениа и помощи? Я самъ въ час сей требую многы молитвы и помощи!» Ему же изшедшу, старець же пакы воспомяну й, глагола: «Что сему старцу на мысли? Я сѣжю, сам себѣ не могу помощи, а он от мене рукы требѣаше».

Братии же всей собравшимся, и немощным, и слѣпотою стражющимъ, и по прощении не хотящим отити. Старець же понуди отъити когождо в кѣлью свою. Бѣ же тогда братии числом 95. Мнѣ же не отступающу от старца ни на мал час, старець же о всем млъчаше, развѣ точью молитву Иисусову непрестанно глаголаше.[10]

Егда же приспѣ час литургии, приде священник благословитися по обычаю, понеже обычай имѣють священници на всяк день благословятися у старца, в кѣлью приходяще. Священник же поиде на божественую службу. Самъ же начать облачитится в ризы своя, понеже хотяше ити въ святую церковь къ божественѣй службѣ, мнѣ же ему с братьею во всем помогающу.

Егда же свершися святая литургиа, взем святыя дары,[11] изыде из церкве, братиямъ его провожающимъ, шествуя с посохом, опочивая мало, не дадяше себѣ свершенѣ прикоснутися братии или водити весма, но со многымъ опасением приближахомся ему.

Егда же бысть въ кѣлии, отпусти братию, сам же взлеже немощи ради. Мнѣ же оставшу у старца, аще о чемъ помянет. Ничто же о пищи рече, точью повелѣ ми сыты,[12] мало воды сладчае, дати себѣ жажди ради. Отнелиже разболѣся, ничто вкуси.

По малѣ часѣ присла князь Михайло Андрѣевичь диакона своего увѣдѣти, что ради не повелѣ ему старець у себе быти, якоже рѣх преже, и что прилучися старцу. Мнѣ же сказавшу, что князь присла, ему же ничтоже отвѣщавшу, точию отпустити повелѣ: «Нѣсть ему у мене ни о чем дѣла».

В то же время привезоша грамоты от предѣла тферьскаго да деньги золотые; мнѣ же явившу ему, он же повелѣ к себѣ внити пришедшим. Аз жеж, взем грамоты и деньги, принесох в кѣлью к старцу, таже явих ему: «Азъ прочту грамоты пред тобою». Старець же не повелѣ прочести, повелѣ отдати принесшим. Мнѣ же глаголющю: «Повели мнѣ взяти, нам то надобе», — старець же оскорбися на мя и запрѣти ми, рек сице: «Ты возмешь — ино то я взял».

Обычай же имѣше стрець всегда Пречистые имя нарицати и надежу имѣти, и рече: «Еще, брате, у Пречистой есть братии что пити и ѣсти. Они прислали не моея ради пользы, но от мене, грѣшьнаго, требуют молитвы и прощения, а я, видите, самъ наипаче во время се требую молитвы и прощения».

Аз же ничтоже ино рѣх, точью прощения прося о всем, и отпустих я отъ монастыря со всѣмъ. И испытах ихъ, о нейже вещи приидоша, и вся тако суть, якоже ми старець рече.

Обычай же бѣ старцу: егда кто от братии в немощь впадаше, тогда старець прихожаше к брату и воспоминаше ему послѣднее покаание и святых даровъ причащение. О себѣ же ничтоже о сих глаголаше, нам же дивящимся, еда како в забвение приде о сихъ старець.

По малѣ часѣ приде церковный служитель, глаголя: «Время вечерни приближися». Нам же глаголющим, старець начатъ осязати ризы своя. Мнѣ же выпросившу: «Камо хощешь изыти, еда нужи ради коея?», — ему же рекшу: «Имам ити къ вечерни». Начахом старца облачити в ризы его, таже взят посох свой, нам же спомогающим ему со обою страну, не дадяше старець приимати за руцѣ, развѣе за ризы помогахом ему.

Егда же приде въ церковь, тогда ста на своем мѣстѣ, аз же ему уготових сѣдалище. Старець же, на посох руцѣ положь, таже главу преклонивъ, стояше. Егда же братия начаша стихиры пѣти,[13] тогда старець начатъ пѣти съ братиею по обычаю. Обычай же имѣше старець ни единого стиха мимоити с молчаниемъ, но всегда пояше съ братиею. Егда же случашеся не услышати ему стиха или коего слова вь стихѣ, тогда повелѣваше кононарху[14] пакы възвращатися множицею и повторяше стихы, дабы извѣстно разумѣлъ.

Скончанѣ же бывши вечерни, наченьшу священнику понахиду,[15] понеже предание святых отець по обычаю церковному в пяток вечеръ всегда помяновение о усопших бываеть. Братиа хотяще старца в кѣлью вести, ему же не хотящу, рече бо: «Азъ требую паче слышети, понеже мнѣ нужнѣйше, к тому не возмогу слышати». Братиа же начаша пѣти «Блажени непорочни». Старець же усердно припѣваяше братьямъ, якоже братиамъ мнѣти, еда како легчае ему бысть.

По скончании правила излѣзе старець из церкве. Идущу же ему в кѣлью, священници же и прочая братия шествують по старцѣ, провожающе. Егда же приде въ кѣлью, тогда отпусти всѣхъ съ благословениемъ и прощением и самъ у всѣхъ простися. Мнѣ же и иному брату, именем Варсонофию, не отлучающуся ни единого часа. Старцу же взлегшу изнеможения ради телеснаго, намъ же безмолствующим, и по малѣ часѣ приде паномаръ,[16] прося

благословения на павечернее правило. Старець братиямъ повелѣ пѣти, сам же не возможе поити, мнѣ повелѣ у себѣ проговорити павечерницу.

По соборнѣмъ отпѣтии пакы приде Арсение. Аз же рѣх ему: «Азъ иду въ кѣлью, ты же возми свѣтилник, възжи да посѣди у старца, дондеже прииду». Обычай же бѣ старцу никогдаже по павечернѣмъ правилѣ свѣщѣ или свѣтилнику горѣти, но всегда в нощи молитву творяше, множицею же сѣдя усыпаше, вервицу в руках держаше,[17] Иисусову молитву глаголаше. Егда же възженъ бысть свѣтилникъ, старець же во изнеможени лежаше, аз же, приемъ благословение, идох в кѣлью мою малаго ради покоя.

Едва уснух от многых помыслъ о старцѣ, пакы же съкоро убудився, въстах и идох в кѣлью старца. Старец же лежаше, молитву творяше. Аз же, сотворь молитву, възвѣстих ему утрьни час. Старець же не возможе поити, аз же глаголахъ ему полунощьницу и прочее правило, он же, въставъ, сѣдѣше, моляшеся.

Егда же бысть день, обычай же бѣ многолѣтный старцу на всякъ день молбены пѣти, или праздникъ или простъ день, — иногда дващи, множицею и три случашеся, — братия же начаша пѣти въ соборѣ, мнѣ же повелѣ у себе проговорити канон[18] Иисусовъ, таже Пречистой похвалный. Егда же изглаголахъ, тогда мало умлъчах, таже с тихостию въставъ, начах себѣ часы глаголати.[19] Старець же, въставъ, сѣдѣше. Аз же въпросихъ: «Что ради въставъ сѣдиши? Еда вонъ хощеши изыти?» Ему же рекшу: «Сего ради сѣжю, — ты часы глаголеши, а мнѣ лежать?» Мнѣ же удивльшуся великому трезвѣнию блаженаго.

Помалѣ же начать понуждати на божественую службу. Аз же възвѣстих служителю церковному. Старець же начат облачитися в ризы своя, нам же спомогающим ему. Старцу же пришедшу въ церковь, стоящю же ему на обычном мѣстѣ. Егда же свершися божественая служба, старцу по обычаю вземшу святыа доры, излѣзе изъ церкве.

Егда же бысть в кѣлии, аз же уготовах ему малы потребы, еда како вкусити восхощет. Отнелиже разболѣся, ничтоже вкуси, развѣ воды мало медом услажены, едва познаватися сытѣ, меду же кислего или квасу никакоже вкуси. Мнѣ же понужающу вкусити немощи ради, старець же рече ми: «Не токмо не полезно есть, но и пагубно пианому умрети».

Мартирию же диакону сущу, тогда по старцеву благословению имущу службу на трапезѣ представляти мед и пиво братьям. Тогда ему пришедшу благословитися у старца, что повелить братии взяти на трапезу пити, старець же повелѣ ему мед лучший всегда взимати на трапезу, рекъ сице: «Братиа да пьють, после мене миряне то попиють». Аз же рѣх ему: «Днесь и сам вкуси, понеже субота есть, еще же Пятдесятница».[20] Старець же ми рече: «И азъ вѣм, что субота и 50-ница, но писано въ правилехъ: “Аще и велика нужа будет, ино три дни попоститися болящему причащения ради святых тайнъ”. Мене же видиши немощна суща. Аще Господь сподобит и пречистая Богомати, заутра хощю причаститися святым тайнам».

Мы же почюдихомся великому его опасению: преже помышляхом, якоже напреди рекох, еда како в забвение приде о сих старец, а онъ отнелиже разболѣся, от того часа посту прилежаше, а нам ничтоже о сих яви.

Таже братию отпусти в трапезу ити на обѣд, сам же мало упокоися немощи ради. Братии же заповѣда, да не стужають ему ни о чемъ, дондеже сподобится божественаго причащения святых даров.

Се же ему обычай бяше многолѣтный: егда хотяше причаститися святым тайнамъ, тогда всю неделю пребываше молчя не токмо от мирян, но и с братьею не глаголаше и о нужных вещехъ, ни живущему с ним в кѣльи что глаголаше. Постъ же ему всегда обыченъ бѣше.

Нам же отшедшим кождо в кѣлью свою. По малѣ врѣмени посылаеть ученика своего и призывает священника, именем Исаия. Преже не бѣ ему обычай сего призывати. Священнику же вшедшу въ кѣлью старца и стоящу, старець же съ смирениемъ начатъ глаголати ему о духовных дѣлех. Священнику же о семъ недоумѣющуся, паче же страхом и трепетомъ одержим о старцевых глаголѣхъ, якоже сам извѣствоваше мнѣ. Таже повелѣзаеть ему покаание прочести и прочая по ряду. И благословение приемлеть и прощению сподобляется, преже от Бога прощеный.

Въ то же время присылаеть князь Михайло Андрѣевич духовника своего попа Ивана старца посѣтити, — и сам князь много желаше ѣхати къ старцу, но не смѣяше безъ повелѣния, — аще ли не повелить ему быти у себе старець, да благословить и простит его старець и сына его князя Ивана? Старець же не повелѣ попу Ивану к себѣ внити, ниже бесѣды сподобитися. Он же много братию моляше, ни единого обрѣте довести

его до старца. Послѣжде и ко мнѣ приходить со княжим словом, чтобы видѣти старца и князем повелѣнная глаголати. Мнѣ же, вѣдящу старцевъ разумъ и твердость нърава, не смѣющу о томъ и глаголати. Ему же много на се мя нудящу.

Аз же единъ идох кь старцу и сказах ему, что: «Князь Михайло прислалъ попа Ивана тебе видѣти и чтобы еси благословил и простил князя Михайла и сына его кънязя Ивана». Ему же молчащу. Аз же не обрѣтъ дрързновения кь старцу, по малѣ часѣ восхотѣх изыти, сотворивъ метание. Преподобная же она глава ни тогда мя скорбяща отпусьти, рече бо ми: «Дивлюся князю, съ чѣм присылаеть — “Сына моего благослови, князя Ивана”, а князь Василей ему не сынъ ли? Самъ на ся раздѣлися.[21] Богъ вѣсть, гдѣ имат обрѣсти миръ и благословение!» Таже рече ми: «Ни о чемъ ему у мене дѣла нѣт, аще и самъ князь бы был».

Аз же, и не хотя, сия вся извѣстих попу Ивану. Он же, не увѣрися моими словесы, на ину мысль преложися: восхотѣ вечерни ждати, да сподобится бесѣды и благословения от старца. Егда же бысть время вечерни, тогда съ старцем идохом въ церковь, попъ же, предваривъ южными враты, съкоро вниде в церковь, хотя получити желаемое. Старець же, ощутивъ пришествие попа, скоро вниде въ светый олтарь. Егда же попъ изыде изъ церкве, таже и от моностыря, тогда старець излѣзъ из церкве, идяще въ кѣлью свою.

Таже отпустивъ братию, к тому ничтоже бесѣдуя, понеже на всенощное пѣние с братиею готовяшеся, рече бо: «К тому прочее не мощно ми будеть напред свершити». Мы же мнѣхом: изнеможения ради телеснаго сия глаголеть, — послѣжде разумѣхомъ, яко отшествие свое назнаменаше намъ не явѣ, но яко да не оскоръбит нас. Таже повелѣ мнѣ у себе Святыя Троица канон проговорити, сам же бѣ во мнозѣ подвизѣ.

Мало по захожении солнца сам воздвиже братию на всенощное бдѣние, понеже на се много усерден бѣ. Братиам же дивящимся многому его тщанию, никакоже ослабѣ, дондеже свершися всенощное правило. Уже дни освитающу умаления ради нощнаго, тогда повелѣ Иосифу крилошанину[22] правило ему обычное свершати. Таже и к святому причащению молитвы изглаголавъ, старець же начат поспѣшати, со многымъ тщаниемъ шествуя во святую церковь, священнику же повелѣ свершати святую литургию, сам же пребысть вь святѣмъ жрьтвеницѣ до причащениа божественаго тѣла и крове Христа, Бога нашего.

Егда же свершися божественая служба, старець прииде вь свою кѣлью, братьи провожающим его. Мнѣ же мало нѣчто уготовльшу, аще пищи причаститися восхощеть: отнелиже разболѣся, ничтоже вкуси. Братьям же понудившим на се. Старець же не восхотѣ нас оскрбити: не естеству желающу, мало нѣчто вкуси, паче же братию понуди ясти отъ уготованых ему. Он же от многаго труда упокоися мало.

Въ то же время от великого князя Ивана Васильевича[23] скоро достигоша послания, понеже нѣкоимъ мановениемъ, или от Бога, или отъ скоропришедших человекъ возвѣщено бысть ему. Посланный же Федя Викентиев приходить ко мнѣ и рече ми слово великого князя: «Доведи мя до старца до Пафнотья, князь великий послалъ к нему грамоту свою». Аз же рѣх ему: «Никтоже от мирянъ входить кь старцу, ниже самый князь, аще ли же истинну ти реку — ни пославый тя внидет». Он же рече ми: «И ты донеси послание и возвѣсти ему».

Аз же, взем запечатано послание, принесох кь старцу и сказах ему вся подробну реченная посланым. Старец же ми рече: «Отдай то послание пакы принесшему, да отнесеть пославшему: уже к тому ничтоже требую отъ мира сего, ниже чести желаю, ниже страха от мира сего боюся». Аз же рѣх ему: «Вѣмъ и азъ о тебѣ сия тако суть, но Бога ради намъ полезное сотвори, понеже хощет князь великий; о сем оскръбитися, не разгнѣви его!» Старець же паки рече ми: «Истину вам глаголю — не разгнѣвите Единого, ничтоже вам успѣеть гнѣвъ человѣчьскый. Аще ли же Единого разгнѣвите, еже есть Христосъ, никтоже вам помощи может. А человекъ, аще и разгнѣвается, пакы смирится». Аз же не смѣях ничтоже рещи, точью изшед рѣх ему вся предреченая и послание отдах; он же, и не хотя, скоро изыде изъ монастыря и с посланием.

Въ то же время приспѣ посланый от матери великого князя, христолюбивые и благочестивые великие княгини Марии,[24] понеже велику вѣру имѣше кь Пречистые монастырю и любовь кь своему богомольцу, старцу Пафнотью, якоже инъ никтоже. Аще и не бѣ преже такова, но добродѣтелию старцевою усугуби сторицею преложение свое на благое къ старцу со истинным покаянием. Таже и от великие княгини Софьи грекини[25] приспѣ посланый с посланиемъ, еще же и деньги златые приносить.

Мнѣ же старьцу возвѣстившу, старець же никако от принесеных взяти повелѣ, паче же оскорбися многаго ради стужения. Множае же азъ оскорбихся, молву творя старцу, пришедшимъ на се нудящим мя по слову посылающих. Аз же, изшед от старца, отпустих ихъ и со златом. Не токмо же от князя и от княгини, но и от прочего народа, отъ боляр

же и от простых, со всѣх странъ приходящих, мы же о сих ничтоже старцу рещи смѣяхом, понеже искусихомся от предиреченных.

Пакы же приидох кь старцу, тогда рѣх ему: «Добрѣ неможешь, государь Пафнотей?» Старець же рече ми: «Ни так ни сякъ, видиши, брате, сам; болѣ не могу, понеже изнеможение телесное приде, а выше силы ничтоже ощущаю от болѣзний».

От пищи же ничтоже вкушааше: питаем бо бѣ Божиею благодатию. Аще и повелить что устроити на въкушение, егда же принесена будуть, тогда сладцѣ похваляше и глаголаше братии: «Ядите, а я съ вами, понеже добра суть», — видящим, яко бы рещи по Лѣствичнику,[26] чрѣвообьястна себе показоваше.

Пища же его бѣ всегда братнее угожение, сам же всегда худѣйшая избираше. Не ткъмо о пищи, но и келейное устроение вся непотребна. Еще же и ризы его, мантия, ряска, овчая кожа, сандалия ни единому от просящих потребна быша.

Бесѣда же его вся проста, сладцѣ бесѣдоваше не токмо братиям, но и мирьскымъ и странным. Не по человекоугодию, но по Божию закону вся глаголаше, паче же дѣлы творяше. Не устыдѣся никогдаже лица княжска или болярска, ни приносом богатых умягчися когда, но сильным крѣпко закону соблюдение глаголаше и заповѣдем Божиимъ. Простым же тако же бесѣдоваше, братию нарицаше. Никтоже от бесѣды его изыде скорбенъ когда, многымъ же и сердечьныя тайны бесѣдою отвръзаше, они же отходяще, чюдящеся, славляху Бога, прославляющаго своя угодникы.

И что много глаголю? Аще сия вся по единому начьну изчитати, не довлѣеть ми все время живота моего, но сиа вся совокупивъ, вькратцѣ реку: ничимже скуден бѣ в добродѣтелех дивный сей муж древних святыхъ, глаголю же Феодосиа, Савы и прочих святыхъ.[27]

Пакы же нощи наставши, прежереченный братъ Варсонофье вжизаеть по обычаю свѣщникъ, старцу же сего не требующу, якоже преже рѣх, но намъ не терпящим свѣтило душь наших во тмѣ оставити. Мнѣ же малаго ради покоя отшедшу въ кѣлью, пакы помалѣ възвратихся кь старцу, обрѣтох его неспяща, Иисусову молитву глаголюща, брата же сѣдяща и дрѣмлюща. Аз же възвѣстих старцу часъ утрени, он же братиям въ

соборѣ по обычаю вся повелѣ сверьшати, мнѣ же повелѣ у себе обычьная правити, якоже всегда обычай ему бѣше.

Понедѣлнику же наставшу, во время божественыя службы, пакы старець въ святую Божию церковь шествуя со многым трудом, братиям помогающимъ. По свершении божественыя службы братьям вьпрашающим, аще что похощеть вкусити. Старцу же не хотящу, токмо мало исьпиваше сыти, якоже преже рѣх.

Егда же упокоися мало старець, аз же от многых помыслъ борим, како хощеть после старца быти строение монастырьское, понеже старець ничтоже о сих глаголеть, аще вопрошю его о семъ или ни, таже сотворих молитву, ему же отвѣщавшу «Аминь». Тогда начах со умилениемъ глаголати.

Въспросъ Инокентиев: «Государь Пафнотей! Повели при своемъ животѣ написати завѣщание о монастырьском строении: какъ братии по тебѣ жити и кому игумену быти повелиши?»

Старцу же молчащу.

Отвѣт Пафнотиа старца. Таже по малѣ часѣ начатъ глаголати старець, слезам изо очию текущимъ: «Блюдите убо сами себе, братие, как чинъ церковный и строение монастырю хощете имѣти: пѣсньнаго правила никогдаже преставляйте; свѣщамъ вжизания просвѣщайте; священници держите честно, якоже и азъ, оброка их не лишайте; божественыя службы да не оскудѣвають, тѣми бо вся поспѣются; трапезы от любостранна не затворите; о милостыни попецѣтеся; просяща потребная, тща не отпустите; от мира приходящих бесѣд удаляйтеся; в ручнѣмъ дѣлѣ тружающеся; сердце свое хранѣте всяцѣм трезвѣнием от помыслъ лукавых; по павечернѣмъ правилѣ бесѣдъ не творите другъ со другом, кождо въ своей кѣльи да безмолъствуеть; соборныя молитвы не отлучайтеся никакою нужею, развѣ немощи; весь уставъ и правило церьковное кротко и немятежно, и молчаливо, и просто рещи, яко же мене видите творяща, и вы творите. Аще бо тѣх, заповѣданнаа мною, не презрите, вѣрую Богови Вседрьжителю и того всенепорочнѣй Матере свѣту, не лишить Господь всѣх благыхъ ему своихъ мѣста сего. Но вѣм, яко по отшествии моем Пречистые монастырю будеть мятежникъ много, мню, душю мою смути и въ братии мятежь сотвори. Но пречистая Царица мятежникы утолить, и бурю мимо ведеть, и своему дому и в немъ живущей братии тишину подасть».

Аще ли же реченная вамъ, братие, не вѣрна мнятся, не буди мнѣ лгати на преподобнаго, понеже и свѣдѣтелие суть неложнии: приидоша тогда братиа на посѣщение старца — Иосиф, Арсеней и Варсанофей и келейникъ старцевъ. Сия слышаще, дивляхуся, что хотят сия быти.

Отци и братие! Господа ради простите ми сие, понеже написах сия, не судя братии своей — не буди то! Но почюдихся стареву проречению, понеже сия вскорѣ в дѣло произыдоша: единъ день, пятокъ, безмолъствова, въ он же день старца въ гробѣ положихом. Прочая же напреди явлена будуть.

Егда же старець сия изглагола, таже умолче изнеможения ради телеснаго, дни уже скончавающуся. Таже нощь препроводи в обычных правилѣхъ.

Третьему дни седмици наставшу вторнику, таже пакы от утра начинаеть безмолвие, не повелѣ себѣ стужати ни единому от братии, желаше паки причастникъ быти тѣлу и крови Христовѣ, понеже празднику наставшу Преполовение пятьдесятници.[28] Мнѣ же с молчанием сѣдящу у старца со учеником его, старець же глаголаше псалмы Давидовы[29] со гласомъ не от единого ни от двою, но от многых избрание творя, таже премѣняя, пояше молебны, Пречистой похвалный канон, таже и Одигитрие,[30] еще же и «Многими съдръжим напастьми», таже и по Евангелии стих Богородици «Не остави мене въ человеческое предстоя». Се же беспрестани творяше, не единою, ни дващи, но и множицею паки то же начинаше. Нам же дивящимся необычному его гранесословию, но понеже не смѣяхом ни о чем же подвигнути слова, токмо ужасохомся, что хощеть сие быти. Еще же, и яко же преже рѣхъ, заповѣда не стужати ему.

Дни же прешедшу, ничтоже ино не глаголаше, точью псалмы и прочаа. Нощи же наставши, мнѣ ему обычное правило изглаголавшу. Всю же ону нощь безъ сна препроводи въ велицѣ трудѣ, мало сѣдааше, а множае стояше.

Егда же бысть день, паки Иосифъ сверши ему причастное правило. Старцу же спѣшно готовящуся, таже понужаше насъ кь церкви; мы же с ним шествующе, спомогахом ему мало, таже въ святемъ жрьтвеницѣ сѣдалище уготовихом ему. Божественѣй же службѣ свершившися, пакы причастник бываеть тѣлу и крове Христовѣ. По отпущении же службы

изыде из церкве. Се же бѣ ему обычай многолѣтны: не преже священник служивы излѣзе от олтаря, никогдаже изыде из церкве, не прием благословения от служащаго священника.

Егда же бысть въ кѣльи, таже ставъ в сѣнех, братьи со обою страну стоящим, въззрѣ душевным оком на братию, а чювьственым на образ Владычень и пречистые Богоматере, двѣ святѣи иконѣ имѣя, таже исполни очи слез, въздохнувъ, глаголаше. **Молитва**: «Господи вседръжителю, ты вѣси вся, испытаяй сердца и помыслы! Аще кто поскорбит мене ради грѣшнаго, въздажь ему, Господи, сторицею в се время и въ будущий вѣкъ живот вѣчный. Аще ли кто порадуется о моей смерти, грѣшна человека, не постави ему, Господи, грѣха».

Зрить бо сия обоя въ братии.

Мы же, слышаще сия, ужасохомся — кождо свою съвѣсть въ себѣ судию имать, паче же азъ окаанный!

Сия изъглаголавъ, таже ж повелѣ себе въ кѣлью вьвести. Пакы начать утѣшителна словеса глаголати братии и радостнымъ лицемъ, яко же забыти нам прежереченных глаголъ, комуждо по своей совѣсти, яко же преже рѣх, себѣ зазрѣвшу. Глаголаше бо не ощущати выше силы болѣзни. Мы же, сия видяще, мнѣхом — хощет легчае ему быти. Братия же понуждаху его и пищи причаститися, старець же не хотяше, токмо мало вкушаше нужа ради сыты, яко же множицею преже рѣх. Таже братии подоваше, глаголя: «Пийти чашю сию, чада, пийти аки послѣднее благословение, аз бо к сему не еще от сея пию или вкушу». И еще к сему многа утѣшителна словеса изьглагола, таже вьзлеже на обычномъ своемъ мѣстѣ, на немже и к Господу по едином дни отъиде.

Отци и братие! Да никтоже ми зазрит, понеже множицею себе именую. Увы моему окааньству! Аще ли себе умлъчю, вся имам ложна писати.

Таже рече ми старець: «Инокентей!» Аз же прилѣжно зрѣхъ на священную его главу, что хощеть рещи? И глагола: «Есть у мене сосудъ меда, прислали ми поминка, не помню, какъ его наричють». — Братья же рекоша: «Кузня». — «Возми себѣ, благословляю тя, понеже нужу мою исполнялъ еси». Мнѣ же о сем много почюдившуся, что мене, грѣшнаго, и в таковѣй немощи благословения своего сподоби. Таже

братию со многым обрадованием отпусти, паче же понуди ити въ трапезу, понеже обѣду вход.

Аз же, не терпях нимало отлучитися старца, паки възвратихся скоро, обрѣтох его по обычаю лежаща на своем мѣстѣ, молитву творяща, аз же с молчаниемъ стоях. Таже по малѣ часѣ сотворь молитву, глаголах ему: «Государь Пафнотей! Не лучшаеть тебѣ, понеже всю неделю ничтоже вкусилъ еси пищи. Чему, господине, молчиши? Что еси здумалъ, кому приказываеши монастырь, братии ли или великому князю? О чемъ не глаголеши?» Ему же рекшу: «Пречистой». Таже по малѣ глагола ми: «Брате Инокентей! Правду ли се ты глаголеши?» Мнѣ же молчащу, еда како смутихъ старца.

«Мнѣ, брате, кто приказывалъ? Пречистая сама царица изволила, паче же возлюбила на семъ мѣстѣ прославити свое имя, и храм свой воздвигла, и братью совокупила, и мене, нищаго, много время питала и покоила и съ братьею. И мнѣ, пакы въ гроб зрящу смертну человеку, себѣ не могущу помощи; сама Царица какъ начала, такъ и устроити имат полезное своему дому. Вѣси самъ, не княжьскою властию, ни богатством силных, ни златомъ, ни сребром воздвижеся мѣсто сие, но изволениемъ Божиимъ и пречистыя его Матери хотѣниемъ. Не требовах от земных князь даровъ, кыихъ приати или приложити здѣ, и хотящимъ тѣмъ даяти та, но всю надежю и упование положих о всем на пречистую Царицу до сего дни и часа, в он же разлучити имать Содѣтель и Творець душю от телесе, и по отсюду отшествии пречистаа же Царица покрыеть своею милостию от насилия мрачных и лукавых духовъ, и въ страшный день праведнаго суда вѣчныя мя избавить мукы и со избранными причтеть. Аще ли и я нѣку благодать получю, не премолчю, о вас молитву творя к Господу. Сице убо поспѣшите: чисте живете, ни якоже при мнѣ точию, но велми паче по отшествии моем, со страхом и трепетом сдѣ спасение содѣловающе, да добрых ради ваших дѣлъ и азъ почию и по мнѣ пришедшеи вселятся добрѣ, и по скончании вашем покой обрящете, и кождо, в немже званъ бысть, в том да пребываеть. Своихъ мѣръ, братие, не преходите, не полезно бо вамъ се, но и душевредно. Над немощными братьями чювьством, или паче рещи, и обычаемъ не возноситеся, но дълготрьпите о нихъ, якоже своим удовом. Ей, чада, поспѣшите добродѣтельми!» Сиа и ина полезнаа глаголавъ, умолче изнеможения ради.

По малѣ часѣ скоро приходить посланный от содержащаго в то время престолъ русьския митрополия Геронтиа[31] пресвященнаго посѣщения ради, нося миръ и благословение старцу. Таже паки от великаго князя Ивана Васильевича скоро приходить в монастырь Феодоръ, протопопъ его благовѣщеньскый,[32] также и от предреченных княгинь, от великие княгини, грекини, Юрьи грекъ.[33] О всем приходят ко мнѣ, понеже кь старцу не получиша входа, глаголюще ми слово великаго

князя, чтобы навсяко видѣти старца и бесѣды от него сподобитися, понеже много оскорбишася, не приемше извѣщения от преже посланных.

Мнѣ же о семъ не имѣющу дрьзновения не довести токмо, но и авити старцу. Они же много о семъ стужиша ми, аз же всячьскы отлагах, вѣды мужа крѣпость и неславолюбный его нравъ. Не могох имъ извѣститися никако и, не хотя, въшедъ, сказах старцу о посланыхъ. Старець же много на мя оскорбися, таже рече ми: «Что тебѣ на мысли? Не даси же ми от мира сего ни единъ часъ отдохнути. Не вѣси ли — 60 лѣт угажено миру и мирьскым человъкомъ, княземъ и бояромъ: и вь срѣтенье им сованося, и в бесѣдѣ съ ними маньячено, и вслѣдъ по них такоже сованося, а того и не вѣмъ, чесого ради? Нынѣ познах: никая ми от всего того полза, но паче души испытание о всемъ. Господь пакы своим милосердиемъ, не хотя бес покаяниа смерти грѣшнику навести, дасть мнѣ, грѣшному, 6 день покаяниа ради, ино пакы ты мнѣ на даешь покоя ни на единъ час, наводиши на мене миряне. Уже к тому и ис келия не имам изыти, да не стужають ми».

Аз же множае оскорбихся, не токмо не получивъ отвѣта посланым, но яко старца смутих. Аз же, изшед, вся сказах имъ, понужаахъ я изыти из монастыря. Им же и не хотящим, отъидоша, уже вечеру сущу, таже уклоньшеся препочиша в веси близ живущих человекъ.

От часа же того ни о чем же смѣях стужити старцу, точью обычное правило нощное свершаахъ.

Старець же к тому не уже на се понуди мя, понеже всю нощь пребысть без сна, псалмы Давыдовы гранесловяше, таже Иисусову молитву глаголаше. Се же бѣ ему обычай многолѣтный: по всяком правилѣ никогдаже Иисусову молитву не оставляше, вервицу в руках держаше.

Егда же бысть день паки, старець по обычаю повелѣваше священнику ранѣе литурьгию свершати, понеже и сам мысляше ити, паче же спѣшаше, глаголаше бо себѣ: «Се день приде». Братьи же взирающим между собою, что се глаголаше, не вѣмы.

Аз же въпросих и: «Государь Пафнотей! О коем дни глаголеши — “Се приде день”?» Старець же рече: «О том дни, о немже преже глаголахъ вам». Аз же начах именовати дни: «Неделя, или понедельникъ, или

вторникъ?» Старець же рече: «Сь день четверток, о немже и преже рѣхъ вамъ». Нам же недоумѣющимся о семъ, понеже многа о себѣ назнаменаше кь отшествию, таже паки сокрываше, ничтоже явлена о себѣ глаголаше.

Старцу же пакы начинающу шествие творити кь церкви, тьщашеся, и егда приближися кь дверем, хотя излѣсти но манастырь, Иосиф возвѣсти ему преже бывших посланник пакы пришествие в монастырь, не токмо же тѣ, но и иных множество, еще же намѣстнику града Василию Феодоровичю и тому тогда приспѣвшу, понеже и преже того ему бывшу, не получи входа кь старцу. Тогда, собравшеся вси, стояху пред церковью на пути, имъже старцу хотящу шествовати.

Егда же услыша старець приход их, что, стояще, ожидаху его, тогда и, не хотя, пакы обратися, паче же оскорбися, понеже възбраниша ему къ церкви шесьтвие. Таже отпусти братию ити в соборъ, сам же сѣде в сѣнех.

Старець же глаголаше: «Никтоже ми сие сотвори, точию Инокентей, тому се повелѣвшу». Азъ же и рещи не смѣяхъ, что о семъ неповиненъ есмь.

Егда же изыдохом кь церкви, единъ братъ у него оста Арсеней, старець же самъ утверди двери келиа, да никтоже внидет.

Егда же свершися божественая литургия, не увѣдѣша старца, тогда вси разумѣша, яко не возможно им видѣти старца, ниже слышати глас его, и, не хотяще, скоро разыдошася кождо своимъ путем. Паче же Богу се устроившу по писанному: «Помыслъ праведнаго приятенъ ему есть».

Аз же по божественѣй службѣ скоро възратихся кь старцу, обрѣтохъ и еще двери утвержены, брату же у него присѣдящу, о немже преже рѣх. Егда же внидох, обрѣтох старьца в кѣльи възлегша на лавици под преднимъ окномъ, на монастырь же не повелѣ окна нимало утворити, на весь день не повелѣ себѣ стужати и до вечерни.

Братьи же мльчащи, старець же глаголаше о нѣкоем человецѣ, яко умрети имать; нам же о семъ недомыслящимся, мнѣхом, еда кто

возвѣсти ему? Азъ же вопросих его: «О комъ се глаголеши? Мы нѣ вѣмы». Старець же рече: «О немже вы глаголете, яко болить, а он, покаявся, умрети хотяше». Нам же сия вся недоумѣнна суть.

Таже братью отпусти, повелѣ въ трапезу ити. Азъ же от того часа не изыдох от старца.

Егда же изыдоша братиа, тогда рече ми старець: «Преведи мя на другую страну келия, понеже тамо имамъ покой от мятежа сего, таже и уснути хощу, понеже утрудихся. Да никтоже от братии входит ко мнѣ до вечерни, ниже окна отверзи, ниже двери отвори, занеже по вечерни братья приите хотять». Аз же вся сия разсмотривъ, не к тому сомнѣхся, но извѣстнѣ увѣрихся, яко отъити житиа сего хощеть старець, понеже ми и в началѣ немощи своея рекъ старець, яко соузъ хощеть разрѣшитися.

Азъ же отшествию нужных начах выпрашати: «Государь Пафнотей! Егда прѣставишися, звати ли протопопа или иных священниковъ из града проводити тебе къ гробу?» Старець же рече ми: «Никакоже не мози звати, понеже великъ мятеж хощеши сотворити мнѣ. Да никтоже увѣсть, дондеже погребе мя в землю своимъ священникомъ. Молихся о семъ — и проводити, и на гробѣ простити, и земли предати». Аз же вопросих: «Где велиши себѣ гробѣ ископати и в земли положити?» Старець же ми рече: «Идѣже еси Клима гуменника положил, с тѣмъ мя погребите. А гроба не купи дубова. На ту шесть денег колочей купи, да раздѣли нищимъ. А мене лубкомъ оберти да, под страну подкопавъ, положи».

Мнѣ же единому сиа с ним глаголющу, ученику же его спящу, братьям же всѣмъ безмолъствующимъ в кѣльях, а овѣмъ почивающимъ, полуденному часу наставшу. Азъ же умлъчах, еда како старець заснеть.

Старець же начат молити Господа Бога вседрьжителя о спасении душа своея еще же и пречистую владычицю нашю Богородицу о всемъ, и имя ее нарицаше, и всю надежю на Царицу полагаше о души своей. Молитва: «Въ часъ, Дево, конца моего рукы бѣсовьскыя мя исхыти, и суда, и прѣния, и страшнаго испытания, и мытарьствъ горкых, и князя лютаго, Богомати, и вѣчнаго осужения».

Таже моляше Пречистую, да сотворить попечение о богосозданнѣмъ ея монастыри: «Ты, Царице, создала, ты и промышляй о полезномъ дому своему, и въ имя твое собравшихся вь святѣмъ мѣстѣ сем сподоби угодити Сыну твоему и Богу нашему чистотою, и любовию, и мирным устроениемъ».

Обычай же бѣ старьцу никогдаже нарещи свой ему монастырь, но — «Пречистые». «Та создала», ниже стерпѣ слышати его монастырь нарицающу кому, но и велми о семъ запрещаше, глаголаше бо: «Аще не Господь созиждеть дому, всуе трудишася зиждущеи».

Старцу молящуся, якоже преже рѣх, аз же възбудих ученика его спяща и жестокыми словесы прѣтих ему, и нерадива и непотрѣбна нарицах его: «Не видиши ли старца въ послѣднемъ издыхании, а ты не трепещеши, ни трезвишися!» Таже повелѣх ему стояти у старца, мнѣ же изшедшу вон внѣ келия простужения ради, въсклоншу ми ся малаго ради покоя, и скоро уснух.

Спящу же ми, ощутих гласы поющих и абие со ужасомъ вьскочих, въскорѣ дверь отверзъ, внидох в кѣлью, обрѣтох старца на обычном мѣстѣ лежаща, ученика же у одра предстояща. Аз же его впросих: «Кто от братьи был здѣ?» Он же: «Никто», — рече. Мнѣ же ему сказавшу слышаная, он же рече ми: «Отнелиже ты изшел еси, старець начат пѣть “Блажени непорочни в путь ходящеи в законѣ Господни”, таже и стихи припѣваше, еще же и “Руцѣ твои сотвористѣ мя и создастѣ мя”, к симъ же и “Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданием твоимъ”, “Святых ликъ обрѣте” и прочая тропари».[34]

Аз же рѣх ему: «Отходит старець къ Богу».

Припадохом со ученикомъ к ногама старца и облобызахом нозѣ его, таже надклоншесе над перси ему, просяща благословениа и прощения конечнаго. Со многымъ трудом, недовѣдомѣ получихом сия, — старець не уже к тому внимаше словесѣмъ нашимъ, — молитва: «Царю небесный всесильне! Молю ти ся, владыко мой, Иисусе Христе, милостивъ буди души моей, да не удержана будеть противных лукавством, но да усрящють ю аггели твои, проводяще ея сквозѣ пронырьствъ тѣх мрачных мытарьствъ и наставляюще ıо кь твоего милосерьдиа свѣту. Вѣм бо и азъ, владыко, яко без твоего заступления никтоже можеть избыти козней духов лукавьствия».

Таже к тому ничтоже моги глаголати явленѣе. Аще и глаголаше, но мы уже не можем разумѣти глаголаных.

Таже на немже одрѣ лежаше, начат отвращатися шуяя страны, на десную обращатися. Сего же николи преже не сотвори. Мнѣ же сего не разумѣющю, пакы обращах, и дващи, и трищи, старець же пакы, аще и едва можаше двизатися, пакы обращашеся, еще же ми и глаголаше нѣкаа словеса, но аз же не разумѣвах, языку уже оскудѣвающу от конечнаго изнеможения.

Тогда разумѣх, яко видить нѣкая отъ необычных приходящаа. Братьям же ничтоже от сихъ вѣдящим: яко же преже рѣх, не повелѣ себѣ стужати от обѣдня часа до вечерни. Аще ли кто отъ братей и прихожрааше, аз же глаголахъ, яко утишися старець. Не смѣх никомуже рещи, яко отходить къ Господу, понеже хощеть молва велика быти.

Уже вечернему правилу приспѣвшу, братьямъ по обычаю свершающим, аз же и ученикъ его терпяховѣ, ожидающе, понеже не возмогохом от старца в соборъ ити, присѣдѣхомъ у одра его.

Егда же вечернее правило свершашеся, тогда старець опрятався, и нозѣ простеръ, и руцѣ на прьсѣхъ крестаобразно положь. Аз же рѣх ученику его: «Сяди ту, подрьжи старца, посмотрю на манастырь, уже ли братья отпѣли суть».

Мнѣ же и окна не дошедшу, ученикъ старцевъ възва со ужасомъ: «Инокентей, Инокентей!» Аз же скоро обратився, рѣх: «Что видиши?» Он же рече ми: «Воздохну старець». Мнѣ же зрящу паки легко отдохну, помалѣ третицею, понеже треми дохновении предасть святую свою душю в руцѣ Божии, его же изъмлади възлюби. И к тому не обрѣтеся духъ в старци, понеже усну вѣка сего сномъ, нозѣ простеръ и руцѣ на перьсѣхъ крестаобразно положь, приложися къ святымъ отцамъ, ихъже и житию поревнова.

В той час предсташа священнйци и братиа дверемъ келии старца, хотяще увѣдѣти, что бысть старьцу. Нам же к тому таити не могущемъ, аз же и ученикъ старцевъ, и инъ братъ, егоже множицею помянух, на лицах знамения обносящемъ, паче же слезамъ лѣющимся, множицею, и гласы испущахом со ученикомъ старцевѣмъ, не могуще терпѣти

конечнаго разлучения, понеже солнцу зашедшу душь наших преже единаго часа всемирнаго солнца зашествия.

Тогда же братиа сотвориша над нимъ плачъ велик, и тако вземьше его, несоша въ ветхую церковь, понеже вечеру сущу, не возмогохом того погребению предати.

Воутрии же ураньше дни наставшу, пятку сущу, въ 1 час, ископавше братья гроб, тѣло преподобнаго земли предахом. Никтоже от мирскых человекъ ту обрѣтеся в то время, ни одру коснуся, ни въ гробъ полагаема узрѣ кто.

Егда же погребохом старца, тогда нѣции приидоша от града, повѣдающе намъ, яко вес град подвижеся, не точью игумени, и сьвященници, и мниси, но и содержащии того града намѣстници и прочий общий народъ уже путь начинають шесьтвовати. Аще не быша предварили прежеречении скорошественици, бывъшии в монастыри, повѣдающе им, яко: «Всуе трудитеся, желаемаго не получите, понеже аще и мы уранихом, ничтоже возмогохомъ видѣти от надѣемых труд наших без успѣха». Они же, сия слышавше, велику тщету себѣ вмѣниша быти, окающеся сами и глаголюще, яко: «Недостойни быхом такова раба Божиа поне одру прикоснутися». Мнози же от велможь скоро въ монасьтырь приидоша, аще и не видѣшя преподобнаго, поне со многою любовию гробу его поклонишася. Такожде и общий народ, весь день от града приходяще, покланяхуся гробу преподобнаго.

---

[1] *Пафнутий Боровский* — родился в 1394 г. в селе Кудиново, недалеко от Боровска на р. Протве, в 90 км на юго-запад от Москвы. Двадцати лет он постригся в иноческий чин в Покровском Высоцком монастыре в Боровске, со временем стал игуменом этого монастыря. В 1444 г. основал монастырь Рождества Богородицы недалеко от Боровска, в месте впадения р. Истерьмы в р. Протву. В летописной статье о Пафнутии Боровском, написанной в близкое к его кончине время, так говорится об основанном им монастыре: «И церковь въздвиже, преже древяну, по том же камену устрои, и подписа ея чюдно велми, и украси ея иконами, и книгами, и всякою утварию церковною, яко дивитися и самем тем самодръжцем Русскыа земля, и при животе его приходити к нему благословениа ради и молитвы еже о них, яко же и к древним преподобным отцем земля нашеа; тако же и прочии князи и боаря и прочие православное христьаньство, и от Литовскые земли и от прочих

стран благословениа и молитвы требующе от него» (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 310). Расписывали церковь Рождества Богородицы известные художники той поры Дионисий и Митрофан. Умер Пафнутий 1 мая 1477 г. В том же летописном рассказе об этом сказано так: «Месяца маия 1 день в четверток после вечерни, в 15 час дне, преставися преподобный игумен Пафнотей... На утреи же в пяток в 1 час дне погребен бысть, а не бе нихто же от града, ниже от весей на погребении его, точию манастыря того священници и ученици его и старци его постриженици. Един тогда толко прилучися мирскы священник, духовник князя Андреа Васильевича Меньшого, Никыта именем. Той же Никыта, да и инии от братии ученици его поведаша, яко ни пети, ниже конархати нихто же обретеся надгробнаа, но един точию от ученик его, Иннокентий именем, той с многими же слезами надгробнаа проглагола. А прочии вси слезами обливаху себе, яко от многих слез их и на землю падати или и проливатися» (там же, с. 309—310). До нашего времени церковь, построенная при Пафнутии Боровском, не сохранилась — уже в конце XVI в. на ее месте был построен новый собор.

[2] *...индикта 10...* — Индиктный счет, счет по пятнадцатилетним периодам — остаток древневизантийского счета времени. Номер года в пятнадцатилетнем периоде и называется индиктом года.

[3] *...назавтрее Георгеева дни...* — Т. е. 24 апреля; Георгиев день, день Георгия Победоносца, 23 апреля.

[4] *...в 3 час дни...* — В Древней Руси время суток исчислялось начиная с восхода солнца, поэтому часы, в зависимости от времени года, менялись. В конце апреля 3-й час дня соответствует 7 ч. 30 м. утра по современному времяисчислению. Остальные часы дня с современными соотносятся так: 1-й час — 5 ч. 30 м.; 2-й — 6 ч. 30 м. и т. д. до 15 часа. После 15-го часа идут уже час ночи: 1-й час ночи — 20 ч. 30 м.; 2-й — 21 ч. 30 м. и т. д.

[5] *...пошли ко князю Михаилу...* — Михаил Андреевич, князь Верейского удельного княжества (с 30-х гг. XV в. по 1486 г.), внук Дмитрия Донского, находился в вассальной зависимости от великого князя московского. Был женат на дочери боровского князя Елене Ярославне, от брака с которой имел двух сыновей — Василия, по прозвищу Удалой, и Ивана.

[6] *...на вечернее правило...* — Вечернее богослужение, совершаемое после вечери, т. е. после ужина.

[7] *...повелѣми павечерницу проглаголати...* — Повечерница — повечерние молитвы.

[8] *Повелѣ... полунощницу и завтреню проговорити...* — Т. е. прочесть службу полунощницы и заутрени. Полунощница — церковная служба, совершаемая ночью. На этой службе читаются тексты, связанные с темой смерти, воскресения из мертвых, второго пришествия Христа. Заутреня — церковная служба, совершаемая утром, прежде обедни.

[9] *...старець Кирилова монастыря...* — Т. е. монах из Кирилло-Белозерского монастыря.

[10] *...молитву Иисусову непрестанно глаголаше.* — Краткая молитва, в которой молящийся просит Иисуса Христа помиловать его.

[11] *...взем святыя дары...* — Святые дары — приготовленные в первой части литургии (проскомидии) для причащения по специальному обряду просфоры и вино, которые символизируют собой тело и кровь Христа. Взять святые дары — причаститься.

[12] *Сыта* — мед, разбавленный водой.

[13] *...начаша стихиры пѣти...* — Стихиры — церковные песнопения, по содержанию приуроченные к тому дню и к тому времени, когда происходит служба в церкви. Здесь имеются в виду стихиры стиховны вечерние, которые поются в конце вечерни.

[14] *...повелѣваше кононарху...* — Кононарх — монах, который читал громким речитативом фразу за фразой распеваемого текста, а все остальные, находившиеся в храме монахи, пели за ним этот текст.

[15] *...наченьшу священнику понахиду...* — Панихида — молебное пение об усопших.

[16] *Пономарь* — низший церковный служитель.

[17] *...вервицу в руках держаше...* — Вервица — монашеские четки.

[18] *Канон* — совокупность богослужебных песнопений, объединенных единой темой; как правило, состоит из девяти песен.

[19] *...начах себѣ часы глаголати.* — Часы — молитвословия, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, приуроченных к каждой четверти дня.

[20] *...еще же Пятдесятница.* — Церковный праздник, празднуемый на пятидесятый день после Пасхи. Установлен в память сошествия Святого Духа на апостолов, которое свершилось на пятидесятый день после воскресения Христа. Иначе называется Троицын день. В Древней Руси «Пятидесятницей» назывался весь период в пятьдесят дней от Пасхи до Пятидесятницы. В данном контексте имеется в виду именно второе значение этого термина.

[21] *Самъ на ся раздѣлися.* — Это восклицание Пафнутия восходит к евангельскому тексту: «...Иисус, зная помышления их (фарисеев. — *Л. Д.*), сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?» (Мф. 12, 25—26).

[22] *...тогда повелѣ Иосифу крилошанину...* — Клирошанин — вообще член клира, всякий свяшенно- и церковнослужитель, но имеет значение и более узкое — поющий на клиросе причетник (младший чин церковного причта), дьячок. Вероятнее всего, что здесь имеется в виду Иосиф Волоцкий — будущий известный церковный деятель (ум. в 1515 г.), постриженик (в 1460 г.) Пафнутиева монастыря.

[23] *...от великого князя Ивана Васильевича...* — Великий князь московский Иван III Васильевич.

[24] *...от матери великого князя... великие княгини Марии...* — Марья Ярославна, дочь Ярослава Владимировича, князя боровско-серпуховского, жена великого князя московского Василия Васильевича Темного (с 1433 г.), ум. в 1484 г.

[25] *...от великие княгини Софьи грекини...* — Зоя Фоминична Палеолог, дочь морейского деспота Фомы Палеолога, племянница последнего греческого императора Константина Палеолога; имя «Софья» получила на Руси. Вторая жена (с 1473 г.) великого князя московского Ивана III Васильевича, ум. в 1503 г.

[26] *Лествичник* — Иоанн Синайский (VI в.), игумен Синайского монастыря. Прозван Лествичником за сочинение «Лествицы» — книги морально-аскетических поучений. Книга состоит из тридцати глав, соответствующих тридцати ступеням постепенного восхождения по лестнице «духовных совершенств» (отсюда и название «Лествица» — лестница).

[27] *...глаголю же Феодосиа, Савы и прочих святыхъ.* — Пафнутий сравнивается с великими подвижниками монашества: Феодосием Великим (V—VI вв.), положившим начало монашеским скитам в Палестине, и Саввой Освященным (V—VI вв.), ставшим монахом с восьми лет и прославившимся своими монашескими подвигами (основал лавру около Иерусалима).

[28] *Преполовение Пятьдесятницы* — середина четвертой недели по Пасхе — церковный праздник.

[29] *...псалмы Давидовы...* — Библейская книга псалмов «Псалтирь» приписывается полулегендарному царю израильско-иудейского государства Давиду (кон. XI в.—ок. 950 г. до н. э.).

[30] *...таже и Одигитрие...* — Т. е. канон иконе Богородицы путеводительницы, наставницы в пути (одигитрия, греч. — путеводительница); по преданию, этот тип иконы Богородицы впервые написан был евангелистом Лукой.

[31] *...содержащаго... престолъ русьския митрополия Горонтиа...* — Геронтий, митрополит московский и всея Руси. Поставлен в митрополиты в 1473 г., ум. в 1489 г.

[32] *...Феодоръ, протопопъ его Благовѣщеньскый...* — Протопоп церкви Благовещения Богородицы на княжеском дворе в Кремле, которая являлась по существу домовой церковью великого князя московского.

[33] *...Юрьи грекъ.* — Траханиот Юрий Мануилович. Человек, близкий к великой княгине Софии Палеолог. Он вместе с братом Дмитрием выполнял в свое время роль посредника-свата Ивана III Васильевича.

[34] *Тропарь* — краткое церковное песнопение в честь какого-либо праздника или святого.

ПЕРЕВОД

О Господи, спаси! О Господи, помоги!

Молитва: Владыка мой, Господь Вседержитель, благо дарующий, отец Господа нашего Иисуса Христа! Приди на помощь мне и просвети сердце мое, дабы уразумел я заповеди твои, и отверзи уста мои, чтобы поведать мне о чудесах твоих и восхвалить угодника твоего. Да прославится имя твое святое, ибо ты помощник всем, уповающим на тебя. Вовеки аминь.

Да помогут мне Господь Иисус Христос и духовный свет его, всенепорочная Матерь Божия и угодник ее, о котором ныне мое слово. Я же, окаянный, что смогу сказать? Невежда и груб я, сверх меры грехами преисполнен.

Поведать хочу о таком светиле, святом и великом отце нашем Пафнутии, хотя и недостоин я описывать все житие его, тем более что и не требовал он этого от меня — ведь Божий человек выше нашей похвалы; но делаю это на спасение души своей, более того — на обвинение, чтобы не сказать — на осуждение. Не разумею, как удостоился я жить вместе много лет под одной кровлей с таким мужем, и наслаждаться поучениями его, и любовь его безмерную восприять, как никто иной, хотя и дерзко говорить мне так.

В 6985 (1477) году, индикта десятого, после святого и честного праздника Пасхи, в четверг третьей недели, на другой день после Георгиева дня, в третьем часу дня, позвал меня старец с ним походить за монастырем. Когда же вышли из монастыря, то пошел он к пруду, который создал многими трудами своими. И вот, когда пришли мы на место за плотиной, увидели ручей, просочившийся под мостом, и стал он меня наставлять, как преградить путь воде. Когда я на это сказал ему: «Я приду с братьями, а ты нам указывай», — он ответил: «Не могу

я этим заниматься, потому что есть у меня другое, неотложное дело, после обеда ждет меня более важное дело». Потом старец возвратился в монастырь, а уже настало время литургии. Когда же закончилась церковная служба, тогда, как обычно, пошел с братьями в трапезную и пищи отведал.

Когда же прошел шестой час, тогда пришел ко мне ученик старца, юный Варсонофий, и сказал мне: «Старец Пафнутий послал меня к тебе, иди туда, куда тебе повелел».

Я же, недоумевая, быстро поднялся и пошел к старцу, и отворил дверь, и увидел старца сидящим в сенях у дверей на постели во всем облачении, и он ничего мне не говорил. Тогда я сказал ему: «Почему не пойдешь сам? Или не видишь в том нужды?» Блаженный же ответил мне: «Меня другое заботит, только ты не знаешь что — ведь узы должны разрешиться». Я же, не понимая, о чем он говорит, охваченный страхом из-за необычных его речей, не посмев ничего сказать, пошел туда, куда посылал меня старец.

Взял я с собой братьев, которых он повелел, — Варсонофия, ученика старца, Зосиму и Малха. И, немного потрудившись, возвратились мы в монастырь, ничего не сделав, потому что большое смятение царило в душах наших. И застали старца сидящим в келии. Тогда он сказал мне: «Поскорее пошли к князю Михаилу, чтобы и он сам ко мне не ездил, и не присылал бы никого ко мне ни с какими просьбами, потому что приспели мне иные заботы».

Когда же наступило время вечерни, то не смог он пойти с братиею на вечернее богослужение. По окончании же вечерни братия пришла к келье старца, чтобы узнать, почему он не пришел в церковь. Старец же никому не разрешил войти к себе, сказав: «Наутро пусть соберется вся братия». Также и на повечерие не смог пойти. Я же не отходил от него, потому что сказал он мне: «В сей день недели, в четверг, избавлюсь от немощи моей».

Я же подивился необычным словам его. Потом велел он мне читать повечерие, а потом отпустил меня в келью мою. Мне же с большой неохотой пришлось уйти. И не обрел я покоя во всю ночь, но без сна пребывал, много раз ночью к келье старца приходил и не смел войти, потому что слышал — не спит он, а молится. Ученик же его, совсем еще юный, ничего не ведал и крепко спал.

Когда же наступило время утрени, тогда зажег я свечу и пошел, потому что за много лет еще до этого велел мне старец ко времени пения приходить к нему и тем возвещать о времени. И повелел братии идти на утреню, мне же велел у него в келии полунощницу и заутреню прочитать, а сам поднялся и прослушал всю службу, пока я не закончил.

Когда же наступил день, а была пятница, тогда по окончании молебного правила священники и вся братия пришли благословиться у старца и повидать его. Старец же разрешил всем невозбранно входить к нему, а сам, поднявшись, начал у каждого брата просить прощения.

Оказался в это время в монастыре и старец из Кириллова монастыря, по имени Дионисий, ремеслом часовник. Тогда и тот вошел с братиею, чтобы прощение получить. И хотя очень молил Дионисий, чтобы старец благословил его своею рукою, тот и слышать не хотел. И Дионисий сильно огорчился из-за того. Тогда, огорчившись, сказал старец: «Что ты от меня, господин мой старец, от грешного человека, требуешь благословения и помощи? Я сам в сей час много нуждаюсь в молитве и в помощи!» И когда Дионисий вышел, старец, снова вспомнив о нем, сказал: «О чем этот старец думает? Я сижу, сам себе не могу помочь, а он от меня благословящей руки требует».

Собралась же у старца вся братия, и больные, и слепые, и после старцева прощения никто не хотел уходить. Старец же повелел каждому уйти в келью свою. Было же тогда братии девяносто пять человек. А я не отходил от старца даже на малое время, старец же все время молчал, только непрестанно молитву Иисусову творил.

Когда же приспело время литургии, пришел священник благословение взять, по обычаю, потому что священники, как заведено было, каждый день приходили в келью, чтобы благословиться у старца. После этого священник пошел на богослужение. Старец же начал облачаться в одежды свои, потому что хотел пойти в святую церковь на литургию, я же помогал ему во всем с братьями.

Когда же окончилась святая литургия, приняв святые дары, он вышел из церкви, а братия его провожала, шел он с посохом и, понемногу отдыхая, не разрешая братии подходить к себе и помогать, и мы с большим опасением приближались к нему.

И когда пришел он в келию, то отпустил братию, а сам лег в изнеможении. Я же остался у старца на случай, если что-нибудь понадобится. И ничего он о еде не сказал, только велел мне дать ему сыты, чуть слаще простой воды, так как пить захотел. С тех пор, как разболелся, ничего не вкусил.

Спустя немного времени прислал князь Михаил Андреевич дьякона своего узнать, почему не велел ему старец приходить к себе, как я уже сказал раньше, и что случилось со старцем. Когда же я сказал старцу, что от князя посланец пришел, он ничего мне не ответил, только велел его отпустить: «Нет у него до меня никакого дела».

В это время привезли грамоты из удела тверского и деньги золотые; я ему сказал об этом, он же не разрешил пустить к себе прибывших. Я же, взяв грамоты и деньги, принес в келью к старцу и сказал ему: «Я прочту тебе грамоты». Но старец не велел читать, приказав отдать их принесшим. А когда я сказал: «Разреши мне взять, ведь нам это нужно», — старец рассердился на меня и запретил мне, говоря так: «Ты возьмешь — все равно что я взял».

Был же у старца обычай всегда имя Пречистой призывать и надеяться на нее, и сказал он: «Еще, брат, у Пречистой есть чем братию кормить и поить. Они прислали не ради моей пользы, но от меня, грешного, хотят получить молитву и прощение, а я, вы видите, сам больше других сейчас нуждаюсь в молитве и прощении».

Я же ничего не ответил, только просил его простить меня за все и отпустил из монастыря пришедших со всем принесенным. И расспросил я их, для чего они приходили, и оказалось все именно так, как мне старец сказал.

Был же у старца такой обычай: если кто-нибудь из братии заболевал, тогда старец приходил к этому брату и напоминал ему о последнем покаянии и о причащении святых даров. О себе же он ничего не говорил, и мы дивились — не забыл ли об этом старец.

По прошествии некоторого времени пришел церковный служитель, говоря: «Время вечерни приблизилось». И когда мы заговорили, то

старец потянулся к одеждам своим. Когда же я спросил его: «Куда хочешь пойти, по какой нужде?» — он ответил: «Пойду к вечерне». Стали мы облачать старца в одежды его, а он взял посох свой, мы же помогали ему с обеих сторон, и не разрешал старец держать его за руки, а только за одежды помогали (поддерживать) его.

Когда же пришел он в церковь, то встал на своем месте, я же приготовил ему сидение. Старец же, опершись руками о посох и голову преклонив, остался стоять. И когда братия начала петь стихиры, то старец, как и всегда, начал петь с братиею. Обычай же был у старца ни единого стиха не пропускать молча, но всегда петь вместе с братиею. Если же случалось ему не услышать стиха или какого-нибудь слова в стихе, то велел кононарху снова возвращаться по нескольку раз и повторять стихи, чтобы тот как следует запомнил.

По окончании вечерни начал священник служить панихиду, потому что, по заветам святых отцов, по обычаю церковному, в пятницу на вечерне всегда поминовение усопших бывает. Братия хотела старца вести в келью, он же не захотел, сказав: «Я должен более других слушать, потому что мне это нужнее всего, впредь уже не смогу слушать». Братия же начала петь «Блаженны непорочные». Старец же усердно подпевал братии, и братия подумала, что ему стало легче.

По окончании службы вышел старец из церкви. А когда шел он в келью, то священники и остальная братия шла за старцем, провожая его. Когда же пришел он в келью, тогда отпустил всех, дав благословение и прощение, и сам у всех прощения попросил. Я же и другой брат, по имени Варсонофий, не отлучались от него ни на мгновение. И старец лег в изнеможении и усталости, мы же сидели молча, и вот вскоре пришел пономарь, чтобы получить благословение на повечерие. Старец братиям велел идти на службу, сам же не смог пойти и велел мне у него в келье читать повечерие.

По окончании службы в храме снова пришел Арсений. Я же сказал ему: «Я схожу в свою келью, а ты возьми светильник, зажги да посиди у старца, пока не приду». А у старца был обычай никогда после повечерия не зажигать свечу или светильник, но в ночной темноте молиться, и часто он так сидя и засыпал, держа в руках вервицу и творя Иисусову молитву. И когда зажгли светильник, старец в изнеможении лежал, я же, приняв от него благословение, пошел в келью свою, чтобы немного отдохнуть.

И едва уснул я из-за беспрерывных дум о старце, как вскоре снова проснулся, встал и пошел в келью старца. Старец лежал и творил молитву. Я же, сотворив молитву, возвестил ему, что наступило время утрени. Но старец не смог пойти в церковь, и я прочитал полунощницу и остальную службу, он же, поднявшись, сел и молился.

Когда наступил день, то, по исстари заведенному старцем обычаю во всякий день петь молебны, — был ли то праздничный или будничный день (и иногда по два, а часто и по три молебна пели), — братия стала молиться в церкви, мне же старец повелел у него в келье прочитать канон Иисусов, а также канон похвальный Пречистой. Когда я все закончил, то, немного помолчав, с тихостью встал я и начал про себя читать часы. Старец же поднялся и сел. Тогда я спросил: «Почему ты поднялся? Хочешь из кельи выйти?» Он же мне ответил: «Потому сижу, — ты часы читаешь, а мне лежать?» И подивился я великой твердости блаженного.

Спустя немного времени велел старец готовиться к литургии. Я сказал об этом церковному служителю. Старец начал облачаться в одежды свои, мы же помогали ему. Когда старец пришел в церковь, то стал на своем обычном месте, а когда окончилось богослужение, старец, как и обычно, приняв святые дары, вышел из церкви.

Когда вернулись в келью, я приготовил для него немного еды на случай, если захочет поесть. С тех пор как разболелся он, ничего не вкушал, только пил воду, слегка подслащенную медом, так что это едва походило на сыту, забродившего же меду или квасу даже не пробовал. Когда же стал я, по причине немощи старца, уговаривать его вкусить, старец сказал мне: «Не только не на пользу, но пагубно будучи пьяным умереть».

В то время по благословению старца Мартирий-диакон во время трапезы подносил братии мед и пиво. Когда пришел он, чтобы благословиться у старца и спросить, какое повелит он взять питие на трапезу братии, то старец велел ему всегда лучший мед приносить на трапезу, сказав так: «Пусть братья пьют, а то после меня миряне его выпьют». Я же сказал ему: «Сегодня и сам вкуси, потому что суббота сегодня, к тому же и Пятидесятница». И старец мне ответил: «Я и сам знаю, что суббота и Пятидесятница, но в правилах написано: “Даже если и великая нужда будет, все равно три дня следует поститься больному ради причащения святых тайн”. А меня, сам видишь, недуг охватил. Если Господь и святая Богоматерь сподобят меня, то завтра хочу причаститься святых тайн».

И удивились мы его великому послушанию: сначала думали мы, как я уже раньше сказал, что просто забыл об этом старец, а он, оказывается, как только разболелся, с того самого времени постился, а нам об этом ничего не говорил.

Потом отпустил он братию в трапезную обедать, сам же немного отдохнул из-за немощи своей. Братии же повелел, чтобы не тревожили его ни из-за каких дел, пока не сподобится он божественного причащения святых даров.

Был же у старца такой долголетний обычай: когда хотел он причаститься святых тайн, тогда всю неделю пребывал в молчании, и не только с мирянами, но и с братьею не говорил даже о необходимых делах, и с живущим с ним в келье ни о чем не говорил. Пост же для него всегда обычен был.

И разошлись мы по кельям своим. Вскоре после этого посылает старец ученика своего позвать к себе священника по имени Исайя. А прежде он обычно не звал того к себе. Когда священник вошел в келью к старцу и стал, начал старец со смирением говорить ему о духовных делах. Удивился этому священник, а еще более, как потом сам рассказал мне, был он объят страхом и трепетом из-за того, что говорил ему старец. Однако повелел священник старцу покаянную молитву прочесть и все остальное, что полагается. И вот благословение получает и прощения сподобляется тот, кто давно уже Богом прощен.

В это же время прислал князь Михаил Андреевич духовника своего, попа Ивана, старца навестить, — князь и сам хотел очень приехать к старцу, но не смел без разрешения, — и узнать, не разрешит ли старец побывать ему самому у него и не благословит ли старец его и сына его, князя Ивана? Старец же не разрешил попу Ивану к себе войти и говорить с ним не захотел. Тот же сильно братию упрашивал, но ни одного не нашел, кто бы согласился провести его к старцу. Потом и ко мне пришел с княжьим поручением — увидеть старца и повеленное князем передать. Я же, зная твердость старца и непреклонность его нрава, не осмеливался и говорить об этом. Поп же Иван долго упрашивал меня.

Тогда я один пошел к старцу и сказал ему: «Князь Михаил прислал попа Ивана, чтобы тебя повидать и чтобы ты благословил и простил

князя Михаила и сына его, князя Ивана». Старец же молчал. Я же, не осмелившись больше беспокоить старца, немного подождал и хотел уйти, земно поклонившись ему. Преподобный же старец не отпустил меня огорченным, но сказал мне: «Дивлюсь я князю, с чем посылает ко мне — “Сына моего благослови, князя Ивана”, — а князь Василий разве не сын ему? Сам в своей семье раздор заводит. Бог весть, где обретет мир и благословение!» Потом сказал мне: «Никакого дела у князя до меня нет, даже если бы и сам прибыл».

Я же, и не желая того, все это рассказал попу Ивану. Он же, не поверив моим словам, вот что задумал: решил дождаться вечерни, чтобы сподобиться беседы со старцем и его благословения. Когда настало время вечерни, пошли мы со старцем в церковь, а поп заранее незаметно вошел в церковь через южные двери, чтобы добиться своего. Старец же, поняв, что поп в церкви, поспешно вошел в святой алтарь. И лишь после того как поп ушел из церкви, а потом и из монастыря, вышел старец из церкви и пошел в келью свою.

После этого отпустил он братию, не сделав никакого наставления, так как приготовился пойти на всенощное бдение вместе со всей братией, сказав: «Впредь больше я уже не смогу этого совершить». Мы же тогда подумали: из-за немощи своей так говорит, — и лишь потом уразумели, что уход свой из жизни так, намеком, предсказал нам, чтобы не огорчать нас. Потом повелел мне прочесть у него в келье канон Святой Троице и сам усердно молился.

Вскоре же после захода солнца сам поднял братию на всенощное бдение, потому что с большим усердием относился к этому. Братия же дивилась его великому усердию, которое не ослабело до окончания всенощной службы. Когда забрезжил рассвет и пошла ночь на убыль, тогда повелел он клирошанину Иосифу читать положенную службу. Когда прочитал он молитвы, к святому причащению относящиеся, старец стал поспешать, со многим старанием шествуя в святую церковь, а священнику повелел совершать святую литургию, сам же пребывал в святом жертвеннике до причащения телу и крови Христа, Бога нашего.

Когда же завершилось богослужение, старец пришел в свою келью в сопровождении братьи. Я же приготовил немного пищи — вдруг захочет поесть что-нибудь: с тех пор, как разболелся, ничего не ел. Братья стали уговаривать его поесть. Старец же не захотел нас огорчать: против желания своего немного кое-что поел, больше же братию заставил есть то, что было для него приготовлено. И от многих трудов отдохнул немного.

А в это время от великого князя Ивана Васильевича прибыло послание, потому что то ли каким-то мановением, или же от Бога, или от быстрых гонцов пришло к нему известие о происходящем. Посланный великим князем Федя Викентьев приходит ко мне и передает мне повеление великого князя: «Проводи меня к старцу Пафнутию, князь великий прислал ему грамоту свою». Я же сказал ему: «Никто из мирян не смеет входить к старцу, даже сам князь, и если правду тебе сказать, то и пославший тебя не посмеет войти». Он же ответил мне: «А ты отнеси послание и извести его».

Я же, взяв запечатанное послание, принес его к старцу и подробно передал ему все, сказанное посланцем. Старец же мне сказал: «Отдай снова это послание принесшему, пусть отнесет его пославшему: уже ничего не хочу от мира сего, и почестей не желаю, и ничто уже не страшит меня в мире этом». Я же сказал ему: «Знаю и я о тебе, что так это, но, Бога ради, о нашей участи подумай: ведь того желает князь великий; осердится он за это, не разгневай его!» Старец же снова сказал мне: «Истинно говорю вам — если не прогневаете Единого, ничего не причинит вам гнев человеческий. Если же Единого прогневаете, Христа, никто вам помочь не сможет. А человек, если и прогневается, то снова смирится». Я же не посмел больше ничего сказать, только вышел и передал посланцу все, о чем уже сказано выше, и послание отдал; тот же, против желания своего, быстро ушел из монастыря, с посланием.

В это же время приспел посланец от матери великого князя, христолюбивой и благочестивой великой княгини Марии; ведь великую веру имела она к монастырю Пречистой и питала любовь к своему богомольцу, старцу Пафнутию, как никто другой. Прежде она не была такой, но добродетель старца изменила ее отношение к нему, и она стала по-доброму относиться к старцу, с истинным покаянием. Потом и от великой княгини Софьи-гречанки приспел посланец с посланием, еще и деньги золотые принес.

И когда я известил об этом старца, старец ничего из принесенного брать не велел и сильно огорчился из-за того, что так досаждают ему. Еще более же я сам огорчился, обо всем говоря старцу, ибо приходящие понуждали меня к этому по приказанию посылавших их. И, выйдя от старца, я отпустил их с их золотом. И не только от князей и от княгинь приходили, но и от других: от бояр и от простых людей из разных мест стали приходить, мы же о них старцу и сказать не смели, потому что видели, что было с ранее названными посланцами.

И вот когда снова вернулся я к старцу, то спросил его: «Очень тебе неможется, государь Пафнутий?» Старец же ответил мне: «Ни то ни се, видишь, брат, сам: не могу больше, потому что немощь охватила меня, а кроме этого, ничего не ощущаю от болезни».

Из пищи же ничего не ел: питался Божьей благодатью. Если и повелит что-нибудь приготовить из еды, то, когда принесут, тогда похвалит ее и говорит братии: «Ешьте, а я с вами — уж очень хороша», — так что видящим, если сказать по Лествичнику, любителем полакомиться себя выказывал.

Пищу же всегда просил такую, чтобы братии угодить, а сам всегда худшее выбирал. И не только в пище, но и во всем келейном устроении довольствовался самым малым. И одежды его — мантия, ряса, кожух, обувь — были такими, что ни одному из нищих не годились бы.

Беседа же его была проста, усладительно беседовать с ним было не только инокам, но и мирянам и странникам. Не ради человеческого угождения, но по Божьему закону говорил он о всем, а более того в делах своих поступал так. Не робел он никогда ни перед лицом княжеским, ни перед боярским, дары богатых не могли улестить его, и сильным мира сего он повелевал неукоснительно соблюдать законы и заповеди Божий. С простыми людьми так же, как и с великими, беседовал и братьями их называл. И никто после беседы с ним никогда не уходил от него неутешенным, многим он своей беседой сердечные тайны раскрывал, и они уходили от него, удивляясь и славя Бога, прославляющего своих угодников.

Да что много говорю? Если все подряд начну перечислять, то не хватит мне всей жизни моей на это, но, объединив все вместе, вкратце скажу: ничем не уступал в добродетелях дивный сей старец древним святым, разумею Феодосия, Савву и прочих святых.

И вот снова наступила ночь, упомянутый уже ранее брат Варсонофий возжег, как обычно, светильник, не потому, как я уже говорил прежде, что этого требовал старец, но потому, что мы не в силах были светило душ наших во тьме оставить. Я же, уйдя в свою келью, чтобы немного отдохнуть, снова вскоре возвратился к старцу и застал его неспящим, творящим Иисусову молитву, брат же дремал сидя. Я возвестил старцу, что наступило время утрени, он же повелел братии, по обычаю, совершать богослужение в соборе, мне же велел у него в келий, как им было уже давно принято, читать, что полагалось.

И когда наступил понедельник, во время литургии опять старец, с великим трудом, с помощью братии, пошел в святую Божию церковь. По завершении богослужения стали братья спрашивать — не хочет ли он что-нибудь поесть. Старец же ничего не хотел, только немного испил сыты, как я уже и раньше рассказывал.

Когда же старец немного отдохнул, я, охваченный тревожными мыслями о том, каким хочет старец, чтобы было после его смерти устроение монастырское, — ибо старец ничего не говорил об этом ни в ответ на мои вопросы, ни просто так, — сотворил молитву, а он ответил: «Аминь». Тогда начал я в волнении говорить.

Вопрос Иннокентиев: Государь Пафнутий! Прикажи при своей жизни написать завещание о монастырском устроении: как жить после тебя братии и кому повелишь быть игуменом?

Старец же молчал.

Ответ старца Пафнутия. Потом, спустя немного времени, начал говорить старец, проливая из глаз слезы: «Блюдите сами себя, братья, если чин церковный и монастырские порядки хотите сохранить: церковного пения никогда не оставляйте; свечи возжигайте; священников держите честно, как и я, не лишайте их положенного им; пусть не оскудевают божественные службы — ведь ими все держится; трапезную от странников не затворяйте; о милостыне пекитесь; просящего с пустыми руками не отпускайте; бесед с приходящими мирянами избегайте; в рукоделье трудитесь; храните сердце свое с неизменным усердием от лукавых помыслов; после повечерницы в разговоры друг с другом не вступайте — пусть каждый в своей келье безмолвствует; от общей молитвы ни по какой причине, кроме болезни, не уклоняйтесь; весь устав монастырский и правило церковное блюдите со смирением, и покорностью, и молчаливостью, и, попросту сказать, поступайте так, как видите меня поступающим. Если всем этим, заповеданным мною, не будете пренебрегать, верую я Богу Вседержителю и его всенепорочной и пресветлой Матери, — не лишит Господь места сего всех благостей своих. Но знаю я, что по отшествии моем в монастыре Пречистой будет смутьянов много, чувствую — душу мою смутят и среди братии раздор поднимут. Но пречистая Царица мятежников усмирит, и бурю отвратит, и своему дому и в нем живущей братии успокоение подаст».

Если все это рассказанное вам, братья, кажется неправдой, то ведь нельзя мне ложь возводить на преподобного, тем более что и свидетели есть истинные: пришли тогда братья навестить старца, Иосиф, Арсений и Варсонофий, келейник старцев. Слышав это, дивились они тому, что должно случиться.

Отцы и братья! Господа ради простите мне сие, ибо написал я это, не осуждая братию свою — ни в коем случае! Но изумился я пророчеству старца, потому что все это вскоре в действительности произошло: один день, пятницу, безмолвствовали только, в тот день, когда старца в могилу положили. Об остальном впереди рассказано будет.

Когда старец все это проговорил, то замолчал из-за немощи своей, а день уже подходил к концу. После этого провел он ночь в обычных молитвах.

Наступил третий день недели — вторник, старец с утра стал безмолвствовать и не велел себя беспокоить ни одному из братии, желая причаститься тела и крови Христовой, ибо наступил праздник Преполовения пятидесятницы. Я же молча сидел у старца с учеником его, старец же пел псалмы Давидовы, — не из одного или двух псалмов, но из многих стихи избирая, вместе с псалмами пел молитвы, канон похвальный Пречистой, и канон Одигитрии, еще и — «Многими одержим напастьми», а по прочтении Евангелия стих Богородице — «Не оставь меня в человеческом предстоянии». И все это он беспрестанно повторял, и не один или два раза, но много раз снова начинал те же песнопения. Мы же дивились необычным его стихословиям, но ни о чем не смели спросить, а только удивлялись — чем это все завершится. К тому же, как я уже сказал прежде, велел он никому не тревожить его.

Прошел целый день, и ничего не произнес, но только пел псалмы и другие песнопения. Когда настала ночь, я прочел старцу обычное правило. Всю же ту ночь провел он без сна, в беспрерывной молитве, ненадолго присаживаясь, а больше стоял.

Когда же наступил день, снова Иосиф прочел старцу правило к причастию. Старец же поспешно стал готовиться, поторапливая и нас идти в церковь; мы пошли вместе с ним, помогая ему немного, и в жертвеннике приготовили ему место для сидения. После окончания литургии снова причастился он тела и крови Христовой. После же того, как служба завершилась, вышел он из церкви. И был у него давний

обычай: прежде чем священник, свершавший богослужение, не выйдет из алтаря, не покидал он церковь, не приняв благословения от служащего священника.

Когда же подошли к келии, то, остановившись в сенях, — а братия стояла по обеим сторонам от него, — воззрил он в душе своей на братию, а очами телесными на образа Владыки и пречистой Богоматери — две этих святых иконы были у него — с очами, полными слез, вздохнув, стал говорить. **Молитва**: «Господь вседержитель, ты все знаешь, испытывающий сердца и помыслы! Если кто поскорбит обо мне, грешном, воздай ему, Господи, сторицей в этой жизни, а в будущем веке даруй жизнь вечную. Если же кто и порадуется моей, грешного человека, смерти, не поставь ему, Господи, это во грех».

Предвидел ведь и то, и другое в братии.

Мы же, слышав это, ужаснулись — каждый свою совесть своим судьей имеет, больше же всех я, окаянный!

Произнеся это, повелел он ввести себя в келью. После этого начал с радостным лицом утешительные слова говорить братии, чтобы забыли мы прежде сказанное им, ведь каждый, как я уже сказал выше, почувствовал укоры совести. И говорил он так, что казалось — не ощущает сверх силы болезнь свою. Мы же, увидев это, подумали — становится ему легче. Братья уговаривали его поесть что-нибудь, старец же ничего не хотел, только вкушал по нужде немного сыты, как я уже не раз говорил раньше. Братию же стал угощать, говоря: «Пейте чашу сию, чада, пейте, как последнее благословение, ведь я уже больше от сей не изопью и не вкушу». И к этому еще многие утешительные слова проговорил, а потом лег на обычное свое место, на котором через один день и к Господу отошел.

Отцы и братья! Пусть никто не осудит меня за то, что часто себя называю. Увы моему окаянству! Но если про себя умолчу, то ложь напишу.

Потом позвал меня старец: «Иннокентий!» Я же со вниманием посмотрел на священный его лик — что скажет? А он говорит: «Есть у меня сосуд меда, прислали мне на поминанье, а как поминаемого зовут — не помню». Братья же сказали: «Кузня». «Возьми себе, благословляю

тебя, потому что все нужное для меня делал ты». Я же сильно подивился тому, что меня, грешного, в такой немощи своего благословения сподобил. Потом братию со многими подарками отпустил, заставив всех идти в трапезу, так как наступило время обеда.

Я же, не в силах и ненадолго оставить старца, снова возвратился поспешно и нашел его лежащим на своем обычном месте и молящимся, и остановился я в молчании. Потом, немного подождав, сотворил молитву и сказал ему: «Государь Пафнутий! Не легчает тебе, потому что целую неделю ничего не ел ты. Почему, господин, молчишь? Что надумал, кому поручишь монастырь — братии ли или великому князю? Отчего не говоришь?» Он же ответил: «Пречистой». Потом, немного погодя, говорит мне: «Брат Иннокентий! Взаправду ли ты это говоришь?» Я же молчал, думая, что расстроил старца.

«Мне, брат, кто монастырь поручал? Сама пречистая Царица так решила, и, более того, пожелала на этом месте прославить свое имя, и храм свой воздвигла, и братию собрала, и меня, нищего, долгое время питала и охраняла вместе с братиею. А я, смертный человек, в могилу смотрящий, себе помочь не могу; так пусть, как Царица начала, так сама и устроит на благо дома своего. Сам знаешь — не княжеской властью, не богатством сильных, не золотом и не серебром создавалось место сие, но волею Божьей и помощью пречистой Матери его. Не просил я от земных князей никаких даров для монастыря и не принимал от тех, кто хотел принести их сюда, но всю надежду и упование о всем возложил на пречистую Царицу до сего дня и часа, в который разлучит Создатель и Творец мою душу с телом, и по отшествии из этого мира пречистая Царица да защитит своей милостью от насилия темных и лукавых духов, и в страшный день праведного суда избавит меня от вечной муки и причтет к избранным. Если же и я некоей благодати сподоблюсь, то неумолчно буду молиться за вас Господу. Вот чему следуйте: живите в чистоте, не только пока я с вами, но тем более по отшествии моем, со страхом и трепетом спасаясь здесь, чтобы ради добрых ваших дел и я почил с миром, и после меня приходящие поселялись бы здесь хорошо, тогда по скончании своем покой обрящете, и пусть каждый, к чему призван он, в том и пребывает. Выше своих возможностей, братья, на себя не берите — это не только не на пользу, но и во вред душе. Над немощными братьями в мыслях, а более того сказать — в поступках, не возноситесь, но будьте милосердны к ним, как к собственной плоти своей. Призываю вас, чада, спешите делать добро!» Это и много другого полезного сказав, умолк он в изнеможении.

По прошествии недолгого времени приходит поспешно посланец от занимавшего тогда престол русской митрополии преосвященного Геронтия, чтобы навестить старца и передать ему мир и благословение.

Потом скоро приходит еще в монастырь от великого князя Ивана Васильевича его благовещенский протопоп Феодор, потом и от прежденазванных княгинь, от великой княгини, гречанки, Юрий-грек. И со всем приходят ко мне, потому что к старцу не могли войти, передавая мне повеление великого князя, чтобы обязательно повидать старца и беседы его сподобиться, ибо сильно огорчились все, не получив никакого известия от ранее приходивших посланцев.

Я же не смел не только передать все это, но даже сказать старцу о пришедших. Они же упрекали меня за это, а я всячески пытался оправдаться, зная непреклонность старца и его презрение к почестям. Однако, не сумев никак отговориться, против воли своей пошел и сказал старцу о посланцах. Старец же сильно на меня осердился и сказал мне: «Что у тебя на уме? Не даешь мне ни на минуту от мира сего отдохнуть. Не знаешь разве — шестьдесят лет угождал я миру и мирским людям, князьям и боярам: встречая их, суетился, а сколько в беседах с ними было суетного наговорено, провожая их, снова суетился, а того и не ведаю — чего ради? Ныне познал: никакой мне от того пользы, но лишь душе во всем испытание. Господь по своему милосердию, не желая смерть навести на непокаявшегося грешника, дал мне, грешному, шесть дней для покаяния, так нет — ты мне не даешь покоя ни на один час, наводишь на меня мирян. Уже не могу и из кельи выйти без того, чтобы не досаждали мне».

И я еще сильнее огорчился, не столько из-за того, что не получил ответа посланцам, сколько из-за того, что старца расстроил. Выйдя от старца, сказал я им все, веля им уйти из монастыря, И против желания своего ушли они, когда уже наступил вечер, и заночевали в близлежащем селении.

С этого времени ни о чем не смел я докучать старцу, только свершал положенную ночную службу.

А старец уже и не заставлял меня этого делать, потому что всю ночь пребывал без сна, читая псалмы Давидовы и повторяя Иисусову молитву. Был у него давний обычай — окончив службу, никогда не забывал он творить Иисусову молитву, держа в руках вервицу.

Когда снова наступил день, старец, как обычно, повелел священнику раннюю литургию служить, потому что и сам думал пойти, и очень спешил, говоря себе: «День сей пришел». Братья же недоуменно взирали друг на друга, не понимая, о чем он говорит.

Я же спросил его: «Государь Пафнутий! О каком дне говоришь — “День сей пришел”?» Старец же ответил: «О том дне, о котором и прежде говорил вам». Я же начал называть дни: «Воскресенье, или понедельник, или вторник?» Старец же сказал: «Этот день четверг, о нем я и прежде говорил вам». Мы же недоумевали, что сие значит, ибо многое указывало на то, что он готовится к отшествию, однако он скрывал это и определенно о себе ничего не говорил.

Снова, с трудом, начал старец свое шествие в церковь, и, когда приблизился к дверям кельи и хотел выйти на монастырский двор, Иосиф сказал ему, что в монастырь опять пришли ранее приходившие посланцы, и не только они, но много и других, к тому же пришел еще и наместник града Василий Федорович, который и раньше приходил, но не был допущен к старцу. И, собравшись все, стояли они тогда перед церковью, в том месте, где должен был проходить старец.

И когда услыхал старец о их приходе и о том, что они стоят и ожидают его, тогда, против желания своего, должен был вернуться, сильно он огорчился тем, что помешали ему пойти в церковь. Тогда послал он братию идти в собор, а сам остался сидеть в сенях.

И сказал старец: «Никто другой устроил мне это, как только Иннокентий, он им так велел сделать». Я же и сказать не посмел, что нисколько не повинен в этом.

Когда же пошли мы все в церковь, то остался у него один брат — Арсений. Старец же сам запер двери келий, чтобы никто не вошел.

И когда окончилась божественная литургия, а старца так никто и не увидел, поняли тогда все, что невозможно им увидеть старца и даже голоса услышать его, и против желания своего вскоре каждый ушел путем своим. Вернее же сказать — Бог так устроил, ведь написано: «Помысел праведного приятен ему».

Я же после богослужения скоро возвратился к старцу и нашел двери кельи еще запертыми, и брат, о котором я говорил, сидел у него. Когда я вошел, то застал старца в келье лежащим под передним окном на

лавке, окно же, выходящее на монастырский двор, не велел открывать ни насколько и повелел не тревожить себя до вечерни.

Братия молчала, старец же стал говорить, что человек один умрет скоро; мы же недоумевали — кто это, думая — может, кто-то известил его об этом? И тогда я спросил его: «О ком это ты говоришь? Мы не знаем». Старец же сказал: «О том, про которого вы говорите, что он болеет, а он, покаявшись, умереть хочет». Нам же все это оставалось непонятным.

Потом отпустил он братию, повелев идти в трапезную. Я же с этого времени не покидал старца.

Когда вышла братия, тогда сказал мне старец: «Переведи меня на другую сторону келии, потому что там обрету покой от суеты этой да и уснуть хочу, потому что устал. И пусть никто из братии не входит ко мне до вечерни, и никак окна не открывай, и двери никак не отворяй, потому что после вечерни братья прийти хотят». Я же, обо всем этом размыслив, больше уже не сомневался, но твердо уверился в том, что собирается старец уйти из жизни этой, потому что уже в самом начале болезни своей сказал старец, что узы должны разрешиться.

И стал я обо всем, что необходимо при отшествии, спрашивать: «Государь Пафнутий! Когда ты преставишься, звать ли протопопа или других священников из города провожать тебя до могилы?» Старец же ответил мне: «Ни в коем случае не зови, ибо великое беспокойство причинишь мне этим. Пусть никто ничего не узнает, пока не погребете меня в землю с монастырским священником. И прошу о том, чтобы сами проводили, и на могиле простились, и земле предали». Тогда я спросил: «Где велишь могилу себе ископать и в землю тебя положить?» Старец же мне ответил: «Где я Клима гуменщика положил, с ним меня погребите. А гроба дубового не покупай. На те шесть денег калачей купи да раздели нищим. А меня лубком оберни да, сбоку от него подкопав, положи».

Я один с ним об этом говорил, ученик его в это время спал, братия же вся безмолвствовала в келиях, а иные спали, ибо день наступил. Я же замолчал, думая, что, может быть, старец заснет.

Старец же начал молить Господа Бога Вседержителя о спасении души своей, молил также и пречистую владычицу нашу Богородицу о всем, и имя ее призывал, и всю надежду о душе своей на небесную Царицу возлагал. **Молитва**: «В час кончины моей, Дева, из рук бесовских исторгни меня и огради меня, Богоматерь, от суда и осуждения, и от страшного испытания, и от мытарств горьких, и от дьявола, и от вечного осуждения».

Потом стал он молить Пречистую, чтобы пеклась она о богосозданном ее монастыре: «Ты, Царица, создала, ты и позаботься о необходимом дому своему и во имя твое собравшимся в святом месте этом помоги угодить Сыну твоему и Богу нашему чистотой, и любовью, и мирным устроением».

Обычай же был у старца никогда не называть монастырь своим, но — «Пречистой», говорил — «Та создала», никогда не терпел, если кто-нибудь называл монастырь его монастырем, всегда запрещал это, так говоря: «Если не Господь созидает дом, всуе будут трудиться его строители».

Когда старец, как я уже сказал раньше, молился, я разбудил спящего ученика его и суровыми словами упрекнул его, и нерадивым и непотребным назвал его: «Не видишь разве, что старец при смерти, а ты нисколько не страшишься и не бодрствуешь». После этого велел я ему стоять около старца, а сам вышел из келии остудиться, прилег я, чтобы немножко отдохнуть, и вскоре задремал.

Когда спал я, то показалось мне, что поют, и я сразу же с ужасом вскочил и, быстро открыв дверь и войдя в келью, увидел старца лежащим на том же месте, а ученик стоял около его постели. Я же спросил ученика: «Кто был здесь из братии?» Он же ответил: «Никого». Тогда я сказал ему, что слышал пение, он же мне сказал: «Как только ты вышел, старец начал петь “Блаженны непорочные, ходящие путем в законе Господнем”, также и стихи напевал, еще же и “Руки твои сотворили меня и создали меня”, кроме того, “Благословен ты, Господи, научи меня оправданием твоим”, “Святых лик обрел” и другие тропари».

Я же сказал ему: «Отходит старец к Богу».

Припали мы с учеником к ногам старца и облобызали ноги его, потом, склонившись над грудью его, стали просить благословения и последнего прощения. Со многим трудом, не знаю как, — старец уже не внимал словам нашим, — услышали мы сию молитву: «Царь небесный всесильный! Молюсь тебе, владыка мой, Иисусе Христе, милостив будь к душе моей, да не будет она удержана лукавством врагов человеческих, да встретят ее ангелы твои, и проведут ее сквозь препоны всех мрачных мытарств, и препроводят ее к свету твоего милосердия. Знаю ведь и я, владыка, — без твоего заступничества никто не может избежать козней духов лукавых».

После этого не мог уже старец говорит внятно. Если и говорил что-то, то мы уже не могли уразуметь сказанного.

Потом начал он на своей постели, где лежал, с левого бока на правый поворачиваться. А раньше никогда так не делал. Я же, не разумея — к чему это, переворачивал его назад, и два, и три раза, старец же снова поворачивался, хотя едва мог двигаться, на правую сторону, к тому же что-то пытался сказать мне, но я не понимал, ибо язык уже не повиновался ему из-за полного изнеможения.

Наконец уразумел я, что видит он кого-то явившегося к нему. Братия же ничего о происходящем не знала: как я уже сказал прежде, не велел старец досаждать ему от обеденного часа до вечерни. Если же кто из братии и приходил, я говорил, что спит старец. Не смел же никому сказать, что отходит он к Господу — а то началась бы великая суматоха.

Когда приспела вечерня, то братья, по обычаю, начали свершать ее, я же и ученик его оставались в ожидании, ибо не могли от старца уйти в собор и сидели у постели его.

Когда же шла вечерняя служба, то старец лег чинно, вытянул ноги и руки на груди сложил крестообразно. Тогда я сказал ученику его: «Ты сиди здесь, будь при старце, а я посмотрю на монастырский двор — может быть, братья уже окончили службу».

И еще я и до окна не дошел, как ученик старца воскликнул в страхе: «Иннокентий, Иннокентий!» Я же, быстро обернувшись, спросил: «Что видишь?» Он же ответил мне: «Вздохнул старец». И я увидел, как он еще раз слегка вздохнул и, немного погодя, в третий раз: тремя

вздохами передал святую свою душу в руки Бога, которого возлюбил с юных лет. И отлетела душа от старца, ибо уснул вечным сном, ноги вытянул и руки на груди крестообразно сложил, присоединился к святым отцам, житию которых подражал.

И в самое это время подошли к дверям келии старца священники и братья, желая узнать, что со старцем. Мы же утаить случившегося уже не могли: я и ученик старца и еще один брат, которого я не раз упоминал, осеняли крестным знамением лица свои, лили горькие слезы, многократно восклицали с учеником старца, не в силах перенести последней разлуки, ибо зашло солнце душ наших за один час до захода всемирного солнца.

Тогда братия оплакала старца великим плачем и, взяв его, отнесла в старую церковь, потому что наступил уже вечер и не могли его погребению предать.

Назавтра же, как только настал день, в пятницу, в первом часу, выкопала могилу братия и предала тело преподобного земле. Никого же из мирских людей не было тут в это время, никто из мирян и к одру его не прикоснулся, никто не увидел, как в могилу его опускали.

Когда уже погребли мы старца, тогда некоторые жители пришли из города, поведав нам, что весь город поднялся: не только игумены, и священники, и монахи, но и правящие городом наместники и все остальные горожане направились в путь. И все пришли бы в монастырь, если бы не предупредили их преждеупомянутые скоровестники, уже побывавшие в монастыре, сказав им: «Всуе трудитесь — не получите того, к чему стремитесь, потому что даже мы, хотя и пошли раньше вас, ничего не смогли увидеть, безуспешными оказались надежды наши». Горожане же, слышав это, увидели тщетность замыслов своих, сильно опечалились и стали говорить: «Недостойными мы были даже к одру прикоснуться такого раба Божия». Многие же из вельмож быстро пришли в монастырь и, хотя и не увидели преподобного, все же с великой любовью могиле его поклонились. Также и горожане, весь день из города приходя, поклонялись могиле преподобного.

МОСКОВСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

Подготовка текста В. П. Бударагина, перевод В. В. Колесова, комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Повести о походе на Новгород в 1471 г. были посвящены одному из важнейших событий в истории образования Русского централизованного государства — победе Ивана III над Новгородом и фактическому подчинению Новгорода великокняжеской власти (формально уничтожение Новгородской республики произошло семь лет спустя — в 1478 г.).

Включение Новгорода в состав единого Русского государства было задачей, необходимость которой осознавалась новгородским и всем русским населением давно: формально Новгород с древнейших времен признавал суверенитет Рюриковичей — киевских, затем владимиро-суздальских, а с XIV в. и московских великих князей. Однако, признавая верховную власть этих князей, новгородцы уже с XII в. настаивали на значительной автономии вечевой республики — на праве «господина Великого Новгорода» самому решать свои дела и по воле веча «приводить» к себе и «выгонять» тех или иных родичей великого князя, исполнявших в Новгороде функции князей-военачальников. Такая идея автономии городов-коммун в рамках единого государства не была чужда и некоторым общерусским политическим идеологам первой половины XV в. Во всяком случае общерусский (вероятнее всего, митрополичий) свод, отразившийся в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях и содержащий такие патриотические памятники, как пространная «Летописная повесть о Куликовской битве» (см. в т. 6 наст. изд.), «Повесть о нашествии Тохтамыша» (там же), «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича» (там же), вместе с тем последовательно и без всякого неодобрения подчеркнуто отмечал многочисленные случаи приглашения и изгнания новгородцами своих князей.

Однако в последней трети XV в. великокняжеская власть уже явно не склонна была признавать права новгородских «вечников». Походу Ивана III на Новгород в московском летописании были приданы черты крестового похода на «неверных». Эта тенденция была особенно резко выражена в «Словесах избранных от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских», связанных, очевидно, с митрополитом Филиппом и помещенных в дополнительной части Бальзеровского списка Софийской первой летописи (ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853) и в Новгородской летописи по списку Дубровского (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925), но характерна она и для публикуемой повести великокняжеского свода.

Московская повесть о походе в 1471 г., находящаяся в великокняжеском летописании, была составлена вскоре после этого похода — в 1472 г. Наиболее ранний текст этой повести читается в компиляции, которая может быть названа Музейным сборником и которая дошла до нас в двух списках — Музейном (РГБ, ф. 178,

Музейное собрание, № 3271, последней четверти XV—начала XVI в.) и Воронцовском (БАН, 34.2.31). Вторая часть этого сборника содержит древнейший памятник московского великокняжеского летописания — Музейный летописец, доведенный до 1452 г. (текст «Повести об ослеплении Василия II» по этому летописцу см. т. 6 наст. изд.), и две отдельные летописные повести — комментируемую «Повесть о походе Ивана III на Новгород» и «Повесть о стоянии на Угре» (близкую к Вологодско-Пермской летописи и отличную от той ростовской повести, которая публикуется в наст. изд.). Происхождение комментируемой повести о походе на Новгород может быть объяснено двояко: она (вместе с «Повестью об Угре») могла быть заимствована из цельного летописного свода типа Вологодско-Пермской летописи либо быть отдельной «заготовкой» для такого свода.

Текст повести, близкий к Музейному сборнику, читается в Вологодско-Пермской (ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959) и Никаноровской (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962) летописях. Несколько дополненная редакция той же повести содержится в Московском своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949) и последующих великокняжеских (царских) летописях.

Московская повесть о походе Ивана III на Новгород публикуется по списку Музейного сборника — РГБ, ф. 178, № 3271, лл. 240 об.—252; разделы, пропущенные в Музейном сборнике, восполнены по Воронцовскому списку — БАН, 34.2.31, лл. 444 об.—457 об. (раздел от слов: «Невѣрнии бо изначала не знаху Бога...» до слов: «...жити люди и мастеры всякие, спроста»; и от слов: «челомъ битьа, но свое бо благосердие показал...» до слов: «...епископи рустии и архимандрити»). Исправления — по Воронцовскому списку, а при дефектности обоих списков — по Вологодско-Пермской летописи.

ОРИГИНАЛ

О новогородцех и о владыцѣ Феофилѣ.[1] Тое же осени ноемврия въ 8 день на собор архааггела Михаила преставися архиепископъ Новагорода Великаго Иона.[2] Новогородци же по старинѣ, каковъ бяша обычай у них, створиша вѣче и начаша избирати от священноинок на архиепископью. И избравше трех, метнуша жребиа, и паде жребий на нѣкоего священноинока Феофила именем, и возведоша его на дворъ архиепископль. И *послаша* к великому князю Ивану Васильевичю посла своего Никиту *Ларивонова* бити челом и опаса просити, чтобы нареченому черньцю Феофилу пожаловал, *повелѣл* быти к собѣ на Москву и поставити бы его велѣл своему отцю митрополиту Филиппу[3] на архиепископью Великого Новагорода и Пскова, яко же и преже сего было прид предних великих князеих.

Князь же великы по ихъ челобитию и прошению, ничто же къ преднему примышляя, но и легчѣ жалуя, посла их почтивъ отпусти съ всѣм, о чем ему били челом от всего Новагорода, отвѣт давъ ему таков: «Что отчина моя, Великий Новъгород, прислали ко мнѣ бити челом о том, что взял Богъ отца их, а нашего богомолца архиепископа Иону, а избрали себѣ

по своему обычаю по жребием священноинока Феофила, и яз ихъ, князь великый, жалую, и того нареченного Феофила. И велю ему быти к собѣ на Москву и къ отцю своему, митрополиту Филиппу, стати на архиепископью Новагорода и Пьскова безо всяких зацѣпов, но по прежнему *обычаю*, какъ было при отци моем, великом *князе Василье*, и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ *моем, и преже* бывших всѣх великых князехъ, *их же род есмы*, володимерских, и Новагорода Великого, и всея Руси». Тому же их послу Никитѣ Ларивонову пришедшу с ним в Новъгород и сказа им жалование великого князя, мнози же тамо сущии людие лучши, посадници их, и тысяцкие, и житии люди[4] велми о семъ ради быша, и Феофилъ их.

Нѣкотори же от них: посадничи дѣти Исакова Борецкого съ материю своею Марфою[5] и съ прочими инѣми изменьникы, научени дьяволом, иже горшѣе бѣсове быша прелестници на погибель земли своей и себѣ на пагубу, начяша нелѣпая и развращенная глаголати и на вѣче приходщи кричати: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися вотчиною его! Волный есьмя Великый Новъгород, а московьский князь великы многи обиды и неправду над нами чинит! Но хотим за короля *полского* и *великого* князя литовского за Казимира!»[6]

И тако възмятеся весь град их, и *въсколѣбашася*, яко пьяни: овии же хотяху за великого князя по старинѣ, к Москвѣ, а друзи — *за короля*, к Литвѣ. Тѣм же измѣнници начяшя наимовати худых мужиков въ вѣчников, иже на то все готови суть по их же обычаю. И приходящии на вѣче их, и звоняху за все колоколы, и кричаще, глаголаху: «За короля хотим!» И ини их противу им глаголаху: «За великого князя московьского хотимъ по старинѣ, как было преже сего!» И тѣ, наймиты тѣх измѣнников, каменье на тѣх метаху, котори за великого князя хотят. И велико неустроение бяше в них, и меж себе ратахуся, сами на ся въстающе.

Мнози же от них: старии посадници, и тысячские, и лучшие люди, такоже и житии люди глаголаху к ним: «Нельзѣ, брате, тому тако быти, якоже глаголете за короля нам датися и архиепископа поставити от его митрополита, латинина суща. А изначала отчина есмы тѣх великих князей, от перваго великого князя нашего *Рюрика*, егоже по своей воли взяла земля наша из варягъ князем себѣ и съ двѣма *браты его*. По том же правнук его, князь *великий* Владимеръ, крестися и всѣ земли *наши крести*: рускую, и нашу словеньскую, *и мерскую*, и кривичскую, весь, рекше бѣлозерскую, и мурому, и вятичи, и прочая. И от того святаго великаго князя Владимира дажи и до сего господина нашего великого князя Ивана Васильевича за латиною есмя не бывали и архиепископа от них не поставливали себѣ, якоже вы нынѣ хотите ставити от

Григория, называющася митрополитом *Руси*, а ученикъ то Исидоров, сущей латинин».[7]

Тѣ же развратници, якоже и прежни еретици, научени дьяволом, хотяще на своем поставити, а на благочестие дерзнувше, а князю великому не хотяще покоритися, единако въпиаху: «За короля хотим!» А друзии глаголаху: «К Москвѣ хотим, к великому князю Ивану и къ отцю его, митрополиту Филиппу, — в православие!» Злодейци же онии, *противници сотворше* себе православию, Бога не бояшеся *и посол* свои послаша къ королю *с поминки* многими, Панфила Селифонтова да *Кирила* Иванова,[8] сына Макарьина, глаголюще: «*Волни* есмы люди, Великий Новъгород, бьем челомъ тебѣ, честному королю, *чтобы* еси господарю нашему Великому Новугороду и нам господинъ был. И архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорию, и князя нам дай из своей державы».

Король же прият дары их с любовию, и рад бывъ речемъ их, и много чтивъ посла их, отпусти к ним съ всѣми с тѣми рѣчми, чего хотѣли, и князя посла к ним Михаила, Олелькова сына, киевьского.[9] *Новогородци* же прияша его честнѣ, намѣстников же князя великого не сослаша с Городища. А что был у них князь Василий Горбатой, брат суздалских князей,[10] а того послаша в Заволочье, в заставу на Двину.

Слышавъ же сие князь велики Иван Васильевич, что въ вотчинѣ его, в Великом Новѣгородѣ, взмятение велико, и начат посылати к ним послы своя, глаголя тако: «Отчина моя естя, люди новогородстии, изначала: от дѣд, от прадѣд наших, от великаго князя *Владимера*, крестившаго землю Рускую, от правнука Рюрикова, первого великого князя в земли вашей. И от того Рюрика да иже и до *сего дни* знали есте единъ род тѣх великих *князей*, преже киевских, до великого князя *Дмитрея* Юрьевича Всеволода Володимерьскаго,[11] а от того великого князя да иже до мене род их, мы владѣем вами, и жалуем вас, и бороним отовселе, а и казнити волны же есмы, коли на нас не по старинѣ смотрите почнете. А за королем никоторым, ни за великим князем литовъским не бывали есте, какъ и земля ваша стала, а нынѣча от християньства отступаете к латинству чрес крестное цѣлование. Яз, князь великий, никоторые силы не чиню над вами, ни тягости не налагаю выше того, какъ было при отци моем, великом князи *Василье* Васильевиче, и при дѣде моем, и при прадѣде, и при прочих великих князеих рода нашего, но еще и жаловати вас хочю, свою отчину».

То же слышевше *новогородстии* людие, бояре их, и посадници, и *тысячские, и житии* люди, котори не хотяще *первого своего* обычая и

крестнаго цѣлования *преступити*, ради быша вси сему и правитися *хотяще* к великому князю по старине.

А предречени Исаковы дѣти с прочими их поборники и с наймиты, яко *възбеснѣшали*, яко звѣрии дивии, безчеловеченъ разум имуще, князя великого пословъ рѣчей, такоже и митрополита Филиппа посла, ни слышите не хотяху. Но и еще наимоваху злых тѣх смердовъ, убиицъ, шилников, и прочих безименитых мужиков, иже скотем подобни суть, ничтоже разума имущих, но точию едино кричание, иже и безсловесная и животъная не сице рычаху, *якоже они* новогородстии людие, невѣгласи, осподарем зовяху себѣ Великим Новым городомъ.[12] И ти приходяще на вѣче, бьяху в колоколы, и кричах, и лаяху, яко пси, нелѣпая глаголюще: «За короля хотим!»

И таково бѣ възмущение в них, якоже въ Иерусалимѣ *бысть, егда предасть его Господь в руцѣ Титовѣ*;[13] якоже бо ти тогда, тако и сии меж себе брань творяху.

Князь же великий, слышев сие, *скорбен* бысть и потужи си о них немало: «*Яко и не* въ православье еще быша, от Рюрика *и до* великого князя Владимера, не отступали *за иного* осподаря, а от Володимера до иже *до сего дне* его род знали единъ и правилися *всѣм великим* князем о всемъ, преже киевским, потом же володимерским, а се уже на послѣдних лѣтех все свое изгубити хотят, от христьаньства к латиньству отступающе. Но что сътворити, не вѣм, но точию положю упование на едином Господѣ Богѣ и многомилостивъ о семъ». И тако възвѣщает о сем отцю своему, митрополиту Филиппу, и матери свои, великой княгини Марьи, и сущим у него бояром его, что поитти на Новгород ратью. Они же, слышав же сие, съвѣтуют ему, упование положив на Бозѣ, исполнити мысль свою над новогородци за их неисправление и отступленье.

Въ той чяс князь великий *розослал* по всю братью свою и по всѣ епископы земля своея, и по *вся князи, и по бояре свои, и воеводы*, и по вся воя своя. И яко же вси снидошася *к нему*, тогда всѣмъ възвѣщает мысль *свою, что* итти на Новгород ратию, понеже бо *во всем* измѣнишя.[14] И князь великий благословение *приим* от митрополита Филиппа, такоже и от *всѣх святитель* земли своея, и от всего священнаго *собора, начат* въоружатися итти на *них, такоже* и братья его, и вси князи его, и бояре, и воеводы, и вся воя его.

К Нову же городу посла грамоты розметные[15] за их неисправление, а во Тфирь посла к великому князю Михаилу,[16] помочи прося на новогородцев же. А къ Пьскову послал дьяка своего Якушку Шачебалцова мая въ 23,[17] на праздникъ Възнесения Господня, глаголя им: «Отчина моя, Велики Новъгород, отступають от мене за короля, и архиепископа своего ставити им у его митрополита Григория, латинина суща. И яз, князь великий, дополна иду на них ратью, а целование к ним сложил есмь. И вы бы, отчина моя псковичи, посадници, и жити люди, и *вся земля* Псковьская къ брату вашему Новугороду цѣлованье сложили бы *есте* и поидите на них ратью с моимъ *воеводою*, княземъ Феодором Юрьевичем *Шуйскымъ или* съ его сыном, княземъ Васильемъ».[18]

В *31 же* день мѣсяца майя, в пятокъ, *послал князь* великый Бориса Слѣпца[19] *к Вяткѣ, веля им* быти на Двиньскую землю ратью *же*. А *к Василью* Феодоровичю къ Бразьцю[20] посла на *Устюгъ*, чтобы с устюжаны на Двину же ратью пошел, а зжидалъ бы ся с Борисом да с вятчяны.

Мѣсяца же иуния въ 6, в четверток, на Троецкой недели, отпустил князь великий с Москвы воевод своих, князя Данила Дмитреевича Холмовского да Феодора Давыдовича[21] съ многим воинством, с ними же и князя Юрья Васильевича[22] и князя Бориса Васильевича,[23] дѣти боярские многи. А велѣл тѣм князь велики итти к Русѣ.[24]

А въ 13 того же мѣсяца, в четверток, отпустил князь велики князя Ивана Васильевича Оболенского Стригу со многими вои, да с ним князей царевичевых Даньяровых со многими татары.[25] А велѣл тѣм итти на *Волочек* да по Мьстѣй.[26]

По сем же князь велики начат по церквам молебная свершати и милостыню *многу* расылати по земли своей и по церквам, и монастырем, священиком, и черноризцем, *и нищим*. В соборную же церковь пречистыя *владычще нашеа* Богородица приснодѣвы Мария князь *велики, вшед къ* чюдотворнѣй икони пречистыя *Богородица* Владимерьския и многа моления съверши и слезы доволнии излия, такоже и пред образом Пречистыа чюдотворныя, юже сам чюдотворець *Петръ*[27] написал. По сем же приходить къ гробу, иже въ святых отца нашего Петра митрополита чюдотворца, молебьна съвершая и слезы изливая, прося помощи и заступленья, такоже и у прочих святителей, в той же церкви лежащих, преосвященных митрополит Фегнаста, и Киприана, и Фотия, и Ионы,[28] помолився.

И исшед оттуду, приходить в монастырь архааггела Михаила честнаго его чюда, и вшед въ церковь его, молебная совершает, призывая на помощь того воеводу небесных сил съ многим умилением. И паки входит в той же церкви въ придѣлъ Благовѣщенья Богородици, идѣже бяху цѣлбоносный гробъ, в немь же лежаху чюдотворныя мощи, иже въ святых отца нашего Алексѣа митрополита, рускаго чюдотворца, и тамо также помолися съ многими слезами.

И потом паки приходить въ церковъ архистратига Михаила, честнаго *собора* его и прочих бесплотных, и также *моления* совершает, *прося* помощи и заступленья от них. Приходит же паки в той же церкви къ гробомъ прародитель своих, лежащих ту великих князей володимерских и новогородцих и всея Руси, от великаго князя Ивана Даниловича[29] и до отца его, великаго князя Василья, моля их и глаголя: «Аще духом далече есте отсюду, но молитвою помозите ми на отступающих православья державы вашея».

И оттолѣ исшед, обходит вся съборныя церкви и манастыря, повсюду молебная съвершаа и милостыня доволно подавая. По сем же паки приходит и къ отцю своему Филиппу, митрополиту всея Руси, прося благословения и прощенья. Святитель же огражает его крестом, и молитвою въоружает его, и благославляет его на противныя и вся воя его, якоже Самоил Давыда на Гольяда.[30]

Князь же велики Иван Васильевич, приим благословение от отца своего митрополита Филиппа и от всѣх епископъ земля своей и от всѣх священник, исходит с Мосъквы того же мѣсяца иуния въ 20, в четверток, на память святого отца Мефодья епископа *паторомска*, а с ним царевич Даниярь и прочии вои великаго князя, князи его мнози и вси воеводы, съ многою силою въоружився на противныя, якоже преже прадѣд его благовѣрный велики князь Дмитрей Иванович на безбожнаго Мамая и на богомерзкое тое воиньство татарьское, такоже и сей благовѣрный и велики князь Иоан на сих отступник.

Аще бо християне нарицахуся, а дѣла их бяху горѣе невѣрных, всегда бо измѣняху крестное целованье, преступающе, но и горѣе того начяша бѣситися, якоже преже написах: пятсот бо лѣтъ и 4 въ крещении быша за великими князи рускими православными, нынѣ же на послѣднее время, за 20 лѣт до скончания седмыя тысящи,[31] въсхотѣша *отступити* за латиньского короля, и архиепископа своего въсхотѣша поставити от его митрополита Григорьа латынина; а князю великому много о сем посылающу к нимъ остатися от таковаго начинания. Также и митрополит Филип посылаше к ним, наказающе их, яко отець чада своя, по Господню словеси, еже рече въ Еуагельн: «Аще съгрѣшит

к тебѣ брат твой, шед обличи его пред собою и тѣм единемъ; и аще послушает тебя, приобрѣлъ еси брата твоего; аще ли тебе не послушаетъ, поими с собою два *или* три, предусты бо двоих *или* трех свѣдѣтель станет всяк глаголъ. Аще ли и тѣх не послушает, повѣжь церкви; аще ли о церкви не радити почнет, буди ти, якоже иноязычникъ и мытарь».[32] Си же паки людие новогородстии о всем о том не внимаху, но свое зломыслие творяху; то не горѣе ли си иновѣрныхъ? Невѣрнии бо изначала не знаху Бога, ни научишася ни от кого же православию, перваго своего обычая идолопоклония держахся, а си многа лѣта бывши въ християнства и на конець нача отступати к латынству. И тако поиде на них князь великий не яко на христиан, но яко *на* иноязычникъ и на отступникъ православья.[33]

Поиде же князь великий на Рождество Предотече на Волокъ. Такоже и братия *великого князя* поидоша кийждо их от себе: князь Юрья Васильевичь из своея отчины, а князь Андрѣй Васильевич из своея отчины, *а князь Борис Васильевич из своея отчины*, князь Михайло Андрѣевич с сыном Васильем[34] из своея вотчины. А на Москвѣ князь великий оставил сына своего, великого князя Ивана, да брата его князя Андрѣя Меньшего.[35]

На Петровъ день[36] прииде князь великий в Торжек:[37] приидоша же к нему в Торжекъ воеводы великого князя тфѣрьскаго, князь Юрья Андрѣевичь Дорогобужский[38] да Иванъ Микитинъ Жито,[39] со многими людми на помочь на новогородецъ же; а з Пскова прииде к великому князю в Торжекъ же посол Василей да Богдан съ Якушкою с Шачобалцовым, а присланы с тѣмъ, что цѣлование к Новугороду сложили, сами готови всѣ. Князь же великий с Торжку посла к нимъ Богдана, а с нимъ Козму Коробьина,[40] чтоб не мочтая пошли к Новугороду, а Василья от себе не отпустил; и ис Торжку поиде князь великий.

Братья же великого князя всѣ со многими людми, кийждо нз своея отчины, поидоша розными дорогами к Новугороду, плѣнующе и жгуще и люди въ плѣнъ ведуіде; такоже и князя великого воеводы та же творяху, кийждо на кое мѣсто посланъ. Прежепосланны их воеводы великого князя, князь Данило Дмитреевич Холмъвский и Феодоръ Давыдович, идуще по новъгородцким мѣстом, идѣже повелѣно им бяше, и распустиша воя своя на многия мѣста жещи и плѣнити и в полон вести и казннти без милости за их неисправление ко своему государю великому князю. Дошедшим же воеводамъ тѣмъ до *Русы*, поплѣниша и пожгоша мѣсто то; и пленивъ то и пожегъ, поидоша близ к Новугороду к рецѣ к Шелонѣ. И якоже приидоша на мѣсто, нарицаемое *Коростыня*,[41] а у езера Илмяня на брезѣ, и внезаапу паки прииде на них безвѣстно по езеру рать в судѣх от Новагорода и из судъ вышед, приидоша таемъ под станы их, а им в то время оплошившимся. Сторожи

же воевод великого князя, видѣвши их, возвестиша воеводамъ, они же в той час въоружившеся, поидоша противу их и многих избиша, а иных руками изнимаша; тѣмъ же изнимаемым самимъ межи себе повелѣша носы, и губы, и уши рѣзати, и отпущати их назад к Новугороду,[42] а доспѣхи их, снимающе, в воду метаху, а ини огню предаша, не бяху бо имъ требѣ, но своими доспѣхи всѣ доволни бяху.

И оттоле паки возвратишася к Русѣ в той же день, оже в Русѣ иная рать пѣшая, множае первыи и сугубѣйшии, а пришли рѣкою же в судѣх Полою[43] именемъ. Воеводы же великого князя и на тѣх пришед и побиша их, и посла к великому князю с тою вѣстью Замытского Тимофѣя, а пригонил к великому князю иуля въ 9 день на Коломну озеро; а сами воеводы от *Русы* поидоша к Дѣмону[44] городку. Князь великий посла к нимъ, веля им итти за рѣку Шолону сниматися со псковичи. А под Дѣмономъ велѣл стояти князю Михаилу Андрѣевичю с сыномъ княземъ Васильемъ и со всѣми вои своими.

А воеводы великого князя поидоша к Шолонѣ, и яко пришедшим имъ к берегу рѣки тоя, идѣже брести чрез ея, оже в ту же пору прииде ту рать новгородская противу их з другия страны, от града своего, к той же рѣцѣ Шолонѣ, многое множество, яко и ужаснутися полком великого князя, понеже бо в малѣ бѣху, всѣ бо вои сущии под ними, не вѣдуще того, плѣняху мѣста их и окрестъ Новагорода.

А новгородцкие посадники и тысяцкие, и с купци, и з жити люди, и мастеры всякие, спроста рещи, плотници и гоньчары и прочии, котории родився на лошади не бывали и на мысли которым того не бывало, что руки подняти противу великого князя, — всѣх тѣх измѣнници они силою выгнаша, а которым бо не хотѣти поити къ бою тому, и они сами тѣх разграбляху и избиваху, а иных в рѣку Волховъ металша; сами бо глаголаху, яко было их сорок тысяч на бою том.

Воеводы же великого князя, аще и вмалѣ бѣста — глаголють бо бывши тамо, яко с пять тысяч их толико бѣ, — но видѣвше многое множество вои их и положи упование на Господа Бога и пречистую его Матерь и на правду своего осподаря великого князя, поидоша напрасно противу их, яко лвы рикающе, чрес рѣку ону великую, ея же сами новогородци глаголють, никогда тамо броду имуще, а си, не пытающе брода, вси цѣли и здрави преидошя ея. Видѣвше же се, новогородци устрашишася зѣло, възмутишяся и восколѣбашесе, яко пьяни, а си пришед на них начяшя преже стреляти их, и возмутишяся кони их под ними, начяша съ себе бити их, и тако въскоре побегошя, гоними гнѣвом Божьим за свою их неправду и за отступление не токмо от своего осподаря, но и от самого Господа и Бога.

Полцы же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они и сами бѣжаша, друг друга бьюще, кои с кого мога. Избиено же бысть их тогда многое множество, самим бо глаголющим, яко дванадесять тысущь *изгибе* их на боех тѣх, а изима их руками боле двою тысяч; изнимани же посадници их: Васили Казимеръ,[45] Дьмитрей Исаковъ Борецькой, Кузма Григорьевъ,[46] Яковъ Федоровъ,[47] Матфѣй Селезеневъ, Васили Селезеневъ — два сестричича Казимеровы,[48] Павелъ Телятевъ,[49] Кузму Грузова,[50] а житьих множество. Сбысться на нихъ пророчское слово реченное: «Яко пfive вас поженет сто, а сто двигнета тмы». Бѣжащим же им на долзѣй, и кони их отдохшяся, и начаша рѣятися с них долов и въ воды, и въ болота, и в лѣсы, ослѣпи бо я Господь, не знаяху бо земли своей, ниже пути ко граду своему, от него же приидошя, но блудяху по лѣсомъ, и гдѣ выходящим имъ из лѣса, и тако имаху ихъ ратнии, а инии *ранени* блудяще и по лѣсомъ изомроша, а инии в водах истопоша; а котории с конь не сметашася, тѣх кони их принесоша къ граду, яко пьяных или спящих, а инии в оторопѣ и град *свой* пробѣгоша, мняще, яко и град их взят уже, възмятоша бо ся и въсколебашася, яко пьяни, и вся мудрость их поглощена бысть. А вои великого князя гонили по них дванадесят верстъ, и тако възвратишася от великия тоя истомы.

Воеводы же князя великого, князь Данило и Феодоръ Давыдович, ставьше на костех, сождашяся с воиньством своим и видѣша воя своя всѣх здравых и благодариша Бога и пречистую его Матерь и всѣх святыхъ. И начаша воеводы глаголати поиманым у них новгородцем: «Что ради вы с толиким множеством вои своихъ ни мала постоясте, и видяще малое наше воинство?» Они же рекоша к ним: «Мы бо видѣхом вас бесчисленое множество, грядущее на нас, не токмо противу и нас идущи, но еще инные полки видѣхом, в тыл по нас пришедших, знамена же имут жолты и болшие стяги и скипетры, и говоръ людцки мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны,[51] и страх обьят ны, и приятъ нас трепет». Бысть же бо сие иуля *въ* 14 в недѣлю по рану, на память святаго апостола Акилы.

Вои же князя великого и после бою того воевали много посады новгородские и до немецкого рубежа по рѣку Нерову,[52] и великое мѣсто, зовомое Новое Село, поплениша и пожгошя. Воеводы же великого князя, мало отдохнувъ по бою том и съждався съ своими, послашя к великому князю Замятню[53] с тою вѣстию, что поможе имъ Богъ, рать новогородцкую побили. Он же прогонилъ к великому князю въ Яжолбици того же мѣсяца въ 18 день, и бысть радость велика великому князю и братьи его и всему воиньству их, бѣ бо тогда у великого князя и царевич Даньяръ, и братья его, благовѣрнии князи Юрьи, и Адрѣй, и Борисъ, и боаре их, и все воиньство их. И тогда обещася князь велики поставити на Москвѣ церковь святого апостола

Акилу, еже и бысть, а воеводы, князь Данило и Федоръ, другую церковь, Воскресение.

А в ту же пору был у великого князя из Новагорода от нареченнаго арьхиепископа и от всего Новагорода Лука Климентьев[54] о опасѣ; князь велики дасть им опас и отпусти того с селищь противу Дѣмона; а князю Михаилу Ондрѣевичю и сыну его князю Василью воеводы новогородцкие, кои седѣли в городѣ Дѣмону, добили челом и предашяся на том, что их головами выпустити, а о ином ни о чем не стояти; а из города дали окупа сто рублев новогородцкую.[55]

А от пьскович приде к великому князю в Ыгнатичи с Кузмою с Коробьиным посадникъ Никита[56] с тѣмъ, что пьсковичи со всею землею своею вышли на его службу, своего осподаря, с воеводою князем Васильемъ Федоровичем, а идучи, начяшя новогородцкие мѣста грабити и жечи, и людие сѣчи, и, в хоромы запирая, жечи. Князь же велики послал к ним Савастьяна Кушелева[57] да первого посла их Василья с ним с Полы с рѣки.

Мѣсяца того же въ 24 день, на память святых великомученик Бориса и Глѣба, прииде князь велики в Русу, и туто повелѣл казнити главною казнью новогородцких посадниковъ[58] за их измѣну и за отступление: Дмитрея Исакова Борецьского, да Василья Селезнева, да Ерѣмеа Сухощека, да Киприана Арзубьева; а иных многих посла на Москву да велѣл их вметати в тюрму, а мѣлких людей велѣлъ люди отпущати к Новугороду, а Василья Казимира, да Кузму Григориева, да Якова Федорова, да Матфѣя Селезенева, да Кузму Грузова, да Федота Базина велѣлъ отвести на Коломну[59] да поковати их. А самъ поиде оттуду к Ильмерю озеру на усть Шелоны, и приде ту на мѣсто, зовомое Межуберегъ и Коростынь, въ 27 в суботу.

А в той же день был бой воеводам великого князя съ двиняны, Василью Федоровичю Образцу, а с ним устюжанеи и прочии вои, да Борису Слѣпцю, а с ним вятчане, а бой имъ был на Двинѣ[60] *со* княземъ Васильемъ Шуйскимъ, а с ним заволочие всѣ *и* двиняне. Было же с ним рати 12 тысяч, а с великого князя воеводами было рати 4 тысячи без 30 человѣкъ. Бысть же бой им вышед ис суд *обои* пѣши, и начяша ся бити о третьемъ часѣ дне того, биша же ся и до *захожения* солнечнаго, и за руки емлющеся сѣчахуся, и знамя у двинянъ выбишя, а трех знаменщиковъ под нимъ убишя: убили бо первого, но и другой подхватилъ, и того убили, ино и третей взял, убивше же третьего, и знаме взяша. И тако двиняне възмятошяся, и уже к вечеру одолѣша полкы великого князя и избишя множество двинян и заволочян, а ини истопошя, а князь их ранен кинувся в лодку, убѣже на Колмогоры,[61]

многих же руками изнимаша, потомь же и градки их поимашя, и приведоша всю землю ту за великого князя. Убиша же тогда князя великаго рати 50 вятчянинов да устюжанина одного, да Борисова человѣка Слѣпцева Мигуна, а прочии вси Богомъ сохранени быша.

О нареченем Феофилѣ и о новогородцех, како приидоша к великому князю бити челом. А в той же день на усть Шолоны в судѣх озером *Ильменем* нареченный Феофилъ с посадники и с тысяцскими и съ житьими людьми со всѣх конецъ, и начяшя преже бити челом княземъ и бояромъ, и воеводам великого князя, чтобы печаловалися братьи великого князя, а они бы печаловалися брату своему великому князю, да и сами бы бояре печаловалися. Бояре же пришед с ними, бишя челом братьи великого князя, братья же великого князя, князь Юрьи, князь Андрѣй, князь Борис и князь Михайло Ондрѣевич съ сыномъ и бояре их биша за них челомъ великому князю. Князь же велики их дѣля пожаловал, велѣл тому нареченному черньцю Феофилу, и посадником, и тысячким, и прочим быти к себѣ на очи. Они же вшед к великому князю и начяша бити челом о своем преступлении и что руку противу его подняли, чтобы пожаловал осподарь, смиловался над ними, възвратил бы гнѣвъ свой не их ради челомъ битьа, но свое бо благосердие показал и согрѣшающимъ, не вѣлѣл бы боле того казнити, и грабити, и жещи, и плѣнити. Милосердовав же, князь великий показа к ним милость свою и приял челобитье их, утоли гнѣвъ свой, и в той часъ повелѣ престати жечи и плѣнити, плѣн, которой туто есть, отпустити, а которай отслан и отведенъ, и тѣх отдати.

А добиша челомъ великому князю 16 тысяч сребра новгородцкых рублевъ[62] опрочѣ и братьи великого князя, и князей, и прочихъ: бояр, и воевод, и прочих всѣх, котори не *печаловалися* о них; а земля их вся пленѣна и пожжена, и до моря,[63] не токмо бѣ тѣ, кои были с великим князем и з братьею *его*, но из всѣх земель их пѣшою ратью *ходил* на них, а Псковская вся земля от себе их же воевали; не бывала на них такова война, как земля их стала.

О псковичех. А что послал *Севастьяна Кушелева* князь великий против псковичь, и тот срѣтил их за Порховымъ,[64] а они идут от своего городка от Дубскова,[65] *взялъ* из него 6 пушокъ, к Порхову. Савастьянъ же сказа имъ великого князя здравие да и побѣду на новгородци, а имъ велѣлъ князь великий борзѣе поити к Новугороду. Псковичи же ис-под Порхова отпустиша Савастьяна к великому князю, а с ним послы своя, Козму Сысоева[66] да Стефана Афонасьева Винкова,[67] а сами поидоша со всею силою своею к Новугороду. И не дошед Новагорода за 20 верстъ, стали у Спаса на Милцѣй, а Совостьянъ с тѣми послы с псковскими, с Кузмою да Стефаном, приидоша к великому князю на усть Шолоны *иуля* въ 30 на заговѣние на Оспожинѣ, а князь Василей Феодорович Шуйской, воевода пьсковский, с посадники и прочими и с

лутчими людми послѣ пословъ своих приидоша к великому князю туто же на усть Шолоны.

И послѣ тѣх прихода стоял туто на единомъ мѣсте князь великий 11 день, управляя новгородецъ, и пожаловал их, дасть имъ миръ на своей воле, как *сами* восхотѣ,[68] а псковичемъ доскончание взял с новогородци все выше перваго, как псковичи хотѣли. По том же князь великий дастъ новгородцемъ мир, и любовъ, и милосердие, и почтив нареченаго их Феофила и посадниковъ их, и тысяцкых, и прочих, котори с нимъ ходили, и отпусти их во свой им град. А за ними послалъ в Новъгород боярина своего Феодора Давыдовича привести Великий Новъгород весь к цѣлованию от мала даже и до велика и сребро на них имати; они же шед в Новъгород, сотвориша, якоже повѣлѣно бысть имъ.

А князь великий Иван Васильевичь володимерский и новгородцкий, всея Руси самодержецъ, возвратися оттуду к Москвѣ с побѣдою великою мѣсяца августа 13; тако же и вся братья его, и князи, и воеводы, и вся воя их и со многою корыстью.

А того же лѣта князь великий, ида к Новугороду, послал в Поле Никиту Беклемишева искати царевича Муртазы, Мостофина сына,[69] звати его к себѣ служити. Никита же наѣде его в Поле и перезва его к великому князю, и прииде с ним къ сыну великого князя на Москву наперед прихода великого князя из Новагорода.

А того же лѣта вятчане, шед суды Волгою на *низъ*, взяша Сарай[70] и много товара взяша и плѣнъ много поимаша. Слышавше же си татари Болшие Орды, понеже близъ ту начевали за единъ день, и тако многое их множество поидоша переимати их, и поимавше суды, и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити. Они же единако пробишася сквозѣ их и удоша со всѣм. А под Казанью такоже хотѣша приняти их, и тамо поидоша мимо тѣх со всѣм в землю свою.

О великого князя приходе, как прииде из Новагорода на Москву. Лѣта 6980 мѣсяца сентебря въ 1 день, в началѣ индикта, еже есть новое лѣто,[71] на память преподобнаго Семиона Столпника прииде князь великий в отчину свою, въ славный град Москву, побѣдивъ супостаты своя, казни противящихся ему, и не *хотящихъ* повинутися привед во всю волю свою, и многу корысть и славу приобрѣте.

И срѣте его Филиппъ митрополитъ со кресты близ церкве, толико с мосту з болшего сшед каменаго да клядязя площаднаго со всѣмъ освященым соборомъ. А народ московстий и многое их множество далече за градом стрѣчали его: ини за 7 верстъ пѣши, а инии ближе, малии и велици, славнии, неславнии, безчисленое их множество. А сынъ его*, князь* великий Иванъ, и брат его, князь Андрѣй Меньший, и князи его, и дѣти боярские, и бояре, и гости, и купци, и лучшие люди срѣтоша его наканунѣ Семеня дни, идѣже бѣ ему ночевати. Велья же бысть радость тогода въ градѣ Москвѣ.

О ноугородцех, како истопоша на озере Илмени. Того же лѣта мѣсяца сентебря 2 день поидоша из Новагорода из осады многое множество людей[72] и з женами, и з дѣтми по езеру в великих учанехъ,[73] кииждо их по своим мѣстомъ. Глаголют бо, яко было суд тѣх великих 100 и 80, а по 50 человекъ в суднѣ и боболѣ. Яко бывшимъ им в пучинѣ озера того, и дохнувшу на них вѣтру велию и напрасну, и потопи всѣ суды оны, ни едино же от нихъ не избысть, и вся люди, тавар их истопе.

Тое же осени к королю пришелъ изо Орды Икирѣй со царевым послом,[74] а король в ту пору заратился со иным королем, со угорским.[75]

Тое же осени мѣсяца того же сентебря 10 прииде из Венеции Онтон Фрязинъ,[76] а с ним пришел посол к великому князю из Венецѣи от дюки венецѣйского Еникола Трона *Иван именем, Тривизан прозвище,*[77] *а посланъ* к великому князю от того дюки и от всѣх земль сущих под нимъ бити челом, чтобы пожаловал князь великий, велѣл того *Тривизана* приводити до царя Ахмута Болшие Орды, а послал к нему со многими поминки и з челобитьем, чтобы пожаловал, шел имъ на помочь на турского салтана къ Царюграду. Тот же *Тривизан* пришед на Москву, и первое прииде къ Ивану Фрязину, к *денежнику* московскому, понеже бо той Иван Фрязин Волпъ[78] тамошние земли *рожение* и знаем тамо, и зказа ему вся та, о чемъ пришел на Москву, а у великого князя еще не былъ. Фрязин же, нашъ денежникъ, не велѣл тому Тривизану о томъ бити челом великому князю, глаголя ему: «О *сем* ти ему бити челом, великому князю, да поминки великие подавати? А могу то яз здѣлати опроч великого князя и до царя допровожю тя». А к великому князю пришел Фрязин с тѣмъ Тривизаномъ, назвалъ его князьком венецийскомъ, а к сабѣ племенником, а рекши, пришел до него своим дѣлом да и гостьбою, да то у великого князя утаили.

А Онтон тогды от папы от Павла привезлъ листы к великому князю таковы, что послом великого князя волно ходити до Рима по всей земли Латинской и Немецкой, *и* Фрязкой, и по всѣм тѣм землям, котории

земли под его папежство присагают, даже и до скончания вѣка; а по царевну бы по Софию, Аморейскаго царя по Фомину дщерь,[79] посылал.

Тоя же осени Филипъ митрополит повелѣ готовити камение здати церковь святыя Богородица.[80]

О пермьском епископѣ Филофѣе. Тое же осени мѣсяца ноября въ 8 поставленъ бысть *Перми* епископъ, *Филофѣй* именемъ,[81] митрополитом Филиппомъ.

О ноугородцкомъ владыцѣ. Того же мѣсяца въ 30 прииде на Москву ставитися на архиепископью Новагорода Великого нареченый их Феофилъ, а с ним посадници пришли Александръ Сапсонович да Лука Феодорович.[82] Тое же осени декабря въ 8 поставленъ Рязани епископъ Феодосий,[83] архимандрит чюдовский, митрополитом Филипомъ, а были на поставлении его архиепископъ ростовский Васьян, суздалский епископъ Евфимей, коломенский Горонтей, сарский Прохор, пермский Филофѣй.

О новгородцком архиепископѣ Феофиле, како поставлен бысть. Вѣ 15 того же мѣсяца, в неделю, поставлен бысть Новугороду на архиепископью нареченной *их* Феофил преосвященым митрополитом Филипом всея Русии, а были на поставлении его вси прежереченнии епископи рустии и архимандрити, и протопопи, игумени честни и весь освященый соборъ славнаго града Москвы. По поставлении же своем билъ челом великому князю от себе и от всего Великого Новагорода с посадники и с тысячьскими, и со всѣми с тѣми, котории пришли с ним, о плѣненых, о Казимирѣ и о прочих товарищех его. Князь же велики приятъ челобитие их и тѣх всѣх отпусти с честию, а было их на Москвѣ 30. Самого же архиепископа *отпусти* того же месяця въ 23.[84] Тоя же зимы повезоша камень на Москву на создание церкви святыя Богородици.

---

[1] *Феофил* — в прошлом владычный протодиакон; несмотря на свою промосковскую позицию в 1470—1471 гг., был впоследствии, в 1479 г., заточен и лишен престола по повелению Ивана III.

[2] *...преставися архиепископъ Новагорода Великаго Иона.* — Вступив на владычный престол в 1459 г., Иона занимал в общем промосковскую позицию, но не всегда достигал согласия с великим князем. Избрание Ионы архиепископом совпало с разрывом между западнорусской (литовской) православной церковью и московской. В связи с этим Иван III обращался к Ионе с призывом не признавать главой русской церкви западнорусского митрополита.

[3] *Митрополит Филипп* — занимал митрополичий престол в 1465—1473 гг.

[4] *Житии люди* — новгородские землевладельцы менее высокого ранга, чем бояре, представители городского патрициата.

[5] *...посадничи дѣти Исакова Борецкого съ материю своею Марфою...* — Марфа, вдова посадника Исака Андреевича Борецкого и мать посадника Дмитрия Исаковича, упоминается в повести московского великокняжеского свода лишь один раз; в новгородской повести она вообще не фигурирует. Единственный рассказ, уделивший Марфе Борецкой важное место, это — «Словеса избранна»; Марфа уподобляется здесь библейским «злохитривым женам» — Иезавели, Иродиаде и т. д., и этим еще более подчеркнвается греховность «величавых мужей новгородских». Именно из «Словес избранных» образ Марфы-посадницы как едва ли не важнейшей политической фигуры Новгорода накануне его падения перешел в историографию и литературу XIX—XX вв. (Н. М. Карамзин и др.).

[6] *...за короля полского и великого князя литовского за Казимира!»* — Казимир Ягеллон, литовский великий князь с 1440 по 1492 г; в 1447 г. был избран польским королем (Казимир IV). Вопреки тенденциозному рассказу московского летописного свода план прямого признания суверенитета польско-литовского короля возник в Новгороде не в ноябре 1470 г., а позже — летом 1471 г.

[7] *...от Григория, называющася митрополитом Руси, а ученикъ то Исидоров, сущей латинин».* — Исидор занимал престол митрополита всея Руси с 1437 г.; в 1439 г. участвовал во Флорентийском соборе и поддержал унию с католической церковью; в 1440 г. вновь приехал на Русь, но после отказа русских князей признать унию вынужден был уехать на Запад. В 1458 г. главой православной церкви в Западной Руси стал Григорий, которого в Москве считали учеником Исидора; первоначально посвящение его в этот сан действительно исходило от патриарха-униата, проживавшего в Риме, но в 1470 г. Григорий порвал с патриархом-униатом и получил сан митрополита всея Руси от патриарха Дионисия, находившегося в Константинополе (завоеванном турками) и не признававшего унии. Поэтому формально Григорий не мог считаться «латинином».

[8] *...послаша къ королю... Панфила Селифонтова да Кирила Иванова...* — Не совсем понятно, о каком посольстве идет речь. Текст договора Новгорода с Казимиром, дошедший до нас, упоминает житиих людей Панфила Селифонтова и Кирилла Иванова в качестве участников

переговоров, но этот договор не мог быть составлен ранее начала военных действий между Новгородом и Москвой.

[9] *...князя посла к ним Михаила, Олелькова сына, киевьского.* — Сообщение московского великокняжеского свода о присылке Михаила Олельковича в Новгород Казимиром явно тенденциозно и неточно. Согласно новгородской и псковской летописям, Михаил Олелькович приехал в Новгород осенью 1470 г., еще до избрания Феофила архиепископом (Псковская третья летопись относит его приезд к 8 ноября, датируя смерть Ионы 5 ноября). В качестве киевских князей братья Семен и Михаил Олельковичи были вассалами Казимира; они были его родичами (внуками Ольгерда), но вместе с тем они были православными князьями и, по матери, двоюродными братьями Ивана III. В 70-х гг. XV в. во всяком случае отношения Олельковичей с Казимиром были натянутыми — он не признавал их вотчинные права на Киевскую землю. Попытка сближения новгородцев с Казимиром была сделана не до приезда Михаила Олельковича в Новгород и не во время пребывания Михаила там, а уже после того, как этот князь в марте 1471 г. (за два месяца до похода Ивана III) покинул Новгород. В «Словесах избранных» о приезде Михаила Олельковича также говорится после сообщения об избрании Феофила (но с указанием, что это произошло «прежде того»), кроме того, сообщается о сговоре Марфы Борецкой с Михаилом, о ее намерении «пойти замужь за литовьского же пана за королева», но о договоре новгородцев с Казимиром сообщается в дальнейшем изложении — уже после описания Шелонской битвы.

[10] *...Василий Горбатой, брат суздалских князей...* — Василий Васильевич Шуйский-Гребенка-Горбатый Суздальский, внук последнего суздальского князя Семена Дмитриевича, новгородский воевода, неоднократно участвовавший в военных действиях с Москвой.

[11] *...до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода Володимерьскаго...* — Речь идет о владимиро-суздальском князе в 1176—1212 гг. Всеволоде Большое Гнездо — родоначальнике владимирских и московских князей XIII—XVI вв.

[12] *...наимоваху злых тѣх смердовъ... и прочих безименитых мужиков... якоже они новогородстии людие, невѣгласи, осподарем зовяху себѣ Великим Новым городомъ.* — Московский великокняжеский свод настойчиво подчеркивает сочувствие «лучших людей» Новгорода — бояр и житиих людей — Москве и приверженность «безименитых мужиков» вечевому строю; особенное возмущение его вызывает то обстоятельство, что этих «смердов», собравшихся на вече, полагалось именовать «осподарем Великим Новгородом». Однако в изображении новгородского летописца внутриполитическая ситуация в Новгороде оказывалась более сложной. Типографская летопись, содержащая ростовский рассказ, близкий по тенденциям и построению к рассказу великокняжеского свода, обвиняет в склонности к «кралю литовскому» «бояр вѣчников», «крамольников» и «всех новгородцев», но прибавляет, что «земстии же людие того не хотяху».

[13] *...якоже въ Иерусалимѣ бысть, егда предасть его господь в руцѣ Титовѣ...* — Автор имеет в виду рассказ известной на Руси «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия о внутренней борьбе в Иерусалиме и Иудее накануне римского завоевания.

[14] *...розослал по всю братью свою и по всѣ епископы земля своея, и по вся князи, и по бояре свои, и воеводы, и по вся воя своя... възвѣщает мысль свою, что итти на Новгород ратию, понеже бо во всем измѣнишя.* — Этот чрезвычайно широкий совет, созванный Иваном III перед походом на Новгород, по составу напоминает земские соборы XVI—XVII вв. Вслед за этой фразой в Московском своде вставлен текст, близкий к «Словесам избранным», о непроходимости новгородских земель в летнее время.

[15] *...грамоты розметные...* — Грамоты о разрыве мирных отношений и объявлении войны.

[16] *...во Тфирь посла к великому князю Михаилу...* — Великий князь Михаил Борисович занимал тверской престол с 1461 по 1485 г. (когда Тверь была присоединена Иваном III, а Михаил бежал в Литву).

[17] *А къ Пьскову послал дьяка своего Якушку Шачебалцова мая въ 23...* — По известиям псковских летописей посольство «диака Якова» с предложением выступить против Новгорода было уже вторым посольством Ивана III в Псков по этому вопросу (первое посольство приезжало осенью 1470 г.). Связанный вассально-союзническими обязательствами и с Новгородом, и с Москвой Псков старался занять нейтральную позицию, предлагая обеим сторонам свое посредничество.

[18] *...с моимъ воеводою, княземъ Феодором Юрьевичем Шуйскымъ или съ его сыном, княземъ Васильемъ».* — Воевода Федор Юрьевич Шуйский с 1463 г. предводительствовал псковскими войсками в войне с Ливонским орденом; в 1464 г. он уже именуется наместником великого князя; с 1468 г. в Пскове появляется и его сын Василий Федорович.

[19] *...послал... Бориса Слѣпца...* — Борис Матвеевич Слепец-Тютчев несколько раз выступал как великокняжеский воевода на Двине (см. Севернорусский летописный свод 1472 года).

[20] *...к Василью Феодоровичю къ Бразьцю...* — Василий Федорович Образец Симский (из крупного боярского рода Редегиных-Добрынских) был одним из видных деятелей при Иване III; после победы над новгородцами в 1471 и 1478 гг. он участвовал в войне под Казанью и походе на Тверь, был наместником в Боровске и Твери.

[21] *...князя Данила Дмитреевича Холмовского да Феодора Давыдовича...* — Имеются в виду видные воеводы Ивана III — князь Д. Д. Холмский, выходец из тверских удельных князей, участвовавший кроме походов на Новгород в 1471 и 1478 гг. в отражении нашествия Ахмата в 1480 г., в войнах с Ливонским орденом, походах на Тверь и Казань, подвергавшийся в 70-х гг. княжеской опале, но прощенный, и князь Ф. Д. Стародубский-Пестрый, военная деятельность которого

(начавшаяся еще в 1429 г. нападением на казанских татар) длилась не менее полувека (он участвовал в окончательном присоединении Новгорода в 1478 г.).

[22] *Юрий Васильевич* — брат Ивана III, удельный князь дмитровский.

[23] *Борис Васильевич* — брат Ивана III, удельный князь волоцкий.

[24] *Руса (Старая Русса)* — новгородское поселение к югу от озера Ильмень (на реке Полисть).

[25] *...князя Ивана Васильевича Оболенского Стригу... с ним князей царевичевых Даньяровых со многими татары.* — О князьях Оболенских см. ниже. Даньяр (в других памятниках также «Айдар» и «Алдаяр») Касимович — видный полководец Ивана III, глава созданного при Василии II зависимого от Москвы татарского Касимовского (Мещерского) царства, участник походов на Новгород в 1471 и 1478 гг; важная роль «царева сына Алдаяра Касымовича своей земли Мещерьские и съ его царевичи и со князьями и съ его казаки» отмечена также в «Словесах избранных»; роль татарской рати отмечена и в новгородской повести. Даньяр возглавлял Касимовское царство до 1486 г.

[26] *...на Волочек да по Мьстѣй.* — Речь идет, очевидно, о поселении Волок (Волочек) в Новгородской земле на месте, где судна переволакивались из Мсты в Мологу (по-видимому, на месте нынешнего Вышнего Волочка). Более крупное поселение с тем же названием, также формально принадлежавшее Новгороду, — Волок на Ламе (Волоколамск) — расположено значительно южнее фактической московско-новгородской границы 1471 г. и едва ли могло здесь иметься в виду.

[27] *...чюдотворець Петръ...* — Митрополит московский в 1308—1325 гг.

[28] *...преосвященных митрополит Фегнаста, и Киприана, и Фотия, и Ионы...* — Имеются в виду митрополиты Феогност (1328—1353 гг.), Киприан (1377—1406 гг.), Фотий (1410—1430 гг.) и Иона (1448—1461 гг.).

[29] *...от великаго князя Ивана Даниловича...* — Иван Калита правил в 1325—1340 гг.

[30] *...якоже Самоил Давыда на Гольяда.* — Имеется в виду библейский рассказ о победе Давида, благословленного пророком Самуилом, над гигантом Голиафом (1 Цар. 17, 40—51).

[31] *...за 20 лѣт до скончания седмыя тысящи...* — Через двадцать лет после описываемых событий, в 1492 г. (семитысячном году от сотворения мира), на Руси ждали конца света.

[32] *«Аще съгрѣшит к тебѣ брат твой... иноязычник и мытар».* — Мф. 18, 15—17. *Мытарь* — сборщик податей, здесь (как в Евангелии) в смысле — грешник, отверженный.

[33] *...поиде на них князь великий не яко на христиан, но яко на иноязычникъ и на отступникъ православья.* — Этот мотив, настойчиво повторяемый в «Московской повести» о походе 1471 г., имел для всего ее построения важное значение. Повесть была построена по схеме рассказов о борьбе с «неверными»: враги «вопиют», бесятся «яко звѣри дивии», лают «яко пси», князь «скорбит», молится, «изливает слезы» и получает благословение от святителей на войну с «иноязычниками» (ср. «Летописную повесть о Куликовской битве»). Сходные черты свойственны и «Словесам избранным». Однако некоторые затруднения московским публицистам доставляло то обстоятельство, что противниками в данном случае были единоплеменники и единоверцы, а в войске Ивана III важное место занимали татарские войска Данияра. Оправдание этому автор находил в том, что противники были «горѣе невѣрных»: «невѣрнии бо изначала не знаху Бога», а эти были христианами и «отступили».

[34] *...князь Михайло Андрѣевич с сыном Васильем...* — Удельные князья Михаил Андреевич Верейско-Белозерский и Василий Михайлович Верейский.

[35] *...сына своего, великого князя Ивана, да брата его князя Андрѣя Меньшего.* — Иван Иванович Молодой, сын и соправитель Ивана III, и князь Андрей Вологодский (см. ниже).

[36] *Петров день* — 29 июня.

[37] *Торжок (Новый Торг)* — город на юго-востоке Новгородской земли (на р. Тверце). В 1471 г., как и в предшествующие годы, новоторжцы сразу же выступили в ходе конфликта Новгорода с великим князем на стороне последнего.

[38] *...князъ Юрья Андрѣевичь Дорогобужский...* — Тверской воевода, потомок удельных князей Дорогобужских.

[39] *...Иван Микитинъ Жито...* — Тверской воевода, впоследствии перешедший на московскую службу и участвовавший в окончательном присоединении Новгорода в 1478 г.

[40] *...Козма Коробьин...* — Третий посол Ивана III в Псков, добившийся наконец выступления псковичей на стороне великого князя (псковский посол Василий Быков был оставлен в Торжке в качестве заложника).

[41] *Коростыня* — город при впадении Шелони в Ильмень.

[42] *...тѣмъ же изнимаемым самимъ межи себе повелѣша носы, и губы, и уши рѣзати, и отпущати их назад к Новугороду...* — Достоверность этого известия о жестокой расправе над новгородскими пленными подтверждается тем, что о ней сообщает великокняжеская летопись —

очевидно, летописец не видел в таком способе воздействия на новгородцев ничего экстраординарного или бросающего тень на великокняжеских воевод.

[43] *Пола* — правый приток р. Ловати.

[44] *Дѣмон (Демань, Демянск)* — город на реке Явоне (приток р. Полы), через который проходила дорога с юга на Старую Руссу и Новгород.

[45] *...Васили Казимеръ...* — Василий Александрович Казимир, один из виднейших политических деятелей Новгорода, неоднократно занимал должность посадника в 60—70-х гг.; после пленения и заточения был освобожден Иваном III и выступал в числе его сторонников; однако в 1480—1481 гг. его земли были конфискованы и он сослан в Москву.

[46] *...Кузма Григорьевъ...* — Кузьма Григорьевич Овинов (Овин) после пленения и освобождения примкнул к сторонникам великого князя; в 1478 г. был казнен по приговору веча по обвинению в тайном сговоре с Москвой.

[47] *...Яковъ Федоровъ...* — Посадник, после пленения и освобождения выступал в 1477 г. в качестве новгородского посла на переговорах с великим князем, кончившихся капитуляцией Новгорода.

[48] *...Матфѣй Селезневъ, Васили Селезнеевъ — два сестричича Казимеровы...* — Матвей и Василий — представители одной из видных боярских фамилий. Селезневы были племянниками по сестре Василия Казимира. Посадник Василий Губа Селезнев через 10 дней после пленения был казнен великим князем. Матвей Селезнев в числе посадников не упоминается.

[49] *...Павелъ Телятевъ...* — В числе посадников не упоминается.

[50] *...Кузму Грузова...* — Речь идет о посаднике Кузьме Остафьевиче Грузове.

[51] *...но еще инные полки видѣхом, в тыл по нас пришедших... и говоръ людцки мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны...* — В новгородском рассказе поражение в Шелонской битве также связывается с тем, что после первого успеха новгородцев, «ударишася на новгородцевъ западнаа рать татарове», но в московском рассказе появление «инных полков» имеет черты чуда. Еше определеннее «чудесный» характер победы 1471 г. выражен в «Словесах избранных»: «по Божьей благодати» пересыхают обычно непроходимые летом новгородские болота и озера (этот мотив был введен и в более позднюю версию комментируемой повести — в Московском своде: ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, с. 286); Господь посылает великому князю «своего Божества невидимую силу», и даже там, где никто не нападает на новгородцев, им слышится «ясак» (клич) «полков князя великого: Москва».

[52] *...по рѣку Нерову...* — Река Нарва (Нарова) была границей между Новгородской землей и Ливонией.

[53] *...послаша к великому князю Замятню...* — Очевидно, Иван Васильевич Замятня, о котором в «Словесах избранных» сообщается, что он привез великому князю договор Новгорода с Казимиром, найденный в «кошевых вьюках» побежденных на Шелони новгородцев.

[54] *Лука Климентьев* — один из представителей великокняжеской партии в Новгороде. По известию «Словес избранных» он ездил к Ивану III еще до Шелонской битвы. В 1477 г., перед последним походом Ивана III на Новгород, Климентьев сразу же перешел на сторону великого князя.

[55] *...сто рублев новгородцкую.* — Первоначально понятие «рубль» означало серебряный брусок весом около 200 г. В Новгороде ценность рубля во второй половине XV в. оставалась прежней; Москва же во время феодальной войны 1430—1450 гг. пережила значительное снижение веса монет, и московский рубль (200 денег) стал вдвое дешевле новгородского.

[56] *...посадник Никита...* — Никита Ларионович, в течение многих лет занимавший должность псковского посадника.

[57] *Савастьян Кушелев* — выступал в роли посланца Ивана III в Пскове и позднее — во время похода на Новгород в 1478 г.

[58] *...повелѣл казнити главною казнью новогородцких посадниковъ...* — Из перечисленных далее лиц посадниками были Дмитрий Борецкий и Василий Селезнев; Киприан Арзубьев и Еремей Сухощек — не посадники и не бояре, а житьи люди; согласно новгородской повести, Еремей был владычным чашником. Казнь Борецкого, Селезнева, Арзубьева и Сухощека отмечена во всех летописных рассказах о событиях 1471 г.; даже в летописи союзного с Москвой Пскова говорится: «...немилостиво казнише их и секирою отсѣкоша им главы, к колоде прикладая». В Ермолинской летописи указано, что Иван III «разъярився за их измену и повеле казнити их: кнутьем бити и главы отсечи».

[59] *...а Василья Казимира... да Федота Базина велѣлъ отвести на Коломну...* — Все перечисленные здесь лица, за исключением Федота Базина, упоминались среди пленников, захваченных во время Шелонской битвы 14 июля.

[60] *...а бой имъ был на Двинѣ...* — По известию Устюжского летописца сражение происходило на реке Шиленге (Шиленьге), одном из восточных притоков Северной Двины. Василий Федорович Образец Симский — наместник Ивана III в Устюге; Борис Матвеевич Слепец Тютчев — великокняжеский воевода.

[61] *Колмогоры* — Холмогоры, крупнейший город Двинской земли в XV—XVI вв.

[62] *А добиша челомъ великому князю 16 тысяч сребра новгородцкых рублевъ...* — По известию Псковской третьей летописи Иван III сперва запросил семнадцать тысяч рублей, потом «владычня ради челобития» согласился на шестнадцать тысяч. В дошедшей до нас грамоте от 9 августа 1471 г. сумма контрибуции определена в пятнадцать с половиной тысяч рублей; та же сумма названа и в новгородском рассказе (см. ниже).

[63] *...до моря...* — Новгородская земля ограничивалась на северо-западе Финским заливом, а на севере — Белым морем и Северным Ледовитым океаном.

[64] *Порхов* — город на реке Шелони, на западе Шелонской пятины; постоянное место столкновений новгородцев с псковичами.

[65] *Дубсков* — Дубков, Дусков — псковский городок.

[66] *...Козму Сысоева...* — Козьма Сысоев Ледов, псковский посадник.

[67] *Стефан Афанасьевич Винков* — псковский посадник.

[68] *...пожаловал их, дасть имъ миръ на своей воле, как сами восхотѣ...* — Текст в разных версиях московской повести расходится: в Никаноровской «сами восхотѣ»; в древнейшей редакции Вологодско-Пермской летописи «сами въсхотѣли»; в Московском своде — «самъ всхотѣ». Дошедший до нас текст договора 11 августа 1471 г. (Коростынского мира) в общем сходен с текстом предыдущего Яжелбицкого договора 1456 г.; великий князь обязался «держати» Новгород «в старине», но новгородские «мужи вольные» обязались не отдаваться под власть литовского короля и не принимать от него князей; Новгород признавал зависимость новгородских архиепископов от московского митрополита и отказывался от своих (фактически уже потерянных) владений — Вологды и Волоколамска.

[69] *...послал в Поле Никиту Беклемишева искати царевича Муртазы, Мостофина сына...* — Никита Федорович Беклемишев — представитель московского служилого рода, впоследствии ездивший послом в Крым и участвовавший в «походе миром» на Новгород в 1475 г. «Полем», или «Диким полем», называли пустынные земли к югу от Оки, где часто появлялись кочевые татарские отряды. Муртоза — сын казанского хана Мустафы, перешедший в конце 1473 г. на вассальную службу к Ивану III.

[70] *...вятчане... взяша Сарай...* — Вятка в XIV—XV вв. представляла собой независимую феодальную республику, созданную новгородскими поселенцами и имевшую сходный с Новгородом политический строй; во время войны 1470—1471 гг. вятчане выступили на стороне Москвы. Независимость Вятки была уничтожена Иваном III в 1489 г.

[71] *...мѣсяца сентебря въ 1 день, в началѣ индикта, еже есть новое лѣто.* — Счет по индиктам (пятнадцатилетиям), заимствованный из Византии, применялся иногда и в Древней Руси; в Византии началом

года считалось 1 сентября. На Руси существовало два календаря — мартовский (год начинался 1 марта) и сентябрьский; в Москве сентябрьский стиль установился раньше, чем в Новгороде (еще до 1471 г.).

[72] *...поидоша из Новагорода из осады многое множество людей...* — В Новгородской четвертой летописи (где рассказ об этом событии помещен вне повести о походе Ивана III) указывается, что люди, утонувшие в Ильмени, были рушане (жители Руссы), укрывавшиеся в Новгороде от московского войска.

[73] *...в великих учанехъ...* — Учан — лодка, речное судно.

[74] *...Икирѣй со царевым послом...* — Кирей, представитель татарского рода, находившегося на положении холопов московских князей — дед Кирея был куплен Василием I у литовского великого князя Витовта. Осенью 1470 г. Кирей бежал от Ивана III к королю Казимиру и был послан им к ордынскому царю (хану) Ахмату для заключения союза против Руси. Приезд «царева посла» с Киреем был ответом на миссию Казимира.

[75] *...со иным королем, со угорским.* — Речь идет о венгерском короле Матвее Корвине, которого Казимир с 1471 г. безуспешно пытался лишить престола в пользу своего сына.

[76] *Онтон Фрязин* — Антонио Джислярди, итальянец, принимавший участие в посольстве Юрия Траханиота в Москву в 1469 г. по поводу женитьбы Ивана III на Зое (Софии) Палеолог, жившей в Риме.

[77] *...посол... от дюки венецѣйского Ениколы Трона Иван именем, Тривизан прозвище...* — Джан Баттиста Тревизан, посол венецианского дожа Николо Трона в Большую Орду для заключения союза против Турции.

[78] *...Иван Фрязин Волпъ...* — Джан Баттиста де ле Вольпе, итальянец, московский денежный мастер, ездивший в Рим по поручению Ивана III в ответ на посольство Юрия Траханиота в 1469 г. Обман, задуманный Иваном Фрязиным, был разоблачен в ноябре 1472 г., значит повесть была написана не раньше этого времени.

[79] *...а по царевну бы по Софию, Аморейскаго царя по Фомину дщерь...* — София (Зоя) Палеолог была дочерью деспота Морейского Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора.

[80] *...здати церкви святыя Богородица.* — Речь идет о первой попытке строительства при Иване III Успенского собора, окончившейся неудачно: в 1474 г. эта церковь, еще не доконченная, рухнула. Известием о строительстве Успенского собора, главного храма страны, воздвигаемого в честь победы над Новгородом, возможно, должен был быть закончен великокняжеский свод 1471—1472 гг., но после разрушения собора он был оборван на известии о привезении камней

для постройки. Подробный рассказ о строительстве Успенского собора см. в Независимом летописном своде 80-х гг. (см. ниже).

[81] *...епископъ, Филофѣй именемъ...* — Филофей был епископом пермским до 1501 г.

[82] *...посадници... Александръ Сапсонович да Лука Феодорович*. — Оба эти посадника сохранили свою власть до 1476—1478 гг.; Лука Федоров вел переговоры с Иваном III во время последнего похода на Новгород в конце 1477 г.; в 1480 г. вотчины Луки Федорова были конфискованы.

[83] *...епископъ Феодосий...* — Феодосий был епископом рязанским, вероятно, до 1481 г, когда его сменил Симеон.

[84] *...тѣх всѣх отпусти с честию, а было их на Москвѣ 30. Самого же архиепископа отпусти того же месяця въ 23*. — Освобождение Василия Казимира и других пленных новгородцев свидетельствовало о том, что в 1471 г. Иван III еще не решался на открытое уничтожение вечевого строя: на этот шаг он пошел лишь шесть лет спустя — в 1477—1478 гг. Слова: «Самого же архиепископа...», без сказуемого «отпусти», читающиеся в Музейном сборнике и в ранних редакциях Вологодско-Пермской летописи, непонятны — создается впечатление, что слова эти относятся к последующему известию о камнях для строительства Успенского собора. В более поздних памятниках (Московский свод и др.): «Самого же архиепископа отпусти того же месяца 23»; возможно, что этот текст является первоначальным.

ПЕРЕВОД

О новгородцах и об архиепископе Феофиле. Той же осенью, ноября в восьмой день, на праздник архангела Михаила преставился архиепископ Великого Новгорода Иона. И новгородцы по старине, как это было у них в обычае, созвали вече и стали выбирать из иеромонахов архиепископа. И, выбрав троих, бросили жребий, и выпал жребий некоему иеромонаху по имени Феофил, и возвели его во двор архиепископский. И послали к великому князю Ивану Васильевичу посла своего Никиту Ларионова бить челом и защиты просить, чтобы избранного ими чернеца Феофила почтил, велел бы к себе в Москву прибыть и поставить бы его велел своему отцу духовному, митрополиту Филиппу, на архиепископство в Великом Новгороде и Пскове, как то и прежде всегда бывало при прежних великих князьях.

Князь же великий, по их челобитью и прошению, не только к прежнему ничего не добавляя, но и в снисхождении жалуя, посла их, почтив, отпустил со всем, о чем просили его новгородцы, ответ дав ему такой: «Что вотчина моя, Великий Новгород, прислал ко мне бить челом о том, что взял Бог отца их духовного, а моего богомольца архиепископа Иону, и потому избрали себе по своему обычаю согласно жребию инока Феофила, в том я, князь великий, их жалую и того избранного Феофила. И велю ему быть в Москву ко мне и к отцу моему духовному,

митрополиту Филиппу, чтобы поставить на архиепископство Великого Новгорода и Пскова без всяких задержек, но по старым обычаям, как было то и при отце моем, великом князе Василии, и при деде, и при прадеде моем, и при прежних всех великих князьях, из рода которых и я, из владимирских, и новгородских, и всей Руси». И когда тот посол их Никита Ларионов воротился в Новгород и передал им пожалование великого князя, то многие там бывшие люди знатные, посадники и тысяцкие, и житьи люди очень тому рады были, и Феофил также.

Некоторые же из них: посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью их Марфою и остальными иными изменниками, подученные дьяволом, хуже бесов стали прельстителями на погибель земле своей и себе на пагубу, начали непристойные и соблазнительные речи высказывать и, на вече являясь, кричать: «Не хотим за великого князя московского, и вотчиной зваться его не хотим! Вольные все мы люди — Великий Новгород, а московский князь великий многие обиды и неправды над нами чинит! А хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира!»

И так взволновался весь город их, и всколыхнулись все, как пьяные: те хотели за великого князя по старине, к Москве, а другие — за короля, к Литве. Те же изменники стали нанимать худых мужиков из участников веча, готовых на все, как обычно. И, явясь на вече, звонили они во все колокола и, крича, говорили: «За короля хотим!» Другие же им возражали: «За великого князя московского хотим по старине, как и доселе было!» И те наймиты изменничьи каменья метали в тех, кто за великого князя хотят. И великая смута была у них, и сражались друг с другом, и сами на себя поднялись.

Многие же из них: прежние посадники, и тысяцкие, и знатные люди, а также и люди житьи говорили им: «Нельзя, братья, тому так быть, как вы говорите: к королю нам перейти и архиепископа поставить от его митрополита, католика. Ведь изначала вотчина мы великих князей русских, от первого великого князя нашего Рюрика, которого по воле своей взяла земля наша из варягов князем себе вместе с двумя его братьями. А после и правнук его, князь великий Владимир, крестился и все земли наши крестил: русскую, и нашу словенскую, и землю мери, и кривичскую, и весь, то есть белозерскую, и муромскую, и вятичей, и остальных. И от святого того великого князя Владимира вплоть до господина нашего великого князя Ивана Васильевича за латинянами мы не бывали и архиепископа от них себе не поставляли, так чего же вы теперь хотите ставить его от Григория, именующего себя митрополитом Руси, хотя он ученик Исидора и католик!»

Те же отступники, подобно и прежним еретикам, научены были дьяволом, желая на своем поставить, на благочестье дерзнув, и великому князю не желая покориться, единодушно вопили: «За короля хотим!» А другие говорили: «К Москве хотим, к великому князю Ивану и к отцу его духовному, митрополиту Филиппу, — в православие!» Злодеи же те, восставшие на православие, Бога не боясь, послов своих отправили к королю с дарами многими, Панфила Селиванова да Кирилла Иванова, сына Макарьина, говоря: «Мы, вольные люди, Великий Новгород, бьем челом тебе, честной король, чтобы ты государю нашему Великому Новгороду и нам господином стал. И архиепископа повели нам поставить своему митрополиту Григорию, и князя нам дай из твоей державы».

Король же принял их дары с радостью, и рад был речам их, и, много почтив посла их, отпустил к ним со всеми теми речами, которых услышать они хотели, и князя послал к ним Михаила, Олелькова сына, киевлянина. И приняли его новгородцы с почетом, но наместников великого князя не выгнали с Городища. А бывшего у них князем Василия Горбатого, из суздальских князей, послали того в Заволочье, в заставу на Двину.

Прослышал об этом князь великий Иван Васильевич, что в вотчине его, в Великом Новгороде, смятенье великое, и стал посылать к ним послов своих, говоря так: «Вотчина моя это, люди новгородские, изначала: от дедов, от прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в вашей земле. И от того Рюрика и до сегодняшнего дня знали вы единственный род тех великих князей, сначала киевских, и до самого великого князя Дмитрия-Всеволода Юрьевича Владимирского, а от того великого князя и до меня род этот, владеем мы вами, и жалуем вас, и защищаем отовсюду, и казнить вас вольны, коли на нас не по-старому начнете смотреть. А ни за королем никаким, ни за великим князем литовским не бывали вы с тех пор, как земля ваша стала, теперь же стремитесь вы от христианства в католичество, нарушив крестное целование. Я, князь великий, никакого насилья вам не чиню, ни тягот не налагаю сверх того, что были при отце моем, великом князе Василии Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде, и при прочих великих князьях рода нашего, да еще и жаловать вас хочу, свою вотчину».

Слышав же то, новгородские люди, бояре их и посадники, и тысяцкие, и житьи люди, которые не желали прежнего своего обычая и крестного целования преступить, рады были все этому и управляться хотели великим князем по-старому.

Но Исаковы дети, о которых было сказано, с прочими своими пособниками и с наймитами своими будто взбесились, точно дикие звери, человеческого разума лишенные, речей послов великого князя, как и посла митрополита Филиппа, и слышать не хотели. И еще нанимали злых этих смердов, убийц, мошенников и прочих безродных мужиков, что подобны скотам, нисколько разума не имеющим, но только один крик, так что и бессловесная скотина не так рычала, как эти новгородские люди, невежды, называя себя «господарем Великим Новгородом». И они приходили на вече, били в колокола, и кричали, и лаялись, точно псы, говоря нелепое: «За короля хотим!»

И такова была смута у них, как в Иерусалиме, когда предал его Господь в руки Тита; и как те тогда, так и эти друг с другом сражались.

Князь же великий, прослышав об этом, впал в скорбь и тужил о них немало: «Когда и не были еще в православии, от Рюрика и до великого князя Владимира, не отходили к другим государям, а от Владимира вплоть до сегодняшнего дня знали один его род и управлялись великим князем во всем, сначала киевским, потом владимирским, а теперь, в последние годы, все свое благочестье хотят погубить, от христианства к католичеству отступая. Но что делать, не ведаю, а возложу всю надежду мою на единого Господа Бога, и будет он милостив ко мне в этом». И возвещает он об этом отцу своему, митрополиту Филиппу, и матери своей, великой княгине Марии, и бывшим при нем боярам его и о том, что хочет идти на Новгород ратью. Они же, услышав это, советуют ему, упованье на Бога возложив, исполнить замышленье свое на новгородцев за их нарушения и отступничество.

И тотчас князь великий послал за всеми братьями своими, и за всеми епископами земли своей, и за всеми князьями, и боярами своими, и воеводами, и за всеми своими воинами. И когда сошлись все к нему, тогда сообщает им замысел свой — идти на Новгород ратью, ибо во всем изменил он. И князь великий, получив благословение от митрополита Филиппа, а также и от всех святителей земли своей, и от всего священного собора, начал готовиться к походу, а также и братья его, и все князья его, и бояре, и воеводы, и все его воины.

В Новгород же послал князь грамоты разметные за неисправление новгородцев, а в Тверь послал к великому князю Михаилу, помощи прося на тех новгородцев. А в Псков послал дьяка своего Якушку Шачебальцева мая в двадцать третий день, на праздник Вознесения Господня, веля сказать им: «Вотчина моя, Великий Новгород, отходит от меня за короля, и архиепископа своего ставить желают у его митрополита Григория, католика. И потому я, князь великий, иду на

них всею ратью, а целование свое к ним я с себя слагаю. И вы бы, вотчина моя, псковичи, посадники, и житьи люди, и вся земля Псковская, договоры с братом вашим, Новгородом, отменили и пошли б на них ратью с моим воеводой, с князем Федором Юрьевичем Шуйским или с его сыном, с князем Василием».

В тридцать первый день мая, в пятницу, послал князь великий Бориса Слепца к вятчанам, веля им всем идти на Двинскую землю ратью же. А к Василью Федоровичу к Образцу послал на Устюг, чтобы и он с устюжанами на Двину ратью пошел и соединился бы с Борисом да с вятчанами.

Месяца же июня в шестой день, в четверг, на Троицу, отпустил князь великий из Москвы воевод своих, князя Даниила Дмитриевича Холмского да Федора Давыдовича со многим воинством, а с ними и князя Юрия Васильевича, и князя Бориса Васильевича, и детей боярских многих. А велел всем им князь идти к Руссе.

А на тринадцатый день того же месяца, в четверг, отпустил князь великий князя Ивана Васильевича Оболенского Стригу со многими воинами, да с ним и князей царевича Даньяра со многими татарами. И велел им идти на Волочек да по Мсте.

А после этого князь великий начал по церквам молебны совершать и милостыню большую раздавать в земле своей — и по церквам и по монастырям, священникам и монахам, и нищим. В соборной же церкви пресвятой владычицы нашей Богородицы приснодевы Марии князь великий, подойдя к чудотворной иконе пречистой Богородицы Владимирской, многие молитвы принес и слезы во множестве пролил, также и перед чудотворным образом Пречистой, который сам чудотворец Петр написал. После же этого подошел к гробнице святого отца нашего Петра-митрополита чудотворца, молебен совершая и слезы проливая, прося помощи и заступничества, также и остальным святителям, в той же церкви погребенным, преосвященным митрополитам Феогносту, и Киприану, и Фотию, и Ионе, помолился.

И, выйдя оттуда, приходит в монастырь архангела Михаила, честного его чуда, и, войдя в церковь его, молебны совершает, призывая на помощь этого воеводу небесных сил с великим умилением. И снова входит в той же церкви в придел Благовещения Богородицы, где стоял исцеляющий гроб, в котором лежат чудотворные мощи святого отца

нашего Алексея-митрополита, русского чудотворца, и там также помолился со многими слезами.

И потом снова приходит в церковь архистратига Михаила, священного сонма его и прочих бесплотных, и также моленья совершает, прося у них помощи и заступничества. Приходит далее в той же церкви к гробницам прародителей своих, погребенных тут великих князей владимирских, и новгородских, и всея Руси, от великого князя Ивана Даниловича и до отца своего, великого князя Василия, молясь им и говоря: «Хоть духом отсюда вы и далеко, но молитвой помогите мне против отступников от правой веры в державе вашей».

И, выйдя оттуда, обходит все соборные церкви и монастыри, повсюду молебны совершая и милостыни обильные подавая. После этого приходит к отцу своему Филиппу, митрополиту всея Руси, прося благословения и отпущения грехов. Святитель же ограждает его крестом, и молитвой вооружает его, и благословляет его и всех его воинов на врагов, как Самуил Давида на Голиафа.

Князь же великий Иван Васильевич, приняв благословение отца своего митрополита Филиппа и всех епископов державы своей и всех священников, выходит из Москвы того же месяца июня двадцатого, в четверг, в день памяти святого отца Мефодия, епископа патарского, и с ним царевич Даньяр и прочие воины великого князя, князья его многие и все воеводы, с большими силами собравшиеся на противников, — подобно тому, как прежде прадед его, благоверный великий князь Дмитрий Иванович, на безбожного Мамая и на богомерзкое его воинство татарское, так же и этот благоверный и великий князь Иван на этих отступников.

Ибо хотя и христианами назывались они, по делам своим были хуже неверных; всегда изменяли они крестному целованию, преступая его, но и хуже того стали сходить с ума, как уже прежде написал: ибо пятьсот лет и четыре года после крещения были под властью великих князей русских православных, теперь же, в последнее время, за двадцать лет до окончания седьмой тысячи лет, захотели отойти к католическому королю, и архиепископа своего поставить от его митрополита Григория, католика, хотя князь великий посылал к ним, чтобы отказались от такого замысла. Также и митрополит Филипп не раз предостерегал их, поучая, будто отец детей своих, по Господню слову, как сказано в Евангелии: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; и если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою двух или трех, дабы устами двух или трех свидетелей

подтвердилось всякое твое слово. Если же и тех не послушает, скажи церкви; если же и церкви слушать не станет, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Но нет, люди новгородские всему тому не внимали, но свое зломыслие учиняли; так не хуже ли они иноверных? Ведь неверные никогда не знали Бога, не получили ни от кого правой веры, прежних своих обычаев идолопоклонства держась, эти же долгие годы пребывали в христианстве и под конец стали отступать в католичество. Вот и пошел на них князь великий не как на христиан, но как на язычников и на отступников от правой веры.

Пришел же князь великий на Волок в день Рождества Иоанна Предтечи. Также и братья великого князя пошли каждый от себя: князь Юрий Васильевич из своей вотчины, князь Андрей Васильевич из своей вотчины, князь Борис Васильевич из своей вотчины, князь Михаил Андреевич с сыном Василием из своей вотчины. А в Москве оставил князь великий сына своего, великого князя Ивана, да брата своего, князя Андрея Меньшого.

На Петров день пришел князь великий в Торжок, и подошли к нему в Торжок воеводы великого князя тверского, князь Юрий Андреевич Дорогобужский да Иван Никитич Жито, со многими людьми для помощи на новгородцев же; а из Пскова в тот же Торжок пришел к великому князю посол Василий да Богдан с Якушкой с Шачебальцевым, а присланы известить, что от присяги Новгороду отказались и сами готовы все. Князь же великий из Торжка послал к ним Богдана, а с ним Козьму Коробьина, чтобы немедля пошли на Новгород, а Василия от себя не отпустил; и из Торжка пошел князь великий.

Братья же великого князя все со многими людьми, каждый из своей вотчины, пошли разными дорогами к Новгороду, пленяя, и пожигая, и людей в полон уводя; также и князя великого воеводы то же творили, каждый там, на какое место был послан. Ранее посланные же воеводы великого князя, князь Данило Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович, идя по новгородским пределам, где им приказано было, распустили воинов своих в разные стороны жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости жителей за их неповиновение своему государю великому князю. Когда же дошли воеводы те до Руссы, захватили и пожгли они город; захватив полон и спалив все вокруг, направились к Новгороду, к реке Шелони. Когда же пришли они к месту, называемому Коростыней, у озера Ильменя на берегу, напала на них неожиданно по озеру рать новгородская в ладьях, которая, на берег выйдя, тайком подошла под их лагерь, так что они оплошали. Стража воевод великого князя, увидев врагов, сообщила воеводам, те же, тотчас вооружась, пошли против них и многих побили, а иных захватили в плен; тем же пленным велели друг другу носы, и губы, и уши резать и потом отпустили их обратно в Новгород, а доспехи, отобрав, в воду

побросали, а другие огню предали, потому что не были им нужны, ибо своих доспехов всяких довольно было.

И оттуда вновь возвратились к Руссе в тот же день, а в Руссе уже другое войско пешее, еще больше прежнего вдвое; и пришли те в судах рекою под названием Пола. Воеводы же великого князя, и на тех пойдя, разбили их и послали к великому князю с вестью Тимофея Замытского, а примчался он к великому князю июля в девятый день на Коломну-озеро; сами же воеводы от Руссы пошли к Демону-городку. Князь же великий послал к ним, веля идти за реку Шелонь на соединение с псковичами. Под Демоном же велел стоять князю Михаилу Андреевичу с сыном его князем Василием и со всеми воинами его.

А воеводы великого князя пошли к Шелони, и как подошли они к берегу реки той, там, где можно перейти ее вброд, в ту же пору вышла рать новгородская против них с другой стороны, от города своего, к той же реке Шелони, многое множество, так что ужаснулись воины великого князя, потому что мало их было — все воины княжеские, не зная этого, покоряли места окрест Новгорода.

А новгородские посадники, и тысяцкие, и с купцами, и с житьими людьми, и мастера всякие или, проще сказать, плотники и гончары, и прочие, которые отродясь на лошади не сидели и в мыслях у которых того не бывало, чтобы руку поднять на великого князя, — всех их те изменники силой погнали, а кто не желал выходить на бой, тех они сами грабили и убивали, а иных в реку Волхов бросали; сами они говорили, что было их сорок тысяч в том бою.

Воеводы же великого князя, хоть и в малом числе (говорят бывшие там, что только пять тысяч их было), увидев большое войско тех и возложив надежду на Господа Бога и пречистую Матерь его и на правоту своего государя великого князя, пошли стремительно на них, как львы рыкая, через реку ту широкую, на которой в том месте, как сами новгородцы говорят, никогда брода не было; а эти и без брода все целые и здоровые ее перешли. Увидев это, новгородцы устрашились сильно, взволновались и зашатались, как пьяные, а наши, дойдя до них, стали первыми стрелять в них, и взволновались кони под теми, и начали с себя сбрасывать их, и так скоро побежали они, гонимые гневом Божьим за свою неправду и за отступление не только от своего государя, но и от самого Господа Бога.

Полки же великого князя погнали их, коля и рубя, а они и сами в бегстве друг друга били, кто кого мог. Побито же их было тогда многое множество, — сами они говорят, что двенадцать тысяч их погибло в тех боях, а схватили живьем более двух тысяч; схвачены и посадники их: Василий Казимир, Дмитрий Исакович Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матвей Селезнев, Василий Селезнев — два племянника Казимира, Павел Телятев, Кузьма Грузов, а житьих множество. Сбылось на них пророческое слово: «Пятеро ваших погонит сотню, а сотня потеснит тысячи». Так долго они бежали, что и кони их запалились, и стали падать с коней в воды, и в болота, и в чащобу, ибо ослепил их Господь, не узнали уже и земли своей, даже дороги к городу своему, из которого вышли, но блуждали по лесам, а как где-нибудь они выходили из леса, так хватали их ратники, а некоторые, израненные, блуждая в лесах, поумирали, а другие в воде утонули; которые же с коней не свалились, тех кони их принесли к городу, будто пьяных или сонных, но иные из них второпях и город свой проскакали, думая, что и город взят уже; ибо взволновались и зашатались, будто пьяные, и ума лишились. А воины великого князя гнали их двадцать верст, а потом возвратились в великой усталости.

Воеводы же князя великого, князь Даниил и Федор Давыдович, став на костях, дождались воинства своего и увидели воинов своих всех здоровыми, и благодарили Бога, и пречистую его Богоматерь, и всех святых. И стали воеводы говорить схваченным ими новгородцам: «Отчего вы с таким множеством воинов своих сразу бежали, увидев малое наше войско?» Те же ответили им: «Потому что мы видели вас бесконечное множество, идущих на нас, и не только идущих на нас, но еще и другие полки видели, в тыл нам зашедшие, знамена у них желтые и большие стяги и скипетры, и говор людской громкий, и топот конский страшный, и так ужас напал на нас, и страх объял нас, и поразил нас трепет». Было же это июля четырнадцатого в воскресенье рано, в день святого апостола Акилы.

Воины же князя великого и после боя того сражались часто по посадам новгородским вплоть до немецкой границы по реке Нарве, и большой город, называемый Новым Селом, захватили и сожгли. А воеводы великого князя, чуть отдохнув после боя того и дождавшись своих, послали к великому князю Замятию с той вестью, что помог им Бог — рать новгородскую разбили. И тот примчался к великому князю в Яжелбицы того же месяца в восемнадцатый день, и была радость великая великому князю и братьям его, и всему войску их, ибо был тогда у великого князя и царевич Даньяр, и братья великого князя, благоверные князья Юрий, и Андрей, и Борис, и бояре их, и все войско их. И тогда дал обет князь великий поставить в Москве церковь памяти святого апостола Акилы, что и исполнил, а воеводы, князь Даниил и Федор, другую церковь — в честь Воскресения.

А в ту же пору был у великого князя из Новгорода от избранного архиепископа и от всего Новгорода Лука Клементьев за охранной грамотой; князь же великий дал им охранный лист и отпустил его из сел возле Демона; а князю Михаилу Андреевичу и сыну его князю Василию воеводы новгородские, которые были осаждены в городке Демоне, били челом и сдались с тем, что их живыми выпустят, а за другое что не держались; а с города дали выкупа сто рублей новгородских.

А от псковичей пришел к великому князю в Игнатичи с Кузьмою с Коробьиным посадник Никита с тем, что псковичи всею землею своею вышли на его службу, своего государя, с воеводой князем Василием Федоровичем, и по дороге стали новгородские поселения грабить и жечь, и людей сечь, и в дома запирая, жечь. Князь же великий послал к ним Севастьяна Кушелева да прежнего посла их Василия с ним от Полы-реки.

Месяца того же на двадцать четвертый день, на память святых великомучеников Бориса и Глеба, пришел князь великий в Руссу, и тут повелел казнить отсеченьем головы новгородских посадников за их измену и за отступничество: Дмитрия Исаковича Борецкого, да Василия Селезнева, да Еремея Сухощека, да Киприана Арзубьева; а иных многих сослал в Москву да велел их бросить в тюрьму, а незнатных людей велел отпускать в Новгород, а Василия Казимира, да Кузьму Григорьева, да Якова Федорова, да Матвея Селезнева, да Кузьму Грузова, да Федота Базина велел отвезти на Коломну да заковать их. А сам пошел оттуда на Ильмень-озеро к устью Шелони и пришел там на место, называемое Межбережье и Коростынь, двадцать седьмого в субботу.

И в тот же день был бой у воевод великого князя с двинянами, у Василия Федоровича Образца, а вместе с ним были устюжане и прочие воины, да у Бориса Слепца, а вместе с ним вятчане, бой у них был на Двине с князем Василием Шуйским, а с ним вместе были заволочане все и двиняне. Было же с ним рати двенадцать тысяч, а с воеводами великого князя было рати четыре тысячи без тридцати человек. Бой же случился на берегу; выйдя из лодок, начали биться пешими в третьем часу дня того, и бились до захода солнечного, и, за руки хватая, рубились, и знамя у двинян выбили, а трех знаменосцев под ним убили: убили первого, так другой подхватил, и того убили, так третий взял, убив же третьего, и знамя захватили. И тогда двиняне взволновались, и уже к вечеру одолели полки великого князя и перебили множество двинян и заволочан, а некоторые потонули, князь же их раненый бросился в лодку и бежал в Холмогоры; многих же в плен взяли, а потом и селения их захватили, и возвратили всю землю ту великому князю. Убили же тогда князя великого рати пятьдесят вятчан, да

устюжанина одного, да человека Бориса Слепца, по имени Мигуна, а прочие все Богом сохранены были.

О нареченном Феофиле и о новгородцах, как пришли они к великому князю бить челом. В тот же день пришли на устье Шелони в лодках озером Ильменем нареченный Феофил с посадниками, и с тысяцкими, и с житьими людьми от всех городских концов, и начали прежде бить челом князьям, и боярам, и воеводам великого князя, чтобы заступились перед братьями великого князя, а те бы заступились перед братом своим, великим князем, да и сами бы бояре заступились. Бояре же пошли вместе с ними и били челом братьям великого князя, братья же великого князя, князь Юрий, князь Андрей, князь Борис и князь Михайло Андреевич с сыном и бояре их били за них челом великому князю. Князь же великий ради них новгородцев пожаловал, велел тому нареченному чернецу Феофилу, и посадникам, и тысяцким, и прочим явиться пред его очи. Те же, войдя к великому князю, начали бить челом за свое преступление и за то, что руку против него подняли, — чтоб государь их пожалел, смилостивился над ними, прекратил бы гнев свой не ради их челобитья, но свою доброту показал бы к согрешающим, не велел бы больше казнить, и грабить, и жечь, и пленить. Смилостивившись, князь великий явил им милость свою и принял челобитье их, усмирил гнев свой, и тотчас повелел прекратить жечь и пленять их, и пленных, тут бывших, повелел отпустить, а каких уже отослал и увел, — и тех вернуть.

А били челом великому князю шестнадцатью тысячами серебром в новгородских рублях, кроме братьев великого князя и князей и прочих: бояр, и воевод, и всех остальных, которые ходатайствовали за них; а земля их вся пленена и сожжена до самого моря, ибо не только те были, которые с великим князем и с братьями его, но и со всех сторон пешею ратью ходили на них, и Псковская земля от себя их завоевывала. Не бывало на них такого нашествия с тех пор, как и земля их стоит.

О псковичах. А что до того, что послал князь великий Севастьяна Кушелева навстречу псковичам, так тот встретил их за Порховом, а они идут от своего городка от Дубскова, захватив там шесть пушек, к Порхову. Севастьян сказал им о здоровье великого князя и о победе над новгородцами, а им велел князь великий быстрее идти к Новгороду. Псковичи же из-под Порхова отпустили Севастьяна к великому князю, а с ним и послов своих, Кузьму Сысоева да Степана Афанасьевича Винкова, а сами пошли всеми силами своими к Новгороду. И не дойдя до Новгорода двадцати верст, стали у храма Спаса на Милице, а Севастьян с теми послами псковскими, Кузьмой да Степаном, пришли к великому князю на устье Шелони июля тридцатого на пост Госпожин, а князь Василий Федорович Шуйский, воевода псковский, с посадниками

и со знатными людьми остальными вслед за послами своими пришли к великому князю туда же, на устье Шелони.

И после прихода всех тех стоял тут на одном месте князь великий одиннадцать дней, разбирая дела новгородские, и пожаловал их, дал им мир по их желанию, как сами захотели, а псковичам договор заключил с новгородцами лучше прежнего, как псковичи хотели. После этого князь великий дал новгородцам мир, и любовь, и милость и, почтив нареченного ими Феофила и посадников их, и тысяцких, и прочих всех, которые с ним приходили, отпустил их в их город. А с ними послал в Новгород боярина своего Федора Давыдовича, чтобы привел весь Великий Новгород к крестному целованью, от мала и до велика, и серебро с них взял; те же пошли в Новгород и совершили все, что велено было им.

А Иван Васильевич, князь великий владимирский и новгородский, всей Руси самодержец, возвратился оттуда в Москву с победой великой месяца августа тринадцатого; также и все братья его, и князья, и воеводы, и все воины их с большой добычей.

Тем же годом князь великий, идя к Новгороду, послал в Поле Никиту Беклемишева искать царевича Муртазу, Мустафина сына, чтобы позвать его к себе на службу. Никита встретил его в Поле, и переманил на службу к великому князю, и пришел с ним к сыну великого князя в Москву еще до возвращения великого князя из Новгорода.

Тем же годом вятчане, идя судами вниз по Волге, взяли Сарай, и много товару награбили, и полон большой захватили. Прослышав о том, татары из Большой Орды, что кочевали оттуда за день пути, во множестве множеств пошли на перехват, и завладели судами, всю Волгу перегородили ими, желая вятчан перебить. Однако же те пробились сквозь силу татарскую и ушли от них со всей добычей. И под Казанью хотели также их перехватить, но и там прошли они мимо застав с добычею всей в землю свою.

О великого князя возвращении, как пришел из Новгорода в Москву. В год 6980 (1471) месяца сентября в первый день, в начале индикта, то есть в начале нового года, на праздник преподобного Семиона Столпника, пришел князь великий в отчину свою, в славный град Москву, победив противников своих, казнив противящихся ему и не желавших повиноваться приведя под власть свою, и многую добычу и славу приобретя.

И встретил его Филипп-митрополит с крестами близ церкви, лишь с моста чуть сойдя с большого, с каменного, до колодца на площади, со всем освященным собором. А люди московские, многое множество их, далеко за городом встречали его, иные — пройдя навстречу семь верст пешком, а другие поближе, от мала и до велика, знатные, незнатные, бесчисленное множество. А сын его, князь великий Иван, и брат его, князь Андрей Меньшой, и князья его, и дети боярские, и бояре, и заморские гости, и купцы, и знатные люди встретили его в канун Семенова дня на месте его ночлега. Великая же радость была тогда в граде Москве.

О новгородцах, как потонули на озере Ильмене. Тем же годом сентября во второй день пошли из Новгорода из осады многие люди, с женами и с детьми, по озеру в больших лодках, каждый из них в своей лодке и на своем месте. И говорят, будто было судов тех огромных сто и восемьдесят, и по пятьдесят человек в каждом, а то и больше. И как вышли они на открытый простор, налетел на них ветер страшный стремительно, и потопил все суда те, ни одно из них не спаслось; и все люди, и все имущество их утонуло.

Той же осенью к королю пришел из Орды Кирей с царским послом, а король в ту пору воевал с другим королем, с венгерским.

Той же осенью, того же сентября месяца в десятый день, пришел из Венеции Антон Фрязин, а с ним пришел и посол к великому князю из Венеции, от дожа венецианского Николая Трона, по имени Иван, а по прозвищу Тривизан; и послан был к великому князю от того дожа и от всех земель, бывших под ним, бить челом, чтобы разрешил князь великий того Тривизана проводить к царю Большой Орды Ахмату, ибо послан к нему с большими дарами и с челобитьем, чтобы помог, пошел бы им в помощь на турецкого султана в Царьграде. И тот Тривизан, прийдя в Москву, первым делом пошел к Ивану к Фрязину, московскому монетному мастеру, так как тот Иван Фрязин Вольп той же земли по рождению и в ней известен, и сказал ему все то, зачем пришел в Москву, но что у великого князя еще не был. Фрязин же, наш монетчик, не советовал тому Тривизану бить на том челом великому князю, говоря ему: «Зачем бить тебе челом великому князю да подарки большие дарить? Лучше сам я то сделаю помимо великого князя и к царю провожу тебя». И Фрязин, прийдя к великому князю с тем Тривизаном, назвал его князьком венецианским и своим племянником и добавил, что прибыл к нему по своим делам да погостить, а все остальное от великого князя утаили.

Антон же тогда от папы от Павла привез письма к великому князю таковы, что послам великого князя вольно ходить до самого Рима по всей земле латинской, и немецкой, и фряжской, и по всем тем землям, которые под его папской властью находятся, и так до скончания века; а за царевной за Софьей, дочерью Морейского царя Фомы, посылал бы послов.

Той же осенью Филипп-митрополит повелел готовить камение, чтобы построить церковь святой Богородицы.

О пермском епископе Филофее. Той же осени месяца ноября в восьмой день поставлен был митрополитом Филиппом в Пермь епископ, по имени Филофей.

О новгородском владыке. Того же месяца в тридцатый день пришел в Москву ставиться на архиепископию Новгорода Великого избранный новгородцами Феофил, а с ним посадники пришли Александр Самсонович да Лука Федорович. В ту же осень декабря в восьмой день поставлен митрополитом Филиппом в Рязань епископ Феодосии, архимандрит чудовский, а были при поставлении его архиепископ ростовский Вассиан, суздальский епископ Евфи-мий, коломенский — Геронтий, сарский — Прохор, пермский — Филофей.

О новгородском архиепископе Феофиле, как поставлен был. Пятнадцатого дня того же месяца, в воскресенье, поставлен был преосвященным митрополитом всея Руси в Новгород на архиепископство избранный ими Феофил, и были на поставлении его все названные выше епископы русские, и архимандриты, и протопопы, и игумены честные, и весь освященный собор славного града Москвы. После же своего поставления бил челом великому князю от себя и от всего Великого Новгорода с посадниками, и с тысяцкими, и со всеми теми, что пришли с ним, о пленных, о Казимире и о других товарищах его. Князь же великий принял их челобитье и всех отпустил с честью, а было их всех в Москве тридцать. Самого же архиепископа отпустил того же месяца в двадцать третий день. В ту же зиму повезли камень в Москву на строительство церкви святой Богородицы.

НОВГОРОДСКАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА НА НОВГОРОД

Подготовка текста В. П. Бударагина, перевод В. В. Колесова, комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Новгородская повесть о походе Ивана III в 1471 г. сохранилась в последнем новгородском своде времени самостоятельности Новгорода — Новгородской четвертой летописи по Строевскому (и сходному с ним Синодальному) списку (во всех остальных списках Новгородской четвертой летописи после 1448 г. текст либо оканчивается, либо продолжается иными известиями и комментируемой повести нет). Новгородская повесть о событиях 1471 года строилась совершенно иначе, чем московские. Никаких провиденциальных черт в победе Ивана III новгородцы не искали и не находили; изложение событий в новгородском рассказе просто и реально. Рассказ явно составлен очевидцем, осуждавшим распри между «большими» и «меньшими» в Новгороде и непоследовательную политику «больших», начавших «рать» (борьбу с великим князем) и не сумевших отстоять города. Характерное для автора повести отождествление себя скорее с «меньшими», нежели с «большими», присуще и многим другим рассказам новгородского летописания, но рассказ о войне 1471 г. свидетельствует о глубоком внутреннем кризисе в вечевой республике — кризисе, в значительной степени предопределившем ее падение.

Текст публикуется по Строевскому списку — РНБ, Погодинское собрание, № 2035, лл. 305—307 об.; исправления сделаны по Синодальному списку — ГИМ, Синодальное собрание, № 152.

ОРИГИНАЛ

В лѣто 6979 *вверже* князь великий Иванъ Васильевич нелюбие на Великий Новъгород,[1] нача рать свою копити и нача посылати на новъгородцкиа волости. И взяша преже Русу и святыя церкви пожгоша, и всю Русу выжгоша, и поидоша на Шалону воюючи; а псковичи по князѣ пособляюще, и много зла новгородцьким волостем учиниша.

И новгородци изыдоша противу себе на Шалону, а к Русѣ послаша новгородци судовую рать, и пѣши бишися много, и побиша москвич много; и пѣшей рати паде много, а иныи разбѣгошася, а иных москвичи поимаша; а коневаа рать не пошла к пѣшей рати на срок в пособие, занеже владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: «Владыка нам не велѣл на великого князя руки подынути, послалъ нас владыка на пьскович».[2] И начаша новгородци вопити на больших людей, которыи приехали ратью на Шолону. «Ударимся нынѣ», каждо глаголюще: «Язъ человѣкъ молодый, испротеряхся конемъ и доспѣхом».

Моськвичамь же до понедѣлника отлагающим, бяше бо недиля.[3]

И начаша ся бити, и погнаша новгородци москвичь за Шолону рѣку, и ударишася на новгородцевъ западнаа рать татарове, и паде новгородцевъ много, а иныи побѣгоша, а иных поимаша, а иных в полонъ поведоша, и много зла учиниша; а все то створися до великого князя. И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всѣл на конь за Новъгород.[4] И посол ездил кривымъ путем в Немци, до князя немецкого, до *местера*, и възвратися в Новъгород, глаголюще, яко: «*Местеръ* не дасть пути чрес свою землю в Литву ѣхать».[5]

И по малѣ времени прииде князь великий Иван Васильевич со всѣми силами на Русу, и болши зла учинишася. И бысть в Новѣгороди молва велика, и мятеж мног, и многа лжа неприазнена, сторожа многа по граду и по каменным кострам на переменах день и нощь. И раздѣлишася людие: инѣи хотяху за князя, а инии за короля за литовьского. И увѣдавъ, князь великий больма разгнѣвася и посѣче 4 боярина: посадника новгородцкаго Дмитрия Исаковича, *Василья Ивановича*, Киприана Сергиевича, Еремиа, владычня чашника, — полоняным глаголюще, яко: «Вы за короля задаватися хотѣсте»; а иных с собою поведе на Москву.

И пожгоша новгородци вси посады около Новагорода, и въ *Звѣринцах* церковь новаа святый Семионъ[6] огорѣ, и Онтоновъ манастырь,[7] и Полянку[8] всю, и Юрьев манастырь,[9] и Городище[10] все, и Рожественый манастырь и церковь[11] огори. И много бысть новгородцемь пагубы: и хлѣбъ дорог, и не бысть ржи на торгу в то время, ни хлѣба, толко пшеничный хлѣб, и того по оскуду. И бысть на лутьшии люди молва, яко тѣ приведоша великого князя на Новогород, а то Богъ сердевицедь и суди им, зачинающим рать и обидящим нас.[12]

В то же время князь великий Иван Васильевич посла рать свою за Волок, и князь Василей Васильевич и воевода заволоцкий Василей Микифорович[13] изыдоша противу с своею ратью и съ заволочаны и с печеряны. И съступившимся имъ на ратный бой, и паде многое множество с обѣ половинѣ, а двинянѣ не тягнуша по князѣ по Васильи Васильевичѣ и по воеводѣ по Васильи по Микифоровичѣ, и шестники измогоша, и заволочанъ посѣкоша, и двинянъ иссѣкоша. А князя Василья Васильевича и воеводу Василья Микифоровича Богъ ублюде, и приехаша в Новъгород в малѣ дружинѣ, а князю великому хотящю ити к Новугороду.

И езди нареченый владыка Феофил с посадники новгородцкими и с житьими людми на Коростынѣ и докончал мирѣ съ княземъ великим; и

даша князю великому Ивану Васильевичю новгородци полшестѣнацать тысячи рублев, и целоваша новгородци крестъ князю великому, што за короля новгородцемь не задаватися и очицевъ из Литвы не приимать; а все то Богу попущающу грѣх ради наших.

А перевѣтника Упадыша новгородци казниша, занеже перевѣт держалъ на Новъгород и хотѣл зла Великому Новугороду с своими единомысленики: 5 пушокъ желѣзом заколачивал, оттого мзду взем от злоначалнаго бѣса, и оттого в напасти и в поползение погубное свѣта лишающася, якоже Павел рече: «Хощет и богатитися, впадают во зло». [14] Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород, не сытый лукавъства? На мьзды ли предаеши врагом Новъгород, о Упадыщче, сладкаго брашна *вкусивъ* в Великом Новѣградѣ? О, колика блага не памятивъ, недостаточное ума достиглъ еси! Оле бѣда, рещи, и безаконное поумѣние тогда обрѣте лукаво зломыслие и кознь нечтивую, не язвами уязвити кого, но вся яже во гради погубити *и зборищу лукавому* предати, якоже тогда ратоборющимся. И злочтивому злочтива пагуба. Уне бы ти, Упадыше, аще не был бы во утробѣ матерьни, не бы былъ нареченъ предатель Новуграду. Но не возможе свершениа положити своему хотѣнию, ни восхотѣ благословениа, но возлюби клятву, приидe ему; и крестьяньстѣй вѣрѣ не гиблющи, якоже козни тоя неподобные и не успѣшное *злоимьство*, но Богъ за милосердие щедрот, человѣколюбное долготрьпѣние и незлобивое его око како не презрит, и не оставляет благый Богъ нашь, не даст нас во уловление сѣти их и в помнение нечестивых. Клятвы убоявшеся, братие, плоды покааниа принесем.

Но ты, милостивый Спасе, простри руку свою невидимую, изведи нас от всякого зла и буди нам смиренъ помощник в день печали нашия, егда вострепещет душа наша, видящи противныя силы. Но ты, милостивый Господи, посли нам от вышняго честнаго престола твоего помощь и оружие непобѣдимое, честный крестъ, молитвами святыя Богородица и всѣх святых. Христос — зачало спасению, конець пагубѣ.

---

[1] *...нелюбие на Великий Новъгород...* — В новгородской повести нет предыстории похода Ивана III на Новгород в 1471 г.; под предыдущим годом упоминается о смерти Ионы, избрании Феофила и приезде «князя литовского» Михаила Александровича (Олельковича), но эти события никак не комментируются.

[2] *«Владыка нам не вѣлѣл на великого князя руки подынути, послалъ нас владыка на пьскович»*. — Такое поведение конного отряда,

подчиненного архиепископу, объясняется двойственной позицией самого Феофила, связанного скорее с московской, чем с враждебной великому князю партией. Между новгородскими архиепископами и Псковом постоянно происходили столкновения из-за стремления псковичей избавиться от церковной власти Новгорода.

[3] *Моськвичамь же до понедѣльника отлагающим, бяше бо недиля*. — Согласно московским известиям, Шелонская битва происходила как раз 14 июля 1471 г., в воскресенье.

[4] *И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всѣл на конь за Новъгород.* — В противоположность московской повести новгородская повесть относит прямые переговоры с Казимиром ко времени после вступления великокняжеских войск в Новгородскую землю. Дошедший до нас в одном из сборников новгородских грамот договор, или, вернее, проект договора с Казимиром подкрепляет такую датировку, так как, судя по его тексту, он был составлен во время «розмирья» с Иваном III («...а умиришь, господине честны король, Велики Новъгород с великим князем...»). Если бы этот договор был официально заключен, он сохранился бы в литовском архиве, но в составе этого архива («Литовская метрика») его нет. Московские «Словеса избранны...» утверждали даже, что договор был захвачен в «кошевых вьюках» новгородцев, попавших в плен на Шелони.

[5] *...«Местеръ не дасть пути чрес свою землю в Литву ѣхать»*. — Магистр Ливонского ордена Вольтус фон Герзе в принципе считал желательной помощь новгородцам, но решил задержать ответ на их запрос, дабы извлечь максимальную выгоду из создавшейся обстановки. Он снарядил в Новгород посольство, которое прибыло уже после Шелонской битвы и Коростынского мира.

[6] *...въ Звѣринцах церковь новаа святый Семионѣ...* — Церковь Симеона, построенная в 1467 г. в Зверинце (северной оконечности Софийской стороны, получившей название от существовавшего здесь в XI в. заповедника для охоты).

[7] *...Онтонов манастырь...* — Антониев монастырь на правом берегу Волхова, ниже Новгорода.

[8] *Полянка* — Полянка, или Поле, — место за земляным валом, опоясывавшим Торговую сторону Новгорода.

[9] *...Юрьев манастырь...* — К югу от Новгорода, на левом берегу Волхова.

[10] *Городище* — княжеская резиденция на правом берегу Волхова, напротив Юрьева монастыря.

[11] *Рожественый манастырь и церковь...* — Церковь в монастыре Рождества на Поле.

[12] *И бысть на лутьшие люди молва, яко тѣ приведоша великого князя на Новгород, а то Богъ сердцевидець и суди им, зачинающим рать и обидящим нас*. — Это место наиболее ясно выражает позицию автора новгородской повести о походе Ивана III. Он безусловно не принадлежит к феодальным верхам города — напротив, он причисляет себя к тем, кого «лучшие люди» обижают. Он также не принадлежит и к сторонникам великого князя — «лучших людей» подозревает в том, что они привели великого князя на Новгород, победу Ивана III воспринимает как «нашу печаль» и наказание за грехи, в конце повести гневно осуждает «лукавъство» некоего Упадыша, выступавшего на стороне великого князя и заколотившего новгородские пушки. Но автор повести и не сторонник решительной борьбы: он весьма ярко описывает растерянность «молодых людей» на Шелони и упрекает «лучших» также и за то, что они «зачали рать», не имея возможности бороться.

[13] *...князь Василей Васильевич и воевода заволоцкий Василей Микифорович...* — Новгородский воевода В. В. Шуйский-Гребенка и Василий Никифорович Пенков, сын посадника, впоследствии (в 1476 г.) осужденный Иваном III за злоупотребления, но помилованный по ходатайству владыки и после этого выступавший в качестве сторонника великого князя; казнен в 1477 г. по решению веча за измену Новгороду.

[14] *«Хощет и богатитися, впадают во зло».* — 1 Тим. 6, 9.

ПЕРЕВОД

В год 6979 (1471) впал князь великий Иван Васильевич во гнев на Великий Новгород, начал войско свое собирать и стал посылать на новгородские земли. И взяли сначала Старую Руссу и святые церкви пожгли, и всю Старую Руссу выжгли, и пошли на Шелонь, воюя; псковичи же князю помогали и много зла новгородским землям нанесли.

И новгородцы вышли навстречу им на Шелонь, а к Старой Руссе послали новгородцы рекою войско и в пешем строю бились долго и побили много москвичей; но и пешего войска новгородцев полегло много, а иные разбежались, а других москвичи схватили; а конное войско не подошло к пешему войску на помощь вовремя, потому что отряды архиепископа не желали сразиться с княжеским войском, говоря: «Владыка нам не велел на великого князя руки поднять, послал нас владыка против псковичей». И стали новгородцы кричать знатным людям, которые прибыли с войском к Шелони: «Сразимся сейчас», но каждый говорил: «Я человек небольшой, подрастратился конем и оружием».

Москвичи же до понедельника отложили бой, ибо было воскресенье.

И начали они биться, и погнали новгородцы москвичей за Шелонь-реку, но ударил на новгородцев засадный татарский полк, и погибло новгородцев много, а иные побежали, а других похватали, а прочих в плен увели и много зла причинили; и все то случилось до приезда великого князя. И отправили новгородцы посла в Литву, чтобы король выступил в бой за Новгород. И посол ездил окольным путем к немцам, к князю немецкому, к магистру, и возвратился в Новгород, говоря: «Магистр не позволит пройти через землю свою в Литву».

И немного спустя пришел князь великий Иван Васильевич со всеми силами на Руссу, и больше того зла причинили. И поднялась в Новгороде смута великая, и смятенье большое, и многие слухи враждебные, и поставили стражу на стенах города и в каменных башнях по очереди денно и нощно. И разделились жители: иные желали за князя, а иные за короля за литовского. И узнав то, князь великий страшно разгневался и казнил четырех бояр: посадника новгородского Дмитрия Исаковича, Василия Ивановича, Киприана Сергеевича, Иеремию, архиепископского чашника, — пленным говоря: «Вы королю предаться хотели»; а иных с собой повел в Москву.

И спалили новгородцы все посады вокруг Новгорода, а в Зверинце церковь новая святого Симеона погорела, и Антониев монастырь, и Полянка вся, и Юрьев монастырь, и Городище все, и Рождественский монастырь с церковью сгорел. И многие беды обрушились на новгородцев: и хлеб вздорожал, и не было ржи в продаже в то время, ни ржаного хлеба, только пшеничный, да и того скудно. И поднялся на знатных людей ропот, будто те привели великого князя на Новгород, за то Бог-сердцеведец им судья, зачинающим рать и обижающим нас.

В то же время князь великий Иван Васильевич послал войско свое за Волок, и князь Василий Васильевич и воевода заволоцкий Василий Никифоро-вич вышли навстречу со своим войском и с жителями Заволочья и Печеры. И сошлись они в ратном бою, и пало многое множество с обеих сторон, а двиняне не пошли за князем за Василием Васильевичем и за воеводой за Василием за Никифоровичем, и ополченье выбилось из сил, и заволоцких порубили, и двинян порубили тоже. А князя Василия Васильевича и воеводу Василия Никифоровича Бог сохранил, и прибыли в Новгород с небольшой дружиной, а князь великий хотел пойти на Новгород.

И поехал избранный на владычество архиепископ Феофил с посадниками новгородскими и с житьими людьми на Коростынь и заключил мир с князем великим; и дали князю великому Ивану Васильевичу новгородцы пятнадцать с половиною тысяч рублей, и

целовали новгородцы крест князю великому в том, что королю новгородцам не передаваться и князей из Литвы не принимать; а все то случилось Божьим попущением за наши грехи.

А изменника Упадыша новгородцы казнили, потому что изменил Новгороду и хотел зла Великому Новгороду со своими единомышленниками: пять пушек железом забил, за что, награду приняв от искусителя-беса, в напасть впал и в заблуждение пагубное, света лишаясь, как Павел сказал: «Желающие обогатиться впадают во зло». Как не вострепетал, замышляя зло на Великий Новгород, ты, исполненный коварства? Ради мзды предаешь врагам Новгород, о Упадыш, сладкой жизни вкусив в Великом Новгороде! О, столько добра не вспомнив, немногого умом достиг ты! О беда, сказать, и беззаконная власть тогда обрела коварное зломыслие и обман нечестивый, не ранами поразить кого-то, но всех в городе погубить и сонму лукавых предать, с которыми тогда сражались. И злочестивому злосчастная гибель. Лучше бы тебе, Упадыш, не бывать в утробе материнской, и не был бы ты назван предателем Новгорода. Но не смог ни достичь свершения своих желаний, ни благословения не захотел, но предпочел проклятье и получил его; а христианская вера не гибнет, как погибли обманы те непотребные и безуспешное злодейство; Бог по милосердию щедрот своих человеколюбивое долготерпение и незлобивое око от нас не отвратит, — и не оставит благой Бог наш, не отдаст нас в сети их и в помышление нечестивых. Проклятия устрашась, братья, плоды покаяния принесем.

Ты же, милостивый Спас, простри руку свою невидимую, отведи нас от всякого зла и будь нам мирным помощником в день печали нашей, когда вострепещет душа наша, видя враждебные силы. Ты же, милостивый Господь, пошли нам от вышнего честного престола твоего помощь и оружие непобедимое, святой крест, молитвами святой Богородицы и всех святых. Христос — начало спасению, конец заблужденьям.

СЕВЕРНОРУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1472 года

Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Севернорусский летописный свод, по существу противостоящий великокняжескому летописанию 70-х гг., отразился главным образом в двух летописях — Ермолинской, текст которой доведен до 1481 г., и

Сокращенном летописном своде конца XV в. (опубликован в ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962 в двух видах: Сокращенный свод 1493 г. и Сокращенный свод 1495 г.; сохранился еще не опубликованный Соловецкий вид). Начальная часть свода, до 1425 г., к сожалению, не может быть реконструирована с достаточной точностью, так как в Ермолинской летописи эта часть почти полностью заменена текстом, сходным с Московским великокняжеским сводом 1479 г. Сходный текст Ермолинской летописи и Сокращенных сводов оканчивается известием о смерти удельного князя Юрия Васильевича Дмитровского 12 сентября 6981 (1472) г.; очевидно, до этой даты и был доведен лежащий в их основе Севернорусский свод.

В целом Севернорусский свод охватывал время начиная с X в. (общее известие Ермолинской летописи и Сокращенного свода о том, что вещий Олег умер, «уяден скорпией из главы мертваго коня своего», — 912 г.) до 70-х гг. XV в. Публикуемая часть свода излагает события от смерти Василия Дмитриевича (1425), включая историю борьбы за московский престол 1430—1450 гг., новгородские походы 1456 и 1471 гг., приведшие к фактическому подчинению Новгорода, присоединение Ярославского княжества в 1463 г., казанские походы.

Севернорусский свод 1472 г. во многих отношениях может считаться замечательным литературным памятником. Завершение свода известием о смерти Юрия Дмитровского, как и ряд известий о его военных подвигах, позволяет связывать свод с этим князем; однако перед нами не местная летопись Дмитровского княжества, а общерусский свод, для которого Юрий Васильевич является лишь одним из важных персонажей — наряду с опальным воеводой Федором Басенком, сосланным в Кирилло-Белозерский монастырь, князем Михаилом Андреевичем Белозерским и его сыном Василием и т. д. Связь целого ряда персонажей свода с Кирилло-Белозерским монастырем (Юрий Дмитровский был одним из крупных вкладчиков монастыря), а также отражение Северно-русского свода в ряде кратких кирилло-белозерских летописцев позволяют видеть в нем летопись, составленную в этом монастыре — одном из важнейших культурных центров Древней Руси (подробнее см.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XVI вв. Л., 1976, с. 168—209). Кирилло-Белозерский монастырь постоянно занимал самостоятельную позицию в борьбе между основными политическими силами XV в., в монастыре переписывались разнообразные, в том числе и сугубо «неполезные», с точки зрения официальной церковной идеологии, памятники. Скептическая позиция, которую занимал составитель публикуемого свода в рассказе 1463 г. о ярославских чудотворцах, соответствует позиции бывшего игумена монастыря Трифона, занимавшего в 1462—1467 гг. ростовский архиепископский престол и вынужденного оставить его из-за того, что он не признал новоявленных чудотворцев; вероятно, свод был создан в кругу кирилловских сподвижников Трифона. Многими чертами этот свод перекликается с литературной деятельностью кирилло-белозерского книгописца Ефросина (см. о нем коммент. ниже), включавшего в свои сборники ряд «отреченных» сочинений, которые он сам не рекомендовал «честь в зборе» и показывать многим; краткий летописчик Ефросина связан с

публикуемым Севернорусским сводом. Признавая московского великого князя «великим осподарем», севернорусский летописец позволил себе, однако, резкую и яркую критику действий этого государя и его воевод — особенно в описании казни серпуховских дворян в 1462 г. и рассказе о ярославских чудотворцах.

Публикуемый текст представляет собой научную реконструкцию, отдельные части которой имеют гипотетический характер. В реконструкцию включались прежде всего совпадающие известия Ермолинской летописи (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910; далее: *Е*) и Сокращенных сводов (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962; далее: *СС*), учитывались также близкий к *Е* до 1481 г. «Летописец Русский» (опубликованный А. Н. Насоновым в сборнике «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1957; далее *ЛР*) и близкий к Сокращенному своду Устюжский летописец (Устюжская летопись; ПСРЛ, т. 37; далее: *Уст*). Включались также известия, сохранившиеся лишь в одной из летописей, но логически и текстуально связанные с основным текстом. Для того чтобы читателю были ясны источники публикуемого текста, приводим краткую схему реконструкции (далее указываются годовые даты и сокращенные обозначения той летописи, по которой реконструируется соответствующая годовая статья; если годовая статья реконструируется по нескольким источникам, перечисляются летописи, к которым восходит каждый фрагмент):

6933 *ЛР; Е; ЛР*; 6934 *ЛР*; 6935 *ЛР*; 6936 *Е; ЛР* (сходно с *Уст*); 6937 *Е*; 6938 *Е*; 6939 *Е*; 6940 *Е*; 6941 *Е* (с пропусками в середине и конце); 6942 *Е*; *СС*; 6943 *Е* (с пропуском окончания); 6944 *Е*; *СС*; *Е*; *СС; Е*; 6945 *ЛР*; 6946 *Е*; 6947 *СС; Е; СС*; 6949 *СС*; 6950 *Е*; 6951 *Е*; 6953 *Е*; *СС*; 6954 *СС*; 6955 *СС*; 6956 *Е*; 6957 *СС*; 6958 *Е*; 6959 *Е*; 6960 *Е*; 6961 *СС*; 6962 *Е*; 6963 *СС*; 6964 *Е* (с пропуском); 6966 *СС*; 6967 *Е*; 6968 *Е*; 6969 *СС*; 6970 *Е* (конечное известие о Ермолине — в приложении); 6971 *Е*; 6972 *Е* (с пропуском; конечное известие — в приложении); 6973 *Е*; 6975 *Е* (конечное известие — в приложении); 6976 *СС* (с пропуском окончания); 6977 *Е*; *СС*; *Е* (конечное известие — в приложении); 6978 *Е*; 6979 *Е* (середина — в приложении); 6980 *Е* (конечное известие — в приложении); *СС; Е; СС*. В приложении даны известия о Ермолине, содержащиеся только в *Е*. Переходы от одного источника к другому внутри годовых статей отмечены абзацами; пропуски внутри источника мест, не имеющих соответствия в других источниках и не включаемых в реконструкцию, отмечены отточиями в угловых скобках.

Текст публикуется по двум основным источникам: по единственной рукописи *Е* — РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 8665, и по неизданному Соловецкому списку *СС* — РНБ, Соловецкое собр., № 922/1032; дефектные места Соловецкого списка (текст в начале 6976 г. до слов «кликну на них, они же» — и под 6980 г. текст «бѣаше воевода... через рѣку» и конец) дополнены по рукописи РНБ, Погод., 1409. Включенный в реконструкцию фрагмент *ЛР* публикуется по рукописи РГБ, ф. 178, № 3841.

ОРИГИНАЛ

В лѣто 6933. Преставися благовѣрный и христолюбивый князь велики Василей Дмитреевичь[1] всея Руси мѣсяца февраля 27 по сборѣ въ вторник в 3 часа нощи.

Митрополитъ Фотѣй сь тоя же нощы посла по брата его Юрьа въ Звенигородъ Окинфа, онъ же, не ида на Москву, иде к Галичу, а на великомъ княжении сѣде Василей Васильевичь. И князь Юрьи взя перемирие до Петрова дни с нимъ.

Того же лѣта преставися князь велики Иван Михайловичь Тверской.[2]

В лѣто 6934. На лѣто ходил Витовтъ[3] ко Пьскову, а был под Опочками да под Вороночем.[4]

В лѣто 6935. Моръ <...> великъ.[5]

В лѣто 6936. Витофтъ ходилъ къ Новугороду и стоялъ у Порхова; они же добиша ему челомъ 5000 рублевъ, владыка зъ бояры новогородьскыми 5000 рублевъ другую даша ему, а за полонъ дастъ владыка свою тысячю рублевъ.

Тое же зимы мѣсяца ноября 17 преставися преподобный игумен Никонъ, чюдный старецъ[6] в 5 час дни.

В лѣто 6937. Приходиша татарове к Галичю и града не взяша, а волости повоеваша, а на Крещение приидоша изгономъ на Кострому, и поплѣнише ю, и отъидоша на Низ Волгою. Князь же великы Василей, то слышавъ, посла за ними дядь своихъ, князя Андрѣя и Костянтина, и с ними Ивана Дмитреевича;[7] они же до Нижнего Новагорода ходивъ, и не угониша ихъ, и възвратишася.

В лѣто 6938. Въ Смоленьсце явися волкъ голъ, безъ шерьсти, и много людей ѣлъ, а в Троцехъ[8] озеро стояло семь дней кроваво. Того же лѣта Витофтъ умре,[9] бывъ на великомъ княжении 38 лѣт. И сѣде по немъ Швитригайло.[10] А князь Юрьи разверже миръ съ великымъ княземъ

и, оставя Галичь, сѣде, шедъ, в Нижнемъ Новѣгородѣ; и князь великы посла на него рать с дядею своимъ, княземъ Костянтиномъ. Онъ же то слыша, и отъиде за Суру, и ста на брезе, и князь Костяньтинъ, стоявъ противу, възвратися, *зане* не бяше, какъ преити на нь. И князь Юрьи по отшествии ихъ пакы прииде в Новъгородъ. Того же лѣта Айдаръ[11] повоевалъ землю Литовьскую, и градъ взя Мченескъ, и Григорья Протасьева поималъ,[12] а Киева не доиде за 80 верстъ, воюя.

В лѣто 6939. Князь великы Василей посылалъ князя Феодора Давидовича Пестрого на Болгары, и, шедъ, взя ихъ. Въ то же лѣто знамение бысть на небеси: столпы огнены. Тогда же засуха велика была, земля и болота горѣлы, мъгла же стояла 6 недѣль, яко и солнца не видети, и рыбы въ водѣ мерли. Того же лѣта Фотѣй митрополитъ преставися.[13] Князь великы в Орду поиде, и князь Юрьи после поиде, и дастъ царь Махметъ[14] великое княжение Василью Васильевичу.

В лѣто 6940. Преставися князь Андрѣй Дмитреевичь.[15] И князь велики вышолъ и сѣде на великомъ княжении.[16] И князь Юрьи иде въ свой Звенигородъ, а придалъ ему царь Дмитровъ.[17]

В лѣто 6941. Женися князь великы Василей Васильевичь, февраля 8, и на той свадбѣ Захарья Ивановичь Кошкынъ имался за поясъ у князя Василья у Юрьевича у Косого,[18] и князи и бояре разъѣхашася по домом. И князь Василей да князь Дмитрей Шемяка совокупяся, и поидоша къ отцю своему въ Галич. Тое же весны князь Юрьи Дмитреевичь съ дѣтми, Иванъ Дмитреевичь с ним,[19] совокупя силу многу, и приидоша к Москве безвѣстно на великого князя, канунъ Мироносицам, в суботу, апрѣля 5, на Клязму, за 20 верстъ. Князь же великы выиде противу ихъ не во мнозе и, побився мало, и побеже къ Москве <...>. И взявъ матерь и княгиню свою, и поиде къ Тфери, а со Тфери иде на Кострому. Князь же Юрьи сѣдъ на Москвѣ, и посла дѣтей своихъ, Василья да Дмитрея, за великымъ князем, и сказаша его на Костромѣ; онъ же и самъ поиде за нимъ и прииде х Костромѣ; и доби челомъ князь великы дяде своему, князю Юрью, и дасть ему Коломну городъ въ удѣлъ, а миръ свелъ Семенъ Ивановичь Морозовъ, любовникъ княжь Юрьевъ.[20] Москвичи же вси, князи и бояре, и воеводы, и дѣти боярьскые, и дворяне, от мала и до велика, — вси поѣхали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служити удѣлнымъ княземъ,[21] и Иванъ Дмитриеевичь с дѣтьми. Видѣвше же се князь Василей да Шемяка, и убиша Семена Морозова, боярина отца своего, в набережныхъ сѣнехъ, рекуще: «Ты учинилъ ту беду отцю нашему и намъ. Издавна еси коромолникъ, а нашь лиходѣй, не дашь намъ у отца нашего жити». И въструбивше, поѣхаша с Москвы и поидоша на Кострому. Князь же Юрьи видѣвъ, яко непрочно ему седѣние на великомъ княжении, и посла къ великому князю, да идетъ на свой стол, а самъ иде въ свой градъ в Рузу,[22] а князь великы прииде с Коломъны

на Москву и помирися со княземъ Юрьемъ, и докончалные поимали на том и крестъ целовали, что великому князю въ его отчину не въступатися, а князю Юрью княжения не хотѣти, ни дѣтей своихъ приимати, ни помочи имъ не дати на великого князя. И, умирився, князь Юрьи поиде въ Галич, а князь великы князя Юрья Патрекѣевича посла[23] воеводою на Юрьевичи со всѣмъ своимъ дворомъ. Они же отступиша съ Костромы и сташа на Куси, а в то время приспѣша къ нимъ вятчане, и от отца прииде имъ помочь, и бысть имъ бой, и одолѣша Юрьевичи, и воеводу, князя Юрья Патрекѣевича, яли, и приидоша опять на Кострому и, какъ Волга стала, и ни пошли к Турдѣевымъ врагомъ <...>.

В лѣто 6942. Князь великы, слышавъ измѣну дяди своего князя Юрья, что дѣтемъ своимъ помочь посылалъ на великого князя заставу, и поиде князь великы Галича воевати на зимѣ той, а князь Юрьи побеже на Бѣлоозеро;[24] князь великы Галичь повоевалъ и пожеглъ, и в полонъ повел. Тое же зимы князь Юрьи посла по дѣти и по вятчан и, собравъ силу велику, поиде на великого князя; и срѣте его князь великы въ Ростовьской области, у Николы на горѣ, и бысть имъ бой в суботу Лазареву.[25] И побѣди князь Юрьи, а войска его побили много, и прииде к Москвѣ на Страстной недѣли въ среду, и стоялъ под городомъ недѣлю, а на Святой недѣли городъ ему отворили в среду же[26] <...>.

И переможе князь Юрий и поиде к Москве. И пришед, Москву взя и княгини великие поимал и послал в Рузу,[27] а сам сѣде на великом княжении; князь же велик убѣжал съ бою в Новгород Великый, и оттолѣ иде на Мологу, и къ Костромѣ, и к Новугороду Нижнему. Князь же Юрьи посла за ним дву князей Дмитреев съ силою. Того ж лѣта преставись князь Юрьи Дмитреевич на великом княжении на Москвѣ. А сын его князь Василей послѣ отца сѣде на великом княжении на Москвѣ; и сѣде един месяць. А князи Димитреи смиришась с великим князем и согнаша князя Василья с Москвы. А князь велик Василей Васильевич сѣде на своей отчинѣ, великом княжении московьском. А князь Василей поиде к Новугороду Великому и оттолѣ къ Костромѣ. А Шемякѣ дал князь велик Углич да Ржеву, а меньшему дал князю Дмитрею Бѣжицкой Верхъ.[28] А князь Василей Юрьевич Косой нача сбирати воя на Костромѣ на великого князя.

В лѣто 6943. Князь Василей Юрьевичь собра силу велику и поиде с Костромы на великого князя, похваляся, съ многыми силами. Князь же великы противу ему поиде, и срѣтошася у Кузмы Демьяны на Которосли,[29] в Ярославьской отчине, месяца генваря 6; и бысть им бой, и поможе Богъ князю великому, а князь Василей убеже в Кашинъ,[30] а рати его побили много. И князь великы посла за нимъ в погоню воеводъ своихъ: Феодора Михайловича Челядню, Василья Михайловича Шею, Андрѣя Феодоровича Голтяева,[31] Володимера Андрѣевича

Зворыкина, Михаила Чепечкына, и многыхъ людей двора своего; они же не угониша его и, пришедъ, сташа на Вологде, переимая вѣсти про князя. Князь же Василей, окопився и пригнавъ на Вологду, и тѣхъ всѣхъ воеводъ князя великого поималъ, и со всѣми людьми, и оттоле иде въ Заозерье и, пришедъ, ста у Дмитрея святаго на Устьи. И прииде на него изгономъ,[32] безъ вѣсти, князь Феодоръ Дмитреевичь Заозерьскы, со многыми людми; он же поби ихъ и посѣче многых, и угони на Волочкѣ княгиню Марью. с дочерью и съ снохами, княжю Дмитрееву, а князю Федорову матерь, а самъ князь Феодоръ утеклъ. И оттоле поиде князь Василей на Устюгъ, и там на Устюзѣ хотѣли его убити, на порании Велика дни, на заутрени, и бысть ему вѣсть. Онъ же единъ перебеже межи коръ Сухону, на Дымкову сторону, а кто не поспѣлъ людей его за нимъ, и устюжане тѣхъ побили, а что были иманци князя великого бояре, тѣхъ всѣхъ отполонили у него.[33] Князь же Василей поиде в велице безверямении, и посла по вятчанъ, и прииде на Кострому с вятчаны. Князь же великы то слышавъ, и собрав воя, поиде на него и, пришедъ, ста у Елпатия святаго на мысѣ; и нельзѣ имъ битися о рецѣ Костромѣ, и помиришася: князь великы дастъ ему городъ Дмитров; и былъ въ Дмитрове единъ месяць <...>.

В лѣто 6944. Князь Василей Юрьевичь поиде изъ Дмитрова опять на Кострому, а к великому князю розметные посдалъ, и владыку ростовьскаго, идучи, пограбилъ,[34] и живе на Костромѣ до пути, и поиде къ Галичю, а из Галича на Устюг, а вятчане с нимъ. И стоя подъ городомъ 9 недѣль, и городъ взялъ, а князя великого воеводу Глѣба Ивановича убилъ Оболеньского,[35] и десятинника владычня Иева Булатова повѣсилъ, и многихъ устюжанъ, бояръ и гостей, посѣклъ и повѣшалъ, поминая имъ ту злобу, что хотѣли его самого изъимати, а людей у него много побили; а бояръ князя великого отполонили.

Тое же зимы князю Дмитрею Шемякѣ жинитися было на Углече, а поняти дщерь князя Дмитрея Заозерьского;[36] и приѣхал на Москву князя великого звати на свадбу. И князь велик его поимал и послал на Коломну, а пристав у него Иван Старков, а Коломна за ним же.[37]

А князь Василей Юрьевичь поиде со Устюга на Вологду, и ту его наѣхаша княжи Дмитреевы братии дворяне 500 человекъ.

И срѣти его князь велик у святого Покрова на Скорятинѣ в Ростовьской области, а с ним князь Дмитрей Юрьевич Менший,[38] да в ту же пору служил князю великому Иван Баба дрюцьских князей,[39] и зрядив копиа и поидоша вмѣсто и бишась, и побѣже князь Василей.

А князя Василья яша и, приведше на Москву, ослепиша его.

В лѣто 6945. Прииде на Москву Сидоръ митрополитъ[40] <...>.

В лѣто 6946. <...> Князю великому родися сынъ, князь Юрьи Болшей.[41] Тое же осени князь великы посылалъ братью свою, два князя Дмитреа Юрьевичевъ,[42] и прочихъ князей, и многыхъ воеводъ, с ними же многочисленыя полкы, на царя Махметя на Белеву, а ему же вмале сущу тогда, от иного царя убѣгшу. И убоявся князей русскых, и нача ся давати имъ въ всю волю ихъ, и въ закладѣ дѣти своя давати, и что гдѣ взяли, и не в великого князя отчине, полону, то все отдавали, и по тотъ день не чинити имъ пакости. Наши же, видѣвъше своихъ многое множество, а сихъ худое недостаточьство, и, разгордѣвшеся, поидоша на нихъ, яко пожрети их хотяще. И припустиша к граду месяца декабря 5, и превозношения ради нашего попустил Бог на нас: малое, худое оное безбожных воиньство одолѣша тмочисленым полкомъ нашимъ, неправеднѣ хотящимъ и преже губящимъ. Многое же множество избьено Руси бысть, яко единому агарянину десети или того выше одолѣти, князи же и выводы вси побѣгоша. Тогда же убиша князя Андрѣя Ивановича Лобана Ряполовского, Семена Остафьевича Горстькина, Дмитрея Ивановича Каису, князя Петра Кузминьского,[43] а иных бесчисленое множество побьено бысть и отъ своих хрестьянъ, которыхъ, идучи к бою тому, грабили.

В лѣто 6947. Приходил царь Магамет[44] к Москве месяца иулиа 3 <...>.

Того же лѣта князь великы Григорья Протасьевича поимавъ, и очи вымалъ.[45] Царь же стоа у града десять дни и отъиде, а волости и села повоева <...>.

Посады пожже, а христьяньства в полон поведоша много, а граду Москвѣ ничтоже сътвориша.

В лѣто 949. Митрополит Сидор убежал с Москвы.[46] Тое же осени преставися князь Дмитрей Красной.[47] Тое же зимы князь великы ходил на Новгород, и Дѣмон город взял, а мятля убили порховьского.[48] Тогда же преставися князь Юрьи Болшей, а другий князь Юрьи родися, мѣсяца генваря 22, на Тимофѣев день. А дотолѣ за год на тот же

день родился князь велик Иван Васильевич,[49] а крестил его игумен Зиновей[50] троецьскый.

В лѣто 6950. Князь великы роскынул со княземъ съ Дмитреемъ с Шемякою и поиде на него къ Углечю, онъ же побѣже в Бѣжицкый Верхъ, и князь великы за нимъ; и изгонити было его князю великому, и подалъ ему вѣсть Кулодарь Ирешьскый.[51] Онъ же убеже, а Кулодаря князь великы доличився, да велѣлъ и́ кнутьемъ бити, по становъ водя, да и дьячьство отнялъ у него. А самъ до Киясова дошедъ, да воротился, веснѣ бо сущи, и пришедъ на Москву, братью и вси люди распусти по домомъ. А со княземъ с Дмитреемъ князь Иванъ Можайскы въ одиначьствѣ былъ на Углечи у него, и князь великы его отзвалъ, а далъ ему Суздаль, а преже был за Черторижьскымъ.[52] А князь Дмитрей, а с нимъ князь Александръ Черторижьской, после князя великого пришли ратью ольны до Сергеева манастыря безвѣстно, и не пусти ихъ игуменъ Зеновей, и ѣха напередъ самъ игуменъ и помири ихъ.

В лѣто 6951. Посылалъ князь великы воеводъ своихъ на Рязань, на царевича на Мустофу; они же шедше, и убиша его на рѣчке на Листани. Тогда же убьенъ бысть на томъ бою Василей Ивановичь Жукъ Лыков, коломеньской намѣстникъ, а Григорья Васильева сына Глѣбова застрелили в челюсть,[53] тогда же мужьствова Феодоръ Васильевичь Басенокъ.[54] Того же лѣта князь Иванъ Андрѣевичь поималъ боярина своего Андрѣа Дмитреева и с дѣтьми, а жену его Марью сжеглъ безлепъ.[55] Та же зима была студена, а сѣно дорого.

В лѣто 6953. Царь прииде к Мурому отъ Новагорода отъ Нижняго, и князь великы поиде противу ему к Володимерю и посла на него воеводы, они же шедше, и побиша татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ,[56] под Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнем, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого, князь Феодоръ Давидовичь[57] да панъ Юшко Драница.[58] А коли князь великы былъ въ Володимери, а тое же зимы пришли литовьскые воеводы: Судивой панъ, Иванъ панъ Гонцевичь, панъ Юрша, Захарья Ивановичь Кошкинъ,[59] а с ними 7000 Литвы, и с Колуги взяли окупъ, а под Козельскомъ стояли недѣлю; а князь Михайло Ондрѣевичь[60] слышавъ то, и посла князя Аньдрѣя Лугвицю,[61] а съ нимъ 300 человѣкъ, а самъ бѣ боленъ тогда, чающе не многыхъ людей. Они же срѣтишася с ними в Суходрови и ударишася на нихъ, и литва побѣгоша, а наши погнаша. И приведоша ихъ на больше полкы, и ту убиша князя Андрѣя Васильевича Лугвицу Суздальского, а Судока изымаша[62] и поведоша къ Литвѣ, а сами с тѣхъ мѣстъ възвратишася въ свояси.

Прииде Маматек царевич изгоном съ братом своим съ Ягупом[63] на великого князя Василья Васильевича. И бысть имъ бой и сѣча зла у града у Суздаля на поли, и битых бысть обоих много, и поимал царевич князя великого да князя Михаила Андреевича, иуля въ 6, на память отца Сисоя, в пятницю. Того же лѣта Москва погорѣла в полночи, город, на съборъ архааггела Гаврила, а в нем осадѣ сущи, и много людей погорѣло, а инии потхлися.

В лѣто 954. Князь велик приидиот царевича ис полону на Дмитриевъ день в Переяславль, и прииде на Москву. И сдумавше князь Дмитрей Шемяка да князь Иван Андреевич Можайски, а с ними коромолил с Москвы Иван Старков, да и от гостей и от троицьских чернъцев,[64] и пришли к Москве изгоном, князь Дмитрей да князь Иван, а князь велик у Троици въ Сергѣевѣ монастырѣ. И князь велик сѣл Дмитрей на Москвѣ, а князь Иван скочив, и поимал князя великого у Троици, и приведше на Москву, ослѣпиша его, мѣсяца февраля въ 13 день. Того же лѣта родися князь Андрей на Углечи, августа 14.

В лѣто 955. Князь Дмитрей Шемяка собрав епископы со всее земли, и честные игумены, и прозвитеры, и, приѣхав на Углече, и укрѣпив князя великого крестным цѣлованиемь и проклятыми грамотами, и выпусти его ис поимания и с дѣтми, септября 15, и дасть ему Вологду въ удѣл. И прииде князь велик на Вологду и оттолѣ в Кирилов монастырь. Игуменъ же Трифон[65] и со всею братьею благослови великого князя Василья Васильевичя и съ его дѣтми на великое княжение, а ркучи так: «Тот грѣх на мнѣ и на моей братии на главах, что еси цѣловал и крѣпость давал князю Дмитрею: а поиди, осподарь, съ Богомъ, и со всею правдою на свою отчину на Москву на великое княжение, а мы за тебя, за осподаря, Бога молим и благословяем». Князь же велики поиде ко Тфѣри и поиде вся сила московьскаа ко Тфѣри со вси страны к великому князю, из Литвы прииде князь Василей Ярославич, князь Семен Оболенской, князь Иван Ряпаловской, Феодор Басенок и иных бояръ и князей и воевод и дѣтей боярьских множество, и царевича два, Трегубъ-Каисим и Ягуп, и наѣхаша князя великого на Углечи. А тогда князь велик на Углечи сватался съ князем великим Борисом Александровичемъ[66] за своего сына Ивана. И прииде на Москву февраля 17, в пяток Сырный.

В лѣто 956. Благовѣщение было свѣтлыя недѣли в понедѣльникъ. Того же лѣта моръ былъ на кони великъ да и люди мерли.

В лѣто 957. Декабря 15 владыка Иона[67] рязанский поставлен бысть на митрополию на Русьскую землю, первой своими епископы, на Москвѣ. Тое же весны князь велик был на Рудинѣ селѣ въ Ярославлѣ, и

приидоша на него князь Дмитрей Шемяка да князь Иван Можайскый со многими людми, и вмалѣ не бысть межи ими кропопролитиа. Князь же Иван Андрѣевич доби челом князю великому, и князь велики пожаловал его, дал ему Бѣжицьски Верхъ[68] къ его отчинѣ, Можайску, а Шемяка поиде къ Галичу. Того же лѣта родися Борисъ[69] у великие княгини Марьи, а князь великы был у Троици. Того же лѣта съкорые татарове были, догоняли до Похры,[70] тогды полонили княгиню Марью съ снохою Степанидою, князя Василия Оболенського, да Григорьеву жену Козлову Морозова.[71]

В лѣто 958. Князь велики поиде в Галичь на князя Дмитрея, князь же Дмитрей, собравъ силу многу, и постави у самоѣ стѣны подлѣ города бой, да из города пособляху, бьюще князя великого ратныхъ, но противу Божией силѣ ничтоже не успѣша и князя великого правдѣ: воскорѣ побѣже Шемяка. Мало не изымаша его, а силу его иныхъ биша, а иных поимаша, а град Галичь взяли, поможе Богъ великому князю мѣсяца генваря 28, а князь Дьмитрей побеже к Новугороду к Великому. На томъ бою убьенъ бысть удалый Григорей Семеновичь Горъсткинъ,[72] новогородский болярinъ, а положенъ бысть въ Ярославли у Спаса, в черньцех и в скимѣ нареченный инокъ Герма. Того же лѣта Владимиръ Григорьевичь Ховрин, гость да и болярinъ великого князя,[73] поставилъ предъ своимъ двором церковь кирпичну Возвижение честнаго креста. Того же лѣта бой былъ с татары на Бетюцѣ,[74] тогды и Ромодана[75] убили.

В лѣто 959. Георгиа было в Пяток велик Страстныя недѣли.[76] Того же лѣта приходили татарове отъ Сиди-Ахметовы орды[77] изгономъ, и слышавъ то князь велики и посла воеводу своего, князя Ивана Звенигородскаго, намѣстника коломенскаго,[78] на берегъ к великой рецѣ Окѣ. И видѣ множество татаръ бесчислено, и побѣже отъ берега к великому князю, и повѣда ему силу велику татарьскую, а князь велики не успѣ собрати силы и выйде из града с Москвы, а во осадѣ остави Иону митрополита, да матерь свою, великую княгиню Софью, и свою великую княгиню Марью, а самъ поиде к рубежу ко тверьскому. Мѣсяца июля въ 2 прииде к Москвѣ царевичь, Сиди-Ахметовъ сынъ, а с ним князи великие ординские, и Едегерь[79] со многими силами, и зажгоша дворы вси на посадѣ; и понесе вѣтръ огнь на город со всѣ страны, и бысть страсть велика всѣмъ людем. Святый же Иона митрополитъ повелѣ всѣмъ священикомъ пѣти молебны по всему граду, и множество народа молитися Богу и пречистой его Матери и великимъ чюдотворцемъ Петру и Алексию, и вѣтръ утиша, а татарове тое же нощи побѣгоша от града прочь, слышавьше въ градѣ шум велик, мняще князя великого пришедша со многими силами.

В лѣто 960. Князь велики Василей Васильевич посылалъ сына своего, князя великого Иоана Васильевичя, Кокшенги воевати.[80] Того же

лѣта и женися князь велики Иванъ Васильевич, мѣсяца июня 4, и поятъ княжну Марью,[81] дщерь князя великаго Бориса Александровча Тферьского. Того же лѣта князю великому родися сынъ у великиѣ княгини, князь Андрѣй Меньший,[82] мѣсяца августа 18.

В лѣто 61. Мѣсяца апрѣля в 9 выгорѣ Москва город от Беклемишова двора. Того же лѣта преставися великаа княгини Софья[83] въ черницах у Вознесениа, иуня 15. Того же лѣта князь Дмитрей Шемяка Юрьевич умре со отравы[84] в Великом Новѣгородѣ. Того же лѣта царь турскы Царьгород взял.[85]

В лѣто 962. Преставися Ефрѣм,[86] архиепископъ ростовьский и арославский. Того же лѣта поставленъ бысть Феодосий Бывалцевъ[87] епископомъ граду Ростову. Того же лѣта князь велики Василей Васильевич городъ Можаескъ взялъ, а князь Иванъ Андрѣевичь побѣжалъ в Литву[88] к королю служыти.

В лѣто 963. Владыку Питирима Пермьского вогуличи[89] убили. Того же лѣта приходили татарове от Сидиахметевы орды, и прелѣз Оку, грабили и полон имали, и прочь ушли; а Иван Васильевич Ощера[90] изъстоялъ с коломенскою силою, да их упустил, не смѣл на них ударитися; тогды же убили тѣ татарове князя Семена Бабича.[91] И пришед Феодоръ Басенокъ[92] съ великого князя дворомъ, татар бил, а полон отимал.

В лѣто 964. Князь велики Василей Васильевич ходилъ ратью на Великий Новгород; новогородци же, собравъ силу многу, и пошли противу великого князя и пришли под Русу,[93] а туто лучилися князя великого воеводы: князь Иоанъ Васильевичь Оболеньский Стрига з братьею, да Феодоръ Васильевичь Басенок, удалый воевода, новогородцевъ смердовъ били,[94] а иных поимали <...>. А князь велики тогды во Ажелобицахъ[95] стоялъ, и приѣха к нему архиепископъ Еуфимий[96] с лучшими людми и доби и челом великому князю на всей его воли. Того же лѣта преставися князь велики Иоанъ Феодорович Рязанский.[97] Того же лѣта князь велики Василей Васильевич поималъ шурина своего, князя Василья Ярославича,[98] мѣсяца иуля въ 10.

В лѣто 66. Мѣсяца сентября 29 сгорѣ город Муромъ. Тое же осени, месяца октября 22, треть Москвы сгорѣ. Тое же зимы, февраля месяца 15, родися *великому* князю Ивану Васильевичу сынъ, и нарекоша имя ему Иванъ.[99] Того же лѣта преставися Еуфимий архиепископъ

новгородски. Того же лѣта князь велики посылалъ на Вятку Ряпаловьских,[100] и Григорей Перфушков у вятчан посулы поимал, да имъ норовил,[101] ини Вяткы не взяли. Того же лѣта поставили церковь кирпичну святое Ведение на Симановьскомъ дворѣ в городѣ.[102]

В лѣто 967. Поставили на Москвѣ Иону архиепископомъ Новугороду Великому. Того же лѣта Иона митрополитъ у Пречистыѣ поставилъ придѣлъ, церковь камену во имя Похвалы святыя Богородица. Того же лѣта князь велики, слышавъ, что Григоре Перхушковъ вятчаномъ норовил, и повелѣ его изымати, и вести в Муромъ, и посадити в желѣза, а на Вятку послалъ в свое мѣсто князя Ивана Юрьевичя,[103] а с нимъ воеводы свои и дворъ с нимъ свой весь. Он же, шед, городы поималъ Орловъ да Котельничь, а под Хилинымъ стоялъ долго,[104] бьяся на всякъ день; вятчяне же, видяще себе побѣждаемы всегда, и добиша челом князю Иоану на всей его воли, чего хотѣлъ государь князь велики.

В лѣто 968. Князь велики Василей Васильевчь былъ в Новѣгородѣ Великомъ миром. Тогды же *Фе*одоръ Васильевич Басенокъ пил у посадника и поѣха ночи на Городище, и udariша на него шилники,[105] и убиша у него слугу, именем Илейку Усатого, рязанца, а сам едва утече на Городище и с товарищи. Новогородци же, слышавше голку, и возмятошася, и приидоша всѣмъ Новым городомъ на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сынъ пришелъ ратью на нихъ, и едва утолишася, мало упасе Богъ от кропопролития. Того же лѣта, мѣсяца июля 14, буря была страшна велми, лѣсъ ломило и хоромы рвало, а во 18 день солнце гибло того же мѣсяца. Того же лѣта царь Ахмутъ Большые Орды,[106] Кичи-Ахметевъ сынъ, приходилъ ратью к Переяславьлю к Рязаньскому[107] и стоалъ под городомъ три недѣли, на всяк день приступая ко граду, бьющеся, граждане же, милостью Божиею и Пречистыя его матери, одолѣваху ему и много у него татаръ побили, а отъ гражан ни единъ врежденъ бысть; и поиде прочь с великим срамом, а на Казат улана мирзу[108] велико нелюбие држа, тотъ бо бяше привелъ его, не чающе от Руси ничего съпротивления. Того же лѣта на монастырьском дворѣ на Троецкомъ Сергиева манастыря поставлена бысть церковь камена святое Богоявление, да того же лѣта перед княжимъ двором Васильевича, в Боровитьскихъ воротѣхъ, заложили церковь камену святаго Иоана Предтечи.[109]

В лѣто 69. Преставися князь велик Борисъ Александрович Тферскый, февраля 18. А тое же весны преставися Иона митрополит киевский и всея Руси, марта 31. И поставиша на митрополию Феодосиа[110] архиепископа ростовьского, маа 3.

В лѣто 970. Мѣсяца генуариа 24, в день недѣлный, у Михаилова Чюда в монастыри,[111] у гроба святаго Алексия митрополита чюдотворца простило черньца Наума, ему же бѣаше нога отъ рождениа прикорчена, и хожаше на деревяници, и бысть здравъ. Тоѣ же зимы, мѣсяца февраля 1, поставили на Москвѣ владыку на Рязань Давида, казначиа Ионина. Тоѣ же весны, в Великое говѣйно, на Федоровой нед*ѣли*, прииде вѣсть князю великому, что княжы Васильевы Ярославича дѣти болярьскиѣ и иныѣ дворяне хитростью коею хотѣша огосударя князя выняти с Углеча ис поимания, и обличися мысль их, и повелѣ князь велики имать ихъ, Володку Давидова,[112] Парфена Бреина, Луку Посивьева и иных многихъ, казнити, бити и мучити, и конми волочити по всему граду и во всѣмъ торгом, а послѣди повелѣ имь главы отсѣщи. Множество же народа, видяще сиа, от боляръ и от купець великихъ, и от священиков, и от простых людей во мнозѣ быша ужасѣ и удивлении, и жалостно зрѣние, яко всѣхъ убо очеса бяху слез исполнени, яко николиже таковая ни слышаша, ниже видѣша в руских князехъ бываемо, понеже бо и недостойно бяше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казными казнити, и кровь проливати во святый Великий пост.[113] Тое же весны, не по мнозѣ времени, в той же во святый пост князь велики повелѣ у себя на хрептѣ труд жещи сухотныя ради болести, великая же княгини его и боляре его вси возбраняху ему, он же не послушавъ ихъ, и с тѣхъ мѣстъ разболѣся. Того же лѣта, мѣсяца марта 27, преставися благовѣрный и христолюбивый великий князь Василей Васильевичь, а княжение великое дасть столъ свой сыну своему, князю великому Иоану Васильевичю. А князю Юрью дасть город Дмитровъ, да Можаескъ, да Серпоховъ, да Хотунь,[114] да бабины села и волости, великиѣ княгини Софии. А князю Андрѣю Болшему город Углечь Поле, да Бѣжецский Верхъ, да Звенигород, да мати его, великая княгини Мариа, после великого князя жывота придала ему Романовъ город на Волзѣ,[115] а прежде того былъ ярославьское княжение. А князю Борису дал город Волок Ламьски, да Ржеву, да Рузу, да послѣ князь велики Иван придалъ ему Вышегород Поротовьский да Марьины села Голтяевы,[116] бабы его, ему же далъ. А сыну своему князю Андрѣю Меншему далъ городъ Вологду, да Заозерье на Кубенѣ, да князь велики Иоан послѣ придалъ ему городокъ Торусу,[117] да Городець на Поротвѣ. Того же лѣта князь велики Иоанъ Васильевичь сѣде на столѣ отца своего на великомъ княжении в Володимири и на великомъ княжении в Новѣгородѣ Великом и Нижнемъ, и на всей Руской земли <...>

В лѣто 971. Во градѣ Ярославли, при князи Александрѣ Феодоровиче Ярославьскомъ,[118] у Святаго Спаса в монастыри[119] во общинѣ явися чюдотворець, князь велики Феодоръ Ростиславичь Смоленский, и з дѣтми, со княземъ Костянтиномъ и з Давидомъ,[120] почало от ихъ гроба прощати множество людей[121] безчислено. Сии бо чюдотворци явишася не на добро всѣм княземъ ярославскимъ:[122] простилися со всѣми своими отчинами на вѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики противъ ихъ отчины подавалъ имъ волости и села; а изъ старины печаловался о них князю великому старому Алекси Полуектович,[123] дьяк великого князя, чтобы отчина та не за

ними была. А послѣ того в том же градѣ Ярославли явися новый чюдотворець, Иоанъ Огафоновичь, сущей созиратай[124] Ярославьской земли: у кого село добро, инъ отнялъ, а у кого деревня добра, инъ отнялъ да отписалъ на великого князя ю, а кто будеть сам добръ, боаринъ или сынъ боярьской, инъ его самого записал; а иныхъ его чюдесъ множество не мощно исписати ни счести, понеже бо во плоти суще цьяшосъ.[125]

В лѣто 972. Мѣсяца генуаря 28 князь велики <…> рязаньский женися на Москвѣ,[126] у великого князя Ивана Васильевичя, поятъ у него сестру, княжну Анну. Тоа же зимы, мѣсяца марта, поставили на Москвѣ Иосифа Грека архиепископом в Кесарию Филиппову[127] <…>.

В лѣто 973. Феодосий митрополит остави митрополию[128] сентебря 13. Тоѣ же осени, мѣсяца ноабря 11 поставли на Москвѣ в митрополиты владыку суздальскаго Филипа.[129]

В лѣто 975. Месяца апрѣля 22 преставися великаа княгини Марьа тферянка,[130] въ 3 час нощи. Того же лѣта Трифонъ остави архиепископью ростовьскую.[131] Того же лѣта церковь каменую святое Вознесение обновлено внутри града <…>.

В лѣто 76. Князь великий Иван Васильевич посылал под Казань царевича Каисыма,[132] да с ним князя Ивана Юрьевича, да князя Ивана Васильевича Стригу,[133] и дворъ князя великого. И сташа у Волги втаи. И татарове была на них были вышли из судовъ, а наши хотели их заскочити от брега, и нѣкто юноша, именем Айдаръ, постелник великого князя, наполнився духа ратна, и не отпустя их нимало от судна, и кликну на них, они же устрашившеся, и вмѣташашась в суды, и побѣгоша на Волгу; в той день сдѣяся спасение велико татаром здоровиемъ Айдаровым Григорьева сына Карповича. Тое же осени Филипп митрополит Възнесение свящалъ въ городѣ каменое. Тогды же и рать была на черемису. Тое же осени поставили архимандрита Спасовьского Васияна Рыла[134] въ архиепископью на Ростовъ, декабря 13.

В лѣто 977. Мѣсяца майа 27, в недѣлю Слѣпаго, князь Андрѣй Васильевичь Болшей женилъся, понял княжну Елену, мизоцьского князя дщерь.[135] Тоѣ же весны князь велики Иван Васильевичь послалъ на Казань рать судовую, а берегомъ послал брата своего,[136] князя Юрья Васильевичя, да князя Андрѣа Болшего, да с ними всѣ князи и воеводы свои, и двор свой весь.

И судовая рать наперед пришла, маа 21, в недѣлю 50-ю, на ранней зори, и взяти имъ было Казань, пришли безвѣстно. И пожаловал ихъ наш воевода, именем Иван Дмитреевич, нарицаемый Руно,[137] отбилъ их от ворот прочь, а татаром спящим.

И послѣ того, мѣсяца июня 4, Хрипунъ княжь Семеновъ сынъ Ряполовьского[138] бил татаръ на берегу за Волгою и уби лиходѣа татарина Колупая, всѣхъ пуще татаръ, и ординьских и казаньскихъ. Того же лѣта князя великого дѣти боарьскиѣ со устюжаны шли в судѣхъ Волгою мимо Казань, а чаяли, что рать великого князя подъ Казанью, и татарове переняли ихъ в судѣх, да с ними былъ бой велми крѣпок, и дѣтей боярьскихъ и устюжан побили, а иных поимали, а князя великого рать в ту пору была в Новѣгородѣ в Нижнем, понеже бо татаровѣ всю рать судовую исподъ Казани отбили. А убили тогды на Волзѣ князя Данила Васильевичя Ярославьского да Никиту Костянтинова сына Бровцина, да устюжанъ много, а Тимофѣя Плещѣева Юрлища полонили[139] и иныхъ много <...>.

В лѣто 978. Мѣсяца сентебря 1 князь Юрьи Васильевичь прийде под Казань со всѣми силами: и судовые рати поидоша пѣши под городом; татарове же выѣхавше из града и побившеся мало, и побѣгоша во град, а русь погониша ихъ и сташа подъ городомъ, и окружывше ихъ, якоже силный лѣсъ, и воду отъаша у нихъ. Царь же Обреимъ, видя себе в велице бедѣ, и нача посылати послы ко князю Юрью Васильевичю, прося мира, князь же Юрьи помирися с нимъ на всей своей воли[140] и какъ надобѣ брату его, великому князю. Того же лѣта, мѣсяца августа 30, погорѣ град Москва нутрь весь.

В лѣто 979. Ноабря 8 преставися архиепископъ Иона Новуграду. Тоѣ же осени поставленъ Прохоръ игуменъ на епископью на Сарайскую.[141] Тое же весны, мѣсяца майя 9 князь Борисъ Васильевичь женилъся на Москвѣ, а понялъ княжну Ульяну, дщерь князя Михаила Дмитреевичя Холмьского. Того же лѣта, мѣсяца иуня 20, князь велики Иванъ Васильевичь, з братьею и со всѣми силами, поиде к Новугороду к Великому со вси страны, воюючи и плѣняющи за ихъ измѣну и неисправление. Новогородци же, собравше силу велику, и поидоша к рецѣ Шелонѣ на бой противъ великаго князя. А в то время случися туто быти князя великого воеводамъ: князю Данилу Дмитреевичю Холмьскому, да Феодору Давидовичю, и княжю Юрьеву воеводѣ Василью Феодоровичю Вельяминову, и воеводы, видѣвьше новогородцкую рать, и поидоша на нихъ за рѣку Шелону и, перебредше, начяша битися. Новогородци же, мало бившеся, и побѣгоша. Москвичи же погониша их, бьюще и сѣкуще, и плѣняюще, бѣ бо пришло ихъ мьножество зѣло, якоже и лѣсъ, а москвичь мало велми, понеже бо не

ѣдинимъ мѣстомъ князя великого рать пошла, но многими дорогами. И ту поимавше посадниковъ лучшихъ и людей добрых новогородцевъ, окупъ с нихъ имаху, а посадниковъ приведоша к великому князю, он же, разьярився за их измѣну, и повелѣ казнити их: кнутьемь бити и главы их отсещи. Сий же бой былъ мѣсяца иуля <...>.

Того же лѣта вятчанѣ Сарай взяли. Того же лѣта князя великого воеводы: Василей Феодорович Образець да Борисъ Тютшевъ Слѣпець, а с ними устюжане, да вологжанѣ, да вятчяне пришли на Двину в судѣхъ, и срѣте ихъ князь Василей Васильевичь Суздальский со многою силою новогородскою и со всѣми двиняны в судѣхъ же, и обославшеся межь себе, излюбиша, вышед на берегь, битися, и бысть им бой великъ зѣло, и победиша князя Василья, и новогородцкую силу побили, мало ихъ осталось, а князь Василей утече. Вездѣ бо Бог помогаше великому князю за его исправление.[142]

В лѣто 980. Сентебря 1 князь велики прииде на Москву со многою користию, а нареченный владыка Феофилъ и с лучшими людми со останощными доби челомъ на всей воли его. Того же лѣта, месяца ноабря 8, поставили игумена Филофиа ис Ферапонтовы пустыни на Пермь[143] во епископы. Тоѣ же осени, месяца декабря 8, поставленлъ бысть во епископы на Рязань Феодосий[144] анхимандритъ Чюдский. Того же мѣсяца, 15, поставили на Москвѣ во архиепископы Феофила в Новьгородъ Велик. Тоѣ же зимы по Рожествѣ Христовѣ авися звѣзда велика, а от неа луч велик и долог и велми свѣтелъ, свѣтлие самоѣ звѣзды, а восхождаше о 6 часѣ нощи съ лѣтнего восхода солнечнаго и идяше к западу лѣтнему же; а лучь въперед от нея, а на конець луча того, аки птичь хвостъ распростертъ. Того же лѣта мѣсяца генваря явися другая звѣзда хвостата же над лѣтнимъ западомъ, хвость же еа тонокъ, а не добрѣ долог, вверхъ к той звѣздѣ концемь, а первыѣ звѣзды луч темнѣе; но первая звѣзда за 3 часы до восхода солнечаго погибаше, на коем мѣсте ставилася, а та звѣзда другая по захождении солнца толико же часовъ, а на том же мѣсте являшеся. Тоѣ же зимы князь велики послалъ князя Феодора <...> Пестрого воевати Перми Великиѣ[145] за ихъ неисправление. Тое же весны, мѣсяца апрѣля въ 30, Филипъ митрополитъ заложи церковь Успение святыя Богородица на площади у своего двора, а разрушы церковь камену[146] же, юже Петръ митрополит заложилъ; и выняша мощи святаго Петра митрополита, и Феогнаста, и Киприана, и Фотиа, и Иону митрополита <...>.

Того же лѣта, иуня въ 26, в пяток, приде вѣсть к великому князю ис Перми, что воевода его князь Феодоръ Пестрой землю Пермьскую взял, а которые князю великому грубили, тѣх всѣх поимал, к великому князю прислал, а землю всю привел за него. Того же лѣта, иуля въ 20, на Ильинъ день, въ 3 час нощи загорѣся посад на Москвѣ, и много дворов

погорѣ, и церкви от Голутвинского двора. Того же лѣта безбожный царь Ахмут Кичиахметевич со всею Ордою поиде на Русь, и подшед близ Руси, и остави у цариц старых и болных и малых, и поиде съ проводники непутма, и проиде к рецѣ Окѣ под город под Олексин[147] с литовского рубежа, а въ градѣ том бѣаше воевода, именем Семион Васильевичь Беклемишевъ,[148] человѣкъ на рати велми храбръ. И повелѣ ему князь великий осаду распустити, поне же не успѣша доспѣха ничесо же запасти, чѣмь битися с татары. Он же захотѣ у них посула, и гражданѣ алексинци даваша ему 5 рублевъ, и захотѣ у них еще шестаго рубля, жѣне своей, и се глаголющи имь, приидоша татарове. Семенъ же побѣже за рѣку Оку съ женою и съ слугами, и татарове за нимъ в рѣку. И в то врѣмя приспѣ на бѣрегъ князь Василий Михайлович Удалый[149] не съ многыми людми, и нача с татары битися, и не пусти их через рѣку.

И по малѣ времени прииде князь Юрьи Васильевичь изъ Серпохова[150] со многими силами своими; и потом прииде князь Борисъ Васильевич, братъ его, с Козлова броду, з дворомъ своимъ; и часа того же князя великого воевода Петръ Феодорович Челяднинъ[151] приспѣ со множествомъ вои, князя великого двором, и бѣ видѣти татаромъ велми страшно, такоже и самому царю, множество воа русского. А лучися тогды день солнечный: якоже море колиблющеся, или езеро синѣющеся, вси в голыхъ доспѣсехъ и в шеломцѣхъ сь аловци, и не мога царь ничтоже створити, и повелѣ к городу приступати татаромъ своимъ; они же крѣпко начаша битися с ними з города и убиша у нихъ много татаръ под Олексинымь. И почаше изнемогати во град людие, понеже нѣчим имъ битися, не бысть у нихъ никакова же запаса: ни пушокъ, ни тюфяковъ, ни пищалей, ни стрѣлъ. И татарове зажгоша градъ, и людие же градстии изволиша огнемъ згорѣти, нежели предатися в руцѣ поганых. Князи же и воеводы, видѣвше християньство погибаемо, и велми восплакахуся, зане не бѣ имъ куды пособити велика ради реки Оки непроходимыя. Царь же и вьси татарове, видѣвше множество руси, наипаче бояхуся князя Юрья Васильевичя, понеже бо имени его трепетаху, и нелзѣ бѣ ступитися на бой, но чааху татарове и самого князя великого туто. И начаша кликати чрезъ рѣку наших татаръ, и приѣхаша к ним на берегъ противу ихъ, и вспрашаху про великого князя и про царевичя Данияра, и о братии великого князя. Они же сказаша, яко князь велики стоить под Ростиславлемъ[152] со многими силами, а царевичь Даниаръ Касымовичь[153] на Коломнѣ стоитъ своимъ дворомъ, а с ним множство воевь, великого князя воеводъ, а князь Андрѣй Васильевчь да брат его князь Андрѣй Васильевичь Менший стоятъ в Торусѣ, з дворы своими и со иними многими силами. Татарове же, удивльшеся множество воя русского, и воспросиша: «А сей кто стоить противъ царя?» И рекоша нашы: «А то князь Юрьи да князь Борис, братья великого князя, толко пришли с своими дворы». Татарове, слышавше, и сказаша царю своему, царь же часа того побѣже прочь.

А водя съ собою посла князя великого, киличиа Григориа Влънина,[154] и блудучися того, егда князя великого царевичи възмут Орду и царици его. Тогды же княгини великая еха в Ростовъ, и разболѣся[155] в Ростовѣ. Князь же великий прииде на Москву, и князь Юрьи с ним. И слыша матерьню болѣзнь, и погони навѣщати матери с меншею братиею. А князь Юрьи разболѣся и преставися, лѣта 81, сентября 12.

<ДОПОЛНЕНИЯ В ТЕКСТЕ ЕРМОЛИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ, СВЯЗАННЫЕ С ВАСИЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЕРМОЛИНЫМ>[156]

6970. <...>. Того же лѣта, мѣсяца июля 27, священа бысть церковь камена святый Афонасей на Москвѣ, во Фроловьскихъ воротехъ,[157] а придѣлъ у неа святый Пантелѣймонъ, а ставилъ еѣ Василей Дмитреевъ сынъ Ермолина. Того же лѣта стѣна поновлена городная от Свибловы стрѣльници до Боровицких воротъ, каменем, предстательствомъ Василия Дмитреева сына Ермолина.

6972. <...>. Того же лѣта, мѣсяца июля 15, поставленъ бысть святый великий мученикъ Георгий на воротехъ на Фроловьскихъ, рѣзанъ на камени, а нарядомъ Васильевымъ, Дмитреева сына Ермолина.[158]

В лѣто 974. Поставленъ бысть святый великий мученикъ Дмитрей на Фроловьскихъ воротехъ изнутри града, а рѣзанъ в камени, а повелѣниемь Васильа Дмитреева сына Ермолина.

6975. <...>. Того же лѣта церковь камена святое Вознесение обновлено внутри града,[159] что была заложила княгини великая Евдокия, после своего огосударя великаго князя Дмитреа Иоановича, повелѣниемъ великиѣ княгини Марьи, а предстательствомъ Васильа Дмитреева сына Ермолина.

6977. <...>. Того же лѣта в Серьгеевѣ монастыри у Троици поставили трапезу камену,[160] а предстатель у неѣ былъ Василей Дмитреевъ сынъ Ермолина. <...> Того же лѣта в Володимери обновили двѣ церкви камены, Воздвижение въ торгу, а другую на Золотыхъ Воротехъ,[161] а предстательствомь Василья Дмитреева сына Ермолина.

6979. <...>. Того же лѣта во градѣ Юрьевѣ в Полскомъ бывала церковь камена святый Георгий, а придѣлъ святая Троица, а рѣзаны на камени вси,[162] и розвалилися вси до земли; повелѣниемь князя великого Василѣй Дмитреевь тѣ церкви собралъ вси изнова и поставилъ, какъ и прежде.

6980. <...>. Тое же весны, мѣсяца апрѣля въ 30, Филипъ митрополитъ заложи церковь Успение святыя Богородица <...>. А предстатель были у тоѣ церкви Василей Дмитреевь да Иванъ Голова Володимеровъ,[163] и промежь ихъ бысть пря, и отступися всего наряда Василей, а Иванъ почя наряжати.

---

[1] *Преставися благовѣрный... князь велики Василей Дмитреевичь...* — Василий I Дмитриевич — великий князь с 1389 г. Согласно завещанию Василия I, престол перешел к его сыну Василию II; однако, по завещанию Дмитрия Донского, наследником его старшего сына должен был стать следующий сын — Юрий Галицкий, сразу же занявший враждебную позицию по отношению к племяннику; митрополиту Фотию удалось добиться только краткого перемирия между ними.

[2] *Иван Михайлович Тверской* — занимал тверской престол в 1400—1425 гг. В *Е* преемником Ивана Михайловича называется его сын Александр (умерший через несколько месяцев), в *СС* — внук Борис Александрович.

[3] *Витовтъ* — великий князь литовский в 1392—1430 гг.

[4] *...под Опочками да под Вороночем.* — Пригороды Пскова.

[5] *Моръ... великъ.* — Известие о море в 6935 (1427) г. читается во всех летописях, отражающих комментируемый свод; однако указания на города, где был мор, расходятся (в *Е* упоминается также мор во Пскове, Новгороде, Твери, Москве и др. в 1426 г.).

[6] *...игуменъ Никонъ, чюдный старець...* — Игумен Троице-Сергиева монастыря в 1392—1427 гг. (с перерывами).

[7] *...Ивана Дмитреевича....* — Иван Дмитриевич Всеволожский, представитель московского боярского рода Всеволожей-Заболотских, играл выдающуюся роль при малолетстве Василия II.

[8] *...в Троцехъ...* — Троки (Трокай), город и замок великих литовских князей недалеко от Вильно (Вильнюса).

[9] *...Витофтъ умре...* — Великий князь литовский Витовт умер вскоре после созванного им съезда всех соседних государей (включая Василия II, упоминаемого в *СС*).

[10] *Швитригайло* — Свидригайло Ольгердович, двоюродный брат Витовта, занимавший литовский престол с 1430 г.; с 1432 г. началась его борьба за власть с соперником — Сигизмундом Кейстутовичем, закончившаяся в 1438 г. окончательным поражением Свидригайло.

[11] *Айдаръ* — ордынский князь, приближенный хана, участвовавший год спустя в решении спора из-за московского престола между Василием II и Юрием Галицким.

[12] *...Григорья Протасьева поималъ...* — Григорий Протасьев, мценский воевода, участвовавший еще в 1424 г. по поручению Витовта в сражении с татарами; согласно великокняжескому летописанию, хан, «почтив» Протасьева, отпустил его, а Айдара осудил за нарушение «роты» при пленении.

[13] *...Фотѣй митрополитъ преставися.* — Смерть Фотия, занимавшего митрополичий престол в 1408—1431 гг. и фактически правившего за юного Василия II, сразу же привела к перенесению Юрием Галицким спора о великом княжении в Орду.

[14] *...царь Махметъ...* — Улу-Мухаммед, хан (царь) Золотой Орды, впоследствии свергнутый с престола и захвативший Белев, а затем — Казань (см. коммент. ниже).

[15] *Андрѣй Дмитреевичь* — дядя Василия II, удельный князь белозерский и можайский.

[16] *И князь... сѣде на великомъ княжении.* — В *СС* и в Софийской II летописи указано еще, что на великое княжение Василия II посадил приехавший с ним «посол Мансырь-уланъ царевичь» (известие это, возможно, было в протографе и опущено в *Е*).

[17] *И князь Юрьи иде въ... Звенигородъ, а придалъ ему царь Дмитровъ.* — Владения Юрия Дмитриевича, как и других удельных князей, были расположены в различных концах Московской земли: Галич — на северо-востоке; Звенигород — к западу от Москвы; включение в удел Юрия города Дмитрова, расположенного к северу от Москвы, значительно усиливало его позиции. Согласно *СС* (и великокняжеским сводам), в том же 1432 г. Василий II «Дмитров взял за собя», но в *Е* нет этого известия.

[18] *Захарья Ивановичь Кошкинъ имался за поясъ у князя Василья у Юрьевча у Косого...* — Речь идет о ссоре на свадьбе Василия II в 1433 г. из-за двух золотых поясов, подаренных когда-то великим князем суздальским Дмитрием Дмитрию Донскому и тысяцкому Вельяминову. Вельяминов якобы подменил пояса, и великокняжеский пояс достался сыну тысяцкого, а затем, переходя из рук в руки, попал в конце концов к Василию Юрьевичу Косому (сыну Юрия Галицкого). На свадебном

пиру в 1433 г. пояс был опознан и отобран у Василия Косого по приказу матери Василия II Софии Витовтовны. Знаменитая ссора из-за золотого пояса подробно описывается в великокняжеском летописании. Захарий Иванович Кошкин, представитель московского боярского рода Кобылиных-Кошкиных и прямой предок Романовых, был родичем невесты Василия II — Марии Ярославны.

[19] *...Иванъ Дмитреевичь с ним...* — Иван Дмитриевич Всеволожский, помогавший Василию II в получении великокняжеского престола, в 1431 г. был ослеплен по приказу Василия II и перешел к его противнику Юрию; известие (дефектное) об этом ослеплении содержится в *Е* в конце летописной статьи 6941 (1433) г.; в *СС* известия об ослеплении нет, но о переходе Ивана Дмитриевича к Юрию Галицкому сообщается уже под 6940 (1432) г.; под 6941 (1433) г. сообщается об обратном переходе его к Василию, находившемуся в Коломне. Судя по Медоварцевскому летописцу начала XVI в., Всеволожский был ослеплен за согласие на уступку Дмитрова галицкому князю еще до перехода к Юрию.

[20] *...Семенъ Ивановичь Морозовъ, любовникъ княжь Юрьевъ.* — В *СС* и других летописях нет отчества Морозова (в *Е* Семен Иванович); по-видимому, речь идет о Семене Федоровиче Морозове, представителе одного из старейших московских боярских родов.

[21] *...не повыкли бо служити удѣлнымъ княземъ...* — В *СС*: «не повыкли галичьскым княземъ служити»; возможно, что именно этот текст читался в главном протографе *Е* и *СС*.

[22] *...въ Рузу...* — Город Руза был частью Звенигородского удела Юрия Дмитриевича; в *СС* вместо этих слов читается: «поиде к Звенигороду».

[23] *...князь Юрьи поиде въ Галич, а князь великы князя Юрья Патрекѣевича посла...* — Князь Юрий Патрикеевич, сын Патрикея Наримантовича, литовского князя (внука Гедимина), перешедшего на службу к Дмитрию Донскому, был деверем и ближайшим сподвижником Василия II; неоднократно возглавлял великокняжеские войска в борьбе с галицкими князьями. Об уходе Юрия после первого пребывания на великокняжеском престоле в 1433 г. в Галич не упоминается в *СС*, но этот факт (отмеченный в великокняжеском летописании) подтверждается известиями следующего, 1434 года.

[24] *...а князь Юрьи побеже на Бѣлоозеро...* — Бегство Юрия на Белоозеро (не упоминаемое в *СС*, но отмеченное и в великокняжеском летописании) было, очевидно, связано с его сложными отношениями с сыновьями Андрея Дмитриевича Белозерского и Можайского — Михаилом Белозерским и Иваном Можайским; оба князя заключали в эти годы договоры и с Василием II, и с Юрием.

[25] *...в суботу Лазареву.* — Лазарева суббота в древнерусском календаре предшествует Страстной неделе; в 1434 г. она приходилась на 20 марта.

[26] *...на Страстной недѣли въ среду, и стоялъ под городомъ недѣлю, а на Святой недѣли городъ ему отворили в среду же.* — Поскольку Пасха в 1434 г. приходилась на 28 марта, то среда Страстной недели приходилась на 24 марта, среда Святой недели — на 31 марта.

[27] *...и послал в Рузу.* — В Софийской I летописи и в великокняжеском летописании местом ссылки княгинь назван Звенигород.

[28] *А Шемякѣ дал князь велик Углич да Ржеву, а меньшему дал князю Дмитрею Бѣжицкой Верхъ.* — Согласно договору, заключенному в 1434 г. Василием II с сыновьями Юрия Дмитриевича Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (Меньшим), Углич и находившиеся к северо-западу от Москвы Ржев и Бежецкий Верх переходили к галицким князьям по завещанию их отца.

[29] *...у Кузмы Демьяны на Которосли...* — У церкви Кузьмы и Демиана на реке Которосль, притоке Волги, впадающем в нее в Ярославле.

[30] *Кашинъ* — город и удел великого княжества тверского.

[31] *Феодора Михайловича Челядню, Василья Михайловича Шею, Андрѣя Феодоровича Голтяева...* — Эти воеводы были представителями московских боярских родов: Федор Михайлович — из рода Ратшичей, родоначальник бояр Челядниных; Василий Михайлович — из рода Морозовых, родоначальник Шеиных; Андрей Федорович Голтяев — из рода Кобылиных-Кошкиных.

[32] *Изгономъ* — внезапно, неожиданным набегом, тайно.

[33] *...и оттоле иде въ Заозерье... тѣхъ всѣхъ отполонили у него.* — Весь этот рассказ о походе Василия Косого в 1435 г. в Заозерье (Заозерское княжество было уделом Ярославского княжества) и на Устюг отсутствует в великокняжеском летописании и не читается в *СС*, но он тесно связан с рассказом следующего, 1436 г., о мести Василия Косого устюжанам за то, что они «хотѣли его самого изъимати», и о женитьбе Шемяки на плененной его братом дочери Дмитрия Заозерского (*СС*); очевидно, этот рассказ принадлежит протографу обеих летописей. Упоминание Федора Дмитриевича Заозерского в *Е*, возможно, ошибочно; в Типографской летописи здесь упоминается Дмитрий Заозерский.

[34] *...и владыку ростовъскаго, идучи, пограбилъ...* — Архиепископом ростовским был в 1427—1454 гг. Ефрем. Об ограблении ростовского владыки Василием Косым в 1436 г. не упоминается в *СС*, но поскольку и в *СС*, и в *Е* сообщается далее о казни владычного «десятинника» (сборщика десятины) Иова Булатова, то можно предполагать, что и известие об ограблении владыки читалось в протографе.

[35] *...воеводу Глѣба Ивановича убилъ Оболеньского...* —Удельные князья Оболенские перешли на московскую службу еще в конце XIV в.; Глеб Иванович Оболенский был воеводой на Устюге.

[36] *...князя Дмитрея Заозерьского...* — Дмитрий Васильевич, князь Кубенско-Заозерский (удел Ярославского княжества).

[37] *...Иван Старков, а Коломна за ним же.* — Наместник коломенский Иван Федорович Старков из рода Серкизовых-Старковых впоследствии стал сторонником своего узника Шемяки (см. коммент ниже).

[38] *Дмитрей Юрьевич Менший (Красный).* — В отличие от двух старших братьев выступил в 1436 г. на стороне Василия II.

[39] *...Иван Баба дрюцьских князей...* — Друцкий князь, потомок князей смоленских (ставших с начала XV в. вассалами Литвы), в 1424 г. помогавший Василию I, по поручению Витовта, против татарского царя Кудаидата, а в 1436 г. окончательно перешедший на литовскую службу, Иван Баба стал родоначальником служилых князей Бабичевых.

[40] *Сидор митрополит* — Исидор, игумен константинопольского монастыря святого Дмитрия, сторонник унии с католической церковью, назначенный в 1437 г. русским митрополитом. Рассказы летописей, составленных со второй половины XV в., отражают тенденции более позднего периода, когда уния 1439 г. была отвергнута на Руси, а Исидор изгнан. Окончание известия 1437 г. в *Е*, *СС* и *ЛР* расходится: в *ЛР* (в отличие от *Е* и *СС*) о поездке Исидора в Рим в 1437 г. не упоминается и, судя по известию *ЛР* следующего года, этого известия под 6945 г. в протографе быть не могло.

[41] *...Юрьи Болшей.* — Юрий Васильевич, первый из сыновей Василия II с этим именем, умер в 1441 г.

[42] *...посылалъ братью свою, два князя Дмитреа Юрьевичевъ...* — Рассказ о Белевском бое с ханом Улу-Мухаммедом (см. выше) начинается в *СС* словами: «...месяца декабря 5 бой бысть великимъ княземъ русскым на Белевѣ...» — возможно, что этот текст (с упоминанием великокняжеского титула во множественном числе, что означает признание его и за Шемякой) читался в протографе — Севернорусском своде начала 70-х гг.

[43] *...убиша князя Андрѣя Ивановича Лобана Ряполовского, Семена Остафьевича Горстькина, Дмитрея Ивановича Каису, князя Петра Кузминьского...* — В великокняжеском летописании среди погибших в 6946 (осенью 1437) г. под Белевым упоминаются Андрей Лобан Стародубский (Ряполовские были ветвью Стародубских князей), Семен Горсткин, Дмитрий Каиса, Иван Кузминский (о гибели Петра Кузминского сообщается в великокняжеском своде в начале известия о Белевской битве) и еще несколько лиц. Горсткины — новгородские бояре на великокняжеской службе.

[44] *Приходил царь Магамет...* — Улу-Мухаммед, бывший хан Золотой Орды, правивший в 1439 г. в Белеве; подробнее о борьбе с Улу-Мухаммедом рассказывается в «Повести об ослеплении Василия II» (см. в т. 6 наст. изд.).

[45] *Григорья Протасьевича поимавъ, очи вымалъ.* — Это сообщение становится понятным, если учесть сообщение *Уст* (декабря 6946 г.) и Львовской, и Софийской II летописей (6945 г.) о том, что Григорий Протасьев (см. о нем ниже) вел себя во время Белевского сражения предательски, отговаривая русских от боя и советуя хану напасть на русское войско. Возможно, что это известие восходило к Севернорусскому своду 1472 г., но не сохранилось в *Е* и *СС*. Под следующим 6948 (1440) г. в *Е* читается известие, отсутствующее в *СС*, о том, что сына Григория Протасьева Ивана утопил Федко Блудов Сука.

[46] *...митрополит Сидор убежал с Москвы*. — Сообщение об изгнании митрополита Исидора после его возвращения с Флорентийского собора и принятия унии расходится в *СС* с известием *Е*, где говорится об «обличении» его безумия епископом Авраамом и дьяком Василием-Карлом, и с *ЛР*, где под 6948 г. говорится о «поимании» Исидора, под 6949 г. — о его бегстве.

[47] *Дмитрий Красный* — младший сын князя Юрия Дмитриевича; после его смерти в 1441 г. между Василием II и Дмитрием Шемякой был заключен новый договор.

[48] *...Дѣмон город взял, а мятля убили порховьского*. — Город Демон (Демань, Демянск) находился на юге Новгородской земли: в войне 1441 г. участвовали на стороне московского князя и псковичи, осадившие новгородский город Порхов. Слово «мятль» (мятельник), видимо, обозначение должностного лица.

[49] *...князь Юрьи родися мѣсяца генваря 22, на Тимофѣев день. А дотолѣ за год на тот же день родился князь велик Иван Васильевич...* — Юрий Васильевич, впоследствии удельный князь дмитровский, далее упоминается в своде многократно. В большинстве списков *СС* о рождении Ивана III упоминается дважды — под 6948 (1441) (в *Е* под этим годом рассказ о чудесном предсказании рождения Ивана III — явно вторичного происхождения) и 6949 (1442) годами, но в Соловецком списке, содержащем особый вид *СС*, наиболее близкий к первоначальному, этой дублировки нет и о рождении Ивана III сообщается только под 6949 г. в связи с упоминанием о рождении его брата Юрия в Тимофеев день — когда за год до этого родился и Иван. По-видимому, версия Соловецкого списка отражает первоначальную версию Северного свода (связанного именно с Юрием Васильевичем), ибо маловероятно, чтобы известие о рождении Ивана III в 6948 (1441) г., если бы оно содержалось в протографе, было опущено каким-либо из летописцев XV в.

[50] *...игуменъ Зеновей...* — Игумен Троице-Сергиева монастыря, упоминаемый выше как иерарх, крестивший князей Ивана и Юрия Васильевичей.

[51] *Кулодарь Ирешьскый* — дьяк, служивший затем князьям Михаилу Андреевичу Белозерскому и Ивану Андреевичу Можайскому.

[52] *...а далъ ему Суздаль, а прежде был за Черторижьскымъ*. — Князь Александр Васильевич Чарторыйский (Черторижский, Чарторижский), западнорусский князь, участник убийства великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича в 1440 г., перешедший к Василию II. Суздаль был, очевидно, получен Чарторыйским в удел от Василия II. Передача Суздаля Ивану Андреевичу Можайскому привела к заключению договора между Шемякой и лишенными своих владений суздальскими князьями. В 1443 г. Чарторыйский пришел в Псков «от князя великого Василия Васильевича на княжение».

[53] *Григорья Василъева сына Глѣбова застрелили в челюсть...* — Григорий Васильевич Глебов — представитель рода Сорокоумовых-Глебовых; его братья Иван Ощера и Дмитрий Бобр играли важную роль в дальнейшей борьбе за московский престол (см. «Повесть об ослеплении Василия II»). Очевидно, вследствие ранения в 1443 г. он получил прозвище Криворот.

[54] *Федор Васильевич Басенок*. — видный сподвижник Василия II (см. «Повесть об ослеплении Василия II»). О «мужьстве» Басенка в сражении с Мустафой (как и о других обстоятельствах битвы на Листани) не упоминается в *СС* и других летописях, но особое внимание к нему Северного свода 1472 г. в других случаях позволяет и данное известие возводить к этому своду.

[55] *...поималъ боярина своего Андрѣа Дмитреева и с дѣтьми, а жену его Марью сжеглъ безлепъ*. — Андрей Дмитриевич Мамон, служилый боярин князя Ивана Андреевича Можайского, отец Григория Мамона, приближенного Ивана III. По известию летописи, враждебной Григорию Мамону, его мать, жена Андрея Мамона, Мария была сожжена можанским князем «за волшебство».

[56] *...убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ...* — О гибели Александра, сына Ивана Константиновича, в 1445 г. другие летописи не сообщают (в родословных книгах упоминалось о гибели его отца в 1445 г. под Суздалем). Они были, по-видимому, представителями боярского рода потомков Бяконта (Плещеевых), к которым принадлежал в XIV в. митрополит Алексей. Гороховец — город в нижнем течении Клязьмы, к северу от Мурома.

[57] *...князь Феодоръ Давидовичь...* — Вероятно, князь Федор Давидович Пестрой-Стародубский, московский воевода, представитель рода князей Стародубских-Ряполовских, впоследствии участник Шелонской битвы. В великокняжеском летописании упоминается иной нижегородский воевода — Федор Долголдов; в *СС* этого известия нет.

[58] *Юшко Драница* — выходец из Литвы, служивший Василию II; см. «Повесть об ослеплении Василия II»; в *СС* не упоминается.

[59] *...литовьскые воеводы: Судивой панъ, Иванъ панъ Гонцевичь, панъ Юрша, Захарья Ивановичь Кошкинъ...* — Перечень литовских воевод, напавших в 1445 г. на Калугу, в *Е* отличается от перечня их в великокняжеском летописании (Никаноровская летопись и др.) и в *СС*;

только в *Е* упоминается Иван Гонцевич и Юрша. Участие в этом нападении Захария Ивановича Кошкина объясняется, очевидно, тем, что после столкновения в 1433 г. из-за золотого пояса Кошкин «отъезжал» в Литву — переходил на службу к литовскому князю.

[60] *...князь Михайло Ондрѣевичь...* — Удельный князь Верейско-Белозерский с 1432 г. Участие Михаила Андреевича в сражении под Калугой отмечается только в *Е* и кратком сообщении *СС* — в великокняжеском летописании об этом не упоминается.

[61] *...князя Аньдрѣя Лугвицю...* — Андрей Васильевич Лугвица, погибший в 1445 г., — потомок князей Суздальских-Шуйских, перешедших на московскую службу.

[62] *...а Судока изымаша...* — Иван Федорович Судок-Монастырев, воевода, боярин Михаила Андреевича Верейского.

[63] *Прииде Маматек... къ братом своим съ Ягупом...* — Сыновья Улу-Мухаммеда, ставшего после 1445 г. казанским ханом. В *Е* о походе сыновей Улу-Мухаммеда на русские территории рассказано подробнее — упоминаются захваченный ими город Лух (на реке того же названия, недалеко от Шуи) и взятые ими с собой «казаки» из «черкас», как именовались в то время бродячие орды различного этнического происхождения.

[64] *И сдумавше князь Дмитрей Шемяка... а с ними коромолил с Москвы Иван Старков, да и от гостей и от троицьских черньцев...* — Подробное описание заговора 1446 г. и последующей борьбы за власть, окончившейся победой Василия Темного, см. в «Повести об ослеплении Василия II», помещенной в великокняжеской летописи. В отличие от великокняжеской летописи Севернорусский свод начала 70-х гг. отмечает участие в заговоре старцев Троицкого монастыря, московских купцов, а также (судя по *СС*; в *Е* этого имени нет) Ивана Старкова-Серкизова (см. коммент. ниже). В *Е* в отличие от *СС* приводится здесь заявление Шемяки, затеявшего «крамолу»: «Князь велики всю землю свою царю процѣловалъ и насъ, свою братью»; эти слова, очевидно, связаны с тем обстоятельством, что Шемяка обвинял Василия II в прислужничестве хану.

[65] *Трифон* — игумен Кирилло-Белозерского монастыря в 1435—1437 гг., впоследствии архиепископ ростовский. Роль Трифона в освобождении Василия Темного от крестного целования Шемяке отмечается только в Севернорусском своде; великокняжеское летописание об этом умалчивает.

[66] *...съ князем великим Борисом Александровичемь...* — По известиям новгородских летописей Борис Александрович был участником заговора Шемяки; согласно великокняжескому летописанию, он «убояся и бысть единомысленник съ ними». Борис перешел на сторону Василия II после его ссылки в Вологду. В *Е* здесь читается «заявление» Василия тверскому князю: «аще еси нам изменил... то все забуду..., аще

ли сего не восхощешы, то имам воевати вотчину твою...». В *СС* этого обращения нет.

[67] *...владыка Иона...* — См. «Повесть об ослеплении Василия II». Поставление Ионы «своими епископы» без санкции Константинополя завершило восьмилетний период, наступивший после бегства Исидора, когда на Руси не было митрополита.

[68] *Бѣжицьски Верхъ* — принадлежал прежде галицким князьям (см. выше).

[69] *...родися Борисъ...* — Борис Васильевич, удельный князь волоцкий с 1462 по 1494 г.

[70] *...до Похры...* — Пахра, приток Москвы-реки в 40 км к югу от Москвы.

[71] *...полонили княгиню Марью съ снохою Степанидою, князя Василия Оболеньского, да Григорьеву жену Козлову Морозова.* — Мария Федоровна Оболенская (племянница Ивана Дмитриевича Всеволожского), жена Василия Ивановича Оболенского, брата Семена и Глеба Оболенских; Соломонида, жена Григория Ивановича Козлова-Морозова, дочь Ивана Ивановича Кошкина-Голтяева (ее имя читается только в *Е*). Пленение в 1448 г. снохи княгини Оболенской и Соломониды Козловой-Морозовой в других летописях XV в. не упоминается.

[72] *...убьенъ бысть удалый Григорей Семеновичь Горъсткинъ...* — Вероятно, сын Семена Остафьевича Горсткина, убитого в Белевской битве 1438 г. Эпитет «удалый» употреблен под 1456 г. по отношению к Басенку и под 1472 г. (*СС*) по отношению к князю Василию Михайловичу Верейскому и, очевидно, принадлежит составителю комментируемого свода.

[73] *...Владимиръ Григорьевичь Ховрин, гость да и болярин великого князя...* — Представитель рода Ховриных (Головиных), перешедших на московскую службу в начале XV в. (предки Ховриных, по-видимому, были крымскими греками). Строительная деятельность «гостей-бояр» Ховриных развивалась параллельно со строительной деятельностью Василия Дмитриевича Ермолина, подробно отмеченной в дополнениях *Е* к Севернорусскому своду 1472 г.

[74] *...на Бетюцѣ...* — Река Бетюк (Битюг), приток Дона; поход на Бетюк был совершен, согласно великокняжескому летописанию, в связи с известием о нашествии татар с юга.

[75] *Ромодан* — по великокняжеской летописи — Ромодан Зиновьев.

[76] *Георгиа было в Пятокъ велик Страстныя недѣли.* — Весенний Георгиев (Юрьев) день — 23 апреля; летописец отмечает, что в 1441 г. на это число пришлась пятница Страстной недели — день Великого поста.

[77] *...отъ Сиди-Ахметовы орды...* — «Сиди-Ахмет» (Сеид-Ахмед) — сын хана Тохтамыша, вытеснивший из орды Улу-Мухаммеда. Сеид-Ахметова орда нападала на русские земли неоднократно с конца 40-х и в течение 50-х гг. XV в. Исследователи отождествляют эту орду с Большой Ордой — основной частью распавшейся Золотой Орды (Джучиева улуса).

[78] *...князя Ивана Звенигородскаго, намѣстника коломенскаго...* — Иван Александрович Звенигородский — сын Александра Федоровича Звенигородского, перешедшего на московскую службу из Литвы в начале XV в. Звенигородские, как и Оболенские, вели свой род от Михаила Черниговского.

[79] *...царевичь, Сиди-Ахметовъ сынъ... и Едегерь...* — В великокняжеском летописании «царевич», предводительствовавший татарским войском в 1451 г., именуется Мазовшей; о его родстве с Сеид-Ахметом и об Едигере не упоминается.

[80] *...посылалъ... Иоана Васильевичя, Кокшенги воевати*. — Поход двенадцатилетнего княжича Ивана (будущего Ивана III, очень рано начавшего помогать Василию Темному в государственных делах) в 1452 г. на реку Кокшенгу (к западу от Устюга, в бассейне Северной Двины) был направлен против Дмитрия Шемяки (параллельно с походом Оболенского и Басенка на Устюг); по известию великокняжеского летописания поход был успешным.

[81] *...поятъ княжну Марью...* — Марию Борисовну, дочь тверского великого князя, с которой Иван III был обручен в 1447 г.

[82] *...Андрѣй Меньший...* — Андрей Васильевич Меньший, удельный князь вологодский с 1462 по 1472 г.

[83] *...великаа княгини Софья...* — София Витовтовна, мать Василия II.

[84] *...Дмитрей Шемяка Юрьевич умре со отравы...* — В *Е* слухи об отравлении Шемяки переданы подробнее: «...а привозилъ с Москвы Стефанъ Бородатый дьякъ къ Исаку к посаднику к Богородицкому (правильнее Борецкому. — *Я. Л.*), а Исак деи подкупилъ княжа Дмитреева повара, именем Поганка, тъй же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вѣстью на Москву к великому князю Василей Бѣда подьячей; князь же велики пожаловалъ его дьячествомъ, и пророкоша ему людие мнози, яко не надолго будеть времени его, и помалѣ сбысться ему». В великокняжеском летописании об отравлении ничего не говорится, но указывается, что подьячий Беда, «пригнавший» с вестью о «напрасной смертьи» Шемяки, «оттолѣ, бысть дьяк».

[85] *...царь турскы Царьгород взял*. — О завоевании Константинополя турецким султаном великокняжеское летописание сообщает под 6950 (1452) г. Дата Севернорусского свода точнее, так как Константинополь был взят 29 мая 1453 г.

[86] *Ефрѣм* — архиепископ ростовский с 1427 по 1454 г.

[87] *Феодосий Бывальцев* — ростовский архиепископ с 1454 по 1461 г. (см. ниже).

[88] *...князь Иванъ Андрѣевичь побѣжалъ в Литву...* — Иван Андреевич после присоединения его удела к Московскому княжеству стал вассалом короля Казимира и получил от него города Стародуб и Гомель и Черниговский замок.

[89] *...вогуличи...* — Под названием «вогуличи» («гогуличи») летописцы, по-видимому, понимали не только зауральских манси, обычно обозначавшихся этим именем, но и вообще население покоряемой московскими князьями Пермской земли (коми-пермяки и др.).

[90] *Иван Васильевич Ощера* — представитель рода Сорокоумовых-Глебовых, брат Григория Глебова. В *Е* про Ощеру говорится, что он «не поспе» ударить на татар, но в основном известие совпадает с *СС*. О неудаче Ощеры в сражении с татарами в 1455 г. великокняжеское летописание не упоминает, говорится только о победе «христиан».

[91] *...князя Семена Бабича.* — Князья Бабичи (Бабичевы)-Друцкие, по-видимому, перешли на московскую службу из Литвы. По известию великокняжеской летописи Семен Бабич был убит не «на суйме» (в сражении), «но притчею некою» (т. е. при загадочных обстоятельствах, вследствие несчастного случая).

[92] *...пришед Феодоръ Басенокъ...* — О роли Басенка в сражении с татарами в 1455 г. в великокняжеском летописании не упоминается.

[93] *...под Русу...* — Старая Русса, один из древнейших центров Новгородской земли, к югу от Новгорода.

[94] *Иоанъ Васильевичь Оболеньский Стрига з братьею, да Феодоръ Васильееичь Басенок, удалый воевода, новогородцевъ смердов били...* — В великокняжеском летописании роль Стриги-Оболенского и Басенка в походе на Новгород в 1456 г. изображается иначе: они польстились на «товар» (трофеи) и были захвачены новгородцами врасплох и «устрашишася»; лишь из страха перед великим князем они, вступив в сражение, стали стрелять по новгородским коням и благодаря этому одержали победу. В новгородской летописи утверждается, что сражение шло с переменным успехом и на стороне москвичей воевали татары.

[95] *...во Ажелбицахъ...* — Яжелбицы (Яжелобицы), село в 127 км к юго-востоку от Новгорода (в Деревской пятине), место заключения Яжелбицкого мира 1456 г., значительно усилившего административную и судебную власть великого князя в Новгороде.

[96] *...архиепископъ Еуфимий...* — Евфимий II, архиепископ новгородский с 1434 (фактически уже с 1429) по 1458 г.

[97] *...князь велики Иоанъ Феодорович Рязанский.* — Великий князь, занимавший рязанский престол с конца 20-х гг. XV в. После смерти

Ивана Федоровича опекуном его малолетнего сына Василия стал Василий Темный, пославший в Рязань московских наместников.

[98] *...князя Василья Ярославича...* — После ареста бывшего сподвижника Василия II в 1445—1447 гг. Василия Ярославича серпуховское удельное княжество было присоединено к Москве. Сын Серпуховского князя Иван Васильевич бежал в Литву, где заключил договор с другим эмигрантом, Иваном Можайским, о совместной борьбе за освобождение своих «отчин».

[99] *...родися... сынъ, и нарекоша ему Иванъ.* — Иван Иванович Молодой, сын Ивана III, с 1473 г. носил титул великого князя и считался, очевидно, соправителем отца; умер в 1490 г.

[100] *...посылалъ на Вятку Ряпаловьскых...* — Вятская земля представляла собой до Ивана III вечевую республику и обладала известной самостоятельностью; во время феодальной войны вятчане поддерживали галицких князей. Князья Ряполовские-Стародубские служили московским князьям с XIV в.; в 1446—1447 гг. помогали Василию II в борьбе за власть.

[101] *...Григорей Перфушков у вятчан посулы поимал, да имъ норовил...* — Перфушков (Перхушков) — ловчий великого князя. Это известие, сохранившееся в *СС*, изложено в *Е* более сдержанно (говорится, что Перхушков «норовил» татарам); но в *Е* под следующим годом сообщается о заточении Перхушкова за взяточничество и измену. Очевидно, в Севернорусском своде читались оба известия. Впоследствии Григорий Перхушков стал княжеским волостелем на соседних с Кирилловым монастырем двинских землях.

[102] *...святое Ведение на Симановьском дворѣ в городѣ.* — Церковь Введения Богородицы во дворе Симонова монастыря в Москве.

[103] *...князя Ивана Юрьевичя...* — Князь Иван Юрьевич Патрикеев, сын Юрия Патрикеевича, видный сподвижник Ивана III, впоследствии подвергшийся опале; отец известного церковного деятеля Вассиана (Василия) Патрикеева.

[104] *...Орловъ да Котельничь, а под Хилинымъ стоял долго...* — Орлов (ныне — Халтурин) и Котельнич — города Вятской земли, Хилин (*СС* — Хылынов, Хилынов) — Хлынов, главный город Вятской земли, с конца XVIII в. — Вятка.

[105] *...на Городище, и удариша на него шилники...* — Городище — резиденция великого князя в Новгороде; шильники — термин, которым московское и общерусское летописание именует новгородскую бедноту; московская великокняжеская летопись упоминала, что противники великого князя в начале 70-х гг. нанимали «смердов, убийц, шилниковъ и прочих безъименитых мужиков». О нападении шильников на Басенка в 1460 г. великокняжеское летописание не упоминает; кроме комментируемого свода об этом кратко сообщали *Льв* и *С II*.

[106] *...царь Ахмутъ Большые Орды...* — Ахмат (Ахмед), хан Большой Орды, имя которого появляется в русских источниках с 1460 г. (его отношения с Сеид-Ахметом, нападавшим в предшествующие годы, неясны).

[107] *...к Переяславълю к Рязаньскому...* — Переяславль-Рязанский (ныне Рязань) — главный город Рязанского княжества с XIV в. (прежний центр, Старая Рязань, был разрушен татаро-монголами в 1237 г.).

[108] *Казат улан мирза.* — Упоминается только в этом рассказе Севернорусского свода; в великокняжеском летописании о нем ничего не говорится. (Улан — член княжеского рода, мирза — княжеский сын).

[109] *...перед княжимъ двором Васильевича, в Боровитьскихъ воротѣхъ, заложили церковь камену святаго Иоана Предтечи.* — Судя по *СС*, речь идет о княжьем дворе Юрия Васильевича Дмитровского у Боровицких ворот Кремля. Великокняжеская летопись сообщает о строительстве церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот под 1461 г.; в 1493 г. она сгорела.

[110] *...поставиша на митрополию Феодосиа...* — В *Е* прибавлено: «своими епископы на Русь»; Феодосий был вторым после Ионы митрополитом, поставленным (на основе специальной «благословенной» грамоты Ионы) без санкции Константинополя. Ростовским архиепископом стал в 1462 г. бывший кирилловский игумен Трифон, но комментируемый свод ничего не сообщает об этом, возможно, потому, что архиепископство Трифона было непродолжительным и окончилось вынужденной отставкой.

[111] *...у Михаилова Чюда в монастыри...* — Чудов Михаила архангела монастырь в Кремле.

[112] *...Володку Давидова...* — Владимир Давыдов Красный был связан с сыном Василия Ярославича Серпуховского Иваном и привез на Русь договор, заключенный в Литве между двумя эмигрантами — Иваном Васильевичем (сыном Василия Ярославича) и Иваном Андреевичем Можайским.

[113] *...недостойно бяше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущу, и такими казньми казнити... во святый Великий пост.* — В *СС* этих слов нет, но казнь серпуховских дворян определена как «незнаемая». Выражение «осподарю по всей подсолнечной» сходно с обращением публицистов XVI в. (Филофей) к русскому государю как единому «во всей поднебесней» христианскому царю.

[114] *Хотунь* — город на реке Лопасне. Хотунь упоминается и в завещании Василия II, но в великокняжеском летописании среди владений князя Юрия Дмитровского Хотунь не названа.

[115] *...Романовъ город на Волзѣ...* — севернее Ярославля Романов, предназначенный по завещанию Василия II его вдове, был передан в 1472 г. Андрею Углицкому после смерти его брата Юрия Дмитровского

в возмещение за включение всего Дмитровского княжества в число владений Ивана III. Поэтому данное известие, как и последующие известия о Вышгороде, селе Голтяевой, городах Тарусе и Городце, могло быть написано только до перераспределения владений Юрия Васильевича, умершего в сентябре 1472 г.

[116] *...Вышегород Поротовьский да Марьины села Голтяевы...* — Поротва (Протва) — приток Оки. Мария Федоровна (Голтяева) — дочь московского боярина Федора Голтяя, бабка Бориса Волоцкого по матери; в *СС* указано, что Борис был «въскормленником Голтяевы» и приведено его прозвище — «Скупой».

[117] *...придалъ ему городокъ Торусу...* — Торуса (Таруса) — город и княжество, отошедшее к Москве (от князей суздальско-нижегородских) в 1393 г.

[118] *...при князи Александрѣ Феодоровиче Ярославьскомъ...* — Александр Федорович — последний представитсль династии ярославских князей, восходящей к смоленскому князю Федору Ростиславичу; после потери своих вотчин в 1463 г. продолжал жить в Ярославле и умер в 1471 г.

[119] *...у святаго Спаса в монастыри...* — Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле, существовал уже с начала XIV в.

[120] *...князь велики Феодоръ Ростиславичь Смоленский, и з дѣтми, со княземъ Костянтиномъ и з Давидомъ...* — Федор Ростиславич, потомок смоленских князей Ростиславичей, получил Ярославль в конце XIII в. в приданое. Федор Ростиславич был участником многих войн конца XIII в., приводил на Русь татарскую рать; в 1296 г. осаждал Смоленск. Иван Грозный напоминал Курбскому (потомку ярославских князей), что Федор «в Смоленске на Пасху колико крови пролиял есть» (Переписка Ивана Грозного с А. Курбским. М., 1981, с. 19).

[121] *...прощати множество людей...* — Т. е. исцелять от болезней (это исцеление рассматривалось как «прощение» грехов, вызвавших болезнь). Здесь игра словом «прощатися», употребленном далее и в обычном смысле (ярославские князья «прощалися» со своими вотчинами).

[122] *Сии бо чюдотворци явишася не на добро всѣм княземъ ярославскимъ...* — Иронический рассказ о ярославских чудотворцах в комментируемом своде, возможно, связан с кругами, близкими к ростовскому архиепископу Трифону, о неверии которого в явленные в 1463 г. мощи сообщается в житийном рассказе, включенном в Независимый свод 80-х гг. (см. ниже). Лицами, близкими к Трифону, вероятнее всего, могли быть монахи Кириллова монастыря, где он был прежде игуменом.

[123] *Алексей Полуектович* — дьяк великого князя, в 60—70-х гг. попал в опалу из-за того, что его жена, согласно своду 80-х гг., обвинялась в соучастии в отравлении «зельем» великой княгини Марии Борисовны,

но в 1473 г. снова занял видное место в государственных делах; участвовал в новгородском походе.

[124] *...новый чюдотворець, Иоанъ Огафоновичь, сущей созиратай...* — В научной литературе высказывалось предположение об идентичности этого лица с Иваном Васильевичем Стригой-Оболенским, не раз выступавшим в роли великокняжеского воеводы и наместника и бывшим в 60-х гг. наместником в Ярославле.

[125] *...цьяшосъ.* — Слово «дьявол» зашифровано здесь так называемой «простой литореей», при которой согласные «б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н» заменяются соответственно на «щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п».

[126] *...князь велики... рязаньский женися на Москвѣ...* — Великий князь рязанский Василий Иванович (в *Е* ошибочно «Иванъ Васильевичь», в *СС* имени нет) с 1456 г. жил в Москве; после женитьбы вернулся в Рязань с женой.

[127] *...поставили на Москвѣ Иосифа Грека архиепископом в Кесарию Филиппову...* — Кесария Филиппова (Палестинская) — город и епархия в составе иерусалимской патриархии, находившейся под властью египетских султанов. В великокняжеском летописании говорится о поставлении Иосифа митрополитом кесарийским в связи с поездкой на Русь его брата, иерусалимского патриарха, терпевшего «истому» от «египетского салтана» и умершего по дороге в Кафе (Феодосии). Отдельный рассказ об этом поставлении, сохранившийся в рукописной традиции, имеет черты легенды (легендарный рассказ о землетрясении в Иерусалиме, анахронистическое упоминание иерусалимского патриарха Иоакима и т. д.).

[128] *Феодосий митрополит остави митрополию...* — Ср. рассказ Независимого свода 80-х гг. (ниже).

[129] *Филипп* — Филипп I занимал митрополичий престол до 1473 г.

[130] *...великаа князини Марья тферянка...* — Ср. рассказ Независимого свода 80-х гг.

[131] *...Трифонъ остави архиепископью ростовськую.* — В Типографской летописи отставка Трифона в 1467 г. объясняется тем, что он был «болен вельми»; в уже упомянутом рассказе Независимого свода отставка эта объясняется Божьей карой за неверие Трифона в ярославских чудотворцев.

[132] *...посылал под Казань царевича Каисыма...* — Казанское царство (ханство) образовалось уже в 1445 г., но первые столкновения Москвы с Казанью начались в 60-х гг. Казанским ханом в 1468 г. был Абреим (Ибрагим), сын основателя ханства Махмета (Улу-Мухаммеда); его брат, царевич Каисым (Касим), стал вассалом Москвы и возглавлял русский поход на Казань.

[133] *...князя Ивана Юрьевича, да князя Ивана Васильевича Стригу...* — Иван Юрьевич Патрикеев — см. коммент. выше; Иван Васильевич Стрига-Оболенский (в *Е* не упоминается) — сын Василия Ивановича Оболенского (Косого), неоднократно бывший наместником и воеводой Ивана III.

[134] *...Васияна Рыла...* — Вассиан Рыло, занимавший ростовский архиепископский престол до своей смерти в 1481 г., был видным церковным и политическим деятелем, автором «Послания на Угру» Ивану III (см. коммент. к «Повести о стоянии на Угре»).

[135] *...понял княжну Елену, мизоцьского князя дщерь*. — Елена, дочь князя Романа Мезецкого, умерла в 1483 г. (великокняжеские своды сообщают о женитьбе Андрея под следующим, 1470 г.).

[136] *...посталъ на Казань рать судовую, а берегомъ послал брата своего...* — Описание казанского похода 1469 г. в комментируемом своде существенно отличается от рассказа великокняжеской летописи (там не упоминается о разделении рати на судовую и береговую и об участии Юрия и Андрея Васильевичей).

[137] *...Иван Дмитреевич, нарицаемый Руно...* — Воевода Ивана III, впоследствии (ок. 1481 г.) подвергшийся опале. В великокняжеском летописании ничего не говорится об отрицательной роли Руна в походе 1469 г.; напротив, указывается, что он был избран всеми воинами «по своей воли» главным воеводой, «чтобы единаго всем слушати»; далее говорится, что, придя под Казань, где жители еще спали, воевода «повелѣша трубити, а татар начаша сѣчи и грабити и в полон имати». В *Е* рассказ, сходный с рассказом *СС* (помещенным в комментируемой реконструкции), дополнен словами «ини по[ча]ли трубить ..., они же воскакавше, и в воротахъ почали битися», возможно, заимствованными из великокняжеского летописания.

[138] *...Хрипунъ княжь Семеновъ сынъ Ряполовьского...* — Федор Семенович Хрипун Ряполовский, сын известного деятеля времен Василия II и Ивана III Семена Ивановича Ряполовского. В великокняжеской летописи о походе Федора Хрипуна на татар сообщается под предыдущим, 1468 г.

[139] *...убили тогды на Волзѣ князя Данила Васильевичя Ярославьского да Никиту Костянтинова сына Бровцина, да устюжанъ много, а Тимофѣя Плещѣева Юрлища полонили...* — Даниил Васильевич Ярославский — великокняжеский воевода, внук князя Ивана Васильевича, занимавшего ярославский престол в начале XV в. Тимофей Юрло — представитель старого боярского рода Плещевых; после пленения вернулся на Русь и умер в 1496 г. в чине окольничего.

[140] *...князь же Юрьи помирися с нимъ на всей своей воли...* — Этот рассказ о победе Юрия Васильевича Дмитровского под Казанью в сентябре 6978 (1469) г. совершенно уникален в летописании XV в. — великокняжеские своды XV в. ничего не сообщают об этой победе над Казанью (известие это проникает в официальное летописание только в

XVI в.); ростовский свод 80-х гг. XV в. (Типографская летопись) сообщает о победе под предыдущим 6977 годом, не выделяя роли Юрия (Георгия) Дмитровского и ничего не говоря о неудаче Руна.

[141] *...Прохоръ... на епископью на Сарайскую.* — Сарайский (Сарский) епископ с середины XV в. пребывал уже не в Сарае (столице Золотой Орды), где православная епископия была учреждена в XIII в., а ъ Москве. Прохор был архиепископом до 1493 г.

[142] *Вездѣ бо Бог помогаше великому князю за его исправление.* — Эта концовка рассказа о походе на Новгород показывает, что составитель комментируемого свода в основном сочувствовал великому князю, хотя упоминание о том, что Иван III «разъярився» (*СС* — «разгнѣвася») на новгородцев, восходит здесь к новгородской повести. Дата Шелонской битвы «иуля 14» дана по *СС* — в *Е* ошибочно «иуля 4».

[143] *...поставили игумена Филофия ис Ферапонтовы пустыни на Пермь...* — Филофей был епископом пермским до 1503 г. Ферапонтов монастырь (именуемый в актах XV в. обычно «Ферапонтовой пустынью») был основан в конце XIV—начале XV в. сподвижником Кирилла Белозерского Ферапонтом в 20 км от Кириллова монастыря.

[144] *...поставленъ бысть во епископы на Рязань Феодосий...* — Феодосий был епископом рязанским до 1495—1496 гг.

[145] *...посламъ князя Феодора ... Пестрого воевати Перми Великиѣ...* — Князь Феодор Давыдович (в *Е* ошибочно «Феодорович») Стародубский-Пестрый — воевода Ивана III, участник похода на Новгород в 1471 г. После 1472 г. Пермская земля (область, населенная коми-пермяками) признала вассальную зависимость от великого князя.

[146] *...заложи церковь Успение святыя Богородица... а разруши церковь камену...* — Эта первая попытка перестройки Успенского собора окончилась неудачей; новый Успенский собор был построен в 1479 г.

[147] *...к рецѣ Окѣ под город под Олексин...* — Алексин — город на границе с Великим княжеством литовским, уже с первой половины XV в. включался в число непосредственных владений великого князя московского.

[148] *Семион Васильевичь Беклемишевъ* — представитель рода служилых землевладельцев, известных с начала XV в. Иронический рассказ о Семене Беклемишеве передан в *Е* короче, чем в *СС*.

[149] *...князь Василий Михайлович Удалый...* — Сын удельного князя Верейско-Белозерского Михаила Андреевича, уже с 1468 г. выступавший в роли великокняжеского воеводы.

[150] *Юрьи Васильевичь изъ Серпохова...* — По завещанию Василия II, Серпухов входил в число владений Юрия Васильевича Дмитровского,

роль которого (в частности, в войне с Ахматом в 1472 г.) постоянно подчеркивается комментируемым сводом.

[151] *Петръ Феодорович Челяднинъ* — боярин, сын Федора Михайловича Челяднина (см. коммент. выше).

[152] *...князь велики стоить под Ростиславлемъ...* — Ростиславль — город на Оке в Рязанском княжестве.

[153] *...царевичь Даниаръ Касымовичь...* — Один из главных воевод в походе на Новгород в 1471 г.

[154] *...киличиа Григориа Влънина...* — Григорий (Гридя) Иванов Волнин, дьяк, посол («киличей») Ивана III при Ахмате; в 1477 г. принимал участие в окончательном присоединении Новгорода.

[155] *...княгини великая... разболѣся...* — Мать Ивана III Мария Ярославна (в иночестве Марфа) умерла позже, в 1485 г.

[156] *ДОПОЛНЕНИЯ В ТЕКСТЕ ЕРМОЛИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ, СВЯЗАННЫЕ С ВАСИЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЕРМОЛИНЫМ.* – Далее приводятся записи о Ермолине, которых нет ни в *СС*, ни в других летописях, и которые, очевидно, были добавлены при составлении на основе Севернорусского свода уникального текста, дошедшего до нас в Ермолинской летописи (названной так открывшим ее А. А. Шахматовым). Об обстоятельствах и причинах составления такой летописи, связанной с Ермолиным, могут быть высказаны только предположения. Возможно, что Ермолинская летопись, доведенная до 1481 г., была составлена после смерти Ермолина (строительная деятельность его оборвалась в 1472 г., но дата смерти неизвестна) как своего рода памятный летописный свод, — подобно тому как ее протограф, Севернорусский свод 1472 г., мог быть составлен в память Юрия Васильевича Дмитровского, а Троицкая летопись начала XV в. — в память митрополита Киприана. Василий Дмитриевич Ермолин — видный деятель русской культуры второй половины XV в., выходец из богатого купеческого рода, породнившегося с боярами Сорокоумовыми-Глебовыми и связанного с Троице-Сергиевым монастырем (там постриглись дед Ермолина Ермола-Ефрем и его отец Дмитрий-Дионисий). Ермолины в памятниках XV в описываются как люди весьма ученые (отец Василия умел говорить «русски, гречески, половецки»), но недостаточно благочестивые и склонные к «духу хульному». Впрочем, сам Ермолин проявлял интерес не только к искусству (скульптуре, архитектуре), но и к духовной письменности — ему принадлежит «Послание от друга к другу», в котором он сообщает своему корреспонденту, писарю литовского короля, «пану Иакову», как ему получить «добрый список» «Пролога с осмогласником».

[157] *...во Фроловьскыхъ воротехъ...* — Имеются в виду Фроловские (Спасские) ворота Кремля.

[158] *...мученикъ Георгий... рѣзанъ на камени, а нарядомъ Васильевимъ, Дмитриева сына Ермолина.* — Имеется в виду приписываемая Ермолину

скульптура святого Георгия, частично сохранившаяся (ныне в Государственной Третьяковской галерее). «Нарядчики», или «предстатели», — своеобразные подрядчики или руководители артели мастеров.

[159] *...святое Вознесение обновлено внутри града...* — Церковь женского монастыря Вознесения в Кремле была первоначально воздвигнута в 1407 г.

[160] *...у Троици поставили трапезу камену...* — Речь идет, очевидно, о монастырской столовой и поварне (не сохранившихся), с барельефной иконой Одигитрии, также приписываемой Ермолину.

[161] *...в Володимери обновили двѣ церкви камены, Воздвижение въ торгу, а другую на Золотых Воротехъ...* — Обе эти церкви были поставлены в XII в., храм Воздвиженья не сохранился.

[162] *...во градѣ Юрьевѣ в Полском... святый Георгий... а рѣзаны на камени вси...* — Юрьевский собор начала XIII в., сохранившийся в том виде, в каком его восстановил В. Ермолин, принадлежал к числу наиболее замечательных памятников домонгольского зодчества. Под 6738 (1230) г. в *Е* к известию (сходному с известием в Московском своде) о построении этой церкви князем Святославом добавлено: «...созда чюдну велми, рѣзанымъ каменемъ»; возможно, что это добавление принадлежит тому же летописцу, который писал о строительных работах Ермолина. Не имея возможности восстановить все рельефы древнего собора, Ермолин бережно собрал уцелевший резной камень и пустил его в кладку фасадов без какой-либо определенной системы.

[163] *...Иванъ Голова Володимеровъ...* — Иван Владимирович Голова-Ховрин — сын Владимира Григорьевича Ховрина. Рассказом о «пре» (ссоре) Ермолина с Головой-Ховриным оканчиваются известия о Ермолине в *Е* — возможно, потому, что в 1472 г. его строительная деятельность окончилась.

ПЕРЕВОД

В год 6933 (1425). Скончался благоверный и христолюбивый князь великий всея Руси Василий Дмитриевич двадцать седьмого февраля во вторник в три часа ночи.

В ту же ночь митрополит Фотий в Звенигород Иоакинфа послал за братом князя Юрием, но тот, не заходя в Москву, направился к Галичу, а на великое княжение сел Василий Васильевич. И князь Юрий заключил перемирие с ним до Петрова дня.

В тот же год скончался князь великий Иван Михайлович Тверской.

В год 6934 (1426). Летом ходил Витовт на Псков, был под Опочкой да под Вороначем.

В год 6935 (1427). Моровое поветрие (...) страшное.

В год 6936 (1428). Витовт ходил на Новгород и стоял у Порхова, но жители откупились от него пятью тысячами рублей, да архиепископ новгородский с боярами еще пять тысяч рублей дали ему, а на выкуп пленных дал архиепископ от себя тысячу рублей.

В ту же зиму месяца ноября в семнадцатый день скончался преподобный игумен Никон, чудный старец, в пятом часу дня.

В год 6937 (1429). Приходили татары к Галичу и города не взяли, но волости пограбили, а на Крещение напали изгоном на Кострому и, взяв ее, ушли в низовья Волги. Князь же великий Василий, о том прослышав, послал за ними дядей своих, князей Андрея и Константина, и с ними Ивана Дмитриевича; те же, до Нижнего Новгорода дойдя, не догнали их и возвратились.

В год 6938 (1430). В Смоленске объявился волк голый, без шерсти, и многих людей поел, а на Троках озеро стояло семь дней кровавым. И в год тот Витовт умер, пробыв на великом княжении тридцать восемь лет. А сел на княженье после него Свидригайло. Князь же Юрий расторг мир с великим князем и, Галич оставя, захватил, пойдя, Нижний Новгород; и князь великий послал на него войско с дядею своим, князем Константином. Он же, о том прослышав, ушел за Суру и стал на берегу, а князь Константин, постояв на другом берегу, возвратился, так как не знал, как настичь его. Князь же Юрий после отхода их снова вернулся в Новгород. В тот же год Айдар разорил землю литовскую, и город взял Мценск, и Григория Протасьева захватил, а Киева не достиг лишь на восемьдесят верст, продвигаясь вперед.

В год 6939 (1431). Князь великий Василий посылал князя Федора Давидовича Пестрого на Болгары, и, отправясь, тот взял этот город. В тот же год предзнаменование было на небе: столбы огненные. Тогда же засуха большая была, земля и болота горели, мгла же стояла шесть

недель, так что и солнца не видно и рыба в воде дохла. В тот же год Фотий митрополит скончался. Князь великий в Орду пошел, и князь Юрий за ним пошел, и дал царь Магомет великое княжение Василию Васильевичу.

В год 6940 (1432). Скончался князь Андрей Дмитриевич. И князь великий вернулся из Орды и сел на великом княжении. Князь же Юрий пошел в свой Звенигород, и добавил ему царь Дмитров.

В год 6941 (1433). Женился князь великий Василий Васильевич, 8 февраля, и на той свадьбе Захарий Иванович Кошкин тягался из-за пояса с Василием Юрьевичем Косым, а князь да бояре разъехались по домам. И князь Василий Косой да князь Дмитрий Шемяка, соединясь, отправились к отцу своему в Галич. В ту же весну князь Юрий Дмитриевич с сыновьями и с ним Иван Дмитриевич, собрав силы многие, пришли к Москве неожиданно на великого князя, в канун праздника Жен Мироносиц, в субботу 5 апреля, за двадцать верст от Москвы на Клязьму. Князь же великий вышел на них с небольшой силой и после короткого боя бежал в Москву (...). Князь же, взяв мать и жену свою, пошел в Тверь, а из Твери пошел в Кострому. Князь же Юрий, сев на княженье в Москве, послал сыновей своих, Василия да Дмитрия, за великим князем, и узнали те, что он в Костроме; тогда и сам князь Юрий пошел к нему и пришел в Кострому; и бил челом князь великий дяде своему, князю Юрию, и дал тот ему Коломну-город в удел, а мира добился Семен Морозов, любимец Юрия князя. Москвичи же все: князья, и бояре, и воеводы, и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика, — все поехали в Коломну к великому князю, ибо не привыкли удельным князьям служить, и Иван Дмитриевич с сыновьями тоже. Увидев все это, князь Василий да Шемяка убили Семена Морозова, боярина отца своего, в дворцовых сенях, приговаривая: «Ты вверг в беду эту отца нашего и нас! Издавна ты мятежник и наш лиходей, не даешь нам с отцом нашим жить!» И, вострубив, отправились из Москвы и пошли на Кострому. Князь же Юрий, увидев, сколь непрочно его княжение в столице, послал к великому князю, чтоб вернулся на свой престол, а сам пошел в свой город — в Рузу; князь же великий пришел из Коломны в Москву и помирился с князем Юрием, и договорные грамоты приняли в том и крест целовали, что великому князю в вотчину Юрия не вмешиваться, а князю Юрию ни великого княжения не домогаться, ни сыновей своих не принимать и помощи им не давать против великого князя. Так, заключив мир, князь Юрий пошел в Галич, а князь великий князя Юрия Патрикеевича послал воеводой на Юрьевичей со всем своим двором. Те же отступили от Костромы и стали на речке Куси, и в то же время подоспели к ним вятчане, и от отца подошла им подмога, и дали они бой, и одолели Юрьевичи, и воеводу, князя Юрия Патрикеевича, схватили, и пришли опять к Костроме, а как Волга стала, пошли к Турдеевым оврагам (...).

В год 6942 (1434). Князь великий, узнав об измене дяди своего князя Юрия, что сыновьям своим помощь посылал на великого князя сторожевой полк, пошел Галич разорить в зиму ту, а князь Юрий бежал к Белоозеру; князь великий Галич пограбил и сжег, и в плен всех увел. В ту же зиму князь Юрий послал за сыновьями и за вятчанами и, собрав силу великую, пошел на великого князя; и встретил его князь великий в Ростовской волости, у монастыря Николы на горе, и был между ними бой в субботу Лазареву. И победил князь Юрий, хотя войска его побили много, и подошел к Москве на Страстной неделе в среду, и стоял под городом неделю, а в среду на пасхальной неделе отворили ему город (...).

И победил князь Юрий, и пошел к Москве. И прийдя, Москву взял, а княгинь великих схватил и сослал в Рузу, а сам сел на великом княжении; князь же великий бежал после боя в Новгород Великий, а оттуда пошел на Мологу, и к Костроме, и в Новгород Нижний. Князь же Юрий послал за ним двух князей Дмитриев с войском. Тем же годом скончался князь Юрий Дмитриевич на великом княжении в Москве, а сын его, князь Василий, после отца сел на великом княжении в Москве; и княжил один месяц. Ибо князья Дмитрии помирились с великим князем и изгнали князя Василия из Москвы. Князь же великий Василий Васильевич сел на великом княжении московском в своей вотчине. А князь Василий пошел к Новгороду Великому и оттуда к Костроме. Шемяке же Дмитрию дал князь великий Углич да Ржев, а меньшему князю Дмитрию дал Бежецкий Верх. А князь Василий Юрьевич Косой стал собирать воинов в Костроме против великого князя.

В год 6943 (1435). Князь Василий Юрьевич собрал силу великую и пошел из Костромы на великого князя, похваляясь, со многими силами. Князь же великий против него вышел, и встретились у Кузьмы и Демьяна на Которосли, в Ярославских пределах месяца января шестого; и был между ними бой, и помог Бог князю великому, а князь Василий убежал в Кашин, войска же его много побили. И князь великий послал за ним в погоню воевод своих: Федора Михайловича Челядню, Василия Михайловича Шею, Андрея Федоровича Голтяева, Владимира Андреевича Зворыкина, Михаилу Чепечкина и многих других дворян; те же не настигли его и, возвратясь, стали в Вологде, собирая сведения о князе. Князь же Василий, собрав сторонников и примчавшись в Вологду, всех тех воевод князя великого схватил вместе со всеми людьми их, и оттуда пошел в Заозерье, и, дойдя, стал у монастыря Дмитрия святого на Устьи. И пришел на него изгоном, тайно, князь Федор Дмитриевич Заозерский со многими людьми; и Василий побил их, и погубил многих, и настиг на Волочке княгиню Марью с дочерью и с невестками, жену князя Дмитрия, и мать князя Федора, а сам князь Федор бежал. И после того пошел князь Василий на Устюг, и там в Устюге хотели его убить, на рассвете Великого дня, во время заутрени — но его предупредили. Тогда он один перебежал по льдинам Сухону на Дымкову сторону города, а кто из людей не поспел за ним, тех

устюжане убили; а какие были в плену князя великого бояре, тех всех из плена освободили. Князь же Василий пошел в великом злочастье, и послал за вятчанами, и пришел к Костроме с вятчанами. Князь же великий, то услышав и собрав войско, пошел на него и, прийдя, стал у Ипатьевского монастыря на мысу. И трудно им было биться на этому мысу, и помирились они: князь великий дал ему город Дмитров, и находился тот в Дмитрове один месяц (...).

В год 6944 (1436). Князь Василий Юрьевич пошел из Дмитрова снова на Кострому, а великому князю объявил войну, и епископа ростовского по пути пограбил, и жил в Костроме до летних дорог, и пошел к Галичу, а из Галича в Устюг, и вятчане с ним. И стоял под городом девять недель, и город взял, а князя великого воеводу Глеба Ивановича Оболенского убил, и епископского десятинника Иова Булатова повесил, и многих устюжан, бояр и купцов, порубил и повесил, поминая им то зломышление, что хотели его самого схватить и людей его многих побили, и бояр князя великого освободили из плена.

В ту же зиму князь Дмитрий Шемяка должен был жениться в Угличе и взять дочь князя Дмитрия Заозерского; и приехал в Москву князя великого звать на свадьбу, а князь великий его схватил да сослал в Коломну; а пристав при нем был Иван Старков, коломенский наместник.

Князь же Василий Юрьевич пошел с Устюга на Вологду, и тут его разыскали князя Дмитрия братни дворяне пятьсот человек.

И встретил его князь великий у монастыря святого Покрова на Скорятине в Ростовской волости, а с ним князь Дмитрий Юрьевич Меньшой, да в ту же пору служил князю великому еще Иван Баба из друцких князей, — изготовив копья, сошлись вместе и бились, и побежал князь Василий.

И князя Василия схватили и, приведя в Москву, ослепили его.

В год 6945 (1437). Прибыл в Москву Исидор-митрополит (...).

В год 6946 (1438) (...) У князя великого родился сын, князь Юрий Старший. В ту же осень князь великий посылал двоюродных братьев своих, двух князей Дмитриев Юрьевичей, и прочих князей и многих воевод, а с ними и многочисленные полки, на царя Магомета к Белеву — в час, когда тот с малым войском стоял, от другого царя убежав. И, испугавшись князей русских, начал он давать им на волю их все: и в заложники детей своих отдавать, и все, что набрали, даже если и не в пределах великого князя, пленных, — все то отдавали, но только чтоб не чинили им в тот день вреда. Наши же, увидев, что их бесконечное множество, а этих малое число, возгордясь, пошли на них, как бы проглотить их желая. И подошли к городу 5 декабря, и за нашу гордыню Бог попустил, что малое и плохое войско безбожных одолело многотысячные полки наши, неправедно поступающие и своих губящие. И многое множество побито было русских воинов, так что один агарянин десять или более того русских одолел, а все князья и воеводы побежали. Тогда же убили князя Андрея Ивановича Лобана Ряполовского, Семена Астафьевича Горсткина, Дмитрия Ивановича Каису, князя Петра Кузьминского, а иных бесчисленное множество было убито и своими христианами: они, идя на битву, грабили.

В год 6947 (1439). Подходил царь Магомет к Москве месяца июля третьего (...).

В тот же год князь великий, Григория Протасьева схватив, глаза выколол. Царь же, простояв у города десять дней, отошел, а волости и села пограбил (...).

Посады пожег, а христиан в полон увел многих, но городу Москве ничего не сделал.

В год 949 (1441). Митрополит Исидор бежал из Москвы. В ту же зиму князь великий ходил на Новгород и Демон-городок взял, да метельника порховского тогда убили. Тогда же скончался князь Юрий Старший, а другой князь Юрий родился, месяца января 22, на Тимофеев день. А за год до того в тот же день родился князь великий Иван Васильевич, и крестил его игумен троицкий Зиновий.

В год 6950 (1442). Князь великий прервал перемирие с Дмитрием Шемякою и пошел на него к Угличу, он же побежал в Бежецкий Верх, а князь великий за ним; и совсем было догнал его князь великий, да известил того Кулодарь Ирежский. Князь убежал, а Кулодаря князь великий, уличив, велел кнутами бить, по округе водя, да и дьячество

отнял у него. Сам же, до Киясова дойдя, вернулся, потому что наступила весна, и, прийдя в Москву, родню и всех людей распустил по домам. С князем же с Дмитрием князь Иван Можайский был в согласии в Угличе, и князь великий его отозвал и дал ему Суздаль, что прежде был за князьями Черторыйскими. А князь Дмитрий и с ним князь Александр Черторыйский после ухода князя великого дошли ратью до самого Троице-Сергиева монастыря неожиданно, но не впустил их игумен Зиновий, и поехал сначала сам игумен, и помирил их.

В год 6951 (1443). Посылал князь великий воевод своих под Рязань, на царевича на Мустафу; те же, дойдя, убили его на речке на Листани. Тогда же убит был в том бою Василий Иванович Жук Лыков, коломенский наместник, а Григория Васильевича сына Глебова ранили в челюсть; тогда же доблестно действовал Федор Васильевич Басенок. В тот же год князь Иван Андреевич схватил боярина своего, Андрея Дмитриева, вместе с детьми, а жену его Марью беспричинно сжег. Зима же та была холодной, а сено дорого.

В год 6953 (1445). Царь подошел к Мурому от Новгорода от Нижнего, и князь великий вышел навстречу ему к Владимиру и послал на него воевод; они же, пойдя, побили татар под Муромом. Тогда же убили Александра, сына Ивана Константиновича, в Гороховце, под Ореховцем в Новгороде Нижнем, а в Новом заперлись воеводы князя великого, князь Федор Давыдович да пан Юшко Драница. А когда князь великий был во Владимире, в ту же зиму пришли литовские воеводы: Судивой пан, Иван пан Гонцевич, пан Юрша, Захарий Иванович Кошкин, а с ним 7 тысяч литовцев, и с города Калуги взяли откуп, а под Козельском стояли неделю. А князь Михаил Андреевич, прослышав про то, послал князя Андрея Лугвицу и с ним триста человек; сам же болен тогда был и надеялся на немногих. Те же встретились с литовцами у реки Суходрови и напали на врага, литовцы побежали, а наши пустились в погоню. И навели они наших на основное войско, и тут убили князя Андрея Васильевича Лугвицу суздальского, а Судока схватили и увели в Литву, и сами после того возвратились к себе восвояси.

Пришел царевич Мамутяк со своим братом Ягупом на великого князя изгоном воевать. И был у них бой и сеча страшная у города у Суздаля на поле, и убитых было с обеих сторон много, и захватил царевич князя великого да князя Михаила Андреевича июля шестого, в день памяти отца Сысоя, в пятницу. Тем же годом Москва погорела в полуночи — с Кремля, от собора Архангельского, когда в нем скрывались в осаде, и многие люди сгорели, а иные задохнулись.

В год 6954 (1446). Князь великий вернулся от царевича из плена на Дмитриев день в Переяславль и пришел в Москву. И сговорились князь Дмитрий Шемяка да князь Иван Андреевич Можайский, а с ними замышлял зло в Москве и Иван Старков да кое-кто из купцов и из монахов Троицкого монастыря, — и пришли к Москве изгоном князь Дмитрий да князь Иван, а князь великий был в Троице-Сергиевом монастыре. И князем великим сел Дмитрий в Москве, а князь Иван в Троице-Сергиевом монастыре схватил князя великого Василия и, приведя в Москву, ослепил его месяца февраля в тринадцатый день. В тот же год родился князь Андрей в Угличе, августа 14.

В год 955 (1447). Князь Дмитрий Шемяка собрал епископов со всей страны, и честных игуменов, и священнослужителей, и, приехав в Углич, заставил князя великого поклясться крестным целованием и клятвенными грамотами, и выпустил его из заточения вместе с детьми пятнадцатого сентября, и дал ему Вологду в удел. И пришел князь великий в Вологду, а оттуда в Кириллов монастырь. Игумен же Трифон со всею братьею благословил великого князя Василия Васильевича вместе с его детьми на великое княжение, говоря так: «Тот грех на мне и на главах моей братии, что ты крест целовал и клятву давал князю Дмитрию: пойди, государь, с Богом и со всею правдою в свою отчину, в Москву, на великое княжение, а мы за тебя, за господина, помолимся Богу и благословим». Князь же великий к Твери пошел, а все войско московское к Твери со всех сторон к великому князю: из Литвы пришел князь Василий Ярославич, князь Семен Оболенский, князь Иван Ряполовский, Федор Басенок и других бояр и князей, и воевод, и детей боярских множество, и царевича два, Трегуб-Кайсым и Ягуп, и нагнали князя великого в Угличе. Тогда же князь великий на Угличе сватал сына своего Ивана у князя великого Бориса Александровича. И пришел князь великий в Москву февраля семнадцатого, в пятницу Сырной недели.

В год 956 (1448). Благовещение пришлось на понедельник пасхальной недели. И был в тот год мор на коней великий, да и люди мерли.

В год 957 (1449). Декабря пятнадцатого епископ Иона Рязанский поставлен был на митрополию в Русской земле, первый в Москве митрополит, избранный своими епископами. Той же весною великий князь был в Рудине-селе под Ярославлем, и пришел на него князь Дмитрий Шемяка да князь Иван Можайский со многими людьми, и чуть не случилось между ними кровопролития. Князь же Иван Андреевич бил челом великому князю, и князь великий пожаловал его, добавил ему Бежецкий Верх к вотчине его, к Можайску, а Шемяка пошел к Галичу. В тот же год родился Борис у великой княгини Марии, а князь великий был в Троице-Сергиевом монастыре. В тот же год неожиданно татары напали и доходили до Пахры; тогда полонили княгиню Марию с

невесткой Степанидой, князя Василия Оболенского да жену Григория Козлова Морозова.

В год 958 (1450). Князь великий пошел к Галичу на князя Дмитрия; князь же Дмитрий, собрав силу большую, вступил у самой стены подле города в бой, да из города ему пособляли, стреляя в ратников великого князя, но против Божьей силы и князя великого правды никак не преуспели: тотчас побежал Шемяка. Чуть не схватили его, а войско его — иных перебили, а иных захватили, город же Галич взяли; помог Бог великому князю месяца января двадцать восьмого, а князь Дмитрий убежал к Новгороду к Великому. В том бою убит был удалой Григорий Семенович Горсткин, новгородский боярин, и похоронен был в Ярославле в храме Спаса, в чернецах и в схиме нареченный иноком Германом. В тот же год Владимир Григорьевич Ховрин, купец и боярин великого князя, поставил перед своим двором церковь кирпичную Воздвижения святого креста. В тот же год бой был с татарами на реке Бетюке, тогда и Ромодана убили.

В год 959 (1451). Юрьев день пришелся на пятницу на Страстной неделе. В тот же год приходили татары из Сиди-Ахметовой орды изгоном, и, прослышав о том, князь великий послал воеводу своего, князя Ивана Звенигородского, наместника коломенского, на берег к широкой реке Оке. И увидел множество татар бесчисленное, и побежал от берега к великому князю, и сообщил ему о большой силе татарской, а князь великий не успел собрать войско и вышел из града Москвы, а в обороне оставил Иону митрополита да мать свою, великую княгиню Софью, и свою великую княгиню Марию, а сам пошел к рубежу тверскому. Месяца июля второго подошел к Москве царевич, Сиди-Ахметов сын, а с ним князья великие из Орды, и Едигер со многими силами, и зажгли дворы все на посаде; и разнес ветер огонь на город со всех сторон, и было страдание великое всем людям. Святитель же Иона митрополит повелел всем священникам петь молебны по всему городу и множеству народа молиться Богу и пречистой его Матери, и великим чудотворцам Петру и Алексию, и ветер утих, а татары в ту же ночь скрылись от города прочь, услышав за стенами страшный шум и решив, что князь великий вернулся с огромным войском.

В год 960 (1452). Князь великий Василий Васильевич посылал сына своего, князя великого Ивана Васильевича, Кокшеньгу покорять. В тот же год и женился князь великий Иван Васильевич, месяца июня четвертого, и взял княжну Марию, дочь князя великого Бориса Александровича Тверского. В тот же год у князя великого родился младший сын у великой княгини, князь Андрей, месяца августа восемнадцатого.

В год 61 (1453). Месяца апреля девятого погорел град Москва со двора Беклемишева. В тот же год, июня пятнадцатого, скончалась великая княгиня Софья, черницей в Вознесенском монастыре. В тот же год в Великом Новгороде скончался от отравы князь Дмитрий Юрьевич Шемяка. Тем же годом царь турецкий Царьград взял.

В год 962 (1454). Скончался Ефрем, архиепископ ростовский и ярославский. В тот же год поставлен был Феодосии Бывальцов епископом города Ростова. В тот же год князь великий Василий Васильевич город Можайск захватил, а князь Иван Андреевич бежал в Литву к королю служить.

В год 963 (1455). Питирима, епископа пермского, вогуличи убили. В тот же год приходили татары из Сиди-Ахметовой орды, и, переправясь через Оку, грабили, и брали в полон, и прочь ушли; а Иван Васильевич Ощера стоял с коломенским войском, да их упустил, не решился на них ударить; тогда же те татары убили князя Семена Бабича. Но, прийдя с дворянами великого князя, Федор Басенок татар разбил и полон возвратил.

В год 964 (1456). Князь великий Василий Васильевич ходил войной на Великий Новгород; новгородцы же, собрав войско большое, пошли навстречу великому князю и подошли под Руссу, а тут оказались князя великого воеводы: князь Иван Васильевич Оболенский Стрига с братьями да Федор Васильевич Басенок, удалой воевода. Новгородцев-смердов разбили, а иных схватили (...). А князь великий тогда в Яжелобицах стоял, и приехал к нему архиепископ Евфимий со знатными людьми, и бил челом великому князю, покоряясь его воле. В тот же год князь великий Василий Васильевич схватил шурина своего, князя Василия Ярославича, месяца июля десятого.

В год 66 (1458). Месяца сентября двадцать девятого сгорел город Муром. В ту же осень месяца октября двадцать второго треть Москвы погорела. В ту же зиму, февраля месяца пятнадцатого, родился у великого князя Ивана Васильевича сын, и нарекли ему имя Иван. В тот же год скончался Евфимий, архиепископ новгородский. Тем же годом князь великий посылал на Вятку князей Ряполовских, но Григорий Перхушков у вятчан взятки брал да им благоволил, так что Вятки не взяли. В тот же год поставили церковь кирпичную святого Введения на Симоновском подворье в городе.

В год 967 (1459). Поставили в Москве Иону архиепископом Новгорода Великого. В тот же год Иона митрополит в церкви Пречистой поставил придел, церковь каменную во имя Похвалы святой Богородицы. В тот же год князь великий, прознав, что Григорий Перхушков вятчанам потворствовал, повелел его схватить и вести в Муром и посадить на цепь, а на Вятку послал наместником князя Ивана Юрьевича, а с ним воевод своих и дворян с ним своих всех. Тот же, отправясь, города захватил Орлов да Котельнич, а под Хлыновом стоял долго, сражаясь каждый день. Вятчане же, видя, что их всегда побеждают, били челом князю Ивану, покорясь его воле, чего желал государь князь великий.

В год 968 (1460). Князь великий Василий Васильевич был в Новгороде Великом с миром. Тогда же Федор Васильевич Басенок пировал у посадника и поехал ночью на Городище, и напали на него шильники, и убили у него слугу по имени Илейка Усатый, рязанца, а сам едва убежал на Городище с товарищами. Новгородцы же, услышав шум, взволновались и пришли всем городом к великому князю в Городище: решили, что князя великого сын пришел войною на них, и едва успокоились; мало не уберег Бог от кровопролития! В тот же год, месяца июля четырнадцатого, буря была столь страшна, что лес ломало и дома срывало, а на восемнадцатый день в тот же месяц солнце изчезло. В тот же год царь Ахмат из Большой Орды, сын Кичи-Ахмета, приходил войной к Переяславлю-Рязанскому и стоял под городом три недели, каждый день идя на приступ и сражаясь; горожане же, милостью Божьей и Пречистой его матери, одолевали его и много у него татар перебили, а из горожан ни один поранен не был; и ушел прочь с великим позором, а на улана Казат мирзу держал большую досаду, ибо тот и привел его, не ожидая от русских никакого сопротивления. В тот же год на монастырском дворе Троице-Сергиева монастыря поставлена была церковь каменная святого Богоявления, да в тот же год перед княжьим двором Васильевича, у Боровицких ворот, заложили церковь каменную святого Иоанна Предтечи.

В год 69 (1461). Скончался князь великий Борис Александрович Тверской февраля в восемнадцатый день. И той же весною скончался Иона, митрополит киевский и всея Руси, марта в тридцать первый день. И поставили на митрополию Феодосия, архиепископа ростовского, мая в третий день.

В год 970 (1462). Месяца января двадцать четвертого, в день воскресный, в Чудовом монастыре у гроба святого Алексия-митрополита и чудотворца исцелило чернеца Наума, у которого была нога от рождения искривлена, почему и ходил на костыле, и стал здоровым. В ту же зиму, первого февраля, поставили в Москве епископа на Рязань Давида, казначея Ионы. В ту же весну, в Великий пост на Федоровой неделе, пришла весть князю великому, что князя Василия

Ярославича дети боярские и иные дворяне хитростью некоей хотели своего государя князя высвободить в Угличе из заключения, и обнаружился замысел их, и повелел князь великий схватить их: Володьку Давыдова, Парфена Бреина, Луку Посивьева и иных многих, — казнить, пороть и пытать, и конями волочить по всему городу и по всем площадям, а после всего повелел им головы отрубить. Множество же людей, видя все это, из бояр, и из купцов знатных, и из священников, и из простых людей, в великом были ужасе и изумлении, и жалостно видеть, как очи всех были слезами залиты, ибо никогда до того о таком и не слыхивали, не то чтоб видели, чтобы так у русских князей бывало; ведь к тому же и недостойно православному великому государю, единственному во всей вселенной, подобными казнями казнить и кровь проливать в святой Великий пост. Той же весною, немного спустя, в тот же Святой пост князь великий повелел у себя на спине трут попалить из-за сухотной болезни; великая же княгиня его и бояре его все воспрещали ему, он же их не послушал и с тех пор разболелся. В тот же год, месяца марта двадцать седьмого, скончался благоверный и христолюбивый князь Василий Васильевич, а княжение великое, престол свой, завещал сыну своему, князю великому Ивану Васильевичу. А князю Юрию дал город Дмитров, да Можайск, да Серпухов, да Хотунь, да бабки села и волости, великой княгини Софьи. А князю Андрею Старшему город Угличе Поле, да Бежецкий Верх, да Звенигород, да и мать его, великая княгиня Мария, после великого князя кончины добавила ему Романов-городок на Волге, а до того это принадлежало Ярославскому княжеству. А князю Борису дал город Волок на Ламе, да Ржев, да Рузу, да и после князь великий Иван добавил ему Вышгород на Протве да и села Марьи Голтяевой, бабки его, ему же отдал. А сыну своему князю Андрею Младшему дал город Вологду да Заозерье на Кубенском озере, да князь великий Иван после добавил ему городок Тарусу да Городец на Протве. В тот же год князь великий Иван Васильевич сел на престол отца своего на великом княжении во Владимире и на великом княжении в Новгороде Великом и Нижнем, и по всей Русской земле (...).

В год 971 (1463). В городе Ярославле, при князе Александре Федоровиче Ярославском, у святого Спаса в монастыре у братии явился чудотворец, князь великий Федор Ростиславич Смоленский, погребенный с детьми — с князем Константином и с Давыдом, и совершилось у их гроба прощение множества людей — исцелялись без числа. Всем же князьям ярославским эти чудотворцы явились не на пользу: простились те со всеми своими владеньями навеки, отдавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий взамен их владений дал им другие волости и села; и изначала хлопотал о владеньях тех перед князем великим прежним Алексей Полуектович, дьяк великого князя, чтобы владенья те никак не вернулись им обратно. А после того объявился в том же граде Ярославле новый чудотворец, Иван Агафонович, сущий соглядатай Ярославской земли: у кого село доброе — то и отнял, а у кого деревня хорошая — тоже отнял да отписал на великого князя ее, а кто будет и сам хорош, боярин иль сын боярский, тут и его самого записал; а прочих его чудес великое

множество невозможно ни написать, ни исчесть, потому что во плоти он есть цьяшос.

В год 972 (1464). Месяца января двадцать восьмого князь великий (...) рязанский женился в Москве, у великого князя Ивана Васильевича взяв сестру его, княжну Анну. Той же зимою в месяце марте поставили в Москве Иосифа Грека архиепископом в Кесарию Филиппову (...).

В год 973 (1465). Феодосии митрополит оставил митрополию сентября тринадцатого. Той же осенью, месяца ноября одиннадцатого, поставили в Москве митрополитом архиепископа суздальского Филиппа.

В год 975 (1467). Месяца апреля двадцать второго скончалась великая княгиня Марья-тверитянка в три часа ночи. В тот же год Трифон оставил архиепископство ростовское. В тот же год церковь каменная в честь святого Вознесения обновлена внутри Кремля (...).

В год 76 (1468). Князь великий Иван Васильевич посылал под Казань царевича Касыма, да с ним князя Ивана Юрьевича, да князя Ивана Васильевича Стригу и дворян своих. И стали у Волги скрытно. И лишь вышли было татары на них из судов, — а наши хотели их отрезать от берега, — как юноша некий, по имени Айдар, постельник великого князя, исполнясь ратного духа и не дав им времени отойти от судов их, заорал, и они устрашились, и бросились в суда, и побежали на Волгу; так в тот день и случилось: спаслись татары по милости Айдара, сына Григория Карповича. В ту же осень Филипп-митрополит церковь Вознесения освящал в городе каменную. Тогда же и поход был на черемис. Той же осенью поставили архимандрита спасского Вассиана Рыло на архиепископство в Ростов, декабря тринадцатого.

В год 977 (1469). Месяца мая двадцать седьмого, в неделю о Слепом, князь Андрей Васильевич Старший женился, взял в жены княжну Елену, мезецкого князя дочь. Той же весною князь великий Иван Васильевич послал на Казань войско судами, а берегом направил брата своего, князя Юрия Васильевича, да князя Андрея Старшего, а с ними всех князей, и воевод своих, и дворян своих всех.

И корабельное войско раньше пришло, мая двадцать первого, в воскресенье, на Пятидесятницу, на ранней заре; и взять бы им город, так внезапно пришли они, когда татары еще спали. Но почтил их наш

воевода, по имени Иван Дмитриевич, по прозвищу Руно: отогнал от ворот прочь.

И после того, месяца июня четвертого, Хрипун, князя Семена сын, из Ряполовских, разбил татар на берегу за Волгой и убил лиходея татарина Колупая, злейшего из всех татар — и ордынских, и казанских. В тот же год князя великого дети боярские с устюжанами шли на кораблях Волгой мимо Казани и надеялись, что войско великого князя еще под Казанью, а татары перехватили их на судах, и был у них бой весьма жестокий; и детей боярских, и устюжан перебили, а прочих схватили, а князя великого войско в ту пору было в Новгороде в Нижнем, потому что татары все войско, бывшее на судах, от Казани отбили. А убили тогда на Волге князя Данила Васильевича Ярославского да Никиту Константинова, сына Бровцына, да устюжан много, а Тимофея Плещеева Юрлища в плен взяли и других много (...).

В год 978 (1470). Месяца сентября первого князь Юрий Васильевич подошел к Казани со всеми войсками; и корабельная рать пошла пешком под город; татары же выехали из города и, посражавшись немного, побежали в город, а русские погнались за ними, и стали под городом, и, окружив их, как могучий лес, воду переняли у них. Царь же Ибрагим, видя себя в большой беде, начал слать послов к князю Юрию Васильевичу, прося мира; князь же Юрий заключил с ним мир по своему желанию и так, как нужно было брату его, великому князю. В тот же год, месяца августа тридцатого, погорел город Москва внутри весь.

В год 979 (1471). Ноября восьмого скончался архиепископ Иона в Новгороде. Той же осенью поставлен Прохор игумен епископом сарайским. Той же весною, месяца мая девятого, князь Борис Васильевич женился в Москве, а взял в жены княжну Ульяну, дочь князя Михаила Дмитриевича Холмского. В тот же год, месяца июня двадцатого, князь великий Иван Васильевич с братьями и со всем войском пошел к Новгороду Великому со всех сторон, покоряя и полоняя новгородцев за измену и непокорство. Новгородцы же, собрав большое войско, пошли к реке Шелони на битву с великим князем. А в то время случилось тут быть князя великого воеводам: князю Даниле Дмитриевичу Холмскому да Федору Давыдовичу, и князя Юрия воеводе Василию Федоровичу Вельяминову, — и воеводы, увидев новгородскую рать, пошли на них за реку Шелонь и, перейдя ее вброд, начали биться. Новгородцы же, немного сразившись, побежали, москвичи же погнали их, избивая, и рубя, и пленяя, потому что ведь много очень пришло новгородцев, как деревьев в лесу, а москвичей было мало очень, поскольку не по одному пути князя великого войско пошло, но многими дорогами. И тут, схватив посадников знатных и людей богатых новгородских, выкуп с них взяли, а посадников привели к великому

князю; тот же, возъярясь за их измену, повелел казнить их: кнутами бить и головы им отрубить. Был же этот бой месяца июля четырнадцатого (...).

В тот же год вятчане Сарай взяли. В тот же год князя великого воеводы: Василий Федорович Образец да Борис Тютчев Слепец, а с ними устюжане, да вологжане, да вятчане пришли на Двину на судах, и встретил их князь Василий Васильевич Суздальский с большим новгородским войском и со всеми двинянами, тоже на кораблях, и, рассудя меж собою, выбрали, выйдя на берег, место сраженья, и был между ними очень большой бой, и победили князя Василия, и новгородское войско побили; мало их осталось, а князь Василий бежал. Так везде Бог помогал великому князю за его справедливое дело.

В год 980 (1472). Сентября первого князь великий вернулся в Москву со многой добычей, а нареченный архиепископ Феофил с оставшимися в живых знатными новгородцами бил ему челом по всей его воле. В тот же год, месяца ноября восьмого, поставили игумена Филофея из Ферапонтова монастыря в Пермь епископом. Той же осенью, месяца декабря восьмого, поставлен был епископом в Рязань Феодосии, архимандрит Чудского монастыря. Того же месяца, пятнадцатого, поставили в Москве в архиепископы в Новгород Великий Феофила. Той же зимой после Рождества Христова явилась звезда великая, а от нее луч большой, и длинный, и очень светлый, светлее самой звезды; а всходила около шести часов вечера, там, где солнце встает летом, и шла к закату летнему; а луч впереди нее, а на конце луча того будто птичий хвост распростертый. В тот же год месяца января явилась другая звезда хвостатая, но на заходе летнем; хвост же ее тонок и не очень длинен, вверх, к той звезде концом, а луч темнее, чем у первой звезды; но первая звезда за три часа до восхода солнечного исчезала на том месте, где возникала, а эта другая звезда через столько же часов после захождения солнца на том же месте являлась. Той же зимою князь великий послал князя Федора (...) Пестрого воевать Пермь Великую за их непокорство. Той же весною, месяца апреля тридцатого, Филипп митрополит заложил церковь Успения святой Богородицы на площади у своего двора и разобрал церковь каменную же, которую Петр митрополит еще заложил; и извлекли мощи святого Петра митрополита, и Феогноста, и Киприана, и Фотия, и Ионы митрополита (...).

В тот же год, июня двадцать шестого, в пятницу, пришла к князю великому весть из Перми, что воевода его князь Федор Пестрый землю Пермскую покорил, а тех, которые князю великому зло причинили, всех поймал и к великому князю отправил, земля же вся ему присягала. В тот же год, июля двадцатого, на Ильин день, в третий час ночи загорелся посад в Москве, и много дворов погорело и церквей, начиная

от Голутвинского подворья. В том же году безбожный царь Ахмат Кичиахметьевич со всею Ордою пошел на Русь, дойдя до Руси, оставил с царицами старых и больных р. малых, и пошел с проводниками по бездорожью, и подошел к реке Оке под городок под Алексин у литовской границы, а в городке том был воеводой Семен Васильевич Беклемишев, человек в бою очень храбрый. И приказал ему князь великий защитников распустить, потому что не успели никакого оружия запасти, которым с татарами биться. И он пожелал получить отступного с них, и горожане-алексинцы давали ему пять рублей, а он захотел от них еще и шестого, для жены своей; и пока так они толковали, пришли татары. И Семен побежал за реку Оку с женой и со слугами, да и татары за ним в воду. А в то время подоспел к берегу князь Василий Михайлович Удалой с немногими людьми, и начал с татарами биться, и не пустил их за реку.

А немного спустя пришел князь Юрий Васильевич из Серпухова со многими своими войсками; и потом подошел князь Борис Васильевич, брат его, от Козлова брода с дворянами своими; и тотчас же князя великого воевода Петр Федорович Челядин подоспел со множеством воинов, князя великого дворян, — и было видеть татарам очень страшно, также и самому царю, множество воинов русских. А случился тогда день солнечный: будто море колеблющееся или озеро синеющее, все в обнаженных доспехах и в шлемах с яловцами, и не смог царь ничего поделать, и приказал к городу приступить татарам своим; осажденные же твердо стали сражаться с ними из города и убили у них много татар под Алексином. И начали уже изнемогать в городе люди, потому что нечем им стало сражаться, не осталось у них никакого запаса: ни пушек, ни ружей, ни пищалей, ни стрел. И татары подожгли город, а жители городские решили лучше в огне сгореть, чем сдаться в руки неверным. Князья же и воеводы, видя христиан погибающих, горько восплакались, ибо никак не могли пособить им из-за широкой реки Оки непроходимой. Царь же и все татары, видев множество русских, больше всего боялись князя Юрия Васильевича, потому что и от имени его трепетали, и невозможно было начать боя — предполагали татары, что и князь великий сам тут. И начали звать через реку наших татар, а когда те подъехали на берег напротив их, стали расспрашивать про великого князя, и про царевича Данияра, и про братьев великого князя. Те же открыли им, что князь великий стоит под Ростиславлем со многим войском, а царевич Данияр Касымович в Коломне стоит со своими дворянами и с ним множество воинов и великого князя воевод, а князь Андрей Васильевич да брат его князь Андрей Васильевич Младший стоят в Тарусе с дворянами своими и с иными многими войсками. Татары же, подивившись множеству воинов русских, спросили: «А здесь кто стоит против царя?» И ответили наши: «А это князь Юрий да князь Борис, братья великого князя, только что они пришли со своими дворянами». Услышав все это, татары передали царю своему, царь же тотчас устремился прочь.

А с собою увел посла великого князя, киличея Григория Волнина, остерегаясь того, что князя великого царевичи захватят Орду и цариц его. Тогда же княгиня великая поехала в Ростов и разболелась в Ростове. Князь же великий пришел в Москву и князь Юрий с ним, но, прознав о болезни матери, помчался навестить мать с младшими братьями. А князь Юрий разболелся и умер в год 81 (1472) сентября двенадцатого.

ДОПОЛНЕНИЯ В ТЕКСТЕ ЕРМОЛИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ, СВЯЗАННЫЕ С ВАСИЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЕРМОЛИНЫМ

6970 (1462) (...). В тот же год, месяца июля двадцать седьмого, освящена была церковь каменная святого Афанасия в Москве при Фроловских воротах, с приделом в честь святого Пантелеймона; а ставил ее Василий Дмитриев сын Ермолин. В тот же год обновлена городская стена от Свибловой башни до Боровицких ворот камнем под руководством Василия Дмитриева, сына Ермолина.

6972 (1464) (...). В тот же год, месяца июля пятнадцатого, поставлено изображение святого великого мученика Георгия на воротах Фроловских, вырезанное из камня по подряду Василия, Дмитриева сына Ермолина.

В год 974 (1466) (...). Поставлено было изображение святого великого мученика Дмитрия на Фроловских воротах изнутри Кремля, а резан из камня повелением Василия Дмитриева сына Ермолина.

6975 (1467) (...). В тот же год обновлена внутри Кремля церковь каменная святого Вознесения, которую заложила княгиня великая Евдокия после кончины своего государя великого князя Дмитрия Ивановича, повелением великой княгини Марии и по подряду Василия Дмитриева, сына Ермолина.

6977 (1469) (...). В тот же год в Сергиевом монастыре у Троицы поставили трапезу каменную, а руководствовал Василий Дмитриев, сын Ермолина. (...) В тот же год во Владимире обновили две церкви каменные, Воздвиженья на торгу, а другую на Золотых Воротах, по подряду Василия Дмитриева сына Ермолина.

6979 (1471) (...). В том же году в городе Юрьеве-Польском развалившуюся до основания церковь каменную святого Георгия, с приделом святой Троицы, с резьбой по камню повелением князя великого Василий Дмитриев собрал и поставил как прежде.

6980 (1472) (...). Той же весною, месяца апреля 30, Филипп митрополит заложил церковь Успения святой Богородицы (...). А руководителями были у той церкви Василий Дмитриев да Иван Владимиров Голова, и меж ними возникла ссора, и отступился от этой работы Василий, а Иван стал распоряжаться.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской и Я. С. Лурье, перевод Л. С. Семенова, комментарии Я. С. Лурье и Л. С. Семенова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Хождение за три моря» тверского купца XV в. Афанасия Никитина — бесспорно, один из наиболее замечательных памятников древнерусской литературы. Важнейшей особенностью этого памятника следует считать его совершенно неофициальный характер — это записки русского человека, попавшего на чужбину, не имевшие определенного адресата. Мы ничего не знаем об Афанасии Никитине, кроме сведений, содержащихся в «Хождении», и заметки, предшествуюшей ему в летописной редакции. Как может быть установлено по этим источникам, путешествие Никитина происходило в 1468—1475 гг., незадолго до присоединения Твери к Московскому государству; умер он около 1475 г., не дойдя до Смоленска. Нет оснований считать Афанасия Никитина особенно предприимчивым купцом, сознательно стремившимся в Индию; не был он и дипломатом. Товары, с которыми он отправился в путь, предназначались, очевидно, для продажи на Кавказе. В Индию он пошел «от многия беды», после того как был ограблен в низовьях Волги. Единственным товаром, который он доставил в Индию, был купленный по дороге и проданный с большим трудом конь. Путевые записки Никитина были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты. Он предполагал, конечно, что его дневник прочтут на родине (именно поэтому он записывал наиболее сомнительные с официальной точки зрения разделы по-тюркски и персидски), но не приспосабливал его к этикетным нормам, характерным для церковной и официальной светской литературы того времени. Своей непосредственностью и конкретностью «Хождение» напоминало рассказ Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского. Личностный характер рассказа Никитина, способность его автора раскрыть читателю свой внутренний мир — этими чертами

«Хождение» перекликается с величайшим памятником древнерусской литературы, созданным два века спустя, — «Житием» протопопа Аввакума.

«Хождение за три моря» дошло до нас в трех изводах, или редакциях. Один из них содержится в составе Софийской второй и Львовской летописей, восходящих к своду 1518 г., отражавшему, в свою очередь, более ранний летописный свод 80-х г. XV в.; второй входит в сборник конца XV—начала XVI в. из Музейного собрания РГБ (принадлежавший ранее Троицкому монастырю и именуемый поэтому обычно Троицким); третья редакция, входящая в состав поздней летописно-хронографической компиляции, относится уже к XVII в. Отрывки из «Хождения» читаются также в сборнике конца XV в. — РГБ, ф. 178. № 3271 (л. 35 об.). Нет оснований видеть в этих изводах различные авторские редакции — вероятнее предположить, что они возникли при переписке памятника.

В настоящем издании мы публикуем текст «Хождения за три моря» по Эттерову списку Львовской летописи (РНБ, P.IV. 144, лл. 442 об.—458 об.) с исправлением по Архивскому списку Софийской второй летописи (РГАДА, ф. 181, № 371/821, лл. 193—220 об.) и Троицкому списку (РГБ, ф. 178, № 8665, лл. 369—392 об.).

Два больших пропуска в летописном изводе («...всѣх в Дербентъ доброволно... Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень...», «Приидох же в Бедерь... а виденье обезьанино») восполнены по Троицкому списку (вставки эти, в отличие от более мелких, не отмечены в тексте курсивом).

ОРИГИНАЛ

В лѣто 6983 <...>. Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца,[1] что былъ в Ындѣе 4 годы,[2] а ходил, сказывает, с Васильемъ Папиным. Азъ же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогды его под Казанью застрелили.[3] Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер, а сказывают что, деи, Смоленьска не дошед, умеръ.[4] А писание то своею рукою написал, иже его рукы тѣ тетрати привезли гости к Мамыреву Василью,[5] к дияку к великого князя на Москву.

За молитву святыхъ отець наших, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, раба своего грѣшнаго Афонасъя Микитина сына.[6]

Се написах свое грѣшное хожение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалит*ьскаа*;[7] 2-е море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа,[8] 3-е море Черное, дориа Стебольская.[9]

Поидох от Спаса святаго златоверхаго[10] и сь его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича[11] Тверскаго, и от владыкы Генадия[12] Тверскаго, и Бориса Захарьича.[13]

И поидох вниз Волгою. И приидох в манастырь Колязин ко святѣй Троицы живоначалной и къ святым мученикомъ Борису и Глѣбу.[14] И у игумена ся благословив у Макария и у святыа братии. И ис Колязина поидох на Углеч,[15] и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приѣхалъ есми на Кострому ко князю Александру[16] с ыною грамотою великого князя. И отпустил мя доброволно. И на Плесо приѣхая есми доброволно.

И приѣхал есми в Новгород в Нижней[17] к Михайло х Киселеву, *к намѣстьнику*, и к пошлиннику к Ывану к Сараеву, и они мя отпустили доброволно. А Василей Папин проѣхал мимо город двѣ недѣли,[18] и яз ждал в Новѣгороде в Нижнем две недѣли посла татарскаго ширваншина[19] Асанбега а ѣхал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто.

И приѣхал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проѣхали, и *Усланъ*, и Сарай, *и Берекезаны* есмя проѣхали. И въѣхали есмя в Бузанъ. Ту наѣхали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсым салтан[20] стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар». И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да полѣз есми на судно на послово и с товарищи своими.

Поѣхали есмя мимо Хазтарахан, а мѣсяць свѣтит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бѣгайте!» А мы того не слыхали ничего, а бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богунѣ и учали нас стреляти. И у нас застрелили человѣка, а у них дву татаринов застрѣлили. И судно наше *меншее* стало на ѣзу,[21] и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меншем судне.

А в болшом суднѣ есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взад велѣли тянути вверхъ *до* ѣзу. И тут судно наше *болшее* пограбили и четыре головы взяли руские, а нас

отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили вѣсти дѣля.

И пошли есмя в Дербенть, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбѣг, да тезикы,[22] да русаков нас десеть головами; а в другом судне 6 москвич, да шесть тверич, да коровы, да кормъ нашь. А въстала фуртовина на море, да судно меншое разбило о берег. А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакы[23] да людей поимали всѣх.

И пришли есмя в Дербенть, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблени. И *билъ есми* челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбѣгу, что есмя с *нимъ* пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поимали под Тархи кайтаки. И Асанбѣг печаловался и ѣздил на гору къ Булатубегу. И Булатбегъ послал скорохода ко *ширван*шибегу, что: «господине, судно руское розбило под Тархи, и кайтаки, пришед, люди поимали, а товар их розграбили».

И ширваншабегъ того же часа послал посла к шурину своему Алиль-бегу, кайтачевскому князю, что: «судно ся *мое* разбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя. А что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и яз тебѣ, своему брату, не бороню. А тѣ люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно, меня дѣля». И Алильбегъ того часа люди отслал всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их к ширванши в ърду его, коитулъ.

А мы поехали к ширъванше во и коитулъ и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловалъ, чѣм доити до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакавъ, да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные осталися в Шамахѣе, а иные пошли роботать к Бакѣ.

А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы,[24] а изъ Баки пошелъ есми за море к Чебокару.

Да тутъ есми жил в Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць, в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня,[25]

Алеевых детей и внучатъ Махметевых, и онъ их проклялъ, ино 70 городовъ ся розвалило.

А из Дрѣя к Кашени, и тутъ есми был мѣсяць, а из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездѣи, и тутъ жилъ есми мѣсяцъ. А из Диесъ къ Сырчану, а изъ Сырчана къ Тарому, а фуники кормять животину, батманъ по 4 алтыны.[26] А изъ Торома к Лару, а изъ Лара к Бендерю, и тутъ есть пристанище Гурмызьское. И тут есть море Индѣйское, а парьсѣйскым языкомъ и Гондустаньскаа дория; и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили.

А Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень поимаеть его море по двожды на день.[27] И тут есми взял первый Великъ день,[28] а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми городы не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человѣка сожжет. А в Гурмызе был есми мѣсяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское по Велице дни в Радуницу,[29] в таву с конми.[30]

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дѣгу 4 дни; а от Дѣга Кузряту; а от Кузрята Конбаату. А тут ся родит краска да лекъ.[31] А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя *пошли* въ 7-ую недѣлю по Велице дни, а шли в тавѣ есмя 6 недѣль морем до Чивиля.

И тут есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти родятся на всякый год, а детей у них много. А мужики и жонкы всѣ нагы, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человѣку. А князь ихъ — фота на головѣ, а другая на гузнѣ;[32] а бояре у них — фота на плещѣ, а другаа на гузне, княини ходят фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярьскые — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣт, сором не покрыт.

А ис Чювиля сухом пошли есмя до Пали 8 дни, *до индѣйскыя горы*. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индѣскый. А от Умри до Чюнеря 7 дни.

Ту есть Асатхан Чюнерскыа индийскый, а холоп меликътучаровъ.[33] А держит, *сказывають*, семь темъ от меликъточара. А меликътучар седит на 20 тмах; а бьется с кафары[34] 20 лѣт есть, то его побивают, то он побивает ихъ многажды. Хан же Асъ ѣздит на людех. А слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много хоросанцев.[35] А привозят ихъ из Хоросаньские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменскые земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах — индѣйские карабли.

И яз грѣшный привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю, и дошелъ есми до Чюнеря: Богъ далъ поздорову все, а стал ми во сто рублев. Зима же у них стала с Троицына дни.[36] А зимовали есмя в Чюнерѣ, жили есмя два мѣсяца. Ежедень и нощь 4 месяцы всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орют да сѣют пшеницу, да тутурган, да ногут, да все сьѣстное. Вино же у них чинят в великых орѣхех — кози гундустанская;[37] а брагу чинят в татну.[38] Кони же кормят нофутом, да варят кичирисъ[39] с сахаром, да кормят кони, да с маслом, порану же дают имъ шешни.[40] В Ындѣйской же земли кони ся у них не родят, вь их землѣ родятся волы да буйволы, на тѣх же ѣздят и товар, *иное* возят, все дѣлают.

Чюнерей же град есть на острову на каменом, не одѣланъ ничѣм, Богом сотворен. А ходят на гору день по одному человѣку: дорога тесна, а двема поити нелзѣ.

В Ындѣйской земли гости ся ставят по подворьем, а ѣсти варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни, и спят с гостми. Сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесь екъ житель берсен, достур аврат чектур, а сикиш муфут; а любят бѣлых людей.

Зимѣ же у них ходит *люди* фота на гузнѣ, а другая по плечем, а третья на головѣ; а князи и бояре толды на себя въздевают *портки*, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьею голову увертит. А се оло, оло абрь, оло акъ, олло керем, олло рагим!

А в том в Чюнерѣ ханъ у меня взял жеребца, а увѣдал, что яз не бесерменянин — русинъ. И он молвит: «Жеребца дам да тысящу златых дам, а стань в вѣру нашу — в Махмет дени; а не станеш в вѣру нашу, в Махмат дени, и жеребца возму и тысячю златых на головѣ твоей возму». А срок учинил на четыре дни, в Оспожино говѣйно на Спасов день.[41] И Господь Богъ смиловался на свой честный праздникъ, не оставил милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣлъ погибнути в

Чюнерѣ с нечестивыми. И канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хоросанець, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал. И он ѣздил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взял. Таково осподарево чюдо на Спасовъ день. Ино, братие рустии християня, кто хощет поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю.

Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нѣт ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи морем, ини пошлины не дают. *А люди иные намъ провести пошлины не дадут*. А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни крестияне, не бесермене; а молятся каменым болваном, а Христа не знают, ни Махмета не знают.

А ис Чюнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к болшому их граду.[42] А шли есмя мѣсяць до Бедеря; а от Бедеря до Кулонкеря[43] 5 дни; а отъ Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тѣх великих градов много городов; на всяк день по три городы, а ино и по четыре городы; колко ковов,[44] толко градов. От Чювиля до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов, *а отъ Бедеря до Колубергу 9 ковов*.

В Бедере же торгъ на кони, на товар, да на камки,[45] да на шелкъ, на всей иной товар, да купити в нем *люди* черные; а иные в нем купли нѣт. Да все товар ихъ гундустанской, да сьестное все овощь, а на Рускую землю товару нѣт. А все черные люди, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣд*и*, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ.

В Ындѣйской земли княжат все хоросанцы, и бояре всѣ хоросанцы. А гундустанцы все пѣшеходы, а ходят перед хоросанцы на конех, а иные всѣ пѣши, ходятъ борзо, а все наги да боси, да щит в руцѣ, а в другой меч, а иные с луки великими с прямыми да стрелами. А бой их все слоны. Да пѣших пускают наперед, а хоросанцы на конех да в доспѣсех, и кони и сами. А к слоном вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю[46] кованых, да оболочат ихъ в доспѣхи булатные, да на них учинены городкы, да в городкѣх по 12 человѣкъ в доспѣсех, да всѣ с пушками да с стрелами.

Есть у них одно мѣсто, шихбъ Алудин[47] пиръ ятыр базар Алядинандъ. На год единъ базаръ, съезжается вся страна Индийская торговати, да

торгуют 10 дни; от Бедеря 12 ковов. Приводят кони, до 20 тысящь коней продавати, всякый товар свозят. В Гундустаньской земли тьй торгъ лучьший, всякый товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русскый на Покров святыя Богородица.[48] Есть в том Алянде[49] птица гукукь, летает ночи, а кличет: «кукъ-кукъ», а на которой хоромине седит, то тут человѣкъ умрет; и кто хощет еа убити, ино у ней изо рта огонь выйдет. А мамоны[50] ходят нощи, да имают куры, а живут в горѣ или в каменье. А обезьяны, то тѣ живут по лѣсу. А у них есть князь обезьяньскый, да ходит ратию своею. Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, *и онъ посылаеть на того свою рать*, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, а язык у них есть свой. А детей родят много; да которой родится ни в отца, ни в матерь, ини тѣх мечют по дорогам. Ины гундустаньцы тѣх имают, да учат ихъ всякому рукодѣлию, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы миканет.

Весна же у них стала с *Покрова*[51] святыа Богородица. А празднують шигу Аладину, веснѣ две недѣли по Покровѣ, а празднуют 8 дни. А весну дрьжат 3 мѣсяцы, а лѣто 3 мѣсяца, а зиму 3 мѣсяцы, *а осень 3 мѣсяца*.

В Бедери же их стол Гундустану бесерменьскому. А град есть великъ, а людей много велми. А салтан невелик — 20 лѣт,[52] а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.

Есть хоросанець меликтучар боярин,[53] ино у него двѣсте тысящь рати своей, *а у Меликхана 100 тысячь*, а у Фаратхана 20 тысяч, а много тѣхъ ханоз по 10 тысящь рати. А с салтаном выходят триста тысящь рати своей.

А земля людна велми, *а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добрѣ* и пышны велми. А все их носят на кровати своеи на серебряных, да пред ними водят кони в *снастех* златых до 20; а на конех за ними 300 человѣкъ, а пѣших пятьсот человѣкъ, да трубников 10 человѣкъ, да *нагарниковъ* 10 человѣкъ, да свирѣлников 10 человѣкъ.

Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с ним человѣкъ на конех 10 тысящь, а пѣших пятьдесят тысящь, а слонов выводят двѣсте, наряженых в доспѣсех золоченых, да пред ним трубников сто человѣкъ, да плясцов сто человѣкъ, да коней простых 300 в *снастех* золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гаурокы.

В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротех седит по сту сторожев да по сту писцов кафаров. Кто поидет, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают. А гарипов не пускают въ град. А дворъ же его чюден велми, все на вырезе да на золоте, и послѣдний камень вырезан да златом описан велми чюцно. Да во дворѣ у него суды розные.

Город же *Бедерь* стерегут в нощи тысяща человѣкъ кутоваловых,[54] а ѣздят на конех в доспѣсех, да у всѣх по свѣтычю.

А яз жеребца своего продал в Бедери. Да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов,[55] а кормил есми его год. В Бедери же змеи ходят по улицам, а длина еѣ двѣ сажени. Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филиповѣ[56] ис Кулонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ.

И тут бых до Великого заговейна[57] в Бедери и познася со многыми индѣяны. И сказах имъ вѣру свою, что есми не бесерменинъ исаядениени есмь християнинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани.[58] И они же не учали ся от меня крыти ни о чемъ, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учали крыти.

Да о вѣрѣ же о их распытах все, и оны сказывают: вѣруем въ Адама, а буты,[59] кажуть, то есть Адамъ и род его весь. А *вѣръ* въ Индѣи всѣх 80 и 4 вѣры, а все вѣрують в бута. А вѣра с вѣрою *ни* пиеть, ни ястъ, ни женится. А иныя же боранину, да куры, да рыбу, да яица ядять, а воловины не ядять никакаа вѣра.

В Бедери же бых 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити к Первоти, то их Ерусалимъ, а по бесерменьскый Мягъкат, *г*дѣ их бутхана.[60] Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць. И торгу у бутьханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния бутовыя. Около ея всея 12 рѣзано вѣнцевъ, какъ бутъ чюдеса творил, какъ ся имъ являлъ многыми образы: первое, человѣческым образомъ являлся; другое, человѣкъ, а носъ слоновъ; третье, человѣкъ, а виденье обезьанино; в четвертые, человѣкъ, а образом лютаго звѣря, а являся им *все съ* хвостомъ. А вырезан на камени, а хвостъ через него сажени.

К бутхану же съезжается вся страна Индийская на чюдо бутово.[61] Да у бутхана бреются старые и молодые, жонки и девочки. А бреют на себѣ всѣ волосы, — и бороды, и головы, и хвосты. Да поидут к бутхану. Да со всякие головы емлют по двѣ шешькѣни[62] пошлины на бута, а с коней по четыре футы. А съезжается к бутхану всѣх людей бысты азаръ лекъ[63] вах башет сат азаре лек.

В бутхане же бут вырезан[64] ис камени ис чернаго, велми великъ, да хвостъ у него через него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ еѣ, аки Устенеянъ царь Цареградскый,[65] а в лѣвой руцѣ у него копие. А на нем нѣт ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а видение обезьянино. А иные буты наги, нѣт ничего, кот ачюкъ, а жонки бутовы нагы вырѣзаны и с соромом, и з детми. А перед бутом же стоит волъ велми велик, а вырѣзан ис камени[66] ис чернаго, а весь позолочен. А целуют его в хопыто, а сыплют на него цвѣты. *И на бута сыплют цвѣты.*

Индѣяне же не ѣдят никоторого же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми много. Ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не пиют, ни сыты.[67] А з бесермены ни пиютъ, ни ядят. А ѣства же ихъ плоха. А один с одным ни пьет, ни ѣсть, ни з женою. А ѣдят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом да с молоком, а ѣдят все рукою правою, а лѣвою не приимется ни за что. А ножа не дрьжат, а лжицы не знают. А на дорозе кто же варит себѣ кашу, а у всякого по горньцу. А от бесермен крыются, чтоб не посмотрил ни в горнець, ни въ ѣству. А толко посмотрит, ино тое ѣствы не едят. А едят, покрываются платомъ, чтобы никто не виделъ его.

А намаз же их на восток, по-русьскыи. Обе руки подымают высоко, да кладут на тѣмя, да ложатся ниць на землѣ, да весь ся истягнет по земли, то их поклоны. А ѣсти же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот пополаскивают. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а буты стоят на восток. А кто у них умрет, ини тѣх жгут да и попел сыплют на воду. А у жены дитя ся родит, ино бабит муж, а имя сыну дает отець, а мати дочери. А добровта у них нѣт, а сорома не знают. Пошел или пришелъ, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли дотычют, а не говорит ничего.

К Первоти же ѣздят о Великом заговение, къ своему *буту*. Их туто Иерусалимъ, а бесерменскыи *Мякъка*, а по-русьскы Ерусалимъ, а по-индѣйскыи Порват. А сьезжаются всѣ наги, только на гузне плат; а жонки всѣ наги, толко на гузне фота, а иные ф фотах, да на шеях жемчюгу много, да яхонтов, да на руках обручи да *перстьни* златы. Олло оакь! А внутрь к бутхану ѣздят на волѣх, да у вола рога окованы

мѣдию, да на шеи у него триста колоколцов, да копыта подкованы мѣдию. А тѣ волы аччеи зовут.

Индѣяне же вола зовут отцем, а корову материю. А *каломъ их* пекут хлѣбы и ѣству варят собѣ, а попелом тѣмъ мажут ся по лицу, и по челу, и по всему тѣлу знамя. В недѣлю же да в понедѣлник едят однова днем. В Ындѣя же какъпа чектуръ а учюсьдерь: секишь илирсень ики жител, [68] акичаны ила атарсын алты жетел берь; булара достуръ. А куль коравашь учюзь чяр фуна хубъ, бем фуна хубѣсиа; капъкара амьчюкь кичи хошь.

От Первати же приѣхал есми в Бедерь, за пятнадцать денъ до бесерменьскаго улу багря.[69] А Великаго дни и въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бывает християньскы первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни. А со мною нѣт ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини и ихъ взяли, а яз забыл вѣры крестьяньские всее. Праздники крестьянскые, ни Велика дни, ни Рожества Христова *не вѣдаю, ни среды, ни пятници* не знаю; а промежу есми вѣр таньгрыдан истрѣмень ол сакласын: «Олло худо, олло акь, олло ты, *олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагымелъло*, олло каримелло, таньгресень, худосеньсень. Богъ един, тъй царь славы, творець небу и земли».

А иду я на Русь, кѣтъмышьтыр имень, урусь тутътым. Мѣсяць мартъ прошел, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѣствы бесерменские, а ѣлъ есми по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ятмадым. Да молился есми Христу Вседрьжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именемъ, Богъ олло, Богъ керим, Богъ рагимъ, Богъ *худо*, Богъ акьберь, Богъ царь славы, олло варенно, олло рагимельно сеньсень олло ты.

А от Гурмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Дѣгу шесть дни, а от Дѣга до Мошката 6 дни, а от Мошката[70] до Кучьзрята 10 дни, а от Кучьзрята до Камбата 4 дни, а от Камбата до Чивиля 12 дни, а от Чювиля до Дабыля 6 дни. И Дабыло же есть пристанище в Гундустани послѣднее бесерменьству. А от Дабыля до Келекота 25 дни, а от Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шаибата мѣсяць итти, а от Шаибата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачина мѣсяць итти, морем все то хожение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 мѣсяць, а морем 4 дни итти, арастъ хода чотьмъ.

Гурмыз же есть пристанище велико, всего свѣта люди в нем бывают, всякый товар в нем есть, что во всем свѣте родится, то в Гурмызе есть все. Тамга же велика, десятое съ всего емлют.

Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреди,[71] да киндяки, да чинят краску нил, да родится в нем лекь да ахикь да лон.

Дабыло же есть пристанище велми велико, а приводят кони из Мисюря, изо Арабъстани, *изъ Хоросани, ис Туркустани, из Негостани*, да ходят сухом мѣсяць до Бедери да до Кельбергу.

А Келекот же есть пристанище Индѣйскаго моря всего. А проити его не дай Бог никакову костяку: а кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем. А родится в нем перець, да зеньзебил, да цвѣт, да мошкат, да каланфуръ, да корица, да гвоздники, да пряное коренье *да адряк*,[72] *да всякого коренья* в нем родится много. Да все в немъ дешево. Да кул да калавашь писааръ хубь сия.

А Силянъ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ лежит баба Адамъ на горѣ на высоцѣ. Да около еѣ родится камение драгое, да червьцы, да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада.[73] Да слоны родятся, да продают ихъ в локот,[74] да девякуши продают в вѣс.

А Шабатское пристанище[75] Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцем дают алафу по тѣнке на день,[76] и великому и малому. А кто в нем женится хоросанець, и князь шабатскый дает по тысячи тенекъ на жертву, да алафу дает на всякый мѣсяць по пятидесяти тенекъ. Да родится в Шабате шолкъ, да сандалъ, да жемчюгъ, да все дешево.

А в Пегу же есть пристанище немало. Да все в нем дербыши живут индийскыи, да родятся в нем камение драгое, маникъ, да яхут, да кирпук,[77] а продают же каменье деръбыши.

А Чинское же да Мачинское пристанище велми велико, да дѣлают в нем чини, да продают же чини в вѣс, а дешево. А жоны их с мужи своими

спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом да спят с гарипы, да дают имъ алафу, да приносят с собою ѣству сахарную да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы еѣ любил, а любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми. А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нѣт ничего, что пилъ да ѣлъ, то ему халялъ.

Шаибат же от Бедеря 3 мѣсяцы, а от Дабыля до Шабата 2 мѣсяца морем итти, Мачим да Чим от Бедеря 4 мѣсяцы морем итти, а там же дѣлают чими, да все дешево. А от Силяна 2 мѣсяца итти морем, а до Келекота мѣсяць итти.

В Шаибате же родится шолкъ, да инчи, да жемчюг, да санда*лъ*; слоны же продают в локот. В Силяне же родится аммоны,[78] да червьцы, да фатисы, да хрусталь, да бабугури. В Лекоте же родится перець, да мошкат, да гвоздники, да фуфал, да цвѣт. В Кузряте же родится краска да лукь, да в Камбояти родится ахикь.

Во Рачюре же родится алмаз бир кона да новъ кона же алмаз. Продают почку по пяти рублев,[79] а доброго по десяти рублевъ, *новаго же* почка алмазу пѣнечьче кени, сия же чара — шеше кѣнь, а сипит екъ тенка. Алмаз родится в горѣ каменой а продают же ту гору каменую локот по двѣ тысячи фунтов златых новаго алмаза, а кона алмазу продаютъ в локот по десяти тысяч фунтовъ златых. А земля же таа Меликъханова, а холопъ салтанов. А от Бедеря 30 ковов.

А сыто жидове зовут Шабат своими жидовы, а то лжут; а шаибатене не жидова, ни бесермена, ни крестьяне, иная вѣра индийскаа, ни с худы, ни з бесермены ни пиют, ни ядят, а мяса никакова не ядят. Да в Шабате же все дешево. А родится шолкъ да сахар, велми дешев. Да по лѣсу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам людей дерут; ино у них ночи по дорогам не смѣют ѣздити обезьянъ дѣля да мамон дѣля.

От Шабата же 10 мѣсяць сухом итти, а морем 4 мѣсяцы аукыиков.[80] А у оленей кормленых рѣжут пупки, а в нем мускус родится; а дикие олени пупкы из собя роняют *по полю и* по лѣсу, ино ис тѣх воня выходит, да и сь *ѣсть* тот не свѣж.

Мѣсяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере[81] в бесерменском в Гунд*у*станѣ, а бесермена баграм взяли в середу мѣсяца;[82] а заговѣл есми мѣсяца априля 1 день. О благовѣрнии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают крестьяньские. Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вѣре крестьянской. Уже проидоша 4 Великая говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣйно, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Азъ же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару[83] в Маздраньской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре кристьяньской.

Бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати. Аз же ему рекох: «Господине! Ты намаз каларъсень, мен да намаз *киларьменъ; ты бешь намазъ* кыларъсиз, мен да 3 каларемен; *мень гарипъ*, а сень инчай». Он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а крестьяньства не знаешь». Азъ же во многыя в помышлениа впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду. Господи Боже Вседрьжителю, творець небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи тъй не сътворих тобѣ, Господи Боже мой, яко дни своя преплых во злѣ все. Господи мой, олло перводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, рагимелло; ахамдулимо. Уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а крестьянства не оставих. Дале Богъ вѣдает, что будет. Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой».

В Ындѣе же бесерменской, в Великом Бедерѣ, смотрил есми на Великую нощь на Великый день Волосыны да Кола в зорю вошли, а Лось главою стоит на восток.

На багрям на бесерменской выѣхал султан на теферич, ино с ним 20 возыров великых, да триста слонов наряженых в доспѣсех булатных да з городки, да и городкы окованы. Да в городкѣх по 6 человѣкъ в доспѣсех, да и с пушками да и с пищалми, а на великом слоне по 12 человѣкъ. Да на всяком по два проборца великых, да к зубом повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великыа желѣзныа гири.[84] Да человѣкъ седит в доспѣсе промежу ушей, да крюк у него желѣзной великой, да тѣм его правят. Да коней простых тысяща в *снастѣхъ* златых,[85] да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов

300, да ковре 300. Да на салтане кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичяк олмаз великый, да саадак[86] золот сь яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото. Да пред ним скачет кафаръ пѣшь да играет теремцомъ,[87] да за ним пѣших много. Да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ наряженъ, да обивает люди, да чѣпь у него желѣзна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.

И брат султанов, а тот седит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонты, да несут его 20 человѣкъ.

А *махтумъ*[88] седит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех в *снастехъ* златых. Да около его людей многое множество, да пред нимъ певцы, да плясцов много; да всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копии, да с луки с прямыми с великими. Да кони всѣ в доспѣсех, да саадаки на них. А иные наги всѣ, одно платище на гузне, сором завѣшен.

В Бедере же мѣсяць стоит три *дни* полонъ. В Бедере же сладкаго овощу нѣт. В Гундустани же силнаго вару нѣт. Силен варъ в Гурмызе да в Кятобагряим, гдѣ ся жемчюг родит, да в Жидѣ, *да в Бакѣ*, да в *Мисюрѣ*, да в Оръобьстани, да в Ларѣ. А в Хоросанской землѣ варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. В Ширязи, да въ Езди, да в Кашини варно, да вѣтръ бывает. А в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахѣе паръ лих; да в Вавилоне варно, *да в Хумитѣ, да в Шамѣ варно*, а в *Ляпѣ* не так варно.

А в Севастий губѣ да в *Гурзыньской* землѣ добро обилно всѣм. Да Турская земля обилна велми. Да в Волоской землѣ обилно и дешево *все съѣстное*. Да и Подолская земля обилна всѣм. А Русь еръ тангрыд сакласын; олло сакла, *худо сакла*! Бу даниада муну кибить ерь *ектуръ*; нечикь Урус ери бегляри[89] акой тугиль: Урусь ерь абоданъ болсынъ; растъ кам даретъ. Олло, худо, Богъ, данъиры.

Господи Боже мой! На тя уповах, спасти мя, Господи! Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана: на Гурмыз поити, а из Гурмыза на Хоросан пути нѣту, ни на Чеготай пути нѣту, ни в Бодату пути нѣт, ни на Катабогряим пути нѣту, ни на Ездь пути нѣт, ни на Рабостан пути нѣт. *То* вездѣ *булгакъ* стал; князей вездѣ выбил. Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ,[90] а султан Мусяитя окормыли,[91] а Узуосанбекъ на Ширязе сѣлъ, и земля ся не окрепила, а Едигерь Махмет,[92] а тот к

нему не ѣдет, блюдется. А иного пути нѣт никуды. А на Мякку итти, ино стати в вѣру бесерменскую. Занеже крестьяне не ходят на Мякку *вѣры дѣля, что ставять в вѣру*. А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человѣкъ, ино по полутретья алтына на харчю идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.

Меликътучар два города взял индийскых,[93] что разбивали по морю Индийскому. А князей поималъ семь да казну их взял, юкъ яхонтов, да юкь алмазу да кирпуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару безчислено рать взяла. А стоял под городом два года,[94] а рати с ним двѣсте тысячь, да слоновъ сто, да 300 верблюдов.

Меликътучар пришол с ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-рускому на Петров день. И султанъ послал 10 возыревъ стрѣтити его за 10 ковов, а в ковѣ по 10 верстъ, а со всяким возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсех.

А у меликътучара на всяк день садятся за софрею по пятисот человѣкъ. А с ним садятся три возыри за его скатертию, а с возырем по 50 человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояринов вшеретных. У меликътучара на конюшне коней 2000, да 1000 осѣдланых и день и нощь стоят готовы, да 100 слонов на конюшне. Да на всякую нощь двор его стерегут сто человѣкъ в доспѣсех, да 20 трубников, да 10 нагаръ, да 10 бубнов великых — по два человѣка бьют.

Мызамылкъ, да Мекхан, да Хафаратхан, а тѣ взяли три городы великие.[95] А с ними рати своей 100 тысяч человѣкъ да 50 слонов. А тѣ взял бесчислено яхонтов да камени всякого драгаго много *множьство*. А все то камение, да яхонты, да алмаз покупили на меликтучара, заповѣдал дѣлярем *пришли*[96] что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.

Султан выѣзжает на потѣху в четвергъ да во вторникъ, да три с ним возыри выезжают. А брат выезжает султанов в понедѣлник с материю да с сестрою. А жонок двѣ тысячи выеждает на конех да на кроватех на золоченых, да коней пред ними простых *сто* в доспѣсех золотых. Да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 возореней, да 50 слонов в попонах сукняных. Да по 4 человѣкы на слонѣ сидит нагих, одно платище на гузне. Да жонки пѣшие наги, а тѣ воду за ними носят пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пиет.

Меликътучар выехалъ воевати *индѣян* с ратию своею из града Бедеря на память шиха Аладина, а по-рускому на Покров святыя Богородица, а рати вышло с ним 50 тысящь, а султан послал рати своей 50 тысящь, да три с ними возыри пошли, а с ними 30 тысячь. Да сто слонов с ними пошло з городкы да в доспѣсех да на всяком слонѣ по 4 человѣкы с пищалми. Меликътучар пошол воевати Чюнедара великое княжение индийское.

А у бинедарьскаго князя[97] 300 слонов да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него.

Султан выѣхал из града Бедеря восмой мѣсяць по Велице дни.[98] Да с нимъ возыревъ выехало 26 возыревъ; 20 возыревъ бесерменьскых, а 6 возыревъ индийских. А с султаном двора его выѣхало сто тысяч рати своей конных людей, а двѣсте тысяч пѣших, да 300 слонов з городки да в доспѣсех, да сто лютых звѣрей на двою чепѣхъ.

А з братом салтановымъ вышло двора его *100 тысячь конных*, *да* 100 тысяч пѣших людей, да 100 слонов наряженых в доспѣсех.

А за Малханом вышло двора его 20 тысяч конныхъ, а пѣших 60 тысяч, да 20 слонов наряженых. А з Бездерханом вышло 30 тысяч конных, да и з братом, да пѣших сто тысяч, да слонов 25 наряженых с городки. А с Сулханом вышло двора его 10 тысяч конных:, а пѣших 20 тысяч, да 10 слонов з городки. А с Возырханом вышло 15 тысяч конных; людей, да пѣших 30 тысяч, да 15 слоновъ наряженых. А с Кутовалханом вышло двора его 15 тысяч конных, да пѣших 40 тысяч, да 10 слонов. А со всяким возырем по 10 тысяч, а с ыным 15 тысяч конных, а пѣших 20 тысяч.

А с ындѣйским авдономом вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пѣшихъ людей сто тысяч, да 40 слоновъ наряженых в доспѣсех, да по 4 человѣкы на них с пищалми.

А с султаном вышло возырев 26, а со всякымъ возырем по десяти тысяч рати своей, а пѣшихъ 20 тысящ, а с ыным возырем 15 тысяч конных людей и пѣших 30 тысяч. А индѣйскии 4 возыри великих, а с ними рати своей 40 тысячь конных людей, а пѣших сто тысяч. И султан ополѣлся

на индѣян, что мало *вышло* с ним, и он еще прибавилъ 20 тысяч пѣших людей, *двѣ* тысячи конных людей, да 20 слонов. Такова сила султанова индѣйскаго бесерменьскаго. *Мамет дени иариа. А растъ дени худо донот* — а правую вѣру Богъ вѣдает. А прaваа вѣра Бога единаго знати, и имя его призывати на всяком мѣсте. чисте чисто.[99]

В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь. Идох из Бедеря града за мѣсяць до улу багряма[100] бесерменьскаго *Мамет дени розсулял*. А Велика дни крестьянскаго не вѣдаю Христова въскресения, а говѣйно же ихъ говѣх з бесермены, и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери[101] от Бедери 10 ковов.

Султан пришол да меликътучаръ с ратию своею 15 *день* по улѣ багрямѣ, а в Келбергу. А война ся имъ не удала, один город взяли индийской,[102] а людей их много изгибло, и казны много истеряли.

А индийскый же салтан кадам велми силен, и рати у него много. А сидит в горѣ в Бичинѣгѣрѣ, а град же его велми велик. Около его три ровы, да сквозѣ его река течет. А с одну страну его женьгѣль злый, а з другую страну пришол долъ, и чюдна мѣста велми *и* угодна *на* все. На ону же страну приитти нѣкуды, сквозѣ градо дрога, а града же взяти нѣкуды, пришла гора велика да деберь зла тикень. Под городом же стаяла рать мѣсяць,[103] и люди померли безводни, да голов велми много изгибло з голоду да с безводицы. А на воду смотрит, а взяти нѣкуды.

А град же взял индийской меликъчанъ хозя, а взял его силою, день и нощь бился з городомъ 20 дни, рать ни пила, ни ѣла, под городом стояла с пушками. А рати его изгибло пять тысяч люду добраго. А город взял, ини высѣкли 20 тысяч поголовья мужскаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго. А продавали голову полону по 10 тенекъ, *а иную по 5 тенекъ*, а робята по две тенкы. А казны же не было ничего. А болшаго города не взял.

А отъ Кельбергу поидох до Кулури. А в Кулури же родится ахикь, и ту его дѣлают, на весь свѣт оттуду его розвозят. А в Курили же алмазников триста *сулях микунѣт*. И ту же бых пять мѣсяць, а оттуду же поидох Калики. Ту же бозар велми великъ. А оттуду поидох Конаберга, а от Канаберга поидох к шиху Аладину. А от шиха Аладина поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нярясу, и от Кинаряса к Сури,[104] а от Сури поидох к Дабыли — пристанище Индийскаго моря.

Дабил же есть град велми велик, а к тому же Дабыли а съѣзжается вся поморья Индийская и Ефиопская. Ту же и окаянный аз рабище Афонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣре по крестьяньской, и по крещении Христовѣ, и по говѣйнех святых отець устроеных, по заповедех апостольских и устремихся умом поитти на Русь. И внидох *же в таву*, и зговорих о *налонѣ* корабленем, а от своеа главы два златых до Гурмыза града *дати*. Внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три мѣсяцы бесерменьскаго говѣйна. [105]

Идох же в тавѣ по морю мѣсяць, а не видѣх ничего. На другий же мѣсяць увидѣх горы Ефиопскыа, ту же людие вси воскричаша: «Олло перводигер, олло конъкар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-рускыи языком молвят: «Боже осподарю, Боже, Боже вышний, царю небесный, здѣ нам судил еси погибнути!»

В той же землѣ Ефиопской бых пять дни. Божиею благодатию зло ся не учинило. Много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопом, ини судна не пограби*ли*.

А оттудова же идох 12 дни до Мошката. В Мошкате же шестой Велик день взял. И поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызе бых 20 дни. Из Гурмыза поидох к Лари, и в Лари бых три дни. Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязе бых 7 дни. И из Ширяза поидох к Вергу 15 дни, а в Велергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езди 9 дни, а въ Езди бых 8 дни. А изь Езди поидох *къ Спагани 5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис Пагани* поидох Кашини, а в Кашини бых 5 дни. А ис Кашина поидох к Куму, а ис Кума поидох в Саву. А из Сава поидох к Султаню, а из Султания поидох до Тервизя, *а ис Тервиза* поидох в оръду Асанбѣгъ. В ордѣ же бых 10 дни, ано пути нѣт никуды. А на турскаго[106] послал рати двора своего 40 тысяч. Ини Севасть взяли, а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на караманского[107] воюючи.

И яз из орды пошол ко Арцыцану, а из Орцыцана пошол есми в Трепизон.

В Трепизон же приидох на Покров святыя Богородица и приснодѣвы Мариа, и бых же въ Трапизоне 5 дни. И на корабль приидох и сговорил

о налонѣ — дати золотой от своеа главы до Кафы; а золотой есми взял на харчь, а дати в Кафѣ.

А в Трапизоне ми же шубаш да паша[108] много зла учиниша. Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все — что мѣлочь добренкая, ини выграбили все. А обыскивают грамот, что есми пришол из орды Асанбега.

Божиею милостию приидох до третьяго моря *Чернаго*, а парсийскимъ языкомъ дория Стимбольскаа. Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас срѣтили великый вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизону, и стояли есмя в Платанѣ 15 дний, вѣтру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море *двожды*, *и* вѣтръ нас стрѣчает злый, не дастъ нам по морю ходити. Олло акь, олло худо перводигерь! Развие бо того иного Бога не знаю.

И море же проидохъ, д*а занесе насъ* сыс къ Баликаеѣ, а оттудова к Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни. Божиею милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филипова заговѣниа. Олло перводигер!

Милостию Божиею преидох же три моря. Дигерь худо доно, олло перводигерь дано. Аминь! Смилна рахмам рагим. Олло акьбирь, акши худо, илелло акшь ходо. Иса рухоало, ааликъсолом. Олло акьберь. А илягаиля илелло. Олло перводигерь. Ахамду лилло, шукур худо афатад. Бисмилнаги размам ррагим. Хуво могу лези, ля лясаильля гуя алимуль гяиби ва шагадити. Хуя рахману рагиму, хубо могу лязи. Ля иляга *иль ляхуя. Альмелику, алакудосу, асалому, альмумину, альмугамину, альазизу*, алчебару, альмутаканъбиру, алхалику, альбариюу, *альмусавирю*, алькафару, алькалъхару, альвазаху, альрязаку, альфатагу, альалиму, алькабизу, альбасуту, альхафизу, алльрравию, алмавизу, алмузилю, альсемилю, албасирю, альакаму, альадюлю, алятуфу.

---

[1] *Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца...* — Запись эта, относящаяся к 1474—1475 гг., скорее всего принадлежит составителю независимого летописного свода 80-х гг. XV в.

[2] *...в Ындѣе 4 годы...* — Афанасий Никитин пробыл в Индии, как мы можем полагать, с середины 1471 до начала 1474 г.; см. приведенные

далее известия индийских хроник о времени взятия городов, упоминаемых Никитиным, и указания на соотношения между датами русского календаря и мусульманского лунного календаря.

[3] *...коли князь Юрьи под Казанию был, тогды его под Казанью застрелили.* — Речь идет, очевидно, о походе на Казань русских войск под предводительством брата Ивана III князя Юрия Васильевича Дмитровского, закончившемся в сентябре 6978 (1469) г.; вне комментируемого памятника сведений о после Ивана III в Ширван Василии Папине нет.

[4] *...Смоленьска не дошед, умеръ.* — Смоленск до 1514 г. входил в состав Литовского государства.

[5] *Василий Мамырев (1430—1490)* — великокняжеский дьяк, оставленный Иваном III вместе с И. Ю. Ряполовским в Москве во время нашествия хана Ахмата в 1480 г. и руководивший в 1485 г. строительством укреплений во Владимире.

[6] *За молитву... Афонасья Микитина сына.* — Отчество («фамилия») автора «Хождения за три моря» упоминается только в начальной фразе памятника, восполненной в издании по Троицкому списку (в летописном изводе ее нет).

[7] *...море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа...* — Каспийское море; дарья (перс.) — море.

[8] *...море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа...* — Индийский океан.

[9] *...дориа Стебольская.* — Черное море именуется также Стебольским (Стамбульским) по греческому народному и турецкому названию Константинополя — Истимполи, Стамбул.

[10] *...от Спаса святаго златоверхаго...* — Главный собор Твери (XII в.), по которому и Тверская земля именовалась часто «домом святого Спаса».

[11] *Михаил Борисович* — великий князь тверской в 1461—1485 гг.

[12] *Владыка Геннадий* — епископ тверской в 1461—1477 гг., бывший московский боярин Геннадий Кожа.

[13] *Борис Захарьич* — воевода, возглавлявший тверские войска, помогавшие Василию Темному в борьбе с его противником Дмитрием Шемякой, представитель рода Бороздиных, перешедших впоследствии на московскую службу.

[14] *...монастырь Колязин ко святѣй Троицы... Борису и Глѣбу.* — Троицкий монастырь в тверском городе Калязине на Волге был основан игуменом Макарием, упоминаемым у Никитина; церковь Бориса и Глеба находилась в Макарьевском Троицком монастыре.

[15] *...на Углеч...* — Углич — город и удел великого княжества московского.

[16] *...приѣхалъ... на Кострому ко князю Александру...* — Кострома на Волге входила в число непосредственных владений великого князя московского.

[17] *...в Новгород в Нижней...* — Нижний Новгород с 1392 г. входил в состав владений великого князя московского; наместник Михаил Киселев — видимо, отец Ф. М. Киселева, получившего жалованную грамоту Ивана III до 1485 г.

[18] *... двѣ недѣли...* — Очевидно, ошибка переписчика; эти слова (в Троицкой редакции их нет) повторяются далее в той же фразе.

[19] *...ширваншина...* — Ширваншах Фаррух Ясар правил в Ширванском государстве в 1462—1500 гг.

[20] *...Кайсымъ салтан...* — Хан Касим, второй по времени правитель Астраханского ханства.

[21] *...на ѣзу...* — Ез (закол) — деревянное заграждение на реке для рыбной ловли.

[22] *...тезикы...* — Так обычно называли купцов из Ирана.

[23] *...кайтакы...* — Кайтак — горная область в Дагестане.

[24] *...к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы...* — Вероятно, речь идет о пламени в местах выхода нефти или о храме огнепоклонников.

[25] *А ту убили Шаусеня...* — В дни памяти имама Хусейна (погиб в Месопотамии в VII в.) участники процессии восклицают: «Шахсей! Вахсей!» (Шах Хусейн! Вах Хусейн!); эти дни отмечаются шиитами в начале года по мусульманскому лунному календарю (в 1469 г. ошур байрам приходился на конец июня—начало июля). Запустение округа Рея связано с войнами XIII в.

[26] *...батманъ по 4 алтыны...* — Батман (перс.) — мера веса, достигавшая нескольких пудов; алтын — денежная счетная единица, заключавшая в себе шесть денег.

[27] *...а ежедень поимаеть его море по двожды на день.* — Морские приливы в Персидском заливе имеют полусуточный характер.

[28] *И тут есми взял первый Великъ день...* — Из дальнейшего изложения следует, что в Ормузе Никитин отметил третью Пасху за пределами Руси. Возможно, путешественник хотел сказать, что это первый праздник, который он встретил, придя к Индийскому океану.

[29] *...в Радуницу.* — Радуница — девятый день после Пасхи.

[30] *...в таву с конми.* — Тава (маратск. даба) — парусное судно без верхней палубы. Массовый завоз лошадей в Индию осуществлялся для пополнения конницы и нужд местной знати в течение многих веков.

[31] *...краска да лекъ.* — Речь идет о синей краске индиго (ср. далее «да чинят краску нил») и приготовлении лака.

[32] *...фота на головѣ, а другая на гузнѣ...* — Путешественник говорит о чалме (перс. фота) и дхоти (инд.), которые, так же как и женская одежда сари, изготовлялись из несшитой ткани.

[33] *...Асатхан Чюнерскыа индийскый, а холоп меликътучаровъ.* — Асадхан Джуннарский, выходец из Гиляна, упоминается в индийских хрониках как лицо, близкое великому везиру, Махмуду Гавану, носившему титул мелик-аттуджар (повелитель купцов).

[34] *...кафары...* — Кафир (арабск.) — неверный, так сначала Никитин называл индусов, пользуясь термином, принятым среди мусульман; позднее он называл их «гундустанцы» и «индѣяны».

[35] *Хоросанцы* — здесь и далее: мусульмане не индийского происхождения, выходцы из различных областей Азии.

[36] *Зима же у них стала с Троицына дни.* — Имеется в виду период муссонных ливней, длящийся в Индии с июня по сентябрь. Троица — пятидесятый день после Пасхи; приходится на май-июнь.

[37] *...кози гундустанская...* — Гоуз-и хинди (перс.) — кокосовые орехи.

[38] *...в татну.* — Речь идет о соке, добываемом из коры пальмиры.

[39] *...да варят кичирисъ...* — Кхичри — индийское блюдо из риса с приправами.

[40] *Шешни* — по-видимому, зеленые листья дерева Dalbegria sissor, которые в Индии с древнейших времен употреблялись в качестве корма лошадей.

[41] *...в Оспожино говѣйно на Спасов день.* — Спасов день приходится на 6 августа; Успенский пост длится с 1 августа до Успенья; *...на Оспожин день...* — Успенье, приходится на 15 августа.

[42] *...к Бедерю, к болшому их граду.* — Бидар являлся в это время столицей Бахманидского султаната.

[43] *Кулонкерь, Кулонгерь...* — Неясно, какой именно город имеет в виду А. Никитин.

[44] *...колко ковов...* — Ков (инд.) — мера длины, в среднем около десяти километров.

[45] *Камка* — цветная шелковая ткань, расшитая золотом, парча.

[46] *...по кентарю...* — Кантар (арабск.) — мера веса, превышавшая три пуда.

[47] *...шихбъ Алудин...* — Шейх Алаеддин, местный мусульманский святой.

[48] *...а на русскый на Покров святыя Богородица.* — Покров приходится на 1 октября. Далее, однако, Никитин указывает, что дни памяти шейха Алаеддина отмечают через две недели после Покрова.

[49] *Есть в том Алянде...* — Никитин передает местные поверья, отразившие культ совы (гхукук) и культ обезьяны.

[50] *Мамоны* — здесь и далее: некрупный хищник.

[51] *Весна же у них стала с Покрова...* — Имеется в виду начало нового сезона в октябре после периода муссонных ливней.

[52] *А салтан невелик — 20 лѣт...* — В год приезда Никитина в Индию султану Мухаммеду III было семнадцать лет, в год отъезда — двадцать.

[53] *Есть хоросанець меликтучар боярин...* — Так Никитин называет великого везира Махмуда Гавана, выходца из Гиляна.

[54] *...тысяща человѣкъ кутоваловых...* — Кутувал (перс.) — комендант крепости.

[55] *...футунов...* — Возможно, что Никитин так называет золотую монету фанам.

[56] *...о заговѣйне о Филиповѣ...* — Филиппов пост длится с 14 ноября до Рождества, которое приходится на 25 декабря.

[57] *...до Великого заговейна...* — Великий пост начинается за семь недель до Пасхи, т. е. в феврале—начале марта.

[58] *...а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани.* — Обычай пользоваться восточными именами, созвучными христианским, был распространен среди европейцев, живших на Востоке. Хозя Юсуф Хоросани — ходжа (господин) Юсуф из Хорасана.

[59] *...буты...* — Бут (перс.) — идол, кумир; здесь: боги индийского пантеона.

[60] *...бутхана.* — Бутханэ (перс.) — дом идола, кумирня.

[61] *...на чюдо бутово.* — Здесь: ежегодный праздник в честь Шивы, отмечаемый в феврале-марте.

[62] *...по двѣ шешькѣни...* — Шешкени — серебряная монета, шесть кени.

[63] *...лекъ...* — Лакх (инд.) — сто тысяч.

[64] *в бутхане же бут вырезан...* — Здесь: статуя Шивы; его атрибуты: змей, обвивающий его тело (у Никитина — «хвост»), и трезубец.

[65] *...аки Устенеянъ царь Цареградскый...* — Статуя в Константинополе Юстиниана I (527—565 гг.).

[66] *...стоит волъ велми велик, а вырѣзан ис камени...* — Статуя быка Нанди, спутника Шивы.

[67] *...сыты.* — Сыта — медовый напиток.

[68] *...жител...* — Житель — медная монета.

[69] *...до бесерменьскаго улу багря*. — Улу байрам — великий праздник, то же, что курбан байрам (праздник жертвоприношения) — один из главных праздников в исламе, отмечается 10—13 числа месяца зу-ль-хиджжа по мусульманскому лунному календарю, соотношение которого с солнечным календарем меняется ежегодно. Далее Никитин указывает, что праздник состоялся в середине мая; это позволяет установить год — 1472 г.

[70] *...а от Мошката...* — По-видимому, вставка летописца; эти слова противоречат указанному времени пути; в Троицком списке они отсутствуют.

[71] *...алачи, да пестреди...* — Алача — ткань из шелковых и бумажных нитей; пестрядь — хлопчатобумажное полотно.

[72] *...да адряк...* — Адрак (перс.) — вид имбири.

[73] *...да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада*. — Фатис — камень, употреблявшийся на изготовление пуговиц; бабагури (перс.) — агат; бинчаи — вероятно, банавша (перс.) — гранат; хрусталь — возможно, берилл; сумбада — корунд.

[74] *...в локот...* — Локоть — древнерусская мера длины, равная 38—47 см.

[75] *...Шабатское пристанище...* — Полагают, что это либо Бенгалия, либо страна Чамба в Индокитае.

[76] *...по тѣнке на день...* — Танка — серебряная монета; в разных местностях разного достоинства.

[77] *...маникъ, да яхут, да кирпук...* — Мани (санскр.) — рубин; якут (арабск.) — яхонт, чаще сапфир (синий яхонт), реже рубин (лал); кирпук (искаж. карбункул) — рубин.

[78] *...родится аммоны...* — Аммон — драгоценный камень, возможно алмаз.

[79] *Продают почку по пяти рублев...* — Почка — мера веса для драгоценных камней («тяжелая» — одна двадцатая и «легкая» — одна двадцать пятая золотника, соответственно: 0.21 г и 0.17 г).

[80] *...аукыиков* (в Троицком списке: аукыковъ) — текст неясен. Предполагают указание на а) тип кораблей (арабск. — гунук); б) расстояние.

[81] *Мѣсяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере...* — Четвертую Пасху за пределами Руси Никитин отметил не в положенный срок; Пасха не бывает позже 25 апреля (по юлианскому календарю).

[82] *...а бесермена баграм взяли в середу мѣсяца...* — Курбан байрам в 1472 г. приходился на 19 мая.

[83] *Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару...* — Относительно этого места высказаны предположения, что Каин либо искаженное название какого-то пункта в Закавказье, либо Наин в Иране; но Никитин посетил Наин после Чапакура, в таком случае следует, что первую за пределами Руси Пасху Никитин встретил в Чапакуре, а вторую — в Наине.

[84] *...да к рылу привязаны великыа желѣзныа гири.* — Никитин принял за гири большие колокольцы, которые вешали на шею слону.

[85] *Да коней простых тысяща в снастѣхъ златых...* — При выезде знатных особ было принято выводить верховых лошадей в полном конском уборе, демонстрируя богатство и знатность владельца.

[86] *Саадак* — набор вооружения: лук в чехле и колчан со стрелами.

[87] *...играет теремцомъ...* — Имеется в виду парадный зонт чхатра (инд.), символ власти.

[88] *...махтумъ...* — Махдум (арабск.) — господин. Почетный титул, который великий везир Махмуд Гаван получил в мае 1472 г. после взятия Гоа.

[89] *...бегляри.* — Беги (тюрк., ч. от бег, бей) — представители феодальной знати (арабск. синоним — эмир).

[90] *Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ...* —Джеханшах Кара-Коюнлу, правивший в Иране и ряде соседних областей, был убит в ноябре 1467 г. в сражении с войсками своего соперника Узуна Хасана Ак-Коюнлу.

[91] *...а султан Мусяитя окормыли...* — Султан Абу-Саид, правивший в Средней Азии, вторгся в Закавказье. Окруженный войсками Узуна Хасана и его союзника Фаррух Ясара попал в плен и в феврале 1469 г. был казнен.

[92] *...а Едигерь Махмет...* — Мухаммед Ядигар — соперник Абу-Саида, временно захвативший власть после его гибели.

[93] *...два города взял индийскых...* — Согласно индийским хроникам во время войны 1469—1472 гг. были взяты два прибрежных города Сангамешвар и Гоа; последний, как видно из переписки Махмуда Гавана, был занят 1 февраля 1472 г.

[94] *...стоял под городом два года...* — Речь идет об осаде крепости Келна во время той же войны.

[95] *...взяли три городы великие.* — Согласно индийским хроникам во время похода в Телингану в 1471—1472 гг. были заняты три важные крепости — Варангал, Кондапалли, Раджамандри. Войсками командовал Малик Хасан, носивший титул низам-ал-мульк.

[96] *...пришли...* — Ошибка переписчика: в Летописном изводе — пришие; в следующей фразе содержится правильно написанное слово «пришли».

[97] *...у бинедарьскаго князя...* — Вирупакша II, махараджа Виджаянагара, правил в 1465—1485 гг. Далее Никитин называет его «индийский авдоном» и «индийский султан кадам».

[98] *Султан выѣхал из града Бедеря восмой мѣсяць по Велице дни.* — Султан Мухаммед III, как устанавливается из переписки Махмуда Гавана, выступил в поход на Белгаон 15 марта 1473 г.

[99] *...а правую вѣру Богъ вѣдает. А праваа вѣра Бога единаго знати, и имя его призывати на всяком мѣсте чисте чисто.* — Это высказывание Афанасия Никитина, непосредственно примыкающее к написанной по-персидски фразе: «А Мухаммедова вера годится», свидетельствует о своеобразии его мировоззрения. Оно не может быть сведено к простой идее веротерпимости: слова «Бог ведает» в другом месте у Никитина означают неуверенность — «дале Богь вѣдает, что будет». Никитин считает обязательным свойством «правой веры» только единобожие и моральную чистоту. В этом отношении его мировоззрение сближается со взглядами русских еретиков конца XV в., утверждавших, что «приятным Богу» может стать представитель любого «языка», лишь бы он «творил правду».

[100] *...за мѣсяць до улу багряма...* — В 1473 г. начало этого праздника приходилось на 8 мая.

[101] *...и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери...* — Следовательно, шестую Пасху Никитин отметил в мае, т. е. не в срок, так же как и предыдущую.

[102] *...один город взяли индийской...* — Город Белгаон, осада и взятие которого в 1473 г. подробно описаны в индийских хрониках.

[103] *Под городом же стояла рать мѣсяць...* — Речь идет о неудачной осаде города Виджая-нагар.

[104] *...поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нярясу, и от Кинаряса к Сури...* — Неясно, о каких именно городах между Аландом и Дабхолом говорит путешественник.

[105] *...до Велика дни за три мѣсяцы бесерменьскаго говѣйна*. — Никитин указывает здесь на соотношение в данном году двух переходящих дат мусульманского и православного календаря. В 1474 г. начало поста Рамазан приходилось на 20 января, а Пасха на 10 апреля.

[106] *А на турскаго...* — Турецкий султан Мехмед II правил в 1451—1481 гг.

[107] *...на караманского...* — Власть в Карамане в эти годы несколько раз переходила из рук в руки. Наместником султана был Мустафа, сын Мехмеда II. Наследственным правителем Карамана был Пир Ахмед (ум. в 1474 г.), союзник Узуна Хасана.

[108] *...шубаш да паша...* — Су-баши — начальник охраны города; паша — наместник султана.

ПЕРЕВОД

В год 6983 (1475) (...). В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до Казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя.

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море — Дербентское, дарья Хвалисская, второе море — Индийское, дарья Гундустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская.

Пошел я от Спаса святого златоверхого с его милостью, от государя своего великого князя Михаила Борисовича Тверского, от владыки Геннадия Тверского и от Бориса Захарьича.

Поплыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь калязинский к святой Троице живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калягина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой великого князя. И отпустил меня без препятствий. И в Плес приехал без препятствий.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана, и кречетов у него было девяносто.

Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: «Султан Касим подстерегает купцов на Бузане, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.

Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма — не бегите!» А мы этого ничего не слыхали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек; а в другом судне — шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит

городок Тарки, и вышли люди на берег, да пришли кайтаки и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли, — чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилось под Тарками, а кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».

И ширваншах послал тотчас посла к шурину своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилось под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослали их к ширваншаху в ставку его — койтул.

Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море — в Чапакур.

И прожил я в Чапакуре шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандаранской земле. А оттуда пошел к Амолю и жил тут месяц. А оттуда пошел к Демавенду, а из Демавенда — к Рею. Тут убили шаха Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда, и пало на убийц проклятие Мухаммеда — семьдесят городов разрушилось.

Из Рея пошел я к Кашану и жил тут месяц, а из Катана — к Наину, а из Наина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана — к Тарому, домашний скот здесь кормят финиками, по четыре алтына продают батман фиников. А из Тарома пошел к Лару, а

из Лара — к Бендеру — то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.

А Ормуз — на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провел я первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы пошел я в таве с конями за море Индийское.

И шли мы морем до Маската десять дней, а от Маската до Дега четыре дня, а от Дега до Гуджарата, а от Гуджарата до Камбея. Тут родится краска да лак. От Камбея поплыли к Чаулу, а из Чаула вышли в седьмую неделю после Пасхи, а морем шли шесть недель в таве до Чаула.

И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети родятся каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку. У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят — голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара.

Правит тут индийский хан — Асад-хан джуннарский, а служит он мелик-ат-туджару. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафарами двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асад-хан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев, у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из

Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах — индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с Божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь — целых четыре месяца — всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские называются, а брагу — из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле родятся быки да буйволы — на них ездят и товар и иное возят, все делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, Богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями. *Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром;* а любят белых людей.

Зимой у них простые люди ходят — фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. *О Боже, Боже великий, Господь истинный, Бог великодушный, Бог милосердный!*

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу — в Мухаммеддини. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму». И срок назначил — четыре дня, на Спасов день, на Успенский по.ст. Да Господь Бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково Господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет

кто идти в Индийскую землю — оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.

Солгали мне псы бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бесерменской земли, перец да краска, то дешево. Те, кто возят волов за море, те пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафары, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.

А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару, главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири — пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов — столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.

В Бидаре на торгу продают коней, камку, шелк и всякий иной товар да рабов черных, а другого товара тут нет. Товар все гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные., все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хорасанцами, которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой — меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами. Бой ведут все больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними — хорасанцы в доспехах на конях, в доспехах и сами и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Есть тут одно место — аланд, где шейх Алаеддин, святой, лежит и ярмарка. Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней — до двадцати тысяч коней — продавать, да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая,

всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Алаеддина, а по-нашему на Покров святой Богородицы. А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать, и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детенышей родится у них много, и если который из них родится ни в мать, ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремеслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат *людей забавлять*.

Весна у них началась с Покрова святой Богородицы. А празднуют память шейха Алаеддина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.

Бидар — стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нем очень много. Султан молод, двадцати лет — бояре правят, а княжат хорасанцы и воюют все хорасанцы.

Живет здесь боярин-хорасанец, мелик-ат-туджар, так у него двести тысяч своей рати, а у Мелик-хана сто тысяч, а у Фарат-хана двадцать тысяч, и у многих ханов по десять тысяч войска. А с султаном выходит триста тысяч войска его.

Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да дударей десять.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести, и все в золоченых доспехах, и перед ним — трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурыки называются.

Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие — кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень — и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.

По ночам город Бидар охраняет тысяча стражей под начальством куттавала, на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.

Продал я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят восемь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост, а жеребца своего продал на Рождество.

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а *веры Иисусовой* христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя — ходжа Юсуф Хорасани. И индусы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать.

Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии восемьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.

Пробыл я в Бидаре четыре месяца и сговорился с индусами пойти в Парват, где у них бутхана — то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка. Шел я с индусами до бутханы месяц. И у той бутханы ярмарка, пять дней длится. Велика бутхана, с пол-Твери, каменная, да вырезаны в камне деяния бута. Двенадцать венцов вырезано вкруг бутханы — как бут чудеса совершал, как являлся в разных образах: первый — в образе человека, второй — человек, но с хоботом слоновым, третий — человек, а лик обезьяний, четвертый — наполовину человек, наполовину лютый зверь, являлся все с хвостом. А вырезан на камне, а хвост с сажень, через него переброшен.

На праздник бута съезжается к той бутхане вся страна Индийская. Да у бутханы бреются старые и молодые, женщины и девочки. А сбривают на себе все волосы, бреют и бороды, и головы. И идут к бутхане. С каждой головы берут по две шешкени для бута, а с коней — по четыре футы. А съезжается к бутхане всего людей *двадцать тысяч лакхов, а бывает время и сто тысяч лакхов*.

В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь цареградский, а в левой руке у бута копье. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не надето, *срам не прикрыт,* и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом — бык огромный, из черного камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, — ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле — то их поклоны. А есть садятся — руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да пепел сыплют в реку. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать — дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча.

В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских — Иерусалим, то для индусов Парват. И съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. *Ей-Богу!* А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованы медью,

да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову — матерью. На помете их пекут хлеб и кушанья варят, той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же *гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить — дай шесть жителей. Так в сих, местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна; черная-пречерная амьчюкь маленькая, хороша*.

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до бесерменского улу байрама. А когда Пасха, праздник Воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю — наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских — ни Пасхи, ни Рождества Христова — не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И, живя среди иноверных, *молю я Бога, пусть он сохранит меня: «Господи Боже, Боже истинный, ты Бог, Бог великий, Бог милосердный, Бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, Господи Боже*. Бог един, то царь славы, творец неба и земли».

А иду я на Русь *с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом*. Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню, с женщиной не ложился я. И молился я Христу Вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного Бога именем не призывал. *Господи Боже, Бог милостивый, Бог милосердный, Бог Господь, Бог великий*, Бог царь славы, *Бог зиждитель, Бог всемилостивейший, — это все ты, о Господи*.

От Ормуза морем идти до Калхата десять дней, а от Калхата до Дега шесть дней, и от Дега до Маската шесть дней, а от Маската до Гуджарата десять дней, от Гуджарата до Камбея четыре дня, а от Камбея до Чаула двенадцать дней, и от Чаула до Дабхола шесть дней. Дабхол же в Индостане пристань последняя бесерменская. А от Дабхола до Кожикоде двадцать пять дней пути, а от Кожикоде до Цейлона пятнадцать дней, а от Цейлона до Шабата месяц идти, а от Шабата до Пегу двадцать дней, а от Пегу до Южного Китая месяц идти — морем весь тот путь. А от Южного Китая до Северного идти сухим

путем шесть месяцев, а морем четыре дня идти. *Да устроит мне Господь крышу над головой*.

Ормуз — пристань большая, со всего света люди тут бывают, всякий товар тут есть; что в целом свете родится, то в Ормузе все есть. Пошлина же большая: со всякого товара десятую часть берут.

Камбей — пристань всего Индийского моря. Делают тут на продажу алачи да пестряди, да киндяки, да делают тут краску синюю, да родится тут лак, да сердолик, да соль.

Дабхол — тоже пристань весьма большая, привозят сюда коней из Египта, из Аравии, из Хорасана, из Туркестана, из Бендер-Ормуза; отсюда ходят сухим путем до Бидара и до Гулбарги месяц.

И Кожикоде — пристань всего Индийского моря. Пройти мимо нее не дай Бог никакому судну: кто ее пропустит, тот дальше по морю благополучно не пройдет. А родится там перец, да имбирь, да цветы муската, да орех мускатный, да каланфур — корица, да гвоздика, коренья пряные, да адряк, да всякого коренья родится там много. И все тут дешево. *А рабы и рабыни многочисленны, хорошие и черные.*

А Цейлон — пристань немалая на Индийском море, и там на горе высокой лежит праотец Адам. А около горы добывают драгоценные камни: рубины, да фатисы, да агаты, да бинчаи, да хрусталь, да сумбаду. Слоны там родятся, и цену им по росту дают, а гвоздику на вес продают.

А Шабатская пристань на Индийском море весьма большая. Хорасанцам платят там жалованье по тенке на день и большому, и малому. А женится хорасанец, ему князь шабатский дает тысячу тенек на жертву да жалованья каждый месяц по пятьдесят тенек дает. А в Шабате родится шелк, да сандал, да жемчуг, — и все дешево.

А Пегу тоже пристань немалая. Живут там индийские дервиши, а родятся там драгоценные камни: маник, да яхонт, да кирпук, и продают те камни дервиши.

Китайская же пристань весьма велика. Делают там фарфор и продают его на вес, дешево. А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью ходят к приезжим чужестранцам да спят с ними, и дают они чужестранцам деньги на содержание, да приносят с собой кушанья сладкие, да вино сладкое, да кормят и поят купцов, чтобы их любили, а любят купцов, людей белых, потому что люди их страны очень черны. А зачнет жена от купца дитя, то купцу деньги на содержание муж дает. А родится дитя белое, тогда купцу платят триста тенек, а черное дитя родится, тогда купцу ничего не платят, а что пил, да ел, то *даром по их обычаю*.

Шабат же от Бидара в трех месяцах пути; а от Дабхола до Шабата — два месяца морем идти, а до Южного Китая от Бидара четыре месяца морем идти, делают там фарфор, да все дешево. А до Цейлона идти морем два месяца, а до Кожикоде месяц идти.

В Шабате же родится шелк, да инчи — жемчуг скатный, да сандал; слонам цену по росту дают. На Цейлоне родятся аммоны, да рубины, да фатисы, да хрусталь, да агаты. В Кожикоде родится перец, да мускатный орех, да гвоздика, да плод фуфал, да цветы муската. В Гуджарате родится краска да лак, а в Камбее — сердолик.

В Райчуре же родятся алмазы *старой копи и новой копи*. Алмаз продают по пять рублей почка, а очень хорошего — по десять рублей. Почка алмаза новой копи *по пять кени, черного — по четыре—шесть кени, а белого алмаза — одна тенка*. Алмазы родятся в горе каменной, и платят за локоть той горы каменной: новой копи — по две тысячи фунтов золотых, а старой копи — по десять тысяч фунтов. А землей той владеет Мелик-хан, султану служит. А от Бидара тридцать ковов.

А что евреи говорят, что жители Шабата их веры, то неправда: они не евреи, не бесермены, не христиане, иная у них вера, индийская, ни с иудеями, ни с бесерменами не пьют, не едят и мяса никакого не едят. Все в Шабате дешево. Родится там шелк да сахар, и все очень дешево. По лесу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам на людей нападают, так что из-за мамонов да обезьян у них ночью по дорогам ездить не смеют.

От Шабата посуху десять месяцев идти, а морем — четыре месяца аукыиков. У оленей домашних режут пупки — в них мускус родится, а

дикие олени пупки роняют по полю и по лесу, но запах они теряют, да и мускус тот несвежий бывает.

Месяца мая в первый день отметил я Пасху в Индостане, в Бидаре бесерменском, а бесермены праздновали байрам в середине месяца; а поститься я начал месяца апреля в первый день. О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище Божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую Пасху праздновал я в Каине, а другую Пасху в Чапакуре в Мазандаранской земле, третью Пасху — в Ормузе, четвертую Пасху в Индии, среди бесермен, в Бидаре, и тут много печалился по вере христианской.

Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: «Господин! Ты молитву *совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я — три раза. Я — чужестранец, а ты — здешний*». Он же мне говорит: «Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь». И я сильно задумался, и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже Вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание твое; не дай, Господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил. Господь мой, *Бог покровитель, ты, Боже, Господи милостивый, Господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала Богу*. Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой».

В Бидаре Великом, в бесерменской Индии, в Великую ночь на Великий день смотрел я, как Плеяды и Орион в зарю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток.

На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, наряженных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по

шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кентарю, а на шее — огромные железные гири. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком — им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султане кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет ею коней и людей, чтоб к султану не подступали близко.

А брат султана сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка — золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.

А махдум сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А остальные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт.

В Бидаре луна полная стоит три дня. В Бидаре сладкого овоща нет. В Индостане большой жары нет. Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг родится, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так. Очень жарко в Чаготае. В Ширазе, да в Йезде, да в Кашане жарко, но там ветер бывает. А в Гиляне очень душно и парит сильно, да в Шамахе парит сильно; в Багдаде жарко, да в Хумсе и в Дамаске жарко, а в Халебе не так жарко.

В Сивасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съестное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь *Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!*

Господи, Боже мой! На тебя уповал, спаси меня, Господи! Пути не знаю — куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти — из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала. Мирзу Джехан-шаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет: опасается. А иного пути нет. На Мекку пойти — значит принять веру бесерменскую. Потому, веры ради, христиане и не ходят в Мекку: там в бесерменскую веру обращают. А в Индостане жить — значит издержаться совсем, потому что тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с половиной алтына в день идет, хотя ни вина я не пивал, ни сыты.

Мелик-ат-туджар взял два города индийских, что разбойничали на Индийском море. Семь князей захватил да казну их взял: вьюк яхонтов, вьюк алмазов, да рубинов, да дорогих товаров сто вьюков, а иных товаров его рать без числа взяла. Под городом стоял он два года, и рати с ним было двести тысяч, да сто слонов, да триста верблюдов.

В Бидар мелик-ат-туджар вернулся со своею ратью на курбан байрам, а по-нашему — на Петров день. И султан послал десять везиров встретить его за десять ковов, а в кове — десять верст, и с каждым везиром послал по десять тысяч своей рати да по десять слонов в доспехах.

У мелик-ат-туджара садится за трапезу каждый день по пятьсот человек. С ним вместе за трапезу садятся три везира, и с каждым везиром по пятьдесят человек, да еще сто его бояр ближних. На конюшне у мелик-ат-туджара две тысячи коней да тысячу коней оседланными день и ночь держат наготове, да сто слонов на конюшне. И каждую ночь дворец его охраняют сто человек в доспехах, да двадцать трубачей, да десять человек с барабанами, да десять бубнов больших — бьют в каждый по два человека.

Низам-ал-мульк, Мелик-хан да Фатхулла-хан взяли три города больших. А рати с ними было сто тысяч человек да пятьдесят слонов. И захватили они яхонтов без числа, да других драгоценных камней множество. И все те камни, да яхонты, да алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он запретил мастерам продавать их купцам, что пришли в Бидар на Успенье.

Султан выезжает на прогулку в четверг и во вторник, и с ним выезжают три везира. Брат султана совершает выезд в понедельник с матерью да с сестрой. И женок две тысячи выезжает на конях да на носилках золоченых, да перед ними ведут сто верховых коней в золотых доспехах. Да пеших множество, да два везира и десять везирыней, да пятьдесят слонов в суконных попонах. А на слонах сидит по четыре человека нагих, только повязка на бедрах. И пешие женки наги, носят они за ними воду — пить и умываться, но один у другого воды не пьет.

Мелик-ат-туджар со своей ратью выступил из города Бидара против индусов в день памяти шейха Алаеддина, а по-нашему — на Покров святой Богородицы, и рати с ним вышло пятьдесят тысяч, да султан послал своей рати пятьдесят тысяч, да пошли с ними три везира и с ними еще тридцать тысяч воинов. И пошли с ними сто слонов в доспехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищалями. Мелик-ат-туджар пошел завоевывать Виджаянагар — великое княжество индийское.

А у князя виджаянагарского триста слонов да сто тысяч рати, а коней у него — пятьдесят тысяч.

Султан выступил из города Бидара на восьмой месяц после Пасхи. С ним выехало двадцать шесть везиров — двадцать бесерменских везиров и шесть везиров индийских. Выступили с султаном двора его рати сто тысяч конных людей, двести тысяч пеших, триста слонов в доспехах и с башенками да сто лютых зверей на двойных цепях.

А с братом султана вышло двора его сто тысяч конных, да сто тысяч пеших, да сто слонов в доспехах.

А с Мал-ханом вышло двора его двадцать тысяч конных, шестьдесят тысяч пеших, да двадцать слонов в доспехах. А с Бедер-ханом и его братом вышло тридцать тысяч конных, да пеших сто тысяч, да двадцать пять слонов, в доспехах и с башенками. А с Сул-ханом вышло двора его десять тысяч конных, да двадцать тысяч пеших, да десять слонов с башенками. А с Везир-ханом вышло пятнадцать тысяч конных людей, да тридцать тысяч пеших, да пятнадцать слонов в доспехах. А с Кутувал-ханом вышло двора его пятнадцать тысяч конных, да сорок тысяч пеших, да десять слонов. А с каждым везиром вышло по десять тысяч, а с некоторыми и по пятнадцать тысяч конных, а пеших — по двадцать тысяч.

С князем виджаянагарским вышло рати его сорок тысяч конных, а пеших сто тысяч да сорок слонов, в доспехи наряженных, и на них по четыре человека с пищалями.

А с султаном вышло двадцать шесть везиров, и с каждым везиром по десять тысяч конной рати, да пеших по двадцать тысяч, а с иным визиром по пятнадцать тысяч конных людей и по тридцать тысяч пеших. А великих индийских везиров четыре, а с ними вышло конной рати сорок тысяч да сто тысяч пеших. И разгневался султан на индусов, что мало людей с ними вышло, и прибавили еще пеших двадцать тысяч, да две тысячи конных, да двадцать слонов. Такова сила султана индийского, *бесерменского. Мухаммедова вера годится*. А раст дени худо донот — а правую веру Бог ведает. А правая вера — единого Бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать.

На пятую Пасху решился я на Русь идти. Вышел из Бидара за месяц до бесерменского улу байрама *по вере Мухаммеда, посланника божья*. А когда Пасха, Воскресение Христово, — не знаю, постился с бесерменами в их пост, с ними и разговелся, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.

Султан пришел в Гулбаргу с мелик-ат-туджаром и с ратью своей на пятнадцатый день после улу байрама. Война им не удалась — один город взяли индийский, а людей много у них погибло и казны много поистратили.

А индийский великий князь могуществен, и рати у него много. Крепость его на горе, и стольный город его Виджаянагар очень велик. Три рва у города, да река через него течет. По одну сторону города густые джунгли, а с другой стороны долина подходит — удивительное место, для всего пригодное. Та сторона не проходима — путь через город идет; ни с какой стороны город не взять: гора там огромная да чащоба злая, колючая. Стояла рать под городом месяц, и люди гибли от жажды, и очень много людей поумирало от голода да от жажды. Смотрели на воду, да не подойти к ней.

Ходжа мелик-ат-туджар взял другой город индийский, силой взял, день и ночь бился с городом, двадцать дней рать ни пила, ни ела, под городом с пушками стояла. И рати его погибло пять тысяч лучших воинов. А взял город — вырезали двадцать тысяч мужского полу и

женского, а двадцать тысяч — и взрослых, и малых — в плен взяли. Продавали пленных по десять тенек за голову, а иных и по пять, а детей — по две тенки. Казны же совсем не взяли. И стольного города он не взял.

Из Гулбарги пошел я в Каллур. В Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят. В Каллуре триста алмазников живут, *оружье украшают*. Пробыл я тут пять месяцев и пошел оттуда в Коилконду. Там базар очень большой. А оттуда пошел в Гулбаргу, а из Гулбарги к Аланду. А от Аланда пошел в Амендрие, а из Амендрие — к Нарясу, а из Наряса — в Сури, а из Сури пошел к Дабхолу — пристани моря Индийского.

Большой город Дабхол — съезжаются сюда и с Индийского и с Эфиопского поморья. Тут я, окаянный Афанасий, рабище Бога вышнего, творца неба и земли, призадумался о вере христианской, и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Взошел в таву и сговорился о плате корабельной — со своей головы до Ормуза-града два золотых дал. Отплыл я на корабле из Дабхола-града на бесерменский пост, за три месяца до Пасхи.

Плыл я в таве по морю целый месяц, не видя ничего. А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: «*Олло перводигер, олло конъкар, бизим баши мудна насинь больмышьти*», а по-русски это значит: «Боже, Господи, Боже, Боже вышний, царь небесный, здесь нам судил ты погибнуть!»

В той земле Эфиопской были мы пять дней. Божией милостью зла не случилось. Много раздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам. И они судна не пограбили.

А оттуда шли двенадцать дней до Маската. В Маскате встретил я шестую Пасху. До Ормуза плыл девять дней, да в Ормузе был двадцать дней. А из Ормуза пошел в Лар, и в Ларе был три дня. От Лара до Шираза шел двенадцать дней, а в Ширазе был семь дней. Из Шираза пошел в Эберку, пятнадцать дней шел, и в Эберку был десять дней. Из Эберку до Йезда шел девять дней, и в Йезде был восемь дней, а из Йезда пошел в Исфахан, пять дней шел, и в Исфахане был шесть дней. А из Исфахана пошел в Кашан, да в Кашане был пять дней. А из Кашана пошел в Кум, а из Кума — в Савэ. А из Савэ пошел в Сольтание, а из Сольтание шел до Тебриза, а из Тебриза пошел в ставку Узун Хасан-

бека. В ставке его был десять дней, потому что пути никуда не было. Узун Хасан-бек на турецкого султана послал двора своего сорок тысяч рати. Они Сивас взяли. А Токат взяли да пожгли, и Амасию взяли, да много сел пограбили и пошли войной на караманского правителя.

А из ставки Узун Хасан-бека пошел я в Эрзинджан, а из Эрзинджана пошел в Трабзон.

В Трабзон же пришел на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии и был в Трабзоне пять дней. Пришел на корабль и сговорился о плате — со своей головы золотой дать до Кафы, а на харч взял я золотой в долг — в Кафе отдать.

И в том Трабзоне субаши и паша много зла мне причинили. Добро мое все велели принести к себе в крепость, на гору, да обыскали все. И что было мелочи хорошей — все выграбили. А искали грамоты, потому что шел я из ставки Узун Хасан-бека.

Божией милостью дошел я до третьего моря — Черного, что по-персидски дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Боны, и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного, встречного, стояли мы пятнадцать дней в Платане. Из Платаны выходили в море дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. *Боже истинный, Боже покровитель!* Кроме него — иного Бога не знаю.

Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. Бог творец!

Милостию Божией прошел я три моря. *Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает. Аминь! Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик, Боже благой, Господи благой. Иисус дух Божий, мир тебе. Бог велик. Нет Бога, кроме Господа. Господь промыслитель. Хвала Господу, благодарение Богу всепобеждающему. Во имя Бога милостивого, милосердного. Он Бог, кроме которого нет Бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет Бога, кроме Господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец, создатель, изобразитель, он разрешитель*

грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всеведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благой.

ПОВЕСТЬ О СТОЯНИИ НА УГРЕ

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о стоянии на Угре» читается под 6988—6989 (1480—1481) гг. в составе Типографской летописи (ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921), представляющей собою свод, по-видимому, составленный в 80-х гг. XV в. и связанный с ростовской архиепископской (владычной) кафедрой. О происхождении и характере «Повести об Угре» (в частности, рассказа Типографской летописи) в научной литературе высказывались разные точки зрения. Некоторым авторам казалось, что упоминание о том, будто Иван III во время «стояния на Угре» слушал «злых человек — сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей християнских», свидетельствует о враждебности автора повести к великокняжеской власти. Однако это несправедливо. По своей политической направленности повесть, содержавшаяся в ростовском владычном своде 80-х гг., совпадала с общими тенденциями этого свода — независимого, но сочувствовавшего великокняжеской власти и ее объединительной политике. Повесть заканчивалась патриотическим призывом к «храбрым мужественным сынам русским» — не пощадить «своих глав», спасая Русскую землю от участи тех стран, которые были завоеваны к концу XV в. мусульманами (Греция, южнославянские земли). Историческое значение этого призыва было чрезвычайно велико — именно события на Угре в 1480 г. положили конец почти трехсотлетнему ордынскому игу. Вероятной представляется связь «Повести об Угре» с другим памятником, связанным с тем же событием, — «Посланием на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло (см. ниже в наст. томе).

Очевидно, в 1480 г. Иван III действительно испытывал колебания, пойти или нет на прямое столкновение с ханом. Победа сторонников решительного сопротивления и успех русских привели к тому, что неофициальный ростовский рассказ был использован впоследствии официальным великокняжеским летописанием. В различных редакциях этого свода — в Московском своде конца XV в., Симеоновской летописи читается рассказ, в своей основе сходный с ростовской «Повестью о стоянии на Угре», но с исключением слов о том, что русским воеводам не следует говорить, что они «своим оружием» избавили Русскую землю от завоевания, и особым подчеркиванием предательской роли братьев великого князя — Андрея Большого и Бориса. Из трехчастной концовки была сохранена только первая часть, где осуждалась София Палеолог. Связано это было, очевидно, с репрессиями против братьев

Ивана III и некоторых бояр, выступавших против сопротивления Ахмату в 1480 г., а также с опалой, постигшей Софию Палеолог в середине 80-х гг. Более краткий рассказ о стоянии на Угре, близкий к тексту Московского свода и Симеоновской летописи, содержится в неизданном Лихачевском летописце (ФИРИ, ф. 238, оп. 1, № 365, лл. 851—852 об.).

Типографская летопись, в которой содержится публикуемая повесть, представлена (как доказал А. Н. Насонов) двумя реакциями: Типографской-Синодальной и Типографской-Академической; Типографская-Академическая лучше отражает протограф. Мы издаем здесь текст Типографской-Академической летописи по списку XVII в. — БАН, 32.8.3, лл. 493—496 об., с исправлениями по рукописи Типографской-Синодальной XVI в. — ГИМ, Синодальное собр., № 789.

ОРИГИНАЛ

Прииде же вѣсть к великому князю, яко дополна царь Ахмат *идеть* со своею ордою и царевичи, уланы и князми, еще же и с королем во единой думе с Казимером, король бо и подвел его на великаго князя, хотя разорити християнство.[1] Князь великий поиде на Коломну и сам став на Коломне, а сына своего, великаго князя Ивана, в Серпухове, постави, а князь Андрѣя Василиевича Меньшаго в Торусе,[2] прочии князи и воеводы по инем мѣстам и инии по брегу.

Слышав царь Ахмат, что князь великий стоит у Оки по брегу со всеми силами, поиде к Литовской земли, обходя реку Оку и ожидая себѣ на помочь короля или силы его, и знахори ведяху его ко Угрѣ рецѣ[3] на броды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод своих на Угру посла со всѣми силами, и, шедше, сташа на Угрѣ и броды и перевозы отняша. А сам князь великий ѣха с Коломны на Москву[4] ко всемилостивому Спасу, и пречистой госпоже Богородицы,[5] и ко святым чюдотворцамъ, прося помощи и заступления православному християнству, на совѣт и думу своему отцу к митрополиту Горонтию,[6] и к своей матери великой княгини Марфе[7] и к своему дяди Михайлу Андрѣевичу[8] и к духовному своему отцу архиепископу ростовскому Васьяну,[9] и ко всѣмъ бояром, вси бо тогда быша во осаде на Москве. И молиша его великим молением, чтобы стоял крѣпко за православное християнство противу бесерменству.

Князь велики послуша моления их: взем благословение, поиде на Угру и, пришед, ста на *Кременцѣ*[10] с малыми людьми, а людей всѣх отпусти на Угру. Тогда же на Москвѣ мати его великая княгини и с митрополитом Геронтием, и архиепископъ Васьян, и троецкой игумен Паисей молиша великаго князя о братии его.[11] Князь же великий приим моление их, повелѣ матери своей великой княгине послати по них, рекся жаловати их. Княгини же посла к ним, веля им прямо ити к великому князю на помощъ вборзе.

Царь же и со всѣми татары поиде по Литовской землѣ мимо Мченескъ, и Лубутескъ, и Одоев и, пришед, ста у Воротынска,[12] ожидая к себѣ помощи королевы. Король же не поиде к нему, ни посла, бѣша бо ему свои усобицы, тогда бо воева Менгирей, царь перекопский, королеву Подольскую землю, служа *великому князю.*[13] *Ахматъ же прииде къ Угрѣ*[14] со всѣми силами, а хотя реку переити.

И приидоша татарове, начаша стрѣляти, и наши на них, инии же приидоша противу князя Андрѣя, а инии противу великаго князя мнози,[15] а овии противу воевод вструг приступиша. Наши стрѣлами и пищалми многих побиша,[16] а их стрѣлы межу наших падаху и никогоже уязвляху. И отбиша их от брегу. И по многи дни приступаху бьющеся и не возмогоша, ждуще, егда река станет. Быша же мрази великы тогда, река нача бо ставитися. Бысть же страх на обоихъ, — едини других боящеся. И приидоша же и братия тогда к великому князю на Кременец — князь же Андрѣй и князь Борис.[17] Князь же великий с любовию прия их.

Егда же ста река, тогда князь великий повелѣ сыну своему, великому князю, и брату своему князю Андрѣю, и всѣм воеводам со всѣми силами преити к себѣ на Кременецъ, боящеся татарскаго прихожения,[18] яко да совокупляшася брань и сотворят с противными.

Во граде же Москвѣ всѣм во страсѣ пребывающим и *долгъ общедательный* во ум приимающе, ни от кого же помощи ожидающе, токмо ко Вседержителю Спасу и Богу Господу нашему Иисусу Христу и пречистей его матери преславные Богородицы со слезами и воздыханми молящеся непрестанно. Тогда же бысть преславное чюдо пречистыя Богородица: егда отступиша от брегу наши, татарове страхом обдержими побѣгоша, мняще, яко берег даяху им русь и хотят с ними битися. И наши, мнящи, татар за ними реку прешедших, за ними женут, приидоша на Кременецъ. Князь же великий с сыном своим, и братиею, и со всѣми воеводами поидоша к *Боровску*, глаголюще, яко «на тѣх полях бой с ними поставим», и *слушающи* злых человѣкъ[19] — сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей християнских, а наровников бесерменских, иже глаголютъ: «Побѣжди, не можеши с ними стати на бой». Сам бо диавол их же усты *глаголаше,*[20] той же, иже древле вшед в змию и прельсти Адама и Евву. Бѣ бо дивно тогда свершися Пречистые чюдо: едини от других побѣже и никтоже женяше.

Царь же бѣжаше во Орду,[21] и прииде на него ногайский царь Ивак и Орду *взя* и его уби.[22] Един же царевичь хотя за рекой Окою имати

украину,[23] князь же великий посла братию свою, дву Андрѣевъ, и услыша татарове и тии побѣгоша. И тако избави Богъ и Пречистая Рускую землю от поганых. Бѣ бо тогда студен и мрази велицы. Царь побѣжал ноября 11.[24]

В лѣто 6989[25] прииде князь великий на Москву из Боровска и похвали Бога и пречистую Богородицу, глаголюще: «Ни аггел, ни человѣкъ спасе нас, но сам Господь спасе нас Пречистые и всѣх святых моленми. Аминь».

Тогда же и братии своей дастъ жалование князь великий и прият их в докончание, князя Андрѣя и князя Бориса, и князю Андрѣю дал Можайскъ, а князю Борису отступился сел его; и утвердившеся крестным цѣлованием,[26] разыдошася.

Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бѣгов,[27] бѣ бо бѣгала на Белоозеро *от татаръ, а не гонялъ никто. И по которым странамъ ходила, тѣмъ пуще стало татаръ, и отъ боярьскыхъ холоповъ*, от кровопийцев християнских. Воздай же им, Господи, по дълом их и по лукавству начинания их, по дѣлом рук их, дай же им. Быша бо их жены тамо, возлюбиша бо паче жены, нѣже православную християнскую вѣру святыя церкви, в нихже просвѣтишася и породившеся банею святаго крещения, согласившеся предати християнство, ослѣпи бо и злоба их. Но премилостивый Богъ не презре создания руку своею, слез християнских, помилова своим милосердием и молитвами пречистые матери и всѣх святых. Аминь.

Сие же писахомъ не укаряющи их, но да *не* похвалятся своим безумиемъ несмыслении, глаголюще: «Мы своим оружием избавихом Русскую землю», но дадят славу Богу и пречистей его матери Богородицы, той бо спасе, и престанут от таковаго безумия, притяжут брань к брани и мужество к мужеству за православное християнство противу бессерменству, да восприимут в сем житии от Бога милость и похвалу, а во ономъ вѣцѣ вѣнцы нетленными от Вседержителя Бога увязаются и царство небесное наслѣдят. Буди же *сие* получити и нам грѣшным молитвами Богородица. Аминь.

О храбри мужствении сынове рустии! Подщитеся свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранити, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же *пострадаша инии* велицыи славнии земли от *турков*. Еже глаголю:

болгаре, и сербы,[28] и грѣцы, и Трапизон, и Амморея,[29] и албанасы, [30] и хрьватыи,[31] и Босна,[32] и Манкуп, и Кафа[33] и инии мнозии земли, иже не стяжа *мужства* и погибоша, отечество изгубиша и землю и государьство, и скитаются по чюжим странамь бѣдне воистину, и странне, и много плача, и слез достойно, укаряеми и поношаеми, оплюваеми, яко немужественнии. Иже избѣгоша которая именми многими и з женами и з дѣтми в чюжие страны, вкупѣ со златом и душа и телеса своя загубиша и ублажают тѣх, иже тогда умерших, неже скитатися по чюжим странам, яко бездомномь. Тако ми Бога, видѣх своима очима грѣшниима великих государей, избѣгших от турков[34] со имѣнием, и скитающихся, яко странным, и смерти у Бога просящих, яко мздовоздаяния от таковыя бѣды. И пощади, Господи, нас, православных християн, молитвами Богородица и всѣх святых. Аминь.

---

[1] *...царь Ахмат со своею ордою... во единой думе с Казимером... хотя разорити християнство.* — Ахмат (Ахмед) — хан (1459—1481 гг.) Большой Орды, наиболее крупного государства, образовавшегося в низовьях Волги в результате распада Золотой Орды; нападал на Русь и до 1481 г. Уланы — члены ханского рода в Орде. Казимир IV Ягеллон — литовский великий князь и польский король. Московский свод и Лихачевский летописец сообщают о враждебных планах Ахмата и Казимира еше подробнее, упоминая, что Ахмат хотел восстановить иго, «яко же при Батыи беше», и что к походу Ахмата были причастны братья Ивана III Андрей Большой и Борис. В рассказе Вологодско-Пермской летописи особенно подчеркивается роль Казимира.

[2] *...сам став на Коломне, а сына своего, великаго князя Ивана, в Серпухове постави, а князя Андрея Васильевича Меньшаго в Торусе...* — Известие об отправлении Иваном III против татар на Оку (на которой стоят Серпухов и Таруса) своего сына Ивана Молодого (1458—1490; с 1471 г. — соправитель отца) и брата Андрея Меньшого (1452—1481; с 1462 г. — удельный князь вологодский) приведено в той части Типографской летописи, которая предшествует комментируемому рассказу; возможно, что получившаяся дублировка объясняется вставным характером «Повести об Угре» в Ростовском своде. В Московском своде, Лихачевском летописце и сходных с ними летописях приход Ивана и Андрея Меньшого на Оку датирован 8 июня, а великого князя в Коломну — 23 июня (в Московском явная описка — 23 июля).

[3] *Слышав царь Ахмат, что князь великий стоит у Оки... со всеми силами, поиде к Литовской земли... ко Угрѣ рецѣ...* — Угра — северный приток Оки, впадающий в нее в районе Калуги, западнее Серпухова и Тарусы. Известие о том, что Ахмат, не сумев переправиться через Оку, противоположный берег которой был занят русскими войсками, двинулся к Литовским землям, дословно совпадает в ростовском рассказе, Московском своде и Лихачевском летописце.

[4] *...ѣха с Коломны на Москву...* — Согласно Московскому своду и Лихачевскому летописцу Иван III приехал в Москву 30 сентября. В Софийской II и Львовской, где содержится ростовская «Повесть об Угре» (типа Типографской) в соединении с рассказом Независимого свода 80-х гг. XV в., остро критичным по отношению к великокняжеской власти, сообщается, что Иван III пробыл в Москве две недели. В результате соединения в источнике Софийской II — Львовской летописей двух рассказов о стоянии на Угре, известие о поездке Ивана III в Москву удвоилось: здесь рассказывается о поездке князя и до и после пребывания в районе Угры. Аналогичное удвоение (но с другими подробностями) обнаруживается и в Вологодско-Пермской летописи. Достоверным, по-видимому, является известие Типографской летописи и Московского свода об однократном приезде князя 30 сентября 1480 г. в Москву.

[5] *...ко всемилостивому Спасу, и Пречистой госпоже Богородицы...* — Имеются в виду церковь Спаса Преображения в Новоспасском монастыре и церковь Успения Богородицы (Успенский собор) в Кремле.

[6] *...своему отцу к митрополиту Геронтию...* — Геронтий занимал митрополичий престол в 1473—1489 гг. Митрополит именуется в повести «отцом» как глава церкви и, следовательно, духовный пастырь великого князя, но автор отличает его от «духовного отца» (духовника) Ивана III — Вассиана. В своей политике Геронтий неоднократно сталкивался с великим князем и поддерживал его противников — удельных князей (об этих столкновениях подробнее всего рассказывает оппозиционный Независимый свод, источник Софийской II и Львовской летописей, обычно сочувствующий Геронтию); Вассиан во всех таких столкновениях выступал за Ивана III и против митрополита. Но во время событий 1480 г. Геронтий также выступал за сопротивление хану, хотя и не так решительно, как Вассиан.

[7] *Великая княгиня Марфа* — вдова Василия II, великая княгиня Мария Ярославна, постригшаяся в 1478 г. в монахини под именем Марфы.

[8] *Михаил Андрѣевич* — удельный князь верейско-белозерский в 1432—1486 гг.

[9] *...и к духовному своему отцу архиепископу ростовскому Васьяну...* — В Московском своде ростовский архиепископ (1468—1481 гг.) Вассиан Рыло не упоминается в качестве советника Ивана III во время поездки в Москву в 1480 г.

[10] *...ста на Кременцѣ...* — Кременец (Кременьск, Кременское) — город к северу от Угры, на реке Луже, невдалеке от русско-литовской границы. Согласно Московскому своду Иван III пошел из Москвы к Кременцу 3 октября; Лихачевский летописец, по-видимому, относит эту дату к приходу на Угру сына и брата великого князя.

[11] *...троецкой игумен Паисей... о братии его.* — Паисий Ярославов, известный деятель, игумен Троице-Сергиева монастыря в 1478—1482 гг. В Московском своде ничего не сообщается о ходатайствах

матери великого князя и иерархов о примирении с братьями и о его согласии на это.

[12] *...поиде по Литовской землѣ мимо Мченескъ, и Лубутескъ, и Одоев и, пришед, ста у Воротынска...* — Этот и дальнейший текст (до конца абзаца) дословно совпадает в ростовском рассказе с Московским сводом и Лихачевским летописцем. Мценск и Любутск по русско-литовским договорам 1449 и 1494 гг. считались литовскими городами; князья Одоевские и Воротынские были до 1494 г. вассалами польско-литовского короля. Город Воротынск — к западу от Калуги, к югу от места впадения Угры в Оку.

[13] *...бѣша бо ему свои усобицы, тогда до воева Менгирей, царь перекопский, королеву Подольскую землю, служа великому князю.* — Речь идет, по-видимому, о двух событиях: о заговоре православных князей Литовского государства и о нападении союзника Ивана III крымского хана (1468—1515 гг.) Менгли-Гирея на польско-литовскую Подолию. Как и Типографская летопись, Московский свод соединяет известие об «усобицах» с известием о нападении Менгли-Гирея, но Лихачевский летописец, Симеоновская и более поздние летописи помещают известие о нападении Менгли-Гирея вне «Повести об Угре».

[14] *Ахматъ же прииде къ Угрѣ...* — Рассказ Вологодско-Пермской летописи датирует приход Ахмата к низовьям Угры 8 октября.

[15] *...противу великаго князя мнози...* — Речь идет не об Иване III (не находившемся на берегу Угры), а о его соправителе и сыне Иване Молодом, также носившем звание великого князя.

[16] *Наши стрѣлами и пищалми многих побиша...* — Пищаль — ручное огнестрельное оружие. Несмотря на то что рассказ Типографской летописи — ростовского происхождения, московские войска он именует «наши» (а не «москвичи», как в других летописях), явно считая «наши» и «москвичи» единым понятием.

[17] *И приидоша... князь же Андрѣй и князь Борис.* — Речь идет об Андрее Большом (князе углицком) и Борисе (князе волоцком). В Московском своде (и Лихачевском летописце) о приходе Андрея Большого и Бориса говорится ранее, без упоминания согласия Ивана III «жаловати» их.

[18] *...преити к себѣ на Кременецъ, боящеся татарскаго прихожения...* — Эти слова читаются также в Московском своде и зависимых от него летописях. Отступление войск, стоявших на берегу, к Кременцу, могло объясняться тем, что замерзшая Угра перестала быть естественным препятствием для татарского войска. Однако, по сведениям ряда летописей, Иван III не хотел решительного сражения и вел во время стояния на Угре переговоры с Ахматом через своего посла Ивана Товаркова (Вологодско-Пермская летопись) или Никифора Басенкова — Независимый летописный свод 80-х гг. XV в.

[19] *...поидоша к Боровску... и слушающи злых человѣкъ...* — Боровск — город к северо-востоку от Кременца, до 1456 г. принадлежавший удельным князьям серпуховским и боровским; по завещанию Василия Темного 1462 г. вошел в состав прямых владений великого князя. В Московском своде также рассказывается о «злых человеках», которых слушал Иван III, но не после, а до упоминания о Боровске.

[20] *...Диавол их же усты глаголаше...* — О противниках войны с Ахматом, выступавших во время стояния на Угре, см. в наст. т. комментарии к «Посланию на Угру Вассиана Рыло» и к Независимому летописному своду 80-х гг.

[21] *Царь же бѣжаше во Орду...* — Конкретное объяснение отступления Ахмата дается в оппозиционном рассказе, присоединенном к ростовской «Повести о стоянии на Угре» и Независимом летописном своде 80-х гг. Этот бесславный конец Ордынской власти знаменовал крайнее ослабление и распадение Орды, совпавшее с усилением Русского государства.

[22] *...прииде на него ногайский царь Ивак и Орду взя и его уби.* — Ногайская орда была расположена между Волгой и Иртышом; об убийстве Ахмата ханом Иваком (Ибаком) или одним из его сподвижников рассказывают Московский свод и другие летописи.

[23] *Един же царевичь хотя за рекой Окою имати украину...* — Согласно Вологодско-Пермской летописи (в Московском своде текст совпадает с Типографской) нападение на города за Окой совершил сын Ахмата Муртоза.

[24] *...ноября 11.* — Эта дата отступления Ахмата совпадает с датой Московского свода и других летописей.

[25] *В лѣто 6989...* — Эта годовая дата поставлена в Типографской летописи явно не на месте (в Московском своде сходный текст без годовой даты), так как годовые статьи в Типографской летописи обычно начинаются с сентября. Эта неточность, так же как дублировка известий в начале, подкрепляет предположение, что рассказ об Угре первоначально существовал вне летописи.

[26] *...утвердившесе крестным цѣлованием...* — Договор Ивана III с Андреем Углицким и Борисом Волоцким был заключен 2 февраля 1481 г. Текст с упоминанием «крестного целования» читается в Московском своде так же, как в Типографской летописи, но в Симеоновской и в других сводах, составленных в последние годы XV в., эти слова опущены. Это связано, очевидно, с тем, что в 1491—1494 гг. Иван III нарушил это «крестное целование»: арестовал, а впоследствии и «уморил» Андрея Большого (в 1494 г. умер и Борис).

[27] *...прииде великая княгиня Софья из бѣгов...* — София (Зоя) Палеолог, вторая жена Ивана III (с 1472 г.), во время стояния на Угре покинула Москву (в отличие от матери Ивана III, оставшейся в городе). София в 1484 г. оказалась замешанной в деле князя Василия

Михайловича Верейского, бежавшего в Литву. Резкие замечания против Софии Палеолог, читающиеся в Типографской летописи, частично содержатся также в Московском своде (до слов «...по делом руку дай же им, Господи!..»), и в совсем краткой форме — в Симеоновской и Никоновской летописях.

[28] *...болгаре, и сербы...* — Болгарские и сербские земли были завоеваны Турцией в конце XIV в.

[29] *...и грѣцы, и Трапизон, и Амморея...* — Завоевание турками греческих земель уже распавшейся в XIII—XIV вв. Византийской империи — Царьграда (Константинополя), Трапезундской империи (на берегу Черного моря) и Морейского княжества (в Пелопоннесе) произошло в середине XV в.

[30] *...албанасы...* — Завоевание Албании Турцией было завершено в 1479 г., накануне стояния на Угре, но войны с турками велись все предшествующие годы.

[31] *...хрьватыи...* — К 1480 г. хорватские земли еще не были полностью завоеваны турками (окончательное завоевание произошло лишь в XVI в.), но уже происходили систематические нападения турок на хорватские земли.

[32] *...Босна...* — Босния была завоевана турками в середине XV в.

[33] *...Манкуп, и Кафа...* — Крымские крепости Кафа (Феодосия) и Мангуп (Феодоро) были завоеваны турками в 1475 г.

[34] *...видѣх своима очима грѣшниима великих государей, избѣгших от турков...* — Это место в повести служило основанием для предположения, что автором ее был какой-то русский, побывавший в те годы за рубежом, — возможно, Федор Курицын, с именем которого связывается «Сказание о Дракуле» (см. в наст. томе). Но «великих государей», избегших от турков, можно было видеть и в Москве — например, Софию Палеолог и ее брата Андрея, наследника морейского княжества, приезжавшего в 1479 г.

ПЕРЕВОД

Пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идет в полном сборе, со своей ордой и царевичами, с уланами и князьями, да еще в соглашении с королем Казимиром — ибо король и направил его против великого князя, желая сокрушить христианство. Князь великий пошел на Коломну и стал у Коломны, а сына своего, великого князя Ивана, поставил у Серпухова, а князя Андрея Васильевича Меньшого в Тарусе, а прочих князей и воевод в иных местах, а других — по берегу.

Царь Ахмат, услышав, что князь великий стоит у Оки на берегу со всеми силами, пошел к Литовской земле, обходя реку Оку и ожидая на

помощь себе короля или его силы, и опытные проводники вели его к реке Угре на броды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод послал на Угру со всеми силами, и, придя, они стали на Угре и заняли броды и перевозы. А сам князь великий поехал из Коломны на Москву к церквам Спаса и пречистой Богородицы и к святым чудотворцам, прося помощи и защиты православному христианству, желая обсудить и обдумать это с отцом своим митрополитом Геронтием, и со своей матерью, великой княгиней Марфой, и своим дядей, Михаилом Андреевичем, и со своим духовным отцом, архиепископом ростовским Вассианом, и со своими боярами — ибо все они тогда пребывали в осаде в Москве. И молили его великим молением, чтобы он крепко стоял за православное христианство против басурман.

Князь великий послушался их мольбы: взяв благословение, пошел на Угру и, придя, стал у Кременца с небольшим числом людей, а всех остальных людей отпустил на Угру. Тогда же в Москве мать его, великая княгиня, с митрополитом Геронтием, и архиепископ Вассиан, и троицкий игумен Паисий просили великого князя пожаловать его братьев. Князь же принял их просьбу и повелел своей матери, великой княгине, послать за ними, пообещав пожаловать их. Княгиня же послала к ним, веля им прямо отправиться к великому князю поскорее на помощь.

Царь же со всеми татарами пошел по Литовской земле мимо Мценска, Любутска и Одоева и, придя, стал у Воротынска, ожидая, что король придет к нему на помощь. Король же не пришел к нему и сил своих не послал — были у него свои междоусобия, воевал тогда Менгли-Гирей, царь перекопский, королевскую Подольскую землю, помогая великому князю. Ахмат же пришел к Угре со всеми силами, желая перейти реку.

И пришли татары, начали стрелять, а наши — в них, одни наступали на войска князя Андрея, другие — многие — на великого князя, а третьи внезапно нападали на воевод. Наши поразили многих стрелами и из пищалей, а их стрелы падали между нашими и никого не задевали. И отбили их от берега. И много дней наступали, сражаясь, и не одолели, ждали, пока станет река. Были же тогда большие морозы, река начала замерзать. И был страх с обеих сторон — одни других боялись. И пришли тогда братья к великому князю в Кременец — князь Андрей и князь Борис. Князь же великий принял их с любовью.

Когда же река стала, тогда князь великий повелел своему сыну, великому князю, и брату своему, князю Андрею, и всем воеводам со всеми силами перейти к себе в Кременец, боясь наступления татар, — чтобы, соединившись, вступить в битву с противником.

В городе же Москве в это время все пребывали в страхе, помнили о неизбежной участи всех людей и ни от кого не ожидали помощи, только непрестанно молились со слезами и воздыханиями Спасу Вседержителю и Господу Богу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, преславной Богородице. Тогда-то и свершилось преславное чудо пречистой Богородицы: когда наши отступали от берега, татары, думая, что русские уступают им берег, чтобы с ними сражаться, одержимые страхом, побежали. А наши, думая, что татары перешли реку и следуют за ними, пришли в Кременец. Князь же великий с сыном своим и с братией и со всеми воеводами отошел к Боровску, говоря, что «на этих полях будем с ними сражаться», а на самом деле слушая злых людей — сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей христианских и угодников басурманских, которые говорят: «Беги, не можешь с ними стать на бой». Сам Дьявол их устами говорил, тот, кто некогда вошел в змея и прельстил Адама и Еву. Вот тут-то и случилось чудо Пречистой: одни от других бежали, и никто никого не преследовал.

Царь же бежал в Орду, и пришел на него ногайский царь Ивак, и Орду взял, и его убил. Один только царевич хотел захватить окраинные земли за рекой Окой, князь же великий послал братьев своих, двух Андреев, услышали это татары и побежали. И так избавил Бог и Пречистая Русскую землю от нехристей. Был же тогда холод и великие морозы. Царь побежал одиннадцатого ноября.

В 6989 (1481) году пришел князь великий в Москву из Боровска и воздал хвалу Богу и пречистой Богородице, говоря: «Не ангел, не человек спас нас, но сам Господь спас нас по молитвам Пречистой и всех святых. Аминь».

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, включил их в договор, князя Андрея и князя Бориса, и князю Андрею дал Можайск, а князю Борису уступил его села; и, скрепив этот договор крестным целованием, они разошлись.

В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался, А тем землям, по которым она ходила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, Господи, по их делам и по коварству их поступков, по делам рук их дай им. Были же и жены их там, ибо возлюбили они больше жен, нежели православную христианскую веру и святые церкви, где просвятились и начали жизнь

от купели святого крещения, и согласились они предать христианство, ибо ослепила их злоба. Но премилостивый Бог не презрел тех, кто был создан его рукой, не презрел слез христианских, помиловал их по своему милосердию и молитвам пречистой матери и всех святых. Аминь.

Это мы писали не для того, чтобы их укорять, но да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: «Мы своим оружием избавили Русскую землю», но воздадут славу Богу и пречистой его матери Богородице, ибо он нас спас, и отринут это безумие, и творят битву за битвой и доблесть за доблестью ради православного христианства против басурманства, чтобы воспринять в этой жизни от Бога милость и похвалу, а в том мире венчаться нетленными венцами Бога Вседержителя и обрести царство небесное. Да получим и мы, грешные, это царство по молитвам Богородицы. Аминь.

О храбрые, мужественные сыновья русские! Потрудитесь, чтобы спасти свое отечество, Русскую землю, от неверных, не пощадите своей жизни, да не узрят ваши очи пленения и разграбления домов ваших, и убиения детей ваших, и поруганья над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок. Назову их: болгары, и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морея, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и другие многие земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные, и много плача, и слез достойные, укоряемые и поносимые, оплевываемые за отсутствие мужества. Люди, которые сбежали с многим имуществом, и с женами, и с детьми в чужие страны, не только золото потеряли, но и души и тела свои погубили и завидуют тем, кто тогда умер и не должен теперь скитаться по чужим странам бездомными. Ей-богу, видел я своими грешными очами великих государей, бежавших от турок с имением, и скитающихся, как странники, и смерти у Бога просящих, как избавления от такой беды. И пощади, Господи, нас, православных христиан, молитвами Богородицы и всех святых. Аминь.

ПОСЛАНИЕ НА УГРУ ВАССИАНА РЫЛО

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод О. П. Лихачевой, комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

«Послание на Угру» ростовского архиепископа (1467—1481 гг.) Вассиана Рыло — один из наиболее замечательных памятников русской публицистики XV—XVI вв. Послание было вызвано политическими

спорами, возникшими в русском обществе в связи с нашествием ордынского хана. Архиепископ Вассиан был обеспокоен известиями о колебаниях Ивана III во время «стояния на Угре» и призывал его к решительной борьбе. Послание Вассиана оценивается исследователями по-разному: некоторые авторы считали, что спор архиепископа с князем свидетельствует о его принадлежности к «консервативной группе феодалов», но большинство историков и филологов (Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов, И. М. Кудрявцев) видели в Вассиане не консерватора, а, напротив, одного из идеологов складывающегося Русского государства, отражавшего в послании на Угру взгляды горожан, также требовавших от Ивана III отпора хану. Вся предшествующая деятельность Вассиана свидетельствует о его сочувствии государственному единству: в ходе столкновений Ивана III с митрополитом Геронтием Вассиан неизменно поддерживал великого князя.

«Послание на Угру» сохранилось как в отдельных списках, так и в летописных сводах.

Из отдельных наиболее древним является список РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 3271, последней четверти XV—начала XVI в., состоящий из двух частей. Во второй части рукописи содержится Музейный летописец и отдельные летописные повести (текст «Московской повести о походе Ивана III на Новгород» см. в наст. томе). В первой части читается ряд памятников эпистолярного и иного характера и среди них — «Послание на Угру». «Послание на Угру» содержится также в митрополичьем формулярнике начала XVI в. (ГИМ, Син. № 562) и в ряде летописей — в Вологодско-Пермской, включая ее первую редакцию 1499 г., в Софийской II, Львовской и других летописях XVI в.

Текст «Послания на Угру» публикуется по списку РГБ, ф. 178, № 3271, лл. 19 об.—26 с исправлениями по Вологодско-Пермской летописи.

ОРИГИНАЛ

Благовѣрному и христолюбивому, благородному и Богом вѣнчаному, Богом утверженому, въ благочестии всеа вселенныа концих въсиавшему, наипаче же во царих пресвѣтлѣйшему и преславному государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси, богомолецъ твой, господине, *архиепископъ Васьянъ ростовскый*, благословляю и челом бью.

Молю же убо и величество твое, о боголюбивый государю, да не прогнѣваешися на мое смирение, еже первѣе дръзнувшу ми усты къ устом глаголати твоему величеству,[1] твоего ради спасениа. Наше убо, государю великий, еже воспоминати твое, а ваше, еже слушати. Нынѣ же дрьзнух написати къ твоему благородству, нѣчто же мало хощу воспомянути от Божественаго писаниа, елико Богъ вразумит мя, на крѣпость и утвержение твоей державѣ.

Нашедшая ради нынѣшняя скорби и бѣд от безбожных варваръ, Богу тако изволшу нашего ради согрешениа, и тебѣ убо, государю нашему, приѣхавшу во царствующий град Москву ко всемилостивой госпоже Богородици и ко святым чюдотворцем помощи ради и заступлениа, и ко своему отцу митрополиту, и ко своей матери великой княгине, благовѣрным князем и богочтивым бояром добраго ради совѣта и думы, еже како крѣпко стояти за православное христьянство, за свое отчьство противу безбожному бесерменству. Тебѣ же, государю нашему, повинувшеся молению и доброй думѣ и обещавшуся крѣпко стояти за благочестивую нашу православную вѣру и оборонити свое отчьство от бесерменьства, духъ еже лстивых, шепчюще во ухо твоей державѣ, еже предати христьянство, никако же послушавшу, обещавшу ти ся. И митрополиту со всѣм боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословившу и знаменавшу,[2] вкупе же и сие прирекшу: «Богъ да сохранит царство твое силою честнаго креста своего и дасть ти побѣду на враги, и покорить под нозѣ твои вся сопротивныя твоя, яко же древле Давыду и Костянтину,[3] молитвами пречистыя его матери и всѣх святых».

Токмо мужайся и крепися, о духовный сыну, яко же добрый воинъ Христов, по евангельскому великому господню словеси: «Ты еси пастырь добрый, душу свою полагает за овца. А наимник нѣсть, иже пастырь, ему же не суть овца своя; видит волка грядуща, и оставляет овца, и бѣгаеть; и волкъ расхитит и распудить. А наимник же бежить, яко наимникъ есть, и не радит о овцах».[4] Ты же убо, государю, духовный сыну, не яко наимник, но яко истинный пастырь, подщися избавити врученное тебѣ от Бога словесное ти стадо духовных овець от грядущаго волка. А Господь Богъ укрепить тя и поможет ти, и все твое христолюбивое воинство. Нам же всѣм вкупе рекшим: «Аминь», еже есть: «буди».

Тако Господу помогающу, тебѣ же вся сиа, государю нашему, на сердци своем положшу, яко истинный добрый пастырь. Взем Бога на помощі» и пречистую его матерь, и святых его, и святительское благословение, и всенародная молитва, крѣпко вооружився силою честнаго креста, исходиши противу оному окаанному мысленому волку, еже глаголю страшливому Ахмату,[5] хотя изхитити из уст его словесное стадо Христовых овець.

И по *твоем* отшествии, государя нашего, святителем, митрополиту, вкупе же и нам, богомолцем вашего благородиа, со всѣми боголюбивыми съборы молитву непрестанно сътворяющим, по всѣм святым церквам всегда молебены и святую службу во всей нашей отчинѣ о вашей побѣдѣ съвершающим, и всѣм христианом непрестанно

Бога молящим, дабы даровал тебѣ побѣду над супротивныа ти врагы, иже и надѣемся улучити от всемилостиваго Бога.

Нынѣ же слышахом, яко же бесерменину Ахмату уже приближающуся и христианство погубляющу, наипаче же на тебе хваляшеся и на твое отечьство, тебѣ же пред ними смиряющуся и о мире молящуся,[6] и к нему пославшу. Ему же окаанному одинако гнѣвом дышущу и твоего молениа не послушающу, но хотя до конца разорити христианство. Ты же не унывай, но възверзи на Господа печаль твою и той тя укрѣпит.[7] «Господь бо гордым противится, смиреным же дает благодать».[8] Прииде же убо въ слухы нашя, яко прежнии твои развратници не престают, шепчуще въ ухо твое льстивая словеса, и совещают ти не противитися сопостатом,[9] но отступити и предати на расхищение волком словесное стадо Христовых овець. Внимай убо себѣ и всему стаду, в немже тя Духъ Святый постави.

О боголюбивый вседержавный государю, и молимся твоей державѣ, не послушай таковаго совѣта их, послушай убо вселенныа учителя Павла, глаголюща о таковых: «Открыется гнѣв Божий с небесе на всяко нечестие и неправду человѣком, иже истинну въ неправдѣ держащим, но осуетишася помышленми своими и омрачися неразумное их сердце. Глаголюще быти мудрѣ, обьюродѣша и якоже не искусиша Бога имѣти в разумѣ, предасть их Богъ в неискусен умъ творити неподобная».[10] И паки самому Господу глаголющу: «Аще око твое съблажняет ти, исткни е», или рука или нога, отсѣщи повелѣвает.[11] Не сию же разумѣвай видимую и чювьственую свою руку, или ногу, или око, но ближних твоих, иже совѣтующих ти неблагое, отверзи далече, отгони, сирѣчь отсѣцы и не послушай съвѣта их. И что убо совѣщают ти льстивии сии же лжеименитии, мнящеся быти христиане, но токмо еже повергше щиты своя, нимала съпротивльшеся окаанным сим сыроядцом, предав христианство и свое отечьство, яко бѣгуном скытатися по иным странам.

Помысли убо, о велеумный государю, от каковы славы и в каково безчестие сводят твое величество! И толиким тмам народа погыбшим и церквам Божьим разореным и оскверненым, и кто каменосердечен не въсплачется о сей погыбели! Убойся же и ты, о пастырю, не от твоих ли рук тѣх кровь взыщет Богъ, по пророческому словеси? И гдѣ убо хощещи избѣжати или воцаритися, погубив врученное ти от Бога стадо? Слыши, что пророк глаголет, яко: «Аще взыграешися, яко орелъ, и аще посредѣ звѣздъ гнѣздо свое сътвориши, то и оттуду тя свергу, рече Господь».[12] И ин же глаголет: «Камо поиду от духа твоего и от лица твоего камо бѣжу; аще възыду на небо, ты тамо еси, и в послѣдних моря рука Божиа наставляет и удержит десница».[13] И гдѣ паки отходиши, пастырю добрый, кому оставляеши нас, яко овца не имущи пастыря? Мы же надѣемся, яко не отринет Господь людий своих и достояниа

своего не оставит.[14] Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в безчестие и твою славу в беславие преложити, и бѣгуну явитися и предателю христьанскому именоватися. Но отложи весь страх и возмогай о Господѣ, о державѣ и крѣпости его; «един бо поженет тысящу, а два двигнета тмы».[15] По пророческому словеси: «И не суть бо бози их, яко же Богъ наш».[16] И рече Господь: «Где суть бози их, иже уповаша на ня, яко близ день погыбели их».[17] И паки: «Лукъ силных изнеможе, а немощни препоясашася силою»; «Господь мертвит и живит», и «Дасть крѣпость князем нашим, и възнесет рогъ Христа своего».[18] И паки: «Близ Господь призывающим и, всѣм призывающим и воистинну»[19] и «не в силѣ коньстѣй въсхощет, ни в лыстех мужьскых благоволит, благоволит Господь на боящихся его и на уповающих на милость его».[20] Слыши, что глаголет Димокрит, философом первый: «Князю подобает имѣти умъ ко всѣм временным, а на супостаты крѣпость, и мужество, и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣт сладок».[21] Въспоминай же реченная неложными усты Господа Бога нашего Исус Христа: «Аще весь миръ человѣкъ приобрящет, а душю свою отщетит, и что дасть измѣну на души своей!»[22] И паки: «Блаженъ человѣкъ, иже положит душю свою за другы своя».[23]

И сей убо, яко слышим, безбожный сей агарянский язык приближися ко странам нашим, къ отечьству тии. Уже бо многыа сумежныа странам нашим поплѣни и движется на ны. Изыди убо скоро, въ срѣтение ему изыди, взем Бога на помощь и пречистую Богородицю, нашего христианства помощницю и заступницу, и всѣх святыхъ его. И поревнуй преже бывшим прародителем твоим, великим князем, не точию обороняху Русскую землю от поганых, но и иныа страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимера,[24] иже на греческих царих дань имали, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бися съ окаанными половци за Русскую землю, и инеи мнози, иже паче нас вѣси.

И достойным хвалам великый князь Дмитрие, прадѣд твой, каково мужьство и храбьство показа за Доном[25] над тѣми же окаанными сыроядци, еже самому ему напреди битися и не пощадѣ живота своего избавлениа ради христьанскаго! И видѣвъ милосердый человѣколюбивый Богъ непреложную его мысль, како хощет не токмо до кровѣ, но и до смерти страдати за вѣру и за святыя церкви, и за врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овець, яко истинный пастырь, подобяся преже бывшим мученикомъ. Святии бо мученици на страданиа и раны любве ради Божиа, якоже на пищу, святии на смерть течаху. Тако и сей боголюбивый и крѣпькый смерть яко же приобрѣтение вмѣняаше. Не усумнѣся, ни убояся татарьскаго множества, не обратися въспять, и не рече въ сердци своем: «Жену имѣю, и дѣти, и богатество многое; аще и землю мою возмут, то инде вселюся».[26] Но без сомнѣниа скочи в подвигъ и напред выѣха, и в лице ста противу окаанному разумному волку Мамаю, хотя исхытити от

устъ его словесное стадо Христовых овець. Тѣм же и всемилостивый Богъ дерзости его ради не покоснѣ, ни умедли, ни помяну перваго его съгрѣшениа, но въскорѣ посла свою помощь, аггелы и святыя мученикы, помогати ему на супротивныа. Тѣм же Господа ради подвизавыйся и донынѣ похваляем есть и славим, не токмо от человѣкъ, но и от Бога. Аггелы удиви и человѣкы возвесели своим мужеством, и с подвизающимися ему иже до смерти, от Бога согрѣшением оставление приаша и вѣнци мученичьскыми почтени быша, равно якоже первии мученици, иже вѣры ради пострадаша от мучителей, исповѣданиа ради Христова умроша. Сии же такожде и в послѣднее врѣмя за вѣру и за церкви Божиа умроша и равно с сими вѣнца приаша. А иже тогда от супротивных уязвляеми и по побѣдѣ живи обрѣтошася, сии кровию своею отмыша первая сътрѣшения и яко побѣдители крѣпци врагом явишася, и великим хвалам и чести достойни быша не токмо от человѣкъ, но и от Бога.

Тако же убо и нынѣ, аще поревнуеши своему прародителю, великому и достойному хвалам Димитрию, и тако же потщися избавити стадо Христово от мысленаго волка, и Господь Богъ, видѣвъ твое дерзновение, такожде поможет ти и покорит врагы твоя под нозѣ твои. И здрав и ничим же врежен побѣдоносець явишися Богу съхраняющу тя, и осѣнит Господь над главою твоею въ день брани. Аще ли убо ты, о крѣпкый, храбрый царю, и еже о тебѣ христолюбивое воиньство до крове и до *смерти* постражут за православную христову вѣру и за Божиа церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породишася духовною и нетлѣнньа банею, святым крещениемъ, якоже мученици своею кровию, *блажени бо* и преблажени будут в вѣчном наслѣдии, улучивше сие крещение, по немже не възмогут согрѣшити, но восприимут от Вседержителя Бога вѣнца нетлѣнны и радость неизреченную, ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взиде.[27] Яко же первии мученици и исповѣдници, тако сии послѣднии будут, бо рече *Господь*: «Первии послѣднии, а послѣднии первии».[28]

Аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко: «Под клятвою есмы от прародителей, — еже не поднимати рукы противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати»,[29] — послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прощати о таковых и разрѣшати нам повелѣно есть, иже прощаем, и разрѣшаем, и благословляем, яко же святѣйший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, — не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. Тѣм же луче бѣ солгавшу живот получити, нежели истинствовавшу погибнути, еже есть пущати тѣх в землю на разрушение и потребление всему христьанству и святых церквей запустѣние и осквернение. И не подобитися окаанному оному Ироду, иже не хотѣ клятвы преступити и погибе. И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьанскому царю!

Но точию нашего ради согрѣшениа и неисправления к Богу, паче же отчааниа, и еже не уповати на Бога, попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашю окаанного Батыа, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска. И тогда убо прогнѣвахом Бога, и Богь на ны прогнѣвася и наказа нас, яко же чадолюбивый отець, по глаголющему апостолу: «Егоже любит Господь, наказает, бьет же всякого сына, егоже приемлет».[30] И се убо тогда и нынѣ той же Богъ и в вѣкы, потопивый фараона и избавлей Израиля, и преславная съдѣявы. И аще убо, государю, покаешися от всего сердца и прибѣгнеши под крѣпкую руку его, и обѣщаешися всѣм умом и всею душею своею престати от первых твоих, еже прилучитися, яко человѣку, согрѣшити. Человѣчьско бо еже согрѣшати, рекше падати, и покаанием возстаати, аггельское же не падати, бѣсовское же не возстаяти и отчаятися. «И сотвориши суд и правду посредѣ земля». Любов же имѣти ко ближним и не насиловати никому же, и милость показати к согрѣшающим, да милостива Господа обрящеши в день зол.

Не словом же кайся, а въ сердци ина помышляй, не приимлет бо Богъ таковаго покааниа, но точию же словом, то и сердцемь. Яко же благоразумный разбойник на крестѣ не в долзѣ времени, но единѣм словом спасенъ бысть, истинно, всѣм сердцемъ позна свое согрѣшение к Творцу возпий: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии сии».[31] Но милостивый и щедрый Господь не токмо согрѣшениа прости ему, но и раю наслѣдника сотвори его. Сицевому поревнуй покаанию, истинное бо покаяние — престати от грѣха. Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит. Яко же дрѣвле согрѣшающии израильтяне к Богу, и поработи их Богъ иноплеменником; егда же покаахуся, тогда воставляет имъ Богъ от их колѣна судиа и избавляаше их от работы иноплеменник, и работаху имъ иноплеменници. Яко же се, егда работаху въ Египтѣ, и избави их Господь от работы египетскиа Моисеом, рабом своим. Потом же дарова имъ Господь Исуса сына Навгина, еже и введе их в землю обѣтованиа, прием 29 царствъ, и вселишася ту. И по сем согрѣшиша сынове Израилеви Господу Богу, и Господь Богъ предасть их в работу в руцѣ врагом ихъ. И пакы покаашася, и постави имъ Господь Богъ Июду от рода их, и изби хананея и ферзея и поима царя их Аданивезека.[32] И повелѣ Июда Аданивезеку отсѣщи по запятье руку его и плѣсне ногу его. Сей же Аданивезек самъ глаголя: «Седмидесят царем отсѣкох конець рукам ихъ и окорнени збирахуся под трапезою моею; яко же бо сътворих, тако же и отда ми Богъ». И приведоша и во Иерусалимъ и умре ту. Июда же не усумнѣвся и не рече тако, яко не царь есмь сый, ни от рода царьскаго, како царю съпротивлюся, но на Бога надѣяние и всю надежу имѣа, царя царем побѣжаааше. Поимав же и казнию повелѣв казнити его, и взя землю их, поработи их сыном Израилевом. И паки,

егда согрѣшаху сынове Израилеви Господу Богу, тогда предааше их в руцѣ врагом ихъ и работаша имъ. И егда покаашася, тогда воставляше имъ от рода их судиа, яко же се глаголю Годаниила, и Аода, и Девору с Вараком, и Гедеона, погубившаго трема сты множество тысящь мадиамлян, даже и до Самсуна,[33] убившаго ослею челюстью тысящу муж. И иных многых въставляше имъ Богъ и избавляаше их от работы иноплеменник, и работаша имъ иноплеменници.

Нынѣ же той же Господь, аще покаемся вседушевно престати от грѣха, и возставит нам Господь тебе, государя нашего, яко же дрѣвле Моисиа и Исуса и иных, свободивших Израиля. Тебе же подасть нам Господь свободителя новому Израилю, христоименитым людем, от сего окааннаго, хвалящагося на ны, новаго фараона, поганаго Ахмата. Но его велерѣчие покорит Господь под нозѣ твои и послет ти способникы, аггелы своя и святыя мученикы, и смятут ихъ, и погибнут. Тѣм же и пророческии рещи, Богом утверженый царю, — напрязи, и спѣй, и царствуй истинны ради, и кротости, и правды; и наставит тя чюдне десница твоя,[34] престолъ твой правдою, и кротостью, и судом истинным свершен есть,[35] и жезл силы послет ти от Сиона, и удолѣеши посрѣди враг твоих.[36] Тако глаголет Господь: «Аз воздвигох тя, царя правды, призвах тя правдою и приях тя за руку десную, и укрѣпих тя, да послушают тебѣ языци. И крѣпость царем разрушу, отворю ти двери и гради не затворятся. Аз пред тобою поиду и горы поравнаю, и двери мѣдныа сокрушу, и затворы желѣзныа сломаю».[37] Се твердое, и честное, и крѣпкое царство дасть Господь Богъ в руцѣ твои, Богом утвержденый государю, и сыновомъ сыновъ твоих в род и род в вѣки.

Тѣм же убо от чистыа вѣры, молитвою к Богу день и нощь, въ молитвах и молбах, литиами и соборы святительскыми, и божественными возношенми вашими, потребную и лѣпую память о благочестивѣй вашей державѣ и царскиа вашеа побѣды исповѣдаем во святыхъ тайнах, яко да покорени будут врази ваши под ногами вашими и да одолѣете среди ратных. Да разсыплются поганыа страны, хотящая брани, от Божиа молниа омрачаеми, яко пси гладни языки своими землю да лижют, и аггель Господень буди поганяя их.[38]

Радуемся и веселимся, слышаще доблести твоя и крѣпость и твоего сына Богомъ данную ему побѣду, и великое мужество, и храбрость, и твоего брата, — государей наших, показавшим противу безбожных агарянъ. Но по еуангельскому великому словеси: «Претерпѣвый до конца, той спасенъ будет».[39] Молю же и о сем царское твое остроумие, и Богом данную ти премудрость, да не позазриши моему худоумию. Писано бо есть: «Дай премудру вину, премудрѣе будет, сказай праведному, приложит приимати» и «еже разумѣти закон помысла есть блага. Сим бо образом много лѣтъ поживеши и приложат

тие ся лѣта животу».[40] Съ сими же всѣми да будет милость великаго Бога Господа нашего Исус Христа, молитвами пречистыя его матере и всѣх святыхъ и великих чюдотворець земли нашеа, пресвященных митрополит русскых Петра, Алексѣя и Ионы, и Леонтия, епископа ростовскаго, чюдотворца Исаиа и Игнатиа и преподобных и богоносных отець наших Сергиа, Варлаама и Кирила[41] и прочих, и нашего смирениа благословение на тебѣ, нашем государи, и на твоем сыну, и на твоем государьствѣ, и на твоей братии, на ваших князех, и болярех, и воеводах, и на всем вашем христолюбивом воиньствѣ. И мирно да будет и многолѣтно ваше государьство, побѣдно, со всѣми послушающими вас христолюбивыми людьми да пребудет во вся дни живота вашего в вѣкы вѣком. Аминь. Лѣта 89.[42]

---

[1] *...еже первѣе дрьзнувшу ми... глаголати твоему величеству...* — Вассиан имеет в виду, очевидно, разговор, происходившин между ним и Иваном III во время поездки великого князя в Москву в конце сентября —начале октября 1480 г.

[2] *...митрополиту со всѣм боголюбивым собором тебя... благословившу и знаменавшу...* — Согласно «Повести о стоянии на Угре» митрополит Геронтий также был в числе лиц, «моливших» в Москве Ивана III стоять «за православное христианство».

[3] *...Давыду и Костянтину...* — Имеется в виду библейский царь Давид и Константин Великий.

[4] *«Ты еси пастырь добрый... не радит о овцах»*. — Ср. Иоан. 10, 11—13.

[5] *...страшливому Ахмату...* — Имеется в виду ордынский хан Ахмат (Ахмед).

[6] *...тебѣ же пред ними смиряющуся и о мирѣ молящуся...* — Переговоры с Ахматом происходили, очевидно, во время стояния на Угре во второй половине октября 1480 г., чем и определяется время написания «Послания...».

[7] *...възверзи на Господа печаль твою и той тя укрьпит.* — Ср. Пс. 54, 22.

[8] *«Господь... смиреным же дает благодать»*. — Притч. 3, 34.

[9] *...прежнии твои развратници не престают... и совещают ти не противитися сопостатом...* — О «духах лстивых», шепчуших «во ухо твоей державѣ, еже предати христьянство», Вассиан говорил и в начале послания. Имена этих «развратников» и «духов лстивых» могут быть раскрыты благодаря летописным рассказам (Независимый свод 80-х гг.

и Московский свод), где упоминаются противники войны среди советников Ивана III — боярин Иван Васильевич Ощера, представитель рода Сорокоумовых-Глебовых, служивших московским князьям еще с XIV в., и Григорий Андреевич Мамон из рода Нетши, находившегося до Ивана III на службе у удельных князей.

[10] *«Открыется гнѣв Божий... творити неподобная»*. — Рим. 1, 18, 21, 22 и 28.

[11] *«Аще око твое съблязняет... отсещи повелѣвает*. — Марк. 9, 43 и 47; Мф. 18, 8, 9.

[12] *«Аще взыграешися... рече Господь»*. — Иер. 49, 16.

[13] *«Камо поиду... и удержит десница»*. — Пс. 138, 7—10.

[14] *...не отринетъ Господь людий своих и достояниа своего не оставит*. — Пс. 93, 14.

[15] *«един бо поженет... двигнета тмы»*. — Вт. 32, 30.

[16] *«И не суть бо... Бог наш»*. — Вт. 32, 31.

[17] *«Где суть бози их... погыбели их»*. — Вт. 32, 37 и 35.

[18] *«Лулъ силных изнеможе... възнесет рогъ Христа своего»*. — I Цар. 2, 4, 6 и 10. В Библии слово «рог» символически обозначает силу, крепость, могущество (см. подробнее в статье М. П. Алексеева «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича. — В кн. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.». М.—Л., 1959, с. 17—43).

[19] *...«Близ Господь... и воистинну»...* — Пс. 144, 18.

[20] *«не в силѣ коньстѣй... на милость его»*. — Пс. 146, 10.

[21] *...что глаголет Димокрит, философом первый... привѣт сладок»*. — Слова античного философа Демокрита (V в. до н. э.) заимствованы Вассианом из «Пчелы», греческого сборника изречений XI в., переведенного уже в XII—XIII вв. Характеристика Демокрита, как первого (возможно, в смысле — наиболее древнего) из философов, в «Пчеле» отсутствует — она принадлежит Вассиану.

[22] *«Аще весь миръ... на души своей!»* — Мф. 16, 26.

[23] *«Блажен человѣк... за другы своя»*. — Иоанн. 15, 13.

[24] *...Игоря, и Святослава, и Владимера...* — Речь идет о киевских князьях X в. Игоре, его сыне Святославе и о Владимире Святославиче Святом.

[25] *...великый князь Дмитрие, прадѣд твой, каково мужьство и храбьство показа за Доном...* — Ссылка Вассиана на Дмитрия Донского (к этому же примеру он обращается и далее), очевидно, имела особое значение; его оппоненты, «лстивые духи» и «развратники», отговаривавшие Ивана III от сражения с ханом (Ощера и Мамон), ссылались, судя по рассказу Независимого свода 80-х гг., в поддержку своей позиции на пример Дмитрия Донского, не оказавшего сопротивления Тохтамышу. В противовес этому сторонники решительной борьбы с ханом вспоминали о роли Дмитрия Ивановича в Куликовской битве. Характерно, что и известный нам текст «Задонщины» (краткий вариант) был переписан кирилло-белозерским писцом Ефросином в 1479—80 гг. к столетию Куликовской битвы; к близкому времени некоторые исследователи (В. А. Кучкин, А. И. Плигузов и др.) относят и создание «Сказания о Мамаевом побоище».

[26] *Жену имѣю и дѣти и, богатество многое; аще и землю мою возмут, то инде вселюся...* — Этот отвергаемый Вассианом аргумент против борьбы с ханом представляет значительный интерес потому, что он перекликается с рассказами других источников об Угре. В заключительной части «Повести о стоянии на Угре», помещенной в Типографской летописи, содержащей призыв к «храбрым, мужественным сынам» русским, автор упоминает «великих государей», бежавших от турок с «имѣнми многими и з женами и з дѣтми» и «скитающихся, яко странных»; он умоляет бога избавить православных христиан от такой же участи. Близость этих текстов дает основание предположить, что и ростовская «Повесть об Угре» вышла из кругов, близких к Вассиану.

[27] *...но восприимут от Вседержителя... не взиде.* — 1 Кор. 2, 9.

[28] *«Первии послѣднии, а послѣднии первии».* — Мф. 20, 16.

[29] *«Под клятвою есмы от прародителей, — еже не поднимати рукы противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати»...* — Этот текст также передает (хотя едва ли точно) возможную аргументацию противников борьбы с ханом. Русские князья, получая ярлык на великое княжение, несомненно, приносили какую-то присягу («клятву») ханам, митрополиты «правым сердцем» молились за ханов и их «племя» и «благословляли» их; ханы неизменно именовались в древнерусских источниках «царями». Сторонники подчинения хану, несомненно, ссылались на законность (легитимность) власти ордынского «царя», опираясь на принципы, сформулированные в апостольских посланиях («Несть бо власти, аще не от Бога», «Бога бойтеся, царя чтите...»). Слова из «Послания на Угру» о «клятве царю» содержатся и в особом рассказе о стоянии на Угре в кратком кирилло-белозерском летописце (ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 289—293), но там они приводятся как слова самого Ивана III.

[30] *«Его же любит Господь... его же приемлет».* — Евр. 12, 6.

[31] *«Помяни меня, Господи, егда придеши во царствии сии»*. — Лк. 23, 42.

[32] *...востави имъ Господь Богъ Июду... и изби хананея и ферзея и поима царя их Аданивезека*. — Здесь, как и перед этим, в упоминании Моисея, Иисуса Наввина, Вассиан передает сюжеты Библии. Сказание о победе израильского судьи Иуды над царем Адонивезеком содержится в Книге Судей (Суд. 1, 5—7). Это же сказание упоминается в кирилло-белозерском рассказе об Угре, причем явная немотивированность его и дословное совпадение с посланием Вассиана дает основание полагать, что кирилло-белозерский рассказ основан на послании Вассиана.

[33] *...Годаниила, и Аода, и Девору с Вараком, и Гедеона... и до Самсуна...* — Библейские персонажи, израильские воители, описанные в Книге Судей после рассказа о победе над Адонивезеком. Гофониил победил ханаанеев, Аод — моавитян, Варак, посланный пророчицей Деворой (Деборой), одержал победу над союзом ханаанских племен, Гедеон — над мадианитянами, Самсон над филистимлянами (Суд. 1, 13; 3, 18—284; 7, 13—16).

[34] *...напрязи, и спей, и царствуй... десница твоя...* — Ср. Пс. 44, 5.

[35] *...престол твой... свершен есть...* — Пс. 44, 7.

[36] *«и жезл силы... посрѣди враг твоих»* — Пс. 109, 2.

[37] *«Аз воздвигох тя... затворы железныа сломаю»* — Ис. 45, 1—2.

[38] *...яко пси гладни... поганяа их*. — Пс. 36, 3.

[39] *«Претерпѣвый... спасенъ будет»*. — Мф. 10, 22.

[40] *«Дай премудру вину... лѣта животу»*. — Притч. 9, 9—11.

[41] *...пресвященных митрополит русскых Петра, Алексѣя и Ионы, и Леонтия, епископа ростовскаго, чюдотворца Исаиа и Игнатиа и преподобных и богоносных отець наших Сергиа, Варлаама и Кирила...* — Здесь перечисляются московские митрополиты — Петр (начало XIV в.), Алексей (конец XIV в.) и Иона (середина XV в.), затем ростовские святители — епископ Леонтий (XII в.), Исайя (XI в.) и Игнатий (XIII в.), затем святые, основатели монастырей — Сергий Радонежский (конец XIV в.), Варлаам Хутынский (конец XII—нач. XIII в.), Кирилл Белозерский (конец XIV — начало XV в.). Имена этих святителей и порядок их перечисления различаются в разных версиях «Послания на Угру».

[42] *Лѣта 89*. — Дата дана, по всей видимости, по сентябрьскому стилю и не противоречит датировке послания октябрем 1480 г. В Вологодско-Пермской летописи указано еще, что послание писалось «на Москве, на Дорогомилове», но это единичное указание отсутствует в остальных текстах послания.

ПЕРЕВОД

Благоверному и христолюбивому, благородному и Богом венчанному, Богом утвержденному, в благочестии во всех концах вселенной воссиявшему, самому среди царей пресветлейшему и преславному государю нашему всея Руси великому князю Ивану Васильевичу, богомолец твой, господин, архиепископ Вассиан ростовский шлет благословение и челом бьет.

Молю величество твое, о боголюбивый государь, не прогневайся на меня, смиренного, что давеча дерзнул я заговорить с твоим величеством откровенно, твоего ради спасения. Нам подобает, государь великий, помнить о твоих делах, а вам, государям, нас слушать. Ныне дерзнул я написать твоему благородству, хочу кое-что напомнить из Священного писания, как Бог вразумит меня, на крепость и утверждение твоей державе.

По Божьему изволению, наших ради согрешений, охватили нас скорби и беды от безбожных варваров, и ты, государь, приехал в царствующий город Москву за помощью и заступлением ко всемилостивой госпоже Богородице и к святым чудотворцам, к отцу своему митрополиту, и к матери своей, великой княгине, к благоверным князьям и богобоязнивым боярам, за добрым советом — как крепко постоять за православное христианство, за свое отечество против безбожных басурман. Ты, государь, повинуясь нашим молениям и добрым советам, обещал крепко стоять за благочестивую нашу веру православную и оборонять свое отечество от басурман; льстецов же, которые нашептывают в ухо твоей власти предать христианство, не послушав, так ты обещал. А митрополит со всем священным и боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословил на царство и к тому же так тебе сказал: «Бог да сохранит царство твое силою честного креста своего, и даст тебе победу над врагами, и покорит под ноги тебе всех противников твоих, как в древности Давиду и Константину, молитвами Пречистой его матери и всех святых».

Только мужайся и крепись, духовный сын мой, как добрый воин Христов, по великому слову Господа нашего в Евангелии: «Ты пастырь добрый, который жизнь свою отдает за овец. А наемник — это не пастырь, ему овцы не свои; он видит приближающегося волка, бросает овец и убегает; а волк расхищает овец и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и не заботится об овцах». Ты же, государь, сын мой духовный, не как наемник, но как истинный пастырь постарайся избавить врученное тебе от Бога словесное стадо духовных овец от приближающегося волка. А Господь Бог укрепит тебя и поможет тебе и всему твоему христолюбивому воинству. Мы же все вместе скажем: «Аминь», то есть: «Да будет так».

Господь поможет тебе, если ты, государь наш, все это возьмешь на сердце свое, как истинный добрый пастырь. Призвав Бога на помощь, и пречистую его матерь, и святых его, и святительское благословение и всенародную молитву, крепко вооружившись силою честного креста, выходи против окаянного мысленного волка, как называю я ужасного Ахмата, чтобы вырвать из пасти его словесное стадо Христовых овец.

А когда ты ушел, государь наш, святители, митрополит и мы все вместе с ними, молящиеся за ваше высокородие, со всем боголюбивым собором молитву непрестанно творим, по всем святым церквам всегда молебны и святую службу совершаем по всей нашей отчизне о вашей победе, и все христиане непрестанно Бога молят, чтобы даровал он тебе победу над супротивными врагами, и надеемся получить ее от всемилостивого Бога.

Ныне же слыхали мы, что басурманин Ахмат уже приближается и губит христиан, и более всего похваляется одолеть твое отечество, а ты перед ним смиряешься, и молишь о мире, и послал к нему послов. А он, окаянный, все равно гневом дышит и моления твоего не слушает, желая до конца разорить христианство. Но ты не унывай, но возложи на Господа печаль твою, и он тебя укрепит. Ибо Господь гордым противится, а смиренным дает благодать. А еще дошло до нас, что прежние смутьяны не перестают шептать в ухо твое слова обманные и советуют тебе не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение волкам словесное стадо Христовых овец. Подумай о себе и о своем стаде, к которому тебя Дух Святой поставил.

О боголюбивый вседержавный государь, молим мы твое могущество, не слушай таких советов их, послушай лучше учителя вселенной Павла, сказавшего о таковых: «Разразится гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдой; осуетились они в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце. Называя себя мудрыми, обезумели, и так как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства». А также и сам Господь сказал: «Если глаз твой тебя соблазняет, выколи его», а если рука или нога, то отсечь повелевает. Но понимай под этим не плотскую, видимую руку, или ногу, или глаз, но ближних твоих, которые советуют тебе совершить неправое дело, отринь далеко их, то есть отсеки, и не слушай их советов. А что советуют тебе эти обманщики лжеименитые, мнящие себя христианами? Одно лишь — побросать щиты и, нимало не сопротивляясь этим окаянным сыроядцам, предав христианство и отечество, изгнанниками скитаться по другим странам.

Подумай же, великоумный государь, от какой славы к какому бесчестью сводят они твое величество! Когда такие тьмы народа погибли и церкви Божий разорены и осквернены, кто настолько каменносердечен, что не восплачется о их погибели! Устрашись же и ты, о пастырь — не с тебя ли взыщет Бог кровь их, согласно словам пророка? И куда ты надеешься убежать и где воцариться, погубив врученное тебе Богом стадо? Слышишь, что пророк говорит: «Если вознесешься, как орел, и даже если посреди звезд гнездо совьешь, то и оттуда свергну тебя, говорит Господь». А другой пророк говорит: «Куда пойду от Духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; и на краю моря рука Божья поведет (меня) и удержит десница». Куда же ты уходишь, пастырь добрый, кому оставляешь нас, словно овец, не имеющих пастыря? Мы же надеемся, что Господь не оттолкнет людей своих и достояния своего не оставит. Не слушай же, государь, тех, кто хочет твою честь в бесчестье и славу в бесславье превратить и чтобы стал ты изгнанником и предателем христиан назывался. Отложи весь страх, будь силен помощью Господа, его властью и силой, ведь «один разгонит тысячу, а двое — тьму». По пророческому слову: «их боги — совсем не то, что наш Бог». Господь сказал: «Где боги их, на которых они надеялись, ибо близок день погибели их». И еще он сказал: «Лук сильных ослабел, а немощные препоясались силою»; «Господь живит и мертвит»; «Он даст крепость князьям нашим и вознесет рог помазанника своего». И еще: «Близок Господь к призывающим его, всем призывающим его воистину» и «Не на силу коня смотрит он, не к быстроте ног человеческих благоволит, благоволит Господь к боящимся его и уповающим на милость его». Слышал, что сказал Демокрит, древнейший из философов: «Князь должен трезво рассуждать о всем происходящем, а против супостатов быть крепким,и мужественным, и храбрым, а к своей дружине иметь любовь и ласку». Вспоминай сказанное неложными устами Господа Бога нашего Иисуса Христа: «Хоть человек и весь мир приобретет, а душе своей повредит, какой даст выкуп за свою душу?» И еще: «Блажен человек, который положит душу свою за друзей своих».

А это, как мы слышим, безбожное племя агарян приблизилось к земле нашей, к вотчине твоей. Уже многие соседние с нами земли захватили они и движутся на нас. Выходи же скорее навстречу, призвав Бога на помощь и пречистую Богородицу, нам, христианам, помощницу и заступницу, и всех святых его. Последуй примеру прежде бывших прародителей твоих, великих князей, которые не только обороняли Русскую землю от поганых, но и иные страны подчиняли; я имею ввиду Игоря, и Святослава, и Владимира, которые с греческих царей дань брали, а также Владимира Мономаха, — как и сколько раз бился он с окаянными половцами за Русскую землю, и иных многих, о которых ты лучше нас знаешь.

А достойный похвал великий князь Дмитрий, прадед твой, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же окаянными сыроядцами — сам он впереди бился и не щадил жизни своей ради избавления христиан. И видел милосердный человеколюбивый Бог твердое его намерение, что хочет он не только до крови, но и до смерти страдать за веру и за святые церкви, за врученное ему Богом словесное стадо Христовых овец, как истинный пастырь, уподобиться древним мученикам. Ибо святые мученики ради любви Божией на страдания и раны как на пир шли, а святые на смерть. Так и этот боголюбивый и крепкий смерть за приобретение считал. Он не усомнился, не убоялся татарского множества, не обратился вспять, не сказал в сердце своем: «У меня жена, и дети, и богатство многое; если и возьмут мою землю, поселюсь где-нибудь в другом месте». Но без сомнения устремился он на подвиг, и вперед выехал, лицом к лицу встретил окаянного разумного волка Мамая, чтобы вырвать из его пасти словесное стадо Христовых овец. Поэтому, за его отвагу, всемилостивый Бог не замедлил, не задержался, не вспомнил его прежних грехов, но быстро послал ему свою помощь — ангелов и святых мучеников, помогать ему против его врагов. Поэтому он, пошедший на подвиг Господа ради, и доныне похваляем и славим не только людьми, но и Богом. Ангелов он удивил и людей возвеселил своим мужеством, а те, что подвизались вместе с ним до смерти, от Бога получили оставление грехов и мученическими венцами почтены были, так же как и древние мученики, которые за веру пострадали от мучителей, за исповедание веры Христовой умерли. А эти так же, в последние времена, за веру и за церкви Божий умерли и равно с теми венцы приняли. Те же, которые тогда были ранены врагами и после победы остались живы, — те кровью своей омыли прежние грехи и как победители великие врагов явились и были достойны великой хвалы и чести не только от людей, но и от Бога.

Так и теперь, если последуешь примеру прародителя твоего, великого и достойного похвал Димитрия, и так же постараешься избавить стадо Христово от мысленного волка, то Господь Бог, увидев твое дерзновение, также поможет тебе и покорит врагов твоих под ноги твои. И здрав и невредим победоносцем будешь перед Богом, который сохранит тебя, и покроет Господь главу твою своею сенью в день брани. Если бы ты, о крепкий и храбрый царь, и твое христолюбивое воинство до крови и смерти пострадали за православную веру христианскую и за Божий церкви, как истинные во всем чада церкви, в которой родились духовно банею нетления, святым крещением, как мученики своею кровью, — блаженны и преблаженны будут в вечном наследии, получив это крещение, и после него не смогут согрешить, но получат от Вседержителя-Бога венцы нетленные и радость неизреченную, какой око не видело, и ухо не слышало, и на сердце человеку не входило. Как первые мученики и исповедники, так и эти последние будут, ибо сказал Господь: «Первые — последние, и последние — первые».

Если же ты будешь спорить и говорить: «У нас запрет от прародителей — не поднимать руку против царя, как же я могу нарушить клятву и против царя стать?» — послушай же, боголюбивый царь, — если клятва бывает вынужденной, прощать и разрешать от таких клятв нам повелено, и мы прощаем, и разрешаем, и благословляем — как святейший митрополит, так и мы, и весь боголюбивый собор: не как на царя пойдешь, но как на разбойника, хищника и богоборца. Уж лучше тебе солгать и приобрести жизнь вечную, чем остаться верным клятве и погибнуть, то есть пустить их в землю нашу на разрушение и истребление всему христианству, на святых церквей запустение и осквернение. Не следует уподобляться окаянному тому Ироду, который не хотел клятвы нарушить и погиб. А это что — какой-то пророк пророчествовал, или апостол какой-то, или святитель научил, чтобы этому богомерзкому и скверному самозванному царю повиноваться тебе, великому страны Русской христианскому царю!

И не только ради наших прегрешений и проступков перед Богом, но особенно за отчаяние и маловерие попустил Бог на твоих прародителей и на всю нашу землю окаянного Батыя, который пришел по-разбойничьи и захватил всю землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, хотя он и не царь, и не из царского рода. Мы ведь тогда прогневили Бога, и он прогневался на нас и наказал нас, как чадолюбивый отец, по словам апостола: «Кого любит Господь, того он наказывает; бьет всякого сына, которого принимает». И так вот — тогда, и теперь, и вовеки тот же Бог, который потопил фараона, и избавил израильтян, и преславное совершил. Покайся, государь, от всего сердца и прибегни под крепкую руку его, и обещай всем умом и всей душою своею отказаться от того, что было прежде, когда случалось тебе, как человеку, согрешать. Человеку свойственно согрешать, то есть падать, и через покаяние воставать, а ангелам свойственно не падать, а бесам — не воставать и отчаиваться. «Да сотворишь ты суд праведный посреди земли». Нужно иметь любовь к ближним, никого не притеснять и быть милостивым к виноватым — да обрящешь Господа милостивым в Страшный день.

Не словом кайся, в сердце об ином помышляя, — не приемлет Бог такого покаяния — но только если в словах будет то же, что и в сердце. Как благоразумный разбойник на кресте сразу же, лишь за одно только слово спасся, ибо он истинно, всем сердцем познал свое согрешение и к Творцу возопил: «Помяни меня, Господи, когда приидеши во царствие твое!» А милостивый и щедрый Господь не только согрешения ему простил, но и сделал его покаянию подражай, ибо истинное покаяние — отречься от греха. Если мы так покаемся, то так же помилует нас милосердный Господь, и не только освободит и избавит нас, как некогда израильтян от лютого и гордого фараона, — нас, нового Израиля, христианских людей, от этого нового фараона, поганого Измайлова сына Ахмета, — но и нам их поработит. Так же некогда согрешали израильтяне перед Богом, и отдал их Бог в рабство иноплеменникам;

когда же каялись они, тогда ставил им Бог от племени их правителей и избавлял их от рабства иноплеменников, и были иноплеменники у них в рабстве. Так же, когда были израильтяне в рабстве в Египте, избавил их Господь от египетского рабства через Моисея, раба своего. Потом даровал им Господь Иисуса Навина, который привел их в землю обетованную, захватил двадцать девять царств и вселился туда. А после этого согрешили сыны Израиля перед Господом Богом, и Господь Бог предал их в руки врагов их. И снова покаялись они, и поставил им Господь Бог Иуду из рода их, и он разбил хананеян и ферезеев и захватил царя их Адонивезека. И повелел Иуда отсечь Адонивезеку руки по запястье и ступни ног его. Этот же Адонивезек сам сказал: «Семидесяти царям отсек я кисти рук их, и они, покалеченные, собирали крохи под столом моим; как я сделал, так и воздал мне Бог». И привели его в Иерусалим, и умер он там. Иуда же не усомнился, не сказал, что, мол, не царь я, и не из рода царского, и как мне царю сопротивляться — он на Бога упование и надежду имел и царя царей победил. Поймав его, он повелел его казнить, и взял землю их, и поработил их сынам Израилевым. И снова, когда согрешали сыны Израиля перед Богом, тогда предавал он их в руки врагов их, и были они в рабстве у них. А когда каялись, тогда ставил им правителя из их рода — я имею в виду Гофониила, и Аода, и Девору с Бараком, и Гедеона, погубившего тремястами воинов много тысяч мадиамлян, и кончая Самсоном, который убил ослиной челюстью тысячу человек. И многих других правителей ставил им Бог, и избавлял их от рабства у иноплеменников, и были у них в рабстве иноплеменники.

И ныне этот же Господь, и если покаемся от всей души и отречемся от греха, то поставит нам Господь тебя, государя нашего, как некогда Моисея и Иисуса, и иных, освободивших Израиль. Тебя даст нам Господь как освободителя нового Израиля, христианских людей, от этого окаянного, возносящегося над нами нового фараона, поганого Ахмата. Но его похвальбу обрушит Господь под ноги твои и пошлет тебе пособников, ангелов своих и святых мучеников, и сметут они их, и те погибнут. И пророки сказали бы: Богом утвержденный царь, соберись с силой, преуспей и царствуй истины ради, и кротости, и правды; и Бог чудесным образом направит твою десницу, престол твой правдой, кротостью и судом истинным создан будет, и жезл силы пошлет тебе Господь от Сиона, и одолеешь ты окруживших тебя врагов. Так говорит Господь: «Я воздвиг тебя, царя правды, призвал тебя правдой, взял тебя за руку правую, укрепил тебя, чтобы покорились тебе народы. Силу царей я разрушу, и отворю тебе ворота, и города не затворятся. Я пойду перед тобой, сравняю горы, двери медные сокрушу и затворы железные сломаю». И тогда непоколебимую и безупречную царскую власть даст Господь Бог в руки твои, Богом утвержденный государь, и сыновей сынов твоих в род и род и вовеки.

Итак, от чистой веры молитвою к Богу день и ночь, в молитвах и мольбах, литиями и соборами святительскими, божественными

возношениями вашими необходимое и подобающее поминовение о благочестивой державе вашей и царской вашей победе совершаем за литургией, чтобы покорены были враги ваши под ноги ваши, чтобы одолели вы их в сражениях. Да рассыплются поганые страны, рвущиеся в бой, ослепляемые Божьей молнией, и пусть они, как псы голодные, языками своими землю лижут, и ангел Господень погоняет их.

Радуемся и веселимся, слыша о доблести и крепости твоей и о победе твоего сына, данной ему Богом, и о великом мужестве и храбрости твоего брата, — государей наших, ставших против безбожных этих агарян. Но по евангельскому великому слову: «Претерпевший до конца спасется». Молю же твое царское многоумие и Богом данную тебе премудрость, да не пренебрежешь моим худоумием. Ибо сказано: «Дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее, научи правдивого, и он приумножит знание, потому что познание святыни — разум. Таким образом много лет проживешь и прибавится тебе лет жизни». И с этим всем да будет милость великого Бога Господа нашего Иисуса Христа, молитвами пречистой его матери и всех святых, и великих чудотворцев земли нашей, преосвященных митрополитов русских Петра, Алексия, и Ионы, и Леонтия, епископа ростовского, чудотворцев Исайи и Игнатия, преподобных и богоносных отцов наших Сергия, Варлаама и Кирилла, и прочих, и нашего смирения благословение на тебе, нашем государе, и на сыне твоем, и на твоем государстве, и на твоей братии, и на всех князьях, и боярах, и воеводах, и на всем вашем христолюбивом воинстве. И мирно и многолетне да будет ваше государство, победно со всеми послушающими вас христолюбивыми людьми, да пребудет во все дни жизни вашей и во веки веков. Аминь. В год 89 (1481).

НЕЗАВИСИМЫЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 80-х гг. XV в.

Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье и Н. И. Милютенко, перевод Н. И. Милютенко

ВСТУПЛЕНИЕ

Независимый церковный летописный свод 80-х гг. XV в. сохранился лишь в составе более позднего памятника — летописного свода 1518 г., лежащего в основе двух летописей XVI в. — Львовской (*Льв.*) и Софийской II (*С II*). Текст этих двух летописей сходен с 6900 (1392) г. до 7026 (1518) г., на котором оканчивается наиболее ранний из двух списков *С II* — Архивский.

Свод 1518 г. имел сложный состав — здесь, в частности, читаются совпадающие с великокняжеским Московским сводом обширные повествования о Флорентийском соборе 1439 г., о походах на Новгород

в 1477—1479 гг.; начиная с 1490 г. и до конца свод 1518 г. почти полностью совпадает с великокняжеским московским летописанием. Другая группа известий свода 1518 г. сходна с Типографской летописью. Обнаруживает свод 1518 г. совпадение еще и с третьей группой летописей — с Ермолинской и Сокращенными сводами, отражающими Севернорусский летописный свод 1472 г. (см. наст. том).

Но наряду со всеми этими источниками свод 1518 г. отражает еще четвертый, вполне оригинальный. Черты этого особого летописного свода обнаруживаются с начала XV в. вплоть до середины 80-х гг. XV в. Таковы житийные рассказы и сказания о чудесах Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского, митрополита Петра, о ярославских чудотворцах, о чудесах от гроба митрополита Феогноста и т. д. Не менее характерны для четвертого источника свода 1518 г. известия о важных событиях церковной и светской жизни, отсутствующие в остальных летописях и резко отличающиеся от известий великокняжеского летописания — о противостоянии великокняжеской и церковной власти, о противоречиях внутри иерархии, о столкновениях Ивана III с митрополитом Геронтием. Особое внимание уделял составитель этого свода строительству Успенского собора, повествуя об этом от первого лица («не вем же»..., «дивихся вельми»); от первого лица сообщил он и об обретении им «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, которое помещено в его летописи.

Существование летописного свода конца 80-х гг. — источника свода 1518 г. (*Льв.— С II*) — было установлено А. Н. Насоновым. А. Н. Насонов отметил сочувствие составителя свода конца 80-х гг. митрополиту Геронтию и предположил, что это был митрополичий свод Геронтия. Назвал А. Н. Насонов и предполагаемого составителя свода — митрополичьего дьяка Родиона Кожуха, чьи сказания о чудесах Варлаама Хутынского включены в свод. Однако представлению об официальном характере этого памятника как свода Геронтия противоречат критические высказывания о нем в дошедшем до нас тексте свода. Б. М. Клосс и В. Д. Назаров высказали предположение, что свод был составлен при Успенском соборе, строительству которого летописец уделял особое внимание. Но настоятелем Успенского собора после его постройки стал протопоп Алексей, новгородский еретик, вряд ли разделявший сугубо ортодоксальные воззрения составителя свода, который был склонен обвинять в недостаточной вере в новоявленные мощи даже самого митрополита Геронтия. Перед нами, очевидно, памятник, вышедший из церковных кругов, составленный при каком-нибудь монастыре или храме, — но неофициальный.

Реконструкция Независимого свода 80-х гг. связана с особыми трудностями. Говоря о летописных сводах, лежащих в основе дошедших до нас летописей, мы опираемся обычно на совпадающий текст этих летописей, — так, реконструируя Севернорусский свод 1472 г., мы учитывали сходные известия Ермолинской летописи и Сокращенных сводов и статьи, органически связанные с этими известиями. Но тексты *Льв.* и *С II* совпадают до 1518 г., и какой-либо специфической грани между ними, проходящей на 80-х гг., мы не обнаруживаем. Окончание Независимого свода мы относим, вслед за А. Н. Насоновым, к 80-м

годам на том основании, что здесь кончается цепь своеобразных известий *Льв.—С II*, отличающихся от всех других летописей.

Однако если заимствования из Московского свода (особенно известия о Флорентийском соборе, явно повторяющие соответствующие материалы великокняжеского летописания) и Типографской летописи до 1490 г., очевидно, принадлежали составителю свода 1518 г., то заимствования из Ермолинской летописи могли иметь двойное происхождение. В ряде случаев тенденции Севернорусского свода 1472 г. и Независимого свода 80-х гг. явно расходились — например, в отношении к казни Мамоновой в 1443 г. и к ярославским чудотворцам. Сосуществование в своде 1518 г. статей противоположного направления, естественно, может быть объяснено соединением их в своде 1518 г. Но некоторые статьи из Севернорусского свода могли быть заимствованы уже сводчиком, работавшим в 80-х гг.

Реконструкция Неэависимого свода 80-х гг. основывается на известиях *Льв.* и *С II*, отсутствующих в других летописных памятниках. В двух случаях в нее включаются уникальные известия *Льв.*, не сохранившиеся в *С II*, где они, очевидно, были заменены заимствованиями из других сводов. В настоящую публикацию не включены лишь «Хождение за три моря», публикующееся в настоящем томе отдельно, и житийные статьи: «От жития святого Варлаама» (6915), «От жития Никонова, ученика Сергиева» (6916), Сказание о чудесах Варлаама Родиона Кожуха (6968), Сказание об исцелении хромца митрополита Феодосия (6970) — из-за их обширного объема.

Текст реконструкции публикуется по Эттерову списку *Льв.* (РНБ, F.IV.144) с некоторыми исправлениями по Архивскому списку *С II* (РГАДА, ф. 181, № 371), которые передаются курсивом. Слова, внесенные в текст публикаторами, помещаются в скобки.

ОРИГИНАЛ

Въ лѣта 6923 <...>. Того же лѣта, июня въ 7, въ 4 час дни, тма бысть по всей земли, и солнце померче, якоже в распятии Христовѣ, и звѣзды явишася, и заря явися утренея и вечернея. И паки по едином часѣ Господь Богь дасть прощение всеми миру.[1] <...>

Въ лѣта 6926 <...>. Того же лѣта, мѣсяца июля 12, изволением великого Спаса и пречистыя его Матери и святого чюдотворца Леонтия, епископа Ростовского,[2] понуди господинъ Фотѣй митрополит Киевский и всея Руси и князь велики Василей Дмитриевичь епископом быти граду Ростову и Ярославлю Дионисиа. Ему же своего ради смирения не хотѣвши, многи слезы пролиявшу, изначала бо желаше пустынное житие и труды, еже по Бозе. Они же поставиша его нужею,[3] и исполнися на немъ Божественное слово: «Ни хотящему, ни текущему, егоже постави пастыря стаду своему, еже стежа честною си кровию...» <...>

Въ лѣта 6945. Посла князь велики Василей Васильевичь дву князей Дмитриевъ Юрьевичевъ и прочих князей, с ними же многое множество безчисленных полковъ на реку Белеву, на царя Махмета. Сущу тому в мале, от нѣкоего царя выбегшу изъ Орды. И постави себѣ городъ на рецѣ на Белеве, от хврастия себе исплет, и снѣгом посыпа, и водою поли, и смерзеся крѣпко. И хотѣ ту зимовати. Князь же велики здума з братьею, хотя его изженути из своея земля. Яко приидоша на нь рустии князи, онъ же убояся князей руских, поча мира просити и дѣти своя давати въ закладе, яко ни чинити ему ничтоже земли Руской пакости. Князи же рустии, видѣвше своихъ вой множество, а сих худо и недостаточество, и разгордѣшася, поидоша на нихъ. И бѣ нѣкто Григорей Протасьевъ сотвори крамолу, хотяше бо лестию промежь их миръ сотворитй, князи же рустии емше сему вѣру. Бѣ бо сей лестець прия Махмету царю, и не веляше им битися, мнящи мира. А сей въ то время Григорей Протасьевъ и посла ко царю, веля им в то время приити на руския полки своими, а рускимъ князем обещася стати заодинъ.

Царь же Махметъ собрався совоим худымъ воемъ, поиде противу князей руских, и князи, превозношение въ сердци их имущих, поидоша противу ихъ, кличюще, яко жрети хотяще. И гордости ради и множества грѣх, отпусти Богъ на насъ худое оно малое безбожных воинство, одолѣша тмочисленыхъ полкомъ нашимъ, яко неправедне *ходящим* и прежде *своихъ* губящим.[4] А Протасий онъ, бояринъ, ста съ татары на рустии вои, а слово свое измени. И многое множество избиено бысть руских вой, яко единому агаренину десяти или выше того одолѣти по реченному яко: «Языкъ, погубль совѣтъ есть, и не есть въ нихъ мудрости. Не смыслиша разумѣти сия вся, да приимутъ грядущее. Тако пожежнетъ *единъ* тысящу, а два двигнета тму, аще не бы Богъ отдалъ и Господь предалъ». И сице надъ сими сотворися, сии бо смиряяся, мира прося, а си превознесошася и погибоша. Тогда убиша князей множество и бояръ, а князи отбегоша въ мале дружине.

Того же лѣта. Отъ Жития Сергиева чюдо о Белеве.[5]

Ниже се молчаниемъ святаго чюдо Сергиа да покрыется. Бысть убо, Богу попущающу грѣх ради наших, овогда гладомъ казня нас, иногда нахожениемъ иноплеменных. Яко хощемъ ваший любви чюдную повѣсть простреnи, паче же и умиления достойну. Случися убо, яко же преже рѣхом, нахожение безбожных татаръ и самому царю ординскому, именемъ Махметю, притти. И шедшимъ противу княземъ, и воеводамъ, и множества воинъства христьянскаго, и бысть сражение велие, и побежене быша безбожнии, и мнози от нихъ избьени падоша. Царю же съ воиноствомъ своимъ пристрашну бывшу, и вельми смиряющимся имъ, еже толико живых оставити ихъ, нѣции же от хрестьянства

смиритися съ ними не восхотѣша, рекше, восхитити множествомъ богатства. Сего ради падоша вторымъ сражениемъ непокорства нашего: все воиньство хрестьянское погаными побежено бысть смирения ихъ ради. Богу показуя насъ и тѣми туждими милости его и прочее, да познаемъ, коль велико есть смирение: и невѣрныя, немощны суще, о нем укрепитися. И на предлежащее да возвратимся.

Понеже гоняще погании хрестьянское воинство, попущением Божиимъ многи избиваху, овых руками яша, въ нихже нѣкоего воина ухватиша от полаты великодръжавнаго, любимаго от него, Ивана именемъ. И сего отлучиша, гоняще, и достигше, претяще напрасно убити его. Сему же юнну сущу и цвѣтущаго ему живота отчаявшуся, вдасть ему Богъ благый помыслъ, во еже призвати на помощь скораго святаго Сергия ко избавлению его. И толико въ мысли своей помяну святаго, абие конь его на бежание скоро простреся, яко крилѣ вдасться ему, от поганых. И тако достигъ воеводы своего, въ радости мнозѣ, исповѣдуя всѣм великая чюдеса, како избави его Господь от смерти горкиа молитвами святаго Сергия. И тако ему грядущу въ путь свой с воинствующими своими ему, веселяся и обещеваяся приити во обитель святаго, и поклонитися къ мощемъ его, и благодарения воздати, и братию учредити. И по малѣ времяни пременися помысль его, еже имъ потом самъ повѣда, глаголя: «Что сотворю, мало имѣния здержу? Аще учредити ми толика множества братства, пол имѣниа не остает ми на потребу». И сиа ему помышляющу, внезапу подчеся конь его подъ нимъ и паде напрасно, яко из рукъ его и броздамъ истрогнутися, и тако ему самому съ коня спаднути. И нападе на ня страхъ велии, яко вси оставиша его, страха ради свѣрѣпыхъ татаръ. Сему же трепещущу и конь свой управляющу от великого страха, и въ той часъ обрѣтошася погании невидимо откуду, и яша его, воина, и совлекше еже на немъ блистающая оружия, и на убийство его устремишася. Той же увы, и всячески живота своего отчаявся, ничтоже надежно имѣя ко избавлению, укаряше себе о раскаянии обѣта еже ко святому. И срамляшеся убо призвати святаго Сергия на помощь, сице глаголя: «Въ правду, окаянный, азъ умираю, не сохранивъ обѣта, еже к тебѣ, святый Сергий. Аще не прогнѣваешися, святе, въ конець и умилосердишися на мое недостоиньство, сугубо и преславно покажеши своя чюдеса. Уже бо паки не могу солгати, се бо безотвѣтенъ есмь, и студа исполнихся, и своеа доброцвѣтущиа юности разлучаюся злѣ». И тако ему горько рыданиемъ плачющуся, и се они, звѣровиднии, во овчю кротость преложишася, яко изумлени оставиша его, ничтоже ранъ возложиша на нь, ни ризъ совлекше, многоцѣнных суща. Сей же воинъ, видѣ себе сохранена помощью Божиею и молитвами святого, абие на беание себе вдасть. Аще от онѣхъ поганыхъ срѣташе его, но молитвами святаго покрываемъ бѣ и къ своему доправленъ здравъ.

И тако скоро притече во обитель святаго, бояся, да не тая же постражеть, исповѣдая всѣмъ великая Божия чюдеса, и скорее заступление, и милость славнаго въ чюдесѣхъ Сергия, бывшее на немъ

милосердие, яко чадолюбива отца. И в радости множѣ святаго братию учредивъ, милостыню вдавъ, облобыза раку святаго, отиде въ домъ свой, славя Бога и угодника его святаго великаго въ чюдесѣх Сергиа.

Въ лѣта 6946. <...> Того же лѣта, мѣсяца августа 15 день, поиде Сидор в Римъ на осмый собор, похоронивъ княгиню Еупраксѣю.[6] <...>.

Въ лѣта 6953. <...> Того же лѣта бысть знамение въ градѣ Москвѣ: въста буря велия и сломи крестъ съ соборныя церкви каменыя святыя Богородица честнаго ея Рожества, идѣже придѣлъ имать святый Лазарь.[7] <...>.

Въ лѣто 6961. <...> Того же лѣта посла великий князь Стефана Бородатаго в Новгород съ смертным зелием уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха в Новгородъ къ боярину княжо Дмитрееву Ивану Нотову, повѣда ему рѣчь великого князя. Онъ же обещася, — якоже глаголеть Давыдъ: «Яды хлѣбъ мой възвеличи на мя лесть»,[8] — призва повара на сей совѣтъ. Бысть же князю Дмитрею по обычью въсхотѣ ясти о полудни и повелѣ себѣ едино куря доспѣти. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ доспѣша его и принесоша его предъ князь и яде не вѣдый мысли ихъ, не случи же ся никому дати его. Ту же разболѣся, и лежа 12 дней преставися, и положенъ бысть въ церкви святаго мученика Егория[9] въ Новѣгороде.

Того же лѣта прииде царь Турский къ Царюграду, и поможе Мустофа Амуратовичю, и взя Царьградъ прелестию. Посла к намѣснику цареву, рече: «Сътвори ми се, яко възму Царьградъ. Аще ли възму тъй, поиму дщерь твою жену, и будеши отець мнѣ и вторый въ царьствѣ моемъ». Онъ же повелѣ приступати ему отъ лимени, идѣже стѣна трухава. И бивъ пушками, взя Царьградъ, и церкви святыя разори, въ Софѣи великой мизгитъ учини, а людей множество посѣче, и иныя истопоша въ мори, а самъ сѣде въ немъ. А намѣсника того повелѣ въ котлѣ варити и злой смерти предаде его, рече ему: «Какъ ты мнѣ хочешь вѣренъ быти, а какъ сътвори надъ преднимъ своимъ государемъ?»[10] <...>

Въ лѣто 6966. <...> Тое же зимы архиепископъ Ростовской Феодосей[11] въ Ростовѣ повелѣ мясо ясти в навечерии Богоявления, еже прилучися в суботу, митрополитъ же Иона въсхотѣ санъ сняти съ него. Княгиня же великая отпечаловала его у митрополита, а взя у него село Петровское отъ печалованиа. Тое же зимы, мѣсяца февраля 15, родися сынъ великому князю Ивану Васильевичу и нареченъ бысть именемъ Иванъ. Того же лѣта преставися епископъ Еуфимей

Новагорода Великаго. Того же лѣта князь великий Василей Василиевичь рать свою послалъ на Вятку, а воевода у них князь Иванъ Васильевичь Горбатой да князь Иванъ Ряполовъской. И не успѣша ничтоже: у вятчанъ посулы поимали да им норовили, и ни Вятьки и не взяли, и възвратишася. Того же лѣта създана бысть церкви камена Москвѣ Введение святыя Богородицы на Симоновскомъ дворѣ въ городѣ.[12]

Въ лѣто 6967. <...> Того же лѣта бысть Благовѣщение на Пасху. Писано въ Пасхалии: Братиа, здѣ страхъ, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь немала! Якоже въ распятии Христовѣ, сий кругъ солнцу бысть 23, луны 13. Сие лѣто на конци явися, въ ньже чаемъ всемирное пришествие Христово. О Владыко, умножишася безакония наша на земли! Пощади нас, Владыко, исполни бо и землю славы твоея, пощади васъ! «Благословенъ грядый въ имя Господне!»[13] Блюдите убо, братиа, извѣстно разумѣйте, кто хощетъ быти въ то время, бѣжи невѣрия, при насъ измаилы. «Господь бо не хощеть смерти грѣшникомъ, но ожидая покаяния». Рече Господь: «Не вѣсте дни и часа, въ ньже Сынъ человѣческий приидеть». И тогоже лѣта не бысть ничтоже. <...>

Въ лѣто 6968. Тое же зимы ѣздилъ князь великий Василей Васильевичь въ свою отчину въ Новгородъ Великий, а съ нимъ сынове его, князь Юрьи да князь Андрѣй. Ноугородцы же удариша въ вечье и събрашася къ Святѣй Софѣи: свѣчашася всѣ великого князя убити и сь его дѣтьми. Ста же противу ихъ владыка Иона, река сице: «О безумнии людие! Аще вы великого князя убиете, что вы приобрящете? Но убо большую язву Новугороду доспѣете, сынъ бо его большей князь Иванъ се послышить ваше злотворение, а се часа того рать испросивши у царя, и поидетъ на вы, и вывоюеть землю вашу всю». Они же оканнии възвратишася отъ злыя мысли своея. Тогда же Федора Басенка хотѣли убити шильники.[14] Ѣзди же тогда князь Юрьи во Псковъ, тое же зимы и приѣхаша. <...>.

Въ лѣто 6969. <...> Того же лѣта поставлена бысть церкъви на Москвѣ камена святый Иоанъ Предтеча,[15] иже придѣлъ имат святаго отца Варлама Новугородцькаго, великим княземъ Васильем Васильевчем. Варлама же оттоле поча празновати на Мосъквѣ, въспоминая чюдо, еже сътвори над Тумгенем,[16] иже его из мертвых въскресилъ, егда былъ князь великий въ Новѣгородѣ. <...>.

О проявлении мощемъ чюдотворцовъ ярославскихъ. Въ лѣто 6971. Въ градѣ Ярославлѣ, въ манастыре святаго Спаса лежаху три князи: князь великий Федоръ Ростиславичь Смоленьский и Ярославский, да сын его Констянтинъ, да внукъ его Давыдъ,[17] въ

церкви святого Спаса наверхъ земли. Самъ же князь великий Федоръ великъ человѣкъ ростом былъ, и те у него, Констянтинъ да Давыдъ, подъ пазухами лежали, занеже менши его ростомъ, лежаху же въ одномъ гробѣ. Свѣщаху же ся игуменъ и всѣ священницы съборных церквей въ Ярославли, да сшедшеся положити и ихъ съ честию въ землю, туто же въ церкви, на томъ же мѣстѣ. И старѣйшинѣ града възвѣстиша о томъ, князю Александру Ярославскому, онъ же повелѣ тако сему быти, и гробницу хотяше устроити каменну, и покровом драгимъ окрыти его, и свѣщи поставити. И егда сшедшеся священницы, и иноки, и мирстии, и князь Александръ, правнукъ их, и егда въсприаша мощи их, тогьда Богъ простилъ первое Богоридцкаго попа и сына его у гроба ихъ, воду свѣщали с мощей ихъ, от тое воды простило двѣ жены слѣпы. И оттолѣ начаша дивитися, и возвѣстиша всѣмъ, и начаша звонити, и поидоша вси народи с честию покланяющеся, и цѣловаху мощи ихъ. И оттоле положиша ихъ на землю, но въ томъ же гробѣ, на поклонение и лобзание мощей их и на исцѣление недужным. И възвѣстиша епископу Трифону Ростовскому, иже въ его епискупии тъй градъ. Той же невѣриемъ обдержимъ, не имяше вѣры, мняше вълшевство быти. Мѣсяца апрѣля 3 день, Богъ простилъ у их у гроба бѣсна человѣка, да слѣпа, болящa очима, и прозрѣ. Того же мѣсяца 20, гроба чюдотворець Богъ простил отроковицу единѣмь оком слѣпу, да мужа съ женою беснуемыхъ. Мѣсяца мая 10 день, Богъ простилъ у гроба святыхъ чюдотворець жену слѣпу да отрока, болящаго немощию телесною. Мѣсяца июня 25, исцѣлѣ у гроба святыхъ чюдотворець четыре жены: три слѣпы прозрѣли, а четвертую обеснуема, грызла плоть свою и людей ѣла. <...>

Въ лѣто 6973. Сентября 13 остави митрополитъ Феодосей митрополию, мѣсяца сентеврия 14. Тое же осени, ноября 11, поставиша митрополитом на Москвѣ суздальского епискупа Филиппа, собравъ епископы. А Феодосей того ради оставилъ, занеже восхотѣ поповъ и дияконовъ нужею навести на Божий путь. Нача въ всякую недѣлю ззывати и учити по святымъ правилом. И вдовцомъ, и дияконом и попом, повелѣ стричися, а иже у кого наложници будяху, тѣх мучаше безъ милости, и священьство снимая съ нихъ, и продаваше[18] ихъ. А церквей много наставлено, а попы не хотяше дѣлати рукодѣлиа, но всякой въ попы, тѣмъ ся и кормяху, и въслѣдоваху плотским похотем, зане бо не Богу служити изволиша, но льготу тѣлу своему. И встужиша людие, многи бо церкви без поповъ, и начаша его проклинати, онъ же, слышавъ се, разболѣся того ради. Оздравъ бысть, и сниде въ келию к Михаилову Чюду въ манастырь, и приа разслабленаго старца въ келию, нача служити ему и омывати струпы его.

Въ лѣто 6975. Мѣсяца апрѣля 25 3 часъ нощи, преставися великая княгини Мария великого князя Ивана Васильевича от смертнаго зелия. Занеже познаху по тому: покровъ на ней положиша, ино много свисло его, потом же то тѣло розошлося, ино тотъ покровъ много и не досталъ на тѣло. И положена бысть въ церкви святаго Възнесения на Москвѣ.

Тогда же въсполѣся князь великий на Олексѣеву жену на Полуектова, на Наталию, иже посылала поясъ з Боровлевою женою с подьячего казенного къ бабѣ. Тогды же и на Олексѣя всполѣся и много, лѣтъ шесть не был у него на очех, едва пожалова его.[19]

Того же лѣта епископъ ростовский Трифон, слышавъ чюдеса исцѣлениа въ градѣ Ярославлѣ от гроба новоявленныхъ святых чюдотворець великаго князя Федора Ростиславича Смоленьскаго и Ярославскаго и Костянтина и Давида, и не вѣрова чюдесем ихъ. И посла Костянтина протопопа ростовскаго, иже бѣ честенъ мужь. Всегда по вся лѣта посылаше по него князь великий, призывая на Москву на зборъ кликати, занеже бо голосистъ был и рѣчистъ, и грамоте гораздн҃ъ, и рожаистъ, того ради възвысися умомъ и бяше гордъ. Посла же его въ Ярославль, да шедъ посмотрить мощей чюдотворцевых и видитъ исцѣлениа отъ нихъ, и оправдѣ ли будеть, зане бо и той протопопъ не вѣроваша.

Той же протопопъ приѣха въ Ярославль, въ манастырь святаго Спаса, и посла к игумену, рекъ: «Отъ владыки ростовскаго приѣхавъ». И игуменъ повелѣ к себѣ внити въ кѣлию. Костянтинъ же протопопъ разгордѣся, рекъ: «Почто не выиде противу мене? Не вѣси ли, въздавый мнѣ честь, послу владычню, владыцѣ честь въздаеть? На мнѣ чти не сотвори, на моемъ осподарѣ чести не сотвори на владцыѣ. Азъ бо се государю скажу, а к нему въ кѣлию не иду, а на няже посланъ есми, то и сътворю». И посла къ нему, рекъ: «Посланъ есми дозрѣти у васъ чюдотворець, како будут: въ тѣле ли лежать, како исцѣления многа сътворяють, не неприязнество ли дѣйствует на прелыцение человѣкомъ». Повелѣ церковь отмъкнути: «Азъ дозрю их». Игуменъ же посла понамаря, и понамарь, шедъ отмкнулъ церковь. Вниде Костянтинъ протопопъ в церковь въ Спасъ святый, и въпраша о чюдотворцехъ, идѣже лежать, и показа ему, онъ же прииде, открывъ святыхъ чюдотворець, и Федоръ бяше великий князь въ черницѣх и въ скимѣ лежаше. Тогда, пришедъ, протопоп Костянтинъ, яряяся на игумена, мня, симъ чюдотворением игуменъ многа богатества приобрѣте, еже приношаху гражане на молебны, къ рацѣ их приходяще. Тогда порва плети у скимы и хотяше, ихъ обнаживъ, смотрити, тогда напрасно сила Божия и святых чюдотворец верже его на землю, и бяше нѣмъ, и омертвѣ плоть его. И приат ужасъ вся ту сущая съ нимъ. И сказаша игумену вся бывшая, и притече игумен, начаша молебенъ пѣти о немъ и воду свящати и кропити его. Едва по многихъ часѣхъ оживе плоть его, бяше языкомъ нѣмъ, и рукама и ногама раслаблен, плоть его терзаяся.[20]

И нача каятися съ слезами, поношая себе и оканна именуя, перваго пути погрѣшивша, рекшаго пророком: «Да не искусиши Господа Бога твоего ни въ коемъ же дѣле блазѣ».[21] Искусивыи Господа Дафанъ и

Авиронъ,[22] ни ерѣи суще, ни причетницы, въсхотѣша въ святилищи Богу служити и начаша кадити, — и живых земля пожре. Тако же и Озан[23] прикоснуся х киоту тельцемъ, раною страшною уязвенъ, усше рука его. Тако же и Гиезий[24] и нача милостыню красти, еже Елисѣй давати заповѣда нищимъ, прокажения въсприят. И съй же тако же въсприа Костянтинъ. И много время пребывающу ему у чюдотворець раки, послаша въ Ростовъ, сказаша вся бывшая. Слышавъ же се архиепискупъ Трифанъ, здрогновъ всѣмъ тѣломъ, и бяше разслабленъ. И остави архиепискупьство, и сниде въ келию, нача плакатися и молитися святымъ чюдотворцомъ, и повелѣ себя вести въ Ярославль, въ манастырь святаго Спаса, идѣже святии чюдотворцы лежать, и ту пребысть плачася и до смерти своея. <...>[25]

Въ лѣто 6977. <...> Того же лѣта татарове казаньские пограбиша гостей русскихъ...[26]

Въ лѣто 6978. <...> Тое же зимы, декабря 21, исцѣлѣу гроба святаго Петра на память его отроковица шти лѣтъ, слѣпа прозрѣ. Тое же зимы исцѣлѣ у гроба святаго Петра митрополита человѣк нѣкий изъ Рязани, странной, имѣ руку прикорчену и к ребрамъ прирослу. И въ время обѣдни исцѣлѣ, и бысть простреся рука его, яко и другая.

<...> Тое же осени, августа 1, в час 2 дни, загорѣся градъ Москва и погорѣ весь, едини три дворы осташася. Тое же осени, на третий день по пожарѣ паде церковь Петр святый,[27] иже у Пречистые придѣлъ, бѣ бо изгорѣла от пожара...

Въ лѣто 6979. <...> Того же лѣта Тороканъ купець[28] заложи себѣ полаты кирпичны въ градѣ Москвѣ у градной стѣны у Фроловскихъ ворот; единого лѣта и сведе.

Того же лѣта непокаряющимся новугородцом великому князю и в воли его быти не хотящим, но отай великого князя послашася х королю, и грамоты докончальныя даша на себе, да и владыку хотяху въ Киевѣ ставити, и князя Михаила Оленкова себѣ взяша. То же слышавъ князь великий посла к ним въ Новъгородъ, обличая мысли их. Тако же и митрополитъ посла своего посла, възлагая на нихъ отлучение и неблагословение, того ради, что хотять владыку ставити на Киевѣ, нарицая митрополита киевъского латынянина, вѣру латыньскую держаща. Они же того не послушаша. Князь же великий, не хотя своей отчины Новагорода перепустити королю, совокупивъ силу велику, первие посла воеводъ своих со множествомъ вой на Новгородъ, князя

Данила Холмского да Федора Давыдовича. Таже нимало не помедливъ, и самъ поиде мѣсяца июня, а съ нимъ братиа его, князь Юрий, да князь Андрѣй, да князь Борисъ, да князь Михайло Верейский, да царевичь Каисымовъ сынъ съ татары. Да испроси матери своей, у великие княгини, дьяка Степана Бородатого, умѣюща говорити по лѣтописцомъ русскимъ:[29] «Егда, — рече, — придут, и онъ въспоминаеть ему говорити противу их измѣны давные, кое измѣняли великим княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ».

Воеводы же, вшедъ в землю Ноугородцькую, начаша волости новугородцкие воевати. То же слышавше новугородцы, събравшеся, в насадѣх по озеру Ильмеру приидоша же подъ Русу. Ту же бысть бой воеводам великого князя съ новугородцы, и поможе Богъ воеводамъ великого князя, и убиша ихъ яко до четырехъ тысящь, а иныхъ руками живых яша, а иные, язвы на телесѣхъ приемше, отбѣгоша, а иные въ Русѣ истопоша. Воеводы же великаго князя Русу пожгоша, а сущие в ней все разграбиша, поидоша воюючи къ рецѣ къ Шелонѣ, и пришедъ сташа на рѣцѣ на Шелони объ сю страну. Новугородцы же совокуплешеся, поидоша противу их, и приидоша къ рецѣ къ Шелони июля 14. Нача же битися о бродъ, и поможе Богъ воеводамъ великого князя: самѣхъ избиша, а воевод всѣхъ руками яша, Дмитрея Исаковича и Казимера[30] а за прочими гнашася, биющи, яко на 20 верстахъ.

Князю же великому тогда сущу на рѣцѣ Поломяти, сжидающеся з братьею, ту же ему вѣсть прииде, оже воеводам его былъ бой с новугородцы, и побиша вои его новугородцов и воеводъ всѣх яша. Онъ же похвалив Бога, поиде к рецѣ къ Шелонѣ, ту видѣти избьенных. И пришедъ, ста на рецѣ на Шелонѣ, повелѣ Дмитрея Исаковича посѣчи, а прочих вести на Москву. Они же ведяху колодники, скотъ и кони погнаша, хваляще Бога и крестную силу, егоже бяху преступили новугородцы. Да доколе терпѣти на нихъ Богу? Наведе на них по грѣхом ихъ, наказавъ рукою благовѣрнаго великого князя Ивана Васильевича. Стоявъ же ту князь великий недѣлю, жда отъ нихъ покорения. Ту же прииде нареченный владыка Феофилъ съ новугородцы, и добишя челомъ великому князю 17 тысящь рублевъ. Князь же великий, утвердивъ их на всей своей волѣ, и възвратися на Москву сентебря 1.

Тогда же, июля 27, воеводы великого князя Василей Федоровичь Образець да Борисъ Слепець съ устяжаны и съ вятчаны на Двину ходили. Прииде на них князь Василей Васильевич Суздальский, Горбатого брать, и съ силою двинскою, и бысть имъ бой, победиша князя Василия. А колодники приведе, князь великий повелѣ всадити в ызбу, отъ нихже един, задхнувся, умре. <…>

Въ лѣто 6980. <...> О создании церкви на Москвѣ соборныя святыа Богородица.[31] Тое же весны помысли Филиппъ митрополит церьковь соборную въздвигнути святую Богородицу въ градѣ Москвѣ, понеже та бѣ обѣтшала, юже Петръ митрополит и чюдотворець своима руками заложилъ[32] каменую, идѣже тѣло его лежаше, якоже въ житии его написано Кипреаном митрополитом. И блюдшися падениа, уже деревии толстыми комары подпираху. Минувши же по составлении еа лѣтъ сто и пятьдесятъ. Сице помысливъ и сътворивъ, призва мастеры Ивашка Кривцова да Мышкина[33] и нача имъ глаголати, аще имутся дѣлати, хотяше бо велику и высоку церковь сътворити, подобну Владимерской святѣй Богородицы.[34] Мастери же изымашася ему таковую церковь въздвигнути. Сътвори же митрополитъ тягину велику: съ всѣхъ поповъ и манастырей збирати сребро на церковное създание силно. Яко же събра много сребра, тогда бояре и гости своею волею части своя имѣниа вдаша митрополиту на церковное создание. Яко же събра много сребра, нача разрушати церков и дѣлатель множество сведе, и въскорѣ до земли разрушиша. Мощи же святаго святителя Петра не ископаша, но создание стѣны первыя оставиша надъ ним. Церковь же обложивъ кругъ тое церкви болѣ тое, а Володимерскиа шире и долѣ полуторою саженью, рвы копаша и колие биша по обычаю своему. Но не разумѣша силы въ томъ дѣле: извѣсть житко разтворяху съ пескомъ, ино не клеевито. А внутрь: того же малого камения сбираху, да внутрь стѣны сыплюще, да извѣстию поливаху, якоже раствором тѣстянымъ,[35] потому же некрѣпко дѣло, якоже тягиня того камения погнететь вмѣсто, и правило стѣны извихляется.

<...> Тогда же, того лѣта, извѣдоша дѣлатели церкви святыя Богородица до порога[36] и гробницы на тѣхъ же сторонахъ епископомъ доспѣша, Киприана да Фотѣа митрополитовъ на правой сторонѣ в рядъ, а Фегнаста митрополита в придѣле въ Петрѣ святомъ, у Петра у митрополита об одну стѣну.[37] На другое лѣто[38] мало мосту изведоша и гробницы митрополитомъ заложиша. Тогда Иону цѣла суща обрѣтоша, маа 29, Фотѣя же цѣла суща не всего, едины ноги толико въ тѣле, а Киприяна всего истлѣвша, едины мощи. Иона же исцѣли отрока шти лѣтъ попова сына Петрова Ивановского под Колоколы,[39] хрома суща. Множество же людий Ионину тѣлу прикладывающе, сребра наметаша якоже въ газофулакию,[40] митрополит же все то отнялъ у попов на создание церковное. Тогда же Иона и Селивана исцѣли Рязанца, внутри болячку имуща. Петра же великаго нощию ископаша. И обрѣтоша мощи его, и людемъ не явиша, но ларецъ поставиша возлѣ Ионинъ гробъ, идѣже нынѣ Филипъ митрополитъ лежитъ, и лобзаша его вси приходящии. Не вѣм же, мощи его бѣша тут, или ни. Дивихся вельми только, будет вправду тутъ, яко такова чюдотворца ту положиша безчестно,[41] не изнесоша в ыной храмъ. Дѣлатели бо, дѣлающе, поверхъ его ходять, а что ни есть отесковъ каменных, тъи все на гробъ тъй падаше. И Иону митрополита болѣ брежаху. Но инии глаголаху, яко въ полате митрополитъ Петра чюдотворца мощи положи, но народа ради яви, яко ту, подлѣ Ионинъ гробъ въ ларцѣ лежит, кое бы в полату не ходили. Не мало же дѣлатели изведоша церкви тоя и столпов, донелѣ

же олтаря наддѣлали и мѣсто чюдотворцу тако же близъ жертвеника сотвориша.

Тогда князь великый хотяше и митрополит сотворити опричeной день и принести на то мѣсто, где ему быти, и праздникъ ему доспѣти, и въпрокъ такый день той праздновати. Но княгиня великая Мариа, мати князя великаго Ивана Васильевича, захотѣла в Ростовъ ѣхати. И здумаша, и принесоша мощи его июля 1 день, и празникъ великъ учиниша, и канонъ повелѣша принесении мощем учинити, и слово доспѣти о церковномъ замышлении, и обрѣтении чюдотворцовъ, и обрѣтении Ионинѣ Пахомью Сербину,[42] мниху Сергиева манастыря, иже и сотвори два канона. А въ Словѣ томъ написа, яко въ тѣле обрѣли чюдотворца и невѣриа ради людскаго, занеже кой толкъ не въ тѣле лежить, тотъ у нихъ и не святъ, а того не помянутъ, яко кости наги истачают исцѣлениа. И повелѣ князь великы по всей земли праздновати принесении мощемъ чюдотворца мѣсяца июля 1 день. Въ той же церкви идѣже олтарь ту, доколѣ свершатъ церковь, повелѣша древяную поставити, и священа еа во имя тоя же церкви Успение святыа Богородица, и приградиша къ ней и гроб Петра чюдотворца.

Того же лѣта посылаше князь великий Фрязина в Римъ къ папѣ сватaтися, занеже сказалъ ему царевну греческаго царя Аморѣйскаго, именемъ Зинаиду, а папе по племяни. И родителемъ ея умершимъ, и папа взя ея къ себѣ и хотяше еа выдати.[43] И посла пана Юргу с нимъ въ *провадатехъ*, что знаеть тот путь: итти на Новъгородъ, и оттуду на нѣмцы, и на Венецыю город, и оттуду к Риму, занеже близокъ путь къ Риму туды. Онъ же прииде въ Венецѣю, и сказася болший бояринъ у великого князя,[44] и бы въ Римѣ, и тамо съ папою зговорилъ. И папа въсхотѣ дати еа на Русь, а сама деи, рекши, християньства ради за великого князя похотѣла. Глаголють же, рекше, король присылался, хотя еа за сына взяти, она же не восхотѣла латыньства ради.[45]

И иде Фрязинъ тѣмъ же путемъ на Венецѣю. Князь же венецѣйскый здума з бояры своими, хотѣ итти на турскаго царя, что въ Царьградѣ седить, и взявъ за собою крестияньскый град, и церковь великую Софию в мизгить учини, юже създа Устиянъ великий царь.[46] И не можаше единъ, и восхотѣ *Орду* подняти с собою, но не знааху гражане его, куды послу доитти до Орды. И слыша, что от Руси есть путь, и нача чтити Фрязина, и дарити, и говорити, чтобы посла его взял на Русь с собою да велѣлъ проводити до Орды.[47] Фрязинъ же обѣщася. Веземъ посла его, и прииде к великому князю, и рѣчи всѣ папины сказа, а посла того гостем назва, а царевну на иконе написану принесе. Князь же великый, здумав съ материю своею великою княгинею, посла еа взяти. Тот же Фрязинъ толмача добывъ, и посла того отпусти, Тривизана зовома, на Рязань да и к Ордѣ, втаи великаго князя. Яко Фрязинъ отиде в Рим, тогда прииде вѣсть къ великому князю, яко посла приведши венецѣйскаго Фрязин, да

отпустилъ его къ Ордѣ. Тогда посла повелѣ изымати на Рязани, и съ толмачем, и повелѣ его всадити въ тюрму.[48]

Фрязинъ же ѣха въ Римъ, царевну взя и приведе. Тогда папа съ нею посла людей много добрыхъ грековъ, да посла съ нею легатоса своеа церкви божницы. Тѣхъ де у себя держить седмьдесять, а гардиналовъ дванадесят противу двоюнадесять апостолъ, а самъ имя Божие дръжит въ службѣ. Егда же приѣха с царевною Фрязинъ, посла князь великий боярина своего Федора Давыдовича противу, и повелѣ крыж у легатоса отнявши, да в сани положити, а Фрязина поимати[49] да и пограбити. То же все сътвори Федоръ, за пятнадцать верстъ въстрѣтилъ еа. Тогда же убояся легатосъ. Много былъ митрополитъ Филип изучилъ отъ книгъ, словесъ емлючи. И книжника Никиту поповича призва, ово самъ, емля отъ него рѣчи, глаголаше лѣготосу, иное же повелѣ самому съ нимъ глаголати. Онъ же ни единому слову отвѣта не дастъ, но рече: «Нѣтъ книгъ со мною». Тое же зимы женися князь великий тою царевною и вѣнчася въ церкви святыя Богородицы древяной, иже у гроба святаго Петра. Вѣнча же его протопопъ коломеньскый Осѣя,[50] занеже здѣшнимъ протопопомъ и духовнику своему не повелѣ, занеже вдовцы.

Тогда же не бъ вѣсти князю венецѣйскому, дошелъ ли посолъ его до Орды, не дошелъ ли. Тогда посла Фрязинова брата къ нему Венецѣю, и поношая ему: «Что тако сътвори, съ меня честь снявъ, а тай чрезъ мою землю шлешь посла отай, меня не доложа». Братъ же Фрязиновъ Онтонъ ѣха, то ему сказа все, и посолъ его седит поиманъ въ тюрьмѣ. Князь же тьй съ нимъ наказа къ великому князю, чтобъ князь великый нелюбие отдал, а посла бы его отпустилъ къ Ордѣ: «А что будеть на подкруту бы еси ему далъ, а язъ самъ платежникъ». Тогда князь великый, по Онотоновымъ рѣчем, отпусти его, а съ нимъ толмача и диака отпусти, и седмьдесять рублевъ дасть ему, тогда седмьсотъ сказа ему и посла все взять.[51] И доиде тьй посолъ до Орды, зва царя, онъ же не обещася, но проводити его повелѣ татаромъ къ морю.

Того же лѣта загорѣся митрополичь дворъ и около его и иные дворы. Тогда же Филипъ митрополитъ здравъ бысть, напрасно болѣзнь его изыма. Тогда и митрополью оставн, и в той болѣзни немного поживъ, преставися.[52] Обрѣте на нем самъ князь великый желѣза на всемъ тѣле его. И положенъ бысть въ заложеной отъ него церкви святыа Богородица, посторонь Ионы митрополита, и желѣза его надъ гробомъ повѣсиша, еже и нынѣ лежать, къ нимъ же вси прикладываются исцѣлениа ради.

По преставлении же его нача пытати князь великый, кто ему сътворилъ. И кузнець избрася единъ, егоже искупилъ митрополитъ ис полону у татаръ къ церкви тъй ковати на потребу, таже пустити его повелѣ. Той рече, яко: «Един жеребей прикovахъ къ тѣмъ желѣзомъ, занеже сказываеть, тѣсны ему, и не повелѣ никомуже сказывати ему». Потомъ тъй же мастеръ сказа на другый день яко: «Видѣхъ, — рече, — во снѣ идуща Филиппа митрополита въ всемъ своемъ сану на свой дворъ изъ церкви и вериги на руцѣ несущи свои. И язъ, срѣтивъ, хотѣхъ поклонитися ему, тъй же Филипъ митрополитъ рече ми яко: “Почто сказалъ еси великому князю, кое приковалъ еси жеребей къ сѣмъ веригам? Азъ тебѣ не повелѣхъ сказати”. Азъ же рѣхъ: “Согрешихъ”. Онъ же рече: “Спустит ми тебѣ, и тебѣ и иным сказывати”. И вземъ вериги, поча мя бити. Азъ же пробудихся и обретохъ все тѣло свое ранено, и нынѣ немощенъ». И лежа мѣсяць отъ тѣхъ язвъ, и помолися святому, и исцѣлѣ.

Того же лѣта поставиша митрополитомъ владыку коломенского Геронтиа[53], мѣсяца июля 29. Того же лѣта поставиша владыку на Коломну Никиту Семежкова. Того же лѣта, мѣсяца июля, обрѣтоша въ церкви святаго Спаса[54] княгиню Марию великаго князя Семена Ивановича,[55] нареченную въ мнишескомъ чину Фетинью, въ тѣле невреженну ничѣмъже, толико риза истлѣ. И посла князь великый по игумению Олексѣевскую, и повелѣ еа облещи въ всѣ новые ризы мнишеские, облече ея. Того же лѣта, мѣсяца августа 15, сътворися чюдо у гроба святаго Ионы митрополита. Отрокъ нѣкый осминадесять лѣтъ въ Переславли Разанскомъ имѣяше лѣвую руку суху и персти тоа руки къ длани пригбени. И въ время литургиа исцѣлѣ.

Въ лѣто 6982. <...> Того же лѣта, мѣсяца маа 21, в вечеръ, на третье лѣто по заложении церкви, падеся та церковь заложеная съборная, а ужь были комары учали сводити, рекше покровъ. А отвалилася стена сѣверная, занеже межи стены тоа лѣствицу на полати доспѣли въсходъ, а възвели высоко, полоторою саженею выше Володимерские святыа Богородица, а полати надъ предними двери доспѣли. Тогда же и полати падоша. А падеся въ первый час нощи, не вреди никогоже, а дѣлатели бяху уже ушли. Вся же ся церкви раззыбася от того падениа, щѣли велии явишася.

Того же лѣта бысть прощение у гроба Феогнаста митрополита. Человѣкъ нѣкый в градѣ Москвѣ ходивъ по обычаю къ селу скудельничю,[56] иже имѣють гражане на погребение страннымъ. Обычай же имѣяху въ четвергъ седмыа недѣли ходяху тамо и купяху ту канонъ и свѣща, и мольбу творяху о умершихъ. Вкупѣ же и сей идяше. И загребаху старую яму, иже полну мертвых накладену, а новую ископаху, ту же все и копають и засыпають землею Бога ради, но вси гражане, мужи и жены. Сей же человѣкъ, вземъ въ приполъ земли изъ новые ямы, да понесе на

ту старую, и тѣсноты ради людскя сподкнуся, паде земли, внезапу оглохну и онемѣ. И многи дни бывшу въ той болѣзни, и въ единъ отъ дни рече ему нѣкто, яко во снѣ: «Иди заутра въ соборную церковь святыа Богородицы». Онъ де прииде и нача прикладыватия ко всѣмъ гробомъ: и къ чюдотворцову Петрову, и Ионину, и Филипову. И якоже къ Фегнастову приложися, внезапу проглагола и прослыша, и всѣм възвести, како бысть нѣмъ, и нынеча языкъ бысть. «Яко, — рече, — преклонився, хотѣхъ лобзати мощи его, внезапу подвизася святый, и рукою меня благослови, и вземъ языкъ мой, извну потяну его Азъ же стояхъ яко мертвъ, внезапу проглаголахъ». И слышавше дивишася, и прославиша Бога, и Фегнаста митрополита, сътворшаго сие чюдо. И сказаша митрополиту Геронтию и великому князю, они же невѣриемъ одръжими бѣша,[57] не повелѣша звонить и всему городу славить его, но последи новую церковь сътвориша ту святую Богородицу и задѣлаша мощи его, въ землю покопавши, и покрова на гробницы каменной не положиша, и нынѣ въ небрежении гробъ его.

Послалъ князь великый во Псковъ[58] и повелѣ прислати мастеровъ церковныхъ, и приведоша их. Они же дѣло ихъ похвалиша, что гладко[59] дѣлали, да похулиша их дѣло извести, занеже житко растворяху, ино не клеевито. Тогда князь великый отпусти, иже послѣди дѣлаша Троицу[60] въ Сергиеве монастырѣ, и Ивана Златаустаго[61] на Москвѣ, и Стрѣтение на Поле,[62] и Ризъ Положение[63] на митрополиче дворѣ, и Благовѣщение[64] на великого князя дворѣ.

Въ лѣто 6983. Посылылалъ князь велики посла своего Семена Толбузина[65] въ градъ Венецѣю къ тамошнему ихъ князю, извѣтъ кладучи таковъ, что посла его Тривизана отпустилъ съ многою приправою, а сребра пошло, рече, седмьсотъ рублевъ. Повелѣ и мастера пытати церковнаго. Онъ же тамъ бывъ, и честь прия велику, и сребро взя, а мастера избра Аристотеля.[66] «Многи, — рече, — у них мастери, но ни единъ избрася на Русь. Тъй же въсхотѣ, и рядися съ ним по десяти рублевъ на мѣсяць давати ему. И хитрости его ради Аристотелемъ зваху, — рече Семионъ. — Да сказывають, еще и турской, де, царь звалъ его, что въ Царѣградѣ седит, того ради». А тамъ, деи, церковь сказалъ въ Венецѣи святаго Марка, вельми чюдну и хорошу, да и ворота венецѣйскыи дѣланы, сказываеть, его же дѣла, вельми хитры и хороши. Да и еще, деи, хитрость ему казалъ свою такову. Понялъ, де, его къ себѣ на домъ (домъ, де, добръ у него и полаты есть) да велѣлъ, деи, блюдо взяти. Блюдо же, деи, мѣдяно, да на четырехъ яблокехъ мѣдяныхъ, да судно на немъ яко умывалница, якоже оловеничнымъ дѣломъ, Да нача лити изъ него, изъ одново на блюдо воду, и вино, и медъ — егоже хотяше, то будет. Да то, деи, слыша князь ихъ думу его, не хотяше пустити его на Русь; занеже, деи, не тотъ ужь у нихъ князь,[67] кой посла отпускалъ, тотъ, деи, умеръ при немъ. А того, деи, поставили не княжа роду, ни царьска, но избравши всѣми людьми умныхъ и храбрыхъ людей пять, или шесть, или десять, да велять, зерна намѣтив, вкинуть

въ судно, акы въ ступку, а зерна, деи, белы, да выняти, деи, велѣли малому дитяти. Егоже, деи, до дващи вымет зерно, того поставили. И ѣздилъ, деи, в ыной градъ ихъ къ нему, да просилъ съ приношениемъ, и дружбу великаго князя высказывалъ, едва, деи его отпустил, яко въ дары. «Глаголють же еще, святая, де, Екатерина лежить у нихъ, не вѣм, та ли мученица, или ни, толико свята. А градъ той трижды море поимает на день, коли взыграется». А мѣсто, деи, то, коли сказывають у них сторожилцы и книжники, исперва не велико было, да много, де, въ море каменемъ придѣлали хитроки, гдѣ Венецѣя град стоять. Глаголють же каменей у нихъ 12 самоцвѣтных. А говорить, деи, что карабль съ человѣкомъ занесъ къ нимъ вѣтръ, и они деи хитростью увѣдали у него, да умъ отняли волшебною хитростию, да взяли у него.

Взять же съ собою тъй Аристотель сына своего, Андрѣемъ[68] зовуть, да паропка, Петрушею зовут, поиде съ посломъ съ Семеномъ Толбугинымъ на Русь. И дѣло Пречистые храма похвали гладость, да известь не клеевита, да камень не твердъ. Того ради плитою всѣ своды дѣла, яко тверже камени, рече. И не восхотѣ придѣлывати сѣверной страны и полатий, но изнова нача дѣлати. Ту же церковь разби сицевымъ образом: три древа поставя, и концы ихъ верхние съвъкупивъ воедино, и брусъ дубовъ обѣсив на ужищы посреди ихъ поперекъ, и конець его обручем желѣзным скова, и раскачиваючи, разби. А иные стѣны сысподи подобра, и полѣние подставляя, и всю на полѣние постави, и зазже полѣние, и стѣны падошася. И чудно стѣны видѣти, иже три годы дѣлали, въ едину недѣлю и менши развали, еже не поспеваху износити камениа, а въ три дни, рече, хотяше еа развалити. Книжницы же называху брусъ дубовой «бараномъ». Се же, — рече, — написано, яко сицевымъ образомъ Тить[69] Иерусалим разби. Рвы же изнова копати повелѣ и колье дубовое бити. Ѣзди же въ Володимеръ, и смотривъ, Пречистые похвали дѣло, рече: «Нѣкыхъ нашихъ мастеровъ дѣло».[70] И кирпищную пещь доспѣ за Ондроньевымъ манастыремъ въ Калитниковѣ, в чемъ ожигати, и какъ дѣлати. Нашего же рускаго кирпича уже да продолговатее, и тверже, егда его ломать, тогда въ водѣ размачивают. Известь же густо мотыгами повелѣ мешати, яко на утрие засохнеть, то ножемъ не мощи розколупати. Святаго же Петра чюдотворца в Ыванъ святый вынесли под Колоколы. Обложи же церковв продолговату полатным образомъ.[71]

Того же лѣта загорѣся градъ Смоленск, и згорѣ половина града. Того же лѣта царь турской взя градъ Кафу и Крымъ.[72] Того же лѣта погорѣ градъ Москва, и загорѣ полъграда, мѣсяца октоврия 2. Тое же осени, мѣсяца октебря 2, ѣздилъ князь великий въ свою отчину, и тамо навогородцы не дашася ему въ судъ.[73] Князь же великый поима ихъ и посади въ Переславле.

На первое лѣто изведе ея изъ земли Аристотель. Известь же какъ тѣсто густое растваряше, а мазаше лопатками желѣзными, а камень ровной внутри класти повелѣ. Столпы же едины четыре обложи круглы. «Се, — рече, — крѣпко стоять». А въ олтарѣ два столпа кирпичны, тѣ на четыре углы. А все въ кружало да в правило.

Того же году обретохъ написание Офонаса Тверитина купца[74] <…>

<…> Тое же зимы, мѣсяца февраля, въ масленое заговенье, въ 1 часъ дни, тма бысть наступила по всей земли и паки сниде.<…>

В лѣто 6984. <…> Того же лѣта Аристотель Пречистые храма по кивоты,[75] еже около еа, сътвори. Внутри же стѣнъ всуцѣпы желѣзные положи, яко правила на вретенѣхъ, и между столповъ, идѣже брусие дубовое въ нашихъ церквахъ, то же желѣзно, сковав, положи.[76] <…>

Въ лѣто 6985. <…> Того же лѣта заложи церковь камену въ Сергиеве манастырѣ Троицу псковские мастеры. Того же лѣта Аристотель колесо сътвори, и вверхъ камение не ношаше, но ужищемъ цепляше и възвлекаше, и верху цѣпляше малые колесца, еже плотники вѣкшою зовуть, еже им на избы землю волочат, и чюдно видѣти. На столпы же по 4 камени велики положи, и съвокупивъ кружало, и истеса на нихъ по 4 концы на четырех странах, едино противъ другаго. И мнѣти кому, яко на каменыхъ деревьяхъ насквозь каменье то збито.[77]

В лѣто 6986. <…> Егда же бѣ князь великый въ Новѣгороде, прииде вѣсть во Псковъ, яко нѣмцы хотят изгонити Псковъ, и послаша къ великому князю. Князь же великый ослободи охочим людемъ итти на нѣмцы. И, шедше, много повоеваша вои великого князя. И прииде на них местеръ съ вои и бишася. И поможе Богъ воемъ великого князя, и многихъ избиша, полону много взяша и отидоша. Бысть же великому князю в Новѣгородѣ, прииде вѣсть ложная в Казань, яко не взялъ князь великый Новагорода, и побили его новугородцы, и самъ четвертъ убѣжа раненъ. И посла рать свою царь казанскый на Вятку. Потомъ царю прииде правая вѣсть, что взялъ князь великый Новгородъ и намѣстники посажа.[78] И посла царь казанскый, и велѣлъ скоро воемъ своимъ възвратитися, они же слышавше, толь скоро бежаша, елико варяху въ котлѣх ѣству, все опрометаша. <…>

Въ лѣто 6986. Посла князь великый рать свою на Казань, воеводъ Василья Образца въ судехъ да Бориса Слепца.[79] И посла царь казанскый с челобитьемъ къ великому князю, князь же великый пожалова его.

Того же лѣта свершена бысть церкви каменая святая Богородица. Сътвори же у нея Аристотел верхи четыре, около шеи болшие казну сътвори, полати же подлѣ олтаря от сторонних дверей учини,[80] и наверхъ церкви въсходити лѣствицу учини. Своды же въ одинъ кирпичь сътвори и сведе, того ради, егда дождь идеть, ина каплеть. На пятое лѣто съверши ея. Помостъ же мѣлкимъ камениемъ измости, въ олтарѣ же надъ митрополичемъ мѣстомъ крыжь лятцкый истяса на камени за престоломъ, егоже митрополитъ последи стесати повелѣ. Передъ передними дверми помостъ накры каменьемъ, и въ одинъ кирпичь сведе, и середку на гире повѣси на желѣзной. Свяща же церковь митрополитъ Геронтей. И нѣцыи прелестницы клеветаша на митрополита князю великому, яко не по солнечному въсходу ходилъ митрополитъ съ кресты около церкви. Сего ради гнѣвъ въздвиже на нь князь великый, яко того ради, рече, гнѣвъ Божий приходит.[81]

Того же лѣта заложи князь великый церковь камену Иоана Златауста на посаде.

В лѣто 6987. Ѣздилъ князь великый в Новгородъ Великый и поималъ владыку Новугородцкого,[82] и посади на Москвѣ у Михаилова Чюда в манастырѣ. И седѣлъ пол 3 лѣта, и ту преставися.

И много же им пыташе, и написаниа не обрѣте о священии церкви, что посолонь ли ходити, или не посолонь. Речей же много: овии по митрополите глаголаху архимандриты и игумены, иной рече: «Въ Святей горѣ виделъ, что так же свящали церковь, а со кресты против солнца ходили». И много о том спору чини князь великый, Генадиа призва архимандрита и владыку ростовскаго Васиана на споръ.[83] Митрополитъ свидѣтельство приводя: егда престолъ диаконъ кадит въ олтарѣ, на правую руку ходит съ кадиломъ. А они свидѣтельства никоего ни приношаху, но глаголаху: «Солнце праведное, Христосъ, на ада наступи, и смерть связа, и души свободи,[84] и того ради, — рече, — исходять на Пасху, то же прообразують на утрени». И много спирашася, не обретоша истинны. Того же лѣта родися великому князю сынъ Гаврило, мѣсяца марта 26, и нарекоша имя ему Василей Парийский.[85] **<...>**

Въ лѣто 6988. <...> Того же лѣта сведе князь великый намѣстника с Лукъ с Великых изъ Новугородцкого съ Литовского рубежа, и биша челомъ князю великому лучане на него о продаже и о обиде. А намѣстникъ тамъ былъ князь Иванъ Володимировичь Оболенской Лыко. Князь же великый суди его съ ними: иное же на немъ дотягалися, и онъ оборотню въ продажехъ платилъ, а иное князь великый безсудно велѣлъ платити имъ, потому же много жалобъ лучане учиниша. Иное по правдѣ, а иное и клепали его: гдѣ мало взялъ, а они о мнозѣ жалобу положили, а надѣючися на великого князя, что имъ потакиваеть.[86] Князь же Иванъ Володимировичь Лыко не мога того терпѣти, да отъѣхалъ отъ великого князя къ брату его къ князю Борису на Волокъ Ламскый. Князь же великый посла Юрья Шестака,[87] велѣлъ его поимати середь двора у князя Бориса на Волоце. И князь Борисъда отнялъ его у него сильно. И князь великый послалъ къ нему Андрѣя Михаиловича Плещѣева,[88] чтобъ его выдалъ ему головою, князь же Борисъ не выдастъ его, но рече ему: «Кому до него дѣло, ино на него суд да и справа». И князь великый ѣхалъ въ Новгородъ, коли владыку поималъ, и посла из Новагорода грамоту въ Боровеск къ намѣстнику къ Василью къ Федоровичю Образцу,[89] и повелѣ тайно изымати князя Ивана Лыка, гдѣ его наѣдеть. Села же бѣ его въ Боровцѣ. Тамо же князь великый въ Новѣгороде, и Василей изъѣха князя Ивана въ его селѣ в Боровцѣ, и таемъ объѣхавъ, поима его, и окова, и на Москву привезе.

Слышав же се князь Борисъ Васильевичь, посла ко князю Андрѣю Васильевичю Углетцкому, брату своему болшому, жалуяся на великого князя: что какову силу чинить надъ ними, что неволно кому отъѣхати къ нимъ. Они ему молчали, князь Юрье умеръ, братъ ихъ старѣйший,[90] и князю великому вся отчина его досталося, а им подѣла не далъ ис тое отчины. Новгородъ Великый взяли съ нимъ, ему ся все подостало, а имъ жеребья изъ него не далъ. А нынеча и здѣ силу чинить: кто отъѣдет отъ него къ нимъ, и тѣхъ безсудно емлет, уже ни за бояре почелъ братью свою. А духовные отца своего забылъ, какъ ни писалъ, по чему имъ жити, ни докончаниа, что на чемъ кончали после отца своего. И здумавше межи себя, пометавше городы своя, и събрашеся съ всѣми людьми, и поидоша къ Литовскому рубежу.[91] <...> Князь великый, слыша, много нелюбие подрьжа на матерь, мнѣвъ, яко та здума братье его отъ него отступити, понеже князя Андрѣя вельми любяше.[92] И послаша къ нимъ въ Лукы въ Великые. <...>

В лѣто 6989. [Поход хана Ахмата на Русь.]

<...> И ужасъ наиде на нь, и въсхотѣ бежати отъ брега,[93] а свою великую княгиню Римлянку и казну съ нею посла на Белоозеро. А мати же его великая княгиня не захотѣ бежати, но изволи въ осадѣ седѣти. А съ нею и съ казною послалъ Василья Борисовича, и Андрѣя Михайловича Плещѣева, и диака Василья Долматова,[94] а мысля:

будеть Божие разгнѣвание, царь перелѣзеть на сю страну Окы и Москву возметь, и имъ бежати и къ Окияну морю. А на Москвѣ остави князя Ивана Юрьевича да диака Василья Мамырева.[95] <…>

<…> Князь же великый <…> совѣтниковъ своихъ слушаше, Ивана Васильевича Ощѣры, боярина своего, да Григорьа Ондрѣевича Мамона,[96] иже матерь его князь Иванъ Андрѣевичь Можайской за волшество сжегъ.[97] Тѣ же бяху бояре богати князю великому, не думаючи противъ татаръ за крестьянство стояти и битися, думаючи бѣжати прочь, а хрестьянстьво выдати, мня тѣм без року смерть бьющимся на бою и помышляюще богатество много, и жену, и дѣти.[98] Тѣмъ же збысться реченное апостолом Павлом сице, якоже: «Никтоже воинъ бывая, обязаяся куплями житийскыми, воеводѣ угоденъ бываетъ, Аще стражеть кто, не вѣнчается, аще незаконнѣ, мученъ будеть».[99] Тѣ же бояре глаголаху великому князю, ужасъ накладываючи, въспоминаючи, еже подъ Суздалемъ бой отца его с татары, како его поимаша татарове и биша, тако же егда Тахтамышь приходилъ, а князь великый Дмитрей Ивановичь бежалъ на Кострому, а не бился съ царемъ.[100] Князь же великый повинуяся ихъ мысли и думѣ, оставя всю силу у Окы на березѣ, а городокъ Коширу самъ велѣл зжечи, и побежа на Москву.[101] А князя великого Ивана Ивановича тамъ же остави у Окы, а у него остави князя Данила Холмъского,[102] а приказа ему, какъ приѣдеть на Москву и пришлеть к нему, инъ бы съ сыномъ часу того приѣхалъ къ нему.

Самъ же князь великый ѣха къ граду к Москвѣ, а съ нимъ князь Федоръ Палитцкый.[103] И яко бысть на посаде у града Москвы, ту же граждане ношахуся въ городъ въ осаду,[104] узрѣша князя великого и стужиша, начаша князю великому, обестужився, глаголати и извѣты класти, ркуще: «Егда ты, государь князь великый, надъ нами княжишь в кротости и в тихости, тогда насъ много въ безлѣпице продаешь. А нынеча, самъ разгнѣвивъ царя, выхода ему не плативъ, насъ выдаешь царю и татаромъ». Приѣха же князь великый въ градъ Москву, и срѣте его митрополитъ, а съ нимъ владыка Васьянъ Ростовскы. Нача же владыка Васиянъ злѣ глаголати князю великому,[105] бѣгуномъ его называя. Сице глаголаше: «Вся кровь на тебѣ падеть христианьская, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь, а бою съ татары не поставя и не бився съ ними. А чему боишися смерти? Не бесмертенъ еси, человѣкъ, смертенъ, а безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птице, ни звѣрю. А дай сѣмо вои въ руку мою, коли азъ, старый, утулю лице противъ татаръ». И много сице глаголаше ему, а граждане роптаху на великого князя, того ради князь великый не обитавъ въ градѣ на своем дворѣ, бояся гражан мысли злыя поимания, того ради обита въ Красномъ селцѣ. А къ сыну посылая грамоты, чтобъ часа того былъ на Москвѣ. Онъ же мужество показа, брань приа отъ отца, а не ѣха отъ берега, а христианства не выда. Онъ же уж нѣкакъ грамотъ посылаше, сынъ не слушаеть. И посылаше ко князю къ Данилу, веля его, сильно поимавъ, привести къ себѣ. Князь же Данило того не сотвори, а глаголаше ему, чтобъ поѣхалъ

къ отцу. Онъ же рече: «Лѣть ми здѣ умерети, нежели къ отцу ѣхати». Дмитровцов же въ осаду въ Переславль велѣ князь великый перевести Полуехту Бутурлину да Ивану Кикѣ, а съ Москвы строевъ въ Дмитров перевезсти,[106] а посадъ веляше у Москвы пожечи князю Ивану Юрьевичю.

А татарове искаху дорогы, куды бы тайно перешедъ, да изгономъ итти къ Москвѣ. И приидоша ко Угрѣ рекѣ,[107] иже близъ Колуги, и хотяше перебрести, и, устерегше, сказаша сыну великого князя. Князь же великый, сынъ великого князя, подвигнуся съ вои своими, шед ста у рекы Угры на березѣ, не дастъ татаромъ на сю страну преитти. Князь же великый стоа въ Красномъ селцѣ 2 недѣли,[108] а владыка глаголаше ему възвратитися опять къ берегу. И едва умоленъ бысть, възвратися и ста на Кременце задалеко от берега.

Въ ту же пору приидоша нѣмцы ко Пскову ратью и много повоеваша, мало града не взяша. Слышавше же братья великого князя, Ондрѣй да Борисъ, послаша къ брату своему к великому князю, ркуще: «Уже ли исправишся къ нам, а силы над нами не почнешь чинити, и дрьжати насъ, какъ братью свою, и мы ти приидемъ на помощь». Князь же великый во всю волю их даяся, они же поѣхаша къ великому князю на помощь.[109] И слышавше, что нѣмцы подъ Псковымъ воюють, и идоша псковичемъ на помощь.[110] И слышавше нѣмцы идущу братью великого князя на помочь псковичемъ, и отидоша прочь въ свою землю. Братья же великого князя, слышавше нѣмець отступившихъ отъ Пскова, поидоша к великому князю.

А ко царю князь великый посларъ Ивана Товаркова[111] съ челобитиемъ и з дары, прося жалованья, чтобъ отступилъ прочь, а улусу бы своего не велѣлъ воевати. Онъ же рече: «Жалую его добрѣ, чтобъ самъ, приѣхавъ, билъ челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцемъ ѣздили в Орду». Князь же великый блюдашеся ѣхати, мня измѣну его и злаго помысла бояся. И слыша царь, что не хощеть ѣхати князь великый к нему, посла къ нему, рекъ: «А самъ не хочешь ѣхати, и ты сына пришли или брата». Князь же великый сего не сотвори, царь же посла къ нему: «А сына и брата не пришлешь, и ты Микифора пришли Басенкова».[112] Тъй бо Микыфоръ былъ въ Ордѣ и многу алафу татаромъ дастъ от себе, того ради любляше его царь и князи его. Князь же великый того не сътвори. Хваляшеся царь лѣто все, рекъ: «Дастъ Богъ зиму на вас, и рѣки всѣ станутъ, ино много дорогъ будет на Русь». З Дмитреева же дни стала зима, и рѣкы всѣ стали, а мразы великыи, яко не мощи зрѣти. Тогда царь убояся и с татары побежа прочь, ноября 11 день, бяху бо татарове нагы и босы, ободралися.[113] И проѣде Серенескъ и Мченескъ.[114] И слыша князь великый, посла опытати, еже и бысть. И приѣхаша къ нему братьа его, онъ же смирися съ ними и

дастъ князю Андрѣю Можаескъ, а князю Борису села Ярославичевы всѣ делярные.[115] <...>

Въ лѣто 6989. <...> Того же лѣта владыка Ростовской Васьянъ далъ сто рублевъ мастеромъ иконникомъ Денисью, да попу Тимофѣю, да Ярцу, да Коне писати Дѣисусъ въ новую церковь святую Богородицу, иже написаша чюдно вельми, и съ Праздники и Пророкы.[116] <...>

Въ лѣто 6990. <...> Того же лѣта приѣздилъ из Литвы о митрополии, иже здѣ чернець бывалъ, его же Сатоною зовуть за рѣзвость его. И шедъ въ Царьградъ, ста въ митрополиты на Русь,[117] и приѣха въ Литву, король же ятъ его и посади въ заточении. И сказа отъ него князю великому, яко: «Много, — рече, — мощей отъ патриарха везох к тебѣ, король же все поима къ себѣ». Князь же великый дрьжа длъго пана того и отпусти, рекъ: «Не подымати рати, ни воеватися с королемъ про се».

Того же лѣта царь турскый умеръ Мустофа, а царьство сыну своему приказа, иже Самсонъ дръжаше.[118]

Того же лѣта бысть мятежь въ Литовской землѣ: въсхотѣша вотчичи Олшанской, да Оленковичь, да князь Федоръ Бѣлской по Березыню реку отсѣсти на великого князя Литовской земли.[119] Единъ же ихъ обговори, король же Олшанского стялъ да и Оленковича, князь же Федор Бѣльскый прибежа к великому князю. Толико бѣ женился и едину ночь спалъ съ нею, да оставя еѣ, да прибежалъ на Москву, а княиню его король поималъ. Много же посылалъ х королю князь великый, чтобы отдалъ еѣ, король же никако же не отда. Того же лѣта заложи князь великый церковь камену Стрѣтение свята Богородица на Поле.

Того же лѣта бысть распря митрополиту съ великьшъ княземъ, что свещалъ съборную церковь митрополитъ, да не по солнцу ходилъ со кресты около церкви. Митрополитъ же съѣха на Симаново, посохъ свой остави в церкви, толико ризницу взя. Смысляше же сиа: аще князь великый, ѣхавъ, не добьеть челом ему и роптаниа того не оставять, что по солонь ходити, и онъ хотяше до конца оставити санъ митропольской и въ кѣльи жити. Много бо церквей князь великый своихъ, Ивана Златоустаго на посадѣ каменого з годъ не велѣлъ свящати, и Рожества в городе, и Онуфриа святаго придѣла его, и иных многихъ, доколе переложить на одно. Но вси священикы и книжникы, и инокы и миряне по митрополите глаголаху, а по великомъ князе мало их, един владыка Ростовской князь Асафъ да архимандритъ Чюдовьской Генадей. И тамо

бывшу митрополиту, князь же великый посла къ нему сына своего, моля его, да бы ся възвратилъ на столъ свой, онъ же не послуша. Князь же великый, самъ ѣхавъ, и би ему челомъ, моля, да възвратится на столъ свой, а сам во всемъ виноватъ сътворися, а митрополита же в всякыхъ рѣчехъ обещася слушати и по хождении въ воле митрополиту дастъ, якоже велитъ, какъ было въ старину. Устава же не учинили. Митрополитъ же възвратися на столъ свой.[120]

Того же лѣта посылалъ князь великый ратью на нѣмцы князя Ярослава Оболенского да князя Ивана Васильевича Булгаха з дмитровцы да з боровичи псковичемъ на помощь. И шедъ, взяша градъ Вельядъ два охабиа, а съ третьего окупъ взяша и много полону приведоша.[121]

Въ лѣто 6990 же. Згорѣ икона Одигитрие[122] на Москвѣ въ церкви каменой святаго Възнесениа, чюднаа святаа Богородица грецкого писма, в ту мѣру здѣлана, якоже въ Царѣграде чюднаа, иже исходить въ вторникъ да и в среду на море. Толико образъ тъй згорѣ да кузнь, а доска ся остала. И написа Денисей иконникъ на той же дъскѣ в той же образъ. Того же лѣта погорѣ Великый Новгородъ, и згорѣ полъграда.

Тое же зимы случися навечерие Крещениа въ недѣлю, архимандритъ же Чюдовской Генадей братье повелѣ воду богоявленьскую, ѣдши, пити по своему изволению. Въ уставе же написано: литоргию отпѣвъ, вкусити по укруху хлѣба в церкви и по чаши вина, и вечерню начинати и воду свещати. О питии же не писано, коли еѣ пити. Митрополит же посла его изымати силно да привести, онъ же къ великому князю убежа. Митрополитъ же самъ иде къ великому князю и глаголаше много на нь: «Что самовластно, — рече, — первие, учинилъ, что меня не спросился. Другое, — рече, — что такую священную воду обесчестивъ, юже святии отцы оглашеннымъ[123] въ причастьа мѣсто и повелѣша единою въ году на Пасху испивати, а непокаялником тогда на Богоявление пити преже доры,[124] а он, ѣдши, велѣлъ пити». Тогда князь великый его выдалъ митрополиту, митрополит же его повелѣ сковати и под полатою въ ледник посадити. Князь же великый и з бояры своими выпечалова его у митрополита, приводяще свидѣтелство: егда владыка Ростовской Феодосей въ Ростовѣ повелѣ также мясо ѣсти в навечерие Богоявлениа, зане случися в суботу, митрополитъ же *Иона*, иже нынѣ чюдотворець, потязавъ его и покаявшася прости и повелѣ такъ пакы не дрързати, а того греха каятися и до смерти.[125] Того же лѣта почаша рушити церковь на площади Благовѣщение,[126] верхъ сняша и лубьемъ накрыша.

Того же лѣта поча князь великый рать замышляти, на Казань хотѣ итти. Воеводы же свои напередъ себя, своим воем, посла князь великый, и

Аристотеля съ пушками,[127] самъ же князь велики съ всѣмъ воем своем стоя въ Володимери. Воеводы же доидоша и Аристотель съ пушками до Новагорода до Нижнево, ту же царь Казанскый присла съ челобитьемъ, князь же великый пожалова его и възвратися.

Того же лѣта король присла Богдана, прося Новагорода Великого и Лукъ Великыхъ.[128] Еще же сватался князь великый съ Волошскимъ воеводою Степаномъ взяти дщерь его Олену за своего сына, а ѣздилъ Андрѣй Плещѣевъ да Иванъ Зиновьевичь, король же путя не хотѣ дати.[129] Князь же великый посла къ Мень Гирѣю Крымскому, повелѣ воевати королеву землю. Менгирѣй же съ силою своею взя Киевъ, вся люди въ полонъ поведе и держателя Киевскаго сведе съ собою и з женою и з детми. И много пакости учинил, Печерскую церковь и манастырь разграбилъ, а инии бежали въ печеру и задохшася. А суды служебныа Съфѣи великой золотыи, потиръ да дискосъ, прислалъ к великому князю.[130]

В лѣто 6991. Заложи церковь кирпичну Спасъ святый за Яузою игуменъ Чигасъ.[131] Того же году предъ Рождествомъ Христовымъ приведена бысть дщерь Стефанова воеводина Елена из Волохъ за сына за великого князя за Ивана, а ѣздилъ по неѣ Андрѣй да Петръ Михаиловичи Плещѣевы[132] черезъ королеву отчину. Король же к ней дары присла на дорозе из Новагородца из Литовского. Того же лѣта врачь нѣкый нѣмчанинъ Онтонъ прѣха къ великому князю, егоже въ великце чести дрьжа его князь великый. Врачева же князя Каракучю царевичева Днаярова, да умори его смертным зелиемъ за посмѣх. Князь же великый выда его сыну Каракучеву, онъ же мучивъ его, хотѣ на окуп дати, князь же великый не повелѣ, но повелѣ его убити. Они же сведше его на реку на Москву подъ мостъ зимѣ, зарѣзаша его ножемъ, какъ овцу. Тогда же Аристотель, бояся того же, почалъ проситится у великого князя въ свою землю, князь же великый поима его и, ограбивъ, посади на Онтонове дворѣ за Лазарем святым.[133]

Того же лѣта остави, въ заточении сѣдя, Новугородцкый владыка Феафилъ епискупьство нужею великого князя. И испусти его князь великый, и повелѣ жити ему у Михаилова Чюда.[134] Того же лѣта заложи Чюдовъской архимандритъ тряпезу камену, а старую раздруши. Того же лѣта раздруши князь великый Благовѣщение на своемъ дворѣ, подписаную, толко по казну и по подклѣт, и заложи казну около того подклѣта и полату кирпичну съ казнами. <…>

Въ лѣто 6993. <…> Того же лѣта князь великый собра воа многа, поиде на Тверь, а съ ним сынъ его князь Иван, да братья его князь Андрѣй Углетцкый, да князь Борисъ Волотскый, да князь Федоръ

Бѣлской, да Аристотель съ пушками, и съ тюфякы[135], и съ пищальми, апрѣля 21 день. <…>

---

[1] *...тма бысть по всей... дасть прощение всеми миру.* — О затмении в июне 1415 г. сообщают и другие летописи, но лишь в комментируемом своде оно сопоставляется с библейским рассказом о затмении при распятии Христа (ср. Лк. 23, 45).

[2] *Леонтий епискупъ ростовский* — ростовский епископ XI в., канонизированный в XII в. и считавшийся покровителем ростовской церкви.

[3] *...понуди... епискупомъ быти Ростову и Ярославлю Дионисиа.* — О поставлении Дионисия в епископы в 1418 г. сообщают и другие летописи, но о его нежелании принять этот сан сообщается лишь в своде 80-х гг.

[4] *Посла князь велики Василей Васильевич дву князей... а князи отбегоша в мале дружине.* — О битве на Белеве, которую другие летописи относят к осени 6946 (1437) г. Рассказ об измене Григория Протасьева в комментируемом своде объясняет известие Ермолинской летописи о наказании (ослеплении) Протасьева в 1439 г.; возможно, что известие это восходило к Севернорусскому своду 1472 г., хотя и не сохранилось в Ермолинской летописи и Сокращенных сводах (оно читается помимо *Льв.—С II* в Устюжской летописи, близкой к Севернорусскому своду). *...неправедне... губящим.* — Исправлено (ср. Севернорусский свод). В *Льв.—С II* «неправедне хотяшимъ и прежде губящим». *«Языкъ, погубль... Богъ отдалъ и Господь предалъ».* — Втор. 32, 28—30.

[5] *От Жития Сергиева чюдо о Белеве.* — Рассказ о юноше, обратившемся к заступничеству святого Сергия, не содержится в основных редакциях Жития Сергия.

[6] *...поиде Сидоръ в Римъ... княгиню Еупраксѣю.* — Еупраксѣя (Елена) — дочь Ольгерда Литовского, вдова князя Владимира Андреевича Серпуховского, бабка Марии Ярославны, жены Василия II. Известие о совершении Исидором заупокойной службы перед его отъездом из Москвы читается кроме комментируемого свода также и в «Летописце русском», близком к Ермолинской летописи (опубликован А. Н. Насоновым в сборнике «Материалы по истории СССР», т. 2, М., 1957); возможно, что известие это содержалось и в Севернорусском летописном своде 1472 г., но не сохранилось в Ермолинской летописи и Сокращенных сводах.

[7] *...въста буря велия... идѣже придѣлъ имать святый Лазарь.* — Церковь Рождества Богородицы с приделом Воскресения Лазаря была поставлена в Москве в 1393 г. вдовой Дмитрия Донского Евдокией. О буре, поразившей церковь в 1445 г., другие летописи не сообщают (в Московском своде аналогичное сообщение читается под 1454 г., возможно, что речь идет о другом событии).

[8] *...посла великий князь Стефана Бородотого... и положенъ бысть в церкви святого мученика Егория в Новѣгороде.* — Об отравлении Дмитрия Шемяки в 1453 г. сообщается только в *Льв.*, в *С II* читался текст, сохранившийся в *Льв.*, а в *С II* он был заменен текстом из великокняжеского летописания. Это дает основание предположительно включить его в реконструкцию. Известие Севернорусского свода об отравлении Шемяки см. в наст. томе. Описание всей борьбы за престол между Василием II и Дмитрием Шемякой в своде 1518 г. (*Льв.—С II*) в основном соответствует Московскому своду. Ряд оригинальных добавлений к этому рассказу мы обнаруживаем только в *Льв.* (в *С II* их нет); описание ослепления Василия II, сочиненное явно под влиянием рассказа об ослеплении Василька Теребовольского в Повести временных лет (ср. т. 1 наст. изд.); упоминание о том, что в 1446 г. Дмитрий Шемяка намеревался утопить детей Василия II «въ рецѣ на Волзѣ, въ мехи ошивши, но не дасть ему владыка Иона»; о том, что Борис Тверской, вступив в союз с Василием II, требовал от него: «Жени у меня сына своего Ивана, а не женишь, и язъ тебя выдамъ опять князю Дмитрею...», «онъ же неволею обручи сына своего». Фрагменты эти, вероятнее всего, были дополнены составителем *Льв.* в XVI в., и мы не включаем их. «Яды хлѣбъ мои... лесть». — Пс. 40, 10.

[9] *Церковь мученика Егория* — Юрьев монастырь под Новгородом.

[10] *Того же лѣта прииде царь Турский... «надъ преднимъ своимъ государемъ?»* — Константинополь был взят турками в 1453 г. Рассказ о взятии Царырада, восходящий, очевидно, в своде 1518 г. к своду 80-х гг., имеет фольклорный характер, но, возможно, основывается на каких-то слухах о событиях 1453 г., дошедших до русского летописца (ср.: *Сперанский М. Н.* Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XV—XVII вв. — ТОДРЛ, т. 12. М.—Л., 1956, с. 190—191). В действительности Царьград взял султан Мехмед II (1451—1481), сын Мурада II. Не совсем понятно, отождествляет ли летописец Мустафу с Мехмедом II, или же он видит в нем иное лицо, которому Мехмед поручил («положе» — *С II*) взять Царьград.

[11] *...архиепископъ Ростовский Феодосей...* — Об опале Феодосия в 1458 г. другие летописи ничего не сообщают.

[12] *...въ городъ...* — Здесь и далее в значении «в московском Кремле».

[13] *бысть Благовещение на Пасху... и того же лѣта не бысть ничтоже.* — Речь идет о конце света, который ожидался в греко-православном мире неоднократно, но чаще всего приурочивался к 7000 (1492) г. Та же запись содержится в Пасхалии, помещенной в одном из сборников Кирилла Белозерского (ср. статьи Г. М. Прохорова и Н. Н. Розова в

ТОДРЛ, М.—Л., 1981, т. 36, с. 58—60 и 363—368). Нет оснований сомневаться в том, что Кирилл, как и все церковные деятели того времени, ожидал конца мира — вопрос этот сохранял свою остроту вплоть до 1492 г. (ср. Послание Геннадия Иоасафу в наст. томе). *Благословень грядый во имя Господне.* — Пс. 117, 26; Мт. 11, 9; Лк. 19, 38. *Измаилы* — восточные народы, по Библии — потомки Измаила, побочного сына Авраама, здесь, очевидно, татары. *«Господъ ... ожидая покаяния».* — Иез. 33, 11. *Не вѣсте... приидеть.* — Лк. 12, 40.

[14] *Шильники* — голь, беднота.

[15] *...церкъви... святый Иоанъ Предтеча...* — По преданию, деревянная церковь Иоанна Предтечи была первым храмом Москвы (XII в.). Каменный княжеский храм простоял до 1508 г., когда был заменен новым постройки Алевиза Фрязина.

[16] *...еже сътвори надъ Тумгенем...* — перед этим известием в *Льв.* и *С II* помещено большое сказание Родиона Кожуха о смерти и воскресении Григория Тумгеня, постельничего великого князя Василия во время поездки в Новгород в 1460 г. Об этом сказании см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера. Л., 1973, с. 25—28. Признание культа новгородского святого Варлаама Хутынского в Москве параллельно с признанием культа Сергия Радонежского в Новгороде знаменовало собой временное сближение московской и новгородской церквей после Яжелбицкого мира в 1456 г.

[17] *...о проявлении мощемъ чюдотворцовъ Ярославскыхъ... и людей ѣла.* — О явлении ярославских чудотворцев в 1463 г. см. в Севернорусском своде 1472 г. (наст. том). Рассказ об этом в своде 80-х гг. резко отличается от рассказа Севернорусского свода, описывавшего явление мощей иронически. Известие Севернорусского свода соответствовало воззрениям ростовского архиепископа (бывшего игумена Кирилло-Белозерского монастыря) Трифона; свод 80-х гг. осуждал Трифона, а под 6975 (1467) г. повествовал о наказании его за неверие. *...внукъ его Давыдъ...* — все остальные источники называют его сыном Федора.

[18] *...остави митрополитъ Феодосий митрополию... омывати струпы его.* — Митрополит Феодосий оставил митрополию в сентябре 6973 (1464) г. Рассказ комментируемого свода об отставке Феодосия уникален, в других летописях причина его отставки не указывается. *Продаваше* — продавать — накладывать денежный штраф.

[19] *...преставися великая княгиня Мария... едва пожалова его.* — Первая жена Ивана III Мария Тверянка умерла в 1467 г. Рассказ о ее смерти также принадлежит к числу уникальных известий комментируемого свода. Алексей Полуектов упоминается в Севернорусском своде как участник присоединения Ярославских земель в 1463 г. Следует отметить, что уже в 1468—1469 гг., через год-два после смерти Марии, между Иваном III и римским папой шли переговоры о женитьбе Ивана III на воспитаннице папы Зое (Софье) Палеолог.

[20] *Того же лѣта епископъ ростовский Трифонъ... терзаяся*. — Архиепископ Трифон оставил епископию в 1467 г., умер в конце 6977 (1468) г. Следующий далее рассказ о наказании Константина и Трифона за неверие примыкает к ряду житийных рассказов свода 80-х гг. В начале 70-х гг. XV в. житие ярославских чудотворцев было написано иеромонахом Спасо-Преображенского ярославского монастыря Антонием. Это житие включает рассказ о чуде с архиепископом Трифоном, аналогичный комментируемому рассказу (ср.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 172—173).

[21] *«Да не искусиши Господа ... делѣ блазѣ»* — Втор. 6, 16.

[22] *Дафанъ и Авиронъ* — сыновья Елиава, восстали против Моисея (Исх. 16).

[23] *Озанъ* — Оза, один из приближенных царя Давида. По Библии (2 Цар. 6, 6, 8), он во время перевозки ковчега Завета хотел поддержать его, чтобы он не перевернулся, и был убит (а не просто лишен руки, как сказано в летописи).

[24] *...Гиезий ... Елисѣй...* — Елисей — израильский пророк, Гиезий — его слуга. По Библии (4 Цар. 5, 20—27), Гиезий не присваивал милостыню, а взял у арамейского военоначальника Наамана награду, которую тот предлагал Елисею за свое исцеление и от которой пророк отказался.

[25] *...до смерти своея...* — Ср. рассказ о ярославских чудотворцах в Севернорусском своде.

[26] *...татарове ... пограбиша гостей русскихъ*. — Известие об ограблении русских купцов в Казани, помещенное в *Льв.—С II* между двумя рассказами о походах на Казань в 6976 (1468) и 6978 (1470) гг., отсутствует в других летописях.

[27] *...церковь Петръ святый* — придел Поклонения веригам апостола Петра в Успенском соборе.

[28] *Тороканъ купець* — Федор Таракан, «гость-сурожанин», т. е. купец, торгующий с Крымом, основатель одной из крупнейших купеческих династий кон. XV—первой половины XVI в. В 80-е гг. после присоединения Новгорода был туда переселен. Его палаты, стоявшие в Кремле, — первый частный каменный жилой дом в Москве.

[29] *...да князь Михайло Верейский ... дьяка Степана Бородатого, умѣюща говорити по лѣтописцомъ русскимъ...* — Известие комментируемого свода о привлечении «летописцев русских» для обличения новгородцев во время войны 1471 г. является важным свидетельством того, что летописи не были сочинениями далеких от мира монахов, а имели реальное политическое значение. Дьяк Стефан Бородатый упоминается в том же своде (в *Льв.*) под 6961 (1453) г. как организатор отравления Дмитрия Шемяки. Рассказ о походе на

Новгород в 1471 г. расходится в *Льв.* и *С II*: в *С II* рассказ этот совпадает с Типографской летописью, а в *Льв.* оригинален. О том, что именно текст *Льв.* отражает общий протограф обеих летописей, свидетельствует комментируемое известие о Стефане Бородатом (в *С II* — «умѣюща воротити летописцемъ русскимъ»), вставленное в *С II* в рассказ Типографской летописи и явно восходящее к протографу свода 1518 г. Рассказ о походе 1471 г. в *Льв.* (и, вероятно, в своде 80-х гг.) не совпадал с Повестью великокняжеской летописи, но также имел в целом промосковский характер. *Михаил Верейский* — см. коммент. к пред. текстам наст. тома.

[30] *...Дмитрея Исаковича и Казимера...* — См. коммент. к пред. текстам наст. тома.

[31] *О создании церкви на Москвѣ ... святыа Богородица.* — Рассказ о строительстве Успенского собора здесь явно опирается на наблюдения человека, непосредственно видевшего строительство собора. Аналогичный рассказ читается и в великокняжеском летописании, в заключении Повести о походе на Новгород, но ни в одной летописи он не содержит таких подробностей, как в комментируемом своде.

[32] *...Петръ митрополит ... своима рукама заложилъ...* — Каменный Успенский собор был заложен митрополитом Петром в 1326 г. за 4 месяца до смерти.

[33] *...Ивашку Кривцова да Мышкина...* — Имена строителей есть только в своде 80-х гг.

[34] *...Владимерской святѣй Богородицы.* — Успенский собор построен Андреем Боголюбским в 1158—1160 гг., перестроен Всеволодом Большое Гнездо в 1185—1189 гг.

[35] *...а внутрь ... раствором тестянымъ...* — Очевидно, мастера Мышкин и Кривцов применили технику, когда между двумя облицовками засыпали забутовку и заливали ее раствором, получая в результате стену типа бетонной. В Северо-Восточной Руси эта техника была известна с XII в.

[36] *...извѣдоша ... до порога...* — В отличие от предшественницы церковь Мышкина и Кривцова имела подклет.

[37] *...въ приделѣ в Петрѣ ... об одну стену.* — Т. е. в приделе Вериг апостола Петра под стеной, выходящей в жертвенник (южная часть алтаря), где был похоронен Петр митрополит.

[38] *На другое лѣто* — в 1473 г.

[39] *...Ивановского подъ Колоколы.* — Исцеленный отрок был сыном священника храма Иоанна Лествичника с колокольней в верхней части. На этом месте был построен современный храм-колокольня Иван Великий.

[40] *Газофулакия* — казнохранилище в Иерусалиме.

[41] *...положиша безчестно...* — Такие упреки в недостаточной почтительности к мощам святителей, высказанные и в дальнейшем изложении, свидетельствуют о том, что составитель свода, принадлежавший, очевидно, к церковным кругам, противопоставлял себя высшей иерархии.

[42] *...Пахомью Сербину...* — Пахомий Серб (Логофет), приехавший на Русь с Афона при новгородском архиепископе Евфимии II, к 1471 г. был уже известным агиографом, автором ряда новгородских и московских житийных сочинений. В Житии Варлаама им было использовано сказание Родиона Кожуха о воскресении Григория Тумгена. Пахомий Серб написал службу и канон митрополиту Петру.

[43] *...посылаше князь великий Фрязина в Римъ к папѣ сватати ... хотяше ее выдати.* — Изложение обстоятельств сватовства Ивана III к Софии (Зое, в данном тексте — Зинаиде) Палеолог в комментируемом своде отличается от текста в великокняжеской летописи. Великокняжеское летописание (Никаноровская, Вологодско-Пермская летопись и Московский свод) приписывает инициативу сватовства папе и кардиналу Виссариону; послы от папы именуются Карло Фрязин (Карло делла Вольпе) и Антон Фрязин (Антонио Джислярди). Комментируемый свод знает только одного «Фрязина» — судя по дальнейшему изложению, Джан Батиста делла Вольпе. *Папа* — сватовство началось при Павле II (1464—1471 гг.), отдавал Софию замуж его преемник Сикст IV (1471—1484 гг.).

[44] *...посла пана Юргу ... болший боярин великого князя...* — По-видимому, приближенный Софии Палеолог Юрий Траханиот (впоследствии русский дипломат). Неясно, почему он именуется по-польски «пан Юрга» — может быть, потому, что прежде, чем отправиться в роли большого боярина» Ивана III в Рим, он приехал через Польшу.

[45] *...король присылался ... не восхотѣла латыньства ради*. — Известие о католических монархах, сватавших Софию, очевидно, не соответствовало действительности. Легенда эта содержится и в великокняжеском летописании, но, судя по западным источникам, «латыньство» женихов не могло смущать невесту — она сама была католичкой.

[46] *...великую Софию в мизгить учини, юже създа Устиянъ великий царь*. — Храм св. Софии в Константинополе построен в VI в. императором Юстинианом, Мехмедом II превращен в мечеть.

[47] *Князь же венецѣйскый ... велѣлъ проводити до Орды.* — В 1464—1479 гг. шла неудачная для Венеции война с Турцией, в которой союзником республики выступал Узун-Хассан Персидский. Вольпе предложил наладить отношения и с ханом Большой Орды Ахматом. Решение об отправке посла было принято 2 апреля 1471 г. при доже

Христофоре Мауро, в ноябре того же года его сменил Николло Троно, упоминающийся в великокняжеском летописании.

[48] *...и посла того отпусти Тривизана ... и повелѣ его всадити в тюрьму.* — Секретарь венецианского Сената посол Джованни Баттиста Тривизано пытался проехать в Орду под видом купца, чтобы не платить «поминокъ», однако был разоблачен. Дело Тривизано упоминает и великокняжеское летописание (начало этой истории см. в Повести о походе на Новгород). Произошло это, согласно Московскому своду, после приезда Софии; вместе с Тривизано был арестован и «Иоаннъ Фрязинъ», отказавшийся в Италии от православия. В комментируемом своде арест Тривизано отнесен ко времени до приезда Софии. Венецианский сенат в письмах Ивану III (1473 г.) возлагал всю вину на делла Вольпе, «опутавшего посла». Оба были арестованы тогда, когда папский легат рассказал об истинной цели приезда Тривизано, но сам посол еще до этого находился в Москве «полузахваченным» (см.: *Cornet E.* Le Guerre dei Veneti nell' Asia. 1470-1481. Vienne, 1857. № 77, 85).

[49] *...посла князь великий боярина своего Федора Давыдовича противу, и повелѣ, крыжь у легатоса отнявши ... а Фрязина поимати...* — Федор Давыдович Стародубский-Пестрый, московский воевода, руководивший походом на Новгород и на Пермь. Арест Фрязина — делла Вольпе упоминается тут в рассказе о приезде «легатоса» (папского нунция Антонио Бонумбре), а в великокняжеском своде об этом говорится после известия о свадьбе Ивана III и Софии.

[50] *Вѣнча же его протопопъ коломенский Осѣя...* — Венчание было в ноябре 1472 г. Комментируемый свод решительно расходится с официальной великокняжеской летописью, утверждавшей, будто Ивана и Софию венчал митрополит Филипп.

[51] *...посла Фрязинова брата къ нему Венецѣю ... и посла все взять.* — «Фрязиновым братом» именуется здесь Антонио Джислярди, вернувшийся из Венеции с просьбой дожа отпустить Тривизано; деньги за снаряжение, которые просили дать Ивана III взамен украденных делла Вольпе, дож обязался возместить. Это был уже не Николло Троно, а его преемник Николло Марцелло. Комментируемый свод сообщает подробность, о которой умалчивает великокняжеская летопись: великий князь дал Тривизано и его свите на дорогу семьдесят рублей, а сообщил дожу (о чем сообщается и дальше), что дал семьсот.

[52] *...Филипъ митрополитъ ... преставися.* — 5 апреля 1473 г.

[53] *...поставиша митрополитомъ владыку коломенского Геронтия...* — Митрополит Геронтий занимал святительский престол с 1474 по 1489 г. Геронтию отведено важное место в известиях комментируемого свода, в связи с чем возникло предположение, что этот свод был митрополичьим (А. П. Насонов); однако, оно не подтверждается дальнейшим текстом.

[54] *...церкви святого Спаса...* — Спаса на Бору в Кремле.

[55] *..Мария ... Семена Ивановича* — Мария Александровна Тверская, жена великого князя Симеона Гордого (1315—1353).

[56] *...селу скудельничю...* — Так в Древней Руси называли могилы для нищих — по евангельскому рассказу о тридцати серебренниках, которые вернул священникам раскаявшийся Иуда. На них купили землю горшечника (скудельника) и стали там хоронить нищих (ср. Мф. 27, 3—7).

[57] *И сказаша митрополиту Геронтию и великому князю, они же невѣриемъ одръжими бѣша...* — Этот упрек митрополиту в «невѣрии» в новоявленные мощи делает невероятным предположение о комментируемом памятнике как об официальном митрополичьем своде.

[58] *Пославъ князь великий во Псков...* — В Пскове, не знавшем татарского ига, не была утеряна традиция крупного каменного строительства.

[59] *...гладко...* — Очевидно, имелась в виду обработка камня.

[60] *Троица* — ныне Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры (1476—1477 гг.).

[61] *Ивана Златоустаго* — церковь на посаде, заложена Иваном III как патрональный храм в 1478—1479 гг., не сохранилась.

[62] *Сретение на Поле* — церковь на посаде, в районе Сретинской улицы, упоминается в 1486 г., не сохранилась.

[63] *Ризъ Положения* — домовая церковь митрополитов в Кремле (1484—1485 гг.).

[64] *Благовещение* — современный Благовещенский собор Московского Кремля, дворцовая церковь русских царей (1484—1489 гг.).

[65] *...посла... Семена Толбузина...* — Согласно великокняжескому летописанию, Толбузин ездил вместе с Фрязиным-Джислярди.

[66] *Аристотель* — Аристотель Фиорованти, выдающийся итальянский инженер, осуществивший несколько смелых проектов по передвижке и выпрямлению колоколен и башен. Работал по прокладке каналов и водопроводов. Родился в Болонье в семье архитекторов около 1420 г. В 1458—1464 гг. работал в Милане, с 1464 по 1473 — архитектор Болонской коммуны. В 1467 г. был в Венгрии. Подробнее см.: *Снегирев В. А.* Аристотель Фиорованти и перестройка Московского Кремля. М., 1935; *Подъяполовский С. С.* К вопросу о своеобразии архитектуры Московского Успенского собора. — Успенский собор Московского Кремля. М., 1985.

[67] *А тамъ, деи, церковь сказалъ ... да взяли у него.* — Рассказ Семена Толбузина о Венеции записан летописцем, судя по всему, по устным преданиям. *...церковь ...святого Марка* — собор св. Марка (XI в.) —

выдающийся памятник византийского зодчества. *...ворота венецѣйскыи...* — Неясно, о чем идет речь. Архитектурные или скульптурные работы А. Фиорованти в Италии неизвестны, вместе с тем в самой Венеции не было крепостных стен. В 1473 г. Фиорованти был арестован в Риме по обвинению в чеканке фальшивых денег, и, хотя обвинение было снято, его положение было тяжелым. Чеканкой монеты и литьем пушек Фиорованти занимался в России. *...не тотъ ужь у них князь...* — Никколо Марцело.

[68] *...Андрѣемъ...* — В следующем году Андрей Фиорованти ездил к миланскому герцогу Франческо Сфорца с письмом и подарками от отца.

[69] *Титъ* — Тит Флавий Веспасиан, римский император (79—81), занял и разрушил Иерусалим в 70 г.

[70] *Некыихъ нашихъ ... дѣло.* — Лаврентьевская летопись упоминает, что к Андрею Боголюбскому «приведе Богъ из всѣхъ земель мастеры».

[71] *...полатным образомъ...* — Повторив в общих чертах внешний облик образца, Владимирского Успенского собора, А. Фиорованти полностью отказался от традиционного интерьера древнерусского храма с его хорами для княжеской семьи и построил собор «зального» типа.

[72] *...взя ... Кафу и Крымъ.* — Кафа — Феодосия — центр генуэзских колоний в Крыму (XIII—XV вв.). В 1475 г. Мехмед II заставил Менгли-Гирея признать себя вассалом Турции.

[73] *...новугородцы не дашася ему въ судъ.* — Это единственное упоминание о приходе Ивана III в Новгород в 1475 г., которое может быть возведено к протографу свода 1518 г. — своду 80-х гг. В своде 1518 г. далее помещен обширный рассказ «О поезде великого князя в Великий Новгородъ», заимствованный из Московского свода.

[74] *Того же году обретохъ написание Офонаса Тверитина купца...* — Далее помещено «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Ссылка летописца на то, что он «обрел» это сочинение в 1475 г., свидетельствует о том, что запись и включение «Хождения» в летопись были осуществлены составителем свода, а не его преемником, работавшим в 1518 г., 43 года спустя.

[75] *...по кивоты...* — По аркатурный пояс, опоясывающий собор по фасадам.

[76] *Внутри же стенъ ... положи.* — Между столпами прокладывались связи в виде деревянных или железных балок, в стены закладывались связи в виде металлических скреп; *правило* — поперечный брус в ткацком станке, *веретено* — ось вращения.

[77] *На столпы же ... насквозь камение то збито.* — Описан процесс возведения подпружных арок, на каждый столп опирается по четыре арки. *Кружало* — опалубка для возведения арок.

[78] *Егда же бѣ князь великий въ Новѣгороде ... и наместники посажа.* — Рассказ Независимого свода 80-х гг. об окончательном присоединении Новгорода в 1477—1478 гг. краток и, возможно, фрагментарен. В своде 1518 г. под 6985 (1477)—6986 (1478) гг. помещен обширный рассказ из Московского свода об окончательном покорении Новгорода. Этого рассказа явно не было в своде 80-х гг., где сохранилось лишь косвенное упоминание новгородских событий в связи с рассказами о Казани и Пскове, отсутствующими в других летописях.

[79] *...Василъя Образца въ судехъ да Бориса Слѣпца.* — Об участии Бориса Слепца Тютчева в Казанском походе 1478 г. в великокняжеских летописях не упоминается.

[80] *...полати же подлѣ олтарь ... учини...* — Ризница была помещена на сводчатом перекрытии над приделом Похвалы Богородице за иконостасом.

[81] *Свяща же церковь митрополитом Геронтей... гнѣвъ Божий приходить.* — Спор об обряде освящения Успенского собора и других новопостроенных церквей, продолжавшийся и после 1479 г., отражал противоречия между великим князем и митрополитом, обнаружившиеся (как сообщает Ростовский владычный свод — Типографская летопись) еще в 1478 г., когда Геронтий поддержал князя Михаила Верейского в споре с ростовским архиепископом Вассианом Рыло из-за главенства над Кирилловым монастырем. Позиция Геронтия, отвергавшего «хождение посолонь» при освящении церкви, очевидно, больше соответствовала традициям греческой церкви и была поддержана зарубежным иерархом, молдавским епископом Василием, написавшим русскому митрополиту особое послание.

[82] *...ѣздилъ князь великый... и поималъ владыку Новугородцкого...* — Низложение и заточение в 1479 г. новгородского архиепископа Феофила, в поддержку которого Иван III выступал в 1471 г., никак не объяснено ни в комментируемом своде, ни в великокняжеском летописании. Только ростовский владычный свод (Типографская летопись) объясняет эту опалу тем, что Феофил, недовольный тем, что великий князь забрал у него и у монастырей половину волостей и сел, не хотел, чтобы «Новгородъ былъ за великимъ княземъ, но за королемъ или за инымъ государемъ».

[83] *Геннадия призва архимандрита и владыку ростовского Васиана на спор.* — Архиепископ ростовский Вассиан постоянно поддерживал великого князя, хотя и осуждал его за недостаточную решительность во время стояния на Угре. Архимандрит Чудова монастыря Геннадий также выступал в то время как сторонник Ивана III; лишь после 1484 г., когда он был поставлен архиепископом новгородским, он стал осуждать великого князя за его нежелание преследовать еретиков.

[84] *«Солнце праведное, Христос... души свободи»...* — Имеется в виду Сошествие во ад, когда Христос между Распятием и Воскресением спустился в ад и вывел в рай души ветхозаветных праотцов, пророков и праведников.

[85] *...Гаврило... и нарекоша имя ему Василей*. — Сын Ивана III от Софии, будущий Василий III. Второе имя Василия — Гавриил, не упоминается в других сводах XV в.; его употребил лишь Герберштейн в «Записках о Московии».

[86] *Того же лѣта сведе князь великый намѣстника с Лукъ съ Великых... что имъ потакиваеть*. — О сведении Иваном III с наместничества в Великих Луках Ивана Владимировича Оболенского-Лыка по жалобе местного населения сообщает только комментируемый свод; великокняжеская летопись умалчивает об этом, как и о предпосылках возникшего вследствие этих событий конфликта великого князя с братьями. Свод 80-х гг. явно сочувствует при изложении этих событий опальному наместнику.

[87] *...Юрья Шестака...* — Юрий Иванович Шестак Кутузов, воевода Ивана III.

[88] *Андрей Михайлович Плещеѣв* — один из самых близких сподвижников Василия II и Ивана III, с 1480 г. — боярин.

[89] *...къ Василию къ Федоровичу Образцу...* — Боярин Василий Федорович Образец-Симский, один из участников похода на Новгород в 1471 г.

[90] *...князь Юрье умер, брат ихъ старейший...* — Юрий Васильевич Дмитровский умер в 1472 г.

[91] *...поидоша к Литовскому рубежу*. — Претензии братьев Ивана III, Андрея и Бориса, действительно опирались на завещание Василия II и нормы междукняжеских отношений XIV—XV вв.: разделение выморочных земель и «промыслов» (приобретений) между членами княжеской семьи, неприкосновенность права отъезда, судебный иммунитет в княжеских владениях. «Брату своему королю польскому» «приказывал» сыновей Василий II в завещании в случае споров между ними. Но если комментируемый свод в данном случае сочувствовал Андрею и Борису, то Ростовский свод (Типографская летопись) отстаивал позицию великого князя. Свод 1518 г. (*Льв.—С II*) соединил в своем изложении два рассказа — из свода 80-х гг. и из ростовского свода, из-за чего рассказ, оправдывающий братьев, соединился с рассказом, где описывается «страх» всех «людей» от «братьи его», их страдания «без великого князя» и радость при его возвращении в Москву (из Новгорода).

[92] *Князь ... много нелюбие подържа на матерь ... князя Андрѣя вельми любяше*. — Этот фрагмент, вклинившийся в своде 1518 г. (*Льв.—С II*) в текст из ростовского свода (в Типографской летописи его нет), контрастирует с предшествующим изложением и последующим текстом и, очевидно, взят составителем свода 1518 г. из его протографа 80-х гг.

[93] *И ужас наиде на нь, и въсхотѣ бежати от брега...* — Начало рассказа о нашествии Ахмата и стоянии на Угре, очевидно, читавшееся в Независимом своде 80-х гг., не сохранилось. Фрагмент из рассказа об

Угре Независимого свода начинается в *Льв.—С II* с описания «ужаса» великого князя при нашествии хана. В своде 1518 г. рассказ о стоянии на Угре начинается с обширного заимствования из ростовского свода.

[94] *...Василья Борисовича, и Андрея Михайловича Плещеева, и дьяка Василья Долматова...* — Василий Борисович Тучко-Морозов — видный сподвижник Ивана III, участник переговоров 1477—1478 гг., приведших к уничтожению независимости Новгорода; согласно ростовскому своду, вел в 1480 г. переговоры с отъехавшими от великого князя братьями; впоследствии Иван Грозный в послании к Курбскому обвинял его в «поносных словах», сказанных его деду. Андрей Плещеев также вел переговоры с братьями Ивана накануне нашествия Ахмата. Дьяк Василий Долматов — участник похода на Новгород в 1471 г.

[95] *А на Москвѣ остави князя Ивана Юрьевича да дьяка Василья Мамырева.* — Иван Юрьевич Патрикеев, представитель древнего княжеского рода (потомок литовского князя Гедимина), зять Василия I и сподвижник Василия II, участник подчинения Новгорода; впоследствии попал в опалу. Дьяк Василий Мамырев также участвовал в переговорах Ивана III с братьями. Именно Василий Мамырев передал составителю свода 80-х гг. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. После комментируемого текста в своде 1518 г. (*Льв.—С II*) следует фраза: «Да сидѣ туто владыка Вассиан. Слыша, что хощеть князь великий бежать от брега, написа грамоту к великому князю на берег, ведающе сице», служащая, очевидно, для перехода к вставленному далее в своде 1518 г. Посланию Вассиана.

[96] *Князь же великый... Ивана Васильевича Ощѣры,... да Григорья Ондрѣевича Мамона...* — Иван Васильевич Ощера Сорокоумов-Глебов — давний сподвижник Василия II и Ивана III. Севернорусский свод 1472 г. упоминал о его неудачных действиях в столкновении с татарами в 1455 г.; впоследствии участвовал в новгородских походах. Григорий Андреевич Мамон — сын можайского боярина Андрея Дмитриевича Мамона, перешедший на службу к великому князю. Начало комментируемого текста, следующее в *Льв.—С II* за Посланием Вассиана, так же как слова, предшествующие Посланию, служили, очевидно, в своде 1518 г. для соединения текста свода 80-х гг. с текстом Послания: «Князь же великий не послуша того писания владычня Васьянова, но совѣтниковъ своих слушаше...» Однако конец фразы с конкретными именами и дальнейший текст, очевидно, восходят к своду 80-х гг.; восстанавливаем его предположительно.

[97] *...иже матерь его князь Иван Андрѣевичь Мажайской за волшество сжегъ...* — Речь идет о сожжении матери Григория Мамона князем Андреем Можайским в 1443 г. В отличие от свода 80-х гг. Севернорусский свод 1472 г. рассматривал эту казнь как несправедливую — «сжеглъ безлепъ».

[98] *...помышляюще богатество много, и жену и дѣти.* — Эти упреки перекликаются с текстом послания Вассиана. Позиция противников решительной борьбы с ханом едва ли может быть охарактеризована как предательская или корыстная. Скорее (как видно из приведенных далее

слов бояр), старые сподвижники великого князя отстаивали традиционную политику компромисса с ханом.

[99] *«Никто же воинъ... мученъ будеть»* — 2 Тим. 2, 4—5.

[100] *Те же бояре глаголаху... не бился съ царемъ.* — Эти примеры отказа московских князей от сопротивления хану свидетельствуют о существовании в московской среде иной исторической традиции, нежели та, которая была представлена великокняжеским и более поздним летописанием — и, в частности, иной характеристики деятельности Дмитрия Донского, чем та, которую ставил в пример Ивану III Вассиан.

[101] *...оставя всю силу у Окы на брезѣ, ...побѣжа на Москву.* — Этот фрагмент свода 80-х гг., как и предшествующие, свидетельствует о том, что «ужас» при нашествии Ахмата связывался здесь с начальным периодом его нашествия, когда он подошел к Оке, а не с последующим переходом на Угру. Именно в это время была сожжена Кашира — город на правом берегу Оки.

[102] *...князя великого Ивана Ивановича... а у него остави князя Даниила Холмского...* — Об участии сына Ивана III Ивана Ивановича в отражении войск Ахмата упоминают и все остальные летописные рассказы, но об участии князя Даниила Холмского в этой войне сообшает только комментируемый свод.

[103] *...съ нимъ князь Федоръ Палитцкый.* — Князь Федор Палецкий не упоминается в других летописях в связи с событиями 1480 г.; он упоминается лишь как участник похода на Казань в 1496 г.

[104] *...граждане ношахуся въ городъ в осаду...* — О роли горожан в событиях 1480 г. сообщает только комментируемый свод. Московские горожане играли важную роль и в обороне Москвы в 1382 г. от Тохтамыша (по известию *Льв.*, отсутствующему в *С II*) и в подготовке к зашите города в 1445 г. после Суздальского сражения.

[105] *Нача же владыка Васиянъ злѣ глаголати князю великому...* — О роли Вассиана в 1480 г. в Независимом своде 80-х гг., видимо, говорилось здесь впервые; Послание на Угру с сопутствующими известиями о Вассиане было, очевидно, вставлено только в своде 1518 г.

[106] *Дмитровцов же въ осаду въ Переславль велѣ князь великый перевести Полуехту Бутурлину да Ивану Кикѣ, а съ Москвы строевъ въ Дмитров перевезти...* — Дмитров и Переславль находились к северу от Москвы, но Иван III, очевидно, предполагал, что войска Ахмата могут угрожать и этим землям. «Строями», или «строителями», назывались временные управители или надсмотрщики при новгородских монастырях или скитах; в данном случае речь идет, очевидно, о надзирателях над возведением крепостных сооружений.

[107] *...ко Угрѣ рецѣ...* — Это указание еще раз подтверждает, что в предшествующем изложении Независимого свода 80-х гг. речь шла о событиях до прихода Ахмата на Угру.

[108] *...въ Красномъ селцѣ 2 недели...* — О столь длительном пребывании Ивана III в подмосковной резиденции, объясняемом в этом рассказе страхом перед горожанами, определенно говорит только данный источник.

[109] *Князь же великый во всю волю ихъ даяся, они же поѣхаша къ великому князю на помощь.* — В комментируемом своде приход Андрея Углицкого и Бориса объясняется уступками великого князя. В Ростовском своде об этом не говорится так прямо, но отмечается, что братья пришли после решения Ивана III «жаловать» их. Великокняжеский свод приписывает инициативу в примирении мятежным братьям.

[110] *...идоша псковичемъ на помощь.* — Этот рассказ комментируемого свода расходится с показаниями Псковских летописей. Согласно этим летописям, братья великого князя соглашались оказать помощь псковичам, только если те представят убежище не им одним, но и их женам; когда же псковичи отказались это сделать, «люди» Андрея и Бориса пограбили псковские земли.

[111] *Иван Товарков* — Иван Федорович Ус Товарков, видный сподвижник Ивана III, неоднократно бывший послом в Новгороде и Пскове.

[112] *...Микифора пришли Басенкова.* — Никифор Басенок, сын известного сподвижника Василия II Федора Басенка. Несмотря на опалу и ослепление Федора Басенка, сын его продолжал служить Ивану III.

[113] *...наги и босы, ободралися.* — Несмотря на интерес составителя Независимого свода к чудесам, здесь он в отличие от других летописцев дает наиболее простое и убедительное объяснение отступления татар, не рассчитывавших на зимнюю кампанию.

[114] *Серенескъ и Мченескъ.* — О разграблении татарами этих и других литовских порубежных городов подробнее рассказывается в Повести об Угре, читающейся в Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959, с. 273).

[115] *...села Ярославичевы всѣ делярные.* — Условия уступок Ивана III братьям совпадают в комментируемом своде с другими источниками; уточнено только, что села, уступленные Борису Волоцкому, принадлежали раньше князю Василию Ярославичу Серпуховскому, дяде братьев. Возможно, они входили в состав владений, завещанных Борису матерью Василия Ярославича Марией Голтяевой после ареста сына. «*Делярные*» — очевидно, подлежащие разделу.

[116] *...Денисью ... и Пророкы*. — Дионисий, выдаюшийся русский живописец (ок. 1450—после 1502). Из его многочисленных работ сохранились только росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря (1500—1502 гг.) и икона Одигитрии. Полный иконостас Успенского собора артели Дионисия (деисусный (Дѣисусъ), праздничный (Праздники) и пророческий (Пророки) ряды) был демонтирован в 1653 г. и исчез. Дионисию без достаточных оснований приписываются фрески стационарной каменной алтарной преграды Успенского собора и фрагменты первоначальной росписи в алтаре. Показательно, что в разгар конфликта Ивана III с митрополитом заказчиком иконостаса Успенского собора выступает поддерживающий великого князя Вассиан Ростовский. Известие есть только в комментируемом своде. *Ярец Киприан* — скончался в нач. XVI в., другие его работы неизвестны. Сын Кони Михаил работал с Дионисием в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1484 г. Возможно, что художники XVI в. Иван Дермоярцев и Постник Дермин — потомки Ярца Киприана.

[117] *...чернець бывалъ, егоже Сатаною зовуть ... ста въ митрополиты на Русь...* — Речь идет о тверском иноке Спиридоне-Савве, который был в 1476 г. поставлен константинопольским патриархом, пребывающим в завоеванном турками Константинополе, в митрополиты всея Руси. Поставление это не было признано ни в Литовской Руси, где киевский митрополит сам утверждался Константинополем, ни в Москве, где митрополиты назначались без патриаршего благословения. Очевидно, в Спиридоне видели тверского ставленника, ибо отречения от него требовали именно от тверского епископа. Впоследствии Спиридон сумел приехать на Русь, где был заточен в Ферапонтовом монастыре; он написал ряд сочинений, одно из которых, «Послание о Мономаховом венце», обосновывавшее происхождение тверских князей от римских императоров и их права на регалии, стало основой московского «Сказания о князьях Владимирских», где такое происхождение и права приписывались московским государям (см. т. 8 наст. изд.).

[118] *...умеръ Мустофа, а царьство сыну своему приказа, иже Самсон дръжаше*. — Как и выше, летописец вместо Мехмеда II упоминает Мустафу. В действительности в 1481 г. султана Мехмеда II сменил его сын, Баязид II. Самсун — турецкий портовый город на Черном море.

[119] *...всхотѣша вотчичи Олшанский, да Оленковичь, да князь Федоръ Бѣлской по Березыню реку отсѣсти ... Литовской земли*. — Речь идет о так называемом «заговоре князей», возможно, помешавшем Казимиру прийти на помощь Ахмату во время стояния на Угре. В нем участвовали православный князь Литовской Руси Михаил Олелькович, бывший в Новгороде в 1471 г., его родич князь Иван Гольшанский и князь Федор Бельский, сумевший убежать в Москву; Михаил Олелькович и Иван Гольшанский были казнены Казимиром. Независимый свод 80-х гг. — единственная русская летопись, сообщившая об этом заговоре; великокняжеские своды, изображавшие Михаила Олельковича в рассказах о событиях 1471 г. литовским ставленником и «латинянином», об этих событиях умолчали. Масштабы «заговора князей», очевидно, преувеличены комментируемым сводом: едва ли

восставшие князья смогли отделить от Литовского государства обширную территорию вплоть до реки Березины в центральной Белоруссии.

[120] *Того же лѣта бысть распря митрополиту ... възвратися на столъ свой.* — Здесь продолжается рассказ о конфликте Ивана III с митрополитом Геронтием, начавшемся в 1479 г. Согласно Независимому своду, конфликт закончился победой Геронтия; однако, согласно рассказу Ростовского свода 1489 г. (Типографская-Академическая летопись), воспроизведенному сводом 1518 г. (*Льв.— С II*), в 1484 г., после новой угрозы Геронтия оставить митрополию Иван III попытался передать митрополичий престол троицкому игумену Паисию Ярославову и согласился вернуть митрополита только после отказа Паисия. *Асафъ* (Иосаф) — сын князя Михаила Ивановича Оболенского.

[121] *...посылалъ князь великий ратью на нѣмцы ... много полону приведоша*. — Подробный рассказ об этом походе 1481—1482 гг. содержится в Псковских летописях. Князь Ярослав Оболенский — младший брат известного полководца Ивана Васильевича Стриги Оболенского, наместника в Пскове; Иван Васильевич Булгак — племянник И. Ю. Патрикеева. *Вельяд* — ливонская крепость Феллин (Вильянди). *Охабий* (охабень) — внешний ряд укреплений.

[122] *Икона Одигитрие... написа Денисе... той же образъ*. — Икона Богородицы Одигитрии ныне хранится в Третьяковской галерее. В других летописях сообщений о Дионисии нет. Составитель свода 80-х гг. проявлял интерес к художникам.

[123] *Оглашеннымъ* — людям, готовяшимся к принятию крещения.

[124] *Дора* — часть просфоры, раздаваемая священником после причастия.

[125] *...архимандритъ же Чюдовской Генадей ... каятися и до смерти*. — Это известие также обнаруживает сочувствие Независимого свода 80-х гг. Геронтию. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Геннадий в споре митрополита с великим князем в 1479 г. поддерживал Ивана III.

[126] *...церковь на площади Благовѣщение...* — Известие о церковном строительстве в Кремле может восходить в комментируемом своде и к Независимому своду 80-х гг., и к своду 1518 г., который систематически приводил сведения о строительстве Благовещенского и Архангельского соборов.

[127] *...на Казань... посла князь великый, и Аристотеля с пушками...* — О походе 1482 г. на Казань не упоминает великокняжеское летописание; краткое упоминание читается в ростовском своде (Типографской летописи); об участии Аристотеля сообщает только комментируемый свод.

[128] *...король присла Богдана, прося Новагорода Великого и Лукъ Великыхъ.* — Это известие встречается только в комментируемом своде. Приезд королевского посла Богдана упоминается в великокняжеской летописи под 1476 г., но ни о каких претензиях его государя на новгородские земли там не упоминается.

[129] *...сватался князь великый съ волошскамъ воеводою Степаномъ ... путя не хотѣ дати.* — Переговоры о женитьбе старшего сына Ивана III Ивана Молодого на дочери молдавского государя Стефана Великого вели в 1480 г. Иван Зиновьевич Станищев и Андрей Михайлович Плещеев. Известия об этих и последующих переговорах сохранились в памятниках дипломатических сношений с Крымом и Польско-Литовским государством, через которое проезжали послы. В великокняжеских летописях эти переговоры не отразились.

[130] *Князь же великый посла къ Мень Гирѣю Крымскому... прислалъ къ великому князю.* — Рассказ комментируемого свода о нападении хана Менгли Гирея на Киев осенью 6992 (1483) г. резко отличается от остальных летописных рассказов. Если Ростовский свод (Типографская летопись) описывал этот поход как «злобу», «грѣхъ ради нашихъ», но ничего не говорил о роли в нем великого князя, а великокняжеская летопись видела в нем справедливое возмездие «по слову великого князя» «за неисправление королевское», то Независимый свод 80-х гг. подчеркивал соучастие Ивана III в «пакостях» и святотатствах (захват церковных сосудов) крымского хана.

[131] *Заложи церковь кирпичну Спасъ святый... игуменъ Чигасъ.* — О нем ничего неизвестно, Чигасов монастырь упразднен в кон. XVI в.

[132] *Андрѣй да Петр Михайловичи Плещѣевы.* — В посольстве, привезшем Елену Стефановну в 1483 г., участвовал брат А. М. Плещеева Петр.

[133] *...врачь нѣкыи нѣмчанинъ Онтонъ... на Онтонове дворъ за Лазоремъ святымъ.* — Рассказ о расправе с врачом и аресте А. Фиорованти читается только в комментируемом своде. Под 6992 (1484) г. в Ростовском своде (Типографской летописи) говорилось, что великий князь велел «фрязь поимати и мастеров серебряныхъ». «*За Лазоремъ святымъ*» — за церковью Рождества Богородицы с приделом Лазаря, т. е. рядом с великокняжеским двором. Это был либо двор самого «нѣмчина», либо архитектора Пьетро Антонио Солари, строителя 5 башен Кремля и Грановитой палаты (1485—1492 гг.). Дом самого Аристотеля тоже стоял где-то возле великокняжеского дворца, как видно из свидетельства А. Контарини, венецианского посла, посетившего Москву проездом в 1476 г.

[134] *...остави, въ заточении сѣдя... Феофилъ епискупьство... жити ему у Михайлова Чюда.* — Высланный из Новгорода еще в 1479 г., архиепископ Феофил лишь в 1483 г. согласился отказаться от своего сана, что открывало возможность избрания нового владыки.

[135] *...поиде на Тверь... да Аристотель съ пушками, и съ тюфякы...* — Участие Ивана Ивановича и «всей братьи» в походе на Тверь в 1485 г. отмечается в великокняжеском летописании; в Тверском сборнике, сохранившем, по-видимому, фрагменты тверского летописания, упоминается еще Яков Захарьевич (Кобылин-Кошкин) с новгородскими войсками. Об участии Федора Бельского, незадолго до этого перебежавшего из Литвы, и Аристотеля в других летописях ничего не сообщается. *Тюфякы* — орудия, стрелявшие каменной картечью.

ПЕРЕВОД

В год 6923 (1417). (...) В том же году, 7 июня, в 4 часа дня, была тьма по всей земле, и солнце померкло, как было при распятии Христовом, и звезды явились, и явилась заря утренняя и вечерняя. И через час вновь Господь дал прощение всему миру. (...)

В год 6926 (1418). (...) В тот же год, 12 июля, изволением великого Спасителя и пречистой его Матери, и святого чудотворца Леонтия, епископа Ростовского, уговорили господин Фотий, митрополит Киевский и всея Руси, и великий князь Василий Дмитриевич Дионисия стать епископом города Ростова и Ярославля. Он же в своем смирении этого не хотел и много слез пролил, потому что прежде желал пустынником жить и трудиться ради Бога. Они же поставили его насильно, и сбылось с ним по Божественному слову: «Ни желающего, ни стремящегося поставил Бог пастырем стаду своему, собранному святой его кровью...» (...)

В год 6945 (1437). Послал великий князь Василий Васильевич двух князей Дмитриев Юрьевичей и других князей со многим множеством бесчисленных полков на реку Белеву на царя Махмета. Он сбежал от какого-то царя из Орды и было у него мало людей. Он поставил себе крепость на реке Белеве: стены приказал сплести из хвороста, и посыпать снегом, и полить водой, и все крепко смерзлось. И тут он хотел зимовать. А великий князь, посоветовавшись с братьями, решил изгнать его из своей земли. Когда пришли на Махмета русские князья, он испугался их, и начал просить мира, и предлагать своих детей в заложники в знак того, что он не будет причинять никакого зла Русской земле. А русские князья, видя, что у них войска множество, а у тех мало и оно плохое, возгордились, и пошли на татар. И был там некто Григорий Протасьев, совершивший измену, лживо предлагая заключить между ними мир, а русские князья поверили этому. Этот обманщик помогал царю Махмету, и не велел русским князьям, надеявшимся на мир, биться. А в это же время тот Григорий Протасьев послал к царю, веля ему тут же идти со своими на русские полки, а русским князьям обещал быть с ними заодно.

Царь же Махмет, собрашись с плохоньким своим войском, пошел на русских князей, и князья, превозносившие себя в сердце, пошли на них, крича, как будто проглотить хотели. И за гордость и множество грехов послал Бог на нас это плохонькое маленькое войско безбожных, и одолело оно многотысячные полки наши, потому что те, кто неправедно поступает, прежде всего своих губят. А этот Протасьев, боярин, стал с татарами против русского войска, а слову своему изменил. И многое множество русских воинов было убито, так что один агарянин десять наших или более того одолел, как сказано: «Они — народ, потерявший рассудок, и нет у них мудрости. Не смогли они рассудить, что с ними будет. Как бы мог один преследовать тысячу, а двое десять тысяч, если бы Бог их не предал и Господь не отдал их!» И так сталось с ними, потому что те, смиряясь, мира просили, а эти превозносились, и погибли. Тогда убили много князей и бояр, а князья убежали с малой дружиной.

В тот же год. Из Жития Сергия Белевское Чудо.

Пусть не будет скрыто молчанием чудо святого Сергия. Случается, что Бог насылает беды за наши грехи, иногда голодом казнит нас, иногда нашествием иноплеменных. И, надеясь на вашу любовь, хотим мы развернуть пред вами чудную повесть, умиления достойную. Случилось, как было прежде сказано, нашествие безбожных татар, и сам царь ордынский по имени Махмет пришел. И вышли против него князья, и воеводы, и множество войска христианского, и было большое сражение, и были побеждены безбожные, и многие из них пали убитыми. Когда же царь со своим воинством устрашился и настолько смирился, что просил только в живых их оставить, некоторые из христиан мириться с ними не захотели, желая похитить множество богатств. И за это непокорство наше пали во втором сражении: все воинство христианское было побеждено погаными в награду за их смирение. Показал нам Бог на них, всякой милости его лишенных, что так прекрасно смирение, что даже неверные, когда были слабы, им укрепились. Но вернемся к рассказу.

Когда гнали поганые христианское воинство по попущению Божию, многих убивали, других в плен брали, и среди них захватили одного воина из палат великодержавного по имени Иван, которого князь любил. И его гнали, от других отделив, и настигнув, убить угрожали. И ему, юному, отчаявшемуся сохранить цветущую жизнь свою, подал Бог благую мысль призвать на помощь немедлящего святого Сергия, чтобы избавил его. И только юноша в уме помянул святого, как тут же у коня его как будто крылья появились, и он быстро помчался от поганых. И так он добрался до своего воеводы, и в великой радости рассказывал всем о великом чуде, как избавил его Бог от смерти горькой по молитве святого Сергия. И так он ехал своей дорогой вместе со своими воинами,

веселясь и обещая прийти в обитель святого Сергия, и поклониться мощам его, и возблагодарить, и пожертвовать на братию. Но очень скоро переменились его мысли, о чем он потом сам рассказывал: «Что я сделаю, ведь у меня небольшое состояние. Если обустроить мне так много братии, то и половины состояния не останется мне на жизнь». И когда он это подумал, внезапно споткнулся под ним конь и упал так, что даже поводья у юноши из рук вылетели, и сам он с коня свалился. И напал на него страх великий, потому что все его бросили из страха перед татарами. И, сам трепеща от великого страха, успокаивал он своего коня, а в это время появились татары неведомо откуда и взяли воина, сняли с него сверкающее оружие и убить его собрались. Он же в унынии, жизнь свою сохранить отчаявшись, не имея надежды на избавление, укорял себя за то, что отказался от обета святому. И стыдился призвать на помощь святого Сергия, так говоря: «По справедливости я, окаянный, умираю, не сдержав обета, что дал тебе, святой Сергий. Если не прогневаешься в конец, святой, и смилостивишься надо мной, недостойным, вдвойне преславно покажешь свои чудеса. Уже не смогу еще раз солгать, ибо безответный и стыда исполненный со своей цветущей юностью расстаюсь». И так он горько и рыдал, и плакал. И тут они, зверовидные, в овец кротких превратились, и как будто в помрачении разума, оставили его, ни одной раны не нанеся ему и не сняв с него одежд многоценных. А этот воин, видя, что сохранен он помощью Божией и молитвами святого, побежал. Если поганые и встречали его, то молитвы святого укрывали его, и к своим он был препровожден невредимым.

И вот скоро он приехал в обитель святого и, боясь, что, утаив все, пострадает, рассказал всем о великих Божиих чудесах, и о немедлящем заступничестве, и о милости славного в чудесах Сергия, и о милосердии, которое оказал он ему, как чадолюбивый отец. И в великой радости братию святого обустроил, милостыню дал и, облобызав раку святого, вернулся в дом свой, славя Бога и угодника его, святого великого в чудесах Сергия.

В год 6946 (1438). (…) В тот же год, 15 августа, пошел Исидор в Рим на восьмой собор, до этого похоронив княгиню Евпраксию. (…)

В год 6953 (1445). (…) В тот же год было знамение в городе Москве: была буря великая, и сломало крест на соборной каменной церкви святой Богородицы, честного ее Рождества, той, где есть придел святого Лазаря. (…)

В год 6961 (1453). (…) В тот же год послал великий князь Стефана Бородатого в Новгород со смертным зельем уморить князя Дмитрия. А

он приехал в Новгород к боярину князя Дмитрия Ивану Нотову и рассказал ему о словах великого князя. И тот пообещал все сделать, — как говорит Давид: «Тот, кто ел мой хлеб, замыслил против меня обман», — и посвятил повара в это дело. И было так: князь Дмитрий по обыкновению захотел есть в полдень и приказал приготовить себе одного цыпленка. А они, окаянные, приготовили его со смертным зельем и принесли его князю, и он съел, не зная об их умысле, потому что никто не выдал его. Тут же князь разболелся и, пролежав 12 дней, преставился, и похоронен был в церкви святого мученика Георгия в Новгороде.

В том же году приходил турецкий царь к Царьграду, и помог Мустафа Мурадовичу, и он взял Царьград обманом. Он послал к наместнику греческого царя, сказав: «Сделай так, чтобы я взял Царьград. Если возьму его, возьму и дочь твою в жены, и будешь мне отцом и вторым после меня в моем царстве». А тот сказал царю идти на приступ со стороны залива, где стена была ветхой. И, разбив ее пушками, взяли Царьград, и царь церкви святые разорил, и в Великой Софии мечеть устроил, и людей множество посек, а другие в море утонули, а сам он сел в Царьграде. А наместника того он приказал в котле сварить и предал его злой смерти, сказав ему: «Как ты собираешься быть мне верен, если сделал такое со своим прежним государем?» (...)

В год 6966 (1458). (...) В ту же зиму архиепископ ростовский Феодосии приказал есть мясо в навечерие праздника Богоявления, которое тогда пришлось на субботу, а митрополит Иона захотел снять с него сан. И великая княгиня заступилась за него перед митрополитом, а за заступничество взяла у Феодосия село Петровское. В ту же зиму, 15 февраля, родился сын у великого князя Ивана Васильевича и назван был именем Иван. В тот же год преставился епископ Новгорода Великого Евфимий. В том же году великий князь Василий Васильевич послал войско на Вятку, а воеводами над ним были князь Иван Васильевич Горбатый и князь Иван Ряполовский. И не сделали ничего: у вятчан взятки взяли, да им потворствовали, Вятку не взяли, и возвратились. В том же году построена была в Москве каменная церковь Введения святой Богородицы на подворье Симоновского монастыря в городе.

В год 6967 (1459). (...) В том же году пришлось Благовещенье на Пасху. Об этом написано в Пасхалии: «Братья, вот ужас, вот беда великая, вот скорбь немалая! Как в год распятия Христова, солнечный круг был 23, лунный 13. Этот год последним явился, теперь ожидаем всемирное пришествие Христово». О Владыка, умножились беззакония наши на земле! Пощади нас, Владыка, наполни и землю славой твоей, пощади нас! «Благословен грядущий во имя Господне!» Берегитесь, братья, твердо знайте, кому придется быть в то время, избегай неверия,

возле нас измаилтяне. «Ибо Господь не хочет смерти грешника, а покаяния ожидает». Сказал Господь: «Не знаете ни дня, ни часа, когда прийдет Сын Человеческий». И в тот год ничего не было. (...)

В год 6968 (1460). В ту зиму ездил великий князь Василий Васильевич в свою отчину в Великий Новгород, а с ним сыновья его князь Юрий и князь Андрей. А новгородцы созвали вече, и собрались к Святой Софии, и сговаривались все убить великого князя и его детей. И вышел к ним владыка Иона и сказал так: «О безумные люди! Если вы великого князя убьете, что вы получите? Только большую беду принесете Новгороду, потому что сын его старший, князь Иван, услышит о вашем злодеянии, в тот же час, попросив войско у хана, пойдет на вас и разорит всю землю вашу». Они же, окаянные, отказались от своего злого замысла. Тогда же Федора Басенка хотели убить шильники. Тогда же ездил князь Юрий в Псков и той же зимой приехал. (...)

В год 6969 (1461). (...) В тот же год великим князем Василием Васильевичем построена была в Москве церковь каменная Иоанна Предтечи с приделом святого отца Варлаама Новгородского. С тех пор начали в Москве отмечать праздник Варлаама, вспоминая чудо, которое он сотворил с Тумгенем, воскресив его из мертвых, когда великий князь был в Новгороде. (...)

О проявлении мощей ярославских чудотворцев. В год 6971 (1463). В городе Ярославле, в монастыре Святого Спаса лежали три князя: великий князь Федор Ростиславич Смоленский и Ярославский, и сын его Константин, и внук его Давид, а лежали в церкви Святого Спаса поверх земли. Сам великий князь Федор был человек большого роста, и эти Константин и Давид доходили ему до подмышек, потому что были меньше ростом, а лежали в одном гробу. Решили игумен и все священники соборных церквей в Ярославле, собравшись, похоронить их с почетом в земле, тут же в церкви на том же месте. И сообщили об этом старейшине города, князю Александру Ярославскому, а он повелел так тому и быть, и хотел сделать каменную гробницу, и покрыть ее дорогим покровом, и свечи поставить. И когда сошлись священники, и монахи, и миряне, и князь Александр, правнук князей, и когда взяли мощи их, тогда Бог помиловал сначала Богородицкого попа и его сына у гроба их, а когда святили воду с их мощей, от этой воды прозрели две слепые женщины. И тогда все поразились, и возвестили всем, и начали звонить, и пошел весь народ, с почтением поклоняясь мощам и целуя их. И с тех пор положили князей на земле, но в том же гробу, для поклонения мощам их, и для целования их, и на исцеление недужным. И возвестили об этом ростовскому епископу Трифону, в епископии которого город Ярославль. А тот, неверием обуян, не поверил, считая, что это — колдовство. 3 апреля Бог простил у гроба чудотворцев бесноватого человека и слепого, с больными глазами, и он

прозрел. В тот же месяц, двадцатого, у гроба чудотворцев Бог помиловал девицу, слепую на один глаз, и бесноватых, мужчину и женщину. 10 мая Бог простил у гроба святых чудотворцев женщину слепую и отрока, больного телесной немощью. 25 июня исцелились у гроба святых чудотворцев четыре женщины: три слепые прозрели, а четвертая, бесноватая, до того грызла свое тело и людей кусала. (...)

В год 6973 (1465). 13 сентября оставил митрополит Феодосии митрополию, сентября месяца 14. Той же осенью, 11 ноября, собрав епископов, поставили митрополитом на Москве суздальского епископа Филиппа. А Феодосии оставил митрополию из-за того, что хотел попов и дьяконов насильно на Божий путь направить. Начал во всякое воскресение созывать и учить по святым правилам. Вдовцам, дьконам и попам, велел в монастырь постригаться, а тех, у кого наложницы были, мучил без милости, и священнический сан снимал с них, и продавал. А церквей много настроено, а попы: кто не хотел работать, всякий — в попы, тем и кормились, и следовали телесным похотям, потому что не Богу хотели служить, а ублажению своего тела. И затужили люди, что многие церкви без попов, и начали проклинать митрополита, а он, услышав, разболелся из-за этого. Выздоровев, пошел в келию в монастырь Чуда Михаила, и взял расслабленного старца в келию, и стал служить ему и омывать его струпья.

В год 6975 (1467). 25 апреля в 3 часа ночи умерла великая княгиня Мария, жена великого князя Ивана Васильевича, от смертного зелья. Узнали это вот по чему: когда покров на нее положили, то свисало много, а потом тело распухло так, что стало много не хватать. И похоронили ее у церкви Святого Вознесения в Москве. Тогда же разгневался великий князь на жену Алексея Полуектова, на Наталью, которая посылала пояс с женой казенного подьячего Боровлева к бабке. Тогда же и на Алексея разгневался, и долго, лет шесть, он не был у великого князя, и едва князь простил его.

В том же году ростовский епископ Трифон, услышав о чудесах исцеления в городе Ярославле от гроба новоявленных чудотворцев великого князя Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского, и Константина, и Давида, не поверил в их чудеса. И послал туда протопопа ростовского Константина, почтенного человека. Во все года посылал за ним великий князь, приглашая его в Москву на собор звать, потому что был он голосист, и речи хорошо говорил, и грамоту знал, и видным был, потому и вознесся умом и был горд. Послал его епископ в Ярославль пойти и посмотреть мощи чудотворцев и исцеления от них, действительно ли это так, потому что и тот протопоп в это не верил.

Тот протопоп приехал в Ярославль в монастырь Святого Спаса и послал к игумену, сказав: «От владыки ростовского приехал». И игумен сказал ему прийти в келию к себе, а протопоп Константин загордился и сказал: «Почему не выйдешь ко мне? Не знаешь разве, воздавший честь мне, послу владыки, владыке честь воздает? Мне почтения не выказав, моему господину почтения не выказываешь, самому владыке. Я это государю скажу, а к игумену в келью не пойду, а то, зачем послан, сделаю». И послал к игумену сказать: «Я послан посмотреть ваших чудотворцев, какие они: в теле ли лежат, как много исцелений совершают, не действует ли вражья сила для обольщения людей?» И приказал церковь открыть: «Я посмотрю их». Игумен же послал пономаря, и пономарь, прийдя, открыл церковь. Вошел протопоп Константин в церковь Святого Спаса и спросил о чудотворцах, где лежат, и показали ему, а он, прийдя, открыл святых чудотворцев, и Федор, бывший великим князем, в монашеском одеянии схимника лежал. Тогда, прийдя, протопоп Константин, ярился на игумена, думая, что этим чудотворением игумен приобрел много богатства, которое приносили горожане, приходящие к раке на молебны. Когда порвал он шнуры у схимы и хотел, обнажив мощи, их посмотреть, тогда внезапно сила Божия и святых чудотворцев бросила его на землю, и он стал нем, и омертвело тело его. И объял ужас всех, стоявших с ним. И рассказали игумену обо всем, что было, и пришел игумен, и начал молебен служить за Константина, и воду святить, и кропить его. Едва через много часов ожило тело его, и был он на язык нем, руками и ногами расслаблен, и тело его мучилось.

И начал он каяться со слезами, понося себя и окаянным называя, с правильного пути сбившимся, как сказано у пророка: «Да не искусишь Господа Бога твоего ни в каком благом деле». Искусили Господа Дафан и Авирон, не были они ни иереями, ни причетниками, и захотели в святилище служить Богу, и начали кадить, — и живых их поглотила земля. Так же и Оза прикоснулся к Ковчегу Завета, наклоненному быком, и страшной раной был поражен, усохла у него рука. Так же и Гиезий начал милостыню красть, которую Елисей велел давать нищим, и был поражен проказой. Так же и этот Константин восприял кару. И много времени пребывал он у раки чудотворцев, и прислали в Ростов, и поведали все, что было. Услышав об этом, архиепископ Трифон вздрогнул всем телом и тут стал расслабленным. Он оставил архиепископию, ушел в монастырь, начал плакать и молиться святым чудотворцам, и приказал себя везти в Ярославль в монастырь Святого Спаса, где святые чудотворцы лежат, и здесь оставался, плача, до смерти своей. (...)

В год 6977 (1469) (...) В тот же год казанские татары пограбили русских купцов.

В год 6978 (1470) (...) В ту же зиму, 21 декабря, исцелилась у гроба Святого Петра митрополита в день памяти его девочка шести лет, прозрела слепая. Той же зимой исцелился у гроба Святого Петра митрополита некий странник из Рязани, у которого рука была скорчена и приросла к ребрам. И во время обедни он исцелился, и рука его стала прямой, как и другая.

(...) Той же осенью, 1 августа, в два часа дня, загорелся город Москва и сгорел весь, только три двора остались. Той же осенью на третий день после пожара упала церковь Святого Петра, придел у Пречистой, потому что она обгорела от пожара.

В год 6979 (1471) (...) В том же году купец Торокан заложил для себя кирпичные палаты в городе Москве у городской стены возле Фроловских ворот; в тот же год и своды закончили.

В том же году новгородцы, не покорявшиеся великому князю и не желавшие быть под его властью, тайно от великого князя послали к королю и подписали договорные грамоты, да и владыку хотели в Киеве ставить, и князя Михаила Олельковича себе взяли. Услышав об этом, великий князь послал к ним в Новгород, обличая их замысел. Так же и митрополит послал своего посла, возложил на новгородцев отлучение и неблагословение, потому что они хотели владыку ставить в Киеве, называя Киевским митрополитом латинянина, придерживающегося латинской веры. Но они его не послушали. Великий князь, не желая уступить свою отчину Новгород королю, собрал великую силу: сначала послал своих воевод со множеством войска, князя Даниила Холмского и Федора Давыдовича, на Новгород. И сам, не медля, пошел в июне месяце, а с ним братья его князь Юрий, князь Андрей, князь Борис, князь Михаил Верейский и сын царя Касима с татарами. Да попросил великий князь у своей матери, великой княгини, дьяка Стефана Бородатого, умеющего приводить свидетельства из русских летописцев. «Когда, — сказал князь, — прийдут новгородцы, он вспомнит, что говорить об их старых изменах, как изменяли великим князьям в старые времена, отцам, дедам и прадедам».

А воеводы, войдя в Новгородскую землю, стали разорять новгородские волости. Узнав об этом, новгородцы, собравшись, на судах пошли по озеру Ильмень под Русу. Здесь был бой воевод великого князя с новгородцами, и убили новгородцев около четырех тысяч, а других взяли в плен живыми, а другие, получив раны, убежали, а другие у Русы утонули — помог Бог воеводам великого князя. Воеводы великого князя Русу сожгли, а, что было в городе, разграбили, и пошли, воюя, к реке Шелони, и прийдя, стали на реке Шелони на этой стороне. Новгородцы

же, собравшись, пошли на них, и пришли к реке Шелони 14 июля. И начали биться за брод, и помог Бог воеводам великого князя: воинов избили, а воевод всех в плен взяли, Дмитрия Исаковича и Казимира, а за прочими гнались, избивая, до 20 верст.

Великий князь тогда был на реке Поломяти, ждал братьев, туда ему пришло известие, что его воеводы бились с новгородцами, и побили его войска новгородцев и воевод всех в плен взяли. Он же, восхвалив Бога, пошел к реке Шелони, посмотреть там на убитых. И, прийдя, стал на реке Шелони, и приказал Дмитрию Исаковичу голову отрубить, а остальных вести в Москву. И они повели пленников, скот и коней погнали, хваля Бога и силу крестоцелования, которое нарушили новгородцы. Да доколе терпеть дела их Богу? Послал им Бог по грехам их, наказав рукой благоверного великого князя Ивана Васильевича. Стоял тут великий князь неделю, ожидая покорения новгородцев. Тут пришел Феофил, нареченный во владыки, с новгородцами, и били челом великому князю, и договорились на 17 тысячах рублей. Великий князь, утвердив соглашение, какое хотел, 1 сентября возвратился в Москву.

Тогда же, 27 июля, воеводы великого князя Василий Федорович Образец и Борис Слепец с устюжанами и вятчанами ходили на Двину. Пришел на них князь Василий Васильевич Суздальский, брат Горбатого, с двинским войском, и был между ними бой, и разбили князя Василия. А пленников, которых привел, великий князь приказал посадить в избу, и один из них, задохнувшись, умер. (...)

В год 6980 (1472). (...) О возведении в Москве соборной церкви святой Богородицы. В ту же весну задумал митрополит Филипп воздвигнуть соборную церковь святой Богородицы в городе Москве, потому что та каменная церковь, которую заложил своими руками Петр, митрополит и чудотворец, и где лежало его тело, как написано об этом в его житии митрополитом Киприаном, обветшала. И опасаясь обрушения, уже подпирали толстыми стойками своды. Со времени ее постройки прошло сто пятьдесят лет. Так подумав и решив, митрополит позвал мастеров Ивашку Кривцова и Мышкина и начал их спрашивать, возьмутся ли они строить, потому что он хотел поставить большую и высокую церковь, подобную Владимирскому собору святой Богородицы. А мастера взялись построить такую церковь. Наложил митрополит тяготу великую: со всех попов и монастырей собирать насильно серебро на постройку церкви. А когда собрал много серебра, тогда и бояре, и купцы по своей воле дали часть своего имения на постройку церкви митрополиту. Как только собрали много серебра, начали разбирать церковь, и множество строителей собрали, и вскоре разрушили ее до земли. Мощи святого святителя Петра не выкопали, а оставили над ним часть первоначальной стены. Церковь выложили вокруг прежней церкви больше ее, а по сравнению с Владимирской шире и длиннее на

полторы сажени. И рвы выкопали, и забили сваи, как у мастеров принято. Но они не очень понимали в этом деле: известь разводили с песком жидко, а не вязко. А внутрь: ту же мелкую щебенку собирали и внутрь стены сыпали, и известью заливали, как тестяным раствором, поэтому получилось некрепко, как только тяжесть надавит на эту смесь вместо камня, линия стены искривляется.

(...) Тогда же, в тот же год, вывели строители церковь святой Богородицы до уровня порога и гробницы делали для епископов с тех же сторон, где они были раньше, Киприана и Фотия митрополитов с правой стороны друг за другом, а Феогноста митрополита в приделе святого Петра с Петром митрополитом под одной стеной. На другой год небольшую часть пола сделали и гробницы митрополитов завершили. Тогда, 29 мая, Иону нашли целым, Фотий же был цел не весь, а только ноги были в теле, а Киприан весь истлел, одни мощи. Иона исцелил хромого мальчика шести лет, сына попа Петра из церкви Иоанна Под Колоколы. Множество людей, прикладываясь к телу Ионы, набросали столько серебра, как будто в газофилакию, а митрополит все это отнял у попов на строительство церкви. Тогда же Иона исцелил и Селивана Рязанца, у которого была внутренняя болезнь. А Петра великого ночью выкопали. И обнаружив мощи его, людям не показали, а поставили ларец возле гроба Ионы, где лежит теперь Филипп митрополит, и целовали его все приходящие. Не знаю, были ли его мощи там или нет, только очень удивлюсь, если они вправду были там, чтобы такого чудотворца положили без почтения, не перенесли в другой храм. Здесь строители, работая, над ним ходили, а все осколки камня, какие есть, все на этот гроб падали. И Иону митрополита больше берегли. Но некоторые говорят, что митрополит положил мощи Петра-чудотворца в своей палате, а для народа сказал, что они возле гроба Ионы в ларце, чтобы в палаты не ходили. Немалую часть церкви и столпов вывели строители до тех пор, пока алтарь не надстроили и место для чудотворца Петра возле жертвенника не сделали.

Тогда великий князь и митрополит захотели сделать особый день и перенести Петра митрополита на то место, где он должен быть, и праздник устроить, и впредь этот день так праздновать. Но великая княгиня Мария, мать великого князя Ивана Васильевича, захотела ехать в Ростов. И, подумав, перенесли мощи его 1 июля, и праздник большой устроили, и велели Пахомию Сербу, монаху Троице-Сергиева монастыря, сочинить канон на перенесение мощей и слово написать о замысле построить церковь и об обретении чудотворца Петра, и об обретении Ионы, он и написал два канона. А в Слове написал из-за людского неверия, что чудотворца Петра нашли в теле, потому что у них, если только кто не в теле лежит, тот и не свят, а того не помнят, что голые кости приносят исцеления. И повелел великий князь по всей земле праздновать перенесение мощей чудотворца Петра 1 июля. А в церкви, там, где алтарь, до тех пор, пока закончат каменную церковь, приказали деревянную поставить, и освятили ее во имя той же церкви

Успения святой Богородицы, и пристроили к ней гроб Петра-чудотворца.

В том же году посылал великий князь Фрязина в Рим к папе свататься, потому что он рассказал ему про царевну, дочь греческого Аморейского царя Зинаиду, приходившуюся папе племянницей. Когда ее родители умерли, папа взял ее к себе и хотел выдать замуж. И великий князь послал с Фрязиным в провожатых пана Юргу, потому что он знал дорогу: идти на Новгород, оттуда к немцам и на город Венецию, а оттуда в Рим, потому что так дорога к Риму ближе. И он, прийдя в Венецию, назвался большим боярином великого князя, и был в Риме, и там с папой говорил. И папа захотел отдать царевну на Русь, а сама она, говорят, из-за христианства за великого князя захотела. Говорят, что король присылал, желая взять ее в жены своему сыну, а она не захотела, потому что он латинской веры.

И пошел Фрязин тем же путем на Венецию. А князь венецианский, посоветовавшись со своими боярами, решил идти на турецкого царя, который сидит в Царьграде и, взяв себе христианский город, в мечеть превратил великую церковь Софии, построенную Юстинианом царем. Князь не мог это сделать один и захотел поднять с собой Орду, но жители Венеции не знали, как послу идти в Орду. И, услышав, что от Руси есть путь, князь начал оказывать Фрязину почести, задаривать и уговаривать, чтобы он взял с собой его посла в Русь и велел проводить в Орду. Фрязин обещал это сделать. Взял его посла и пришел к великому князю, и все слова папы передал, и принес икону с изображением царевны, а того посла назвал великому князю купцом. Великий же князь, посовещавшись с матерью своей великой княгиней, послал привезти царевну. А тот Фрязин, достав переводчика, венецианского посла по имени Тревизан отпустил через Рязань в Орду в тайне от великого князя. Когда Фрязин выехал в Рим, тогда пришло известие к великому князю, что Фрязин привез венецианского посла и отпустил его в Орду. Тогда великий князь приказал посла взять в Рязани вместе с переводчиком и посадить в тюрьму.

Фрязин поехал в Рим, взял царевну и привез. Тогда папа вместе с ней послал много добрых людей греков, и послал с ней легата своего храма. Таких легатов, говорят, он держит семьдесят, а кардиналов двенадцать по числу двенадцати апостолов, а сам он при службе принимает имя Божие. Когда же приехал Фрязин с царевной, послал великий князь своего боярина Федора Давыдовича навстречу и приказал, у легата латинский крест отняв, в сани его положить, а Фрязина взять и ограбить. Федор это и сделал, за пятнадцать верст встретил их. Тогда легат испугался. До этого митрополит Филипп много книг изучил, выбирая тексты, и он призвал книжника Никиту поповича: одно, по его подсказке, сам говорил легату, а другое велел Никите самому сказать.

А легат ни единого слова не ответил, а сказал: «Нет со мной книг». Той же зимой женился великий князь на той царевне и венчался с ней в деревянной церкви святой Богородицы, что у гроба святого Петра. А венчал его протопоп коломенский Иосия, а здешним протопопам и духовнику своему князь не велел, потому что они были вдовцами.

Тогда не было известий у венецианского князя, дошел его посол до Орды или нет. Тогда великий князь послал к нему в Венецию Фрязинова брата, упрекая его: «Почему ты так поступил, нанеся мне бесчестье, через мою землю тайно послал посла, меня не предупредив». Брат Фрязинов Антон поехал и сказал ему все, что посол его сидит, пойманный, в тюрьме. Тот князь с Антоном передал великому князю просьбу прекратить вражду, а посла отпустить в Орду. «А если будет нужно что на снаряжение, то дай ему, а я сам заплачу», — сказал он. Тогда великий князь после разговора с Антоном посла отпустил, а с ним переводчика и дьяка, и семьдесят рублей дал ему, а сказал семьсот, и послал все получить. И дошел этот посол до Орды, звал царя в поход, а тот ничего не обещал и приказал татарам проводить посла к морю.

В том же году загорелся митрополичий двор и другие дворы возле него. Митрополит Филипп был тогда здоров, но внезапно его охватила болезнь. Тогда он оставил митрополию и, проболев недолго, преставился. На нем нашел сам великий князь вериги по всему его телу. И похоронили его в заложенной им церкви святой Богородицы, возле митрополита Ионы, и вериги над гробом повесили, они и теперь лежат, и все к ним прикладываются для исцеления.

После смерти митрополита великий князь начал узнавать, кто делал цепи. И объявился один кузнец, которого митрополит выкупил из татарского плена ковать для новой церкви, а потом велел отпустить его. Он сказал: «Я приковал одно звено к этим цепям: митрополит говорил, что они тесны ему, и велел никому не рассказывать об этом». Потом тот же мастер сказал на другой день: «Видел, — говорил он, — во сне, что митрополит Филипп идет во всем облачении на свой двор из церкви и вериги несет на руке. И я, встретив его, хотел поклониться ему, а митрополит Филипп сказал мне: “Зачем ты сказал великому князю, что приковал звено к этим веригам? Я не велел тебе говорить”. Я же сказал: “Грешен”. А он сказал: “Если спущу я тебе, ты начнешь и другим рассказывать”. И, взяв вериги, начал меня бить. Я проснулся, и оказалось, что все тело у меня изранено, и теперь я болен». И лежал месяц из-за этих ран, и помолился святому, и исцелился.

В том же году, 29 июля, поставили в митрополиты коломенского владыку Геронтия. В том же году поставили владыку в Коломну —

Никиту Семежкова. В том же году в июле обрели в церкви святого Спаса княгиню Марию, жену великого князя Семена Ивановича, нареченную в монашестве Фетиньей, совершенно невредимую телом, только риза истлела. И послал великий князь за игуменьей Алексеевского монастыря и приказал одеть княгиню в новые монашеские ризы, и ее одели. В том же году 8 августа совершилось чудо у гроба святого митрополита Ионы. Некий юноша восемнадцати лет из Переяславля Рязанского имел сухую левую руку, и пальцы этой руки были согнуты и прижаты к ладони. И во время литургии исцелился.

В год 6982 (1474).(...) В том же году, 21 мая, вечером, на третий год после закладки собора, упал этот заложенный собор, а уже начали своды выводить, иначе говоря, кровлю. Отвалилась северная стена, потому что в этой стене сделали входную лестницу на хоры, а они были высокими, на полторы сажени выше, чем во Владимирской святой Богородице, а хоры сделали над главным входом. Тогда же и хоры упали. А упала церковь в первом часу ночи, не ранив никого, строители уже ушли. А церковь вся сдвинулась от этого падения, и появились большие трещины.

В том же году было исцеление у гроба митрополита Феогноста. Некий человек в городе Москве по обычаю ходил к скудельнице, имеющейся в городе для погребения нищих. Есть обычай в четверг седьмой недели ходить туда, покупать там кутью, и свечи, и творить молитвы за умерших. Вместе со всеми пошел и этот человек. И засыпали старую яму, полную мертвых, а новую выкопали, тут же все и копают, и засыпают землей Бога ради, все горожане, мужчины и женщины. Этот человек взял в полу одежды землю из новой ямы и понес в старую, и из-за тесноты споткнулся, упал на землю и внезапно оглох и онемел. И он пробыл в этой болезни много дней, и однажды сказал ему кто-то, как во сне: «Иди завтра в соборную церковь святой Богородицы». Он и пришел и начал прикладываться ко всем гробам и чудотворца Петра, и Ионы, и Филиппа. И когда к Феогносту приложился, внезапно заговорил, и вернулся к нему слух, и он всем рассказал, как был нем и нынче обрел речь. «Когда, — говорил, — преклонился, хотел поцеловать мощи его, внезапно двинулся святой, и рукой благословил меня, и, взяв мой язык, потянул его наружу. А я стоял, как мертвый, и вдруг заговорил». И слыша это, люди удивлялись и славили Бога и Феогноста митрополита, сотворившего это чудо. И рассказали митрополиту Геронтию и великому князю, но их обуяло неверие, и они не велели по всему городу звонить и славить Феогноста митрополита, а когда потом ту, новую церковь святой Богородицы построили, заделали мощи его, закопав в землю, и покрова на каменную гробницу не положили, и теперь в небрежении гроб его.

Послал великий князь во Псков и велел прислать церковных мастеров, и их привели. Они похвалили своих предшественников за то, что они гладко строили, но побранили их за то, как они делали известь, потому что они жидко разводили, а не вязко. Тогда великий князь их отпустил, а они впоследствии построили церковь Троицы в Сергиевом монастыре, Ивана Златоустого в Москве, церковь Сретения на Поле, Ризоположения на митрополичьем дворе и Благовещения на дворе великого князя.

В год 6983 (1475). Великий князь послал своего посла Семена Толбузина в город Венецию к тамошнему князю со следующим известием: что он его посла Тревизана отпустил и много ему дал, а серебра пошло, было сказано, семьсот рублей. Приказал спросить и церковного мастера. Толбузин там был, и его почтили, и дали ему много серебра, а мастера он выбрал Аристотеля. «Много, — говорил Семен, — у них мастеров, но ни один не пошел на Русь. А этот захотел, и я урядился с ним по десять рублей в месяц давать ему. И за его умение его прозвали Аристотелем, — говорил он. — И еще, говорят, турецкий царь, сидящий в Царьграде, звал его по этой же причине». А там, говорил он, в Венеции, есть церковь святого Марка, великолепная и красивая, и ворота венецианские, работы того же Аристотеля, очень искусно сделанные и красивые. И еще, говорил Семен, показывал он ему одну свою искусную работу. Позвал его к себе в дом (дом, де, у него хороший, и палаты есть) и велел блюдо принести. Блюдо медное, на четырех медных яблоках, а на нем сосуд, как умывальник, как будто оловянный. И начал лить из него из одного на блюдо и воду, и вино, и мед — что хочешь, то и польется. А когда венецианский князь услыхал, де, о его решении, не хотел пускать Аристотеля на Русь, потому что у них не тот уже был князь, который посылал Тревизана, тот, де, умер при нем. А нового поставили не из княжеского рода и не из царского, а все люди избирали человек пять, или шесть, или десять, умных и храбрых. И велят, пометив зерна, бросить их в сосуд, похожий на ступку, а зерна белые, и велели их вынимать маленькому ребенку. Чье, де, зерно вынется дважды, того и ставят князем. И ездил, де, Семен в другой город венецианский к князю, просил его и приношения делал, и обещал дружбу великого князя, и он, де, еле отпустил Аристотеля, как в одолжение. «Говорят еще, у них лежит святая Екатерина, не знаю, та ли мученица или нет, а только святая. А город море покрывает трижды в день, если разыграется». А место, де, это, как рассказывают их старожилы и книжники, раньше было небольшим, но много достроили в море умельцы из камня там, где теперь лежит город Венеция. Говорят, что у них есть двенадцать самоцветных камней. А говорят, что к ним ветром занесло корабль с человеком, и они расспрашивали его, что у него есть, а он им не сказал, а они, де, хитростью у него выведали, отняли у него ум волшебством и забрали двенадцать камней.

Аристотель взял с собой сына Андрея и малого по имени Петруша, и пошел с Семеном Толбузиным на Русь. Он похвалил гладкость стен

храма Пречистой, но сказал, что известь не вязкая, а камень не твердый. Поэтому он делал все своды из кирпича, и сказал, что он тверже камня. И он не захотел доделывать ни хор, ни северной стены, но начал все делать снова. А ту церковь он разрушил следующим образом: поставив три столба и соединив их концы вместе, посередине на веревках повесил дубовый брус, а его конец оковал железным обручем, и, раскачивая брус, разбил стены. А под другие стены поставил поленья, подкопавшись под них снизу, и поставил их полностью на подпорки, и зажег поленья, и стены упали. И видели, как стены, которые три года делали, он развалил меньше, чем за неделю, так, что не успевали выносить камень, а Аристотель говорил, что хочет развалить ее за три дня. А книжники называли дубовый брус «бараном». Так, — говорят, — написано: таким же образом Тит разрушил Иерусалим. Аристотель приказал заново копать рвы и забивать дубовые сваи. Он ездил во Владимир и, посмотрев Пречистую, похвалил работу, и сказал: «Это работа каких-то наших мастеров». Печь для обжига кирпича он устроил за Андронниковым монастырем в Калитникове, там их делали и обжигали. Этот кирпич нашего русского уже и длиннее, и тверже, когда его ломают, то размачивают в воде. Известь Аристотель приказал густо мотыгами мешать, так, что если на утро засохнет, то ножом не расковыряешь. Святого Петра чудотворца перенесли в церковь святого Иоанна Под Колоколы. А церковь Аристотель заложил продолговатую, как палату.

В том же году загорелся город Смоленск, и сгорела половина города. В том же году турецкий царь взял Кафу и Крым. В том же году горел город Москва, и выгорело полгорода 2 октября. Той же осенью 2 октября великий князь ездил в свою отчину, и там новгородцы не дались ему на суд. Великий князь их схватил и посадил в Переяславле.

На первый год Аристотель вывел фундамент и стены выше земли. Известь разводили, как густое тесто, а мазали железными лопатками, а внутрь приказал класть ровный камень. Заложил четыре круглых столпа. «Эти, — сказал, — крепко стоят». А в алтаре два столпа кирпичных четырехугольных. А все по циркулю и линейке.

В том же году я нашел писание Афанасия Никитина, купца Тверского (…)

(…) Той же зимой, в феврале месяце, на масленицу в заговенье, в первом часу дня наступила тьма по всей земле и опять прошла. (…)

В год 6984 (1476). (...) В том же году Аристотель вывел храм Пречистой до кивотов, окружающих ее. Внутри стен все связями железными проложил, как правила на веретенах, и между столбами, там, где дубовые балки в наших церквях, выковал и положил железные. (...)

В год 6985 (1477). (...) В том же году псковские мастера заложили каменную церковь Троицы в Сергиевом монастыре. В том же году Аристотель сделал колесо, и наверх камни не носили, а цепляли веревками и поднимали, а наверху цеплялись малые колесики, которые плотники называют «белкой», ими поднимают землю на избы, и смотреть на это было удивительно. На столпы Аристотель положил 4 больших камня, и соединив кружала, одно против другого, вытесал по ним по четыре ветви на четыре стороны. И казалось, что на каменных столбах эти камни насквозь соединены.

В год 6986 (1478). (...) Когда же великий князь был в Новгороде, во Псков пришло известие, что немцы хотят напасть на Псков, и жители послали к великому князю. И великий князь позволил желающим идти на немцев. И, пойдя, воины великого князя много повоевали. И пришел против них магистр с воинами, и бились. И Бог помог воинам великого князя, и много немцев убили, много в плен взяли и вернулись. Когда великий князь был в Новгороде, пришло ложное известие в Казань, что великий князь не взял Новгорода, и побили его новгородцы, и он убежал только с четырьмя людьми раненый. И казанский царь послал свое войско на Вятку. Потом к царю пришло правильное известие, что великий князь взял Новгород и посадил своих наместников. И казанский царь послал к своему войску и велел быстро возвращаться, а они, услышав об этом, так быстро бежали, что даже еду, которую варили в котлах, побросали.

В год 6986 (1478). Послал великий князь свое войско на Казань с воеводами Василием Образцом и Борисом Слепцом на судах. И царь казанский послал с челобитьем к великому князю, а великий князь пожаловал его.

В том же году была закончена каменная церковь святой Богородицы. Аристотель сделал у нее четыре главы, а возле главного барабана ризницу, а хоры устроил возле алтаря в сторону боковых дверей, и устроил лестницу подниматься на верх церкви. Своды сделал в один кирпич и так свел, поэтому, когда дождь идет, даже капает. На пятый год церковь закончил. Пол вымостил мелким камнем, а в алтаре над митрополичьим местом за престолом вырезал в камне латинский крест, который митрополит потом велел стесать. Перед главными дверями

крыльцо вымостил камнем, и вывел свод в один кирпич, и повесил серединку на железной гирьке. А освятил церковь митрополит Геронтий. И некоторые обманщики порицали митрополита перед великим князем за то, что он ходил с крестами вокруг церкви не по направлению движения солнца. За это великий князь разгневался на митрополита, потому что, говорил он, за это посылается Божий гнев.

В том же году великий князь заложил каменную церковь Иоанна Златоуста на Посаде.

В год 6987 (1479). Великий князь ездил в Новгород и схватил Новгородского владыку, и посадил в Москве в монастыре Чуда архангела Михаила. И он сидел три с половиной года, и там умер.

И много искали, и не нашли писания об освящении церкви, ходить по солнцу или не по солнцу. А говорили много: одни архимандриты и игумены говорили в защиту митрополита, другой сказал: «В Святой Горе видел, что так же святили церковь, а с крестами ходили против солнца». И много споров об этом устроил великий князь, Геннадия архимандрита и владыку ростовского Вассиана призвал на спор. Митрополит приводил свидетельство: когда дьякон кадит престол в алтаре, то направо ходит с кадилом. А они никаких свидетельств не приводили, а говорили: «Солнце праведное, Христос, попрал Ад, и смерть связал, и души освободил, и потому, — говорили, — выходят так на Пасху и то же делают на утрени». И много спорили, и не нашли истину. В том же году родился у великого князя сын Гавриил 26 марта и дали ему имя Василий Парийский. (...)

В год 6988 (1480). (...) В том же году великий князь снял наместника Новгородских Великих Лук на Литовской границе, били челом великому князю на него лучане за его взыскания и обиды. А наместником там был князь Иван Владимирович Оболенский Лыко. Великий князь судил его с лучанами, одно ему присудил им заплатить, и он возместил им то, что взыскал, а другое великий князь приказал ему без суда заплатить, потому что лучане подали много жалоб. Одно было правдой, а в другом и оклеветали его: он мало взял, а они жаловались, что много, надеясь на то, что великий князь им потакает. А князь Иван Владимирович Лыко этого не стерпел и отъехал от великого князя к его брату Борису на Волок Ламский. А великий князь послал Юрия Шестака и велел взять князя Оболенского посреди двора у князя Бориса на Волоке. И князь Борис отбил его силой. И великий князь послал к брату Андрея Михайловича Плещеева, чтобы выдал князя Лыко ему головой, князь же Борис не выдал его, а сказал: «Если кому до него дело, то тут ему суд и тяжба». Тогда великий князь ездил в

Новгород и схватил владыку, и он послал из Новгорода грамоту в Боровск к наместнику Василию Федоровичу Образцу и велел тайно схватить Ивана Лыко там, где на него нападет. А села князя Лыко были в Боровске, и когда великий князь был в Новгороде, Василий напал на князя Ивана в его селе в Боровске и, тайно окружив, схватил, заковал и привез в Москву.

Узнав об этом, князь Борис Васильевич послал к князю Андрею Васильевичу Угличскому, своему старшему брату, жалуясь на великого князя, что такое насилие учинил над ними, что никто не имеет права перейти к ним на службу. Они смолчали, когда умер князь Юрий, их старший брат, и великому князю досталась вся его отчина, а им и удела не дал из этой отчины. Новгород Великий они взяли с ним, ему все досталось, а им и части из этого не дал. А теперь и здесь насилие чинит, кто отъедет от него к ним, тех без суда хватает: уже даже за бояр не держит своих братьев великий князь. А завещание отца своего забыл, по которому им жить, как он написал, и договор забыл, о чем они договорились после смерти отца. И решив между собой, побросали свои города и, собравшись со всеми людьми, пошли к Литовской границе. (...) Великий князь, узнав это, сильно рассердился на свою мать, думая, что она решила подговорить его братьев от него отступить, потому что она очень любила князя Андрея. И он послал к братьям в Великие Луки. (...)

В год 6989 (1481). [Поход хана Ахмата на Русь.]

(...) И ужас напал на него, и он захотел убежать с берега Оки, а свою великую княгиню Римлянку и с ней казну отправил на Белоозеро. А мать его, великая княгиня, не захотела бежать и пожелала сидеть в осаде. А с Римлянкой и с казной князь послал Василия Борисовича, и Андрея Михайловича Плещеева, и дьяка Василия Долматова, думая, что, если Бог разгневается и царь перейдет на эту сторону Оки и Москву возьмет, то они побегут к Океану морю. А в Москве он оставил князя Ивана Юрьевича и дьяка Василия Мамырева. (...)

(...) Князь великий (...) слушал своих советников, Ивана Васильевича Ощеру, своего боярина, и Григория Андреевича Мамона, мать которого князь Иван Андреевич Можайский сжег за колдовство. Это были бояре богатые у великого князя, они не думали за христиан стоять и с татарами биться, а думали бежать прочь, а христиан выдать, обрекая тем на безвременную смерть бьющихся в бою, помня только о своем большом богатстве, женах и детях. Так сбылось сказанное апостолом Павлом: «Никакой воин, связывающий себя делами житейскими, не бывает угоден воеводе. Если же кто и подвизается, не увенчивается,

если незаконно будет подвизаться, а мучен будет». А эти бояре говорили с великим князем, страх нагоняя, напоминали ему битву его отца с татарами под Суздалем, как его татары взяли и побили, как великий князь Дмитрий Иванович бежал на Кострому, а не бился с царем, когда Тохтамыш приходил. А великий князь, подчиняясь их замыслу и решению, оставив все войско на берегу Оки, городок Каширу сам велел зажечь и бежал в Москву. А великого князя Ивана Ивановича оставил там же у Оки, а у него оставил князя Даниила Холмского и сказал ему, что как только он придет в Москву, пришлет к нему, чтобы он вместе с сыном тотчас же ехал к нему.

Сам же великий князь поехал к городу Москве, а с ним князь Федор Палицкий. И когда он уже был в посаде у города Москвы, тут горожане, переносившие имущество в город в осаде сидеть, увидели его и опечалились, и начали великому князю без стеснения говорить и обвинять его, говоря: «Когда ты, государь князь великий, княжишь над нами в кроткое и тихое время, тогда с нас много взыскиваешь того, что не следует. А теперь, сам разгневав царя, дани ему не заплатив, выдаешь нас царю и татарам». Великий князь приехал в город Москву, и встретил его митрополит, а с ним владыка Вассиан Ростовский. И начал владыка Вассиан сурово говорить с великим князем, называя его беглецом. Так он говорил: «Вся кровь на тебя падет христианская, потому что ты, выдав их, бежишь прочь, бой татарам не дав и не бившись с ними. Почему боишься смерти? Не бессмертен ты, человек, смертен, а до срока нет смерти ни человеку, ни птице, ни зверю. А отдай воинов под мое начало, неужели я, старый, спрячу лицо от татар?» И много так говорил ему, а горожане роптали на великого князя, потому он не жил в городе на своем дворе, боясь злого умысла горожан схватить его, а жил в Красном селе. А к сыну посылал грамоты, чтобы тотчас он был в Москве. Сын же его мужество показал, брань отца вытерпел, а от берега не уехал и христиан не выдал. Какие грамоты ему великий князь ни посылает, а он не слушает. Тогда великий князь послал к князю Даниилу, веля, взяв его, силой привести к себе. Этого князь Даниил не сделал, а уговаривал великого князя Ивана Ивановича поехать к отцу. Тот же ответил: «Подобает мне здесь умереть, а не к отцу ехать». Дмитровцев великий князь приказал Полуекту Бутурлину и Ивану Кике перевести в Переславль, а из Москвы в Дмитров перевести строев, а посад у Москвы велел князю Ивану Юрьевичу сжечь.

А татары искали дорогу, чтобы переправиться тайно и идти набегом на Москву. И подошли к реке Угре близ Калуги и хотели перейти вброд, но их устерегли и сказали об этом сыну великого князя. Великий князь, сын великого князя, двинулся со своим войском и стал на берегу у реки Угры и не дал татарам перейти на эту сторону. А великий князь простоял в Красном селе 2 недели, а владыка уговаривал его вернуться опять на берег. И едва умолили его, и он вернулся, и стал в Кременце далеко от берега.

В то же время пришли немцы войной к Пскову и, много воевав, едва города не взяли. Слыша об этом, братья великого князя Андрей и Борис послали к своему брату великому князю, говоря: «Если ты договоришься с нами, насилия над нами учинять не будешь и будешь с нами обращаться, как с братьями, мы прийдем к тебе на помощь». Великий князь согласился на все их условия, и они поехали к нему на помощь. И, услышав, что немцы воюют под Псковом, пошли псковичам на помощь, а немцы, услышав, что братья великого князя идут на помощь псковичам, вернулись назад в свою землю. А братья великого князя, услышав, что немцы отступили от Пскова, пошли к великому князю.

А великий князь послал к царю Ивана Товаркова с челобитьем с дарами, прося милости, чтобы отступил прочь, а улус свой велел бы не разорять. А царь сказал: «Пожалую его хорошо, если сам приедет и бьет челом, как отцы его к нашим отцам ездили в Орду». А великий князь опасался ехать, подозревая измену и боясь злоумышления. Когда царь услышал, что не хочет великий князь к нему ехать, то послал к нему, говоря: «Если сам не хочешь ехать, пришли сына или брата». Великий же князь и этого не сделал, а царь послал к нему со словами: «Если и брата, и сына не пришлешь, пришли Никифора Басенкова». А этот Никифор был в Орде и много подарков дал от себя татарам, за это его любили царь и все его князья. Великий князь и этого не сделал. Царь хвастался все лето: «Даст Бог зиму на вас, все реки станут, тогда много дорог будет на Русь». С дня святого Дмитрия стала зима, реки все стали, а мороз был сильный, каких не видали. Тогда царь испугался и побежал прочь с татарами 11 ноября, потому что татары были наги и босы, ободрались. И царь прошел Серенск и Мценск. И услышав об этом, великий князь послал узнать, и все подтвердилось, как ему сказали. И приехали к нему братья, а он помирился с ними и дал князю Андрею Можайск, а князю Борису все делярные села Василия Ярославича. (...)

В год 6989 (1481). (...) В том же году владыка Ростовский Вассиан дал сто рублей мастерам иконописцам Дионисию, да попу Тимофею, да Ярцу, да Коне, чтобы они написали Деисус для новой церкви святой Богородицы, и написали Деисус совершенно прекрасный, а также Праздники и Пророков. (...)

В год 6990 (1482). (...) В том же году приезжал из Литвы на митрополию некий человек, бывший здесь чернецом, — его прозвали Сатаной за прыткость. И он, пойдя в Царьград, был там поставлен в русские митрополиты и приехал в Литву, а король схватил его и посадил в заточение. И от его имени посланец сказал великому князю:

«Много, — говорил он, — мощей я вез тебе от патриарха, а король все забрал себе». А великий князь долго держал у себя этого пана и отпустил, сказав: «Ни поднимать войско, ни воевать с королем из-за этого я не стану».

В том же году умер царь турецкий Мустафа, а царство свое завещал своему сыну, который владел Самсуном.

В том же году был мятеж в Литве: захотели владетели Гольшанский, и Олелькович, и князь Федор Бельский отделить литовские земли по реку Березину и отдать их великому князю. Один человек выдал их, и король Гольшанского взял, да и Олельковича, князь же Федор Бельский прибежал к великому князю. Он только что женился и одну ночь спал с женой, и, оставя ее, прибежал в Москву, а его княгиню король схватил. Великий князь много раз посылал к королю, прося, чтобы он отдал ее, а король ее не отдал. В том же году великий князь заложил каменную церковь Сретения Богородицы на Поле.

В том же году был спор митрополита с великим князем из-за того, что когда митрополит освящал соборную церковь, ходил не по солнцу с крестами вокруг церкви. Митрополит уехал в Симонов монастырь, а посох свой оставил в церкви, только ризницу взял. Думал же он так: если великий князь, приехав к нему, не станет бить ему челом и не оставит своих споров о том, чтобы обязательно по солнцу ходить, то он навсегда оставит сан митрополита и будет жить в келье. Потому так было, что много построенных церквей своих великий князь год не велел святить, Иоанна Златоустого на Посаде, каменную церковь, и церковь Рождества в городе, и придел святого Онуфрия, и других много, до тех пор, пока не сойдутся на одном. Но все священники, и книжники, и монахи, и миряне говорили в пользу митрополита, а за великого князя мало кто был, только ростовский владыка князь Иосаф и архимандрит Чудовского монастыря Геннадий. Когда митрополит был в Симоновом монастыре, великий князь послал к нему своего сына, моля его, чтобы возвратился на свой престол, а он не послушал его. Великий князь, сам поехав, бил ему челом, умоляя, чтобы возвратился на свой престол, а себя во всем виноватым признал, и митрополита обещал во всем слушать, и дал ему ходить вокруг церкви по своей воле, как он велит, как было в старину. А устава не учредили. И митрополит вернулся на свой престол.

В том же году посылал великий князь князя Ярослава Оболенского и князя Ивана Васильевича Булгака с дмитровцами и боровчанами войной на немцев, чтобы псковичам помочь. И, воюя, взяли в городе

Феллине две линии укреплений, а с жителей третьей взяли выкуп и привели много пленников.

В тот же год 6990 (1482). Сгорела икона Одигитрии в Москве в каменной церкви святого Вознесения, чудная святая икона Богородицы греческого письма, сделанная по образцу чудной цареградской иконы, которая во вторник и в среду исходит на море. Только само изображение сгорело да оклад, а доска осталась. И написал Дионисий иконописец на той же доске тот же образ. В том же году случилось, что погорел Великий Новгород и сгорело полгорода.

Той же зимой было навечерие Крещения в воскресение, и архимандрит Чудовского монастыря Геннадий по своей воле приказал братии воду богоявленскую, поев, пить. В уставе же написано: литургию отпев, вкусить по куску хлеба и по чаше вина в церкви, и вечерню начинать, и воду святить. О питье же не сказано, когда воду пить. А митрополит прислал взять Геннадия силой и привести, а он убежал к великому князю. Митрополит сам пошел к великому князю и много говорил против Геннадия: «Во-первых, самовластно, — сказал митрополит, — все учинил, меня не спросив. Во-вторых, — сказал, — такую священную воду обесчестил, которую святые отцы оглашенным вместо причастия велели только на Пасху пить, а тем, кто не кается в это время, на Крещение пить до вкушения доры, а Геннадий приказал пить, поев». Тогда великий князь выдал его митрополиту, а митрополит приказал его сковать и посадить в ледник под палатой. А великий князь со своими боярами выпросил ему прощение у митрополита, приводя свидетельство: когда Ростовский владыка Феодосии в Ростове приказал так же мясо есть в навечерие Богоявления, потому что оно пришлось на субботу, и митрополит Иона, который теперь чудотворец, взыскав с него, когда он покаялся, простил его и повелел больше так не поступать, а в грехе том каяться до смерти. В том же году начали разбирать церковь Благовещения на площади, сняли главу и покрыли лубом.

В том же году великий князь начал готовить войну, на Казань хотел идти. Воевод же своих великий князь перед собой и своим войском послал, и Аристотеля с пушками, а сам великий князь со всем своим войском стал во Владимире. А воеводы и Аристотель с пушками дошли до Нижнего Новгорода, туда же Казанский царь прислал с челобитьем, а великий князь его пожаловал и возвратился.

В том же году король прислал Богдана, прося себе Великого Новгорода и Великих Лук. А еще сватался великий князь к волошскому воеводе Стефану, прося дочь его Елену в жены своему сыну, а ездили к Стефану

Андрей Плещеев и Иван Зиновьевич, а король не хотел их пропустить. А великий князь послал к Менгли-Гирею Крымскому и приказал ему идти войной на земли короля. А Менгли-Гирей со своим войском взял Киев, всех людей в плен увел, а наместника Киевского увел с собой с женой и детьми. Много зла сделал, Печерскую церковь и монастырь разграбил, а некоторые бежали в пещеры и там задохнулись. А золотые сосуды служебные из собора Великой Софии, потир и дискос, царь прислал великому князю.

В год 6991 (1483). Заложил кирпичную церковь Святого Спаса игумен Чигас за Яузой. В том же году перед Рождеством Христовым привели дочь Стефана воеводы Елену из Валахии в жены сыну великого князя Ивану, а ездили за ней Андрей и Петр Михайловичи Плещеевы через земли короля. А король прислал ей, когда она ехала, подарки из Новогрудка Литовского. В том же году врач, некий немец Антон, приехал к великому князю, а его прежний великий князь держал его в великой чести. Антон лечил Каракучу князя, служившего царевичу Данияру, и уморил его смертным зелием за насмешку. Великий князь выдал Антона сыну Каракучи, а он, пытав врача, захотел взять с него выкуп, а великий князь не велел, а велел убить его. Они же, выведя Антона на Москву реку под мост зимой, зарезали его ножом как овцу. Тогда же Аристотель, боясь той же участи, начал проситься у великого князя домой, а великий князь схватил его и, ограбив, посадил на Антоновом дворе за церковью святого Лазаря.

В том же году новгородский епископ Феофил, сидя в заточении, оставил епископство по принуждению великого князя. И выпустил его великий князь, и приказал ему жить в монастыре Чуда архангела Михаила. В том же году чудовский архимандрит заложил каменную трапезную, а старую разрушил. В том же году великий князь разобрал церковь Благовещенья с росписями на своем дворе до сокровищницы и до подклета и заложил сокровищницу возле этого подклета и кирпичную палату с погребами. (...)

В год 6993 (1485). (...) В том же году великий князь собрал много войска и пошел на Тверь, а с ним сын его князь Иван и его братья, князь Андрей Углицкий, князь Борис Волоцкий, и князь Федор Бельский, и Аристотель с пушками, и с тюфяками, и с пищалями, и было это 21 апреля. (...)

ЛАОДИКИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КУРИЦЫНА

Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

«Лаодикийское послание» — памятник, непосредственно связанный с новгородско-московской ересью (так называемой «ересью жидовствующих»). О характере этого движения мы знаем довольно мало. Конкретные обвинения еретиков в иудаизме («жидовстве») появились относительно поздно — в «Просветителе» Иосифа Волоцкого начала XVI в., составленном уже после того, как ересь была побеждена и шла речь о наказании еретиков (простые еретики, отрекшиеся от ереси, не подлежали смертной казни, а «отступники» — «жидовствующие» в любом случае могли быть сожжены). В более ранней «обличительной» литературе обвинения имели довольно неопределенный и смешанный характер (см. в наст. т. «Послание Геннадия Иоасафу»). Можно полагать, что движение не было единым: новгородские еретики (осужденные в 1491 г.) выступали против иконных изображений Троицы (возможно, вообще против икон) и церковной иерархии, а московские, «начальником» которых считали Федора Курицына, — против авторитета византийских «отцов церкви» (которых они противопоставляли Библии) и института монашества и монастырей-землевладельцев.

Сочинения еретиков до нас почти совершенно не дошли; несколько рукописей, связанных с ними, представляют собой книги не сочиненные, а лишь переписанные. «Лаодикийское послание» — редчайшее исключение. В цифровой тайнописи, которой завершается послание, указаны имя, родовое прозвание (фамилия) и «действо» (профессия) человека, «приведшего» (доставившего или переведшего) этот памятник; оно расшифровывается как «Феодор Курицын диак». Речь, несомненно, идет о видном сподвижнике Ивана III, дьяке, ведавшем посольскими делами («министре иностранных дел») при великом князе. О еретичестве Федора Курицына и его большом влиянии на Ивана III писали и Иосиф Волоцкий, и архиепископ Геннадий Новгородский. Федор Курицын занимал свой пост вплоть до 1500 г.; в 1502 г. его покровители при дворе Ивана III (внук Ивана III Дмитрий и его мать Елена) были лишены власти и заточены, а в 1504 г. был казнен брат Федора Курицына Иван Волк; судьба самого «начальника» московских еретиков осталась неизвестной. «Лаодикийское послание» сохранилось в рукописной традиции (с конца XV по начало XVIII в.), по-видимому, потому, что зашифрованная подпись автора была понятна не всем книгописцам.

Большинство списков памятника состоит из трех частей: 1. Философского введения, построенного так, что каждое его изречение начинается с того слова, каким оканчивалось предыдущее («Душа самовластна, заграда ей вѣра. Вѣра — наказание, ставится пророкомъ. Пророкъ...» и т. д.), образуя девять или десять строк стихотворения, 2. Особой таблицы — «литореи и квадратах» и 3. Подписи Курицына. Литературное значение имеет, в основном, первая часть

«Лаодикийского послания» — философское стихотворение; текст второй части мы в настоящее издание не включаем.

Полный текст «Лаодикийского послания» (по трем версиям) публиковался в книге: *Казакова Н. А.* и *Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, с. 265—276.

В наст. изд. текст публикуется по одному из древнейших списков (70-х гг. XVI в.) — РНБ, Q.I. 1468, л. 139 об.—140; отсутствующий в этом списке конец (от слов: «От роду же прозывается...») по списку XVI в. — РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 21/1098, л. 7.

ОРИГИНАЛ

Душа самовластна,[1] заграда ей *вѣра**[2]***

Вѣра — наказание, ставится пророкомъ.[3]

Пророкъ — старѣйшина, исправляется чюдотворением.[4]

Чюдотворения даръ мудростию усилѣетъ.[5]

Мудрости — сила, фарисѣйство — жительство.[6]

Пророкъ ему наука, наука преблаженая.

Сею приходимъ въ страх Божий.[7]

Страх Божий — начало добродѣтели.[8]

Симъ вооружается душа <...>[9]

Иже аще кто хощетъ увѣдати имя приведшаго Лаодикийское послание: [10] дващи четыре со единымъ; и дващи два со единымъ; седмьдесятия по десяти и десятия по десяти, царь; и дващи два; и шестиа по десяти со единою десятию; десятиа по пяти и пятия по десяти, еръ скончеваетъ. В сем же имени словъ седмерица, царь и три плоти и три души.

От роду же прозывается:[11] десять и дващи по пяти; тридцатья по десяти и дващи по пятидесят; девятьа по десяти и дващи по пяти; и дващи три з двѣма; осмьдесятьа по десяти и девятьа по девяти и дващи девять со единым; три дващи со двѣма; четыре по пяти и пятиа по четыре со единою десятию, совершается ером. Четыре столпы, и четыре приклады.

От дѣйства же:[12] трищи со единым; и дващи четыре; и единъ; трищы пять и дващи два со единым, навершает ером. Двѣ плоти, и двѣ души и самодержец, во ино время и оживление творит.

---

[1] *Душа самовластна...* — Вера в самовластие души (свободу воли) не противоречит ортодоксально-церковным воззрениям; представление о свободе воли было основой идеи об ответственности человека за его грехи. Однако специальное подчеркивание тезиса о «самовластии» у ряда авторов XV—XVI вв. вызывало возражение официальных идеологов («Валаамская беседа», послания королю Сигизмунду II Августу, сочиненные Иваном Грозным), настаивавших, что в мире, со времен Адама, «везде несвободно есть». В близком к «Лаодикийскому посланию» памятнике, «Написании о грамоте», воплошением «самовластия» объявлялась «грамота»: «грамота есть самовластие, умнаго волное разумение».

[2] *...заграда ей вѣра.* — «Заграда» в большинстве древнерусских памятников означает «ограду» — нечто, охраняющее двор, загон и т. д. Неправы поэтому были авторы XIX в., считавшие, что Федор Курицын, приводя эти слова, выступал против «веры», считая ее преградой для «самовластной души» — скорее, он считал ее оградой души.

[3] *Вѣра — наказание, ставится пророкомъ.* — Автор считает пророка установителем (источником) вероучения; это также не противоречит ортодоксальным взглядам, хотя обычно в средневековой церковной литературе предполагалось, что учения пророков воспринимаются верующими не непосредственно, а через Священное писание.

[4] *Пророк — старѣйшина, исправляется чюдотворением.* — «Исправляться» может означать «направлять(ся), а также «разузнавать(ся), исследовать»; очевидно, в данном случае дар чудотворения объявляется свойством пророка, по которому он может быть узнан, или направляющей его силой. Р. Штихель усмотрел в ссылке на пророков (как и в других местах памятника) черты сходства с раннехристианским сочинением II в. н. э. — «Διδαχή» («Поучением апостолам»).

[5] *Чюдотворения даръ мудростию усилѣетъ.* — Как отметила Ф. Лилиенфельд, мысль об усилении (поддержании) чудотворческого дара мудростью не обычна для святоотеческой литературы — она встречается лишь в ранних памятниках христианской святоотеческой литературы.

[6] *Мудрости — сила, фарисѣйство — жительство* (в других списках: «житие фарисейску»). — Это одно из наиболее сложных и спорных мест памятника. Обычно в древнерусской литературе слово «фарисейство» имело отрицательный смысл, свойственный евангелиям (неискренняя, внешняя религиозность). Но встречалась и иная оценка — например, гонитель еретиков архиепископ Геннадий с одобрением говорил о фарисеях, как о благочестивых людях, признававших «воскрешение мертвых» (в отличие от саддукеев); аналогичное понимание встречается и в переводных памятниках — «Хронике Амартола», «Аристотелевых вратах» и т. д. Считал ли автор «Лаодикийского послания», что для приобретения «мудрости» следует вести строгую жизнь фарисеев, или, напротив, полагал, что с мудростью связано фарисейское лицемерие? Возможно еще третье понимание комментируемых слов (А. И. Клибанов): мудрости принадлежит «сила», а фарисейству только «жительство» (внешний порядок жизни, πολιτεία).

[7] *Сею приходимъ в страх Божий*. — Понятие «страха Божия» восходит к Библии: «начало премудрости — страх Господень» (Пс. 110, 10; Притч. 1, 7; 9, 10). В «Написании о грамоте» указывалось, что «человеци приходят в страх Божий» грамотой.

[8] *Страх Божий — начало добродѣтели*. — Дословная цитата из сочинений византийского «отца церкви» Иваака Сирина («Слова подвижнические», слово 1-е), в свою очередь, восходящая к приведенной выше библейской цитате.

[9] *Симъ вооружается душа...* — Далее в «Лаодикийском послании» помещена «литорея в квадратах» (в настоящем издании мы ее опускаем) — своеобразная таблица, в каждой клетке которой помещено по две крупно выписанных славянских буквы и грамматический комментарий к ним. Завершается таблица своеобразным послесловием: «Сие послание чтуще, разумети толкование его, да тако писати божественна книги прямо и гладко». Смысл такого построения таблицы неясен. Помещение двух букв в каждой клетке может дать ключ к шифру, комментарий к буквам мог служить своеобразной грамматической энциклопедией (гласные и согласные, указания на

особенности сонантов и т. д.), некоторые из пояснений к буквам могли также отражать своеобразную алфавитную мистику (кабалистический смысл букв), характерную для средневековья (Ф. Лилиенфельд). Один из рядов букв соответствует ключевым буквам пасхального ряда, обозначающим дни переходящего праздника Пасхи.

[10] *Иже аще кто хощетъ увѣдати имя приведшаго Лаодикийское послание...* — Далее следует цифровая тайнопись (Θеωдор). Гласные буквы именуются «душами»; согласные — «плотями», ер именуется «царем». Слово «приведший (приведший)» могло означать и «доставивший» («привести, приведу») и «переведший» («прѣводити, привожу», — в частности, с одного языка на другой). Памятник, аналогичный «Лаодикийскому посланию», в греческой и иной письменности, доступной русскому переводчику, не обнаруживается. Высказывалось предположение (Кемпфер, Штихель, Де Микелис), что приписка Федора Курицына о переводе «Лаодикийского послания» первоначально не была связана со стихотворно-философским введением («Душа самовластна...») и с «литореей в квадратах» и соединилась с ними позже — при переписке. Однако все эти три части сосуществуют уже в рукописной традиции начала XVI в. и бытовали вместе еще до разделения памятника на два известных нам типа — пасхальный и грамматический. Мы можем поэтому рассматривать «Лаодикийское послание» Федора Курицына как единый памятник, состоящий из философских «стихов», «литореи» и подписи Курицына.

[11] *От роду же прозывается...* — Далее тайнопись (Курицын). Гласные именуются «прикладами», согласные — «столпами».

[12] *От дѣйства же...* — Далее тайнопись (диак). Гласные — «души», согласные — «плоти», ер — «самодержец».

ПЕРЕВОД

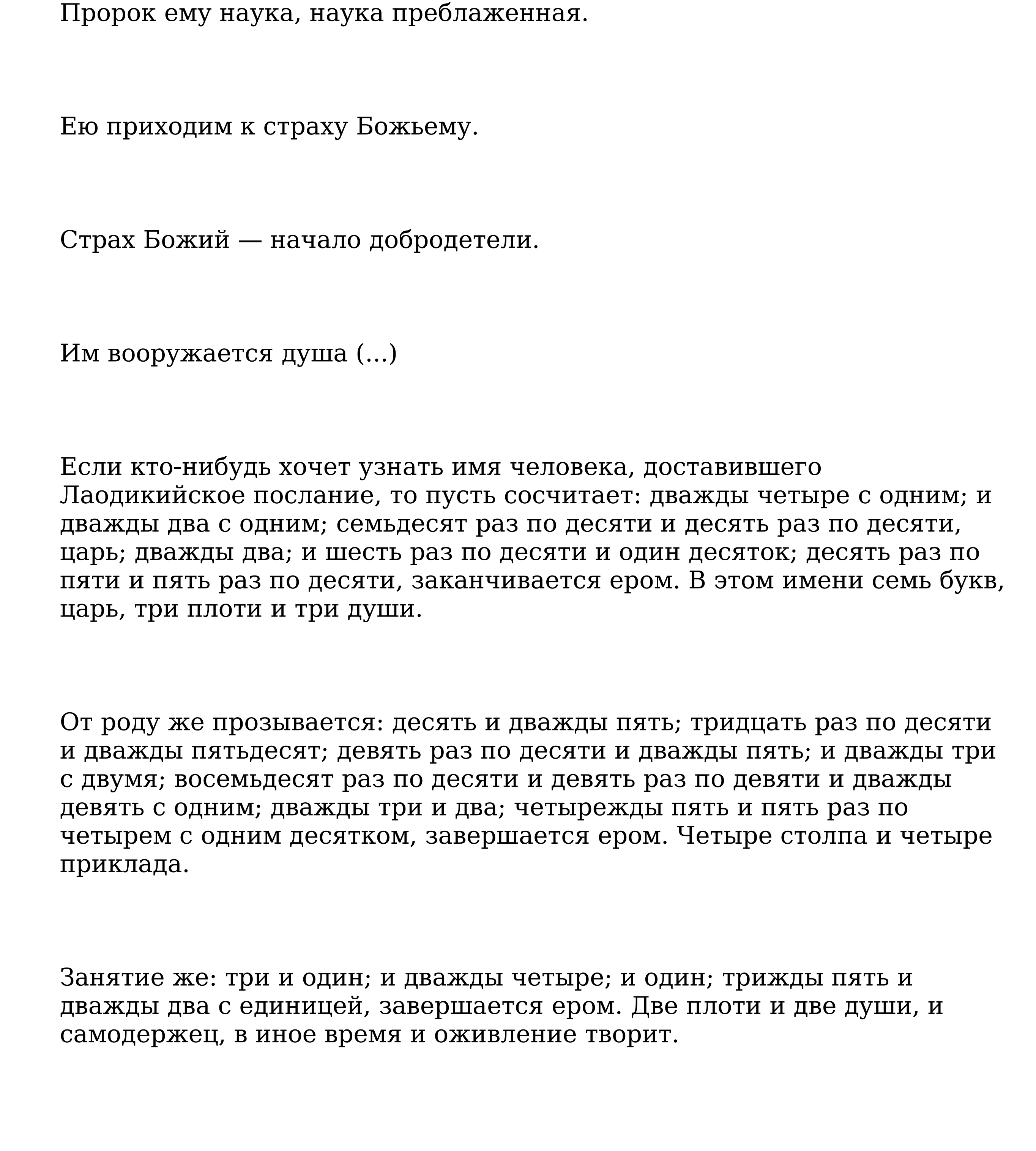
Душа самовластна, ограда ее — вера.

Вера — наставление, устанавливается пророком.

Пророк — старейшина, направляется чудотворением.

Чудотворения дар поддерживается мудростью.

Мудрость — сила, фарисейство — образ жизни.



Пророк ему наука, наука преблаженная.

Ею приходим к страху Божьему.

Страх Божий — начало добродетели.

Им вооружается душа (...)

Если кто-нибудь хочет узнать имя человека, доставившего Лаодикийское послание, то пусть сосчитает: дважды четыре с одним; и дважды два с одним; семьдесят раз по десяти и десять раз по десяти, царь; дважды два; и шесть раз по десяти и один десяток; десять раз по пяти и пять раз по десяти, заканчивается ером. В этом имени семь букв, царь, три плоти и три души.

От роду же прозывается: десять и дважды пять; тридцать раз по десяти и дважды пятьдесят; девять раз по десяти и дважды пять; и дважды три с двумя; восемьдесят раз по десяти и девять раз по девяти и дважды девять с одним; дважды три и два; четырежды пять и пять раз по четырем с одним десятком, завершается ером. Четыре столпа и четыре приклада.

Занятие же: три и один; и дважды четыре; и один; трижды пять и дважды два с единицей, завершается ером. Две плоти и две души, и самодержец, в иное время и оживление творит.

ПОСЛАНИЕ ГЕННАДИЯ ИОАСАФУ

Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Послание Геннадия Новгородского Иоасафу Ростовскому — один из наиболее ранних и интересных памятников полемики против новгородских еретиков конца XV в. Написанное в 1489 г., после вынужденного ухода Иоасафа с архиепископского престола, оно отражало тот момент в борьбе Геннадия с еретиками, когда ему уже удалось добиться (в 1488 г.) наказания нескольких новгородских еретиков за иконоборчество, но не удалось вызвать доверия в Москве к более широким обвинениям против еретиков. Геннадию, по его словам, стало казаться даже, что «Новъгород с Москвою не едино православие». Смущала Геннадия и неожиданная и недостаточно мотивированная отставка его собрата по иерархии — Иоасафа Ростовского. Но главным предметом тревоги был для Геннадия вопрос о конце мира, который русские книжники того времени, и в числе их сам новгородский владыка, ожидали в 1492 г. (7000-й год от «Сотворения мира»). Вера в неизбежное наступление конца мира в 1492 г. была настолько распространена в то время, что даже пасхалия (таблица для определения праздника Пасхи) была доведена только до 7000 года. Еретики не верили в конец мира и надеялись («себе надежно чинят») на торжество своих идей после 7000 года. В послании Геннадий пытается уяснить основания этой еретической «надежды» и дать собственный ответ на вопрос о ближайших судьбах мира и человечества.

Прямой целью послания было также привлечение к борьбе с еретиками видных церковных деятелей того времени — Паисия Ярославова и Нила Сорского. По отношению к Нилу Сорскому эта цель была, по-видимому, достигнута: есть основания предполагать, что Нил Сорский участвовал в создании главного сочинения против еретиков, составленного в начале XVI в. — «Просветителя» Иосифа Волоцкого.

Адресованное дружественному читателю и не имевшее такого однозначно «обличительного» характера, как более поздние сочинения Иосифа Волоцкого против еретиков, послание Геннадия Иоасафу было написано разговорным языком с просторечными оборотами и введением прямой речи упоминаемых в послании лиц.

Послание Геннадия Иоасафу публикуется по единственному списку, в котором оно читается: РГБ, ф. 304 (Троицкое собрание), № 730, лл. 246—253 об., с одним исправлением по смыслу.

ОРИГИНАЛ

Генадие, милостию Божиею архиепископъ Великого Новаграда и Пъскова,[1] святѣйшему и боголюбивому о Святѣмъ Дусѣ Иосафу, бывшему архиепископу ростовьскому и ярославьскому,[2] достойную и духовную любовь сим нашим писаниемь въспосылаем боголюбию твоему, яко да будеши въ здравии всесвященнѣ и духовнѣ и телеснѣ.

Мню, яко не невѣдомо твоему святительству церковный раздор от еретичьскаго нападениа, что есми посылал подлинникы великому князю, да и митрополиту, отцу его, и митрополит, деи, то и вам являл, тѣ великие скръби, иже от начала не бывали в Руской земли. А и тамо въ Цариградѣ, отнеле же Константин Великый пръвый съборъ съвокупи на Ариа,[3] оттолѣ смѣсь была до Феофила иконоборьца,[4] православныя цари, да и еретики *были*, ино православных же болши было: православных было 30 без одного, и еретиков было 12, и съ Феофилом иконоборцем; и какъ Михаил православный[5] Феофилов сынъ, учинил православие, той бысть от прьваго царя Константина 43-й православный царь. И оттолѣ всѣх тѣх царей православных было от Михаила до Калуяна царя[6] — 42, а ни при одном не было дрьзновениа жидовьскаго и еретичьскаго въ Цариградѣ и до сѣх местъ. А отнеле же князь велики Володимеръ Киевьскый крестил всю землю Рускую, а тому 500 лѣт с лѣтом, а того ни в слуху не бывало, чтобы быти в Руси какой ереси.[7]

И какъ избрание сътвори господинъ нашь и отець Геронтей митрополит всея Руси с вами, архиепископы и епископы, и еже о нем священный съборъ, и съ благоволением и с совѣтом сына своего, государя нашего великаго князя Ивана Васильевичя всея Руси, послали мене на архиепископью[8] Великаго Новагорода и Пьскова, не по моему достоиньству, еже не ослушати ми ся было своего господина и отца Геронтиа митрополита всея Руси. И обрѣтох здѣсе новугородскых еретиковъ, жидовьскаа мудрьствующих, покрыты же суть онѣхь еретикъ клятвеною укоризною, марькианьскиа глаголю и месалианскиа.[9] Сии бо, егда въпрашаеми, от своих велѣний отметници бывают, и безстудно и усръдно кленутся, и проклинают вся тако мудрьствующаа или мудръствовавших, и ротятся без страха, яко таковаа повелѣниа ненавидящим. Сице и сии еретици говорят явьственно и учат православное христианство своей злобѣ, и какъ их спроси, и онъ говорит: «Яз, деи, православной христианинъ», а того всего своего лихово дѣла запрѣлся. Ино то в них не одно июдейство — смѣшано с месалианскою ересью: сиа главы в правилѣх у себе изнайдешь,[10] а то ми накрѣпко высказал их товарищь поп Наум.[11] Да и псалмы ко мнѣ принесъ, по чему они себѣ правили по жидовскы.[12] И тѣ яз псалмы послал к митрополиту же съ подлинником.

Да потом государь мой князь великый приказал своим бояромъ, Якову да Юрью Захариичем,[13] со мною и своим богомольцемь обыскати того накрѣпко. И как мы тѣх еретиковъ велѣли пред собою поставити, и они тѣ всѣ своих дѣйствъ позапрѣлися да почали съ безстрашиемь клятись, а называют ся христиане православные. Ино было как то все увѣдати по их клятвѣ, как они отмѣтаются своих велѣний? И попы их завтрокавъ и пивъ до обѣда, обѣдню служат. А что они кленутся без страха, а то въ 19 главѣ тѣх же ересей месалианскых явлено.[14] А что недостойно

служать божественую литургию, а то явлено въ 12 главѣ тѣх же ересей. [15] Да что ни есть ересей месалианскых, то все они мудрьствують, толко то жидовскым десятословиемь людей прелщают, яко чествующе мнятся.[16]

Да та прелесть здесе распрострелася не токмо въ градѣ, но и по селом. А все от поповъ, которые еретики ставились в попы. Да егда будут где православных, и они таковых же себе являют. Аще ли видят кого от простых, и они готова себѣ на ловъ имѣют. Да того ради и в попы ся ставят, чтобы кого, какъ мощно, въ свою ересь привести, зане ж уже дѣти духовныя имут дръжати. И кто будет вѣрою огражденъ и въ православии христианства крѣпокъ, и они того таятся, а ему таковы ся являют. Аще ли кто слабъ, и лѣностенъ, и удобь къ грѣховному игу прекланяем, сего они, яко слаба, отступника вѣрѣ проказуют и приимают его въ свою ересь. Да что он согрѣшил, или блуд, или прелюбодѣйство, или ины грѣх сътворилъ, то удобь пращают, церковным каноном не послѣдующе. Аще ли пакы кто от православных въ обличение въсхощет стати на них про их ересь, и они отметници бывают своих ересей, да и проклинают всѣх таковаа творящих, да и ротятся без страха. А сами то творят, да грѣха себѣ в твой клятвѣ не ставят. Ино как же их мощно было доити, аще бы князь великый не приказал своим бояромъ со мною, своим богомолцем, того обыскати? И молитвами пречистыя Богоматере и его государьскою грозою, съ его бояры, съ Яковом да съ Юрьем Захариичи, того есмя обыскали накрѣпко, да и явьственно то учинили своему государю великому князю, да и отцу своему митрополиту, да и вамъ, своей братии, архиепископом и епископом. И какъ мню, нынѣ вы положили то дѣло ни за что, какъ бы вам мнится, Новъгород с Москвою не едино православие;[17] не поболѣзновали есте о томъ ни мала!

Ты будешь нѣчто оскорбленъ от кого в телѣсном дѣлѣ, да оставил архиепископью, да предал еси овци влъком на расхищение, а слыша таковую бѣду церковную. А гдѣ бы в то врѣмя тръпѣниемь великим въоружитись, аще бы что и пострадати за православие душевныя ради ползы, чая от Господа Бога за то мьзду восприати! Да понезазриши ми, что есми къ твоему боголюбию писал, поминаа рекшаго: «Дай премудрому вину, премудрѣе будет, обличай премудраго, възлюбит тя». [18] Да и се въ слух мой пришло, что, деи, посылал по тебе князь великы, и не одинова, и ты, деи, не поѣхал к нему, а моглъ бы еси и тамо крѣпость свою подрьжати, за что будешь оставил архиепископью, а государьское бы еси сердце не ожестил. Да не мни: то мал грѣх сътворил еси. Что ся ни учинит пакость какова христианьству въ твоей архиепископии, или бы еси церкви каковую управу учинил в ту пору, ино то все на твоей головѣ легло. Да однова нѣчто государь князь великый въспалу учинит и на монастырь тебе же для, ино тебѣ и за то отвѣтъ дати. Да не позазриши ми о том, что тебѣ писал, сердечнѣ жалуя того, что однова от Бога за то въ грѣсѣ будешь. Занеже иной тебѣ того стыдится млъвити или не смѣет; а многы люди добрые духовные тому

зазрять, — а яз то от слуху же слышелъ. И толко то будет такъ се, и яз совѣтъ тебѣ даю, однова нѣчто Богъ положит государю на сердце, пошлет по тебе, и ты бы ся никако не ослушал, тамо пакы приѣхавъ к нему. Какову себѣ крѣпость хочешь о своемъ дѣлѣ, тако учинишь, толко бы ся князь великы у тебе того не опросил.

А нынѣ бы еси о государѣ о великом князи Бога молилъ, чтобы государю Богъ положил на сердце, чтобы управил церковь Божию, а православное бы христианьство от еретичьскаго нападаниа, от тѣх еретиковъ, жидовьская мудрьствующих, непоколѣбимо было. Понеже образу Господа нашего Исус Христа и Пречистыя его матери наругалися![19] А слышел еси в подлинникѣ, како о них писано.

Да чтобы еси послал по Паисея, да по Нила,[20] да с ними бы еси о том посовѣтовал: «Преидут три лѣта, кончается седмая тысяща». Ино и яз слыхал у Алексѣя: «И мы, деи, тогды будемь надобны».[21] Ино еритици себѣ надежно чинят!

Да и Шестокрилъ[22] есми училъ того для, и обрѣтох в нем ересь: числа поставлены — от Адама 200 и 70 и 6 девятнадесятиць![23] Нынѣ идеть шестаа девятнадесятица, по чему жидова лѣта чтут. Ино то учинили на прелесть христианьскую. Хотять рещи: «Лѣта христианьскаго лѣтаписца скратишась, а наша пребывают!» А то хотят ту прельсть явити, како изойдеть наша паскалиа. Занеже я испытно Шестокрил прошелъ, да и написанъ у мене. Ино тѣ числа, что проставлены, 276 девятнадесятниц, лѣт будеть от Адаама до сѣх мѣстъ 5000 и 200 и 28.[24] И потому ино у них еще пришествиа Христова нѣтъ, ино то они ждуть Антихриста. Ино прелесть великаа!

А Еуангелие кончины не явлено, когда будеть. Да и Енох праведны[25] писал сице: «Преж даже вся не быша, постави Бог вѣка тварнаго, и потом сътвори всю тварь видимую и невидимую, и по всѣм томь създа человека въ образ свой. И тогда раздѣли Богъ вѣкъ человека ради на времена, на лѣта, и на месяци, и на дни, и на часы, — и да разумѣет человекъ временъ премену и чтеть своеа жизни конець. И егда скончается вся тварь, юже сътвори Господь, тогда времена погибнут, и лѣта не будеть к тому, дние и часы не почтутся. Но станеть вѣкъ единъ, и вси праведници убѣжат Суда великаго и прикупятся велицем вѣцѣ, и вѣкъ велик прикупится праведницѣх», и прочаа. И яз нашел в писании, что которой царь по котором был, и колко лѣт которы царь жил, также которой патриархъ по котором был, да колко кто лѣт жил. А пишет их епископы, а не патриархы.[26] Ино написано сице: мирских лѣт 5000 и 600 и 21, а от божественаго въплощениа лѣт 121, римьскы епископъ 9 Угиинъ[27] лѣта 4, а Ерусалиму епископъ четвертыйнадесять Иосифъ,

лѣта два, таче Иерусалиму же епископъ 15 Июда, тѣ были крещены от июдей при том Июде Андрѣяномь, конечное и послѣднее плѣнение градное и жидовское бысть. Да по сем пръвый епископъ Марко лѣт 8 был, от языкъ необрѣзаных. Ино тамо писано: лѣт 5000 и 600 лѣт и 21, в неже лѣто и плѣнение их бысть послѣднее. И оттолѣ до сѣх мѣсть 400 лѣт, да 1000 въ гнѣвѣ Божии пребывають. Да аще к тому безстудствують, развращающе наше православие, якоже о них писано: «Ни сами входяще, ни хотящих внити оставляюще». Да что которые лѣта у нас украли еретици жидовьскыми числы, и в тѣ лѣта которые цари, или папы, или патриархи, писаны по именомь, ино тѣх где вмѣщати?

Ино надобѣ о том подвигь великъ дръжати, егда скончаются лѣта, а животом еще прцбавитъ Богъ миръ. Ино то еретикомъ, жидовьскаа мудрьствующимь, будеть дръзость, а христианству будеть спона велика. А списавы «Зръцало»,[28] то яко гаданиемъ положи 7000 лѣт, глаголя сице: «По домыслу убо рѣша мнози, глаголюще: понеже въ 6 дней сътворенъ бысть миръ сей, и скончаваемѣ убо шестой тысящи быти и скончание миру: слъгаша же тии, рече. Глаголють же пакы друзии, яко понеже есть седмориченъ настоящий сѣй вѣкъ, лѣпо есть пребыти миру, дондеже и седмаа тысяща скончается, якоже Соломонъ реклъ есть: даждь чясть убо седмым, и тогда осмому, седмь бо вѣк дѣланиа, осмы же будущаго вѣка образ носить.[29] Но и се речение не благословно ми мнится. И пакы покаряюся, рече, Григорию Богослову, глаголющу: егда горний миръ наплънится, тогда ожидай скончаниа».

А что Шестокрилъ они себѣ изучивъ, да тѣмь прелщают христианство, [30] мня, яко съ небесе знамение сводять; ино то не их съставлениа бысть! Шестокрил бо взятъ от астрономии, яко капля от моря. А то звѣздозаконие дано бысть Сифу, третиему сыну Адаамову. Да потомь Енох списалъ праведны дни, и часы, и лѣта, и потомъ Ной послѣднему роду предаде. Авраамъ в Египетъ вшел, египтяна учи землемѣриа, да и росчет земны. Да потомъ и жидова от них по тому навыкли.

Егда же Филаделфь Птоломей по Александрѣ Македонстѣмь над Египтомъ царствова, сей посла ко Азарии, иже тогда в жидовьстѣй странѣ пръвосвященнику, избрати от художнѣйших в разумѣ, иже законъ истлъковати могущих. Архиерѣй же усмотривъ, иж у него искуснѣйших жидовъ, иже отечьское и еллинское навыкли бѣша наказание, и от коегождо племени 70 и два мужей избрал, с радостию посылаеть ко Птоломѣю. Они же в различных клѣтех по двѣма или по единому раздѣлшесе въ Фарѣ, Александрѣстѣмь островѣ, все божественое Писание и сия псалмы сирѣчь Псалтырю[31] истлъковавше, и вси въ тлъковании съгласиша, якоже дивитися Птоломѣю. Бысть же 70 и двоих сѣхъ изложение прежде трею сотъ и единого лѣта Спасова пришествиа. И оттолѣ распространилося то

преведение въ еллиньском языцѣ, и от еллинскаго языка преиде въ латынскы языкъ, за 300 лѣт до Христова пришествиа. А жидова, какъ распяли Христа, такъ их въ плѣнение предалъ Богъ, да и книги их истреблени бышя. Тажде в лѣта Андриана грецкаго самодрьжца Акила от Синопиа от еллиньства въ христианство преложься, таже въ иудейство уклонись, обрадовано жидовом тлъкование изложи. По сем же при Севирѣ, иже от Самариа Симмах еретику Маркиону бѣсѣдовавъ, и възвѣстивъ самаритом, и сего ради иудейская избравъ благодѣйствует имъ растлѣнны въ изложении смыслъ. По тѣх же при Комодѣ цари Феодотион, иже от Ефеса, священныя книги злѣ и развращеннѣ изложи. Нам же священномученикъ Лукианъ, при Диоклитианѣ мучители, жидовьскыя книги в нашу бесѣду предлагает, добрѣе же и твердѣйше.

Мы же таковое изложение почитающе, и 70-тих и двоих прилежимъ паче, яко разно языку преложение сътворшимъ единъ коегождо разумъ и бесѣду издаше. Ино нынѣшнее жидова еретическое предание дрьжать, псалмы Давыдовы или пророчьства испревращали по тому, как имъ еретици предали — Акила, и Симмах, и Феодотионъ[32] уже по Христовѣ пришествии и по плѣнении их, а не якоже нам предали святии апостоли и святии отци тѣх отъ мудрых, еже превели жидовьскы законъ на еллинскы за 300 лѣт преже Христова пришествиа; ино то и достовѣрно есть, ниже тогда еретици быша. По Христовѣ бо пришествии и по проповѣданию святых апостолъ, сие предание, еже есть 70-тих и двоих преложение, истолковаша святии отци, Давидом реченнаа в псалмѣх, и еже пророцы глаголаша, о Христѣ.

Ино мнит ми ся, по Еноху вѣкъ работает человечьству, а седмь тысящь лѣт человечьска ради премененииа положена. А по Богуслову, и намъ на всякъ часъ ждати скончаниа.

Да и то ми ся мнит: однова будут еретици у нас украли лѣт! Занеже у латыны нашего болши осмию лѣты.[33] Да еще говорят: «У нас, деи, писано седмь тысящ лѣт да 8 до скончаниа вѣка». И язъ ихъ съпросил: «Что ж тлъкуется 8?» И они млъвят: «То, деи, тому слову имя: аще будете добри, придам вам, аще ли будете зли, уйму у вас». А татарове сказывают: еще у них до скончаниа миру, сиирѣчь до второго пришествиа Христова, 100 лѣт да два.[34]

А се писано: «Седмь вѣк дѣланья, осмый же будущаго». Ино нам 6 день в недели велѣно дѣлати, а седмы покой приимати от трудов. И будет однова в нашей паскалии дѣланиа время не исполнилося, и ты бы о том с Пасѣем да с Нилом накрѣпко поговорил, чтобы есте и ко мнѣ отписали о том.

Да и о том ми отпиши: мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу, о ересех тѣх было с ними поговорити? Да есть ли у вас в Кириловѣ, или в Фарафонтовѣ, или на Каменном[35] книги: Селивестрь папа Римскы, да Афанасей Александрѣйскы, да Слово Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю, да Послание Фотѣя патриарха ко князю Борису Болгарьскому,[36] да Пророчьства, да Бытия, да Царства, да Притчи,[37] да Менандръ,[38] да Исус Сираховъ,[39] да Логика,[40] да Деонисей Арепагит[41]? Занеже тѣ книги у еретиков всѣ есть.

Да чтоб еси себѣ мнѣния не подръжал. Занеже не нашо дѣло гнѣвъ дръжати. Будет твой сынъ боярьской невѣжливо приѣхалъ, ино ведь по посольству и отвѣт дается. И ты нынѣ задняа забывай, а на предняа простирайся. Где пакъ будут наши недостаткы, или невѣдѣнием что будем учинили, и ты бы то намъ также простил, яко Господень ученикъ рекшаго: «Аще съгрешит к тебѣ брат твой, глаголя: “каюся”, остави ему».[42] Да и о том еще воспоминаю твоему святительству, аще будешь съвершено оставил той великы святительскы санъ, хотя смѣрениа образъ въсприятъ, да не запнеть врагъ предложениа твоего, предносят помыслъ, въспоминаа велико что сътворивъ. Но паче подобает ти имѣти помыслъ всегда уничиженъ, поминая Закхѣем реченнаа:[43] «Аще кого чѣмъ изобидѣх, да въздамь четверицею». Сиа и Законом положена быша. Аще ли речеши: «Нѣсмь обидѣлъ никого же», ино от служащих твоих кто будеть изобидѣлъ, хотя и тебѣ невѣдомо, а отвѣчати тебѣ же за то. Занеже секира безъ сѣкущаго не сѣчеть, сице и слуги наши не могуть никого изъбидѣти, аще не от нас будуть власти прияли. Ползы бо ради сиа писахъ тебѣ, поминаа рекшаго: другъ другомъ подкрѣпляемъ, яко град твердъ. Да и тебѣ молим тя, аще что услышишь о наших недостаткахъ, еже будеть злѣ творимаа нами, такожде писаниемъ възвѣсти намъ, а то мнѣ от тебе за великую любовь. А милость Господа Бога вседержителя и его пречистыя Богоматери и нашего смѣрениа молитва, купно же и благословение, да есть всегда съ твоимъ святительствомъ и боголюбьемъ. Аминь.

Бывшему архиепископу ростовьскому и ярославьскому Иоасафу.

В лѣто 6997, февраля 23, 24, 25 преписахь сие послание, въ грамотѣ строкъ девяносто и 5.

---

[1] *Генадие... архиепископъ Великого Новаграда и Пъскова...* — Геннадий был архиепископом новгородским с 1484 по 1504 г., когда был лишен архиепископской кафедры за требование «мьзды» от поставленных священников.

[2] *...Иосафу, бывшему архиепископу ростовьскому и ярославьскому...* — Иоасаф был архиепископом ростовским с 1481 по 1489 г.

[3] *...Константин Великый пръвый съборъ съвокупи на Ариа...* — Император Константин I созвал Первый вселенский собор, осудивший арианство, в 325 г.

[4] *...до Феофила иконоборьца...* — Византийский император Феофил (829—842 гг.).

[5] *...Михаил православный...* — Византийский император Михаил III (842—867 гг.), при котором в 843 г. было восстановлено иконопочитание.

[6] *...до Калуяна царя...* — Иоанн VIII Палеолог (1425—1448 гг.), предпоследний византийский император; в русских источниках часто именуется прозвищем, известным и на греческой почве: «Калоиоанн» («Иоанн Добрый»).

[7] *...отнеле же князь велики Володимеръ Киевьскый крестил всю землю Рускую... не бывало, чтобы быти в Руси какой ереси.* — Утверждение Геннадия об отсутствии на Руси со времени крещения каких-либо ересей заведомо не соответствовало действительности. Во второй половине XIV—первой половине XV в. в Новгороде и Пскове была широко распространена ересь стригольников, с которой Геннадий был хорошо знаком (одного из обличаемых им еретиков, Захара, Геннадий как раз обвинял в стригольничестве).

[8] *...послали мене на архиепископью...* — Геннадий был поставлен в архиепископы из архимандритов Чудова монастыря; в спорах между Иваном III и митрополитом Геронтием поддерживал князя. Однако к концу 80-х гг. отношения новгородского владыки с великим князем ухудшаются, в частности, в связи с тем, что Иван III пригласил в Москву, в кремлевские соборы, новгородских священников Алексея, Дениса и Гавриила, которых Геннадий обвинял в ереси.

[9] *...новугородскых еретиковъ, жидовьскаа мудрьствующих, покрыты же суть онѣхь еретикъ клятвеною укоризною, марькианьскиа глаголю и месалианскиа.* — Представления Геннадия о взглядах еретиков были довольно неясными и противоречивыми. Обвинение в «жидовском мудрствовании», ставшее в «Просветителе» Иосифа Волоцкого (начало XVI в.) главным обвинением против еретиков, не занимало еще такого места в «обличениях» Геннадия. В послании Геннадия Нифокту Суздальскому (1488), предшествовавшем его посланию Иоасафу, обвинения в «жидовском мудрствовании» нет совсем. «Месалианством» древнерусская церковно-полемическая литература именовала обычно болгарскую ересь богомилов, считавших, что в мире господствуют два

начала — доброе (от Бога) и злое (от Дьявола); в не вполне ясном термине «маркианство» исследователи видели указание на «маркелианство» (ересь IV в., отрицавшая Троицу) или на «маркионитство» (ересь II в., в основе которой, как и в основе богомильства, лежали дуалистические представления о мире).

[10] *...не одно июдейство — смѣшано с месалианскою ересью: сиа главы в правилѣх у себе изнайдешь...* — Геннадий имеет в виду «Главы масалиамского злочестивого повеления», содержащиеся в Кормчих книгах (сборниках документов, относящихся к церковному праву) и направленные против богомилов.

[11] *поп Наум* — главный свидетель обвинений, выставленных Геннадием; в соборных делах о еретиках его имя не упоминается, и дальнейшая судьба его неизвестна.

[12] *...псалмы ко мнѣ принесъ, по чему они себѣ правили по жидовскы.* — Текст этих псалмов, отправленных Геннадием в Москву еще в 1487 г. (об этом он сообщает в наиболее раннем из противоеретических посланий — послании Прохору Сарскому), до нас не дошел. За несколько лет до 1489 г. Иван III и митрополит Филипп (1465—1473 гг.) поручили некоему «Федору новокрещенному» перевод Псалтыри. Федор перевел еврейскую средневековую Псалтырь, однако, тщательно устранил (как установил К. Цукерман) из нее формулы иудаизма и заменил их ортодоксально христианскими. Неизвестно, была ли зта Псалтырь той самой, которую Геннадий забрал у еретиков и послал великому князю. Во всяком случае присланные Геннадием псалмы не показались великому князю и митрополиту заслуживающими осуждения: в ответных грамотах 1488 г. о наказании новгородских еретиков при перечисленнии их «ересей, хул и поруганья» псалмы даже не упоминались.

[13] *...Якову да Юрью Захариичем...* — Московские бояре из рода Кобылиных-Кошкиных. Яков Захарьич был с 1484 г. наместником в Новгороде; его жестокая политика вызвала там в 1488 г. мятеж. Юрий Захарьевич, брат Якова, прямой предок Романовых, также служил в Новгороде.

[14] *А что они кленутся без страха, а то въ 19 главѣ тѣх же ересей месалианскых явлено.* — Обвинение месалиан (богомилов) в лицемерных клятвах содержится в 19-й из «Глав масалиамского злочестивого повеления».

[15] *...а то явлено въ 12 главѣ тѣх же ересей.* — В 12-й главе «Масалиамского злочестивого повеления» богомилы обвиняются в отрицании таинства причастия.

[16] *...что ни есть ересей месалианскых, то все они мудрьствують, толко то жидовскым десятословиемь людей прелщают, яко чествующе мнятся.* — В отличие от Иосифа Волоцкого, Геннадий здесь объявляет основой новгородской ереси «месалианство» (богомильство), считая «жидовьское десятисловие», т. е. десять заповедей Моисея («не сотвори

себе кумира, не убий, не укради...» и т. д.) лишь благовидным прикрытием ереси: делая вид, что они соблюдают это «десятисловие», еретики в действительности обращают своих приверженцев в «месалианство».

[17] *...вам мнится, Новъгород с Москвою не едино православие...* — Недоброжелательство великого князя и митрополита к новгородскому владыке выражалось не только в том, что не были приняты во внимание обвинения, высказанные им против еретиков, но и в прямых актах недоверия: при отставке Иоасафа не было спрошено мнение Геннадия, в 1490 г. новый митрополит Зосима потребовал от Геннадия «исповедания веры», хотя, как указывал Геннадий в ответной грамоте, вторичное «исповедание» (первое он давал при поставлении) никогда от владык не требовалось. Очевидно, это объяснялось подозрениями (против которых Геннадий специально оправдывался в ответной грамоте), что новгородский владыка связан с «латинством». Действительно, в окружении Геннадия были католики (доминиканец Вениамин) и униаты.

[18] *«Дай премудрому вину... възлюбит тя»* — Притч., 9, 9—10.

[19] *...образу Господа нашего Исус Христа и Пречистыя его матери наругалися!* — О кощунствах, якобы совершавшихся в Новгороде неизвестными лицами, Геннадий писал в грамоте 1488 г. суздальскому епископу Нифонту.

[20] *...по Паисея, да по Нила...* — Геннадий имеет в виду известного церковного деятеля, игумена Троицкого монастыря (1477—1482 гг.) Паисия Ярославова и кирилло-белозерского старца Нила Сорского.

[21] *Ино и яз слыхал у Алексѣя: «И мы, деи, тогда будемь надобны»*. — Протопоп Алексей — виднейший из новгородских еретиков; по известию Иосифа Волоцкого, Алексей был в 1480 г. поставлен, по воле Ивана III, протопопом главного московского храма — Успенского собора. К 1490 г. его уже не было в живых. Аргументы, побуждавшие Алексея и других еретиков не верить в неизбежный конец мира в 1492 г., точно неизвестны. Судя по «Сказаниям о скончании седьмой тысящи», написанным уже после 1492 г. (и включенным впоследствии в «Просветитель» Иосифа Волоцкого), исходной посылкой в рассуждении еретиков было их недоверие к «святоотеческой» литературе, в которой и содержалось предсказание о конце мира (Ефрем Сирин и др.); в Библии, которая была для еретиков авторитетной, точной даты «скончания миру» нет. Геннадию, очевидно, аргументация еретиков не была известна, и он пытался ее так или иначе разгадать.

[22] *Шестокрилъ* — Шестокрыл, средневековое астрономическое сочинение, состоящее из таблиц для определения лунных фаз и затмений. Шестокрыл был переведен с еврейского оригинала на Западной Руси и сохранился в западнорусских списках. Прямых данных об использовании Шестокрыла еретиками (и даже об их знакомстве с этим памятником) нет.

[23] *...от Адама 200 и 70 и 6 девятнадесятицъ.* — Счет годов по «девятнадесятницам» (девятнадцатилетиям) имеет целью согласовать лунный календарь (основанный на месяцах, сменах фаз луны) с солнечным (годичный цикл солнца); уже в древности было установлено, что 19 солнечных лет приблизительно равны 235 лунным месяцам (цикл Метона). В иудейском календаре дата сотворения мира определялась как 3761 г. до н. э. — иначе, чем в византийском и древнерусском календарях (5508 г. или 5500 г. до н. э.); на 1460—1480-е гг. приходилась поэтому в иудейском календаре 276-я девятнадесятница, т. е. 5225—5244 гг. от сотворения мира.

[24] *...276 девятнадесятниц, лѣт будеть от Адаама до сѣх мѣст 5000 и 200 и 28.* — Этот подсчет Геннадия свидетельствует о том, что он считает 276-ю «девятидесятницу» иудейского календаря еще не завершенной (умножение 276 на 19 дало бы 5244 г.), а только начавшейся. Если это так, то вычисленная им дата иудейского календаря соответствует 1467 г. Возможно, что эта дата относится к той рукописи Шестокрыла, которой пользовался Геннадий. В дошедшем до нас древнерусском тексте Шестокрыла приведенной Геннадием цитаты и даты нет.

[25] *...Енох праведны...* — Геннадий здесь цитирует апокрифическую (не входившую в Библию) Книгу о тайнах Еноховых, имевшую распространение на Руси, но включавшуюся в индексы «отреченных книг».

[26] *И яз нашел в писании... А пишет их епископы, а не патриархы.* — Рассказ о первых пятнадцати иерусалимских епископах, включая Иосафа и Иуду (живших после Иудейской войны 66—70 гг. не в Иерусалиме, а в Пелле), восходит к «Церковной истории» византийского писателя III в. Евсевия Памфила Кесарийского. После окончательного разрушения Иерусалима в 135 г. епископом впервые ставится Марко — христианин не иудейского происхождения.

[27] *Угиин* — римский епископ (папа) Игин (Гигин, 137—142 гг.); также упоминается в «Церковной истории» Евсевия.

[28] *«Зръцало»* — здесь сокращенно цитируется переводный памятник, появившийся в русской письменности с конца XIV в. — *«Диоптра»* («Зерцало») византийского писателя XI в. Филиппа Монотропа (Пустынника). Рассуждения Филиппа, не дававшего окончательное решение вопроса о дате «конца мира», но полагавшего, что время существования мира должно быть «седморично» — кратно семи, более подробно цитировались в «Сказаниях о седьмой тысяще», написанных после 1492 г.

[29] *...даждь чясть убо седмым, и тогда осмому ... будущаго вѣка образ носить.* — Еккл. 11,2. Геннадий здесь затрагивает вопрос, более всего занимавший его и его современников — об ожидании конца мира. Обоснованием ожидания предстоящего конца служили библейские тексты — цитируемый здесь текст Екклезиаста и слова Псалтыри: «Яко

тысяща лѣтъ предъ очима твоима, Господи, яко вчерашний, иже мимо иде...» (Пс. 89, 5).

[30] *А что Шестокрилъ они себѣ изучивъ, да тѣмь прелщают христианство...* — Все дальнейшее рассуждение, очевидно, относится не к новгородским еретикам, о которых Геннадий упоминал в начале, а к иудеям. Геннадий называет ряд библейских персонажей — Адама, Сифа, Еноха, Авраама, приводит рассказ Никиты Ираклийского о переводе библии на греческий язык (Септуагинта) при египетском царе Птоломее II Филадельфе (283—246 гг. до н. э.).

[31] *...сия псалмы, сирѣчь Псалтырю...* — Это указание дало основание предполагать (К. Цукерман), что Геннадий упоминал о полученных от еретика Наума псалмах, о которых шла речь в начале послания. Но это — недоразумение. Как установил А. Алексеев, весь рассказ о переводах Библии, помещенный здесь (от слов: «Егда же Филаделфь Птоломей...»), является у Геннадия заимствованием из толкования на псалмы Никиты Ираклийского: «сия псалмы» упоминаются потому, что предметом толкования была Псалтырь.

[32] *...псалмы Давыдовы ... Акила, и Симмах, и Феодотионъ...* — Здесь упоминаются переводчики Библии на греческий язык: Акила (Аквила), современник императора Адриана (117—138 гг.), Симмах, современник Севера (династия Северов правила в 193—235 гг.), и Феодотион (Теодотион), современник Коммода (180—192 гг.). Геннадий утверждает, что иудеи, когда они обращаются к переводам Библии, предпочитают именно переводы Акилы, Симмаха и Феодотиона (с его точки зрения «еретические»), между тем как христиане придерживаются Септуагинты и ее обработки, произведенной святым Лукианом при Диоклетиане (284—305 гг.), а также толкований к ним, сделанных святыми отцами. Речь идет, как мы видим, не о русских еретиках XV века, а о древних «еретиках» II в. н. э., чьи переводы не были известны русским еретикам.

[33] *Да и то ми ся мнит: однова будут еретицы у нас украли лѣт! Занеже у латыны нашего болши осмию лѣты.* — На католическом Западе летосчисление уже с VI в. велось от Рождества Христова; на Руси, как и в Византии, употреблялся счет лет от сотворения мира. Фактическое различие между русской и западной эрами составляло 5508 лет («эра Африкана»). Поэтому, когда Геннадий обратился к «латинам» для решения вопросов, связанных с предстоящим концом мира, он должен был убедиться, что 7000-й год будет, согласно их календарю, не 1500-м годом, как он думал, а 1492-м годом. Совершенно чуждый представлению об относительности систем летосчисления (эр), Геннадий воспринимал все календарные различия как акты Божьего гнева и милости, объясняя отличия русского календаря от иудейского и от календаря «латин» тем, что «еретици у нас украли лѣт» «жидовскими числы» или каким-либо иным способом.

[34] *А татарове сказывают: еще у них до скончания миру, сиирѣчь до второго пришествия Христова, 100 лѣт да два.* — Мусульманский календарь — последовательно лунный; продолжительность года в нем

на 11 дней короче солнечного. Счет лет ведется от «Хиджры» — времени бегства Магомета из Мекки в Медину (622). Через 102 года после 1489 г. должен был наступить 1591 г. (7099 г. от «сотворения мира»), соответствующий 1000-му году хиджры — году, с которым у мусульман связывались представления о «конце мира».

[35] *...в Кириловѣ, или в Фарафонтовѣ, или на Каменном...* — Геннадий называет три севернорусских монастыря, находившихся в ведении ростовского архиепископа — Кирилло-Белозерский (основан в 1397 г.), Ферапонтов (основан в 1398 г, в 20 км от Кириллова) и Спасо-Каменный (на Кубенском озере).

[36] *...Селивестръ папа римскы, да Афанасей Александрѣйскы, да Слово Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю, да Послание Фотѣя патриарха ко князю Борису Болгарьскому...* — Сочинения богословского и церковно-полемического характера. «Селивестръ...» — житие папы Сильвестра I (314—335 гг.), с именем которого (как и с именем его современника Константина I) связывалось официальное принятие христианства Римско-Византийской империей; Афанасей Александрѣйскы — «слова» александрийского архиепископа Афанасия против ариан; Слово Козмы прозвитера — широко распространенное в русской письменности сочинение болгарского писателя X в. Козьмы против богомилов; в конце XV или в XVI в. была создана краткая русская переработка сочинения Козмы; Послание Фотѣя патриарха — поучительное послание патриарха Фотия (852—886 гг.) болгарскому царю Борису I Михаилу (852—889 гг.) о соблюдении решений семи вселенских соборов (известно в русской письменности XVI в.). Сочинения эти представляли интерес как для еретиков, так и для их «обличителей». Стремясь к тому, чтобы эти книги, бывшие у еретиков, были доступны и его единомышленникам, Геннадий запросил Паисия и Нила и, получив, видимо, ответ на этот запрос, организовал переписку и рассылку «сильвестра», «Афанасия Александрийского» и «Козмы Пресвитера» в Кирилло-Белозерский, Соловецкий и Волоколамский монастыри.

[37] *...да Пророчьства, да Бытия, да Царства, да Притчи...* — Библейские книги. Библейское Пятикнижие (которое иногда именовалось по своей первой книге просто «Бытие»), Книги Царств, Притчи Соломона и большинство Книг Пророков уже были переведены к XV в. на древнерусский язык (не переведены были только часть книг Иеремеи и Изекииля), но в единый кодекс они собраны не были. Создание единого русского библейского кодекса (на основе древних переводов с греческих оригиналов с дополнением по латинской Вульгате) было осуществлено также Геннадием спустя десять лет — в 1499 г., и это важнейшее мероприятие было, очевидно, связано с его борьбой против еретиков (Пророчества были в числе книг, переписанных в Новгороде в 1493—1495 гг. для Соловецкого монастыря).

[38] *Менандр* — афинский драматург (комедиограф) IV в. до н. э. В русской письменности XV в. имела распространение книга «Мудрости Менандра Мудрого», сборник изречений, извлеченных из комедий Менандра. Нравоучения эти носили благочестивый, но светский

характер, и в рукописях встречались также предостережения против чтения Менандра.

[39] *Исус Сирахов* — книга, не входившая в ветхозаветный канон, но включенная в греческую Септуагинту и предписывавшаяся в древнерусских рукописных сборниках. Впоследствии была включена в Геннадиевскую Библию.

[40] *Логика* — наиболее загадочная из книг, перечисленных Геннадием среди литературы, бывшей у еретиков. Исследователи обычно отождествляют ее с «Книгой, глаголемой Логика, сиречь словесница», восходящей к философскому трактату, составленному из сочинений Моисея Маймонида, еврейского философа XII в., и арабского ученого конца XI—начала XII в. Аль-Газали. Возможно, что под логикой Геннадий имел в виду Диалектику Иоанна Дамаскина. «Логика» Маймонида — Аль-Газали была переведена с еврейского языка на русский в Западной Руси и сохранилась в списках не ранее конца XVI в.

[41] *Дионисий Ареопагит* — легендарный афинский проповедник христианства I—II вв. Дионисий, ученик апостола Павла, которому приписывается корпус сочинений, созданных, по мнению большинства ученых, во второй половине V в. под сильным влиянием неоплатонизма. Корпус сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита был переведен на славянский язык (с греческого) на Балканах в конце XIV в. и уже с начала XV в. стал известен на Руси.

[42] *«Аще съгрешит к тебѣ брат твой, глаголя “каюся”, остави ему»* — Лк. 17, 4.

[43] *...Закхѣем реченнаа...* — Далее приводятся слова мытаря (сборщика налогов) Закхея (Лк. 19, 8).

ПЕРЕВОД

Мы, Геннадий, Божией милостью архиепископ Великого Новгорода и Пскова, Иоасафу, бывшему архиепископу ростовскому и ярославскому, этим нашим посланием возвещаем достойную и духовную любовь твоему боголюбию, святейшему и боголюбивому силою Святого Духа, и да пребываешь ты во здравии духовном и телесном, достойном твоего всесвященства.

Полагаю, что твоему святительству не остались неведомы раздоры в церкви из-за нападения еретиков, о чем я посылал следственные дела великому князю и духовному отцу его митрополиту, и митрополит, по его словам, сообщал и вам о тех великих бедствиях, каких изначала не бывало в Русской земле. Да и там в Цареграде, после того, как Константин Великий созвал Первый собор против Ария, до времени Феофила-иконоборца творилось смешение — были цари православные, были цари еретики, но православных было больше: православных было тридцать без одного, а еретиков было двенадцать, считая и с Феофилом-

иконоборцем; и когда Михаил, Феофилов сын, установил православие, то стал он сорок третьим православным царем после Константина. И с тех пор всех тех православных царей было от Михаила до Калоиоанна-царя сорок два, но ни при одном в Царьграде не было иудейской и еретической дерзости. На Руси же, с тех пор как князь Владимир Киевский крестил всю землю Русскую, — а прошло с того времени пятьсот лет с годом, — и слуху не бывало, чтобы была на Руси какая-нибудь ересь.

И когда господин наш и отец митрополит всея Руси Геронтий вместе с вами, архиепископами и епископами, и вместе с ним священный собор, избрали меня с согласия и по совету сына своего, государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и послали на архиепископию Великого Новгорода и Пскова — я не был достоин этого, но не мог ослушаться своего господина и отца, митрополита всея Руси Геронтия. И нашел я здесь новгородских еретиков, предававшихся иудейским мудрствованиям, которые были прикрыты постыдной клятвой этих еретиков — назову ее маркианской, или месалианской. Ибо последние, когда их вопрошают, отрекаются от своих заповедей, бесстыдно и усердно клянутся и проклинают всех так мудрствующих или мудрствовавших, и присягают без страха, будто они такие заповеди ненавидят. Так и эти еретики говорят открыто и учат православных христиан своему зловерию, а спроси их, и он говорит: «Я, дескать, православный христианин»; а во всем том лихом деле запираются. А у них не одно иудейство — смешано оно с месалианской ересью: главы об этом ты найдешь у себя в правилах; а все это мне твердо сказал их товарищ, поп Наум. Да и псалмы ко мне принес, составленные ими по иудейскому образцу, и те псалмы я послал к митрополиту же со следственными делами.

А потом государь мой, князь великий, приказал своим боярам, Якову и Юрию Захарьевичам, со мною, своим богомольцем, расследовать это твердо. Когда же мы тех еретиков велели перед собой поставить, все они стали запираться во всех обвинениях да начали бесстрашно клясться, называя себя православными христианами. Как же можно было все это узнать, когда они клянутся и отрекаются от своих заповедей? А попы их, завтракав и пив до обеда, служат обедню. А то, что они клянутся без страха, это соответствует девятнадцатой главе месалианских ересей. А то, что недостойно служат святую литургию, — это соответствует двенадцатой главе тех же ересей. Да сколько ни есть ересей месалианских, — то все они исповедуют, а иудейским десятословием только прельщают людей, притворяясь, что они его соблюдают.

А это прельщение здесь распространилось не только в городе, но и по селам. А все от попов, которые поставлены в попы еретиками. А когда

находятся среди православных, они себя объявляют такими же православными. А если видят какого-нибудь простака, то считают его готовой добычей. Да для того и ставятся в попы, чтобы всех, кого можно, обратить в свою ересь, чтобы обрести детей духовных. А кто окажется огражденным верою и крепким в православном христианстве, того они таятся, и объявляют себя такими же. А если кто слаб или ленив и легко может быть вовлечен под власть греха, того они губят, как слабого и отступника веры, и принимают его в свою ересь. А если он согрешил, или впал в блуд, или в прелюбодейство, или иной грех сотворил, то легко прощают, не следуя церковным канонам. Если же потом кто-нибудь из православных захочет выступить с обличением их ереси, то они отрекаются от своей ереси, и проклинают всех ее творящих, и клянутся без страха. А сами именно ее и творят, и в грех себе такую клятву не ставят. Как же можно было до них добраться, если бы князь великий не приказал своим боярам со мной, своим богомольцем, учинить сыск? И мы, молитвами пречистой Богоматери и силой государевой, вместе с его боярами, с Яковом и Юрием Захарьевичами, расследовали это дело твердо и довели его до сведения своего государя великого князя, да и своего отца митрополита, да и до вас, своей братии, архиепископов и епископов. И как я понял, ныне вы признали это дело за ничтожное, словно вам кажется, что Новгород с Москвой — не одно православие; не побеспокоились об этом нисколько!

Ты же как будто претерпел от кого-то оскорбление в мирских делах, да и оставил архиепископию, и предал овец волкам на расхищение, зная, какое бедствие терпит церковь. А как бы в то время терпением великим вооружиться, даже если бы пришлось пострадать за православие для пользы души, ожидая за то воздания от Господа Бога! Да не обидишься на меня, что я написал твоему боголюбию, вспоминая слова сказавшего: «Покажи премудрому его вину — премудрее будет, обличай премудрого — возлюбит тебя». Да и то дошло до моего слуха, что, говорят, посылал за тобой князь великий, и не однажды, и ты, дескать, не поехал к нему, а мог бы и там отстоять свое дело, из-за которого ты, видимо, оставил архиепископию, а государево сердце не ожесточил бы. И не думай, что этим сотворил малый грех. Какая бы ни совершилась беда христианству в твоей архиепископии, от которой ты мог бы защитить в то время церковь, — все это на тебе. А если государь из-за тебя при случае положит опалу и на монастырь — тебе и за это ответ дать. Не обижайся на меня за то, что я написал это тебе, душевно беспокоясь о том, что когда-нибудь ты за это можешь оказаться грешным перед Богом. Ибо иной стыдится тебе это сказать или не смеет, а многие добрые духовные люди это осуждают — до меня доходили такие слухи. И коль это так, даю тебе совет: если однажды Бог положит на душу государю, а он пошлет за тобой, ты бы тогда не ослушался, тут же приехал к нему. О чем бы тебя ни спросил великий князь, ты можешь держаться в своем деле так твердо, как хочешь.

А ныне молил бы ты Бога о государе великом князе, чтобы государю Бог положил на душу управить церковь Божию, чтобы православное христианство осталось непоколебимым от еретического нападения, от еретиков, мудрствующих по-иудейски. Ибо они над образом Господа нашего Иисуса Христа и его Пречистой матери надругались! Ты ведь знаешь из дела, что о них написано.

Да послал бы ты за Паисием и за Нилом и посоветовался о таком деле: «Пройдут три года, окончится седьмое тысячелетие». Слышал я от Алексея: «И тогда, дескать, придет нужда в нас!» Вот на что надеются еретики!

А Шестокрыл я изучал потому, что нашел в нем ересь: время рассчитано — от Адама двести семьдесят шесть девятнадцатилетий! А сейчас идет шестое девятнадцатилетие по летосчислению иудеев. А ведь сделано это для прельщения христиан! Хотят сказать: «Года христианского летописца подходят к концу, а наши длятся!» А как окончится наша пасхалия, тут они и хотят начать прельщение. Я ведь проверил весь Шестокрыл, да и выписан он у меня. Ибо то время, которое там указано, двести семьдесят шесть девятнадцатилетий, это значит от Адама до нас пять тысяч двести двадцать восемь лет. И потому ведь у них еще нет пришествия Христа, значит, они ждут Антихриста. Вот великое прельщение!

А в Евангелии не сказано, когда будет конец мира. Да и Енох праведный писал так: «Прежде всего, когда еще ничего не было, основал Бог сотворенный мир, а затем сотворил всю тварь — видимую и невидимую, а после этого создал человека по образу своему. И тогда разделил Бог ради человека вечность на времена, и на годы, и на месяцы, и на дни, и на часы, — чтобы человек постиг смену времен и предвидел конец своей жизни. А когда скончается вся тварь, сотворенная Господом, тогда времена погибнут, и не будет годов, не будут считать дней и часов. Но наступит единая вечность, и все праведники избегнут Суда великого и воссоединятся в великой вечности, и великая вечность дастся праведникам», и прочее. А я нашел в писаниях, какой царь был после какого, и сколько лет какой царь жил, и какой патриарх после какого был и сколько лет жил. А называют их епископами, а не патриархами. Написано так: мирских лет пять тысяч шестьсот двадцать одно, а от божественного воплощения лет сто двадцать одно, девятый римский епископ Угиин четыре года, а четырнадцатый епископ Иерусалима Иосиф два года, потом также епископ Иерусалима пятнадцатый — Иуда, эти были крещены от иудеев Андреаном при том же Иуде, когда было последнее и окончательное пленение города и евреев. А после него был первый епископ Марко восемь лет, от необрезанных народов. А там записано: лет пять тысяч шестьсот двадцать одно, в то же лето было и последнее их пленение. И

с того времени и до сих пор четыреста лет и тысяча пребывают под Божиим гневом. И к тому еще и бесстыдствуют, развращая наше православие — как о них сказано: «Ни сами не вступают, ни желающих вступить не пускают». А ведь в те годы, которые украли у нас еретики из-за иудейского летосчисления, были цари, или папы, или патриархи, записанные по именам, — как же их тогда уместить?

Но надобно будет выдержать великое борение, если окончатся годы пасхалии, а Бог еще продлит жизнь мира. Ведь это прибавит дерзости еретикам, мудрствующим по-иудейски, а для христиан будет великая тягость. А тот, кто написал «Зерцало», то как бы по догадке поставил семь тысяч лет, говоря так: «По домыслу ведь решили многие, говорящие: шестой тысячи лет должен наступить и конец мира; но они солгали, говорит. Утверждают же, в свою очередь, другие, что если настоящий сей век семиричен, следует пребыть миру до тех пор, пока и седьмая тысяча окончится; как сказал Соломон: отдай часть седьмым, а потом и восьмому, семь веков человеческой деятельности, восьмой же носит образ будущего века. Но и это рассуждение не кажется мне достаточно основательным. Следую же я, говорит, Григорию Богослову, заявляющему: когда высший мир достигнет совершенства, тогда ожидай конца».

А что иудеи, изучив Шестокрыл, прельщают им христиан, представляясь, что добывают знамение с небес, — так ведь это не ими составлено! Ибо Шестокрыл взят от астрономии, как капля из моря, а это звездозаконие было открыто Сифу, третьему сыну Адама. Потом Енох записал священные дни, и часы, и годы, а Ной затем передал последующим родам. Авраам ходил в Египет, учил египтян землемерию и измерению земли. А потом и евреи от них этому научились.

Когда же Птолемей Филадельф, после Александра Македонского, царствовал над Египтом, он послал к Азарии, бывшему тогда первосвященником в Иудейской стране, чтобы тот избрал наиболее острых умом людей, способных истолковать божественный закон. Архиерей же выбрал наиболее искуснейших из евреев, изучивших и отеческий и эллинский закон, и, избрав от каждого племени по семьдесят два мужа, с радостью посылает к Птоломею. Они ж, разделенные в Фаре, Александрийском острове, в разных помещениях по одному или два человека, все божественное Писание и эти псалмы, то есть Псалтырь, перевели, и перевод у всех у них оказался сходным, и дивился этому Птоломей. Был же этот перевод семидесяти двух толковников за триста один год до Спасова пришествия. И оттуда распространился этот перевод среди эллинов, а с эллинского языка был переведен на латинский язык, за триста лет до Христова пришествия. А евреи, как распяли Христа, так их в пленение и предал Бог, и книги их были истреблены. Потом, во время Адриана, греческого самодержца,

Акила из Синопии, перешедший из эллинства в христианство, а затем уклонившийся в иудейство, сделал перевод, благоприятный для евреев. После него при Севере житель Самарии Симмах, вступив в общение с еретиком Маркионом и излагая Писание самаритянам, избрал для этого иудейские источники, поэтому и смысл Писаний, испорченный им в изложении, оказался для них благоприятным. А после них, при царе Коммоде, Феодотион, житель Эфеса, изложил священные книги дурно и вредоносно. Нам же святой мученик Лукиан, при мучителе Диоклетиане, еврейские книги перелагает на наш язык, лучше и правильнее.

Мы же, почитая этот перевод, опираемся более всего на тех семьдесят двух толковников, которые переводили раздельно и создали одинаковый по содержанию и языку перевод. Но нынешние евреи держатся еретического предания, псалмы Давида и пророчества исказили согласно тому, что им перевели еретики — Акила, и Симмах, и Феодотион, уже после Христова пришествия и их пленения, а не так, как нам передали святые апостолы и святые отцы, опираясь на тех мудрых, которые перевели еврейское писание на эллинский язык за триста лет до Христова пришествия; потому оно достоверно, что тогда еретиков не было. Ибо после Христова пришествия и проповеди святых апостолов это предание, то есть перевод семидесяти двух, истолковали святые отцы, найдя пророчества о Христе в словах Давида в псалмах и в том, что говорили пророки.

Но кажется мне, что согласно Еноху вечность служит человечеству, а семь тысяч лет установлены для человеческого искупления. А по Григорию Богослову, нам нужно ждать скончания мира во всякий час.

И все-таки мне кажется: как-то еретики у нас украли года! Потому что у латинян на восемь лет больше, чем у нас. Да еще говорят: «У нас, дескать, написано, что до конца мира семь тысяч лет и восемь». И я их спросил: «Как же толкуются эти восемь?» И они говорят: «Вот, дескать, какой этому смысл: если будете добродетельны, прибавлю вам, а будете злы — отниму у вас». А татары говорят: у них еще до конца мира, то есть до второго пришествия Христа, сто лет и два года.

А писано так: «Семь веков для дел, восьмой — для будущего». Но ведь нам шесть дней в неделю приказано трудиться, а в седьмой отдыхать от трудов. А если окажется, что время делания не кончится вместе с нашей пасхалией, так ты бы о том с Паисием и Нилом обстоятельно поговорил и мне об этом написал.

Да и о том мне напиши: возможно ли Паисию и Нилу побывать у меня, чтобы поговорить с ними о тех ересях? Да есть ли у вас в Кириллове, или в Ферапонтове, или в Каменном монастыре книги: Сильвестр папа Римский, да Афанасий Александрийский, да Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь богомилов, да Послание патриарха Фотия ко князю Борису Болгарскому, да Пророчества, да книги Бытия, да Царства, да Притчи, да Менандр, да Иисус Сирахов, да Логика, да Дионисий Ареопагит? Потому что эти книги у еретиков все есть.

И советую тебе — не стой на своем. Не наше это дело — гнев держать. Может быть, твой сын боярский вел себя невежливо при приезде — так ведь по посольству и ответ дается. А ты ныне прошлое забудь и обращайся к будущему. А если мы, в свою очередь, в чем-нибудь погрешили или по неведению что-нибудь не так сделали, то ты б это нам так же простил, как ученик Господа, возвестившего: «Если согрешит перед тобой брат твой и скажет „каюсь", отпусти ему грех». Да и о том еще напоминаю твоему святительству: если ты окончательно оставил великий святительский сан и принял смиренный монашеский образ, то да не воспрепятствует враг твоему делу, внушая помыслы и напоминая о прежнем величии. Но особенно подобает тебе быть всегда скромным в помыслах, вспоминая слова Закхея: «Если кого чем обидел, отдам вчетверо». Так и в Ветхом завете было установлено. Если же скажешь: «Никого я не обидел», то, может быть, какой-либо из твоих служителей обидел кого-нибудь — хоть ты этого и не знаешь, а отвечать все равно тебе. Как секира не сечет без секущего, так и слуги наши никого не могут обидеть, если бы не власть, которую мы им дали. Писал это тебе пользы ради, вспоминая сказавшего: «Друг, поддерживаемый другом, тверд, как крепость». Да и тебя молим: если что-нибудь услышишь о наших недостойных поступках, о сотворенном нами зле, также извести нас об этом в послании, а я приму это как знак великой любви. И да будет всегда милость Господа Бога-Вседержителя и его пречистой Богоматери и молитва нашего смирения вместе с благословением на твоем святительстве и боголюбии. Аминь.

Бывшему архиепископу ростовскому и ярославскому Иоасафу.

В 6997 (1489) году, февраля 23, 24, 25 переписал это послание, а в грамоте девяносто пять строк.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ

Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание о Дракуле» представляет собой древнейший известный нам памятник оригиальной беллетристики (художественной прозы), известный на Руси. Уже в Киевской Руси памятники такого характера («Повесть об Акире Премудром», «Девгениево деяние») проникали в Россию, но произведения оригинальной письменности были посвящены либо святым (жития), либо известным историческим лицам, жившим в определенное, точно указанное время (как правило, подобные произведения входили под соответствующими годами в более широкие исторические своды — летописи или хронографы), и считались поэтому «полезными» — нужными с точки зрения религиозного культа или познания мира.

«Сказание о Дракуле» было, по выражению того времени, «неполезной повестью». Правда, и здесь речь шла о реально существовавшем лице — «мунтьянском» (румынском) князе Владе, известном под прозвищем Цепеша (т. е. «Сажателя на кол», «Прокалывателя») и Дракулы («Дракона»). Но русскому читателю ничего не было известно о Владе Цепеше, и повесть не сообщала ему ни о его подлинном имени, ни о времени правления, ни о точном местонахождением «Мунтьянской земли». Начиная с типично сказочного «зачина» («Бысть в Мунтьянской земли греческия веры християнин воевода Дракула...»), повесть не рассказывала, как Дракула стал «воеводой», и сразу переходила к одному из эпизодов его жизни (расправа над турецкими послами). Вся она состояла из таких эпизодов-анекдотов о Дракуле.

Рассказы о Дракуле стали известны русскому автору во время его пребывания в Юго-Восточной Европе. Судя по сообщенным им сведениям, автор повести был в Венгрии и соседних землях в 80-х гг. XV в. (после смерти Влада Цепеша). Эти указания позволяют прийти к выводу, что автором повести был русский посол в Венгрии и Молдавии — скорее всего дьяк Ивана III Федор Курицын, возглавлявший в 1482—1484 гг. русское посольство к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю Стефану Великому. Анекдоты, которые он положил в основу своей повести, записывали в те годы и другие иностранцы, побывавшие в придунайских землях: авторы анонимных немецких брошюр «О великом изверге Дракола Вайда», поэт-мейстерзингер Михаэль Бехайм и итальянский гуманист Антонио Бонфини, создавший «Венгерскую хронику».

Смысл русской «Повести о Дракуле» был своеобразен. Автор рассказывал о многочисленных жестокостях Дракулы, сравнивал его с дьяволом, но одновременно сообщал и о справедливости Дракулы, беспощадно каравшего всякое преступление, кто бы его ни совершил. Этим повесть отличается от немецких сказаний о Дракуле, где описывались только жестокости «великого изверга», и сходилась с «Хроникой» Бонфини, автор которой считал соединение жестокости и справедливости обязательным свойством государя. Так считал и

младший современник Бонфини, идеи которого составитель «Венгерской хроники» во многом предвосхитил, — Макиавелли; так считал и русский публицист XVI в. Иван Пересветов. Но в отличие от Бонфини Макиавелли или Пересветова автор «Повести о Дракуле» создал не публицистический трактат, а «неполезную повесть» — художественное произведение. Рассказав о жестокости и справедливости Дракулы, он не сделал никаких выводов и предоставил самим читателям вынести приговор герою. Они могли ужасаться его жестокостям, могли считать (как Пересветов), что «без таковой грозы нельзя установить правду в царстве», а могли и задуматься над тем, не лишают ли средства, употребляемые «мунтьянским воеводой», всякого смысла поставленную им цель — создание справедливого государства.

«Повесть о Дракуле» — публикуется по списку РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 11/1086 с исправлениями по спискам ГИМ, собр. Забелина, № 451 и РГБ, собр. Румянцева, ф. 256, № 358.

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛѢ ВОЕВОДѢ

Бысть в Мунтьянской земли[1] греческыя вѣры христианинъ воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим — диаволъ.[2] Толико зломудръ, якоже по имени его, тако и житие его.

Приидоша к нему нѣкогда от турьскаго поклисарие[3] и, егда внидоша к нему и поклонишась по своему обычаю, а капъ своих з главъ не сняша. Он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвѣщаша: «Таковъ обычай нашь, государь, и земля наша имѣет». Он же глагола имъ: «И азъ хощу вашего закона потвердити, да крѣпко стоите». И повелѣ имъ гвоздиемъ малым желѣзным ко главам прибити капы и отпусти ихъ, рекъ имъ: «Шедше, скажите государю вашему: онъ навыкъ от вас ту срамоту терпѣти, мы же не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государемъ, кои не хотят его имѣти, но у себе его да держит».

Царь же велми разсердити себе о том, и поиде воинством на него, и прииде на него со многими силами. Он же, собравъ елико имѣаше у себе войска, и удари на турковъ нощию, и множьство изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми и възратися. И кои с нимъ з бою того приидоша, и начат ихъ сам смотрити; кой раненъ спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на колъ повелѣ всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на туркы, тако глагола всему войску своему: «Кто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани

зде». Царь же, слышавъ то, поиде прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не смѣ на него поити.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дасть дань. Дракула же велми почести поклисаря оного, и показа ему все свое имѣние, и рече ему: «Азъ не токмо хощу дань давати царю, но со всѣмъ своимъ воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелитъ, тако ему служу. И ты возвѣсти царю, какъ поиду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мнѣ и моимъ людем, а язъ скоро хощу по тебѣ ко царю ити, и дань принесу, и самъ к нему прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хощет приити к нему на службу, и посла его почести и одари много. И велми рад бысть, бѣ бо тогда ратуяся со восточными.[4] И посла скоро по всѣм градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоегож зла никто дабы Дракулѣ не учинилъ, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався съ всѣм воиньством,[5] и приставове царстии с нимъ, и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуся, и начат плѣнити градове и села, и множьство много поплѣни и изсѣче, овых на колие сажаху турков, а иных на полы пресѣкая и жжигая, и до ссущих младенець. Ничтоже остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множьство много користи взем, возвратись, приставовъ тѣх почтив, отпусти, рек: «Шедше, повѣсте царю вашему, якоже видѣсте: сколко могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и азъ еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничтоже ему не може учинити, но срамом побѣженъ бысть.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики бояринъ, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имѣл бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозенъ бысть.

Источникъ его и кладязь на единомъ мѣстѣ, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многых странъ, и прихождаху людие мнози и пияху от кладязя и источника воду, студена бо бѣ и сладка. Он же у того кладязя на пустом мѣстѣ постави чару велию и дивну злату, и хто хотяще воду пити, да тою чарою пиетъ, на том мѣстѣ да поставит, и, елико оно время пребысть, никтоже смѣаше ту чару взяти.

Единою ж пусти по всей земли свое велѣние, да кто старъ, иль немощенъ, иль чимъ вреденъ, или нищъ, вси да приидут к нему. И собрашась бесчисленое множество нищих и странных к нему, чающе от него великиа милости. Он же повелѣ собрати всѣх во едину храмину

велику, на то устроену, и повелѣ дати имъ ясти и пити доволно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к нимъ и глагола имъ: «Что еще требуете?» Они же вси отвѣщаша: «Вѣдает, государю, Богъ и твое величество, как тя Богъ вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свѣтѣ, и ничим не нужни будете?» Они же, чающе от него велико нѣчто, и глаголаша вси: «Хощемъ, государю». Он же повелѣ заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгорѣша. И глаголаше к боляром своимъ: «Да вѣсте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никтоже да не будеть нищь в моей земли, но вси богатии; второе, свободих ихъ, да не стражут никтоже от них на семъ свѣтѣ от нищеты иль от недуга».

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повелѣ их развести разно, и призва к себѣ единого от них, и показа ему округ двора множьство бесчисленое людей на колѣхъ и на колесѣх, и вопроси его: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвѣща: «Ты, государь, от Бога поставленъ еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своимъ дѣломъ въсприали». Он же призвавъ перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государемъ, не зная ничтоже? А нынѣ самъ еси глаголалъ, яко ти мученици суть, азъ и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученикъ». И повелѣ его на колъ посадити проходомъ, а другому повелѣ дати 50 дукатъ злата, глаголя: «Ты еси разуменъ муж». И повелѣ его на возѣ с почестиемъ отвести и до Угорскыя земли.

Нѣкогда ж прииде купець гость нѣкы от Угорскыя земли въ его град. И по его заповѣди остави возъ свой на улици града пред полатою и товаръ свой на возѣ, а самъ спаше в полатѣ. И пришед нѣкто, украде с воза 160 дукатъ злата. Купец же иде къ Дракулѣ, повѣда ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию нощь обрящеши злато». И повелѣ по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повелѣ свое злато, несъ, положити на возѣ в нощи и приложи единъ златой. Купец же въставъ, и обрѣте злато, и прочет единою и дващи, обрѣташесь единъ лишний златой; и шед къ Дракулѣ, глагола: «Государю, обрѣтох злато, и се есть единъ златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и съ златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не повѣдалъ злато, готовъ бых и тебе с симъ татемъ на колъ посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срамъ ей вырѣзати, и кожю содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпѣ среди града и торга повѣсити. И девицамъ, кои девьства не сохранят, и

вдовам також, а иным сосца отрѣзаху, овым же кожу содравше со срама ея, и роженъ желѣзенъ разжегши, вонзаху въ срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снѣдь будет.

Единою ж яздящу ему путем, и узрѣ на нѣкоем сиромахѣ срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?» Он же отвѣща: «Имамъ, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой, да вижю». И узрѣ жену его, младу сущу и здраву, и глагола мужу ея: «*Не* си ли ленъ сѣялъ?» Он же отвѣща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола женѣ его: «Да почто ты лѣность имѣеши к мужу своему? Онъ долженъ есть сѣяти, и орати, и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежю свѣтлу и лѣпу чинити, а ты и срачици не хощеши ему учинити, а здрава сущ*и* тѣлом. Ты еси повинна, а не мужь твой, аще ли бы муж не сѣялъ лну, то бы мужъ твой повиненъ был». И повелѣ ей руцѣ отсѣщи и трупъ ея на колъ всадити.

Нѣкогда ж обѣдоваше под трупиемъ мертвых человекъ, иже на колие саженых множьство бо округ стола его; он же среди ихъ ядяше и тѣмъ услажашесь. Слуга ж его, иже пред нимъ ясти ставляше, смраду оного не моги терпѣти, и заткну носъ, и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвѣща: «Государю, не могу смрада сего терпѣти». Дракула же ту и повелѣ его на колъ всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не можеть тебе доити».

Иногда же прииде от угорскаго короля Маттѣашя[6] апоклисарь до него, человекъ не малъ, боляринъ, в лясѣх родом. И повелѣ ему сѣсти с собою на обѣдѣ среди трупия того. И пред нимъ лежаше единъ колъ велми дебелъ и высокъ, весь позлащенъ, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учиниxъ сей колъ тако? Повѣж ми». Посол же той велми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: нѣки великий человекъ пред тобою согрѣши, и хощеши ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право реклъ еси; ты еси велика государя посолъ кралевьскы, тебѣ учиних сей колъ». Он же отвѣща: «Государю, аще достойное смерти содѣлалъ буду, твори, еже хощеши: праведный бо еси судия — не ты повиненъ моей смерти, но азъ самъ». Дракула же расмияся и рече: «Аще бы ми еси не тако отвѣщал, воистину бы был еси на семъ колѣ». И почти его велми и, одаривъ, отпусти, глаголя: «Ты вправду ходи на поклисарство от великых государей к великым огосударемъ, научен бо еси съ государьми великыми говорити, прочии же да не дерзнуть, но первое учими будуть, какъ имъ съ государьми великыми бесѣдовати». Таковъ обычай имѣаше Дракула: отколе к нему прихождаше посолъ от царя или от короля неизященъ и не умѣаше противъ козием кто отвѣщати, то на колъ его всажаше, глаголя: «Не азъ повиненъ твоей смерти — иль государъ твой,

иль ты самъ. На мене ничтоже рци зла. Аще государь твой, вѣдая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мнѣ, к ееликоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ль самъ дерзнулъ еси, не научився, то самъ убилъ еси себя». Тако поклисарю учиняше колъ высокъ и позлащенъ весь, и на него всаждаше, и государю его тѣ рѣчи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и т научена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочкы желѣзны; он же насыпа их злата, в рѣку положи. А мастеровъ тѣх посѣщи повелѣ, да никтоже увѣсть съдѣланнаго имъ окаанства, токмо тезоимениты ему диаволъ.

Нѣкогда же поиде на него воинством король угорскы Маттѣашь; он же поиде противъ ему, и срѣтеся с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своихъ изданъ по крамолѣ.[7] И приведенъ бысть Дракула ко кралю, и повелѣ его метнути в темницю. И сѣде в Вышеградѣ на Дунаи, выше Будина 4 *мили*,[8] 12 лѣт. А на Мунтьянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводѣ, и краль пусти к нему в темницю, да аще восхощет быти воевода на Мунтианской земли, якоже и первие, то да латиньскую вѣру прииметь, аще ль же ни, то умрети в темници хощеть. Дракула же возлюби паче временнаго свѣта сладость, нежели вѣчнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свѣтъ, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу вѣру, и приатъ латыньскую прелесть. Крал же не токмо дасть ему воеводство на Мунтьянской земли, но и сестру свою родную дасть ему в жену,[9] от неяже роди два сына. Пожив же мало, яко 10 лѣт, и тако скончася в той прельсти.[10]

Глаголют же о немь, яко, и в темници сѣдя, не остася своего злаго обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая, и тако казняше ихъ, ову на колъ посажаше, а иной главу отсѣкаше, а со иныя, перие ощипавъ, пускаше. И научися шити и тѣмъ в темници кормляшесь.

Егда же краль изведе его ис темници, и приведе его на Будинъ, и дасть ему домъ в Пещи противу Будина, и еще у краля не былъ, случися нѣкоему злодѣю уйти на его дворъ, и съхранися. Гонящии же приидоша, и начаша искати, и наидоша его. Дракула же воставъ, взем мечь свой, и скочи с полаты, и отсѣче главу приставу оному, держащему злодѣя, а злодѣя отпусти; прочии же бѣжаша, и приидоша к биреву, и повѣдаша

ему бывшее. Бирев же съ всѣми посадникы иде ко кралю, жалуяся на Дракулу. Король же посла к нему, вопрошая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвѣща: «Зло никое ж учиних, но онъ самъ себе убил; находя разбойническы на великаго государя домъ, всякъ такъ погибнеть. Аще ли то ко мнѣ пришел бы, явил, и азъ во своемъ дому нашел бы того злодѣя, или бы выдалъ, или *простил* его от смерти». Кралю же повѣдаша. Король же нача смѣятися и дивитись его сердцю.

Конец же его сице:[11] живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша плѣнити. Он же удари на них, и побѣгоша турци. Дракулино же войско безъ милости начаша их сѣщи и гнаша их. Дракула же от радости възгнавъ на гору, да видить, како сѣкуть турковъ, и отторгься от войска; ближнии его, мнящись яко турчинъ, и удари его единъ копиемъ. Он же видѣвъ, яко от своих убиваемъ, и ту уби своих убийць мечем своимъ 5, его же мнозими копии сбодоша, и тако убиенъ бысть.

Корол же сестру свою взят, и со двѣма сынми, въ Угорскую землю на Будинъ. Единъ при кралевѣ сынѣ живет, а другий был у варадинского бископа[12] и при нас умре, а третьяго сына, старѣйшаго, Михаила,[13] тут же на Будину видѣхом, от царя турскаго прибѣгъ ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула съ единою дѣвкою. Стефан же молдовскый з кралевы воли посади на Мунтьянской земли нѣкоего воеводскаго сына, Влада именем. Бысть бо той Владъ от младенства инокъ, потомъ и священникъ и игуменъ в монастыри, потомъ ростригся и сѣлъ на воеводство, и женился, понялъ воеводскую жену, иже после Дракулы мало побылъ, и убилъ его Стефанъ волосьскы,[14] того жену понялъ. И нынѣ воевода на Мунтьянской земли Владъ, иже бывы чернець и игуменъ.[15]

В лѣто 6994 февраля 13 прежь писал, та же в лѣто 6998 генваря 28 вдругье переписах азъ, грѣшны Ефросинъ.[16]

---

[1] *...в Мунтьянской земли...* — Мунтения (горная страна) — область в Румынии, восточная часть Валахии. Мунтьянской землей русский автор именует Валашское княжество, представлявшее собой в XV в. феодальное государство, ведшее борьбу за свою независимость против Турции и соседней Венгрии.

[2] *...Дракула влашеским языком, а нашим — диаволъ.* — Влад Цепеш (правил в 1456—1462 и 1477 гг.) получил прозвище «Дракула», распространенное за пределами Румынии, в наследство от отца, также носившего имя Влад (1436—1446 гг.); первоначально это прозвище было, по-видимому, связано с принадлежностью Влада-старшего к рыцарскому ордену Дракона, основанному германскими императорами, но затем стало ассоциироваться с румынским словом (drac — дьявол).

[3] *...от турьскаго поклисарие...* — Поклисарь, поклисарие (от греч. αποξπισιαπιού) — посол, послы; имеются в виду послы от Мехмеда (Магомета) II, турецкого султана, многократно вторгавшегося в Валахию. Рассказ о после (послах), отказавшемся снять шляпу, за что она была приколочена ему к голове, в западных странах относили впоследствии к Ивану Грозному.

[4] *...велми рад бысть, бѣ бо тогда ратуяся со восточными.* — В 50—60-х гг., после завоевания Царьграда и уничтожения Византийской империи, Мехмед II вел войну с главой тюркского государства Ак-Коюнлу Узун-Хазаном.

[5] *Дракула же поиде, събрався съ всѣм воиньством...* — Военные действия между Владом Цепешем и турецким султаном происходили в 1461—1462 гг. Известия об этой войне в источниках противоречивы; современные румынские историки считают известия об успехах Влада (во время летнего похода в 1462 г.) достоверными.

[6] *...от угорскаго короля Маттѣашя...* — Матвей Корвин (Матиаш Хуньяди) — венгерский король (1458—1490 гг.).

[7] *...от своихъ изданъ по крамолѣ.* — Дракула попал в венгерский плен в конце 1462 г. История его пленения довольно сложна. Первоначально Матвей Корвин заявил о своем желании помочь валашскому господарю, ведшему войну с турками, но затем он объявил Влада в тайном сговоре с султаном и признал господарем его брата Раду Красивого (которого до этого поддерживали турки). Румынские историки считают известие об измене в войске Цепеша достоверным.

[8] *...в Вышеградѣ на Дунаи, выше Будина 4 мили...* — Указание на расстояние от королевского замка Вышеграда (Vizcegrad, нем. Plintenberg) до венгерской столицы Будина (Буды, часть нынешнего Будапешта) пропущено в Кирилловском (Ефросиновском) списке, но читается в других списках той же редакции.

[9] *...сестру свою родную дасть ему в жену...* — Жена Дракулы не была сестрой Матфея Корвина. По одним сведениям она была родственницей Матфея, по другим — принадлежала к знатной венгерской фамилии.

[10] *Пожив же мало, яко 10 лѣт, и тако скончася в той прельсти.* — В действительности Матвей Корвин восстановил Влада Цепеша на валашском престоле в 1476 г., и его вторичное царствование длилось около года.

[11] *Конец же его сице...* — Влад Цепеш погиб в сражении с турками в 1477 г.; на престол был посажен его давний соперник (представитель соперничающей династии Данов) Лайот Басараб.

[12] *...варадинского бископа...* — Епископа города Вардан или Варадин Великий (ныне Орадя в Румынии).

[13] *...Михаила...* — Михня Злой, впоследствии (1508—1510 гг.) валашский господарь.

[14] *...Стефанъ волосьскы...* — Стефан (Штефан) Великий — молдавский князь (1457—1507 гг.), союзник и свояк великого князя Ивана III (сын Ивана был женат на дочери Стефана Елене).

[15] *...Владъ, иже бывы чернець и игуменъ.* — Известия о преемниках Влада Цепеша противоречивы. Влад, ставший валашским князем, — по-видимому, Влад Монах, бывший по одним сведениям сыном, а по другим братом Влада Цепеша.

[16] *Ефросинъ* — монах Кирилло-Белозерского монастыря, составитель сборников (ныне в РНБ, Кирилло-Белозерское собрание), включающих ряд выдающихся памятников светской литературы Древней Руси (кроме «Повести о Дракуле» — «Задонщина», «Сербская Александрия», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть о двенадцати снах царя Шахаиши», несколько вариантов сказаний о Соломоне и Китоврасе и др.).

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ-ВОЕВОДЕ

Был в Мунтьянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — дьявол. Так жесток и мудр был, что каково имя, такова была и жизнь его.

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, наш и в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы крепко его держались». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай являть другим государям, которым обычай такой чужд, а у себя его блюдет».

Царь же весьма разгневался, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Тот же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину, — того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а женщина!» А когда снова пошел войной против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы.

И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством своим и со всем богатством хочу пойти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, и послу его почести воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, чтобы, когда пойдет Дракула, никто никакого зла бы ему не причинял, а, напротив, встречали бы его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему великие почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увел и поселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем,' что видели: сколько смог, послужил ему. И если люба ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что, если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет, или обидит, не избегнуть тому смерти. Будь он знатным вельможей, или священником, или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог откупиться он от смерти, так грозен был Дракула.

Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца и родника, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место, и сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару.

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина; они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо Богу, государь, и тебе: на что тебя Бог наставит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней».

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где было бесчисленное множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, Богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его в колеснице довезти до рубежа Венгерской земли.

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о

пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото, и пересчитал его и раз, и другой, и увидел, что один дукат лишний, и, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, и, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» — «Да, государь», — отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды; ты же и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки и труп ее посадить на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его, он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть смрада и заткнул нос и отвернулся. Тот же спроси его: «Что ты делаешь?» А он отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И повелел Дракула сесть с ним обедать

среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный кол, весь позолоченный, и спросил Дракула посла: «Скажи мне, для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь; вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести великие, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями». Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на его коварные вопросы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. На меня же не возлагай вины. Если государь твой, зная, что неумен ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой государь и убил тебя; если же ты сам решился идти, неученый, то сам себя и убил». И тогда готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола.

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш; Дракула выступил ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтьянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру, а если не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул его Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему

сестру родную, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной той вере.

Рассказывали о нем, что, сидя в темнице, не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучил их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья. И научился шить, и кормился этим в темнице.

Когда же король освободил Дракулу из темницы, привезли его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды, — но еще не был допущен Дракула к королю, и вот тогда случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же пришли и стали искать преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из дома, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил; остальные же обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же со всеми посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о происшедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо простил бы его». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтьянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска; приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Тот же, видя, что убивают его свои, сразил мечом пятерых своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего старшего сына, Михаила, видели тут же в Буде — бежал к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой. Стефан же молдавский по королевской воле посадил в Мунтьянской земле некоего воеводского сына по имени Влад. Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом монастыря, а потом расстригся и сел на воеводство, и женился он на вдове воеводы, правившего недолгое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове

он и женился. И ныне воевода в Мунтьянской земле тот Влад, что был чернец и игумен.

В год 6994 (1486) февраля в 13 день писал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин.

ПОВЕСТЬ О БАСАРГЕ И О СЫНЕ ЕГО БОРЗОСМЫСЛЕ

Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле» сохранилась в рукописной традиции под разными названиями: «Сказание о трех царей, о царѣ Несмеяне Гордом и царе Борзосмысле Дмитриевиче», «Повесть о Дмитрии-купце и о премудром слове сына ево», «Повесть о неком купце богобоязливом и о детище его», «Сказание-повесть о царе Борзосмысле Дмитриевиче и о мудрых его загатъках», «Слово о Дмитрии купце Басарге».

«Повесть о Басарге и о сыне его Борзосмысле» дошла до нас только в рукописях XVII в. и более позднего времени, но характер повести и ряд реалий (напр., упоминание Антиохии без ссылки на ее завоевание турками в начале XVI в.) дает основание предполагать, что она возникла еще в конце XV — начале XVI в. и просто не сохранилась в более ранних списках.

В основе «Повести о Басарге и о сыне его Борзосмысле» лежит широко распространенный в фольклоре и литературе «мировой сюжет», обычно именуемый в литературоведении и фольклористике анекдотом об «императоре и аббате» (ср. *Андерсон В.* Император и аббат. История одного народного анекдота. Казань, 1916). Как и во всех рассказах на этот сюжет, жестокий правитель задает загадки, которые отгадывает не тот человек, кому они загаданы (в повести — купец Басарга), а выступающий вместо него мудрый «простак», которым в данном случае оказывается семилетний мальчик Борзосмысл.

Наиболее полное исследование рукописной традиции и литературной истории памятника было предпринято М. О. Скрипилем («Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле». Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969). М. О. Скрипиль доказал, что древнейшей редакцией повести является «антиохийская редакция» (где Басарга приезжает из Царьграда в Антиохию — в других редакциях

упоминается приезд Басарги из Киева к неизвестному острову или к «царственному граду», в Венецию и т. д.). Однако в основу при издании «антиохийской редакции» исследователь положил список РГБ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 480, между тем как анализ разночтений показывает, что более первичные чтения «антиохийской редакции» сохранились в списке РГБ, Румянцевское собр., № 2432 (ныне РГБ, библиотека А. Попова, № 71), см. об этом в рецензии на издание М. О. Скрипиля: «Известия АН СССР», серия литературы и языка, т. XXIX, № 4, с. 350—351. В наст. изд. текст публикуется по списку РГБ, ф. 236 (библиотека А. Попова), № 71, лл. 40—44 об., с исправлениями по списку РГБ, Музейное собрание, ф. 178, № 380.

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ЦАРЕЙ — ОРКАДИ, О ЦАРѢ НЕСМЕЯНЕ ГОРДОМЪ И О ЦАРЕ БОРЗОСМЫСЛЕ ДМИТРЕВИЧЕ[1]

В некоемъ великомъ граде, во Антиохи,[2] царствовал на царстве царь, именемъ Аркадию. Царств*ующи* во Антиохи 16 лѣт, жиль и преставися, и погребѣнъ бысть во Антиохи Анфилогиемъ, потриярхомъ антиохискимъ. По преставлению же Аркадию, к царю собрашеся множества народа гречен и сотвориша советъ промежъ собою с потриярхоми, и послаша посланиковъ своих в Римъ, и призваша къ себѣ властелина от римъских велможъ. И ведоша посланики в Римъ, изобраше к себѣ единаго от упатъ, именемъ Несмеянъ Горды, молиша его, добы шел в Антиохию и царствовал над греки. Он же приupят моления ихъ и шедши царьствова над ними. По дьяволскому новожъдению нача Несмеянъ Горды царь с пришедшими своими с рымълены града того прелшати своимъ деяниямъ и златомъ и сребромъ, иных привлекоша неволею, во свою латынъскою веру приводитъ.[3]

Минушеся многия лѣта, окояньны понужъдаетъ к своей лотынъской верѣ неволею не *тъкмо* во своемъ царьстве, — из ыных царьствъ купцы прихожъдху купли ради, онъ же дияволскимъ научениемъ привлекоша ихъ к своей латынской вере. А кто не хочетъ християнския веры отстать, — и онъ, окоянны, *по* дьяволскому научению техъ купцовъ в темъницы вметаетъ, гладомъ томитъ, имена ихъ на себѣ взымаетъ.

В то же время неки купецъ, зело богатъ, именем Дмитрей,[4] йсхожъдаху ему ис Царя*града*[5] с нимъ же бысть рабовъ множества, и с нимъ бысть сынъ его единочадны, младъ возростамъ. Плавалъ же по морю 8 месяцавъ, внезапу воста ветрь великъ и носяше корабль волною, и узреша изьдолѣче видивъ гратъ великъ, и возрадовашеся радостию великою, и обратися, и присташа во присьтаниша короблиное. И виде множества короблей, помыслиша в себѣ, яко великъ сей гратъ и богата

земля, купцовъ многа. Сниде купець Дмитрей с коробля своего, иде во гратъ, и стретоша его граждене и рекоша ему: «Откуды, господине, и коея веры еси?» И рече купецъ Дмитрей: «Азь *есмь* християнин греческия веры от преслоушаго града купець *греческия веры*!» — «*Купче*, единыя еси греческия веры с нами, толка за наша прегрешения имеемъ у себе царя законоотступника латынския веры, томитъ нась, хотя привлеши во свою латынъску веру! Видеши, господине, — приходетъ купцы со всехъ странъ, хотяше торговать!» — «Вемъ!» — «Царь же повелѣ имъ три загатки отгадать, приводя ихъ к своей латыньской верѣ: не можетъ имъ техъ три загатки отгадатъ, — и за то всажены быстъ в темъницы! Мы же имели у себѣ учителя, потриярха Анфилофия, царь же откоянны, не вемы камо, сослалъ его въ заточения!»

Купецъ же Дмитрей, слышавъ токовыя глаголы от гражденъ, возвратися на корабль свой и хотя отплытъ от града того, и приди на корабль свой, а ужъ на корабле его стоятъ сторожи царевы, понеже закон токовъ царевъ: егда приде ко граду корабль, коковъ и от которава царства, повелитъ царь сторожамъ своимъ стеречъ, чтобы не ушель купецъ прочъ.

Дмитърей же купецъ, воздевъ упование на Бога и въземъ дары великия, и поиде к царю, имя же царю — Несмеянъ Горды. И приде к нѣму купецъ Дмитрей, и ста *пред* царемъ, и рече: «Государь царь Несмеянъ Горды! Купчишка *есми*, пришель из греческия земли от преслаушаго Царяграда, чтобы, господинъ, дары принель, а мне, купчишку, во своемъ царьстве велель торьговать всякими товары!» И рече царь: «Завътре буди ко мне отобедать!»

Наутре же приде к царю обѣдать. Пообѣдовъши же, и рече царь купцу: «Купче, коея еси веры?» Купецъ же рече царю: «Я ес*ми*, государь, веры християньския, греческаго языка!» И рече царь: «Аз чаел, еси единыя веры со мъною! И аз хотель тебѣ датъ во своемъ царьстве торговатъ всякими товары и хотель тебѣ отпуститъ з дары и с проводники — ин ты со мъною не единыя веры! Купче, ведома тебѣ буди: отгодай мне три загатки. Аще ли отгадаешъ, — азь тебѣ повелю во своем царьстве торговатъ всякими товары, аще ли не отгадаешъ — и ты пребуди со *мною* в моей вере, аще ли не хочещъ со мною бытъ в моей вере, — и то тебѣ велю главу твою отсечи мечемъ своимъ, а товар твой взятъ в козьну!» Дмитре же купецъ ста на долги часъ, пониче главу свою. И Несмеян царь рече: «Что царю не отвешаеш?» И, склонися, купецъ рече царю: «Государь царь Несмеянъ Горды! Дай же мне сроку на три дни!»

Приде Дмитърей на корапль, плаче и рыдаетъ, чая на себе смерти от царя. А сынъ его игъраетъ на корабли на дьревце: единою рукою древца держитъ, а другою рукою по древцу бияше и седя, яко на кони, и скокаша по кораблю, якоже токовъ извычай детишенъ игру творяше. И видевъ отрок отца своево, плаче велми печаленъ, и абия отрокъ, отложивъ игру свою прочъ, и скоро притече ко отцу своему и рече: «Вижу тя, отче, вельми печаленъ! Что тебѣ прилучилося в граде семъ от царя?» И рече Дмитре сыну своему: «Чадо мое милое! Еще еси ты млатъ, семи лѣтъ, и ты играешъ по-децъки, таво не ведоешъ отцовай печали! И не веселися, чадо милое, что мнѣ царь смертъ скозал! И тебѣ, чадо мое, не пособитъ!» И рече отрокъ отцу своему: «Отча, скажи мнѣ, кокую тебѣ царь смертъ скозалъ? И аз тебѣ пособлю» . И воздохнувъ из глубины серца своего, и рече купецъ сыну своему: «*Как*, чада милое, *пособити, толику младу сущу*? Мне, отцу своему, пособитъ не смыслишъ! *Аз, чадо, отец твой — муж совершен*, смыслю много, болши тебъ, — аше не знаю, что царю отвещати, — а ты, млат, хочешъ пособитъ!» И рече детища отцу своему: «Ведома тебѣ, отча, буди: удаль конъ познаваетца на рати, а веренъ друхъ у дела познаваеца! Токмо поведой мнѣ, отча, слова царево! Аще не поведаешъ, — самъ от царя смертъ наведешъ и меня погубишъ!» Слышевъ же отецъ от сына своего мудрыя речи, подивися и рыдание свое утали, печаль свою на радостъ преложи, и рече отецъ сыну своему: «То мя печаль и рыданье — сказаль мне царь, велель пред собою 3 загатьки отгодатъ. И сихъ ради трехъ загадакъ кораблей множества купцевъ сидятъ въ темъницах и терпетъ великую муку и *скорбь* имене ради Христова! И заповедал царь, не велитъ хлѣба на торгь печъ, дабы гладомъ мерли, аще ли кто не хочетъ, да обратились ево латынской вере! Азь, чадо, страха царева убояся, взялъ сроку на три дни, а в четверты денъ хочетъ главу отсечи мечемъ, а товар мой хочетъ взятъ в козьну!» И рече сынъ отцу своему: «Прости мя, Господи, и ты, отча, — скорби, и рыдания, и печаль — безумъных людей, а се ты, отча, тому жъ уподобися: хочешъ единъ печаль свою в себѣ удержатъ, а мне ты, сыну своему, не поведоешъ! И аз тебѣ, отча, пособлю и загатъки царевы отгадаю!» И взятъ отрок игру свою и начатъ игратъ.

И пришедше той четверьты денъ, приде купецъ к сыну своему и рече ему: «Сынъ мой! Четверты денъ, коего я у царя просил, пришель! Что велишъ глаголати пред царем?» И рече отрокъ: «Придемъ, отча, пред царя, и возми себѣ единаго раба да меня, да буди воля Господня! Якоже годна Господеви, тако и совершимъ!» Купецъ же Дмитрей подивися разуму ево и мудрому ево ответу, сына своего, и помыслиша в себе: «Что ся хощетъ быты!» И ста купецъ сыномъ своимъ и с рабомъ пред царемъ.

И рече царь купцу: «Купецъ! День твой пришель, коего ты просиль, — отгадывай загатки мои!» И рече сынь купцевъ: «Дай мне, царю, меду пить, — я тѣбе загатки твои отгадаю!» И рече царь детишу: «Не тебе аз загатки загадываю, но сему купцу!» И рече детиша: «Царь! Аз —

купцевъ сынъ есми, — загатки твои за отца своего отгадаю!» Царь же, наливъ чашу меду, и дастъ детишу. Детише же дастъ отцу своему. Отець же, испивъ меду, хотя отдатъ чашу, и рече детише отцу своему: «Отча! Не довай царева даяния чашу, но скры в нѣдры своя,[6] понеже царева дояния не отходитъ въспятъ!» Отецъ же скры чашу вь недры своя. Царь же, наливъ вторую чашу меду, и дастъ детишу, детише же дастъ рабу своему, повелиша питъ, скрыти в недры. Рабъ же тако сотвориша повеления. Царь же, наливъ третью чашу меду, и дастъ отроку. Отрокъ, выпивъ, и скры чашу в нѣдры своя. И рече детиша: «Царева даяния не отходит вьспятъ!» И рече царь отъроку: «Отроча! Тебѣ глаголю, отгадывай загатъку мою: много ли от востока до запода?» Отрокъ рече: «От востока до запода 12 часовъ, от запода до востока 12 часовъ, и всего тово во дни и в ночи от востока до запода 24 чеса!» И удивися царь младому ево разуму и мудрому ево ответу. И паки наливъ чашу меду, и дастъ купцу, и сыну ево, и рабу ихъ. Они же, выпивъ чаши, и скрыша в нѣдры своя и рекоша: «Царево дояние не отходитъ вьспятъ!» И рече царь отроку: «Отроча! вторая загатка: *от чего* десятая частъ в мире пребываетъ *и десятая часть убывает*?» И рече царю отрокъ: «Аз твою загатьку отгадаю завътра, ась ты, царю, постави престоль свой среди двора своего и сиди на немъ!»

Наутре же приде онъ купецъ с сыномъ своимъ и с рабомъ и ста пред царемъ и поклонишеся ему, и рече царь: «Млады отрокъ! Отгодывой мою вторую загатку: чесо днемъ десятоя частъ в миру убываетъ, а десятоя частъ в миру пребываетъ?» И рече отрокъ царю: «Государь царь, Несмеянъ Горды! То ли твоя мудроя загатка? У нась ети твои загатки младыя отроки, мнѣ сверстники, промежъ собою загадываютъ и отъгадывают! То ли твоя, царю, загатъка? — Сонъце зноемъ высушаетъ десятою частъ воды в мори, и в реках, и в озерах. Понеже нощъ имеетъ в себе мокроту и росу впушаетъ в мори, и в реки, и в озеры, — и то десятая часть в мире прибываетъ ношъшию, — то тебе, царю, вторая загатка!» И удивися царь *таковому* ево разуму и многоразумному ево мудрому отъвету, — борзо токово смышленъ. И рече царь: «Отроча! Отгадывай третью загатьку: чтобы естъ окаяныя не смеялись поганы *вамъ*, провославным християном?» И рече отрокъ к царю: «Дай мнѣ сроку на петь дней, а въ те 5 дней повели проповедникомъ своимъ по въсемъ торгамъ и по всему граду, чтобъ все *шли* к лобному месту, и ты повели себѣ сотворитъ на лобномъ месте выше всех людей место, чтобы глась твой быль слышитъ во все люди!» И дастъ ему царь сроку на пет дней, а в те пятъ днѣй, по велению его и по приказу, все устроили.

В шесты денъ сяди царь на высокое место, на престоле своемъ. И сбрашеся вси людия града того. Царь же на лобьном месте седя и держаше у себѣ в руце мечъ, а въ другой руце жезль, и хотя имъ отсечи главу купцу, и сыну ево, и робу их. И приде купецъ с сыномъ своимъ и с рабомъ их, и ста пред царемъ, и поклонишеся емудо земъли. И рече царь детишу: «Млады отрокъ борзомысленны! Отгадывай мою третью загатъку: чтобы поганыя не смеялись *вам*, провославънымъ

християномъ?» И рече отрокъ: «Ты, царь, великъ еси, а сидишъ на высокомъ месте, и глась твой сходитъ во все люди слышитъ, — азъ я — отрокъ младъ, а се стою на земъли ниско, отгатъки моей никто не услышит, — соиди ты, царю, с высокова места своего, да пусти менѣ и дай мне одеяние свое, и жезль свой, и мечъ, — аз тебѣ отгадаю загатъку твою!» Слыше же царь, попы, и тироны, князи, и бояри, и вси людие: «Государь царь! Отрокъ *есть* младъ, что можетъ сотъворитъ?» Царь же сниде с высокова места своего и даде отроку одеяние свое, и жезль, и мечъ свой. Отрокъ же взыде на высокое место. Царь же помыслиша в себе: «Что будетъ?», — а того не ведает, яко *Богъ дает* царьствовати кому хощетъ, се и творитъ. И быстъ в народе шумъ великъ: всякъ хошет видитъ, что ся будетъ. Рече отърокъ: «Повели, царю, молчати!» И быстъ тишина великая. И возопи отърок великимъ гласомъ: «Попы, и тироны, князи и бояре, и вси людие, мужие и жены! В которою веру хошетя веровать? Во Светую ли Троицу: Отца и Сына и Светаго Духа, или в проклятою ельенскую веру?» И возопиша вси людие единымъ гласомъ: «Хошем, господине, вероватъ во Светую Троицу: Отца и Сына и Светаго Духа!» Отрокъ же извлекъ мечъ и отсече царю главу и рече себе: «То твоя третья загатка отгадана! Не смейся, поганы, намъ, провославънымъ християном!»

И быстъ в мире молва велика, и рече отрок: «Миръ вамъ, провославнымъ християномъ!», — и все *умолкоша*. И паки рече отърокъ: «Изберитя себе царя от православныя веры!» И возопиша вси людие единым гласомъ, глаголаше: «Ты нас избавил от толикия вѣры и от злаго мучителя — ты намъ буди царь!» И рече отърокъ: «Коли есть изволиль Богъ, и мнѣ быстъ у вас себѣ царемъ! Царь же именуеца слуга *Божиим изволением*, и царьство бо ему даетца Божиемъ повелѣниемъ, и мы возьвеличим Господа и прославимъ Матер его, яко избавиль Господь отца моего, и мене, и раба нашего от латынъского сего мучительства и от толикия напрасныя смерти. И вась милостию своею посетил Богъ, не отринуль вась от православныя веры, и вамъ подобаетъ славитъ Троицу Светую: Отца и Сына и Светаго Духа. Сие сотворил Божиемъ повелениемъ, а не нашим изволением: аще Богъ с нами — никто же на ны!» И зкликнуша вси людие единымъ гласомъ, яко едиными усты глаголюше: «О Божи мудрости владыки много лѣты, государю нашему, царю Борзосмыслу Дмитреевичу!»

Но вопросиша царь народа: «Был ли у вась *патриярх* вселенны, и свещеники, и дьяконы, или черноризцы, или чернецы?» Они рекоша ему: «Новы государь, царь Борзосмысль Дмитриевичъ! Потриярха нашего онь, окоянны богоотступникъ, Несмеян Горды, не вемъ, камо сослаль в заточения!» Царь же Борзосмысл Дмитриевичъ *повеле пустити заповедь великую во областъ* Антиохиского царьства: аще кто где обряшетъ потриярха, или свешенники, или дьякона, или черноризцавъ, или чернецовъ, дабы привели их во градъ Антиохию к новому царю Борзосмыслу Дмитревичу. И многих поповъ и дияконовъ обретоша: иных при миру утоишеся, а чернецовъ обретоша в пустынехъ

и въ лѣсах в пещерах. И призва их во гратъ Антиохию и скозаша имъ нового царя Борзосмысла Дмитревича, християнина веры. А потриярха нигде не обретоша. Печалънъ же бысьт царь о потриярхе. И приде неки пастырь овцам поведати царю: «Азь видель потриярьха, в горе живушу, в пещере, былия едуше, а въместо воды росу лижуше!» От радости посла царь к потриярху кнъзей и боярь, и множества люд*е*й и пастырей, повеле ево молити, дабы *ш*ель во Антиохию и сел бы на свой престол, якоже первыя, и научиль людей вере християнской, како подобаеть жити провославным християномъ и по заповедемъ Божиимъ ходити, «и мене бы благословил на царство сестъ!» И приде и скозаша ему, и онъ прият моления ихъ и пришель во гратъ Антиохию. И пришель предъ царя и поклонися ему до земъли. А царь, воставъ, и поклонися ему ниже ево, и благословения принялъ на царство сестъ, и проводиль ево с честию, и повеле сести на престоле своемъ попрежънему, и велелъ научитъ людей вѣре християнъския, и житъ по-прежънему. Аминъ.[7]

---

[1] *Сказание о трех царей — Оркади, о царѣ Несмеяне Гордомъ и о царе Борзосмысле Дмитревиче.* — Из «трех царей», упомянутых в заголовке публикуемой версии, чертами историчности обладает только Аркадий, византийский император (395—408 гг.), и упоминаемый далее патриарх Амфилохий (394—403 гг.). Однако к истории борьбы православных с «латинами» из-за Антиохии оба этих лица никакого отношения не имеют. Несмеян как «мирское» (бытовое, — в отличие от имени, полученного при крещении) имя встречаетея на Руси в XV—XVII вв., однако, как и имя «Борзосмысл», в повести оно имеет явно нарицательный смысл, определяя характер персонажа.

[2] *...во Антиохи...* — Антиохийское княжество с центром в г. Антиохии, входило в состав византийской Сирии. В конце XI в. было захвачено католическими крестоносцами и стало независимым государством. В XII в. на некоторое время вновь было присоединено к Византии.

[3] *...во свою латынъскою веру приводитъ.* — Основной сюжетный конфликт повести отражает обстановку XI—XIII вв., когда в Антиохии сталкивались «латинские» (крестоносные) и греко-православные (связанные с распавшейся в начале XIII в. и вновь возрожденной Византией) силы. С конца XV — начала XVI в. положение на Ближнем Востоке резко изменилось — турки уничтожили Византийскую империю, а в 1516 г. завоевали Антиохию. Полное отсутствие в повести турецкой темы дает основание предполагать, что русская повесть была написана до конца XV в.

[4] *...именем Дмитрей...* — В других списках антиохийской редакции, а также в других редакциях повести купец имеет прозвище «Басарга» (отсюда и распространенное в литературоведении название повести). Слово «базарган» имеет, как и ряд других имен в повести,

нарицательный смысл, ибо по-болгарски (где это слово заимствовано из турецкого или персидского языка) оно означает «купец».

[5] *...ис Царяграда...* — В более поздних редакциях памятника (в научной литературе они именуются киевской, басурманской, венецианской) Дмитрий Басарга именуется русским купцом.

[6] *Не довай царева даяния чашу, но скры в нѣдры своя...* — Мотив спрятанной чаши, не играющей далее никакой роли, в «Повести о Басарге», возможно, заимствован из «Сербской Александрии», где так же поступает Александр Македонский, явившийся к персидскому царю под видом собственного посла: спрятанные чаши служат ему затем своеобразным пропуском, по предъявлении которого персидские стражи выпускают его из дворца.

[7] *...и жить по-прежъмему. Аминъ.* — Так заканчивается текст в списке РГБ, ф. 236, № 71. В других списках той же редакции расказывается о приезде к Борзосмыслу отца и матери; в двух списках (РГБ, собр. Тихонравова, № 480, БАН, № 32.2.25) говорится, что Басарга стал под своим сыном «вторым царем» — возможно, что, рисуя такое отношение между отцом и его сыном-царем, повесть отражала роль патриарха Филарета в первой четверти XVII в., когда Филарет именовался «великим государем», как и его сын — царь Михаил Федорович.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ЦАРЯХ — АРКАДИИ, ЦАРЕ НЕСМЕЯНЕ ГОРДОМ И О ЦАРЕ БОРЗОСМЫСЛЕ ДМИТРИЕВИЧЕ

В одном великом городе, в Антиохии, царствовал в своем царстве царь по имени Аркадий. Царствовав в Антиохии шестнадцать лет, жил да и преставился, и погребен был в Антиохии Амфилохием, патриархом антиохийским. По кончине же Аркадия собралось во дворце его множество людей греческих, и устроили они совет с патриархом, и послали послов своих в Рим, чтобы призвать к себе властелина из числа римских вельмож. И отправились посланные в Рим, избрали себе одного из правителей, по имени Несмеян Гордый, и умолили его, чтобы пошел в Антиохию царствовать над греками. И тот внял их мольбам и, прийдя, воцарился над ними. Но по дьявольскому наущению начал царь Несмеян Гордый с пришедшими с ним римлянами город тот весь соблазнять, и своими деяниями, и золотом, и серебром, а кого, побуждая к тому и против воли, в свою латинскую веру приводить.

По прошествии многих лет окаянный понуждает перейти в свою латинскую веру насильно не только людей в своем государстве: из иных государств купцы приходили торговать, так он по дьявольскому наущению и их завлекал в свою латинскую веру. А если кто не желал от христианской веры отречься, так он, окаянный, по дьявольскому

наущению таких купцов в темницы бросает, голодом морит, имущество их себе забирает.

В то же время один купец, очень богатый, по имени Дмитрий, отправлялся из Царьграда, и было с ним много рабов, и был с ним сын его единственный, малый возрастом. Уж плавал он по морю восемь месяцев, как внезапно поднялся сильный ветер и носил корабль по волнам, и увидели вдруг вдалеке город большой, и возрадовались радостию великою, и повернули к нему, и пристали в гавани корабельной. И увидел купец множество кораблей, подумал про себя, что велик этот город, и богата земля, и купцов много. Сошел купец Дмитрий с корабля своего, пошел в город, и встретили его горожане и спросили: «Откуда ты, господин, и какой веры?» И ответил купец Дмитрий: «Я христианин греческой веры, из преславного града купец греческой веры!» — «О купец, одной ты греческой веры с нами, но только имеем мы за наши прегрешения у себя царем вероотступника, латинской веры, мучает нас, желая склонить к своей латинской вере! Видишь, господин, — приходят купцы со всех сторон, желая тут торговать?» — «Вижу!» — «А царь повелел им всем три загадки отгадать, приводя их в свою латинскую веру: кто не может тех загадок отгадать — бросает их в темницы! Был же у нас и учитель, патриарх Амфилохий, но царь окаянный, не ведаем куда, и его сослал в заточение!»

И купец Дмитрий, услышав такие слова от горожан, возвратился на свой корабль и решил отплыть от того города, но пришел на корабль свой — а уж на корабле его стоит царская стража, ибо правило было таково у царя: как придет к пристани корабль, какого бы ни было царства, повелевает царь страже своей стеречь, чтоб не ушел купец прочь.

Дмитрий же купец, возложив все надежды на Бога и взяв с собою большие дары, пошел к царю, а имя царя — Несмеян Гордый. И пришел к нему купец Дмитрий, и стал пред царем, и сказал: «Государь царь Несмеян Гордый! Купчишка я, прибыл из Греческой земли из преславного Царьграда, чтобы ты, господин, дары мои принял, а мне, купчишке, в своем царстве разрешил торговать всякими товарами!» И сказал царь: «Завтра приходи ко мне отобедать!»

И наутро пришел он к царю обедать. После обеда сказал царь купцу: «Купец, какой ты веры?» Купец же ответил царю: «Я, государь, веры христианской, греческой веры!» И сказал царь: «А я думал, что ты одной веры со мною! И хотел тебе дать в моем царстве торговать всякими товарами, и хотел тебя отпустить с дарами и с проводниками —

ан ты со мной не одной веры! Так знай же, купец: должен отгадать мне три загадки. Если отгадаешь — разрешу тебе в моем царстве торговать всяким товаром, но если не отгадаешь — перейдешь в мою веру, а если не пожелаешь со мною быть в моей вере — повелю отсечь твою голову мечом моим, а товар твой забрать в казну!» И задумался Дмитрий-купец надолго, поникнув головой. А Несмеян-царь сказал: «Почто царю не ответствуешь?» И, поклонясь, сказал купец царю: «Царь-государь Несмеян Гордый! Дай же мне сроку три дня!»

Пришел Дмитрий на корабль, плачет и рыдает, ожидая себе смерти от царя. А сын его играет на корабле с прутиком: одной рукою прутик держит, а другою рукою по прутику бьет и, сев как на коня, скачет по кораблю, как обычно дети играют. Как увидел мальчик отца своего, плачущего и опечаленного, тотчас он, отбросив свою игру, быстро прибежал к отцу своему и сказал: «Вижу, отец, что очень печален ты! Что с тобою случилось в городе этом у царя?» И ответил Дмитрий сыну своему: «Чадо мое милое! Молод еще ты, семи лет, и играешь по-детски, так что не поймешь отцовской печали! И не веселись, чадо милое, ибо осудил меня царь на смерть! И тебе, мое чадо, не помочь!» И ответил мальчик отцу своему: «Отец, скажи мне, на какую тебя смерть обрек царь? И я тебе помогу!» И, вздохнув от всего сердца своего, сказал купец сыну своему: «Как, чадо милое, можешь ты помочь, будучи столь малым? Мне, отцу своему, помочь не сообразишь! Вот я, чадо, отец твой, — муж зрелый, понимаю много и больше тебя, — но не знаю, что царю отвечать, — а ты, маленький, хочешь помочь!» И ответил ребенок отцу своему: «Пусть известно тебе, отец, будет: удалой конь познается в бою, а верный друг в деле познается! Лишь поведай мне, отец, слово царское! А коли не поведаешь — сам от царя смерть примешь и меня погубишь!» Услышав от сына своего столь мудрые речи, подивился отец и рыдать перестал, печаль свою в радость превратил, и сказал отец сыну своему: «Оттого у меня печаль и плач, что сказал мне царь, чтобы я перед ним три загадки отгадал. А из-за этих трех загадок множество купцов, чьи здесь корабли, сидит в темницах и терпит великое мучение и скорбь имени ради Христова! И повелел царь даже хлеб на продажу не печь, чтобы голодом мерли, так чтобы тот, кто и не хочет, но обратился в его латинскую веру! А я, чадо, гнева царского испугался, попросил сроку три дня, а на четвертый день хочет мне голову он отсечь мечом, товар же мой забрать в свою казну!» И сказал сын отцу своему: «Прости меня, Господи, и ты, отец: скорби, и рыдания, и печаль — удел слабоумных людей, вот и ты, отец, им уподобился: хочешь сам в себе печаль свою держать и мне, сыну твоему, ее не поведаешь! Я же тебе, отец, помогу и загадки царские отгадаю!» И вернулся мальчик к игре своей и продолжал играть.

И как наступил тот четвертый день, пришел купец к сыну своему и сказал ему: «Сын мой! Четвертый день, о котором царя я просил, наступил. Что скажешь говорить пред царем?» И ответил мальчик: «Пойдем, отец, к царю, возьми с собою одного раба да меня, а в

остальном пусть будет воля Господня! Как Богу угодно, так и поступим!» И подивился купец Дмитрий разуму его и мудрости его, сына своего, ответу, и подумал про себя: «Что-то будет!» И предстал купец с сыном своим и с рабом перед царем.

И сказал царь купцу: «Купец! День тот настал, о котором просил ты — отгадывай загадки мои!» И ответил сын купца: «Дай мне, царь, медку испить — я тебе загадки твои разгадаю!» И сказал царь ребенку: «Не тебе я загадки загадываю, а этому купцу!» И ответил ребенок: «Царь! Я — сын купца, загадки твои вместо отца своего разгадаю!» И царь, налив чашу меду, подает ее ребенку, а ребенок передает отцу своему. Отец же, выпив мед, хотел вернуть чашу, но сказал ребенок отцу своему: «Отец! Не возвращай царского дарения чашу, но спрячь ее поглубже, ибо царевы дарения не отдаются назад!» И отец спрятал чашу за пазуху. Царь же, налив вторую чашу меду, дал ребенку, и ребенок передал ее рабу своему, приказав выпить и спрятать поглубже. И раб совершил повеленное. Тогда царь, налив третью чашу меду, дал ее ребенку. Ребенок же, выпив, спрятал чашу поглубже. И сказал мальчик: «Царевы дарения не отдаются назад!» И сказал царь мальчику: «Мальчик! Тебе говорю, отгадай загадку мою: далеко ли от востока до запада?» Мальчик ответил: «От востока до запада двенадцать часов, от запада до востока двенадцать часов, и всего так, со днем и с ночью, от восхода солнца и до его заката, — двадцать четыре часа!» И поразился царь юному его разуму и мудрому его ответу. И, снова налив чашу меда, дал купцу, и сыну его, и рабу их. Те же, выпив чаши, спрятали их за пазухи свои и произнесли: «Царевы дарения не отдаются назад!» И сказал царь отроку: «Мальчик! Вторая загадка: чего десятая часть в мире прибывает, а десятая часть убывает?» И ответил мальчик царю: «Я твою загадку отгадаю завтра, но ты, царь, поставь престол свой посреди двора своего и сядь на него!»

И наутро пришел тот купец с сыном своим и с рабом, и предстал пред царем, и поклонился ему, и сказал царь: «Отрок младой! Отгадывай мою вторую загадку: чего десятая часть днем в мире убывает, а десятая часть в мире прибывает?» И ответил мальчик царю: «Царь-государь Несмеян Гордый! Это ли твоя мудрая загадка? У нас такие твои загадки маленькие мальчики, мои сверстники, друг другу загадывают и отгадывают! Это ли, о царь, твоя загадка? — Солнце зноем осушает десятую часть воды в море, в реках и в озерах. Но так как ночь приносит с собою сырость и влагу, вносит их в моря, и в реки, и в озера, — то десятая часть в мир возвращается ночью, — вот тебе, царь, вторая загадка!» И удивился царь таковому его разуму и многосмысленному его мудрому ответу, что так он смышлен. И сказал царь: «Мальчик! Отгадывай третью загадку: что нужно сделать, чтобы, проклятые, не смеялись язычники над вами, православными христианами?» И ответил мальчик царю: «Дай мне сроку пять дней, а за эти пять дней прикажи вестникам твоим по всем площадям и по всему городу объявлять, чтобы шли все к лобному месту; и ты повели тебе построить на лобном месте

выше всех прочих место, так чтобы голос твой был слышен всем!» И дал ему царь сроку пять дней, а в эти пять дней по велению его и по приказу все устроили.

На шестой день сел царь на высоком помосте, на престоле своем. И собрались все жители города того. Царь же, сидя на лобном месте, держал в своей руке меч, а в другой руке жезл, собираясь отсечь голову и купцу, и сыну его, и рабу их. И пришел купец с сыном своим и с рабом их, и предстал пред царем, и поклонился ему до земли. И сказал царь ребенку: «Ну, смышленый маленький мальчик, отгадывай мою третью загадку: так что нужно сделать, чтобы язычники не смеялись над вами, православными христианами?» И ответил мальчик: «Ты, царь, велик ведь, и сидишь на высоком месте, и голос твой расходится так, что все люди его слышат; я же — маленький мальчик, и вот я стою на земле так низко, что отгадки моей никто не услышит; сойди же ты, царь, с высокого своего места и пусти меня, и дай мне одежду твою, и жезл твой, и меч, — и вот тогда отгадаю я загадку твою!» И услышал царь, что попы, и воины, князья и бояре, и все люди кричат: «Царь-государь! Мальчик ведь мал, что он может сделать?» И сошел царь с высокого места своего, и дал мальчику одеяние свое, и жезл, и меч свой. Мальчик же взошел на высокое место. Царь же подумал про себя: «Что будет?» — а того не знает, что Бог позволяет царствовать, кому пожелает, и делает так. И начался средь народа страшный шум: каждый желает увидеть, что случится. И сказал мальчик: «Повели, царь, молчать!» И настала полная тишина. И крикнул тогда мальчик громким голосом: «Попы и воины, князья и бояре, и все люди, мужчины и женщины! В какую веру хотите веровать? В Святую ли Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа, — или в проклятую языческую веру?» И вскричали все люди единогласно: «Хотим, господин, веровать в Святую Троицу: в Отца, и Сына, и Святого Духа!» И мальчик извлек меч, и отсек царю голову, и сказал про себя: «Вот и третья твоя загадка отгадана! Не смейся, поганый, над нами, православными христианами!»

И поднялся на площади шум великий, но сказал мальчик: «Мир вам, православным христианам!» — и все смолкли. И снова сказал мальчик: «Изберите себе царя православной веры!» И вскричали все люди единогласно, так говоря: «Ты нас избавил от языческой веры и от злого мучителя — ты нам и будь царем!» И сказал мальчик: «Коли есть на то воля Божья, быть мне у вас царем! Царем же зовется слуга по Божией милости, и царство ему дается по Божьей воле, мы же возвеличим Господа и прославим Мать его за то, что избавил Господь отца моего, и меня, и раба нашего от латинского этого мучения и от безвременной такой смерти. И вас милостью своею посетил Бог, не отринул вас от православной веры, и подобает вам прославлять Троицу Святую: Отца, и Сына, и Святого Духа. Все это я совершил Божьим повелением, а не своим желанием: если Бог с нами — кто против нас!» И воскликнули все люди единогласно, будто одними устами говорили: «О, по Божьей

мудрости владыке многие лета, государю нашему, царю Борзосмыслу Дмитриевичу!»

Но вопросил царь народ свой: «Был ли у вас патриарх вселенский, и священники, и дьяконы, или монахи, то есть чернецы?» И те ответили ему: «Новый государь, царь Борзосмысл Дмитриевич! Патриарха нашего тот окаянный богоотступник, Несмеян Гордый, не знаем даже куда, сослал в заточение». И повелел царь Борзосмысл Дмитриевич разнести приказ его главный по всем областям Антиохийского царства: если кто отыщет патриарха, или священников, или дьяконов, или черноризцев, то есть монахов, — чтобы вели их в город Антиохию к новому царю Борзосмыслу Дмитриевичу. И многих попов и дьяконов сыскали — иные из них в миру утаились, а черноризцев нашли в пустынях, и в лесах, и в пещерах. И призвал он их в город Антиохию, и рассказали им о новом царе Борзосмысле Дмитриевиче, христианине по вере. А патриарха нигде не нашли. И печалился царь о патриархе. Тогда пришел один овечий пастух и поведал царю: «Видел я патриарха, в горах живущего, в пещере, питается быльем, а вместо воды росу слизывает!» В радости послал царь к патриарху князей, и бояр, и множество людей, и пастухов, повелел его умолить, чтобы шел в Антиохию и сел бы на свой престол, как и прежде, и учил людей христианской вере, — как подобает жить православным христианам и заповеди Божий блюсти, «и меня бы благословил на царство сесть!» И пришли, и сказали ему, и принял он просьбы их, и вернулся в город Антиохию. И пришел он к царю, и поклонился ему до земли. Царь же, поднявшись, ему поклонился, и ниже его, и благословение принял на царство сесть, и проводил его с честью, повелев сесть на патриарший престол, как и прежде, и просил учить людей вере христианской и жить, как и жили. Аминь.

СЛОВО О ЗЛЫХ ЖЕНАХ

Подготовка текста, перевод и комментарии А. Г. Боброва

ВСТУПЛЕНИЕ

Слова «о злых женах» (или «о добрых и злых женах») встречаются в древнерусской книжности уже с XI в.; они входят в состав Изборника 1073 г., Златоструя, Пролога, Измарагда, многочисленных сборников. Одним из основных источников древнерусских Слов является сочинение о женах, помещенное в «Вопросах и ответах» Анастасия Синаита, известное на Руси уже по Изборнику 1073 г. (*Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, ч. 4. 1890, с. 174). Русские книжники, опираясь на переводную литературу, создавали оригинальные версии слов «о злых женах», особенно начиная с XV в. К этому времени относятся списки второй редакции «Пчелы» (так называемой 68-главной), куда

Слово «о женах» вошло в качестве 27-й главы Слова «о женах» в сборнике Ефросина, списки сочинения Даниила Заточника. С этими памятниками непосредственно связано и недавно обнаруженное в составе сборника XV в. «Златая Матица» сочинение, озаглавленное «А сѣ о злых женах» (о составе и характере сборника см.: *Бобров А. Г., Черторицкая Т. В.* К проблеме Златой Матицы. — ТОДРЛ, т. 43. Л., 1990, с. 341—358), публикуемое в настоящем томе.

Среди текстов, которыми древнерусские книжники пополняли свои сочинения «о злых женах», обращают на себя внимание своеобразные «мирские притчи» — небольшие сюжетные повествования (о муже, плачущем о злой жене; о продающем детей от злой жены; о старухе, глядящейся в зеркало; о женившемся на богатой вдове; о муже, притворившемся больным; о посекшем первую жену и просящем за себя другую; о муже, которого звали на зрелище игр обезьян и др.). Из всех этих мирских притч, представленных в Слове «о злых женах» из сборника «Златая Матица», только одна — о старухе, глядящейся в зеркало — восходит к греческому источнику; остальные же, встречающиеся также в 68-главной «Пчеле», у Даниила Заточника и в сборнике Ефросина (не считая многочисленных списков Слов «о женах» XVI—XX вв.), известны нам только по древнерусским рукописям.

Автор Слова «о злых женах» в «Златой Матице» включил в свое сочинение и целый ряд «мирских притч», тематически выходящих за рамки, определенные заглавием. Для большинства этих дополнительных фрагментов аналогий в древнерусских произведениях не обнаружено (подробнее см.: *Бобров А. Г.* «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV века. — ТОДРЛ, т. 46. СПб., 1993).

Текст Слова «о злых женах» публикуется по списку «Златой Матицы» (РНБ, ф. 905 (НСРК), 1946 г., № 35/2 F, лл. 141—143 об.), датируемому по водяным знакам второй половиной 70-х — началом 80-х гг. XV в.

ОРИГИНАЛ

А СѢ О ЗЛЫХ ЖЕНАХ[1]

Что есть зла жена? Око дияволе, торгъ адовъ, сквѣрнамъ царь, воевода неправдамъ, стрела сотонина, и уязвляющи многымъ сердце.

Что есть жена? Сѣть утворена, прелщающи человекы въ сластех: свѣтлымъ убо лицем и высокыма очима намизающи, ланитома склабящися, языкомъ поющи, словесы чарующи, ризы повлачащи, ногама играющи, дѣлы убивающи. Темъ глаголеть: «Въ добротѣ женьстѣй мнози погыбоша, и от того любы яко огнь възгараеться».

Что есть жена зла? Кладязь смрадѣнь, стрѣла съ чемеремь, вѣтръ сѣвѣръ, день невѣдрѣнъ, пустота дому, бѣшена сука, неистова коза.

Нѣкто вънидѣ въ богатъ домъ къ вдовѣ и оженися ею, но бяше зла. И людие хваляху ему, он же рече: «Не нынѣ хвалитѣ ми, но егда избуду ея».

Нѣкому досажаше жена, кленущи смертию и всеми злобами по вся дни, мужеви же недоумѣющу, чего домыслитися о семь. И присуну к собѣ немощь злу и възлегъ ниць, завъпи. Она же нача плакатися по нем. Мужь же въсклонився рече ей: «Почто, оканная, плачеши мене, а по вся дни смертию клѣнущи?» И, въставъ, имъ ю за власы, нача бити ю дрѣвом и пусти едва живу. Она же оттолѣ нача не кляти мужа своего.

Нѣкому умре жена зла. Он же по малѣх днехъ нача запродавати дѣти ея. Людие же клѣняху его, он же рече: «Боюся, еда како и сии въ матерь будут, да некако възрастъсше, мене продадуть».

Сей рече, плачася по зле жене: «Не сего плачюся, зане умре ми жена, но сего плачюся, аще такова будеть и другая!»

Нѣкто посече жену, зане зла бѣ. Просящу же ему иныя за ся, и рекоша ему: «Како имамъ за тя дати, а ты пѣрвую посече!» Онъ же рече: «Аще такова будет другая, то и третию посещи имамъ».

Жены борзее себѣ не поимай, не аки господинъ ей будеши, но она аки госпожа ти будеть.

Видѣвъ стару жену, мажущеся румянцемь и приникающу въ зерчало, и рече: «Не въ зерчало зри, но въ корьсту!»[2]

Зла кобъ, зла жена: биема — бѣситься, кротима — выситься.

Зваху нѣкоего на позоръ играния облезиянъ, онъ же рече имъ: «Имамъ дома облезияну — жену злообразну!»

Много помочи бѣсу въ женьскых клюках.

Устрѣлъ бяхъ лва на пути и разбойника на распутьи, обоего сего убѣжах, а злы жены не могох убѣжати.

Суть мужи городы владѣющи, а женамъ работающе.

Видѣвъ писца иконнаго, продающа иконы и много цѣны хотяща, и рече: «Не много цѣны хощи, да не вторый Июда будеши, продавый Господа!»

Видѣвъ скомраха идуща и рече ему: «Владѣяй над бѣсы, гдѣ идѣши? Чи къ отцю своему Сотонѣ?»

Нѣкто подрученъ бѣ рѣзоимцю. Идущу ему мимо дворъ его, видѣ у тына его псы щетину грызуща, и рече: «Обрадовался бых, яко господина дому сего ядять!»

Видѣвъ русалкы[3] по граду идуща и рукавома прѣгыбающемъ, и рече: «Се суть муроносице адовы идуть къ отцю своему Сотонѣ!»

Видѣвъ человека толста тѣлом и рече: «Сему подобаеть близъ поля жити, да не вѣликъ трудъ будеть влѣкущим тѣло его къ гробу».[4]

Дума женьска не тверда есть, аки храмъ непокровенъ.

Иже не видѣвъ, ни слышавъ ничтоже, но самъ замысливъ, что любо не благо молвить, тотъ подобенъ есть псу, на вѣтръ лающу.

Слышалъ ли есть: что не благо, то не глаголи въ уши безумнымъ, но съгнои на сердци своемь.

Не мощьно дружбы имѣти волку съ агнѣцемъ, тако убогу съ богатым.

Дионисий царь слышавъ гудьца добрѣ гудуща и порце ему капъ злата. И прииде заутра, прося капи злата, и рече ему царь: «Ты мя обвесели погудѣниемъ, и азъ тебѣ — обѣщаниемь. И се отиде от мене твое веселие, а от тебѣ — мое обѣщание».

---

[1] *...А сѣ о злых женах.* — Слово «злой» в древнерусском языке имело основное значение «плохой, дурной». В новое время высказывалось мнение, что «мрачный тип злой жены списан автором, конечно, не с русской женщины тогдашнего, хотя и не образованного, но еще молодого и свежего русского общества, а с греческих поучений о женах, в которых изображалась испорченная византийская женщина» (*Модестов Е.* О послании Даниила Заточника. Журнал Министерства народного просвещения, ч. 212. 1880, № 11, с. 165).

[2] *Видѣвъ стару жену ... въ корьсту!* — Первоисточник этого текста — апофтегма о Диогене Синопском: «Увидев прихорашивающуюся старуху, Диоген сказал: “Если для живых, то напрасно, если же для мертвых, то не мешкай”» (Антология кинизма. М., 1984, с. 141).

[3]. *...русалкы...* — Здесь имеются в виду, очевидно, не мифологические существа, а участницы языческих празднеств — русалий.

[4] *Видѣвъ писца... его къ гробу.* — Весь этот большой фрагмент не имеет аналогий в известных нам древнерусских источниках. Во всех «мирских притчах», кажется, нет никаких признаков их переводного характера. Напротив, лексика этих текстов свидетельствует об их русском происхождении («поле» в значении «кладбище»; «рѣзоимец»; «русалкы»; «тын»; «щетина» и т. д.). Объединяет эти фрагменты текста «жанровый образ» автора, с поистине «кинической» безжалостностью смеющегося над «толстым человеком», сравнивающего (весьма рискованно!) «писца иконного» с Иудой, а адовых дочерей — «русалок» — с женами-мироносицами. Эти тексты, возникшие на стыке литературы и фольклора, в значительной степени лишены элементов «серьезности» и «назидательности»

ПЕРЕВОД

А ЭТО О ЗЛЫХ ЖЕНАХ

Что такое злая жена? Око дьявола, адское торжище, царица сквернам, воевода неправдам, стрела сатанинская, поражающая сердца многих.

Что такое (злая) жена? Сеть расставленная, прельщающая людей сладострастием: со светлым лицом и большими глазами подмигивающая, улыбками ослабляющаяся, устами поющая, словами чарующая, одеждами завлекающая, ногами играющая, делами убивающая. Потому и сказано: «От красоты женской многие погибли, и от нее любовь, словно огонь, возгорается».

Что такое злая жена? Колодец смрадный, стрела с отравой, ветер холодный, день непогожий, пустота в доме, бешеная сука, неистовая коза.

Некто вошел в богатый дом ко вдове и женился на ней, но была она злой. И люди хвалили его, он же говорил: «Не сейчас хвалите меня, но когда избавлюсь от нее».

Некоему человеку досаждала жена, каждый день, бранясь, призывала она на него смерть и всякое зло, муж же не знал, что ему придумать. И притворился, что тяжело заболел, лег навзничь и стал кричать. А она начала по нему причитать. Муж же, приподнявшись, сказал ей: «Почему, окаянная, оплакиваешь меня, а каждый день, бранясь, смерть на меня призываешь?» И, встав, схватил ее за волосы и начал бить ее палкой, и отпустил чуть живую. И она с тех пор перестала бранить мужа своего.

У некоего человека умерла злая жена. Он же через некоторое время начал продавать ее детей. И люди ругали его, а он сказал: «Боюсь, что если они уродились в свою мать, то, когда вырастут, меня продадут».

Он же сказал, оплакивая злую жену: «Не потому плачу, что умерла у меня жена, но потому плачу, что такая же будет и другая!»

Некий человек засек жену, ибо была она злой. Когда же он стал просить за себя другую, ему было сказано: «Как я могу отдать за тебя, ты же засек первую!» А он сказал: «Если такой же будет другая, то я и третью засеку!»

Жены ретивее себя не бери, а то не ты господином ей будешь, но она госпожой тебе будет.

Некто увидел старуху, которая мазалась румянами и приникала к зеркалу, и сказал: «Не в зеркало смотри, но в гроб!»

Злая судьба, злая жена: когда ее бьешь — бесится, а когда кроток с ней — заносится.

Звали некоего человека на зрелище обезьяньих игр, он же сказал им: «У меня дома обезьяна — жена злообразная!»

Большая помощь бесу в женском лукавстве.

Встречал я льва на пути и разбойника на распутье; от обоих убежал, а от злой жены не смог убежать.

Есть мужи — городами владеют, а женам служат.

Некто увидел иконописца, который продавал иконы и просил высокую цену, и сказал ему: «Не проси высокую цену, а то окажешься вторым Иудой, продавшим Господа!»

Некто увидел идущего скомороха и сказал ему: «Имеющий власть над бесами, куда идешь? Не к отцу ли своему Сатане?»

Некий человек работал на ростовщика. Шел он мимо его двора и видел у забора его псов, грызущих щетину, и сказал: «Я бы обрадовался, если б они хозяина этого дома съели!»

Некто увидел русалок, идущих по городу с подогнутыми рукавами, и сказал: «Вот адовы мироносицы идут к отцу своему Сатане!»

Некто увидел толстого человека и сказал: «Этому следует жить неподалеку от кладбища, чтобы не затруднять слишком тех, кто понесет его тело к могиле».

Мысли женские неустойчивы, как храм без крыши.

Если кто не видел и не слышал ничего, но, сам придумав, говорит что-либо недоброе, тот подобен псу, лающему на ветер.

Слышал ли это: «Что-либо недоброе не говори для ушей неразумных, но сгнои в своем сердце».

Нельзя дружить волку с ягненком, так и бедному с богатым.

Царь Дионисий слушал музыканта, хорошо игравшего на гуслях, и пообещал ему меру золота. И пришел тот наутро, прося меру золота, и сказал ему царь: «Ты меня развеселил игрой, а я тебя — обещанием. Теперь же покинуло меня твое увеселение, а тебя — мое обещание».

СЛОВО О ХМЕЛЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской

ВСТУПЛЕНИЕ

Слово о Хмеле в ряду аналогичных произведений, осуждающих пьянство, широко распространено в древнерусских рукописных сборниках. Оно предостерегает читателей от пагубного пристрастия к хмельному питию, рисует несчастия, грозящие пьянице — обнищание, лишение места в социальной иерархии, потерю здоровья, отлучение от церкви. В «Слове» соединено гротескное обращение к читателю самого Хмеля с традиционной проповедью против пьянства.

Один из ранних списков произведения относится к 70-м гг. XV в. и сделан рукой монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. В списке Ефросина есть оригинальный фрагмент («Лежа не мощно Бога умолити...»), сближающий его с стихотворным «Словом о ленивых и о сонливых и упиянчивых», известным только по списку второй половины XVII в. Но если Ф. И. Буслаев (Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. — *Буслаев Ф.* О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990, с. 183—185) и М. О. Скрипиль (Повести о Хмеле. — История русской литературы: т. 2, ч. 2, М.—Л., 1948, с. 291) считали, что «Слово о ленивых» возникло из этого Ефросиновского фрагмента, то исследовательница Т. А. Махновец высказала предположение, что произведение, близкое к «Слову о ленивых» существовало уже в XV в. и послужило источником для Ефросина (Слово о Хмеле в списках XV века. — Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 155—162; Слово о Хмеле. — Словарь книжников и книжности Древней Руси Л.—Я. Л., вып. 2, 1989 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2).

Слово о Хмеле, написано ритмической прозой, местами переходящей в рифмованную речь, что вместе с некоторыми стилистическими оборотами и сценами делает его близким к устно-поэтическим произведениям, известным в более поздних записях XVIII—XX вв.

Текст «Слова» публикуется по списку 70-х гг. XV в. монаха Ефросина, РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086. Л. 517—519 об.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО О ХМЕЛЕ
КИРИЛА, ФИЛОСОФА СЛОВѢНЬСКАГО

Тако глаголеть Хмель ко всякому человѣку, и ко священническому чину, и ко князем и боляромь, и ко слугам и купцемь, и богатымь и убогым, и к женамь такоже глаголеть: «Не осваивайте мене, добро вы будеть. Аз же ти есмь силенъ боле всѣх плодовъ земных, от керени силна, от племени есмь велика и многородна, мати же моя Богом сътворена. Имѣю у себе нозѣ тонцѣ, а утробу необьядчиву, руцѣ же мои держат всю землю, а главу имѣю высоковумну, а умомь есмь не равенъ ни х кому.

А хто дружить ся со мною, а имет мя осваивати, первое доспѣю его блудна, а к Богу не молебника, а в нощи не сонлива, а на молитву не встанлива. А изоспався ему стенание и печаль ему наложу на сердце, вставшу ему с похмелиа глава ему болить, а очемь его свѣта не видѣти, и ни на что ему на добро умь не идеть, а ясти не жадаеть, жадаеть и горить душа его, пакы пити хощеть. Да изопьеть с похмелиа чашу, и другую, и потомь многыя пиеть, тако . напиваяся по вся дни. И въздвижю в нем похоти телесныя, и потом ввергу его в болшую погибель — град его или село доспѣю пусто, а самого во злыхъ[1], а дѣти его в работѣ».

Тѣм же, братия, не уподобляйтеся симь, не долго спите, не много лежите, вставайте рано, а ложитеся поздо, молитеся Богу, да не внидете в напасть.[2] Лежати долго — не добыти добра, а горя не избыти.

Лежа не мощно Бога умолити,
чти и славы не получити,
а сладка куса не снѣсти,
медовыя чаши не пити,
а у князя в нелюбви быти,
а волости или града от него не видати.

Недостаткы у него дома сѣдять, а раны у него по плечемь лежать, туга и скорбь по бедрамь гладомь позваниваеть,[3] убожие у него в калитѣ гнѣздо свило, привязалася к нему злая лѣность, какъ милая жена, а сонъ — какъ отець, а охание — какъ любая чяда. А злыдни на *не*го смотрят, уловляють его, какъ свинию. Свиния бо аще где не внидет, да рылом тычеть. Тако и пианый человѣкъ, аще в кый дворъ не пустять, у тына стоить послушывая: «Пиют ли в дворѣ семь, братие?» — спрашиваеть у коегождо человѣка.

Пианьство князь и боляромь землю пусту створяет, а людей добрых и равныхъ, и мастеровъ в работѣ счиняеть. От пианьства охъ и убожие злое привязуется. Пианьство брата с братом сваживаеть, а мужа отлучает от своея жены. Пианство ногамь болесть сътворяет, а рукы ему дрожат, зракъ от очию погибаеть. Пияньство къ церкви молитися не пус*каеть* и во огнь вѣчны посылаеть. Пианьство красоту лица измѣняеть. О комь молва в людех? О пианици. Кому сини очи? Пианици. Кому охание велико? Пианици. Кому горе на горе? Пианици. Кому проспати заутреня? Пьянчиву человѣку.

Пьяница Богу молитися не хощеть, книгъ не чтеть и не слушаеть, свѣтъ ему от очию заступаеть. Аще ли кто піянъ умреть, той самъ себѣ врагъ и убийца, а приношение его — ненависть Богу.

Тако глаголет Хмель: «Аще познается со мною жена, какова бы ни была, а иметь упиватися, учиню ея безумницею, и будет ей всѣхъ людей горѣе. И въздвижю в ней похоти телесныя, и будет от людей в посмѣсѣ, а от Бога отлучена и от церкви Божия, то лучши ся бы ей не родити».

---

[1] ...*а самого во злыхъ...* – Ср. с пословицей: «Во зле жити – по миру ходити».

[2] *...молитеся Богу, да не внидете в напасть.* — Слова Иисуса Христа (Лк. 22, 46).

[3] *...туга и скорбь по бедрамь гладом позваниваеть...* — Образное выражение, связанное с тем, что при бедре носили кошельки со звонкой монетой. Ср. с пословицами: «Быть было беде, да случились деньги при бедре»; «Как деньги при бедре, так помогут при беде». У пьяницы в кошельке звенит голод.

ПЕРЕВОД

СЛОВО О ХМЕЛЕ
КИРИЛЛА, ФИЛОСОФА СЛОВЕНСКОГО

Так говорит Хмель всякому человеку, и священническому чину, и князьям, и боярам, и слугам, и купцам, и богатым, и бедным, и женам также говорит: «Не водитесь со мной, хорошо вам будет. И силен же я более всех плодов земных, от корня сильного, от племени великого и плодовитого, мать же моя Богом сотворена. У меня ноги тонки, а утроба не прожорлива, руки же мои держат всю землю, а глава моя высокомерна, а умом со мной не сравнится никто.

А кто подружится со мной и полюбит меня, сначала сделаю его блудником, а Богу не молящимся, а в ночи не спящим, а на молитву не встающим. А как проспится он, стон и печаль ему наложу на сердце, а как встанет он, с похмелья голова его болит, а очи его света не видят, и ничто доброе на ум ему не идет, а есть не желает, жаждет и горит душа его, снова пить хочет. Да изопьет с похмелья чашу, и другую, а там и

многие пьет, так напиваясь все дни. И разбужу в нем похоти телесные, а потом ввергну его в большую погибель — град его или село опустошу, а самого по миру пущу, дети его в рабстве будут».

Потому, братья, не уподобляйтесь им, долго не спите, много не лежите, вставайте рано, а ложитесь поздно, молитесь Богу, чтобы не впасть в искушение. Лежать долго — не добыть добра, а горя не избыть.

Лежа нельзя Бога умолить,
чести и славы не получить,
а сладкого куска не съесть,
медовой чаши не пить,
а у князя в любви не быть,
а волости или града от него не видать.

Нужда-скудость у него дома сидят, а болезни у него на плечах лежат, печаль и скорбь по бедрам голодом позванивают, нищета у него в кошельке гнездо свила, привязалась к нему злая лень, как милая жена, а сон — как отец, а оханье — как любимые дети. А козни на него смотрят, ловят его, как свинью. Свинья, если куда влезть не может, так рылом роет. Так и пьяница, если его в какой двор не пустят, у тына стоит, подслушивая. «Пьют ли во дворе этом, братья?» — спрашивает у каждого человека.

Пьянство князьям и боярам землю опустошает, а людей добрых и равных, и мастеров в рабство ввергает. От пьянства охи и убожество злое привязывается. Пьянство брата с братом ссорит, а мужа отлучает от своей жены. От пьянства ноги у него болят, а руки дрожат, зрение очей меркнет. Пьянство к церкви молиться не пускает и в огонь адский посылает. Пьянство красоту лица уничтожает. О ком молва в людях? О пьянице. У кого под глазами синяки? У пьяницы. Кому оханье великое? Пьянице. Кому горе горькое? Пьянице. Кто просыпает заутреню? Упившийся человек.

Пьяница Богу молиться не хочет, книг не читает и не слушает, свет от глаз его заслонен. Если же кто пьян умрет, тот сам себе враг и убийца, а жертва его ненавистна Богу.

Так говорит Хмель: «Если спознается со мною жена, какова бы ни была, а станет упиваться, учиню ее безумной, и будет ей всех людей горше. И

воздвигну в ней похоти телесные, и будет посмешищем меж людьми, а от Бога отлучена и от церкви Божьей, так что лучше бы ей и не родиться».